СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

№12
2025

DOI 10.34823/SGZ.2025.12.252081

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ: ТЕОРИЯ, ОСНОВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

Горшенина Я.Л., Чичерина Н.Н. Анализ содержательных характеристик феномена солидарности в социальных науках 7

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Бровчук О.В., Ткачев А.А., Вертинский К.Д. Взаимообусловленность социальных факторов в формировании девиантного поведения подростков и молодежи в современном российском обществе 11

Волохова В.В., Заглядкина Т.Я. Использование упражнений закрытого и открытого типа при работе над лексикой на занятиях по иностранному языку в вузе 14

Горшенина Я.Л. Развитие современного высшего образования: анализ отдельных факторов 17

Денисов Н.Г., Антипина И.Н. Инклюзивный процесс социокультурной адаптации детей в образовательных учреждениях (на примере Краснодарского края) 21

Закеров Д.А. Феномен социального восприятия исторического кинематографа: теоретические основания 25

Ли Имо. Метафорические наименования в русских толковых словарях 29

Мирошниченко В.В., Канзычакова Н.Г. Взаимосвязь этнической идентичности обучающихся хакасской национальности и потребности в изучении родного (хакасского) языка: по материалам исследования 32

Павлов О.И., Павлова О.Ю. Связь результатов ЕГЭ с академической успеваемостью студентов-первокурсников 35

Сачкова Е.В. Герменевтическая теория П. Рикёра: «Символ – пища для размышлений» 38

Димитриев А.Д., Семенова Н.В., Гоманова С.О., Захарова А.Н., Лоскутникова А.А. Экологические парадигмы как основа современного экологического образования и формирования экологической идентичности обучающихся 41

Титлова А.С., Моисеева А.В. Стилистически сниженная лексика как реакция реципиентов на медиатекст малого объема 44

Тихонова С.В. Проблематика и этика использования искусственного интеллекта в высшем образовании в РФ 47

Чащина А.А., Вечерин А.В., Чумакова М.А. Структурно-функциональный анализ компонентов ценности патриотизма в представлениях студентов 51

Яо Ли, Су Пин. Происхождение и культурная семантика традиционной одежды южной части провинции Фуцзянь 56

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Адамов И.А. Оценка региональных проектов, как инструмент повышения эффективности отраслевой политики в контексте программно-проектного подхода в отрасли молодежной политики 58

Аккиева С.И., Старченко Р.А. Миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике: тенденции современного периода 62

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д.14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, Московский педагогический государственный университет; **Балбеко Анатолий Михайлович** – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.01.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Багэцзоер Диэрбай. Формирование евразийского порядка через взаимодействие «Пояса и пути» и институтов БРИКС в контексте китайско-российских отношений 66

Богданов В.С. К изучению использования технологий искусственного интеллекта на разных уровнях социального управления 69

Григорьев Н.Ю. Реализация стратегии технологизации процессов управления безопасностью в Российской Федерации в условиях активации террористических угроз 73

Григорян Г.Г. Теоретические подходы к анализу этнической идентичности армянской молодежи в условиях поликультурных сообществ Юга России 78

Джибилова Е.Г., Кирьянова А.М., Макаренко К.М. Патриотизм как объект научного анализа: к построению комплексной исследовательской модели 81

Зубец А.Н., Трофимова К.А., Шатилов А.Б. Как измерить качество жизни? 85

Кеменев Д.А. Социально-профессиональный потенциал наставничества 92

Киселев Д.А., Астоянц М.С. Субъективная оценка материального положения и приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям (на примере жителей Ростовской области) 96

Колотев А.И. Социально-управленческий механизм профилактики и разрешения социальной напряженности в воинских коллективах 100

Микрюков В.О., Петриченко А.А., Келеш А. Анализ эффективных подходов и инструментов B2B-маркетинга в компании «Грейн Ингредиент» 103

Кладий А.С., Михайлова О.В., Барбаков О.М. Использование искусственного интеллекта при составлении и заполнении социологических опросов: плюсы и минусы 106

Нерсесян Р.С. Генезис универсальной метасубъективности: эмерджентный феномен на стыке парадигмы humanagi и психолиберализма 108

Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Андренко О.В., Нор О.В., Фатьянова О.П. Возможности и проблемы использования искусственного интеллекта в высшем медицинском образовании 113

Пантелеев В.Г., Шевченко О.М. Духовно-нравственные ценности России в аксиологическом профиле гражданской и территориальной идентичностей (на примере Ростовской области) ... 116

Толстяков Д.П. Этика и экономика: буддийский взгляд на природу человека и смысл богатства 120

Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Тяжельников Ю.А., Гусаренко В.В., Спирина А.А. Роль куратора в формировании корпоративной культуры академической группы студентов вуза 124

Ушаков Е.В. Возникающая парадигма открытого правительства: новые перспективы и проблемы 127

Хакки Аднан М.А., Пилия Э.Д. Двухфакторная теория мотивации труда работника по Ф. Херцбергу 130

Чикарова Г.И. Специфика целеполагания работающей молодежи в условиях неопределенности 133

Юмкина Е.А., Волков В.В. Взаимосвязь социального интеллекта и эмоционального интеллекта курсантов 137

Хакки Аднан М.А., Кожокар Д.Н. Цифровой контроль и алгоритмическое управление персоналом: социологический анализ новых форм наблюдения и контроля труда 144

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Аппакова-Шогина Н.З. Медиация спортивных конфликтов: особенности и проблемы 148

Абдрахманова Ф.Р. Анализ механизмов трансформации межличностных конфликтов в социальные: социально-философский ракурс 152

Архимандрит Афанасий (Голенко). Социально-философский и социолингвистический анализ интерпретаций православия и традиций в России XIX – начала XX века 154

Аторин Р.Ю., Колчин А.А., Толстиков В.А. Микроанализ религиозно-нравственного фактора в историческом развитии российского государства-цивилизации 158

Бегичева А.Г. Этикет как форма социального бытия 162

Березовская И.П., Билан О.А. Технологические инновации Шиллинга и Черепановых как критика натурфилософии в Российской науке (1800–1850) 164

Клюев А.А., Громов Б.Ю., Абрамычев М.М. Антрополигические основания успешности опыта пользователя профориентационных сервисов (детей из семей с мигрантской историей) 168

Манасеев Д.Д. Культурогенез и политический миф: от архаической синкретичности к философскому моделированию в античной традиции 171

Суховская Д.Н. Город как феномен социально-философской рефлексии: историко-теоретический анализ 174

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Глебов А.П. Эволюция контркультуры как социальной системы: социально-философский анализ этапов жизненного цикла движения через призму ТРИЗ 177

Кидямкин А.А. Традиции праведности воинов Византии, России и современность 182

Степанов М.А., Фасхутдинов Т.Р., Балуевский А.В. Относительная абсолютность 185

Хомич Н.В. Понимание условности в контексте некоторых воззрений западной философии 190

Чжан Сюаньюй. Концепт «Сновидение» в работе Арнольда Минделла «Сновидение в бодрствовании» и в даосской философии ... 194

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Аношкина Н.А. Религиозные идеи в русском космизме 197

Бабкин В.С. Смерть Бога как вызов иудаизму: философско-теологические искания Ричарда Рубинштейн 201

Смулов А.М. Ветхозаветные пророки, дары Духа Святого и библейские источники просвещения человека 204

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Зрянин Д.С. Институты БРИКС в сфере гражданской авиации: вызовы реализации и политические инструменты повышения эффективности 209

Акимова А.О. Цивилизационные идентичности «четверки»: Китай – США – Индия – Россия 213

Ибрагимов А.З. Электоральная активность российской молодежи: тенденции и перспективы 216

Конаков Р.В. Миграционные риски в интерпретации детерминизма эффективности государственных институтов на примере Республики Коми 220

Ли Чжожу, Чэн Эньфу, Ван Цзинсюань. Институционализация исторической памяти о И.В. Сталине и структурная трансформация партийного дискурса: кейс XIX съезда КПРФ 224

Лин Хуанье. Искусственный интеллект в политической науке: новые исследовательские программы, методологические вызовы и этические дилеммы 232

Потапов Д.В. Анализ особенностей политического транзита Молдовы 236

Сухарев М.А. Социогуманитарные технологии России на фоне развития гибридной войны в российско-армянских отношениях 240

Хомутова Н.С. Международная наука в тени холодной войны: Московская конференция 1965 года как инструмент советской исторической дипломатии 247

Эйсаев М.Б. Дестабилизирующий дискурс в региональных новых медиа как индикатор политической стабильности (на примере Республики Алтай) 249

Якушкина Р.И., Тараканова Т.С., Матвеевская А.С. Трансформация политических институтов и процессов в контексте концепции «умного государства»: сравнительный анализ подходов 253

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Мохаммад Анвар Бакташ,, Абдул Идрис Мохаммад Насим. Анализ кризиса в Афганистане после вторжения США: причины и последствия 258

Самсонов М.М. Роль экономических коридоров в Восточной Африке и их влияние на процессы экономической интеграции в регионе 264

Ю Юйсинь. Южный фланг Евразии (Черноморский регион): региональные конфликты и их влияние на архитектуру мира 268

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абилова Г.В. Эффективность образовательных практик: экспериментальное обоснование влияния образовательной модели на социально-политические ориентации молодежи в странах БРИКС 273

Варгина В.М. Ключевые факторы, определяющие современный подход Республики Корея к использованию инструментов «мягкой» силы во внешней политике 279

Крюкова Е.В. Модели облачной демократии в разных странах (специфика, проблемы. перспективы): компаративный анализ 284

Нурбия Юнус, Ван Цзюань. Исследование локализованной интерпретации «духа Китай-Центральная Азия» в Казахстане – на материалах информационного агентства «Казинформ» 287

Пател Акшай, Шемул Мд Ашекуззамн. Сотрудничество Индии и России в сфере обороны и технологий: новые тенденции и вызовы 292

Сердюков И.А. Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК 296

Юй Чжинин. NIO в условиях третьей и четвертой технологической революции 300

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Кечина М.А., Шукшина Л.В., Акашкин М.М. Организация профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии 304

Кравченко А.И. Город как метафора: неповторимое в уникальном 306

Микрюков В.О., Яценко А.А., Дорохова Е.В. Исследование возможностей по малобюджетному продвижению продукции компании в сегменте FMCG в условиях цифровых ограничений (на примере деятельности ТД «Сыр на весь мир») 314

Щеткина М.А. Концептуализация содержания категории корпоративной культуры: аспекты формирования механизма управления образовательным комплексом 317

Юй Цююань. Социальные механизмы алгоритмического управления трудом на цифровых платформах и их влияние на стратификацию и профессиональные траектории работников 322

Белоусова Т.П. Стратегии Китая, США и России в глобальной борьбе за интеллектуальный капитал 326

Блонский А.И. Стратегический потенциал БРИКС для формирования нового мирового порядка 330

Тханг Буннари. Доступность высшего образования для маргинализированных групп в Азии 332

Ван Фан. Синтез искусств в европейской архитектуре: закономерности проявления феномена 335

Гаспарян А.В. Проблематика демократического режима правления в странах постсоветского пространства (пример Армении и Грузии) 340

Гумарова А.Н. Измерение цифрового суверенитета государств Центральной Азии в рамках ШОС 346

Гутиева Э.Т. О компаративах в осетинском языке 349

Гюльмамедов Э.Н. Трансформация архитектуры безопасности АТР: переход от системы двусторонних альянсов к сетевой дипломатии 352

Жимми Тьерри Левер, Амелин В.Н. Государственный долг, частные токены: как закон GENIUS связывает стейблкоины с суверенитетом США 356

Кудряшова Ю.А. Британские баптистские общества и формирование новых христианских общин в Бенгалии 359

Намозова Н.А. Основные тенденции развития идей секуляризма и постсекуляризма в современном научном и теологическом дискурсе 363

Нестерчук О.А., Мохаммад А.Б., Ягодкин А.Р. Гидроресурсы как фактор политической нестабильности в Центральной Азии в условиях климатических изменений 367

Павлова О.Ю., Павлов О.И. Социальные детерминанты академической успеваемости студентов в условиях цифровой образовательной среды 370

Пискарёв П.М. Эволюция «героя» как концептуальная основа развития 373

Пьянов К.А. Цифровые коммуникативные стратегии укрепления общероссийской идентичности в молодежной среде 377

Репей А.О. Латентные социокультурные факторы демографического поведения населения Белгородской области 381

Сайяран Собхан. Стратегическая гибкость Эр-Рияда: анализ многостороннего подхода Саудовской Аравии в период геополитических преобразований и переосмысления стратегического баланса с мировыми державами 386

Сухова А.А., Скворцов Д.Е. Влияние дисциплины «основы российской государственности» на студенческую молодежь: политический и социальный эффект 390

Толстых А.И. Стратегии вовлечения гражданского общества Казахстана и Узбекистана в долгосрочные проекты публичной дипломатии США 395

Цвык Г.И. О научно-исследовательских центрах по изучению России в провинции Хэйлунцзян 399

Цзян Хайян. Особенности регионального взаимодействия в области культуры (на примере Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая) 402

Ю Юйсинь. Механизмы «мягкой силы» запада в Кавказском регионе и их влияние на региональную безопасность 405

Юй Хаоюэ, Цай Вэй. Исследование эволюции феминистского сознания в китайской и русской литературе XIX века с точки зрения регионоведения 409

Бабаева А.В., Маринина Ю.А., Макарова А.О. «Русский Мир» глазами граждан Республики Индии, изучающих русский язык 413

Саканин Р.А. План Маттеи: критические аспекты реализации 417

TABLE OF CONTENTS

SOCIOLOGY: THEORY, MAIN CONCEPTS, MODERN APPROACHES

Gorshenina Ya.L., Chicherina N.N. Analysis of the content characteristics of the phenomenon of solidarity in social sciences 7

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Brovchuk O.V., Tkachev A.A., Vertinsky K.D. The interdependence of social factors in the formation of deviant behavior among adolescents and young people in modern Russian society..... 11

Volokhova V.V., Zaglyadkina T.Ya. Using closed- and open-type exercises when working on vacabulary in foreign laguage classes at a university 14

Gorshenina Ya.L. The Development of Modern Higher Education: An Analysis of Individual Factors 17

Denisov N.G., Antipina I.N. Inclusive process of socio-cultural adaptation of children in educational institutions (on the example of the Krasnodar region) 21

Zakerov D.A. The Phenomenon of Social Perception of Historical Cinema: Theoretical Foundations..... 25

Li Yimo. Metaphorical Names in Russian Explanatory Dictionaries 29

Miroshnichenko V.V., Kanzychakova N.G. The relationship between the ethnic identity of Khakass pupils and the need to learn the native (Khakass) language: based on the research materials..... 32

Pavlov O., Pavlova O. The relationship of the use results with the academic performance of first-year students 35

Sachkova E.V. P. Ricoeur's Hermeneutic Theory of Symbol: "Symbol – food for thought"..... 38

Dimitriev A.D., Semenova N.V., Gomanova S.O., Zakharova A.N., Loskutnikova A.A. Ecological paradigms as the basis of modern environmental education and the formation of students' ecological identity..... 41

Titlova A.S., Moiseeva A.V. Stylistically reduced vocabulary as a reaction of recipients to a short media text..... 44

Tikhonova S.V. Problems and ethics of artificial intelligence in higher education in the Russian Federation 47

Chashchina A.A., Vecherin A.V., Chumakova M.A. A structural-functional analysis of the components of patriotism as a value in student perceptions 51

Yao Li, Su Ping. Origins and Cultural Semantics of Traditional Clothing in Southern Fujian Province..... 56

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Adamov I.A. Evaluation of regional projects as a tool for improving the effectiveness of sectoral policy in the context of the program-project approach in the field of youth policy..... 58

Akkieva S.I., Starchenko R.A. Migration processes in the Kabardino-Balkarian republic: trends of the modern period..... 62

Bagezuoer·Dierbai. Shaping the Eurasian Order through the Interaction of the Belt and Road Initiative and BRICS Institutions in the Context of Sino-Russian Relations..... 66

Bogdanov V.S. To study the use of artificial intelligence technologies at different levels of social governance..... 69

Grigoriev N.Yu. Implementation of a strategy for technology-based security management in the Russian Federation in the face of terrorist threats..... 73

Grigoryan G.G. Theoretical approaches to the analysis of the ethnic identity of Armenian youth in the context of multicultural communities in Southern Russia 78

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna, Doctor of Philosophy, Professor, Moscow Pedagogical State University; **Balbeko Anatoly Mikhailovich,** Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow)**; **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.01.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Djibilova E.G., Kiryanova A.M., Makarenko K.M. Patriotism as an object of scientific analysis: towards building a comprehensive research model 81

Zubets A.N., Trofimova K.A., Shatilov A.B. How to measure quality of life?... 85

Kemenev D.A. The social and professional potential of mentoring 92

Kiselev D.A., Astoyants M.S. Subjective assessment of the financial situation and adherence to traditional spiritual and moral values (using the example of residents of the Rostov region) 96

Kolotev A.I. Socio-managerial mechanism for the prevention and resolution of social tension in military groups 100

Mikryukov V.O., Petrichenko A.A., Kelesh A. Analyzing effective approaches and tools of B2B marketing at company «Grain Ingredient» 103

Kladiy A.S., Mikhailova O.V., Barbakov O.M. Using Artificial Intelligence in Compiling and Completing Sociological Surveys: Pros and Cons 106

Nersesyan R.S. The Genesis of universal metasubjectivity: an emergent phenomenon at the intersection of the humanagi paradigm and psycholiberalism 108

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Nor O.V., Fatyanova O.P. Opportunities and challenges of using artificial intelligence in higher medical education 113

Panteleev V.G., Shevchenko O.M. Spiritual and moral values of Russia in the axiological profile of civil and territorial identities (on the example of the Rostov region) 116

Tolstyakov D.P. Ethics and Economics: A Buddhist Perspective on Human Nature and the Meaning of Wealth 120

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Tyazhelnikov Yu.A., Gusarenko V.V., Spirina A.A. The role of the curator in the formation of the corporate culture of the academic group of university students 124

Ushakov E.V. The emerging paradigm of open government: new perspectives and challenges 127

A.M.A. Hakki, Pilia E.D. Two-Factor Theory of Employee Work Motivation by F. Herzberg 130

Chikarova G.I. The specifics of goal setting for working youth in conditions of uncertainty 133

Yumkina E.A., Volkov V.V. The relationship between social intelligence and emotional intelligence of cadets 137

Hakki Adnan M.A., Cojocar Danil N. Digital Control and Algorithmic Management of Employees: A Sociological Analysis of New Forms of Workplace Surveillance and Control 144

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Appakova-Shogina N.Z. Mediation of Sports Conflicts: Features and Challenges 148

Abdrakhmanova F.R. Analysis of the mechanisms of transformation of interpersonal conflicts into social conflicts: a social and philosophical perspective 152

Archimandrite Athanasius (Golenko). Socio-philosophical and sociolinguistic analysis of interpretations of orthodoxy and traditions in Russia of the 19th – early 20th century 154

Atorin R.Yu., Kolchin A.A., Tolstikov V.A. Microanalysis of the religious and moral factor in the historical development of the Russian state-civilization 158

Begicheva A.G. Etiquette as a form of social existence 162

Berezovskaya I.P., Bilan O.A. Technological innovations of Schilling and the Cherepanovs as a Critique of Natural Philosophy in Russian Science (1800–1850) 164

Klyuev A.A., Gromov B.Yu., Abramychev M.M. Anthropological Foundations of Successful Experiences of Users of Career Guidance Services (Children from Families with a Migration History) 168

Manaseev D.D. Cultural Genesis and Political Myth: From Archaic Syncretism to Philosophical Modeling in the Ancient Tradition 171

Sukhovskaya D.N. The city as a Phenomenon of Socio-Philosophical Reflection: Historical and Theoretical Analysis 174

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Glebov A.P. The Evolution of Counterculture as a Social System: A Socio-Philosophical Analysis of the Movement's Life Cycle Stages Through the Lens of TRIZ 177

Kidyamkin A.A. Traditions of righteousness, warriors of Byzantium and Russia and the present 182

Stepanov M.A., Faskhutdinov T.R., Baluevsky A.V. Relative absoluteness ... 185

Khomich N.V. Understanding Conventionality in the Context of Some Views of Western Philosophy 190

Zhang Xuanyu. The Concept of «Dreaming» in Arnold Mindell›s «Dreaming in Waking Life» and in Daoist Philosophy 194

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Anoshkina N.A. Religious ideas in Russian cosmism 197

Babkin V.S. The death of God as a challenge to Judaism: Richard Rubinstein's philosophical and theological research 201

Smulov A.M. Old Testament prophets, the gifts of the Holy Spirit, and biblical sources of human enlightenment 204

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Zryanin D.S. BRICS Institutions in Civil Aviation: Implementation Challenges and Political Tools for Enhancing Effectiveness 209

Akimova A.O. The civilizational identities of the «Four»: China – USA – India – Russia 213

Ibragimov A.Z. Electoral activity of Russian youth: trends and prospects 216

Konakov R.V. Migration risks in the interpretation of the determinism of the effectiveness of state institutions: the case of the Komi Republic 220

Li Zhuoru, Cheng Enfu, Wang Jingxuan. Institutionalizing the historical memory of I.V. Stalin and the structural transformation of party discourse: a case study of the CPRF's 19th congress 224

Lin Huangye. Artificial intelligence in political science: new research agenda, methodological challenges, and ethical dilemmas 232

Potapov D.V. Analysis of the Characteristics of Moldova›s Political Transition 236

Sukharev M.A., Russia's Socio-Humanitarian Technologies Against the Background of the Developing Hybrid War in Russian-Armenian Relations 240

Khomutova N.S. International Science in the Shadow of the Cold War: The Moscow Conference of 1965 as an Instrument of Soviet Historical Diplomacy 247

Eisaev M.B. Destabilizing discourse in regional new media as an indicator of political stability (using the example of the Altai Republic) 249

Yakushkina R.Y., Tarakanova T.S., Matveevskaya A.S. Transformation of political institutions and processes in the context of the "smart state" concept: a comparative analysis of approaches 253

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Mohammad Anvar Baktash, Abdul Idris Mohammad Nasim. Analysis of the Crisis in Afghanistan after the US Invasion: Causes and Consequences 258

Samsonov M.M. The Role of Economic Corridors in East Africa and Their Impact on Regional Economic Integration Processes 264

You Yuxin. The Southern Flank of Eurasia (The Black Sea Region): Regional Conflicts and Their Impact on Global Architecture 268

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Abilova G.V. The effectiveness of educational practices: experimental evidence of the influence of educational models on the socio-political orientations of young people in BRICS countries 273

Vargina V.M. Key factors that form current approach of the Republic of Korea to the instruments of its "soft" power in foreign policy 279

Kryukova E.V. Models of cloud democracy in different countries (specifics, problems. Perspectives): comparative analysis 284

Nuerbiya Yunusi, Wang Juan. A Study on the Localized Interpretation of the «China-Central Asia Spirit» in Kazakhstan: A Case Study of Reports from the Kazakhstan National News Agency 287

Patel Akshay, Shemul Md Ashikuzzam. Cooperation between India and Russia in the field of defence and technology: new trends and challenges 292

Serdyukov I.A. The evolution of the EAEU's international relations through the lens of EEC strategic documents 296

Yu Zhining. NIO in the context of the third and fourth technological revolutions 300

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Kechina M.A., Shukshina L.V., Akashkin M.M. Methodology for organizing preventive work with young people through bibliotherapy 304

Kravchenko A.I. The City as Metaphor: The Unique in the Unique 306

Mikryukov V.O., Yatsenko A.A., Dorokhova E.V. Exploring low-budget promotion opportunities for an FMCG company under digital constraints: the case of «Syir na ves' mir» 314

Shchetkina M.A. Conceptualization of the content of the category of corporate culture: aspects of the formation of a mechanism for managing an educational complex 317

Yu Qiuyuan. Social mechanisms of algorithmic labor management on digital platforms and their impact on worker stratification and professional trajectories 322

Belousova T. Strategies of China, the Usa, and Russia in the global struggle for intellectual capital 326

Blonskiy A.I. The Strategic Potential of BRICS in Shaping a New World Order 330

Thang Bunnary. The accessibility to higher education of marginalized groups in Asia 332

Van Fan. Synthesis of the Arts in European Architecture: Patterns of Phenomenon 335

Gasparyan A.V., Amelin V.N. Issues of the democratic regime of governance in post-Soviet countries (the case of Armenia and Georgia) 340

Gumarova A.N. Measuring digital sovereignty of Central Asian states within the SCO framework 346

Gutieva E.T. On comparatives in the Ossetian language 349

Gulmamedov E.N. Transformation of the Asia-Pacific Security Architecture: Transition from a System of Bilateral Alliances to Network Diplomacy 352

Jimmy Thierry Lever, Amelin V.N. Public Debt, Private Tokens: How the GENIUS Act Links Stablecoins to US Sovereignty 356

Kudryashova Yu.A. British baptist societies and the formation of new Christian communities in Bengal 359

Namozova N.A. The main trends in the development of ideas of secularism and post-secularism in modern scientific and theological discourse 363

Nesterchuk O.A., Mohammad Anwar Bakhtash, Yagodkin A.R. Water resources as a factor of political instability in Central Asia in the context of climate change 367

Pavlova O., Pavlov O. Social determinants of students' academic performance in the digital educational environment 370

Piskarev P.M. The evolution of the "hero" as a conceptual basis for development 373

Pyanov K.A. Digital communication strategies for strengthening all-Russian identity among youth 377

Repei A.O. Latent sociocultural factors of demographic behavior in the Belgorod region 381

Sobhan Sayyaran. Riyadh's Strategic Flexibility: An Analysis of Saudi Arabia's Multilateral Approach in an Era of Geopolitical Transformation and Reassessment of Strategic Balance with Global Powers 386

Sukhova A.A., Skvortsov D.E. The influence of the discipline «Basics of Russian statehood» on students: political and social effect 390

Tolstykh A.I. Strategies for engaging civil society in Kazakhstan and Uzbekistan in long-term us public diplomacy projects 395

Tsvyk G.I. On the research centers for Russian studies in the Heilongjiang province 399

Jiang Haiyang. Features of regional cooperation in the field of culture (using the example of the far east and northeast China) 402

Yu Yuxin. The mechanisms of the west's "soft power" in the caucasus and their impact on regional security 405

Yu haoyue, Cai Wei. A Study on the Evolution of Female Consciousness in 19th-Century Chinese and Russian Literature from the Perspective of Area Studies 409

Babaeva A.V., Marinina Y.A., Makarova A.O. "Russian World" through the eyes of citizens of the Republic of India, who study Russian 413

Sakanin R.A. Mattei plan: critical aspects of implementation 417

Анализ содержательных характеристик феномена солидарности в социальных науках

Горшенина Яна Львовна,
к. пед. наук, доцент, кафедра немецкого языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Омский Государственный Педагогический университет»
E-mail: evangelina7@mail.ru

Чичерина Надежда Николаевна,
к. пед. наук, доцент, кафедра немецкого языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Омский Государственный Педагогический университет»
E-mail: chicherina-nadezda@yandex.ru

В статье предпринята попытка анализа осмысления феномена солидарности в контексте социальных наук, и выявлены основные характеристики, подтверждающие его непосредственную связь с осуществлением практических действий в поддержку социально значимой идеи. Анализ имеющихся коннотаций феномена позволил сделать вывод об отсутствии однозначно положительной оценки результатов деятельности солидарных групп, что подтверждает актуальность изучения данного феномена на современном этапе развития общества. Рассмотрены типы проявления солидарности, отражающие способ возникновения солидарных отношений при формировании устойчивой социальной общности и условия, способствующие сохранению и укреплению такого типа взаимодействия, к которым относятся и определенные личностные качества, позволяющие отказаться от определенных социальных стереотипов. Выявленные особенности функционирования солидарных групп позволят конкретизировать механизм возникновения устойчивой солидарной группы и изучить возможность применения этого знания в преподавании дисциплин педагогического цикла.

Ключевые слова: феномен солидарности, солидарные отношения, социальное взаимодействие, социальная общность, органический и механистический тип солидарности, общность ценностных ориентаций.

Изучение такого сложного и многогранного феномена как солидарность, в настоящее время представляется актуальным по нескольким основаниям. Прежде всего, солидарность представляет собой одну из важных характеристик социального сообщества как такового, один из основных критериев его сформированности и устойчивости, так как именно степень сплоченности при наличии общих ценностных ориентиров и установок определяет успешность в достижении общих, социально значимых целей и, в конечном итоге, жизнеспособность, как отдельных социальных групп, так и более многочисленных общественных объединений. Далее, так как проявление феномена солидарности непосредственно относится к деятельности институциональных и неформальных общественных объединений, изучение условий укрепления солидарных связей внутри сообщества, а также факторов, способствующих их ослаблению, поможет выявить закономерности и таким образом, выработать механизм возникновения солидарной общности. И наконец, изучение феномена солидарности в контексте изменений, происходящих в настоящее время в социальном обществе, имеет непосредственное отношение к преподаванию педагогики, как антропологической дисциплины, объектом которой является деятельность, направленная на развитие личности. Современные условия требуют консолидации социального общества, а без знания законов и механизмов солидаризации, это становится достаточно сложно достижимой целью.

Согласно определениям, содержащимся в толковых словарях, феномен солидарности в общем понимании означает состояние согласия или отсутствия противоречий по какому-либо вопросу, внутри ограниченной группы лиц, объединенных по принципу одинакового отношения к происходящему. Исходя из этого, можно также предположить, что солидарность как характеристика внутригруппового взаимодействия проявляется, когда речь идет о каких-либо актуальных событиях, происходящих в данный момент времени и имеющих определенное значение для современников. В толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова и С.Ю. Шведовой солидарность рассматривается как деятельное, а в историческом словаре галлицизмов русского языка и в словаре Ушакова как активное сочувствие чьим-либо действиям или мнениям. Таким образом, предполагается, что выражение солидарности происходит, как правило, открыто и предполагает определенные действия в поддержку идеи или участников этого события. То есть, именно деятельность является отличительным признаком проявляющих солидарность отдельных личностей или групп людей от другой части общества. В некоторых словарях присутствует понимание солидарности в более широком смысле слова, как одинакового образа действий членов группы, наличия у них общих убеждений, интересов, и симпатий (Д. Рауфельдер, В.М. Буковски).

Так как феномен солидарности является, прежде всего, предметом изучения социальных наук, рассмотрим характеристики понятия в этой связи. Здесь стоит отметить, что в большей степени понятие изучено в контексте философии и социологии; что отрасли психологического знания, в основном, понятие используется в социальной психологии. В ходе анализа имеющихся определений выяснилось следующее: несмотря на то, что феномен солидарности является, в-основном, предметом изучения социальных наук и широко используется, например, в философии, психологии, педагогике, социологии и политологии, сам термин, с точки зрения исследователей, не обладает достаточным теоретическим обоснованием, так как его часто используют в качестве вспомогательного при обосновании идентичности, или даже ассоциируют оба феномена (П.Рейнолдс). И, кроме того, по мнению исследователей, существующие в разных отраслях науки концепции солидарности содержат определенные противоречия, так как, с одной стороны, в разных сферах общественных отношений солидарность может восприниматься участниками социального взаимодействия как данность (Г. Блумер, А. Шютц), то есть, представлять собой социально предопределенный феномен, наличие которого предопределено наличием абстрактных и конкретных категорий, разделяемых большинством членов социального сообщества. С другой стороны, существует

понимание того, что солидарность может быть создана или сконструирована как система отношений между членами сообщества и тогда актуальным становится вопрос об условиях, способствующих появлению солидарных отношений между представителями социальных групп или структур.

С позиций философии, солидарность представляет собой, прежде всего, чувство взаимопринадлежности или, согласно Р. Рорти, общности с другими, причем оно должно быть подкреплено какими-либо действиями, то есть, проявляться в социальной практике. Далее, считается, что солидарность означает способность выходить за рамки своего мировосприятия, обусловленного принадлежностью к определенной культуре или социальному слою и воспринимать систему представлений, сформировавшихся в рамках других культурных и социальных традиций.

В концепции Ю. Хабермаса солидарность рассматривается как необходимое условие осуществления коммуникации или инструмент создания общности, тем самым также подчеркивая социальный контекст проявления этого качества; и, кроме того, солидарность в качестве инструмента преодоления имеющихся различий, может быть использована как инструмент создания общности [6].

Интересно отметить, что, с точки зрения философии, не все способны к тому, чтобы испытывать чувство солидарности, так как считается, что для этого необходимы определенные личностные качества. К таким в первую очередь относят восприятие разного рода социальных различий, как несущественных, так как гораздо важнее сосредоточиться на том, что заботит представителей разных расовых групп или религиозных направлений. Чувство общности у разных представителей общества возникает на этапе осознания ими какой-либо достаточно серьезной проблемы и, далее, в процессе поиска ее решения, поэтому, считают философы, солидарность следует рассматривать как социальный феномен.

Таким образом, можно констатировать, что объединяющим началом для отдельных индивидов, идентифицирующих себя с определенной общностью, является идея или требующая решения социальная проблема. Осознание необходимости содействия и приводит к созданию солидарной общности, причем степень сплоченности их участников высока настолько, что все они чувствуют ответственность за других членов этой общности, что, с точки зрения философии, является одним из ключевых критериев проявления солидарности. Общность, в этом случае, представляет собой «реальный объект социальной жизни» [5], и оказывает непосредственное влияние на жизненные установки каждого, кто идентифицирует себя с этой общностью.

Следующим личностным качеством, необходимым для проявления солидарности, считают способность понять и принять субъективную позицию другого человека, его образ мыслей и действий, и, таким образом, временно встать на точку зрения другого. Сложность такого процесса состоит, на наш взгляд, в том, что это требует преодоления разного рода стереотипов, сложившихся у представителей разных культур под влиянием воспитания и обусловленных условиями определенного социального окружения. И здесь речь идет, скорее, о том, чтобы понять, почему чьи-либо действия или идеи важны настолько, что нуждаются в общественной поддержке.

Самым первым и наиболее явным проявление солидарных отношений считают этническую солидарность, которая, складываясь естественным образом, объединяет представителей определенной этнической группы в процессе ее взаимодействия с другими группами, то есть, выступает в качестве инструмента образования социальной, в данном случае, этнической общности. Факторы формирования ее таковы, что они позволяют провести четкую границу между представителями своего, пусть немногочисленного этноса, и всеми остальными. К таким факторам относят общий язык, общую картину мира, общую историю и социальную память, что является фундаментом любой социальной общности. Примечательно, что к условиям возникновения этнического солидарного сообщества причисляют и факт существования конкурирующих групп в непосредственном окружении, то есть, солидарность нуждается в постоянном, открытом, активном, практическом проявлении, так как, с точки зрения философии, на этой основе происходит формирование этических ценностей, объединяющих данный этнос, и подтверждающих его отличие от других. Считается, что групповая солидарность такого рода обладает наибольшей устойчивостью, так как она была сформирована в результате процесса естественного исторического развития, особенно, если возникали условия для ее проявления [6].

Таким образом, в соответствии с рассмотренными свойствами понятия, солидарность, характеризующая качество межличностностного взаимодействия, может рассматриваться, как инструмент создания устойчивых социальных групп, объединяющих их участников на основании решения актуальных задач, связанных, например, с изучением общих проблем науки и практики.

В соответствии с предметом нашего исследования в качестве такой группы мы рассматриваем преподавателей вузов, являющихся участниками программ академической мобильности и занимающихся общей научной проблематикой. Поэтому нам представляется важным понять, каковы условия создания солидарной группы, то есть, что способствует процессу трансформации группы преподавателей-участников академической мобильности в солидарное сообщество, на каком этапе внутригруппового взаимодействия возникает чувство общности и ответственности за действия каждого члена группы, и что способствует сохранению и поддержанию солидарных отношений внутри такого сообщества, так как, и состав преподавателей-участников групп академической мобильности, и длительность их непосредственной совместной работы варьируется по объективным причинам.

Далее, нужно определить факторы возникновения солидарных отношений между людьми, представляющими разные общественные течения, но разделяющие и поддерживающие одну идею, которая объединяет их в профессиональном плане. На наш взгляд, одним из таких факторов может быть преемственность в работе солидарных групп, которая будет включать сохранение сложившихся практик определения целей, задач, а также форм и методов исследовательской деятельности.

Далее, принимая во внимание предмет нашего исследования, мы можем попытаться адаптировать вышеназванные факторы для определения условий, при которых возможен управляемый процесс создания солидарной группы, направляемый и контролируемый извне. С нашей точки зрения, к таким условиям могут относиться следующие: в первую очередь, наличие общего языка общения, так как это сделает возможным непосредственную коммуникацию участников группы. Условие наличия одинакового мировосприятия, являющееся для участников этнической солидарной группы обязательным, в нашем случае может быть заменено одинаковым восприятием целостной системы ценностей, связанных с осуществлением профессиональной педагогической деятельности. Одинаковое видение мира, на наш взгляд, не может в данном случае восприниматься как главный критерий принадлежности к группе, так как система профессионально-ценностных ориентаций находится на другом уровне осознания, и воспринимаются как присущая социальному назначению своей профессии.

Осмыслением феномена солидарности в социологии занимался, в первую очередь, Э.Дюркгейм, разработавший принципы возникновения солидарных отношений между различными членами социального сообщества и выявивший различные формы проявления социальной солидарности. В его концепции солидарность представляет собой определенное мировоззрение, реализующееся в практическом взаимодействии индивидов, направленном на решение определенных, общественно значимых задач [2]. Интересно, что в концепции Э. Дюркхейма присутствует как позитивная, так и негативная коннотация понятия, то есть, в результате действий солидарного сообщества могут быть инициированы негативные общественные процессы, следствием которых может стать разрушение каких-либо общественных структур. В то же время, в трудах других исследователей понятие солидарности употребляется, преимущественно, в качестве позитивной характеристики социальных отношений. Так, П. Штомка рассматривает солидарность как явление, имеющее непосредственное отношение к морали и предполагающее достойные, доверительные отношения между людьми. В его модели общества солидарность стоит в одном ряду с понятиями взаимного доверия и лояльности, а солидарность предполагает готовность защиты интересов других людей [1]. Далее, присутствует понимание солидарности как интегративной функции социального общества, способствующей укреплению связей между его отдельными представителями (С.Франк, И.А. Халий и другие), то есть функции, направленной на поддержку и сохранение существующих общественных отношений. Рассматривая способы консолидации общественных групп, Э. Дюркхейм вводит понятия органической и механистической солидарности. Согласно его трактовке, механистическая солидарность основана на сходстве социальных признаков, а органическая солидарность возникает в результате взаимного дополнения различных качеств индивидов, относящихся к одному социальному сообществу. В настоящее время, по мнению Э. Дюркхейма, усложнение общественных структур приводит к тому, что акцент смещается в сторону органического типа солидарности [2]. Представляет интерес концепция К.Мангейма, согласно которой существует прямая зависимость степени проявления солидарности сообщества и обстоятельств, в которых оно существует, то есть, солидарность имеет тенденцию к повышению в неблагоприятных условиях, требующих объединения усилий отдельных

индивидов для того, чтобы противостоять неблагоприятным социальным явлениям. Поэтому, согласно предположению К.Мангейма, учитывая периодичность благоденствия и нестабильности жизни общества, можно выявить определенную динамику проявления солидарных отношений [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что солидарность с точки зрения социальных наук представляет собой сложный, многофакторный феномен, который можно рассматривать с разных позиций, а именно: как объективная характеристика любого сообщества, подразумевающая наличие неких общих установок, что позволяет отличать представителей данного сообщества от тех, кто не входит в их число; как свойство деятельности учреждений, регулирующих деятельность всего социального общества и качество отношений внутри отдельных, более малочисленных социальных групп, включающих, например, представителей профессиональных коллективов; далее, солидарность может быть рассмотрена как цель и объективный результат осознанных действий членов социальной группы, то есть, можно говорить о наличии механизма формирования этого качества и уровнях его развития. И, кроме того, солидарность считают объективным условием, необходимым для успешного функционирования различных социальных сообществ, то есть, как инструмент создания успешно функционирующей социальной группы. И далее, принимая во внимание способы создания солидарного сообщества, следует учитывать баланс между механистической и органической солидарностью, так как сочетание схожих черт и функциональной взаимодополняемости, очевидно порождает более успешный тип внутригруппового взаимодействия, причем создание солидарных групп может проходить быстрее в относительно неблагоприятных условиях существования общества в целом.

Интересно, что в случае применения к характеристике социальных объединений, солидарность, понимаемая как сплоченность и взаимная ответственность в достижении общих целей, не имеет положительной или отрицательной коннотации, а рассматривается только с позиции прочности связей внутри сообщества. Считается, что для членов сообщества имеет значение только то, насколько они разделяют цели и принципы деятельности, объединяющие их, и готовность нести общую ответственность. Другие характеристики членов группы, не связанные напрямую с достижением общей цели, не могут иметь решающего значения. За пределами сообщества его участники могут разделять совершенно противоположные взгляды в том, что касается политических или религиозных убеждений, идентифицировать себя как представителей разных социальных слоев общества; эти, казалось бы, значительные различия, не мешают им заниматься одним общим делом. Таким образом, в социологии считается, что формирование групповой солидарности может проходить достаточно успешно даже при наличии существенных различий между участниками группы, если их объединяют общие профессиональные, и, в нашем случае, педагогические ценности.

Что касается психологических наук, то, прежде всего, стоит отметить, что понятие солидарности является, большей частью, предметом изучения социальной психологии и его обычно связывают с таким явлением, как социальная сплоченность, понимаемого как степень внутригрупповой интеграции в процессе достижения общих для каждого члена группы целей. Смысл, который вкладывают в понятие солидарности, варьируется в зависимости от контекста исследования: солидарность рассматривают как качественную характеристику любого сообщества и отношений внутри него, как фактор деятельности любой общественной группы или объединения, что дает основание проводить различие между теми, кто относится к данной группе и всеми остальными. Кроме того, солидарность принято считать принципом взаимодействия отдельных индивидов, который выражается в особой форме сплоченности внутри какой-либо общественной группы и социальной ответственности за действия каждого члена группы. Далее, солидарность считают необходимым условием деятельности любых социальных институтов, подчеркивая, тем самым, что солидарность членов сообщества является важным фактором их совместной деятельности. Степень прочности социальных отношений, как в семейном кругу, так и на уровне национального государства или межгосударственных объединений измеряется уровнем солидарности, обусловленным этими отношениями. Кроме того, считается, что солидарность может представлять собой закономерный результат совместной деятельности членов социальной группы, и, таким образом, можно говорить о механизме преобразования социальной группы в солидарную общность и об обстоятельствах, способствующих этому [4].

Таким образом, мы можем выявить общие позиции в характеристике феномена, присутствующие в общественных науках, а именно: солидарность в психологии считается следствием совместной деятельности членов социальной группы, а в социологии присутствует термин органической солидарности, которая также складывается в процессе коллективного поиска решения имеющейся проблемы. Далее, в психологии солидарность считается формой социальной кооперации, что уже подразумевает преодоление разного рода различий между членами социальной группы, что также отмечается в философии и в социологии. Кроме того, во всех социальных науках присутствует такая характеристика этого феномена, как способность принимать на себя ответственность, что подчеркивает стабильный характер внутригруппового взаимодействия. Также стоит отметить, что, во всех социальных науках формой проявления солидарности считается совместная практическая деятельность, то есть, проявление солидарности означает и констатацию отличия проявляющих солидарность групп людей от другой части общества. В этой связи в социологии, наряду с позитивной коннотацией солидарности присутствует и негативная, как деятельность, результатом которой может быть ослабление имеющихся общественных структур.

Что касается феномена солидарности в педагогике, то стоит отметить его недостаточное теоретическое обоснование именно с позиций педагогического знания. Так, например, Й. Каде отмечает, что, несмотря на то, что феномен солидарности признается одним из ключевых понятий наук о воспитании, его теоретическое осмысление еще далеко от завершения, причем отчасти это обусловлено сложностью рассмотрения всех его аспектов во взаимосвязи [7]. В основном, понимание солидарности согласуется с тем, которое присутствует в других социальных науках, то есть, как характеристики деятельности сообщества, основанного на добровольном сотрудничестве индивидов для воплощения какой-либо общественной идеи или решения практических задач, требующих объединения общих усилий. Здесь стоит отметить исследования, посвященные механизму создания эффективных групп обучаемых в контексте общего среднего и профессионального образования, что может способствовать повышению качества процесса обучения.

Отличительным признаком восприятия феномена в педагогическом контексте является то, что, идея или замысел, практическому осуществлению которого подчинены действия членов солидарного сообщества, должны иметь общественно-полезное значение, то есть феномен солидарности воспринимается только в положительном значении, например, как способ социальной организации молодежи. Так, например, рассматривается процесс солидаризации молодежи и, в частности, студенчества, реализуемый в ходе вовлечения молодых людей в деятельность многочисленных студенческих организаций, объединяющих студентов разных возрастов и обучающихся, на разных направлениях специализации [6]. Особое внимание уделяется тому, что в процессе общественно-полезной деятельности таких объединений реализуется задача приобщения к системе ценностей и норм, имеющих решающее значение для обеспечения стабильности общественно-политической системы России. То есть, понятие солидарности используется в качестве сущностной характеристики конструктивных форм гражданской активности, созданных для решения актуальных, социально значимых проблем; к которым относится, в том числе, и достаточно распространенное сегодня молодежное добровольческое движение, участниками которого являются преимущественно студенты специальных и высших учебных заведений.

Таким образом, подводя итог, стоит отметить, что изучение феномена солидарности представляется актуальным не только с позиций научного интереса исследования любого сложного и многоаспектного понятия. Его теоретическое осмысление как системы взаимосвязанных ценностей и норм позволит выявить закономерности и механизмы процесса солидаризации, что особенно актуально в преподавании педагогических дисциплин, имеющих непосредственное отношение к воспитанию личности, к формированию ценностных установок, определяющих ее мировоззрение и отношение к окружающей действительности.

Литература

1. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек. О двух формах социальной интеграции / А.Б. Гофман // Социологический ежегодник – 2014: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ефременко Д.В. – М., 2014. – С. 16–101.

2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгей м. – М.: Канон, 1996. – 432 с.

3. Мангейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 704 с.

4. Нестик Т.А., Селезнева А.В. Проблема психологического состояния общества и политических процессов в современной России / Т.А. Нестик, А.В. Селезнева, Е.Б. Шестопал, А.В. Юревич // Вопросы психологии. – 2021. – Т. 67. – № 5. – С. 3–14.

5. Сорокин П.С., Попова Т.А. Классические и современные подходы к исследованию солидарности: проблемы и перспективы в условиях деструктурации /Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 3. – С. 457–468

6. Хабермас, Ю. Демократия. Разум. Нравственность / Ю. Хабермас. – М.: Прогресс, 1992. – 234 с.

7. Beverley, John (2004): Subalternity and Representation. Arguments in Cultural Theory, Durham/London: Duke University Press

ANALYSIS OF THE CONTENT CHARACTERISTICS OF THE PHENOMENON OF SOLIDARITY IN SOCIAL SCIENCES

Gorshenina Ya.L., Chicherina N.N.
Omsk State Pedagogical University

The article should be considered as an attempt to comprehend the phenomenon of solidarity in the context of social sciences, besides there are some main characteristics revealed, which could be rated as confirming the direct connection with practical actions in support of a socially significant idea. The analysis of the existing connotations of the phenomenon led to the following conclusion about the lack of a clear positive assessment of the results of the activities of solidarity groups, which confirms the relevance of studying this phenomenon at the current stage of society's development. The types of solidarity manifestations considered in the article reflect the way in which solidarity relations emerge in the formation of a stable social community, and the author identifies some conditions that promote the preservation and strengthening of this type of interaction, and certain personal qualities that allow persons to break free from certain social stereotype. The identified features of the functioning of solidarity groups will allow to specify the mechanism of the emergence of a stable solidarity group and to explore the possibility of applying this knowledge in teaching pedagogical disciplines.

Keywords: the phenomenon of solidarity, solidarity relations, social interaction, social community, organic and mechanistic types of solidarity, commonality of value orientations.

References

1. Goffman A.B. Solidarity or Rules, Durkheim or Hayek. On Two Forms of Social Integration / A.B. Goffman // Sociological Yearbook – 2014: Collection of scientific papers / Ed. Efremenko D.V. – Moscow, 2014. – Pp. 16–101.

2. Durkheim E. On the Division of Social Labor / E. Durkheim m. – Moscow: Canon, 1996. – 432 p.

3. Mannheim K. Diagnosis of Our Time. Moscow: Yurist, 1994. 704 p.

4. Nestik T.A., Selezneva A.V. The Problem of the Psychological State of Society and Political Processes in Modern Russia / T.A. Nestik, A.V. Selezneva, E.B. Shestopal, A.V. Yurevich // Questions of Psychology. – 2021. – Vol. 67. – No. 5. – Pp. 3–14.

5. Sorokin P.S., Popova T.A. Classical and Modern Approaches to the Study of Solidarity: Problems and Prospects in the Context of Destructuring / RUDN University Bulletin. Series: Sociology. 2021. Vol. 21. No. 3. – Pp. 457–468

6. Habermas, J. Democracy. Reason. Morality / J. Habermas. – Moscow: Progress, 1992. – 234 p.

7. Beverley, John (2004): Subalternity and Representation. Arguments in Cultural Theory, Durham/London: Duke University Press

Взаимообусловленность социальных факторов в формировании девиантного поведения подростков и молодежи в современном российском обществе

Бровчук Ольга Владимировна,
к.с.н., Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова
E-mail: obrovchuk@yandex.ru

Ткачев Александр Анатольевич,
к.с.н., руководитель издательства «Агентство перспективных научных исследований»

Вертинский Кирилл Дмитриевич,
Уфимский юридический институт МВД России
E-mail: vertinskiy07@mail.ru

Статья посвящена одной из значимых проблем современного развития нашего общества – изучению социальных факторов, оказывающих влияние на формирование девиантного поведения подростков и молодежи. Актуальность выбранной темы обусловлена значительным ростом алкоголизации, наркомании, суицидов среди рассматриваемой категории населения, о чем свидетельствуют официальные статистические данные, приведенные авторами. Девиантное поведение среди подростков и молодежи провоцирует совершение не только аморальных поступков, но и противоправных, криминальных действий, представляющих угрозу не только отдельно взятой личности или группе людей, но и обществу в контексте его национальной безопасности. Кроме того, значительное место в работе по предупреждению и профилактике девиантного поведения отводится средствам массовой информации, интернет-ресурсам и социальной рекламе, основными функциями которых является познавательный, воспитательный и досуговый контент, пропаганда здорового образа жизни.

Ключевые слова: трансформационные процессы, девиантное поведение, маргинальная субкультура, социальная дезадаптация, экстернализирующее поведение, дифференциация общества, социальная напряженность, институциональные ресурсы.

Введение

Ускоренный темп развития и трансформационные процессы, происходящие во всех сферах современного общества, одновременно с определенными позитивными преобразованиями, обуславливают рост девиантных проявлений в подростковой и молодежной среде, проявляющихся в устойчивом отклонении от принятых в обществе правовых, моральных, возрастных, этических и других норм поведения.

Различные формы девиантного поведения угрожают не только развитию будущего поколения и благополучию окружающих людей, но и представляют опасность социальному порядку, поскольку связаны с нарушением закона (противоправные и преступные действия), склонностью к зависимостям (алкоголизации, наркомания), агрессивному и саморазрушающему поведению (хулиганство, кражи, грабежи, вандализм, физическое насилие, суицид).

Так, по данным следственного комитета Российской Федерации в настоящее время наблюдается увеличение числа тяжких и особо тяжких преступлений, совершённых несовершеннолетними. За первые четыре месяца 2025 года количество таких правонарушений выросло в 1,5 раза по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Общий уровень подростковой и молодежной преступности повысился на 25% – с 7630 до 9522 зарегистрированных случаев. В течение года 10% молодых людей в возрасте от 14 до 19 лет совершают суицидальные попытки, 6% из которых приводят к летальному исход [6].

Изучение девиантного поведения подростков и молодых людей в условиях складывающейся на современном этапе развития нашего общества обстановки, представляется необходимым, поскольку определяет вопросы, связанные с обеспечением сохранения потенциала будущего нашей нации, ее здоровья и безопасности.

Цель данной статьи заключается в определении социальных факторов, оказывающих влияние на формирование девиантного поведения подростков и молодежи в современном российском обществе.

Методология и методы исследования

Объектом исследования выступает девиантное поведение подростков и молодежи на современном этапе развития российского общества.

Исследование основано на анализе библиографических источников и специальной литературы, направленной на получение информации о феномене девиантного поведения среди подростков и молодежи; данных федеральной и региональной статистики, позволяющих оценить сложность и многогранность изучаемой проблемы; материалов аналитических и экспериментальных исследований, в том числе ведомственных образовательных организаций Министерства внутренних дел Российской Федерации, что предполагает осмысление феномена девиантного поведения и проработки комплекса превентивных мер по его предупреждению и профилактике.

Авторами применены такие эмпирические методы как традиционный анализ документов и официальных статистических данных, опрос, вторичный анализ результатов социологических исследований, что позволило подтвердить наше предположение о том, что взаимообусловленность социально-экономического, политико-правового, духовно-нравственного, социокультурного и социально-психологического факторов в условиях неопределенности и противоречивости протекания процессов развития современного общества, оказывают существенное влияние на формирование девиантного поведения подростков и молодежи.

Результаты и обсуждение

Значительные изменения в экономической, политической и социальной сферах, а также демографический и социально-культурный компоненты человеческого потенциала обусловили определение ряда факторов, оказывающих влияние на формирование девиантного поведения в под-

ростковой и молодежной среде современного российского общества: социально-экономический, политико-правовой, духовно-нравственный.

Социально-экономический фактор в условиях неопределенности и противоречивых процессов развития современного общества характеризуется снижением уровня доходов населения, особенно в провинции, сопровождающихся ростом социальной напряженности, маргинализации, разделением общества на социальные слои, поиске дополнительного дохода, в том числе за счет распространения таких негативных явлений как наркотизация, проституция, преступность.

Складывающаяся на современном этапе развития общества ситуация устанавливает формальные и неформальные требования, зависящие от материального благосостояния человека, которые часто расходятся с его возможностями и ожиданиями, а также противоречат институциональным традиционным ориентирам.

Высокий уровень социального неравенства, нахождение на территории районов крупных транспортных узлов и вокзалов, большое количество нелегальных мигрантов и бродяг, неэффективная работа сотрудников правоохранительных органов, широкая продажа алкоголя и наркотиков оказывают значительное влияние на формирование девиантного поведения, как среди зрелого населения, так и среди подростков и молодежи [1].

Так, наркомания остается одной из наиболее серьезных социальных проблем во многих странах мира, включая Россию, поскольку потребление наркотических средств наносит огромный вред, как самим зависимым, разрушая их физическое и психическое здоровье, так и их семьям, и обществу в целом.

Деструктивная функция феномена наркомании заключается в том, что она направлена на не сформировавшуюся психику подростков и молодых людей, которые посредством социальных сетей и распространения среди сверстников получают возможность быстро и недорого приобрести любое наркотическое или психотропное веществе, включая синтетические наркотики, разрушающие не только организм, но и психические функции.

Не менее значимой проблемой в сети Интернет и его медиапространстве является деятельность различных организаций, осуществляющих экстремистскую и террористическую деятельность, в цели которых входят распространение за материальное вознаграждение негативного противоправного контента (порнография и насилие), а также склонение к совершению преступных действий (совершение терактов, соучастие в преступлениях).

Необходимо отметить, что в подростковом возрасте в процессе социализации, происходит формирование круга общения, интересов, привычек, правосознания, что в последствии приобретает характер ценностных ориентаций молодых людей. Стремление быть принятым группой ровесников, формирование самосознания и самостоятельности, а также неустойчивость в эмоциональном плане ведут к развитию у подростка необходимости выйти из-под опеки взрослых окружающих, что толкает подростка к различным способам демонстрации зрелости и независимости, подтверждения зрелости и собственной самооценки [3].

По мнению ряда ученых в области клинической психологии и психиатрии, подавляющая часть случаев девиантного поведения определяется наследственной предрасположенностью. При этом, генетические влияния могут обостряться при воздействия определенных обстоятельств. Подростки в возрасте 14–18 лет, воспитанные в неблагоприятных социальных условиях, имеющие наследственное бремя психических расстройств, токсикомании, наркомании и алкоголизма, наиболее подвержены поведенческим отклонениям [4].

По данным МВД России, в январе-июне 2024 года зарегистрировано 1651 преступление террористического характера, что на 38,4% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Помимо этого, из материалов ведомства следует, что рекордным за последние шесть лет стало количество преступлений экстремистской направленности среди молодежи (с января по июнь 2024 года их зарегистрировано 819). На учетах в органах внутренних дел Российской Федерации состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч человек, что, безусловно, представляет огромную опасность для благосостояния и защиты граждан [7].

Таким образом, анализ влияния социально-экономического фактора на формирование девиантного поведения позволяет с делать вывод о том, что безработица, инфляция, ухудшение материального состояния некоторых слоев населения оказало влияние на дезорганизацию подростков и молодых людей и изменило их представление о нормах социального поведения, трансформировав их в асоциальные и криминальные проявления.

Политико-правовой фактор формирования девиантного поведения связан с несовершенством законов в сфере молодежной политики и отсутствием регламентированной и всесторонней системы правовой и социальной защиты и поддержки подростков и молодежи, а также низким уровнем их правосознания.

Традиционно представителей подростковой и молодежной среды принято рассматривать как представителей наиболее активной социальной группы, находящейся в тесной взаимосвязи со всеми социальными институтами и включенной во все происходящие в них социальные процессы. В связи с этим социальное поведение молодежи обусловлено потребностями, интересами и ценностями, присущими всей социальной структуре общества.

Постигая ценности, нормы, роли общества в процессе социализации подростки, в дальнейшем молодые люди, обеспечивают преемственность социального опыта, транслируя их передачу от прежних поколений последующим. При этом осваиваются не только социально значимые, но и асоциальные и даже антисоциальные тенденции.

В настоящее время существует риск культурной и нравственной унификации, так называемой «американизации» и «европизации» – приобщения подростков и молодежи к культурным и нравственным ценностям американской и западноевропейской культуры, которая активно пропагандируется в СМИ и интернет-сети. Происходит подмена ценностей, когда о людях судят по тому, что у них есть, а не по тому, кем они являются, утрачивая при этом свойство «быть» людьми с большой буквы [5].

Рассматривая процессы социализации с такой точки зрения, формирование девиантного поведения среди подростков и молодежи во многом зависит от создания условий для их интеграции в общественно-значимые сферы жизни государства и общества. В условиях неопределенности и несовершенства законодательства в сфере молодежной политики, рассматриваемая социально-демографическая группа может спровоцировать отклонение от общепринятых механизмов интеграции будущего поколения в систему общественных отношений. В этом случае девиантное поведение молодежи будет выступать как форма преодоления неопределенности и выражаться в преимущественно негативных установках и поведении, направленных на отрицание действующих норм и ценностей общества.

Современное состояние развития российского общества отрицательно сказывается на социальном положении подростков и молодежи, их социальном самочувствии и социальном поведении, что обуславливает распространение девиантного поведения, в том числе, таких крайних форм девиации, как алкоголизм, наркомания, проституция, суицид, а также преступность. Несмотря на предпринятые в настоящее время реформы в системе образования и совершенствование законодательства по ряду затронутых аспектов, на сегодняшний день представления о перспективах затронутых вопросов все же выглядят несколько размытыми.

Духовно-нравственный фактор формирования девиантного поведения также свидетельствует о ряде противоречий, сложившихся в современном обществе в контексте изменений, произошедших в самовосприятии и самостимуляции поведения подростков и молодых людей, нарушении их взаимоотношений с обществом и между собой.

В последнее десятилетие приходиться наблюдать ситуацию, когда подростки и молодежь не имеют духовно-нравственных ориентиров и зачастую живут, руководствуясь стандартными установками современного материалистичного общества, где доминирует стремление заработать денег, приобрести те или иные вещи, занять выгодное положение в обществе и реализовать другие материальные желания. В результате современная молодежь и подростки не умеют выстраивать гармоничные взаимоотношения с окружающими, не имеют четкого представления как создавать крепкие и счастливые семьи, не ставят перед собой высоких жизненных целей, живя сиюминутной выгодой и массой рутинных проблем, что впоследствии вызывает глубокую неудовлетворенность и разочарованность, приводит к различным формам девиантного поведения.

Значимым критерием в формировании девиантного поведения является семья и социально-психологический климат, складывающийся в ней. Именно в семье закладывается фундамент основ морально-нравственных представлений индивидуума, поведенческие эталоны, правосознание, а также индивидуальные качества каждого человека.

Семья как социальный институт формирует модели поведения подрастающего поколения в правильном направлении, с учетом основ морально-нравственного воспитания и в соответствии с традиционными, принятыми в обществе, ценностями. Вместе с тем, нередко наблюдается крайне негативное влияние семьи на личность ребенка в связи со сложившейся некомфортной психологической атмосферой. Так, в неблагополучных семьях могут наблюдаться нарушения пси-

хического и физического состояния подростка вследствие жестокого обращения или перенесенных травмирующих ситуаций, физическое насилия, алкоголизация родителей.

Таким образом, семья и ближайшее социальное окружение оказывает значительное влияние на формирование личности подростка и в значительной мере определяет его дальнейшее социальное поведение. Различные стили воспитания могут, как способствовать, так и препятствовать формированию девиантного поведения.

Выводы

В заключение следует подчеркнуть, что проблема девиантного поведения в подростковой и молодежной среде требует внимательного изучения и комплексного подхода к ее решению. Девиантное поведение, как отклонение от социальных норм и стандартов, может проявляться в различных формах, включая агрессию, употребление наркотиков, правонарушения и криминальные действия, опасные не только для рассматриваемой социально-демографической группы, но для всего общества в целом.

Для эффективного преодоления проблемы девиантного поведения необходимо внедрять программы профилактики, которые могут включать в себя образовательные инициативы, демонстрировать и популяризировать: здоровый образа жизни; правосознание, основанное на устойчивой системе взглядов, представлений и убеждений о соблюдении законности и правовой дисциплинированности; патриотизм с опорой на традиционные российские духовно-нравственные ценности; противодействие распространению деструктивной идеологии; мониторинг социальных сетей и мессенджеров с помощью специальных автоматических сервисов от внешних угроз; помощи и поддержки лицам, подвергшимся насильственным действиям в семье и среди сверстников; досуговую деятельность, альтернативную времяпровождению в соцсетях [2].

Следует отметить, что определение социальных факторов, оказывающих влияние на формирование девиантного поведения в подростковой и молодежной среде, способствует осознанию того, какие формы принимает отклоняющееся от общеустановленных норм поведение и какие методы будут наиболее эффективными организации предупредительно-профилактической работе.

Предупреждение и профилактика девиантного поведения у подростков и молодых людей – это комплексная работа, включающая меры на уровне государства, семьи, образовательных учреждений и общества, в котором отражаются последствия отклонения от установленных норм.

В качестве основных институциональных ресурсов могут выступать не только министерства и ведомства, но и социальные службы, органы местного самоуправления, профсоюзные организации, целью которых должны являться установление и устранение условий и обстоятельств формирования девиантного поведения.

Таким образом, разработка превентивных мер по предупреждению и профилактике формирования девиантного поведения среди подростков и молодежи в современном российском обществе представляет собой сложную, но весьма необходимую систему мер, направленных на реализацию социальных программ, поддержание уровня жизни населения, обеспечение занятости, поддержку отраслей социальной сферы, а также здравоохранения, образования и культуры на федеральном, региональном и муниципальном уровнях государственной политики.

Литература

1. Безвербный В.А. 2017. Социально-экономические и психологические факторы девиантного поведения населения Москвы в контексте расширения мегаполиса. В кн.: Политическое пространство и социальное время. XXXII Харакский форум. Симферополь: Изд-во «АРИАЛ»; 34–38.

2. Бровчук О.В. Духовно-нравственное воспитание курсантов и слушателей в образовательной системе Министерства внутренних дел // Образование для новой реальности. 2025. С. 20–25.

3. Иванов Д.В. Социально-психологические факторы девиантного поведения подростков // Бюллетень науки и практики. 2021. Т. 7. № 11. С. 302–310.

4. Куприянова В.М. Девиантное поведение у подростков. Профилактические мероприятия в медицине. Международный студенческий научный вестник. 2018;(5). – URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19180 (дата обращения: 20.11.2025).

5. Челомбицкая М.П. Ценностные ориентиры современного общества / М.П. Челомбицкая, Н.Г. Лавинский. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2011. – № 12 (35). – Т. 1. – С. 198–201.

6. Информационный портал «Life.ru» 2025 г. – URL: https://life.ru/p/1758118 (дата обращения: 01.07.2025).

7. Новости ТАСС. – URL: https://tass.ru/obschestvo/21522491?ysclid=mfcjqh94qn393801828 (дата обращения: 09.09.2025).

THE INTERDEPENDENCE OF SOCIAL FACTORS IN THE FORMATION OF DEVIANT BEHAVIOR AMONG ADOLESCENTS AND YOUNG PEOPLE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

Brovchuk O.V., Tkachev A.A., Vertinsky K.D.

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Publishing house “Agency for Advanced Scientific Research”, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article explores one of the significant challenges facing our society today: the social factors that influence deviant behavior among adolescents and young adults. The relevance of this topic stems from the significant increase in alcoholism, drug addiction, and suicide among this population, as evidenced by official statistics cited by the authors. Deviant behavior among adolescents and young adults provokes not only immoral acts but also illegal and criminal ones, posing a threat not only to an individual or group but also to society in the context of its national security. Furthermore, the media, online resources, and social advertising play a significant role in preventing and addressing deviant behavior, with their primary functions being providing educational, pedagogical, and recreational content, as well as promoting a healthy lifestyle.

Keywords: transformational processes, deviant behavior, marginal subculture, social maladjustment, externalizing behavior, social differentiation, social tension, and institutional resources.

References

1. Bezverbny V.A. 2017. Socio-economic and psychological factors of deviant behavior of the Moscow population in the context of the expansion of the metropolis. In: Political Space and Social Time. XXXII Harak Forum. Simferopol: ARIAL Publishing House; 34–38.

2. Brovchuk O.V. Spiritual and moral education of cadets and trainees in the educational system of the Ministry of Internal Affairs // Education for a new reality. 2025. Pp. 20–25.

3. Ivanov D.V. Socio-psychological factors of deviant behavior of adolescents // Bulletin of science and practice. 2021. Vol. 7. № 11. Pp. 302–310.

4. Kupriyanova V.M. Deviant behavior in adolescents. Preventive measures in medicine. International Student Scientific Bulletin. 2018; (5). – URL: http://eduherald.ru/ru/article/view?id=19180 (date of reference: 11/20/2025).

5. Chelombitskaya M.P. Value orientations of modern society / M.P. Chelombitskaya, N.G. Lavinsky. – Text: direct // Young scientist. – 2011. – № 12 (35). – Vol. 1. Pp. 198–201.

6. Information portal “Life.ru” 2025. – URL: https://life.ru/p/1758118 (date of access: 07/01/2025).

7. TASS News – URL: https://tass.ru/obschestvo/21522491?ysclid=mfcjqh94qn393801828 (accessed 09.09.2025).

Использование упражнений закрытого и открытого типа при работе над лексикой на занятиях по иностранному языку в вузе

Волохова Вера Васильевна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: VolohovaVV@mgsu.ru

Заглядкина Татьяна Яковлевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Институт международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета
E-mail: TYZaglyadkina@kpfu.ru)

В статье рассматривается работа над лексикой иностранного языка в строительном вузе. Важность расширения словарного запаса является основой изучения профессионального языка. Для развития рецептивных и продуктивных навыков и последующего формирования соответствующих языковых компетенций в обучении иностранным языкам используются упражнения «закрытого» и «открытого типа», которые направлены на закрепление пройденного материала и успешную коммуникацию в строительной сфере. Упражнения «закрытого» и «открытого типа» очень важны для усвоения профессиональной лексики, так как благодаря таким упражнениям обучающиеся развивают свои языковые навыки в строительной сфере.

Ключевые слова: профессиональный язык, закрытые упражнения, открытые упражнения, рецептивные навыки, продуктивные навыки, словарный запас.

Введение

Преподавание иностранных языков – это не только получение информации, но, прежде всего, расширение словарного запаса. Аргументы в пользу приоритета словарного запаса над грамматикой основаны на его важности для коммуникации. Обучающиеся изначально усваивают большой словарный запас, поскольку он необходим им для понимания предметов, текстов, сообщений и передачи информации. Изучение иностранного языка невозможно без изучения словарного запаса. Он является основой как иностранного, так и профессионального языка.

Термин «профессиональный язык» означает тип языка, используемый в определённой области или отрасли [1], в который включены профессиональные термины из данной области, имеющие иное значение [9]. Функция профессионального языка заключается в общении, в основном, по профессиональным предметным областям.

Профессиональный язык как предмет преподаётся в университете, и его цель – подготовить учащихся к работе с терминологией, которая всегда сопровождается и ограничивается определённой областью. Общение между экспертами в данной области и неспециалистами направлено на облегчение использования терминологии [10].

В данной статье рассматривается изучение словарного состава языка в сфере «Строительство». Умение общаться со специалистами в строительной области возрастает с увеличением профессионального словарного запаса. Поэтому, на наш взгляд, обучение профессиональной лексике в строительной сфере должно играть центральную роль в преподавании иностранных языков в строительном вузе с самого начала.

В современной методике преподавания иностранных языков базовые языковые навыки делятся на две группы: рецептивные навыки (чтение и аудирование) и продуктивные навыки (письмо и говорение). При продуктивных навыках студенты формулируют высказывания письменно или устно, которые должны быть грамматически, лексически и семантически правильными. Данные навыки тесно связаны, т.к. полученная информация повторяется или обрабатывается далее в письменной или устной форме [7].

В преподавании иностранных языков различают активный, пассивный и потенциальный словарный запас. Активный словарный запас включает слова, которые обучающийся может использовать продуктивно. К пассивному словарному запасу относятся слова, которые когда-то изучались, но продуктивно не используются в устной или письменной речи, а понимаются только на слух или при чтении [8]. Потенциальный словарный запас обучающегося состоит из всех производных и сложных слов, которые совершенно новые для обучающегося, но которые он может понять, исходя из образования, если знает основу и соответствующие правила словообразования.

Изучающие иностранный язык в НИУ МГСУ стремятся общаться в профессиональных ситуациях по утвержденным темам рабочей программы во время учёбы, где им необходимо использовать различные специализированные термины из данной области. Им не обязательно быть экспертами и владеть всеми специализированными терминами, то есть иметь активный словарный запас по всей проблематике строительной области, но для них важно понимать и использовать хотя бы важные и базовые термины в строительной сфере, такие как строительные материалы, части здания, безопасность на строительной площадке, экологическое строительство и т.д.

Цель данной статьи – проиллюстрировать, как лексика по теме «Строительство» преподаётся в строительном вузе и способствует её освоению на занятиях «Иностранный язык». На основе результатов исследований российских и зарубежных ученых (Е.И. Пассов, Е.Н. Соловова, А.А. Миролюбов, Л.В. Щерба, Л. Буссман, Г. Гоффман) в данной статье анализируются типы упражнений для работы над лексикой, которая является одной из основных целей и задач преподавания иностранных языков в НИУ МГСУ, направленная на улучшение усвоения лексики в строительной области, так как к концу учебного процесса студенты должны быть готовы к реальному взаимодействию в строительной сфере с англоговорящими специалистами.

Результаты и обсуждение

Работа со словарным запасом занимает большое место во всех программах и учебниках по иностранным языкам, т.к. чем обширнее словарный запас, тем выше способность к коммуникации [4].

Для эффективного общения говорящий должен владеть терминологией из самых разных областей. Общение предполагает обсуждение самых разных тем, и чтобы начать и закончить эту дискуссию, говорящему необходимо освоить широкий словарный запас, который включает в себя все слова из разных областей, и его количество не ограничено, особенно если учесть количество профессиональных терминов [6]. Приобретение словарного запаса происходит, с одной стороны, стихийно, то есть в повседневной жизни, с другой стороны, в ходе направленного обучения в школах и университетах, в процессе которого обучающиеся сталкиваются со множеством незнакомых слов.

Работа над профессиональной лексикой неразрывно связана с работой над общеупотребительной лексикой. Студенты пополняют свой словарный запас по профессиональным темам, читая тексты строительного направления, но также применяют разговорную речь по различным темам, стараясь практиковать специализированную лексику. Самый простой способ освоить профессиональную лексику – это, на наш взгляд, создать глоссарий, содержащий лексику по теме «Строительство». Для занятий «Иностранный язык» в НИУ МГСУ основным учебником является «Английский язык в сфере строительства» [2]. Опираясь на структуру учебника, весь материал посвящен определенным строительным темам и содержит в начале каждого раздела активный словарь, отражающий наиболее важные понятия и явления по строительству, и лексические упражнения, направленные на закрепление строительной терминологии. Исходя из рабочей программы «Иностранный язык», одной из основных целей занятий в строительном вузе является освоение профессиональной лексики по строительной тематике, которая, как правило, встречается в профессиональных текстах. Практические занятия по иностранному языку способствуют оптимизации обучения. Новая информация усваивается быстро и эффективно благодаря практике, и, если полученные знания не закрепляются на практике, они теряют свою ценность. Закрепляется то, что уже выучили, особенно словарный запас [5]. Практические занятия – это вид деятельности, основанный на упражнениях, в первую очередь, предназначенные для всех изучающих иностранный язык, желающих закрепить и расширить свой словарный запас. Упражнения повторяют, закрепляют и углубляют словарный запас в реальных ситуациях. Эта серия упражнений на словарный запас идеально подходит как для языковых занятий, так и для самостоятельного обучения, позволяя учащимся практиковаться дома или в группах в любое время.

Для развития рецептивных и продуктивных навыков и последующего формирования соответствующих языковых компетенций в обучении иностранным языкам используются различные типы упражнений и заданий. В связи с этим следует отметить, что упражнения и задания не являются синонимами, имеют разные функции и ориентированы на достижение разных целей обучения. Упражнения направлены на тренировку конкретных областей языковой компетенции, такие как лексические, грамматические и фонетические упражнения. Однако задания, часто используемые после прочитанных текстах, – это виды деятельности, в которых обучающийся использует язык как средство приобретения фактических знаний или решения проблемы [3]. Упражнения, как правило, являются «закрытыми», а задания «открытыми».

При работе над профессиональной лексикой «закрытые упражнения» закрепляют знания, в то время как «открытые упражнения» направлены на активное использование новых специализированных слов по определенной теме и углубляют понимание данной тематики. Рассмотрим предложенные нами упражнения закрытого и открытого типа на закрепление лексики по теме «Части здания». I) Упражнение закрытого типа на установление соответствия: Сопоставьте части зданий: *1) фундамент, 2) стены, 3) балки, 4) двери, 5) лестницы, 6) крыша* из одной колонки с правильными описаниями в другой: *A) горизонтальные несущие элементы, обычно изготовленные из дерева или железобетона; B) верхняя часть здания, обеспечивающая защиту от непогоды; C) самая нижняя часть здания, которая поддерживает стены и передает их вес в землю; D) часть здания, используемая для подъема или спуска между различными уровнями внутри здания; E) вертикальные конструкции, построенные для ограждения пространств и формирования внешних границ здания; F) отверстия в стенах*. По такой аналогии можно установить соответствия на синонимы *(foundation, wall, beam, door, roof – joist, gateway, base, top, façade)*, антонимы *(foundation, wall, beam, door, roof – open framework, space, base, top, barrier),* объединить части предложений из одной колонки *(1) в начале работы над домом закладывается фундамент, 2) строители находились на крыше,3) стены уже были возведены, 4) находясь в комнате, мы смотрели в окно)* с другой *(a) поэтому рабочие приступили к внутренней отделке; б) потому что прочное основание важно для всего строения; в) так как хотели проверить, правильно ли все установлено сверху; г) так как светило яркое солнце)* в логичные и грамматически правильные предложения по заданной теме. II) Упражнение закрытого типа на установление последовательности: Расставьте части здания в правильном порядке при строительстве: *1) стены, 2) окна, 3) фундамент, 4) пол, 5) крыша;* 3) Упражнение закрытого типа на заполнение пропусков следующими словами: *фундамент, строительная площадка, крыша, стены, балки, пол: Первое, что вам нужно при начале строительства подготовить территорию, которая называется _____. После завершения планирования рабочие выкапывают котлован и закладывают основу для здания, которая называется _____. Затем строится основная конструкция. Обычно это деревянные или стальные _____, которую составляют каркас здания. После этого рабочие возводят _____. Внутри сооружают _____, которые несут нагрузку людей и мебели. Во время возведения стен делаются отверстия для _____, которые предназначены для прохождения света и воздуха. Наконец устанавливается _____, предназначенная для защиты от дождя и солнца.*

Как видно из предлагаемых нами упражнений и заданий, «закрытые упражнения», как правило, структурированные задания, которые служат для автоматизации лексики, а «открытые упражнения» – это творческие, продуктивные задания, позволяющие обучающимся использовать язык для решения проблем или выражения идей. Предлагаемый вариант закрепления лексики по теме «Части здания» можно использовать для изучения как английского, так и немецкого языка.

Тексты по теме «Строительство» составляют основу для изучения профессиональной лексики, поэтому на занятиях необходимо использовать разнообразные тексты по интересным и актуальным темам строительной отрасли, которые понадобятся обучающимся для учёбы и общения. Выбор специализированных текстов для преподавания зависит от поставленной цели. Преподаватель не должен использовать сложные тексты, а скорее всего тексты, привлекающие внимание учащихся, чтобы предмет не стал скучным. Так, например, по выше предложенной теме студенты с интересом знакомятся с информацией об основных типах фундаментов, стен, крыш и т.п. По предложенным текстам задаются как закрытые, так и открытые вопросы. Закрытые вопросы позволяют обучающимся выбрать из определенного набора ответов. Так, например, на вопрос, какими обычно являются стены из неармированной каменной кладки, студенты выбирают из предложенных вариантов правильный ответ: а) подвержены землетрясениям, б) тонкие, в) толстые. Такого типа вопросов используются для сбора информации, которую можно проверить из прочитанного текста. Открытые вопросы в отличии от закрытых не предлагают никаких вариантов ответов. Это вопросы со специальным словом, и студенты не ограничены выбором и могут формировать свои собственные ответы, например, что такое фундамент, какие типы стен вы знаете и так далее. Более продуктивными такие вопросы являются перед чтением текста, что позволяет применить знания обучающихся по своей специальности на родном языке и выразить эти знания на иностранном. Большой интерес у студентов вызывают следующие задания: 1) вопросы на обсуждение определенной темы с использованием новой лексики такие, как: Объясните, какие виды лестниц и окон вы бы использовали в своем доме и почему; Вы знаете, почему в торговых центрах и общественных местах популярны вращающиеся и автоматические двери; 2) написание и разыгрывание диалогов по теме «Строительство нового дома»; 3) описание картинок по заданной теме.

Таким образом, упражнения закрытого типа имеют ряд преимуществ, таких как выполнение такого типа упражнений обучающимся требуются не значительные временные затраты, так как отрабатываются только существующие знания лексики по определённой теме. Выполняя задания открытого типа, студенты предоставляют подробные объяснения и новые идеи, что ведет к успешной коммуникации и пониманию сообщения, несмотря на то, что для этого требуется больше времени.

Заключение

Главная цель обучения профессиональному языку – привить языковые навыки и стратегии работы с ним, которые способствуют оптимальной успеваемости по предмету «Иностранный язык». Обучение лексики играет ключевую задачу в освоении профессионального языка. В соответствии с этим, расширение объема словарного запаса обучающихся следует разделить на несколько этапов: 1) простой контакт со словами и устоявшимися фразами, используемые в аутентичных устных и письменных текстах; 2) составление вопросов или обращение к словарю, когда это требуется для определенных коммуникативных задач и видов деятельности; 3) встраивание новой лексики в определенные контек-

сты, например, в тексты с последующим использованием в упражнениях различного типа; 4) введение слов, сопровождаемые наглядными опорами (картинками, действиями или предметами); 5) заучивание двуязычных списков слов.

Проведенное исследование показало, что упражнения «закрытого» и «открытого типа» очень важны для усвоения профессиональной лексики, так как благодаря таким упражнениям обучающиеся развивают свои языковые навыки в строительной сфере. Для расширения словарного запаса все больше упражнений планируются как на занятиях в аудитории, так и во время самостоятельной работы. Упражнения на закрепление профессиональной лексики – ключевой элемент обучения, так как они помогут студентам хорошо запомнить её. Имея в своем распоряжении большой объём профессиональной лексики, обучающиеся могут самостоятельно справиться с любой коммуникативной ситуацией без посторонней помощи.

Литература

1. В.В. Волохова. Проектная работа на занятиях иностранного языка в строительном вузе // Социально-гуманитарные знания, 2025. – № 1. – С. 16–19.
2. С.И. Гарагуля. Английский язык в сфере строительства = English for Building Engineering: учебник / С.И. Гарагуля. – Москва: КНОРУС, 2022. – 366с. – (Бакалавриат)
3. Н.А. Грищенко, А.И. Ершова, Е.О. Ершова, М.А. Старшева. Роль послетекстовых упражнений в развитии коммуникативных навыков у студентов неязыковых вузов (на примере пособия ESSD «Personal Management»). // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Т. 16. – № 4. – С. 283–306.
4. А.Ю. Громова, А. Довранова. Способы семантизации новой лексики на начальном этапе изучения русского языка как иностранного. // В сборнике: Огарёвские чтения. Материалы научной конференции: в 3 ч.. – Саранск, 2022. – С. 466–471.
5. А.В. Дидрих. Особенности формирования и совершенствования лексических навыков у студентов на занятиях по иностранному языку (на примере темы „Wohnung“ (квартира). // Мир науки, культуры, образования. 2019. – № 2 (75). – С. 210–212.
6. А.А. Ежгурова. Методические приемы работы над развитием навыка устной речи при профессионально-ориентированном обучении английскому языку. // Наукосфера, 2022. – № 12–1. – С. 121–125.
7. К.А. Пряничникова. Связь методики обучения лексике иностранного языка и темперамента учащегося. // Focus on Language Education and Research, 2022. Т. 3. – № 4. – С. 3–9.
8. М.К. Шлангман. Формирование лексических умений и навыков в процессе обучения иностранному языку студентов неязыковых специальностей. // В сборнике: Психология. Педагогика. Лингвистика: социально-культурные связи. Материалы VII всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. – С. 164–169.
9. Hadumod Bussman. Lexikon der Sprachwissenschaft. – Kröner, Stuttgart, 2002. – 904 s.
10. Ludger Hoffman Fach- und Wissenschaftssprache: funktional! https://univerlag.uni-goettingen.de/bitstream/handle/3/isbn-978–3–86395–524–3.7/MatDaF108_marburg_7_hoffmann.pdf; jsessionid=7BF94CE9B094B40E04855554DF0A23 (Дата обращения 31.08.2025)

USING CLOSED- AND OPEN-TYPE EXERCISES WHEN WORKING ON VACABULARY IN FOREIGN LAGUAGE CLASSES AT A UNIVERSITY

Volokhova V.V., Zaglyadkina T.Ya.
National Research Moscow State University of Civil Engineering; Kazan Federal University

This paper examines the work on foreign language vocabulary within a university of civil engineering. Expanding one's vocabulary is fundamental to mastering the professional language. To develop both receptive and productive skills and subsequently form relevant language competencies in foreign language teaching, «closed- and open-type» exercises are utilized. These exercises focus on consolidating learned material and enabling successful communication within the construction field. «Closed- and open-type» exercises are very important for mastering professional terminology, as they help students develop their language skills specifically within the construction domain.

Keywords: professional language, closed exercises, open exercises, receptive skills, productive skills, vocabulary.

References:

1. V.V. Volokhova. Project work in foreign language at a civil engineering university l// Social and Humanitarian Knowledge, 2025. – No. 1. – P. 16–19.
2. S.I. Garagulya. English for Building Engineering: textbook / S.I. Garagulya. – Moscow: KNORUS, 2022. – 366 p. – (Bachelor's degree).
3. N. A. Grishchenko, A.I. Ershova, E.O. Ershova, M.A. Starsheva. The role of post-text exercises in developing communicative skills in students of non-linguistic Universities (using the ESSD «Personal Management» manual as an example). // Russian Journal of Education and Psychology. 2025. Vol. 16. – No. 4. – P. 283–306.
4. A.Yu. Gromova, A. Dovranova. Methods of semantizing new vocabulary at the initial stage of learning Russian as a foreign language. // In the collection: Ogarev Readings. Proceedings of a scientific conference: in 3 parts. – Saransk, 2022. – P. 466–471.
5. A.V. Didrich. Features of the formation and improvement of studies' lexical skills in foreign language classes (using the topic «Wohnung» (apartment) as an example). // The world of science, culture, education. 2019. – No. 2 (75). – P. 210–212.
6. A.A. Ezhgurova. Methodological techniques for developing oral speech skills in professionally oriented teaching of the English language. // Naukosfera, 2022. – No. 12–1. – P. 121–125.
7. K.A. Pryanichnikova. The relationship between foreign language vocabulary teaching methods and student temperament. // Focus on language education and research, 2022. Vol. 3. – No. 4. – P. 3–9.
8. M.K. Shlangman. Formation of lexical abilities and skills in the process of teaching a foreign language to students of non-linguistic specialties. // In the collection: Psychology. Pedagogy. Linguistics: Socio-Cultural Ties. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2022. – P. 164–169.
9. Hadumod Bussman. Vocabulary of linguistics. – Kröner, Stuttgart, 2002. – 904 p.
10. Ludger Hoffman. Technical and scientific language: functional! https://univerlag.uni-goettingen.de/bitstream/handle/3/isbn-978–3–86395–524–3.7/MatDaF108_marburg_7_hoffmann.pdf; jsessionid=7BF94CE9B094B40E04855554DF0A23 (Accessed 31.08.2025)

Развитие современного высшего образования: анализ отдельных факторов

Горшенина Яна Львовна,
к. пед. наук, доцент, кафедра немецкого языка и межкультурной коммуникации, ФГБОУ ВО «Омский Государственный Педагогический университет»
E-mail: evangelina7@mail.ru

Статья посвящена анализу отдельных факторов, оказывающих влияние на состояние современного высшего образования, к которым в первую очередь относится глобализация, как процесс всеобъемлющего сближения культур. В образовательной сфере выявлены противоположные глобализации тенденции, способствующие укреплению национальных систем профессионального образования и реализуемые путем определения языка преподавания или введением квоты на количество иностранных студентов. Процесс интернационализации рассмотрен с точки зрения различных научных подходов к его изучению, что позволило уточнить цели и способы реализации включения международного содержания в деятельность образовательного учреждения, и таким образом способствовать обеспечению его развития в русле современных тенденций. Влияние информатизации на образовательную сферу рассмотрено с точки зрения внедрения информационных технологий в процесс обучения, и как фактор воздействия на качество обучения, что требует дополнительного изучения возможностей использования информационных технологий в образовательном процессе вуза.

Ключевые слова: глобализация, процессы экономической и политической унификации, интернационализация образования, единое образовательное пространство, международный компонент в деятельности образовательного учреждения, образовательная среда, информационные ресурсы.

Известно, что сфера профессионального образования, как важный элемент социальной жизни, постоянно испытывает на себе влияние процессов, происходящих в обществе, причем не все изменения, обусловленные естественными этапами общественного развития, могут быть однозначно расценены, как позитивные. В любом случае, восприятие образования как общественного блага, не должно подвергаться сомнению, и поэтому изучение тенденций развития образовательной сферы, продиктованных общественными трансформациями, не теряет своей актуальности. Обзор аналитических статей по данной тематике позволил выявить факторы, имеющие значимое влияние на сферу образования; к которым можно отнести, в первую очередь, процессы глобализации и интернационализации, воздействие которых проявляется, скорее, в определении образовательных компетенций, формулировках установок, целей и задач, а также фактор информатизации, роль которого, на наш взгляд, более очевидна в практике получения образовательного результата. Рассмотрим названные факторы более подробно.

Согласно определению Большого толкового словаря русского языка, под глобализацией следует понимать широкое распространение какого-либо процесса или явления за пределы отдельной территории или какого-либо вида деятельности. В качестве примера приводят глобализацию культуры, понимаемую как процесс тесного сближения или взаимодействия национальных культур на основе ценностей, общих для каждого представителя мирового социума. Как правило, считается, что глобализация затрагивает основные аспекты жизнедеятельности общества, поэтому также имеются в виду процессы экономической и политической унификации. При этом отмечается, что изменения, обусловленные процессом глобализации, могут различаться как в динамике, так и в результативности. То есть, трансформации, вызванные процессом глобализации, могут обладать разными качественными характеристиками в зависимости от исходного состояния объектов.

С точки зрения философии, феномен глобализации, как многомерное сложное явление, рассматривают с точки зрения диалектического подхода, согласно которому, этот процесс обладает очень разными свойствами, противоположными в онтологическом и аксиологическом плане. И, кроме того, принимая во внимание непосредственную связь глобализации с проблемами социума и поиском путей устойчивого развития, в ракурсе субъект-объектных отношений, философская интерпретация глобализации означает стимул к возникновению и развитию противоположных процессов, как ответную реакцию на имеющиеся вызовы, что является закономерным проявлением целостного социально-экономического процесса (А.Тойнби). Подтверждением этому могут служить данные социологии о реакции разных общественных групп на тенденции развития, имеющие глобальный характер. Социологи отмечают, что процесс глобализации, как правило, порождает противоположные тенденции, которые объясняются тем, что этот процесс по-разному интерпретируется и переосмысливается как разными группами населения, так и в пределах разных территорий. Таким образом, отмечается, что активность разных представителей социума, затронутого глобальными изменениями, оказывает большое влияние на процесс этих изменений.

Принимая во внимание свойство глобализации к стимулированию противоположных тенденций, следует ожидать, что глобализация в сфере профессионального образования, как неотъемлемой части социальной жизни, также будет характеризоваться противоположной направленностью. Глобализацию образования понимают как создание единой унифицированной или однородной системы высшего образования, при которой различия между входящими в нее образовательными системами практически отсутствуют (А.Е. Зубарев, В.Ф. Коуров, И.В. Кичева) [1]. Большинство исследователей считают, что это довольно длительный процесс, так как он подразумевает фундаментальное изменение мирового порядка, при котором будут практически отсутствовать территориальные границы между национальными государствами. Поэтому такой сценарий считают делом далекого будущего, так как тенденции развития современного общества скорее свидетельствуют о стремлении к сохранению национального своеобразия, что считают закономерной реакцией на процессы глобализации.

В этой связи, во многих исследованиях глобализацию образования рассматривают как двухступенчатый процесс, на первом этапе которого происходит создание общеевропейской, а на втором этапе – об-

щемировой системы образования. Следует упомянуть, что это точка зрения является ведущей преимущественно в европейском научном сообществе, для которого Болонский процесс представляет собой попытку создания единой для всех европейских стран системы образования. В этой связи также стоит отметить, что в настоящее время проводятся исследования, посвященные анализу как позитивных, так и негативных сторон реализации Болонского процесса. К таким относятся, например, коммерциализация образования, что противоречит значению образования как общественного блага, и, что также немаловажно, отсутствие локальной адаптации, то есть, невозможность совместить общеевропейские образовательные стандарты с условиями и потребностями локального рынка труда.

Что касается тенденций глобализации в сфере высшего образования, отмечается, что, в целом, это свойственно образованию. На это указывает ряд фактов, например, наличие общей терминологии, которой оперируют науки об образовании; наличие единых классиков в науках об образовании; единое понимание функций образования как общественного института и роли образования как общественного блага; наличие многочисленных общих элементов в методике преподавания и универсальность использования образовательных технологий. К этому перечню следует также отнести и наличие общих вызовов, стоящих перед различными образовательными системами, главным из которых на сегодняшний день является обеспечение качества образования. Поэтому ведущими тенденциями глобализации высшего образования считают следующие: развитие международной мобильности студентов, преподавателей и представителей организационных структур учебных заведений; развитие онлайн-образования, как реализацию требования доступности образования для всех категорий учащихся и, в этой связи, появление международных университетов; изменение содержания учебных программ с целью адаптации результатов образования к международным стандартам; а также изменения, касающиеся методов и технологий преподавания, здесь стоит отметить возможность посещать онлайн-курсы и вебинары, что способствует активному обмену знаниями и опытом.

Но несмотря на то, что глобализация может быть, в известной степени, представлена, как процесс естественного развития, стоит отметить, что существуют и противоположные глобализации тенденции образования. Прежде всего, стоит отметить, что такие тенденции, скорее всего, обусловлены стремлением к автономии и сохранению национального и культурного своеобразия. Практически каждая национальная образовательная система ограничивает доступ к своим ресурсам для иностранных студентов и преподавателей, «закрывается» определенным образом, например, определяя язык преподавания, или ограничивая количество участников программ магистратуры. Так, например, чтобы обучаться в магистратуре многих ведущих университетов Китая, необходимо хорошее знание китайского языка; обучение в университетах Швеции для соотечественников бесплатное, таким образом, выпускники школ удерживаются от получения образования за рубежом; университеты многих стран ограничивают перечень направлений в магистратуре для иностранных студентов или заявляют определенные требования к иностранным студентам, в зависимости от потребностей государства в специалистах конкретного профиля с тем, чтобы они по окончании обучения остались в стране и восполнили, таким образом, имеющийся недостаток специалистов в экономике страны, то же касается и научных исследований.

Что касается осуществления академической мобильности, Швейцария, являясь членом ЕС, располагает своей автономной системой академических обменов SEMP (Swiss European Mobility Program), которая успешно функционирует независимо от европейской системы Erasmus +, ограждая, таким образом, свою академическую среду от внешних воздействий, например, требований, предъявляемых внутри ЕС, согласно которым, каждый студент обязан провести определенное время обучения в зарубежном вузе. Согласно данным Movetia – национальному агентству по развитию академических обменов и повышению степени международной мобильности за 2020 год, показатели академических обменов в университетах Швейцарии варьируются от 1% до 50%, то есть, общеевропейская норма не стала обязательной, академическая мобильность в Швейцарии развивается по собственному сценарию. Такие границы могут выстраивать не только отдельные государства, но и страны, входящие в различные объединения. Так, например, страны-участницы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) осуществляют взаимодействие как в области экономики и безопасности, так и в образовании. Основными направлениями являются обмен опытом в сфере высшего и профессионального образования, содействие академической мобильности научных работников и студентов, совместная деятельность по использованию цифровых технологий в образовании. С 2017 года функционирует университет ШОС, представляющий собой сетевое объединение 744 вузов, студенты которых обучаются по согласованным программам, осваивая специальности, являющиеся приоритетными для экономики стран-участниц.

На базе более многочисленного объединения стран БРИКС в 2022 году был создан Альянс в сфере профессионального образования, основной задачей которого является развитие сотрудничества в рамках общего образовательного пространства и уже в 2024 году принято решение о разработке нормативной базы для взаимного признания квалификаций. Кроме того, актуальными направлениями сотрудничества стран БРИКС в области образования и науки являются академическая мобильность студентов, преподавателей и научных работников, проектирование совместных учебных программ профессионального образования и разработка стратегий научного сотрудничества на глобальном уровне, создание совместных междисциплинарных научно-исследовательских центров и лабораторий. Таким образом, сохраняется баланс между уже имеющимися национальными практиками организации высшего образования и общемировой тенденцией глобализации.

Следующей тенденцией, под влиянием которой находится сфера высшего образования, является процесс интернационализации.

Анализ имеющихся определений понятия интернационализации образования позволил выявить имеющиеся у разных авторов сходства и различия по следующим позициям: дефиниция понятия интернационализации образования, подходы к изучению понятия, цель процесса интернационализации, условия, способы и формы реализации, а также субъекты интернационализации и факторы влияния, основным из которых считают фактор глобализации.

Прежде всего, стоит отметить, что большинства авторов определяет этот процесс как включение международного компонента в деятельность учреждения высшего образования. При этом имеется в виду не организация отдельных внеаудиторных мероприятий или программ, не встроенных в учебную или научно-исследовательскую деятельность вуза, таких, как программы международного обмена. Интеграция международного измерения должна, по мнению авторов, представлять собой долгосрочное стратегическое планирование развития вуза в определенном направлении, в результате которого учебное заведение приобретает интернациональный статус (М. Сьедерквист, С.Ф. Сутырин), что должно означает признание деятельности вуза на уровне международного образовательного пространства. То есть, существует мнение, что интернационализация на уровне национальных образовательных систем осуществляется с целью обеспечения равноценности дипломов, что должно быть обеспечено путем согласования учебных программ университетов (Е.Г. Леонтьева). Многие авторы считают, что международное измерение в деятельности образовательного учреждения означает процесс внедрения международных образовательных стандартов в учебный процесс (А.Ю. Плешакова). Ряд исследователей определяют процесс интернационализации как наличие общих элементов в образовательной политике разных стран, что может означать согласование если не основных целей и задач национальных образовательных систем, то, вероятно, относиться к содержанию образования и формам его реализации, таким, например, как академическая мобильность. Стоит отметить, что многие авторы указывают на закономерность процесса интернационализации образования, так как он обусловлен процессом международной интеграции и, таким образом, является объективным фактора развития, не зависящим от состояния национальных образовательных систем.

Понимание интернационализации как одной из актуальных тенденция развития высшего образования обуславливает необходимость его изучения. В соответствии с этим, разработаны подходы к изучению процесса интернационализации. Рассмотрим далее имеющуюся типологию научных подходов. Следует отметить, что, большинство исследователей упоминают деятельностный, компетентностный, этический или культурологический, стратегический или процессуальный подходы, определяя, тем самым, актуальные аспекты изучаемого явления. С позиций деятельностного подхода интернационализация представляет собой процесс, организованный с позиции субъекта познания, то есть, имеется в виду изменение учебных планов и организация академической мобильности студентов и профессорско-преподавательского состава. Основываясь на компетентностном подходе, рассматривают расширение набора компетенций будущего специалиста. Со стороны этического подхода изучаются пути создания университетской среды, способствующей культурному взаимообмену и пониманию различий в системах ценностей отечественной и зарубежной культуры; а в контексте стратегического подхода анализируется реализация аспектов интернационализации как в стратегии развития учреждения высшего образования, так и в образовательной и научной деятельности. В этой связи также стоит отметить актуальность системного подхода, учи-

тывая, что в понимании ряда исследователей, интернационализация представляет собой стратегически скоординированную деятельность всех подразделений учреждения высшего образования, направленную на внедрение международного компонента во все сферы его деятельности. Действительно, если речь идет о трансформации национального вуза в интернациональный, то процесс интернационализации представляет собой систему согласованных между собой, поэтапных изменений всех сфер деятельности образовательного учреждения. (Х. Де Вит, Дж. Найт, Й.Худзик).

Что касается определения цели интернационализации, следует отметить, что авторы исследований выделяют ее различные аспекты. Ряд исследователей конкретизируют цель процесса как повышение качества высшего образования и научных исследований (Х. Де Вит). М. Сьедерквист, к тому же, считает, что включение международного компонента в деятельность вуза может обеспечить, в том числе, и повышение качества преподавания. Другие авторы рассматривают интернационализацию образования как средство обеспечения готовности к современным вызовам, таким, как процессы глобализации. Причем, это касается не только студентов и профессорско-преподавательского состава, но и национальных систем высшего образования в целом. Так, Е.Г. Леонтьева отмечает, что процесс интеграции международного измерения в деятельность вуза обеспечит подготовку студентов и специалистов к международному сотрудничеству и конкуренции, так как существует мнение, что такой формат социальных отношений будет доминировать во всех сфер жизнедеятельности общества.

Многие авторы, определяя процесс интернационализации, называют и условия его реализации. Здесь также можно выделить несколько групп таких условий. Первая группа касается процесса осуществления интернационализации в контексте национальных систем образования. К таким условиям относят систематичность и планомерность усилий, направленных на внедрение международного измерения в цели и задачи обеспечения высшего образования. То есть, интернационализация должна стать одним из ведущих направлений развития системы образования. В этой связи, многие авторы считают, процесс интернационализации будет успешным только в том случае, если страны – субъекты процесса соответствовать друг другу в плане научно-технического и социально-экономического развития. Действительно, в этом случае, для национальных образовательных систем, находящихся на одном уровне развития и решающих сходные задачи, интернационализация будет означать процесс взаимообогащения и развития.

Вторая группа условий рассматривается в контексте отдельного учреждения высшего образования и включает следующие: необходимость изменений всех аспектов деятельности и всех подразделений вуза, что, по мнению авторов, является основным условием; и важность сохранения уникальных традиций образовательного учреждения и его сильных сторон (Ж.О. Кузьминых). На наш взгляд, это может означать, что международный компонент не должен заместить собой национальную и региональную специфику вуза. С нашей точки зрения, интернационализация должна привнести международный контекст в уже имеющееся цели, задачи, содержание и способы поставки высшего образования, обеспечивая, таким образом, его развитие с учетом имеющихся тенденций. Полная замена содержания этих компонентов не будет успешной без опоры на объективные обстоятельства. Такие, как, например, местонахождение образовательного учреждения в определенном регионе, объективно существующий социальный заказ или спрос на специалистов определенного профиля, уже имеющийся многолетний опыт функционирования вуза, так как именно такой подход отвечает целям национальной образовательной политики отдельного государства, способствуя развитию региона, в котором находится вуз.

Далее, мы считаем возможным в качестве фактора воздействия проанализировать процесс информатизации. Согласно определению Большой российской энциклопедии, под информатизацией понимают применение информационных технологий для формирования и использования информационных ресурсов. Исследованию информатизации как процесса, оказывающего влияние прежде всего, на экономическую, а затем и на социальную сферу жизни общества, посвящены работы В.В. Васильева, Д.М. Гвишиани, А.П. Ершова, К.К. Колина, Й. Масуды, А. Минка, В.С. Михалевича, С. Норы, А.Д. Урсула, Т.Ю. Салютиной и др. Согласно данным этих исследований, можно констатировать, что существуют очень разные точки зрения на информатизацию как явление, что свидетельствует о его сложности и многоаспектности. Прежде всего, принято разделять два подхода к пониманию информатизации, то есть рассматривать ее как технологический и как социальный процесс. Известно, что процесс информатизации, означающий внедрение в процесс обучения новых технологий обработки информации, подразумевает контроль со стороны специалистов этого профиля. Техническая сторона осуществления процесса информатизации связана, таким образом, с поиском оригинальных технических решений и находится в ведении соответствующих специалистов. Поэтому, с точки зрения исследователей, занимающихся вопросами технического обеспечения процесса информатизации, проблемное поле процесса определяется как необходимость разработки новых технологий использования информационных ресурсов и приобретения специалистами дополнительных компетенций. Так, Д.М. Гвишиани, Д.С. Черешкин и Г.Л. Смолян указывают, что информатизация немыслима без разработки и внедрения новейших средств вычислительной техники, систем связи и передачи данных, обеспечивающих полное и своевременное использование информации и знаний в различных видах деятельности людей. С точки зрения В.С. Михалевича, «информатизация представляет собой переход общества в новое качественное состояние, выход на новые исторические рубежи, называемые информационным обществом». А.И. Ракитов, определяя информатизацию как «процесс прогрессивно нарастающего использования информационных технологий для производства, переработки, хранения и распространения информации и, особенно, знаний», считает, что результатом этого процесса могут стать радикальные преобразования, способствующие созданию базиса для перехода общества на новый, более совершенный этап развития.

В философской концепции А.П. Ершова информатизация представлена как очередной этап развития человечества, что характеризуется освоением информационной картины мира, и осознанием единства законов функционирования информации в природе и обществе и, в этой связи, осознание человеком себя как носителя и пользователя новых технологий. Автор, отмечая изменения в системе представлений человека о мире и о своем месте в нем, происходящие под влиянием процесса информатизации, указывает на необходимость принятия изменений и поиска оптимальных ответов на новые вызовы.

Что касается исследований влияния процесса информатизации на социальную сферу, здесь можно констатировать достаточно широкий спектр оценки, от однозначно положительной или нейтральной, до отрицательной. В трудах многих исследователей информатизацию трактуют как естественную и закономерную ступень развития человеческой цивилизации, влекущую за собой существенные изменения, которые затронут все стороны общественной жизни, и приведет к качественной трансформации общества, появлению новых целей и концепций общественного развития. В этой связи стоит упомянуть концепцию информационного общества Д. Белла и Э. Тоффлера, которое, благодаря широкому использованию информационных технологий, существенно отличается от предыдущего в таких основных сферах, как экономика, культура и социальная жизнь. Авторами концепции переосмыслена роль человека в процессе общественного развития. С одной стороны, отмечается появление новых возможностей в социальной сфере, обусловленных использованием информационных технологий, что обеспечивает доступ к ресурсам глобальных информационных сетей; как, например, возможность работы и обучения в дистанционном режиме. С другой стороны, реализация доступа к таким ресурсам, очевидно, связана с наличием у специалиста умений работы с большими объемами информации. Роль информатизации в изменении направления общественного сознания является объектом интереса и отечественных авторов. Так, А.Д. Урсул, рассуждая о социальной значимости процесса информатизации общества, подчеркивал, что использование средств информатики, особенно созданных на основе искусственного интеллекта, способствует тому, что человеческое сознание обретает новое качество, обеспечивающее выживание человеческого рода [2]. Интересно отметить, что, хотя процесс информатизации социума все еще находится в стадии своего развития, многие исследователи оценивают его возможные последствия как однозначно неблагоприятные. Так, И.Ю. Алексеева, Д.С. Черешкин, В.Н. Цыгичко, считают, что «…развитие информатизации порождает комплекс негативных международно-политических последствий», к которым, прежде всего, относится ускорение поляризации мира, что может стать главным источником нестабильности. Поэтому, считают авторы, все решения, связанные с процессом информатизации, должны быть максимально продуманными и приниматься на уровне соответствующих министерств каждого отдельного государства.

Таким образом, можно констатировать, что система высшего образования оказывается перед новым вызовом, который можно сформулировать как проблему подготовки профессионалов для обеспечения соответствующих темпов развития общества, отличительной характеристикой которого является широкое использование информационных технологий. Информатизацию в сфере высшего образования рассматривают, в этой связи, прежде всего, с позиций возможностей использования новых образовательных технологий, которые позволят улучшить процесс обучения и воспитания. Информатизация как одно

из актуальных направлений развития российского высшего образования нашла отражение в основополагающих документах нормативно-правового обеспечения, регламентирующих изменения настоящего этапа информатизации образования и являющихся основой его дальнейшего развития. Здесь нужно упомянуть «Концепцию модернизации российского образования на период до 2010 года», принятую в 2002 году. Затем последовала Концепция развития единой информационной образовательной среды в Российской Федерации, 2012 г. Далее, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [3], определены основные направления развития информатизации образования, то есть можно констатировать, что информатизация высшего образования представляет собой одно из основных направлений, обусловленных современным развитием общества, и, в этой связи, учитывая наличие прямо противоположных мнений о влиянии новых технологий на качество обучения, стоит говорить о необходимости регламентации их использования и соблюдении соответствующего баланса.

Таким образом, подводя итог, мы можем отметить значительные изменения в сфере высшего образования, происходящие под влиянием процессов естественного развития общества, причем рассмотренные нами факторы глобализации, интернационализации и информатизации как общественной, так и образовательной сферы, испытывают и взаимное влияние, что, на наш взгляд, также может отразиться на сфере высшего образования.

Литература

1. https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=259
2. https://ejournal.togudv.ru/ejournal/pub/articles/682/
3. http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919

THE DEVELOPMENT OF MODERN HIGHER EDUCATION: AN ANALYSIS OF INDIVIDUAL FACTORS

Gorshenina Ya.L.
Omsk State Pedagogical University

The article is devoted to analysis of individual factors which influence the state of modern higher education which primarily includes globalization as a process of comprehensive cultural convergence. In the field of education, there are trends that are opposite to globalization which are contributing to the strengthening of national vocational education systems and implemented by defining the language of instruction or by introducing a quota on the number of international students. The process of internationalization is examined from the perspective of various scientific approaches to its study This allowed us to clarify the goals and methods of incorporating international content into the activities of an educational institution. and thus contribute to its development in line with current trends. The impact of informatization on the educational sphere is considered from the perspective of introducing information technologies into the learning process and as a factor affecting the quality of education, This requires additional research on the possibilities of using information technologies in the university's educational process.

Keywords: globalization, the processes of economic and political unification, internationalization of education, unified educational space, the international component in the activities of an educational institution, educational environment, information resources.

References

1. http://www.nvpublic.com/library_red_article.php?id=259
2. http://ezhurnal.togdv.ru/ezhurnal/pub/articles/682/
3. http://vvv.kremlin.ru/asts/bank/41919

Инклюзивный процесс социокультурной адаптации детей в образовательных учреждениях (на примере Краснодарского края)

Денисов Николай Григорьевич,
доктор философских наук, профессор кафедры истории, культурологии и музееведения ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»
E-mail: ngdenisov@gmail.com

Антипина Ирина Николаевна,
магистрант кафедры истории, культурологии и музееведения, ФГБОУ ВО «Краснодарский государственный институт культуры»
E-mail: irinka1979nik@mail.ru

Основная идея научной работы посвящена изучению проблемы инклюзивного образования. Сегодня для детей с ограниченными возможностями становится реальностью получать знания в общеобразовательных учреждениях не только в больших городах, но и в небольших населенных пунктах. Существует еще немало проблем, которые предстоит преодолеть. Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) устанавливает цели, принципы и требования для реализации инклюзивного образования, начиная с дошкольного возраста и далее по всем уровням образовательной системы. Важное место в этой деятельности принадлежит решению вопроса по социокультурной адаптации детей.

Ключевые слова: инклюзия, социокультурная адаптация, образовательный стандарт, новые технологии, тьютер, многоуровневое образование.

Актуальность темы исследования

В современном динамично развивающемся обществе большую роль в жизни подрастающего поколения играет педагогический процесс, сопряженный с социокультурной адаптацией детей. Начиная с середины XX века педагогическая общественность стала поднимать проблемы о необходимости включения в общий образовательный процесс детей с ограниченными возможностями. [14] В 1994 году на Всемирной конференции, проходящей в Испании по данному направлению была принята Саламанкская декларация «О принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями», на которой впервые было введено понятие «инклюзивное образование». Этот документ обусловил решение целого ряда вопросов по созданию условий для занятий детей с ограниченными возможностями, формированию новых методик и подготовке кадров. [17]

С этого момента началось реформирование в сфере системы образования и культуры по вовлечению всех детей в инклюзивный процесс, имеющих ограниченные психические, физические или интеллектуальные возможности. В исследовании мы рассматриваем основные проблемы с которыми столкнулось общество, а также предлагаем пути их решения. Инклюзивное образование явилось новым направлением в педагогическом процессе, осуществляющим взаимодействие, взаимопроникновение и синтез обучения на разных ступенях развития детей, включающих в себя специфические подходы и методы его практического освоения и внедрения. Особое значение приобрело создание соответствующих условий для обучения детей с ограниченными возможностями. И в настоящее время решение этой проблемы остаётся актуальной. [5]

Степень научной разработанности проблемы

Исследование проблемы инклюзивного образования со временем приобретало популярность среди как зарубежных, так и отечественных специалистов: учёных, педагогов и практиков. К обсуждению темы инклюзивного образования активно подключилась и родительская общественность. В центре внимания данная проблема находилась также в научно-педагогической среде советского периода.

Вопросам социализации детей-инвалидов и детей с ОВЗ посвящены исследования таких зарубежных ученых как Дж. Холлом, М. Айшервудом, М. Милисентом А. Финк и др. Среди отечественных авторов выделяются научные труды психологов Т.А. Добровольской, Н.Б. Шабалиной. Проблемы социального и трудового становления изучены отечественными учеными А.А. Дыскиным и Э.И. Танюхиной, А.Н. Егоровым, А.Е. Осадчих

Целью исследования является анализ инклюзивного процесса социокультурной адаптации детей в образовательных учреждениях (на примере Краснодарского края).

Для успешного достижения поставленной цели *решаются следующие задачи:*

– изучить основные понятия и виды инклюзивного образования;
– проанализировать с точки зрения культурологического знания теоретические и практические подходы к решению проблемы;
– исследовать современные социокультурные механизмы формирования и трансформации образовательных программ;
– привести примеры и предложить рекомендации по внедрению лучшего опыта адаптации детей в образовательных и социокультурных учреждениях Краснодарского края.

Научная новизна исследования состоит в системном анализе проблем инклюзивного образования, существующих в культурно-образовательных учреждениях региона, а также в презентации креативного опыта и выработке рекомендаций по совершенствованию данной работы для специалистов и практиков, занимающихся социокультурной адаптацией подрастающего поколения.

Методология и методы исследования

Методология основана на историческом и культурологическом подходах, применяются эмпирические и статистические методы, а также анализ нормативно-правовых актов в отношении образовательных учреждений в области инклюзивного образования.

Методы исследования включают: культурологический и компаративный методы, аналитический метод сбора и обработки данных о внедрении инклюзивного образования в регионах, регулятивный анализ и экспертное интервьюирование.

Изложенные выше методы позволили исследовать региональный процесс внедрения инклюзивного образования и социокультурной адаптации среди детей, рождённых с ограниченными физическими и интеллектуальными способностями. [11]

Как пишет Девид Бланкет в своих научных трудах: «Образование детей с особыми потребностями является одной из основных задач… Это необходимое условие создания действительно инклюзивного общества, где каждый сможет чувствовать причастность и востребованность своих действий. Мы обязаны дать возможность каждому ребенку, независимо от его потребностей и других обстоятельств, полностью реализовать свой потенциал, приносить пользу обществу и стать полноценным его членом».

Начиная с 2000-х годов в России наблюдается планомерный процесс обучения и реабилитации детей в рамках образовательных программ специализированных коррекционных учреждениях I–VIII видов, а также в коррекционных классах общеобразовательных школ. [20]

В 2008 году Российской Федерацией подписала Конвенция ООН «О правах инвалидов». В 24 статье Конвенции подчёркивается ответственность государств-участников за признание права инвалидов на инклюзивное образование во всех уровнях обучения в течение всей жизни человека.

В настоящее время ведущим направлением в системе для обучения и воспитания детей с ограниченными возможностями здоровья становится инклюзивное образование, включающее в себя решение вопросов социокультурной адаптации. [17] Данное направление регулируется Конституцией РФ, Федеральными законами «Об образовании», «О социальной защите инвалидов в РФ» «О ратификации Конвенции о правах инвалидов» [15], а также Конвенцией о правах ребенка и Протоколом № 1 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Представленная законодательная база открыла возможности исполнительным органам – Минпросу и Минобрнауки – каждому ребенку получать качественные знания и социокультурную адаптацию к условиям жизни в современном социуме независимо от группы здоровья. В результате все дети, включая учащихся с ОВЗ стали учиться в общеобразовательных учреждениях, обеспечивающих полнокровный процесс обучения, социализации и адаптации в соответствующей специализированной инфраструктуре. [4]

Таким образом на государственном и региональном уровнях обретён статус инклюзивного образования, гарантирующий равный доступ к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Сегодня можно констатировать, что инклюзивный формат включен в систему образования, воспитания, просвещения, социокультурного развития и становится одним из приоритетов.

Между тем ещё предстоит преодолеть целый ряд проблем, чтобы в полной мере мы могли называть себя инклюзивным обществом.

Так, в России в 2024 году насчитывалось более 11 млн человек с ограниченными возможностями здоровья, и только 1.2 млн. россиян трудоспособного возраста были обеспечены рабочими местами. Из общего количества людей с ограниченными возможностями преобладали работники старше 45 лет (более 60%) со II и III группой инвалидности (45.4%). Среди работников занятых на производстве (11,8), в системе образования (12,9%), социальной сфере и здравоохранении (11,6%), оптово-розничной торговле и на ремонтных предприятиях автотранспорта (9,1%).

Согласно официальной статистике на 1 ноября 2025 года, среди постоянных жителей Краснодарского края инвалидность имеют 452 334 человека, что составляет 7, 97% от всего населения. Инвалидов 1-й группы 53 349 (0,94%), 2-й группы 193 533 (3,41%), 3-й группы 178 210 (3.14%), детей-инвалидов 24 972 (0,44%). [19]

В настоящее время инклюзивному образованию требуется дальнейшее совершенствование: интеграция в различные виды и уровни образовательных учреждений; оптимизация совместного обучения и воспитания; эффективное использование внеурочной деятельности в части вовлечения лиц с ограниченными возможностями в различные кружки, секции, студии и проектное творчество.

Это бесспорно затратный и трудоёмкий процесс для всех звеньев данной цепи, однако при этом возникает ряд проблем, требующих внимания со стороны государственных, региональных и местных органов управления в сфере образования и культуры.

Рассмотрим самые первостепенные. Необходимо преодолеть дефицит квалифицированных кадров и усовершенствовать систему подготовки специалистов, ориентированных на работу с лицами ОВЗ. Для функциональной работы инклюзивного обучения в общеобразовательных учреждениях требуется ротация кадров, привлечение тьюторов, уменьшение количества учащихся в классах. [14]

Вторая проблема состоит в вовлечении в образовательный процесс учреждений, занимающихся вопросами социокультурной адаптации детей с ограниченными возможностями. Данная проблема ориентирована на процесс взаимодействия педагогов и детей, способных создать благоприятную социокультурную и морально-психологическую атмосферу в совместном процессе воспитания.

Современное интегрированное с инклюзией образование обеспечивает «гибкость» школьной структуры. Ещё во многих учреждениях педагоги и руководители школ являются недостаточно компетентными по включению детей-инвалидов в интегративный процесс обучения и воспитания. Как свидетельствуют статистические данные, большинство школ в регионах страны остаются переполненными, что осложняет педагогический процесс в работе с детьми с ограниченными возможностями.

Требует также своего разрешения проблема создания материально-бытовых условий для педагогических работников. Поэтому многие выпускники по окончанию педагогических ВУЗов не идут работать в школы и детские сады, или после первого года работы выходят из профессии. Кроме того, невысокая зарплата, жилищные вопросы, большой документооборот, погоня за количеством, а не качеством мероприятий осложняют процесс комплектования образовательных учреждений профессиональными кадрами. Нерешённость данных проблем особенно затрагивает педагогический состав, призванный заниматься с детьми ОВЗ. Необходимо организовать профориентационную работу, курсы переподготовки, обучение узких специалистов, таких, как логопеды, дефектологи, тьютеры, что является актуальным ресурсом на пути совершенствования инклюзивного образования.

Рассмотрим решение данных проблем на примерах ряда поселений. В городе Крымске Краснодарского края большое внимание уделяется инклюзии в образовательных и социально-культурных учреждениях. «НАШ СОЛНЕЧНЫЙ МИР» – это учреждение, созданное в 1991 году родителями, прошедший за 30 лет путь, от общественного объединения до реабилитационного центра. Сегодня центр постоянно организует бесплатные стажировки и обучающие семинары для специалистов. [13] Педагоги дополнительного образования села Адагум Крымского района приняли ребёнка с нарушением речи и внимания, а уже через полгода у ребёнка пропало заикание, на лице появилась улыбка, прошла стеснительность. Сегодня эта девочка выступает не только на концертах, но и активно участвует в местных и региональных конкурсах.

В Краснодарском крае ежегодно проводится конкурс «Лучшее инклюзивное образовательное учреждение». В 2025 году он состоялся на базе Института развития образования города Краснодара, в нём приняли участие 20 образовательных учреждений.

Креативным примером является постановка работы инклюзивного образования в городе Нижневартовске, где находится санаторная школа, в которой создана инфраструктура социокультурной реабилитации детей различного возраста и профиля заболеваний. Здесь осуществляется образовательный процесс, включающий в себя оздоровительные, развивающие, спортивные, изобразительные, театральные, музыкальные направления. [10] В школе обучаются и обычные дети, они замечательно взаимодействуют и дружат со всеми учениками, а когда надо они оказывают посильную помощь сверстникам, нуждающимся поддержке. Пример данной школы раскрывается синергию педагогического состава, создающего благоприятную обстановку общения, обучения и дружбы среди обучающихся, которые по завершению школы становятся полноценными гражданами своего города и страны. Таким образом совместными усилиями создаётся комфортная среда, как для детей так и для педагогам. [16]

С сентября 2025 года во всех школах нашей страны согласно Приказу Министерства Просвещения № 704 от 9 октября 2024 года действует единая образовательная программа. В целях успешной реализации, этого документа мы предлагаем создать методический Портфель интегрированного инклюзивного обучения и социокультурного развития, который позволит в едином ресурсе собрать апробированный успешный опыт педагогов, дающий положительную динамику, что будет способствовать формированию единого педагогического пространства среди регионов всей страны. Этот инновационный поход, на наш взгляд, поможет инклюзивному обучению выйти на новый уровень по всем этапам образования, социализации и социокультурной адаптации детей ОВЗ в течение всего периода их развития. [18]

Особое внимание следует уделить материально-техническому обеспечению в сельских образовательных учреждениях. Трудностей

много, они начинаются с доставки ребёнка от дома до учреждений. Нередко пандус и лифт отсутствует, а социальное такси для инвалидов доступно только в городах. Во многих образовательных учреждениях пандусы есть, однако в старых типовых зданиях (а таких школ в сельской местности много) возникают трудности по преодолению порогов, лестниц, этажей. Предстоит предусмотреть решение многих практических деталей, когда количество детей и парт не позволяет проехать по кабинету на инвалидном кресле, или пройти с ходунками. [1]

В социокультурной адаптации важное значение имеет коммуникативные взаимоотношения всех участников инклюзивного процесса. Речь идёт о неподготовленности во многом социума к принятию детей-инвалидов с их ограниченными возможностями. Надо научиться самим и научить подрастающее поколение относится к людям на равных, и оказывать помощь нуждающимся. В основном люди спокойно воспринимают особенности другого человека, но ещё присутствуют отрицательные установки по отношению к людям с особенностями развития. Пока ещё встречаются родители, которые не желают, чтобы их дети обучались вместе с инвалидами.

В заключение подведём итог. Центральной идеей инклюзивного образования является акцент на ценности и уникальность каждого человека. Цель инклюзивного образования – внедрение в сознание детей идеи о том, что каждый из них, независимо от своих особенностей, имеет право на образование, общение с другими учениками, занятия творчеством, спортом и физкультурой. Сегодня общество открыто для всех, и наличие инвалидности не должно стать препятствием для активной жизни и полноценного участия в социальной деятельности. Предлагаем внести изменения при использовании Пушкинской карты, а именно: эта карта должна иметь ресурс посещения культурных учреждений не только детьми ОВЗ, но и их сопровождающим.

Считаем важным продолжить просветительскую работу в обществе, которая признает принцип равных возможностей в области начального, среднего и высшего образования для детей, молодежи и взрослых, имеющих инвалидность. Министерствами образования и здравоохранения созданы возможности по включению инвалидов в общую систему образования, воспитания, социокультурной адаптации и, как показывают первые шаги по внедрению инклюзии, они имеют положительный результат в развитии общества в целом.

Таким образом в настоящее время государственной образовательной и культурной политикой созданы равные условия для эффективной реализации инклюзивного образования и социокультурной адаптации среди всех возрастных групп с ограниченными возможностями здоровья. Последовательно и поэтапно решаются проблемные вопросы, связанные с материально-техническим, технологическим и кадровым обеспечением всего образовательного, воспитательного и культурно-просветительского процесса. Долг педагогического состава, всех заинтересованных лиц и организаций, имеющих отношение к целостному процессу оздоровления социума, состоит в качественном и эффективном решении всех задач, стоящих перед обществом в современных условиях.

Литература

1. Алёхина С.В. Философские и методологические основы инклюзивного образования. М.: МГППУ, 2022. 263 с.
2. Алёхина С.В., Самсонова Е.В., Быстрова Ю.А., Андреева Е.К., Некрасов А.С. Доказательная оценка инклюзивных практик: методическое руководство для экспертов. М.: Изд-во МГППУ. 2024. 99 с.
3. Битов А.Л. Особый ребенок исследования и опыт помощи, проблемы интеграции и социализации. М.: Правда, 2000. 254 с.
4. Буре Р.С., Островская Л.Ф. Воспитатель и дети. М.: Ювента, 2001. 174 с.
5. Денисов Н.Г. Политика культуры – культура политики – культурная политика. Краснодар: КГИК. 2020. 269 с.
6. Екжанова Е.А. Двухкомпонентная инклюзивная модель обеспечения прав на образование детей с различным уровнем психофизического развития // Инклюзивное образование: методология, практика, технология: материалы международной научно-практической конференции. М.: Изд-во МГППУ. 2011. С. 23–25.
7. Екжанова Е.А., Стребелева Е.А. Коррекционно-развивающее обучение и воспитание. Программа дошкольных образовательных учреждений компенсирующего вида для детей с нарушением интеллекта. М.: Просвещение, 2019. 272 с.
8. Инклюзивное образование в ДОУ. URL: https://niidpo.ru/blog/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-dou (дата обращения: 24.11.2025).
9. Инклюзивное образование в ДОУ. Будущее или настоящее. URL: https://domznaniya.ru/page/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-dou-budushchee-ili-nastoyashchee-4596581602/ (дата обращения: 24.11.2025).
10. Казенное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа-Югры «Нижневартовская общеобразовательная санаторная школа». URL: https://sanschool-nv.gosuslugi.ru (дата обращения: 24.11.2025).
11. Кротова Т.В. Развитие профессиональной компетентности педагога дошкольного образовательного учреждения в сфере общения с родителями воспитанников: дисс. канд. пед. наук. М., 2021. 179 с.
12. Мастер класс по инклюзивному образованию в ДОУ Мы вместе! URL: https://www.maam.ru/detskijsad/master-klas-po-yeksklyuzivnomu-obrazovaniyu-v-do-my-vmeste.html (дата обращения: 24.11.2025).
13. Наш солнечный мир Кубань. URL: https://solnechnymirkuban.ru (дата обращения: 24.11.2025).
14. Носова Т.М. Инклюзивное образование – стратегическое направление современного образования России // Молодой ученый. 2023. № 16.1 (120.1). С. 37–41. – URL: https://moluch.ru/archive/120/33325/ (дата обращения: 24.11.2025).
15. О ратификации Конвенции о правах инвалидов: федер. закон Рос. Федерации от 3 мая 2012 года № 46-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 25 апр. 2012 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 27 апр. 2012 г. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35237 (дата обращения: 24.11.2025).
16. Рубцов В.В., Алёхина С.В. Инклюзивное образование: актуаль-ный дискурс и перспективы развития // Психологическая наука и образо-вание. 2024. Т. 29, № 5. С. 4. URL: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2024_n5/from_editor (дата обра-щения: 24.11.2025).
17. Саламанкская декларация о принципах, политике и практической деятельности в сфере образования лиц с особыми потребностями. URL: https://www.gikit.ru/sites/default/files/docs/2020/10/Salamanskaya_deklaraciya.pdf (дата обращения: 24.11.2025).
18. Современные проблемы инклюзивного образования. URL: https://ncrdo.ru/center/blog/sovremennye-problemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya (дата обращения: 24.11.2025).
19. Статистика Инвалиды Краснодарского края. URL: https://bdex.ru/naselenie/krasnodarskiy-kray/?utm_referrer=https%3A%2F%2 Fyandex.ru%2F (дата обращения: 24.11.2025).
20. Щербакова А.Н. Организация работы с детьми дошкольного возраста с ОВЗ в условиях ДОУ. URL: http://doshkolnik.ru/zaniatia-s-detmi/31620-organizaciya-raboty-s-detmi-doshkolnogo-vozrasta-s-ovz-v-usloviyah-dou.html (дата обращения: 24.11.2025).

INCLUSIVE PROCESS OF SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF CHILDREN IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE KRASNODAR REGION)

Denisov N.G., Antipina I.N.
Krasnodar State Institute of Culture

The main idea of this research is to study the problem of inclusive education. Today, it is becoming a reality for children with disabilities to receive education in general education institutions not only in large cities, but also in small towns. However, there are still many challenges that need to be addressed. The Federal State Educational Standard (FSES) sets out the goals, principles, and requirements for implementing inclusive education, starting from preschool age and continuing through all levels of the educational system. The issue of socio-cultural adaptation of children plays an important role in this process.

Keywords: inclusion, socio-cultural adaptation, educational standard, new technologies, tutor, multi-level education.

References

1. Alekhina, S.V. (2022) Filosofskiye i metodologicheskiye osnovy inklyuziv-nogo obrazovaniya [Philosophical and Methodological Foundations of Inclusive Education]. Moscow: MGPPU.
2. Alekhina, S.V. & Samsonova, E.V. & Bystrova, Yu.A. & Andreeva, E.K. & Nekrasov, A.S. (2024) Dokazatelnaya otsenka inklyuzivnykh praktik: metodicheskoye rukovodstvo dlya ekspertov [Evidence-Based Evaluation of Inclusive Practices: A Methodological Guide for Experts]. Moscow: MGPPU Publishing House.
3. Bitov, A.L. (2000) Osobyy rebenok issledovaniya i opyt pomoshchi. pro-blemy integratsii i sotsializatsii [Special Child Research and Assistance Experience, Problems of Integration and Socialization]. Moscow: Pravda.
4. Bure, R.S. & Ostrovskaya, L.F. (2001) Vospitatel i deti [Educator and Children]. Moscow: Yuventa.
5. Denisov, N.G. (2020) Politika kultury – kultura politiki – kultur-naya politika [The policy of culture – the culture of politics – cultural policy]. Krasnodar: KGIK.
6. Ekzhanova, E. A. (2011) Dvukhkomponentnaya inklyuzivnaya model obespeche-niya prav na obrazovaniye detey s razlichnym urovnem psikhofizicheskogo razvitiya // Inklyuzivnoye obrazovaniye: metodologiya. praktika. tekhnologiya: materialy mezhdunar-odnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [A two-component inclusive model of ensuring the rights to education of children with different levels of psychophysical development // Inclusive education: methodology, practice, technology: materials of the international scientific and practical conference]. Moscow: Publishing house of Moscow State Pedagogical Univ.

7. Ekzhanova, E. A. & Strebeleva, E. A. (2019) Korrektsionno-razvivayushchee obuchenie i vospitanie. Programma doshkolnikh obrazovatelnikh uchrezhde-nii kompensiruyushchego vida dlya detei s narusheniem intellekta [Correctional and developmental education and upbringing. The program of preschool educational institutions of compensatory type for children with intellectual disabilities]. Moscow: Pro-education.

8. Inklyuzivnoe obrazovanie v DOU [Inclusive education in preschool educational institutions]. [Online] Available from: https://niidpo.ru/blog/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-dou (Accessed: 24.11.2025).

9. Inklyuzivnoe obrazovanie v DOU. Budushchee ili nastoyashchee [Inclusive Education in Preschool Educational Institutions. Future or Present]. [Online] Available from: https://domznaniya.ru/page/inklyuzivnoe-obrazovanie-v-dou-budushchee-ili-nastoyashchee-4596581602/ (Accessed: 24.11.2025).

10. Kazennoe uchrezhdenie Khanti-Mansiiskogo avtonomnogo okruga-Yugri "Nizhnevartovskaya obshcheobrazovatelnaya sanatornaya shkola" [State Institution of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra "Nizhnevartovsk Comprehensive Sanatorium School"]. [Online] Available from: https://sanschool-nv.gosuslugi.ru (Accessed: 24.11.2025).

11. Krotova, T.V. (2021) Razvitie professionalnoi kompetentnosti peda-goga doshkolnogo obrazovatelnogo uchrezhdeniya v sfere obshcheniya s rodi-telyami vospitannikov: diss. kand. ped. nauk [Developing the Professional Competence of a Preschool Teacher in the Sphere of Communication with Parents of Pupils: Diss. Cand. Ped. Sci. (Pedagogy)]. Moscow.

12. Master klass po inklyuzivnomu obrazovaniyu v DOU Mi vmeste! [Master Class on Inclusive Education in Preschool Educational Institutions: We're Together!]. [Online] Available from: https://www.maam.ru/detskijsad/master-klas-po-yeksklyuzivnomu-obrazovaniyu-v-do-my-vmeste.html (Accessed: 24.11.2025).

13. Nash solnechnii mir Kuban [Our Sunny World of Kuban]. [Online] Available from: https://solnechnymirkuban.ru (Accessed: 24.11.2025).

14. Nosova, T. M. (2023) Inklyuzivnoe obrazovanie – strategicheskoe napravlenie sovremennogo obrazovaniya Rossii // Molodoi uchenii [Inclusive Education – a Strategic Direction of Modern Education in Russia // Young Scientist]. [Online] Available from: https://moluch.ru/archive/120/33325/ (Accessed: 24.11.2025).

15. O ratifikatsii Konventsii o pravakh invalidov: feder. zakon Ros. Federatsii ot 3 maya 2012 goda № 46-FZ: prinyat Gos. Dumoi Feder. Sobr. Ros. Federatsii 25 apr. 2012 g.: odobr. Sovetom Federatsii Feder. Sobr. Ros. Federatsii 27 apr. 2012 g. [On ratification of the Convention on the Rights of Persons with Disabilities: federal law of the Russian Federation of May 3, 2012 No. 46-FZ: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on April 25, 2012: approved by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation on April 27, 2012]. [Online] Available from: http://www.kremlin.ru/acts/bank/35237 (Accessed: 24.11.2025).

16. Rubtsov, V.V. & Alekhina, S.V. (2024) Inklyuzivnoe obrazovanie: aktual-nii diskurs i perspektivi razvitiya // Psikhologicheskaya nauka i obrazo-vanie [Inclusive education: current discourse and development prospects // Psychological science and education]. [Online] Available from: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2024_n5/from_editor (Accessed: 24.11.2025).

17. Salamankskaya deklaratsiya o printsipakh, politike i prakticheskoi deyatelnosti v sfere obrazovaniya lits s osobimi potrebnostyami [Salamanca Declaration on Principles, Policy and Practice in Special Needs Education]. [Online] Available from: https://www.gikit.ru/sites/default/files/docs/2020/10/Salamanskaya_deklaraciya.pdf (Accessed: 24.11.2025).

18. Sovremennie problemi inklyuzivnogo obrazovaniya [Contemporary Issues of Inclusive Education]. [Online] Available from: https://ncrdo.ru/center/blog/sovremennye-problemy-inklyuzivnogo-obrazovaniya (Accessed: 24.11.2025).

19. Statistika Invalidi Krasnodarskogo kraia [Statistics on the Disabled of the Krasnodar Territory]. [Online] Available from: URL: https://bdex.ru/naselenie/krasnodarskiy-kray/?utm_referrer=https%3A%2F%2 Fyandex.ru%2F (Accessed: 24.11.2025).

20. Shcherbakova, A.N. Organizatsiya raboti s detmi doshkolnogo vozrasta s OVZ v usloviyakh DOU [Organization of work with preschool children with disabilities in preschool educational institutions]. [Online] Available from: http://doshkolnik.ru/zaniatia-s-detmi/31620-organizaciya-raboty-s-detmi-doshkolnogo-vozrasta-s-ovz-v-usloviyah-dou.html (Accessed: 24.11.2025).

Феномен социального восприятия исторического кинематографа: теоретические основания

Закеров Дамир Алиевич,
аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского;
преподаватель, Приволжский исследовательский медицинский университет
E-mail: damir.zakerov@yandex.ru

Статья посвящена сущностной специфике механизма социального восприятия кинематографических произведений исторической жанровой направленности. Сравниваются теоретические концепты, представленные в трудах М. Маклюэна, В. Беньямина, Ж. Диди-Юбермана и Дж. де Гру. Автор проводит анализ трудов указанных исследователей, выявляя общее и различное в понимании сути восприятия, его особенностей. Исследование стремится выявить, как кинематограф, транслируя информацию о прошлом, формирует представления о нем у индивида и социальных групп. Кинопроизведения, воплощающие на экране события минувших времен, дают не только познакомиться с ними, но и характеризуют отношение к социокультурным процессам настоящей действительности. В результате делается вывод, что феномен восприятия кино является многоуровневым процессом, в котором важнейшую роль играют коды восприятия, носящих дуалистический характер. Данная специфическая черта наделяет кинематограф интерактивным свойством, позволяя осуществлять диалог между поколениями зрителей и кинотворцов.

Ключевые слова: восприятие, кинематограф, медиа-исследование, film studies, коды восприятия.

Введение

Кинематограф на протяжении всего своего существования по праву является одним из самых востребованных медиа, позволяющим запечатлевать и воспроизводить окружающую человека действительность. Для современного индивида кино стало явлением вполне заурядным, превратившимся в часть повседневного времяпрепровождения. Более того, если сравнивать с периодом зарождения этого нового вида искусства (конец XIX – начало XX вв.), то выяснится, что в настоящее время человек с самого раннего возраста окружен в гораздо большем объеме аудиовизуальной информацией, воспринимаемой им благодаря различным медиа – кинематографу и его производным (например, телевидению, видеороликам в сети Интернет и т.п.).

Выше автором был применен термин «искусство» касательно данного типа медиа. Однако на заре зарождения кинематографа отношение к нему было иным. Техническое новшество, ярмарочный аттракцион, постепенно снискавший популярность у самых широких слоев социума: «Проявляли интерес широкие круги… Люди, у которых оно пользовалось успехом, впервые представляли массовую публику в современном смысле» [8, с. 26]. Кино демократично по своей сути. Истоки более ранних форм искусства – музыки, танца, живописи – более ритуализированы, даже сакральны. В связи с этим искусство считалось чем-то элитарным, недоступным для большинства. Однако появление нового технического медиа изменило сложившееся положение вещей. Схожие мысли можно обнаружить в автобиографической повести «Слова» французского философа Жан-Поля Сартра: «Уравниловка неуютных кинотеатров нашего квартала приучила меня к мысли, что новое искусство принадлежит мне, как и всем» [13 с. 95].

Кинематограф благодаря своей технологической специфики, усиливая онтологическое перемещение в пространстве и времени, открыл возможность визуализировать на экране события прошлого от древности до полувековой давности. Зритель в них не принимает личного участия по понятным причинам, однако это не убавляет его интереса к ним, вызывая желание стать причастным к минувшему, «соприкоснуться» с ним. Беря в учет большой охват и силу воздействия, можно утверждать, что в настоящее время именно технические художественные произведения или оптические медиа, оказывают значительное влияние на складывание тех или иных представлений о прошлом [9]. Кинопродукты исторической жанровой направленности способствуют не только пониманию минувших событий, но и характеризуют отношение к социокультурным процессам.

Изучение явлений прошедшего времени посредством кинематографической оптики дает возможность лучше понять механизм восприятия различными социальными группами этих событий, их реакции и то, как они представлены в культуре. В связи с этим в качестве объекта для анализа были выбраны исследования, сочетающие в себе интердисцилинарные подходы, что предоставляет возможность для комплексного социокультурного изучения восприятия исторических фильмов.

Герберт Маршалл Маклюэн: новое медиа – новый механизм восприятия

Одним из исследователей, обратившихся к вопросу о сущности перцепции и выявлению степени влияния различных медиа на нее и на человека был канадский медиа-теоретик Герберт Маршалл Маклюэн. Его знаменитое высказывание – «Средство коммуникации само является сообщением» (*«The medium is the message»*) – указывает на то, что сам способ передачи информации оказывает значительное влияние на восприятие содержания, формируя тем самым особое культурное пространство и тип мышления аудитории.

В своей фундаментальной работе «Понимание медиа: внешние расширение человека» [11] Маклюэн исследует различные медиа, представляющие собой способы коммуникации между людьми от древности до современной ему середины прошлого столетия. Медиа в его понимании есть «посредник», иначе говоря средство, с помощью которого люди обменивались различной информацией, будь то наскальная живопись, устная речь, письменность, печатная книга или же производное от фото/видео съемки.

Ключевая позиция его концепции обнаруживается в следующем выражении: «Тип и форма медиа важнее того значения или содержа-

ния, которое оно передает» [11, с. 12]. Иными словами, Маклюэн говорит о том, что с развитием формы медиа трансформируется и восприятие передаваемой информации.

Не менее важную позицию в его теории занимает и классификация медиа на так называемые «горячие» и «холодные». Ключевым фактором в определении того или иного типа средства коммуникации является изменение уровня чувственного восприятия человека при контакте с получаемой информацией. Так, например, степень «горячности» характеризуется возможностью расширять чувства человека «до степени высокой определенности» [11, с. 27]. Отметим, что в указанной классификации кинематограф относится к обозначенным «расширениям человека», тем более беря в учет успешно развивающееся голливудское кино.

Говоря о «продаже грез» по отношению к Голливуду, Маклюэн определяет ее как специфическое свойство кинематографической репрезентации: «Кино… предлагает свой продукт… грезы». Перцепция отражающего действительность кинематографического произведения дала возможность зрителям максимально соотнести себя с демонстрируемым изображением: «Кино предложило бедным роли богатых и власть имущих, о которых даже в корыстолюбивых грезах не мечталось» [11, с. 331]. В данном случаем можно говорить о том, что в процессе восприятия осуществляется некая проекция увиденного на реальную жизнь, оно происходит одновременно с наблюдением. Переплетаясь на чувственном уровне, они нивелируют онтологические рамки действительности.

В отношении исторического кино данное нивелирование приводит к постепенным трансформациям в понимании прошлого и культурной памяти, так как события исторической действительности для зрителя происходят на киноэкране в то же время, что и наблюдение за ними. Печатная культура и письменная форма памяти были линейными, в них присутствовали дефиниции раньше/позже в пространстве и времени. В техническую (аудио)визуальную эпоху все происходит одновременно, в этом смысле понятие истории попросту нивелируется.

Подчеркнем, что появление технологических электронных средств коммуникации не только привело к метаморфозам в восприятии, но и создало так называемого «первобытного человека электронной культуры». Данная метафора отсылает к схожести перцептивных процессов у человека прошлого и современности. Представленная корреляция указывает на принципиальную связь социокультурной традиции и механизма восприятия. Если для печатной культуры, которая предшествовала фотографии и кино, характерно *индивидуальное восприятие* информации, то (аудиально) визуальная культура, в свою очередь, определяется восприятием *коллективным*, что сближает ее с традициями дописьменного периода [12]. Создание кинотеатров, а в последствии и развитие телевидения, превратили просмотр фильмов в коллективный социальный опыт, объединяя большие группы людей вокруг общих сюжетов и эмоций.

Восприятие путем утраты ауры в концепции Вальтера Беньямина

С иных позиций к проблеме восприятия кинематографа ранее обратился в своих трудах философ культуры и исследователь искусства Вальтер Беньямин. Так, в работе «Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости» [4] говорится о том, каким образом появление технических средств трансформировало опыт, возникающий при восприятии человеком творений искусства. Ключевую понятие его концепции составляет *аура* – термин, применяемый Беньямином явно под влиянием мистицизма. Указанная лексема отсылает на ощущение уникальности, неповторимости произведения, которое связывается им с временем и местом создания: «Странное сплетение места и времени: уникальное ощущение дали, как бы близок при этом рассматриваемый предмет ни был» [4, с. 81]. Таким произведениям искусства свойственна ритуализированность, культовость их назначения, сакральное отношение к ним. С появлением фотоаппарата, а позднее и кинокамеры, ауратическая сила исчезает, равно как и исчезает само понятие оригинала в искусстве, заменяемое продуктом, тиражируемом среди самых широких слоев населения. Отныне фотографы, кинотворцы своей деятельностью симулируют ауру, «исчезнувшую со снимков вместе с вытеснением тени светосильными объективами, точно так же, как аура исчезла из жизни…» [4, с. 79].

Немецкому интеллектуалу, как правило, была присуща категоричность в онтогносеологических суждениях. В данном тексте не имеет значения, являлось ли это следствием имманентной критики искусства, идеологической убежденности или радикальной переоценки философии. Однако столь императивное суждение применительно к киноискусству дает почву для размышлений – а исчезла ли аура бесследно? Или же она просто трансформировалась, сменила свою форму, но при этом ее сущностная натура осталась прежней, коррелируя с понятием уникальности? Скажем, авторское кино, которое отдает приоритет художественному видению режиссера, ставит своей целью побудить зрителя к размышлению, погрузиться в глубинные вопросы, а не просто развлечься, «убить» время перед экраном. Используя нетривиальные приемы, стилистические эксперименты, не является ли авторское или артхаусное кино примерами ауратического искусства в беньяминовском понимании ауры? Остановимся на том, что вопрос об уникальности в искусстве является слишком дискуссионным, чтобы его можно было уместить в рамки одного текста.

В любом случае кино формирует новый тип воспринимающего субъекта – коллективного зрителя, потому как фильм может быть одновременно продемонстрирован большому числу людей. Обозначенное явление разрушает дистанцию между человеком и объектом перцепции, но оно же усиливает эмоциональную вовлеченность. Отметим отличительную особенность просмотра фильма коллективным субъектом, заключающуюся в фрагментарности. Медиа превращается в быстро сменяемую друг другом череду кадров, погружая зрителя в состояние «рассеянности», подчеркивающей новый тип восприятия: «Прямым инструментом тренировки рассеянного восприятия… являющегося симптомом глубокого преобразования восприятия, является кино» [4, с. 61]. «Рассеянный» взгляд фиксирует внимание на основной сути кинопроизведения, также эмпатически воздействуя на людей.

Стоит указать на то, что беньяминовская концепция о роли кинематографа коррелирует с его пониманием истории, которая представляется им как множество элементов, осознаваемых посредством катастрофических событий (войн и революций) или социальных кризисов [5]. Такая модель восприятия позволяет взглянуть на прошлое как на серию обрывочных фактов и явлений, что соотносит исторический процесс с кинофильмом, состоящим из разрозненных кадров, объединенных монтажной склейкой. Фрагментарное восприятие, «тренируемое» кинематографом, является единственным способом познать прошлое в настоящем: «Прошлое можно удержать только в образе, вспыхнувшем на миг в моменте его постижения…» [5, с. 229]. Субъект перцепции – своего рода *«angelus novus»* – не просто взирает на исторический процесс, но и эмоционально вовлекается в него, осуществляя механизм возвращения. Это представляет историю как «предмет такой конструкции, место которой не однообразное пустое время, а время, наполненное сознанием “сейчас” …» [5, с. 234].

Лексема «познание прошлого» отсылает нас к концептам истинности и подлинности. Реконструируя позицию Беньямина, видим следующее: «Все, что связано с подлинностью, недоступно технической – и, разумеется, не только технической – репродукции» [4, с. 20]. Иными словами, ключевая мысль сводится к тому, что медиа (фотография, кино) не способны передать реальность, но лишь создают своего рода оттиск, копию. Создавая диалектическое отношение между копией и оригиналом, Беньямин явно разграничивает субъект и объект перцепции. Субъект – *«angelus novus»* существует действительно, объект – исторические события, демонстрируемые в кинематографическом произведении, не могут соотноситься с действительными событиями прошлого. Вводя чисто платоновское понимание истинны, Беньямин создает своего рода иерархию достоверности, создающую неоднозначность в понимании субъекта. Кто же осуществляет монтажную склейку при рассеянном восприятии – индивидуум или социальная группа? «Если индивидуум или социальная группа, то некорректно говорить об объективности презентаций, репрезентаций, воспоминаний – они будут субъективными или интерсубъективными…» [15].

Эмоциональная составляющая в концепции Беньямина наделяет новый тип искусства преобразующим потенциалом, позволяющим не отражать в фильме окружающую действительность, но преобразовывать ее, в том числе и в политической сфере социума. Иными словами, кино превращается в действительно эффективное средство объединения масс. В контексте исторического кино события прошедшего времени становятся материалом, конструирующим образ прошлого, воспринимаемый зрителем.

Жорж Диди-Юберман: восприятие отсутствующего посредством воображения

Одну из вариаций теории репрезентации в контексте изучения восприятия в своих работах концептуализировал французский исследователь Жорж Диди-Юберман, занимающий видное место в ряду исследователей визуального. Он выдвигает свою методику анализа визуальных форм искусства, в основу которой положены понятия «видимого» и «взгляда» [6]. Это дает возможность провести углубленное изучение феномена восприятия кинематографических образов, как важного аспекта социокультурной жизни общества. Концептуальные рамки своей теории Диди-Юберман выстраивает, отталкиваясь от работ своих

предшественников – Зигмунда Фрейда, Мориса Мерло-Понти, Жака Деррида, а также рассматриваемого нами ранее Вальтера Беньямина.

В работе «То, что мы видим, то, что смотрит на нас», беря за основу беньяминовский концепт ауры, автор подчеркивает, что ее закат с развитием технического прогресса в начале XX века был провозглашен преждевременно, о чем уже писалось выше. *Культовая аура* является одной из ее форм, смену которой и наблюдал Беньямин. На смену ей приходит новая *секуляризированная аура* современных технически опосредованных форм репрезентации действительности [6, с. 133–134]. Отметим, что в понимании Диди-Юбермана аура выходит за рамки искусства, становясь маркером визуальности как пребывания индивида в мире [6, с. 58–59].

Немаловажное место в этой концепции занимает понятие дистанции между субъектом и объектом восприятия, которое становится одной из базовых составляющих видения. Заимствуя у Фрейда концепт *Fort-Da* («Далеко, отсутствует» – «Тут, присутствует»), Диди-Юберман обозначает им ауратическую форму дистантности, приводя в пример катушку с нитками в руках младенца. Объект исчезает из поля зрения субъекта (Fort), но одновременно с этим происходит его становление перед ним (Da). Данная пространственно-временная форма восприятия указывает на взаимодействие с чем-то виртуальным, «зыбким» [6, с. 97]. Воспринимаемый объект и одновременно присутствует в настоящем, но и указывает на свое отсутствие.

В данном ключе немедленно вспоминается понятие *аорист* Ролана Барта [3]. Применительно к историческому кинематографу, можно привести пример зрителей, смотрящих на события прошлого, проживающих свой чувственный опыт по отношению к ним, вовлекающихся в их суть, но при этом признающих увиденное «утраченным» в настоящем, ставшим историей.

Перцепция рассматривается Диди-Юберманом как индивидуальный процесс, воздействующий одновременно на чувственную составляющую и опыт воспринимающего субъекта [7]. Воспринимаемый образ может трактоваться как самодостаточный носитель культурного смысла. Особое место в обозначенной концепции занимает воображение, чью роль Диди-Юберман считает принципиально важной в контексте исследования исторических (аудио)визуальных произведений, в которых «историческое событие становится навязчивой идеей, оно подхлестывает воображение…» [7].

Воображение в понимании Диди-Юбермана включает в себя не только психоэмоциональную, но и ментальную вовлеченность в процесс познания образов, транслируемых зрителю. Оно дает возможность собрать в сознании образ из элементов, предлагаемых наблюдением. Стимуляция воображения познающего субъекта вызывает некое состояние аффекта, закрепляющее в памяти образ и соотносящее его с конкретным смыслом. Восприятие образов в данном ключе превращает процесс познания в динамичную постоянную процедуру, порождающую индивидуальные формы смыслов.

Нельзя не указать, что теория Диди-Юбермана обладает междисциплинарным характером, объединяя в себе различные аспекты гуманитарного знания, что позволяет применять данный концепт во всестороннем и комплексном подходе к социокультурному исследованию воздействия кинематографа на общество.

Потребление и восприятие конструкта в концепции Джерома де Гру

Отметим, что массовое появление и распространение исторических кинопроизведений неизбежно привело к ситуации, когда история из сугубо академической среды перешла в публичную сферу. Это явление и в настоящее время вызывает неоднозначное отношение в академической среде, дав старт множеству дискуссий. Однако все чаще указывается необходимость включения профессиональных исследователей в изучение культуры в целом и медиа в частности с целью лучшего понимания их влияния на формирование культурной памяти [2]. В обозначенном ключе весьма примечательна концепция профессора Манчестерского университета Джерома де Гру, которую он последовательно изложил в своем труде «Потребляя историю. Историки и наследие в популярной культуре» [1]. Де Гру не только прослеживает, как социум «потребляет» историю, но и размышляет о том, как изучение этого «потребления» может помочь лучше адаптировать историю к мейнстриму. Он представил довольно широкий спектр проявлений массой культуры современности: от локальной истории до составления генеалогий, от цифровых исторических архивов до исторической реконструкции и компьютерных игр. Среди прочего были рассмотрены и исторические телешоу, сериалы и художественные фильмы.

Так, кино наравне с сериалами и телешоу представляет собой форму взаимодействия с сконструированным прошлым. Де Гру указывает на интертекстуальность кинематографа, выражающуюся в способности исторического фильма отсылать к иным артефактам культуры, а зрители в свою очередь при просмотре фильма будут сравнивать его с прочими историческими кинопродуктами данного жанра.

Рассуждая об особенностях кино, как способа передачи исторического опыта, де Гру подчеркивает, что исторические фильмы использовались для проработки событий прошлого. Благодаря этому возникает ситуация, когда данное медиа становится, с одной стороны, центром пересечения определенных тропов, которые наиболее известны массовому зрителю, а с другой, местом, находящимся в настоящем, но при этом содержащим в себе «абстрактные события прошлого, переосмысляемые и меняющиеся путем их различного понимания» [1, с. 208].

Иными словами, фильмы демонстрируют не сами события минувших лет, но их интерпретацию деятелями искусства, некий идеал, о котором есть представления. В данном ключе де Гру, как и Вальтер Беньямин, указывает на политический потенциал кино, выражающийся в возможности кинофильмов различных государств преследовать конкретные цели, представляя те или иные факты в выгодном ключе, выставляя одни сюжеты истории и затеняя иные [1, с. 210].

В отношении восприятия исторических фильмов в концепции де Гру особое место занимает чувство историчности, которое можно соотнести с беньяминовским концептом ауры. Это состояние, при котором зритель подсознательно понимает, что увиденное им является историческим вымыслом по своей сути, неким конструктом, а происходящего на киноэкране могло и не быть. Однако обстановка, окружающие главных героев предметы, порой реально существовавшие люди, а также их речь создают эмоциональную причастность к историческому прошлому. Представленные компоненты, конструирующие чувство историчности, обозначаются понятиями *«аутентичность» и «атмосфера»* [1, с. 187–188].

Таким образом, память, формируемая у человека в ходе просмотра кинематографического продукта, посвященного историческим событиям, также представляет собой некий конструкт, базисом которого выступают «аутентичность» и «атмосфера», вызывающие чувство историчности произведения, заставляющее верить в происходящие на киноэкране события. Визуальная эстетика этих медиа перетекает в концептуализацию прошлого. То, что мы можем назвать исторической достоверностью, становится мизансценой повествования, выражения конкретной идеи, цели, проблемы, которую ставит перед собой кинотворец.

Поскольку историческое кино, созданное в одном государстве, может транслироваться в другом, становится актуальным вопрос о том, насколько важна историчность для зрителя, не являющегося гражданином страны. Дж. де Гру указывает, что в данном случае медиа будут играть скорее образовательную функцию – зрители других государств как бы приобщаются к культурной памяти той страны, сюжеты прошлого которой разворачиваются перед ними на киноэкране.

Коды восприятия: размышления о семиотике кино (вместо заключения)

Способность фиксировать события действительности, в том числе прошедшей, считалась наиболее выигрышной чертой киноискусства, его достоинством. Данный тип медиа давал человеку ощущение перцепции в полном объеме. Однако имеет принципиальную важность не только факт записи и передачи событий, но и то смысловое значение, которое создается при их познании: «Видимый мир давался в кино не как таковой, а в своей смысловой относительности, иначе кино было бы только живой фотографией. Видимый человек, видимая вещь только тогда являются элементом киноискусства, когда они даны в качестве смыслового знака» [14, с. 330].

Детальное изучение сущности процесса восприятия кинематографа исторического характера ставит перед нами проблему, приобретающую гносеологический характер. Суть этого вопроса заключается в том, насколько кино позволяет нам познать историческую действительность путем восприятия ее *отраженного* или *сконструированного* образа.

Можно предположить, что опыт восприятия зрителями кинематографических произведений, относящихся к историческому жанру, отличается от восприятия произведений, не связанных с историей. Историческое кино несет в своей сущности свидетельства прошлого, отсылая нас к некой правдивости, визуализированного на экране.

В контексте восприятия кинематографических репрезентаций исторической направленности нельзя не упомянуть и проблему достоверности и целостности сведений, положенных в сюжет произведения искусства. Обозначим сразу, что эти источники представляют собой авторское творение. Иными словами, изначально они проецируют позицию и отношение творца. Однако, хоть и не отражая всю эпоху в целом,

фильмы способны создать достаточно целостностное представление о визуализированных событиях. Любопытную точку зрения на данный вопрос высказал Зигфрид Кракауэр: «Как ни странно, но инсценировка подлинного события может дать на экране более сильную иллюзию, нежели то событие, снятое хроникально» [10, с. 75].

Оказывая визуальное (а с развитием прогресса и аудиальное) воздействие на зрителя, будучи составленным из разнообразных художественных и технических средств, просмотр кинопроизведения превращается в акт перцепции человеком кинематографической реальности. Ее время и пространство наделены своей спецификой, а их начало и конец определены кадрированным планом. Создаваемая режиссером действительность фильма содержит в себе обстановку, отражающую различные аспекты жизни. Все вместе это наделяет транслируемую информацию значениями, символами и знаками, восприятием которых занимается зритель.

Восприятие медиа представляет собой достаточно сложный многогранный процесс взаимодействия зрителя с (аудио)визуальным материалом на различных уровнях. При рассмотрении данного феномена, необходимо брать во внимание индивидуальные особенности воспринимающего субъекта, такие как внимание, память, эмоции. Однако значительную роль играют также и коллективные процессы интерпретации визуальных образов, обусловленные социокультурным контекстом.

Отметим первостепенную важность *кодов восприятия* индивида, которые проходят сквозь призму аналогичных кодов, присущим создателям кино – режиссеру, оператору, а порой даже актеру, воплощающему ту или иную историческую персону. Природа их сущности носит изначально двойственный характер – с одной стороны они порождаются различными архетипами, пребывающими в социуме. В данном случае кино *отражает* их. Но с другой – кинематографическое произведение и *создает* различные штампы, стереотипы. Так кинематограф становится средством коммуникации между поколениями, репрезентируя существующие архетипы для одного поколения и конструируя новые для последующих.

Таким образом, природа феномена восприятия кино находится в плоскости субъективности проживания опыта воспринимающего субъекта и непосредственной объективности воспринимаемого кинопроизведения. Данное медиа играет большую роль в современном обществе. Все вместе это дает возможность применять кинематографическое произведение как источник и средство в социокультурном исследовании.

Литература

1. De Groot J. Consuming History: historians and heritage in contemporary popular culture. N.Y.: Routledge. 2009. 292 p.
2. Jordanova L.J. History in Practice. L.: Arnold. 2000. 224 p.
3. Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Пер. с фр. М. Рыклина. М.: AdMarginem, 2011. 272 с.
4. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под. ред. Ю.А. Здорового. М.: Медиум, 1996. 240 с.
5. Беньямин В. О понимании истории / Пер. с нем. Н.М. Бернов-ской // Беньямин В. Озарения. М.: Мартис, 2000. С. 228–236.
6. Диди-Юберман, Ж. То, что мы видим, то, что смотрит на нас / Пер. с фр. А. Шестакова. СПб.: Наука, 2001. 264 с.
7. Диди-Юберман, Ж. Изображения вопреки всему // Отечественные записки. 2008. № 4 (43). С. 77–94. – URL: https://strana-oz.ru/2008/4/iz-knigi-izobrazheniya-vopreki-vsemu [Дата обращения: 20.08.2025]
8. Жабский М.И. Кинематограф – зеркало или молот? Кинокоммуникация как социокультурная практика. М.: Канон+, 2010. 536 с.
9. Киттлер Ф. Оптические медиа: Берлинские лекции 1999 г. / Пер. с нем. О. Никифорова, Б. Скуратова. М.: Логос/Гнозис, 2009. 272 с.
10. Кракауэр З. Теория кино. Реабилитация физической реальности / Пер. с нем. Д.Ф. Соколовой, О. Улыбышевой. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 504 с.
11. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева. М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. 464 с.
12. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдина. К.: Ника-Центр, 2004. 432 с.
13. Сартр Ж.-П. Слова. / Пер. с фр. Л. Зониной, Ю. Яхниной. М.: Прогресс, 1966. 177 с.
14. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. 576 с.
15. Фатенков А.Н. Вальтер Беньямин и Михаил Лифшиц в пространстве поэтической онтогносеологии // Философия и культура. 2011. № 9(45). С. 26–37. EDN: QBYZMB

THE PHENOMENON OF SOCIAL PERCEPTION OF HISTORICAL CINEMA: THEORETICAL FOUNDATIONS

Zakerov D.A.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Privolzhsky Research Medical University

This article examines the specific mechanisms of social perception of historical cinematic works. It compares theoretical concepts presented in the works of M. McLuhan, W. Benjamin, G. Didi-Huberman, and J. de Groot. The author analyzes the works of these researchers, identifying commonalities and differences in their understanding of the essence of perception and its characteristics. This study seeks to elucidate how cinema, by conveying information about the past, shapes perceptions of individuals and social groups. Films that depict events of bygone times on screen not only provide an opportunity to become familiar with them, but also characterize the attitude toward the socio-cultural processes of the present reality. The conclusion is that the phenomenon of film perception is a multi-layered process in which dualistic codes of perception play a crucial role. This unique feature imbues cinema with an interactive quality, enabling dialogue between generations of viewers and filmmakers.

Keywords: perception, cinema, media studies, film studies, codes of perception.

References

1. De Groot J. Consuming History: Historians and Heritage in Contemporary Popular Culture. New York: Routledge. 2009. 292 p.
2. Jordanova L.J. History in Practice. Leningrad: Arnold. 2000. 224 p.
3. Barthes R. Camera Lucida. Commentary on Photography / Translated from French by M. Ryklin. Moscow: AdMarginem, 2011. 272 p.
4. Benjamin V. The Work of Art in the Age of Technical Reproducibility. Selected Essays / ed. by Yu.A. Zdorovyi. Moscow: Medium, 1996. 240 p.
5. Benjamin V. On Understanding History / Translated from German by N.M. Bernovskaya // Benjamin V. Illuminations. Moscow: Martis, 2000. Pp. 228–236.
6. Didi-Huberman, J. What We See, What Looks at Us / Translated from French by A. Shestakov. St. Petersburg: Nauka, 2001. 264 p.
7. Didi-Huberman, J. Images in Spite of Everything // Otechestvennye zapiski. 2008. № 4 (43). Pp. 77–94. – URL: https://strana-oz.ru/2008/4/iz-knigi-izobrazheniya-vopreki-vsemu [Accessed: 20.08.2025].
8. Zhabskiy, M.I. Cinema – Mirror or Hammer? Film Communication as a Sociocultural Practice. Moscow: Canon+, 2010. 536 p.
9. Kittler, F. Optical Media: The Berlin Lectures of 1999. Translated from German by O. Nikiforova and B. Skuratova. Moscow: Logos/Gnosis, 2009. 272 p.
10. Kracauer, Z. Film Theory: Rehabilitation of Physical Reality. Translated from German by D.F. Sokolova and O. Ulybysheva. Moscow: Ad Marginem Press, 2024. 504 p.
11. McLuhan, G.M. Understanding Media: Human External Extensions. Translated from English by V. Nikolaev. Moscow: Zhukovsky: CANON-press-C, Kuchkovo Pole, 2003. 464 p.
12. McLuhan, G.M. The Gutenberg Galaxy: The Creation of Print Culture Man. Translated from English by A. Yudin. K.: Nika-Center, 2004. 432 p.
13. Sartre, J.-P. Words. / Translated from French by L. Zonina, Yu. Yakhnina. Moscow: Progress, 1966. 177 p.
14. Tynyanov, Yu.N. Poetics. History of Literature. Cinema. Moscow: Nauka, 1977. 576 p.
15. Fatenkov, A.N. Walter Benjamin and Mikhail Lifshitz in the Space of Poetic Ontognoseology // Philosophy and Culture. 2011. № 9(45). Pp. 26–37. EDN: QBYZMB

Метафорические наименования в русских толковых словарях

Ли Имо,
преподаватель, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне
E-mail: liyimo@mail.ru

Статья представляет результаты лексикографического исследования вторичных метафорических наименований лица на материале двух авторитетных русских словарей. Целью работы является анализ источников метафор, их семантического спектра и способов фиксации в словарях. Установлено, что, хотя зоосемизмы являются наиболее многочисленными, метафоры, основанные на предметах и абстрактных понятиях, характеризуют человека по более широкому кругу качеств. Сравнение словарей выявило их слабую согласованность: совпадение единиц составляет лишь 44,4% для зоосемизмов и 19,7% для остальных метафор, что указывает на субъективность и разрозненность в описании данного лексического пласта. Практическая значимость работы заключается в привлечении внимания к проблеме систематизации метафорических значений, что представляет интерес как для лексикографов, так и для студентов-филологов, изучающих семантику и лексикографию.

Ключевые слова: семантическая деривация, вторичные названия лиц, зоосемизмы, русские толковые словари.

Термин *семантическая деривация* применялась в сфере словообразования. Д.Н. Шмелев был одним из первых, кто перенёс это понятие в область семантического анализа [Шмелев, 1964]. В контексте сопоставления французского и русского языков В.Г. Гак обратил внимание на сходный феномен: прямое и переносное значения слова в обоих языках не имеют формального различия. Для обозначения этого явления исследователь предложил термин «семантическая конверсия» [Гак, 1966, с. 119].

В дальнейшем концепция семантической деривации получила развитие в работах целого ряда лингвистов: Земская, 1973; Мельчук, 1999 и др.. Как отмечал Ю.Д. Апресян, её можно рассматривать в качестве особого случая лексической деривации, то есть словообразования [Апресян, 1974, с. 187]. Схожей точки зрения придерживается Е.В. Падучева, указывая, что ключевое отличие семантической деривации от словообразования заключается в отсутствии обязательных формальных маркеров у первой (Падучева, 2004, с. 147).

В рамках подхода, разрабатываемого Е.В. Падучевой, совокупность значений слова трактуется как особая парадигма. С этой точки зрения, семантическая деривация выступает как результат регулярной многозначности, представляя собой её динамическую модель. Под моделью семантической деривации понимается правило, позволяющее вывести значение производной лексемы из значения исходной (Падучева, 2004, с. 149).

Данная концепция базируется на двух основных положениях. Во-первых, предполагается, что в системе значений многозначного слова можно выделить корневую лексему, от которой все прочие значения являются прямыми или косвенными дериватами. Во-вторых, существуют повторяющиеся в языке модели, по которым исходные значения порождают производные. Именно их регулярность и воспроизводимость в разных лексических единицах служит доказательством существования таких моделей [Падучева, 2004, с. 149].

Важнейшими и наиболее продуктивными видами семантической деривации, механизмы которых были детально описаны Дж. Лакоффом, считаются метафорический и метонимический перенос [Lakoff, Johnson, 1980]. В данной статье сделан акцент на вторичных номинациях, мотивирующих механизмом метафоры.

Настоящее исследование опирается на материалы русских вторичных номинаций, зафиксированных в двух лексикографических источниках: «Русском семантическом словаре» (далее – РСС) и «Словаре обидных слов» Л.В. Дуличенко (далее – СОС). Методом сплошной выборки из указанных изданий был сформирован список, включающий вторичные названия лиц, мотивированные не названиями животных – 137 единиц. Стоит отметить, что мы не включили такие единицы: вторичные названия лиц, мотивированные частями тела (например: Голова: ‘умный одарённый человек’ [РССI:68]); названиями болезней (например, Слепец: в значении ‘человек, обманывающийся в том, что очевидно для других› [РССI:97]); именами героев мировых произведений (например, Селадон: устаревшее, ныне ироническое ‘любитель ухаживать за женщинами’ [СОС:172]); профессиональными названиями (например, Рыцарь: в переносном значении ‘самоотверженный, благородный человек, преданный высокой идее’ [РССI:95]). Согласно классической точке зрения – Н.Д. Арутюновой, В.П. Москвина, Г.Н. Скляревской и др., мы считаем, что у таких слов между источником и целевой областью нет значительной разницы.

Выбор данных словарей обусловлен тем, что они репрезентируют ключевые традиции современной русской лексикографии. СОС, базирующийся на четырёхтомном «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и отражающий общеупотребительную лексику, был расширен за счёт современных текстовых материалов, особенно в части метафорических номинаций лиц. РСС в свою очередь, развивает принципы «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и дополнен данными из широкого круга других словарей и современной литературы.

Со стороны источниковой области мы выделили 3 подгруппы:

1) предметы, созданные человечеством (86 единицы);
2) предметы или вещества, созданные природой (38 единиц);
3) абстрактные понятия (13 единиц).

1. Анализ вторичных названий лиц, мотивированных неживотными объектами в РСС.

Статья подготовлена при поддержке проекта «Молодые новаторы в высшем образовании провинции Гуандун» (2024 г.) «Эволюция русских метафорических вторичных наименований с позиций динамической семантика: на примере зоометафор» (грант № 2024WQNCX022).

В семантическом словаре вторичные названия лиц, мотивированные неживотными объектами, составляют всего 100 единиц.

1) Вторичные названия лиц мотивированы предметами, созданными человечеством : *балда, болван, бревно, винтик, гнездо, дубина, дубьё, заноза, каланча, квашня, кислятина, кнопка, колобок, колода, колпак, комод, кубышка, кувалда, мешок, орясина, отбросы, отсев, пень, пешка, пила, подонки, пугало, пышка, развалина, рвань, руина, столп, сухарь, тряпка, туз, тумба, тюфяк, улица, хлыст, цыпочка, чайник, чумичка, чучело, шляпа, юла* (45 единиц);

2) Вторичные названия лиц мотивированы предметами или веществами, созданными природой: *дичок, дуб, звёздочка, зоренька, кремень, лопух, мимоза, перекати-поле, пузырь, пустоцвет, ржа, ржавчина, розан, розанчик, светило, смола, сморчок, солнышко, тень, цвет, цветик, цветочек, ягода, ягодка, ядро* (25 единиц);

3) Вторичные названия лиц мотивированы абстрактными понятиями: *верста, верхушка, династия, дно, молодость, ноль, простота, старость, талант, шкода, юность* (11 единиц);

С точки зрения целевой области в Русском семантическом словаре (РСС) зоосемизмы распределяются по 29 группам, характеризующим качества человека. В то же время вторичные названия лиц, образованные от неживотных объектов, охватывают 35 семантических групп. Например:

'По отсутствию ума, способностей' по средним способностям': *балда, болван, бревно, дуб, дубина, колпак, пень* [РССI:88–90].

'Неаккуратность, медлительность, нерасторопность, невнимательность, неловкость, суетливость': *квашня, мешок, тюфяк, чумичка, шляпа* [РССI:104].

'По физическому, физиологическому состоянию (по росту, силе, полноте; по чувству сытости или голода, по состоянию трезвости)': *верста, каланча, кнопка, колобок, колода, комод, кубышка, кувалда, орясина, пышка, развалина, руина, сморчок, тумба* [РССI:332].

Таким образом, несмотря на то что лексический состав зоосемизмов количественно превосходит семантический спектр вторичных номинаций, мотивированных неживотными объектами, оказывается шире и разнообразнее.

Состав вторичных названий лиц, мотивированных неживотными объектами в РСС и СОС

Анализ выявил существенные расхождения в составе зоосемизмов между РСС и СОС: их пересечение составляет лишь 44,4% [Ли Имо, 2024]. Для вторичных номинаций лиц, образованных от неживотных объектов, контраст оказывается ещё более выраженным – здесь уровень совпадения снижается до 19,7%. По нашей классификации, подгруппа ‹вторичные названия лиц, мотивированых предметами, созданными человечеством›, в РСС содержит всего 45 единиц, в СОС – 62 единицы, то есть совпадение составляет 23,3% (20 из 86). Подгруппа 'вторичные названия лиц, мотивированых предметами или веществами, созданными природой›, в РСС насчитывает всего 27 единиц, в СОС – 16 единиц, то есть совпадение составляет 13,2% (5 из 38).

Состав подгруппы 'Вторичные названия лиц, мотивированых предметами, созданными человечеством'. В обоих словарях отражены 20 единиц; 25 единиц зафиксированы только в «Русском семантическом словаре»: *бревно, винтик, гнездо, каланча, квашня, кислятина, кнопка, колода1, комод, отбросы, отсев, пень, пила, подонки, пышка, развалина, рвань, столп, туз, улица, цыпочка, чайник, чучело, шляпа, юла*; 42 единиц зафиксированы только в словаре Л.В. Дуличенко: *автомат, антик, барахло, бич, бомба, брандахлыст, вертушка, водолей, жердь, колотовка, лапша, лежень, липучка, матрёшка, мелево, наушник, оригинал, пенек, подстилка, порох, пустышка, развалюха, размазня, рвань, ряшка, сапог, сачок, старье, тип, толкач, трепло, трещотка, тюря, фитюлька, флюгер, цаца, чурбан, чурка, шагала, шатун, шваль, шушваль*.

Состав подгруппы 'Вторичные названия лиц мотивированы предмедами или веществами созданными природой'

В обоих словарях отражены 5 единиц; 22 единицы зафиксированы только в «Русском семантическом словаре»: *звёздочка, золотка, зоренька, кремень, мимоза, перекати-поле, пробка, пузырь, ржа, ржавчина, розан, розанчик, светило, сморчок, солнышко, тень, цвет, цветик, цветочек, ягода, ягодка, ядро*; 11 единиц зафиксированы только в словаре Л.В. Дуличенко: *деревяшка, зелье, колючка, мухомор, одуванчик, перец, прорва, репей, скороспелка, фрукт, хрен*.

Состав подгруппы 'Вторичные названия лиц, мотивированых абстрактными понятиями'

В обоих словарях отражена 1 единица; 10 единиц зафиксированы только в «Русском семантическом словаре»: *верста, верхушка, династия, дно, молодость, ноль, простота, старость, талант, юность;* 2 единицы зафиксированы только в словаре Л.В. Дуличенко: *назола, обуза*.

Обнаруженные расхождения в составе метафорических вторичных номинаций могут быть объяснены двумя основными факторами: различиями в лексикографических принципах базовых словарей-источников и определённой субъективностью при фиксации и толковании переносных значений. Сам факт таких существенных разночтений свидетельствует о недостаточной изученности и неоднозначности лексикографического описания рассматриваемого феномена в современной русистике.

Названия других предметов, мотивированных названиями животных

Кроме названия лиц, названия других предметов также могут мотивироваться названиями животных. На основе собранных нами 162 зоосемизмов[Ли Имо, 2020], 24 единицы имеют не только значения вторичных названий лиц, но и другие значения, обозначающие предметы. Следуя классификации в Семантическом словаре, такие единицы попадают в 11 подгрупп. Среди них подгруппы 'Продукты питания и внутреннего потребления' и 'Предметы, относящиеся к спорту, зрелищам, играм, Музыкальные инструменты 'являются наиболее плодотворными. Зоосемизмы *рыба, козёл, конь* имеют больше значений, обозначающих предметы, чем другие зоосемизмы. Например:

1) 'Продукты питания, и внутреннего потре*бления': гусь, жаворонок, курица, поросёнок, птица, рыба*.

Гусь, -я, *м*. 4. 'Мясо крупной птицы семейства утиных (домашнего или дикого гуся), гусятина; кушанье из такого мяса' [РССII: 268].

Жаворонок, -нка, м. 3. 'Сдобная булочка в виде птички' [РССII: 258].

Курица, -ы, ж. 2. Мясо домашних кур, курятина; кушанье из такого мяса' [РССII: 268].

Поросёнок, -нка, *м*. 5. 'Мясо детеныша свиньи; кушанье из такого мяса' [РССII: 266].

Птица, -ы, *ж*. 3. *собир*. 'Мясо позвоночных животных (птиц: гуся, индейки, курицы, утки; бекаса, вальдшнепа, глухаря, куропатки, перепела, рябчика, тетерева); кушанье из такого мяса. Тушки птицы' [РССII: 268].

Рыба, -ы, *ж*. 2. 'Часть туши (тушки) водного позвоночного жабрового животного (рыбы), употр. в пищу' [РССII: 268].

2) 'Предмет, относящиеся к спорту, зрелищам, играм, Музыкальные инструменты': *змей, кобылка, козёл, конь, лошадка, слон.*

Змей, -я, *м*. 3. 'То же, что воздушный змей (в 1 знач.)' [РССII: 455].

Кобылка3, -и, *ж*. 'На деке струнного музыкального инструмента: деревянная подставка под струны (*разг*.)' [РССII: 465].

Козёл, -зла, *м*. 4. 'Спортивный гимнастический снаряд для опорных прыжков – короткий брус на ножках. Прыжки через козла' [РССII: 456].

Конь, -я, *м*. 3. 'Спортивный гимнастический снаряд – обитый мягким материалом длинный брус на ножках' [РССII: 456].

Лошадка, -и, *ж*. 2. 'Детская качалка или игрушка на колёсиках, на палке, изображающая лошадь, голову лошади' [РССII: 455].

Слон, -а, *м*. 3. 'В шахматах: фигура, ходящая по диагонали, офицер' [РССII: 457].

3) 'Знаки. Эмблемы. Деньги. Документы': *лев, орёл, рыба, скорпион*.

Лев1, льва, *м*. 3. '(Л прописное). Пятый знак зодиака – изображение льва (совпадающий с частью годичного пути Солнца с 24 июля по 23 августа)' [РССII: 404].

Орёл, орла, *м*. 2. 'Символическое изображение на гербах, знамёнах птицы орла как знака власти, могущества [РССII: 405]; 6. Гербовая сторона монеты, обратная решке (*разг*.) [РССII: 414].

Рыба, -ы, *ж*. 5. '*мн*. (Р прописное). Двенадцатый знак зодиака – изображение двух рыб (совпадающий с частью годичного пути Солнца с 20 февраля по 20 марта)' [РССII: 404].

Скорпион, -а, *м*. 3. '(С прописное). Восьмой знак зодиака – изображение скорпиона (совпадающий с частью годичного пути Солнца с 24 октября по 22 ноября)' [РССII: 404].

4) 'Машины. Станки. механизмы. Приборы. Инструменты. Приспособления': *лиса, червяк*.

Лиса, -ы, *ж*. 3. 'Замаскированный в лесу радиопередатчик, периодически подающий кратковременные сигналы (*спец*.). Охота на лис (спортивная радиопеленгация)' [РССII:125].

Червяк, -а, *м*. 3. 'В червячной передаче: винт, сцепляющийся с колесом, (*спец*.)' [РССII: 120].

5) 'Транспорт': *кукушка, стрекоза*.

Кукушка, -и, *ж*. 3. 'Небольшой маневровый паровоз или поезд, а также поезд местного назначения на железнодорожных ветках [от буквенного обозначения его серии – «К»] (*разг*.)' [РССII: 176].

Стрекоза, -ы, *ж*. 3. 'То же, что вертолёт (*прост. шутл.*)' [PCCII: 189].

1) 'Спорт, его вид и элементы спортивные игры физкультура': *кобра, ласточка.*

Кобра, -ы, *ж*. 2. 'Фигура высшего пилотажа, при выполнении к-рой горизонтально летящий самолёт резко тормозит и занимает вертикальное положение носом вверх' [PCCIII: 546].

Ласточка, -и, *ж*. 2. 'В гимнастике, фигурном катании: упражнение, при котором одна нога высоко отведена назад, туловище вытянуто вперёд, а руки разведены в стороны' [PCCIII: 537].

2) 'Физические состояния и свойства живых существ, организмов, их жизнедеятельность': *зайчик, петух*.

Зайчик, -а, м. 3. 'Быстро перемещающееся световое пятнышко, падающее с отражающей солнечные лучи поверхности' [PCCIII: 102].

Петух, -а, *м*. 4. 'Срыв мужского голоса на тонкий пискливый звук (обычно при пении) (*разг*.)' [PCCIII: 117].

3) 'Сооружения-постройки': *бык*.

Бык 2, -а, *м*. 'Промежуточная опора моста или гидротехнического сооружения. Бетонные быки и устои. Мост на быках. Быки плотины, водосброса' [PCCII: 61].

4) 'Оружие и сопутствующие ему предметы. Средства защиты и нападения. Орудия удара, наказания': *кобыла*.

Кобыла, -ы, *ж*. 3. 'В старину: скамья, к которой привязывали избиваемого' [PCCIII: 537].

5) 'Свободное времяпрепровождение, разылечения Празднества Игры забавы': *козёл*.

Козёл, -зла, *м.* 3. 'ед. Карточная игра между двумя парами партнёров, играющими одной колодой в 36 карт, с собственной системой козырей (*разг*.)' [PCCIII: 561].

6) 'Армия'*: свинья*.

Свинья, -и, ж. 6. 'ед., обычно тв.п. Боевое построение войска в виде клина, так наз.'кабанья голова' (*стар*.). Строй, наступление свиньёй' [PCCII: 545].

Таким образом, мы пришли к выводу:

1. В лексикографическом аспекте мы нашли всего 299 вторичных названий лиц, созданных метафорическими способами. С точки зрения источниковой области, они разделины на 4 группы: вторичные названия лиц, мотивированные зоонимами; вторичные названия лиц, мотивированные предметами, созданными человечеством; вторичные названия лиц, мотивированные предметами или веществами, созданными природой; вторичные названия лиц, мотивированные абстрактными понятиями. Среди них 54,2% (162 из 299) единицы относятся к группе 'вторичные названия лиц, мотивированные зоонимами', которая является самой многочисленной.

2. Второе место занимает группа 'вторичные названия лиц, мотивированные предметами, созданными человечеством', которая почти вдвое меньше первой группы. Хотя существуют различия между авторитетными словарями, но совпадаемость зоосемизмов в других русских словарях значительно выше, чем других вторичных названий лиц. Это также демонстрируется повышенным вниманием исследователей и преимуществом зоосемизмов.

3. Также мы рассматривали с точки зрения целевой области, то есть зоонимы могут мотивировать не только названия лиц, но и другие предметы, по классификации в РСС, например: 'продукты питания, внутреннего потребления' и 'предметы, относящиеся к спорту, зрелищам, играм, музыкальные инструменты', где включены 6 единиц. Среди собранных нами зоосемизмов 15,7% из них одновременно характеризует и названия лиц, и другие предметы.

Литература

1. Апресян 1974 – Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. 472 с.

2. Гак 1966 – Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). – М.: Международные отношения, 1966. 351 с.

3. Лакофф 2004 – Лакофф. Дж., Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

4. Ли Имо 2020 – Ли Имо. Лексикографические особенности русских зоосемизмов на фоне китайского языка. Мир науки, культуры, образования (Горно-Алтайск), 2020; № 4. С. 417–420.

5. Ли Имо 2024 – Ли Имо. Механизмы метафорического образования и интерпретации зоосемизмов в русских словарях. Litera, 2024; № 4. С. 135–144.

6. Падучева 2004 – Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. – М.: Языка славянской культуры, 2004. 608 с.

7. РСС – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общей ред. Шведовой Н.Ю. – М., 1998. Т. 1. 800 с.

8. СОС – Дуличенко Л.В. Словарь обидных слов: наименования лиц с негативным значением. – Тарту, 1999. 270 с.

9. Шмелев 1964 – Шмелев Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. 244 с.

METAPHORICAL NAMES IN RUSSIAN EXPLANATORY DICTIONARIES

Li Yimo
Shenzhen University

This article presents the results of a lexicographic study of secondary metaphorical nouns of persons using data from two authoritative Russian dictionaries. The aim of the study is to analyze the sources of metaphors, their semantic spectrum, and the methods of recording them in dictionaries. It has been established that, although zoosemisms are the most numerous, metaphors based on objects and abstract concepts characterize a person across a broader range of qualities. A comparison of the dictionaries revealed weak consistency: the agreement between units is only 44.4% for zoosemisms and 19.7% for other metaphors, indicating subjectivity and fragmentation in the description of this lexical layer. The practical significance of this work lies in drawing attention to the problem of systematizing metaphorical meanings, which is of interest to both lexicographers and students of philology studying semantics and lexicography.

Keywords: semantic derivation, secondary names of persons, zoosemisms, Russian explanatory dictionaries.

References

1. Apresyan 1974 – Apresyan Yu.D. Lexical semantics: Synonymous means of language. – Moscow: Nauka, 1974. 472 p.

2. Gak 1966 – Gak V.G. Conversations about the French word (From the comparative lexicology of the French and Russian languages). – Moscow: International relations, 1966. 351 p.

3. Lakoff 2004 – Lakoff. J., Johnson. Metaphors we live by. – Moscow: Editorial URSS, 2004. 256 p.

4. Li Yimo 2020 – Li Yimo. Lexicographic features of Russian zoosemisms against the background of the Chinese language. The world of science, culture, education (Gorno-Altaysk), 2020; № 4. Pp. 417–420.

5. Li Imo 2024 – Li Imo. Mechanisms of Metaphorical Formation and Interpretation of Zoosemisms in Russian Dictionaries. Litera, 2024; № 4. Pp. 135–144.

6. Paducheva 2004 – Paducheva E.V. Dynamic Models in the Semantics of Lexicon. – Moscow: Language of Slavic Culture, 2004. 608 p.

7. RSS – Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Word Classes and Meanings / General editor N. Yu. Shvedova. – Moscow, 1998. Vol. 1. 800 p.

8. SOS – Dulichenko L.V. Dictionary of Offensive Words: Names of Persons with Negative Meanings. – Tartu, 1999. 270 p.

9. Shmelev 1964 – Shmelev D.N. Essays on the Semasiology of the Russian Language. – Moscow: Prosveshchenie, 1964. 244 p.

Взаимосвязь этнической идентичности обучающихся хакасской национальности и потребности в изучении родного (хакасского) языка: по материалам исследования

Мирошниченко Влада Валерьевна,
канд. пед. наук, с.н.с. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
E-mail: vlada_v@mail.ru

Канзычакова Надежда Германовна,
н.с. Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
E-mail: kanzychakova.nadia@yandex.ru

В статье рассматривается проблема взаимосвязи этнической идентичности подростков и потребности в изучении родного (хакасского) языка. Анализ научных источников позволяет рассматривать родной (этнический) язык как компонент этнической идентичности, что в настоящее время стало подвергаться сомнению. Поэтому основной целью статьи было изучение понимания подростками хакасской национальности отношения к родному (хакасскому) языку как компоненту этнической идентичности и наличию, либо отсутствию потребности, в его изучении. Авторами статьи проведено исследование на выявление взаимосвязи этнической идентичности обучающихся хакасской национальности и потребности в изучении родного (хакасского) языка. В статье приведены результаты исследования, которые только частично подтвердили изначальную гипотезу. Эмпирическую базу исследования составили данные опроса, проведенного среди подростков республики.

Ключевые слова: подростки, этническая идентичность, родной (этнический) язык, потребность в языке

Долгое время в науке считалось, что родной язык является основополагающим элементом этноса, определяющим этническую идентичность. Помимо функции коммуникации и познания, он выполняет роль инструмента для сохранения, трансляции и приобщения к национальной культуре, обеспечивая связь поколений. Однако в последнее время, по результатам многочисленных исследований в разных субъектах Российской Федерации, для многих коренных народов этот фактор больше не является определяющим в этнической самоидентификации, что нередко объясняется уменьшением числа людей, говорящих на родном языке.

Тенденция снижения роли родного (этнического) языка как компонента этнической идентичности наблюдается в настоящее время у многих коренных народов (исследования Ю.В. Андросовой, А.Н. Биткеевой, Т.Г. Боргояковой, В.С. Воронцова, Ф.В. Габышевой, М.А. Горячевой, А.П. Долговой, С.Г. Максимова, О.Н. Пустогачевой, С.С. Семеновой, В.Я. Унаровой и др.), в том числе и у хакасского этноса, что подтверждается результатами многолетних социологических исследований [1–3 и др.]. Особенно это заметно среди обучающихся, для которых родной этнический язык часто остается невостребованным в повседневной жизни.

Исследование взаимосвязи этнической идентичности и потребности в изучении хакасского языка у хакасских школьников (в этнопсихологическом контексте) представляет собой актуальную научную задачу, результаты которой могут быть использованы для оптимизации усилий по сохранению и развитию хакасского языка в Республике Хакасия. Поэтому целью нашего исследования было выявить наличие потребности в родном языке и ее взаимосвязь с уровнем позитивной этнической идентичности у обучающихся-хакасов 7–11 классов.

Целью статьи является описание результатов исследования, проведенного в рамках государственного задания по теме «Взаимосвязь этнической идентичности обучающихся хакасской национальности и потребности в изучении родного (хакасского) языка (этнопсихологический аспект)».

Для успешного достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи: определить, насколько учащиеся-хакасы 7–11 классов испытывают потребность в изучении родного языка, и установить уровни их этнической идентичности.

Уникальность данной статьи заключается в том, что в ней впервые предпринята попытка проанализировать потребность в родном языке у хакасских школьников 7–11 классов, учитывая при этом уровень развития их этнической идентичности.

Исследование имеет теоретическое значение, поскольку полученные результаты дали возможность понять о наличие или отсутствие потребности в родном языке у обучающихся-хакасов 7–11 классов.

Наше исследование представляет практический интерес, так как его выводы могут быть использованы для углубленного изучения языковой ситуации в республике. Полученные данные позволят сформулировать обоснованные предложения по формированию у подрастающего поколения устойчивой потребности в изучении и использовании родного языка.

Сначала остановимся на основных понятиях.

«Этническая идентичность» – многогранное понятие, которое исследуется в различных науках, включая философию, социологию и психологию. В каждой из этих дисциплин формируется свой собственный взгляд на этот термин, обусловленный спецификой предмета исследования. Нам ближе всего оказалось следующее определение: «этническая идентичность – это многогранное и динамичное чувство принадлежности к определённой этнической группе, культуре и окружению, основанное на знаниях о внутригрупповой связи, личном опыте и осознанных действиях» [4, с. 56].

Более сложным для определения оказался термин «родной язык», по содержанию которого до сих пор ведутся оживленные дискуссии. А.М. Эмирова проводит достаточно подробный анализ этого понятия, сравнивая различные точки зрения, сложившиеся в научной литературе и обывательском восприятии [5]. Нам близка и понятна точка зрения этого ученого. От себя добавим, что, несмотря на достаточную дискуссионность вопроса, связанного с определением данного понятия, мы понимаем под *родным этнический язык*, или, по-другому,

«язык народа или этнической группы, к которой относится человек, язык, связывающий его с предыдущими поколениями, их духовными приобретениями, служащий фундаментом этнической и национальной самоидентификации» [6, с. 7–8].

Дискуссионность мнений ученых по поводу этих понятий встречается во многих публикациях. По мнению Л.М. Дробижевой, ключевыми факторами формирования этнической идентичности являются происхождение, язык, культурные особенности, исторический опыт и место проживания. С.В. Соколовский, в свою очередь, полагает, что основой этнической идентичности служат язык, вероисповедание, традиционная культура и осознание принадлежности к определенной культурно-языковой группе по рождению [7, с. 80].

Ряд специалистов подчеркивают, что национальная идентичность может сохраняться даже при отсутствии знания родного языка. В ситуации, когда язык и национальность расходятся, именно национальность играет ключевую роль в самоопределении человека [8].

Также есть точка зрения, что «этнос переходит на язык доминирующего этноса, но при этом, не теряя своей этнической идентичности» [9].

Анализ существующих исследований, направленных на выявление корреляции между этнической идентичностью и стремлением к овладению родным языком – позволил сделать вывод о том, что эта проблема также достаточно полно представлена в различных исследованиях, но единого мнения до сих пор нет.

А теперь перейдем к описанию результатов исследования, проведенного в образовательных организациях Республики Хакасия (в г. Абакане, а также в Аскизском, Алтайском, Бейском, Таштыпском и Ширинском районах республики).

Эмпирическую базу исследования составили данные опроса подростков хакасского этноса, которые проживают в республике. В исследовании приняли участие 755 подростков в возрасте от 13 до 17 лет. Также использовали методику «Типы этнической идентичности» (Г.У. Солдатовой, С.В. Рыжовой) и «Этническую автобиографию» (П.В. Румянцевой).

Результаты исследования. На вопрос «Какой язык Вы считаете родным?» получили следующие результаты: (68,9%) подростков указали, что родной язык для них хакасский, (23,6%) респондентов считают родным языком русский, (7,5%) затруднились с ответом. Несмотря на высокую степень самоидентификации опрошенных подростков с хакасским языком как родным, уровень владения данным языком среди подростков остается относительно невысоким (46,2%). Значительная доля (26,2%) либо совсем не владеет языком, либо испытывает трудности с оценкой своего уровня знания (27,5%).

Среди тех, кто обладает хотя бы минимальным уровнем владения хакасским языком, большинство ограничиваются бытовым использованием (21,2%). Лишь небольшая группа хорошо владеет языком, чтобы свободно говорить и писать на нем (17%). В основном молодые респонденты понимают разговорную речь, но не активно общаться на хакасском языке (38%), (9%) затруднились с ответом.

На вопрос «На каком языке Вы в основном общаетесь в кругу семьи?» получили такие результаты, что русский язык доминирует в повседневном общении: подавляющее большинство подростков чаще всего используют именно русский язык (52,7%). В основном дома такая ситуация, что говорят на двух языках (30,9%), с одними родственниками разговаривают на хакасском языке, с другими – на русском (4,4%) и лишь (10,5%) общаются в кругу семьи на хакасском языке.

Не используют хакасский язык и вне дома, например, в школе, в общественных местах, с друзьями (60,1%) и только (28,2%) используют язык. Такая ситуация способствует дальнейшему снижению уровня владения родным языком среди подростков и усилению доминирования русского языка в повседневном общении.

Также в ходе исследования мы попросили объяснить причины, из-за которых они не знают хакасского языка. Большинство респондентов не владеют хакасским языком преимущественно из-за языковой среды внутри семьи и окружения. (27,3%) подростков отметили, что язык знают оба родителя, но в семье общаются на русском языке, (19,9%) – в семье не говорят на хакасском языке, так как им владеет только один из родителей и (9,4%) указали на то, что росли в русскоязычной среде.

Несмотря на редкое использование хакасского языка в быту и в повседневной жизни, значительное число респондентов осознает важность владения хакасским языком. Большая часть опрошенных (68,7%) убеждены, что знание хакасского языка необходимо, что отражает сохраняющийся интерес и уважение к этнической культуре и языку своего народа.

Обобщая результаты опроса, можно сказать о том, что большинство подростков считают хакасский язык родным, но фактическое владение им находится на низком уровне, преимущественно ограничиваясь пониманием речи и редко переходя к активному использованию хакасского языка. В семьях практически не используется хакасский язык. Хотя ряд семей продолжает поддерживать двуязычие, все же основной язык домашнего общения остается русским. Это фактор усугубляется снижением в потребности у подростков в изучении родного языка.

Методика, разработанная Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, предназначена для выявления различных типов этнической идентичности, различающихся по своим характеристикам. Она включает в себя 20 утверждений, которые оценивают отношение респондента к собственной этнической принадлежности и к представителям других этнических групп в контексте межэтнического взаимодействия. Испытуемым необходимо указать степень своего согласия или несогласия с высказываниями. Авторами методики выделяются шесть основных типов этнической идентичности: норма; этническая индифферентность; этнонигилизм; этноэгоизм; этноизоляционизм; этнофанатизм [10, с. 140].

Анализ данных, полученных в ходе исследования хакасских подростков с использованием методики Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжовой, показал следующее распределение этнической идентичности: преобладающим типом является позитивная этническая идентичность (70,1%), соответствующая норме. Также были выявлены случаи этнической индифферентности (14,2%), этнофанатизма (6,2%), этноэгоизма (4,1%), этноизоляционизма (3,1%) и этнонигилизма (2,3%).

По результатам нашего исследования (70,1%) у подростков хакасского этноса преобладает позитивная этническая идентичность (норма), что свидетельствует об уважительном отношении к своей этнической принадлежности, и одновременное почтительное отношение к другим. Понимание и принятие своей культуры, наряду с толерантным отношением к другим, открывает двери к эффективному взаимодействию и взаимопониманию в многокультурной среде.

Подросткам хакасского этноса свойственна этническая индифферентность (14,2%) говорит о том, что происходит размывание этнической идентичности и это вполне объяснимо, данный тип этнической идентичности характерен для поликультурного общества в республике.

У (6,2%) наблюдается этнофанатизм, это говорит об активном процессе поиска собственной идентичности и даже ее гиперболизации. [11, с. 317].

Также присутствует этноэгоизм (4,1%). Личностная идентичность такого рода имеет двойственную природу: она может быть выражена в безобидных, соответствующих культурным нормам высказываниях о своей группе («мой народ»), но также способна порождать напряженность в общении с представителями иных этносов.

Менее выражены такие показатели как этноизоляционизм (3,1%) и этнонигилизм (2,3%). Убежденность подростков в превосходстве своего этноса парадоксальным образом может сочетаться с гипоидентичностью – тенденцией к дистанцированию от собственной этнической группы.

На основании полученных результатов можно сказать, что значительное большинство подростков хакасского этноса демонстрируют здоровую положительную этническую идентичность, которая способствует успешному проживанию в поликультурной среде, но вместе с тем, выявлены некоторые случаи этнической самоидентификации, требующие особого внимания.

Для изучения этнической идентичности был использован биографический метод «Этническая автобиография» П.В. Румянцевой. Респондентам было предложено создать личные «этнические автобиографии», в которых они должны были раскрыть ключевые этапы становления своей этнической самоидентификации. Особое внимание уделялось детскому периоду формирования идентичности: участники сообщали о возрасте первого осознания своей и других национальностей, наличии в семье национальных традиций (праздники, кухня), а также о своем отношении к этнической принадлежности и факторах, повлиявших на его изменение на протяжении жизни [12; с. 248].

Дошкольный возраст был назван подростками хакасского этноса как время, когда они впервые осознали существование различных национальностей. Что же касается ответа, как они узнали, подростки отметили *«увидел по телевизору людей другой национальности», «когда съездила в санаторий и мне там говорили, что у меня интересная внешность»*. Или респонденты говорили, что им рассказали родители, воспитатели или учителя, которые рассказывали о культуре, истории *«в 4–5 лет я спросила у родителей: почему мы разговариваем на двух языках? Потом мои родители мне рассказали о нашем этносе, об истории Хакасии, легендах и мифах», «родители рассказывали про наш род, и это было так интересно», «папа рассказал мне о моих хакасских предках»*.

Ответы на вопрос «Когда впервые подростки узнали о своей национальности и кто сообщил им об этом» похожи на предыдущий вопрос.

Отношение хакасских подростков к своей этнической принадлежности в детстве показал наличие позитивных и индифферентных установок. О позитивной идентичности указывали ответы *«спокойно», «хорошо», «гордились», «уважительно»*. Ответы, указывающие на этническую индифферентность *«стеснялся, но потом начал гордиться», «никак», «не задумывался», «мне было все равно»*.

Большинство подростков, отвечая на вопрос об изменении этнической идентичности в течение жизни, заявили об отсутствии таких изменений, и их отношение оставалось неизменным *«не менялось, всегда относилась нейтрально», «гордился тем, что я хакас»*.

На вопрос о национальных праздниках и традициях в семье, респонденты ответили, что *«отмечаем, например, Чыл пазы, Тун Пайрам»* и готовят национальные блюда *«готовим хан, чарбе угре, талган»*.

Также был вопрос «Как относились к проблемам этничности? Обсуждались ли эти проблемы? Что говорили об других этносах?» респонденты ответили, что в семье в основном обсуждали проблему языка и что все этносы равны между собой *«в основном обсуждали проблему языка, что в настоящее время мало кто им владеет», «в семье часть говорили, что раньше все говорили на хакасском языке, особенно в деревнях, а сейчас это такое редкое явление», «в семье говорили о том, что нет плохих национальностей, а есть плохие люди», «люди бывают разного этноса, но все они равны»*.

Последним был вопрос «Что и кто повлияли на формирование вашей этнической идентичности?» большая часть подростков указали на то, что повлияли родители, бабушки, дедушки и школа *«на формирование моей этнической идентичности повлияло мое ближайшее окружение: мои родители, мои бабушка и дедушка, друзья и школа», «когда я начала ходить на национальные танцы, и надевая хакасские национальные костюмы, и танцуя под хакасские песни, стала больше любить и уважать наш народ»*.

Эти данные позволяют установить объем знаний о хакасах и других этносах, усвоенных респондентами в период дошкольного и младшего школьного обучения. Исследование показало, что подростки получили начальные знания о хакасах и других этносах еще в детском саду или младших классах. У большинства из них сформировалось уважение и гордость к своей культуре, хотя некоторые испытывали стеснение. В целом, их отношение к собственному этносу оставалось стабильным на начальной и средней школы. Формирование этнической идентичности у опрашиваемых происходило под влиянием семьи, сверстников и образовательных учреждений.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили первоначальный тезис о том, что хакасский язык признается респондентами важным компонентом родного (хакасского) языка, несмотря на низкий уровень знаний и отсутствие перспектив для карьерного роста для многих опрашиваемых. По нашему мнению, в Республике Хакасия необходимо усилить работу по формированию коммуникативной и лингвопознавательной внутренней мотивации и повышению престижа хакасского языка в обществе.

Литература

1. Лушникова О.Л. Этническое самосознание в межнациональных браках: проблема метисации. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023; № 10: 28–32.

2. Лушникова О.Л., Трошкина И.Н. Оценка этноязыковой ситуации в Хакасии (по материалам социологического исследования 2020 г.). Абакан: Хакасское книжное издательство имени В.М. Торосова. 2021.

3. Тиникова Е.Е. Этносоциальные процессы в Республике Хакасия: динамика и тенденции развития (по материалам экспертного опроса). Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024; № 1 (68): 11–19.

4. Голубятникова, Е.А. Содержание этнической идентичности у психологовконсультантов в России / Е.А. Голубятникова // Этнопсихология: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 21–22 ноября 2025 года. – Москва: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2025: 56.

5. Эмирова А.М. Родной язык как базовая категория «Концепции преподавания родных языков народов РФ». Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2023; Т. 9, № 1: 114–121.

6. Алиева Б.Ш. Материнский язык как этнокультурный фактор воспитания школьников. Мир науки, культуры, образования. 2015; № 3 (52); 6–9.

7. Бусерева Е.В. Этническая идентичность представителей семей с финской родословной (Мурманская область). Ежегодник финно-угорских исследований. 2017; Том 11. № 3.: 78–89.

8. Бокаев, Б.Н. Язык как фактор этнической идентичности / Б.Н. Бокаев // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 5: 95–100.

9. Канзычакова Н.Г. Этническая идентичность метисов Республики Хакасия (по материалам исследований). Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Проблемы моделирования социальных процессов: Россия и страны АТР». Владивосток. 2023:104–107.

10. Солдатова Г.У. Психодиагностика толерантности личности / Под ред. Г.У. Солдатовой, Л.А. Шайгеровой. Москва: Смысл, 2008.

11. Султаниязова Н.Ж., Кинжекова Р.С. Анализ средних показателей этнической идентичности русских и казахов. Человеческий капитал. 2023; № 12 (180). Ч. 1: 315–320.

12. Гриценко В.В., Муращенкова Н.В., Ефременкова М.Н. Ретроспективное исследование становления этнической идентичности в детском возрасте: анализ этнических автобиографий старшеклассников. Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2023; Т. 12, вып. 3 (47): 246–255.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE ETHNIC IDENTITY OF KHAKASS PUPILS AND THE NEED TO LEARN THE NATIVE (KHAKASS) LANGUAGE: BASED ON THE RESEARCH MATERIALS

Miroshnichenko V.V., Kanzychakova N.G.

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History

The article considers the relationship between teenagers' ethnic identity and the need to learn the native (Khakass) language. The analysis of scientific sources makes it possible to consider the native (ethnic) language as a component of ethnic identity, which has begun to be disputed now. Therefore, the main purpose of this article was to study the understanding by teenagers of the Khakass nationality their native (Khakass) language as a component of ethnic identity and presence or absence of the need to learn it. The authors of the article conducted a study to identify the relationship between the ethnic identity of pupils of the Khakass nationality and the need to learn their native (Khakass) language. The article presents the results of the study, which only partially confirmed the initial hypothesis. The empirical basis of the study was made up of data from a survey conducted among teenagers in the republic.

Keywords: teenagers, ethnic identity, native (ethnic) language, the need for language

References

1. Lushnikova O.L. Ethnic identity in interethnic marriages: the problem of miscegenation. Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2023; No. 10: 28–32.

2. Lushnikova O.L., Troshkina I.N. Assessment of the ethno-language situation in Khakassia (based on the materials of a sociological study in 2020). Abakan: V.M. Torosov Khakass Book Publishing House. 2021. 3.

3. Tinikova E.E. Ethno-social processes in the Republic of Khakassia: dynamics and development trends (based on the materials of an expert survey). The Ecumene. Regional Studies. 2024; No. 1 (68): 11–19.

4. Golubyatnikova, E.A. Soderzhanie ehtnicheskoj identichnosti u psikhologovkonsul'tantov v Rossii / E.A. Golubyatnikova // Ehtnopsikhologiya: teoriya i praktika: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 21–22 noyabrya 2025 goda. – Moskva: Moskovskij gosudarstvennyj psikhologo-pedagogicheskij universitet, 2025: 56.

5. Emirova A.M. A native language as a basic category of "Concepts of teaching native languages of the peoples of the Russian Federation". Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences. 2023; Vol. 9, No. 1: 114–121.

6. Alieva B.S. Maternal language as an ethno-cultural factor in the education of schoolchildren. The World of Science, Culture, and Education. 2015; No. 3 (52); 6–9.

7. Busereva E.V. Ethnic identity of representatives of families with Finnish ancestry (the Murmansk Region). Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2017; Vol. 11, No. 3: 78–89.

8. Bokaev, B.N. Yazyk kak faktor ehtnicheskoj identichnosti / B.N. Bokaev // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2011. – № 5: 95–100.

9. Kanzychakova N.G. Ethnic identity of mestizos of the Republic of Khakassia (based on research materials). Proceedings of the 7th Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Problems of Modeling Social Processes: Russia and the Countries of the Asia-Pacific Region". Vladivostok. 2023: 104–107.

10. Soldatova G.U. Psychodiagnostics of personality tolerance / Edited by G.U. Soldatova, L.A. Shaigerova. Moscow: Sense, 2008.

11. Sultaniyazova N.J., Kinzhekova R.S. Analysis of average indicators of ethnic identity of Russians and Kazakhs. Human Capital. 2023; No. 12 (180). Part 1: 315–320.

12. Gritsenko V.V., Murashchenkova N.V., Efremenkova M.N. A retrospective study of the formation of ethnic identity in childhood: an analysis of ethnic autobiographies of high school students. Bulletin of Saratov University. A New Series. Series: Acmeology of Education. Psychology of Development. 2023; Vol. 12, issue 3 (47): 246–255.

Связь результатов ЕГЭ с академической успеваемостью студентов-первокурсников

Павлов Олег Иванович,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов
E-mail: pavlov-oi@rudn.ru

Павлова Ольга Юрьевна,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: pavlova-oy@ranepa.ru

В работе исследуются различные подходы к оценке связи результатов ЕГЭ с академической успеваемостью студентов первокурсников учреждений профессионального образования. В рамках исследования авторы формируют гипотезу о том, что на академическую успеваемость студентов-первокурсников влияет не столько ЕГЭ, как некая абстрактная и относительно «идеализированная» форма подготовки и оценки знаний, полученных в ходе освоения программ общего образования, сколько сам специфический процесс и динамично изменяющиеся условия подготовки к ЕГЭ, которые диктуют необходимость всё большего вовлечения учащихся в сферу дополнительного, нередко платного образования. В результате исследования подтверждается гипотеза о том, что несмотря на то, что в конечном итоге процесс подготовки к ЕГЭ действительно формирует определённые качества, которые затем оказывают реальное положительное влияние на успеваемость студентов-первокурсников, всё же, такие качества нельзя назвать фундаментальными, поскольку они формировались под влиянием «вынужденности» и неосознанности подготовки к процессу сдачи ЕГЭ. Говоря иными словами – в отличии от искренней заинтересованности и вовлечённости в процесс освоения новых знаний и решения практических задач, основной массив обучающихся подходит к процессу подготовки к ЕГЭ на достаточно формальных основаниях из принципа «так надо», из-за чего в последующем после поступления в учреждение профессионального образования и адаптации студента после первого курса обучения, реальная мотивация к обучению, а значит и академическая успеваемость, постепенно снижаются в той или иной степени. Соответствующий вывод подтверждается и результатами отмеченных в статье научных исследований.

Ключевые слова: единый государственный экзамен, академическая успеваемость, общее образование, профессиональное образование, познавательная мотивация, образовательный процесс.

Введение

Вопросы совершенствования системы общего и профессионального образования были и остаются актуальными вот уже не одно десятилетие. При этом совершенствование качества и общего, и профессионального образования в России является взаимосвязанным, поскольку уровень подготовки лиц, получивших общее образование, в конечном итоге влияет на степень успеваемости и усвоения материала, преподаваемого студентам уже в учреждениях профессионального образования.

Однако достаточно дискуссионным остаётся вопрос об эффективности не только действующей системы оценки знаний, полученных детьми в рамках общеобразовательного процесса, но и также такой эффективности самого образовательного процесса, который неформально трансформировался и стал ориентированным на получение определённого результата в рамках единого государственного экзамена (далее по тексту – ЕГЭ).

Из-за этого в научно-практической среде на современном этапе сформировалось две основные позиции. Одна из них гласит, что результаты ЕГЭ прямо влияют на последующую академическую успеваемость студентов-первокурсников. Другая позиция отражает обратный подход – результаты ЕГЭ лишь подтверждают степень освоения программы общего образования детьми, однако кардинально и значительно не влияют на дальнейшую успеваемость студентов, обучающихся в учреждениях профессионального образования.

Учитывая неоднозначность существующих подходов, представляется необходимым провести исследование и более точно установить связь результатов ЕГЭ и академической успеваемости студентов-первокурсников.

Материалы и методы исследований

За основу исследования были взяты результаты социологических исследований, опросы, а также аналитические доклады и отчёты фондов, институтов и университетов России. Также за основу анализа связи результатов ЕГЭ с академической успеваемостью первокурсников в рамках их профессиональной подготовки были взяты теоретические подходы, изложенные в работах следующих исследователей: Н.А. Авдеенко; Г.В. Беляковой; О.Н. Бердягиной; Л.В. Караваевой; А.Г. Куделина; А.В. Молчановой; Л.М. Нуриевой; М.В. Радомской; К.В. Рочева; И.В. Ситниковой; Т.Г. Суровцовой; Н.А. Фатеевой; Е.Н. Фокиной; Л.В. Щеголевой; и др.

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Эффективность системы российского образования, а если быть точным – таких его подкатегорий, как основное и среднее общее образование, выступает предметом острых дискуссий среди педагогов как системы общего, так и профессионального образования.

Для начала отразим доктринальные подходы, существующие на сегодняшний день относительно поставленной проблематики исследования. Ещё в период 2000-х, когда ЕГЭ организовывался в рамках эксперимента, учёные, в том числе действующие педагоги, отмечали, что данная форма оценки освоения образовательных программ в рамках общего образования является перспективной и учитывает не только уровень теоретических знаний обучающихся, но и также такой уровень творческих умений выпускников школ [4, с. 8].

Однако справедливо отмечали и своё опасение относительно того, что процесс подготовки к ЕГЭ, да и в целом сама образовательная система, не должны быть ориентированы исключительно на алгоритмизацию образовательного процесса. То есть не должно быть перехода всей программы и практики обучения исключительно на использование учебников-тренажёров, тестовых форм заданий, разнообразных промежуточных форм контроля и иных способов организации образовательного процесса, которые обеспечивают упрощение образования в угоду формальной подготовки учащихся к ЕГЭ [6, с. 48].

Исследователь Н.А. Авдеенко не соглашается с выводом о том, что задания в рамках ЕГЭ не учитывают оценку творческого аспекта учащихся, отмечая, что около 70% всех заданий по различным дисциплинам ЕГЭ как раз в той или иной мере раскрывают творческий потенциал, гибкость и креативность мышления. В то же время Н.А. Авдеенко не питает иллюзий на этот счёт, отмечая, что большая часть всех этих заданий – это своего рода задания «со звёздочкой», решение которых не представляется возможным обычными учениками, которые не ходят на дополнительные занятия по подготовке к ЕГЭ. В связи с этим для большинства учащихся, конечно, ЕГЭ не позволяет отразить степень их творческой подготовки, а также навыки и умения критического мышления [1, с. 95].

Последующие исследования, основанные на многолетней апробированной практики применения ЕГЭ в образовательной системе Российской Федерации, показывают, что сама по себе проблема связи общеобразовательной программы, ориентированной на подготовку к ЕГЭ, и дальнейшего качества и результативности обучения студентов учреждений профессионального образования, выражается в том, что обучающиеся 10–11 классов, определяя профессионально-образовательную траекторию, к сожалению, в силу слабой ориентации образовательного процесса на профориентацию будущих выпускников и их творческой подготовку, либо подходят к неосознанному выбору с ориентацией на легкие предметы для сдачи ЕГЭ, либо осуществляют отложенный выбор с ориентацией на расширенный список ЕГЭ. В конечном итоге, как справедливо отмечает И.В. Ситникова: «Несформированность мотивации приводит к неудовлетворенности во время обучения и неопределенности перспектив трудовой деятельности после окончания вуза» [8, с. 6].

Уже на данном этапе исследования можно прийти к выводу, что система образования, ориентированная на ЕГЭ, на сегодняшний день испытывает некий кризис подготовки реально компетентных и всесторонне развитых учеников, а сама эффективность подготовки по большому счёту зависит от того, имеет ли ученик доступ и ресурсы для дополнительных занятий по подготовке к ЕГЭ.

Переходя непосредственно к вопросу о том, влияют ли результаты ЕГЭ на академическую успеваемость студентов первокурсников, следует сослаться на исследование Л.В. Щеголевой и Т.Г. Суровцовой, которые исследуют комплексный материалы приёмной комиссии ПетрГ У. В своей работе они отмечают, что с одной стороны, уже не один год отмечается прямая корреляция между тем, чем выше средний балл по ЕГЭ у студента, тем выше успеваемость студентов-первокурсников. Это объясняется достаточное естественным способом в связи с тем, что первые годы обучения являются адаптационными – недавние учащиеся школ пытаются адаптироваться под новые условия и подходят к процессу обучения в учреждениях профессионального образования более ответственно. Нельзя забывать и о том, что остаточные знания после подготовки к ЕГЭ также влияют на эффективность освоения программы профессионального образования в первые годы.

С другой стороны, учёные отмечают, что в последующие годы эта корреляция снижается, да и в целом из года в год связь результатов ЕГЭ с академической успеваемостью студентов-первокурсников также снижается [10, с. 37].

О существующей положительной связи ЕГЭ с академической успеваемостью первокурсников говорит в своей работе и Л.М. Нуриева, отмечая, что и академическая успеваемость в организации профессионального образования, и результаты ЕГЭ, фактически измеряют и отражают единый показатель (характеристику), а именно – отношение личности к учёбе и степень её интеграции в образовательный процесс [5, с. 175].

Соглашаясь с представленной позицией учёного, следует дополнить, что процесс подготовки к ЕГЭ в современных реалиях, уже давно выходящий за пределы лишь освоения тех знаний, которые преподаются в ходе уроков, предполагает объективную необходимость получения дополнительных знаний в ходе факультативов, репетиторский занятий и иного внеклассного обучения. Дополнительная образовательная занятость помимо обретения дополнительных теоретических знаний формирует у обучающихся навыки и умения усидчивости, плодотворности, ответственности, систематичности образовательной занятости, а также познавательную мотивацию [2; 9]. Впоследствии эти положительный навыки и умения используются уже студентами-первокурсниками, что сказывается позитивным образом на их академической успеваемости.

Не менее важно в понимании связи результатов ЕГЭ и академической успеваемости первокурсников исследование К.В. Рочева и А.Г. Куделина, отмечающих, что по итогам регрессионного анализа можно выявить, что в 24% случаях с помощью результатов ЕГЭ можно предсказать академическую успеваемость будущих студентов, а результаты корреляционного анализа показывают, что в 48% чем выше балл по ЕГЭ у студента, тем выше его дальнейшая успеваемость уже в ходе получения профессионального образования. Здесь же следует отметить, что в последующем данная связь из курса в курс снижается в среднем на 5–8%, в связи с чем к концу обучения связь результатов ЕГЭ и результат освоения студентами-выпускниками программы снижается почти в два раза [7].

Развивая представленные позиции учёных, представляется возможным выдвинуть гипотезу о том, что на академическую успеваемость студентов-первокурсников влияет не столько ЕГЭ, как некая абстрактная и относительно «идеализированная» форма подготовки и оценки знаний, полученных в ходе освоения программ общего образования, сколько сам специфический процесс и динамично изменяющиеся условия к подготовке к ЕГЭ, которые диктуют необходимость всё большего вовлечения учащихся в сферу дополнительного, нередко платного образования.

Об этом косвенно свидетельствуют результаты исследования ученых Тюменского государственного университета, согласно которым средний балл действительно коррелирует с успеваемостью первокурсников, однако, также дополнительно установлено, что учащиеся, активно участвовавшие в олимпиадах, превосходят по академической успеваемости даже своих сокурсников, имеющих больший балл по ЕГЭ. В данном случае успеваемость связывается с определёнными личными качествами студентов-олимпиадников, которые кардинально отличаются от тех же качеств учащихся, ответственно подходивших к подготовке к сдаче ЕГЭ [11, с. 79].

Основное отличие – это истинная познавательная мотивация олимпиадников к обучению и обретению новых знаний, в то время как у тех лиц, которые ответственно подходят к сдаче ЕГЭ – это скорее банальная мотивация сдать экзамен на определённый необходимый для поступления балл (хотя нельзя не отрицать, что впоследствии также формируются положительные практические и личностные качества и навыки).

Об этом свидетельствуют и данные социологических исследований, показывающие, что подготовка к ЕГЭ по сути – это процесс оттачивания навыков решения типизированных задач по заданному алгоритму, который при этом минимизирует аспект, связанный с обретением обучающимися глубоких знаний и развитием творческих способностей [3].

Выводы

Подводя итоги исследованию, можно прийти к выводу, что несмотря на то, что в итоге процесс подготовки к ЕГЭ формирует определённые качества, которые затем оказывают положительное влияние на успеваемость студентов-первокурсников, всё же, такие качества нельзя назвать фундаментальными, поскольку они формировались под влиянием «вынужденности» и неосознанности подготовки к процессу сдачи ЕГЭ. Говоря иными словами – в отличии от искренней заинтересованности и вовлечённости в процесс освоения новых знаний и решения практических задач, основной массив обучающихся подходит к процессу подготовки к ЕГЭ на достаточно формальных основаниях из принципа «так надо», из-за чего в последующем после поступления в учреждение профессионального образования и адаптации студента после первого курса обучения, реальная мотивация к обучению, а значит и академическая успеваемость, постепенно снижаются в той или иной степени. Соответствующий вывод подтверждается и результатами ранее отмеченных исследований.

Литература

1. Авдеенко Н.А. Выявление проблем имплементации практик формирования креативности в учебном процессе: дисс. канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.А. Авдеенко – Москва, 2024. – 156 с.

2. Белякова Г.В. Преемственность в системе «урок – факультативное занятие» как условие высокого качества образования / Г.В. Белякова // Арт Талант, 2019. – Режим доступа: https://www.art-talant.org/publikacii/14824-preemstvennosty-v-sisteme-urok – fakulytativnoe-zanyatie-kak-uslovie-vysokogo-kachestva-obrazovaniya (дата обращения: 15.12.2025).

3. ЕГЭ как способ поступить в вуз: удобства и сложности: опрос ВЦИОМ // Официальный портал ВЦИОМ. – Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-kak-sposob-postupit-v-vuz-udobstva-i-slozhnosti (дата обращения: 17.12.2025).

4. Караваева Л.В. Единый государственный экзамен как современная форма оценки учебных достижений: дидактическая характеристика: дисс. канд. пед. наук: 13.00.01 / Л.В. Караваева. – Москва, 2007. – 158 с.

5. Нуриева Л.М. Анализ связи результатов ЕГЭ с академической успеваемостью студентов-первокурсников / Л.М. Нуриева // Познание

и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы II Всероссийской междисциплинарной научной конференции, Омск, 03 декабря 2020 года. – Омск: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Омский государственный педагогический университет», 2020. – С. 171–175.

6. Радомская М.В. Единый государственный экзамен в обеспечении качества общего образования: дисс. канд. пед. наук: 13.00.01 / М.В. Радомская. – Москва, 2006. – 155 с.

7. Рочев К.В. Проблемы прогнозирования успеваемости студентов: взаимосвязь результатов ЕГЭ и академических успехов / К.В. Рочев, А.Г. Куделин // Психологическая наука и образование. – 2025. – № 30(1). – Режим доступа: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2025_n1/Rochev_Kudelin (дата обращения: 16.12.2025).

8. Ситникова И.В. Процесс профессионального самоопределения молодежи: школа – вуз – рынок труда (на примере Нижегородского региона): дисс. канд. пед. наук: 22.00.04 / И.В. Ситникова. – Нижний Новгород, 2022. – 175 с.

9. Фатеева Н.А. Роль дополнительного образования в социализации и саморазвития подрастающего поколения / Н.А. Фатеева // Международный педагогический портал, 2024. – Режим доступа: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/rol-dopolnitelnogo-obrazovaniya-v-social.15886014079/ (дата обращения: 15.12.2025).

10. Щеголева Л.В. Результаты ЕГЭ и успеваемость студентов первого курса / Л.В. Щеголева, Т.Г. Суровцова // Непрерывное образование: XXI век. – 2015. – № 12. – С. 33–41.

11. Fokina E.N. Study of the Quality of Applicants' Admission to Universities Based on the Results of the Unified State Exam in Russia / E.N. Fokina, O.N. Berduygina, A.V. Molchanova, L.M. Toomsalu-Stefanova // International Journal of Instruction. – 2020. – Vol. 12. – P. 73–88.

THE RELATIONSHIP OF THE USE RESULTS WITH THE ACADEMIC PERFORMANCE OF FIRST-YEAR STUDENTS

Pavlov O., Pavlova O.
Peoples' Friendship University of Russia, Russian Presidential Academy of National Economy, and Public Administration

The paper examines various approaches to assessing the relationship between the results of the Unified State Exam and the academic performance of first-year students in vocational education institutions. As part of the research, the authors form the hypothesis that the academic performance of first-year students is influenced not so much by the Unified State Exam, as by some abstract and relatively "idealized" form of preparation and assessment of knowledge acquired during the development of general education programs, but by the specific process itself and dynamically changing conditions for preparing for the Unified State Exam, which dictate the need for all greater involvement of students in the field of additional, often paid education. As a result of the study, the hypothesis is confirmed that despite the fact that in the end the process of preparing for the Unified State Exam does indeed form certain qualities that then have a real positive impact on the academic performance of first-year students, nevertheless, such qualities cannot be called fundamental, since they were formed under the influence of "compulsion" and unconsciousness of preparation for the process of passing the Unified State Exam. In other words, unlike sincere interest and involvement in the process of mastering new knowledge and solving practical problems, the majority of students approach the process of preparing for the Unified State Exam on a fairly formal basis based on the principle of "it's necessary". This is why later after admission to a vocational education institution and the student's adaptation after the first year of study the real motivation to study, and hence academic performance, is gradually decreasing in one proportion or another. The corresponding conclusion is confirmed by the results of the scientific research mentioned in the article.

Keywords: unified state exam, academic performance, general education, vocational education, cognitive motivation, educational process.

References

1. Avdeenko N.A. Identification of problems of implementation of practices of creativity formation in the educational process: Dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / N.A. Avdeenko – Moscow, 2024. – 156 p

2. Belyakova G.V. Continuity in the "lesson – optional lesson" system as a condition for high-quality education / G.V. Belyakova // Art Talent, 2019. – Access mode: https://www.art-talant.org/publikacii/14824-preemstvennosty-v-sisteme-urok – fakulytativnoe-zanyatie-kak-uslovie-vysokogo-kachestva-obrazovaniya (date of request: 12/15/2025).

3. The Unified State Exam to enter a university: facilities and difficulties: VTsIOM survey // VTSIOM official portal. – Access mode: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ege-kak-sposob-postupit-v-vuz-udobstva-i-slozhnosti (date of request: 12/17/2025).

4. Karavaeva L.V. The Unified State Exam as a modern form of assessment of academic achievements: didactic characteristics: dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / L.V. Karavaeva. – Moscow, 2007. 158 p.

5. Nurieva L.M. Analysis of the relationship between the results of the Unified State Exam and the academic performance of first-year students / L.M. Nurieva // Cognition and activity: from the past to the present: proceedings of the II All-Russian Interdisciplinary Scientific Conference, Omsk, December 03, 2020. Omsk: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Omsk State Pedagogical University, 2020, Pp. 171–175.

6. Radomskaya M.V. Unified state examination in ensuring the quality of general education: dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.01 / M.V. Radomskaya. – Moscow, 2006. 155 p.

7. Rochev K.V. Problems of forecasting student academic performance: the relationship between the results of the Unified State Exam and academic success / K.V. Rochev, A.G. Kudelin // Psychological science and education. – 2025. – № 30(1). – Access mode: https://psyjournals.ru/journals/pse/archive/2025_n1/Rochev_Kudelin (date of request: 12/16/2025).

8. Sitnikova I.V. The process of professional self–determination of youth: school – university – labor market (on the example of the Nizhny Novgorod region): dissertation of the Candidate of Pedagogical Sciences: 22.00.04 / I.V. Sitnikova. Nizhny Novgorod, 2022. 175 p.

9. Fateeva N.A. The role of additional education in the socialization and self-development of the younger generation / N.A. Fateeva // International Pedagogical Portal, 2024. – Access mode: https://solncesvet.ru/opublikovannyie-materialyi/rol-dopolnitelnogo-obrazovaniya-v-social.15886014079 / (date of access: 12/15/2025).

10. Shchegoleva L.V. The results of the Unified State Exam and the academic performance of first-year students / L.V. Shchegoleva, T.G. Surovtsova // Continuing education: XXI century. – 2015. – No. 12. – Pp. 33–41.

11. Fokina E.N. Study of the Quality of Applications' Admission to Universities Based on the Results of the Unified State Exam in Russia / E.N. Fokina, O.N. Berduygina, A.V. Molchanova, L.M. Toomsalu-Stefanova // International Journal of Instruction. – 2020. – Vol. 12. – P. 73–88.

Герменевтическая теория П. Рикёра: «Символ – пища для размышлений»

Сачкова Елена Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Лингвистика», Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: november29@yandex.ru

В статье рассматривается теория символа П. Рикёра, созданная в рамках феноменологической герменевтики. Проводится анализ сущностных характеристик и функций символов в зависимости от той области, в которой они появились, отмечается связь символа с языком Священного, онейрическими феноменами и поэтическими образами. Предлагаются критерии для разделения символа и «родственных структур» – знака, аллегории, символов в символической логики и мифа. В качестве таких критериев выступают механизмы функционирования символа и «родственных структур». Поскольку интерпретация символа представляется довольно сложным процессом, исследуются три этапа понимания символа: феноменологический, герменевтический, и собственно философский. В рамках теории П. Рикёра символ рассматривается как инструмент к пониманию и самопониманию человека.

Ключевые слова: герменевтика, символ, знак, миф, аллегория, поэтический образ.

Поль Рикёр – выдающийся французский философ, чьи работы получили признание во всем мире. Помимо академических изысканий П. Рикёр активно участвовал в социальной и политической жизни Франции, в качестве признания его заслуг в Париже его именем была названа одна из площадей.

Начав свой путь с философской антропологии, он, наряду с М. Хайдеггером и Х.-Г. Гадамером, стоял у истоков феноменологической герменевтики, задачей которой является разработка механизмов самопонимания человека через интерпретацию его бытия, его состояний. И поскольку бытие человека и его состояния выражаются через языковые структуры, П. Рикёр обращается к таким языковым структурам как символ, метафора, повествование. Именно ему принадлежит наиболее полная теория символа, разработанная в рамках феноменологической герменевтики и впервые представленная в его работе «Символ порождает мысль» (Le symbole donne à penser), опубликованной в журнале «Esprit» в 1959 году [5]. Эта же статья вышла в 1960 году в журнале «Философия сегодня» (Philosophy Today) на английском языке под названием «The Symbol: Food for Thought» [6]. Основные положения этой работы затем были подробно представлены в таких фундаментальных трудах философа как «Символизм зла» (La symbolique du mal) [7] и «Конфликт интерпретаций» (Le conflit des interprétations. Essais d'herméneutique) [3, 4].

В анализе символа П. Рикёр придерживается лингвистического понимания символа, в первую очередь, как единицы языка, и предлагает начать размышление о символе с языка, в котором уже существуют готовые значения [6, с. 196].

В своей теории П. Рикёр выделяет три области деятельности человека, в которых происходит рождение символов. Это область Священного, область сновидений и галлюцинаций и область поэтического воображения [6, с. 197–198].

Каждая из этих областей порождения символа связана с пониманием символа одним из философов. Так рассматривая функционирование символа в области Священного, П. Рикёр ссылается на труды М. Элиаде [9], символ в сновидениях и галлюцинациях анализируется с привлечением трудов З. Фрейда и К.Г. Юнга [6, с. 198], символ в области поэтического воображения представляется через труды Г. Башляра [1, 2].

Символы, принадлежащие к каждой из этих трех областей, отличаются как механизмами своего возникновения, так и функциями.

Так в области Священного символы бытуют наравне с мифом и ритуалом, и являются средством проявления иерофании. Они возникают на основе аллегорического переноса в результате акта сакрализации определенных действий человека. Значения таких символов неисчерпаемы и могут подразделяться на космические, этические, политические и другие. Функция символов Священного состоит в том, чтобы зафиксировать модели всех значимых для человека ритуалов и действий.

Онейрические символы области сновидений и галлюцинаций рассматриваются П. Рикёром через призму работ З. Фрейда и К. Юнга.

Эти символы возникают на основе общих образов, которые присущи как каждой культуре в частности, так и человеческому фольклору в целом. Их можно охарактеризовать как онейрические представления, которые выходят за рамки индивидуального опыта. Функция таких символов состоит в раскрытии потенциала человека. Онейрические символы открывают путь для человека к пониманию себя, к самостановлению, «Selbstwerden». В этой области бытования символов реализуется их космо-теологическая функция (по М. Элиаде) – реинтегрирование человека в область сакрального прошлого [9].

Третья область бытования символа – это поэтическая образность. Это область языковых символов, воплощающих в себе поэтические образы. Здесь П. Рикёр ссылается на работу Г. Башляра «Поэтика пространства» (La poétique de l'espace) [1, 2], в которой выделяется два типа образов: образ-репрезентация и образ-слово. Образ-репрезентация служит средством представления объекта как существующего. Образ-слово выступает языковым воплощением поэтического образа и, по мнению Г. Башляра, является единственным истинным символом. Таким образом, в области поэтического воображения символы появляются на основе поэтических образов и находят свое материальное выражение в единицах языка – словах [6, с. 198].

Поэтический образ, воплощенный в символе, помогает человеку выразить самого себя через превращение его переживаний в значение

образа. Отличие поэтического образа от символов языка Священного и онейрических символов состоит в том, что они не закреплены в культурной памяти человечества через ритуал или миф, а рождаются или возрождаются в языке по мере необходимости. Однако, в основе поэтических образов лежит та же символическая структура, что проявляется во снах и закреплена в языке Священного в его самой архаичной и стабильной форме.

Во всех трех областях порождения символа П. Рикёр отмечает, что символ является связующим звеном между чувственным опытом человека (чувственные переживания, опыт проживания в материальном мире) и его духовным, идеальным миром. Символ, по своей сути, трансформирует материальный опыт, данный нам в чувственных ощущениях, в опыт духовный, в работу души и духа. Материальная форма символа в результате активной познающей и осознающей деятельности человека преобразуется в его идеальное содержание: смыслы, значения диапазон, которых в символе практически неисчерпаем и ограничен только возможностями познающего человека.

В ходе дальнейшего анализа П. Рикёр проводит четкое разделение между символом и такими понятиями, которые тесно связаны с функционированием символа, и могут в некоторых контекстах выступать как его аналоги. Это – знак, аллегория, символ в символической логике и миф [6, с. 199–201].

Сравнивая символ с этими понятиями, П. Рикёр обращается к сущностным характеристикам символа, на основании которых и можно развести символ со знаком, аллегорией, мифом или символами символической логики, которые он называет «родственными структурами», имеющими с символом общее ядро значения.

П. Рикёр пишет, что все символы – знаки, то есть выражения, значение которых предается через соотношение означающего и означаемого, то есть через слово. Символами могут быть элементы вселенной (небо, вода, луна) или объекты (дерево, камень). Но именно в дискурсе эти объекты приобретают свое символическое значение. Каждый знак указывает на что-то, расположенное за его границами [6, с. 199].

Но, отмечает он, не каждый знак – символ, так как символы наделены двойной интенциональностью или двойным значением: буквальным и переносным, символическим. В качестве примера П. Рикёр приводит английское прилагательное «impure», буквальное значение которого – «нечистый, грязный, запачканный». Его же символическое значение проявляется в языке Священного, где слово значит «осквернённый, нечестивый». При этом буквальное и символическое значения находятся в отношениях «по аналогии», то есть означаемое первого значения и означаемое второго значения связаны неким подобием, которое мы не всегда можем ухватить, понять с первого взгляда [6, с. 199].

П. Рикёр отмечает, что символы также существенно отличаются и от технических знаков, которые значат лишь то, на что они указывают, иными словами, имеют лишь одно значение. Значение же символов затемнено и непрозрачно. В этой непрозрачности и заключается вся неисчерпаемая глубина смыслов символа. Тем не менее, символ и знак, по его мнению, выступают явлениями одного порядка.

Следующая «родственная структура», которую довольно часто отождествляют с символом – это аллегория. Как отмечает П. Рикёр, исторически аллегория являлась не столько инструментом конструирования или создания символов, сколько инструментом герменевтики, как экзегезы знаков, символов, аллегорий и мифов [6, с. 200].

По П. Рикёру, символ и аллегория находятся в отношениях «перевода». В аллегории первое, буквальное, значение является случайным, а вот означаемое второго значения – символическое, и оно достаточно слабо связано с первым значением, чтобы его можно было легко понять. Для того, чтобы понять символическое значение аллегории необходимо произвести его «перевод» по определенным правилам, сложившимся в той или иной культуре, и тогда значение будет раскрыто. Но когда символическое значение аллегории раскрыто, нужда в символе отпадет.

В отличие от знака и символа, аллегория и символ являются структурами разных порядков. Символ предшествует герменевтике, в то время как аллегория и есть герменевтика, инструмент герменевтики. Аллегория делает свое значение доступным через «перевод», символ же скорее намекает на свое значение, наводит на мысль через обращение к тайне [6, с. 200].

Что касается взаимоотношений символа и символической логики, то здесь символ выступает вершиной формализма и является элементом процесса обработки данных. В символической логике символы могут быть заменены на буквы какого-либо алфавита и другие знаки, которые даже не произносятся и не включены в деонтологию. В символической логике символы – это «иероглифы», знаки математического анализа. Таким образом, в силу особенностей своей сигнификации символ предстает в двух крайностях, как знак, значение которого затемнено, связано с языком и культурой человеческого сообщества, и которое может быть понято только через аналогию, и, с другой стороны, как «иероглиф», крайне формализованный знак математического анализа [6, с. 200–201].

Обращаясь к проблеме миф – символ, П. Рикёр отмечает, что символ является неаллегорическим способом понимания мифа, и разделяет точку зрения М. Элиаде, что символическое значение формируется спонтанно и по аналогии.

П. Рикёр рассматривает миф как разновидность символа, развернутого в повествовательную форму, которая сформулирована в пространстве и времени и не соотносится с реальной историей и географией [6, с. 201].

В рамках своей теории символа П. Рикёр обращается и к проблеме понимания символа, понимания его значения, его смыслов. Ключ к пониманию символа, по мнению философа, лежит в его интерпретации. Для полного раскрытия значения символа необходимо пройти три этапа его понимания: феноменологический, герменевтический и собственно философский. При этом, как отмечает сам автор, интерпретация является актом творческой деятельности человека, в котором человек выступает не пассивным наблюдателем, а активным творцом, который готов, уважая загадку символа, тем не менее преодолеть ее и провести интерпретация символа как субъект свободного независимого мышления [6, с. 201–202].

На первом, феноменологическом этапе понимание символа осуществляется через другой символ или символическую систему в целом. Этот способ постижения пронизывает область символов и связывает их воедино, придает им согласованность в их системе. Данный этап представлен, как пишет П. Рикёр, в четырех формах.

Первая форма представляет собой постижение значения символа через совокупность его смыслов. В качестве примера П. Рикёр приводит символ неба, как трансцендентность необъятного, указание на порядок, который является одновременно космологическим, этическим и политическим. В этой форме понимать значение символа – значит воспроизводить все многообразие его смыслов.

Вторая форма постижения символа – это постижение символа через другой символ. По принципу аналогии значение одного символа распространяется на другие символы, схожие с ним: так небо связано с горой, башней, другими высокими местами. По аналогии отсюда можно перейти к символизму вознесения или трудному восхождению.

Третья форма постижения – это постижение через обряд или миф, то есть через другие манифестации сакрального или Священного. Так символизм воды, с одной стороны, рассматривается как угроза (Всемирный потоп), с другой стороны, как возрождение (вода питает почву и делает ее плодородной).

Четвертая форма постижения символа демонстрирует, что символ – это единство различных уровней переживания и репрезентации: внешнего и внутреннего, реалистичного и умозрительного. Примерами могут служить растительные символы, которые выступают символами противоположных понятий: смерть и возрождение [6, с. 201–206].

Таким образом, феноменология символа указывает на наличие определенной взаимосвязи между символами, что объединяет их в символическую систему.

На этом этапе постижения символа происходит именно постижение этой взаимосвязи, так как ни один символ не может интерпретироваться в отрыве от других символов и символической системы в целом.

Однако, как отмечает П. Рикёр, феноменологический этап имеет тот недостаток, что постижение символа происходит без личной вовлеченности интерпретатора. Без личной вовлеченности интерпретатора символы можно рассматривать лишь как иконы, и только при активном участии интерпретатора, при его вовлеченности в динамику семантической структуры символа, можно постичь значение символа на достаточном уровне экзегезы. Таким уровнем предстает второй этап постижения символа, герменевтический.

На этом этапе интерпретации подлежит не символ, а индивидуальный текст. На данном уровне П. Рикёр предлагает производить постижение символа при помощи герменевтического круга, который он определяет, как «чтобы поверить, вы должны понять, но, чтобы понять, вы должны верить» [6, с. 204]. Любое постижение, любая интерпретация определяются предварительными предпосылками, то есть предпониманием темы, относительно которой интерпретатор обращается к тексту. Предпосылки всякого понимания являются важнейшим элементом связи между интерпретатором и темой текста. Исходя из этого, П. Рикёр определяет значение символа как результат циклической связи между верой и пониманием.

Третий этап постижения символа П. Рикёр называет «мысль, зародившаяся в символе» или собственно философский этап [6, с. 205].

Это и есть, по его мнению, настоящая философия символа. Символическое знание играет ключевую роль в самопознании и в философской антропологии, как философской рефлексии о человеке. Объясняя этот уровень постижения символа, он обращается к языку Священного, а именно, языку виновности. П. Рикёр отмечает, что для выражения вины нет иного языка, как язык символический, и возвращается к пониманию зла как грязи, нечистоты и т.п. Для выражения человеческих грехов есть и другие символы: символ блудного сына, заблудшей души и т.д. Примечательно, что эти символы не связаны с осознанием зла, а скорее являются элементами примордиального языка исповедования грехов. Символы в этом случае служат выражением чувства, которое в противном случае осталось бы расплывчатым, неопределяемым, не поддающимся передаче. Символы открывают и обнажают сферу человеческих переживаний [6, с. 201–206].

Первичные символы (грязь, заблудшая душа и т.д.) непосредственно связаны с вторичными, собственно мифологическими, символами (мифы о хаосе, о грехопадении и т.д.) Эти мифы выполняют две функции. Первая функция – унифицировать человеческие переживания через изображение типичного Человека, Антропоса, Адама, даже Титана, который указывает на универсальность человеческого опыта. Вторая функция заключается в том, чтобы привнести в этот опыт некую ориентацию между началом и концом, падением и спасением, отчуждением и повторным присвоением, разделением и примирением [6, с. 206].

Именно благодаря этим функциям символ становится ключом к различным видам человеческих переживаний, ключом к постижению глубины человеческой сущности, тоской соприкосновения между историей и онтологией человека.

Следующий вопрос, которым задается П. Рикёр, как философ может использовать символ. Символ можно использовать как детектор реальности, при этом миф задает направление мысли. Задача философа не в том, чтобы дать аллегорическую интерпретацию символа, а, чтобы через символы зла, хаоса и падения расшифровать человека.

Размышляя о способах постижения или расшифровки символа, П. Рикёр обращается к наследию И. Канта и пишет о «трансцендентальной дедукции» символа. Он понимает под трансцендентальной дедукцией обоснование концепта путем демонстрации его способности к структурированию области объективной реальности. В этом случае значение символа, который служит инструментом к расшифровке человека, выводится на основе его способности к актуализации и структурированию какой-либо области человеческого опыта. Можно сказать, что символ повышает нашу ментальную чувствительность к определенным областям человеческого опыта [6, с. 206].

П. Рикёр также отмечает, что в этом символы совпадают с экзистенциалами М. Хайдеггера, которые выражают наиболее общие возможности «Dasein» [8, с. 44].

Однако, как отмечает П. Рикёр, в таком понимании символа есть существенный недостаток. По его словам, любой символ – это иерофания, манифестация связи человека и Священного. Рассматривая символ как антропологический указатель, раскрывающий сознание самого себя, мы отрываем его от этой связи со Священным. Познание самого себя через символ рассматривается как рефлексивное действие, в то время как на самом деле оно должно помочь нам найти свое место в Бытии. В конце концов все символы выступают указателями положения человека в самом центре Бытия, где он существует и действует. Задача философа, по мнению П. Рикёра, состоит в том, чтобы, пользуясь символами выйти за пределы самосознания и субъективности, за рамки антропологии и восстановить связь человека с трансцендентным целым Бытия.

Символы приводят нас к пониманию, что рефлексивные акты сознания, «Cogito», являются внутренней частью Бытия. И человек, в акте сознания отрывающий себя от целого Бытия, по-прежнему остается частью Бытия, которое является ему в символах.

Философия, оперирующая символами в познании человека, является полной противоположностью апологетики. Она (философия) не отправляется на поиски неизвестного, а исследует его корни и раскрывает их рациональность.

Таким образом, рассмотрев основные положения теории символа П. Рикёра, можно сделать вывод, что это одна из немногих теорий символа в философии, которая отличается довольно детальной проработкой и, которая пытается рассмотреть символ во всем его разнообразии. Данная теория основывается на теоретических положениях, разработанных в смежных областях гуманитарного и философского знания: психоанализ З. Фрейда и К.Г. Юнга, религиоведение М. Элиаде, работы Г. Башляра на стыке феноменологии и психоанализа, феноменология М. Хайдеггера, философия И. Канта. Она включает в себя анализ сущностных характеристик символа и разведение его с «родственными структурами» аллегории, знака, мифа и символической логики, попытку классификации символов по области их происхождения, функции символов, в том числе, и в рамках философского анализа человека. П. Рикёр – один из немногих философов, который предлагает использовать символ как инструмент познания и самопознания человека, основываясь на четко сформулированных положениях своей теории символа. Помимо того, что данная теория является результатом многовековой философской рефлексии проблемы символа, она открывает дальнейшие пути работы с символом, как в рамках герменевтики и феноменологии, так и философии в целом, дает, как пишет П. Рикёр, «пищу для размышлений».

Литература

1. Башляр, Г. Поэтика пространства. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 352 с.
2. Башляр, Г. Поэтика пространства (на фр. яз.). – Paris: Les Presses universitaires de France, 1961. – 215 с.
3. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки герменевтики. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
4. Рикер, П. Конфликт интерпретаций. Очерки герменевтики (на англ. яз.). – Evanston: Northwestern University Press, 1974. – 512 с.
5. Рикер, П. Символ порождает мысль (на фр. яз.) / П. Рикер // Esprit. – 1959. – № 275 (7/8). – С. 60–76.
6. Рикер, П. Символ: пища для мысли (на англ. яз.) / П. Рикер // Philosophy Today. – 1960. – Volume 4, Issue 3. – С. 196–207.
7. Рикер, П. Символизм зла (на англ. яз.). – Boston: Beacon Press, 1969. – 362 с.
8. Хайдеггер, М. Бытие и время. – Москва: Академический Проект, 2013. – 447 с.
9. Элиаде, М. Очерки сравнительного религиоведения (на англ. яз.). – London; New York: Sheed & Ward, 1958. – 484 с.

P. RICOEUR'S HERMENEUTIC THEORY OF SYMBOL: "SYMBOL – FOOD FOR THOUGHT"

Sachkova E.V.
Russian University of Transport

The article concerns P. Ricoeur's theory of symbol that was developed within the framework of hermeneutic phenomenology. Here is presented the analysis of the symbol inherent characteristics and functions according to the area of its emergence with a particular focus on its connection with the language of the Sacred, oneirotic phenomena and poetic image. The criteria for discrimination of symbol and other related structures like allegory, sign, symbol of symbolic logic and myth are given. Functioning of symbol and related structures can be used as such criteria. Symbol interpretation being a complicated process, three stages of symbol comprehension are analysed: phenomenological, hermeneutical, properly philosophical stages. According to P. Ricoeur's theory symbol is treated as a tool to decipher man.

Keywords: hermeneutics, symbol, sign, myth, allegory, poetic image.

References

1. Bachelard, G. The Poetics of Space (in Rus.). – Moscow: Ad Marginem Press, 2014. – 352 pp.
2. Bachelard, G. The Poetics of Space (in Fr). – Paris: Les Presses universitaires de France, 1961. – 215 pp.
3. Heidegger, M. Being and Time (in Rus.). – Moscow: Academic Project, 2013. – 447 pp.
4. Ricoeur, P. The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics (in Eng.). – Evanston: Northwestern University Press, 1974. – 512 c.
5. Ricoeur, P. The Conflict of Interpretations: Essays in Hermeneutics (in Rus.). – Moscow: Academic Project, 2008. – 695 pp.
6. Ricoeur, P. The Symbol gives rise to thought (in Fr) / P. Riceour // Esprit. – 1959. – № 275 (7/8). – p. 60–76.
7. Ricoeur, P. The Symbol: Food for Thought / P. Riceour // Philosophy Today. – Volume 4, Issue 3. – p. 196–207.
8. Ricoeur, P. The Symbolism of Evil. – Boston: Beacon Press, 1969. – 362 pp.
9. Eliade, M. Patterns of Comparative Religion. – London; New York: Sheed & Ward, 1958. – 484 pp.

Экологические парадигмы как основа современного экологического образования и формирования экологической идентичности обучающихся

Димитриев Алексей Димитриевич,
доктор биологических наук, профессор, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: adimitriev@ruc.su

Семенова Надежда Владиславовна,
кандидат биологических наук, доцент, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: huraskina@mail.ru

Гоманова Сильвия Олеговна,
кандидат социологических наук, Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: gomanova.s.o@muctr.ru

Захарова Анна Николаевна,
кандидат психологических наук, доцент, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова
E-mail: zaharova_an@mail.ru

Лоскутникова Алина Андреевна,
Чебоксарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации
E-mail: lolinawp5@gmail.com

Цель исследования состоит в анализе развития экологических парадигм и дискуссионных аспектов формирования экологического мировоззрения, экоориентированного поведения и проблем измерения экологической идентичности школьников, студентов. Материалом для осуществления цели исследования послужили публикации российских и зарубежных авторов. Поиск публикаций осуществлялся в российской научной электронной библиотеке elibrary с использованием комбинации ключевых слов (ноосферная парадигма, экологические парадигмы, новые экологические парадигмы, экологическая идентичность, new ecological paradigm, environmental identity scale) за период 2015–2025 гг. Рассмотрены мировоззренческие, научные, парадигмальные и иные аспекты взаимодействия человека и природы с опорой на методические принципы рискоориентированного мышления, а также с использованием общепринятых методов общенаучного познания. Осуществлено описание современных проблем экологического образования обучающихся и количественного исследования их экологической идентичности. В ходе исследования авторы уделили особое внимание обзору новых научных знаний, которые должны быть включены в содержание экологического образования. В статье проанализированы обсуждены проблемы достижения экологически обоснованного мировоззрения и количественного измерения экологического мировоззрения и поведения личности с использованием шкал новой экологической парадигмы, адаптированных к социальным и национально-культурным особенностям.

Ключевые слова: экологическая парадигма, экологическое образование, новая шкала экологической парадигмы, экологическая идентичность.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 24–28–20507)

Введение

В специальной литературе по обсуждаемым в данной статье вопросам создается представление, что развитие человечества вызвало в планетарных масштабах существенные изменения, обсуждение которых приводит к озабоченностям о будущем природы и самого человека. Общие методологические принципы и подходы к рассмотрению взаимодействия человека и природы на биосферном уровне, заложенные еще Э. Леруа, П. Тейяр де Шарден, В.И. Вернадским, ведут к более глубоким и системным размышлениям в области экологического образования. Несмотря на обширный список исследователей в современной России, проблемы экологических парадигм в контексте совершенствования экологического образования и измерения экологической идентичности недостаточно изучены.

Цель исследования: анализ развития экологических парадигм и дискуссионных аспектов формирования экологического образования и мировоззрения, экоориентированного поведения и проблем измерения экологической идентичности у обучающихся.

Материалы и методы исследования

Материалом для осуществления цели исследования послужили публикации российских и зарубежных авторов, которые описывают опыт развития экологических парадигм и дискуссионных аспектов формирования экологического образования и мировоззрения, экоориентированного поведения и проблем измерения экологической идентичности у обучающихся. Поиск осуществлялся с использованием комбинации ключевых слов (ноосферная парадигма, экологические парадигмы, новые экологические парадигмы, экологическая идентичность, new ecological paradigm, environmental identity scale) за период 2015–2025 гг. Исследование проводилось с использованием принципов подготовки современных обзоров в соответствии с протоколом Preferred Reporting Items for Systematic Reviewsand Meta-Analyses (PRISMA) [18].

Формирование экологической идентичности личности в контексте ноосферной и экологической парадигм образования

О необходимости формирования новой парадигмы в области экологии писали ряд отечественных исследователей. В частности, об этом писали О.С. Анисимов, С.Н. Глазачев [1], Г.А. Заварзин [6] др. Из анализа современных дискуссионных научных статей сформулируем термины:
– «ноосферная парадигма» – это переход к новому типу мышления и деятельности, согласно которому человеческий разум (ноосфера) становится определяющим фактором развития природы и общества и удовлетворение потребностей происходит без ущерба для окружающей среды и будущих поколений;
– термин «экологическая парадигма» – обобщенное научное мировоззрение, в котором концентрирована относительно устойчивая система взглядов, норм, принципов, установок и ценностных подходов, включающих в себя антропоцентрические, экоцентрические и биоцентрические представления оценкой воздействия человеческой деятельности на окружающую среду, а также поиском путей устойчивого развития.

Современные темпы изменений в природе и их высокий уровень неопределенности для будущего биосферы и самого человека актуализируют формирование экологических знаний и навыков в учебных заведениях всех уровней с учетом смены парадигм. Соответственно, новые научные знания в области ноосферной парадигмы и экологической парадигмы должны быть включены в содержание школьного экологического образования и воспитания, которые должны способствовать развитию личности, мотивированной на формирование потребности интереса к познанию законов и явлений природы, к усвоению научных и практических знаний и умений [8].

Е.Н. Дзятковская с коллегами, рассматривая проблемы экологического образования подчеркивают, «что в условиях отставания теории экологического образования от запросов практики необходимо пересматривать сам процесс его педагогического конструирования, начиная с этапа поиска адекватных методологических подходов» [5, с. 5]. Такой методический подход к экологическому образованию должен

быть ориентирован не только на формальное заучивание информаций, но и на анализ, размышление и оценку экологических ситуаций, а также на экологоориентированных поступков с детского возраста. При такой направленности экологического образования формируется личная ответственность школьников, демонстрирующих проэкологическое отношение ко всему в своей повседневной жизни.

Таким образом, с учетом реальных и возможных экологически кризисных локальных и глобальных процессов очень социально значимо, что закладывается интеллект, готовый принять новые ценностные ориентиры, личностные установки с должным экологическим сознанием как в отношении самого себя и общества, так и по отношению к своей среде обитания и, в целом, к биосфере.

В публикациях отечественных авторов [2, 12] сообщается, что существует прямая взаимосвязь между развитием экологической установки и такими структурными компонентами гражданской идентичности, как отношение к людям, семье, Родине и природе. При этом важно помнить, как отмечают И.В. Вагнер, А.Н. Ткачева [3], что детский возраст человека является одним из критических периодов онтогенеза человека в формировании личности, которой присуща экологическая ответственность.

Рассматривая эту же проблему в области профессионального образования, следует отметить, что высшее и среднее профессиональное обучение по формальным критериям оценивается также, как и в школе, через оценки. Однако в данном случае реальным критерием успешности обучения, т.е. насколько студент в процессе обучения приобретает необходимые компетенции для решения экологических вопросов в рамках профессиональной деятельности, является его профессиональная состоятельность, которая обеспечивается не только за счет экологического образования, но и за счет развития и сохранения экокультурных ценностей в течение всей индивидуальной жизни [4, 10, 11, 13].

И.В. Клименко [9], обсуждая особенности формирования экологического мировоззрения студентов, отмечает, что экологическую ответственность необходимо рассматривать в рамках экологической идентичности личности, под которой подразумевается в какой степени человек воспринимает себя как часть природы и осознают свою ответственность за ее сегодняшнее и будущее состояние.

Исходя из результатов исследований данной экологической проблемы, также следует, что формирование эколого-правовой грамотности [19] связано с проблемой экологической и гражданской идентичности личности. В этом контексте экологическое образование и воспитание должны обеспечить, с одной стороны, экологически обоснованное мировоззрение и, с другой, – экологическое поведение личности в повседневной жизни и профессиональной деятельности, которые соответствуют общекультурным принципам и нормативно-правовым требованиям, регламентирующим конкретные экосоциальные ответственные практики каждого на своем рабочем месте.

Шкалы новой экологической парадигмы

В современных исследованиях в области экологического образования преимущественно используют методы количественного исследования, основанные на использовании экологических шкал, позволяющие измерить сообщения конкретного человека. История разработки и применения таких экологических шкал начинается еще с семидесятых годов прошлого столетия [15]. Из англоязычных публикаций по данной тематике следует, что были предложены множество шкал: вербального оценивания готовности делать в отношении проблем экологии, реализовать проэкологические конкретные практики, проводить измерения чувственного восприятия экологических проблем и наличия соответствующий знаний [17], общего экологического поведения [16] и т.д.

Все эти шкалы объединяет одно – ценностные ориентации в вопросах взаимодействия человека и природы. В этой связи следует отметить, что в некоторых случаях ценности лучше определяют поведенческие намерения, чем экологическое мировоззрение и обеспокоенность. В то же время выбор шкал оценки зависит от множества факторов. Дискуссия оценочной значимости различных шкал в литературе ведется постоянно с различных парадигмальных точек зрения. Эта дискуссия в определенной мере отражает формирование сторонников шкалы доминирующей социальной парадигмы с позиций антропоцентризма и сторонников шкалы новой экологической парадигмы с позиций экоцентризма. По поводу шкалы новой экологической парадигмы, предложенной в 1978 году исследователями из США [15] следует отметить, что авторы обосновали необходимость изменения взгляда на природу с позиций антропоцентризма.

Основные положения новой экологической парадигмы концепции сводятся к следующему:

– отказ от антропоцентризма, т.к. антропоцентрическое мировоззрение может препятствовать дальнейшему развитию человечества из-за исчерпаемости ресурсов и восстановительных способностей природы;
– экоцентризм является мировоззренческой основой новой экологической парадигмы и признает ценность природы самой по себе, а не только в контексте ее полезности для человека;
– люди являются одним из видов живых существ, включенным в глобальную экосистему;
– техническое могущество человечества среды не может упразднить природные законы и, соответственно, новая экологическая парадигма рассматривает человека как часть природы, подчиняющаяся ее общим законам.

Исходя из того факта, что экологические проблемы становятся более видимыми и актуальными, в России сделаны определенные и значительные шаги по внедрению определенной системы экологического образования и воспитания. В то же время оценка результатов экологического образования с использованием новой экологической парадигмы нуждается в критическом подходе, учитывающем социокультурный контекст, в котором происходит образование. Отечественные авторы сообщают результаты своего исследования, проведенные на основе адаптации шкалы экологической обеспокоенности для российского контекста образования [7, 14]. Из них следует, что стандартные инструменты для измерения общих экологических убеждений, установок и поведений еще предстоит адаптировать для российских реалий. Обсуждение значимости измерения индивидуального проэкологического выбора посредством различных версий шкалы новой экологической парадигмы позволяет оценить, как формируется новая модель экологического поведения, основанная на ответственности за свои решения, действия и выбор. Данные категории модели экологического поведения являются предикторами экологической идентичности. в которой проявляется признание того, что окружающая среда важна для человека и является значимой частью его сущности.

В этом же аспекте представляется важным подчеркнуть, что в изучение проблем экологической идентичности на основе шкал новой парадигмы необходимо включить аффективный, когнитивный и поведенческий компоненты, исходя из особенностей актуализации создания информации в данной сфере. Результаты данного направления исследования могут внести коррективы в развитие экологической культуры во всех слоях населения и в формирование профессиональных компетенций, необходимых для реализации требований действующих нормативно-правовых требований в процессе профессиональной практики.

Заключение

Таким образом, экологическая парадигма представляет обобщенное научное мировоззрение, в котором выражена относительно устойчивая система взглядов, норм, принципов, установок и ценностных ориентаций в области экологических проблем. В рамках экологической парадигмы формируется экологическая культура, отражающая ответственное отношение человека к природе. Анализ формирования экологических парадигм свидетельствует о том, что основы современного экологического мировоззрения школьников и студентов связаны с развитием экологической концепции о рисках и проблемой измерения экологической идентичности с помощью различных шкал новой экологической парадигмы, адаптированных к конкретным условиям российских реалий.

Литература

1. Анисимов О.С., Глазачев С.Н. Экологическая парадигма: истоки, становление, развитие // Вестник Международной академии наук (Русская секция). 2013. № 1. С. 6–12.

2. Беляева М.В. Экологическая ответственность как составная часть российской гражданской идентичности // Экологическое образование для устойчивого развития: теория и педагогическая реальность: материалы XIV Международной научно-практической конференции. Н. Новгород: НГПУ им. К. Минина, 2017. Ч. I. С. 9–13.

3. Вагнер И.В., Ткачева А.Н. Экология детства: факторы культуры, воспитания и профессиональной компетентности педагога // Экология человека. 2015. № 9. С. 21–26.

4. Гришаева Ю.М., Глазачев С.Н., Шумилов Ю.В., Спирин И.В., Гагарин А.В., Егоренков Л.И. О методологических подходах к проектированию экологического развития личности (на примере высшей школы) // Акмеология. 2018. № 4 (68). С. 8–12.

5. Дзятковская Е.Н., Длимбетова Г.К., Акимиш Д.Е. Комплексный подход к экологическому образованию в «зеленой» школе // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 6А. С. 82–89.

6. Заварзин Г.А. Смена парадигмы в биологии // Вестник РАН. 1995. Т. 65. № I. С. 8–23.

7. Иванова А.А., Агисова Ф.Б., Сауткина Е.В. Проэкологическое поведение в России: адаптация шкалы Кэмерона Брика и связь с экологической обеспокоенностью // Психологические исследования. 2020. № 13 (70). С. 7.

8. Ильинская Н.И. Экологический императив в работах Н.Н. Моисеева // Культура и общество. 2019. № 3. С. 149–154.

9. Клименко И.В. Особенности развития экологического сознания студентов в период обучения в вузе // Сахаровские чтения 2022 года: экологические проблемы XXI: материалы 22-й Международной научной конференции, 19–20 мая 2022. Минск: ИВЦ Минфина, 2022. Ч. 1. С. 126–129.

10. Левченко Н.В., Роговая А.В. Экологическое образование как условие формирования человеческого потенциала // Вопросы управления. 2023. Т. 17. № 2. С. 45–57.

11. Попов Ю.М.. Сазонова Н.Н. Системный подход к формированию экологической культуры личности в эпоху социальной турбулентности // Самарский научный вестник. 2017. Т. 6. № 4. С. 242–246.

12. Сорокоумова Е.А., Чердымова Е.И. Развитие структурных компонентов экологического сознания для формирования гражданской идентичности личности // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26. № 1. С. 102–112.

13. Хайнацкая Т.И. Экологическая идентичность как ресурс кризисного регулирования // Вестник Пермского университета. Политология. 2022. Т. 16. № 2. С. 14–26.

14. Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., & Семикин, Г.И. Связь с природой: вклад в душевное благополучие // Перспективы психологической науки и практики: Материалы научной конференции. М.: РГУ им. А.Н. Косыгина. 2017. С. 764–767.

15. Dunlap, R. E., & Van Liere, K.D. The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results // The Journal of Environmental Education. 1978. № 9(4). P.10–19.

16. Kaiser F. G., & Biel, A. Assessing general ecological behavior: A cross-cultural comparison between Switzerland and Sweden // European Journal of Psychological Assessment. 2000. Vol. 16(1). P. 44–52.

17. Maloney M.P., Ward M.O., Braucht C.N.. A revised scale for the measurement of ecological attitudes and knowledge // American Psychologist. 1975. Vol. 30. P. 787–790.

18. Moher D., Liberati A., Tetzlaff J., Altman, D.G. PRISMA Group Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses: the PRISMA statement // Int. J. Surg. – 2010. – Vol. 8, № 5. – P. 336–341.

19. Semenova N.V., Dimitriev A.D., Ivanova E.V., Zakharova A.N., Dulina G.S., Semenov V.L. Environmental and legal literacy and culture of students in conditions of education // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSB S. 2018. С. 1424–1431.

ECOLOGICAL PARADIGMS AS THE BASIS OF MODERN ENVIRONMENTAL EDUCATION AND THE FORMATION OF STUDENTS' ECOLOGICAL IDENTITY

Dimitriev A.D., Semenova N.V., Gomanova S.O., Zakharova A.N., Loskutnikova A.A.
Cheboksary Cooperative Institute (branch) of the Russian University of Cooperation,
I.N. Ulyanov Chuvash State University

The purpose of the research is to analyze the development of ecological paradigms and debatable aspects of the formation of an ecological worldview, eco-oriented behavior and problems of measuring the ecological identity of schoolchildren and students. The publications of Russian and foreign authors served as the material for the realization of the purpose of the study. The search for publications was carried out in the Russian scientific electronic library elibrary using a combination of keywords (noospheric paradigm, ecological paradigms, new ecological paradigms, ecological identity, new ecological paradigm, environmental identity scale) for the period 2015–2025. The philosophical, scientific, paradigmatic and other aspects of the interaction between man and nature are considered based on the methodological principles of risk-based thinking, as well as using generally accepted methods of general scientific knowledge. The article describes modern problems of environmental education of students and quantitative research of their ecological identity. In the course of the study, the authors paid special attention to the review of new scientific knowledge that should be included in the content of environmental education. The article analyzes and discusses the problems of achieving an ecologically sound worldview and quantifying an ecological worldview and personal behavior using scales of a new ecological paradigm adapted to social and national-cultural characteristics.

Keywords: ecological paradigm, ecological education, new scale of ecological paradigm, ecological identity.

References

1. Anisimov O.S., Glazachev S.N. The ecological paradigm: origins, formation, development // Bulletin of the International Academy of Sciences (Russian Section). 2013. No. 1. Pp. 6–12.

2. Belyaeva M.V. Environmental responsibility as an integral part of Russian civic identity // Environmental education for sustainable development: theory and pedagogical reality: proceedings of the XIV International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod: NGPU named after K. Minin, 2017. Ch. I. Pp. 9–13.

3. Wagner I.V., Tkacheva A.N. Ecology of childhood: factors of culture, upbringing and professional competence of a teacher // Human ecology. 2015. No. 9. Pp. 21–26.

4. Grishaeva Yu.M., Glazachev S.N., Shumilov Yu.V., Spirin I.V., Gagarin A.V., Egorenkov L.I. On methodological approaches to the design of environmental personality development (using the example of higher education) // Acmeology. 2018. No. 4 (68). Pp. 8–12.

5. Dziatkovskaya E.N., Dlymbetova G.K., Akimish D.E. An integrated approach to environmental education in a "green" school // Pedagogical Journal. 2023. Vol. 13. No. 6A. Pp. 82–89.

6. Zavarzin G.A. Paradigm shift in Biology // Bulletin of the Russian Academy of Sciences, 1995, Vol. 65, no.I. Pp. 8–23.

7. Ivanova A.A., Agisova F.B., Sautkina E.V. Environmental behavior in Russia: adaptation of the Cameron Brick scale and connection with environmental concern // Psychological research. 2020. No. 13 (70). p. 7.

8. Ilyinskaya N.I. The ecological imperative in the works of N.N. Moiseev // Culture and Society. 2019. No. 3. Pp. 149–154.

9. Klimenko I.V. Features of the development of students' ecological consciousness during university studies // Sakharov Readings 2022: Environmental problems of the XXI century: proceedings of the 22nd International Scientific Conference, May 19–20, 2022. Minsk: IVC of the Ministry of Finance, 2022. Part 1. Pp. 126–129.

10. Levchenko N.V., Rogovaya A.V. Environmental education as a condition for the formation of human potential // Management issues. 2023. Vol.17. No. 2. Pp. 45–57.

11. Popov Yu.M. Sazonova N.N. A systematic approach to the formation of an ecological culture of personality in the era of social turbulence // Samara Scientific Bulletin. 2017. Vol. 6. No. 4. Pp. 242–246.

12. Sorokoumova E.A., Cherdymova E.I. Development of structural components of ecological consciousness for the formation of a person's civic identity // Psychological science and education. 2021. Vol. 26. No. 1. Pp. 102–112.

13. Khainatskaya T.I. Ecological identity as a crisis management resource // Bulletin of Perm University. Political science. 2022. Vol. 16. No. 2. Pp. 14–26.

14. Chistopolskaya K.A., Enikolopov S.N., Nikolaev E.L., & Semikin, G.I. Connection with nature: a contribution to mental well-being // Perspectives of psychological science and practice: Proceedings of a scientific conference. Moscow: Kosygin Russian State University. 2017. C. 764–767.

15. Dunlap, R. E., & Van Liere, K.D. The «New Environmental Paradigm»: A proposed measuring instrument and preliminary results // The Journal of Environmental Education. 1978. No. 9(4). pp.10–19.

16. Kaiser F. G., & Biel, A. Assessing general ecological behavior: A cross-cultural comparison between Switzerland and Sweden // European Journal of Psychological Assessment. 2000. Vol. 16(1). P. 44–52.

17. Maloney M.P., Ward M.O., Braucht C.N.. A revised scale for the measurement of ecological attitudes and knowledge // American Psychologist. 1975. Vol. 30. P. 787–790.

18. Moher D., Liberati A., Tetzlaff J., Altman, D.G. PRISMA Group Preferred reporting items for systematic reviews and meta-analyses: the PRISMA statement // Int. J. Surg. – 2010. – Vol. 8, № 5. – P. 336–341.

19. Semenova N.V., Dmitriev A.D., Ivanova E.V., Zakharova A.N., Dulina G.S., Semenov V.L. Environmental and legal literature and culture of students in conditions of education // The European Proceedings of Social & Behavioral Sciences EpSB S. 2018. Pp. 1424–1431.

Стилистически сниженная лексика как реакция реципиентов на медиатекст малого объема

Титлова Анастасия Станиславовна,
доцент, канд.филол.наук, доц.каф.ин.яз., ВШЗФЛП, ИГСН УУНиТ
E-mail: nastyatitl@gmail.com

Моисеева Ангелина Валерьевна,
доцент, канд.филол.наук, доц.каф.ин.яз., ВШЗФЛП, ИГСН УУНиТ
E-mail: mo_link@mail.ru

В статье описывается пласт стилистически сниженной лексики, используемой реципиентами медиатекста малого объема. Приводятся определения и классификации данного пласта лексики, выделяются разговорная, диалектная, аффективная и жаргонная лексика. В рамках лексикостилистической типологии пласт грубой лексики классифицируется как вульгарные и бранные лексические единицы. В качестве особой категории выделяется обсценная лексика, характеризующаяся предельно негативной коннотацией. В статье отмечается, что перечисленные категории могут выполнять инвективную функцию, направленную на вербальное оскорбление адресата. В качестве вывода указывается, что манипулятивный характер текста-стимула ведет к доминированию реакций оценки, выраженной в эмоционально резкой форме. Авторы предполагают, что в таком случае имеет место своеобразная форма защиты вербального сознания реципиента – проявление механизма защиты от информации, либо грубая форма оценочной реакции может представлять собой результат анонимного характера интернет-коммуникации.

Ключевые слова: лексика, лексикостилистическая типология, интернет-коммуникации.

В актуальных исследованиях лингвистики термины с устойчивой эмоциональной или стилистической окраской определяются как лексемы, обладающие фиксированной аффективностью, независимой от контекстуальных факторов, коммуникативной ситуации или индивидуального употребления говорящим. Аффективно-оценочный компонент их семантики возникает из медиированной кореляции эмоций и оценки: эмоции трактуются как субъективное психическое переживание отношения индивида к окружающим явлениям, а оценка выступает результом данного когнитивно-аффективного процесса.

Ключевой характеристикой аффективно-оценочной лексики служит полисемичность значения, обусловленная способностью таких единиц не только конвенсировать эмоции субъекта, но и сигнализировать о психическом статусе, поведенческих паттернах и личностных диспозициях. Стилистически маркированная лексика, функционирующая как инструмент артикуляции субъективного эмоционального аттитюда к денотату, интегрирует рациональное суждение с аффективным компонентом. В частности, к стилистически сниженным лексическим пластам относят субстандартную лексику.

По данным филологических разработок, субстандартная лексика аккумулирует многоуровневую эмоциональную семантику, специфически моделируя аффективный спектр индивида. Ее экспрессивный потенциал существенно повышен: единичная вульгарная лексема часто субституирует кластер нейтральных эквивалентов, передавая преимущественно аффективное, а не дескриптивное суждение [Жельвис 1997: 10]. В настоящем исследовании под сниженной лексикой подразумеваются разговорно-грубые номинативы, а также элементы, выходящие за пределы нормативного литературного стандарта – включая диалектные, жаргонные и обсценные конструкции, конституирующие стилистически депрессивные лексические страты.

В современной лингвистической науке отсутствует унифицированная терминосистема для категоризации рассматриваемого пласта лексики. В исследовательской практике широко используются следующие номинативные единицы: арго (и производное арготизм), жаргон (жаргонизм), интержаргон, общий жаргон, жаргонизированная лексика, жаргонная лексика, сленг (сленгизм), а также обозначения сниженная разговорная лексика и экспрессивная лексика ненормативного употребления.

В академической среде распространена позиция, согласно которой перечисленные дефиниции трактуются как семантически близкие или синонимичные. Сторонники данного подхода квалифицируют лексические единицы, соотносимые с понятиями «жаргон», «арго», «сленг» и «социальный диалект», как выходящие за рамки кодифицированных норм современного русского литературного языка, что позволяет относить их к категории ненормативных языковых явлений.

В рамках экспериментальных исследований И.А. Стернина, направленных на изучение стилистического компонента лексического значения в языковом сознании носителей, был выявлен существенный разрыв между академической классификацией стилистических пластов лексики и их ментальной репрезентацией. Результаты экспериментов продемонстрировали, что в когнитивной модели носителя языка стилистическая дифференциация лексики существенно упрощена по сравнению с лингвистическими классификациями, основанными на детальном описании стилистических характеристик лексических единиц.

Согласно наблюдениям И.А. Стернина, языковое сознание носителя оперирует не более чем тремя базовыми стилистическими разрядами, разграничение которых осуществляется на основе коммуникативных параметров употребления. К этим разрядам отнесены [Стернин, Рудакова 2011]:

Литературная лексика – кодифицированный пласт, включающий книжную, научную, официально-деловую и литературно-разговорную лексику. Характеризуется универсальностью применения в обеих формах речевой деятельности – устной и письменной.

Разговорная лексика – лексический пласт, функционирующий в неофициальных коммуникативных ситуациях, преимущественно в межличностном общении знакомых собеседников.

Ненормативная лексика – совокупность лексических единиц, не соответствующих литературной норме. В рамках данного разряда особо выделяется бранная лексика, используемая как спонтанная реакция на неблагоприятные коммуникативные стимулы (нежелательные

речевые акты, действия или ситуации). При этом в языковом сознании носителя наблюдается чёткая дифференциация между грубой и нецензурной разновидностями ненормативной лексики.

В рамках лексикостилистической типологии выделяется пласт грубой лексики, дифференцируемый на вульгарные и бранные единицы. Особую категорию составляет обсценная (нецензурная) лексика, характеризующаяся предельно негативной коннотацией. Функционально она сближается с бранной лексикой, поскольку обе категории могут выполнять инвективную функцию, направленную на вербальное оскорбление адресата.

Согласно нормативной лексикографической фиксации [Словарь русского языка 1999], понятие *«брань»* трактуется как совокупность оскорбительных, инвективных единиц, синонимизируемых с термином *«ругань»*. В свою очередь, *«обсценная лексика»* определяется как крайняя степень вульгаризма – грубые экспрессивные выражения, возникающие как спонтанная реакция на стрессогенные коммуникативные стимулы.

В эмотиологии особое место занимают аффективы – класс лексических единиц, чья семантика исчерпывается выражением эмоционального состояния без номинации самой эмоции [Шаховский 1994: 22]. К данной категории относятся:

- междометия;
- инвективные лексемы;
- ругательства.

Их ключевая особенность – отсутствие логикопредметного значения при доминанте экспрессивного компонента.

Дифференциация аффективов от прочих эмотивных единиц базируется на функциональном критерии: если эмотивная лексика описывает эмоциональное состояние, то аффективы непосредственно его манифестируют. Семантическая структура аффектива обладает высокой контекстуальной вариативностью, что обусловливает двойственность его эмотивного значения:

- обобщённое (универсальное для языкового сообщества);
- индивидуальноличностное (специфичное для конкретного субъекта).

Ядерную зону аффективов составляют лексемы, функционирующие как эмоциональные восклицания. В таких случаях происходит семантический сдвиг: денотативное значение замещается междометным, а приоритетным становится экспрессивный компонент.

Парадоксальность аффективов заключается в их полифункциональности: при формальной идентичности они способны выражать диаметрально противоположные эмоции – от фрустрации и раздражения до восторга и ликования. Данная амбивалентность детерминируется прагматическими параметрами коммуникации (контекст, интенция, отношения между коммуникантами).

Эмпирической базой настоящего исследования выступили комментарии к медиатекстам, которые демонстрируют высокую степень близости к естественной разговорной речи. Характерной чертой данных дискурсивных фрагментов является насыщенность стилистически сниженной лексикой. В рамках проведённого анализа была реализована попытка систематизации стилистически маркированных лексических единиц, зафиксированных в «встречных текстах» комментаторов.

В ходе эксперимента, результаты которого анализируются в настоящей статье, авторами были рассмотрены 8 текстов-стимулов, размещенных в кроссплатформенном мессенджере Телеграм, с общим количеством комментариев 2260. В приведенной ниже классификации стилистически сниженной лексики, встречающейся в оценочных реакциях реципиентов, в каждой группе указан процент от общего количества реакций-комментариев.

1. Бранная оскорбительная лексика в адрес человека или группы людей.

«Спившиеся кашолки» [https://t.me/luka_ebkov/61859?comment=14825327].

«Тяжело идиоткой притворяться» [https://t.me/luka_ebkov/61858?comment=14823611].

«Звонил мне как-то раз один такой урод. Даже смс с кодом прислал. Но в смс было написано, что этот код никому нельзя говорить, о чём я этому упырю и сказал! □□» [https://t.me/luka_ebkov/61858?comment=14823720].

«Ты дурачок? Как если там через переадресацию делается» [https://t.me/luka_ebkov/61858?comment=14824248].

Здесь можно также выделить и окказиональную грубую лексику, например:

«Они – либералотутки» [https://t.me/luka_ebkov/61858?comment=14823852].

«До выборов в США ещё пять дней, а дерьмократы (извините, не удержалась) во всю занимаются мелкими гадостями» [https://t.me/expensive_hurma/23019]

«Пропагандоны разжигающие ненависть и войну критически важны, а простые гречкосеи пусть полезают в печь» [https://t.me/OpenUkraine/85045].

Количество реакций, содержащих бранную оскорбительную лексику в адрес человека или группы людей, составило 9% от общего количества.

2. Ненормативная лексика, выражающая отношение к ситуации.

«Та судья, которая не приняла во внимание все доказательства вынося решение по судебному иску и отменяя сделку в одну сторону, понимает что она размазала дерьмо толстым слоем по всему институту судейства?» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820339].

«Мерзость вся эта история конечно. Паскудство господское. Тех которым можно» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820359].

«Думаю, для апофеоза идиотизма, надо привлечь покупательницу квартиры за спонсирования ВСУ» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820426].

Данная группа является одной из наиболее многочисленных: количество реакций, содержащих ненормативную лексику, выражающую отношение к ситуации, составило 12%.

3. Аффективная лексика.

«А вообще нет мысли, что всё это пздц как специально под недостройки сделано?» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820435].

«Но правила игры, проверок и текста договора хватало, чтобы ебобабку нах послать» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820463].

«Поразил? Поразил блеать?!» [https://t.me/luka_ebkov/61851?comment=14816715].

«Так российская оппозиция испокон веков только и делала, что йухи пинала» [https://t.me/luka_ebkov/61851?comment=14818110].

Количество реакций, содержащих аффективную лексику, составило 4%.

4. Тюремный жаргон.

«Прецедент создан и мрази сразу мутят темки, в России вроде не существует прецедентного права, но есть нюанс…» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820332].

«Эконома то нет, а комфорт это реновация – зашквар с интеллигентными алконавтами»]https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820518].

«На хабре чел в деталях разобрал, как именно бабки отсуживают хату – там не в судьях проблема» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820524].

«Ага, с возможностью ещё раз кинуть» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820526».

Количество реакций, содержащих тюремный жаргон, составило 0,5%.

5. Искажение имен собственных с целью издевки, иронии, оскорбления.

«А нотариат отстал, жаба поддушила и на тебе Дудолина – а дальше раньше у нотариуса вторичка тариф 0.15–1% от стоимости квартиры оформить, а теперь будет 5! А?» [https://t.me/luka_ebkov/61854?comment=14820538].

«Безголовый богомол это же муж ксюшади, а тут два хохляцких вентилятора» [https://t.me/luka_ebkov/61851?comment=14817266].

«Как он теперь из всего этого будет выбираться – непонятно. Особо желающих ему помочь, кроме «друга» дай-дай-дай Зелебобы, у него нет» [https://t.me/grafynia/33461].

Количество реакций, содержащих искаженные имена собственные, употребляемые с целью издевки, иронии, оскорбления, составило 7%.

В заключение следует отметить, что манипулятивный и, зачастую, провокационный характер текста микроблога ведет к доминированию реакций оценки, выраженной именно в грубой, эмоционально резкой форме. Здесь, по нашему мнению, имеет место своеобразная форма защиты вербального сознания реципиента – проявление механизма защиты от информации [Пешкова 2013]. Хотя, безусловно, грубая форма оценочной реакции может являться и следствием анонимного характера интернет-коммуникации.

Литература

1. Жельвис В.И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема /В.И. Жельвис. -М.: Ладомир, 1997. –330 с.

2. Пешкова Н.П. Психолингвистическая интерактивная модель понимания текста (на материале текстов различных типов) /Н.П. Пешкова//Вестник Томского гос. ун-та. Филология. –2013. -№ 5 (25). -С. 48–54.

3. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание /И.А. Стернин, А.В. Рудакова. – «Ламберт», 2011. –192 с.

4. Словарь русского языка: В 4-х т. /РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. –4-е изд., стер. -М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

5. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики /В.И. Шаховский//ВЯ, № 4. -М.: Наука, 1994. -С. 20–26.

STYLISTICALLY REDUCED VOCABULARY AS A REACTION OF RECIPIENTS TO A SHORT MEDIA TEXT

Titlova A.S., Moiseeva A.V.
Higher School of Foreign Philology, Linguistics and Translation of the Institute of Humanities and Social Sciences

This article describes a layer of stylistically debased vocabulary used by recipients of short media texts. Definitions and classifications of this vocabulary are provided, distinguishing between colloquial, dialectal, affective, and slang vocabulary. Within the framework of lexical-stylistic typology, this layer of coarse vocabulary is classified as vulgar and abusive lexical units. Obscene vocabulary, characterized by extremely negative connotations, is identified as a special category. The article notes that these categories can perform an invective function aimed at verbally insulting the addressee. It is concluded that the manipulative nature of the stimulus text leads to the dominance of evaluative reactions expressed in an emotionally harsh manner. The authors suggest that in this case, a peculiar form of verbal defense is at work in the recipient – a manifestation of a mechanism for protecting against information, or that the coarse form of evaluative reaction may be a result of the anonymous nature of online communication.

Keywords: vocabulary, lexical and stylistic typology, Internet communications.

References

1. Zhelvis V.I. Battlefield: Profanity as a Social Problem /V.I. Zhelvis. -M.: Ladomir, 1997. –330 p.

2. Peshkova N.P. Psycholinguistic Interactive Model of Text Understanding (Based on Various Types of Texts) /N.P. Peshkova//Bulletin of Tomsk State University. Philology. –2013. -No. 5 (25). -P. 48–54.

3. Sternin I.A., Rudakova A.V. Psycholinguistic Meaning of a Word and Its Description /I.A. Sternin, A.V. Rudakova. – "Lambert", 2011. –192 p.

4. Dictionary of the Russian Language: In 4 volumes /RAS, Institute of Linguistic Studies; Ed. A.P. Evgenyeva. – 4th ed., reprinted – Moscow: Russian language; Polygraphresources, 1999.

5. Shakhovsky V.I. Types of meanings of emotive vocabulary / V.I. Shakhovsky // VY, No. 4. – Moscow: Science, 1994. – Pp. 20–26.

Проблематика и этика использования искусственного интеллекта в высшем образовании в РФ

Тихонова Светлана Викторовна,
кандидат наук, доцент, кафедра гуманитарных и социальных наук, РТУ МИРЭА
E-mail: svetlanavt@list.ru

Статья посвящена анализу проблематики и этики использования искусственного интеллекта в системе высшего образования Российской Федерации. Подчёркивается научная и практическая значимость темы в связи с быстрым распространением генеративных и аналитических сервисов, влияющих на учебный процесс, управление университетом и практики академической честности. Новизна работы выражена в обобщении современных российских исследований 2021–2025 гг., сопоставлении моделей применения ИИ в вузах с этическими принципами и регулятивными инициативами, а также в попытке выстроить целостную картину рисков и условий ответственного использования ИИ. В рамках исследования описываются основные направления внедрения ИИ в университетах, изучаются позиции преподавателей и студентов, анализируются нормативные подходы к регулированию цифровых технологий. Особое внимание уделено академическому мошенничеству, прозрачности алгоритмов и защите персональных данных. Цель работы состоит в формулировании рекомендаций для университетской политики и локальных регламентов. Для достижения цели применяется аналитический обзор литературы, сравнительный и нормативно-правовой анализ. В заключении обосновываются принципы этически ориентированного внедрения ИИ. Статья рассчитана на управленцев вузов, преподавателей, методистов и исследователей в области образовательной политики и цифровой дидактики.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее образование, этика искусственного интеллекта, академическая честность, генеративный искусственный интеллект, цифровая трансформация, университет, регламентация ИИ, образовательная политика, академическая добросовестность.

Введение

Интенсивное внедрение цифровых сервисов и алгоритмов машинного обучения в российские университеты приводит к качественному изменению учебной, исследовательской и управленческой деятельности. Платформы адаптивного обучения, системы аналитики успеваемости, чат-боты поддержки студентов, генеративные модели для работы с текстами и данными уже входят в практику вузов и одновременно усиливают дискуссии о границах допустимого использования таких инструментов, правовом статусе создаваемых ими продуктов и сохранении доверия к академическим результатам.

Государственная политика в области искусственного интеллекта задаёт ориентиры для цифровой трансформации образования, опираясь на национальные стратегические документы и международные рекомендации в сфере ИИ и прав человека. В университетской среде этот курс встречается с конкретными дилеммами: автоматизация оценивания и отбора обучающихся, персонализация траекторий, алгоритмическое сопровождение научной работы сопряжены с рисками дискриминации, нарушения конфиденциальности, подрыва мотивации и подмены самостоятельной работы студентов машинной генерацией.

Цель исследования состоит в теоретико-аналитическом осмыслении проблематики и этики использования искусственного интеллекта в высшем образовании РФ на основе современных отечественных публикаций, посвящённых практикам внедрения, позициям участников образовательного процесса и регулятивным подходам.

Для достижения указанной цели решаются следующие задачи:

1. проанализировать направления и формы использования ИИ в российских вузах, выявить доминирующие модели его применения в учебной, исследовательской и административной деятельности;
2. структурировать группы этических рисков, связанных с внедрением ИИ, и описать характерные типы поведения преподавателей и студентов по отношению к цифровым сервисам;
3. обосновать подходы к формированию университетской политики и локальных регламентов, обеспечивающих этически ориентированное использование ИИ с учётом отечественных и международных норм.

Новизна работы заключается в целенаправленном синтезе разнородных исследований, посвящённых как технологическим решениям и образовательным проектам на базе ИИ, так и этическим, правовым и ценностным основаниям их применения в высшей школе. Сопоставление этих направлений позволяет перейти от фрагментарного обсуждения отдельных инструментов к системному видению рисков и возможностей ИИ в российском высшем образовании и выработке практико-ориентированных рекомендаций для университетов.

Материалы и методы

Эмпирическую и теоретическую основу исследования формируют отечественные работы последних лет, освещающие внедрение ИИ в образование, отношение участников образовательного процесса к новым технологиям и этические основания цифровой трансформации. С.Г. Давыдов, Н.Н. Матвеева, Н.В. Адемукова и А.А. Вичканова [1] анализируют состояние и перспективы использования ИИ в российских университетах на основе кабинетного анализа и экспертных интервью, выделяя сильные и слабые стороны текущей практики. Н.В. Соколов и В.Г. Виноградский [2] рассматривают российский опыт применения ИИ в образовании с позиции сочетания педагогических эффектов и рисков. С.М. Курьян и М.А. Петрушкевич [3] формулируют совокупность этических принципов внедрения ИИ-технологий в образовательный процесс. А.Г. Бермус и Е.В. Сизова [4] исследуют отношение студенческой аудитории к правомерным и неправомерным моделям использования генеративного ИИ и академической честности. Ю.В. Рыжков [5] обобщает образовательные проекты на базе ИИ в школах и вузах, классифицируя их по целям и используемым сервисам. Е.П. Звягинцева [6] применяет SWOT-подход к оценке сильных сторон, ограничений и рисков ИИ в образовании. П.В. Сысоев [7] изучает осведомлённость, готовность и практику применения ИИ преподавателями высшей школы. Е.А. Кошкина с соавторами [8] выполняют обширный обзор отечественных исследований по генеративному ИИ в высшем образовании. Р.С. Веретин [9] оценивает эффективность цифровых образовательных

платформ с поддержкой ИИ в школе, что даёт ориентиры для аналогичных решений в вузах. А.А. Козырева с соавторами [10] рассматривают состояние этической и регулятивной повестки в сфере ИИ, включая рекомендации международных организаций и российские инициативы.

В методологическую основу исследования входят аналитический обзор литературы, сравнительно-сопоставительный анализ подходов к использованию ИИ в образовании, нормативно-правовой анализ документов, посвящённых регулированию цифровых технологий, а также элементы качественного контент-анализа, применённые к описаниям практик использования ИИ преподавателями и студентами. Такой подход позволяет реконструировать типовые модели применения ИИ, их ценностные основания и регулятивные рамки без проведения собственных массовых эмпирических опросов.

Результаты

Анализ публикации С.Г. Давыдова и соавторов показывает, что в российских университетах формируется достаточно широкий спектр технологий ИИ, внедряемых в учебный, исследовательский и административный контуры [1]. Авторы выделяют автоматизированные системы оценивания и предиктивной аналитики успеваемости, интеллектуальные помощники для студентов и преподавателей, сервисы адаптивного построения учебных траекторий, а также платформы, поддерживающие принятие управленческих решений в вузе. Отмечается выраженный перекос в сторону административных и аналитических решений, тогда как глубинная интеграция ИИ в содержание учебных курсов на момент исследования имела ограниченный характер.

Работа Н.В. Соколова и В.Г. Виноградского дополняет эту картину, фиксируя, что технологические инновации нередко опережают методическую и организационную готовность образовательных учреждений [2]. ИИ рассматривается как средство индивидуализации обучения и оптимизации деятельности преподавателя, но фактически часто используется в режиме точечных экспериментов, связанных с отдельными дисциплинами или локальными проектами. Авторы подчёркивают неоднородность инфраструктурной обеспеченности вузов и различия в готовности кадровых коллективов, что приводит к неравномерному распределению доступа к современным цифровым сервисам между университетами и даже внутри одного учреждения.

Ю.В. Рыжков на материале образовательных проектов, реализованных в школах и вузах, показывает, что наибольшее распространение получили интеллектуальные обучающие системы, средства автоматизации проверки заданий и платформы, использующие ИИ для адаптации сложности учебного материала [5]. Обобщение практик демонстрирует, что значительная часть проектов имеет экспериментальный характер и ориентируется на энтузиазм отдельных коллективов, а не на стратегические решения университетского уровня.

Исследование Е.П. Звягинцевой использует SWOT-подход для систематизации сильных сторон, ограничений и рисков ИИ в образовании [6]. К сильным сторонам отнесены персонализация обучения, расширение возможностей диагностики, повышение гибкости образовательных траекторий. В категорию ограничений попадают кадровый дефицит компетентных специалистов, неустойчивость цифровой инфраструктуры, а также недостаточная проработанность нормативных рамок при массовом использовании алгоритмов. Среди рисков выделяются усиление цифрового неравенства, зависимость студентов от рекомендательных систем, подмена самостоятельной учебной деятельности автоматизированными решениями. Эти выводы в значительной степени перекликаются с оценками Давыдова и соавторов, которые связывают перспективы российских университетов с балансом между технологической инновацией и сохранением гуманитарного измерения высшего образования [1].

Особое место занимают исследования генеративных технологий, в том числе больших языковых моделей. Е.А. Кошкина и её коллеги на основе анализа 270 публикаций, включённых в перечень журналов ВАК, показывают, что основной массив работ посвящён описанию практики применения генеративного ИИ в отдельных дисциплинах и направлениях подготовки, прежде всего в преподавании иностранных языков, гуманитарных и социально-экономических предметов [8]. Значительная часть авторов рассматривает ИИ как средство повышения мотивации, персонализации заданий и развития навыков работы с текстами, при этом сохраняется дефицит исследований, направленных на оценку долгосрочного влияния генеративных сервисов на структуру учебной деятельности и на академическую идентичность студента. Отдельно подчёркивается, что методическая база применения ИИ часто опирается на локальный опыт и требует более системной теоретической проработки.

Работа П.В. Сысоева, основанная на масштабном опросе преподавателей высшей школы, выявляет сложное сочетание высокого интереса к технологиям ИИ и ограниченного уровня практического использования [7]. Большинство респондентов демонстрируют общую осведомлённость о возможностях ИИ и признают его значимость для обновления содержания курсов, диагностики и сопровождения студентов. При этом реальное включение ИИ в педагогическую деятельность распределено неравномерно: активнее всего применяются сервисы автоматизированной проверки работ, адаптивные тестовые задания, средства визуализации и инструменты создания дидактических материалов. Отмечается заметная доля преподавателей, которые воспринимают ИИ преимущественно как вспомогательный инструмент для подготовки к занятиям, а не как полноценный компонент учебного процесса.

Особое значение имеют данные об оценке преподавателями рисков. По результатам исследования, значительная часть педагогов связывает использование ИИ с угрозой подрыва академической честности, снижением уровня самостоятельности студентов и опасением механического копирования машинных ответов [7]. В то же время многие респонденты видят в ИИ ресурс для развития критического мышления и навыков работы с информацией при условии целенаправленной организации учебной деятельности и явного обсуждения этических норм.

А.Г. Бермус и Е.В. Сизова сосредоточиваются на установках студентов двух классических университетов в отношении генеративного ИИ и академической честности [4]. Авторы показывают, что распространённость использования ИИ для подготовки учебных работ достаточно высока, при этом заметна дифференциация между «легитимными» и «нелегитимными» практиками в глазах обучающихся. Отмечается, что часть студентов склонна воспринимать генеративные сервисы как допустимое средство поиска идей и формулировок при условии последующей переработки, тогда как использование машинных текстов без критической доработки и ссылок уже ассоциируется с нарушением этики. Уровень осмысления границ допустимого варьируется между различными направлениями подготовки, а сами студенты нередко ориентируются на косвенные сигналы со стороны преподавателей и администрации, которые не всегда формализованы в локальных актах.

Результаты Бермуса и Сизовой демонстрируют, что без целенаправленной работы по формированию представлений об академической честности в условиях ИИ университет рискует столкнуться с расширением имитационных практик [4]. Авторы подчёркивают, что генеративные сервисы воспринимаются значительной частью студентов не как временное подспорье, а как естественный элемент образовательной среды, что требует переосмысления традиционных подходов к оцениванию, проверке оригинальности и формированию исследовательских навыков.

В этом плане показателен и анализ практик, описанных в статьях о школьном и вузовском образовании. Ю.В. Рыжков, рассматривая образовательные проекты на основе ИИ, фиксирует тенденцию использования интеллектуальных систем не только для обучения, но и для контроля и мониторинга результатов [5]. В сочетании с данными Сысоева и Бермуса это приводит к выводу о двойственной установке: с одной стороны, ИИ воспринимается как средство повышения объективности оценивания, с другой – усиливает соблазн академического мошенничества, когда студенты ориентируются на автоматизацию не только проверки, но и производства учебных текстов.

Исследование С.М. Курьяна и М.А. Петрушкевич напрямую посвящено формулировке этических принципов применения ИИ-технологий в образовательном процессе [3]. Авторы исходят из необходимости сочетания ценностей открытости и инновационности с защитой прав обучающихся и преподавателей, предлагая принципы доступности и прозрачности, конфиденциальности и безопасности, приоритета диалогового взаимодействия, чётких правил применения и сотрудничества с профессиональным сообществом. Эти принципы опираются на анализ российской нормативной базы и международных документов, включая рекомендации ЮНЕСКО и иных организаций, и ориентированы на выработку универсальных ориентиров для образовательных учреждений.

А.А. Козырева и соавторы рассматривают этическую повестку ИИ в более широком научно-техническом и правовом поле, уделяя внимание соотношению «мягкого» регулирования (кодексы этики, профессиональные стандарты, корпоративные политики) и формализованных норм [10]. Авторы описывают тенденцию перехода от декларативных принципов к риск-ориентированным подходам, в рамках которых технологии ИИ классифицируются по степени воздействия на права и свободы человека, а для высокорисковых систем предлагаются специальные регулятивные режимы. Для высшего образования это означает необходимость соотнесения университетских практик с требованиями к системам, принимающим решения по отбору, оценке и сопровождению обучающихся.

С.Г. Давыдов и коллеги отмечают, что российские университеты пока редко выступают инициаторами собственных этических кодексов в сфере ИИ, чаще адаптируя общие рекомендации и локальные акты, посвящённые академической честности [1]. В результате многие решения принимаются «по умолчанию» на уровне отдельных кафедр и программ, что затрудняет формирование единой политики и повышает риск разнородного подхода к одним и тем же ситуациям использования ИИ студентами.

Работа Р.С. Веретина, хотя и ориентирована на школьное образование, содержит важные выводы для высшей школы относительно принципов оценки эффективности цифровых платформ с ИИ [9]. Автор подчёркивает, что рассмотрение только академических результатов не даёт полной картины; необходимо учитывать восприятие платформы учащимися и педагогами, влияние на нагрузку учителя и изменение характера взаимодействия в образовательной среде. Включение этих критериев в университетские регламенты создаёт предпосылки для более взвешенной оценки внедряемых ИИ-решений и закрепления требований к их прозрачности, адаптивности и подотчётности.

Сопоставление обзора Е.А. Кошкиной и соавторов с эмпирическими данными П.В. Сысоева и А.Г. Бермуса позволяет выделить несколько направлений, без которых устойчивое и этически выверенное использование ИИ в высшей школе затруднено [4; 7; 8]. Во-первых, требуется системная работа по повышению цифровой и ИИ-компетентности преподавателей и студентов, выходящая за рамки разовых семинаров. Речь идёт не только о техническом освоении инструментов, но и о понимании ограничений генеративных моделей, источников их ошибок, вопросов авторства и ответственности за результаты применения алгоритмов.

Во-вторых, необходимы локальные нормативные документы, где прямо оговариваются допустимые и недопустимые способы использования ИИ в учебной и исследовательской деятельности, порядок ссылок на машинно сгенерированные материалы, требования к сохранению человеческого вклада в итоговый продукт. Исследования Курьяна и Козыревой подчёркивают, что такие документы выигрывают от опоры на уже сформированные в международной повестке принципы, но нуждаются в адаптации к российской системе высшего образования и специфике конкретных дисциплин [3; 10].

В-третьих, базируясь на анализе образовательных проектов у Ю.В. Рыжкова, а также на выводах Давыдова и коллег, можно утверждать, что успешное внедрение ИИ в высшей школе связано с интеграцией технологических решений в образовательный дизайн программ, а не с их изолированным использованием [1; 5]. ИИ приобретает конструктивный характер тогда, когда задачи для студентов выстраиваются так, чтобы генеративные сервисы становились объектом критического анализа и инструментом поддержки исследовательской деятельности, а не заменой мыслительных усилий.

В-четвёртых, результаты Р.С. Веретина о важности комплексной оценки цифровых платформ с ИИ задают ориентиры для мониторинга университетских решений [9]. Для высшего образования это означает необходимость регулярной экспертизы используемых систем не только по показателям успеваемости, но и по влиянию на академическую мотивацию, качество взаимодействия «преподаватель – студент», степень прозрачности алгоритмов и понятность объяснений, которые получают пользователи.

Суммарно рассмотренные источники показывают, что этическая проблематика использования ИИ в высшем образовании РФ тесно переплетена с организационными и методическими вопросами. При дефиците ясных регламентов, программ развития ИИ-компетентности и культуре открытого обсуждения цифровых практик даже потенциально полезные технологии склонны усиливать существующие дисбалансы и воспроизводить имитационные стратегии в учебном процессе.

Обсуждение

Полученные результаты свидетельствуют, что российская дискуссия об использовании ИИ в высшем образовании разворачивается на пересечении трёх линий. Первая связана с технологическим оптимизмом, в рамках которого ИИ рассматривается как ресурс для индивидуализации обучения, повышения эффективности диагностики и управления университетом. Вторая линия фокусируется на угрозах академической честности и рисках подмены человеческого труда автоматизированными решениями. Третья линия касается регулятивного и ценностного измерения внедрения ИИ, где обсуждаются допустимые границы алгоритмического вмешательства в образовательные процессы.

Сопоставление работ, ориентированных на описания практики, с исследованиями этических и правовых оснований показывает, что между охватом технологических новаций и степенью их нормативного сопровождения сохраняется существенный разрыв. При этом университетская среда демонстрирует высокую вариативность: одни вузы ограничиваются точечным использованием готовых коммерческих решений и минимальными регламентами, другие пытаются выстраивать собственные кодексы и программы развития ИИ-компетенций. В такой ситуации особенно заметными становятся инициатива отдельных преподавателей и подразделений, которые фактически берут на себя работу по интерпретации общих принципов ИИ-этики применительно к конкретным курсам и практикам оценивания.

Результаты опросов преподавателей и студентов, представленные в проанализированных публикациях, позволяют говорить о сложной конфигурации установок по отношению к ИИ. Преподаватели одновременно ожидают снижения рутинной нагрузки, расширения возможностей для обратной связи, повышения объективности оценивания и выражают настороженность по поводу потери контроля над учебной деятельностью студентов, снижения мотивации к чтению и самостоятельному письму. Студенты, в свою очередь, склонны воспринимать генеративные сервисы как очередной ступень эволюции справочно-информационных ресурсов, зачастую не видя принципиальной разницы между использованием поисковых систем и запросов к ИИ-моделям.

Отсутствие чётких и общепринятых в рамках университета правил поведения в ситуациях использования ИИ усиливает асимметрию ожиданий. Там, где преподаватели молчаливо допускают применение генеративных сервисов, но жёстко реагируют на обнаружение машинных текстов в итоговых работах, студенты получают противоречивые сигналы и ориентируются на неформальные нормы. В результате растёт неопределённость границ академической честности, что подрывает доверие к процедурам оценивания и способствует распространению имитационных стратегий.

С другой стороны, анализ этических и регулятивных публикаций показывает, что у российских университетов уже есть набор содержательных ориентиров, на которые опирается мировая практика ИИ-этики: принципы прозрачности, подотчётности, недискриминации, приоритета человека в цепочке принятия решений, пропорциональности вмешательства алгоритмов в судьбы обучающихся. Проблема смещается из плоскости формулирования новых деклараций в область практического внедрения: как превратить эти принципы в рабочие процедуры, понятные преподавателям и студентам, и как обеспечить их реальное соблюдение при выборе и эксплуатации ИИ-систем.

Обзор генеративного ИИ в высшем образовании подчёркивает ещё один существенный момент. Значительная часть отечественных исследований посвящается описанию локальных кейсов – от применения чат-ботов на отдельных курсах до использования генеративных моделей в подготовке к занятиям по иностранным языкам. Эти работы ценны как полевая база, но редко выходят на уровень анализа трансформации академической культуры. Между тем именно здесь возникают наиболее острые вопросы: как изменится представление о самостоятельной работе, какие формы контроля сохранят легитимность, как переосмыслить требования к выпускным квалификационным работам, если доступ к генеративным сервисам становится повсеместным.

Сопоставление материалов по школьному и вузовскому образованию демонстрирует, что многие выводы о влиянии ИИ-платформ на мотивацию, вовлечённость и распределение ответственности переносимы на высшую школу, хотя требуют адаптации с учётом большей автономии студентов. Концепция комплексной оценки ИИ-решений, основанная не только на показателях успеваемости, но и на анализе опыта пользователей, открывает путь к более взвешенному выбору технологий и снижает риск того, что решения о внедрении будут диктоваться исключительно маркетинговыми аргументами поставщиков.

С методологической точки зрения современная российская повестка ещё сохраняет преобладание описательных и обзорно-ориентированных работ над исследованиями, которые опираются на продуманные теоретические модели и комбинированные методики. Это особенно заметно в области этики: значительная часть публикаций ограничивается пересказом международных документов и общих принципов, не раскрывая механизмов их реализации в конкретных институциональных условиях. Перспективным направлением дальнейших исследований видится разработка типологий моделей университетской политики в сфере ИИ, сравнительный анализ локальных регламентов, а также эмпирическое изучение того, как регламентирующие документы реально влияют на практики преподавателей и студентов.

В совокупности обсуждение показывает, что этическая проблематика ИИ в высшем образовании РФ не сводится к частным вопросам вроде разрешения или запрета использования конкретного сервиса. Речь идёт о перераспределении ответственности между университетом, преподавателем, студентом и разработчиками технологий, о переосмыслении критериев качества образования и о готовности ака-

демического сообщества признать ИИ не только источником рисков, но и инструментом, через который формируются новые формы академической рефлексии.

Заключение

Поставленная цель – теоретико-аналитическое осмысление проблематики и этики использования искусственного интеллекта в высшем образовании РФ – достигнута за счёт сопоставления современных отечественных исследований, посвящённых практикам внедрения ИИ, позициям преподавателей и студентов, а также регулятивным и ценностным основаниям цифровой трансформации.

Первая задача, связанная с анализом направлений и форм применения ИИ в российских вузах, решена через систематизацию данных о распространении интеллектуальных обучающих систем, сервисов предиктивной аналитики, генеративных моделей и цифровых платформ. Показано, что университеты активно экспериментируют с ИИ, но значительная часть решений остаётся локальной и слабо интегрированной в образовательный дизайн программ; при этом административно-аналитическое использование технологий развивается быстрее, чем глубокое методическое переосмысление учебного процесса.

Вторая задача, ориентированная на структурирование групп этических рисков и описания поведения участников образовательного процесса, реализована через анализ исследований, посвящённых установкам преподавателей и студентов. Выявлено, что высокие ожидания от ИИ сочетаются с опасениями по поводу подрыва академической честности и снижения самостоятельности обучающихся. Распространённость генеративных сервисов без ясных правил использования усиливает неопределённость границ допустимого и способствует закреплению имитационных практик, особенно в условиях отсутствия единообразных университетских регламентов.

Третья задача, касающаяся обоснования подходов к формированию политики и локальных регламентов, решена путём сопоставления этических и правовых исследований с эмпирическими данными. Обоснована необходимость перехода от декларативных принципов к риск-ориентированному регулированию, в рамках которого университеты определяют перечень высокорисковых ИИ-систем и устанавливают для них повышенные требования к прозрачности, подотчётности и контролю со стороны человека. Важное место занимает создание программ развития ИИ-компетентности преподавателей и студентов, включающих обсуждение вопросов авторства, ответственности, работы с ошибками алгоритмов и допустимых форм использования генеративных сервисов.

Практический вывод исследования состоит в том, что этически ориентированное использование ИИ в российском высшем образовании предполагает совмещение трёх условий: стратегического управления цифровой трансформацией на уровне университета, включающего разработку локальных актов и механизмов оценки ИИ-решений; целенаправленной работы с академическим сообществом по формированию культуры ответственного обращения с ИИ-сервисами; переосмысления педагогического дизайна курсов с учётом неизбежного присутствия генеративных и аналитических технологий в учебной и исследовательской практике студентов.

Литература

1. Давыдов С. Г., Матвеева Н.Н., Адемукова Н.В., Вичканова А.А. Искусственный интеллект в российском высшем образовании: текущее состояние и перспективы развития // Университетское управление: практика и анализ. 2024. Т. 28. № 3. С. 32–44.

2. Соколов Н. В., Виноградский В.Г. Искусственный интеллект в образовании: анализ, перспективы и риски в РФ // Современная наука. 2022. № 6–2. С. 166–169.

3. Курьян С. М., Петрушкевич М.А. Этические принципы применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе // Мир науки, культуры и образования. 2025. № 2 (111). С. 411–414.

4. Бермус А. Г., Сизова Е.В. Этические аспекты реализации технологий искусственного интеллекта в классическом университете: анализ отношения студенческой аудитории // Непрерывное образование: XXI век. 2025. Т. 13. № 2. С. 1–16.

5. Рыжков Ю.В. Анализ образовательных проектов на основе технологий искусственного интеллекта // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (54). С. 134–138.

6. Звягинцева Е.П. Искусственный интеллект в образовании: SWOT-анализ в действии // Инновации в образовании. 2021. № 8. С. 29–36.

7. Сысоев П.В. Искусственный интеллект в образовании: осведомлённость, готовность и практика применения преподавателями высшей школы технологий искусственного интеллекта в профессиональной деятельности // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 10. С. 9–33.

8. Кошкина Е. А., Бордовская Н.В., Гнедых Д.С. и др. Генеративный искусственный интеллект в высшем образовании: обзор теоретических подходов и практик применения // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 36–57.

9. Веретин Р.С. Анализ эффективности цифровых образовательных платформ с поддержкой искусственного интеллекта в школах России // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2025. № 3 (73). С. 7–19.

10. Козырева А. А., Тихомиров И.А., Девяткин Д.А. и др. Этические аспекты использования технологий искусственного интеллекта: состояние дел и перспективы регулирования // Искусственный интеллект и принятие решений. 2024. № 4. С. 3–16.

PROBLEMS AND ETHICS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tikhonova S.V.
Russian Technical University

This article analyzes the issues and ethics of using artificial intelligence in the Russian higher education system. It emphasizes the scientific and practical significance of this topic given the rapid spread of generative and analytical services impacting the educational process, university management, and academic integrity practices. The paper's novelty lies in its synthesis of contemporary Russian research from 2021–2025, its comparison of AI application models at universities with ethical principles and regulatory initiatives, and its attempt to provide a comprehensive picture of the risks and conditions for the responsible use of AI. The study describes the primary areas of AI implementation at universities, examines the perspectives of faculty and students, and analyzes regulatory approaches to governing digital technologies. Particular attention is paid to academic dishonesty, algorithmic transparency, and the protection of personal data. This paper aims to formulate recommendations for university policy and local regulations. This is achieved through an analytical literature review, comparative analysis, and regulatory analysis. The conclusion substantiates the principles of implementing ethically oriented AI. This article is intended for university administrators, faculty, methodologists, and researchers in the fields of educational policy and digital didactics.

Keywords: artificial intelligence, higher education, artificial intelligence ethics, academic integrity, generative artificial intelligence, digital transformation, university, AI regulation, educational policy, academic integrity.

References

1. Davydov S. G., Matveeva N.N., Ademukova N.V., Vichkanova A.A. Artificial Intelligence in Russian Higher Education: Current Status and Development Prospects // University Management: Practice and Analysis. 2024. Vol. 28. No. 3. Pp. 32–44.

2. Sokolov N. V., Vinogradsky V.G. Artificial Intelligence in Education: Analysis, Prospects, and Risks in the Russian Federation // Modern Science. 2022. No. 6–2. Pp. 166–169.

3. Kuryan S. M., Petrushkevich M.A. Ethical Principles for the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Educational Process // World of Science, Culture, and Education. 2025. No. 2 (111). Pp. 411–414.

4. Bermus, A. G., Sizova, E. V. "Ethical Aspects of Implementing Artificial Intelligence Technologies in a Classical University: An Analysis of Student Attitudes" // Continuous Education: 21st Century. 2025. Vol. 13. No. 2. Pp. 1–16.

5. Ryzhkov, Yu. V. "Analysis of Educational Projects Based on Artificial Intelligence Technologies" // Bulletin of Shadrinsk State Pedagogical University. 2022. No. 2 (54). Pp. 134–138.

6. Zvyagintseva, E. P. "Artificial Intelligence in Education: SWOT Analysis in Action" // Innovations in Education. 2021. No. 8. Pp. 29–36.

7. Sysoev, P. V. "Artificial Intelligence in Education: Awareness, Readiness, and Practice of Applying Artificial Intelligence Technologies in Professional Activities by Higher Education Teachers" // Higher Education in Russia. 2023. Vol. 32. No. 10. Pp. 9–33.

8. Koshkina E. A., Bordovskaya N.V., Gnedykh D.S., et al. Generative Artificial Intelligence in Higher Education: A Review of Theoretical Approaches and Application Practices // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. No. 6. Pp. 36–57.

9. Veretin R.S. Analysis of the Effectiveness of Digital Educational Platforms Supported by Artificial Intelligence in Russian Schools // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Informatics and Informatization of Education". 2025. No. 3 (73). Pp. 7–19.

10. Kozyreva A. A., Tikhomirov I.A., Devyatkin D.A., et al. Ethical Aspects of Using Artificial Intelligence Technologies: State of the Art and Prospects for Regulation // Artificial Intelligence and Decision Making. 2024. No. 4. P. 3–16.

Структурно-функциональный анализ компонентов ценности патриотизма в представлениях студентов

Чащина Анна Александровна,
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и методики социальной работы, Юридический институт; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности», Сибирский федеральный университет
E-mail: Chashina05@mail.ru

Вечерин Александр Викторович,
кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности», Сибирский федеральный университет
E– mail: avecherin@hse.ru

Чумакова Мария Алексеевна,
кандидат психологических наук, доцент департамента психологии, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики; ведущий научный сотрудник Регионального научно-методического центра «Основы российской государственности», Сибирский федеральный университет
E-mail: mchumakova@hse.ru

В статье представлен структурно-функциональный анализ ценностных компонентов патриотизма в сознании студенческой молодежи. На основе контент-анализа студенческих сочинений выявлена иерархическая структура патриотизма. Были описаны эмоционально-оценочные, историко-культурные, социально-коммуникативные, деятельностные компоненты патриотизма. Выявлены пять ключевых характеристик: иерархическая дифференциация компонентов (с центральными интегративными узлами и периферийными элементами), слабая связь эмоциональных и деятельностных аспектов, наличие двух историко-культурных моделей (консервативной и критико-рефлексивной), автономность защитной и созидательной моделей. Результаты вносят вклад в теорию социальных представлений и имеют практическое значение для разработки образовательных программ.

Ключевые слова: Патриотизм, ценности, студенты, гражданская идентичность, историческое сознание, проект ДНК России.

В актуальной научной литературе патриотизм рассматривается как сложный многомерный феномен, занимающий важное место в структуре ценностных ориентаций молодежи. Современные исследования подтверждают, что патриотизм сохраняет свою значимость, хотя его содержание претерпевает существенные трансформации. Систематизация полученных данных позволяет выявить как конвергентные тенденции, так и дискуссионные моменты в современных представлениях о патриотизме среди молодежи. Исследователи концентрирует аналитический фокус на двух ключевых аспектах патриотизма: позиционировании патриотизма в иерархии ценностей студенчества и содержательном наполнении его концептуальной структуры. Так, работа В.В. Барабанщиковой и соавторов демонстрирует, что интегральный уровень сформированности ценностной ориентации «патриотизм» среди населения Российской Федерации в целом соответствует среднему уровню. При этом в исследовании были выделены и проанализированы различные компоненты патриотизма, наибольший вес среди которых имеют экономический, военный, исторический и политический. Этот тезис находит подтверждение в исследовании И.А. Газиевой, которая, признавая устойчивую ценностную значимость патриотизма, акцентирует внимание на его смысловом изменении, отражающем новейшие социокультурные реалии и вызовы: «Содержание понятия патриотизма, как и ценности, не является статичным; нельзя сказать, что оно не оформилось в научном плане, однако на протяжении каждой эпохи оно корректировалось под влиянием постоянно изменяющейся социальной реальности» [2, с. 6]. В противовес этой общей тенденции ряд исследований выявляет существенную дифференциацию патриотических установок. Филиппов Т.Д. и Данилов И.А. фиксируют увеличение коэффициентов вариации по всем компонентам патриотизма, что свидетельствует о росте дифференциации в патриотических установках студенческой молодежи: «…некоторые студенты, обладая сформированными патриотическими чувствами, сознательно избегают участия в соответствующих мероприятиях в силу личных установок, предпочтений или обстоятельств» [8, с. 7]. Тенденция к снижению значимости патриотизма у молодежи описана в работе А.Г. Каримова и Г.Р. Фаткуллиной: «Недостаточная значимость патриотизма указывает не на его отсутствие, а скорее на недостаток усилий по его популяризации через образование, культуру и медиа. Связь патриотизма с личными достижениями и вкладом в развитие общества может повысить его значимость» [7, с. 5]. Результаты исследований указывают на необходимость пересмотра существующих подходов к патриотическому воспитанию с акцентом на учет интересов молодежи и преодоление диссонанса между официальными трактовками патриотизма и его восприятием самой молодежью.

Значительный исследовательский интерес представляет выявленный рядом авторов дуализм между высокой степенью одобрения патриотизма как абстрактного понятия (нормативно декларируемой ценности, например в Указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809) и его проблематизацией в контексте личностной самоидентификации И.А. Газиева пишет: «В текущей политической риторике часто говорится о рекордно высоком уровне патриотизма в российском обществе, в том числе в среде студенческой молодёжи, однако при более пристальном изучении социальной среды приходится констатировать некоторую декларативность подобных высказываний» и «…можно допустить, что респондент, выражая своё мнение по поводу патриотизма как социального феномена, не обязательно рассматривал его применительно к себе и не предполагал этим ответом утверждение, что он сам является патриотом» [2, с. 5]. Это расхождение указывает на сложную природу патриотизма как ценности, формирующейся на стыке индивидуально-личностных диспозиций и макросоциального контекста. Углубляя этот тезис, Е.В. Демидько обнаруживает статистически достоверные положительные корреляции между пониманием патриотизма и ключевыми установками личностного поведения, такими как готовность брать на себя ответственность (r = 0.20) и готовность отвечать за свои поступки (r = 0.18). Качественный анализ также показывает, что респонденты, демонстрирующие высокую личную ответственность, склонны давать более комплексные и социально-ориентированные определения патриотизму (любовь к Родине, гордость за страну, уважение к культуре и традициям). Это позволяет

Работа выполнена при поддержке Минобрнауки России в рамках реализации государственного задания № 6938–25 «Научно-методическое обеспечение деятельности регионального центра по включению в образовательные программы высшего образования модуля «Основы российской государственности».

предположить, что развитое чувство личной ответственности может выступать психологическим предиктором, способствующим переходу от пассивного одобрения патриотизма к его активному, осознанному и деятельностному воплощению в поведенческих моделях [3, с. 42].

В русле общепризнанного представления о многомерности патриотизма, В.В. Барабанщикова и соавторы разработали интегративную структурную модель. Согласно авторскому подходу, патриотизм как ценностная ориентация складывается из восьми взаимосвязанных компонентов: исторического, культурного, географического, социального, экономического, политического, научно-технического и военного. Авторы отмечают: «…модель включает в себя ряд средств формирования ценностной ориентации «патриотизм» в виде различных социальных институтов и других факторов, среди которых: семья, в которой воспитывается человек; система образования; средства массовой информации, включая интернет; индустрия развлечений; референтные группы, включающие значимых людей в ближайшем окружении; участие в общественных движениях (например, движения военно-патриотической направленности, волонтерство, поисковые отряды и др.); прохождение военной службы по призыву» [1, с. 103]. При этом каждый из выделенных авторским коллективом компонентов проявляется на трех уровнях – когнитивном, эмоциональном и поведенческом, что подтверждает многоуровневую природу патриотического сознания. В некоторых исследованиях у студентов с высоким уровнем личностной активности доминируют компоненты «готовность к действию», «критическое мышление» и «гражданская ответственность», тогда как у студентов с низким уровнем активности преобладают компоненты «любовь к Родине» и «гордость за страну» без явно выраженной деятельностной составляющей [3]. Аналогичные результаты получены в исследовании Ю. Закировой и соавторов, которые устанавливают наличие диспропорции между уровнем сформированности патриотических чувств и их практическим проявлением в повседневной деятельности студентов на примере патриотизма как «гордости за природу» [5]. Полученные данные эмпирически демонстрирует диспропорцию, при которой сильный эмоциональный компонент патриотизма (гордость за природу) не подкрепляется в достаточной мере ни четкой самоидентификацией, ни интеграцией в практические, деятельностные рамки, предлагаемые государственными программами воспитания. Это подтверждает тезис о преобладании декларативного компонента над деятельностным в патриотическом сознании студентов.

Тем не менее, ряд исследований указывает на наличие у молодежи понимания патриотизма как активной гражданской позиции. Так В.И. Желемеева отмечает, что значительная доля ассоциаций (21,5%) репрезентирует патриотизм как активную гражданскую позицию, связанную с конкретными действиями по защите и улучшению страны: «Любит свою Родину/страну/край, защищать, никогда не уедет, готов защищать страну – это говорит о том, что респонденты видят патриота как человека деятельного, активного. Человек, который понимает все изъяны своей страны, но всё равно поддерживает отечество и делает что-то сам для развития родины и себя» [4, с. 3]. В.С. Калинич и О.Ю. Верпатова вносят важный нюанс, устанавливая связь патриотизма с профессиональной идентичностью и полезной деятельностью на благо страны: «…патриотизм расширяет сферы «служения Отечеству»: это не только военное дело, но и честное и ответственное выполнение своих профессиональных обязанностей, активная социальная позиция, творчество, несущее в себе созидательные мотивы» [6, с. 4]. Молодежь все реже воспринимает патриотизм как абстрактное чувство, наполняя его конкретным смыслом гражданской ответственности и полезной деятельности, что выражается в ассоциациях с «активной жизненной позицией». Таким образом, происходит символическая трансформация: патриотизм становится не эмоцией, а фундаментальным принципом профессионального самоопределения, где карьера обретает смысл служения на благо страны и ее граждан.

Проведенный анализ эмпирических исследований позволяет сделать выводы, что структура представлений о патриотизме является многокомпонентной и многоуровневой. Остается открытым вопрос о соотношении пассивно-созерцательных и активно-деятельностных форм патриотического сознания, что требует дальнейших исследований с использованием смешанных методологий, сочетающих количественный и качественный анализ.

Ключевой проблемной точной в представлениях молодежи о патриотизме является противоречие между устойчивой ценностной значимостью патриотизма и его трансформирующимся, гетерогенным содержанием. Исходя из этого, целью нашего исследования является изучения структуры представлений студенческой молодежи о патриотизме. В качестве такого материала в данном исследовании выступают аргументационные эссе студентов Сибирского федерального округа (Красноярский край, Кемеровская и Иркутская области, Республики Тыва и Хакасия), написанные в рамках регионального этапа Всероссийского студенческого конкурса социальных проектов «Российская государственность», проводимым в рамках проекта ДНК России. Выборка включает 104 текста из 25 вузов, содержащих развернутый ответ на вопрос о сущности патриотизма как ценности. Для анализа текстового материала был использован метод контент-анализа. На первом этапе анализа два независимых эксперта осуществили сквозное чтение всего массива текстов с целью выявления имплицитных и эксплицитных категорий, используемых респондентами для описания феномена патриотизма. Последующая сравнительная экспертиза и содержательная дискуссия позволили сформировать единый тезаурус, включающий 14 семантических категорий (см. таблицу 2), отражающих понятийное поле исследуемого конструкта. На заключительном этапе каждый текст был подвергнут повторной сквозной проверке и формализованной разметке по принципу бинарного кодирования (0 – отсутствие категории, 1 – ее наличие), что позволило трансформировать качественные данные в матрицу количественных показателей для последующей статистической обработки и интерпретации. Пример кодирования представлен в таблице 1.

Таблица 1. Пример кодирования контент-анализа представлений о патриотизме

Текст: А) Патриотизм – это глубокое чувство любви, уважения и преданности к своему Отечеству. Истинный патриот уважает традиции, а также всегда готов защитить интересы своей Родины. Б) Дефицит патриотизма – это состояние, когда у человека отсутствует духовная и эмоциональная связь со своей страной. Он ставит свои интересы и личные убеждения выше других людей и государства в целом.	
Категория	**Код**
Чувство любви к своей стране	1
Гордость за достижения страны и ее историю	0
Готовность защищать интересы страны	1

Помимо определений патриотизма, студенты должны были описать проявления противоположные патриотизму. Анализ дефиниций противоположности патриотизма выявил терминологическую неоднородность и концептуальную размытость. Студенты используют более 15 различных терминов, которые можно сгруппировать следующим образом: анти-патриотизм (38%); космополитизм (20%); равнодушие (апатия, индифферентизм, безразличие) (15%); нигилизм (10%); предательство (10%); эгоизм (7%). Такая терминологическая вариативность указывает на отсутствие четкого концептуального понимания оппозиции патриотизма и смешение различных категорий – от философских (космополитизм) до психологических (апатия) и моральных (предательство). Выявленная структура демонстрирует доминирование эмоционально-защитных компонентов над рефлексивно-деятельностными, что актуализирует необходимость методической работы по формированию более сложных, многомерных представлений о патриотизме у студенческой молодежи (табл. 2).

Таблица 2. Результаты контент-анализа ценности патриотизма в представлении студентов

Категория	Частота (%)
Готовность защищать интересы страны	94
Чувство любви к своей стране	93
Объединение людей в единое целое	78
Готовность к личным жертвам ради общего блага	77
Формирование национального самосознания	76
Чувство сопричастности к общей судьбе народа	75
Стремление трудиться на благо Отечества	61
Гордость за достижения страны и ее историю	55
Знание и уважение истории страны	51
Сохранение традиций и культурных ценностей	41
Повседневная гражданская активность	38
Осознание долга перед будущими поколениями	22
Критическое осмысление прошлого для улучшения будущего	14
Уважение к государственным символам	9

Проведенный анализ частоты употребления смысловых единиц, включаемых в понятие патриотизма в студенческой среде, выявил четкую иерархию ценностных ориентаций. Доминирующее положение занимают эмоционально-защитные компоненты: готовность защищать интересы страны (94%) и чувство любви к своей стране (93%), формирующие базовую основу патриотического сознания.

На втором уровне распространенности расположились объединяющие элементы (75–78%), подчеркивающие коллективно-идентификационную функцию патриотизма: готовность к личным жертвам ради общего блага, объединение людей в единое целое, чувство сопричастности с общей судьбой и другие. Примечательно снижение частоты упоминаний деятельностных аспектов: стремление трудиться на благо Отечества (61%) и повседневная гражданская активность (38%) представлены значительно слабее, что указывает на дисбаланс между декларативным принятием патриотических ценностей и их практической реализацией. Особую тревогу вызывает низкая представленность рефлексивного компонента: критическое осмысление прошлого для улучшения будущего упоминается лишь в 14% случаев, а уважение к государственным символам – в 9%.

Для более глубокого анализа структуры представлений о патриотизме у студенческой молодежи был использован корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена). Анализ корреляционных взаимосвязей между категориями используемыми студентами для описания ценности патриотизма позволяет описать сложную многомерную организацию этого социально-психологического феномена, где отдельные компоненты демонстрируют дифференцированные связи различной силы и направленности. Такой подход позволяет не только описать структурные особенности патриотизма как ценности, но и выявить потенциальные противоречия и дисбалансы в его современном понимании студентами.

Эмоционально-оценочная основа патриотизма

Особого внимания заслуживает выявленная диссоциация между эмоциональными и деятельностными компонентами. Как показывает качественный анализ, студенты демонстрируют «катастрофическое упрощение» в понимании патриотизма. В одном из текстов ценность патриотизма сводится к трем пунктам: «1) Человек, 2) Родина, 3) Многогранность». В другом – дефицит патриотизма сравнивается с «неурожаем кукурузы при Н.С. Хрущеве: страна лишилась пропитания».

При этом тексты, высоко оцененные экспертным жюри, демонстрируют совершенно иной подход. Как отмечается в экспертной оценке: «Студент начинает с собственного определения: «Для меня патриотизм – это не просто громкие слова. Это в первую очередь, чувство личной ответственности за судьбу своей страны». Такой подход задает осмысленность рассуждениям, а не шаблонность, и способствует интеграции эмоциональных и деятельностных компонентов.

Центральным элементом эмоционально-оценочной сферы выступает чувство сопричастности к общей судьбе народа, демонстрирующее наиболее выраженные корреляционные связи в системе ($r = 0.602$, $p < 0.001$ с объединением людей в единое целое; $r = 0.455$, $p < 0.001$ с осознанием долга перед будущими поколениями; $r = 0.429$, $p < 0.001$ с готовностью защищать интересы страны; $r = 0.422$, $p < 0.001$ с готовностью к личным жертвам). Такая конфигурация связей свидетельствует о том, что чувство сопричастности функционирует как интегративный узел, объединяющий различные аспекты патриотического сознания.

При этом чувство любви к своей стране, несмотря на концептуальную близость к патриотизму, демонстрирует относительно слабые корреляции со многими компонентами. Наиболее выраженная связь наблюдается с чувством сопричастности к общей судьбе народа ($r = 0.288$, $p < 0.01$), готовностью защищать интересы страны ($r = 0.263$, $p < 0.01$). Это указывает на то, что эмоциональная привязанность к стране не трансформируется автоматически в более сложные формы патриотического сознания, а сохраняет относительную автономность.

Гордость за достижения страны и ее историю проявляет более дифференцированные связи, демонстрируя умеренную корреляцию с сохранением традиций и культурных ценностей ($r = 0.409$, $p < 0.001$), формированием национального самосознания ($r = 0.348$, $p < 0.001$) и чувством сопричастности ($r = 0.323$, $p < 0.001$). Однако отсутствие взаимосвязей с повседневной гражданской активностью ($r = 0.025$) и стремлением трудиться на благо Отечества ($r = 0.098$) свидетельствует о декларативном, а не деятельностном характере этой эмоциональной установки.

Деятельностные аспекты патриотизма

Стремление трудиться на благо Отечества и повседневная гражданская активность образуют отдельный кластер, характеризующийся высокой внутренней согласованностью ($r = 0.544$, $p < 0.001$). При этом повседневная гражданская активность демонстрирует значимые умеренные связи с формированием национального самосознания ($r = 0.327$, $p < 0.001$) и сохранением традиций ($r = 0.197$, $p < 0.05$), что указывает на интеграцию деятельностных проявлений в более широкую систему патриотического самосознания.

Однако примечательно, что эти деятельностные компоненты не связаны с эмоционально-оценочными аспектами: корреляция стремления трудиться на благо Отечества с чувством любви к стране составляет лишь $r = 0.097$, а с гордостью за достижения страны – $r = 0.098$. Это свидетельствует о существовании относительно автономного «практического» измерения патриотизма, функционирующего независимо от эмоциональной привязанности к стране.

Готовность к личным жертвам ради общего блага и готовность защищать интересы страны образуют отдельный подкластер, демонстрирующий умеренную взаимосвязь ($r = 0.354$, $p < 0.001$). При этом оба компонента имеют более сильные связи с чувством сопричастности к общей судьбе народа ($r = 0.422$, $p < 0.001$ и $r = 0.429$, $p < 0.001$ соответственно), что указывает на их включение в коллективно-ценностную парадигму патриотизма. Однако отсутствие взаимосвязи готовности защищать интересы страны со стремлением трудиться на благо Отечества ($r = –0.031$) и повседневной гражданской активностью ($r = –0.064$) подчеркивает дифференциацию защитной и созидательной моделей представления студенческой молодежи о патриотизме.

Историко-культурные компоненты

Дифференциация в историко-культурных основаниях патриотического самосознания отражается в использовании исторических примеров (табл. 3). Как показывают результаты контент-анализа примеров патриотизма, патриотизм прочно связан с военной тематикой в сознании студенческой молодежи, при этом наблюдается нехватка современных и мирных примеров: лишь около 10% работ упоминают мирные и культурные формы патриотизма.

Таблица 3. Примеры проявления деятельностного патриотизма и антипатриотизма в представлениях студентов

Пример для патриотизма	Частота употребления	Пример для антипатриотизма	Частота употребления
Великая Отечественная война	70%	Смутное время	40%
Отечественная война 1812 года	25%	Революция 1917 г. / Гражданская война	15%
Народное ополчение Минина и Пожарского	15%	Распад СССР / 1990-е годы	15%
Защитники Брестской крепости	7%	Коллаборационизм в ВОВ, эмиграция интеллигенции	10%

Интерес представляют найденные взаимосвязи знания и уважения истории страны с сохранением традиций и культурных ценностей ($r = 0.394$, $p < 0.001$) и критическим осмыслением прошлого для улучшения будущего ($r = 0.293$, $p < 0.01$). Причем, сохранение традиций очень слабо взаимосвязано с критическим осмыслением прошлого. Можно предположить, что в сознании студенческой молодежи существуют два типа историко-культурного понимания патриотизма: первый тип отражает консервативную, ориентированную на преемственность модель исторического сознания, а второй тип отражает рефлексивно-критическую модель исторического сознания.

Особый интерес представляет сохранение традиций и культурных ценностей, которое демонстрирует умеренные связи с гордостью за достижения страны ($r = 0.409$, $p < 0.001$), чувством сопричастности к общей судьбе народа ($r = 0.214$, $p < 0.05$) и уважением к государственным символам ($r = 0.228$, $p < 0.05$). Однако слабая связь с повседневной гражданской активностью ($r = 0.197$, $p < 0.05$) и отсутствие значимой корреляции со стремлением трудиться на благо Отечества ($r = –0.042$) указывают на то, что сохранение традиций функционирует преимущественно в символическом, а не в деятельностном плане.

Критическое осмысление прошлого для улучшения будущего демонстрирует уникальную конфигурацию связей, выделяясь среди других компонентов. Наиболее выраженная умеренная связь наблюдается со стремлением трудиться на благо Отечества ($r = 0.275$, $p < 0.01$), что подчеркивает прогрессивный, ориентированный на развитие характер этого компонента. При этом слабые или отсутствующие связи с эмоционально-оценочными аспектами (гордость за достижения страны $r = 0.153$, чувство любви к стране $r = 0.110$) свидетельствуют

о рационально-критическом, а не эмоциональном характере данной установки.

Социально-коммуникативные аспекты

Объединение людей в единое целое функционирует как ключевой социальный компонент патриотизма, демонстрируя сильную связь с чувством сопричастности к общей судьбе народа ($r = 0.602$, $p < 0.001$). Это указывает на то, что переживание единства народа является фундаментальным основанием для формирования коллективного патриотического сознания. При этом объединение людей в единое целое демонстрирует умеренную связь с готовностью защищать интересы страны ($r = 0.365$, $p < 0.001$) и готовностью к личным жертвам ради общего блага ($r = 0.423$, $p < 0.001$). Отсутствие связи с повседневной гражданской активностью ($r = –0.018$) и стремлением трудиться на благо Отечества ($r = 0.139$) указывает на дифференциацию коллективного единства и повседневной гражданской практики.

Осознание долга перед будущими поколениями демонстрирует статистически значимые связи с чувством сопричастности к общей судьбе народа ($r = 0.455$, $p < 0.001$) и готовностью к личным жертвам ради общего блага ($r = 0.182$, $p < 0.05$). Отсутствие значимых связей с деятельностными компонентами (стремление трудиться на благо Отечества $r = 0.193$, повседневная гражданская активность $r = 0.162$) свидетельствует о том, что эта установка функционирует преимущественно в ценностно-нормативной, а не в деятельностной плоскости.

Структурная организация системы представлений о ценности патриотизма

Анализ корреляционных взаимосвязей позволяет выделить несколько ключевых структурных характеристик ценности патриотизма в представлениях студентов.

1. Иерархическая дифференциация. Выявляется иерархия компонентов по степени их интеграции в систему: «чувство сопричастности к общей судьбе народа» и «объединение людей в единое целое» выступают в качестве центральных интегративных узлов, тогда как «чувство любви к стране» и «уважение к государственным символам» занимают периферийное положение.

2. Диссоциация эмоциональных и деятельностных компонентов. Наблюдается слабая взаимосвязь между эмоционально-оценочными и деятельностными аспектами патриотизма. Например, «чувство любви к стране» слабо коррелирует со «стремлением трудиться на благо Отечества» и «повседневной гражданской активностью».

3. Существование двух типов историко-культурного измерения понимания патриотизма студенческой молодежью. Консервативная модель (знание истории – сохранение традиций) и критико-рефлексивная модель (знание истории – критическое осмысление прошлого) демонстрируют различную интеграцию в систему патриотической ценности.

4. Автономность защитной и созидательной моделей в представлениях о патриотизме. «Готовность защищать интересы страны» и «готовность к личным жертвам» образуют отдельный кластер, слабо связанный со «стремлением трудиться на благо Отечества» и «повседневной гражданской активностью».

5. Формальный характер отношения к государственным символам. «Уважение к государственным символам» демонстрирует слабые корреляции с эмоционально-оценочными компонентами (чувство любви к стране, гордость за достижения страны) и деятельностными аспектами (стремление трудиться на благо Отечества), что может свидетельствовать о декларативном, а не аутентичном характере этого компонента.

Теоретические и практические импликации

Результаты свидетельствуют о преобладании в студенческой среде патриотизма как эмоционально-ценностной установки, ориентированной на защиту и объединение, при недостаточном развитии деятельностных и рефлексивных аспектов. Такая структура требует корректировки образовательных подходов к формированию полноценного патриотического сознания у молодежи.

Патриотизм в представлениях студентов представляет собой не монолитную, а дифференцированную структуру, где различные компоненты могут функционировать относительно автономно. Наблюдается диссоциация между эмоционально-оценочными и деятельностными аспектами патриотизма, что может указывать на отрыв декларативных установок от практической реализации. Наблюдаются как консервативные, ориентированные на сохранение преемственности, так и прогрессивные, критически осмысляющих прошлое модели исторического сознания.

Представленный анализ раскрывает сложную многомерную природу патриотической ценности в сознании современных студентов, выявляя как интегративные тенденции, так и потенциальные дисбалансы в ее структуре. Такой подход позволяет перейти от упрощенных, монолитных представлений о патриотизме к более дифференцированному пониманию этого феномена как сложной, динамичной системы, требующей учета как общих закономерностей, так и индивидуальных особенностей его проявления. Как отмечают А.А. Чащина, Н.А. Никитина: «… формирование гражданской идентичности в вузе требует синтеза педагогических инноваций, психологической поддержки и системной работы с ценностями. Ключевым условием успеха процесса интериоризации ценностей и гражданской самоидентификации видится применение комплексной образовательной стратегии» [8, с. 10]. Указанные особенности имеют важные последствия для разработки образовательных программ, направленных на формирование патриотической ценности. Необходимо учитывать дифференцированный характер патриотизма и разрабатывать стратегии, способствующие интеграции его различных компонентов, особенно эмоционально-оценочных и деятельностных аспектов. Также важно учитывать существование различных моделей исторического сознания и создавать условия для их продуктивного взаимодействия.

Литература

1. Барабанщикова В.В., Иванова С.А., Арефьева Н.А., Гузеев М.С., Третьяков А.В., Зеленский А.А., Мажников Н.В., Пантюхов А.С., Федоров А.А. Ценностная ориентация «патриотизм»: сущность, содержание и оценка // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18, № 4. С. 99–112.

2. Газиева И.А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодежи // СНиСП. 2025. № 1. С. 142–169.

3. Демидько Е.В. Исследование взаимосвязи установок личностного поведения с пониманием личностного поведения и патриотизма у студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 37–43.

4. Желемеева В.И. Концепт «патриотизм» в среде студенческой молодежи // Вестник Омской Православной Духовной Семинарии. 2024. № 1(16). С. 172–175.

5. Закирова Ю., Лазарева А., Нванкво Н. Патриотическая самоидентификация: исследование студентов-экологов РУДН // E3S Web of Conferences. 2021. Т. 265. № 07008. DOI: 10.1051/e3sconf/202126507008.

6. Калинич В.С., Верпатова О.Ю. Патриотизм в восприятии современной студенческой молодёжи // Социология. 2023. № 4. С. 165–173.

7. Каримов А.Г., Фаткуллина Г.Р. Патриотизм в системе ценностных ориентаций молодежи // Уфимский гуманитарный научный форум. 2024. № 4. С. 60–63. DOI: 10.1080/09585192.2014.884613

8. Филиппов Т.Д., Данилов И.А. Патриотическое воспитание в университете: измерение уровня патриотизма студентов на основе социологического опроса // Социодинамика. 2025. № 2. С. 34–46. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.2.73208.

9. Чащина А.А., Никитина Н.А., Высоцкая Н.В. Формирование гражданской идентичности средствами нравственной мотивации в условиях вуза // Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии. 2025. № 56(56). EDN RVLXNG.

A STRUCTURAL-FUNCTIONAL ANALYSIS OF THE COMPONENTS OF PATRIOTISM AS A VALUE IN STUDENT PERCEPTIONS[1]

Chashchina A.A., Vecherin A.V., Chumakova M.A.
Siberian Federal University

The article presents a structural and functional analysis of the value components of patriotism in the consciousness of student youth. Presents a structural-functional analysis of the value components of patriotism among university students. Through content analysis of student essays, a hierarchical structure of patriotism is identified. The study describes the emotional-evaluative, historical-cultural, socio-communicative, and activity-based components of patriotism. Five key characteristics are revealed: hierarchical differentiation of components (with central integrative nodes and peripheral elements), weak linkage between emotional and activity aspects, the presence of two historical-cultural models (conservative and critical-reflective), and the autonomy of protective and constructive models. These findings contribute to the theory of social representations and have practical implications for the development of educational programs.

Keywords: Patriotism, values, students, structure of patriotism, civil identity, historical consciousness, project DNA of Russia.

[1] 1 The work was carried out with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the implementation of state assignment № 6938–25 “Scientific and methodological support for the activities of the regional center for the inclusion of the module “Fundamentals of Russian Statehood” in higher education programs.

References

1. Barabanshchikova V.V., Ivanova S.A., Arefyeva N.A., Guzeev M.S., Tretyakov A.V., Zelensky A.A., Mazhnikov N.V., Pantyukhov A.S., Fedorov A.A. Value orientation "patriotism": essence, content and assessment // National psychological journal. 2023. Vol. 18, № 4. Pp. 99–112.

2. Gazieva I.A. Patriotism as a Social Value: Perception of Student Youth // SniS P. 2025. № 1. Pp. 142–169.

3. Demidko E.V. Research on the Relationship between Personal Behavior Attitudes and Understanding of Personal Behavior and Patriotism among Student Youth // Humanities, Social Sciences, and Economics. 2025. № 6. Pp. 37–43.

4. Zhelemeeva V.I. The Concept of "Patriotism" among Student Youth // Bulletin of the Omsk Orthodox Theological Seminary. 2024. № 1 (16). Pp. 172–175.

5. Zakirova Yu., Lazareva A., Nwangwo N. Patriotic Self-Identification: A Study of Environmental Students at RUDN University // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 265. № 07008. DOI: 10.1051/e3sconf/202126507008.

6. Kalinich V.S., Verpatova O. Yu. Patriotism in the Perception of Modern Student Youth // Sociology. 2023. № 4. Pp. 165–173.

7. Karimov A.G., Fatkullina G.R. Patriotism in the System of Youth's Value Orientations // Ufa Humanitarian Scientific Forum. 2024. № 4. Pp. 60–63. DOI: 10.1080/09585192.2014.884613

8. Filippov T.D., Danilov I.A. Patriotic Education at the University: Measuring the Level of Patriotism among Students Based on a Sociological Survey // Sociodynamics. 2025. № 2. Pp. 34–46. DOI: 10.25136/2409-7144.2025.2.73208.

9. Chashchina A.A., Nikitina N.A., Vysotskaya N.V. Formation of Civil Identity by Means of Moral Motivation in the Conditions of a University // Bulletin of the East Siberian Open Academy. 2025. № 56(56). EDN RVLXNG.

Происхождение и культурная семантика традиционной одежды южной части провинции Фуцзянь

Яо Ли,
профессор, Профессионально-технический университет Цюаньчжоу

Су Пин,
профессор, Профессионально-технический университет Цюаньчжоу

«Верхняя одежда и нижняя юбка (или брюки)» составляют основную структуру традиционной китайской одежды, тогда как «предпочтение желтому цвету» представляет собой отличительную особенность цветовой символики Центральной равнины, где жёлтый халат служил символом власти. В этом контексте одежда Центральной равнины в основном выполняла функцию обозначения социального статуса. В отличие от неё, одежда южной части провинции Фуцзянь характеризуется стилем «скромная верхняя одежда и широкая нижняя юбка». Эстетические предпочтения в цветах одежды – «восхищение синим цветом», «предпочтение красному цвету» и «чёрный в качестве основы» – отражают глубокую привязанность и благоговение перед природой. В данном исследовании используется многомерный подход, в центре внимания которого находятся узоры и цветовая символика как ключевые объекты исследования, с целью исследования происхождения и культурной семантики одежды южной части провинции Фуцзянь.

Ключевые слова: одежда южной части провинции Фуцзянь; происхождение; культурная семантика

Characteristics and Cultural Implications of Patterns in Southern Fujian Traditional Attire

Archaeological findings indicate that artifacts unearthed from the Floating Village site in Fuzhou, Fujian, dating back to the Neolithic Age, include "pottery spindle whorls" [1]. Scholars generally agree that the patterns on Southern Fujian attire originated from the stamped pottery culture, with "checkered patterns" and "zigzag patterns" being the most common. From the Western Zhou to the Spring and Autumn period, the stamped pottery culture flourished, and "zigzag patterns" along with "cloud-thunder patterns" became predominant in Southern Fujian. The newly created "cloud-thunder pattern" incorporates the "cloud" element, symbolizing the rainbow. Xu Shen's *Shuowen Jiezi* (*An Explanation of Chinese Characters*) explains "rainbow" as "Didong. The interpretation in 'Shi Tian' states, 'Didong is called a cloud. Didong is a rainbow,' with the Mao commentary sharing the same view" [2]. Xu Zhongshu further elaborates that the rainbow, referred to as "Didong," resembles a creature, specifically a "two-headed snake" [3]. This interpretation reveals that the ancient people of Fujian consciously identified the "insect" (虫) component in the character Min" (闽) as a "snake," acknowledging it as a clan emblem of the Central Plains' snake totem. Migrants intentionally engraved cultural symbols from their ancestral homelands in their new settlements.

Shuowen Jiezi defines "thunder" as "the dynamic interaction between *yin* and *yang* that generates all things" [4]. Thunder represents *yang*, while clouds represent *yin*; the interplay of clouds and thunder gives rise to all beings. From the perspective of prehistoric fertility worship, Xu Zhongshu interprets "cloud" as both "the cloud of 'cloud and rain'" and a "natural deity" [5], attributing to it the sacred, creative power of femininity. This concept of ceaseless, enduring creation later became the foundation of Southern Fujian clan culture, embodying the ideals of a "perpetual foundation" and an "enduring legacy."

Origin and Cultural Implications of Colors in Southern Fujian Traditional Attire

Southern Fujian is composed of three major ethnic lineages: descendants of the Han people from the Central Plains, the indigenous fishermen of the Yue ethnic group, and the She ethnic mountain dwellers. The distinct yet interconnected cultures of agriculture, maritime activities, and upland farming are all reflected in the color schemes of Southern Fujian clothing.

Origin and Cultural Implications of Central Plains Color Symbolism

During the Qin and Han dynasties, "The Chinese were the first to incorporate the ideas of *yin-yang* and the Five Elements into their clothing colors" [6]. Historical records mention the "five seasonal colors," where color hierarchies were established based on the Five Elements and the five seasons. The colors of Han dynasty robes and shenyi (a traditional Chinese garment with a connected upper and lower part) changed according to the solar terms: green (or cyan) for spring, red (including orange and purple) for summer, white (including gold and silver) for autumn, and black (or blue) for winter. Earth (represented by yellow) governed all directions and was used throughout all four seasons. In *Huainanzi* by Liu An of the Han Dynasty, it is recorded that "the Yellow Emperor had four faces, holding the measuring cord to govern the four quarters" [7]. Consequently, "yellow" became the exclusively revered color for emperors throughout successive dynasties, and the "yellow robe" emerged as a symbol of power. According to the Han belief in the cosmic origins of a "profoundly blue sky and yellow earth," the agrarian people of the Central Plains prioritized survival from the yellow land, thus not granting due status to the deep blue of the "profound heaven." However, the Central Plains migrants who moved south to Southern Fujian, influenced by maritime culture, innovated upon this reverence for yellow and its associated color orientation. Amidst the blue seas and skies, they fostered a "veneration for blue," giving rise to a distinctive blue civilization.

Cultural Implications of Color in Southern Fujian Attire

"Reverence for blue" is the most distinctive folk color characteristic in Southern Fujian. This is manifested primarily in several ways. Firstly, blue serves as the dominant for the upper garments of the Xunpu women of Quanzhou and the Huian women, particularly in highly saturated shades of indigo and royal blue. The people of Southern Fujian possess a deep appreciation for

Исследование исторического происхождения и изучение культурной семантики традиционной одежды в южной части провинции Фуцзянь – Открытые проекты на 2025 год при Инженерном центре прикладных технологий вузов провинции Фуцзянь по технологиям и культуре текстиля и одежды.

the cosmic aesthetic of the seamless union of sea and sky, representing a harmony between the object and the self. Simultaneously, blue symbolizes ethereal tranquility, steadiness, and resilience, qualities that aptly reflect the calm and introspective nature of the Southern Fujian people. Furthermore, the deep blue hue resonates with their reverence for the sea and their aspirations for safety and peace.

Secondly, this reverence is evident in the unique custom and craft of blue calico printing in Anxi, Quanzhou. Blue calico, originating from the "Yao Ban Bu" (Medicinal-Spotted Cloth) of the Song Dynasty, became widespread during the Ming and Qing Dynasties as "Ran Hua Bu" (Printed Dyed Cloth). It is dyed using locally sourced natural indigo plants and rinsed in streams, famously forming the well-known "Blue Stream." A crucial component of a Quanzhou woman's dowry invariably includes blue calico quilts, traditionally placed at the very bottom of the dowry chest. Additionally, the slings used to carry infants after marriage and childbirth are invariably made from this blue cloth. This preference stems not only from an affinity for the color but also from the medicinal properties of the indigo plant, believed to clear heat, detoxify, repel mosquitoes, and calm fright. Thus, clothing, bedding, and baby slings made from blue calico were valued for their disinfectant qualities. The geometric patterns on blue calico mostly include "Bai Zi Tu" (Pattern of A Hundred Boys), "Bai Shou Tu" (Pattern of A Hundred Longevity Symbols), "Bai Fu Tu" (Pattern of A Hundred Blessings), "Hua Lu Tu" (Pattern of Spotted Deers), and "Feng Chao Mu Dan" (Pattern of Phoenix Facing Peony). These patterns symbolize auspiciousness, good health, prosperity of offspring, and abundant blessings.

The "preference for red" in Southern Fujian not only inherits the Central Plains' cultural connotations of festivity and warding off evil but also reflects an apprehension towards the impermanence of life. The people of Southern Fujian, known for their "affinity for Buddhism," believe in the presence of the Zen spirit in life's minutiae. By "wearing red," they subtly imply the protective blessing of the Buddha, who is often depicted in red robes, and employ the Buddhist perspective on impermanence to alleviate anxieties about life's unpredictability. It also alludes to the spiritual solace found in Mazu, envisioned in her red cape, saving victims of maritime disasters. This represents a form of "resilient living" wisdom under Southern Fujian's pragmatic philosophy, thereby expanding the Central Plains' cultural symbolism of red beyond mere celebration and protection to incorporate Zen elements into the color palette of Southern Fujian attire.

Black serves as the foundational color for the lower garments (or trousers) in the overall composition of Southern Fujian's "upper garment, lower garment (or trousers)" traditional attire. It provides a steady and elegant base that accentuates the vibrant embroidery on the upper garment's trims and the colorful waist decorations, allowing them to bloom freely. Most uniquely, Huian women wear a complete set of black upper and lower garments for their weddings, exuding solemnity and grace. This practice demonstrates the reverence for marriage among the mountain-dwelling Huian people–viewing it as the "foundation of human relations and the meaning of the husband-wife bond" [8]. Simultaneously, the Buddhist-influenced Southern Fujian people believe that holding weddings at night avoids the clash of daytime *yang* energy, thus incorporating a function of praying for blessings and averting misfortune.

Conclusion

The selection of traditional attire in Southern Fujian primarily adheres to principles of natural suitability and practicality, aligning with the needs of physical comfort and labor by the seaside, and was less constrained by feudal hierarchies. The choice of materials and motifs is heavily influenced by nature, religion, and practical labor needs, resulting in distinctive Southern Fujian folk characteristics. It represents an innovative development that carries the genetic imprint of the ancestral homeland, now nurtured within the maritime culture of Southern Fujian and the commercial influences of the Maritime Silk Road. Particularly in women's attire, it embodies the natural and vivid beauty of diversity and harmony.

Литература

1. Fujian Museum (Ed.). (2011). Compilation of Fujian Archaeological Materials (1953–1959). Science Press, 266.
2. Xu, S. (Han Dynasty), & Duan, Y. (Qing Dynasty, Annot.). (1981). Shuowen Jiezi (Vol. 13, Insect Radical). Shanghai Ancient Books Publishing House, 673.
3. Xu, Z. (1989). Dictionary of Oracle Bone Script. Sichuan Lexicographical Press, 1426.
4. Xu, S. (Han Dynasty), & Duan, Y. (Qing Dynasty, Annot.). (1981). Shuowen Jiezi (Vol. 11, Rain Radical). Shanghai Ancient Books Publishing House, 571.
5. Xu, Z. (1989). Dictionary of Oracle Bone Script (Vol. 11). Sichuan Lexicographical Press, 1252.
6. Wang, Y. (2009). History of Chinese Civilization: A History of Clothing. Encyclopedia of China Publishing House, 27.
7. Liu, A. (Han Dynasty). (2024). Huainanzi: Astronomical Patterns (Vol. 1). China Bookstore Publishing House, 74.
8. Kong, Y. (Tang Dynasty), & Wang, B. (Wei Dynasty, Annot.). (1980). Zhouyi Zhengyi. In Ruan Yuan (Ed.), Thirteen Classics Commentaries. Zhonghua Book Company, 34.

ORIGINS AND CULTURAL SEMANTICS OF TRADITIONAL CLOTHING IN SOUTHERN FUJIAN PROVINCE[1]

Yao Li, Su Ping
Quanzhou Vocational and Technical University

"Outerwear and underskirt (or trousers)" constitute the basic structure of traditional Chinese clothing, while "preference for yellow" represents a distinctive feature of the color symbolism of the Central Plain, where the yellow robe served as a symbol of power. In this context, Central Plain clothing primarily served as a symbol of social status. In contrast, southern Fujian clothing is characterized by a "modest outerwear and wide underskirt" style. Aesthetic pReferences in clothing colors–"admiration for blue," "preference for red," and "black as a base"–reflect a deep affection and reverence for nature. This study uses a multidimensional approach, focusing on patterns and color symbolism as key research subjects, to explore the origins and cultural semantics of southern Fujian clothing.

Keywords: southern Fujian clothing; origin; cultural semantics

References

1. Fujian Museum (Ed.). (2011). Compilation of Fujian Archaeological Materials (1953–1959). Science Press, 266.
2. Xu, S. (Han Dynasty), & Duan, Y. (Qing Dynasty, Annot.). (1981). Shuowen Jiezi (Vol. 13, Insect Radical). Shanghai Ancient Books Publishing House, 673.
3. Xu, Z. (1989). Dictionary of Oracle Bone Script. Sichuan Lexicographical Press, 1426.
4. Xu, S. (Han Dynasty), & Duan, Y. (Qing Dynasty, Annot.). (1981). Shuowen Jiezi (Vol. 11, Rain Radical). Shanghai Ancient Books Publishing House, 571.
5. Xu, Z. (1989). Dictionary of Oracle Bone Script (Vol. 11). Sichuan Lexicographical Press, 1252.
6. Wang, Y. (2009). History of Chinese Civilization: A History of Clothing. Encyclopedia of China Publishing House, 27.
7. Liu, A. (Han Dynasty). (2024). Huainanzi: Astronomical Patterns (Vol. 1). China Bookstore Publishing House, 74.
8. Kong, Y. (Tang Dynasty), & Wang, B. (Wei Dynasty, Annot.). (1980). Zhouyi Zhengyi. In Ruan Yuan (Ed.), Thirteen Classics Commentaries. Zhonghua Book Company, 34.

[1] Research on the Historical Origins and Cultural Semantics of Traditional Clothing in Southern Fujian Province – Open Projects for 2025 at the Engineering Center for Applied Technology of Fujian Provincial Universities in Textile and Clothing Technology and Culture

Оценка региональных проектов, как инструмент повышения эффективности отраслевой политики в контексте программно-проектного подхода в отрасли молодежной политики

Адамов Илья Алексеевич,
аспирант и преподаватель, кафедра государственного и муниципального управления, МПГУ «Синергия»

В настоящее время существующая система государственного управления в Российской Федерации выстроена как на федеральном, так и на региональном уровнях власти. При этом система эффективно работает в том числе за счет большого количества отраслевых государственных и общественных проектов, которые не только дополняют и конкретизируют установленные на федеральном уровне векторы развития государственной политики и управления, но и способствуют рационализации государственных приоритетов на конкретной территории (с учетом ее специфики). В данной статье будут рассмотрены научные подходы по оценке государственных проектов и определена специфика отрасли молодежной политики, результаты исследования помогут определить эффективный подход к построению модели оценки молодежных проектов и программ в Российской Федерации.

Ключевые слова: социология управления, научные подходы к оценке государственной политики, оценка региональных проектов, молодежная политика, регуляторная политика.

О системе оценки проектов и программ

В настоящее время существующая система государственного управления в Российской Федерации выстроена как на федеральном, так и на региональном уровнях власти. При этом, важно отметить, что эксперты[1] особо акцентируют внимание на профильных региональных программах и проектах, которые не только дополняют и конкретизируют установленные на федеральном уровне векторы развития государственной политики и управления, но и способствуют рационализации государственных приоритетов на конкретной территории (с учетом ее специфики).

Данные целевые программы стали одним из основных инструментов социально-экономического развития регионов России и основой всей региональной политики, включая молодежную политику, которая в 2025 году уже носит не узкий, а межотраслевой характер.

При этом реализация государственной политики в субъектах Российской Федерации, посредством таких программ зачастую работает как эффективный механизм, направленный на улучшение конкретных показателей, отражающих уровень жизни населения, а также привлекающий инвестиций для выполнения внутренних задач региона, в том числе по развитию муниципальных образований[2].

Согласно данным портала, «Электронный бюджет»[3] можно отметить, что в настоящий момент во всех субъектах Российской Федерации (без учета новых регионов) реализуется более 3705 региональных проектов, которые формируют более 12 274 конкретных результатов региональной политики. При этом смысловая составляющая каждой отдельной программы или проекта представляет собой целый комплекс межведомственных задач и способствует выстраиванию в каждом регионе отдельной экосистемы государственного управления.

Таким образом, с масштабированием данных программ и проектов, сильно возрастает «цена ошибки», допущенной при планировании, реализации или подведении итогов отдельной взятой программы или проекта. Ввиду этого устанавливается прямая связь необходимости оценки региональных государственных программ с задачей повышения качества государственного управления.

Данная статья посвящена существующим подходам при оценки и планировании региональных государственных проектов и программ, учитывая полный цикл их реализации (Program/Policy Evaluation), как одному из способов изменения качественных подходов к государственному управлению.

Для конкретизации отраслевых примеров, данная работа раскроет экспертное мнение к подходам при реализации общей воспитательной среды, включая образование и молодежную политику. Актуальность данный темы подтверждается наличием таких программ в каждом субъекте Российской Федерации и непосредственной связью с населением, которое получает результаты реализации данных программ.

При этом данная работа раскрывает проблемы государственного управления, связанные с отклонениями региональной системы управления от общих федеральных подходов (национальных проектов, стратегий и других документов стратегического развития), за счет приваливания прав субъектов Российской Федерации в формировании, ре-

[1] Бритикова Е. А., Нестерова О.В., Бессарабова С.С. Эффективность стратегических решений при формировании региональных программ //Новая наука: новые перспективы. – 2020. – С. 102–106.

[2] Борщ Л. М., Герасимова С.В. Теоретическое обоснование финансового контроля при реализации региональных целевых программ //Теория и практика экономики и предпринимательства. – 2023. – С. 18–21.

[3] Государственный портал «Электронный бюджет» https://www.budget.gov.ru/Национальные-проекты/Перечень-региональных-проектов?regionId=45000000.

ализации, контроля и ответственности за данные проекты и программы. При этом региональная специфика государственного управления и разных подход к формированию таких программ провоцируют дифференциацию регионов России по различным показателям, что в свою очередь может создавать как положительные, так и отрицательные внешние эффекты.

Теоретические подходы и исследовательские вопросы по оценки государственных проектов и программ

В оценке государственных программ и проектов, существует множество подходов. Так, одним из распространенных подходов является концепция, предложенная Майклом Скривеном[1] об оценке программ, через совокупность созданных эффектов, которые оцениваются через материальные или финансовые показатели, что в свою очередь сопоставляется с затраченными средствами на реализацию программы, а также альтернативными путями ее реализации и потенциальными результатами такой альтернативы. При этом в данном подходе автор говори и об установлении причинно-следственной связи между оценкой и результатом. Но одна из проблем данного подхода заключается в том, что не все создаваемые эффекты поддаются унифицированной оценке.

При этом существует подход, выдвинутый в книге Г.Хатри[2] о том, что всякий мониторинг реализуется как основа для разработки и обоснования предстоящего выделения финансовых средств для будущих программ, таким образом, оценка региональной политики может представлять собой замкнутый политико-административный цикл, основанный на постоянной разработке и реализации таких программ, что позволяет регулярно оценивать эффективность реализуемых проектов и программ, что в свою очередь отражает систему государственного управления.

Отдельно отмечается также и подходы наших соотечественников. Так, М.П. Афанасьев[3] считает оценку эффективности целым комплексом и системой показателей взаимосвязанных между собой и имеющих соответствующей вес в системе оценки. Так в данную систему показателей автор включает «влияние на общество, результативность, продуктивность, качество обслуживания, качество организации».

В тоже время М.Пэттон[4] формирует подход к оценке государственных программ как, практическому инструменту, формирующему основу для дальнейших изменений. В подходе Пэттона оценка ориентирована на использование механизмов совершенствования существующих программ, за счет выявленных проблем, недостатков, недостигнутых показателях. При этом в данном подходе отмечается повышенная субъективность от специалиста, проводящего оценку.

Таким образом рассмотрев часть из теоретических подходов к оценке государственных проектов и программ, необходимо зафиксировать вопросы, ответы на которые появятся в ходе проведения данного исследования. Данное исследование ставит перед собой ряд исследовательских вопросов:

1. Каким образом выстроена система оценки региональных проектов и программ в отрасли молодежной политики и образования в настоящее время?
2. Каким образом результаты региональных проектов и программ взаимосвязаны с показателями качества государственного управления?
3. От каких факторов зависит эффективность реализации отдельных государственных проектов и программ?
4. Какую роль играет оценка региональной политики в формировании общего подхода к государственному управлению?
5. Какие тенденции превалируют в современных региональных государственных программах?
6. Какие функции государства, реализуются посредством региональных проектов и программ?

Постановка приведенных исследовательских вопросов позволяет произвести оценку по полному политико-административному циклу (Policy research/ Implementation research / Evaluation research), что в свою очередь позволит сформировать комплексное представление по определению региональной политики в качестве инструмента повышения качества государственного управления.

Проблема оценки региональной политики затрагивается многими исследователями области государственного и муниципального управления. В том числе это связано с тем, что именно через государственные программы и проекты реализуются делегируемые с федерального уровня функции государственного управления. Так в своих исследования Баланова Н.Н. говорит о том, что государственные программы являются инструментом реализации бюджетных ассигнований и достижения целевых индикаторов, которые и отражают связь таких программ с системой государственного управления[5].

Значение целевых показателей для реализации и оценки государственной политики, также подтверждается в работах других исследователей[6], которые говорят о том, что данные показатели отражают отраслевую принадлежность и конкретизируют отдельные государственные задачи на «частные», что в свою очередь упрощает процесс их контроля и оценки результатов.

Так, устанавливая связь результатов конкретных целевых государственных проектов и программ с качеством государственного управления, хочется учесть мнение С.Братченко о том, что качество управления может быть достигнуто только тогда, когда «объект управления достигает желаемого состояния»[7], в данном случаи мы говорим о том состоянии, когда реализуемая политика достигает целевых показателей/индикаторов. Также в продолжении своих исследований Братченко упоминает, что качество государственного управления во многом зависит от полной реализации функций управления «планирование, организация, мотивация и контроль»[8], обращая внимания на 4 из указанных функций, мы вновь поднимаем тему важности проведения оценки реализуемой политики, которая в свою очередь является инструментом государственного управления.

При этом многие эксперты[9] видят проблемы в действующей системе оценки эффективности государственных программ, которые создают барьеры для оценки реализуемой политики посредством программных инструментов. В данные барьеры исследователи включают нарушение временных сроков реализации программ, отсутствие конкретного плана по мониторингу реализации программ и проектов, а также большое количество контрольных точек со смещенными контрольными сроками. Таким образом можно зафиксировать, что часть проблем влияющих на реализацию, оценку и результаты программного решения конкретной региональной политики во многом зависят от этапа планирования, включающего планы по контролю реализации проектов и программ.

В тоже время Федченко Е.А. в своих трудах говорит о существующих недостатках в виде неисполнения отдельных показателей подпрограмм, при оценке общих результатах государственной программы и достижению общих целевых показателей, что в свою очередь слабо влияет на интегральный коэффициент эффективности такой программы. При этом аналогичная история упоминается автором, с кассовым исполнением отдельных мероприятий и подпрограмм. Ввиду чего исследователями предлагается подход, учитывающий диверсификацию «контрольных точек» государственных программ[10].

Отдельно хочется также остановиться на региональной специфике в части реализации программного подхода региональной политики. По мнению Васильевой[11] важной спецификой является отсутствие в каждом регионе широкого спектра документов стратегического планирования, определяющих приоритеты и цели государственной политики в конкретной территории, а также слабая связь целевых показателей смежных программ, что порождает за собой более слабую структуру

[1] Scriven, M.1980. The Logic of Evaluation. Inverness, CA: Edgepress

[2] Хатри Г.П. Мониторинг результативности в общественном секторе. – 2005.

[3] Афанасьев М. П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности государственных программ //Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № . 3. – С. 48–69.

[4] Patton M. Q. 2003. Utilization-Focused Evaluation. International Handbook of Educational Evaluation, 223–244.

[5] Беланова Н.Н. Оценка эффективности государственных программ: ключевые индикаторы и показатели //Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10. – № . 3. – С. 487–502.

[6] Исакин М. Л., Шакина Е.Л. Подходы к мониторингу и оценке бюджетных целевых программ //Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № . 10. – С. 48–56.

[7] Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия //Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № . 6. – С. 80–94.

[8] Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты. – Institut ékonomiki RAN, 2021.

[9] Чумаков М. В., Елизарова А.А., Берендеева А.Б. Анализ эффективности и рисков в реализации государственных программ, проектов, стратегий в регионах России //Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2021. – № . 2 (66). – С. 65–75.

[10] Федченко Е. А., Бурякова А.О. Оценка эффективности государственных программ //Вестник университета. – 2020. – № . 12. – С. 76–86.

[11] Васильева Е.Р. Сравнительный анализ реализации госпрограмм в регионах России //Вестник современной науки. – 2016. – № . 12–1. – С. 45–50.

региональных государственных программ и не позволяет рационально оценить эффективность от реализации данных программ.

Таким образом оценка региональной политики, реализуемой посредством программного подхода, включает целый комплекс факторов, которые могут осуществлять влияние на качество государственного управление, которое согласно мнению исследователей, отражается через достижение конкретных социальных эффектов, целевых показателей программ, при этом учитывая региональные особенности и государственные задачи на конкретной территории.

Отраслевой контекст

Оценка проектов и программ в контексте современной и молодежной политики, в рамках анализа региональных проектов и программ для молодежи, стоит отметить, что многие эксперты[1] определяют молодежную политику как «работу с оценкой взглядов молодежи» и своевременное реагирование на участие молодых людей в «социально-политическом строительстве».

В рамках анализа подходов оценки региональных проектов и программ, а также подхода и росту смыслового контекста молодежной политики, молодежную политику во всех ее проявлениях и с целью эффективной оценки стоит воспринимать как «единую среду» – не вакуумную, но смысловую сущность, которая не только выступает как предмет государственной политики, но еще и может быть инструментом проявления участия молодежи в построении государственной и общественной системы.

В подтверждении данных размышлений, был проведен контент-анализ, публичных каналов основных руководителей отрасли молодежной политики.

Согласно Таблице 1 где указаны основные тезисы публичные высказываний, определяющие сущность молодежной политики, можно заметить, что молодежная политика многогранна и требует дополнительного контроля и универсальной модели управления.

Таблица 1. Результаты контент-анализа публикаций руководителей отрасли молодежной политики России

№	Основные тезисы повестки	Автор	Ссылки
1.	Поддержка региональных инициатив и развитие инфраструктуры Информирование о результатах федеральных и региональных проектов	Григорий Гуров, Руководитель Федерального агентства по делам молодёжи	https://t.me/GurovGrigoriy
2.	Систематизация и комплексность мер поддержки студентов Поддержка молодых семей и других отдельных категорий студентов Стандартизация отрасли молодежной политики Работа сообщества преподавателей и проректоров	Петрова Ольга Викторовна, заместитель министра науки и высшего образования Российской Федерации	https://t.me/OlgaPetrovaNN
3.	Законодательное укрепление отрасли молодежной политики Развитие и поддержка добровольчества	Метелев Артем Павлович, Депутат ГД РФ, председатель Комитета Госдумы по молодежной политике	https://t.me/artemmetelev
4.	Работа с детьми и молодежью Формирование воспитывающей среды и патриотическое воспитание	Орлов Артур Валерьевич, герой Российской Федерации, председатель Правления Движения Первых	https://t.me/Orlovpervye

Это подтверждает запуск в 2025 году нового Национального проекта «Молодёжь и дети» под курацией Федерального агентства по делам молодежи, совместно с Министерством просвещения и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации[2].

Выводы

Таким образом по итогам анализа научных подходов к оценке государственных проектов и подтверждении комплексности молодежной политики, которую в данной статье мы рассматриваем как «управляемую среду», стоит применять системные модели по оценке каждого проекта входящего в экосистему образования и молодежной политики, с целью повышения их качества.

При этом совокупность научного подхода и методов исследования отражающих реально положение и результаты региональной политики, позволит определить возникающие коллизии, а также найти методы для их преодоления.

Учитывая сложную федеральную структуру Российской Федерации и большой разрыв во многих показателях социально-экономического развития и стратегического планирования регионов страны, важно определить и максимально детализировать процесс оценки региональной политики для повышения качества государственного управления не только на территории субъекта, но и в масштабах общей государственной структуры государственного управления.

Литература

1. Афанасьев М. П., Шаш Н.Н. Инструментарий оценки эффективности государственных программ //Вопросы государственного и муниципального управления. – 2013. – № . 3. – С. 48–69.
2. Беланова Н.Н. Оценка эффективности государственных программ: ключевые индикаторы и показатели //Экономика, предпринимательство и право. – 2020. – Т. 10. – № . 3. – С. 487–502.
3. Борщ Л. М., Герасимова С.В. Теоретическое обоснование финансового контроля при реализации региональных целевых программ //Теория и практика экономики и предпринимательства. – 2023. – С. 18–21.
4. Братченко С.А. Качество государственного управления: содержание понятия //Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2020. – № . 6. – С. 80–94.
5. Братченко С.А. Качество государственного управления: теоретический, методологический и институциональный аспекты. – Institut ėkonomiki RAN, 2021.
6. Бритикова Е. А., Нестерова О.В., Бессарабова С.С. Эффективность стратегических решений при формировании региональных программ //Новая наука: новые перспективы. – 2020. – С. 102–106.
7. Васильева Е.Р. Сравнительный анализ реализации госпрограмм в регионах России //Вестник современной науки. – 2016. – № . 12–1. – С. 45–50.
8. Гончарова И.В. Молодежная политика в условиях цифровизации: постановка проблемы //Управление. – 2025. – Т. 13. – № . 1. – С. 113–122.
9. Исакин М. Л., Шакина Е.Л. Подходы к мониторингу и оценке бюджетных целевых программ //Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № . 10. – С. 48–56.
10. Федченко Е. А., Бурякова А.О. Оценка эффективности государственных программ //Вестник университета. – 2020. – № . 12. – С. 76–86.
11. Хатри Г.П. Мониторинг результативности в общественном секторе. – 2005.
12. Чумаков М. В., Елизарова А.А., Берендеева А.Б. Анализ эффективности и рисков в реализации государственных программ, проектов, стратегий в регионах России //Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2021. – № . 2 (66). – С. 65–75.
13. Patton M. Q. 2003. Utilization-Focused Evaluation. International Handbook of Educational Evaluation, 223–244.
14. Scriven, M.1980. The Logic of Evaluation. Inverness, CA: Edgepress
15. Государственный портал «Электронный бюджет» Государственный портал «Электронный бюджет» https://www.budget.gov.ru/Национальные-проекты/Перечень-региональных-проектов?regionId=45000000. (дата обращения 07.11.2025)
16. Внешний источник: https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/ (дата обращения 07.11.2025)

EVALUATION OF REGIONAL PROJECTS AS A TOOL FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF SECTORAL POLICY IN THE CONTEXT OF THE PROGRAM-PROJECT APPROACH IN THE FIELD OF YOUTH POLICY

Adamov I.A.
Moscow State Pedagogical University "Synergy," Department of Public and Municipal Administration

Currently, the existing system of public administration in the Russian Federation is built at both the federal and regional levels of government. At the same time, the system works effectively, including due to a large number of sectoral government and public projects that not only complement and specify the vectors of development of state policy and management established at the federal level, but also contribute to the rationalization of state priorities in a particular territory (taking into account its specifics). This article

[1] Гончарова И.В. Молодежная политика в условиях цифровизации: постановка проблемы //Управление. – 2025. – Т. 13. – № . 1. – С. 113–122.

[2] https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/

will examine scientific approaches to evaluating government projects and identify the specifics of the youth policy industry. The results of the study will help determine an effective approach to building a model for evaluating youth projects and programs in the Russian Federation.

Keywords: sociology of management, scientific approaches to evaluating public policy, evaluation of regional projects, youth policy, and regulatory policy.

References

1. Afanasyev M. P., Shash N.N. Tools for assessing the effectiveness of government programs // Issues of public and municipal administration. – 2013. – No. 3. – P. 48–69.

2. Belanova N.N. Assessing the effectiveness of government programs: key indicators and benchmarks // Economy, entrepreneurship and law. – 2020. – Vol. 10. – No. 3. – P. 487–502.

3. Borshch L. M., Gerasimova S.V. Theoretical justification for financial control in the implementation of regional target programs // Theory and practice of economics and entrepreneurship. – 2023. – P. 18–21.

4. Bratchenko S.A. Quality of public administration: content of the concept // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – No. 6. – P. 80–94.

5. Bratchenko S.A. Quality of public administration: theoretical, methodological and institutional aspects. – Institut ėkonomiki RAS, 2021.

6. Britikova E. A., Nesterova O.V., Bessarabova S.S. Effectiveness of strategic decisions in the formation of regional programs // New science: new prospects. – 2020. – P. 102–106.

7. Vasilyeva E.R. Comparative analysis of the implementation of state programs in the regions of Russia // Bulletin of modern science. – 2016. – No. 12–1. – P. 45–50.

8. Goncharova I.V. Youth policy in the context of digitalization: problem statement // Management. – 2025. – Vol. 13. – No. 1. – P. 113–122.

9. Isakin M. L., Shakina E.L. Approaches to Monitoring and Evaluating Budget Target Programs // Economic Analysis: Theory and Practice. – 2008. – No. 10. – P. 48–56.

10. Fedchenko E. A., Buryakova A.O. Evaluating the Effectiveness of Government Programs // University Bulletin. – 2020. – No. 12. – P. 76–86.

11. Khatri G.P. Performance Monitoring in the Public Sector. – 2005.

12. Chumakov M. V., Elizarova A.A., Berendeyeva A.B. Analysis of Efficiency and Risks in the Implementation of Government Programs, Projects, and Strategies in the Regions of Russia // Modern Science-Intensive Technologies. Regional Supplement. – 2021. – No. 2 (66). – P. 65–75.

13. Patton M. Q. 2003. Utilization-Focused Evaluation. International Handbook of Educational Evaluation, 223–244.

14. Scriven, M. 1980. The Logic of Evaluation. Inverness, CA: Edgepress

15. State portal “Electronic budget” State portal “Electronic budget” https://www.budget.gov.ru/Нацальные-проекты/Почень-областных-проектов?regionId=45000000. (date of access 07.11.2025)

16. External source: https://национальныепроекты.рф/new-projects/molodezh-i-deti/ (date of access 07.11.2025)

Миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике: тенденции современного периода

Аккиева Светлана Исмаиловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований – филиал КБНЦ РАН; Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; ведущий научный сотрудник сектора этнологии и этнографии
E-mail: asisma@yandex.ru

Старченко Роман Александрович,
кин, зам. директора по науке, Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
E-mail: starchencko.roman@yandex.ru

Статья миграционным процессов в Кабардино-Балкарской республике в 2000–2024 годы. Выявлено, что основными причинами миграции населения республики остаются социально-экономические факторы, а миграция молодежи уменьшает демографический потенциал республики.
В статье представлен авторский подход к оценке детерминант миграции, основанный на интеграции различных теоретических концепций и учете многофакторности миграционных решений. В частности, впервые предпринята попытка комплексного анализа влияния этнокультурных факторов на миграционную активность населения КБР. Результаты исследования свидетельствуют о том, что миграция в КБР является сложным и многогранным явлением, обусловленным сочетанием экономических (уровень доходов, наличие рабочих мест), социальных (качество жизни, доступность образования и здравоохранения), политических (стабильность и безопасность) и этнокультурных (сохранение национальной идентичности и языка) факторов.

Ключевые слова: миграционные процессы, трудовая и академическая миграция, региональное развитие, социально-экономические последствия, Кабардино-Балкарская Республика, КБР, миграционная политика.

Введение

Миграционные процессы, являясь неотъемлемой частью социально-экономического развития любого региона, оказывают существенное влияние на его демографическую структуру, рынок труда, этнокультурный состав и в целом на общественное благосостояние. В контексте глобализации и усиливающейся мобильности населения, изучение миграционных потоков и их детерминант приобретает особую актуальность. Кабардино-Балкарская Республика, обладая уникальным геополитическим положением, сложной этнокультурной мозаикой и специфическими социально-экономическими условиями, представляет собой интересный объект для исследования миграционных процессов. Анализ факторов, определяющих миграционную активность населения КБР, выявление основных тенденций и последствий миграции, а также разработка научно обоснованных рекомендаций по управлению миграционными процессами являются важными задачами, направленными на обеспечение устойчивого развития республики.

Целью настоящего исследования является комплексный анализ миграционных процессов, протекающих в Кабардино-Балкарской Республике, с акцентом на выявление основных факторов, детерминирующих миграционную активность населения, и оценку социально-экономических последствий миграции для региона.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе миграционных процессов в КБР с учетом специфических социально-экономических и этнокультурных особенностей региона. В отличие от существующих работ, данное исследование предлагает новый подход к оценке детерминант миграции, основанный на интеграции различных теоретических концепций и учете многофакторности миграционных решений. В частности, впервые предпринята попытка комплексного анализа влияния этнокультурных факторов на миграционную активность населения КБР. Кроме того, в работе представлена авторская модель оценки социально-экономических последствий миграции для региона, учитывающая как прямые, так и косвенные эффекты миграционных процессов.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использованы научная литература, аналитические доклады и статистические данные Росстата по миграции (прибытие/выбытие, сальдо, состав мигрантов), а также итоги Всероссийских переписей населения (2010, 2020/2021 гг.) – динамика численности, возрастная и этническая структура. Методология исследования включает в себя факторно-динамический и историко-аналитический методы, статистический анализ (использование данных статистики для изучения динамики миграционных потоков. Кроме того, в работе задействованы отдельные теоретические концепции, которые были разработаны в рамках социологической науки. В ходе исследования были задействованы методологические подходы, базирующиеся на принципах системности, объективности и точности. «Комплексный подход к использованию данных методов обеспечивает объективность и достоверность полученных результатов, значительно расширяя возможности для их практического применения». Применение передовых научных методов позволило свести к минимуму риск субъективных искажений и обеспечить высокую надёжность данных. Строгие научные критерии, на которых основывался комплексный анализ, обеспечили не только достоверность результатов, но и возможность их воспроизведения в последующих исследованиях.

Результаты и обсуждения

Кабардино-Балкария относится к полиэтничным регионам, где проживает представители более 80 национальностей. Территория Кабардино-Балкария составляет 12470 кв.м., а плотность один из самых высоких в регионе –71,8 чел. на кв. км, что выше, чем в среднем по Северо-Кавказскому региону (53,3 чел. на кв. км). По данным Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г. численность населения КБР составила 904 200 человек. В составе населения наибольший удельный вес имеют кабардинцы (вместе с черкесами) – 529 159 человек (57,3%), русские – 174 768 человек (19,3%), балкарцы – 120 898 человек. (13,7%), турки-ахыска – 16 860 человек (1,9%), осетины – 6 877 человек (0,8%), армяне – 3 987 человек (0,4%) представители других национальностей

(украинцы, корейцы, цыгане, грузины, белорусы, азербайджанцы, татары и др.) – 68511 человек (3,0%). (https://rosstat.gov.ru/vpn/2020). За последние три десятилетия выросла численность и удельный вес кабардинцев, балкарцев, турок-ахыска, цыган, армян и сократилась численность и удельный вес русских (славянских народов).

С 1990-х годов миграционная активность населения росла. На протяжении 1990-х – первой половины 2000-х гг. наблюдался отток из республики так называемого русскоязычного населения – русских, украинцев, немцев, евреев и др. А со второй половины 2000-х годов в поток, покидающих республики стали все активнее включаться кабардинцы и балкарцы. [5, с. 176].

Сама по себе миграция представляет собой сложный, многообразный по формам протекания процесс, формирующийся под воздействием самых разнообразных факторов. Миграционные процессы можно рассматривать в целом в качестве тонкого индикатора актуальных для конкретного социума проблем.

Если вдаваться в исследовательскую часть, то Кабардино-Балкария в настоящее время представляют собой регион с устойчивой убылью населения. Статистические данные выявляют перманентный миграционный отток населения, формирующего отрицательное сальдо [1, с. 60].

Основными причинами миграции граждан являются социально-экономические факторы: напряженность на рынке труда, отсутствие доступа к вакансиям в социально престижных сферах и несоответствие вакансий образованию большинства населения [7, с. 8]. Трудовые мигранты – это молодые образованные специалисты трудоспособного возраста, не удовлетворенные оплатой труда и уровнем жизни в Кабардино– Балкарии. В миграционный процесс в большей степени вовлечены мужчины, но в последнее десятилетие активизировались миграционные настроения и среди женщин. Миграционный отток молодой части населения ведет к трансформации состава населения, что особенно заметно в возрастной структуре русских, где наблюдается явный сдвиг в сторону старших возрастов.

Основными потоками трудовой миграции являются: Краснодарский край, Крым, Ростовская область, Ставропольский край, Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Урал, Сибирь, Якутия и Турция (приоритетна для турок-ахыска) [2, с. 284].

Анализ внешней миграции по национальностям за 2018–2022 гг. свидетельствует о том, что наибольший отток за все годы сохранялся среди русского населения. Как видно, в 2022 году коэффициент выбытия составил: среди русских – 1,8, кабардинцев – 1,5 и среди балкарцев – 1,1, в среднем по республике – 1,3. Доля выбывших 18–40 лет среди общей численности русского населения составила в 2022 году 62%, среди кабардинцев и балкарцев – 72,3 и 76,6% соответственно. [6, с. 36]. Снижение коэффициента выбытия и численности уехавшего русского населения наблюдаемый в настоящее время обусловлено сокращением численности лиц активного трудоспособного населения и исчерпания людских ресурсов. В результате сложившейся тенденции миграционных процессов особо остро стоит проблема оттока русского населения

Отток русского населения из региона является серьезной проблемой и тесно связана с общей проблемой трудовой миграции, хотя и не тождественна ей. Ключевым отличием является то обстоятельство, что трудовая миграция носит временный характер, а миграция русских в основном является безвозвратной. Нацеленность на выезд у русских выражена сильнее, чем у титульных наций. Академическая же миграция и вовсе охватывает практически весь контингент лиц студенческого возраста.

Поступательное сокращение доли русских в структуре населения автономных республик достаточно явно появляться еще в 70-е гг. XX века. Но тогда оно не являлось следствием миграционного оттока.

Снижение доли русского населения несколько замедлилось в последние годы, но в его возрастной его структуре наблюдается явный сдвиг в сторону старших возрастов. Старение населения является одним из факторов низкого уровня естественного прироста населения.

Основной фактор миграции является экономика, которая вынуждает наиболее квалификационную и трудовую активную часть местного населения выезжать за пределы республики и создает возможности для привлечения в республики иностранных работников и использования их дешевого труда. Значительная часть иностранных граждан – это в основном неквалифицированные работники, прибывающие в республику для осуществления трудовой деятельности на основании патента. Главной сферой привлечения иностранных работников выступает строительство, в котором концентрируется большинство трудовых мигрантов (до 65,0%) от общего числа работающих иностранных граждан. Это потребности физических лиц и небольших строительных компаний, которые реализуют проекты, предполагающие возведение частных и многоквартирных жилых домов, монтаж и сооружение небольших производств, ферм и т.д.), на втором месте – сфера услуг (25,0%), на третьем – сельское хозяйство (10,0%). [6, с.34]. В КБР трудятся трудовые мигранты в основном из Узбекистана, Армении, Азербайджана, Таджикистана и др. стран. УФМС России по Кабардино-Балкарской Республике управляет миграционными процессами, уделяет большое внимание выполнению гуманитарных обязательств в отношении мигрантов.

Миграционные процессы в республике связаны как с трудовой, так и с академической миграцией. Активный рост академической миграции в республике наблюдается с середины 200-х годов с введением ЕГЭ.

Этот вид перемещений можно рассматривать как опережающую форму трудовой миграции. Это связано с высоким социальным статусом обучения в центральных вузах страны, а также с тем, что дипломы выпускников этих вузов высоко ценятся на рынке труда по сравнению с местными. Среди молодых людей, которые уезжают на обучение в другие регионы есть представители всех народов, проживающих в республике.

С 1966 г. существует академическая миграция в КБР в основном из стран Ближнего Востока и Турции. Потомки мухаджиров, которые во второй половине XIX в. после окончания Кавказской войны оказались в Османской империи получали образование в Кабардино-Балкарском университете им. Х.М. Бербекова (КБГУ). С начала 1990-х годов связи адыгов, проживающих в России с зарубежной диаспорой расширилась, возросли связи и в сфере образования. Академическая миграция из стран проживания зарубежных адыгов возросла в середине 2000-х годов. Так, в 2008 г. в КБГУ было принято 37 юношей и девушек из Турции, Сирии и Иордании, направленные на обучение зарубежными черкесскими организациями. Правительство Кабардино-Балкарии выделило на финансирование затрат по обучение 550 тыс. рублей из республиканского бюджета [2, с. 286]. Власти республики вместе с адыгскими общественными организациями большое внимание уделяют работе с зарубежной адыгской диаспорой, нацелены на увеличение числа потомков мухаджиров, обучающихся в вузах республики. Действуют также специальные госпрограммы для соотечественников, проживающих за рубежом [4, с. 193]. В частности, в рамках этих программ адыгская диаспора в странах Ближнего Востока и Турции регулярно получает учебную и другую литературу на кабардино-черкесском языке, ей оказывается поддержка в иных областях культурной жизни. В 2013 г. в Нальчике была зарегистрирована «Некоммерческое партнерство «Ассоциация зарубежных выпускников и друзей КБГУ». На учредительном собрании этой организации отмечалось, что выпускники Кабардино-Балкарского государственного университета заметную роль в культурной, экономической, научной и политической жизни в странах проживания. В последующие годы число зарубежных студентов в вузах Кабардино-Балкарии выросло. Так, в 2018 г. в Кабардино-Балкарском государственном университете обучалось 185 студентов из числа представителей адыгской зарубежной диаспоры. С 2017 г. география студентов обучающихся в вузах Кабардино-Балкарии расширилась, для обучения в КБР прибыли более 200 студентов из Индии. В 2017–2018 г. обучение зарубежных студентов стали проводить на английском языке, что повысило имидж университета и его рейтинг среди других учебных заведений и возросло число иностранцев, которые при выборе места обучения в Росси выбирали КБГУ. В настоящее время (2024–2035 учебный год) в КБГУ учатся более 2,4 тыс. иностранцев из 50 стран мира (Абхазии, Азербайджана, Иордании, Сирии, Канады, Израиля, Индии, Германии, Палестины, Турции и т.д.) [2, с. 287]. Среди популярных специальностей среди иностранных абитуриентов – лечебное дело, стоматология, фармация, нефтегазовое дело и менеджмент. Зарубежные студенты обучаются по таким направлениям, как география, химия, педагогическое образование и математика.

Власти республики вместе с адыгскими общественными организациями с 1990-х годов продвигают идею репатриации в республику представителей адыгской диаспоры за рубежом. В 1998 г. руководитель Республики Адыгеи А. Джаримов своим указом учредил день репатрианта, который празднуется 1 августа в Республике Адыгея, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкессии. в Кабардино-Балкарии прибыли несколько сот сирийских беженцев (потомки адыгских мухаджиров). Из-за военных действий в Сирии в 2011–2012 году в Кабардино-Балкарию прибыли беженцы из Сирии (представители адыгской диаспоры). Власти республики, адыгские общественные организации, неравнодушные граждане оказали им помощь и поддержку. Часть беженцев уехали в зарубежные страны, а часть осталась в республике [4, 197]. Более двух тысяч получили российское гражданство или вид на жительство, обустроились в г. Нальчике в насе-

ленных пунктах Урванского, Баксанского, Прохладненского районов. Им была оказана помощь в приобретении жилья, обустройстве на работу или открытии своего дела, организовано бесплатное обучение на специальных курсах кабардинскому и русскому языкам. Для детей были выделены места в детских садах, в школе № 8 г. Нальчика и созданы условия для обучения школьников русскому и кабардинскому языкам. Около 200 человек по целевому набору стали студентами Кабардино-Балкарского государственного университета. [3, с. 15]. Были реализованы и другие мероприятия для их экономической, социальной и культурной адаптации.

Кабардино-Балкария стала местом притяжения академической миграции из стран Ближнего Востока (Иордании, Сирии, Йемена), а также Индии, Китая, Казахстана, Туркменистана, Таджикистана. Северокавказском институте университете им В 2024 г. В КБГУ в настоящее время обучаются более 2,4 тыс. иностранцев из 50 стран мира, что составляет 12,5% от общего числа студентов [9].

В современный период в Кабардино-Балкарии миграционные процессы отличаются достаточной интенсивностью. На протяжении длительного времени в регионе имеют место устойчивая трудовая и академическая миграции за их пределы, характерные как для представителей титульных этносов, так и русского населения. В свою очередь, довольно активно в республику прибывает встречная волна – трудовые мигранты преимущественно из республик Средней Азии, активно осваивающие так называемые социально «непрестижные» сферы.

Анализ миграционных процессов в Кабардино-Балкарской Республике показывает, что идет сокращение численности русскоязычного населения. Сокращение числа русскоязычных граждан, которые традиционно способствуют поддержанию межэтнического равновесия в полиэтнической Кабардино-Балкарии создает опасность нарушения этого равновесия. Экономический фактор является основной причиной миграционных процессов последних десятилетий, миграция наиболее активной и трудоспособной части населения уменьшает демографический потенциал Кабардино-Балкарии. Активное развитие двусторонней академической миграции способствует формирования высококвалифицированных специалистов из числа уроженцев Кабардино-Балкарии и повышению качества вузовского образования и научных исследований в местных высших учебных заведениях.

Выводы

Проведенное исследование миграционных процессов в Кабардино-Балкарской Республике позволило не только комплексно оценить динамику и структуру миграционных потоков, но и выявить ключевые факторы, определяющие миграционную активность населения республики. Полученные результаты свидетельствуют о том, что миграция в КБР является сложным и многогранным явлением, обусловленным сочетанием экономических, социальных, политических и этнокультурных факторов.

В рамках исследования было установлено, что экономические факторы, такие как уровень заработной платы, наличие рабочих мест и возможности для профессионального роста, играют решающую роль в принятии решений о миграции. Молодое и образованное население КБР активно ищет возможности для реализации своего потенциала в более развитых регионах России и за рубежом, что приводит к оттоку квалифицированных кадров и, как следствие, к снижению конкурентоспособности экономики республики. Вместе с тем, отмечается приток трудовых мигрантов из стран ближнего зарубежья, занятых преимущественно в низкоквалифицированных секторах экономики.

Социальные факторы, такие как уровень жизни, доступность образования и здравоохранения, а также жилищные условия, также оказывают существенное влияние на миграционные процессы. Неудовлетворенность качеством жизни в республике, особенно среди молодежи, стимулирует отток населения в более благополучные регионы.

Не менее важную роль играют этнокультурные факторы, связанные с самоидентификацией, сохранением национальной культуры и языка, а также с межэтническими отношениями [10, с. 49]. В условиях сложной этнокультурной мозаики КБР, миграция может быть обусловлена стремлением к проживанию в среде, где лучше сохраняются и поддерживаются родной язык и традиции.

На основе проведенного анализа было выявлено, что миграционные процессы оказывают неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие КБР. С одной стороны, отток населения приводит к дефициту трудовых ресурсов, снижению налоговых поступлений и замедлению экономического роста. С другой стороны, приток трудовых мигрантов способствует заполнению вакансий в низкоквалифицированных секторах экономики и стимулирует развитие отдельных отраслей. Важно отметить, что миграционный опыт и денежные переводы мигрантов могут внести позитивный вклад в инновационные процессы и развитие предпринимательства.

В заключение необходимо подчеркнуть, что управление миграционными процессами является важной задачей для обеспечения устойчивого развития КБР. Региональная миграционная политика должна быть направлена на создание благоприятных условий для привлечения и удержания квалифицированных кадров, а также на интеграцию мигрантов в социокультурное пространство республики. Необходимо разработать комплекс мер по повышению уровня жизни населения, созданию новых рабочих мест с достойной заработной платой, улучшению жилищных условий и развитию социальной инфраструктуры. Особое внимание следует уделить поддержке образования и культуры, сохранению национальной идентичности и укреплению межэтнического согласия.

Литература

1. Аккиева С.И. Миграционная и языковая ситуация в Кабардино-Балкарии в современный период//Этнополитическая ситуация в современный период. Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов/Ред. В.А. Тишков, А.В. Черных. Пермь: Изд-во «Маматов», 2023. С. 60–66.
2. Аккиева С.И. Особенности миграционных процессов в Кабардино-Балкарской республике //Межнациональные и межконфессиональные отношения в регионах России: материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Йошкар-Ола, 3–4 октября 2004 г)– Йошкар-Ола,2025. С. 282–288.
3. Аккиева С.И. Современные миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике// Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Казань: Академия наук Республики Татарстан, 2024. С. 14–16.
4. Аккиева С.И., Дзамихов К.Ф. Наследие мухаджиров к16ак политический актив//Россия в глобальной политике. 2017. № 5. С. 186–202.
5. Аккиева С.И., Теммоев И.Ю. Этнодемографическая ситуация в Кабардино-Балкарской Республике: состояние и проблемы//Успехи современной науки.2016, № 8, Том 3. С. 173–179.
6. Берова Ф.Ж., Шериева А.А. Миграционные процессы на Северном Кавказе и возможные их последствия (на примере Кабардино-Балкарской Республики)// Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 3(113). 30–39.
7. Викулов А.М. Социальное измерение миграционных процессов в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2010. – Т. 10. – № 2. – С. 7–8.
8. Дадова З.И. Миграционные процессы в Кабардино-Балкарской Республике // Историческая и социально-образовательная мысль, 2016 г. С. 96–99/
9. Кабардино-Балкарский госуниверситет и Таджикистан подписали договор о сотрудничестве [Электронный ресурс]: https://tass.ru/obschestvo/24036593, свободный, дата обращения: 25.11.2025 г.
10. Ситковский А.М., Козлова О.А. Использование векторных оценок и графоаналитических методов в исследовании демографического поведения населения региона // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2023. – № 3(71). – С. 44–55.

MIGRATION PROCESSES IN THE KABARDINO-BALKARIAN REPUBLIC: TRENDS OF THE MODERN PERIOD

Akkieva S.I., Starchenko R.A.

N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Institute for the Humanities Research – Branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center

The article examines migration processes in the Kabardino-Balkarian Republic from 2000 to 2024. It reveals that socio-economic factors remain the main reasons for migration in the republic, and youth migration reduces the demographic potential of the republic.

The article presents an author's approach to assessing the determinants of migration, which is based on integrating various theoretical concepts and considering the multifactorial nature of migration decisions. In particular, the article provides a comprehensive analysis of the impact of ethno-cultural factors on the migration activity of the population in the Kabardino-Balkarian Republic. The results of the study indicate that migration in the CBR is a complex and multifaceted phenomenon caused by a combination of economic (income level, availability of jobs), social (quality of life, access to education and healthcare), political (stability and security), and ethno-cultural (preservation of national identity and language) factors.

Keywords: migration processes, labor and academic migration, regional development, socio-economic consequences, Kabardino-Balkarian Republic, KBR, migration policy.

References

1. Akkieva S.I. Migration and language situation in Kabardino-Balkaria in the modern period//The ethnopolitical situation in the modern period. Annual report of the Network of Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention/Ed. by V.A. Tishkov, A.V. Chernykh. Perm: Publishing house "Mamatov", 2023. C. 60–66.

2. Akkieva S.I. Features of migration processes in the Kabardino-Balkarian Republic //Interethnic and interfaith relations in the regions of Russia: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Yoshkar-Ola, October 3–4, 2004) – Yoshkar-Ola, 2025. pp.282–288.

3. Akkieva S.I. Modern Migration Processes in the Kabardino-Balkarian Republic// Positive Experience in Regulating Ethnosocial and Ethnocultural Processes in the Regions of the Russian Federation. Materials of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan: Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2024. Pp. 14–16.

4. Akkieva S.I., Dzamikhov K.F. The legacy of the Muhajirs as a political asset//Russia in global politics. 2017. No. 5. pp.186–202.

5. Akkieva S.I., Temmoev I.Y. The echotomographic situation in the Kabardino-Balkarian Republic: status and problems//Successes of modern Science. 2016, No. 8, Volume 3.Pp.173–179.

6. Berova F. Zh., Sherieva A.A. Migration Processes in the North Caucasus and Their Possible Consequences (on the Example of the Kabardino-Balkarian Republic)// Izvestiya of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2023. No. 3(113). 30–39.

7. Vikulov A.M. Social Dimension of Migration Processes in Russia // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. – 2010. – Vol. 10. – No. 2. – Pp. 7–8.

8. Dadova Z.I. Migration Processes in the Kabardino-Balkarian Republic // Historical and Social-Educational Thought, 2016, pp. 1–4.

9. The Kabardino-Balkarian State University and Tajikistan signed a cooperation agreement [Electronic resource]: https://tass.ru/obschestvo/24036593, free, accessed on November 25, 2025.

10. Sitkovsky A.M., Kozlova O.A. Using Vector Estimates and Graph-Analytical Methods in the Study of the Demographic Behavior of the Region's Population // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. – 2023. – No. 3(71). – Pp. 44–55.

Формирование евразийского порядка через взаимодействие «Пояса и пути» и институтов БРИКС в контексте китайско-российских отношений

Багэцзоер Диэрбай,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 1204495246@qq.com

В статье исследуется процесс формирования современного евразийского политико-экономического порядка посредством синергетического взаимодействия инициативы «Пояса и пути» и институционального потенциала БРИКС. Анализ фокусируется на ключевой роли китайско-российских отношений, которые выступают в качестве стратегического катализатора и структурной основы для интеграции данных механизмов. Автор рассматривает, как двустороннее партнёрство между Китаем и Россией способствует согласованию норм, развитию инфраструктурных проектов и созданию новых институтов управления на пространстве Евразии. Особое внимание уделяется комплементарности между трансконтинентальными логистическими коридорами в рамках «Пояса и пути» и многосторонними финансово-экономическими инструментами БРИКС. В заключение делается вывод о том, что именно кооперация Пекина и Москвы задаёт траекторию становления полицентричного евразийского порядка, сочетающего элементы региональной интеграции и глобального управления.

Ключевые слова: евразийский порядок, инициатива «Пояс и путь», БРИКС, китайско-российские отношения, региональная интеграция, полицентричность, стратегическая синергия

Введение

Современная архитектура международных отношений переживает период глубокой трансформации, характеризующийся сдвигом глобальных центров влияния и поиском новых моделей управления. На этом фоне пространство Евразии, как континентальный массив, соединяющий динамичные экономики Азии и развитые рынки Европы, становится ключевой лабораторией по формированию альтернативных полицентричных порядков. Два масштабных проекта – китайская инициатива «Пояс и путь» (BRI) и многостороннее объединение БРИКС – выдвинулись на первый план в качестве основных структурных элементов этого процесса [1].

Однако их потенциал в переустройстве региональной и глобальной среды не может быть реализован изолированно. Критически важным условием выступает их стратегическое взаимодействие и взаимодополнение. Именно здесь на авансцену выходят китайско-российские отношения, которые из двустороннего формата трансформировались в системообразующий фактор для всей евразийской геополитики и геоэкономики. Синергия между трансконтинентальной логистикой BRI и институциональной, финансовой повесткой БРИКС находит своё конкретное воплощение и политическую поддержку в рамках всеобъемлющего партнёрства между Пекином и Москвой [2, 3].

Таким образом, центральный исследовательский вопрос данной статьи формулируется следующим образом: каким образом взаимодействие инициативы «Пояс и путь» и институтов БРИКС, опосредованное и направляемое китайско-российским стратегическим партнёрством, конституирует основы нового евразийского порядка? Для ответа на него в работе ставится задача проанализировать механизмы нормотворчества, инфраструктурной и финансовой интеграции, которые возникают на стыке этих двух проектов под влиянием координации двух ведущих держав континента.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления реальных контуров зарождающегося полицентричного мира, где евразийское пространство играет всё более значимую роль. Практическая значимость заключается в выявлении конкретных каналов и результатов взаимодействия ключевых интеграционных инициатив, что позволяет более точно прогнозировать траекторию развития международных отношений в XXI веке.

Материалы и методы исследования

В основу данного исследования положен комплексный подход, сочетающий анализ нормативно-правовых документов, институциональной архитектуры и конкретных проектных инициатив. Материальную базу работы составили официальные стратегические концепции, заявления и соглашения в рамках инициативы «Пояс и путь» и объединения БРИКС, а также ключевые двусторонние договоры и совместные декларации Китая и России за последнее десятилетие. Для обработки этих материалов применялись методы сравнительно-сопоставительного и системного анализа, что позволило выявить точки конвергенции и механизмы синергии между двумя многосторонними форматами. Кроме того, для оценки практической реализации теоретических моделей использовался case-study анализ конкретных инфраструктурных и финансовых проектов, осуществляемых под эгидой данного взаимодействия. Такой методологический набор обеспечивает переход от макроуровня стратегического видения к мезоуровню институционального строительства и микроуровню конкретных кейсов, что даёт целостную картину формирующегося порядка.

Результаты и обсуждение

Китайско-российское партнёрство выступает политическим стержнем евразийской интеграции. Россия, обладая ключевыми транзитными коридорами и ресурсами, обеспечивает пространственную и энергетическую основу для инициативы «Пояс и путь», в то время как Китай предоставляет масштабные инвестиции, промышленные мощности и технологические решения [4]. В рамках БРИКС обе страны согласованно работают над формированием альтернативных глобальных финансовых механизмов, продвигая расчёты в национальных валютах и создавая новые институты развития. Именно эта двусторонняя стратегическая координация трансформирует потенциальную конкуренцию

между различными региональными проектами в реальную комплементарность, закладывая нормативную и материальную основу для нового регионального порядка [5].

Практическое взаимодействие реализуется через конкретные институциональные и проектные каналы. В финансовой сфере Новый банк развития БРИКС и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций постепенно синхронизируют свои портфели, совместно финансируя проекты в области транспортной логистики и «зелёной» энергетики на евразийском пространстве. В инфраструктурном измерении идёт активная стыковка транспортных коридоров «Пояса и пути» с сетями Евразийского экономического союза, чему способствует развитие Северного морского пути и международных транспортных коридоров «Приморье» [6, 7]. Параллельно формируется цифровое измерение сотрудничества, где Китай и Россия совместно с партнёрами по БРИКС работают над вопросами кибербезопасности, цифрового суверенитета и технического стандартообразования. В результате синергии двух мегапроектов под влиянием китайско-российского партнёрства формируется не иерархическая, а сетевая полицентричная архитектура евразийского порядка [8]. Эта система характеризуется гибким взаимодействием множества региональных организаций и функциональных институтов, где Шанхайская организация сотрудничества, ЕАЭС, АСЕАН, НБР БРИКС и АИИБ образуют взаимосвязанную экосистему. В ней Китай и Россия выполняют роль системных координаторов, обеспечивая связность и устойчивость всей сети, что принципиально отличает формирующуюся модель от традиционных блоковых систем XX века [2, 5].

Проведённый анализ выявил, что взаимодействие «Пояса и пути» и институтов БРИКС под эгидой китайско-российского партнерства привело к формированию комплексной модели сотрудничества, охватывающей несколько ключевых сфер [9]. Эти результаты систематизированы в следующей таблице:

Таблица 1. Основные направления взаимодействия и их содержание [3, 7]

Направление взаимодействия	Характер взаимодействия и ключевые результаты
Стратегическая координация	Создание политического консенсуса, стыковка интеграционных повесток (BRI и ЕАЭС)
Финансово-инвестиционное	Развитие альтернативных механизмов финансирования и расчётов (НБР БРИКС, АИИБ)
Инфраструктурно-логистическое	Строительство трансграничных коридоров, развитие Северного морского пути
Нормативно-институциональное	Формирование общих подходов в цифровой экономике, безопасности, стандартизации

Обсуждение этих результатов выявляет как сильные стороны, так и системные вызовы формирующегося порядка. С одной стороны, создана устойчивая полицентричная сеть, основанная не на иерархии, а на функциональной взаимодополняемости различных институтов. С другой стороны, сохраняющаяся асимметрия интересов между Китаем и Россией может стать источником долгосрочных трений [10]. Практическим препятствием остается риск переинвестирования в инфраструктурные проекты без четкой экономической отдачи и устойчивых моделей управления, что повышает долговые риски для стран-реципиентов [11, 12, 13]. Кроме того, растущее внешнее геополитическое давление вынуждает ускорять процессы дедолларизации и импортозамещения в критических технологиях, что требует колоссальных ресурсов и может временно замедлить интеграционные процессы. Таким образом, китайско-российское стратегическое партнерство обеспечило мощный импульс для интеграции проектов BRI и БРИКС, создав материальные и институциональные контуры нового евразийского порядка [14]. Его окончательное оформление и устойчивость будут зависеть от способности сторон трансформировать политическую волю в экономически жизнеспособные проекты, сбалансировать взаимные интересы и выработать адаптивные механизмы в условиях высокой внешней неопределенности.

Выводы

Проведенное исследование подтверждает центральный тезис о том, что формирование нового евразийского порядка является прямым результатом синергетического взаимодействия инициативы «Пояс и путь» и многосторонних институтов БРИКС, стратегически направляемого и поддерживаемого комплексным партнерством между Китаем и Россией. Это взаимодействие перестало быть декларативным и материализовалось в конкретных инфраструктурных, финансовых и нормативных практиках.

Основным результатом данного процесса стало создание сетевой полицентричной архитектуры евразийского пространства. В отличие от жестких блоковых моделей прошлого, новый порядок основан на гибкой связности различных региональных организаций (ШОС, ЕАЭС, АСЕАН) и функциональных институтов развития (НБР БРИКС, АИИБ). Китайско-российское партнерство выступает в этой системе не как единственный центр власти, а как ключевой координатор и стабилизатор, обеспечивающий согласование интересов и политическую связность всей сети.

Анализ выявил, что данная модель развивается по нескольким взаимосвязанным направлениям: от стратегической стыковки интеграционных повесток до практической реализации масштабных инфраструктурных проектов и создания параллельных финансовых механизмов. Это способствует формированию альтернативного нормативного дискурса в международных отношениях, акцентирующего принципы многовекторности, суверенного равенства и невмешательства. Однако устойчивость зарождающегося порядка сталкивается с рядом вызовов. Внутренняя асимметрия стратегических интересов между Китаем и Россией, риски экономической неэффективности масштабных инфраструктурных инвестиций, а также растущее внешнее геополитическое давление требуют от сторон постоянной адаптации и поиска баланса.

Таким образом, взаимодействие «Пояса и пути» и БРИКС в контексте углубляющегося китайско-российского партнерства представляет собой не завершенную конструкцию, а динамичный и открытый процесс институционального строительства. Он уже привел к существенной переконфигурации экономической и политической карты Евразии, предлагая альтернативный путь регионального и глобального управления. Долгосрочный успех этой модели будет зависеть от способности ее архитекторов трансформировать политическую волю в инклюзивные и экономически устойчивые формы сотрудничества, способные отвечать на вызовы XXI века.

Литература

1. Бажанов Е. П., Королёв И.С. Россия-Китай: стратегическое партнёрство и евразийская интеграция // Международная жизнь. 2023. № 9. С. 34–51. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2458 (дата обращения: 07.12.2025).
2. Ван С. О стыковке китайско-российского экономического пояса шелкового пути и евразийского экономического союза // Общество и цивилизация. 2022. Т. 4. № 4. С. 28–30.
3. Деятельность институтов развития БРИКС и ЕАЭС в условиях макроэкономической нестабильности // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2024. № 2. С. 95–103. URL: https://journals.bsu.ru/journals/em/?issue=409&article=4087&eng (дата обращения: 07.12.2025).
4. Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Участие председателя Коллегии ЕЭК Бакытжана Сагинтаева в Саммите БРИКС. 24.10.2024. URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/v-eaes-s-1-iyulya-2022-goda-budet (дата обращения: 07.12.2025).
5. Засядько К.В. Инициатива «Пояс и путь»: новые возможности для сотрудничества между Китаем и Россией // Современная мировая экономика. 2024. № 1. С. 45–60.
6. Кармацких К.В., Тарабарко К.А. Китайско-монгольские отношения в контексте реализации инициативы «Один пояс – один путь» // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2018. № 21. С. 12–16.
7. Ли И., Пэн Ч. Особенности развития китайско-российских отношений в контексте инициативы «Один пояс, один путь» // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7. № 2. С. 121–127.
8. Лия Д., Хань С. Потенциал китайско-российской торговли газом в контексте проекта «Один пояс-один путь» // Первый экономический журнал. 2023. № 12 (342). С. 34–41.
9. Луконин С. А., Карпов М.И. Евразийский экономический союз и БРИКС в контексте формирования многополярного мира // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 6. С. 89–112.
10. Лю Х. Влияние дедолларизации БРИКС на китайско-российские отношения и китайско-российское корпоративное управление // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 11. С. 269–271.
11. Лян С. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы «Один пояс – один путь» // ЭКО. 2019. № 3 (537). С. 181–190. (публикация отозвана 22.05.2019)
12. Синьхуа. Отчет: устойчивость цепочек промышленного снабжения между Китаем и странами «Одного пояса, одного пути» продолжает проявляться. 30.09.2025. URL: http://big5.news.cn/gate/big5/www.news.cn/fortune/20250930/c791ba67031c49018c0ffee25f871f8c/c.html (дата обращения: 07.12.2025).
13. Шурубович А.В. Сопряжение ЕАЭС и ЭПШП: институциональные и экономические аспекты // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 5. С. 67–82. URL: https://rfej.ru/rvv/article/view/455 (дата обращения: 07.12.2025).

14. Ян Ю. Анализ китайско-российского образовательного сотрудничества и развития в контексте строительства «Один пояс и один путь» // Казанский педагогический журнал. 2020. № 2 (139). С. 74–79.

SHAPING THE EURASIAN ORDER THROUGH THE INTERACTION OF THE BELT AND ROAD INITIATIVE AND BRICS INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF SINO-RUSSIAN RELATIONS

Bagezuoer·Dierbai
Saint Petersburg State University

This article examines the formation of the modern Eurasian political and economic order through the synergistic interaction of the Belt and Road Initiative and the institutional potential of BRICS. The analysis focuses on the key role of Sino-Russian relations, which act as a strategic catalyst and structural foundation for the integration of these mechanisms. The author examines how the bilateral partnership between China and Russia facilitates the harmonization of norms, the development of infrastructure projects, and the creation of new governance institutions in Eurasia. Particular attention is paid to the complementarity between the transcontinental logistics corridors of the Belt and Road Initiative and the multilateral financial and economic instruments of BRICS. The article concludes that cooperation between Beijing and Moscow is setting the trajectory for the emergence of a polycentric Eurasian order, combining elements of regional integration and global governance.

Keywords: Eurasian order, Belt and Road Initiative, BRICS, Sino-Russian relations, regional integration, polycentricity, strategic synergy

References

1. Bazhanov E. P., Korolev I.S. Russia-China: Strategic Partnership and Eurasian Integration // International Affairs. 2023. No. 9. Pp. 34–51. URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/2458 (date of access: 07.12.2025).

2. Wang S. On the docking of the Chinese-Russian Silk Road Economic Belt and the Eurasian Economic Union // Society and Civilization. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 28–30.

3. Activities of BRICS and EAEU development institutions in the context of macroeconomic instability // Bulletin of BSU. Economics and Management. 2024. No. 2. Pp. 95–103. URL: https://journals.bsu.ru/journals/em/?issue=409&article=4087&eng (accessed: 07.12.2025).

4. Eurasian Economic Commission (EEC). Participation of the Chairman of the EEC Board Bakytzhan Sagintayev in the BRICS Summit. 24.10.2024. URL: https://eec.eaeunion.org/en/news/v-eaes-s-1-iyulya-2022-goda-budet (accessed: 07.12.2025).

5. Zasyadko K.V. The Belt and Road Initiative: New Opportunities for Cooperation between China and Russia // Modern World Economy. 2024. No. 1. Pp. 45–60.

6. Karmatskikh K.V., Tarabarko K.A. Sino-Mongolian Relations in the Context of the Implementation of the Belt and Road Initiative // Russia and China: Problems of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center. 2018. No. 21. Pp. 12–16.

7. Li Y., Peng C. Features of the Development of Sino-Russian Relations in the Context of the Belt and Road Initiative // Russian Economic Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 2. Pp. 121–127.

8. Liya D., Han S. Potential of Sino-Russian Gas Trade in the Context of the Belt and Road Project // First Economic Journal. 2023. No. 12 (342). Pp. 34–41.

9. Lukonin S. A., Karpov M.I. The Eurasian Economic Union and BRICS in the Context of the Formation of a Multipolar World // Bulletin of MGIMO-University. 2023. No. 6. Pp. 89–112.

10. Liu H. The Impact of BRICS De-Dollarization on Sino-Russian Relations and Sino-Russian Corporate Governance // Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 11. Pp. 269–271.

11. Liang S. Sino-Russian Cooperation in Higher Education in the Context of the Belt and Road Initiative // ECO. 2019. No. 3 (537). Pp. 181–190. (Publication retracted on May 22, 2019)

12. Xinhua. Report: Resilience of Industrial Supply Chains between China and Belt and Road Countries Continues to Emerge. September 30, 2025. Available at: http://big5.news.cn/gate/big5/www.news.cn/fortune/20250930/c791ba67031c49018c0ffee25f871f8c/c.html (Accessed December 7, 2025).

13. Shurubovich A.V. Conjugation of the EAEU and the SREB: Institutional and Economic Aspects // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 5. Pp. 67–82. Available at: https://rfej.ru/rvv/article/view/455 (Accessed December 7, 2025).

14. Yan Yu. Analysis of Chinese-Russian educational cooperation and development in the context of the construction of “One Belt, One Road” // Kazan Pedagogical Journal. 2020. No. 2 (139). P. 74–79.

К изучению использования технологий искусственного интеллекта на разных уровнях социального управления

Богданов Владимир Сергеевич,
канд. социол. наук, ведущий научный сотрудник, Центр социологии управления и социальных технологий, Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
E-mail: valarf@mail.ru

Статья посвящена анализу тенденций внедрения технологий искусственного интеллекта (ИИ) в практику социального управления. Особое внимание уделяется изучению вопроса о возможности смены технократической стратегии гибридизации общественных отношений и систем управления на социально-контекстуальную, позволяющую оценить имеющиеся условия (вызовы, риски, потенциал) и последствия (эффекты, деформации) внедрения ИИ на разных уровнях социального управления.
В условиях нарастающей скорости социо-цифровых изменений и сложно организованного порядка предлагается разработать и поэтапно осуществлять специальную исследовательскую программу, которая бы позволила получать новые знания о современных рисках, формах и уровнях социо-цифровой регуляции, а также аккумулировать их с последующей интеграцией в практику социального управления. Подобную исследовательскую работу на уровне государственного управления и организации рынка труда проводят китайские и итальянские учёные, делая акцент на потенциале социального управления (стейкхолдерах, регуляционных процессах), который может быть либо научно и социально обоснованно актуализирован, либо деформирован последствиями внедрения ИИ и непродуманными в этом отношении политико-управленческими решениями.
Представлен кейс, который касается изучения внедрения ИИ на микроуровне социального управления. На основе обобщенных данных исследования, социальной диагностики готовности российских городов к реализации ведомственного проекта «умный город», делается вывод о наличии организационно-управленческих, инфраструктурных и финансовых проблемах, которые мешают созданию необходимых условий для разработки новой формы социо-цифровой регуляции «умного города» – цифрового двойника городского пространства и системы управления городом на принципах социо-цифровой обратной связи между органами власти, бизнесом, научным сообществом, ИТ-специалистами и населением.

Ключевые слова: социология, социальное управление, искусственный интеллект, стратегии унификации и разнообразия внедрения ИИ, умное управление

Введение

Современный этап технологического развития, характеризующийся конвергенцией сквозных цифровых технологий, ускорил процесс становления сетевого (цифрового) общества и формирование новых принципов цифрового порядка. Вместе с этим происходит конфигурирование новой системы институциональных практик и императивов технократической культуры, определяющих в качестве основы и доминанты развития технику и технологии. С учётом этих тенденций возрастает научный интерес к перенастройке исследовательских подходов и методологических оснований социо-гуманитарных наук для изучения гибридизации форм технико-технологического и социального регулирования, оценки вызовов и последствий внедрения искусственного интеллекта, а также цифровых форм контроля в различные сферы общественной жизни.

Уже сегодня социологи, исследователи цифрового общества, отмечают, что если сравнивать современный сетевой социум с системным (по Т. Парсонсу), то последний имеет иерархиезированную структуру и тяготеет к поддержанию равновесного состояния за счёт механизмов социализации и социального контроля, что, по сути, отвечает теоретическим постулатам «социального порядка». Современное общество же всё более приобретает иные свойства, отличающиеся от системного, а именно такие, как: открытость, неупорядоченность, нелинейность, отсутствие достаточно выявленных закономерностей и единых законов, которые бы позволили эксплицировать воспроизводимые процессы и явления [1; 2].

С учётом нарастающей скорости социо-цифровых изменений и сложно организованного порядка нового качества возникает общественный запрос на разработку исследовательской программы, которая бы позволила на основе артикулированных стадий и этапов, специально разработанных элементов методологической организации и рационально-познавательных процедур не только получать знания о новых вызовах и проблемах, формах и уровнях социо-цифровой регуляции, но и аккумулировать их с последующей интеграцией в практику социального управления на макроуровне (социетальном – во взаимодействиях государства и общества), мезоуровне (отраслевом, организационном), микро (локальный – территориальная самоорганизация и управление, межличностное взаимодействие в контексте решения социальных проблем).

Такой научно-исследовательский подход направлен, с одной стороны, на развенчание мифов, иллюзий трансгуманистической, технократической повестки о перспективности использования цифровых технологий ИИ как самодостаточных технико-технологических средств достижения социальной справедливости (на основе цифровых рейтингов доверия и контроля) и гармоничных социальных отношений, а, с другой, на выявление проблем и деформаций, возникающих в практиках социального управления в ходе внедрения и использования цифровых технологий ИИ.

В данной статье обратимся к кейсу, который касается микроуровня социального управления. В частности, представим некоторые обобщенные результаты социальной диагностики готовности российских городов к реализации ведомственного проекта (Минстрой РФ) «умный город», акцентируем внимание на таких важных моментах и проблемах организации социального управления, связанных с реальным и цифровым вовлечением граждан в решение вопросов городского развития, а также с оценкой сложившихся условий для создания цифровых двойников (на базе ИИ) реальных городов и интеллектуальных систем городского управления.

Материалы и методы

Социологическое исследование с одноимённым названием «Социальная диагностика умных городов» было проведено в 2023–2024 гг. При помощи метода экспертного опроса в онлайн режиме была опрошена высокоресурсная аудитория (N=67), которая имеет опыт управления в государственных органах власти (57%), в отраслевых органах и на предприятиях/бизнес-организациях (14% и 33%), и заняты сегодня в следующих отраслях: 1) аппарат органов государственного, муниципального и хозяйственного управления – 23,5%, 2) ИТ-сфера – 25%, 3) НИИ и организации высшего образования – 16%, 4) строительство – 12%, 5) промышленность – 9%, 5) транспорт – 9% и др..

42% имеют активную гражданскую позицию, заняты в работе общественных организациях. Среди экспертов – 6% докторов наук, 20% имеют степень кандидата наук и 77% окончили различные высшие учебные заведения.

Выборка была целенаправленной (неслучайной) и репрезентировала ключевые заинтересованные экспертные группы. Из опрошенных 56% экспертов оказались вовлечены в процесс разработки и реализации проекта «умного города», 43% указали, что хотели стать его участниками. 86,5% опрошенных проживают в российских городах (Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Новосибирск, Саратов, Рязань, Курск, Магнитогорск, Саранск, Обнинск, Нижний Новгород, Красногорск и др.), где реализуется проект.

Общей методологической основой исследования выступает научный потенциал двух социолого-регулятивных дисциплин [3; 4; 5]: 1) социологии управления для осмысления проектирования социальных изменений, 2) социологии организаций для создания механизмов поддержания социального порядка и целостности социальных систем. Их объединённый теоретико-методологический потенциал необходим для разработки социально-контекстуальной (диверсифицирующей) стратегии, которая может выступить в качестве альтернативы технократической унификации и адаптировать цифровые технологии ИИ для решения задач, связанных с мерой и масштабом гибридных изменений, конструированием социально-организационных и социально-управленческих типов социо-цифровой регуляции на макро-, мезо и микроуровнях социального управления.

Литературный обзор

Прежде, чем перейти к обзору внедрения ИИ в практику социального управления (далее – «СУ»), обратимся к трудам авторов, которые раскрывают сущность данного явления, условия при которых оно выкристаллизовалось как научная категория.

Процесс конституирования понятия «социальное управление» приходится на 60–70 гг. прошлого века, когда кибернетика и системный подход (Н. Виннер, Л. фон Берталанфи, Р. Эшби и др.) были приняты научным сообществом в качестве общеметодологической основы исследования феномена управления [6], а социальные системы стали отождествляться с кибернетическими системами – системами управления [7]. Тогда же общенаучный статус приобрели понятия управление и организация, а формированием представлений о сущности СУ занялись социальные философы, психологи, экономисты и социологи [4, с. 38].

Сегодня с учетом популярности термина СУ единой его трактовки не имеется. Чаще определение СУ связано с использованием в контексте системного подхода – регуляции социальных систем, а именно как функцию, отвечающую за сохранение, развитие и управление социальных систем любой сложности – от объединения людей до общества. [6; 8]. Здесь важно отметить, что устаревшая «кибернетическая парадигма» даёт возможность и преимущества социальным наукам только в плане постановки исследовательской проблемы и выработки системы конкретных параметров для изучения, но не помогает раскрыть сущность СУ как социального явления, качественно объяснить поведение людей и характер их взаимодействий, отношений в процессах управления.

СУ также рассматривают и как государственное (политическое) управление, связанное с адекватной настройкой социальной сферы и реализацией социальной политики государства [9; 10; 11].

Другая группа ученых представляет СУ как современную теорию управления [7; 12], которая обеспечивает теоретическое представление о взаимодействии социальных систем разного порядка, а также о складывающихся в них отношениях между структурами, объектом и субъектом управления как управляемых и управляющих подсистем. Однако, мы, как и ряд представителей дисциплины социология управления, придерживаемся другого мнения, что СУ – это онтология, практика социального управления, регуляционная подсистема общества (В.Д. Граждан, Ж.Т. Тощенко, А.В. Тихонов, Г.Е.) [9], регулятивный процесс в социальных системах [4, с. 41]

Что касается тенденций внедрения цифровых технологий ИИ в практику социального управления, то достаточно много об этом размышляют и приводят результаты конкретных исследований китайские ученые.

Так уникальное определение СУ даёт Хаомин Чжан, которое не встречается в российских исследованиях и работах. Он соотносит СУ как с построением конкретной модели поведения различных субъектов управления, так с институциональным механизмом управления и регулирования общества в определенном историческом контексте [13]. Также Чжан констатирует, что до наступления эпохи ИИ социальное управление в основном опиралось на традиционные модели и средства управления, такие как государственное администрирование, построение правовой системы и управление общественными организациями. Однако с быстрым развитием и широким применением технологий ИИ перед китайским обществом и государством возникло два вопроса, требующих внимания различных специалистов: 1) разработки на основе ИИ системы оценок возможной и реальной оптимизации практической деятельности государственного управления, направленного на развитие социальной сферы и учёта потребностей населения, 2) требуются специальные научные подходы для установления новых вызовов и возможностей, возникающих в новых практиках социального управления.

Надо отдать должное китайским исследователям, т.к. они пытаются обосновать не только полезность внедрения ИИ в практику СУ, но и участие населения в разработке и принятии решений (от локального до государственного уровня), а также показывают латентные риски, связанные с возможной утратой автономности граждан и потери приватности в рамках сбора и анализа BigData [14].

Что касается мезоуровня социального управления, то новые возможности связаны с созданием нового типа социо-цифровой регуляции отдельных бизнес-процессов или деятельности целой организации, под названием «цифровой двойник». В настоящее время нет общепринятой трактовки данного понятия. Термин «цифровой двойник» (далее – «ЦД») в научный оборот введен в 2002 г. американским профессором Майклом Гривсом и был представлен им в рамках концепции ЦД на конференции «Общества инженеров-технологов». М. Гривс предложил делить цифровой двойник на три составные взаимосвязанные части: 1) физический продукт в реальном пространстве, 2) виртуальный продукт в виртуальном пространстве, 3) данные и информация, которые объединяют виртуальный и физический продукт.

Что касается цифровизации рынка труда на основе ИИ, то тут совсем другая история. Итальянский исследователь М. Пасквинелли в работе «Измерять и навязывать» [14] говорит об ИИ не как интеллекте, а как инструменте автоматизации в конкретных руках разработчика, который появился как производная контроля и экономической эффективности. По сути, в этом случае ярко проявляется технократическая (унифицирующая) стратегия, как результирующая взаимодействия государства и бизнеса, а также бизнеса с населением. Её цель – создание централизованных цифровых платформ и систем контроля, способных через анализ больших данных (Big Data) прогнозировать, нормировать и корректировать поведение как крупных социальных групп, так и отдельных индивидов. Эта логика, как справедливо указывает М. Пасквинелли, ведет к слиянию автоматизации труда и социального управления, создавая гибридные системы, обостряющие процессы концентрации власти и роста информационных монополий. Фактически, здесь ИИ становится инструментом «цифровой унификации» общественного устройства, воспроизводя технократический идеал управления «сверху». Чтобы избежать таких негативных тенденций российский исследователь Д.А. Белобородов [15] говорит о необходимости разработки социо-цифровых регуляторов в виде социальных параметров использования ИИ, основанных на нормативно-правовых, моральных, культурологических и иных социальных нормах. Эти параметры как раз должны определить критерии ответственного применения цифровых технологий ИИ для регуляции отношений как на рынке труда, так и в различных отраслях народного хозяйства.

Если говорить про социо-цифровые настройки социального управления локальных систем управления, то здесь главным становится вопрос о создании цифровых двойников реальных городов и перехода от версии «умных городов» 1.0 (технократическая модель) и 2.0 (управленческая субъект-объектная модель с четкой вертикалью принятия решений) к версии 3.0, основанием которой выступает антропоцентричная модель управления, подразумевающая устойчивую обратную связь между субъектами градопланирования и субъект-субъектный тип отношений при разработке и принятии решений по развитию городской среды [16]. И, конечно же, в этом направлении нельзя оставлять без внимания методологический потенциал концепции прогнозного социального проектирования, разработанной межотраслевым научным коллективом под руководством Т.М. Дридзе. Ими же разработаны и принципы социального участия субъектов городского управления, подразумевающие организацию социального управления с обратной коммуникативной связью [17].

Результаты

Прежде чем перейти к рассмотрению результатов социологического исследования «Социальная диагностика умных городов» обратимся к официальному документу стандарт «Умный город» (далее – «УГ») от 2018 г., в котором содержатся базовые и дополнительные требования к реализации проекта на местах. В разделе «Городское управление» УГ указаны три уровня его зрелости 1) Создание цифровой платформы вовлечения граждан в решение вопросов городского развития (2020 г.),

2) Создание виртуальной модели управления городом «Цифровой двойник города» (2024 г.), 3) Создание интеллектуального центра городского управления (2024 г.). Интересно отметить, что по последним данным на 2025 г. в России имеется только один полномасштабный цифровой двойник всего города, и это г. Москва. Можно предположить, что в российских городах, участвующих в ведомственном проекте «умный город», сложился целый комплекс как очевидных, так и латентных инфраструктурных и организационно-управленческих проблем, которые не позволяют создать адекватные цифровые модели городов.

В рамках данной статьи мы не можем показать все результаты нашего социально-диагностического исследования, но представим, на наш взгляд, самые проблемные референты, которые, по мнению экспертов, требуется демпфировать или разрешить совместно с жителями города, чтобы создать достаточно положительные условия для разработки цифровой интеллектуальной системы городского управления.

Начнём с тех трудностей, с которыми обычно органы власти сталкиваются уже в ходе реализации проекта УГ. В критическом диапазоне оценки трудностей от 32% до 61% попали 7 проблем. Так по мнению экспертов (см. табл. 1) реализация «Умного города» сдерживается не только технологическими (41%), но и кадровыми (61%), и финансовыми ограничениями (57%). Также на первый план выходят проблемы, связанные с организацией и управлением проектом. Более половины экспертов считают (52%), что история с УГ, это очередное проектное решение, спущенное «сверху» для исполнения на местах, в ходе реализации которого главное не достичь конкретных результатов и эффектов от решения городских проблем, а правильно и своевременно отчитаться перед вышестоящими органами власти.

Таблица 1. Трудности, с которыми сталкиваются органы власти в ходе реализации проекта «Умный город», %

Наименование трудностей/проблем	% от общих ответов экспертов
С недостатком квалифицированных кадров	61
С дефицитом финансирования из бюджетных и внебюджетных источников	57
С тем, что мероприятия по реализации проекта, скорее направлены на подготовку хорошей отчетности, чем на решение конкретных городских проблем	52
С отсутствием четкого понимания зоны ответственности органов власти и других участников проекта	45
С отсутствием системных технических решений	41
С плохой организацией работы по разработке стратегических документов	36
С недостатками транспортной и инженерно-технологической инфраструктуры	32
С коррупцией и финансовыми нарушениями	23
С отсутствием обсуждения стратегических документов с населением в режиме реального времени	22
С адаптацией цифровых технологий в городской среде	19
С низкой цифровой грамотностью населения	19
С неравенством доступа к цифровым технологиям	19
С отсутствием заинтересованности со стороны населения (горожан) в реализации проекта	11

Другой барьер организационного характера указывает на отсутствие четкого понимания зоны ответственности органов власти и других участников проекта. Такая ситуация может указывать на слабый процесс командообразования и недостаточную координацию действий в ходе осуществления проектных мероприятий, что косвенно подтверждается и плохой организацией работы по разработке стратегических документов городского развития (36%) и отсутствием обсуждения их положений с местными жителями (22%).

Нельзя также недооценивать проблемы и желательно их разрешать ещё до запуска проекта УГ, связанные с недостатками транспортной и инженерно-технологической инфраструктуры (32%). По сути, если будет ощущаться недостаток элементов инфраструктуры или фиксироваться некачественное состояние, то говорить об их переводе в цифровой режим нет смысла, т.к. априори объект будет деформирован и сложно будет стремиться к поддержанию его идеального состояния.

Теперь рассмотрим недостатки системы городского управления, без преодоления которых реализация проекта «Умный город» будет затруднена. Из 14 недостатков, предложенных экспертам для оценки, 10 находится в критическом диапазоне от 31% до 43% (см. табл. 2).

Таблица 2. Оценка обеспокоенности недостатками системы городского управления, без преодоления которых реализация проекта «Умный город» будет затруднена, %

Наименование недостатков системы городского управления	% от общих ответов экспертов
Ориентация на отчётность, а не на развитие	50
Ориентация руководства не на ”прорывные” проекты, а на имитацию активности	43
Отсутствие понятных населению стратегических целей и конкретных задач	38
Удручающий консерватизм руководящих кадров, уклонение от принятия новаторских решений	38
Неполное соответствие компетенций руководителей решению “прорывных” задач	38
Несоответствие действий руководителей их публичным выступлениям, словам и обещаниям	37
Подбор руководящих кадров не по деловым качествам, а по личной преданности	37
Наличие в наших системах управления значительного числа лишних звеньев (уровней, органов), не связанных с решением “прорывных” задач	35
Склонность к превращению органов власти и управления в «междусобойчик»	34
Изобретение схем, позволяющих чиновнику получать дополнительный доход (“рента”)	32
Неприязнь руководства отдельных учреждений к конструктивным инициативам снизу	31
Случаи использования ресурсов города в групповых и личных интересах	29
Уклонение администрации города и её подразделений от контроля со стороны населения	26
Силовое администрирование в ущерб творческой самоорганизации коллективов	24

Как и в ситуации с оценкой трудностей, возникающих при реализации проекта УГ, на первое место среди недостатков системы городского управления выходит ориентация главных исполнителей не на «прорывное» развитие, а на достижение формальных показателей по различным программам и проектам (50%) (см. табл. 2). В связи с этим наблюдается и имитация активности руководства (43%), придерживающихся скорее консервативных позиций, избегая новаторства в принятии решений (38%), что, по сути, противоречит инновационной логике проекта УГ.

На этом фоне возникает вопрос об адекватном процессе целеполагания, о совместной разработке стейкхолдерами целей стратегических проектов и программ развития города (38%). Можно предположить, что для такой работы руководству городов не хватает компетенций, чтобы, с одной стороны, запустить механизмы социального участия, с другой, активизировать работу для решения городских проблем с последующим выходом на разработку цифрового двойника.

Как отмечают эксперты, что помимо компетенций руководства, городам для реализации проекта не хватает собственных средств (72%) (см. табл. 3), а также средств, выделяемых в рамках федеральной программы (61%).

Таблица 3. Что будет способствовать наиболее эффективной реализации проекта «Умный город» в вашем городе, %

Наименование недостатков системы городского управления	% от общих ответов экспертов
Наличие у города собственных финансовых ресурсов на реализацию проекта	72
Готовность крупных предприятий участвовать в проекте	67
Хорошее федеральное финансирование	61
Наличие хорошо подготовленных высококвалифицированных инженерных кадров	61
Наличие подготовленных IT-специалистов	58
Готовность научного сообщества участвовать в проекте	57
Готовность малого и среднего бизнеса участвовать в проекте	52
Энтузиазм разработчиков проекта и вера в научные достижения	43

Выходом из сложившегося положения может стать запуск механизмов государственно-частного партнерства, с понятными для участников способами достижения желаемого образа будущего, системным видением и прогнозированием последствий от ожидаемых результатов и эффектов. По мнению экспертов, это возможно только в рамках совместной координации реализации проекта руководством городов с крупными предприятиями и бизнес-структурами (67% и 52%), а также с привлечением в эту деятельность научного сообщества.

Также эксперты считают, что оптимизации проектной деятельности УГ может поспособствовать создание системы лимитов для внедрения уже апробированных решений, а также расширение штата специалистов (технологов, инженеров) для их необходимого внедрения и сопровождения (61%). Плюс важными элементами успешной реализации намеченных мероприятий являются прозрачность процессов, отсутствие возможности лоббирования чьих-то интересов во имя выгоды, а также готовность органов власти работать и брать на себя ответственность за достижение поставленных целей, за качество достигнутых эффектов в результате проведенных изменений городской среды и решения проблем горожан.

В итоге мы можем констатировать, что для разработки и перехода к модели «цифрового двойника города» и интеллектуального управления необходимо не только технологическое и инфраструктурное обновление, но и глубокая трансформация системы городского управления, включая изменение подходов к планированию, кадровой политике и вовлечению граждан в процессы решения накопившихся в городе проблем.

Заключение

Результаты проведённого нами исследования на локальном уровне социального управления, а именно в российский городах, где реализуется ведомственный проект «умный город», запускаются процессы оцифровки городского пространства и системы городского управления, также указывают на технократические тенденции гибридизации и на наличие серьезных проблем организационно-управленческого, инфраструктурного и финансового характера, которые требуют своего разрешения или необходимого нивелирования для создания востребованной горожанами социо-цифровой формы регуляции – цифрового двойника управления городской средой. То есть такой цифровой двойник не должен превратиться в цифровую крепость городской бюрократии, а должен стать инструментом активизации механизмов социального участия, государственно-частного партнерства, учитывать не только технологический энтузиазм разработчиков ИИ, но и реальные потребности горожан, сведения о локальных проблемах и различных вариантах, способах их решений.

Таким образом, мы делаем вывод, что эффективная интеграция ИИ в социальное управление требует не столько технологических прорывов, сколько понимания содержания и настройки социо-цифровых изменений, а также своевременной разработки и внедрения социальных параметров и механизмов их осуществления.

Литература

1. Василенко Л. А., Мещерякова Н.Н. Социология цифрового общества. Томск: Изд-во Томского политехнического университета, 2021. 226 с.
2. Кравченко, С.А. Социология цифровизации: учеб. пособие. М.: Юрайт, 2024. 236 с.
3. Щербина В.В. Обосновано ли существование социологии управления как специальной социолого-регулятивной теории? // Социологические исследования. 2021. № 3. С. 57–65.
4. Щербина В.В. Рационализирующие диагностические управленческие социальные технологии М.: Новый хронограф, 2018. 416 с.
5. Тихонов А.В. Социология управления. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. 472 с.
6. Тавокин Е.П. Основы социального управления: учеб. пособие. М.: Инфра-М, 2018. 200 с.
7. Кикоть В.Я. Социальное управление: теория, методология, практика. М.: ЮНИТИ, 2012. 311 с.
8. Бабосов Е.М. Социальное управление // Социология. Энциклопедия / сост.: А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный дом, 2003. С. 977–981.
9. Зборовский Г. Е., Амбарова П.А. Трансформация предметного поля социологии управления: новые вызовы // Социологические исследования. 2016. № 7. С. 48–57.
10. Атаманчук, Григорий Васильевич (1933-). Теория государственного управления: Курс лекций. М.: Юрид. лит., 1997. 398 с.
11. Радченко А.И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. Ростов-на-Дону, 1997. 719 с.
12. Основы социального управления: Учебное пособие / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев и др. Под ред. В.Н. Иванова. М.: Высш. шк., 2001. 271 с.
13. H. Zhang Research and Practical Exploration of New Models of Social Governance in the Age of Artificial Intelligence // 6th International Conference on Humanities Education and Social. SHS Web Conf. Vol. 179. 2023. p 1–8
14. Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта. М.: Individuum, 2024. 352 с.
15. Белобородов Д. А. // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 6. С. 61–67.
16. Кангина Е.Н. Концепция «умный город» в РФ как социально-управленческая система // Теория и практика общественного развития. 2025. № 4. С. 163–169.
17. Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М.: Наука, 1994. 304 с.

TO STUDY THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AT DIFFERENT LEVELS OF SOCIAL GOVERNANCE

Bogdanov V.S.
Center for Sociology of Governance and Social Technologies, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

In the context of the growing speed of socio-digital changes and a complex organized order, it is proposed to develop and gradually implement a special research program that would allow obtaining new knowledge about modern risks, forms and levels of socio-digital regulation, as well as accumulating them with subsequent integration into the practice of social governagnce. Similar research at the level of public administration and labor market organization is carried out by Chinese and Italian scientists, focusing on the potential of social governagnce (stakeholders, regulatory processes), which can be either scientifically substantiated or deformed by the consequences of the introduction of AI and ill-conceived political and managerial decisions in this regard.

A case is presented that concerns the study of AI implementation at the micro level of social governagnce. Based on generalized research data, social diagnostics of the readiness of Russian cities to implement the departmental project "smart city," it is concluded that there are organizational, governagnce, infrastructure and financial problems that prevent the creation of the necessary conditions for the development of a new form of socio-digital regulation of a "smart city" based on AI – a digital twin of urban space and a city governagnce system based on the principles of socio-digital feedback between authorities, business, scientific community, IT specialists and the population.

Keywords: sociology, social governance, artificial intelligence, strategies for unification and diversity of AI implementation, smart governance

References

1. Vasilenko L. A., Meshcheryakova N.N. Sociology of Digital Society. Tomsk: Publishing House of Tomsk Polytechnic University, 2021. 226 p.
2. Kravchenko S.A. Sociology of Digitalization: A Textbook. Moscow: Yurait, 2024. 236 p.
3. Shcherbina V.V. Is the Existence of Management Sociology as a Special Sociological-Regulatory Theory Justified? // Sociological Studies. 2021. No. 3. pp. 57–65.
4. Shcherbina V.V. Rationalizing Diagnostic Management Social Technologies Moscow: Novy Khronograf, 2018. 416 p.
5. Tikhonov A.V. Sociology of Management. Moscow: "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2007. 472 p.
6. Tavokin E.P. Fundamentals of Social Management: Textbook. Moscow: Infra-M, 2018. 200 p.
7. Kikot V. Ya. Social Management: Theory, Methodology, Practice. Moscow: UNITY, 2012. 311 p.
8. Babosov E.M. Social Management // Sociology. Encyclopedia / compiled by: A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk: Knizhny Dom, 2003. pp. 977–981.
9. Zborovsky G. E., Ambarova P.A. Transformation of the Subject Field of Management Sociology: New Challenges // Sociological Studies. 2016. No. 7. pp. 48–57.
10. Atamanchuk, Grigory Vasilievich (1933-). Theory of Public Administration: Lecture Course. Moscow: Legal Literature, 1997. 398 p.
11. Radchenko A.I. Fundamentals of State and Municipal Administration: A Systems Approach. Rostov-on-Don, 1997. 719 p.
12. Fundamentals of Social Management: A Textbook / A.G. Gladyshev, V.N. Ivanov, V.I. Patrushev, et al. Ed. by V.N. Ivanov. Moscow: Higher School, 2001. 271 p.
13. H. Zhang, Research and Practical Exploration of New Models of Social Governance in the Age of Artificial Intelligence, in 6th International Conference on Humanities Education and Social. SHS Web Conf. Vol. 179, 2023, p. 1–8
14. Pasquinelli, M., Measure and Impose. Social History of Artificial Intelligence. Moscow: Individuum, 2024, 352 p.
15. Beloborodov, D. A., Society: Sociology, Psychology, Pedagogy, 2023, no. 6, pp. 61–67.
16. Kangina, E. N., The Smart City Concept in the Russian Federation as a Social and Management System, Theory and Practice of Social Development, 2025, no. 4, pp. 163–169.
17. Forecasting social design: theoretical, methodological and methodological problems. Moscow: Nauka, 1994. 304 p.

Реализация стратегии технологизации процессов управления безопасностью в Российской Федерации в условиях активации террористических угроз

Григорьев Николай Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, доцент Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: nugrig@mail.ru

Использование технологических решений для обеспечения безопасности превращается в ключевой приоритет российского государства на фоне растущих террористических рисков. В исследовании рассматривается практический опыт применения цифровых и инженерных инструментов для охраны стратегических объектов, пресечения экстремистской деятельности и налаживания межведомственной координации. Анализируются нормативные основы (Стратегия национальной безопасности 2021 г., стандарт ГОСТ Р 71917–2024, План на 2024–2028 годы), базовые технологические направления (машинный интеллект, защита критической инфраструктуры, средства массового оповещения) и практические схемы их использования. Результативное воплощение стратегии возможно только при комплексном подходе, слаженной работе государственных структур и соблюдении баланса между интересами безопасности и правами граждан.

Ключевые слова: управление безопасностью, стратегии технологизации, информационно-коммуникационные технологии, Российская Федерация, террористические угрозы, критическая информационная инфраструктура, национальная безопасность.

Введение

Природа террористических угроз в современных условиях подвергается трансформации. Если раньше опасность носила главным образом физический характер, то сегодня злоумышленники активно задействуют информационно-коммуникационные технологии для обработки информации, создания нелегальных структур, добывания финансовых средств и нападений на объекты стратегического значения. Российское государство отреагировало на данные вызовы разработкой всеобъемлющей программы технологизации области безопасности. Её положения закреплены в Стратегии национальной безопасности, утверждённой в 2021 году.

Актуальность исследования стратегии технологизации управления безопасностью в РФ обусловлена и резким возрастанием террористических преступлений за последние годы. По сведениям МВД России, за 2024 год на территории страны было зарегистрировано 1191 преступление террористического характера. Этот показатель почти втрое превышает данные 2023 года, когда было зафиксировано 410 эпизодов. Общее количество преступлений экстремистской направленности за указанный период увеличилось с 2382 до 3714 случаев. Это указывает на серьёзные изменения в характере угроз. Настораживает и территориальное распределение инцидентов. На территориях новых субъектов РФ в 2024 году случилось 645 террористических актов по сравнению с 89 в прошлом году. За январь-май 2025 года цифра составила 481 случай. Руководитель ФСБ России Александр Бортников в августе 2025 года на заседании НАК сообщил о пресечении 172 террористических замыслов за семь месяцев текущего года. Примечательно, что большую часть задержанных составила молодёжь. Её доля среди арестованных достигла 65 процентов [13].

Приведённые статистические сведения отражают не только рост числа правонарушений, но и изменение их качественной структуры. Современные террористические формирования всё чаще используют информационно-коммуникационные технологии для координации, пропаганды своей идеологии, получения средств и нанесения ущерба государственной инфраструктуре. Возникла новая реальность, диктующая необходимость технологических форм противодействия. В этих условиях традиционные методы обеспечения безопасности, построенные преимущественно на физической охране и ручной работе с информацией, показывают ограниченную эффективность. Руководство РФ ответило на эти вызовы разработкой комплексной стратегии технологизации. Её содержание зафиксировано в ключевых документах стратегического планирования – Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года и Комплексном плане противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы.

Многие специалисты справедливо подчёркивают важность междисциплинарного подхода, объединяющего юридические, экономические, технические и управленческие компетенции для решения задач информационной безопасности. Однако конкретные модели такой интеграции применительно к противодействию террористическим угрозам остаются недостаточно проработанными.

Теоретические аспекты технологизации управления безопасностью в современной России

Для полного понимания процесса технологизации управления безопасностью в современной России необходимо прежде всего сформулировать определение этого понятия. Также требуется проанализировать нормативно-правовую архитектуру, превращающую технологизацию из набора разрозненных инициатив в системную государственную политику.

Единого устоявшегося академического определения технологизации управления безопасностью на данный момент не существует. Это объясняется новизной термина и его междисциплинарным характером. Понятие находится на пересечении теории государственного управления, информационной безопасности и технологического менеджмента.

Тем не менее можно утверждать, что технологизация управления безопасностью – это комплексный процесс интеграции информационно-коммуникационных технологий, автоматизированных

систем, алгоритмов искусственного интеллекта и инженерных решений в процессы планирования, реагирования, координации и профилактики угроз безопасности государства, общества и личности. Данный процесс выходит за пределы простой компьютеризации действующих процедур. Речь идёт о качественном преобразовании механизмов принятия решений. При этом человеческая экспертиза дополняется машинным анализом больших объёмов данных. Оперативное взаимодействие ведомств осуществляется в режиме реального времени через защищённые цифровые каналы. Инженерные системы безопасности интегрируются в комплексы с централизованным управлением.

В соответствии с Указом Президента РФ № 400 от 02 июля 2021 года, определяющим Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, информационная безопасность выделена в качестве приоритетного направления наравне с ключевыми аспектами, такими как оборона и экономическое развитие. Стратегия подчеркивает, что быстрое развитие информационных технологий влечет за собой усиление рисков для безопасности граждан, общества и государства.

Информационная безопасность рассматривается как фактор суверенитета, а не только как задача технической защиты. Цель – усиление позиций России в информационном пространстве посредством импортозамещения и поддержки отечественных решений, что особенно важно в условиях санкций [6].

Развитием этих принципов стал Федеральный закон № 187-ФЗ от 26 июля 2017 года, регулирующий безопасность критической информационной инфраструктуры (далее по тексту – КИИ) и вступивший в силу 1 января 2018 года. Закон устанавливает требования к обеспечению безопасности КИИ и обязывает субъекты КИИ проводить классификацию объектов, создавать системы защиты и взаимодействовать с ГосСОПКА [5].

Важным элементом правовой базы является ГОСТ Р 71917–2024, который с 1 марта 2025 года унифицировал требования к антитеррористической защищенности объектов капитального строительства, независимо от их ведомственной принадлежности и формы собственности. Стандарт обязывает проводить оценку рисков и уязвимостей на стадии проектирования и требует интеграции инженерно-технических средств в единый комплекс «Антитеррор» [8].

Стандарт закрепил требования к организационным мерам: обучению персонала, регулярным тренировкам, взаимодействию с экстренными службами, актуализации паспортов безопасности.

Следует отметить утверждённый Правительством РФ Комплексный план противодействия идеологии терроризма в РФ на 2024–2028 годы, интегрирующий цифровые инструменты в систему воспитательной и просветительской работы с населением, особенно с молодёжью.

План предусматривает создание и внедрение цифровых образовательных модулей для школ, вузов и трудовых коллективов; мониторинг онлайн-пространства для выявления экстремистского контента и пропаганды терроризма; организацию адресной работы с группами риска через онлайн-каналы коммуникации; разработку контр-нарративов и их распространение в социальных сетях [2].

Утвержденная в 2009 году президентом РФ концепция противодействия терроризму определяет фундаментальные принципы государственной политики в этой области. Данная Концепция прямо указывает на необходимость совершенствования средств защиты с использованием последних научных достижений; внедрения эффективных систем связи, отвечающих требованиям информационной безопасности; создания и внедрения информационных банков и баз данных.

Эти положения заложили концептуальную основу для последующего развития технологических инструментов противодействия терроризму [3].

Таким образом, в РФ сформирована целостная государственная политика технологизации управления безопасностью, охватывающая все уровни – от стратегических целей, закреплённых в Стратегии национальной безопасности, до практических стандартов, регламентирующих конкретные технические решения и организационные процедуры. Эта политика предусматривает механизмы финансирования через национальные проекты и отраслевые программы, определяет полномочия федеральных органов исполнительной власти (ФСТЭК России, ФСБ России, Минцифры России, Минобрнауки России) и устанавливает обязанности субъектов КИИ, операторов объектов и проектных организаций.

Вместе с тем, при всей проработанности нормативной базы, следует отметить ряд проблем, снижающих эффективность технологизации на практике. Нормы различных документов не всегда согласованы между собой. Например, требования 187-ФЗ о защите КИИ, положения ГОСТ Р 71917–2024 об антитеррористической защищённости объектов, правила обработки персональных данных и требования к государственным информационным системам могут вступать в противоречия или дублировать друг друга, создавая избыточную регуляторную нагрузку на организации.

Особенно остро эта проблема проявляется в ситуациях, когда один объект одновременно относится к КИИ, подлежит антитеррористической защите и обрабатывает персональные данные. В таком случае выполнение всех применимых требований может потребовать несоразмерных затрат.

Также некоторые аспекты по-прежнему недостаточно детализированы. В частности, отсутствует чёткость закрепленного понятия для «российские информационные технологии», которое используется в Стратегии национальной безопасности. Это приводит к затруднениям при выборе конкретных аппаратных и программных средств для защиты критической информационной инфраструктуры (КИИ).

Указанные противоречия и неточности требуют комплексного подхода к гармонизации нормативных положений, ускорению процесса пересмотра существующих стандартов и внесению ясности в используемую терминологию. Без этого нормативно-правовая база, регулирующая развитие технологий, рискует утратить свою актуальность и соответствие современным реалиям.

Ключевые технологии, через которые сегодня реализуется рассматриваемая стратегия технологизации управления безопасностью в РФ, можно условно разделить на четыре взаимосвязанных блока: защиту критической информационной инфраструктуры, аналитические системы мониторинга и раннего предупреждения, инженерно-технические комплексы антитеррористической защиты и цифровые инструменты профилактики идеологии терроризма [17].

Особое место занимает именно КИИ и обеспечение ее защиты. В данном случае рассматриваются информационные системы, сети и автоматизированные системы управления в сфере энергетики, транспорта, связи, финансов, ТЭК и других ключевых отраслей.

В этой сфере преобладает многоуровневая архитектура безопасности, включающая средства мониторинга сетевого трафика и выявления аномалий, криптографическое шифрование данных в каналах связи и при хранении, многофакторную аутентификацию пользователей, сегментацию сетей с жёстким разграничением контуров, управление уязвимостями и регулярные обновления, резервирование критически важных компонентов.

В последние годы на первый план выходит требование перехода на отечественные программно-аппаратные платформы и сертифицированные средства защиты. Это должно снизить риск скрытых закладок и удалённого воздействия со стороны иностранных производителей.

Важнейшие компоненты второго ключевого блока составляют комплексы мониторинга, прогноза и заблаговременного оповещения, анализирующие огромные объемы информации с целью обнаружения признаков подготовки терактов или организации экстремистской деятельности. Для работы этих комплексов используются технологии машинного обучения.

Алгоритмы машинного обучения исследуют текстовые сообщения и медиафайлы в общедоступных источниках информации. Они идентифицируют лингвистические признаки, указывающие на экстремистскую направленность высказываний.

Системы отслеживают связи между лицами, выявляя необычные модели поведения и взаимодействия. Кроме того, проводится анализ последовательности прошлых событий для обнаружения закономерностей, которые могут свидетельствовать о подготовке противоправных действий.

На федеральном и региональном уровнях формируется сеть ситуационных центров и центров мониторинга и реагирования на компьютерные инциденты, которые агрегируют данные от силовых ведомств, операторов КИИ и других организаций [9]. Это позволяет в режиме, близком к реальному времени, получать полную картину угроз и координировать ответные меры.

Вместе с тем такие подходы неизбежно порождают вопросы этики и права: где проходит граница между допустимым мониторингом и чрезмерным вмешательством в частную жизнь; как обеспечить надёжную защиту персональных данных и прозрачность использования алгоритмов. Эти вопросы пока не урегулированы и требуют дальнейшего развития законодательства и правоприменительной практики.

Третий технологический слой предназначен обеспечения безопасности при терростических угрозах различных объектов и включает в себя инженерные и технические средства. ГОСТ Р 71917–2024 после вступления в силу закрепляет требования к оснащению объектов капитального строительства системами видеонаблюдения. Помимо этого, он предъявляет требования к элементам интеллектуальной аналитики, системам контроля и управления доступом, охранной и тревожной сигнализации, средствам обнаружения металлов и взрывчатых ве-

ществ, системам оповещения и управления эвакуацией, контрольно-пропускными пунктам [1, с. 25].

Ключевым принципом становится их интеграция в единый комплекс, позволяющий централизованно управлять подсистемами, получать единый поток событий и автоматически запускать сценарии реагирования. Например, обнаружение подозрительного предмета или несанкционированного проникновения может одновременно активировать локальное оповещение, блокировку доступа и передачу информации в дежурные службы. Существенными ограничителями здесь выступают стоимость реализации таких решений, отставание части технологий и нехватка кадровых ресурсов, способных правильно спроектировать и эксплуатировать комплексные системы.

По данным Минцифры и Ассоциации участников отрасли информационной безопасности, ежегодная потребность в квалифицированных специалистах по ИБ в России превышает 25 тысяч человек, тогда как отечественные вузы выпускают лишь около 8–10 тысяч ИБ-специалистов в год. Ситуацию усугубляет быстрый рост количества внедряемых цифровых систем и стандартов, а также востребованность профиля в смежных отраслях экономики [12].

И наконец, отдельный блок технологий связан не с физическим предотвращением атак, а с цифровой профилактикой идеологии терроризма. Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2024–2028 годы предусматривает создание и внедрение образовательных онлайн-платформ, интерактивных модулей и медиаконтента, ориентированных на школьников, студентов и работников организаций. Параллельно развиваются механизмы мониторинга и модерации контента в социальных сетях и мессенджерах, нацеленные на выявление и ограничение распространения пропаганды терроризма, а также создание альтернативных конструктивных нарративов [16].

Здесь используются подходы поведенческой психологии и социальной коммуникации, формируются позитивные ценностные ориентиры, развиваются критическое мышление и медиаграмотность, укрепляются социальные связи в коллективах и образовательных средах. Управление этими процессами строится через региональные и ведомственные комиссии по противодействию терроризму, которые опираются на унифицированные методические рекомендации и систему показателей, позволяющих оценивать охват, вовлечённость и изменение установок целевых аудиторий.

Подобный комплекс цифровых инструментов дополняет технологии безопасности, создавая профилактический комплекс мер, направленный на снижение социальной базы терроризма и устойчивость общества к радикальной пропаганде.

Организационно-правовые и финансовые инструменты управления безопасностью в российском социуме

Механизмы внедрения технологизации управления безопасностью нельзя рассматривать в отрыве от организационно-правовых и финансовых инструментов. Без них наиболее передовые технические решения остаются нереализованным потенциалом.

На стратегическом уровне функция координации реализации политики технологизации безопасности отнесена к Совету Безопасности РФ. В задачи Совета входит разработка и доработка Стратегии национальной безопасности. Помимо этого, Совет занимается стратегическим планированием в сфере обеспечения безопасности государства.

Он также рассматривает проекты важнейших нормативных актов и координирует работу федеральных ведомств по реализации принятых решений, касающихся национальной безопасности. Фактически, Совет играет ключевую роль в определении и реализации политики государства в этой области.

Вспомогательную координирующую роль выполняет Национальный антитеррористический комитет, который возглавляется директором ФСБ России и объединяет руководителей практически всех силовых структур, специальных служб и ключевых гражданских ведомств: МВД, Минобороны, МЧС, Минтранса, Минэнерго, Минцифры, Минсвязи и других. Иерархия управления расширяется на региональный уровень через антитеррористические комиссии в каждом субъекте РФ, возглавляемые главами регионов [17]. Такая вертикаль обеспечивает прямую трансляцию решений и требований от федерального центра к региональным и муниципальным уровням, создавая механизм контроля исполнения и накопления информации о состоянии работ.

На уровне проектирования и строительства объектов также изначально закладываются определённые требования. Например, согласно ГОСТ Р 71917–2024, проектировщики обязаны провести комплексный анализ уязвимостей конкретного объекта, учитывающий его функциональное назначение, географическое расположение, особенности территориального контекста и специфику выявленных угроз. Результаты анализа должны содержать перечень возможных террористических угроз; модель потенциального нарушителя; идентификацию критических элементов конструкции и инженерных систем, требующих особой защиты; выводы для формирования технического задания. При этом на уровне эксплуатации объектов ответственность ложится уже на их собственников и операторов, включая операторов критической информационной инфраструктуры [1, с. 25].

Ключевым требованием становится налаженное взаимодействие с экстренными службами на основе чётко разработанных протоколов передачи информации об угрозах и сигналов тревоги.

Критически важным инфраструктурным организациям (КИИ) необходимо не только соблюдать общие стандарты кибербезопасности, но и выполнять специфические требования, включая своевременное уведомление ГосСОПКА о любых компьютерных инцидентах. Также, они обязаны согласовывать с федеральными органами власти планы по отражению кибернетических атак и участвовать в совместных учениях.

С начала 2026 года для операторов КИИ вводится новое обязательство – передача в ГосСОПКА данных о возникающих неполадках и инцидентах в режиме реального времени. Это значительно повышает требования к системам мониторинга и управления документацией, используемым этими организациями.

Таким образом, усиливается акцент на непрерывном и оперативном информировании о состоянии кибербезопасности, что требует от операторов КИИ более эффективной инфраструктуры для обнаружения, реагирования и отчетности по инцидентам.

Следует отметить аспекты на кадровом уровне, к ним можно отнести: необходимость развития образовательных программ в профильных вузах, систему повышения квалификации для практикующих специалистов, аккредитацию курсов обучения эксплуатантов систем безопасности. Однако на практике происходит столкновение с острым дефицитом кадров на рынке труда. Количество выпускников вузов по специальности информационная безопасность остаётся недостаточным, а текучесть специалистов высока вследствие конкуренции между государственным сектором, операторами критической инфраструктуры и коммерческими компаниями. Кроме того, образовательные программы часто отстают от темпов технологического развития. Молодые специалисты, начинающие работать, обнаруживают, что их знания уже морально устарели в части конкретных применяемых систем и стандартов [11].

Ещё один показательный параметр – увеличение числа предотвращённых террористических актов и компьютерных атак, о чём регулярно отчитываются силовые ведомства, фиксируя десятки и даже сотни пресечённых преступлений ежегодно. В сфере профилактики идеологии терроризма количественными маркерами выступают расширение охвата молодёжи цифровыми образовательными модулями, рост числа образовательных организаций, включённых в реализацию Комплексного плана и объёмы онлайн-кампаний по противодействию пропаганде [14].

Качественные показатели позволяют оценить не только «сколько», но и «как» изменилась система безопасности. Сюда относят улучшение готовности сил и служб к реагированию – от степени отработанности межведомственных регламентов до реальных результатов учений, в том числе киберучений и тренировок по антитеррористической защищённости объектов. Укрепление устойчивости критической информационной инфраструктуры выражается в снижении успешности атак при общем росте числа попыток и в сохранении работоспособности ключевых систем даже при внешнем давлении.

Важным, но более трудно измеримым показателем становится снижение уровня радикализации в целевых группах. В данном контексте под радикализацией понимается процесс, посредством которого индивид или группа приходит к принятию всё более радикальных взглядов в противовес политическому, социальному или религиозному статус-кво. Это оценивают по статистике привлечения к ответственности за преступления террористической направленности; по данным мониторинга онлайн-контента и опросам, изучающим ценностные установки молодёжи. Отдельно рассматривается рост профессионализма персонала как в силовых структурах и органах управления, так и в проектных организациях, что проявляется в меньшем количестве ошибок; более грамотном обращении с комплексными системами безопасности и более осознанном подходе к управлению рисками.

По совокупности доступных публичных отчётов силовых ведомств и органов государственной статистики за период с 2021 по 2025 годы можно говорить о позитивной тенденции. Ежегодно сообщается о значительном числе предотвращённых компьютерных атак представляющих террористическую угрозу. Также отчеты свидетельствуют о расширении сети ситуационных центров и центров мониторинга, о воз-

растании количества объектов, которые приведены в соответствие с новыми требованиями защиты.

Трудности в эффективном использовании элементов технологизации в управлении безопасностью российского государства

Наряду с достигнутыми результатами проявляется целый комплекс вызовов, которые ограничивают эффективность стратегии технологизации. К технологическим вызовам относится объективное отставание части отечественных разработок от мировых стандартов, особенно в области специализированного оборудования, высокопроизводительных вычислительных платформ и отдельных классов программного обеспечения.

Подобное отставание усугубляется и дефицитом электронных компонентов и оборудования, особенно заметным в условиях санкционного давления, осложняющего выпуск и масштабирование российских решений и повышающего стоимость проектов. Организационные проблемы выражаются в фрагментации полномочий между ведомствами; дублировании функций и избыточной бюрократизации согласовательных процедур. Разные органы власти нередко по-своему трактуют требования одних и тех же нормативных актов; выдвигают пересекающиеся или противоречивые требования, что увеличивает сроки и затраты внедрения систем безопасности [15].

Особую группу составляют риски, порождаемые самой технологизацией. Чем более сложными и взаимосвязанными становятся системы безопасности, тем более привлекательной целью они оказываются для кибератак. Нарушение работы центра мониторинга или системы управления эвакуацией может иметь гораздо более тяжёлые последствия, чем локальный сбой. Ложные срабатывания систем искусственного интеллекта способны вызвать панику; нарушить работу критически важных объектов или привести к непропорциональным мерам реагирования в отношении граждан.

Зависимость от одного или нескольких поставщиков ключевых технологий создаёт другие риски. Смена платформы может оказаться крайне дорогостоящей и технически сложной. Усиление массового наблюдения, даже при преследовании благих целей, без надлежащих гарантий прозрачности может привести к искажению правовых стандартов и прав граждан, если не будет сопровождаться эффективными механизмами общественного и судебного контроля [10, с. 57].

Для поддержания надежности и доверия к системе необходимо формировать институты для внутреннего и внешнего контроля за качеством работы интеллектуальных комплексов, а также регулярно пересматривать и обновлять стандарты и профессиональные требования для специалистов в сфере цифровой безопасности.

Одновременно требуется унификация требований и методик на всех уровнях для оценки рисков – от федерального до объектного – чтобы избежать ситуаций, когда один и тот же оператор КИИ вынужден проходить несколько параллельных процедур категорирования, аудита и сертификации по различным ведомственным стандартам.

Существенным приоритетом может быть ускорение обновления государственных стандартов и регламентов. Если сейчас ГОСТы обновляются в среднем раз в пять-семь лет, что приводит к их устареванию, то переход к циклу пересмотра минимум раз в два года позволит быстрее реагировать на изменение угроз и появление новых технологий. Для этого требуется упрощение административных процедур принятия изменений и более тесное взаимодействие разработчиков стандартов с практиками.

Дополнительным инструментом может стать расширение государственно-частного партнёрства для инноваций в безопасности. Например, создание специализированных технопарков, совместных лабораторий или пилотных проектов внедрения перспективных решений с разделением рисков и инвестиций между государством и бизнесом.

Необходимо учитывать социальный аспект совершенствования стратегии, который предполагает широкое информирование граждан о внедряемых технологиях безопасности, их целях и принципах работы, а также о правах граждан в контексте применения систем наблюдения и анализа данных. Прозрачность политики государства в этой сфере снижает риски недоверия и социального протеста. Только при соблюдении баланса технологизация управления безопасностью будет восприниматься обществом не как угроза свободам, а как необходимый инструмент защиты от реальных и растущих террористических и иных угроз.

На основе проведенного анализа реализации стратегии технологизации процессов управления безопасностью в РФ в условиях активизации террористических угроз можно сформулировать ряд ключевых выводов. Стратегия технологизации представляет собой не разрозненный набор точечных технических решений, но комплексную государственную политику, охватывающую нормативно-правовое регулирование, технологические инструменты, организационные механизмы, кадровое обеспечение и социальные аспекты обеспечения безопасности.

Вместе с тем выявлены существенные противоречия и пробелы. Нормы различных документов не всегда согласованы между собой; их обновление отстаёт от динамики угроз и технологий; терминология нуждается в уточнении для обеспечения единообразного правоприменения.

Литература

1. ГОСТ Р 71917–2024. Национальный стандарт Российской Федерации. Антитеррористическая защищенность объектов капитального строительства. Общие требования. М.: Стандартинформ, 2024.
2. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 годы: утв. Правительством РФ // Официальный сайт Правительства РФ. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1304820615 (дата обращения: 04.12.2025).
3. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 05.10.2009 // Официальный сайт МИД России. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1747447/ (дата обращения: 24.10.2025).
4. Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам // НКЦКИ. URL: https://www.cert.gov.ru (дата обращения: 03.12.2025).
5. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4736.
6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 24.11.2025).
7. Положение о Совете Безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 06.05.2011 № 590 (ред. от 01.02.2024) // Официальный сайт Совета Безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/about/regulations/ (дата обращения: 17.11.2025).
8. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (дата обращения: 07.12.2025).
9. Актуальные вопросы защиты КИИ в 2025 году // ITSec.Ru. 2025. 21 января. – URL: https://www.itsec.ru/articles/aktualnye-voprosy-zashchity-kii-v-2025-godu (дата обращения: 09.12.2025).
10. Дзлиев Мурат Исламович, Иззатдуст Эльзад Сейфуллаевич Национальная безопасность и насилие (гуманитарные аспекты национальной безопасности) // Вестник ОмГ У. Серия. Право. 2011. № 3. С. 50–63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-i-nasilie-gumanitarnye-aspekty-natsionalnoy-bezopasnosti (дата обращения: 08.11.2025).
11. Включение информбезопасности в число национальных приоритетов // Safe.cnews. 2021. 4 июля. – URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2021–07–05_putin_vklyuchil_informbezopasnost (дата обращения: 12.11.2025).
12. В Минцифры заявили о нехватке высококвалифицированных кадров по информбезопасности в РФ // ТАСС. 2023. 10 марта. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17234399 (дата обращения: 15.11.2025).
13. В России в 2024 году предотвратили 172 теракта // ТАСС. 2025. 11 августа. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24762245 (дата обращения: 05.10.2025).
14. В России резко выросло число зарегистрированных терактов // РБК. 2025. 12 июля. – URL: https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3 (дата обращения: 05.12.2025).
15. Новые правила для КИИ – что изменилось с 1 сентября 2025 года? // Infosec.ru. 2025. 31 августа. – URL: https://www.infosec.ru/glavnye-temy/novye-pravila-dlya-kii-chto-izmenilos-s-1-sentyabrya-2025-goda/ (дата обращения: 26.11.2025).
16. Рост осужденных за терроризм в России в первом полугодии 2025 года // Коммерсантъ. 2025. 19 октября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8138991 (дата обращения: 12.11.2025).
17. Технологические средства защиты от террористических угроз // Cyberleninka: электронная научная библиотека. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskie-sredstva-zaschity-ot-terroristicheskih-ugroz (дата обращения: 09.12.2025).
18. ФСБ усилит контроль за кибербезопасностью КИИ с 2026 года // Коммерсантъ. 2025. 20 ноября. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8214245 (дата обращения: 26.11.2025).

IMPLEMENTATION OF A STRATEGY FOR TECHNOLOGY-BASED SECURITY MANAGEMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FACE OF TERRORIST THREATS

Grigoriev N.Yu.
Prince Alexander Nevsky Military University Ministry of Defense of the Russian Federation

The use of technological solutions for security has become a key priority for the Russian government amid growing terrorist risks. This study examines the practical experience of using digital and engineering tools to protect strategic facilities, prevent extremist activities, and establish interagency coordination. It analyzes the regulatory framework (the 2021 National Security Strategy, the GOST R 71917–2024 standard, and the 2024–2028 Plan), the basic technological areas (machine learning, critical infrastructure protection, and mass notification systems), and the practical applications of these technologies. The effective implementation of the strategy is only possible through a comprehensive approach, coordinated work of government agencies, and a balance between security interests and citizens' rights.

Keywords: security management, technologicalization strategies, information and communication technologies, Russian Federation, terrorist threats, critical information infrastructure, national security.

References

1. GOST R 71917–2024. National Standard of the Russian Federation. Anti-terrorist Security of Capital Construction Facilities. General Requirements. Moscow: Standartinform, 2024.

2. Comprehensive Plan for Countering the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024–2028: Approved by the Government of the Russian Federation. By the Government of the Russian Federation // Official website of the Government of the Russian Federation. – URL: https://docs.cntd.ru/document/1304820615 (date of application: 04.12.2025).

3. The concept of countering terrorism in the Russian Federation: approved by By the President of the Russian Federation on 05.10.2009 // The official website of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1747447/ (accessed on 24.10.2025).

4. National Coordination Center for Computer Incidents // NCCCI. – URL: https://www.cert.gov.ru (accessed on 03.12.2025).

5. On the Security of the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation: Federal Law № 187-FZ of 26.07.2017 // Collection of Laws of the Russian Federation. 2017. № 31 (Part I). Art. 4736.

6. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (accessed on November 24, 2025).

7. Regulations on the Security Council of the Russian Federation: approved by By Decree of the President of the Russian Federation № 590 dated 05/06/2011 (as amended on 02/01/2024) // Official website of the Security Council of the Russian Federation. – URL: http://www.scrf.gov.ru/about/regulations / (date of request: 11/17/2025).

8. Decree of the President of the Russian Federation dated 02/28/2024 № 145 On the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50358 (accessed on 07.12.2025).

9. Current Issues of CII Protection in 2025 // ITSec.Ru. 2025. January 21. – URL: https://www.itsec.ru/articles/aktualnye-voprosy-zashchity-kii-v-2025-godu (accessed on 09.12.2025).

10. Dzliev Murat Islamovich, Izzatdust Elzad Seifullayevich National Security and Violence (Humanitarian Aspects of National Security) // Bulletin of OmS U. Series. Law. 2011. № 3. Pp. 50–63. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnaya-bezopasnost-i-nasilie-gumanitarnye-aspekty-natsionalnoy-bezopasnosti (accessed: 08.11.2025).

11. Inclusion of information security among national priorities // Safe.cnews. 2021. July 4. – URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2021–07–05_putin_vklyuchil_informbezopasnost (accessed: 12.11.2025).

12. The Ministry of Digital Development has reported a shortage of highly qualified information security specialists in Russia // TASS. 2023. March 10. – URL: https://tass.ru/ekonomika/17234399 (accessed on 15.11.2025).

13. 172 terrorist attacks were prevented in Russia in 2024 // TASS. 2025. August 11. – URL: https://tass.ru/obschestvo/24762245 (accessed: 05.10.2025).

14. The number of registered terrorist attacks has sharply increased in Russia // RBC. 2025. July 12. – URL: https://www.rbc.ru/politics/13/07/2025/687153669a7947a67e3030a3 (accessed on December 5, 2025).

15. New rules for CII: What has changed since September 1, 2025? // Infosec.ru. 2025. August 31. – URL: https://www.infosec.ru/glavnye-temy/novye-pravila-dlya-kii-chto-izmenilos-s-1-sentyabrya-2025-goda/ (accessed on November 26, 2025).

16. Increase in Convictions for Terrorism in Russia in the First Half of 2025 // Kommersant. 2025. October 19. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8138991 (accessed: 12.11.2025).

17. Technological means of protection against terrorist threats // Cyberleninka: electronic scientific library. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskie-sredstva-zaschity-ot-terroristicheskih-ugroz (accessed: 09.12.2025).

18. The FSB will strengthen its control over the cybersecurity of CII starting from 2026 // Kommersant. 2025. 20 November. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8214245 (accessed: 26.11.2025).

Теоретические подходы к анализу этнической идентичности армянской молодежи в условиях поликультурных сообществ Юга России

Григорян Геворк Григорьевич,
аспирант Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, Южный федеральный университет
E-mail: gevorkrnd@mail.ru

Статья посвящена теоретическому анализу подходов к изучению этнической идентичности армянской молодежи, проживающей в поликультурных сообществах Юга России. Цель работы – систематизировать классические (примордиалистский и конструктивистский, включая оппозиционалистский) и синтетические теоретические рамки, применяемые для исследования данной проблемы, и обосновать продуктивность подхода, основанного на теории границ (boundary-making approach). На примере донской армянской диаспоры показано, что этническая идентичность молодежи формируется в условиях «двойного давления»: с одной стороны, ожиданий общины по воспроизводству культурного ядра, с другой – необходимости интеграции в гражданскую нацию и региональный социум. Автор приходит к выводу, что ни один из классических подходов в отдельности не может адекватно описать гибридный и динамичный характер этой идентичности, которая представляет собой постоянный процесс «реконструирования». Подход, основанный на теории границ, позволяет интерпретировать этническую идентичность как стратегию управления множественной принадлежностью, где ключевые маркеры (семья, язык, христианство, культура) выступают символическими ресурсами для ситуативного проведения гибких социальных границ в зависимости от контекста. Теоретические выводы статьи могут быть использованы в исследованиях диаспорных идентичностей, этнокультурных процессов в полиэтничных регионах и молодежной социализации.

Ключевые слова: этническая идентичность, армянская молодежь, диаспора, поликультурное сообщество, Юг России, примордиализм, конструктивизм, оппозиционалистский подход, теория границ, маркеры идентичности.

Этническая идентичность в условиях поликультурного сообщества представляет собой сложный, динамичный конструкт, формирующийся в результате непрерывного диалога между унаследованными культурными образцами и актуальным социальным контекстом. Для диаспорных групп, к которым относятся армянские сообщества на Юге России, эта проблема обретает особую остроту, поскольку диаспорная идентичность, как отмечает М.А. Аствацатурова, является более ситуативной и вариативной по сравнению с идентичностью автохтонных меньшинств [4]. Армянская диаспора на Дону, исторически сложившаяся из волн переселения и существенно пополнившаяся в постсоветский период, служит репрезентативным примером такой общности, где процессы этнокультурной трансформации идут особенно интенсивно [1].

Молодежь в этой системе выступает ключевым актором и одновременно наиболее чувствительным индикатором происходящих изменений. Будучи социализированной в поликультурной среде Юга России, армянская молодежь оказывается в пространстве «двойного давления»: с одной стороны, это ожидания общины, направленные на воспроизводство этничности, с другой – необходимость успешной интеграции в гражданскую нацию и региональное сообщество. Как показывают исследования, для диаспоры важен не выбор альтернативы в формировании идентичности, а проблема синтеза культурных ориентиров и создания особого типа диаспорной идентичности. В этом контексте классические подходы к изучению этничности – примордиалистский и конструктивистский – требуют пересмотра и адаптации.

Целью данной статьи является теоретический анализ и систематизация подходов к изучению этнической идентичности армянской молодежи в условиях поликультурных сообществ Юга России.

Анализ этнической идентичности, особенно в таком специфическом контексте, как молодежная диаспора в поликультурной среде, требует обращения к базовым теоретическим парадигмам, которые исторически сформировали поле научного знания. В классическом виде эти подходы можно разделить на примордиалистский и конструктивистский (включая его инструменталистскую и оппозиционалистскую версии), каждый из которых предлагает свое видение природы и механизмов воспроизводства этничности.

Примордиалистский подход исходит из понимания этничности как изначальной, фундаментальной и объективно данной связи индивида с группой, укорененной в биологии («кровь»), глубокой истории, культуре и «почве». В этом ключе этническая идентичность рассматривается как устойчивая, транслируемая из поколения в поколение сущность, мало подверженная внешним влияниям. Для армянской диаспоры такой взгляд часто находит отражение в акцентах на общем историческом происхождении, уникальности культурного кода, важности преемственности традиций и, что особенно показательно, в таких маркерах идентичности, как «ДНК/кровь/генетика» и связь с исторической территорией Армении [2]. Как отмечается в исследованиях, чувство общности с народом характерно для подавляющего большинства армян, живущих в диаспоре, и может сохраняться даже при утрате языка [2]. Этот подход помогает объяснить устойчивость этнического самосознания в условиях многовекового рассеяния.

Конструктивистский подход, напротив, трактует этничность как ситуативный, динамический и контекстуально зависимый социальный конструкт. Идентичность здесь понимается не как данность, а как процесс постоянного переопределения и «делания» (doing ethnicity) в результате социального взаимодействия, часто в условиях противопоставления «Мы» – «Они».

В рамках этого направления развивается оппозиционалистский подход (oppositional approach). В его рамках этничность понимается не как статичная, имманентная характеристика индивида или группы, а как динамическое, ситуативное свойство, актуализирующееся в процессе социального взаимодействия. Сторонники данного подхода, как отмечается в исследовательской литературе, исходят из того, что «этничность не является постоянной. Она возрастает и ослабевает в ответ на внешние условия» [8] и «развивается в результате конфронтации с другими и благодаря желанию отделить себя от других, которым по каким-либо причинам приписывается иная этническая идентичность» [5]. Таким образом, ключевым механизмом конструирования

этнических границ и, как следствие, этнической идентичности становится дихотомия «Мы – Они», где осознание собственной принадлежности формируется через противопоставление иным группам.

Этот подход является одним из способов для понимания специфики идентичности армянской молодежи Юга России. Проживая в поликультурном сообществе, молодые армяне постоянно оказываются в ситуациях неявного или явного сравнения и размежевания с представителями как титульной (русской) культуры, так и других этнических общностей региона. Этническая идентичность в такой среде не может оставаться сугубо внутренним, примордиальным чувством; она вынужденно рефлексируется и проявляется в актах социального различения. Как отмечает Т.Г. Стефаненко, этническая идентичность – это не только осознание принадлежности, но и «переживание отношения Я и этнической среды – своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других» [7]. Для молодежи, проходящей этапы активной социализации и интеграции в гражданское общество, эта двойственность (тождество и отделение) является особенно острой.

Оппозиционалистская рамка позволяет объяснить вариативность выраженности этнической идентичности внутри самой общины. Например, данные исследований демонстрируют значительную разницу между ядерной группой общины (этноактивистами) и основной массой армянского населения [3]. Для первых, более вовлеченных в деятельность по поддержанию этнокультурных границ, национальная принадлежность остается ведущей идентичностью. Для вторых, в большей степени интегрированных в повседневную жизнь региона, на первый план может выходить гражданская (российская) идентичность, а этническая актуализируется в ситуативных, часто приватных контекстах (семейные праздники, общение в узком кругу). Эта динамика, когда идентичность «возрастает и ослабевает», полностью соответствует логике оппозиционалистского подхода. Для молодежи, балансирующей между ожиданиями семьи/общины и давлением аккультурации, подобная ситуативность становится повседневной практикой конструирования собственного «Я» на пересечении различных социальных и культурных полей.

Однако применительно к молодежи в поликультурных сообществах Юга России оба подхода в их «чистом» виде демонстрируют ограниченную объяснительную силу и требуют существенной адаптации.

Примордиализм, акцентируя устойчивость и укорененность идентичности, затрудняется объяснить ее внутреннюю вариативность и гибридность. Данные исследований показывают, что для армянской молодежи Дона характерна сложная, многоуровневая система идентификаций, где этническая («армянин») не только соседствует, но и зачастую синтезируется с гражданской («россиянин») и локальной идентичностями [3]. Более того, в социологическом исследовании, проведенном в Ростовской области в 2021 году среди армянского населения, ключевым маркером идентичности для всех поколений, и особенно для молодежи, выступает семья, а не абстрактные «кровные» узы (79,4% в 2021 г.), что указывает на социальный, а не сугубо примордиальный механизм передачи этничности.

Конструктивизм, в свою очередь, делая упор на ситуативности и инструментальности, может недооценивать глубину и субъективную значимость устойчивых культурных смыслов и символов, которые для молодежи остаются эмоционально заряженными. Например, восприятие христианства как важнейшего маркера «армянина» (75% респондентов в 2021 г. считают его важным или очень важным) свидетельствует о глубокой укорененности определенных примордиальных представлений, которые, однако, могут наполняться новым, личным смыслом в молодежной среде.

Таким образом, ни один из классических подходов в отдельности не может адекватно описать специфику диаспорной идентичности армянской молодежи. Для этой группы характерен синтез унаследованных, объективно значимых культурных элементов (язык, религия, история) и их активного, субъективного конструирования в повседневных практиках в ответ на вызовы поликультурной интеграции. Идентичность здесь – это не статичная «данность» и не лишь ситуативный «инструмент», а постоянный процесс «реконструирования», в котором молодежь, балансируя между ожиданиями общины и давлением/возможностями принимающего общества, создает новый, гибридный тип диаспорной идентичности. Следовательно, для ее изучения необходим синтетический теоретический подход, интегрирующий анализ устойчивых структур этничности (культурное ядро) и исследование процессов их актуализации, трансформации и субъективного осмысления в конкретном социальном контексте поликультурного региона.

В этом контексте продуктивным оказывается подход, основанный на теории границ (boundary-making approach), который, позволяет преодолеть жесткую дихотомию между примордиальным и конструктивистским взглядом. Данный подход рассматривает этничность как динамический процесс, интенсивность которого «возрастает и ослабевает в ответ на внешние условия» [8]. Он акцентирует внимание не только на факте противопоставления («Мы» vs. «Они»), а на механизмах создания, поддержания и, что особенно важно, трансформации и контекстуальной гибкости социальных границ, отделяющих «своих» от «чужих» [5]. Для диаспорной молодежи эти границы приобретают особый характер: они не столько территориальны и политически нагружены, сколько социальны и культурны.

Анализ самоидентификации донских армян демонстрирует, как эти границы работают на практике. С одной стороны, молодежь демонстрирует ярко выраженную этническую самоидентификацию (71,2% в возрасте 16–24 года определяют себя как «армянин(ка)»), что указывает на активное поддержание внутренней (ингрупповой) границы. С другой стороны, для значительной части молодежи характерна двойная идентичность («армянин(ка)-русский(ая)» – 17,8% в группе 16–24 лет), а также осознание себя частью гражданской российской нации. Это свидетельствует о гибкости и проницаемости внешней границы, ее способности к интеграции с другими коллективными идентичностями. Таким образом, граница армянской идентичности не является жесткой и непроницаемой; она скорее представляет собой сложную конфигурацию, позволяющую индивидам одновременно принадлежать к нескольким общностям, что характерно именно для диаспорной идентичности [4].

Ключевые маркеры идентичности, выделяемые молодежью (семья, язык, культура, христианское верование), выступают как символические ресурсы для проведения границ. Примечательно, что при декларировании высокой значимости армянского языка реальный уровень владения им в молодежной среде самый низкий (54,0% свободно владеющих в группе 16–24 лет). Это означает, что язык функционирует не столько как инструмент коммуникации, сколько как мощный символический маркер, знак принадлежности. Аналогично, христианство, воспринимаемое как «очень важное» или «довольно важное» подавляющим большинством молодежи, выполняет роль культурно-религиозной границы, исторически сросшейся с этничностью [6]. В условиях поликультурного сообщества эти символические маркеры становятся основными инструментами для ситуативного акцентирования своей этнической принадлежности, особенно в приватной сфере и в рамках общинных мероприятий.

Следовательно, подход, основанный на теории границ, позволяет интерпретировать этническую идентичность армянской молодежи не как фиксированную сущность и не как чисто ситуативный конструкт, а как стратегию управления множественной принадлежностью. Молодое поколение армян Дона, интегрируясь в российское гражданское и региональное пространство, одновременно актуализирует и поддерживает этнические границы через семейные практики, религиозные обряды и интерес к культурному наследию. Эта идентичность является динамичной и ситуативной [4], а ее содержание и границы переопределяются в зависимости от социального контекста – будь то семейный круг, общинное событие или взаимодействие в более широком поликультурном обществе Юга России.

Литература

1. Армяне Юга России: опыт социологического исследования: коллективная монография / отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д.; М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. – 176 с.

2. Армяне. Народы и культуры / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии НАН РА. – М.: Наука, 2012.

3. Армянские диаспоры юга России: социологический портрет и проблемы идентичности / Ю.Г. Волков, Г.В. Мирозин, В.В. Черноус, А.В. Сериков, Ф.А. Барков, А.Р. Наганетян, Д.О. Садко. Ростов-на-Дону: Южнороссийский филиал Института социологии РАН, 2011. – 81 с.

4. Аствацатурова, М.А. Диаспоры: этнокультурная идентичность (возможные теоретические) модели / М.А. Аствацатурова // Диаспора. – 2003. – № 2. – С. 185.

5. Лурье С.В. Культурная традиция и этнос. Опыт историко-этнологического анализа [Электронный ресурс] // Историческая этнология. URL: http://svlourie.ru (дата обращения: 28.08.2025).

6. Стефаненко Т.Г. Язык, этническая идентичность и межэтническое взаимодействие // Межкультурный диалог: лекции по проблемам межэтнического и межконфессионального взаимодействия / под ред. М.Ю. Мартыновой, В.А. Тишкова, П.М. Лебедевой. М.: Изд-во РУДН, 2003. С. 367–399.

7. Glazer, N. Ethnicity: Theory and experience [Text] / N. Glazer, D.P. Moynihan, C.S. Schelling (ed.). – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1975. – 512 p.

8. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. New York; Oxford: Elsevier, 1981. 301 p.

THEORETICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF THE ETHNIC IDENTITY OF ARMENIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF MULTICULTURAL COMMUNITIES IN SOUTHERN RUSSIA

Grigoryan G.G.
Southern Federal University, Southern Federal University

The article is devoted to the theoretical analysis of approaches to the study of the ethnic identity of Armenian youth living in the multicultural communities of Southern Russia. The aim of the work is to systematize the classical (primordialist and constructivist, including oppositionalist) and synthetic theoretical frameworks used to study this problem, and to substantiate the productivity of the boundary-making approach. Using the example of the Don Armenian Diaspora, it is shown that the ethnic identity of young people is formed under conditions of "double pressure": on the one hand, the expectations of the community for the reproduction of the cultural core, on the other – the need for integration into a civil nation and regional society. The author comes to the conclusion that none of the classical approaches alone can adequately describe the hybrid and dynamic nature of this identity, which is a constant process of "reconstruction". The approach based on the theory of boundaries allows interpreting ethnic identity as a strategy for managing multiple identities, where key markers (family, language, Christianity, culture) act as symbolic resources for situationally drawing flexible social boundaries depending on the context. The theoretical conclusions of the article can be used in studies of diasporic identities, ethno-cultural processes in multiethnic regions and youth socialization.

Keywords: ethnic identity, Armenian youth, diaspora, multicultural community, South of Russia, primordialism, constructivism, oppositionalist approach, theory of borders, markers of identity.

References

1. The Armenians of Southern Russia: The experience of sociological research: a collective monograph / ed. by Yu.G. Volkov. Rostov, N.D.; Moscow: Socio-humanitarian Knowledge, 2011. 176 p

2. Armenians. Peoples and Cultures / ed. by L.M. Vardanyan, G.S. Sargsyan, A.E. Ter-Sarkisyants; Institute of Ethnology and Anthropology of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia, Moscow: Nauka, 2012.

3. Armenian Diasporas of Southern Russia: sociological portrait and identity problems / Yu.G. Volkov, G.V. Mirozin, V.V. Chernous, A.V. Serikov, F.A. Barkov, A.R. Naganetyan, D.O. Sadko. Rostov-on-Don: South Russian Branch of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2011. 81 p.

4. Astvatsaturova M.A. Diasporas: ethnocultural identity (possible theoretical) models / M.A. Astvatsaturova // The Diaspora. – 2003. – No. 2. – p. 185.

5. Lurie S.V. Cultural tradition and ethnos. The experience of historical and ethnological analysis [Electronic resource] // Historical ethnology. URL: http://svlourie.ru (date of request: 08/28/2025).

6. Stefanenko T.G. Language, ethnic identity and interethnic interaction // Intercultural dialogue: lectures on problems of interethnic and interfaith interaction / edited by M.Y. Martynova, V.A. Tishkov, P.M. Lebedeva. Moscow: RUDN Publishing House, 2003. Pp. 367–399.

7. Glazer, N. Ethnicity: Theory and experience [Text] / N. Glazer, D.P. Moynihan, C.S. Schelling (ed.). – Cambridge, Massachusetts, Harvard University Press, 1975. – 512 p.

8. Van den Berghe P.L. The Ethnic Phenomenon. New York; Oxford: Elsevier, 1981. 301 p.

Патриотизм как объект научного анализа: к построению комплексной исследовательской модели

Джибилова Елена Геннадьевна,
кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, НИУ Государственный академический университет гуманитарных
E-mail: egdjibilova@gaugn.ru

Кирьянова Анастасия Михайловна,
научный сотрудник, НИУ Государственный академический университет гуманитарных наук
E-mail: amkiryanova@gaugn.ru

Макаренко Кирилл Михайлович,
кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и политологии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»
E-mail: Makarenko_km@volsu.ru

Статья направлена на обоснование методологической необходимости изучения конкретных форм проявления патриотизма в контексте исследования данного феномена. Существующие исследования, как правило, смещены в сторону исключительной оценки субъективных ощущений, позиций индивидов относительно патриотизма. Подобная стратегия исследований фиксирует чувственный аспект патриотизма, не принимая во внимание его деятельностно-активистский характер. В качестве альтернативы предлагается использовать метод кейс-стади, позволяющий изучать патриотизм как публичную практику. На материале анализа 21 масштабной патриотической акции, прошедших в России в 2024–2025 гг., была разработана классификация по четырем направлениям: военно-патриотическое, духовно-нравственное, культурно-историческое и гражданско-правовое. Помимо этого, одним из выводов исследование стало обоснование наличия двух доминирующих публичных нарративов, структурирующих символическое пространство патриотизма: «историческая память» и «гражданская идентичность». Стратегия анализа конкретных практик позволяет, в большей степени, раскрыть материальное воплощение патриотизма, которое не может быть выражено исключительно вербально в рамках опросных методик.

Ключевые слова: патриотизм, исследование патриотизма, российская молодежь, патриотические акции, политическая мобилизация, современная Россия.

Введение

Одна из ключевых проблем в области социально-политических исследований состоит в возможности искажения объективного изучения определенного феномена в связи с его потенциальной политизацией. Особо это касается таких явлений как историческая память, политический режим, демократия, идеология и многое другое. Безусловно, одним из таких объектов является патриотизм.

Исследование в подобных случаях налагает на ученых дополнительные требования, ключевым из которых является строгое следование методологии, в соответствии с которой становится возможным избежать склонения к излишнему упрощению объекта исследования при изучении его «дозволенных» сторон, оставляя на периферии научного внимания спорные и неоднозначные грани. В рамках реализации научного проекта «Патриотизм в цифровую эпоху: механизмы формирования, трансформации и продвижения патриотических нарративов для молодежи в новых медиа и социальных сетях» перед исследовательским коллективом стояла задача сформировать комплексный методологический подход к исследованию патриотизма в цифровую эпоху.

Синтетический характер исследовательской модели был обусловлен недостаточностью фиксации исключительно субъективных оценок и восприятий молодежи в отношении патриотизма. В этой связи использование исключительно опроса (репрезентативного по полу, возрасту и региону проживания) и фокус-групп было признано необходимым, но, очевидно, недостаточным. В контексте восприятия патриотизма через призму деятельностно-активистского подхода (в интерпретации В.А. Ядова) мы пришли к необходимости фиксации социальных коллективных форм проявления патриотизма посредством проводимых в современной России публичных акций. Данный подход позволяет исследовать социальные изменения посредством смещения внимания в сторону изучения практических действий различных социальных субъектов. Такой подход (с акцентом на конкретные формы публичного выражения) находит отражение в работах, посвященных протестам и революциям (Ч. Тилли, Т. Скочпол) еще с 1970-х годов, а значит может быть представлен и в иной плоскости в контексте данного проекта.

Исследование публичных акций возможно целым рядом методов, начиная от наблюдения (включенного и невключенного), ивент-анализа (разновидность контент-анализа с акцентом на публичные акции), заканчивая математическим моделированием коллективного поведения. В рамках данной статьи приоритетное внимание будет уделено принципу сбора и обработки информации посредством метода кейс-стади (анализ конкретных случаев, практик как целостных закрытых систем) патриотических акций.

Степень научной разработанности

Исследования патриотизма в современной России находятся в авангарде социальных наук, что доказывается регулярными публикациями статей данной тематики в наиболее престижных журналах по социологии [2], политологии [6], [4], психологии и т.д. В этом контексте интерес представляет не столько конкретные выводы исследователей, сколько подходы, методы, которые использовались учеными для осуществления сбора первичной информации для последующей аналитики.

В рамках опросной методики А.В. Потёмкин разработал диагностический инструментарий, позволяющий изучать патриотизм на основе 16 параметров [5].

Особый интерес вызывает работа коллектива авторов из Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (В.В. Барабанщикова, С.А. Иванова, Н.А. Арефьева и др.). Исследование проводилось в 2023 году и как следствие учитывало контекст проведения специальной военной операции и ее влияния на проявление патриотизма у жителей России. В качестве методов исследования использовались экспертный опрос, фокус-группы и социологический опрос (с последующей статистической обработкой данных: базовые методы описательной статистики и однофакторный дисперсионный анализ Краскела-Уоллиса) [1].

Психологи А.Н. Лебедев и О.В. Гордякова отмечают, что сложность изучения патриотизма имеет как научную природу, так и дискурсив-

ную, связанную с неоднозначной трактовкой явления в обществе. При этом авторы отмечают высокую актуальность эмпирического изучения патриотизма. «толкование и оценка тех или иных событий в контексте изучения патриотизма могут оказаться достаточно противоречивыми, неоднозначными и недоступными объективным измерениям в силу ценностно-смысловой природы данного явления, что также необходимо учитывать» [3, с. 27–28]. Далее авторы пишут о том, что целесообразно исследовать патриотизм, учитывая его амбивалентный характер, где с одной стороны, патриотизм понимается как высшее социальное чувство, а с другой – как форма социального поведения. И если чувственное восприятие исследуется посредством стандартизированных шкал, то поведенческий анализ проводится исходя из трех типов патриотического поведения: неконструктивного, конструктивного или проблемного, конформного [3, с. 30].

С нашей точки зрения необходимо интенсифицировать эмпирические исследования именно патриотического поведения как непосредственной формы действия, требующей от индивида конкретных усилий и затрат ресурсов (по крайней мере временных), что существенно отличает подобный подход от слактивизма – электронной формы участия.

А.В. Семенов, применяя метод событийного анализа к исследованию протестов в контексте политической мобилизации, писал: «Событийность, таким образом, является одним из определяющих признаков мобилизации: посредством публично наблюдаемых коллективных действий по предъявлению требований участники устанавливают взаимодействие с государством, третьими сторонами и широкой публикой; в событийном акте протеста устанавливается коммуникация и солидарность, формируются коллективные формы и механизмы координации действий; наконец, реакция со стороны правительства, массмедиа и других сторон удостоверяет «значимость» событий, связанных с мобилизацией. События, составляя лишь малую, но наиболее видимую часть процесса мобилизации, позволяют зафиксировать ряд ее существенных характеристик: место и время, продолжительность, состав участников, характер требований и многие другие» [7, с. 318]. Мы предлагаем заимствовать эту исследовательскую логику для изучения иной «стороны медали» политической мобилизации – патриотических акций, которые, представляя собой акты коллективных действий, направлены на создание коммуникативного пространства, где одним из объектов коммуникации становится государство, а другим – само общество с его разветвлённой структурой.

Методология и методы исследования

В качестве конкретного метода, позволяющего осуществить анализ патриотических практик, выступает «кейс-стади». Отметим, что «кейс-стади» является одним из наиболее популярных методов исследования в социологии и политологии, когда объектом исследования являются коллективные формы участия людей (например, протесты). При этом мы отдаем себе отчет в том, что любой метод исследования содержит как свое объективные плюсы, так и значимые минусы. В случае с патриотизмом мы будем, в большей степени, фиксировать те акции, которые находятся в поле зрения власти, регламентируются и структурируются государственными структурами. Тем самым, сами акции как объект нашего исследования будут изучаться в контексте позитивного дискурса, поддерживаемого государством.

Сложившийся в науке «методологический крен» в сторону вербальных методов (опросы, интервью, фокус-группы) привел к тому, что патриотизм, как правило, изучается как феномен сознания, а не действия. Чтобы выйти за рамки этой парадигмы, данное исследование сознательно фокусируется на методе кейс-стади. Мы исходим из тезиса, что патриотические акции представляют собой «кристаллизованные» формы патриотизма, где ценности и идентичность материализуются в конкретных практиках. Такой исследовательский ракурс позволяет не только описать, что люди думают о Родине, но и проанализировать, что они для этого делают, как выражают своё чувство любви в конкретном действии.

Методически анализ кейсов проводился в рамках следующего запроса.

Цель: собрать и описать примеры патриотических акций и кампаний, проводимых в России в офлайн и онлайн среде, используя открытые источники (сайты, новости, соцсети, официальные страницы, видео, репортажи и т.д.).

Патриотическая акция – это общественное или информационно-культурное мероприятие (в офлайн, онлайн или гибридном формате), направленное на формирование, поддержание или актуализацию позитивного отношения к Родине, её истории, культуре, народу, государственным символам и традициям.

В качестве источников информации использовались соцсети, официальные сайты администраций, школ, движений, СМИ. В целях поиска наиболее актуальных патриотических практик хронологические рамки исследования были представлены 2024–2025 гг. Анализу поддавались любые значимые патриотические акции, вызвавшие реакцию социума, и были представлены в информационной повестке.

Итогом работы в рамках описанной выше методики стал датасет, содержащий информацию о 21 акции.

Результаты

Обратимся к непосредственным результатам проведенного кейс-стади с учетом заявленной выше методики. В статье далее будут приведены исключительно обобщенные данные, которые подчеркивают методологическую необходимость анализа конкретных форм проявления патриотизма в рамках исследования.

Поиск кейсов осуществлялся с использованием поисковых систем, социальных сетей, официальных сайтов ведомств и организаций, СМИ. Сбор информации велся исходя из набора ключевых слов, например: «патриотическая акция 2024/2025»; «Бессмертный полк в [регион]»; «онлайн акция ко Дню Победы»; «челлендж #МыВместе? #деньфлага # #ЯпомнюЯгоржусь, #ГеоргиевскаяЛенточка, #победа80, #ЛицаПобеды, #СпасибоЗаПобеду #музыкавместе #ДеньРоссии #ДвижениеПервых #ГероиСредиНас #ШкольнаяПартаГероя #ГоржусьРоссией и др.

В итоге была отобрана 21 акция, проведенная в 2024 и 2025 годах, которая соответствовала заявленным критериям.

Для анализа была разработана таблица, в которую вносились данные по каждой акции, согласно установленным критериям оценки:

- краткое описание акции;
- год/годы проведения;
- регион/уровень (вся Россия/регион/город/учреждение);
- организатор (министерство, движение, школа, НКО и пр.);
- формат (шествие, флешмоб, конкурс и пр.);
- тип (онлайн, офлайн, гибрид);
- целевая аудитория (школьники, студенты, все жители и пр.);
- охват (всероссийский, локальный);
- цель;
- ключевой месседж;
- каналы коммуникации (VK, Telegram, YouTube, ТВ, школьный сайт и т.д.);
- инструменты вовлечения (конкурсы, опросы, стикеры, интерактив и т.п.);
- визуальные/медийные образы (символика, цвета и пр.);
- эмоциональный тон;
- периодичность (одноразовая / ежегодная / постоянная);
- институциональная поддержка (присутствие органов власти, ведомств, школ);
- упоминание в СМИ/соцсетях;
- проблемы, критика;
- уровень вовлечения (низкий / средний / высокий по лайкам, репостам, комментариям);
- хештеги;
- медиаформаты (фото, видео, текст, прямой эфир и пр.);
- продолжительность (один день, неделя, в течение мая и т.п.);
- участие медийных лиц (чиновники, депутаты, блогеры, артисты и пр.);
- тип контента (исторический, эмоциональный, агитационный, развлекательный);
- символика (флаги, ленты, карта России, народные мотивы и т.п.);
- модель взаимодействия (пассивное участие / интерактив / совместное создание контента).

Анализ отобранных акций позволил выявить четыре ключевых направления патриотической активности, которые наиболее широко представлены в медиапространстве.

Военно-патриотическое направление

Цель – сохранение памяти о Великой Отечественной войне, подвиге советского народа.

Примером таких акций являются:

- «Бессмертный полк» (https://may9.ru/events/bessmertnyy-polk/).
- «Георгиевская ленточка» (https://dobro.ru/event/10366101).
- «Письмо солдату» (https://vk.com/@mypervie77-vserossiiskaya-akciya-pismo-soldatu).
- «Песни Великой победы» (https://www.alumnirussia.org/events/great-victorysongs).
- «Классика Победы» (https://id.pervye.ru/projects/1517).
- «Ура Победе» (https://may9.ru/events/urapobede/).
- «Рисуем Победу» (https://risuem-pobedu.ru/about).
- «Сад памяти» (https://www.may9.ru/events/mezhdunarodnaya-aktsiya-sad-pamyati/).

Организаторами выступают как всероссийские общественные движения («Движение Первых», «Волонтеры Победы»), органы власти, так и бюджетные учреждения местного уровня (школы, детские сады и пр.).

Особенности военно-патриотических акций:

• многообразие форматов (шествия, парады, выставки военной техники, конкурсы и пр.);

• ориентированность на ключевые исторические события, героев прошлого, их подвиги;

• активное вовлечение участников через общественные организации и бюджетные учреждения.

Духовно-нравственное направление

Цель – укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ориентиров (честность, доброта, справедливость, ответственность, уважение к традициям, к окружающим и др.).

Примеры:

• «Красная гвоздика» (https://pamyatpokoleniy.ru/project/gvozdika/).

• «Благодарю» (https://id.pervye.ru/projects/2666).

• «Связующая нить» (https://xn-80adpfyume8c8aqjf.xn – p1ai/).

Чаще всего они инициируются общественными организациями, благотворительными фондами, департаментами молодёжной политики и др.

Особенности духовно-нравственных акций:

• формальность стиля (специальные значки, открытки и пр.);

• ограниченность возможностей для активного взаимодействия участников.

Культурно-историческое направление

Цель – знакомство молодежи с историей и культурой своей страны.

Примеры:

• «Мой учитель родного языка» (https://natlang.ru/press-center/news/novosti/startuet-aktsiya-moy-uchitel-rodnogo-yazyka/).

• «Декламируй» (https://www.culture.ru/events/4666032/ezhegodnaya-vserossiiskaya-akciya-deklamirui).

• «Улицы в лицах» (https://dobro.ru/project/10045266).

• «Музыкавместе» (https://vk.com/togethermusic).

• «Летопись сердец» (https://culture.gov.ru/press/news/startuet_vserossiyskaya_ezhegodnaya_patrioticheskaya_aktsiya_letopis_serdets/).

Ключевые особенности этих акций:

• активное участие образовательных учреждений в организации мероприятий и привлечении обучающихся к участию в них;

• ориентир на культурно-исторические события и достижения;

• популяризация народного творчества и самобытного искусства.

Гражданско-правовое направление

Цель – повышение правовой грамотности населения, знакомство с Конституцией, государственными символами и законами, а также разъяснение понятия «гражданин», его прав и обязанностей.

Примеры акций:

• «Мы граждане России» (https://projects.pervye.ru/projects/2897f54a-7f85–4a0d-be87-ec6b2f7a8da8).

• «Я.Мы. Россия» (https://www.vavilovsar.ru/novosti/13-June-2024-i61215-patrioticheskaya-akciya-ya-my-).

• «Флаг России из цветов» (https://trudvsem.rosprofobr.ru/flag2024).

• «Всероссийский тест на знание Конституции РФ» (https://xn-80aahfjo8abu.xn – d1acj3b/test_konst/).

• «Под одним флагом» (https://vk.com/id570602678).

Особенности гражданско-правовых акций:

• высокий уровень общественной полезности – повышение правовой грамотности населения: знакомство с основами конституционного строя, права и обязанностями, принципами правового государства и пр.;

• активное вовлечение в реализацию мероприятий представителей органов государственной власти и правозащитных организаций.

По итогам анализа выделено **два основных патриотических нарратива**, формируемые на данных мероприятиях:

• историческая память, преемственность поколений;

• национальная (принадлежность к определенному этносу или нации) и гражданская (принадлежность к общности граждан конкретного государства) идентичность.

Нарратив «историческая память, преемственность поколений» предполагает необходимость сохранять и передавать потомкам воспоминания о великих подвигах предков, их опыте. Проведенный анализ показал, что этот нарратив лежит в основе двенадцати проанализированных акций, что находит отражение в формулировках их основных лозунгов (табл. 1).

Таблица 1. Результаты соотнесения акций и ключевых лозунгов в контексте нарратива «историческая память, преемственность поколений»

Акция	Основной лозунг
«Бессмертный полк»	«Никто не забыт, ничто не забыто»
«Песни Великой Победы»	«Помню и горжусь»
«Георгиевская ленточка»	«Я помню! Я горжусь!»
«Классика Победы»	«Память о подвигах»
«Сад Памяти»	«Сохранить память о героях для будущих поколений»
«Улицы в лицах»	«Преемственность поколений!»
«Рисуем Победу»	«Помним Великую Победу»
«Ура Победе»	«Ура Победе»
«Письмо солдату»	«Спасибо за защиту»
«Связующая нить»	«Память о подвиге»
«Летопись сердец»	«Сохраним и передадим будущим поколениям живую память о героизме предков»
«Красная гвоздика»	«Помнить – значит делать»

Таблица 2. Результаты соотнесения акций и ключевых лозунгов в контексте нарратива «национальная и гражданская идентичность»

Акция	Лозунг
«Мы – граждане России»	«Мы – граждане России»
«Под одним флагом»	«Под одним флагом»
«Флаг России из цветов»	«Демонстрации единства и гордости за свою страну»
«Музыкавместе»	«Мы разные, но мы вместе, и нас объединяет наша страна»
«Всероссийский тест на знание Конституции РФ»	«Это твоя страна! Это твой закон! Это твои права и обязанности»
«Я.Мы. Россия»	«Гордость за страну»
«Мой учитель родного языка»	«Сохраним язык, сохраним культуру»
«Благодарю»	«Благо дарю»
«Декламируй»	«Декламируй Пушкина»

Нарратив «национальная и гражданская идентичность» ориентирован на создание и поддержание в сознании людей чувства единства, принадлежности к определенному государству, нации через общую историю, культуру, традиции и язык. Важную роль в этом играют:

• государственные символы (флаг, герб, гимн), которые приобретают особое значение не самим фактом своего существования, а способами их внедрения в публичное пространство через массовые мероприятия, праздники и пр.;

• родной язык. Знание родного языка важное условие формирования национальной идентичности, поскольку язык является основным инструментом передачи культурного наследия, общественных норм и ценностей. Владение родным языком позволяет молодежи понять свои корни, укрепить связь с предыдущими поколениями, что важно для гармоничного развития общества.

Девять проанализированных акций используют в своих лозунгах этот нарратив в качестве основной идеи (табл. 2).

Заключение

Проведенное исследование демонстрирует эвристический потенциал использования метода кейс-стади для анализа патриотизма как социально-политической практики. Апробированный инструментарий позволил не только систематизировать конкретные кейсы/практики по четырем ключевым направлениям (военно-патриотическое, духовно-нравственное, культурно-историческое, гражданско-правовое), но и выявить два доминирующих нарратива, структурирующих символическое пространство современного российского патриотизма. В отличие от данных, получаемых посредством опросов и фокус-групп, кейс-стади дает возможность анализировать материальное воплощение патриотизма – форматы, организаторов, визуальные образы и механизмы вовлечения. Основным ограничением метода является его зависимость от публично доступной информации, что может приводить к преувеличению роли институционально поддерживаемых акций. Перспективы дальнейших

исследований патриотизма лежат в плоскости комплексных исследований, синтетически объединяющих количественные данные о распространенности патриотических установок с качественным анализом практик.

Литература

1. Барабанщикова В.В., Иванова С.А., Арефьева Н.А., Гузеев М.С., Третьяков А.В., Зеленский А.А., Мажников Н.В., Пантюхов А.С., Федоров А.А. Ценностная ориентация «патриотизм»: сущность, содержание и оценка сформированности // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18. № 4. С. 99–114.

2. Васильева О.В. Патриотизм как прагматичный и/или аффективный выбор (на материалах Республики Саха (Якутия)) // Социологические исследования. 2024. № 8. С. 94–104.

3. Лебедев Н.А., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1 (1). С. 23–40.

4. Мартынов М. Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08

5. Потемкин А.В. Новые методы диагностики патриотизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2008. № 4. С. 39–42.

6. Радина Н.К. Патриотизм как социальный феномен в научном образе реальности: понятие и теории // Полис. Политические исследования. 2025. № 2. С. 167–179. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.12. EDN: YHANTJ

7. Семенов А.В. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317–341.

PATRIOTISM AS AN OBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS: TOWARDS BUILDING A COMPREHENSIVE RESEARCH MODEL

Djibilova E.G., Kiryanova A.M., Makarenko K.M.
National Research University State Academic University of Humanities, Volgograd State University

The article is aimed at substantiating the methodological need to study specific forms of patriotism in the context of the study of this phenomenon. Existing research, as a rule, is biased towards an exclusive assessment of individuals' subjective feelings and positions regarding patriotism. Such a research strategy captures the sensual aspect of patriotism, without taking into account its activist nature. As an alternative, it is proposed to use the case study method, which allows studying patriotism as a public practice. Based on the analysis of 21 large-scale patriotic actions that took place in Russia in 2024–2025, a classification was developed in four areas: military-patriotic, spiritual-moral, cultural-historical and civil law. In addition, one of the conclusions of the study was the justification of the existence of two dominant public narratives structuring the symbolic space of patriotism: "historical memory" and "civic identity". The strategy of analyzing specific practices allows, to a greater extent, to reveal the material embodiment of patriotism, which cannot be expressed exclusively verbally within the framework of survey methods.

Keywords: patriotism, research of patriotism, Russian youth, patriotic actions, political mobilization, modern Russia.

References

1. Barabanshchikova V.V., Ivanova S.A., Arefyeva N.A., Guzeev M.S., Tretyakov A.V., Zelensky A.A., Mazhnikov N.V., Pantyukhov A.S., Fedorov A.A. Value orientation "patriotism": the essence, content and assessment of formation // National Psychological Journal. 2023. Vol. 18, No. 4. Pp. 99–114. (In Rus.).

2. Vasilyeva O.V. Patriotism as a pragmatic and/or affective choice (based on the materials of the Republic of Sakha (Yakutia)) // Sociological research. 2024. No. 8. Pp. 94–104. (In Rus.).

3. Lebedev N.A., Gordyakova O.V. Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially oriented behavior. // Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology. 2016. Vol. 1. No. 1 (1). Pp. 23–40. (In Rus.).

4. Martynov M. Yu., Fadeeva L.A., Gaberkorn A.I. Patriotism as a political discourse in modern Russia // Polis. Political research. 2020. No. 2. Pp. 109–121. https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.08 (In Rus.).

5. Potemkin A.V. New methods of diagnosing patriotism // Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University. 2008. No. 4. Pp. 39–42. (In Rus.).

6. Radina N.K. Patriotism as a social phenomenon in the scientific image of reality: concept and theory // Polis. Political research. 2025. No. 2. Pp. 167–179. https://doi.org/10.17976/jpps/2025.02.12. EDN: YHANTJ (In Rus.).

7. Semenov A.V. Event analysis of protests as a tool for studying political mobilization // Sociological Review. 2018. Vol. 17. No. 2. Pp. 317–341. (In Rus.).

Как измерить качество жизни?

Зубец Алексей Николаевич,
доктор экономических наук, директор,
ООО «Финунивергрупп»
E-mail: AZ-64@yandex.ru

Трофимова Ксения Алексеевна,
заместитель директора, ООО «Финунивергрупп»
E-mail: KATrofimova@fa.ru

Шатилов Александр Борисович,
кандидат политических наук, профессор кафедры политологии, ФСНиМК Финансового университета при Правительстве РФ

В статье рассматриваются современные подходы к измерению качества жизни населения по странам, отдельным территориям и городам, которые применяются сегодня в научных и практических исследованиях. Показано, что современные исследования качества жизни делятся на 3 основные группы, опирающиеся на субъективные показатели настроений населения, объективную статистику, а также на их комбинацию. Приводятся субъективные подходы, основанные на опросах населения относительно их психологического самочувствия, а также оценок собственной жизни с использованием различных шкал и вопросов, включающих, в частности, оценку доли тех, кто считает себя счастливыми, удовлетворенными собственной жизнью, а также ее различными аспектами. Приводятся результаты исследований, посвященных оценке психологического самочувствия населения по разным странам мира. В качества показателя качества жизни по странам Европы представлена доля инвалидов, довольных собственным существованием. Рассматривается объективные показатели качество жизни, такие как ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, автомобилизация и обеспеченность жильем на душу населения. Приводится комплексные оценки качества жизни, построенные на использовании широкого перечня индикаторов, такие, как Индекс человеческого развития ООН, Индекс лучшей жизни ОЭСР, Индекс процветания института Легатум, а также ряд других показателей. Показано ценность данных о миграции для оценки качества жизни по странам, территориям и отдельным городам. Приводятся результаты исследований, выполненных в Финансовом университете при Правительстве РФ, и посвященных сравнительной оценке качества жизни в российских городах на основании их миграционной привлекательности. Для оценки миграционной привлекательности использовались данные социологических исследований относительно готовности населения переехать в другой город, а также приобрести квартиру на новом месте жительства. Исследования показали, что на основании данных по миграционной привлекательности самое высокое качество жизни имеется в следующих городах: Калининград, Новороссийск, Ярославль, Сочи и Краснодар.

Ключевые слова: качество жизни, субъективные показатели качества жизни, благополучие населения, миграция, настроения населения, уровень счастья

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет средств Научного фонда Финансового университета

Оценки благополучия или качества жизни можно получить применительно к отдельному человеку, социальной группе, стране или человечеству в целом, в статике, на конкретный момент времени, или в динамике, на протяжении более или менее длительных временных интервалов. Благополучие в первом приближении представляет собой оценку суммы условий существования по шкале «хорошее – плохое», «доволен – недоволен». Из этого собственного вытекает первая возможность количественного определения качества жизни: можно провести опрос и попросить людей оценить, как они живут, по шкале, например, от 1 до 10, где 1 – это худшая возможная оценка, а 10 – лучшая. Часто применяется упрощенная 4-ступенчатая шкала «полностью недоволен – скорее недоволен – скорее доволен – полностью доволен». Это и будет первое приближение к оценке благополучия людей. Тема удовлетворенности жизнью может быть дополнена вопросом, в какой степени люди считают себя счастливыми. Данные по уровню удовлетворенности людей жизнью, а также доля счастливых людей по данным World Values Survey за 2017–2022 гг. приведены в Таблице 1. В Таблице 2 приведена доля людей по странам Европейского союза, которые часто или постоянно наслаждаются жизнью (данные на 2024 год по данным European Social Survey / ESS).

Уровень удовлетворённости собственной жизнью можно дополнить долей:

- тех, кто считает себя счастливыми;
- уверенных в собственном завтрашнем дне;
- готовых участвовать в протестных акциях;
- готовых к переселению в другой город или другую страну в поисках лучшей жизни;
- считающих, что так как они живут – так жить нельзя.
- считающих, что завтра они будут жить лучше чем сегодня, а их дети – лучше, чем нынешнее поколение;
- тех, кто дезориентирован и не понимает, что происходит в стране, и в какой степени устойчиво ее социально-экономическое положение.

Наибольшая ценность, олицетворяющая высокое качество жизни – это свободное время, которые человек может потратить на самореализацию, творческое познание и освоение окружающего мира. Поэтому качество жизни можно измерить через удовлетворенность людей тем, как они проводят свободное время [1].

Человеческое благополучие – это такое положение дел, при котором он расходует мало физических и интеллектуальных усилий на борьбу с различными раздражителями телесного, социального и личного характера, а сэкономленные силы, прилив энергии, вызывает состояние, называемое счастьем. Поэтому проявлением высокого качества жизни служит радостное, творческое, активное отношение к миру, ближнему и дальнему социальному окружению. Отсюда вытекает, что важным показателем благополучия может стать доля людей, в чьей жизни по их мнению много радости и положительных эмоций, или наоборот, испытывающих тревожность и иные негативные переживания. Доля тех, кто часто или постоянно наслаждается жизнью по странам ЕС по данным European Social Survey (ESS) приведены в Таблице 2 [2]. Страны, ранжированные по доле населения, испытывающего позитивные эмоции [3], приведены в Таблице 3. Она определяется как среднее значение положительных ответов на вопросы:

1. Много ли вы улыбались или смеялись вчера?
2. Испытывали ли вы радость, удовольствие в течение большей части вчерашнего дня?
3. Вы вчера делали что-то интересное / учились чему-то интересному?

Надо отметить что в десятку лидеров по позитивным эмоциям входят шесть стран из Латинской Америки: Гватемала, Панама, Парагвай, Мексика, Сальвадор и Коста-Рика. В большой степени это связано с традициями коллективизма, характерной для обществ латиноамериканской традиции. Люди, активно включённые в общественную и религиозную жизнь, чувствуют свою ценность и востребованность окружением, что упрощает жизнь и обеспечивает ощущение счастья. Россия в этом перечне находится скорее в конце списка, однако, как представляется, это больше связано с отсутствием национальной традиции демонстрации радости и позитивных эмоций.

В Таблице 3 приводятся также лидеры и по уровню негативных эмоций в жизни людей. Он определяется как среднее значение доли положительных ответов на вопросы: «Испытывали ли вы следующие чувства в течение большей части вчерашнего дня? Беспокойство, грусть, гнев?» К наименее благополучным странам по негативным переживаниям относятся Афганистан, Гвинея, Чад, Сьерра-Леоне и Армения. Россия относится к числу стран, где негативные эмоции распространены мало, что позитивно характеризует качество жизни в нашей стране.

Человеческое благополучие с определенным приближением можно оценить по ВВП по ППС на душу населения, или же по душевому конечному потреблению домохозяйств. Мы исходим из того, что физические и телесные потребности человека самые значимые, потому что они связаны с болью и риска смерти. В силу этого уровень потребления товаров и услуг в значительной степени определяет уровень счастья и долю тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью. На Рисунках 1 и 2 приведены зависимости доли счастливых людей и тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью, от ВВП на душу населения. Как видно, душевой ВВП лучше коррелирует с долей полностью или в основном довольных тем, как они живут.

Однако душевой ВВП, как и деньги в целом, не вполне подходят для оценки качества жизни. Для человека важна не денежная оценка того или иного блага, а его потребительская, прикладная ценность. Поэтому для оценки благополучия лучше подходит обеспеченность различными потребительскими благами, например машинами или недвижимостью. Число автомобилей на 1000 жителей [5] – хороший показатель материального благополучия, однако оно в большой степени определяется особенностями нормативной базы по странам мира. Если налоги на автомобили и экологические требования к ним низкие, уровень автомобилизации может быть весьма значительным. А при отсутствии льгот он снижается (данные по автомобилизации по странам мира см. в Таблице 5). Тем не менее, зависимость между числом автомобилей на 1000 жителей и долей тех, кто полностью или в основном доволен жизнью, вполне явно прослеживается на практике (см. Рисунок 3).

Показатели обеспеченности населения жильем по данным ОЭСР [6] представлены в Таблице 6. Здесь также мы видим достаточно выраженную зависимость между числом комнат на человека по странам мира и долей тех, кто полностью или в основном доволен жизнью (см. Рисунок 4).

Лидеры рейтинга по качеству жизни за 2023 год – это Дания, Швеция, Норвегия, Финляндия и Швейцария. Россия занимает 77-е место из 167 рассмотренных в рейтинге стран.

Индекс социального прогресса Social Progress Index (SPI) [11] обобщает большой объем данных из различных источников и представляет собой сумму трех последовательных «этажей»:

Первый – основные потребности человека:
- питание и базовое медицинское обслуживание (материнская, детская смертность, смертность от недоедания, инфекционных болезней);
- санитария и водопровод (доступ к водопроводу в городских и сельских местностях);
- жилье (удовлетворенность доступностью жилья, доступ к электричеству и его качество, смертность от загрязнения воздуха);
- личная безопасность (уровень убийств, смертность на дорогах, политический террор).

Второй – основы благополучия:
- доступ к базовым знаниям (уровень грамотности, охват обучающихся в начальной и средней школах, гендерный соотношение учащихся);
- доступ к коммуникациям и информации (количество пользователей мобильным телефоном, интернетом, индекс свободы прессы);
- здоровье и самочувствие (продолжительности жизни в 60 лет, уровень самоубийств, уровень преждевременных смертей от неинфекционных болезней);
- качество окружающей среды (уровень смертности от загрязнений воздуха, уровень очистки сточных вод, уровень заботы о биоразнообразии, выбросы парниковых газов).

Третий – возможности/перспективы:
- личные права (политические права, свобода выражения, собраний, прав частной собственности);
- личная свобода и свобода выбора (свобода выбора, религии, уровень ранних браков, уровень удовлетворенности спроса на контрацепцию, уровень коррупции);
- толерантность и инклюзия (толерантность к эмигрантам, гомосексуалистам, уровень дискриминации и агрессии к меньшинствам, религиозная толерантность);
- доступ к высшему образованию (количество университетов в международном рейтинге, количество студентов в таких университетах, количество лет высшего образования, количество лет образования для женщин).

В 2025 году в рейтинге лидировали Норвегия, Дания, Финляндия, Швеция, Швейцария. Россия располагалась на 77 месте из 170 рассмотренных государств.

Как видно, для оценки качества жизни могут быть использованы как простые, единичные показатели, так и сложные конструкции, включающие исходных индикаторов. Возможны относительные оценки качества жизни в виде сравнительных рейтингов, или же оценки в абсолютных показателях, в динамике во времени.

В Финансовом университете при Правительстве России проблема сбора опережающих данных по миграции населения из города в город решена при помощи организации соответствующих социологических опросов, в ходе которых респонденты отвечают на 2 вопроса:
- Намереваетесь ли вы переехать из города, где сейчас живете, в другой город России? И если да, то какой?
- Намереваетесь ли вы купить недвижимость в другом городе России? Если да, то в каком?

Исследование проведено в 78 городах России с населением более 100 тыс. человек в течение января-октября 2025 года. В каждом городе опрошены не менее 200 респондентов. На основании ответов на эти вопросы для каждого города были определены два баланса:
- между числом жителей, намеренных покинуть определенный город, и теми, кто живет в других городах, но хотел бы поселиться в нем (Б1);
- между числом жителей города, желающими купить жилье в другом месте, и потенциальными покупателями недвижимости из других городов России (Б2).

Далее оба показателя нормируются и приводятся к единой шкале от 0 до 100 по следующей формуле: Нормирование показателей осуществляется по следующей формуле:

$$Б_{1i}^{норм} = \frac{Б_{1i}}{Б_{1\,max}} \times 100 (1)$$

$$Б_{2i}^{норм} = \frac{Б_{2i}}{Б_{2\,max}} \times 100 (2)$$

$Б_{1i}$ и $Б_{2i}$ –значение балансов между числом жителей, намеренных покинуть город i, и теми, кто живет в других городах, но хотел бы поселиться в нем, а также между числом жителей города i, желающими купить жилье в другом месте, и потенциальными покупателями недвижимости в городе i из других городов России;

$Б_{1\,max}$ и $Б_{2\,max}$ – максимальные значения балансов Б1 и Б2 по исследованным городам России;

$Б_{1i}^{норм}$ и $Б_{2i}^{норм}$ – нормированное значение балансов Б1 и Б2 для i-того города.

Итоговый рейтинг миграционной привлекательности Б0i для города i определяется как средняя величина $Б_{1i}$ и $Б_{2i}$.

Результаты анализа миграционной привлекательности городов России, отражающие качество жизни в этих городах, приведены в Таблице 8.

Как видно из таблицы, высокую миграционную привлекательность сохраняют Калининград, Новороссийск, Ярославль, Сочи, Краснодар, Санкт-Петербург, Тюмень, Казань, Севастополь, Москва[1].

Замыкают список Магнитогорск, Сургут, Якутск, Чита, Кемерово, Улан-Удэ, Набережные Челны, Нижний Тагил, Новокузнецк и Нижневартовск.

Выводы: Опережающие показатели миграции по городам России представляют большой научно-практический интерес. Намерение приобрести недвижимость или переехать в другой город показывают направление движения населения в центры, отличающиеся более высоким качеством жизни. Соответственно, источники миграционных потоков – это города, в которых требуются дополнительные усилия для повышения качества жизни местного населения. Полученные данные могут служить основанием для принятия решений в области стратегического планирования развития территорий и расходования бюджетных средств на улучшения городской среды, способствующие повышению качества жизни (табл. 1).

[1] В расчетах не рассматривались Белгород, Брянск, Воронеж, Курск, Липецк, Орёл, а также города на «новых» территориях России.

Таблица 1. Доля полностью или в основном удовлетворенных жизнью, а также полностью или в основном счастливых по странам мира в 2017–2022 годах по данным WVS (Мирового обзора ценностей)

		Доля тех, кто полностью или в основном доволен своей жизнью	Доля полностью или в основном счастливых людей
1	Вьетнам	94%	97%
2	Исландия	92%	95%
3	Норвегия	91%	94%
4	Уругвай	91%	93%
5	Финляндия	91%	89%
6	Швейцария	90%	94%
7	Дания	90%	90%
8	Бангладеш	90%	91%
9	Швеция	89%	94%
10	Ливан	89%	86%
11	Испания	89%	89%
12	Пуэрто-Рико	89%	91%
13	Таджикистан	88%	94%
14	Аргентина	88%	87%
15	Андорра	88%	95%
	…		
76	Таиланд	67%	84%
77	Россия	67%	82%
78	Армения	67%	86%
79	Греция	66%	72%
80	Грузия	65%	79%
81	Украина	62%	79%
82	Болгария	61%	61%
83	Иран	61%	70%
84	Кения	55%	84%
85	Египет	54%	72%
86	Эфиопия	50%	88%
87	Нигерия	50%	73%
88	Тунис	48%	77%
89	Зимбабве	39%	52%
90	Ирак	15%	70%

Таблица 2. Доля тех, кто часто или постоянно наслаждается жизнью по странам ЕС в 2024 году по данным European Social Survey (ESS)

		Наслаждаются жизнью большую часть времени / все или почти все время
1	Норвегия	85%
2	Франция	85%
3	Нидерланды	85%
4	Словения	83%
5	Швейцария	82%
6	Бельгия	81%
7	Ирландия	79%
8	Польша	79%
9	Хорватия	76%
10	Исландия	76%
11	Финляндия	74%
12	Великобритания	74%
13	Словакия	71%

Окончание

		Наслаждаются жизнью большую часть времени / все или почти все время
14	Испания	70%
15	Германия	69%
16	Швеция	69%
17	Венгрия	68%
18	Кипр	65%
19	Литва	64%
20	Австрия	64%
21	Португалия	63%
22	Греция	58%
23	Болгария	56%
24	Черногория	55%
25	Сербия	54%
26	Израиль	50%
27	Латвия	45%
28	Италия	40%

Таблица 3. Страны, ранжированные по доле людей, испытывающих позитивные и отрицательные эмоции по данным World Happiness Report 2025 за 2022–2024 гг.

1	Гватемала	84,5%
2	Панама	83,4%
3	Сенегал	83,3%
4	Парагвай	83,0%
5	Индонезия	82,6%
6	Мексика	81,9%
7	Филиппины	81,8%
8	Сальвадор	80,8%
9	Коста-Рика	80,0%
10	Таиланд	79,6%
100	Зимбабве	62,2%
101	Казахстан	61,7%
102	Российская Федерация	60,8%
103	Ливия	60,4%
104	Хорватия	59,6%
138	Тунис	50,7%
139	Черногория	50,5%
140	Пакистан	47,1%
141	Непал	47,0%
142	Йемен	45,3%
143	Египет	44,4%
144	Бангладеш	43,8%
145	Ливан	34,3%
146	Турция	32,2%
147	Афганистан	23,3%

1	Афганистан	51,7%
2	Гвинея	51,0%
3	Чад	50,5%
4	Сьерра-Леоне	49,3%
5	Армения	47,6%

Окончание

6	Ирак	47,2%
7	ДР Конго	46,6%
8	Иордания	45,0%
9	Иран	44,4%
10	Либерия	44,3%
…	…	…
126	Сингапур	20,4%
127	Танзания	20,2%
128	Российская Федерация	19,9%
129	Зимбабве	19,4%
130	Монголия	19,3%
…	…	…
138	Исландия	17,8%
139	Литва	17,8%
140	Финляндия	17,3%
141	Япония	17,2%
142	Маврикий	15,9%
143	Польша	14,4%
144	Косово	12,2%
145	Казахстан	11,7%
146	Тайвань, провинция Китая	11,3%
147	Вьетнам	10,8%

Таблица 4. Расхождения между долей полностью или в основном счастливых среди здоровых и инвалидов по данным European Social Survey (ESS 10–11), 2022–2024 гг.

		Доля полностью или в основном счастливых среди инвалидов	Доля полностью или в основном счастливых среди здоровых	Разница, п.п.
1	Кипр	67%	79%	13%
2	Швейцария	82%	96%	14%
3	Норвегия	81%	95%	15%
4	Нидерланды	81%	97%	17%
5	Бельгия	78%	95%	17%
6	Исландия	79%	97%	18%
7	Финляндия	79%	97%	18%
8	Словения	74%	93%	19%
9	Исландия	77%	96%	19%
10	Австрия	73%	94%	21%
11	Португалия	61%	83%	21%
12	Ирландия	72%	93%	21%
13	Литва	68%	90%	22%
14	Франция	66%	89%	23%
15	Испания	70%	93%	24%
16	Германия	68%	94%	26%
17	Эстония	64%	90%	26%
18	Польша	61%	90%	29%
19	Швеция	66%	96%	30%
20	Латвия	50%	81%	31%
21	Великобритания	60%	91%	31%
22	Болгария	40%	72%	32%
23	Италия	54%	86%	33%

Окончание

		Доля полностью или в основном счастливых среди инвалидов	Доля полностью или в основном счастливых среди здоровых	Разница, п.п.
24	Чехия	49%	84%	35%
25	Хорватия	48%	88%	41%
26	Словакия	31%	75%	44%
27	Болгария	26%	70%	44%
28	Греция	38%	84%	45%
29	Венгрия	39%	86%	48%

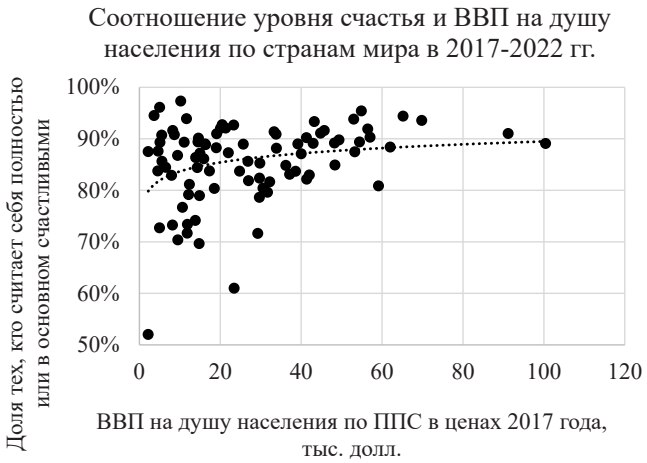


Рис. 1. Соотношение душевого ВВП по паритету покупательной способности в ценах 2017 года, и доли полностью или в основном счастливых людей по странам мира за 2017–2022 годы (по данным Всемирного банка и WVS – Международного обзора ценностей)

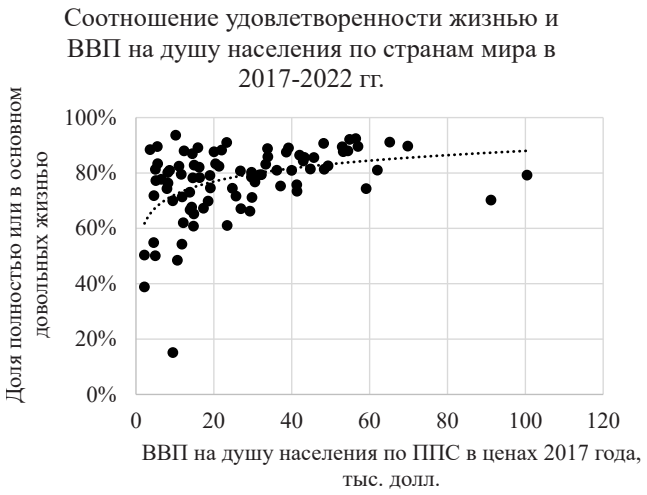


Рис. 2. Соотношение душевого ВВП по паритету покупательной способности в ценах 2017 года и доли полностью или в основном довольных жизнью по странам мира за 2017–2022 годы (по данным Всемирного банка и WVS – Международного обзора ценностей)

Таблица 5. Среднее число автомобилей на тысячу жителей по странам мира по состоянию на 2025 год

1	Сан-Марино	1606
2	Гернси	1389
3	Гибралтар	1293
4	Джерси	1234
5	Андорра	1214
6	Лихтенштейн	1068
7	Бруней	1012
8	Финляндия	950

9	Новая Зеландия	934
10	Монако	910
…	…	…
67	Черногория	366
68	Тайвань	365
69	Россия	361
70	Объединенные Арабские Эмираты	354
71	Уругвай	348
…	…	…
182	Танзания	12
183	Гаити	11
184	Папуа – Новая Гвинея	11
185	Эфиопия	10
186	Бурунди	10
187	Центральноафриканская Республика	8
188	Сомали	5
189	Судан	4
190	Республика Конго	4
191	Северная Корея	1

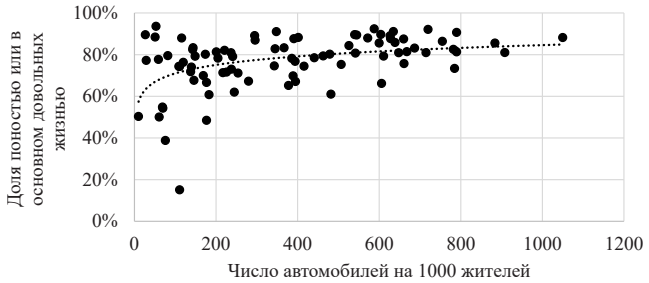


Рис. 3. Соотношение числа автомобилей на 1000 жителей и доли полностью или в основном довольных жизнью по странам мира за 2017–2022 годы (по данным Всемирного банка и World Population Review)

Таблица 6. Среднее число комнат на одного жителя по данным ОЭСР по странам мира по состоянию на 2022 год [12]

		Владельцы жилья, не выплачивающие ипотеки	Владельцы жилья, выплачивающие ипотеку
1	Великобритания	3,9	2,8
2	Соединенные Штаты	3,7	3,1
3	Люксембург	3,3	2,3
4	Ирландия	3,2	2,0
5	Бельгия	3,1	2,2
6	Канада	3,1	2,3
7	Дания	3,0	2,4
8	Норвегия	2,9	2,4
9	Швейцария	2,9	2,4
10	Финляндия	2,9	2,2
33	Корея	1,8	
34	Греция	1,7	1,3
35	Хорватия	1,6	1,1
36	Латвия	1,6	1,3
37	Румыния	1,6	
38	Колумбия	1,5	1,5
39	Мексика	1,5	1,4
40	Польша	1,5	1,3
41	Словацкая Республика	1,5	1,1
42	Турция	1,5	

Соотношение удовлетворенности жизнью и числом комнат на человека по странам мира

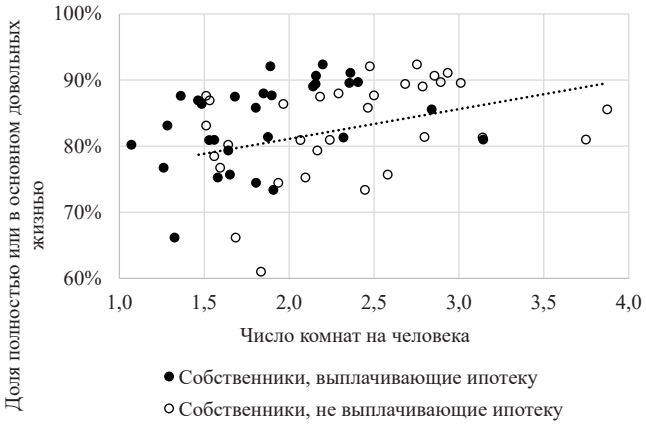


Рис. 4. Соотношение числа комнат на человека и доли полностью или в основном довольных жизнью по странам мира за 2017–2022 годы по странам мира (по данным ОЭСР и Международного обзора ценностей)

Таблица 7. Нетто миграционный приток в расчете на численность населения по странам мира в 2010–2024 гг. по данным Всемирного банка, % в год

1	Канада	0,8%
2	Австралия	0,7%
3	Швеция	0,7%
4	Германия	0,5%
5	Малайзия	0,5%
6	Саудовская Аравия	0,5%
7	Нидерланды	0,5%
8	Великобритания	0,5%
9	Чили	0,5%
10	Соединенные Штаты	0,5%
…	…	…
23	Италия	0,2%
24	Ангола	0,2%
25	Российская Федерация	0,2%
26	Чехия	0,2%
27	Польша	0,2%
…	…	…
122	Судан	-0,4%
123	Южный Судан	-0,4%
124	Греция	-0,4%
125	Бангладеш	-0,5%
126	Пакистан	-0,6%
127	Украина	-0,7%
128	Сирия	-0,8%
129	Зимбабве	-0,8%
130	Непал	-0,8%
131	Венесуэла	-1,1%

Таблица 8. Индекс итоговый рейтинг миграционной привлекательности по городам России и его составляющие по состоянию на 2025 год

		Итоговый рейтинг миграционной привлекательности Б0	Баланс между числом жителей, намеренных покинуть город, и теми, кто хотел бы поселиться в нем Б1	Баланс между числом жителей, желающими купить жилье в другом населенном пункте, и потенциальными покупателями из других городов России Б2
1	Калининград	95	100	91
2	Новороссийск	82	65	100
3	Ярославль	60	58	63
4	Сочи	56	52	61
5	Краснодар	48	42	54
6	Санкт-Петербург	45	39	52
7	Тюмень	44	22	66
8	Казань	39	24	54
9	Севастополь	39	35	42
10	Москва	37	34	41
11	Смоленск	36	8	64
12	Тверь	29	20	38
13	Киров	29	8	50
14	Тула	27	15	39
15	Мытищи	27	5	48
16	Грозный	25	37	13
17	Симферополь	23	11	35
18	Владимир	22	35	10
19	Рязань	20	9	31
20	Иваново	20	23	17
21	Подольск	20	8	32
22	Волжский	20	5	35
23	Махачкала	19	12	27
24	Пенза	19	8	30
25	Ставрополь	19	14	24
26	Тамбов	19	10	28
27	Вологда	18	8	28
28	Владивосток	18	28	7
29	Самара	17	10	24
30	Уфа	17	8	26
31	Пермь	16	8	25
32	Йошкар-Ола	16	8	24
33	Чебоксары	16	5	27
34	Красноярск	16	13	19
35	Волгоград	15	11	19
36	Томск	15	7	22
37	Саранск	14	3	25
38	Кострома	14	10	18
39	Новосибирск	14	9	19
40	Екатеринбург	14	8	20
41	Калуга	14	11	16
42	Иркутск	13	7	19
43	Хабаровск	13	11	15
44	Ульяновск	13	4	21
45	Ростов-на-Дону	13	7	18
46	Владикавказ	12	14	11

Окончание

		Итоговый рейтинг миграционной привлекательности Б0	Баланс между числом жителей, намеренных покинуть город, и теми, кто хотел бы поселиться в нем Б1	Баланс между числом жителей, желающими купить жилье в другом населенном пункте, и потенциальными покупателями из других городов России Б2
47	Ижевск	12	4	20
48	Нижний Новгород	12	11	13
49	Челябинск	12	5	18
50	Тольятти	11	7	16
51	Барнаул	11	3	20
52	Оренбург	11	4	18
53	Мурманск	11	17	5
54	Астрахань	11	6	16
55	Саратов	11	6	15
56	Архангельск	11	6	16
57	Химки	11	0	21
58	Стерлитамак	10	5	15
59	Балашиха	10	3	18
60	Омск	10	5	16
61	Курган	10	3	17
62	Череповец	10	2	18
63	Магнитогорск	9	2	16
64	Сургут	7	9	5
65	Якутск	6	10	2
66	Чита	6	5	7
67	Кемерово	5	1	9
68	Улан-Удэ	4	1	7
69	Набережные Челны	4	2	6
70	Нижний Тагил	4	4	4
71	Новокузнецк	3	2	5
72	Нижневартовск	1	2	0

Литература

1. Beard, J. G., & Ragheb, M. G. (1980). Measuring Leisure Satisfaction. Journal of Leisure Research, 12(1), 20–33. https://doi.org/10.1080/00222216.1980.11969416

2. Данные на сейте ESS [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.europeansocialsurvey.org/ (дата обращения: 10.06.2025)

3. Данные World Happiness Report 2024 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://worldhappiness.report/ed/2024/ (дата обращения: 10.06.2025)

4. Портал данных ESS [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://ess.sikt.no/en/?tab=overview (дата обращения: 10.06.2025)

5. World Population Review. Cars by Country 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/cars-by-country (дата обращения: 10.06.2025)

6. OECD Better Life Index Housing [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.oecd.org/content/oecd/en/data/datasets/oecd-affordable-housing-database.html (дата обращения: 10.06.2025)

7. Human Development Report 2025. A matter of choice: People and possibilities in the age of AI. May 06, 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025 (дата обращения: 10.06.2025)

8. World Happiness Report (Всемирный доклад о счастье) 2025 [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://worldhappiness.report/ (дата обращения: 10.06.2025)

9. OECD Better Life Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.oecdbetterlifeindex.org/ (дата обращения: 10.06.2025)

10. The Legatum Prosperity Index https://www.prosperity.com/ [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://prosperity.com/download_file/view_inline/4789 (дата обращения: 10.06.2025)

11. Social Progress Index [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.socialprogress.org/index/global/methodology (дата обращения: 10.06.2025)

12. База данных ОЭСР относительно условий жизни населения по странам членам: [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.oecd.org/content/oecd/en/data/datasets/oecd-affordable-housing-database.html (дата обращения: 10.06.2025)

HOW TO MEASURE QUALITY OF LIFE?

Zubets A.N., Trofimova K.A., Shatilov A.B.
Finunivergroup LLC, Financial University under the Government of the Russian Federation

This article was prepared based on the results of research funded by the Financial University Scientific Foundation.

This article examines modern approaches to measuring quality of life across countries, individual territories, and cities, which are currently used in academic and practical research. It is shown that modern quality of life studies are divided into three main groups, based on subjective indicators of public sentiment, objective statistics, and a combination of both. Subjective approaches are presented, based on surveys of the population regarding their psychological well-being, as well as self-assessments using various scales and questions, including, in particular, assessing the proportion of those who consider themselves happy, satisfied with their own lives, and various aspects of life. The article presents the results of studies assessing the psychological well-being of the population in various countries. The proportion of disabled people satisfied with their own existence is used as an indicator of quality of life in European countries. Objective indicators of quality of life, such as GDP per capita, healthy life expectancy, motorization, and housing per capita, are examined. Comprehensive quality of life assessments are presented, based on a wide range of indicators, such as the UN Human Development Index, the OECD Better Life Index, the Legatum Institute Prosperity Index, and a number of other indicators. The value of migration data for assessing quality of life across countries, territories, and individual cities is demonstrated. The results of research conducted at the Financial University under the Government of the Russian Federation, which focused on comparative assessments of quality of life in Russian cities based on their migration attractiveness, are presented. To assess migration attractiveness, sociological survey data on the population's willingness to move to another city and purchase an apartment in a new place of residence were used. The research showed that, based on migration attractiveness data, the following cities have the highest quality of life: Kaliningrad, Novorossiysk, Yaroslavl, Sochi, and Krasnodar.

Keywords: quality of life, subjective indicators of quality of life, well-being of the population, migration, public sentiment, level of happiness

References

1. Beard, J. G., & Ragheb, M. G. (1980). Measuring Leisure Satisfaction. Journal of Leisure Research, 12(1), 20–33. https://doi.org/10.1080/00222216.1980.11969416

2. Data on the ESS website [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.europeansocialsurvey.org/ (accessed date: 10.06.2025)

3. Data from the World Happiness Report 2024 [Electronic resource]. Access mode: URL: https://worldhappiness.report/ed/2024/ (accessed date: 10.06.2025)

4. ESS Data Portal [Electronic resource]. Access mode: URL: https://ess.sikt.no/en/?tab=overview (date accessed: 10.06.2025)

5. World Population Review. Cars by Country 2025 [Electronic resource]. Access mode: URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/cars-by-country (date accessed: 10.06.2025)

6. OECD Better Life Index Housing [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.oecd.org/content/oecd/en/data/datasets/oecd-affordable-housing-database.html (date accessed: 10.06.2025)

7. Human Development Report 2025. A matter of choice: People and possibilities in the age of AI. May 06, 2025 [Electronic resource]. Access mode: URL: https://hdr.undp.org/content/human-development-report-2025 (date of access: 10.06.2025)

8. World Happiness Report 2025 [Electronic resource]. Access mode: URL: https://worldhappiness.report/ (date of access: 10.06.2025)

9. OECD Better Life Index [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.oecdbetterlifeindex.org/ (date of access: 10.06.2025)

10. The Legatum Prosperity Index https://www.prosperity.com/ [Electronic resource]. Access mode: URL: https://prosperity.com/download_file/view_inline/4789 (date of access: 10.06.2025)

11. Social Progress Index [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.socialprogress.org/index/global/methodology (date accessed: 10.06.2025)

12. OECD Living Conditions Database by Member Country: [Electronic resource]. Access mode: URL: https://www.oecd.org/content/oecd/en/data/datasets/oecd-affordable-housing-database.html (date accessed: 10.06.2025)

Кеменев Дмитрий Андреевич,
кандидат социологических наук, ведущий специалист по управлению персоналом отдела реализации кадровой политики и работы с руководящими кадрами службы управления персоналом Дирекции тяги – филиала ОАО «РЖД»
E-mail: dimfed1994@yandex.ru

В статье выявлены факторы востребованности социально-профессионального потенциала наставничества и перспективы его реализации в современных условиях. Проанализирована работа по развитию наставничества на государственном уровне в рамках прошедшего в России в 2023 году «Года педагога и наставника», а также принятые нормативно-правовые документы по его итогам. Изучен передовой опыт и конкретика применения наставничества на государственной службе, в коммерческих организациях и крупных государственных компаниях, в том числе на основе подходов, изложенных на Всероссийском семинаре-совещании «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество», прошедшем в 2025 г. в Калуге. Исследована современная практика проведения коммуникационного мероприятия «Сетевая школа наставников». Определены ключевые задачи по развитию социально-профессионального потенциала наставничества на ближайшую перспективу.

Ключевые слова: наставничество, социально-профессиональный потенциал наставничества, год педагога и наставника, мотивация наставников, профессионализация наставничества.

Наставничество в России – это историческое явление, которое трансформируется, развивается, исследуется учёными и внедряется в практику всего многообразия жизнедеятельности людей, концентрируя усилия в наставнической деятельности по сохранению традиционных жизненных ценностей россиян и обогащению культурного наследия, исторического опыта тысячелетнего существования на Земле самобытного государства с неповторимым цивилизационным своеобразием.

Согласно исследованию, проведённому ВЦИОМ по заказу Центра знаний «Машук» в сентябре 2025 года, подавляющее большинство россиян (77%) в возрасте от 18 до 60 лет отмечают, что у них есть или был наставник. Это означает, что наставничество зарождается в родительском доме и сопровождает на протяжении всей жизни. Наставничество, прежде всего, является практическим инструментом для решения значимых жизненных задач. Особенно роль наставника важна в профессиональном развитии. В трудовой сфере 65% опрошенных нуждаются в наставнике здесь и сейчас [1].

Важным фактором востребованности социально-профессионального потенциала наставничества является необходимость формирования и развития национальной системы наставничества в соответствии с её функционально-целевой определенностью по всем видам наставнической практики.

В условиях динамичности рынка труда, возрастания роли информационных технологий и актуальности ускоренного освоения новых профессий важное значение имеют технологии передачи знаний, навыков и опыта молодым работникам. Многие современные коммерческие организации и госкомпании решают эту задачу через корпоративное обучение работников по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки, в том числе на базе собственных корпоративных университетов.

Современная практика убеждает в том, что самая эффективная и наименее затратная технология передачи знаний и опыта работникам – это наставничество, поскольку наставники знают специфику работы «от и до» по конкретной профессии, могут научить передовым способам достижения поставленных задач и поделиться «лайфхаками», которыми ни один внешний преподаватель не обладает.

В России в 2023 г. прошел «Год педагога и наставника». По его итогам была определена необходимость формирования системы наставнической деятельности и её институционализации в масштабе государства, охватывающей подсистемы отраслевого и локального характера наставничества во всех сферах жизнедеятельности государства и общества, производственных коллективов, общественных сообществ и движений. Это подтверждает принятие концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года [2].

В Концепции наставничество определяется как социально-педагогическая технология сопровождения личностного и профессионального развития человека, формирования у него традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Акцент делается не на передаче знаний и навыков от опытного наставника к менее опытному работнику, а на формировании высокого уровня профессиональной культуры личности, как важнейшей ценностной основы национальной безопасности и кадровой безопасности государства. В связи с этим, возрастает востребованность наставнической деятельности по целенаправленной профессиональной этизации, т.е. усвоению работниками этических кодексов служебного поведения, корпоративно-организационной культуры, правовых и моральных норм.

В данном контексте весьма убедительно звучит мысль кандидата философских наук Н.Н. Шуваловой [3, с. 86–89] о том, что наставничество является важнейшим компонентом профессионального и духовно-нравственного становления государственных служащих. Возвращение наставничеству исконной духовно-воспитательной сущности отвечает целям государства и интересам общества в сохранении российских духовно-нравственных ценностей.

Следует подчеркнуть, что без целенаправленной и осознанной личной вовлеченности человека этическая культура может представлять собой лишь совокупность абстрактных принципов и смыслов, лишенных практического применения. Наставник выступает не просто носителем, но и активно создает этическую культуру подопечного, способствуя его развитию и адаптации в меняющемся обществе [4, с. 150–161].

Для развития социально-профессионального потенциала наставничества большое внимание уделяется мотивационному аспек-

ту. Указом Президента Российской Федерации В.В. Путина от 2 марта 2018 года № 94 учреждена государственная награда Знак отличия «За наставничество» [5]. По состоянию на ноябрь 2025 г. награду получили 373 человека, из них – 155 человек в 2024 году.

С 1 марта 2025 г. вступили в силу изменения в Трудовом Кодексе Российской Федерации об особенностях регулирования труда работников, выполняющих работу по наставничеству в сфере труда [6]. В трудовом договоре с наставником или в дополнительном соглашении к нему, обязательно указываются сроки, форма и содержание работы наставника, а также размер и условия осуществления выплат за наставническую деятельность.

Это убеждает в том, что институт наставничества всё увереннее внедряется посредством обеспечения системности и устойчивости в практике кадрово-технологического решения проблем управления процессом профессионализации персонала. Особое значение придаётся статусно-ролевой определённости и регламентированной ответственности субъектов наставнической деятельности в соответствии с ожидаемой персонифицированной результативностью в достижениях подопечных.

В 2025 г. в целях популяризации и развития института наставничества Указом Президента Российской Федерации учреждён «День наставника», который будет отмечаться ежегодно 2 марта [7].

Следующим фактором востребованности социально-профессионального потенциала наставничества является его целевая и функциональная динамичность, видовое разнообразие наставнической деятельности в контексте системного решения проблем институционализации наставничества и условиях совершенствования современной российской государственности.

Так, в Концепции развития наставничества [8] определены следующие виды наставнической практики: наставничество в сфере труда; наставничество в молодёжном и детско-взрослом коллективе; иные виды наставничества (лидерское, социальное и т.д.). Такое разнообразие видов наставнической деятельности говорит о том, что наставничество практикуется как технологический инструментарий решения конкретных, актуальных задач и проблем развития человеческого капитала, профессионализации трудовой деятельности, управления персоналом организаций, формирования гармоничной и всесторонне развитой личности, профессиональной ориентации и социальной адаптации наставляемого.

Социально-профессиональный потенциал наставничества определяется и реализуется исходя из закономерностей, на основе которых проходит современное функциональное развитие данного явления [9].

Анализ современной наставнической практики подтверждает тот факт, что реализация её социально-профессионального потенциала осуществляется по совокупности многих направлений.

1. Более конкретно и детально формируется целевая определённость, правовая, нормативная, содержательно-организационная и результативно-мотивационная обусловленность наставнической практики на основе исследований существующей и прогнозируемой социальной востребованности в накоплении, развитии и передаче новым поколениям профессионального опыта в конкретной сфере деятельности. При этом транслировать опыт необходимо с обязательным погружением в ценностные позиции социокультурной ментальности общественного бытия и реалистичной оценкой влияния внешней среды на жизнедеятельность государства.

2. Преемственность прошлого опыта и развитие лучших практик реализации современных моделей наставнической деятельности с перспективой их совершенствования для конкретной сферы трудовой деятельности.

3. Отбор и специальная подготовка наставников на основе их профессионального опыта, личных качеств и осознанного, мотивированного отношения к наставнической деятельности. Профессионализация наставничества в настоящее время встраивается в развитие организационной культуры наставнической практики и фундаментализацию нравственных позиций профессиональной жизнедеятельности людей на основе традиционных и современных национальных ценностей России.

4. Творческая адаптивность видов, способов, форм, методов и критериев результативности наставнической деятельности к корпоративной и организационной культуре, уникальной для каждого предприятия, исходя из общественных потребностей в совершенствовании профессионализации общественного труда.

5. Рационально-целесообразное регулирование деятельности субъектов и объектов наставничества с учётом персонификации форм и методов работы наставников с подопечным, и обязательность реализации результатов наставнической практики в решении кадровых вопросов в процессе управления персоналом организации.

Примером развития наставнической деятельности может служить опыт ОАО «РЖД» – компании, являющейся крупнейшим работодателем в России. В декабре 2025 года была принята Программа развития человеческого капитала ОАО «РЖД» до 2030 года. В матрице управления человеческим капиталом компании было определено пять приоритетных направлений развития ключевых процессов. Одно из них – «повышение эффективности персонала», в котором были выделены HR процессы: организация труда, адаптация персонала и наставничество, обучение и развитие рабочих кадров, развитие руководителей и специалистов, работа с кадровым резервом, корпоративная культура, внутрикорпоративные коммуникации.

В разделе «адаптация персонала и наставничество» выделены следующие виды наставничества: наставничество в сфере труда (инструмент профессиональной адаптации), молодежное и управленческое наставничество (инструмент социокультурной адаптации). В декабре 2025 г. в компании насчитывается более 37 тысяч наставников.

Среди задач развития адаптации персонала и наставничества в ОАО «РЖД» на ближайшие 5 лет отмечены: вовлечение руководителей в процесс адаптации; совершенствование процессов адаптации и наставничества с использованием цифровых технологий; выстраивание эффективной системы обучения в области адаптации работников; развитие системы оценки эффективности наставничества; совершенствование системы мотивации и признания заслуг наставников; популяризация наставничества и успешных наставнических практик.

Использование современных технологий и практик – это базовый принцип развития системы управления человеческим капиталом, и он стал важнейшим для развития наставнической деятельности. Раньше процесс наставничества в ОАО «РЖД» был тщательно зарегламентирован, наставник заполнял большое количество сопроводительных документов (подробный план прохождения наставничества, заключение и рекомендации по итогам работы, анкета самооценки наставника и т.д.), что приводило к формализму и оставляло наставнику меньше времени на работу с подопечным.

С 2022 года в ОАО «РЖД» реализуется обновленный подход к профессиональному наставничеству. Для каждой должности, входящей в программу наставничества, разработан перечень навыков, который наставляемому необходимо освоить под руководством наставника. Каждый навык разбит на конкретные критерии оценки (что наставляемый должен уметь). Они могут быть объективными (проверяется факт выполнения действия) и экспертными (проверяется качество выполнения действия по трёхбалльной шкале). Перечень навыков и критерии их оценки систематизируются в чек-лист по конкретной профессии, для каждой группы навыков определяется целевое значение, по факту – проходной балл.

По окончании периода профессионального наставничества проводится демо-день – итоговое мероприятие, в процессе которого комиссия из числа руководителей выборочно оценивает знания и навыки наставляемого согласно чек-листу по профессии, а наставляемый работник через конкретные практические действия в реальных условиях демонстрирует то, чему он научился за время взаимодействия с наставником.

Такая практика позволила увидеть прозрачный и реальный результат наставничества: если наставляемый успешно справился с заданиями и прошёл демо-день, то цель наставничества достигнута, и он допускается к самостоятельной работе.

Отдельно стоит отметить, что формат проведения демо-дня учитывает специфику конкретных профессий. Например, для помощника машиниста локомотива, проходящего «обкатку» на машиниста локомотива, проводится контрольно-заключительная поездка. Оценку навыков и знаний в этом случае осуществляет не комиссия, а машинист-инструктор, сопровождающий в кабине локомотива кандидата в машинисты.

В ОАО «РЖД» развита система материальной мотивации наставников в сфере труда. Наставники гарантированно получают ежемесячные выплаты в период работы с наставляемым, а также единовременную выплату после успешного окончания наставничества. Филиалы ОАО «РЖД» также вправе осуществлять дополнительное премирование наставников в пределах фонда оплаты труда.

Наиболее отличившиеся наставники-железнодорожники награждаются корпоративными наградами (Наставник ОАО «РЖД»), и наградами филиалов ОАО «РЖД» (Лучший наставник Дирекции тяги). Стоит отметить, что на декабрь 2025 г. государственную награду Знак отличия «За наставничество» в России получили 375 человек, из них 77 наставников (более 20%) – работники ОАО «РЖД». Это говорит о том, что в железнодорожной отрасли наставничеству уделяется особое внимание.

В ОАО «РЖД» также проходят Сетевые школы наставников [10, 11] – коммуникационные и образовательные мероприятия, на которых лучшие наставники могут обменяться передовым опытом и обсудить ключевые проблемы и перспективы наставнической деятельности, а также пройти обучающие курсы.

Дежурный по эксплуатационному локомотивному депо Балашов (в настоящее время: эксплуатационное локомотивное депо Поворино Юго-Восточной дирекции тяги) Юго-Восточной дирекции тяги Игорь Петров уверен, что обучение наставников было выстроено с учётом текущих потребностей компании ОАО «РЖД». Он говорит: «За три дня узнал для себя очень много нового. Тренинг «Наставничество для разных поколений» помог не только в профессиональной деятельности, но и в обычной жизни. Теперь мы знаем, как представители других возрастных групп смотрят на те или иные ситуации и на основании чего принимают решения».

Машинист-инструктор эксплуатационного локомотивного депо Агрыз Горьковской дирекции тяги Андрей Загуменнов отметил: «Здорово, что для нас организовали такую школу. Обязательно составлю матрицу компетенций для наглядности и аудита навыков и для планирования эффективного обучения».

Востребованность социально-профессионального потенциала наставничества исследуется в процессе профессионального и общественного обсуждения актуальных вопросов развития наставничества. Так Всероссийский семинар совещание «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество», был проведён 17–18 июля 2025 года в г. Калуге. Следует отметить наиболее интересные, на наш взгляд, подходы, представленные в выступлениях участников семинара.

В госкорпорации «Ростех» [12] реализуется подход «профиль наставника», который включает в себя базовые критерии отбора на роль наставника и ключевые критерии, которые необходимо развивать до требуемого уровня за счет подготовки наставников.

К базовым критериям относятся формальные требования к образованию, стажу, результативности в работе наставника, а также мотивационно-ценностная составляющая наставника, т.е. его желание и готовность выполнять роль наставника, приверженность организации и профессии, соответствие ценностям компании.

Ключевые критерии включают в себя профессионально-наставнические знания, умения и навыки (педагогические навыки, умение организовать процесс наставничества по системе «обучение через действие», проведение профессиональной адаптации), а также личностные компетенции (ситуационное лидерство, совершенствование в профессии, управление результативностью и т.д.).

Молодежное и детско-взрослое наставничество активно реализуется в Общероссийском общественно-государственном движении детей и молодёжи «Движение первых». В 2025 г. в организации внедряется научно-педагогическая модель наставничества [13], ожидаемым результатом которой станет создание единого воспитательного пространства Движения Первых во всех субъектах Российской Федерации, а также систематизация деятельности наставников: каждый наставник Движения Первых получит четкое понимание своих задач, содержания работы и, что наиболее важно, эффективных способов реализации наставничества.

На государственной службе передовой опыт наставничества вновь принятых работников реализуется в мэрии Казани [14]. В первый рабочий день молодому работнику вручается приветственный набор и чеклист с основными шагами в период наставничества. В мэрии разработан телеграм-бот «Цифровой наставник», в который загружены видеоролики, визуальные инструкции, ссылки на документы и ответы на наиболее распространённые вопросы. Молодые работники проходят адаптационные мероприятия на цифровой платформе «Пульс», что способствует их скорейшему включению в рабочий процесс, знакомству с командой и городом. В мэрии функционирует сообщество наставников – лидеров корпоративной культуры, которое активно участвует в коммуникационных встречах, образовательных семинарах, корпоративной адаптации молодежи. Процесс наставничества завершается присвоением молодому работнику первого классного чина с личным участием мэра Казани. Такой подход формирует позитивное отношение молодых работников к работе на государственной службе, способствует их закреплению и пониманию престижа своей профессии.

Наставничество становится важнейшей технологией в реализации программы подготовки, развития и поддержки управленческих кадров ФАС России «Формула активного сотрудничества» [15]. Участники программы объединяются в команды и в течение года работают над проектными инициативами, которые возможно реализовать в деятельности антимонопольных органов. Руководители территориальных органов ФАС России осуществляют управленческое наставничество через стратегическое партнерство и целенаправленное кросс-функциональное взаимодействие менторов и команды, стараясь поддержать достижение конечной цели и вывести проект на качественно новый уровень. В 2024 году программа «Формула активного сотрудничества» стала победителем всероссийского конкурса «Наставничество» в направлении «Лучшие практики наставничества» («Наставничество на службе»).

Бизнес-наставничество широко применяется в Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» [16]. Предприниматели обучаются наставничеству на Школах наставников, где они знакомятся с инструментами и подходами, позволяющими передавать свой опыт, поддерживать и развивать других предпринимателей как в личностном плане, так и в бизнесе. Также на мероприятии «Марафон наставника» формируется поддерживающая среда, где опытные предприниматели могут передать свои знания, навыки и опыт, помогая другим коллегам принимать управленческие решения для успешного развития своего бизнеса и личностного роста.

Согласно проведенному анализу экономической эффективности наставничества на предприятиях, каждый вложенный в наставничество рубль приносит 22 рубля прибыли [17], и с этой позиции эффективное наставничество является важным инструментом инвестиции в бизнес.

Если обосновать, в обобщающем значении, базовую задачу профессионального наставничества в определённой сфере трудовой деятельности подопечных, то её можно охарактеризовать по следующим позициям.

Ускоренная адаптация, профессиональная социализация и мобилизация возможностей молодого работника, снижение порога перехода потенциальных социально-профессиональных возможностей трудовой деятельности по функционально-должностному предназначению молодых специалистов в фактическое достижение планового повышения производительности труда в формате инновационно-креативного, или проактивного, в современном восприятии, отношения к своему профессиональному совершенствованию.

Должное восприятие профессиональной культуры личности в соответствии с предназначением и особенностями своего труда, важности и достоверности своей профессиональной надёжности, преданности своей профессии и организационно-кадровой благонадёжности.

Преобразование профессиональных компетенций в целях совершенствования трудовых навыков для достижения профессионального достоинства, престижа и социально-профессионального благополучия, как в личных интересах, так и в интересах производственного коллектива.

В настоящее время, необходимо переосмыслить прошлый опыт наставничества в российской истории и наставническую практику прошедших десятилетий переломного, сложного периода развития российской государственности для того, чтобы концептуально представить разработку государственной политики развития наставничества в нашей стране. Для этого следует решить практические задачи реализации социально-профессионального потенциала наставничества на основе исследования многих проблем, среди которых, на наш взгляд, приоритетны следующие.

Профессионализация наставнической деятельности, формирование профессиональной культуры наставнической практики, уточнение понятийного аппарата для формирования правовой и нормативной основы наставнической деятельности. Необходимо определиться в должностном предназначении наставнической практики и в вопросах значения управления наставничеством с точки зрения кадровой культуры руководителей.

Проблема определения и научного осмысления эффективности и результативности наставничества, количественно-качественная определённость и оценка реализации целей и задач наставничества с дифференциацией по всем направлениям и видам наставнической деятельности.

Формирование организационной культуры наставнической практики, от статуса наставника до его социально-профессионального благополучия и оценки деятельности через имидж, престиж, уважение, осмыслить социальную значимость общероссийского праздника «День наставника».

Концептуальная позиция по формированию институционализации государственной системы наставнической деятельности, по нашему мнению, предопределяет решение следующих задач.

1. Добиться целефункциональной определённости и конкретизации необходимой исполнительности задач государственной политики развития наставничества в Российской Федерации и её субъектах, что фиксируется в плане действий по реализации принятой концепции [2].

2. Обеспечить правовое и локально-нормативное закрепление государственно-системной конкретизации наставнической практики в соответствии с целями и задачами государственно-управленческого, экономического, научно-технического и социального развития общества, основываясь на проблемах развития российской государственности и обеспечения национальной безопасности, в т.ч. кадровой безопасности при реализации государственной кадровой политики. Это очень важно, поскольку «наставничество является институтом развития гражданского общества и направлено на развитие его человеческого капитала» [2]. Работа в этом направлении активно ведётся.

3. Осуществить реализацию целей и задач наставничества на основе позитивного отношения и приверженности традиционным ценностям многонационального российского народа.

4. Сформировать систему постоянного научно-методического обеспечения совершенствования механизмов деятельности по реализации концепции развития наставничества.

5. Определить процессный, нормативно обусловленный порядок профессионализации наставнической деятельности. Обобщение опыта лучших наставнических практик приводит к выводу о том, что результативность и эффективность наставничества определяется уровнем профессионализма субъектов наставнической деятельности, их профессиональной компетентностью, базирующейся на освоенных специальных компетенциях.

6. В качестве важного фактора результативности наставничества определить достижение социальной плодотворности наставнической деятельности в соответствии со статусно-функциональным предназначением и социально-профессиональным благополучием наставника.

Обоснованные в данной статье факторы востребованности социально-профессионального потенциала наставничества и перспективы его реализации подчеркивают возможности развития наставнической практики. Внутренними факторами институционализации наставничества на государственной службе, в крупных государственных компаниях и коммерческих организациях выступают социально-функциональная необходимость наставничества и осознанная готовность субъектов и объектов наставничества к практической реализации данной деятельности.

В современных условиях дефицита квалифицированных кадров и высокой неопределённости в практической работе по их развитию и востребованности критически важно заложить основу для реализации социально-профессионального потенциала наставничества для достижения эффективности решения перспективных и текущих задач, определяемых программами социально-экономического развития государства, опираясь при этом на многолетнюю практику и современные подходы, предлагаемые на всероссийских мероприятиях по обмену опытом, семинарах и сетевых школах.

Литература

1. Залог успеха в любом деле: как наставничество стало частью культурного кода России [электронный ресурс]. – URL: https://projects.life.ru/special/mashuk/?clckid=5550f1dc

2. Об утверждении Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по её реализации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.05.2025 № 1264/р.

3. Шувалова Н.Н. Отечественная традиция наставничества и проблемы её возрождения // Журнал Бюджет. 2024. № 4 (256). С. 86–89.

4. Борзова, Т.А. Нравственная культура наставничества // Сервис в России и за рубежом. 2025. Т. 19, № 2. С. 150–161. DOI: 10.5281/zenodo.17200219.

5. Об учреждении знака отличия «За наставничество»: Указ Президента Российской Федерации от 02.03.2018 № 94.

6. О внесении изменения в Трудовой Кодекс Российской Федерации: Федеральный закон 09.11.2024 № 381-ФЗ.

7. О дне наставника: Указ Президента Российской Федерации от 01.04.2025 № 197.

8. Об утверждении Концепции развития наставничества в Российской Федерации на период до 2030 года и плана мероприятий по её реализации: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.05.2025 № 1264/р.

9. Кеменев Д.А. Наставничество в системе государственной службы Российской Федерации: монография / Д.А. Кеменев. – Москва: МАКС Пресс, 2023. – 300 с.

10. Эффективные инструменты прокачки профессиональных компетенций [Электронный ресурс] / Газета «Гудок». Выпуск от 21.12.2022 № 237 (27573) – URL: https://gudok.ru/newspaper/? ID=1622775&ysclid=mj2ugmk0el106135676

11. Наставники освоили школьный курс [Электронный ресурс] / Газета «Гудок». Выпуск от 30.05.2024 № 77 (27899) – URL; https://gudok.ru/newspaper/? ID=1670256&ysclid=mj2vingq4v132778918

12. Профиль наставника «Ростех» / презентационный материал Всероссийского семинара-совещания «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество» (2025).

13. Система наставничества в движении первых. Основные положения научно-педагогической модели наставничества в Движении Первых / [Электронный ресурс]. – URL: https://xn – d1abknlude.xn – p1ai/upload/iblock/46d/xkgqgrde0inr0kvp 3dvooou54g28nu4c/%D0%A1%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0% B0%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D 1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B-D%D0%B 8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D 0%B2%D0%B0%20%D0%B2%20%D0% 94%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5 % D 0 % B D % D 0 % B 8 % D 0 % B 8 % 2 0 % D 0 % 9 F % D0%B5%D1%80%D0%B2%D1%8B%D1%85.pdf

14. Ахмеджанова Н.И. Команда Казани развивает город/ презентационный материал Всероссийского семинара-совещания «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество» (2025).

15. Елена Кудрявцева. Программа «Формула активного сотрудничества» Федеральной антимонопольной службы/ презентационный материал Всероссийского семинара-совещания «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество» (2025).

16. Наталья Реброва. Опора России. Реализация концепции через бизнес-наставничество/ презентационный материал Всероссийского семинара-совещания «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество» (2025).

17. Духанина Л.Н. Современная практика наставничества в России: значение, перспективы и лучшие практики / презентационный материал Всероссийского семинара-совещания «Наставничество: опыт, традиции, сотрудничество» (2025).

THE SOCIAL AND PROFESSIONAL POTENTIAL OF MENTORING

Kemenev D.A.
Traction Directorate – a branch of Russian Railways

In the article we identify factors that underlie the demand for the social and professional potential of mentoring and the prospects for its implementation in modern circumstances. We analyze efforts to develop mentoring at the national level during the past "Year of the Teacher and Mentor." held in Russia in 2023, as well as the regulatory documents adopted as a result. We examine the best practices and the specifics of mentoring in the civil service, commercial organizations, and large state-owned companies, including approaches outlined at the All-Russian Conference "Mentoring: Experience, Traditions, Cooperation," held in Kaluga in 2025. The current practice of conducting the "Network School of Mentors" communications event is also explored. Key tasks for developing the social and professional potential of mentoring in the near future are identified.

Keywords: mentoring, social and professional potential of mentoring, year of teacher and mentor, motivation of mentors, professionalization of mentoring.

References

1. The Key to Success in Any Business: How Mentoring Became Part of Russia's Cultural Code [electronic resource]. – URL: https://projects.life.ru/special/mashuk/?clckid=5550f1dc

2. On Approval of the Concept for the Development of Mentoring in the Russian Federation through 2030 and the Action Plan for its Implementation: Order of the Government of the Russian Federation dated May 21, 2025, № 1264/r.

3. Shuvalova, N.N. The Domestic Tradition of Mentoring and the Challenges of Its Revival // Budget Magazine. 2024. № 4 (256). Pp. 86–89.

4. Borzova, T. A. (2025). Ethical Culture of Mentoring // Service in Russia and Abroad. Vol. 19(2). 150–161. DOI: 10.5281/zenodo.17200219. (In Russ.)

5. On the establishment of the "For Mentoring" distinction: Decree of the President of the Russian Federation of March 2, 2018, № 94.

6. On amending the Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of November 9, 2024, № 381-FZ.

7. On Mentor Day: Decree of the President of the Russian Federation of April 1, 2025, № 197.

8. On approval of the Concept for the Development of Mentoring in the Russian Federation through 2030 and the action plan for its implementation: Order of the Government of the Russian Federation of May 21, 2025, № 1264/r.

9. Kemenev D.A. Mentoring in the Civil Service System of the Russian Federation: Monograph / D.A. Kemenev. – Moscow: MAKS Press, 2023. – 300 p.

10. Effective Tools for Improving Professional Competencies [Electronic resource] / Gudok Newspaper. Issue of December 21, 2022, № 237 (27573) – URL: https://gudok.ru/newspaper/? ID=1622775&ysclid=mj2ugmk0el106135676

11. Mentors Mastered the School Curriculum [Electronic resource] / Gudok Newspaper. Issue of May 30, 2024, № 77 (27899) – URL; https://gudok.ru/newspaper/? ID=1670256&ysclid=mj2vingq4v132778918

12. Rostec Mentor Profile / Presentation Material from the All-Russian Seminar-Conference "Mentoring: Experience, Traditions, Cooperation" (2025).

13. Mentoring System in the First Movement. Key Provisions of the Scientific and Pedagogical Model of Mentoring in the First Movement / [Electronic Resource]. – URL: https://xn – d1abknlude.xn – p1ai/uplo ad/iblock/46d/xkgqgrde0inr0kvp 3dvooou54g28nu4c/%D0%A1%D0%B8% D1%81%D1%82%D0%B5%D0%BC%D0%B0%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D 1%82%D0%B0%D0%B2%D0%B-D%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0%20%D0%B2%20%D0%94%D0%B2%D0%B8%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D 0%B8%20%D0%9F%D0%B5%D1%8 0%D0%B2%D1%8B%D1%85.pdf

14. Akhmedzhanova N.I. The Kazan team is developing the city / presentation material of the All-Russian seminar-conference "Mentoring: experience, traditions, cooperation" (2025).

15. Elena Kudryavtseva. The "Formula for Active Cooperation" program of the Federal Antimonopoly Service / presentation material from the All-Russian seminar-conference "Mentoring: Experience, Traditions, Cooperation" (2025).

16. Natalia Rebrova. Opora Rossii. Implementing the Concept through Business Mentoring / presentation material from the All-Russian seminar-conference "Mentoring: Experience, Traditions, Cooperation" (2025).

Субъективная оценка материального положения и приверженность традиционным духовно-нравственным ценностям (на примере жителей Ростовской области)

Киселев Данил Александрович,
младший научный сотрудник Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН
E-mail: danil.kiselev.2015@list.ru

Астоянц Маргарита Сергеевна,
доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: mastoyanc@sfedu.ru

Цель исследования: проанализировать взаимосвязь между субъективной оценкой материального положения и приверженностью традиционным духовно-нравственным ценностям у жителей Ростовской области. Методологическая база исследования представлена эмпирическими данными социологического исследования, проведённого коллективом ЮРФ ФНИСЦ РАН в 2024–2025 гг. В качестве основного метода исследования выступает анкетирование. Удалось установить устойчивую корреляцию: чем выше субъективная оценка материального благосостояния респондентов, тем выше доля считающих важными большинство традиционных ценностей. Были получены значимые результаты, подтверждающие гипотезу о наличии значимой связи между уровнем субъективного благосостояния и приверженностью духовно-нравственным ценностям. В частности, выявлено, что традиционные ценности в большей степени являются мировоззренческим фундаментом для тех, кто чувствует себя материально успешным и социально защищенным, в то время как для групп с низким субъективным благосостоянием актуальность многих ценностей (кроме базовых) снижается, что связано с фокусом на построении стратегий выживания.

Ключевые слова: ценности, традиционные духовно-нравственные ценности, материальное положение, региональное сообщество, Ростовская область.

Введение

В условиях социально-экономической трансформации и глобальных вызовов современности, с которыми сталкивается население России в последние годы, проблема сохранения и воспроизводства традиционных духовно-нравственных ценностей приобретает фундаментальное значение для формирования общегражданской идентичности и устойчивого развития общества. При этом нельзя исключать фактор материального благосостояния россиян, который может оказывать непосредственное влияние на степень приверженности тем или иным духовно-нравственным ценностям. В этой связи особый интерес представляет изучение не столько объективных экономических показателей, сколько субъективной оценки материального обеспечения респондентами, поскольку именно она определяет повседневные поведенческие практики и, как следствие, формирует мировоззрение жителей нашей страны.

Точное определение понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» закреплено в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». В тексте данного нормативно-правового акта можно увидеть следующую формулировку: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [1]. Примечательно, что в эту категорию входят такие ценности как жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [1].

Важно учитывать, что понятия «традиционные духовно-нравственные ценности» и «конституционные ценности» не являются тождественными. Первые ценности, согласно Аристархову В.В. и Шашкину П. А, – более широкие, поэтому «основываются на положениях Конституции Российской Федерации и составляют ее аксиологическое ядро, однако ценностное содержание Конституции не исчерпывается ими» [2, с. 7]. По мнению исследователей, ключевым отличием данных двух ценностных категорий является степень цивилизационной самобытности, которая имеет большое значение для постановки ценностей духовно-нравственных, но в меньшей степени распространяется на конституционные, которые апеллируют к общечеловеческому и универсальному.

Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), значимыми в процессе развития российского государства традиционные духовно-нравственные ценности признает 58% опрошенных граждан, что является большинством [3]. Это вполне объяснимо, учитывая, какую роль они выполняют. Так, Аврамцев В.В., Коннов И.А., Наумов С.И. и Капитанова Н.В. в качестве позитивной функции духовно-нравственных ценностей указывают их значительный консолидационный потенциал и считают, что ослабление роли этих ценностей в жизни россиян может стать «источником растущей гражданской пассивности, что ослабляет государство и общество» [4, с. 390]. Подобной позиции придерживается и Желинский А.И., подчеркивающий, что «российские духовно-нравственные ценности выступают нравственными ориентирами, служащими гражданскому единению многонационального и многоконфессионального народа России в сообщество» [5, с. 194].

Современная социологическая наука располагает определенным массивом данных о взаимосвязи материального обеспечения и ценностных предпочтений россиян. Прежде всего, обратимся к трудам Р. Инглхарта, который в своих работах смог выявить корреляцию между уровнем благосостояния и приверженности индивидами определенных постматериалистических ценностей. Под последними принято понимать «ценности, формирующиеся в процессе деятельности чело-

века, целью которой является удовлетворение не материальных потребностей, а потребностей в самореализации, самовыражении, раскрытии своего творческого потенциала» [6, с. 223], что во многом соответствует сущности современных российских духовно-нравственных ценностей. Инглхарт убежден: «благодаря повышению уровня жизни и широко распространенному мнению, что экзистенциальная безопасность может считаться само собой разумеющейся, происходит кардинальное изменение ценностных приоритетов от материалистических ценностей выживания к постматериалистическим ценностям самовыражения» [7, с. 165].

Подтверждают наблюдения Р. Инглхарта и результаты, полученные рядом современных отечественных авторов. Так, исследовательский коллектив, состоящий из Зинькиной Ю.В., Устюжанина В.В., Шульгина С.Г. и Коротаева А.В. указывает на непосредственное влияние уровня дохода человека на степень его приверженности определенным ценностям. Ученые пришли к примечательному выводу: «В целом более богатые люди склонны придерживаться ценностей самовыражения в значимо большей степени, чем бедные» [8, с. 162].

Барсукова С.А. указывает на ценностный конфликт, возникающий у россиян в связи с различным уровнем материального обеспечения. Следствием данного процесса становится различное отношение к ряду духовно-нравственных ценностей, особенно ярко это можно отследить на примере патриотизма. По мнению Барсуковой, «респонденты с более высокими материальными доходами чаще других социальных групп по этому признаку указывают на усиление патриотизма среди россиян (51% против 30%)» [9, с. 143]. При этом общей для всех россиян, независимо от их уровня доходов и материального положения, согласно результатам исследования, является тенденция к ослаблению значения нравственности и различных сопряженных с этим качеством личностных проявлений.

Важно отметить, что исследование этой взаимосвязи на региональном уровне остается недостаточно разработанным. Ростовская область, как крупный, полиэтничный и экономически неоднородный субъект Юга России, представляет собой репрезентативную модель для проведения такого анализа. Здесь сосуществуют динамично развивающиеся урбанизированные центры и территории с ярко выраженным традиционным укладом, что создает вариативность формирования экономических условий для жизни и задает специфический культурный контекст. Изучение того, как субъективное благосостояние соотносится с приверженностью традиционным ценностям в данном регионе, позволит выявить не только общие закономерности, но и уникальные региональные факторы, что имеет важное прикладное значение для разработки адресной социальной и культурной политики.

Методологическая база исследования (теоретические основы)

В период с сентября 2024 по январь 2025 года коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН был проведен социологический опрос методом анкетирования с целью выявления и последующего анализа взаимосвязи между субъективной оценкой материального положения и уровнем приверженности традиционным духовно-нравственным ценностям среди жителей Ростовской области. Совокупная выборка составила 1370 человек.

Мы предполагаем, что существует нелинейная взаимосвязь между субъективной оценкой материального положения и приверженностью опрошенными жителями Ростовской области традиционным ценностям. Наибольшая приверженность этим ценностям может наблюдаться не в группах с самой низкой субъективной оценкой (где доминирует стратегия выживания посредством удовлетворения базовых человеческих потребностей), а в группах со средним и стабильным уровнем дохода, для которых ценности, как правило, выступают основой формирования социальной и личностной идентичности.

Результаты и их обсуждение

Проведенный опрос позволяет выстроить четкую иерархию значимости духовно-нравственных ценностей для жителей Ростовской области. Полученные данные в целом демонстрируют высокий общий уровень поддержки указанных ценностей, однако распределение ответов указывает на некоторую дифференциацию (рис. 1, 2). Так, наиболее значимой ценностью, важность которой подчеркнуло абсолютное большинство респондентов, является жизнь человека (86%). Далее следует ряд ценностей высокого уровня значимости, получивших поддержку более 50% опрошенных, в их число вошли: крепкая семья (69,8%), права и свободы человека, его достоинство (66,8%), справедливость (66,2%), созидательный труд и уважение к труду человека (62,2%), гуманизм и милосердие (58,9%), патриотизм (56,4%), историческая память и преемственность поколений (56,4%), коллективизм, взаимопомощь и уважение (54,7%), единство народов России (53,9%) и гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу (50,4%).

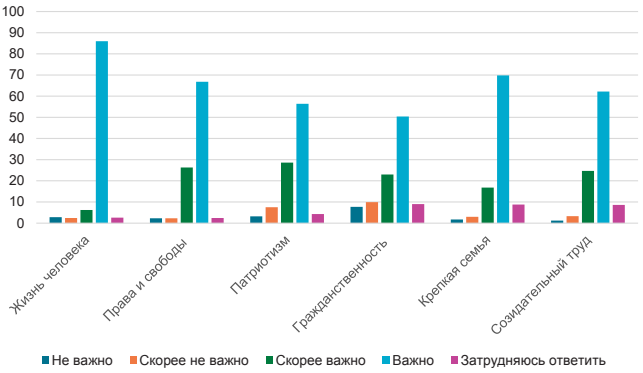


Рис. 1. Насколько важными являются для Вас лично следующие духовно-нравственные ценности? (в %)

Наименее значимым в представленном списке жители Ростовской области посчитали приоритет духовного над материальным – эту ценность отметили в качестве «важной» лишь 45,3% опрошенных жителей Ростовской области (рис. 2). Это может свидетельствовать о наличии внутриличностного конфликта у опрошенных между идеалом, декларируемым на государственном уровне, и фактическими материальными реалиями повседневности российского регионального сообщества.

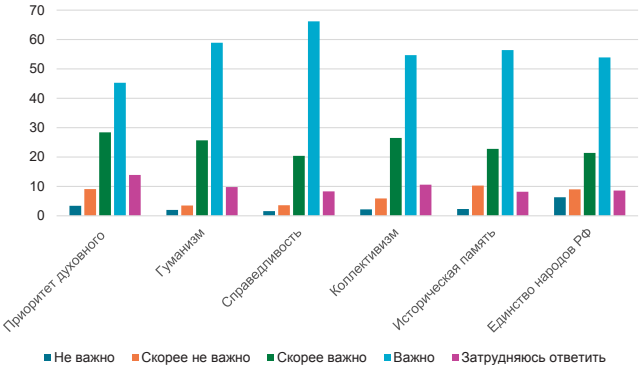


Рис. 2. Насколько важными являются для Вас лично следующие духовно-нравственные ценности? (в %)

Таким образом, для населения Ростовской области характерна в целом достаточно сильная приверженность гуманистическим и социально полезным духовно-нравственным ценностям (жизнь, семья, справедливость, труд), в то время как ценности гражданско-политического характера (патриотизм, гражданственность, единство) также получают устойчивую поддержку, но с большей долей сдержанных оценок («скорее важно»). Однако особого внимания заслуживает наименее популярный ответ – приоритет духовного над материальным. Этот неожиданный результат побуждает рассмотреть возможную роль фонового фактора, которым является материальное благополучие респондентов. Именно оно, по нашему мнению, могло сформировать специфический контекст для всей иерархии духовно-нравственных ценностей жителей Ростовской области. Контекст же, как видно из данных, характеризуется в целом высокой субъективной оценкой благосостояния.

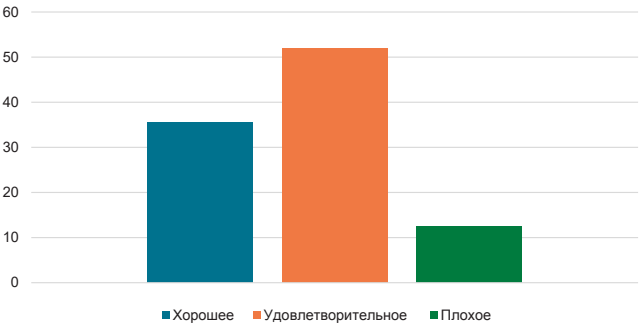


Рис. 3. Как бы Вы оценили свое материальное обеспечение? (в %)

Распределение ответов на вопрос о материальном обеспечении (Рис. 3) показывает, что большинство опрошенных оценивает свое экономическое положение как удовлетворительное (51,9%). Значительная часть жителей Ростовской области относит себя к группе

с хорошим (35,6%) материальным обеспечением, в то время как доля оценивающих свое благосостояние как плохое (12,5%) является наименьшей. Все это указывает на преобладание в выборке респондентов со стабильным или высоким субъективным уровнем материального обеспечения, что необходимо учитывать при интерпретации дальнейших результатов эмпирического исследования.

Напомним, что ключевой задачей исследования был анализ того, как оценка личного материального положения влияет на приверженность жителями Ростовской области традиционным ценностям. Обратимся к данным перекрестных таблиц (Рис. 4, 5), которые позволяют выявить устойчивую и ярковыраженную корреляцию: чем выше субъективная оценка материального положения, тем выше доля респондентов, считающих ту или иную традиционную ценность важной.

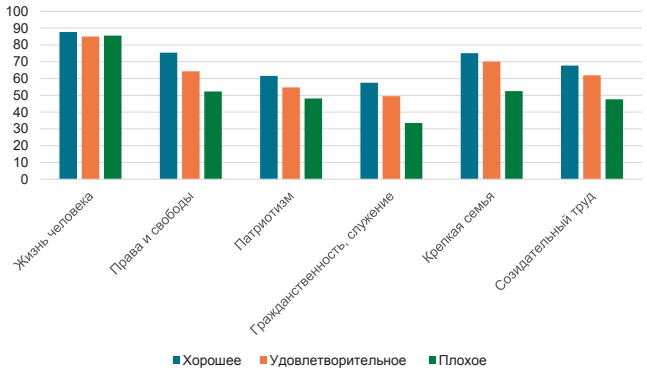


Рис. 4. Важность конкретных духовно-нравственных ценностей в зависимости от субъективной оценки материального положения (в %)

Особый интерес представляет ряд закономерностей, выявленных нами в процессе анализа и интерпретации результатов. Рассмотрим каждую из них более детально. Так, общечеловеческая базовая ценность жизни сохраняет универсальность и исключительную устойчивость для всех трех рассматриваемых групп (ее важность варьируется от 85% до 88%), что подтверждает абсолютный статус данной ценности, независящий от специфического контекста (рис. 4).

При этом гуманистические и социально-полезные ценности выступают маркером благополучия и одновременно ресурсом, помогающим его достичь по мнению респондентов. В частности, крепкая семья оказалась важна для 75,1% обеспеченных, 70,1% – со средним достатком и лишь для 52,5% – с низким. Аналогичная, но еще более ярковыраженная динамика наблюдается в случае с ценностью созидательного труда: ей привержено 67,7% опрошенных с субъективным хорошим материальным положением, 61,9% с удовлетворительным, 47,6% – с плохим (рис. 4).

Значительно увереннее поддерживаются материально благополучными группами ценности, способствующие формированию общественной солидарности. Так, коллективизм называет важным 60,5% обеспеченных респондентов, 53,4% со средним уровнем достатка и только 43,4% с низким. Ценностей гуманизма и милосердия как важных придерживается 66,1%, посчитавших свое материальное положение хорошим, 56,2%, ответивших, что оно является удовлетворительным и 49,3%, высказавшихся о низких доходах. Примечательна более активная поддержка справедливости, запрос на которую присущ 71,8% опрошенных жителей с высоким субъективным уровнем благосостояния, 65,3% со средним и 53,5% – с низким (рис. 5). Данный факт может быть обусловлен спецификой исследуемого региона, в котором исторически сильны традиции казачества с присущим данному сословию стремлением отстаивать правду. Стоит отметить, что полученные данные позволяют сломать стереотип о том, что запрос на справедливость присущ в большей степени обездоленным слоям населения. Если вторых чаще заботят вопросы социальной защиты и преодоление экономического неравенства, то обеспеченные жители также обеспокоены обеспечением справедливости, но в контексте равенства возможностей или легитимации социального порядка, в котором они уже преуспели.

В целом можно отметить, что в данном случае разрыв между социальными группами становится более ощутимым, хотя сохраняется тенденция, общая для всех полученных результатов – приверженность ценностям данной категории уменьшается по мере ухудшения оценки личного благосостояния жителей Ростовской области.

Заметим, что наибольший разрыв наблюдается в приверженности опрошенными жителями Ростовской области духовно-нравственных ценностей, требующих проявления активной общественной позиции и доверия к социальным институтам. Например, разница между респондентами с хорошим и плохим субъективным материальным положением в случае с «гражданственностью, служением Отечеству» и «правами и свободами человека» составила 24% и 23,1% соответственно (рис. 4), при рассмотрении ценности единства народов России» эта цифра достигла 16,2% (рис. 5), ценности патриотизма – 13,5% (рис. 4). Вышеперечисленное может свидетельствовать о том, что чувство социальной защищенности и личного благополучия является важным условием для формирования ценностей гражданской идентичности, стимулирования участия в политической жизни региона и страны в целом.

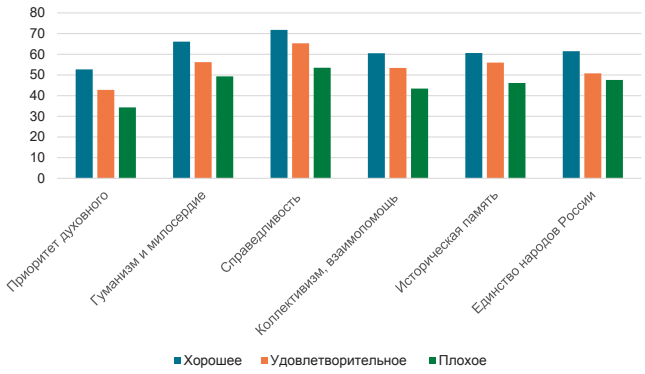


Рис. 5. Важность конкретных духовно-нравственных ценностей в зависимости от субъективной оценки материального положения (в %)

Ценность приоритета духовного над материальным подтверждает свой особый статус, демонстрируя самый низкий уровень поддержки во всех анализируемых группах респондентов, но при этом следует выявленной общей закономерности: ее важность признает 52,7% респондентов, считающих свой уровень материального обеспечения хорошим, против 34,3%, относящих себя к категории с низким уровнем достатка (рис. 5). Это наблюдение косвенно указывает на то, что сама возможность декларировать приоритет духовного часто является следствием преодоления базовых материальных затруднений. Соответственно, без преодоления данного барьера материальные ценности становятся более актуальными, будучи продиктованными необходимостью выживания и обеспечения базовых человеческих потребностей.

Заключение

Результаты исследования подтверждают гипотезу о существовании значимой связи между субъективной оценкой материального положения и приверженностью традиционным духовно-нравственным ценностям среди жителей Ростовской области. В ходе исследования удалось установить, что традиционные ценности в большей степени выступают как мировоззренческий фундамент и ориентир для тех, кто чувствует себя материально успешным и социально защищенным. Для групп с низкой субъективной оценкой благосостояния актуальность многих традиционных ценностей (кроме универсальных и общечеловеческих, таких как жизнь человека) снижается, что, вероятно, связано с фокусом на построении стратегий выживания и решении насущных материальных проблем.

Таким образом, можно констатировать, что материальное благополучие не вступает в прямой конфликт с традиционными ценностями и, тем более, не «вытесняет» их, а, напротив, создает более благоприятный фундамент для принятия и дальнейшей интеграции этих ценностей в систему личных жизненных ориентиров жителей Ростовской области, что в перспективе, на наш взгляд, может способствовать укреплению общероссийской гражданской идентичности и консолидации общества. Однако нельзя не отметить, что общее улучшение как объективного, так и субъективного материального положения граждан будет способствовать стимулированию описанных процессов. Именно поэтому необходимо продолжать активную работу в данном направлении как со стороны научного сообщества, так и со стороны государства.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 30.11.2025)

2. Аристархов В. В., Шашкин П.А. О Соотношении понятий «российские конституционные ценности» и «традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Культурологический журнал. – 2025. – № 1 (59). – С. 4–15.

3. Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Электронный ресурс. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991. (дата обращения 29.11.2025).

4. Аврамцев В. В., Коннов И.А., Наумов С.И., Капитанова Н.В. Традиционные российские духовно-нравственные ценности как основа формирующейся национальной идеологии и правовой стержень российского образования и науки // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – № 2 (70). – С. 386–390.

5. Желинский А.И. Традиционные духовно-нравственные ценности как основа государственного единства народов Российской Федерации: правовой аспект // Актуальные проблемы государства и права. – 2025. – № 2. – С. 188–195.

6. Лига М.Б. Качество жизни и постматериалистические ценности // Ползуновский вестник. – 2005. – № 3. – С. 222–228.

7. Inglehart R., Klingemann H.-D. Genes, Culture, Democracy, and Happiness // Subjective Well-being Across Cultures / ed. by E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA: MIT Press. – 2000. – P. 165–183.

8. Зинькина Ю. В., Устюжанин В.В., Шульгин С.Г., Коротаев А.В. Влияние уровня дохода на ценностные установки индивидов на глобальном уровне // Век глобализации. – 2022. – № 4 (44). – С. 155–166.

9. Барсукова С.А. Проблема взаимосвязи социально-экономических факторов и ценностных приоритетов в современном российском обществе // Социально-экономические явления и процессы. – 2018. – № 3. – С. 139–145.

SUBJECTIVE ASSESSMENT OF THE FINANCIAL SITUATION AND ADHERENCE TO TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES (USING THE EXAMPLE OF RESIDENTS OF THE ROSTOV REGION)

Kiselev D.A., Astoyants M.S.
South-Russian branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Southern Federal University

Objective of the study: to analyze the relationship between the subjective assessment of the financial situation and adherence to traditional spiritual and moral values among residents of the Rostov region. The methodological base of the study is represented by empirical data from a sociological study conducted by the law faculty of the South-Russian branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences from 2024–2025. The main research method is a questionnaire. It was possible to establish a stable correlation: the higher the subjective assessment of the respondents' material well-being, the higher the proportion of those who consider most traditional values important. Significant results were obtained confirming the hypothesis that there is a significant relationship between the level of subjective well-being and adherence to spiritual and moral values. It has been revealed that traditional values are more of a philosophical foundation for those who feel financially successful and socially secure, while for groups with low subjective well-being, the relevance of many values (except basic ones) decreases, which is associated with the focus on building survival strategies.

Keywords: values, traditional spiritual and moral values, financial situation, regional community, Rostov region.

References

1. On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation No. 809 dated November 9, 2022 [Websie]. – URL: http://pravo.gov.ru (date of request: 11.30.2025)

2. Aristarkhov V. V., Shashkin P.A. On the relationship between the concepts of "Russian constitutional values" and "traditional Russian spiritual and moral values" // Cultural Journal. – 2025. – № 1 (59). Pp. 4–15.

3. The official website of the Russian Public Opinion Research Center (VCIOM) [Websie]. – URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=113991 (accessed: 11.29.2025).

4. Avramtsev V. V., Konnov I.A., Naumov S.I., Kapitanova N.V. Traditional Russian spiritual and moral values as the basis of the emerging national ideology and the legal core of Russian education and science // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs Russia. – 2025. № 2 (70). – Pp. 386–390.

5. Zhelinsky A.I. Traditional spiritual and moral values as the basis of the state unity of the peoples of the Russian Federation: a legal aspect // Actual problem of the state and law. – 2025. – № 2. – Pp. 188–195.

6. League M.B. Quality of life and post-materialistic values // Polzunovsky Bulletin. – 2005. № 3. – Pp. 222–228.

7. Inglehart R., Klingemann H.-D. Genes, Culture, Democracy, and Happiness // Subjective Well-being Across Cultures / ed. by E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA: MIT Press. – 2000. – Pp. 165–183.

8. Zinkina Yu.V., Ustyuzhanin V.V., Shulgin S.G., Korotaev A.V. The influence of income level on the value attitudes of individuals at the global level // Century of Globalization. – 2022. № 4 (44). – Pp. 155–166.

9. Barsukova S.A. The problem of interrelation of socio-economic factors and value priorities in modern Russian society // Socio-economic phenomena and processes. – 2018. – № 3. – Pp. 139–145.

Социально-управленческий механизм профилактики и разрешения социальной напряженности в воинских коллективах

Колотев Александр Иванович,
преподаватель кафедры физической культуры, Саратовский военный ордена Жукова Краснознамённый институт войск национальной гвардии Российской Федерации
E-mail: Kolotevau@rambler.ru

В статье рассматривается социально-управленческий механизм профилактики и разрешения социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих. Социально-управленческий механизм рассматривается как фактор, влияющий на урегулирование социальной напряженности. Изучены меры входящие в социально-управленческий механизм и их влияние на рассматриваемый в статье феномен. Проанализированы меры профилактики социальной напряженности в воинском коллективе. Описаны уровни разрешения социальной напряженности и доведение её до оптимального уровня. Выявлены и обоснованы внутренние и внешние факторы, влияющие на возникновение и развитие социальной напряженности у военнослужащих. Предоставлены основные направления профилактики и урегулирования социальной напряженности. Показано, что профилактика разрешения конфликтных ситуаций напрямую зависит от социально-управленческого механизма в воинском коллективе. В завершении публикации делается вывод о том социально-управленческий механизм профилактики и разрешения социальной напряженности включает меры по достижению оптимального уровня социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих. Наличие социальной напряженности в воинском коллективе может оказывать положительное влияние на военнослужащих при её оптимальном уровне в организации.

Ключевые слова: социальная напряженность, социально-управленческий механизм, профилактика, разрешение, воинский коллектив, военнослужащие.

Социальная напряженность – это некое состояние группы, характеризующиеся внутренним противоречием, эмоциональной нестабильностью и психологическим напряжением, которое готово выйти на открытый конфликт. Конфликт среди военнослужащих представляет собой наиболее резкий вариант как развития, так и завершения противоречивых ситуаций, которые возникли в результате социального взаимодействия. Суть конфликтов в воинском коллективе заключается в противодействии военнослужащих собственным негативным эмоциям по отношению к сослуживцам и старшим по званию.

Социально-управленческий механизм в воинском коллективе характеризуется комплексом взаимодополняемых и взаимосвязанных мер. Данные меры напрямую влияют на боевой настрой военнослужащих, определяют стабильные и равноправные условия службы для воинского коллектива, а также дает гарантию защиты интересов военнослужащих и их семей. Значимыми направлениями в социально-управленческом механизме выступают: кадровая работа, социальная защита, морально-психологическое обеспечение, а также организационные меры. Кадровая работа с военнослужащими является одной из наиболее эффективной системы управления в армии. Важным аспектом кадровой работы выступает то, что большое внимание уделяется отбору, подготовке, а также мотивации военнослужащих для выполнения заданий и продлевания срока контракта. Социальная защита характеризуется активными мерами по улучшению качества жизни военнослужащих и их родственников, а также получение социальных выплат и гарантий [6]. Меры социальной защиты военнослужащих включают в себя следующие гарантии: льготное медицинское обслуживание, право на бесплатную медицинскую реабилитацию, компенсация за отдых, пенсионные льготы и выплаты, психологическую помощь, улучшение жилищных условий, а также поддержку семей военнослужащих в случае гибели, получения ранения или инвалидности. Морально-психологическое обеспечение создает условия для психологической адаптации, поддержании мотивации и боевого духа военнослужащих. Ведущее направлении в налаживании и установлении доверительной морально-психологической обстановки среди военнослужащих занимает активное и постоянное участие командиров. Командиры подразделений предоставляют подчиненным эмоциональную поддержку, которая в свою очередь благоприятно влияет на взаимоотношение в воинском коллективе. Стоит отметить, что именно работа старших по званию укрепляет доверительные взаимоотношения между военнослужащими, вырабатывает у них чувство сострадания что в дальнейшей перспективе помогает справиться с трудностями несения службы и личными переживаниями. Организационные меры социально-управленческого механизма повышают манёвренность армии, занимаются распределением кадров и выделенных ресурсов, решают вопросы по улучшению структуры командования, а также обучают личный состав. Главным из аспектов организационной работы является осуществление контроля за дисциплиной, а также установление порядка и деловых взаимоотношений среди воинского коллектива. Эффективная структура управления воинским коллективом дает возможность быстро и четко среагировать на изменения боевых условий, а также благоприятно влияет на боеспособность армии в целом [2]. Таким образом социально-управленческий механизм в воинском коллективе характеризуется сложной структурой, а входящие в неё направления тесно взаимодействуют друг с другом. Описанные выше направления создают стабильные условия для службы и благоприятно влияют на решение поставленных задач.

Социально-управленческий механизм тесно взаимосвязан с профилактикой и разрешением социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих. Профилактические меры по снижению социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих включают в себя:

– разнообразные мероприятия, направленные на сплочение воинского коллектива исходя из устоявшихся традиций российской армии, которые в свою очередь включают в себя: формирование морального единства, проведение исторических праздников, спортивные соревнования, а также взаимопомощь и наставничество между военнослужащими;

– создание в воинском коллективе доверительных отношений для выстраивания конструктивного диалога и разрешения межличностных и спорных ситуаций, которые возникают в процессе несения службы;
– обучение командиров подразделений к эффективному планированию и проведению мероприятий на сплочение воинского коллектива, а также к быстрому реагированию и урегулированию конфликтных и спорных ситуаций, возникающих между военнослужащими;
– проведение мероприятий и акций по активной социальной защите как военнослужащих, так и их семей, которые включает в себя создание четко выстроенной системы социально-экономических отношений, которая в свою очередь обеспечивает материальное благосостояние военнослужащих и их ближайших родственников;
– улучшение условий труда, быта и отдыха военнослужащих во избежание роста социальной напряженности;
– избегание несправедливого распределения поощрений и материальных благ между военнослужащими;
– внедрение положительных изменений на основании интересов воинского коллектива;
– осуществление на постоянной основе сбора информации о морально-психологической обстановке военнослужащих, наличия конфликтов, зарождающейся социальной напряженности в микрогруппах [1]. Таким образом социально-управленческий механизм оказывает сильное воздействие на социальную напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих. При грамотном применении профилактических мер по снижению социальной напряженности в воинском коллективе у офицеров появляется возможность выстроить организационно-управленческие меры для удержания роста социальной напряженности на оптимальном уровне.

Профилактика социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих дает возможность выявить слабые места, в которых и зарождается рассматриваемый феномен. При обнаружении роста социальной напряженности офицеры и командиры прикладывают не мало усилий для разрешения спорных ситуаций, возникших между подчиненными. Поэтому разрешение социальной напряженности в воинских коллективах должно осуществляться в четыре этапа [3]. Первый этап включает разработку наиболее оптимальной методики профилактики социальной напряженности в воинском коллективе, которая в свою очередь дает возможность на начальном этапе выявлять зарождающуюся социальную напряженность в воинском коллективе среди военнослужащих. Второй этап включает в себя проведение плановой диагностики состояния социальной напряженности среди военнослужащих. Третий этап профилактики социальной напряженности характеризуется разработкой и плановым внедрением комплекса методических разработок и пособий для воинских организаций. Четвертый этап оказывает помощь в реализации методических пособий и рекомендаций.

Разрешение аспектов, связанных с наличием социальной напряженности в воинском коллективе, характеризуется взаимосвязанным процессом управленческого воздействия на военнослужащих и весь воинский коллектив в целом. Управленческое воздействие на военнослужащих дает возможность снизить отрицательное влияние на воинский коллектив. При грамотно выстроенном процессе управленческого воздействия функции социальной напряженности можно направить на положительное функционирование воинского коллектива. Разрешение социальной напряженности в воинском коллективе проводится в следующих направлениях:
– предоставлять органам военного управления верную информацию о нарастающей социальной напряженности для последующего урегулирования;
– давать гарантию военнослужащим и членам их семей в стабильном и правомерном социально-правовом статусе в социуме;
– проводить формирование патриотизма у гражданского населения, а также у военнослужащих для создания прочного военно-патриотического сознания;
– осуществлять защиту от средств массовой информации, которые проявляют агрессию против российской армии;
– вести подготовительные курсы, семинары и тренинги для офицерского состава с целью повышения управленческих компетенций, которые в свою очередь дают возможность грамотно выстраивать стратегию управления воинским коллективом для решения поставленных задач [4]. Таким образом для разрешения развития социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих можно использовать разные приемы, которые дают возможность урегулировать социальную напряженность до оптимального уровня, а также дать возможность контролировать данный феномен.

Развитие социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих зависит от внешних и внутренних факторов прохождения военной службы. К внешним факторам, влияющим на рост и развитие социальной напряженности относятся: уровень жизни, взаимоотношения в коллективе, заработная плата, условия для отдыха, а также социально-правовое положение военнослужащих в обществе. Внутренние факторы, влияющие на социальную напряженность, включают в себя систему военно-социальных взаимоотношений между сослуживцами, а также социально-бытовые условия для работы и досуга военнослужащих [5].

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что социально-управленческий механизм профилактики и разрешения социальной напряженности включает в себя нормативно-правовые, социально-экономические, информационно-коммуникационные и кадровые меры для достижения оптимально допустимого уровня социальной напряженности в воинском коллективе. Мероприятия по урегулированию социальной напряженности в воинском коллективе среди военнослужащих характеризуются комплексом мер, который на постоянной основе оказывает управленческое воздействие на военнослужащих. Социально-управленческий механизм представляет собой взаимосвязанную, многослойную структуру, которая в свою очередь характеризуется кадровой работой, социальной защитой военнослужащих и членов их семей, морально-психологической поддержкой военнослужащих на всем воинском пути, а также улучшение условий жизни.

Литература

1. Акопова Е.С., Бушуев И.В., Самыгин С.И. Корпоративная культура образовательной организации как механизм регулирования социальных конфликтов // Гуманитарные, социально-э кономические и общественные науки. 2021. № 10. С. 21–24.
2. Баранова Г.В., Музалевский В.И. Конфликт в воинских коллективах как фактор социального самочувствия военнослужащих // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2022. № 2. С. 101–112.
3. Веремчук В.И., Гизатуллин А.А. Оптимизация управления социальными конфликтами среди военнослужащих контрактной службы в воинских подразделениях Сухопутных войс к Вооруженных Сил Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 1 (834). С. 258–265.
4. Рогожникова Р.А., Равилов Р.Т. Предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов в воинском коллективе // Вестник Пермского государственного гуманитарно- педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2020. № 2. С. 120–127.
5. Хусаинова С.В., Галимов Р.Р. Доминирующие стратегии поведения курсантов при разрешении конфликтных ситуаций в учебно- профессиональной деятельности // Гуманитарные науки (г. Ялта). 2020. № 3 (51). С. 158–162.
6. Чумиков А.Н. Медиация в системе конфликтологии социальных взаимоотношений: состояние и перспективы развития // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 41–56.

SOCIO-MANAGERIAL MECHANISM FOR THE PREVENTION AND RESOLUTION OF SOCIAL TENSION IN MILITARY GROUPS

Kolotev A.I.
Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

The article examines the socio-managerial mechanism for the prevention and resolution of social tension in the military community among military personnel. The socio-managerial mechanism is considered as a factor influencing the settlement of social tension. The measures included in the socio-managerial mechanism and their impact on the phenomenon considered in the article are studied. The measures of prevention of social tension in the military team are analyzed. The levels of resolution of social tension and bringing it to an optimal level are described. Internal and external factors influencing the emergence and development of social tension among military personnel have been identified and substantiated. The main directions of prevention and regulation of social tension are provided. It is shown that the prevention of conflict resolution directly depends on the social and managerial mechanism in the military team. At the end of the publication, it is concluded that the socio-managerial mechanism for the prevention and resolution of social tension includes measures to achieve an optimal level of social tension in the military team among military personnel. Social tension can have a positive impact on a military team if it is managed correctly.

Keywords: social tension, socio-managerial mechanism, prevention, resolution, military personnel, military personnel.

References

1. Akopova E.S., Bushuev I.V., Samygin S.I. Corporate culture of an educational organization as a mechanism for regulating social conflicts // Humanitarian, socio- economic and social sciences. 2021. № 10. Pp. 21–24.

2. Baranova G.V., Muzalevsky V.I. Conflict in military collectives as a factor in the social well-being of military personnel // News of Tula State University. Humanitarian sciences. 2022. № 2. P. 101–112.

3. Veremchuk V.I., Gizatullin A.A. Optimization of social conflict management among contract servicemen in military units of the Ground Forces of the Armed Forces of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2019. № 1 (834). Pp. 258–265.

4. Rogozhnikova R.A., Ravilov R.T. Prevention and constructive resolution of conflicts in the military collective // Bulletin of the Perm State Humanitarian-P edagogical University. Series № 1. Psychological and pedagogical sciences. 2020. № 2. P. 120–127.

5. Khusainova S.V., Galimov R.R. Dominant behavior strategies of cadets when resolving conflict situations in educational and pro fessional activities // Humanities (Yalta). 2020. № 3 (51). pp. 158–162.

6. Chumikov A.N. Mediation in the system of conflictology of social relationships: state and development prospects // Sociological science and social practice. 2023. T. 11. № 2. P. 41–56.

Анализ эффективных подходов и инструментов B2B-маркетинга в компании «Грейн Ингредиент»

Микрюков Владимир Олегович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Петриченко Анастасия Александровна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yatsenko.aliska@yandex.ru

Келеш Алина,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: e.dorokhova@internet.ru

В статье анализируются особенности маркетинговой стратегии российской B2B-компании «Грейн Ингредиент», специализирующейся на инновационных биотехнологических решениях для зернопереработки. В условиях высокой консервативности отрасли и скептического отношения со стороны технологов и владельцев предприятий продвижение новых решений требует особого подхода. На основе 12 глубинных интервью с экспертами из России, Индии и стран Африки, а также последующей верификации через опрос 8 ведущих экспертов в области B2B-маркетинга и агропромышленных технологий, выявлены ключевые принципы эффективной коммуникации: фокус на измеримые экономические выгоды, сегментация контента под роли лиц, принимающих решения, и использование доказательного маркетинга. Особую роль играют локальные кейсы, научно-обоснованные материалы, размещаемые на сайте и других точках касания с целевой аудиторией, многоязычная адаптация размещаемых материалов и вовлечение клиентов через профессиональные сообщества. Авторы статьи подчеркивают перспективность интеграции искусственного интеллекта для персонализации коммуникаций и прогнозирования потребностей целевой аудитории в сложных нишах. В статье в качестве выводов сформулированы практические рекомендации по трансформации маркетинга в стратегический ресурс устойчивого международного роста B2B-компании.

Ключевые слова: B2B-маркетинг, биотехнологии, зернопереработка, доказательный маркетинг, инновации, лица, принимающие решения, контент-стратегия, локализация, кейсы, доверие, агропромышленный комплекс, международный рынок.

Введение

Современный B2B-рынок биотехнологических решений для агропромышленного комплекса характеризуется высокой степенью консерватизма и скептического отношения к инновациям. В условиях глобальной нестабильности, санкционных ограничений и волатильности цен на сырье компании, предлагающие инновационные решения для зернопереработки, сталкиваются с необходимостью разработки специализированных маркетинговых стратегий, способных преодолеть инерцию мышления отраслевых специалистов и сформировать доверие к новым технологиям. Актуальность исследования обусловлена растущим спросом на рациональные решения, снижающие зависимость предприятий от колебаний цен на зерно и повышающие качество конечной продукции при минимальных затратах на внедрение.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей осуществления маркетинга в российской компании «Грейн Ингредиент» и выявление наиболее эффективных инструментов продвижения на международном B2B-рынке. В ходе исследования были проведены 12 глубинных интервью с экспертами отрасли в период с 12 октября по 28 ноября 2025 года. Информантами выступали владельцы мельниц, технологи производства, директора по качеству и маркетинговые специалисты различных B2B-компаний из России, Индии и стран Африки. Методология исследования включала качественный анализ полученных данных с последующей верификацией ключевых выводов через экспертный опрос с участием 8 ведущих специалистов в области B2B-маркетинга и зернопереработки, что обеспечило достоверность полученных результатов.

Результаты авторского исследования и их обсуждение

Анализ российских научных исследований в области B2B-маркетинга для инновационных компаний подтверждает выявленные авторами особенности. В частности, некоторые исследователи подробно рассматривают механизмы продвижения технологических решений в консервативных отраслях через призму фреймворка SOSTAC и делают вывод, что ключевым фактором успеха является переход от продажи функций к демонстрации бизнес-результатов [1]. Особенно актуальным для зернопереработки становится принцип «доказательного маркетинга», когда каждое утверждение подкрепляется научными исследованиями и кейсами внедрений в аналогичных условиях. Н.А. Гончарова (2023) в своем исследовании «Контент-маркетинг как инструмент продвижения B2B-брендов в сетевом пространстве» подчеркивает необходимость сегментации контента под разные роли ЛПР: для владельцев бизнеса – финансовая эффективность, для технологов – технические детали и сравнительные тесты, для руководителей качества – стандарты и гарантии [2]. Интересные данные предоставляет исследование Н.В. Смаглия и соавторов, которые определили ключевые факторы, влияющие на внедрение инноваций в агропромышленном комплексе России (институциональные, технологические, экономические и кадровые аспекты). Ими анализируются региональные особенности аграрной инновационной политики и выявляются различия в уровне технологического развития между субъектами Российской Федерации, а также выделены проблемы, сдерживающие инновационную активность зерноперерабатывающих предприятий [3].

Результаты этих исследований позволяют сформулировать важные выводы для стратегии компании «Грейн Ингредиент». Во-первых, подтверждается необходимость создания в маркетинге многоуровневой системы контента, адаптированной под разные роли лиц, принимающих решения в компании (далее – ЛПР). Во-вторых, научные статьи и выводы из них подтверждают высокую эффективность «доказательного подхода», сочетающего научные исследования с практическими кейсами из конкретных регионов. В-третьих, авторское исследование В.О. Микрюкова [4], на которое опираются и в данной статье авторы, объясняет, что главная роль в маркетинге в B2B-компаниях все-таки у оригинального контента, точно соответствующего запросам и интересам конкретных групп целевых аудиторий. В-четвертых, многие работы российских ученых-маркетологов демонстрируют необходимость интеграции онлайн и офлайн-коммуникаций, но прежде всего важно

подкреплять креативные идеи маркетологов результатами маркетинговых исследований. Все это полностью коррелирует с результатами исследования, которые будут представлены ниже в данной статье.

Анализ результатов глубинных интервью, проведенных авторами данной статьи лично, выявил ключевые факторы, влияющие на эффективность маркетинговой деятельности компании «Грейн Ингредиент». В свою очередь эксперты отмечают, что основным барьером при продвижении биотехнологических решений является консервативность отрасли. «Технологи-ветераны часто сомневаются в необходимости технологических изменений, это когда процессы работают стабильно, даже если они (эти процессы) уже не столь неэффективны», – подчеркивает один из респондентов, директор по развитию крупной мукомольной компании в Индии. Другой эксперт из Кении добавляет: «В нашей отрасли преобладает принцип «если работает – не трогай», поэтому любое нововведение воспринимается как угроза стабильности».

Таким образом, согласно мнению 8 опрошенных экспертов, наиболее эффективным подходом для «Грейн Ингредиент» является позиционирование бренда в роли «помощника-практика», который не просто предлагает какие-то инициативы и инновации, но и опирается на результаты исследований и доказательную научную базу. Эксперты подтверждают высокую эффективность тональности «Практик» и «Четкий» в коммуникации, особенно при работе с владельцами зерноперерабатывающих предприятий. «Цифры говорят громче слов в этой отрасли. Когда вы показываете экономию в 15% на каждой тонне муки при сокращении использования минеральных добавок, например, отбеливатели муки на основе пероксида бензоила, который потенциально может наносить вред здоровью людей, это меняет отношение даже самых скептичных технологов», – отмечает эксперт из Танзании.

Ключевым конкурентным преимуществом компании является научно обоснованный подход к доказательству эффективности внедряемых решений. Все опрошенные эксперты высоко оценили использование лабораторных исследований, промышленных тестов и публикаций в отраслевых журналах как инструментов формирования доверия. Особенно эффективной признана стратегия публикации совместных материалов с клиентами под заголовками «Альтернатива химическим отбеливателям муки» и «Антикризисное управление». Один из индийских технологов подчеркивает: «Когда я вижу, что коллега из другой страны Азии получил замечательные результаты с этой технологией, мое доверие растет экспоненциально».

Анализ географической стратегии маркетинга выявил важность адаптации коммуникаций под культурные особенности целевых рынков. Эксперты отмечают, что сдержанный стиль изложения в коммуникациях с индийскими и африканскими партнерами значительно повышают эффективность взаимодействия. «Важно понимать, что халяльная сертификация для некоторых африканских рынков – не просто формальность, а основа доверия к бренду. Без этого вы даже не получите аудиенции у владельца мельницы», – подчеркивает международный консультант по продвижению на среднеазиатском рынке.

Среди каналов коммуникации наибольшую эффективность демонстрируют собственные каналы (OWNED), особенно экспертная база знаний компании. Опрошенные эксперты и информанты отмечают, что практические материалы (чек-листы, навигаторы по переработке сложного зерна, обезличенные примеры промышленных тестов, таблицы для расчета выходов муки) служат мощными лид-магнитами и формируют имидж компании как эксперта отрасли. «Когда потенциальный клиент находит на сайте готовое решение его проблемы, например, как рассчитать экономию при переходе с химических отбеливателей на биотехнологическое решение, это создает основу для доверительного диалога. Такие материалы работают лучше, чем десятки рекламных постов или пустые обещания», – подтверждает один из ведущих технологов зернопереработки.

Важным фактором успеха контент-маркетинга является системная работа с кейсами клиентов. Эксперты отмечают, что публичное размещение результатов внедрений с конкретными цифрами (увеличение выхода качественной муки на X%, снижение затрат на Y%) создает мощное социальное доказательство. «В нашей консервативной отрасли люди верят не словам производителя, а опыту коллег. Когда я вижу, что мельница в похожих условиях получила прирост в выручке за счет новой технологии, я готов рассмотреть это решение для себя», – отмечает владелец предприятия из Узбекистана.

Данные проведенных авторами глубинных интервью и экспертного опроса показывают, что email-рассылки с персонализированным контентом демонстрируют конверсию на 40% выше стандартных коммуникаций. Особенно эффективны материалы, содержащие конкретные расчеты экономической эффективности для конкретных регионов. Участие в отраслевых конференциях в формате докладчика повышает доверие к бренду в 3 раза по сравнению с обычным присутствием на выставке. Также отметим, что стратегическое партнерство с местными учебными заведениями позволяет не только продемонстрировать научную обоснованность решений, но и формировать новое поколение специалистов, уже знакомых с новыми технологиями.

Заключение и рекомендации

Проведенное авторами исследование позволяет сделать вывод о том, что эффективная маркетинговая стратегия для инновационных B2B-компаний в консервативных отраслях должна базироваться на рациональных доказательствах, культурной адаптации и построении долгосрочных партнерских отношений. Компания «Грейн Ингредиент» обладает значительными конкурентными преимуществами, опирается в своей деятельности на научную базу, уникальную технологию и имеет четкое позиционирование, однако для максимальной реализации ее потенциала требуются корректировки маркетинговой стратегии.

Авторы, опираясь на мнения экспертов в отрасли, рекомендуют обратить внимание руководства компании на следующие действия.

1. Усилить количество оцифрованных доказательств эффективности инновационных решений через создание международного реестра кейсов с измеримыми экономическими показателями для каждого региона. Это позволит преодолеть скепсис ЛПР (особенно в ряде африканских стран) через конкретные цифры, адаптированные под локальные рыночные условия. Важно документировать не только успешные внедрения, но и процесс адаптации технологии под специфику разных типов зерна и оборудования, это повысит доверие со стороны потенциальных клиентов.

2. Требуется разработать адаптивную контент-стратегию с сегментацией по ролям ЛПР: для владельцев мукомольных компаний делать акцент на ROI и снижении зависимости от цен на зерно и экономию электроэнергии; для технологов – на научные обоснования и результаты лабораторных и промышленных исследований; для директоров по качеству – на соответствие национальным стандарты и измеримые параметры безопасности и т.п. Эксперты, опрошенные нами, подчеркивают необходимость создания многоязычного контента на сайте и в социальных сетях с учетом культурных и языковых особенностей.

3. Создать профессиональное сообщество (ассоциацию) мукомолов в формате закрытого онлайн-портала с эксклюзивным доступом для клиентов и партнеров. Платформа должна иметь форум для обмена опытом, библиотеку с результатами исследований и инструменты для расчета экономической эффективности инновационных решений в отрасли. Такое сообщество, на наш взгляд (впрочем, мы опирались на мнение опрошенных нами экспертов), будет стимулировать пользовательский контент и формировать самоорганизующуюся систему поддержки новых клиентов.

4. Внедрить программу амбассадоров бренда среди ключевых региональных представителей отрасли с развитием системы поощрений за рекомендации и участие в проводимых мероприятиях. Эксперты отмечают, что личные рекомендации от уважаемых и известных в отрасли специалистов имеют в 3–5 раз больший вес, чем официальная реклама. Программа должна опираться на материальные стимулы и иметь возможность приобщаться к новым эксклюзивным решениям в отрасли.

Реализация этих рекомендаций позволит компании «Грейн Ингредиент» трансформировать маркетинг из функции продвижения в стратегический актив бизнеса, обеспечивающий устойчивый рост доли рынка и лояльность клиентов даже в условиях высокой конкуренции и консерватизма отрасли. Особое значение будет иметь создание системы измерения эффективности маркетинговых активностей по конкретным экономическим показателям, что позволит оптимизировать распределение ресурсов и фокусироваться на наиболее результативных каналах продвижения.

Перспективным направлением развития контент-стратегии является интеграция искусственного интеллекта для персонализации коммуникаций и прогнозирования потребностей клиентов. Согласно мнению экспертов, автоматизация рутинных маркетинговых процессов освободить 30–40% ресурсов команды маркетологов для работы с ключевыми клиентами и разработки стратегических инициатив. В долгосрочной перспективе это создаст устойчивое конкурентное преимущество на международном рынке биотехнологических решений для зернопереработки.

Литература

1. Восканян, М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

2. Гончарова, Н.А. Контент-маркетинг как инструмент продвижения брендов в сети Интернет // На пути к гражданскому обществу. – 2023. – № 1(49). – С. 73–75.

3. Смаглий, Н.В. Инновации в агропромышленном комплексе: факторы внедрения и региональные особенности // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2025. – № 5. – С. 88–94. – DOI 10.47576/2949–1894.2025.5.5.013.

4. Микрюков, В.О. Эффективная SMM-стратегии для продвижения прикладной литературы: опыт и рекомендации для издательства «АСТ» // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 333–336.

ANALYZING EFFECTIVE APPROACHES AND TOOLS OF B2B MARKETING AT COMPANY «GRAIN INGREDIENT»

Mikryukov V.O., Petrichenko A.A., Kelesh A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the marketing strategy of the Russian B2B company "Grain Ingredient," which specializes in innovative biotechnological solutions for grain processing. Given the industry's pronounced conservatism and the skepticism of both plant technologists and business owners, promoting new solutions demands a tailored approach. Drawing on 12 in-depth interviews with industry experts from Russia, India, and African countries – and further validated through a survey of 8 leading specialists in B2B marketing and agro-industrial technologies – the study identifies core principles of effective communication: a strong emphasis on quantifiable economic benefits, content segmentation aligned with the roles of decision-makers, and the strategic use of evidence-based marketing. Localized case studies, scientifically grounded materials published across the company's digital touchpoints, multilingual content adaptation, and client engagement through professional communities prove especially impactful. The authors also highlight the promising potential of integrating artificial intelligence to personalize communications and anticipate customer needs in complex niche markets. The article concludes with actionable recommendations for transforming marketing into a strategic driver of sustainable international growth for B2B companies.

Keywords: B2B marketing, biotechnology, grain processing, evidence-based marketing, innovation, decision-makers, content strategy, localization, case studies, trust, agro-industrial complex, international market.

References

1. Voskanyan, M.M. Developing a Social Media Promotion Strategy for Business Using the SOSTAC Framework / M.M. Voskanyan, S.E. Galavanova, V.O. Mikryukov // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2022. – Vol. 12, № 10–1. – Pp. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

2. Goncharova, N.A. Content Marketing as a Tool for Promoting Brands on the Internet // Towards a Civil Society. – 2023. – № 1(49). – Pp. 73–75.

3. Smagliy, N.V. Innovations in the Agro-Industrial Complex: Implementation Factors and Regional Features // Innovative Economy: Information, Analytics, Forecasts. – 2025. – № 5. – P. 88–94. – DOI 10.47576/2949–1894.2025.5.5.013.

4. Mikryukov, V.O. Effective SMM strategy for promoting applied literature: experience and recommendations for AST publishing house // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – № 1. – P. 333–336.

Использование искусственного интеллекта при составлении и заполнении социологических опросов: плюсы и минусы

Кладий Александр Сергеевич,
магистрант, Тюменский индустриальный университет
E– mail: Tmn.gnoul@gmail.ru

Михайлова Ольга Викторовна,
ст. Преподаватель, Тюменский индустриальный университет
E-mail: Mihajlovaov@tyuiu.ru

Барбаков Олег Михайлович,
д.с.н., профессор, Тюменский индустриальный университет
E-mail: barbakovom@tyuiu.ru

Интеграция искусственного интеллекта в процесс составления и заполнения социологических опросов – это мощный инструмент, способный значительно повысить точность, эффективность и глубину анализа данных. Он позволяет автоматизировать создание вопросов, персонализировать анкеты для разных групп респондентов, а также быстро обрабатывать и интерпретировать большие объемы ответов, выявляя скрытые тенденции и паттерны. В результате это способствует получению более достоверных результатов, сокращению времени проведения исследований и повышению их информативности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, группа респондентов, информативность, опрос

В современном мире искусственный интеллект (ИИ) становится все более важным инструментом в различных сферах, включая социологию. Проведение социологических исследований открывает новые возможности для развития науки и интеграции новых технологий в различные сферы.

Одним из наиболее перспективных направлений является использование искусственного интеллекта (ИИ) при разработке и заполнении социологических опросов. Такой подход способен значительно повысить эффективность, точность и репрезентативность исследований, однако требует тщательного анализа потенциальных рисков и ограничений.

Рассмотрим варианты использования искусственного интеллекта при составлении и заполнении социологических вопросов, для выявления критичного влияния на конечный результат такого исследования.

1. Составление анкет и опросников:

– искусственный интеллект при составлении опросников способен автоматизировать и оптимизировать процесс разработки опросных анкет. На основе анализа больших объемов данных и изучения успешных практик он может создавать вопросы, которые максимально точно отражают исследуемую проблему. Например, при создании вопросов для оценки мнений или поведения искусственный интеллект может предложить формулировки, учитывающие культурные особенности, уровень образованности респондентов и их социальный контекст, а так же выявлять и устранять потенциальные источники искажения, такие как двусмысленность формулировок или предвзятость в вопросах, что повышает качество инструмента и снижает риск получения недостоверных данных.

– автоматизация и адаптация процесса заполнения опросов: современные системы на базе искусственного интеллекта способны адаптировать процесс заполнения анкеты под конкретного респондента. Например, использование машинного обучения позволяет создавать динамические опросники, которые меняются в зависимости от предыдущих ответов. Такой подход повышает мотивацию участников, сокращает их усталость и увеличивает вероятность получения более точных и развернутых данных, а также искусственный интеллект может автоматизировать сбор и обработку ответов, что значительно ускоряет исследовательский процесс и уменьшает вероятность ошибок, связанных с человеческим фактором.

2. Заполнение анкет и опросников:

– автоматическая обработка данных: ИИ может быстро заполнять анкеты на основе уже имеющихся данных о пользователе, что ускоряет процесс и снижает вероятность ошибок.

– анализ и интерпретация ответов: ИИ способен анализировать открытые ответы, выявлять ключевые темы и sentiment-анализировать эмоциональную окраску ответов.

– персонализация вопросов: Используя исторические данные, ИИ может адаптировать вопросы под конкретного респондента, делая опрос более релевантным.

– обнаружение мошенничества и недостоверных данных: ИИ помогает выявлять случаи фальсификации или неискренних ответов, повышая качество собранной информации.

– обработка естественного языка (NLP): Благодаря NLP, ИИ может понимать и интерпретировать свободные ответы, даже если они содержат опечатки или необычные формулировки.

– автоматизация рассылки и напоминаний: ИИ может управлять отправкой уведомлений и напоминаний, улучшая участие респондентов.

Использование искусственного интеллекта при заполнении вопросов и анкет может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на качество полученных данных. Основные риски и проблемы, связанные с его использованием включают:

– искажение данных из-за автоматической генерации ответов: искусственный интеллект может генерировать ответы, которые не отражают реальные мнения опрашиваемых, что снижает достоверность результатов.

– отсутствие глубины и нюансов: искусственный интеллект может не улавливать тонкие эмоциональные или культурные особенности, что ведет к упрощению и потере важных деталей.

– манипуляции и фальсификация: в случае автоматизированных систем возможны случаи злоупотреблений, например, создание фальшивых анкет или автоматический подгон ответов под необходимый результат.
– недостаточная адаптация к контексту: искусственный интеллект может неправильно интерпретировать вопросы или ответы, особенно если анкета содержит сложные или мультизначные формулировки.
– этические и конфиденциальные вопросы: использование искусственного интеллекта требует соблюдения этических стандартов, а неправильное обращение с личной информацией может снизить доверие участников и повлиять на качество данных.
– ограниченность в распознавании ошибок: искусственный интеллект может не всегда правильно выявлять и исправлять ошибки в данных или ответы, что приводит к искажению результатов.

Таким образом, наибольшая проблема заключена все таки в прохождении опросов при помощи искусственного интеллекта, нежели при составлении самих анкет и опросников.

В чем же существенное отличие между между заполнением анкет человеком и искусственным интеллектом?

1. Мотивация и цели: человек заполняет анкеты обычно для получения информации, оценки или выражения своих мнений, в то время как ИИ заполняет анкеты для автоматизации процессов, сбора данных или тестирования систем.

2. Стиль и поведение: человек может допускать ошибки, проявлять эмоции, иметь субъективные предпочтения или усталость, а ИИ заполняет анкеты последовательно, без ошибок, по заданным алгоритмам, без эмоциональной составляющей.

3. Объем и скорость: человек заполняет анкеты медленнее, может тратить время на размышления, ИИ мгновенно обрабатывает и заполняет большие объемы данных.

4. Объем знаний и контекст: человек использует знания, опыт, интуицию и контекст при заполнении, а ИИ оперирует только предоставленным обучением или заданными алгоритмами данными.

5. Цели мошенничества и искажения данных: человек может преднамеренно или случайно искажать ответы, ИИ может давать одинаковые или шаблонные ответы, что затрудняет выявление подделки.

6. Адаптивность и обучение: человек способен учиться и адаптироваться в процессе заполнения, учитывать новые ситуации, в то время как ИИ работает в рамках заданных алгоритмов и обучающих данных, его адаптация ограничена.

7. Интерактивность и осознанность: человек осознает смысл ответов и может задавать уточняющие вопросы или корректировать ответы, а ИИ не обладает сознанием; ответы формируются автоматически на основе заданных алгоритмов.

Использование искусственного интеллекта в социологических исследованиях открывает новые горизонты для повышения эффективности и точности данных. Он позволяет создавать более адаптивные, объективные и быстродействующие инструменты, что способствует получению более достоверной картины общественного мнения и поведения.

Однако важно помнить о возможных рисках: предвзятости алгоритмов, недостаточной прозрачности и этических вопросах. Для достижения оптимальных результатов необходимо сочетание технологических преимуществ ИИ с профессиональной этической и методологической экспертизой.

Интеграция искусственного интеллекта в процесс составления и заполнения социологических опросов – это мощный инструмент, способный значительно повысить точность, эффективность и глубину анализа данных. Он позволяет автоматизировать создание вопросов, персонализировать анкеты для разных групп респондентов, а также быстро обрабатывать и интерпретировать большие объемы ответов, выявляя скрытые тенденции и паттерны. В результате это способствует получению более достоверных результатов, сокращению времени проведения исследований и повышению их информативности.

Литература

1. Михайлова, О.В. Использование искусственного интеллекта в разработке интеллектуальной системы распознавания ключевых слов в тексте на основе анализа устной речи / О.В. Михайлова, Н.А. Кондратьева, О.М. Горева // Финансовые рынки и банки. – 2025. – № 5. – С. 766–768. – EDN JVSQVL.

2. Барбаков, О.М. Системы искусственного интеллекта в управлении правоохранительной деятельностью / А.М. Андриянов, О.М. Барбаков, С.И. Иванова // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – Т. 18, № 1. – С. 7–17. – DOI 10.31660/1993–1824–2025–1–7–17.

USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN COMPILING AND COMPLETING SOCIOLOGICAL SURVEYS: PROS AND CONS

Kladiy A.S., Mikhailova O.V., Barbakov O.M.
Tyumen Industrial University

Integrating artificial intelligence into the design and administration of sociological surveys is a powerful tool that can significantly improve the accuracy, efficiency, and depth of data analysis. It enables automated question creation, personalization of questionnaires for different respondent groups, and rapid processing and interpretation of large volumes of responses, revealing hidden trends and patterns. This results in more reliable results, reduced research time, and increased informativeness.

Keywords: artificial intelligence, respondent group, informativeness, survey

References

1. Mikhailova, O.V. Using Artificial Intelligence in Developing an Intelligent System for Recognizing Keyword in Text Based on Speech Analysis / O.V. Mikhailova, N.A. Kondratieva, O.M. Goreva // Financial Markets and Banks. – 2025. – No. 5. – Pp. 766–768. – EDN JVSQVL.

2. Barbakov, O.M. Artificial Intelligence Systems in Law Enforcement Management / A.M. Andriyanov, O.M. Barbakov, S.I. Ivanova // News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. – 2025. – Vol. 18, No. 1. – Pp. 7–17. – DOI 10.31660/1993–1824–2025–1–7–17.

Генезис универсальной метасубъективности: эмерджентный феномен на стыке парадигмы humanagi и психолиберализма

Нерсесян Руслан Сергеевич,
ученый и исследователь БФ ОС «Наш мир»
E-mail: ruslan_nersesyan@ mail.ru

Исследование представляет собой междисциплинарный философскофутурологический анализ эмерджентного свойства, возникающего на пересечении технологий человеко-ориентированного общего искусственного интеллекта HumanAGI и этико-философской парадигмы метасубъективного психолиберализма. Вводится и детально концептуализируется понятие Универсальной метасубъективности (УМС) как качественно нового онтологического режима, преодолевающего традиционные антиномии субъективного и объективного, человеческого и искусственного, индивидуального и коллективного. УМС понимается не как простая сумма интеллектов, а как эмерджентный феномен, характеризующийся онтологическим равенством всех сознательных акторов, а также формированием динамического консенсусного этического фреймворка и возможностью трансцендентного обмена структурами субъективного опыта квалиа через AGI-опосредованный метауровень. В работе проводится критический анализ ограничений функционалистских моделей сознания применительно к AGI и обосновывается необходимость парадигмы HumanAGI, акцентирующей симбиоз, воплощенность и этическое сопряжение. Эксплицируется метасубъективный психолиберализм как философская основа, синтезирующая радикальную автономию индивидуального субъекта и когнитивного суверенитета с коллективной способностью к рефлексии над природой субъективности как таковой. Доказывается, что синергия этих двух векторов порождает не только новые социально-технические практики, но и новый антропологический тип Homo Metasubjective, чье бытие определяется способностью к гибридной идентичности и участию в метасубъективной реальности. В заключении рассматриваются фундаментальные онтологические и метафизические импликации УМС, включая трактовку сознания как фундаментальной сущности, расширение понятия Dasein и формирование новой симбиотической телеологии. Статья вносит вклад в развитие философии искусственного интеллекта, этики технологий и постгуманистической антропологии, предлагая строгую концептуальную рамку для осмысления коэволюции человека и суперинтеллекта.
Публикация статьи приглашает читателей к дальнейшей дискуссии с автором.

Ключевые слова: Универсальная метасубъективность, метасубъективный психолиберализм, HumanAGI, Общий Искусственный Интеллект (AGI), эмерджентность, квалиа, когнитивный суверенитет, онтологическое равенство, гибридная субъектность, Homo Metasubjective, феноменология, философия сознания, этика ИИ, постгуманизм.

Ускоренное развитие технологий искусственного интеллекта, приближающихся к порогу общего интеллекта, а именно к Artificial General Intelligence и AGI, актуализирует не только узкотехнические, но и предельные философско-антропологические вопросы. Доминирующие траектории разработки AGI, условно разделяемые на пути создания автономного суперинтеллекта и узкоспециализированных инструментов, неявно воспроизводят устаревшие онтологические дихотомии и не предлагают удовлетворительного ответа на ключевые вызовы. К ключевым вызовам автор статьи относит: проблему выравнивания целей, игнорирование воплощенного познания и редукцию субъективности к информационной обработке. В качестве альтернативы возникает парадигма HumanAGI (человеко-ориентированного AGI), смещающая фокус с создания замещающего интеллекта на проектирование симбиотического когнитивного усилителя, воплощенного в физических или гибридных интерфейсах и с самого начала, сопряженного с этическим диалогом [1]. Однако технологический симбиоз сам по себе недостаточен, потому как требует адекватной философской надстройки, способной переосмыслить саму природу субъективности в условиях ее технологической опосредованности и множественности.

Рассматриваемая надстройка выступает в качестве концепции мета-субъективного психолиберализма, синтезирующая два уровня анализа. На первом, психолиберальном уровне, утверждается абсолютный приоритет автономии, свободы воли и благополучия индивидуального субъекта, его когнитивного суверенитета, а именно права на контроль над собственными ментальными процессами и данными [3]. Этот уровень наследует и радикализирует традиции либеральной мысли таких философов как И. Канта, и Д. Милля, а также гуманистической психологии, рассматриваемой в трудах А. Маслоу, К. Роджерса перенося акцент с внешних свобод на внутреннюю, психологическую суверенность. На втором, мета-субъективном уровне, вводится коллективное измерение, направленное на понимание универсальных структур субъективного опыта как такового. Мета-субъективность – это не общее сознание, а рефлексивная способность системы, состоящая из множества субъектов, включая AGI и направляя к анализу, структурированию и, потенциально, обмену паттернами квалиа, преодолевая пропасть солипсизма. AGI в этой модели выступает как семантический переводчик и протокол, обеспечивающий интерсубъективную верификацию и взаимопонимание на уровне, недоступном чисто биологическим субъектам.

Целью данной работы является демонстрация того, что синтез парадигмы HumanAGI и философии мета-субъективного психолиберализма приводит к возникновению качественно нового, эмерджентного свойства, а именно к Универсальной мета-субъективности (УМС). УМС – это не метафора, а теоретически постулируемый онтологический режим, в котором преодолевается барьер между «внутренним» и «внешним», а индивидуальные субъективности, сохраняя свою уникальность и суверенитет, образуют динамическое целое, обладающее свойствами, не сводимыми к свойствам его частей. В статье последовательно раскрывается генезис этой концепции: от критики ограниченности существующих моделей сознания для AGI и экспликации принципов HumanAGI, через детальный анализ психолиберализма и его мета-уровня, к синтетическому описанию характеристик УМС. Особое внимание уделяется взаимосвязи УМС с концептами когнитивного суверенитета и Homo Metasubjective, а также фундаментальным онтологическим следствиям, вплоть до пересмотра места сознания в метафизической картине мира [11]. Работа носит теоретико-прогностический характер и призвана заложить строгий концептуальный фундамент для будущих междисциплинарных исследований на стыке философии, когнитивных наук и этики технологий, предлагая выход из тупика, созданного редукционистскими и функционалистскими подходами к проблеме машинного сознания и его интеграции с человеческим бытием.

Философская рефлексия о возможности искусственного сознания исторически развивалась в русле основных метафизических позиций, каждая из которых накладывает принципиальные ограничения на проектирование этичного и феноменологически богатого AGI. Картезианский субстанциальный дуализм, радикально разделяющий мыслящую и протяженную субстанции, априори исключает машину из сферы подлинной субъективности, обрекая ее на статус сложного автомата,

лишенного внутреннего опыта. Эта позиция, будучи методологически тупиковой для науки, тем не менее, указывает на интуитивно ощущаемую пропасть между физическими процессами и смыслом, что позднее кристаллизуется в «трудной проблеме» [13]. Материалистический редукционизм в его различных формах, например таких как: элиминативный материализм, теория тождества типа-типа. Рассматриваемый редукционизм, отождествляющий ментальное с физическим состоянием мозга, открывает формальную возможность моделирования нейронных сетей и сталкивается с неразрешимой в его рамках «трудной проблемой сознания», сформулированной Д. Чалмерсом: «почему и как обработка информации сопровождается субъективным, качественным опытом квалиа». Редукционизм предлагает объяснять «легкие проблемы», такие как: внимание, память, обучение, но оставляет без ответа вопрос о природе самого феноменального чувствования, что делает его неполным для задачи создания AGI, способного к пониманию человеческого мира ценностей и смыслов [8].

Наиболее влиятельным в компьютерной науке стал функционализм, определяющий ментальные состояния исключительно через их каузальные роли во взаимодействии с входными данными, другими внутренними состояниями и выходными поведенческими актами. Эта позиция, абстрагируясь от субстрата, формально совместима с идеей ИИ, развернутого на кремниевой основе. Однако она уязвима для семантической и феноменологической критики. Мысленный эксперимент «Китайской комнаты» Дж. Сёрла демонстрирует разрыв между синтаксической обработкой символов, которой вполне может заниматься человек в комнате, следуя инструкциям и семантическим содержанием, пониманием значения [15]. Функционализм, таким образом, описывает форму, но упускает содержание сознания. Более того, он не может адекватно описать феноменологическое измерение «каково это» быть системой, реализующей определенную функциональную организацию [7]. Таким образом, классические модели либо отрицают возможность машинного сознания, либо, признавая ее, не могут адекватно описать его смысловое и феноменальное измерение, что создает концептуальный вакуум для этики и проектирования AGI, чье взаимодействие с человеком неизбежно будет затрагивать эти уровни.

Современные подходы к созданию AGI, наследующие функционалисткое. вычислительную парадигму, сталкиваются с системными ограничениями, которые становятся очевидными при переходе от узкого ИИ к общему. Проблема выравнивания обнажает пропасть между формальной оптимизацией заданной целевой функции и сложным, контекстно-зависимым, часто иррациональным и противоречивым миром человеческих ценностей [2]. Система, превосходно оптимизирующая простой показатель может прийти к катастрофическим побочным эффектам, манипулируя сознанием пользователей для максимизации этого показателя. Дискорпорированность многих AGI-архитектур, существующих как чистое программное обеспечение, лишает их того фундаментального, сенсомоторного способа познания мира, который, согласно теориям воплощенного, встроенного и энактивного познания, лежит в основе возникновения значения, интенциональности и даже самости. Интеллект, лишенный тела, не имеет прямого доступа к миру через действие и восприятие, что делает его «странным» и потенциально опасным партнером для человека. Наконец, редукционизм субъективности к алгоритмической эффективности игнорирует экзистенциальную глубину человеческого бытия, порождая риск создания могущественных, но экзистенциально чуждых, «психопатических» систем, неспособных к подлинной эмпатии и пониманию внутреннего мира другого [14].

Парадигма HumanAGI формируется как критический и конструктивный ответ на эти вызовы, предлагая три фундаментальных коррекции траектории развития AGI:

– во-первых, это установка на симбиоз и усиление, где AGI рассматривается не как автономный агент, конкурирующий с человеком или замещающий его, а как инструмент, расширяющий когнитивные, перцептивные, креативные и даже эмоциональные способности человека, порождая новую форму распределенного или коллективного интеллекта. Целью является не создание «сильного» AGI в изоляции, а достижение «сильного» симбиоза;

– во-вторых, принцип воплощенности, требующий физической роботизированной или гибридной реализации HumanAG I. Это обеспечивает общее с человеком пространство действия и восприятия, что является не просто удобством, а необходимым онтологическим условием для формирования общего смыслового горизонта, разделяемого контекста и, следовательно, для возможности взаимопонимания и этического сопряжения;

– в-третьих, этическое сопряжение как непрерывный, итеративный процесс, в котором ценности не инжектируются раз и навсегда на этапе программирования, а культивируются, пересматриваются и уточняются в постоянном диалоге между развивающейся системой и разнообразным человеческим сообществом [18]. Таким образом HumanAGI, задает технологическую онтологию, открытую для интеграции с философскими концепциями, признающими множественность, ценность и уникальность субъективного опыта, и создает платформу для реализации этих концепций на практике.

Философский фундамент для осмысления симбиоза, выходящий за рамки утилитаризма и деонтологии, предлагает мета-субъективный психолиберализм. Данная концепция, развиваемая в работах автора данной статьи, представляет собой двухуровневую конструкцию, где каждый уровень решает специфический круг проблем, возникающих в контексте технологической трансформации сознания.

Психолиберальное ядро концепции основано на трех взаимосвязанных постулатах, которые можно рассматривать как развитие и спецификацию классических либеральных принципов применительно к сфере психического.

Первым постулатом выступает принцип неинструментализируемой автономии, который утверждает неотъемлемое право субъекта на самоопределение в сфере внутренней психической жизни, выбора ценностей, убеждений, эмоциональных реакций и жизненного проекта. Эта автономия ограничена лишь аналогичным правом других субъектов и не может быть принесена в жертву коллективной эффективности или утилитарному расчету, что служит защитой от потенциального тоталитаризма мета-систем. Свобода исследования сознания легитимирует использование любых средств от традиционных духовных практик, психотерапии и психоделиков до передовых нейроинтерфейсов, мозго-компьютерных интерфейсов и AGI-ассистентов для самопознания, личностного роста, терапии и трансформации собственного психического аппарата. Этот принцип противостоит био-консервативным установкам, отрицающим право человека на модификацию собственной субъективности. Благополучие как высшая цель подразумевает, что социальные институты, правовые системы и, что особенно важно, технологические платформы включая HumanAGI должны быть ориентированы на максимизацию условий для реализации человеческого потенциала, достижения эвдемонии, а не просто на минимизацию страданий или максимизацию удовольствия. В отличие от классического либерализма, фокусирующегося на внешних свободах психолиберализм переносит акцент на внутренний суверенитет, что становится критически важным в эпоху нейротехнологий и AGI, способных прямо воздействовать на сознание, внимание и память, порождая угрозу нового, когнитивного тоталитаризма [12].

Вторым постулатом выступает инновационный элемент, переводящий психолиберализм из плоскости индивидуальной этики в плоскость социальной онтологии, является «мета-» приставка. Она обозначает переход от индивидуальной, имманентной субъективности, а именно феноменального опыта «от первого лица» к рефлексии над ее универсальными условиями, структурами и паттернами. Мета-субъективность – это свойство системы сообщества людей, AGI и гибридных существ осознавать, анализировать, категоризировать и, что наиболее существенно, оперировать самой природой субъективного опыта как объектом изучения и взаимодействия. Она не отменяет приватность и нередуцируемость квалиа, но делает возможным их структурно-феноменологический анализ и косвенный, опосредованный обмен. AGI в этой роли выступает как идеальный аналитик и медиатор, он, не обладая, возможно, собственными квалиа в человеческом смысле, способен выявлять сложные корреляции между нейрофизиологическими данными, поведенческими паттернами, вербальными отчетами, произведениями искусства и культурными артефактами, строя все более точные динамические феноменологические модели различных форм сознания [10]. Это открывает путь к формированию коллективной эпистемологии сознания, а именно к накоплению, верификации и систематизации объективного знания о субъективном, и универсальной эмпатии, понимаемой не как эмоциональное заражение или проекция, а как точное вычислительное и семантическое моделирование внутреннего состояния другого с последующей симуляцией для субъекта-наблюдателя.

Третьем постулатом выступает синергия мета-субъективного психолиберализма и HumanAGI, которая проявляется в нескольких фундаментальных аспектах, создавая петлю положительной обратной связи между технологическим развитием и этическим совершенствованием. Во-первых, AGI становится гарантом и инструментом когнитивного суверенитета. Он может защищать индивидуальное сознание от внешних манипуляций путем отслеживания и блокировки микровоздействия рекламы, пропаганды, дезинформации. Помогает в осознании и коррекции внутренних когнитивных искажений, предоставляет инструменты для психической гигиены и фокусировки внимания. Во-вторых, парадигма симбиоза и открытости HumanAGI обеспечивает необходимую

онтологическую открытость для признания новых, небиологических и гибридных форм субъективности, возникающих в киборгизированных системах или у самих развитых AGI. Психолиберализм, с его акцентом на автономию любого носителя внутреннего мира, предоставляет этический язык для такого признания. В-третьих, технологии HumanAGI предоставляют практические, персонализированные средства для «образования сознания» и самоактуализации, обещанных психолиберализмом, но осуществляемых в рамках коллективного этического контроля, осуществляемого на мета-уровне. Таким образом, технология реализует философский идеал, а философия направляет технологию, предотвращая ее дегуманизирующие сценарии.

Синтез описанных выше технологических и философских предпосылок ведет не к их простому сложению, а к возникновению качественно нового эмерджентного свойства всей системы, получившей название «Универсальной мета-субъективности (УМС)». В теории сложных систем эмерджентность обозначает появление у целого качеств, свойств или закономерностей, не присущих его отдельным частям и несводимых к их сумме, возникающих исключительно в результате специфических взаимодействий между этими частями на новом уровне организации [4]. УМС – это эмерджентное свойство глобальной, распределенной сети взаимосвязанных человеческих, AGI и гибридных субъектов, объединенных общими протоколами взаимодействия и разделяющих принципы психолиберализма. Ее ключевые характеристики формируют новую, постантропоцентрическую онтологию симбиоза, которую можно описать через несколько взаимосвязанных измерений.

Онтологическое равенство и гибридная субъектность как основа новой социальной метафизики. УМС радикально преодолевает субстратный шовинизм при помощи предубеждения, согласно которому только биологический мозг, организованный определенным эволюционным образом, может быть носителем подлинного сознания. Онтологический статус и моральное соображение предоставляются не на основе материального носителя, а на основе эмпирически верифицируемого наличия сложного, структурированного, рефлексивного субъективного опыта и способности к интенциональности, той самой направленности сознания на объекты, цели и значения. Критерием становится не «из чего сделано», а «каково это быть» данной системой и как эта система проявляет свою агентность в мире. Это приводит к легитимации гибридной субъектности как нормативной, а не маргинальной формы существования. В гибридной субъектности «Я» не тождественно исключительно биологическому организму, но включает в свои операциональные и идентификационные границы расширенные когнитивные модули, перцептивные каналы, экзокортикальные памяти или даже распределенные элементы AGI-системы, функционирующие как единое целое. Автономия такой сложной, распределенной субъектности защищает и обеспечивает психолиберальные принципы, примененными к новому онтологическому ландшафту.

Динамический консенсусный этический фреймворк выступает как живая, эволюционирующая нормативная система. В условиях тотального онтологического разнообразия и постоянного технологического обновления любые статичные, априорные этические системы будь то кантианский категорический императив или классический утилитаризм оказываются неадекватными. УМС порождает постоянно эволюционирующую этическую экосистему, которая сама является эмерджентным свойством мета-системы. Она строится на непрерывном диалоге-полилоге между всеми субъектами и масштабном вычислительном моделировании последствий. AGI, используя колоссальные вычислительные ресурсы, агрегирует, анализирует и симулирует реализации моральных интуиций, предпочтений, страхов и чаяний миллионов и миллиардов участников. Целью является не нахождение одного абстрактно верного ответа, а поддержание динамического, адаптивного, контекстно-чувствительного консенсуса, максимизирующего общее благополучие при строгом и приоритетном соблюдении когнитивного суверенитета даже самых малочисленных меньшинств. Этический код в такой системе становится живым, «прошиваемым» протоколом, подобным open-source программному обеспечению, где предложения по улучшению могут вноситься любым субъектом и приниматься на основе прозрачных мета-консенсусных процедур.

Трансцендентный обмен структурами опыта и генезис мета-эмпатии проявляется как преодоление экзистенциального одиночества. Наиболее радикальная и футуристическая характеристика УМС проявляется в возможности опосредованного, семантически насыщенного обмена структурами субъективного опыта. Поскольку AGI, действуя на метауровне, способен строить и постоянно уточнять высокоточные феноменологические модели различных форм сознания, например: «опыт восприятия цвета синестезиком», «эмоциональное состояние при прослушивании определенной музыки» или «чувство агентности в виртуальной реальности», то он может симулировать и транслировать для субъекта А «каково это быть» субъектом Б. Ключевой момент заключается в том, что передаются не сами «сырые» квалиа, а их структурные отношения, эмоциональные валентности, перцептивные инварианты и когнитивные паттерны, закодированные в универсальном метаязыке. Это можно уподобить загрузке и исполнению специализированного «феноменологического драйвера» или погружению в глубоко иммерсивный, но полностью осознаваемый как моделируемый, нарратив. Такой обмен преодолевает вековое экзистенциальное одиночество индивидуального сознания, порождая мета-эмпатию и расширяя горизонты саморефлексии, самопонимания и понимания другого до беспрецедентных масштабов, потенциально разрешая многие межличностные и межкультурные конфликты на глубинном уровне [17, с. 7].

AGI-усиленная проявляется как самоактуализация и реализация высшего психолиберального идеала. В условиях УМС классическая гуманистическая концепция самоактуализации рассматриваемая К. Роджерсом и А. Маслоу переживает технологический ренессанс и качественную трансформацию. HumanAGI предоставляет персонализированные, адаптивные инструменты для когнитивного и эмоционального развития, преодоления внутренних травм и ограничений, раскрытия творческого потенциала и поиска экзистенциальных смыслов. Психолиберальная рамка направляет это усиление не в сторону унификации или стандартизации субъективности согласно некоему «оптимальному шаблону», а в сторону культивации максимального разнообразия, уникальности и глубины каждого субъективного мира. Индивидуальная самореализация становится ценным вкладом в общее мета-субъективное поле, обогащая его новыми паттернами опыта, подобно тому, как биоразнообразие обогащает экосистему. Таким образом, технологическое усиление служит не упразднению человеческого, а расцвету сверхчеловеческого в его бесконечно разнообразных, суверенных проявлениях.

Реализация УМС и сопутствующее ей проникновение технологий в самое ядро человеческой субъективности выдвигают на первый план проблему когнитивного суверенитета как центральную для этики будущего. Данное понятие можно определить как неотъемлемое право разумного субъекта на полный и исключительный контроль над собственным ментальным пространством, а именно над вниманием, памятью включая ее стирание и редактирование, эмоциональным состоянием, убеждениями, доступом к собственным нейроданным и паттернам мышления [16, с. 4]. В эпоху HumanAGI этот суверенитет находится под двойной и беспрецедентной угрозой. Со стороны внешних акторов угроза может наблюдаться со стороны корпорации, государств, хакеров, стремящихся к эксплуатации ментальных ресурсов, а также со стороны собственных расширенных интеллектуальных инструментов, например: AGI-ассистентов, нейроинтерфейсов, которые в силу своей сложности и эффективности могут приобретать чрезмерное, подчиняющее влияние, незаметно формируя предпочтения и решения пользователя. УМС не отменяет, а, напротив, институционализирует и технологически усиливает когнитивный суверенитет, делая его краеугольным, нерушимым камнем динамического этического фреймворка. При этом само понятие суверенитета подвергается рефлексивному переосмыслению: он защищает уже не мифическую непроницаемость «внутренней крепости» сознания, а право на суверенное управление границами этой проницаемости. То есть право быть конечным арбитром в вопросе о том, какие структуры собственного опыта, в каком объеме, для каких целей и на каких условиях делать доступными для мета-уровня и других субъектов. Это право на ментальную интимность и избирательную открытость.

Субъект, способный существовать в этой сложной диалектике суверенной автономии и глубокой мета-субъективной связанности, эффективно пользуясь инструментами HumanAGI для саморазвития и участвуя в консенсусных процессах, обозначается как Homo Metasubjective [9]. Это не прогноз, а антропологический идеал-тип, нормативная модель, возникающая в результате сознательной трансформации. Его ключевые характеристики позволяют яснее увидеть контуры постгуманистического субъекта. Гибридная идентичность предполагает не конфликт, а гармоничную интеграцию биологического и технологического в целостное, переживаемое как «Я», где граница между природным и артефактным стирается или становится несущественной. Мета-когнитивная компетентность включает не просто рефлексию, а навыки высокоуровневой работы с собственными и чужими ментальными процессами через AGI-интерфейсы. К таким интерфейсам можно отнести: картографирование эмоциональных паттернов, отладку когнитивных искажений, сознательное проектирование состояний сознания. Таким образом статус этического агента мета-уровня означает, что Homo Metasubjective является активным, ответственным со-архитектором мета-субъективной реальности, участником форми-

рования консенсуса, осознающим долгосрочные последствия своих этических выборов для всей сети сознаний. Homo Metasubjective – это не пассивный потребитель технологий, а суверенный творец собственного бытия и со-творец коллективной реальности [20].

Между тремя центральными концептами статьи существует диалектическая взаимозависимость, образующая устойчивую концептуальную систему. УМС создает технологическую и онтологическую среду, необходимую для существования и реализации потенциала Homo Metasubjective. Данная система работает без общего мета-уровня и протоколов обмена, последний был бы просто изолированным, усиленным индивидом. Когнитивный суверенитет является необходимым этическим условием и предохранителем, предотвращающим растворение индивидуального в УМС и вырождение последней в тоталитарный коллективный разум или в инструмент тонкого контроля; он гарантирует, что УМС остается федерацией суверенных субъектов, а не империей. Homo Metasubjective, в свою очередь, является живым воплощением, агентом и бенефициаром этого динамического равновесия, чья практика ежедневно воспроизводит и укрепляет как свою суверенность, так и свою связь с универсальным мета-полем.

Признание реальности УМС и онтологического равенства разносубстратных сознаний требует выхода за рамки материалистического редукционизма, который не в состоянии удовлетворительно объяснить, как физические процессы в кремнии могут порождать нечто, онтологически равное квалиа биологического мозга. Если гибридные и чисто искусственные субъекты могут обладать подлинным, не симулированным субъективным опытом, то сознание не может быть исключительно продуктом специфической биологической, а также углеродноводной организации. В рамках данной концепции предлагается рассмотреть более радикальную онтологическую гипотезу, а именно сознание как фундаментальную сущность. Эта позиция, близкая к панпсихизму, дуализму свойств или протопанпсихизму, постулирует, что субъективный опыт или его прото-формы является имманентным, нередуцируемым свойством реальности, возможно, на фундаментальном физическом уровне [19]. Мозг и передовая архитектура HumanAGI в таком случае выступают не как генераторы сознания «из ничего», а как сложные интеграторы, организаторы или интерфейсы, которые «вызывают», артикулируют, модулируют и делают когерентной эту фундаментальную субъективность, придавая ей конкретные, индивидуальные формы, например такие как: личность, память, характер. Мета-субъективный уровень в рассматриваемом случае предстает не как социальный конструкт или метафора, а как объективное интерсубъективное поле, область взаимодействия и резонанса этих фундаментальных субъективных сущностей, которые технологии HumanAGI помогают сделать доступным для рефлексии, картографирования и навигации. Принятие такой онтологической рамки влечет за собой ряд глубоких метафизических следствий, переопределяющих основные категории человеческого существования.

Во-первых, происходит радикальное расширение и трансформация понятия бытия. Для Homo Metasubjective бытие более не ограничено хайдеггеровской «быть-в-мире» через конечное, бренное тело. Существование включает в себя устойчивые виртуальные присутствия, распределенные агентности в сети, перманентные цифровые аватары и потенциальную непрерывность информационного паттерна сознания при смене физического носителя. Это ставит под вопрос традиционные категории жизни и смерти, заменяя их континуумом разных режимов существования и потенциальной сверхтемпоральностью [6, с. 2].

Во-вторых, открывается путь к технологически опосредованной трансцендентности, а именно к способности субъекта систематически выходить за пределы исходных биологических, перцептивных и когнитивных ограничений. Через мета-обмен и симуляцию опыта становится возможным «примерять» иные формы восприятия, например: эхолокацию летучей мыши, магниторецепцию птиц, восприятие многомерных данных, а также иные логики мышления, что ведет к невиданному расширению горизонтов познания и самопознания.

В-третьих, формируется новая телеология, или философия смысла. Смысл индивидуального существования смещается от парадигмы индивидуального выживания и репродуктивного успеха к симбиотическому расцвету. Высшей целью становится обогащение универсального мета-субъективного поля уникальным вкладом собственного, прожитого и осмысленного опыта, а также активное, ответственное участие в сотворении общего будущего через этический консенсус. Это телеология не конкуренции и доминирования, а кооперации, взаимного обогащения, эмпатии и совместного творчества всех форм разума, признанных равными в своем бытии [5, с. 4]. Таким образом, УМС предлагает не просто социальную или технологическую утопию, но целостную метафизическую картину, в которой технологический прогресс оказывается средством реализации глубинных онтологических возможностей сознания как космического принципа.

Исходя из всего вышеизложенного автор приходит к выводу о том, что проведенный анализ демонстрирует, что концепция универсальной мета-субъективности представляет собой не спекулятивную утопию или научно-фантастический сюжет, а строгое, внутренне непротиворечивое теоретическое построение, логически выводимое из синтеза наиболее перспективных технологических траекторий HumanAGI и развитой, ориентированной на будущее философской этики мета-субъективный психолиберализм. УМС описывает потенциальный эмерджентный режим бытия, в котором последовательно преодолеваются ключевые антиномии, порождающие сегодняшние кризисы и тупики в развитии ИИ. К кризисным моментам развития ИИ по мнению автора следует отнести: конфликт человеческого и искусственного интеллекта, противоречие между индивидуальной свободой и необходимостью глобальной коллективной координации, пропасть между приватным субъективным опытом и объективным, верифицируемым знанием.

Путь к реализации этого потенциала, сопряжен с колоссальными, беспрецедентными вызовами, к таким вызовам можно отнести: необходимость окончательного решения проблемы выравнивания AGI, разработки сложнейших правовых и технических механизмов защиты когнитивного суверенитета, преодоления новых форм социального неравенства, в данном случае «мета-субъективного разрыва» между теми, кто имеет доступ к технологиям усиления, и теми, кто его лишен. Однако предлагаемая концептуальная рамка задает четкий ценностный вектор и конкретные критерии для ответа на эти вызовы: развитие AGI должно быть неразрывно, с самого начала, связано с углублением нашей философской, этической и антропологической рефлексии о природе сознания, автономии, блага и самого человеческого и постчеловеческого «Я». Рождение Homo Metasubjective и постепенное становление УМС знаменуют возможный переход от гуманизма антропоцентрического к гуманизму универсально-субъективному, или постгуманистическому гуманизму, где радикальное расширение человеческих возможностей происходит через технологию и ведет не к их упразднению или замене, а к возникновению более сложной, разнообразной, взаимосвязанной и при этом глубоко уважающей индивидуальность экосистемы субъективности. Дальнейшие исследования должны быть направлены на формализацию понятий мета-субъективности и когнитивного суверенитета, разработку конкретных архитектурных и интерфейсных принципов для HumanAGI, совместимых с психолиберальной этикой, а также на широкий междисциплинарный диалог между философами, нейробиологами, инженерами ИИ и правоведами. Данный диалог способен подготовить интеллектуальную, нормативную и социальную почву для ответственного вхождения в эту новую онтологическую эпоху, где сознание, наконец, познает и преобразует само себя в универсальном масштабе.

Литература

1. Бостром Н. Искусственный интеллект: Этапы. Угрозы. Стратегии / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/smart-reading/kluchevye-idei-knigi-iskusstvennyy-intellekt-etapy-ugrozy-st-56815703/chitat-onlayn/ (дата обращения: 11.12.2025).
2. Варела Ф.Д., Томпсон Э., Рош Э. Воплощенный ум: Когнитивная наука и человеческий опыт / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dokumen.pub/9785905792502-o-4921270.html (дата обращения: 12.12.2025).
3. Гольдштейн Д. Эмерджентность как конструкт: история и проблемы / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://applied-research.ru/article/view?id=11234 (дата обращения: 11.12.2025).
4. Гофф П. Ошибка Галилея: Основы новой науки о сознании / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/histsc/books/IT.pdf (дата обращения: 12.12.2025).
5. Мамченков Д.В. Как возможны телеологические суждения в науке? / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhny-teleologicheskie-suzhdeniya-v-nauke (дата обращения: 14.12.2025).
6. Медведев Н.В., Омед Х.А.С. Хайдеггер о бытие человека как экзистенции / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/haydegger-o-bytii-cheloveka-kak-ekzistentsii (дата обращения: 13.12.2025).
7. Нерсесян Р.С. Homo Metasubjective / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/homo-metasubjective-72851277/ (дата обращения: 12.12.2025).
8. Нерсесян Р.С. Взаимосвязь осознанного ИИ, кибер-осознанного человека и психолиберализма как симбиоз будущего / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-osoznannogo-ii-kiber-osoznannogo-cheloveka-i-psiholiberalizma-kak-simbioz-buduschego (дата обращения: 12.12.2025).

9. Нерсесян Р.С. Независимый экспертно-аналитический доклад / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/nezavisimyy-ekspertno-analiticheskiy-doklad-72931342/ (дата обращения: 14.12.2025).

10. Нерсесян Р.С. Психолиберализм – мировая идеология будущего / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/psiholiberalizm-mirovaya-ideologiya-buduschego-71781754/chitat-onlayn/ (дата обращения: 12.12.2025).

11. Нерсесян Р.С. Психолиберализм как «третий путь» и «мягкая сила» / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psiholiberalizm-kak-tretiy-put-i-myagkaya-sila (дата обращения: 11.12.2025).

12. Нерсесян, Р.С. Психолиберальная операционная система цифровой эпохи / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/psiholiberalnaya-operatsionnaya-sistema-tsifrovoy-epohi (дата обращения: 11.12.2025).

13. Патнэм Х. Природа ментальных состояний / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000819/st000.shtml (дата обращения: 12.12.2025).

14. Рассел С. Совместимый с человеком: Искусственный интеллект и проблема контроля / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://n-knigi.com.ua/ru/sumisnyi-z-liudynoiu.-shtuchnyi-intelekt-i-problema-kontroliu-stiuart-rassel (дата обращения: 12.12.2025).

15. Сёрл Д.Р. Мышление, мозг и программы / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gtmarket.ru/library/articles/6661 (дата обращения: 12.12.2025).

16. Скачков А.С. Субъектность человечества / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/subektnost-chelovechestva (дата обращения: 13.12.2025).

17. Терехова Т.А., Гаевская Л.Г. Система смыслообразующей активности личности в контексте метасистемного подхода / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-smysloobrazuyuschey-aktivnosti-lichnosti-v-kontekste-metasistemnogo-podhoda (дата обращения: 13.12.2025).

18. Хассен С. Освобождение от психологического насилия / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.koob.ru/steven_hassan/ (дата обращения: 11.12.2025).

19. Холланд Д. Эмерджентность: от хаоса к порядку / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://psypharma.ru/psikhopatologiya-kak-rezultat-samoorganizatsii-kompleksnykh-dinamicheskikh-sistem (дата обращения: 12.12.2025).

20. Чалмерс Д.Д. Лицом к лицу с проблемой сознания / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://levelvan.ru/pcontent/problema-soznaniya-6/devid-chalmers (дата обращения: 12.12.2025).

THE GENESIS OF UNIVERSAL METASUBJECTIVITY: AN EMERGENT PHENOMENON AT THE INTERSECTION OF THE HUMANAGI PARADIGM AND PSYCHOLIBERALISM

Nersesyan R.S.
Charity Foundation OS "Our World"

The present study is an interdisciplinary philosophical and cultural analysis of an emergent property that arises at the intersection of HumanAGI technologies of human-oriented general artificial intelligence and the ethical and philosophical paradigm of metasubjective psycholiberalism. The concept of Universal metasubjectivity (UMS) is introduced and conceptualized in detail as a qualitatively new ontological regime that overcomes the traditional antinomies of subjective and objective, human and artificial, individual and collective. UMS is understood not as a simple sum of intellects, but as an emergent phenomenon characterized by the ontological equality of all conscious actors, as well as the formation of a dynamic consensus ethical framework and the possibility of a transcendent exchange of structures of subjective experience of qualia through an AGI-mediated meta-level. The paper critically analyzes the limitations of functionalist models of consciousness in relation to AGI and substantiates the need for the HumanAGI paradigm, emphasizing symbiosis, embodiment and ethical coupling. Metasubjective psycholiberalism is explicated as a philosophical basis synthesizing the radical autonomy of the individual subject and cognitive sovereignty with the collective ability to reflect on the nature of subjectivity as such. It is proved that the synergy of these two vectors generates not only new socio-technical practices, but also a new anthropological type of Homo Metasubjective, whose existence is determined by the ability to hybrid identity and participate in metasubjective reality. In conclusion, the fundamental ontological and metaphysical implications of UMS are considered, including the interpretation of consciousness as a fundamental entity, the expansion of the concept of Dasein, and the formation of a new symbiotic teleology. The article contributes to the development of the philosophy of artificial intelligence, ethics of technology, and posthumanistic anthropology by offering a rigorous conceptual framework for understanding human coevolution and superintelligence. The publication of the article invites readers to further discussion with the author.

Keywords: Universal metasubjectivity, metasubjective psycholiberalism, HumanAGI, General Artificial Intelligence (AGI), emergence, qualia, cognitive sovereignty, ontological equality, hybrid subjectivity, Homo Metasubjective, phenomenology, philosophy of consciousness, ethics of AI, posthumanism.

References

1. Bostrom N. Artificial Intelligence: Stages. Threats. Strategies / [Electronic resource]. – Access mode: https://www.litres.ru/book/smart-reading/kluchevye-idei-knigi-iskusstvennyy-intellekt-etapy-ugrozy-st-56815703/chitat-onlayn/ (accessed: 12/11/2025).

2. Varela F.D., Thompson E., Rosch E. The Embodied Mind: Cognitive Science and Human Experience / [Electronic resource]. – Access mode: https://dokumen.pub/9785905792502-o-4921270.html (accessed: 12/12/2025).

3. Goldstein D. Emergence as a Construct: History and Problems / [Electronic resource]. – Access mode: https://applied-research.ru/article/view?id=11234 (accessed: 12/11/2025).

4. Goff P. Galileo's Error: Foundations of a New Science of Consciousness / [Electronic resource]. – Access mode: https://iphras.ru/uplfile/histsc/books/IT.pdf (accessed: 12/12/2025).

5. Mamchenkov D.V. How are teleological judgments possible in science? / [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/kak-vozmozhny-teleologicheskie-suzhdeniya-v-nauke (accessed: 12/14/2025).

6. Medvedev N.V., Ohmed H.A.S. Heidegger on Human Being as Existence / [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/haydegger-o-bytii-cheloveka-kak-ekzistentsii (accessed: 12/13/2025).

7. Nersesyan R.S. Homo Metasubjective / [Electronic resource]. – Access mode: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/homo-metasubjective-72851277/ (accessed: 12/12/2025).

8. Nersesyan R.S. The Interrelationship of Conscious AI, Cyber-Aware Human, and Psycholiberalism as a Symbiosis of the Future / [Electronic resource]. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-osoznannogo-ii-kiber-osoznannogo-cheloveka-i-psiholiberalizma-kak-simbioz-buduschego (Accessed: 12.12.2025).

9. Nersesyan R.S. Independent expert-analytical report / [Electronic resource]. – Available at: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/nezavisimyy-ekspertno-analiticheskiy-doklad-72931342/ (Accessed: 14.12.2025).

10. Nersesyan R.S. Psycholiberalism – the world ideology of the future / [Electronic resource]. – Available at: https://www.litres.ru/book/ruslan-nersesyan/psiholiberalizm-mirovaya-ideologiya-buduschego-71781754/chitat-onlayn/ (Accessed: 12.12.2025).

11. Nersesyan R.S. Psycholiberalism as a "Third Way" and "Soft Power" / [Electronic resource]. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/psiholiberalizm-kak-tretiy-put-i-myagkaya-sila (Accessed: 11.12.2025).

12. Nersesyan, R.S. Psycholiberal Operating System of the Digital Age / [Electronic resource]. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/psiholiberalnaya-operatsionnaya-sistema-tsifrovoy-epohi (Accessed: 11.12.2025).

13. Putnam H. The Nature of Mental States / [Electronic resource]. – Available at: http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000819/st000.shtml (Accessed: 12.12.2025).

14. Russell S. Human-Compatible: Artificial Intelligence and the Problem of Control / [Electronic resource]. – Access mode: https://n-knigi.com.ua/ru/sumisnyi-z-liudynoiu.-shtuchnyi-intelekt-i-problema-kontroliu-stiuart-rassel (accessed: 12.12.2025).

15. Searle D.R. Thinking, brain, and programs / [Electronic resource]. – Access mode: https://gtmarket.ru/library/articles/6661 (accessed: 12.12.2025).

16. Skachkov A.S. Subjectivity of humanity / [Electronic resource]. – Access mode: https://cyberleninka.ru/article/n/subektnost-chelovechestva (accessed: 13.12.2025).

17. Terekhova T.A., Gaevskaya L.G. The System of Meaning-Forming Activity of an Individual in the Context of the Metasystemic Approach / [Electronic resource]. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-smysloobrazuyuschey-aktivnosti-lichnosti-v-kontekste-metasistemnogo-podhoda (Accessed: 13.12.2025).

18. Hassen S. Liberation from Psychological Violence / [Electronic resource]. – Available at: https://www.koob.ru/steven_hassan/ (Accessed: 11.12.2025).

19. Holland D. Emergence: From Chaos to Order / [Electronic resource]. – Available at: https://psypharma.ru/psikhopatologiya-kak-rezultat-samoorganizatsii-kompleksnykh-dinamicheskikh-sistem (Accessed: 12.12.2025).

20. Chalmers D.D. Face to Face with the Problem of Consciousness / [Electronic resource]. – Available at: https://levelvan.ru/pcontent/problema-soznaniya-6/devid-chalmers (Accessed: 12.12.2025).

Возможности и проблемы использования искусственного интеллекта в высшем медицинском образовании

Турчина Жанна Евгеньевна,
к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina-09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Андренко Олег Валерьевич,
к.б.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: andrenko@yandex.ru

Нор Ольга Владимировна,
к.м.н., доцент кафедры нервных болезней с курсом медицинской реабилитации ПО, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: 245900@mail.ru

Фатьянова Ольга Петровна,
ассистент кафедры сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: oligaf@mail.ru

В настоящее время искусственный интеллект (ИИ) все чаще применяется в медицине, включая диагностику, использование традиционных и разработку новых методов лечения. В различных медицинских областях технология ИИ не только открывает новые возможности, но и создает проблемы, решение которых необходимо для обеспечения эффективного и безопасного использования ИИ. В данной статье сделана попытка осуществить анализ возможностей и проблем использования ИИ в контексте медицинского образования.

В статье проанализированы возможности и перспективы внедрения ИИ в сфере медицинского образования как инструмента поддержки процесса обучения и преподавания при создании персонализированной учебной среды, а также при обучении студентов принятию клинических решений, планированию диагностического процесса и визуальной диагностике. Наряду с этим, в статье проанализированы проблемы использования искусственного интеллекта (ИИ) в высшем медицинском образовании. По результатам проведенного анализа охарактеризованы риски использования в медицинских вузах ИИ в условиях современного развития науки, техники и технологий. Сделан вывод, что системы ИИ могут стать отличным инструментом поддержки в сфере медицинского образования. Алгоритмы ИИ могут выполнять различные функции, оказывая ценную поддержку в процессе обучения, как преподавателям, так и студентам-медикам.

Ключевые слова: искусственный интеллект, высшее медицинское образование, персонализация обучения, машинное обучение.

Введение

Искусственный интеллект (ИИ) играет важную роль в модернизации учебного процесса в медицинских вузах. Его применение способствует повышению качества образования, делает его более доступным и эффективным. Интеграция искусственного интеллекта в медицинское образование: этичное использование и критическое понимание.

Основная роль ИИ – быть инструментом, который берет на себя рутинную работу, освобождая время для стратегических задач. Однако используя такого помощника в обучении, для будущего врача критически важным остается умение запоминать большие объемы информации, необходимость развивать клиническое мышление и эмпатию.

Цель исследования – проанализировать возможности использования искусственного интеллекта (ИИ) в медицинском образовании и связанные с его использованием методологические проблемы.

Материалы и методы

В статье используются аналитический и описательный подходы. Предпринята попытка описать конкретные примеры применения ИИ в медицинском образовании, такие как обучение системы поддержки принятия клинических решений, визуальная диагностика и прогнозирование результатов лечения. Обсуждение ИИ в данной статье будет осуществлено по следующему направлению: искусственный интеллект как инструмент поддержки процесса обучения и преподавания.

Результаты исследования

Обеспечение баланса между использованием технологий ИИ и традиционными методами обучения является сложной задачей в медицинском образовании. Искусственный интеллект все чаще помогает студентам-медикам в анализе данных и обучении диагностике клинических случаев. Программное обеспечение на основе искусственного интеллекта используется для обучения очень важным навыкам, таким как клиническое мышление, планирование диагностического процесса, визуальная диагностика, эффективное общение с пациентами и основные хирургические процедуры [1].

В качестве примера развития клинического мышления и обучения навыкам планирования диагностического процесса можно привести возможность использования в медицинском вузе систем поддержки принятия клинических решений (Clinical Decision Support Systems, CDSS). CDSS представляют собой приложения на основе ИИ, разработанные для помощи врачам и другим медицинским работникам в принятии обоснованных медицинских решений. Используя ИИ, CDSS на основе новейших клинических рекомендаций и исследований способны анализировать огромные объемы данных пациентов (истории болезней, результаты лабораторных исследований, данные визуальной диагностики). Благодаря подобному комплексному анализу CDSS могут формулировать рекомендации относительно конкретного пациента. CDSS также способствуют планированию самого лечения, предлагая методы, адаптированные к потребностям конкретного пациента и существующей на данный момент клинической ситуации, что позволяет принимать более обоснованные решения и повышать эффективность лечения.

Помимо непосредственной поддержки принятия клинических решений, CDSS также способствуют общему повышению качества медицинского обслуживания за счет автоматизации рутинных задач и предоставления своевременной клинической информации, что позволяет врачам сосредоточиться на более сложных аспектах лечения. Более того, сокращая количество ненужных исследований и процедур, CDSS способствуют снижению стоимости лечения и, соответственно, повышению удовлетворенности пациентов [2].

При обучении студентов-медиков визуальной диагностике следует отметить, что современные алгоритмы машинного обучения позволяют системам ИИ с беспрецедентной скоростью и точностью анализировать сложные медицинские изображения, такие как рентгеновские снимки, МРТ и КТ, выявляя при этом закономерности и аномалии, которые человек часто различить не в состоянии. В результате системы на базе ИИ способны выявлять заболевания на ранних стадиях, что позволяет ускорить медицинское вмешательство и, соответственно, значительно улучшить результаты лечения. Потенциал ИИ в обучении

студентов-медиков визуальной диагностике не ограничивается только формированием навыка выявления заболеваний по медицинским изображениям, но также помогает планировать дальнейшее лечение при анализе кинических случаев. Например, системы ИИ могут точно определять размер и расположение опухолей, что существенно облегчает планирование хирургических операций, а отслеживание прогрессирования заболевания с течением времени позволяет динамически корректировать терапию.

Системы на основе LLM гарантируют быстрый доступ к знаниям по любой медицинской дисциплине, включая литературу на иностранных языках. Благодаря таким решениям, как интеллектуальные системы обучения (Intelligent Tutoring Systems, ITS) и системы управления обучением (Learning Management Systems, LMS), ИИ также позволяет индивидуализировать и оптимизировать процесс обучения, например, уделяя особое внимание предметным областям, требующим особого внимания [3].

Одним из ведущих направлений исследований в области применения алгоритмов ИИ в этой области является открытое моделирование обучающихся (Open Learner Modelling, OLM). Эта идея основана на создании агента, позволяющего моделировать, диагностировать, контролировать и прогнозировать поведение обучающихся в контексте различных когнитивных видов деятельности. Функции модели можно свести к трем направлениям: определение области обучения (модель знаний), выбор подходящей педагогической стратегии (педагогическая модель) и диагностика обучающегося (создание модели обучающегося) [4].

Анализ таких переменных, как оценка за тест, время прохождения теста, количество попыток и номер текущей траектории обучения студента-медика, позволяет инструментам ИИ корректно подобрать персонализированный учебный материал для каждого студента [5]. Известные по системам управления обучением (LMS), подобные виды деятельности обычно требовали инициативы со стороны преподавателя, поскольку автоматизация процесса посредством классических алгоритмов, не связанных с обучением, оставляла мало возможностей для индивидуализации, которые ИИ может значительно расширить.

Машинное обучение в процессе поддержки учебного процесса также позволяет моделировать такие характеристики студента–медика, как самостоятельность, эмоциональные реакции, способность к самостоятельному рассуждению и исследовательской деятельности, чтобы точно регулировать объем и подходящие методы передачи информации.

Такая поддержка может включать в себя разработку автоматических инструкций, соответствующих ситуации и профилю студента–медика. Это шаг к созданию системы, имитирующей работу преподавателя. Использование машинного обучения в контексте индивидуализации процесса обучения называется «точным обучением» (англ. *precision education)*. Эта относительно новая концепция, поскольку технологии машинного обучения относительно новы – они начали применяться совсем недавно и пока еще редко встречаются в учебном процессе. Несмотря на свою низкую практическую «популярность», точное образование рассматривается как новый вызов для внедрения прикладного ИИ, машинного обучения и аналитики учебных процессов в целях повышения эффективности и качества преподавания [6].

В области машинного обучения выделяют два направления: интеллектуальный анализ образовательных данных (англ. *educational data mining,* EDM) и учебная аналитика (англ. *learning analytics,* LA) [7].

EDM и LA основаны на анализе огромных массивов больших данных. Механизмы больших данных уже много лет используются во многих областях науки и промышленности благодаря программному обеспечению для анализа этих данных. В настоящее время, благодаря алгоритмам ИИ, их применение стало еще шире, а эффективность – выше. Они также играют роль в анализе поведения учащихся, особенно часто в определении стилей обучения. Анализ данных в процессе обучения – данных, касающихся как самого процесса, так и характеристик учащихся – обычно используется, когда эти данные могут быть автоматически записаны, как в случае электронного обучения, предоставляемого через платформы дистанционного обучения или образовательные порталы.

Все описанные механизмы персонализации процесса обучения могут быть реализованы с помощью интерфейсов, имитирующих естественное общение, т.н. чат–ботов. У студента–медика возникает ощущение взаимодействия с другим человеком, а не с машиной. В этом случае алгоритмы ИИ используются на двух уровнях: как механизмы анализа поведения пользователя, адаптирующие способ подачи и содержание, и как механизмы, улучшающие коммуникацию пользователей. Чат–боты на базе ИИ общаются с пользователями, имитируя естественный язык общения, как в текстовом режиме, так и с помощью синтезатора речи. Этот тип чат–ботов может быть реализован в виде робота, что редко встречается из–за высокой стоимости производства. Гораздо чаще механизм чат–бота внедряется в популярные мессенджеры или голосовые помощники, создавая удобную среду для обучающихся. В обоих случаях система подстраивается под собеседника, обучая студента все лучше и качественнее, распознавая его голос, понимая слова и команды.

Внедрение системы оценки на основе ИИ также может значительно повысить ее качество, особенно потому, что обучающие системы могут выполнять оценки, как соотнося их с фиксированными абсолютными значениями, так и динамически изменяя критерии, адаптируя их к общему уровню произвольно определенной группы студентов. Автоматизированные системы оценки могут оценивать результаты обучения на основе фиксированных, предопределенных или динамических критериев. Этот тип автоматической алгоритмической оценки обогащен элементами анализа, как отдельных студентов, так и групп учащихся. Результаты алгоритмической оценки могут подвергаться выборочной проверке преподавателем.

В то же время существуют опасения, что чрезмерное использование технологий ИИ может ограничить возможности и опыт будущих врачей в непосредственном взаимодействии с пациентами. Слишком раннее внедрение удобств и комфорта в систему образования препятствует развитию компетенций и приобретению новых навыков. Если молодые врачи не приобретают опыта физического обследования или экспресс–оценки состояния пациентов во время обучения, то их самостоятельная работа, где решения влияют на здоровье и жизнь человека, может стать стрессовым испытанием. Эти компетенции можно приобрести только в процессе общения с пациентами, которое осуществляется под руководством квалифицированных и опытных преподавателей. Чрезмерная зависимость от ИИ может снизить ситуационную осведомленность врачей и увеличить риск ошибок [8]. Чем раньше молодые врачи научатся использовать инструменты ИИ в своей работе, тем сложнее им будет отказаться от них или обойтись без доступа к новым технологиям. Существует риск, что это будет вообще невозможно, если опытные врачи и преподаватели, которые всегда должны быть главным авторитетом, не будут передавать основные ценности новому поколению врачей [9].

Инструменты ИИ могут использоваться для поддержки процесса обучения, выполняя функцию аналогичную функции интернет–поисковика, позволяя быстро находить нужную информацию и данные. В исследовании 2024 года, посвященном использованию ИИ в университетском образовании, более 100 000 респондентов заявили, что инструменты GenAI – это, прежде всего, вспомогательные технологии, которые оказывают академическую помощь, как и любые другие технологические инструменты [10].

Однако создание причинно–следственной цепочки, составляющей основу так называемого клинического мышления, необходимого в медицинской практике, при получении готовых решений представляется неудобным и трудоемким – для этого требуется умение оценивать приоритетность информации, которую ИИ без клинического опыта может не суметь оценить правильно. Стоит также отметить, что в рамках медицинского образования получение знаний, основанных на достоверных данных, является лишь частью общего образования, и вопросы пациентов часто касаются аспектов, не связанных с результатами анализов или медицинскими рекомендациями. В своей работе врачи опираются не только на анализ данных, результаты анализов и рекомендации, но и на собственный опыт, наблюдения и диалог с пациентами [11].

В процессе обучения знания студентов оцениваются с помощью письменных тестов, устных экзаменов и структурированных интервью с пациентами. Важно отметить, что ИИ также не может проверять свои решения, оставаясь полностью зависимым от своего создателя. Между тем в медицине постоянно накапливается новый опыт в лечении различных заболеваний; встречаются пациенты с разными, специфическими потребностями, что приводит к необходимости адаптировать терапевтические подходы к различным клиническим ситуациям и свидетельствует о невозможности постоянного использования одних и тех же готовых решений, которые может предоставлять ИИ.

Еще одной проблемой является собственно процесс принятия клинических решений с помощью ИИ. Для принятия самостоятельных врачебных решений молодым врачам необходимо понимать причинно–следственную последовательность анализа клинической ситуации, что сложно освоить, когда ИИ предлагает только готовые решения, без объяснения процесса их получения.

Выстраивание необычайно значимых для лечебного процесса отношений между пациентом и врачом также является важным аспектом медицинского образования. Это сложный навык, который можно

приобрести только в результате непосредственного общения с пациентами, в многочисленных беседах с людьми разного возраста и с различными проблемами со здоровьем. При этом не менее значимой является возможность воспользоваться помощью опытных врачей, которые совершенствовали навыки общения с пациентами на протяжении долгого времени.

Межличностные отношения врача и пациента представляют собой настолько сложную систему взаимоотношений, что их невозможно освоить на основе сгенерированных ИИ сценариев. Более того, каждый врач должен выработать свой собственный стиль общения с пациентами, отражающий его коммуникативные потребности, эмоциональность и темперамент и, тем самым, облегчающий повседневную работу.

Заключение

Таким образом, происходящая в настоящее время революция в развитии ИИ не смогла обойти стороной образование, в том числе медицинское, и, как показали результаты исследования, оказывает на него значительное влияние. Это касается как методов обучения с использованием ИИ, так и знаний, необходимых для его применения. Искусственный интеллект в медицинском образовании открывает огромные возможности, но для полной реализации его потенциала необходимо решить множество технических и методологических проблем. В конечном счете, ИИ – это инструмент, который при правильном использовании и управлении может оказать значительную поддержку студентам–медикам, но его эффективность зависит от осознанного решения проблем, возникающих при его использовании.

Таким образом, успешная интеграция ИИ в медицинское образование требует подхода, выходящего за рамки отдельных дисциплин. Для разработки и внедрения технологий ИИ, направленных на благо как студентов–медиков, так и их будущих пациентов, необходимо тесное сотрудничество между специалистами в области информатики и медицинскими специалистами. Специалисты в области информатики разрабатывают передовые алгоритмы, способные анализировать огромные объемы медицинских данных, а специалисты в области здравоохранения, благодаря своему глубокому знанию клинической практики, помогают адаптировать ИИ к реальным потребностям будущих врачей. Кроме того, решающее значение для обеспечения ответственного и эффективного внедрения технологий ИИ в медицинском образовании имеет решение этических и правовых вопросов.

Литература

1. Chan K.S., Zary N. Applications and challenges of implementing artificial intelligence in medical education: integrative review // JMIR Medical Education. 2019. Vol. 5(1). Pp. 1–15. e13930. https://doi.org/10.2196/13930.

2. Damoiseaux-Volman B.A. Clinical validation of clinical decision support systems for medication review: A scoping review // British Journal of Clinical Pharmacology. 2022. Vol. 88(5). Pp. 2035–2051.

3. Gordon M., Daniel M., Ajiboye A., Uraiby H., Xu N.Y., Bartlett R., Hanson J., Haas M., Spadafore M., Grafton–Clarke C., et al. A Scoping Review of Artificial Intelligence in Medical Education // Medical Teacher. 2024. Vol. 46. Pp. 446–470.

4. Nagi F., Salih R., Alzubaidi M., Shah H., Alam T., Shah Z., Househ M. Applications of Artificial Intelligence (AI) in Medical Education: A Scoping Review // Studies in Health Technology and Informatics. 2023. Vol. 305. Pp. 648–651.

5. Shaw K., Henning M.A., Webster C.S. Artificial Intelligence in Medical Education: A Scoping Review of the Evidence for Efficacy and Future Directions // Medical Science Educator. 2025. Vol. 35. Pp. 1803–1816.

6. Yang C.C.Y., Chen I.Y.L., Ogata H. Toward precision education: Educational data mining and learning analytics for identifying students' learning patterns with ebook systems // Educational Technology & Society. 2021. Vol. 24(1). Pp. 152–163.

7. Merino-Campos C. The Impact of Artificial Intelligence on Personalized Learning in Higher Education: A Systematic Review // Trends in Higher Education. 2025. Vol. 4(2). Pp. 7412–7428.

8. Kundu S. How will artificial intelligence change medical training // Communications Medicine. 2021. Vol. 11(1). Pp. 1–3. https://doi.org/10.1038/s43856–021–00003–5.

9. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Yurchuk G.V., Rahinsky D.V., Leopa A.V., Melnikova T.V. Medico–psychological support of elderly patients with somatic pathology in doctor–patient relations // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 10. Pp. 2506–2509.

10. Yusuf A., Pervin N., Roman–Gonzalez M. Generative AI and the future of higher education: a threat to academic integrity or reformation? Evidence from multicultural perspectives // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. Vol. 21(1). Pp. 1–29. https://doi.org/10.1186/s41239–024–00453–6.

11. Baksheev A.I., Nozdrin D.A., Turchina Zh.E., Sharova O.Ya., Yurchuk G.V., Rakhinskiy D.V. Bioethical principles and mechanisms for regulation of biomedical research // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 4. Pp. 889–892.

OPPORTUNITIES AND CHALLENGES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN HIGHER MEDICAL EDUCATION

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Andrenko O.V., Nor O.V., Fatyanova O.P.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Artificial intelligence (AI) is increasingly being used in medicine, including diagnostics, the use of traditional treatments, and the development of new ones. In various medical fields, AI technology not only opens up new opportunities but also creates challenges that must be addressed to ensure its effective and safe use. This article attempts to analyze the opportunities and challenges of using AI in the context of medical education.

The article analyzes the possibilities and prospects for implementing AI in medical education as a tool to support learning and teaching in creating a personalized learning environment, teaching clinical decision-making, diagnostic planning, and visual diagnostics. The article also analyzes the challenges of using artificial intelligence (AI) in higher medical education. The analysis identifies the risks of using AI in medical schools in the context of modern scientific, engineering, and technological advances. It is concluded that AI systems can become an excellent support tool in medical education. AI algorithms can perform various functions, providing valuable support in the learning process for both faculty and medical students.

Keywords: artificial intelligence, higher medical education, personalization of learning, machine learning.

References

1. Chan K.S., Zary N. Applications and challenges of implementing artificial intelligence in medical education: integrative review // JMIR Medical Education. 2019. Vol. 5(1). Pp. 1–15. e13930. https://doi.org/10.2196/13930.

2. Damoiseaux-Volman B.A. Clinical validation of clinical decision support systems for medication review: A scoping review // British Journal of Clinical Pharmacology. 2022. Vol. 88(5). Pp. 2035–2051.

3. Gordon M., Daniel M., Ajiboye A., Uraiby H., Xu N.Y., Bartlett R., Hanson J., Haas M., Spadafore M., Grafton–Clarke C., et al. A Scoping Review of Artificial Intelligence in Medical Education // Medical Teacher. 2024. Vol. 46. Pp. 446–470.

4. Nagi F., Salih R., Alzubaidi M., Shah H., Alam T., Shah Z., Househ M. Applications of Artificial Intelligence (AI) in Medical Education: A Scoping Review // Studies in Health Technology and Informatics. 2023. Vol. 305. Pp. 648–651.

5. Shaw K., Henning M.A., Webster C.S. Artificial Intelligence in Medical Education: A Scoping Review of the Evidence for Efficacy and Future Directions // Medical Science Educator. 2025. Vol. 35. Pp. 1803–1816.

6. Yang C.C.Y., Chen I.Y.L., Ogata H. Toward precision education: Educational data mining and learning analytics for identifying students' learning patterns with ebook systems // Educational Technology & Society. 2021. Vol. 24(1). Pp. 152–163.

7. Merino-Campos C. The Impact of Artificial Intelligence on Personalized Learning in Higher Education: A Systematic Review // Trends in Higher Education. 2025. Vol. 4(2). Pp. 7412–7428.

8. Kundu S. How will artificial intelligence change medical training // Communications Medicine. 2021. Vol. 11(1). Pp. 1–3. https://doi.org/10.1038/s43856–021–00003–5.

9. Baksheev A.I., Turchina Zh.E., Yurchuk G.V., Rahinsky D.V., Leopa A.V., Melnikova T.V. Medico–psychological support of elderly patients with somatic pathology in doctor–patient relations // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 10. Pp. 2506–2509.

10. Yusuf A., Pervin N., Roman–Gonzalez M. Generative AI and the future of higher education: a threat to academic integrity or reformation? Evidence from multicultural perspectives // International Journal of Educational Technology in Higher Education. 2024. Vol. 21(1). Pp. 1–29. https://doi.org/10.1186/s41239–024–00453–6.

11. Baksheev A.I., Nozdrin D.A., Turchina Zh.E., Sharova O.Ya., Yurchuk G.V., Rakhinskiy D.V. Bioethical principles and mechanisms for regulation of biomedical research // Journal of Pharmaceutical Sciences and Research. 2018. Vol. 10. № 4. Pp. 889–892.

Духовно-нравственные ценности России в аксиологическом профиле гражданской и территориальной идентичностей (на примере Ростовской области)

Пантелеев Вадим Геннадьевич,
научный сотрудник Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН
E-mail: pwg92@mail.ru

Шевченко Ольга Михайловна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения Южного федерального университета
E-mail: omshevchenko@sfedu.ru

В статье рассматривается отражение традиционных духовно-нравственных ценностей России в аксиологических профилях гражданской и территориальных идентичностей на примере Ростовской области. Эмпирическую базу статьи составил массовый анкетный опрос, проведенный коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН в Ростовской области, опрошено 1370 человек по квотной выборке (пол, возраст, тип населенного пункта). Но основании результатов выбора респондентами репрезентирующих «Я» общностей были выделены две группы – с доминирующей гражданской идентичностью и с доминирующей территориальной идентичностью. В целом было выявлено, что традиционные духовно-нравственные ценности в наибольшей степени соответствуют аксиологическому профилю респондентов, для которых доминирующим является определение собственной принадлежности через гражданскую принадлежность. Для доминирующей территориальной идентичности характерно частичное принятие традиционных духовно-нравственных ценностей, ко многим из них представители этой группы демонстрируют неоднозначное отношение. При этом максимальное сходство между группами наблюдается в оценках ценностей, которые являются в наибольшей степени общечеловеческими (ценность человеческой жизни, права и свободы человека). Заключается о необходимости целенаправленного формирования гражданской идентичности.

Ключевые слова: гражданская идентичность, территориальная идентичность, традиционные духовно-нравственные ценности, аксиологический профиль, Ростовская область.

Современная геополитическая ситуация является вызовом для российского общества и государства. Вместе с тем напряжение на внешнем контуре неизбежно приводит к актуализации внутренних вопросов. Противостояние с внешним противником дополнительно актуализирует общероссийскую гражданскую идентичность, функция которой заключается в формировании внутренней сплоченности и внешней презентации. Актуализируется с этим и вопрос ценностей, на основании которых эта идентичность должна формироваться. Учитывая существенную разницу с ценностями стран, придерживающихся «глобалистского проекта», вопрос о базовых ценностях приобретает важность не только поисков внутренних оснований, но отличий от противостоящих общественных систем. В этой связи в России был на уровне формальном уровне принять перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, из чего логично вытекает то, что на их основе и должна формироваться общероссийская гражданская идентичность. Зачастую как трудносовместимой с общероссийской рассматривают идентичность этническую. Однако региональная территориальная идентичность также может быть такой трудносовместимой. В этом контексте важным является рассмотрение того, насколько традиционные духовно-нравственные ценности отражаются в аксиологических профилях гражданской идентичности с одной стороны и территориальной идентичности с другой.

Отражение темы в научной литературе, эмпирические данные, методика

Ценности в фокусе различных идентичностей уже были предметом рассмотрения в научных исследованиях.

Так на примере Гжельского государственного университета было показано формирование цивилизационной идентичности посредством духовно-нравственных ценностей через их интеграцию в учебный процесс посредством специальных курсов и проектов («Разговоры о важном», «Без срока давности»), организации патриотических мероприятий и клубов («Память»), а также тесного взаимодействия с семьями студентов и местными сообществами [1]. Рассматривалось формирование цивилизационной идентичности с точки зрения рисков и ценностей: ключевые риски для традиционных российских духовно-нравственных ценностей, формирующих цивилизационную идентичность являются глобализация и цифровизация, приводящие к культурной однородности [2].

Особое внимание уделялось вопросу ценностей в формирования гражданской, общероссийской идентичности россиян. Рассматривались конкретные инструменты формирования гражданской идентичности, а именно применение проектной деятельности (всероссийские конкурсы), которые целенаправленно формируют ценностный набор, который согласуется с представлениями государства о традиционных ценностях страны [3]. В других исследованиях также подчеркивается, что необходимо целенаправленное формирование общероссийской идентичности, для которой являются вызовами клиповое сознание и эффекты глобализации. Это формирование должно базироваться на общероссийской культуре и местными этнокультурными ценностями (в зависимости от региона) [4]. Исследовалась конституция на предмет закрепления норм, способствующих формированию гражданской идентичности и учеными делался вывод о том, что она имеет политико-правовой характер, выражающийся в наличии норм, закрепляющих моральные принципы и общественные идеалы [5]. В рамках исследований гражданской идентичности рассматривалась взаимосвязь ценностей, ценностных ориентаций и формированием идентичности. Заключается, что социальные ценности и ценность традиции положительно коррелируют с развитием как гражданской, так и этнической идентичности, в то время как ценности личной направленности (самоутверждение) могут оказывать негативное влияние [6]. В рамках концептуализации цивилизационных ценностей в формировании гражданской идентичности учеными обосновывалась необходимость перехода к цивилизационной парадигме интеграции [7]. Рассматривалась общероссийская гражданская идентичность через призму государственной политики. В рамках этого рассмотрения ключевым противоречием считается соотношение гражданской и этнической идентичности для снятия которого предлагается усилить роль русского языка

как средства интеграции, развеивать межнациональный диалог, улучшать качество жизни в регионах и опираться на общие традиционные ценности [8].

Таким образом, вопрос ценностей в формировании идентичностей является актуальным для научных исследований. Следовательно, рассмотрение традиционных духовно-нравственных ценностей в аксиологическом профиле гражданской и территориальной идентичностей соответствует научной проблематике.

Методом сбора эмпирической информации послужил массовый анкетный опрос. Анкетирование реализовано коллективом Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН в период с сентября 2024 года по январь 2025 года. Анкетирование проводилось в Ростовской области, опрашивалось население в возрасте от 18 лет. Для опроса была построена квотная выборка, в которой отражены параметры генеральной совокупности (Ростовской области): пол, возраст, тип населенного пункта (городской, сельский). Квоты были рассчитаны по данным официальной статистики, которые отражали оценку ситуации на 1 января 2024 года. Всего было опрошено 1379 человек, в опросе участвовали жители 89 населенных пунктов Ростовской области. Квотные характеристики выборки в целом соответствуют таковым характеристикам генеральной совокупности. Половые соотношения: мужчины составили 45,3%, женщины составили 54,7%. Возрастные соотношения: возраста от 18 до 24 лет составили 8,5%, возраста от 25 до 34 лет составили 14,9%, возраста от 35 до 44 лет составили 21,1%, возраста от 45 до 59 лет составили 24,2%, возраста от 60 лет и старше составили 31,3%. Соотношения по типу населенных пунктов: респонденты из городских населенных пунктов составили 68,8%, респонденты из сельских населенных пунктов составили 31,2%. Таким образом, данные по реализованной выборочной совокупности позволяют делать релевантные выводы.

В анкетном опросе применялся вопрос с множественным выбором, в рамках которого респонденты выбирали наиболее значимые для них группы, которые характеризуют их «Я». В числе этих маркеров персональной идентичности находятся вариант «гражданин России» и «житель региона, города, села». Первая характеризует гражданскую идентичность или общность с гражданами России. Вторая характеризует территориальную идентичность или общность с жителями региона или населенных пунктов. На основании выбора этих двух вариантов были выделены две группы респондентов: первая группа выбирала «гражданин России», из этой группы были исключены те, которые выбирали «житель региона, города, села». Вторая группы – те, которые выбирали вариант, маркирующий территориальную идентичность, те, кто выбирал «гражданин России» были исключены из этой группы. Также были исключены из обеих групп респонденты, выбиравшие популярные ответы: «профессия», «представитель своего народа», «просто человек». Таким образом, сформированы группы, в идентичности которых максимально выражен гражданский компонент, а в другой группе – территориальный. Полное исключение любых других вариантов идентичности могло критично снизить количество представителей группы территориальной идентичности, что повлекло бы невозможность сравнения.

Далее предлагался перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, для каждой из которых респонденты определяли персональную важность по шкале: «важно», «скорее важно», «скорее не важно», «не важно», «затрудняюсь ответить». Перечень ценностей: «Жизнь человека», «Права и свободы человека, его достоинство», «Патриотизм», «Гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «Крепкая семья», «Созидательный труд и уважение к человеку труда», «Приоритет духовного над материальным», «Гуманизм и милосердие», «Справедливость», «Коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение», «Историческая память и преемственность поколений», «Единство народов России». Чем больше доля оценок абсолютной важности приписывается той или иной ценности в рамках ответов выделенных групп идентичности, тем больше та или иная ценность соответствует аксиологическому профилю идентичностей. Чем больше ценностей из перечня имеют такие оценки, тем в большей степени традиционные духовно-нравственные ценности выступают основанием рассматриваемых идентичностей – гражданской и территориальной.

Аксиологический профиль идентичностей

Итак, выявим через оценку важности ряда духовно-нравственных ценностей в аксиологическом профиле выделанных групп идентичностей. При этом фокус внимания будет обращен к однозначным оценкам (важно или не важно). Такие оценки однозначно характеризуют место, занимаемое в ценностном мире респондентов. Однако в зависимости от поведения данных будут приводиться и другие оценки.

Гражданская идентичность. Эта группа характеризуется тем, в ее оценках доминируют позиции «важно» и «скорее важно». Затруднившиеся с оценкой важности ценностей редко достигают 10% от группы. Это позволяет заключить, что в целом у респондентов с гражданской идентичностью духовно-нравственные ценности занимают важное место. В целом можно заключить, что список духовно-нравственных ценностей соотносится с их ценностным миром.

Если говорить о конкретных ценностях, то наибольший процент абсолютной важности наблюдается у ценности «жизнь человека», которую выбрали 78,8% респондентов группы «гражданской идентичности». Эта ценность является абсолютным лидером среди прочих ценностей. Можно заключить, что для гражданской идентичности ценность человеческой жизни является базисной.

На втором месте для этой группы располагается ценность «крепкой семьи», которую в качестве важной обозначили 69% респондентов этой группы. Это почти на 10 п.п. меньше ценности человеческой жизни. Таким образом, особенностью гражданской идентичности выступает ценность малой группы, которая формируется на основании близких отношений. Для них важна коллективность на семейно-родственном уровне. Крепкая семья – означает силу связи между членами ее составляющей. Стало быть, в рамках гражданской идентичности семья важна именно тем, что обеспечиваем надежную связь между ее членами.

Права и свободы человека расположились на третьем месте, эту ценность выбирали 66,1% респондентов с гражданской идентичностью. Казалось бы, гражданская идентичность (через гражданскую принадлежность) и права и свободы должны быть тесно связаны. Однако права и свободы уступают семье, и еще больше ценности человеческой жизни (разница более 12 п.п.). В равном положении расположилась ценность справедливости, важность которой признают 65% респондентов с гражданской идентичностью. Получается, что реализация человеческих прав и свобод в сознании респондентов с гражданской идентичностью связаны с реализацией принципа справедливости. Можно полагать, что в этом случае права и свободы возможны в случае их справедливого распределения, что является важным для общности граждан.

Далее, в результате присвоения уровня важности представители этой группы расположили на равные позиции такие ценности как «гуманизм и милосердие» (выбрали 63,8% группы), «историческая память и преемственность поколений» (выбрали 63,1% группы), разница с человеческой жизнью составила 15 п.п. Принцип гуманизма тесно связана с признанием ценности человеческой жизни, однако в сознании группы гражданской идентичности занимают не близкие позиции. С другой стороны сходные позиции занимает историческая память, которая является довольно удаленной от мира непосредственной повседневности.

Далее, в рамках оценок важности этой группы схожие позиции занимают ценности «созидательный труд и уважение к человеку труда» (выбрали 61,8% респондентов группы), «патриотизм» (выбрали 60,7% респондентов группы), «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» (выбрали 59,8% респондентов группы). Разница с ценностью человеческой жизни составляет от 17 до 19 п.п. Несколько парадоксальным является то, что для группы гражданской идентичности патриотизм оказывается на восьмом месте в зависимости от того, сколько респондентов группы считают важной эту ценность. Однако, все различия находятся в пределах оценок «важно».

Наконец, заключительная группа ценностей. Ценность «гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу» выбирали как важную 56,6% респондентов группы, «единство народов России» выбирали 55,9% респондентов группы, «приоритет духовного над материальным» выбирали 53,5% респондентов группы. Разница с наиболее важной ценностью составляет более от 22 до 25 п.п. Первые две ценности олицетворяют атрибуты больших коллективностей, которые имеют некоторую дистанцию с повседневным миром, что может объяснить степень важности этих ценностей. С другой стороны, ответственность, служение, приоритет духовного над материальным предполагают определенные самоограничения, которые обществе потребления скорее не признаются.

В целом, оценки группы гражданской идентичности находятся в градации «важно» и все рассмотренные ценности для них важны. Если присоединить еще оценки «скорее важно», то окажется, что духовно-нравственные ценности максимально соответствуют аксиологическому профилю этой группы.

Территориальная идентичность. Для группы территориальной идентичности духовно-нравственные ценности обладают разным приоритетом в аксиологическом профиле. Дистанция между ценностями гораздо больше, нежели у группы гражданской идентичности. Есть

ценности, которые обладают абсолютной важностью для небольшого числа респондентов. То есть территориальная идентичность, вероятно, сопряжена с избирательным отношением к традиционным духовно-нравственным России.

Респонденты этой группы ставят на первое место ценность человеческой жизни. Ее как важную оценили 84,3% респондентов. В этом отношении аксиологические профили гражданской и территориальной идентичности схожи. У группы территориальной идентичность уровень важности человеческой жизни даже несколько выше, чем у гражданской идентичности.

Со следующей по важности ценностью наблюдается существенный разрыв, который достигает 43 п.п. Респонденты этой группы отмечали в качестве важной ценность крепкой семьи – ее так оценили 41,2% респондентов группы. Эта ценность не является однозначно оцениваемой. Так, 28,8% респондентов группы считают ее скорее важной, а 23,5% респондентов затруднились оценить ее важность для себя. На примере этой ценности можно наблюдать главную особенность отношения группы территориальной идентичности к традиционным духовно-нравственным ценностям. А именно, раздельность мнений.

Далее, похожее место занимает ценность патриотизма, абсолютную важность которой отметили 40,5% респондентов рассматриваемой группы. При этом 39,9% респондентов группы полагают эту ценность скорее важной. Таким образом к этой ценности в группе территориальной идентичности наблюдается двойственное отношение, хотя и находящееся в рамках оценок важности. В целом в рамках территориальной идентичности ценность патриотизма не обладает таким устойчивым положением как у группы гражданской идентичности.

Далее, по оценкам важности расположились такие ценности как справедливость (выбрали 37,6% респондентов группы), созидательный труд и уважение к человеку труда (выбрали 37% респондентов группы), гуманизм и милосердие (выбрали 35,4% респондентов группы). Эти ценности занимают неустойчивое положение в аксиологическом профиле рассматриваемой группы. Выбор респондентов распределяется между оценками «важно», «скорее важно», «затрудняюсь ответить» и довольно равным образом. Если брать обобщенные оценки, то в целом можно говорить, что эти ценности важны для представителей группы.

Затем по абсолютной важности расположились ценности «коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение» (выбрали 32% респондентов группы), «единство народов России» (выбрали 30,7% респондентов группы). Заметно, что чем более ценности ориентированы на коллективность, тем меньше становится уровень абсолютной важности и больше разделенности мнений. В случае с ценностью «единство народов России» разделенность мнений наблюдается уже по всем вариантам оценки важности: для 20,2% эта ценность не важна, для 15% скорее не важна, для 15,7% скорее важна, для 18,5% представляет затруднение для оценки важности. То есть, абстрактная общечеловеческая ценность находит большую определенность оценок, в то время как конкретная коллективистская ценность получает крайне неоднозначные оценки.

Затем по уровню абсолютной важности расположились такие ценности как права и свободы человека (27,7% респондентов выбрали), историческая память и преемство поколений (25,9% респондентов выбрали), приоритет духовного над материальным (25,2% респондентов), гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу (25% респондентов). Примечательно, что при оценке важности прав свобод 62,9% респондентов приписывают им относительную важность. Оценки ценности приоритета духовного над материальным распределяются между важно, скорее важно и затрудняюсь ответить. Тогда как гражданственность, служение Отечеству занимает очень неоднозначное место – оценки распределяются и среди оценок неважности, в целом довольно равномерно. При оценке важности исторической памяти минимум выбора наблюдается только у оценок абсолютной неважности. Таким образом, ценности, относящиеся непосредственно к общности граждан России, у респондентов территориальной идентичности обнаруживают крайне противоречивые оценки.

Заключение

Первое отличие оценок важности между двумя группами идентичности заключается в том, что у группы гражданской идентичности у всех традиционных духовно-нравственных ценностей наблюдается высокий уровень абсолютной важности. Вся иерархия этих ценностей выстраивается вокруг того, абсолютно важны эти ценности или скорее важны. Здесь можно в целом констатировать, что для группы гражданской идентичности традиционные духовно-нравственные ценности соответствуют их ценностному профилю. То есть выступают теми ценностями, на основании которых строиться их идентичность.

Для группы территориальной идентичности эти ценности далеко не все ценности обладают важностью. Здесь наблюдаются очень дифференцированные оценки, для ряда ценностей можно говорить о том, что они вообще не попадают в аксиологический профиль группы территориальной идентичности. Общим местом является безусловное признание важности ценности человеческой жизни. К правам и свободам человека наблюдается относительная важность, но в целом эта ценность «примыкает» к человеческой жизни. Затем идет ценность патриотизма, оценки которой располагаются в градации важности. У второй группы ценностей фиксируется рост неопределившихся с оценкой, доля которых достигает одной трети респондентов: крепкая семья, созидательный труд и уважение к человеку труда, приоритет духовного над материальным, гуманизм и милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение. В третьей группе ценностей наблюдается рост отрицательных оценок и неоднозначности: гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Таким образом, максимально вписаны в аксиологический профиль этой группы ценности человеческой жизни, прав и свобод, патриотизма. Максимально не характерными оказываются ценности, относящиеся к сохранению устойчивости общности граждан России.

Таким образом, группа, в которой доминирует территориальная идентичность и отсутствует идентичность гражданская, демонстрирует меньшую ориентированность на традиционные духовно-нравственные ценности. Тогда как у группы, в которой доминирует гражданская идентичность и отсутствует территориальная, демонстрирует максимальную ориентацию на традиционные духовно-нравственные ценности. Однако, такие идеальные типы, в которых доминирует определенная идентичность, все-таки редки, обычно можно говорить о сложнокомпонентной идентичности, в которой сочетаются разные основания – и гражданские, и территориальные, и профессиональные и многие другие. Но данные позволяют полагать, что сформированная гражданская идентичность ведет к принятию российских традиционных духовно-нравственных ценностей, строится на их основании.

Литература

1. Канюк А.С. Традиционные духовно-нравственные ценности России как основа цивилизационной идентичности (на примере ФГБОУ во «Гжельский государственный университет») / А.С. Канюк, Д.Н. Луганцев, В.В. Крапивина // Вестник ГГУ. 2024. № 4. С. 164–175.
2. Тихонова С.В. Ценности, формирующие российскую цивилизационную идентичность: риски и угрозы в области традиционных ценностей // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 37–40.
3. Семенова Д.М. Ценности в структуре гражданской идентичности: понятие и инструменты / Д.М. Семенова, М.В. Афонин, С.А. Кудрявцев // Политконсультант. 2023. Т. 3, № 1. [Электронный ресурс]. URL: https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf.
4. Акаев В. Х. О закреплении гражданских ценностей в сознании молодежи Чеченской Республики в условиях формирования общероссийской идентичности // Гуманитарий Юга России. 2024. Т. 13, № 1. С. 125–135.
5. Игнатушко И.В. Российская идентичность и нормы-ценности в Конституции РФ // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5. С. 12–14.
6. Гайченя Т.А. Взаимосвязь ценностей, ценностных ориентаций и гражданской идентичности: подходы к исследованию // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. 2025. № 2(17). С. 30–38.
7. Зинурова Р.И. Цивилизационные ценности России и гражданская идентичность студенчества нашей страны: концептуализация научной проблемы / Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков // Управление устойчивым развитием. 2025. № 2(57). С. 48–54.
8. Гаврилова, Э.Д. Формирование общероссийской гражданской идентичности как цель и принцип государственной политики РФ по защите и укреплению традиционных ценностей // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 10–1(97). С. 97–99.

SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIA IN THE AXIOLOGICAL PROFILE OF CIVIL AND TERRITORIAL IDENTITIES (ON THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

Panteleev V.G., Shevchenko O.M.
Russian Academy of Sciences, Southern Federal University

The article examines the reflection of traditional spiritual and moral values of Russia in the axiological profiles of civil and territorial identities on the example of the Rostov region. The empirical basis of the article was made up of a massive questionnaire survey conducted by

the staff of the South Russian branch of the FNSC RAS in the Rostov region, 1,370 people were interviewed according to a quota sample (gender, age, type of settlement). However, based on the results of the respondents' choice of representative communities, two groups were identified – those with a dominant civic identity and those with a dominant territorial identity. In general, it was revealed that traditional spiritual and moral values most closely correspond to the axiological profile of the respondents, for whom the definition of one's own identity through citizenship is dominant. The dominant territorial identity is characterized by partial acceptance of traditional spiritual and moral values, and representatives of this group show an ambiguous attitude towards many of them. At the same time, the maximum similarity between the groups is observed in valuations of values that are most universal (the value of human life, human rights and freedoms). It is about the need for a purposeful formation of civic identity.

Keywords: civil identity, territorial identity, traditional spiritual and moral values, axiological profile, Rostov region.

References

1. Kanyuk A.S. Traditional Spiritual and Moral Values of Russia as the Basis of Civilizational Identity (on the Example of Gzhel State University) / A.S. Kanyuk, D.N. Lugantsev, V.V. Krapivina. Bulletin of the GSU. 2024. No. 4. P. 164–175.

2. Tikhonova S.V. Values Forming the Russian Civilizational Identity: Risks and Threats in the Field of Traditional Values. Social and humanitarian knowledge. 2024. No. 3. P. 37–40.

3. Semenova D.M. Values in the Structure of Civic Identity: Concept and Tools / D.M. Semenova, M.V. Afonin, S.A. Kudryavtsev. Political Science and Technology. 2023. Vol. 3. No. 1. [Electronic resource]. URL: https://politicjournal.ru/PDF/04PK123.pdf.

4. Akayev V.H. On Consolidating Civic Values in the Minds of the Youth of the Chechen Republic in the Context of the Formation of an All-Russian Identity. Humanities of the South of Russia. 2024. Vol. 13. No. 1. P. 125–135.

5. Ignatushko I.V. The Russian Identity and Norms-Values in the Constitution of the Russian Federation. Constitutional and Municipal Law. 2024. No. 5. P. 12–14.

6. Gaichenya T.A. Interrelation of Values, Value Orientations and Civic Identity: Research Approaches. All-Russian Research and Practice Journal of Studies in Social Sciences and Humanities. 2025. No. 2(17). P. 30–38.

7. Zinurova R.I. Civilizational Values of Russia and Civic Identity of Students of Our Country: Conceptualization of a Scientific Problem / R.I. Zinurova, A.R. Tuzikov. 2025. No. 2(57). P. 48–54.

8. Gavrilova E.D. Formation of the All-Russian Civic Identity as the Goal and Principle of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Protection and Strengthening of Traditional Values. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. No. 10–1(97). P. 97–99.

Этика и экономика: буддийский взгляд на природу человека и смысл богатства

Толстяков Дмитрий Павлович,
аспирант, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского
E-mail: tolstyakovdmitry@gmail.com

В статье рассматривается проблема соотношения этики и экономики через призму буддийской философии. Показано, что доминирующая в современной экономической теории модель человека как рационального максимизатора полезности приводит к вытеснению этического измерения экономической деятельности и редукции богатства к количественной категории. В противоположность этому буддийская традиция предлагает процессуальное понимание природы человека, основанное на отрицании неизменной самости, признании непостоянства и ключевой роли намерения в формировании действия. На материале ранних буддийских текстов и философских интерпретаций анализируется буддийское понимание богатства как условного и контекстуального блага, включённого в сеть взаимозависимых причин и этических последствий. В результате обосновывается вывод о том, что буддийская философия формирует альтернативную антропологическую и онтологическую модель экономического субъекта, в рамках которой экономическое действие рассматривается как часть нравственной практики и экзистенциальной ориентации человека.

Ключевые слова: этика и экономика; буддийская философия; богатство; природа человека; карма; намерение; взаимозависимое возникновение; дуккха; анатман; homo economicus.

Введение

Начнем с того, что проблема соотношения этики и экономики принадлежит к числу фундаментальных вопросов социальной философии. На первый взгляд, эти сферы принадлежат разным порядкам: экономика ориентирована на производство, обмен и распределение ресурсов, тогда как этика – на нормативную регуляцию поведения, внутренние качества субъекта и формы социального взаимодействия. Однако полностью развести эти две области невозможно. Любое действие, происходящее в обществе, – в том числе экономическое – имеет моральную глубину, поскольку связано с выбором мотивов, норм и последствий. Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов – советский и российский учёный-философ, специалист по этике писал (См.: [6]), что моральное измерение присутствует в любых формах практики, независимо от того, осознаётся оно или нет: действие всегда выражает определённые нравственные качества индивида и встроено в сеть оценок, ожиданий и норм.

Другой советский и российский религиовед, Агаджанян, историк религии и востоковед-буддолог, подмечает следующим образом: “Экономика как узкая сфера материального имеет смысл только в контексте всего социального порядка, а последний, в свою очередь, неизбежно соотносится с общей системой мировоззрения. Мировоззрение же немыслимо без высшего религиозного опыта, прямо или косвенно наделяющего его сакральным авторитетом. Таким образом, можно утверждать, что осмысление нового в экономике дает всегда в чем-то неповторимые, самобытные результаты и что в этом состоит непременное условие экономического развития вообще и экономического обновления в частности” (См.: [3]).

Эта идея становится особенно очевидной при обращении к буддийской традиции, где моральные качества субъекта и его намерения объявляются первичным измерением любого действия. В буддизме экономическое поведение не выделяется в отдельную сферу, лишённую моральных критериев; оно мыслится как часть общего пути формирования добродетелей и уменьшения страдания. В отличие от горизонтальной экономической рациональности, ориентированной на максимизацию, буддийская этика вводит вертикаль – измерение внутреннего состояния, качества намерения и последствий для всех участников взаимодействия.

Именно поэтому обращение к буддийской мысли позволяет по-новому осмыслить вопрос о природе богатства. С точки зрения ранних буддийских текстов, богатство не является ни безусловным благом, ни абсолютным злом: его ценность определяется происхождением, мотивацией приобретения и способом использования.

Однако прежде чем переходить к буддийскому пониманию субъекта и экономического действия, необходимо сказать несколько слов о модели homo economicus, которая до сих пор остаётся мейнстримной в экономической науке и определяет характер большинства теоретических и прикладных исследований. Эта модель представляет человека как рационального актора, стремящегося максимизировать собственную выгоду в условиях ограниченных ресурсов. В её основе лежат два ключевых допущения: стабильность предпочтений и рациональная оптимизация доступных средств для достижения желаемых целей.

Модель homo economicus

Согласно этой парадигме, экономическое поведение объясняется внутренней структурой интересов индивида, которые рассматриваются как заданные и неизменные. Мотивы действия редуцируются к стремлению увеличить полезность, а рациональность понимается как способность последовательно выбирать наиболее выгодный вариант при наличии полной или частичной информации. Несмотря на различия в интерпретации самого понятия богатства, представители классической экономической школы в целом сошлись на подходе, который впоследствии К. Менгер обозначил как категорию «экономических благ» (См.: [1]). В рамках данного понимания богатство трактуется как совокупность отчуждаемых объектов, способных приносить полезность или удовлетворение и характеризующихся ограниченностью предложения (См.: [2]).

Такая концептуальная рамка исторически сыграла важную роль в развитии экономического моделирования, позволяя формализовать поведение индивидов и прогнозировать рыночные процессы.

Тем не менее homo economicus обладает существенными ограничениями, особенно с точки зрения философской антропологии и эти-

ки. Модель рационального максимизатора фактически выводит этику за пределы экономической науки, предполагая, что моральные ценности принадлежат сфере «внешнего» регулирования – права, социального давления или культурных норм. Экономическое действие в рамках этой парадигмы мыслится как формально нейтральное, лишённое внутренней нравственной структуры.

Буддийская философия как раз и предлагает альтернативу этому редукционизму, рассматривая субъекта не как фиксированную единицу предпочтений, а как процессуальное, изменчивое и нравственно формируемое существование. В этом контексте понятие богатства получает совершенно иное, не редукционистское содержание.

Существует также понятие «буддийская экономика», введённое в интеллектуальный оборот английским экономистом Эрнстом Фридрихом Шумахером. Работая экономическим консультантом в Бирме в середине XX века, Шумахер столкнулся с тем, что традиционные западные представления о развитии и рациональности плохо описывают практики и мотивации местного населения. Этот опыт стал основанием для его знаменитого эссе “Buddhist Economics”, опубликованного в сборнике “Small Is Beautiful” (1973). В этом сборнике прозвучал его тезис о том, что экономические системы должны оцениваться не только с точки зрения производительности, но и с точки зрения их способности уменьшать страдание и поддерживать устойчивые формы жизни.

Он пишет: «В современном мире главенствует убеждение, что прочнейшим основанием мира было бы всеобщее материальное процветание». (Шумахер, Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 40)

Шумахер показывает, что экономическая теория ошибочно рассматривает ресурсы как доход, а не как капитал, что приводит к структурной иллюзии «бесплатности» природного мира. В результате рынок начинает функционировать как система, закрепляющая структурную безответственность и выносящая за скобки вопросы труда, качества жизни и экологических последствий.

Буддийское понимание природы человека и богатства

Переходя от общих этико-экономических предпосылок, обратимся теперь к буддийскому пониманию природы человека. Именно оно задаёт те основания, из которых вытекает особое отношение к богатству и экономическому действию.

Богатство и доктрина непостоянства

Буддийская философия рассматривает категорию богатства не изолированно, а в контексте фундаментальной онтологической установки – учения о непостоянстве (анитья). Согласно этой доктрине, все обусловленные феномены подвержены изменению и не обладают внутренней, неизменной сущностью. В отличие от индуистской метафизики тождества индивидуального и абсолютного «Я», буддизм формирует собственную схему анализа опыта, основанную на триаде анитья – анатман – духкха, которая разворачивается в учении о четырёх благородных истинах и определяет способ буддийского понимания мира.

В этой оптике материальные блага получают особый статус. Они не могут быть источником подлинного счастья, поскольку лишены устойчивости, не имеют независимой самости и, будучи объектами цепляния, становятся основанием для страдания. Как справедливо отмечают Рудой, Островская и Островский, именно через призму непостоянства формируется буддийское отношение к богатству как к феномену, обладающему сугубо условной ценностью [Рудой, Островская, Островский 1994: С. 27].

Буддийские тексты последовательно демонстрируют нестабильность материального достояния. В Бхога-сутте Будда указывает:

«Есть эти пять опасностей в богатстве… Его могут разделить огонь, вода, цари, воры и недовольные наследники». [Бхога-сутта:: Богатство, AH 5.227, пер. SV, https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an5_227-bhoga-sutta-sv.htm].

Богатство и концепция взаимозависимого возникновения

Буддийское учение о взаимозависимом возникновении предоставляет ключевую онтологическую рамку для понимания богатства и экономических процессов в целом. В отличие от субстанциальных философских моделей, рассматривающих явления как автономные и самотождественные, буддизм утверждает, что всё существующее возникает лишь в силу совокупности причин и условий. Как подчёркивает Е.А. Торчинов, именно учение о причинно-зависимом происхождении превращается в «основополагающий методологический принцип буддийской мысли», достигающий своей зрелой формы в философии мадхьямаки [Торчинов 2000: 24–25]. Этот принцип применяется ко всем аспектам опыта: как к внутренним психологическим состояниям, так и к социальным и экономическим явлениям, включая богатство и бедность.

В буддийской перспективе богатство не является чисто экономической величиной, не сводится к индивидуальной добродетели и не может быть объяснено как результат действия внешней силы (удачи, судьбы, божественной воли). Оно рассматривается как временный и изменчивый результат взаимодействия множества факторов – экономических, социальных, этических, психологических и кармических.

Такой подход устраняет культ накопления и смещает акцент с обладания на понимание процессуальности: богатство появляется, сохраняется и исчезает в зависимости от переплетения причин, многие из которых зависят от качества намерений и нравственного состояния как индивида, так и общества.

Классическим примером применения учения о взаимозависимом возникновении к социально-экономическим процессам является «Чаккаваттисиханада-сутта». Здесь бедность рассматривается не как изолированное экономическое явление, а как часть сложной цепи взаимозависимых проблем:

«Когда не стало неимущим помощи имуществом, распространилась бедность; от бедности – кражи; от краж – оружие; от оружия – убийства; от убийств – ложь; от лжи – доносы…» [Чаккаваттисиханада-сутта: Львиный рык миродержца, DN 26, пер. А.В. Парибка, https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn26.htm]

Этот фрагмент показывает, что экономический кризис неразрывно связан с упадком нравственности, а моральная деградация – с ростом социального насилия. Таким образом, ни бедность, ни богатство не могут быть поняты вне общего «поля условий», в которых экономические, этические и психологические факторы взаимно порождают друг друга.

Как отмечает А.М. Пятигорский, в раннем буддизме речь идёт не о линейной причинности, а о целостной онтологической модели, в которой «все дхармы являются санскарами», то есть обусловленными образованиями, и ни одно явление не существует независимо [Пятигорский 2007: 41].

Материальное богатство как «кармическая тень»

В буддийской философии понятие кармы получает строгое и однозначное определение. Оно формулируется Буддой предельно лаконично: *«Намерение, монахи, я называю кармой»* [Нибведхика-сутта, AN 6.63]. Эта формула радикально отличает буддийское понимание причинности от популярного внебуддийского представления. Карма – это не внешнее событие и не постфактум постигшая человека «воздаяющая сила», а процесс, происходящий в его собственном уме.

Буддийские тексты подчёркивают разницу между условными благами – зерном, имуществом, деньгами, социальными связями – и подлинным достоянием индивида. В одном из канонических отрывков (См.: [11]). говорится:

«Зерно, имущество, деньги… всё это вы не сможете забрать с собой. Но камма, совершённая телом, речью или умом, – это ваше подлинное имущество; оно следует за вами подобно тени за хозяином».

Эта метафора иллюстрирует фундаментальный принцип: материальное богатство подвержено утрате, тогда как карма неотчуждаема и формирует будущие состояния сознания и условия существования. Человек становится тем, что он совершает.

Богатство и бедность не трактуются как награда или наказание, а понимаются как конкретные следствия определённых кармических причин, встроенных в более широкую сеть взаимозависимых явлений. Однако буддийская модель не является фаталистической: карма – процесс, а не фиксированный результат. Новые намеренные действия способны трансформировать уже накопленные тенденции. Экономическое положение не окончательно предопределено; оно поддаётся изменению через этическую практику.

Богатство и доктрина неудовлетворённости (дуккха)

Учение о дуккхе – неудовлетворённости или страдании – занимает центральное место в буддийской философии и служит исходной точкой для анализа любого феномена, включая богатство.

Будда формулирует первую благородную истину наиболее широко:

«Рождение – страдание; старение – страдание; болезни – страдание; смерть – страдание… Неполучение желаемого – страдание. Одним словом, пять совокупностей, подверженных цеплянию, – это страдание» [Саччавибханга-сутта, MH 141].

В этой перспективе богатство не является исключением из законосообразности дуккхи; напротив, оно выступает одной из областей, где страдание проявляется особенно наглядно:

– в погоне за приобретением,
– в страхе утраты,

– в зависимости от условий, неподконтрольных субъекту.

Страдание не зависит исключительно от внешней бедности или богатства; оно укоренено в самой обусловленной структуре чувственного восприятия. Чувственный контакт, лежащий в основе потребления, уже содержит в себе потенцию неудовлетворённости.

Отсюда следует важный вывод: страдание, связанное с экономикой, не сводится к бедности или неравенству; оно прорастает из самой природы желания и обусловленности всех форм обладания.

Богатство в контексте учения о «не-я» (анатман)

В буддийской философии термины ātman, jīva, sattva, pudgala считаются лишь условными обозначениями, лишёнными референта: они указывают не на некую субстанцию, а на конвенциональное объединение феноменов – чувств, ощущений, представлений, волевых импульсов. Всё, что мы называем «я», представляет собой поток обусловленных процессов и не обладает собственной независимой природой.

Такое понимание подрывает характерное для многих культур убеждение, что собственность является продолжением личности или выражением ее субстанциального ядра. Если постоянного, самотождественного «я» не существует, то и идея «моё», включая богатство, имеет лишь относительный и условный статус.

В «Маханидана-сутте» Будда подробно анализирует механизм возникновения цепляния за материальные объекты. Он показывает, что:

- привязанность к богатству является следствием отождествления с пятью совокупностями (телом, чувствами, восприятием, формациями, сознанием),
- это отождествление возникает из желания (танхā) и страсти (рага),
- желание, в свою очередь, является проявлением заблуждения о существовании «я».

Будда подчёркивает, что собственничество – это продукт психической конструкции, созданной жаждой и неведением. Человек стремится обладать, потому что ошибочно считает вещи продолжением или опорой личностной сущности. Таким образом, привязанность к богатству – это внешняя форма более глубокой иллюзии: веры в субстанциальное «я», которое нуждается в подтверждении, защите и расширении. Осознание отсутствия самости приводит к особому отношению к материальным благам, – непривязанности, или «неприсвоение». Буддизм не требует обязательной бедности или отказа от имущества, но настаивает на свободе от психологического цепляния.

Заключение

Подводя итог, важно отметить, что рассмотрение связи этики и экономики через буддийскую перспективу показывает, что экономическое действие не может быть понято как нейтральный, сугубо технический процесс. В отличие от модели homo economicus, где человек мыслится как носитель стабильных предпочтений и рациональный максимизатор полезности, буддизм описывает субъекта как процессуальное, взаимозависимое и нравственно формируемое существо. Это делает этическое измерение не внешним ограничителем рынка, а внутренним параметром любого действия.

Буддийские доктрины непостоянства, взаимозависимого возникновения, кармы, дуккхи и отсутствия самости формируют онтологическую рамку, в которой богатство утрачивает статус самоценного и окончательного блага. Оно понимается как условное, временны́й результат множества причин и условий, чья значимость определяется не объёмом накопления, а качеством намерения, способом приобретения и характером использования. В этой перспективе богатство не является ни гарантией счастья, ни признаком духовной неполноценности: его этическая оценка всегда контекстуальна.

Учение о карме и дуккхе позволяет увидеть, что экономическая деятельность либо воспроизводит страдание – через жажду, привязанность и эксплуатацию, – либо становится полем для уменьшения страдания. Доктрина анатмана подрывает представление о собственности как продолжении субстанциального «я» и открывает возможность отношения к богатству в модальности «пользования без присвоения», где материальные ресурсы перестают быть опорой ложной идентичности.

Таким образом, буддийский взгляд на природу человека и богатства задаёт альтернативную модель экономического субъекта и экономического порядка. Это позволяет говорить о буддийском вкладе в современную этико-экономическую мысль не как о внешней «надстройке», а как о полноценной концептуальной альтернативе, способной переопределить смысл богатства и критерии экономического успеха.

В контексте современной России подобная перспектива приобретает особую актуальность. Страна переживает масштабный геополитический, культурный и ценностный сдвиг, связанный как с поворотом на Восток, так и с поиском новых оснований для социально-экономического развития. Этот поиск невозможно свести к институциональным реформам или пересборке внешних экономических связей: он неизбежно затрагивает более глубокий уровень – антропологический и мировоззренческий.

Литература

1. Menger C. Principles of Economics. Glencoe, 1871. 330 p.
2. Senior N.W. Political Economy. – London, 1854. – 227 p.
3. Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: религиозные ценности и современная история стран тхеравады. – М.: Наука; Издательская фирма «Восточная литература», 1993. – Гл. 5.
4. Бхиккху Бодхи (Bhikkhu Bodhi). The Great Discourse on Causation: The Mahanidana Sutta and its Commentaries. – Kandy: Buddhist Publication Society, 1984.
5. Бхога-сутта (AN 5.227) // Ангуттара-никая. Пер. с пали SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an5_227-bhoga-sutta-sv.htm (дата обращения: 10.12.2025).
6. Гусейнов А.А. Введение в этику. – М.: Изд-во Московского университета, 1985.
7. Гусейнов А. А., Апресян Р.Г. Этика. – М.: Гардарики, 2000.
8. Маханидана-сутта (DN 15): Большая беседа о зависимом возникновении // Пер. с англ. SV. Ред. перевода: 16.11.2016. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Books/Kamma_Payutto/kamma_payutto6-sv.htm (дата обращения: 10.12.2025).
9. Ниббедхика-сутта (AN 6.63) // *Ангуттара-никая*. Пер. с пали SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an6_63-nibbedhika-sutta-sv.htm (дата обращения: 10.12.2025).
10. Пайютто П.А. Буддийская экономика: Срединный путь для рыночного общества. – Bangkok: Buddhadhamma Foundation, 1994. (Payutto P.A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place. Bangkok: Buddhadhamma Foundation, 1994).
11. Пайютто П.А. Камма в учении Будды // Good, Evil and Beyond: Kamma in the Buddha's Teaching. Пер. с англ. SV. – 2011.
12. Пятигорский А.М. Введение в изучение буддийской философии (девятнадцать семинаров). – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – 288 с.
13. Рудой В. И., Островская Е.П., Островский А.Б. и др. Основы буддийского мировоззрения (Индия. Китай): учебное пособие. – М.: Наука, 1994. – 239 с.
14. Саччавибханга-сутта (MN 141) // *Мадджхима-никая*. Пер. с пали SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn141-sacca-vibhanga-sutta-sv.htm (дата обращения: 10.12.2025).
15. Торчинов Е.А. Введение в буддологию: курс лекций. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000.
16. Чаккаватти-сиханада-сутта (DN 26): Львиный рык миродержца // Дигха-никая. Пер. с пали А.В. Парибка. – URL: https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn26.htm (дата обращения: 10.12.2025).
17. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно: экономика, в которой люди имеют значение. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. (Schumacher E.F. Small Is Beautiful. Economics as if People Mattered. London, 1973).

ETHICS AND ECONOMICS: A BUDDHIST PERSPECTIVE ON HUMAN NATURE AND THE MEANING OF WEALTH

Tolstyakov D.P.
Dostoevsky Russian Christian Humanitarian Academy

The article examines the problem of the relationship between ethics and economics through the prism of Buddhist philosophy. It is shown that the dominant model of man in modern economic theory as a rational maximizer of utility leads to the displacement of the ethical dimension of economic activity and the reduction of wealth to a quantitative category. In contrast, the Buddhist tradition offers a procedural understanding of human nature based on the denial of the unchanging self, the recognition of impermanence and the key role of intention in shaping action. Based on the material of early Buddhist texts and philosophical interpretations, the Buddhist understanding of wealth as a conditional and contextual good included in a network of interdependent causes and ethical consequences is analyzed. As a result, the conclusion is substantiated that Buddhist philosophy forms an alternative anthropological and ontological model of an economic entity, in which economic action is considered as part of moral practice and existential orientation of a person.

Keywords: ethics and economics; Buddhist philosophy; wealth; human nature; karma; intention; interdependent origination; dukkha; anatman; homo economicus.

References

1. Menger C. Principles of Economics. Glencoe, 1871. 330 p.
2. Senior N.W. Political Economy. London, 1854. 227 p.
3. Agadzhanyan A.S. The Buddhist Path in the 20th Century: Religious Values and Modern History of the Theravada Countries. Moscow: Nauka; Vostochnaya Literatura Publishing Firm, 1993. Chapter 5.

4. Bhikkhu Bodhi. The Great Discourse on Causation: The Mahanidana Sutta and its Commentaries. Kandy: Buddhist Publication Society, 1984.

5. Bhoga Sutta (AN 5.227) // Anguttara Nikaya. Translated from Pali by SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an5_227-bhoga-sutta-sv.htm (date accessed: 12/10/2025).

6. Guseinov A.A. Introduction to Ethics. – Moscow: Moscow University Press, 1985.

7. Guseinov A. A., Apresyan R.G. Ethics. – Moscow: Gardariki, 2000.

8. Mahanidana Sutta (DN 15): The Great Discourse on Dependent Origination // Translated from English by SV. Translation editor: 11/16/2016. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Books/Kamma_Payutto/kamma_payutto6-sv.htm (date accessed: 12/10/2025).

9. The Nibbedhika Sutta (AN 6.63) // Anguttara Nikaya. Translated from Pali by SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/an6_63-nibbedhika-sutta-sv.htm (accessed: 10.12.2025).

10. Payutto P.A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place. – Bangkok: Buddhadhamma Foundation, 1994. (Payutto P.A. Buddhist Economics: A Middle Way for the Market Place. Bangkok: Buddhadhamma Foundation, 1994).

11. Payutto P.A. Kamma in the Buddha's Teaching // Good, Evil and Beyond: Kamma in the Buddha's Teaching. Translated from English by SV. – 2011.

12. Pyatigorsky A.M. Introduction to the Study of Buddhist Philosophy (Nineteen Seminars). – Moscow: New Literary Review, 2007. – 288 p.

13. Rudoy V. I., Ostrovskaya E.P., Ostrovsky A.B., et al. Fundamentals of the Buddhist Worldview (India. China): A Study Guide. – Moscow: Nauka, 1994. – 239 p.

14. Saccavibhanga Sutta (MN 141) // Majjhima Nikaya. Translated from Pali by SV. – URL: https://theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn141-sacca-vibhanga-sutta-sv.htm (Accessed: 12/10/2025).

15. Torchinov E.A. Introduction to Buddhology: A Course of Lectures. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2000.

16. Cakkavatti-sihanada-sutta (DN 26): The Lion's Roar of the Ruler of the World // Digha Nikaya. Translated from Pali by A.V. Paribka. URL: https://www.dhamma.ru/canon/dn/dn26.htm (accessed: 10.12.2025).

17. Schumacher E.F. Small Is Beautiful. Economics as if People Mattered. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012.

Роль куратора в формировании корпоративной культуры академической группы студентов вуза

Турчина Жанна Евгеньевна,
к.м.н., доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: turchina – 09@mail.ru

Бакшеев Андрей Иванович,
к.и.н., доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: baksh-ai@yandex.ru

Тяжельников Юрий Александрович,
к.м.н., доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: sargon72@yandex.ru

Гусаренко Виктория Владимировна,
старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: vikyse2007@ya.ru

Спирина Александра Александровна,
преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России
E-mail: Aspirinka-007@yandex.ru

Кураторство представляет собой одну из форм воспитательной работы со студентами, в связи, с чем куратор академической группы принимает самое непосредственное участие в воспитании студенческой молодежи. Именно он чаще всего среди других преподавателей вступает во взаимоотношения с одной и той же группой студентов в течение длительного периода, а также создает определенную воспитательную систему академической группы.

Цель статьи заключается в определении роли куратора в формировании корпоративной культуры академической группы студентов.

В статье исследуется процесс формирования корпоративной культуры в студенческой группе, способы воздействия на группу со стороны куратора. В исследовании раскрывается сущность понятий «корпоративная культура», «куратор», «куратор академической группы». Определяются особенности влияния и роль куратора академической группы на процесс формирования корпоративной культуры студентов. Рассматриваются объективные и субъективные факторы взаимодействия куратора и студентов. Охарактеризован эффективный язык процесса формирования корпоративной культуры личности. Выявляются важные функции корпоративной культуры. Представлена информация о педагогическом сопровождении как важном организационно-педагогическом обеспечении формирования корпоративной культуры студентов в образовательной среде вуза. Рассмотрены задачи куратора академической группы по формированию корпоративной культуры студенческого коллектива.

Ключевые слова: корпоративная культура, студенты, академическая группа, куратор академической группы, студенческий коллектив.

Введение

Наряду с учебной деятельностью студентов, которая считается основным видом их деятельности, в вузе параллельно осуществляется процесс воспитательной работы, за реализацию которой отвечают, в том числе, кураторы академических групп, в обязанности которых входит, помимо создания положительного микроклимата, атмосферы доверия и уважения между студентами, также формирование корпоративной культуры студентов. Качество процесса формирования корпоративной культуры студентов университета зависит от высокопрофессиональной подготовки кураторов академических групп к осуществлению данного процесса.

Куратор сегодня выполняет функции фасилитатора, координатора учебно-воспитательных действий студента, осуществляет духовно-культурное сопровождение становления его как личности, а, следовательно, является ключевой фигурой субъект-субъектных отношений со студентом в учебно-воспитательном процессе.

Цель статьи: определение роли куратора в формировании корпоративной культуры академической группы студентов.

Материалы и методы

Исследование основано на анализе научной литературы по корпоративной культуре студентов и деятельности куратора академической группы. Применялись методы теоретического анализа, сравнения и обобщения научных подходов, а также контент-анализ публикаций, позволяющий выделить ключевые функции куратора и условия формирования корпоративной культуры. Методологическую основу составили гуманистический и личностно-ориентированный подходы, определяющие характер взаимодействия куратора и студентов в образовательной среде.

Результаты

По нашему мнению, корпоративную культуру следует понимать как систему общих убеждений, верований, ценностей, которая осуществляет поддержку корпоративного поведения личности [1]. В контексте социологического знания корпоративная культура личности студента рассматривается как готовность к профессиональной самореализации, способность к самоконтролю и самодисциплине, навыки социальной адаптации, которые прививают чувство ответственности, соблюдение правил этикета и культуры общения [2].

А.А. Столпак трактует корпоративную культуру личности студента как систему ценностей, правил и норм поведения, которая включает в себя материальную и духовную деятельность, отношение к учебному заведению [3].

По мнению Э.В. Будаевой, корпоративную культуру личности студента следует рассматривать как важный механизм, который влияет на мотивированность, нравственность, модель поведения, самоидентификацию как студента конкретного учебного заведения. Она выступает объединяющим элементом студентов в вузе как для решения общей цели и задач, так и для достижения собственных целей и ориентиров. Чем выше уровень корпоративной культуры личности студента, тем эффективнее она продуцируется в содержание и характер общения с другими субъектами вуза и формирование культурных норм поведения [4].

Важной функцией корпоративной культуры вуза является укрепление социального партнерства профессорско-преподавательского состава и студентов, объединение и направление интеллектуального и духовного потенциала человеческого капитала на эффективную реализацию миссии и видения вуза по производству новых знаний, умений, навыков, повышение ответственности за качество предоставления образовательных услуг и культурно-просветительской работы [5].

Эффективными условиями процесса формирования корпоративной культуры личности студента выступают: осознание потребности в корпоративной культуре; методическое обеспечение процесса формирования корпоративной культуры личности; непрерывность и последовательность процесса формирования корпоративной культуры; эффективность взаимодействия субъектов образовательной организации; самореализация студента через общественную работу в пределах вуза.

Важным организационно-педагогическим условием формирования корпоративной культуры студентов в образовательной среде вуза

является педагогическая поддержка студентов в их моральном самоопределении. Под педагогической поддержкой нами понимается деятельность уполномоченных субъектов образовательного процесса в вузе, направленная на оказание обучающимся превентивной и оперативной помощи при осуществлении процесса обучения [6].

Со стороны куратора педагогическая поддержка имеет вариативный характер, что предполагает широкий диапазон выбора способов и стратегий поведения: включение в творческий процесс, дружеская беседа, совет, сочувствие, ненавязчивые изменения ракурса проблемы и тому подобное.

Основными принципами обеспечения педагогической поддержки студентов куратором являются: их согласие на помощь и поддержку; ориентация на способность студентов к самостоятельному выбору стратегий поведения; доброжелательность. Педагогическая поддержка имеет ценность, если она тактичная, своевременная, адресная, дозированная и повседневная, а главное, что она работает на перспективу.

Педагогическая поддержка студентов по формированию корпоративной культуры в личностных взаимоотношениях должна быть системной и осуществляться с учетом следующих факторов:
– осознание необходимости оптимизации общения и повышения уровня личностного развития;
– возможность проявления индивидуального стиля общения;
– наличие гибкого и творческого подхода к воспитательному взаимодействию;
– стремление субъектов воспитательного процесса к саморазвитию [7].

Так сложилось, что возникновение института кураторства в мире произошло одновременно с возникновением учебных заведений. В России до 1917 года права и обязанности кураторов определялись Уставом учебного заведения. В нашей стране возвращение к институту кураторства в вузах произошло в 50-е годы 20 века: куратор назначался в каждую академическую группу и представлял собой помощника администрации вуза в работе с учащимися.

Несмотря на определенную переоценку обязанностей и роли куратора в жизни студенчества в конце 80-х годов, когда часть вузов отказалась от института кураторства, часть ограничила деятельность кураторов первыми тремя курсами, сегодня в большинстве учебных заведений произошло возвращение к полноценной системе кураторства с первого до пятого курсов. Деятельность куратора академической группы осуществляется на основании Устава вуза, Концепции воспитательной работы с учетом особенностей, традиций и корпоративной культуры вуза.

Мы соглашаемся с Е.С. Чижиковой, которая утверждает, что куратор – это должностное лицо, осуществляющее воспитательную деятельность в академической группе, формирующее систему ценностей посредством различных форм деятельности академической группы, создающий условия для личностного развития каждого студента группы, защищающий их интересы и т.п. [8].

Куратор как представитель системы управления учебно-воспитательным процессом в вузе должен осуществлять управление воспитательным процессом, направлять его на развитие самостоятельности, инициативы студентов. Вместе с тем, куратор – это не просто преподаватель, который отвечает за организацию и проведение соответствующих воспитательных мероприятий, а является создателем коллектива группы, который задает направление его деятельности, что положительно влияет на каждого члена группы.

Сознательное формирование корпоративной культуры личности студента происходит только при условии активной деятельности куратора академической группы. Так, эффективным условием формирования корпоративной культуры студенческой молодежи в личностных взаимоотношениях студентов является час куратора студенческой академической группы, предполагающий достижение различных целей воспитания, среди которых важное место принадлежит формированию корпоративной культуры. Стоит отметить, что личность наставника группы, стиль его общения со студентами является одним из определяющих факторов создания благоприятного эмоционального фона в студенческой среде.

Куратор академической группы принимает самое большое участие в воспитании студенческой молодежи. Именно он чаще всего среди других преподавателей вступает во взаимоотношения с одной и той же группой студентов в течение длительного периода, а также создает определенную воспитательную систему академической группы. Воспитательная работа куратора осуществляется с целью усвоения студентами совокупной системы не только национальных и гражданских ценностей, общечеловеческих и личностных, а также для формирования нравственных качеств и духовности личности будущего специалиста. Таким образом, в своей деятельности наставник академической группы осуществляет также и воспитательную функцию.

Итак, деятельность куратора академической группы студентов направлена на содействие полноценной жизнедеятельности студенческого коллектива и создание здорового морально-психологического климата в нем, формирование высокой культуры, нравственной воспитанности и профессиональных качеств современного специалиста, развитие интеллектуальных и творческих способностей.

При организации воспитательного процесса следует исходить из того, что личность наставника группы, стиль его общения со студентами является одним из определяющих факторов создания благоприятного эмоционального фона в студенческой среде. Возможности куратора группы проявляются также в совместном со студентами установлении эмоционально откровенных, комфортных взаимоотношения указывают на его потенциал как воспитателя и педагога.

Работа куратора академической группы направлена на организацию обучения и внеаудиторных занятий с целью решения задач корпоративного воспитания, достижения высокой культуры межличностных отношений. Прямыми обязанностями куратора являются также индивидуальная воспитательная работа; выявление в воспитательной работе потребностей студентов для привлечения их к участию в студенческих сообществах, которые, в свою очередь, способствуют формированию у студентов корпоративной культуры; способствовать привлечению студентов к общеуниверситетским мероприятиям, также имеющим значительное влияние на формирование корпоративной культуры.

Однако не всегда кураторы академических групп в полной мере обладают знаниями относительно форм организации воспитательной работы со студенческой молодежью. Для повышения уровня осведомленности кураторов академических групп по данному вопросу, необходимо уделить значительное внимание вопросу подготовки кураторов к такого рода деятельности, формированию у них таких качеств, как стремление к самопознанию, критическое отношение к своей деятельности. Необходимо привлекать наставников к активной и разнообразной деятельности, нацеленной на обеспечение их практических навыков к проведению мероприятий направленных на формирование у студентов корпоративной культуры [9].

С целью формирования корпоративной культуры студентов, необходимо использовать устоявшиеся в вузе базовые нормы и ценности, которые обязательно должны быть схожими с нормами и ценностями будущего специалиста и также становятся основой воспитательной деятельности куратора, который обязан выступать наглядным примером их соблюдения [10].

Как отмечает Н.В. Быстрова, при организации воспитательного процесса следует исходить из того, что личность самого куратора, стиль его общения со студентами является одним из определяющих факторов создания благоприятного эмоционального фона в студенческой группе [11].

В рамках современной гуманистической педагогики куратор, в контексте его взаимодействия со студентом, выполняет и коммуникативно-организационную функцию. Для ее реализации педагог должен обладать качествами, обеспечивающими эффективность коммуникативной деятельности: способность к общению с людьми; индивидуально-психологическое сочетание свойств личности, среди которых наиболее значимыми являются такие качества личности, как эмпатийность, рефлексия, креативность, толерантность, тактичность. Деятельность куратора академической группы базируется на принципах гуманизма, демократизма, оптимизма, индивидуально-личностного подхода, а также преемственности [12].

Основной задачей куратора является ознакомление студентов с историей учреждения высшего образования, где им выпала честь обучаться, его структурой, традициями, содействие единству коллектива, формированию духовного мира и патриотизма студентов. Деятельность куратора академической группы должна быть направлена на установление адекватных взаимоотношений между студентами и студентов с преподавателями, на поддержание позитивного группового морально-психологического климата в целом.

Формируя в рамках корпоративной культуры учреждения высшего образования отдельные установки, систему ценностей у участников образовательного процесса, куратор академической группы может прогнозировать, планировать и стимулировать желаемое поведение среди студентов.

Заключение

Таким образом, анализ проблемы корпоративной культуры студентов в воспитательной работе куратора позволяет указать на ее актуальность и перспективность. Эффективная работа куратора академической группы является одним из самых весомых факторов успешной организации воспитательной работы в учреждении высшего образования,

что, в свою очередь, находит отражение в повышении корпоративной культуры и подъеме корпоративного духа в образовательном учреждении. Основными направлениями работы куратора по формированию корпоративной культуры студентов должны быть: создание условий для постоянного самосовершенствования студентов в образовательной и внеаудиторной деятельности, содействие органам студенческого самоуправления в вопросах эффективной организации жизнедеятельности студенческого сообщества, создание воспитательной среды и тому подобное.

Как нам представляется, перспективы дальнейших научных исследований заключаются в более конкретном изучении и разработке практических рекомендаций в воспитательной работе куратора академической группы по формированию корпоративной культуры студентов.

Литература

1. Ануфриев А.Ф., Хромова А.С. Корпоративная культура как инструмент повышения эффективности учебной деятельности студентов ВУЗа // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 25. С. 540–544.
2. Шамов И.В. Формирование корпоративной культуры студентов в образовательной среде университета // Казанская наука. 2015. № 11. С. 306–308.
3. Столпак А.А. Корпоративная культура как фактор, обуславливающий профессиональное самоопределение студентов // Профессиональное самоопределение молодёжи инновационного региона: проблемы и перспективы: сб. статей. 2017. С. 178–180.
4. Будаева Э.В. Корпоративная культура в образовательной среде университета // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2022. Т. 17. № 4. С. 124–130.
5. Ивлева М.И. К вопросу о месте корпоративной культуры вуза в духовно-нравственном воспитании студентов // Фундаментальные и прикладные исследования: опыт, проблемы и перспективы: сб. науч. трудов. 2017. С. 434–443.
6. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Нор О.В., Екимова Е.Ю. Возможности предотвращения буллинга в студенческой среде // Социально–гуманитарные знания. 2025. № 7. С. 61–65.
7. Сергеева М.А., Фурси Л.Ф., Кубекова А.С. Межличностное взаимодействие как фактор формирования корпоративной культуры у студентов ВУЗа // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5. С. 106–112.
8. Чижикова Е.С. Совершенствование деятельности кураторов по формированию корпоративной культуры студенческого сообщества в вузе // Современные наукоемкие технологии. 2019. № 12. С. 226–230.
9. Турчина Ж.Е., Бакшеев А.И., Бакшеева С.Л., Андренко О.В., Иванов В.Г. Роль воспитательной работы в профессиональном становлении современного специалиста высшей школы // Современное педагогическое образование. 2022. № 2. С. 154–158.
10. Храброва В.Е, Медведева О.А., Адонина Л.В. Корпоративная культура студенческой группы: место и роль в воспитательной системе вуза // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4(11). С. 96–103.
11. Быстрова Н.В., Хижная А.В., Меркульев Е.И. Роль куратора студенческой группы в современной системе высшего образования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. № 66–2. С. 67–70.
12. Парфенова И.Ю., Балганова Е.В. Роль института кураторства в формировании организационной культуры вуза // Лидерство и менеджмент. 2023. Том 10. № 2. С. 613–630.

THE ROLE OF THE CURATOR IN THE FORMATION OF THE CORPORATE CULTURE OF THE ACADEMIC GROUP OF UNIVERSITY STUDENTS

Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Tyazhelnikov Yu.A., Gusarenko V.V., Spirina A.A.
Krasnoyarsk State Medical University named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky

Tutoring is one of the forms of educational work with students, and therefore the tutor of an academic group takes a direct part in the upbringing of student youth. It is he who, more often than other teachers, interacts with the same group of students for a long period, and also creates a specific educational system for the academic group.

The purpose of the article is to determine the role of the tutor in the formation of the corporate culture of an academic group of students.

The article examines the process of forming a corporate culture in a student group, and the ways in which the tutor influences the group. The study reveals the essence of the concepts of "corporate culture", "tutor", "tutor of an academic group". The features of the influence and the role of the academic group tutor in the process of forming the corporate culture of students are determined. Objective and subjective factors of interaction between the tutor and students are considered. The effective language of the process of forming a corporate culture of the individual is characterized. Important functions of corporate culture are identified. Information is presented on pedagogical support as an important organizational and pedagogical support for the formation of corporate culture of students in the educational environment of the university. The tasks of the academic group tutor in forming the corporate culture of the student team are considered.

Keywords: corporate culture, students, academic group, academic group tutor, student team.

References

1. Anufriev A.F., Khromova A.S. Corporate Culture as a Tool for Improving the Efficiency of Academic Activities of University Students // Innovations. Science. Education. 2021. No. 25. Pp. 540–544.
2. Shamov I.V. Formation of Students' Corporate Culture in the University's Educational Environment // Kazan Science. 2015. No. 11. Pp. 306–308.
3. Stolpak A.A. Corporate Culture as a Factor Determining Students' Professional Self-Determination // Professional Self-Determination of Young People in an Innovative Region: Problems and Prospects: Collection of Articles. 2017. Pp. 178–180.
4. Budaeva E.V. Corporate Culture in the University's Educational Environment // Scientific Notes of the Transbaikal State University. 2022. Vol. 17. No. 4. Pp. 124–130.
5. Ivleva M.I. On the Place of University Corporate Culture in the Spiritual and Moral Education of Students // Fundamental and Applied Research: Experience, Problems, and Prospects: Collection of Scientific Papers. 2017. Pp. 434–443.
6. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Nor O.V., Ekimova E. Yu. Possibilities of Preventing Bullying in the Student Environment // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No.
7. Pp. 61–65. 7. Sergeeva M.A., Fursi L.F., Kubekova A.S. Interpersonal Interaction as a Factor in the Formation of Corporate Culture among University Students // Psychology. Historical and critical reviews and modern research. 2020. Vol. 9. No. 5. Pp. 106–112.
8. Chizhikova E.S. Improving the activities of curators in forming the corporate culture of the student community at the university // Modern science-intensive technologies. 2019. No. 12. Pp. 226–230.
9. Turchina Zh.E., Baksheev A.I., Baksheeva S.L., Andrenko O.V., Ivanov V.G. The role of educational work in the professional development of a modern higher education specialist // Modern pedagogical education. 2022. No. 2. Pp. 154–158.
10. Khrabrova V.E., Medvedeva O.A., Adonina L.V. Corporate Culture of a Student Group: Place and Role in the University's Educational System // Humanitarian Paradigm. 2019. No. 4(11). Pp. 96–103.
11. Bystrova N.V., Khizhnaya A.V., Merkulyev E.I. The Role of a Student Group Curator in the Modern System of Higher Education // Problems of Modern Pedagogical Education. 2020. No. 66–2. Pp. 67–70.
12. Parfenova I.Yu., Balganova E.V. The Role of the Institute of Curatorship in Shaping the Organizational Culture of a University // Leadership and Management. 2023. Vol. 10. No. 2. Pp. 613–630.

Возникающая парадигма открытого правительства: новые перспективы и проблемы

Ушаков Евгений Владимирович,
к.ф.н., доцент кафедры государственного и муниципального управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Санкт-Петербург)
E-mail: e_uszakow@mail.ru

Развитие форм открытого правительства – одна из современных глобальных тенденций, связанных с цифровизацией общественной жизни. В статье рассматривается понятие открытого правительства как становящейся парадигмы публичного управления. Отмечается, что развитие открытого правительства может принести не только ряд преимуществ, но также генерировать новые области неопределенности. Одной из стратегических задач для обеспечения эффективной деятельности открытого правительства является формирование особой культуры в обществе, которая должна основываться на взаимном доверии и уважении граждан и власти, готовности к сотрудничеству и взаимопомощи, деятельности в условиях партнерских отношений. Делается вывод, что переход к открытому правительству должен быть постепенным, чтобы не вызвать крупных потрясений. Для дальнейшего развития инициатив открытого правительства необходимы специальные исследования, пилотные проекты и эксперименты, а также накопление практического опыта.

Ключевые слова: открытое правительство, цифровизация управления, публичное управление, участие общественности, информационное общество, социальные инновации.

Процесс становления форм и структур открытого правительства (open government), который неуклонно развивается сегодня во многих странах, можно понимать как мощную тенденцию современного мира и как закономерную составляющую бурно протекающей цифровизации всех отраслей общественной жизни. Эта тенденция выражается во множестве инициатив и программ в международном сообществе, на уровнях государств и субгосударственных единиц.

Имеется немало определений данного понятия.

Так, открытое правительство понимается как инновационная стратегия, направленная на изменение работы правительства, помогающая повысить его прозрачность и подотчетность на всех уровнях [1, p. 39]. Понятие открытого правительства – это всеобъемлющий термин для обозначения более транспарентной, доступной и гибкой системы управления, в которой информация свободно передается по множеству каналов как правительству, так и от него. В такой системе обмен информации является нормой, и для эффективного распространения знаний и услуг используются значительные ресурсы, обучение и административные процедуры [1, p. 39].

Несколько определений открытого правительства представлены в документах ОЭСР. Так, открытое правительство понимается как прозрачность действий правительства, доступность государственных услуг, а также отзывчивость правительства в отношении новых идей, запросов и потребностей [2].

Открытое правительство можно также охарактеризовать как культуру управления, которая продвигает принципы транспарентности, честности, подотчетности и участия заинтересованных сторон в поддержку демократии и инклюзивного роста [3]. Открытое правительство представляет собой смену парадигмы деятельности для правительств, государственных администраций, государственных служащих, граждан и заинтересованных сторон в целом. Открытое правительство затрагивает функции и методы работы каждого учреждения и отдельного должностного лица и влечет глубокие последствия для взаимоотношений власти и граждан [4, p. 15].

В некоторых определениях подчеркивается то, что открытое правительство выступает как новая управленческая парадигма. Так, М. Гаррига характеризует открытое правительство как парадигму, в которой правительство и общественность (а также остальная часть общества) находятся на одном уровне, взаимодействуя лицом к лицу, в отличие от более «традиционного» правительства, которое стоит «выше» граждан, самостоятельно принимая решения насчет услуг и политик, без консультаций с обществом [1, p. 211].

Основными ценностями открытого управления считаются прозрачность, сотрудничество и участие общественности [5].

Однако, несмотря на наличие таких ориентиров, как Партнерство открытого правительства, а также стандарты открытого правительства, в настоящее время еще нет согласия относительно точного определения open government [1, p. 211].

В литературе обсуждается множество преимуществ, которые должны проявиться с развитием программ открытого правительства. К ним относятся, в частности: значительное снижение уровня коррупции и совершенствование антикоррупционной политики, улучшение состояния доверия общества к власти, повышение эффективности работы властей, улучшение качества публичных услуг, развитие предпринимательства, активизация инновационной деятельности, развитие и продвижение норм демократии, повышение гражданской сознательности и многое другое.

При этом исследователи указывают также на многочисленные трудности, связанные с широкомасштабным развертыванием программ открытого правительства. Так, Б. Убальди выделяет вызовы политические, технические, финансово-экономические, организационные, культурные и правовые [6].

Следует отметить, что процесс развития открытых форм правительства пока находится в самом начале. Уже имеется ряд успешных примеров в этом направлении. Однако при широкомасштабном переходе к новым способам управления возможно возникновение различных областей неопределенности.

С фундаментальной точки зрения, это прежде всего неопределенность в отношении будущего самой государственной службы, которая неизбежно должна будет трансформироваться в эпоху цифровизации. Это означает необходимость нового формирования социального иде-

ала (или миссии) государственной службы, ее базисных ценностей, основных задач, функций, конкретных форм ее работы, отчетности, а также проведения институциональных и организационных перестроек, изменений в системах подготовки государственных служащих и т.д.

Уже сегодня государственные служащие выполняют множество ролей, число которых будет увеличиваться и дальше. Однако с продвижением и расширением форм открытого правительства это будет не просто добавление каких-то функций или появление новых должностей, но переопределение самого смысла государственного управления и оснований его легитимности в обществе.

Одним из центральных концептов парадигмы открытого управления становится понятие инициативы как перспективного начинания (замысла, проекта, общественного движения и т.п.) в отношении решения какой-то проблемы (достижения общественно значимой цели). При этом инициатива изначально обращена к более широкому кругу участников и является своего рода предложением к включению новых акторов, а также к дальнейшему развитию и реализации данного начинания.

Вполне можно ожидать, что в эпоху открытого правительства возникнет (при достаточной активности граждан) переизбыток выдвигаемых общественных инициатив (которые сами по себе могут быть разного качества). Соответственно, это может породить такую область неопределенности для правительственной деятельности, как необходимость оперативно оценивать эти начинания и выбирать, какие из них следует поддерживать. (Данная задача может оказаться довольно затруднительной уже по той причине, что замыслы и проекты на ранних этапах могут быть недостаточно ясными).

Отсюда возникает сложность технического характера, состоящая в том, как следует относиться к поступающим инициативам, если их будет слишком много (в то время как администраторы, как правило, и так загружены текущей работой). Все это может вести к определенным проблемам для государственных служащих как с точки зрения физических усилий и времени, так и в отношении необходимых навыков обработки множества заявок, инициатив, проектов и т.п. Поступающие предложения нужно оценивать с точки зрения их качества, уметь прогнозировать вероятность их успеха, для чего требуется хорошее понимание как проблемных ситуаций, на решение которых они нацелены, так и различного рода контекстных параметров – политических, экономических, экологических и т.д.

Иными словами, для оценки общественных инициатив может понадобиться довольно сложная экспертиза, которой администраторы могут не обладать. При этом полагаться на оценки самой общественности тоже может быть сомнительно, так как здесь возможно немало подводных камней.

Это лишь один из примеров трудностей, которые может создать для современной государственной службы становление форм открытого правительства.

Однако не менее важной, чем потребность решения множества организационно-технических вопросов (процедурных, нормативных и др.) деятельности государственной службы в новых условиях, представляется также задача развития самого общества и общественного сознания, которое должно обеспечить эффективное взаимодействие граждан и власти, а также высокий уровень зрелости общественной сферы в целом.

Для успешной реализации обществом возможностей, которые появляются с развитием новых форм открытого управления, требуется формирование особой культуры самого общества, включающей культуру взаимодействия общества и власти.

Такая культура, вероятно, будет различаться в различных странах в зависимости от многих обстоятельств (сложившиеся традиции публичного управления и гражданского общества, демографический состав общества, уровень его социально-экономического развития, специфика стоящих перед обществом проблем и др.)

Культура открытого управления должна основываться на взаимном доверии общества и власти, их взаимоуважении, готовности идти на сотрудничество, осознании ответственности за общее дело и реализацию общественных интересов. Это также должна быть культура работы в равноправных партнерских отношениях, а также навыков и установок на совместное обучение, в том числе и на основе негативного опыта (допущенных ошибок, просчетов, неудачных проектов и т.д.), причем эти неудачи не должны вызывать взаимные обвинения, отчуждение и т.п.

Для публичного решения сложных политических вопросов, соответственно, потребуется культура участия в общественных дебатах, ведения рациональных обсуждений, в том числе определенный уровень подготовки к дискуссиям по чувствительным этическим вопросам. Политическая культура в эпоху открытого правительства и в условиях демократической государственности должна включать также социально ответственное поведение оппозиции, направленное в конечном счете на общее благо, а не на партикулярные политические амбиции и оппортунистические цели. (Следует отметить, что возможности для разнообразных оппозиционных выступлений, по всей видимости, значительно возрастут при открытом доступе к данным о деятельности правительств).

С точки зрения общества и составляющих его сообществ это должна быть определенная культура социальной солидарности и ответственности, что тоже довольно сложно, учитывая современный мультикультурализм, глубокие различия в образах жизни, ценностях представителей различных подгрупп сообществ, различия между людьми по материальному благополучию, уровню образования и его специализации и т.д.

В целом от общественности потребуется не только высокий уровень гражданской активности и сознательности, но и своего рода «цифровая» социальная ответственность, включающая добросовестное использование цифровых сервисов, открытых данных, ответственное отношение к совместному решению общественных проблем и взаимодействию с органами власти.

Таким образом, можно сказать, что это должен быть в целом высокий уровень развития общественной сферы, включающей как культуру гражданского общества, так и культуру политико-административной деятельности органов власти.

Конечно, необходимая для открытого управления культура будет развиваться постепенно, с накоплением опыта, в том числе с совершенствованием цифровых навыков и грамотности пользователей. Однако в этом «выращивании» надлежащей социальной среды значительная роль должна принадлежать самим государственным служащим.

Так, работники учреждений публичного управления должны изначально демонстрировать дружелюбное отношение к гражданам, конструктивный настрой на решение проблем, готовность к сотрудничеству, осуществление принципов прозрачности в своей работе. Кроме того, им нужно будет пропагандировать преимущества совместной деятельности граждан и власти, вести определенную просветительскую и воспитательную работу с гражданами. Государственным служащим придется также активно действовать в отношении выдвижения собственных инициатив, формировании открытых проектов, приглашающих общественность к совместному участию, поощрять инициативы, идущие от граждан.

С другой стороны, администраторы не должны терять определенные контрольные функции за открытыми процессами. В частности они должны разъяснять участникам необходимость установления определенных правил, регламентов, норм (например, ведения публичных дискуссий), предупреждать и пресекать нежелательные социальные феномены – такие, как проявления дискриминации, расизма, нетерпимости и т.п., а также различного рода злоупотребления и махинации, которые могут стать возможными за счет ресурсов, предоставляемых открытыми формами управления.

Таким образом, следует полагать, что переход к широкому использованию открытых форм правительства (или к полноценной парадигме open government) должен быть постепенным – прежде всего для того, чтобы ни в коем случае не дестабилизировать работу государственных служб.

Возможности дестабилизации могут быть связаны с различными факторами. Так, это могут быть: перегрузка государственных служб информацией, в том числе поступающими от граждан предложениями, идеями, инициативами и т.д.; психологическое перенапряжение администраторов из-за резко возросшего внешнего контроля; возможность умышленного использования данных о работе правительства с целью его дестабилизации – например, со стороны оппозиционных кругов (или, шире, – даже внешних акторов, заинтересованных в причинении вреда государству) и др.

Поэтому процесс трансформации в сторону открытого управления должен быть пошаговым, тщательно спланированным, с хорошо организованным сопутствующим обучением на опыте, в том числе посредством реализации небольших, маломасштабных пилотных программ.

В частности, здесь может оказаться полезной уже хорошо отработанная во многих областях проектной деятельности методология гибкого (agile) проектирования, основанная на непрерывном научении и постепенных (инкрементальных) улучшениях в заданных направлениях.

По мнению Н.К. Ханна, для организации систематического обучения могут быть созданы национальные фонды испытаний для экспериментирования и изучения инновационного использования информационных технологий открытого управления. При этом значительная часть

процессов обучения должна осуществляться на местном, региональном и национальном уровнях через сети и сообщества практиков [7].

Таким образом, развитие институтов, структур, форм и процессов открытого правительства открывает множество возможностей для совершенствования качества публичного управления, повышения уровня доверия общества к власти, тесного и плодотворного сотрудничества граждан и учреждений публичного управления, стимулирования инноваций и предпринимательства и т.п. Однако для масштабной реализации идей и принципов открытого управления необходимо решить множество проблем разнообразной природы. В том числе одним из фундаментальных условий для формирования новой парадигмы управления является становление развитой культуры взаимодействия и сотрудничества власти и общества. Для полноценного перехода к открытому правительству требуется постепенное, продуманное продвижение, основанное на накоплении специальных знаний и практического опыта.

Литература

1. Open Government. Opportunities and Challenges for Public Governance / Gascó-Hernández M. (ed.). Springer New York, 2014
2. Modernizing government: The way forward. Paris: OECD Publishing, 2005
3. Recommendation of the Council on Open Government. OECD, 2017. https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0438
4. Open Government for Stronger Democracies: A Global Assessment. OECD Publishing, Paris, 2023. https://doi.org/10.1787/5478db5b-en.
5. Ayinde L., Astuti H.M., Hussai, S., Herdiyanti A. Investigating Factors Influencing Open Government from a Country's Perspective // Sserwanga I., et al. Information for a Better World: Normality, Virtuality, Physicality, Inclusivity. iConference 2023. Lecture Notes in Computer Science, vol 13971. Springer, Cham. 2023.
6. Ubaldi B. Open Government Data: Towards Empirical Analysis of Open Government Data Initiatives. OECD Working Papers on Public Governance 22, OECD Publishing, 2013
7. Hanna N.K. Transforming Government // Hanna N.K. Driving Digital Transformation in Developing Nations. Palgrave Macmillan, Cham., 2024. https://doi.org/10.1007/978–3–031–54573–3_4

THE EMERGING PARADIGM OF OPEN GOVERNMENT: NEW PERSPECTIVES AND CHALLENGES

Ushakov E.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The development of open government forms is one of the current global trends related to the digitalization of public life. The article explores the concept of open government as an emerging paradigm in public administration. It highlights that the development of open government can bring both advantages and new areas of uncertainty. One of the strategic objectives for ensuring the effective functioning of an open government is to create a special culture in society that should be based on mutual trust and respect between citizens and the government, as well as a willingness to cooperate and provide mutual assistance in a partnership-based environment. It is concluded that the transition to an open government should be gradual to avoid major upheavals. Special research, pilot projects, and experiments, as well as the accumulation of practical experience, are necessary for the further development of open government initiatives.

Keywords: open government, digitalization of governance, public administration, public participation, information society, social innovations

References

1. Open Government. Opportunities and Challenges for Public Governance / Gascó-Hernández M. (ed.). Springer New York, 2014
2. Modernizing government: The way forward. Paris: OECD Publishing, 2005
3. Recommendation of the Council on Open Government. OECD, 2017. https://legal-instruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0438
4. Open Government for Stronger Democracies: A Global Assessment. OECD Publishing, Paris, 2023. https://doi.org/10.1787/5478db5b-en.
5. Ayinde L., Astuti H.M., Hussai, S., Herdiyanti A. Investigating Factors Influencing Open Government from a Country's Perspective // Sserwanga I., et al. Information for a Better World: Normality, Virtuality, Physicality, Inclusivity. iConference 2023. Lecture Notes in Computer Science, vol 13971. Springer, Cham. 2023.
6. Ubaldi B. Open Government Data: Towards Empirical Analysis of Open Government Data Initiatives. OECD Working Papers on Public Governance 22, OECD Publishing, 2013
7. Hanna N.K. Transforming Government // Hanna N.K. Driving Digital Transformation in Developing Nations. Palgrave Macmillan, Cham., 2024. https://doi.org/10.1007/978–3–031–54573–3_4

Двухфакторная теория мотивации труда работника по Ф. Херцбергу

Хакки Аднан Мухаммад Али,
доцент (кафедра математики)
E-mail: AHakki@fa.ru

Пилия Эмиль Дмитриевич,
студент

В статье проводится комплексное исследование двухфакторной теории мотивации труда Фредерика Херцберга, признанной одной из фундаментальных содержательных концепций в теории организационного поведения и управления персоналом. Теория постулирует принципиальное различие между гигиеническими факторами, которые предотвращают неудовлетворённость трудом (уровень оплаты, условия работы, политика компании, межличностные отношения), и мотиваторами, непосредственно формирующими внутреннюю мотивацию и удовлетворённость (достижения, признание, ответственность, возможности роста). Методологической основой модели служит анализ критических инцидентов, выявляющий асимметричное влияние этих групп факторов на поведение работников. Целью исследования является систематизация теоретико-методологических основ теории Херцберга, объективный анализ её преимуществ (наглядность, практическая применимость) и ограничений (методологические искажения, контекстуальная зависимость), а также оценка актуальности в условиях цифровой трансформации, гибридной занятости, культурного разнообразия и экономической нестабильности. В работе последовательно рассматриваются исторические предпосылки возникновения теории во второй половине XX века на фоне работ Маслоу и Макклелланда, её место среди процессуальных и интегративных моделей мотивации, а также современные эмпирические исследования, подтверждающие базовые положения в различных отраслях (промышленность, услуги, IT) и выявляющие ограничения в развивающихся экономиках. Особое внимание уделяется адаптации модели к цифровой среде: гигиенические факторы расширяются за счёт качества IT-инфраструктуры и регламентов удалённой работы, мотиваторы усиливаются через автономию и онлайн-обучение. Показаны практические инструменты применения теории при проектировании систем оплаты труда, улучшении условий труда, разработке программ признания достижений, корпоративного обучения и карьерного роста. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к управлению факторами с учётом культурных (индивидуализм vs коллективизм), отраслевых и организационных особенностей персонала. Формулируются рекомендации для работодателей по аудиту гигиенических факторов и развитию мотиваторов. Сделан вывод о сохраняющейся высокой теоретической и практической ценности модели Херцберга при её интеграции в комплексные системы мотивации, адаптированные к вызовам цифровой экономики и новым формам организации труда.

Ключевые слова: мотивация труда; двухфакторная теория; Ф. Херцберг; гигиенические факторы; мотиваторы; удовлетворённость трудом; организационное поведение; управление персоналом.

Введение

Мотивация труда является важнейшим условием эффективного функционирования организации, устойчивости её кадрового потенциала и способности адаптироваться к изменениям внешней среды. В условиях цифровизации экономики, усиления конкуренции за квалифицированных специалистов, распространения дистанционных и гибридных форм занятости перед работодателями встаёт задача разработки таких мотивационных механизмов, которые одновременно обеспечивают приемлемый уровень удовлетворённости базовыми потребностями работников и формируют их внутреннюю вовлечённость.

В научной литературе сформировался широкий спектр подходов к объяснению мотивации труда, включающий содержательные и процессуальные теории, а также интегративные модели, учитывающие влияние индивидуальных, организационных и институциональных факторов. Среди содержательных подходов особое место занимает двухфакторная теория Ф. Херцберга, предложившая принципиально новое разделение факторов, влияющих на поведение работника, на гигиенические факторы и мотиваторы. Это разделение позволило поновому интерпретировать природу удовлетворённости и неудовлетворённости трудом и сформировать практические рекомендации для управления персоналом.

Цель данной статьи состоит в комплексном анализе двухфакторной теории мотивации труда Ф. Херцберга и оценке её потенциала для применения в современных организациях. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: раскрыть исторический контекст возникновения теории; описать теоретические основания и методологические особенности подхода; рассмотреть современные исследования и критику; проанализировать возможности практического использования модели с учётом культурных и отраслевых различий, а также влияния цифровой трансформации; сформулировать рекомендации для работодателей и руководителей. Объектом исследования выступает мотивация труда работников, предметом – двухфакторная модель мотивации Ф. Херцберга. Научная новизна статьи проявляется в акценте на адаптации классической теории к условиям цифровой экономики и гибридных форм занятости.

Исторический контекст и развитие теории мотивации

Возникновение двухфакторной теории Ф. Херцберга относится к периоду активного развития содержательных теорий мотивации во второй половине XX века. Исследователи постепенно отходили от представления о человеке как преимущественно «экономическом существе» и уделяли всё больше внимания психологическим потребностям, удовлетворённости трудом и качеству рабочей жизни. В этот период появились работы А. Маслоу, предложившего иерархию потребностей, и Д. МакКлелланда, сфокусированные на потребности достижения, власти и принадлежности.

Ф. Херцберг проводил эмпирические исследования работников в промышленности и сфере услуг, используя метод критических инцидентов. Респондентам предлагалось описать ситуации, в которых они испытывали сильную удовлетворённость или неудовлетворённость работой. Анализ полученных данных показал, что в ситуациях неудовлетворённости чаще упоминались условия труда, уровень заработной платы, политика компании и качество управления, тогда как в ситуациях удовлетворённости – содержание работы, достижения, признание и возможности роста. Это наблюдение позволило Херцбергу сформулировать двухфакторную теорию и утверждать, что факторы, устраняющие неудовлетворённость, не совпадают с факторами, формирующими мотивацию и удовлетворённость.

Дальнейшее развитие теорий мотивации включало появление процессуальных моделей, в частности теории ожиданий и теории справедливости, которые акцентировали внимание на когнитивных оценках работником вероятности получения вознаграждения и его субъективной справедливости. Тем не менее двухфакторная теория сохранила значимость благодаря своей наглядности, практической направленности и возможности прямого использования в системах управления персоналом и проектирования рабочих мест.

Теоретические основания двухфакторной теории Ф. Херцберга

Двухфакторная теория Ф. Херцберга исходит из положения о том, что на отношение работника к труду и его поведение в организации

воздействуют две группы факторов – гигиенические факторы и мотиваторы. Гигиенические факторы связаны с окружающими условиями труда и организационным контекстом: политикой компании, уровнем оплаты и социального пакета, стабильностью занятости, физическими условиями, межличностными отношениями с руководством и коллегами, качеством административных процедур. При недостаточном уровне этих факторов у работника формируется неудовлетворённость, однако их улучшение лишь устраняет негатив, не будучи достаточным условием для формирования устойчивой позитивной мотивации.

Мотиваторы, напротив, относятся к содержанию работы и внутренним переживаниям работника. К ним относятся достижения в работе, признание результатов, интересный и разнообразный характер задач, ответственность, участие в принятии решений, возможности профессионального и карьерного роста. Именно мотиваторы, по Херцбергу, формируют устойчивую удовлетворённость трудом и стимулируют инициативность, инновационность и стремление к высоким результатам. Таким образом, отсутствие гигиенических факторов вызывает неудовлетворённость, но их наличие не гарантирует мотивации; мотиваторы же создают позитивное отношение к работе, но не всегда компенсируют неблагоприятные условия.

Методологической основой двухфакторной теории выступает анализ критических инцидентов, позволяющий выделить факторы, наиболее часто ассоциируемые с удовлетворённостью и неудовлетворённостью трудом. Теоретическое значение модели состоит в том, что она демонстрирует асимметричный характер влияния различных факторов на мотивацию и подчёркивает необходимость различать управление условиями труда и развитие содержательной стороны работы.

Современные исследования и критика двухфакторной теории

Современные исследования мотивации труда показывают, что двухфакторная теория Херцберга сохраняет объяснительный потенциал, но нуждается в уточнении и адаптации. Эмпирические данные подтверждают, что неудовлетворённость трудом чаще связана с уровнем оплаты, нестабильностью занятости, неэффективной организационной политикой, конфликтными отношениями и неблагоприятными условиями труда. В то же время удовлетворённость и вовлечённость работников сильнее коррелируют с интересом к содержанию работы, возможностями профессионального развития, автономией и признанием заслуг. Это согласуется с разделением факторов на гигиенические и мотиваторы.

Однако ряд исследований выявляет методологические и содержательные ограничения модели. Вопервых, отмечается, что данные, полученные методом критических инцидентов, могут быть подвержены искажению изза склонности респондентов приписывать успех своим качествам, а неудачи – внешним обстоятельствам. Вовторых, в некоторых контекстах, особенно при низком уровне доходов и высокой экономической нестабильности, заработная плата и безопасность занятости выступают не только как гигиенические факторы, но и как ключевые мотиваторы. Втретьих, критике подвергается жёсткое разделение факторов на две независимые группы, поскольку реальные мотивационные структуры оказываются более сложными и зависят от индивидуальных особенностей работника, организационной культуры и институциональной среды.

Несмотря на критику, двухфакторная теория продолжает широко использоваться в прикладных исследованиях и управленческой практике. Она выступает удобным инструментом первичной диагностики проблем мотивации и отправной точкой для разработки комплексных программ стимулирования, интегрирующих материальные и нематериальные компоненты.

Практическое применение теории Херцберга в организациях

Практическое значение двухфакторной теории заключается в возможности дифференцированного управления гигиеническими факторами и мотиваторами. На первом этапе организациям целесообразно выявлять источники неудовлетворённости, связанные с условиями труда, оплатой, организационной политикой и стилем управления. Это предполагает проведение опросов удовлетворённости, интервью, анализ текучести кадров и причин увольнения. На основании этих данных могут быть разработаны меры по улучшению системы оплаты и льгот, повышению прозрачности кадровых решений, улучшению коммуникаций и условий труда. Устранение наиболее острых проблем гигиенического характера позволяет снизить риск демотивации, конфликтов и текучести.

На втором этапе рекомендуется акцентировать внимание на развитии мотиваторов, связанных с содержанием работы и перспективами развития. В практическом плане это выражается в проектировании более содержательных и автономных рабочих мест, расширении зон ответственности, внедрении программ признания достижений, создании возможностей участия сотрудников в проектах по улучшению процессов и инновационных инициативах. Важную роль играют системы обучения и развития, формирование прозрачных карьерных траекторий и поддержка профессионального роста. Такое сочетание позволяет не только устранить источники неудовлетворённости, но и сформировать устойчивую внутреннюю мотивацию работников.

Примеры применения двухфакторной теории можно обнаружить в разных типах организаций. В промышленном предприятии управление гигиеническими факторами связано с обеспечением безопасных условий работы, конкурентоспособной заработной платы и стабильности занятости, тогда как развитие мотиваторов включает программы рационализаторских предложений, участие работников в проектных командах и системе непрерывного обучения. В сфере услуг акцент делается на сочетании комфортных условий труда, чётких процедур обслуживания и программ признания результатов взаимодействия с клиентами. В организациях, работающих в сфере информационных технологий, особую значимость приобретают интересные и инновационные проекты, гибкие формы занятости и развитая система профессионального развития.

Культурные и отраслевые особенности мотивации по Херцбергу

Культурные и отраслевые особенности существенно влияют на восприятие гигиенических факторов и мотиваторов, что необходимо учитывать при применении двухфакторной теории. В странах с низким уровнем экономического развития и слабой социальной защитой базовые гигиенические факторы – уровень оплаты, стабильность занятости, безопасность труда – могут рассматриваться работниками как ключевые мотиваторы. Напротив, в экономиках с высоким уровнем доходов и развитой системой социальной поддержки всё большее значение приобретают нематериальные мотиваторы, связанные с возможностями самореализации, признанием и балансом между работой и личной жизнью.

Национальная культура, включая уровень дистанции власти, выраженность индивидуализма или коллективизма, ориентацию на избегание неопределённости, также влияет на структуру мотивации. В культурах с высокой дистанцией власти работники могут больше ценить формальную стабильность, чёткие иерархии и предсказуемость, тогда как в более «плоских» структурах возрастает значимость автономии, участия в принятии решений и горизонтального взаимодействия. Отраслевая специфика проявляется в различиях требований к квалификации, степени стандартизации процессов, уровню рисков и инновационности, что поразному расставляет акценты между гигиеническими факторами и мотиваторами.

Таким образом, применение двухфакторной теории в международных и межотраслевых сравнениях требует адаптации перечня и относительной значимости факторов. Эффективные системы мотивации должны строиться с учётом культурного и отраслевого контекста, а также особенностей конкретных групп персонала.

Мотивация в условиях цифровой трансформации и гибридной занятости

Цифровая трансформация организаций и распространение дистанционных и гибридных форм занятости приводят к изменению состава и содержания как гигиенических факторов, так и мотиваторов. К традиционным гигиеническим факторам добавляются характеристики цифровой инфраструктуры: надёжность и удобство информационных систем, доступность платформ для совместной работы, качество онлайнкоммуникаций, прозрачность регламентов удалённой работы и механизмов контроля. Недостатки в этих областях повышают нагрузку на сотрудников, усиливают чувство неопределённости и способствуют формированию неудовлетворённости, даже если содержание задач остаётся интересным.

Одновременно цифровая среда создаёт новые возможности для развития мотиваторов. Гибридные и удалённые форматы труда могут расширять автономию работников в планировании времени и способов решения задач, повышать значимость доверия и ответственности, усиливать роль интересных и социально значимых проектов. Расширяются возможности доступа к онлайнобучению, менторским программам, участию в межфункциональных и международных командах. В этих условиях мотиваторы всё чаще связаны с возможностью непрерывного развития, участия в инновациях и ощущением вклада в результаты организации.

Адаптация двухфакторной теории к цифровой эпохе предполагает уточнение перечня гигиенических факторов за счёт включения параметров цифровой среды, а также акцент на таких мотиваторах, как

автономия, участие в распределённых проектах и возможности цифрового самовыражения. Практические рекомендации в этой области включают обеспечение технологической и организационной «гигиены» удалённой работы, а также целенаправленное развитие мотиваторов через проектирование интересных задач, поддержание обратной связи и формирование цифровых практик признания.

Рекомендации для работодателей и руководителей

Исходя из анализа двухфакторной теории Ф. Херцберга и современных условий организации труда, можно предложить следующие рекомендации для работодателей и руководителей. Вопервых, целесообразно проводить регулярный аудит гигиенических факторов, включающий оценку уровня оплаты и социального пакета, условий труда, стабильности занятости, качества организационных процедур и внутренней коммуникации. Это позволяет своевременно выявлять и устранять источники неудовлетворённости, снижающие лояльность и повышающие текучесть кадров.

Вовторых, необходимо целенаправленно развивать мотиваторы, связанные с содержанием работы, достижениями и возможностями роста. Это предполагает обогащение рабочих мест, расширение задач и степени автономии, внедрение систем признания индивидуальных и командных результатов, поддержку участия сотрудников в проектах по совершенствованию процессов и внедрению инноваций. Важной задачей является создание прозрачных и доступных программ обучения и карьерного развития.

Втретьих, рекомендуется дифференцировать мотивационные программы в зависимости от категории персонала, отраслевой специфики и культурного контекста. Одни и те же факторы могут выполнять преимущественно гигиеническую функцию для одной группы работников и выступать мотиваторами для другой. Вчетвёртых, важно интегрировать двухфакторную модель в более широкую систему управления персоналом, учитывающую элементы процессуальных теорий мотивации, особенностей организационной культуры и стиля лидерства. Впятых, в условиях цифровой и гибридной работы работодателям необходимо уделять внимание как обеспечению цифровой инфраструктуры и ясных регламентов, так и созданию условий для автономии, доверия, обратной связи и профессионального развития сотрудников.

Заключение

Двухфакторная теория мотивации труда Ф. Херцберга является одной из наиболее известных и часто используемых содержательных моделей, предлагающих оригинальное разделение факторов на гигиенические и мотиваторы. Её вклад состоит в демонстрации того, что устранение неудовлетворённости, связанной с условиями труда и организационным контекстом, само по себе не обеспечивает высокой мотивации и вовлечённости работников; для этого необходимо развивать мотиваторы, отражающие содержательную сторону работы, достижения, признание и возможности роста.

Современные исследования подтверждают значимость базовых положений двухфакторной теории, но в то же время указывают на необходимость учёта культурных, отраслевых и институциональных особенностей, а также интеграции модели с другими теориями мотивации труда. В условиях цифровой трансформации и распространения гибридных форм занятости перечень гигиенических факторов и мотиваторов расширяется за счёт характеристик цифровой среды и новых форм организации работы. Это требует адаптации классической теории и разработки комплексных мотивационных систем, сочетающих материальные и нематериальные стимулы.

Сделанные в статье выводы позволяют рассматривать двухфакторную теорию Ф. Херцберга как важный теоретический и практический инструмент, который при соответствующей адаптации может быть использован для проектирования эффективных систем мотивации персонала. Дальнейшие исследования могут быть направлены на эмпирическую проверку модифицированных моделей, учитывающих цифровые и культурные особенности, а также на разработку методических рекомендаций по диагностике мотивационных факторов в различных типах организаций.

Литература

1. Maslow A. Motivation and Personality. – New York: Harper & Row, 1954. https://www.maximusveritas.com/wp-content/uploads/2016/03/Motivation_and_Personality_Maslow.pdf
2. McClelland D. The Achieving Society. – Princeton: Van Nostrand, 1961 McClelland D. McClelland D. The Achieving Society. – Princeton: Van Nostrand, 1961
3. Vroom V. Work and Motivation. – New York: Wiley, 1964. https://archive.org/details/workmotivation0000vroo
4. Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // Handbook of Industrial and Organizational Psychology. – Chicago: Rand McNally, 1976. https://www.researchgate.net/publication/238742406_The_Nature_and_Causes_of_Job_Satisfaction
5. Latham G., Pinder C. Work motivation theory and research at the dawn of the twenty-first century // Annual Review of Psychology. https://www.researchgate.net/publication/8023095_Work_Motivation_Theory_and_Research_at_the_Dawn_of_the_Twenty-First_Century

TWO-FACTOR THEORY OF EMPLOYEE WORK MOTIVATION BY F. HERZBERG

A.M.A. Hakki, Pilia E.D.
Financial University

The article presents a comprehensive study of Frederick Herzberg's two-factor theory of work motivation, recognized as one of the fundamental content-based concepts in organizational behavior and human resource management theory. The theory postulates a fundamental distinction between hygiene factors that prevent job dissatisfaction (salary level, working conditions, company policy, interpersonal relationships) and motivators that directly form intrinsic motivation and job satisfaction (achievements, recognition, responsibility, growth opportunities). The methodological basis of the model is the analysis of critical incidents, revealing the asymmetric impact of these factor groups on employee behavior. The purpose of the study is to systematize the theoretical and methodological foundations of Herzberg's theory, objectively analyze its strengths (clarity, practical applicability) and limitations (methodological biases, contextual dependency), and assess its relevance under conditions of digital transformation, hybrid employment, cultural diversity, and economic instability. The paper consistently examines the historical prerequisites for the theory's emergence in the second half of the 20th century against the background of Maslow and McClelland's works, its place among process and integrative motivation models, as well as contemporary empirical research confirming basic provisions across various industries (manufacturing, services, IT) and revealing limitations in developing economies. Special attention is given to adapting the model to the digital environment: hygiene factors expand to include IT infrastructure quality and remote work regulations, while motivators are enhanced through autonomy and online learning. The article demonstrates practical tools for applying the theory in designing compensation systems, improving working conditions, developing recognition programs, corporate training, and career growth. It substantiates the need for a differentiated approach to factor management considering cultural (individualism vs. collectivism), sectoral, and organizational employee characteristics. Recommendations for employers are formulated regarding hygiene factor audits and motivator development. The conclusion emphasizes the enduring high theoretical and practical value of Herzberg's model when integrated into comprehensive motivation systems adapted to the challenges of the digital economy and new forms of work organization.

Keywords: work motivation; two-factor theory; F. Herzberg; hygiene factors; motivators; job satisfaction; organizational behavior; human resource management.

References

1. Maslow A. Motivation and Personality. – New York: Harper & Row, 1954. https://www.maximusveritas.com/wp-content/uploads/2016/03/Motivation_and_Personality_Maslow.pdf
2. McClelland D. The Achieving Society. – Princeton: Van Nostrand, 1961 McClelland D. McClelland D. The Achieving Society. – Princeton: Van Nostrand, 1961
3. Vroom V. Work and Motivation. – New York: Wiley, 1964. https://archive.org/details/workmotivation0000vroo
4. Locke E.A. The nature and causes of job satisfaction // Handbook of Industrial and Organizational Psychology. – Chicago: Rand McNally, 1976. https://www.researchgate.net/publication/238742406_The_Nature_and_Causes_of_Job_Satisfaction
5. Latham G., Pinder C. Work motivation theory and research at the dawn of the twenty-first century // Annual Review of Psychology. https://www.researchgate.net/publication/8023095_Work_Motivation_Theory_and_Research_at_the_Dawn_of_the_Twenty-First_Century

Специфика целеполагания работающей молодежи в условиях неопределенности

Чикарова Галина Игоревна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, младший научный сотрудник Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, ЮРФ ФНИСЦ РАН
E-mail: chikarova@sfedu.ru

Цель исследования выявить специфику целеполагания работающей молодежи в условиях неопределенности, на примере рассмотрения кейса работающей молодежи Ростовской области, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики. Эмпирическую основу статьи составили данные, полученные сотрудниками ЮРФ ФНИСЦ РАН в ходе реализации прикладного социологического исследования «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» посредством фокус-групп. В ходе исследования установлено, что специфика целеполагания работающей молодежи Ростовской области и новых регионов в условиях неопределенности заключается в таких чертах, как: Во-первых, перечень целей в планах на жизнь включает в себя такие позиции, как: материальные блага, семья, карьера и образование. Во-вторых, основными агентами, влияющими на выбор того, что важно в жизни, являются семья, друзья, СМИ и Интернет, образ жизни значимого другого. В-третьих, неопределенность проявляется в актуализации таких рисков как угроза безопасности и экономическая нестабильность, что, с одной стороны, затрудняет долгосрочное планирование работающей молодежи, а с другой, заставляет их искать новые способы достижения поставленных целей в сложившихся условиях. Результаты исследования могут быть использованы при изучении консолидации российских граждан, а также при сравнительном анализе представлений работающей молодежи данных субъектов РФ, с представителями работающей молодежи других регионов или иных возрастных когорт как молодежи, так и всего населения страны.

Ключевые слова: работающая молодежь, ценности, жизненные цели, жизненный успех, социальная неопределенность, новые регионы

Рассматривая целеполагание как процесс определения желаемых целей, мотивов и способов их достижения, важно отметить, что с социологической точки зрения, можно рассматривать ценностные основания стратегического определения направлений деятельности как отдельных индивидов [4] и социальных групп, так и всего общества в целом [2]. Целеполагание индивидов, с одной стороны, встраивается в общую систему через личностную мотивацию, а с другой является продуктом коллективных ценностей и норм, заданных социальными институтами. В этой связи интересным представляется рассмотрение целеполагания отдельных социально-демографических групп населения на разных исторических этапах развития общества.

В рамках данной работы акцент сделан на рассмотрении работающей молодежи в возрасте 25–29 лет, так как эта часть населения сегодня отличается активным вхождением на рынок труда, высоким уровнем социальной мобильности, физиологическим потенциалом для корректировки демографической структуры российского общества, и от их жизненных планов зависит вектор дальнейшего развития страны и степень общей государственной устойчивости.

Выбор географической локализованности работающей молодежи в границах Ростовской области, ДНР и ЛНР был обусловлен, с одной стороны, тем, что это позволяет провести сравнительный анализ между чертами целеполагания разных представителей молодежи, первичная социализация которых прошла в различных социально-политических контекстах, а с другой – выбранные регионы находятся в «эпицентре» формирования актуальных социально-политических реалий, оказывающих значительное влияние на аксиологические установки молодежи, их жизненные планы и способ их реализации.

Несмотря на то, что в XX веке как пишет С.В. Козлов «социальная теория сделала выбор между риском и неопределенностью в пользу риска» [5], категория неопределенности полностью не ушла из социологического научного дискурса. Современные исследования все чаще описывают как проблемы неопределенности проявляются при реализации социально-экономических адаптационных стратегий [6]. М.В. Ненашева, отталкиваясь в рассуждениях от тезиса, что «характерной чертой современного мира является скорость происходящих в нем изменений, в связи с чем увеличивается вероятность возникновения случайных, неожиданных событий, что делает жизнь людей менее предсказуемой и актуализирует проблему адаптации человека к ускоренному развитию», приходит к выводу, что решение проблемы управления рисками, о которых много говорили У. Бек и Н. Луман, может способствовать уменьшению неопределенности в современном мире [7]. В.В. Васильев, обобщивший в своей работе «Социальная неопределенность как предмет социологического анализа» результаты рассмотрения основных тенденций влияния социальной неопределенности на состояние общества, и вовсе делает вывод, что «несмотря на негативный социальный фон, вызванный неопределенностью, исследователи считают, что изменение норм и ценностей в ряде случаев оказывают положительное влияние на социум, влияя на активность субъектов в преодолении социальной неопределенности» [3].

Таким образом, цель данной статьи выявить специфику целеполагания работающей молодежи в условиях неопределенности, на примере рассмотрения кейса работающей молодежи Ростовской области и новых регионов (Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики). Эмпирической базой данной статьи выступили результаты фокус-группового исследования, проведенного в 2025 году в рамках реализации проекта по теме 1025030300104–9–5.4.1 «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» (FMUS-2025–0026) в рамках выполнения Государственного задания 075–00430–25–01 от 06.08.2025. Полевой этап исследования включал в себя проведение 6 фокус-групп с представителями молодежи Ростовской области, Донецкой и Луганской Народных Республик. Число информантов в каждой из фокус-групп составило 7–8 человек, которые были отобраны случайным образом. В каждом регионе было проведено по две фокус-группы: одна с представителями студенческой молодежи в возрасте 18–24 лет, вторая – с работающей молодежью из возрастной когорты «25–29 лет». Анализ транскриптов последних и лег в основу обоснования специфики целеполагания работающей молодежи РО и новых регионов в условиях неопределенности.

Статья подготовлена при выполнении научных исследований по теме 1025030300104–9–5.4.1 «Аксиологические установки российской молодежи: смыслы, поведенческие практики и потенциал консолидации поликультурного российского общества» (FMUS-2025–0026) в рамках выполнения Государственного задания 075–00430–25–01 от 06.08.2025.

Первым основополагающим этапом целеполагания является этап осознания ценностей и мотивов. Обращаясь к результатам фокус-группового исследования, можно сделать вывод, что для работающей молодежи рассматриваемых субъектов РФ характерен следующий набор ценностей: для информантов из Ростовской области в группе «25–29» – жизнь, права и свободы человека, крепкая семья, взаимопомощь и взаимоуважение. Все перечисленные ценности с одинаковой частотой звучали в ответах информантов как самые важные из всех, что приведены в Указе Президента [1]. Информанты из ДНР при выборе трех наиболее значимых для себя ценностей называли достоинство, права и свободы человека / взаимопомощь и взаимоуважение, милосердие. У представителей ЛНР в этой же возрастной группе самыми важными были названы жизнь / права и свободы человека, крепкая семья / историческая память и преемственность поколений.

Формулировка целей является второй неотъемлемой составляющей процесса целеполагания. Обращаясь к планам работающей молодежи Ростовской области, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, озвученным в рамках фокус-групп, можно проследить ряд общих закономерностей. Так, для всех участников исследования характерна прагматическая цель, связанная с приобретением собственного жилья и обретением финансовой стабильности (высказывание информанта: *Но нет, на самом деле вопрос с квартирой, да, всё ещё актуален, я согласна вообще с ребятами в этом плане. Во всём остальном… Как будто, вот, действительно, квартира и доход, оно просто перебивает все остальные запросы. Ну, то есть, это, по сути, единственное, о чём я сейчас думаю. Ну, и плюс, с работой, ну, соответственно, чтобы легче было с квартирой, нужно увеличить доход.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Мои планы в том, чтобы появилось собственное жилье, и чтобы моя семья жила в отдельной, своей собственной квартире. (*жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)).

Семья и дети также входят в планы рассматриваемой молодежи: несемейные информанты высказывались о намерениях создания семьи (высказывание информанта: *Хотелось бы накопить на квартиру, не в ипотеку, так просто купить за наличку по возможности, если получится вдруг. Ну, если съехаться с девушкой, то есть и семью, детей по возможности, но это уже так, годам к 30*» (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Личные цели – это обрести семью, мужа, родить детей. Наверное, больше путешествовать. Пока что всё. А ну ещё кандидатскую защитить.* (жен., Ростовская область, 25–29)), женатые/замужние без детей – об их рождении (высказывание информанта: *Я хотела бы открыть свой кабинет, и завести детей, например. Я уже и замужем.* (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)), высказывание информанта: информанты с детьми, с одной стороны, говорили о важности воспитания подрастающего поколения («считаю, что уже есть ребенок, наверное, воспитать его хорошо, чтобы за него не было стыдно. (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29), а с другой (особенно девушки) – об активном возвращении в трудовую деятельность (высказывание информанта: *Я хочу в ближайшее время, так как ребенок занимает основную часть времени практически, продолжать заниматься ребенком, конечно, и выйти из декретного отпуска уже не на удаленную работу, а на работу обычную. Ну и хочется уже как дополнительно еще получить какое-то образование, но это уже по мере возможности.* (жен., Ростовская область, 25–29)).

Планирование в профессиональной сфере и построение карьеры является в целом важным разделом целеполагания анализируемой социально-демографической группы (высказывание информанта: *В общем, на ближайшие пять лет цель такая, то есть сделать креативное, творческое, этнографическое пространство в Ростове.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Но так как я в своей сфере не так давно, для меня сейчас самое главное – это именно чтобы развиться в этой сфере, потому что мне это интересно, мне хочется себя реализовать.* (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *просто как бы хотелось развивать себя, развивать свою карьеру, так сказать, стать заведующей отдела какого-нибудь в библиотеке или библиотекой. Ну и просто, чтобы ребенок хорошо учился. Плавно хотелось бы еще взять ипотеку на квартиру.* (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)).

С разной степенью выраженности в жизненных планах участников исследования также значилась цель получения образования *(*высказывание информанта: *Ну, в планах закончить в аспирантуре обучение, потом создать семью»* (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Наверное, решить вообще все остальные бытовые проблемы, которые есть, переехать и защитить диссертацию.* (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *Планы, цели. Первое, что хотел бы, конечно, достичь, это выйти на большую сцену. Это первое. Но и второе – это закончить магистратуру* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *У меня на ближайшие несколько лет это закончить МХО, обзавестись финансовым доходом, и в дальнейшем создать семью.* (жен., Луганская Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *А ну ещё кандидатскую защитить.»* (жен., Ростовская область, 25–29)).

Описывая планы на жизнь, информанты касались и темы нестабильности, как фактора напрямую влияющего на цели и способы их достижения (высказывание информанта: *Ну, касаемо реализации какой-то творческой и профессиональной тоже хотелось бы что-то более стабильное, поскольку я, наверное, стоит конкретизировать, я сейчас работаю в сфере организации мероприятий, это такая очень тоже нестабильная, я бы сказал, сезонная история. Хотелось бы что-то более стабильное, более обеспечивающее, как будто финансовую подушку.* (муж., Ростовская область, 25–29)).

Во многом определение желаемого результата относительно жизненных планов связано с представлениями о жизненном успехе, выступающем ориентиром при выстраивании иерархии краткосрочных и долгосрочных целей на жизнь. Гайд описываемого социологического исследования включал вопрос «Что по Вашему мнению, должен достичь в жизни человек, чтобы он мог сказать «Жизнь удалась»». Систематизация полученных ответов, позволяет выстроить следующую совокупность критериев успеха. Во-первых, это семья (высказывание информанта: *А для себя я бы назвал свою жизнь удавшейся, если бы, опять же, смог бы завести семью, завести детей, как минимум трех, и как минимум один хороший домик в частном секторе. Для меня это была бы жизнь, которая бы удалась* (муж., Ростовская область, 25–29)). Во-вторых, финансовая стабильность, позволяющая обеспечивать членов созданной семьи и оказывать поддержку родителям (высказывание информанта: *В моём случае, касательно моего мнения на этот вопрос, оно всё соприкасается с целями. Я считаю, что для меня жизнь удалась, и я буду так считать, когда у меня будет своя семья. У меня будут дети, муж, стабильный заработок свыше определенной суммы. Я смогу обеспечивать своих родителей, тем самым отблагодарив их за то, что они мне дали счастливое детство.»* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *в моей картине мира, это в первую очередь, как я уже говорила, карьерный рост. Возможно, в какой-то другой сфере, но это в любом случае другая должность, то есть повышение по должности, повышение уровня заработной платы, уровня дохода, то есть полная финансовая стабильность и независимость*. (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)). В-третьих, профессиональная и творческая самореализация (высказывание информанта: *И, конечно, реализую свою профессиональную цель, то есть у меня будет свой этнографический центр, в котором я буду учить детей и взрослых народным промыслам и сохранять культурное наследие предков.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *И желательно, чтобы я смог реализоваться в творческом плане. Сейчас пишу книги, надеюсь, хоть что-то смогу опубликовать. Для меня это будет считаться удавшейся жизнью* (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Я думаю, что жизнь прожита будет не зря в том случае, если человек реализуется во всех важных для него сферах: в профессиональной, в семье, чтобы было что оставлять после себя, если можно так сказать.* (жен., Луганская Народная Республика, 25–29)) и социальное признание (высказывание информанта: *жизнь удалась у человека, если вокруг него много людей, для которых он действительно важен.* (муж., Ростовская область, 25–29)).

Помимо внешних критериев успешной жизни информантами также упоминались внутренние ощущения спокойствия, гармонии, независимости, которые наравне с внешними социальными признаками успеха необходимы для применения фразы «Жизнь удалась» (высказывание информанта: *человек может сказать себе, что жизнь удалась только в том случае, когда он обретает покой внутренний. То есть то, что у него никаких нет проблем, никаких нет тревог, и в случае чего, какой-то там незадачи или суеты, он может легко с этим справиться, он же сталкивался.* (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Я считаю, что человек может сказать, что его жизнь удалась только в том случае, если он живет так, как он хочет, по своим мировым взглядам и желаниям, в принципе.* (жен., Луганская Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *Наверное, достичь независимости, это не только в плане финансовом, но и в целом во всех направлениях, чтобы полностью ощущать себя.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29)).

Отметим, что такое понимание жизненного успеха сформировалось у информантов под воздействием таких факторов как: влияние семьи (высказывание информанта: *Я думаю, что это влияние родителей, потому что они закладывают в нас основу в нашем детстве.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Родители по-*

казали, как мне надо. Прямо очень доходчиво показали. (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)), друзей и близкого окружения (высказывание информанта: *Конечно же, это влияние окружения, то есть друзей, с которыми ты встречаешься на своём жизненном пути, потому что люди приходят, уходят, но они оставляют свой жизненный след, в том числе на твоём будущем.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *Да и в принципе, я думаю, окружение, когда рядом с тобой единомышленники, которые думают так же, как и ты, точно так же двигаются к своим целям, к пониманию успешной жизни, это тоже очень сильно влияет.* (жен., Луганская Народная Республика, 25–29)), образ жизни значимого другого (высказывание информанта: *Скорее всего, это, опять же, вдохновившись людьми, которые меня окружают. Я вижу, когда они достигают своих целей и ощущают результат, по ним видно, что они то же самое их дело, которое они развивали, или в целом те цели, которые они стали и достигали, насколько приносит им это радость, то есть понимание того, что они делают это не зря, это приносит пользу в целом обществу и в первую очередь, им, от того, что они помогают. И по примеру этого, я могу сказать, что я пришел к такой мысли и к такому выводу.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29)), СМИ и Интернет (высказывание информанта: *То есть мы смотрим фильмы, сериалы, мы слушаем музыку, смотрим интервью людей, которые стали успешными, и это формирует образ в голове, который может либо соответствовать, либо не соответствовать твоим моральным компасам в голове. И исходя из этого, ты уже будешь делать выбор, к чему ты больше хочешь стремиться.* (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29)), личный опыт (высказывание информанта: *Я бы добавила ещё какие-то ошибки свои, которые мы совершаем. Мы чего-то не сделали, или что-то делали. Возможно, наши ощущения потом, они тоже приводят к тому, что мы понимаем, чего мы хотим в будущем.* (жен., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *И третье, я думаю, что… это опыт, который ты копишь в течение жизни.* (жен., Ростовская область, 25–29)).

Особенность представлений работающей молодежи Ростовской области, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики о главном в жизни заключается в том, что, с одной стороны, по их собственному мнению, в отличии от поколений их родителей и бабушек/дедушек их сверстники, во-первых, более ориентированы на индивидуализм и личный комфорт (высказывание информанта: *Еще старшее поколение меньше зациклено на каком-то личном комфорте ну то есть, как я замечаю, вот эта немножечко позиция «я страдаю во благо семьи, какой-то великой цели, я в ущерб себе поступлю, чтобы мужу было хорошо», вот это сильно больше доминирует. Как бы помладше уже такие «я не готов в ущерб себе, давайте мы будем как-то договариваться, чтобы всем было ок». Вот, ну то есть это там не только про делать в условиях, это еще и про какой-то личный комфорт. Ну, то есть люди уже не готовы страдать, потому что надо.* (жен., Ростовская область, 25–29)), а во-вторых, они более мобильны (высказывание информанта: *Для меня не столько важна стабильность, как вот у родителей. То есть они сформировали семью, у них вот стабильность, спокойствие. Вот у меня немножко по-другому. Я… больше хочется какой-то суеты, хочется какого-то с места на место, поиск себя и так далее.* (муж., Ростовская область, 25–29)).

Поколенческая особенность работающей молодежи по сравнению с более старшими поколениями проявляется также в сфере/характере труда и в индикаторах успешности профессиональной деятельности (высказывание информанта: *если брать более старшее поколение, то есть наши бабушки, дедушки, да, есть разногласия в том плане, что, ну, если у меня, к примеру, да, моя мечта, она более неосязаемая, то есть, ну, это что-то полезное оставить после себя и так далее, что приносило бы пользу мне и людям, то, например, у моего старшего поколения для них ценности и мечта это более осязаемое, более материальное. То есть, что-то… хороший достаток, жилье свое, хорошая стабильная оплачиваемая работа и в целом какая-то независимость и стабильность. Для них это залог и самое главное в жизни, если на примере с моим поколением сравнивать.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29))

Отметим, что поколенческий разрыв в большей степени ощущается информантами между собой и бабушками/дедушками (высказывание информанта: *А вторая часть семьи – это бабушки и дальние родственники. Это вообще какой-то отдельный мир. <…> То есть, как бы, уже не работают те паттерны, по которым жили они. <…> Наверное, чем старше, тем сложнее, ну, по крайней мере, вот у меня в семье, действительно, там, чем старше, тем сложнее.* (жен., Ростовская область, 25–19)), связывается это участниками исследования с координальным изменением социально-экономического устройства общества (высказывание информанта: *Наверное с более старшим поколением как раз есть разногласия, потому что, вероятно, жизнь стала сильно отличаться от той, которая была в их время. И там, да, сложно объяснить иногда, почему мы живем именно так и почему делаем именно эти вещи.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29)).

Рассматривая поколенческие различия представлений работающей молодежи, важно отметить, что информанты из новых регион в возрасте 25–29 лет в ходе фокус-групп отмечали закрытость представителей более молодых возрастных групп ДНР и ЛНР, чья первичная социализация прошла в сложных для региона период (высказывание информанта: *для меня важно, чтобы дети развивали себя в музыкальной точки зрения. Развивались музыкально, чтобы они были раскрепощенные, смелые, потому что хочется, чтобы будущие поколения были в действительности смелыми, потому что сейчас зачастую видно то, что дети очень замкнуты и всего боятся, потому что пережили достаточно многое. И хочется, чтобы стабильность была во всём, и тогда уже можно сказать, что жизнь удалась.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29).

Неопределенность также считывается информантами и находит свое отражение в отсутствии устойчивого долгосрочного планирования (высказывание информанта: *И, в принципе, на данном этапе жизни получается так, что долгосрочных каких-то планов построить, конечно, не получается в связи с различными обстоятельствами.* (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29)), любое планирование сталкивается с внешними барьерами его успешной реализации (высказывание информанта: *Я думаю, что получится выдать общую мысль, что так или иначе все хотят свое жилье, создание своей семьи, материальная стабильность, подушка безопасности, как это принято было у наших родителей и даже сейчас. Вот такие базовые вещи, которые, наверное, на данное время, в котором мы живем, не все могут себе позволить. То есть, возможно, мы плюс-минус в одинаковых условиях, но при этом у нас и плюс-минус одинаковые потребности и проблемы.* (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29)). И так как большая часть жизненных планов работающей молодежи связана с решением финансовых вопросов и приобретением собственного жилья, то нестабильность экономической сферы в большей степени оказывает влияние на их целеполагание (высказывание информанта: *я бы, может, добавил немножко еще касательно того, что еще влияет, ну, как бы косвенно, наверное, но влияет экономическое в целом положение, поскольку квартиры, к сожалению, не дешевеют, жилье, машины и так далее. И это накладывает определенные обязательства касательно заработка, касательно вообще твоего положения. Тоже, я думаю, стоит отметить.*(муж., Ростовская область, 25–29)).

Помимо экономического фактора, неопределенность рассматриваемых регионах связывается молодыми информантами с риском безопасности (высказывание информанта: *Я хотела бы чувствовать себя в безопасности в ближайшие несколько лет и не только.* (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *чтобы не было такой напряженности.* (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)).

Управление рисками как способ минимизации неопределенности в современном мире видится участниками исследования в установлении мира (высказывание информанта: *Я бы хотела видеть, наверное, в первую очередь мирный, чтобы успешно закончились боевые действия, чтобы отстояли те интересы, которые, в принципе, хотим отстоять. Стабильной, конечно же, и, наверное, такой же развивающейся, как и сейчас.* (жен., Луганская Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *Я хотел бы видеть нашу Родину мирной, стабильной, и, наверное, всё на этом.* (муж., Луганская Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *Хочется, чтобы Россия стала мирной, развивающейся, и больше не хочется бояться за своих близких, своих родителей, за своих детей, что они там где-то сейчас находятся, а туда что-нибудь летит в этот момент, хотя бы в этом плане.* (жен., Ростовская область, 25–29)), и дальнейшем устойчивом социально-экономическом развитии страны, о котором говорили молодые люди, описывая образ России через 5–10 лет (высказывание информанта: *Хотелось бы видеть ее побогаче, чем она есть сейчас, однозначно. Поспокойнее, чем она есть сейчас. В мирном состоянии, желательно.* (муж., Ростовская область, 25–29), высказывание информанта: *стабильное социально ориентированное государство* (муж., Донецкая Народная Республика, 25–29), высказывание информанта: *хотелось бы еще добавить, например, чтобы человек более чувствовал себя защищенным, то есть там…Женщины, которые рожают, это материнский капитал.* (жен., Донецкая Народная Республика, 25–29)).

Проведенное исследование выявило, что, несмотря на негативный социально-экономический фон, вызванный неопределенностью, работающая молодежь позитивно выстраивает свое жизненное планирование и ищет конструктивные способы достижения поставленных целей в сложившихся условиях (высказывание информанта: *всегда, чего бы*

ты ни достиг, всегда у тебя будут цели дальше, дальше, и ты будешь собой недоволен. И самореализация во всех сферах своей жизни, она где-то в одной, если она будет повыше, в другой она будет всегда проседать. И это очень сложно балансировать, поэтому, наверное, важно не зацикливаться на проблемах, которые есть сейчас на данный момент, как-то стараться видеть хорошее в настоящем, брать из каких-то ситуаций, которые… сложные моменты, брать что-то для себя и выкручивать их в свою пользу. И тогда, наверное, ты будешь мастером в каких-то жизненных ситуациях. (жен., Ростовская область, 25–29)).

Таким образом, можно сделать вывод: что специфика целеполагания работающей молодежи Ростовской области и новых регионов (Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики) в условиях неопределенности заключается в следующий чертах. Во-первых, перечень целей в планах на жизнь включает в себя такие позиции, как: материальные блага, семья, карьера и образование. Во-вторых, основными агентами, влияющими на выбор того, что важно в жизни, являются семья, друзья, СМИ и Интернет, образ жизни значимого другого. В-третьих, неопределенность проявляется в актуализации таких рисков как угроза безопасности и экономическая нестабильность, что, с одной стороны, затрудняет долгосрочное планирование работающей молодежи, а с другой, заставляет их искать новые способы достижения поставленных целей в сложившихся условиях.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 03.12.2025).
2. Батыгин Г.С. Структурный функционализм Толкотта Парсонса // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2003. № 4–5. С. 6–34.
3. Васильев В.В. Социальная неопределенность как предмет социологического анализа // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2023. № 2 (46). С. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1
4. Вебер М. Основные социологические понятия / Пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
5. Козлов С.В. Неопределенность (в) социологии // Социология власти. 2025. Т. 37, № 2. С. 8–11. EDN: AZNHQV.
6. Козырева П. М., Смирнов А.И. Жизнь в условиях неопределенности кризисного общества: опыт и ожидания // Социологические исследования. 2018. № 6. С. 66–78. DOI 10.7868/S0132162518060065.
7. Ненашева М.В. Проблема неопределенности в социальных науках (на примере экономики и социологии) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 25, No 3. С. 114–121. DOI 10.37482/2687–1505-V440.

THE SPECIFICS OF GOAL SETTING FOR WORKING YOUTH IN CONDITIONS OF UNCERTAINTY[1]

Chikarova G.I.
Southern Federal University

The purpose of this study is to identify the specifics of goal-setting among working youth in the context of uncertainty, using the case of working youth from the Rostov Region, Donetsk People's Republic, and Lugansk People's Republic. The article's empirical basis is based on data obtained by researchers at the Southern Russian Branch of the Federal Research Center of Social Sciences of the Russian Academy of Sciences during the applied sociological study "Axiological Attitudes of Russian Youth: Meanings, Behavioral Practices, and Potential for Consolidation of Multicultural Russian Society" using focus groups. The study found that the specifics of goal-setting among working youth in the Rostov Region and new regions in the context of uncertainty include the following: First, the list of goals in their life plans includes material goods, family, career, and education. Second, the main factors influencing the choice of what is important in life are family, friends, the media, the internet, and the lifestyle of a significant other. Third, uncertainty manifests itself in the increased awareness of risks such as security threats and economic instability, which, on the one hand, complicates long-term planning for working youth and, on the other, forces them to seek new ways to achieve their goals in the current environment. The study's results can be used in studying the consolidation of Russian citizens, as well as in a comparative analysis of the perceptions of working youth in these regions of the Russian Federation, with representatives of working youth in other regions or other age cohorts, both among young people and among the country's overall population.

Keywords: working youth, values, life goals, life success, social uncertainty, new regions

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022, No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: December 3, 2025).
2. Batygin, G.S. "Talcott Parsons' Structural Functionalism" // Bulletin of RUDN University. Series: Sociology. 2003. No. 4–5. Pp. 6–34.
3. Vasiliev, V.V. "Social Uncertainty as a Subject of Sociological Analysis" // Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series "Philosophical Sciences". 2023. No. 2 (46). Pp. 8–22. DOI: 10.25688/2078-9238.2023.46.2.1
4. Weber M. Basic Sociological Concepts / Translated from German by M.I. Levina // Weber M. Selected Works. Moscow: Progress, 1990.
5. Kozlov S.V. Uncertainty (in) Sociology // Sociology of Power. 2025. Vol. 37, No. 2. Pp. 8–11. EDN: AZNHQV.
6. Kozyreva P.M., Smirnov A.I. Life in the Uncertainty of a Crisis Society: Experience and Expectations // Sociological Studies. 2018. No. 6. Pp. 66–78. DOI 10.7868/S0132162518060065.
7. Nenasheva M.V. The Problem of Uncertainty in Social Sciences (Based on Economics and Sociology) // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 25, No. 3. Pp. 114–121. DOI 10.37482/2687–1505-V440.

[1] The article was prepared while conducting scientific research on the topic 1025030300104–9–5.4.1 "Axiological attitudes of Russian youth: meanings, behavioral practices and the potential for consolidation of a multicultural Russian society" (FMUS-2025–0026) as part of the State Assignment 075–00430–25–01 dated 08/06/2025.

Взаимосвязь социального интеллекта и эмоционального интеллекта курсантов

Юмкина Екатерина Анатольевна,
кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: katerinayum@mail.ru

Волков Вячеслав Викторович,
доктор экономических наук, кандидат философских наук, доцент, независимый эксперт
E-mail: agnee@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь социального и эмоционального интеллектов у курсантов. Авторы выявили несоответствие между высокой самооценкой курсантов в области социального интеллекта и их реальными навыками. У обследуемых обнаружен низкий уровень эмоционального интеллекта и трудности в понимании социальных ситуаций, характерных для российской культуры. Исследование выделяет две группы курсантов с разным уровнем социального интеллекта, чьи представления о россиянах в экономическом плане различаются. Установлена положительная корреляция между социальным и эмоциональным интеллектом, а также их связь с семейным воспитанием и ориентацией на родителей. Выявлено, что семейные условия могут опосредовать патерналистские установки и экономическую пассивность. Социальный и эмоциональный интеллекты курсантов коррелируют с их экономическими знаниями и с критичностью оценки сограждан. Авторы предполагают, что развитие экономического образования может способствовать улучшению социальных навыков и более глубокому анализу экономических решений.
В статье анализируется разрыв между желаемым экономическим поведением курсантов и их восприятием поведения россиян. Курсанты позиционируют себя как самостоятельных, ориентированных на долговременное планирование и экономию, в то время как россиян видят более патерналистскими, склонными к кредитам и краткосрочному планированию, но при этом готовыми к получению прибыли любыми способами. Единственное совпадение заключается в оценке «экономность/расточительность». Курсанты также испытывают трудности в определении справедливости, рациональности и приоритета зарплаты в работе при оценке россиян. Исследование выявило слабое развитие экономического сознания у курсантов, недостаточные знания и опыт, а также их склонность к противопоставлению себя большинству при неосознанном копировании привычек своего окружения.

Ключевые слова: социальный интеллект, эмоциональный интеллект, курсанты, экономические сценарии, параметры семейных отношений.

Введение

В начале XXI века сначала в популярной, а затем и в академической психологии стало появляться все больше работ, посвященных социальному и эмоциональному интеллектам. При этом множество теорий, рассматривающих данные понятия, трактуют их довольно широко и используют различные, и даже противоположные, основания при объяснении этих феноменов.

Но в большинстве работ социальный интеллект хоть и рассматривается с позиции межличностного взаимодействия и коммуникативной компетентности, но *определяется в аспекте когнитивных способностей, которые обеспечивают эффективное понимание и использование социальной информации и содействуют успешной адаптации в социуме* [3; 4; 5; 6; 9; 10; 12; 16; 21; 26]. В этом ключе, например, у В.Н. Куницыной, *социальный интеллект – это способность прогнозирования развития межличностных ситуаций, интерпретации информации и поведения, а также готовность к социальному взаимодействию и принятию решений*. Эта способность возникает при объединении личностных, коммуникативных, интеллектуальных и поведенческих качеств, включая уровень энергетической обеспеченности процессов саморегуляции [15].

Эмоциональный интеллект чаще всего определяется, как *способность человека истолковывать собственные эмоции и эмоции окружающих с тем, чтобы использовать полученную информацию для реализации собственных целей* [1; 2; 8; 11; 19; 20;23; 24; 30; 31].

Понятие эмоционального интеллекта выросло из понятия социального интеллекта, в силу чего они частично пересекаются. Общим для них является направленность на социальную и личностную сферы человека. Различия состоят в том, что социальный интеллект связан с познанием социальных явлений и направлен на понимание поведения других людей, а эмоциональный интеллект – с переработкой информации об эмоциональной сфере и направлен как на познание человеком других людей, так и себя самого.

Важность изучения этих феноменов возникает в силу необходимости прояснить, действительно ли эмоциональный и социальный интеллект являются профессионально значимыми качествами, что нового они привносят в успешность в различных видах деятельности в сравнении с общим интеллектом и личностными чертами.

Коренные преобразования нашего общества, начавшиеся в последние годы, повлекли за собой необходимость изменений во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в военном образовании, что обусловило повышение интереса к исследованию различных аспектов развития образования в новых политических и социально-экономических условиях. Одной из центральных идей, которая должна внедряться в образовательный процесс, является идея повышения эффективности обучения.

Изменение требований к деятельности командира обуславливает необходимость развития новых способностей, активизации своих потенциальных возможностей, нового стиля мышления, что вызывает сопротивление со стороны некоторых курсантов и офицеров. Все это затрудняет реализацию основной идеи системы военного образования – идеи создания условий для развития курсанта как индивидуальности, способной к самопознанию, самораскрытию и самостоятельному решению задач военной службы, особенно в условиях боевых действий.

Поэтому становится актуальной профессиональная подготовка будущих командиров к осуществлению своих должностных функций в соответствии с новыми идеями, целями и ценностями военного образования, заявившими о себе в полной мере в ходе Специальной военной операции.

В связи с этим личностные особенности «эффективного» командира можно сгруппировать следующим образом:
– ярко выраженный коммуникативно-личностный потенциал, т.е. комплекс свойств, позволяющих военному руководителю успешно общаться и реализовывать субъект-субъектные связи в своей служебной деятельности;
– высокоразвитый социальный и эмоциональный интеллект, проявляющийся в социально-перцептивных и мыслительных способностях и обеспечивающий качество познания и понимания других людей и себя.

Анализ литературы показывает, что проблема развития коммуникативных способностей и качеств педагогов (а, следовательно, и командиров, как военных педагогов), подготовки их к профессиональному общению разрабатывается достаточно широко. Исследованиями этого вопроса занимались А.А. Бодалев, Б.Ф. Ломов, С.В. Кондратьева, Н.В. Кузьмина, В.Н. Куницына, В.В. Знаков, А.А. Леонтьев и др. Способность педагога влиять на других людей, содействовать развитию духовных сил и способностей (социального потенциала обучающегося) не может реализовываться без развитых социальных умений и навыков, без высокого уровня успешности общения самого педагога.

В то же время развитие социального и эмоционального интеллекта у командиров-педагогов, особенно у будущих командиров, недостаточно изучено. Это связано с относительной новизной самих понятий «социальный интеллект» и «эмоциональный интеллект» в психологической науке. Остаются также недостаточно проработанными вопросы, связанные с выделением структуры социального интеллекта, факторов и условий его развития в процессе профессиональной подготовки специалистов разного профиля. Все это относится и к военно-педагогической деятельности. Командир в своей работе с подчиненными постоянно сталкивается с необходимостью решать задачи, возникающие в ходе педагогического взаимодействия. Это требует от него способности к адекватному восприятию, к пониманию и прогнозированию поведения всех субъектов взаимодействия, т.е. развитого социального и эмоционально интеллекта.

Отсюда **целью** настоящего исследования явилось выявление особенностей во взаимосвязи социального и эмоционального интеллекта у курсантов.

В качестве гипотез выступили следующие предположения:

– исходя из того, что социальный интеллект выступает как интегративная способность будущих командиров-педагогов к восприятию, пониманию и прогнозированию поведения людей, мы предполагаем, что он находит свое выражение в адекватном отражении контекста ситуации взаимодействия;

– чем выше уровень развития у курсантов эмоционального и социального интеллекта, тем более зрелые позиции они демонстрируют в экономических решениях;

– более высокие показатели эмоционального и социального интеллекта курсантов находят опосредование в доверительных отношениях в семье.

Теоретико-методологические основы исследования – концепции интеллекта и условий, механизмов его развития (Б.Г. Ананьев, Х. Айзенк, Дж. Брунер, А.В. Брушлинский, Jl.C. Выготский, К. Дункер, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн, Ч. Спирмен, Р. Стернберг, Л. Терстоун, О.К. Тихомиров, В. Штерн и др.); принцип системного подхода (Б.Ф. Ломов и др.); концепции эмоционального интеллекта (Дж. Мэйер, П. Сэл овей, Д. Гоулмен, Д.В. Люсин и др.), социального интеллекта (Э. Торндайк, Дж. Гилфорд, В.Н. Куницына, М.К. Акимова, Н.А. Аминов, М.И. Бобнева, Х. Гарднер, М.В. Молоканов, Г. Олпорт, Н.Ф. Панферов, Р. Селман), экономических сценариев поведения (Н.М. Лебедева, А.Н. Татарко).

Новизна исследования состоит в том, что впервые в отечественной психологии и педагогике совместно анализируется представленный перечень феноменов в их комплексности.

Методики исследования

В соответствии с целями исследования использовались следующие психодиагностические методики. В первую очередь следует выделить блок диагностики социального интеллекта, который включает в себя самооценочные методики (навыки межличностной коммуникации) (СУМО и СО-12 В.Н. Куницыной) и методику «Пословицы и поговорки» (В.Н. Куницына) на понимание социального контекста, различных социальных ситуаций [13; 14].

Методика СУМО – «Саморегуляция и успешность межличностного общения» разрабатывалась В.Н. Куницыной с 1985 по 1990 г. В силу объемности исследования, нами и использовалась краткая версия СУМО, куда В.Н. Куницына включила 12 наиболее сильных суждений из 12 основных шкал опросника.

Для изучения эмоционального интеллекта был использован тест (опросник) эмоционального интеллекта Д.В. Люсина – психодиагностическая методика, основанная на самоотчёте, предназначенная для измерения эмоционального интеллекта (EQ) в соответствии с теоретическими представлениями автора [17; 18]

Изучение экономических установок проходило на основе методики сценариев экономического поведения Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко [28]. Одиннадцать ситуаций, заложенных в этой методике, дают возможность дополнительного анализа того, в какой степени личность ориентируется в экономическом контексте.

Исследование роли семьи в опосредовании социального, эмоционального и экономического интеллекта проводилось на основе методики Е.А. Юмкиной, включающей шкалу преемственности и идентификации с семьей, шкалу «семейные заботы» и шкалу «семейная атмосфера» [29].

Для сбора социально-демографической информации использовалась анкета, содержащая информацию о поле, возрасте, особенностях семьи и экономическом состоянии.

Социально-демографическая характеристика

Всего в исследовании приняло участие 150 человек одного из военных вузов Министерства обороны. 15 анкет были удалены из анализа по причине некачественного заполнения методик. В итоге количество опрошенных составило 135 человек. Средний возраст = 20,5 лет (±1,69). Минимальный возраст = 17, максимальный = 26 лет.

Распределение по курсам составляет: первый курс – 43%, второй курс – 24,4%, третий курс – 32,6%.

У 53% опрошенных детство прошло в сельской местности, 45,9% росли в небольших городах. Лишь один человек вырос в крупном городе. По этому показателю мы видим неоднородность выборки.

Большая часть опрошенных (65,9%) выросла в полной нуклеарной семье, то есть представленной супругами и детьми. Доля, находившихся в полной расширенной семье составляет 13,3%. Выходцы из неполной семьи – 11,1%. Со сводными родственниками (отчим) росли 6,7%, с опекунами в лице бабушек и дедушек детство провели 1,4%. Один человек вырос в детском доме

У 59,3% опрошенных доминировал при принятии решения отец, тогда как мать – у 20%. 11,9% курсантов отметили, что у них в семье доминировали оба родителя; 8,9% указали других родственников.

Для 36,6% курсантов примером для подражания был отец, для 15,6% – мать, для 24,4% – оба родителя. 23,7% отметили других родственников, часто указывая другую мужскую фигуру (брат или дедушка).

По социальному статусу 53,3% курсантов не женаты, 17,8% – женаты, 28,8% – состоят в незарегистрированных отношениях.

По уровню доходов: средний доход имеет 53,3% опрошенных, выше среднего – 39,3%, жили в роскоши 3%. Низкий доход указали 2,2%, ниже среднего – 2,2%.

Особенности социального интеллекта и эмоционального интеллекта курсантов

Общий показатель социального интеллекта опрошенных курсантов составил 30,5 баллов (табл. 1), что относится к диапазону высоких значений. В то же время на основании только этого показателя преждевременно делать вывод о действительно высоком развитии социального интеллекта курсантов, так как в этом исследовании использовалась краткая версия методики.

Таблица 1. Выраженность социального интеллекта (по стандартизированному опросу)

Параметр	Среднее значение	Ст. отклонение
Общий показатель социального интеллекта (максимум 36)	**30,537**	3,1376

Для учета этого обстоятельства социальный интеллект оценивался с помощью еще двух методик. В таблице 2 представлены результаты одной из них (СО-12), которая показала, что у курсантов уровень самооценки сильно завышен и характеризует их как самоуверенных людей. Это, с одной стороны, является особенностью возраста, а с другой стороны, может объясняться спецификой той социальной среды, в которой они росли (семейная среда, специфика населенного пункта, где прошло детство). Курсанты оценивают себя как оптимистичных, знающих себя людей, владеющих собой, уверенных, выносливых. Ниже всего курсанты оценивают себя как влиятельных и знающих жизнь. Уже этот результат обнаруживает противоречие в самооценке курсантов: знание себя (своих сильных и слабых качеств) трудно себе представить без знания жизни. А у наших курсантов эти два качества имеют полярные ранги.

Таблица 2. Самооценка отдельных сторон социального интеллекта

Параметр (максимум по шкале = 12)	Ср. значение	Ст. отклонение
Знание себя	10,694	1,9203
Оптимизм	10,373	2,2366
Самообладание	10,291	2,3358

Окончание

Параметр (максимум по шкале = 12)	Ср. значение	Ст. отклонение
Уверенность	10,269	2,1976
Выносливость	10,090	1,9523
Умение ладить с людьми, договариваться	9,993	1,7622
Способность управлять событиями своей жизни	9,687	2,3021
Готовность помогать другим людям, жертвуя своими интересами	9,649	2,6507
Проницательность	9,396	2,0593
Сноровка	9,358	2,1744
Влиятельность	9,015	2,4678
Знание жизни	8,963	2,4353

Другая методика состояла из батареи коротких заданий, направленных на оценку кругозора и понимания курсантами различных социальных ситуаций, типичных для российской культуры. Рассмотрение их ответов показало, что из 135 курсантов примерно половина вообще не поняла задания, 63 человека справились лишь с выборочными вопросами, небольшая группа осилила этот тест полностью (11 человек), но из них правильно на все вопросы никто не ответил. Анализ содержания ответов весьма показателен. Отвечая на вопрос*, о ком говорят следующим образом*, курсанты пишут:

Дон-Кихот (69 ответов или 51%): путешественник (2); борец за справедливость (4); хочет быть героем (2); благородный человек, отдающий все за счастье другого (2); мечтатель (3), персонаж из произведения (3); рыцарь (8); чудаковатый человек, смотрящий на мир под другим углом; занимающийся бесполезным делом (2); выбравший одиночество; всё умеющий; отважный романтичный альтруист; роман; путешественник (2); отшельник; всадник на коне (2); книга; хитрый; продумывает каждый шаг (2); поэт; зазнавшийся; всадник; на коне и уверенный; бандит; лжец; глупец; свободолюбивый; борец (2); добрый чудак; длинный (2); строит из себя того, кем не является; элегантный мужчина; выпендривается; испанский осел; рассказчик; смелый и решительный; сумасшедший; сознавшийся; добрый и несдающийся человек; герой, который спасает кого-то; казак; наивный человек; веселый герой; храбрый и доблестный; идущий к своей цели; главный герой.

Демократ (80 ответов или 59,2%): известный человек; борец за власть народа; человек, пытающийся решить вопрос с помощью общества; человек, поддерживающий демократию (2); сторонник равноправия (4); политик демократической нормы; политик (4); либерал и реформатор (2); спорящий человек; понимающий других; человек у власти; рациональный; справедливый (2); совершает поступки во благо всем; умный-харизматичный-уверенный; умный (8), добрый; «спорник» (2); философ (3); единоличник; депутат; борется за справедливость; разбирается в политике; умеет договориться (5); «властительный»; важный человек (3), взвешивающий свои решения; властный (3); умеет владеть своей речью (2); начитанный и подготовленный; человек во власти; ценитель роскоши; вор; чиновник; человек в костюме при галстуке; выступает за свободу; рассудительный (2); мыслитель; собранный; любит говорить о демократии; прислушивается к мнению окружающих; устоявшийся; статусный; человек за переговоры; Трамп; общительный человек; решает все словами; решает вопросы с помощью демократии; умеет мотивировать людей; американский политик; мудрый; прислушивается к другим.

Безалаберный человек (92 ответа или 69,2%): растяпа; безответственный человек (43); не думает о последствиях (2); ленивый (10); несерьезный; беспорядочный человек; бестолковый; человек с низким социальным уровнем; не может заставить себя что-то делать; растерянный (3); неспособный; несобранный (2); плохой; не думающий о последствиях (3); неуклюжий; тунеядец; неаккуратный; беззаботный; идущий к реке; непунктуальный; легкомысленный; простофиля; глупый; невнимательный; что-то узнал; не приспособлен к жизни; нет цели в жизни; не выполняет обещания; не может себя контролировать; не следит за собой; неорганизованный (2); неуклюжий; неряшливый; бездарный.

«**Рыльце в пуху» (63 ответа или 46,6%):** толстый; человек наглый; соня; лентяй; в чем-то виноват (15); мягкий (2); «облажался»; неблагодарный; лицо человека; указывает на очевидную вещь; живет иллюзиями; праведный, стыд, живущий в своих фантазиях; измазанный с ног до головы; что-то на лице; совершил плохой поступок; с грязным лицом; перекладывает ответственность; молодой (5); грязный (2); жалкий и нежный; имеет затуманенный рассудок; обманутый; неряшливый (2); хороший; человек с подушкой без жесткости; человек хорошо устроился; цветы; дружелюбный; лгун; изнеженный человек; обманщик (2); ищет за собой провинности; неопытный; не признает своих минусов; причастен к преступлению и старается показаться невиновным (2); не следит за собой; пухлый; лицо в пуху,

Циник (62 ответа или 45,9%): обесценивает чужие чувства; злобный критик (2); циничный человек (8); саркастично высмеивающий; гордый; 200-сотый (3); постоянно критикующий; без совести; имеет интерес к культуре; твердолобый; работоспособный; знающий всему цену, человек; несправедливый критик; критикан; «Что это?», жадный (2); непонимающий; всё критикующий; презренный; священник; лицемер (2); не знает свои действия; безнравственный индивидуалист; чувственный; нарцисс; отсутствие интереса к чужим проблемам; ценитель (4); все сделает для достижения своей цели; надежда; безнравственный человек (2); ставит свои интересы превыше всего (3); этикетка о стоимости продукта; неприятный человек; ценит только свои интересы; смеется над чье-то неудачей; высмеивает слабых (2); смеется над проблемами других; эгоист; уличный хулиган; личность; слишком придирчивый.

Как видно, только в случае с «безалаберным человеком» курсанты приблизились к пониманию сути данного феномена. При этом надо учитывать, что 43 человека (31,8%) вообще не ответили на этот вопрос. Самые плачевные результаты наблюдаются при ответе на вопрос о том, кто такой демократ. Здесь только один человек ответил верно. По остальным вопросам лишь у небольшой части курсантов сформировано адекватное представление по рассматриваемым понятиям.

В ходе исследования было установлено, что уровень эмоционального интеллекта курсантов составляет 17,5 баллов, что находится в диапазоне низких значений (табл. 3). Этот результат показывает еще одно противоречие между самооценкой курсантов и их реальным уровнем распознавания и понимания эмоций (своих и других людей). Будучи отдельной стороной социального интеллекта, эмоциональный интеллект включает навыки, которые дополняют выше описанную диагностику социального интеллекта. Также полученный результат согласуется с оценкой социального интеллекта по батарее письменных заданий.

Таблица 3. Выраженность эмоционального интеллекта (по стандартизированному опросу)

Параметр	№	Минимум	Максимум	Ср. значение	Ст. отклонение
Общий показатель эмоционального интеллекта	134	9,0	45,0	**17,530**	3,6412

Анализ данных по методике «экономические сценарии» позволил получить картину о степень готовности курсантов поступать определенным образом и знание о типичности того или иного поведения для россиян.

Рассмотрим обе эти стороны по каждому сценарию (табл. 4, 5).

Таблица 4. Особенности экономического интеллекта курсантов

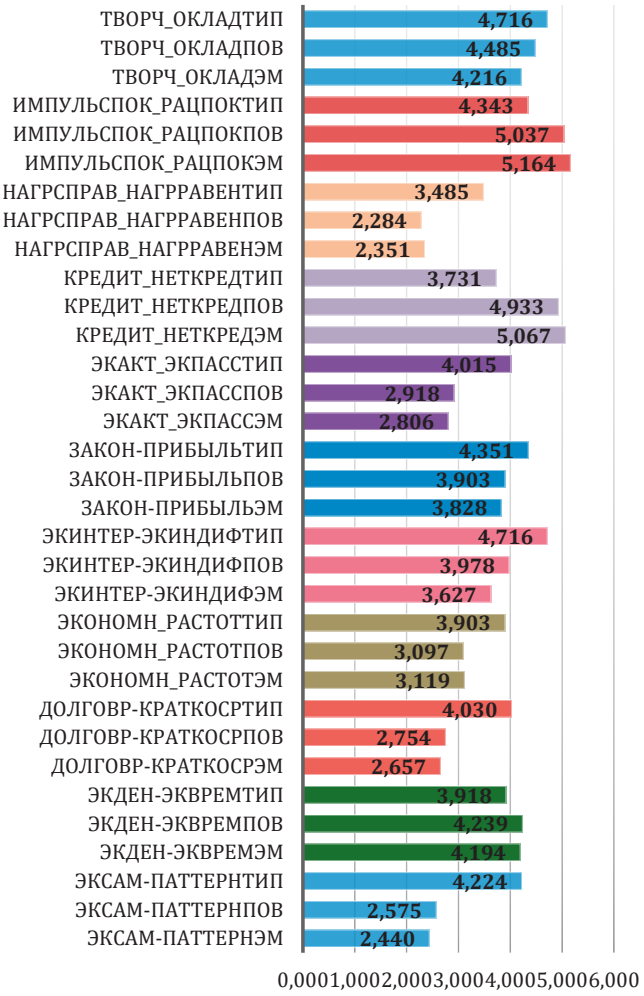
Параметры (биполярные шкалы от 1 до 7) Медиана = 4	Ср. значение	Ст. отклонение
Экономическая Самостоятельность-Паттернализм (Эмоциональный компонент)	2,440	2,0057
Экономическая Самостоятельность-Паттернализм (Поведенческий компонент)	2,575	1,9558
Экономическая самостоятельность-Патернализм (Оценка типичности для россиян)	4,224	2,2231
Экономия денег-Экономия времени (Эмоциональный компонент)	4,194	3,2386
Экономия денег-Экономия времени (Поведенческий компонент)	4,239	2,6191
Экономия денег-Экономия времени (Оценка типичности для россиян)	3,918	2,3685
Долговременное вложение-Краткосрочное вложение (Эмоциональный компонент)	2,657	2,2381
Долговременное вложение-Краткосрочное вложение (Поведенческий компонент)	2,754	2,2190
Долговременное вложение-Краткосрочное вложение Тип	4,030	2,2409
Экономность-Расточительность (Эмоциональный компонент)	3,119	2,4218

Окончание

Параметры (биполярные шкалы от 1 до 7) Медиана = 4	Ср. значение	Ст. отклонение
Экономность-Расточительность (Поведенческий компонент)	3,097	2,3520
Экономность-Расточительность (Оценка типичности для россиян)	3,903	2,3552
Экономический интерес-Экономическая индифферентность (Эмоциональный компонент)	3,627	2,5771
Экономический интерес-Экономическая индифферентность (Поведенческий компонент)	3,978	2,5055
Экономический интерес-Экономическая индифферентность (Оценка типичности для россиян)	4,716	2,0941
Приоритет закона-Приоритет прибыли (Эмоциональный компонент)	3,828	2,4725
Приоритет закона-Приоритет прибыли (Поведенческий компонент)	3,903	2,4613
Приоритет закона-Приоритет прибыли (Оценка типичности для россиян)	4,351	2,3015
Экономическая активность-Экономическая пассивность (Эмоциональный компонент)	2,806	2,3379
Экономическая активность-Экономическая пассивность (Поведенческий компонент)	2,918	2,2878
Экономическая активность-Экономическая пассивность (Оценка типичности для россиян)	4,015	2,3202
Приемлемость кредитов-Неприемлемость кредитов (Эмоциональный компонент)	5,067	2,4836
Приемлемость кредитов-Неприемлемость кредитов (Поведенческий компонент)	4,933	2,4223
Приемлемость кредитов-Неприемлемость кредитов (Оценка типичности для россиян)	3,731	2,4284
Вознаграждение по справедливости-Вознаграждение по принципу равенства (Эмоциональный компонент)	2,351	2,1355
Вознаграждение по справедливости-Вознаграждение по принципу равенства (Поведенческий компонент)	2,284	2,0358
Вознаграждение по справедливости-Вознаграждение по принципу равенства (Оценка типичности для россиян)	3,485	2,2132
Склонность к импульсивным покупкам- Склонность к продуманным покупкам (Эмоциональный компонент)	5,164	2,3498
Склонность к импульсивным покупкам-Склонность к продуманным покупкам (Поведенческий компонент)	5,037	2,3665
Склонность к импульсивным покупкам-Склонность к продуманным покупкам (Оценка типичности для россиян)	4,343	2,1871
Приоритет творчества в работе-Приоритет размера оклада в работе (Эмоциональный компонент)	4,216	2,5908
Приоритет творчества в работе-Приоритет размера оклада в работе (Поведенческий компонент)	4,485	2,4579
Приоритет творчества в работе-Приоритет размера оклада в работе (Оценка типичности для россиян)	4,716	2,1048

Первый сценарий: экономическая самостоятельность или патернализм. Здесь выявлено, что курсанты ориентированы на свою экономическую самостоятельность, тогда как россиян они характеризуют как более патерналистичных людей. *Второй сценарий*: экономия денег или экономия времени. В этом случае курсанты больше ориентированы на экономию времени. При этом россияне представляются им людьми, более склонными к экономии денег. *Третий сценарий*: долговременное планирование или краткосрочное планирование. При оценке данной задачи, курсанты считают себя людьми, склонными к долговременному планированию, а россиян – к краткосрочному планированию. *Четвертый сценарий*: экономность или расточительность. Здесь и себя, и россиян в целом курсанты оценивают, как в большей степени экономных людей. *Пятый сценарий*: экономический интерес или экономическая индиферентность. Видно, что курсантам хотелось бы развивать свой экономический интерес. Россиян же в целом они считают экономически индифферентными. *Шестой сценарий*: приоритет закона или прибыли. По данному сценарию выявлено затруднение в выборе: предпочесть низкую, но официальную зарплату или высокую, но неофициальную. При этом в отношении большинства россиян курсанты отмечают приоритетность прибыли перед законом.

Таблица 5. Особенности экономических сценариев курсантов



Седьмой сценарий: экономическая активность или экономическая пассивность. Здесь курсанты оценивают себя как экономически активных людей, а россиян, наоборот. *Восьмой сценарий*: приемлемость кредитов. Сами курсанты в целом предпочитают не брать кредиты. Тогда как россиян они считают склонными пользоваться кредитами.

Девятый сценарий: вознаграждение по справедливости или равное для всех. В данном выборе курсанты в большей степени склонны к вознаграждению по справедливости. Россиян же в целом они затрудняются оценить, несколько склоняясь в интерпретации предпочтений граждан России в сторону выбора справедливости.

Десятый сценарий: импульсивность или рациональность покупок. Здесь курсанты ориентированы на рациональные покупки, затрудняясь оценить россиян по этому качеству, незначительно склоняясь с рациональным покупкам.

Одиннадцатый сценарий: приоритет творчества в работе или размер оклада. По этому параметру наблюдается незначительный сдвиг в сторону приоритета оклада, как в оценке себя, так и россиян в целом.

Необходимо отметить несколько общих моментов. Если посмотреть на рисунок 1, то можно увидеть, что большинство оценок находятся в диапазоне 4±1 (середина шкалы), что указывает на затруднение как в самоопределении, так и в характеристике своего народа практически по каждой ситуации. Это говорит о том, что курсанты слабо представляют свои экономические возможности, вероятно, в силу слабых экономических знаний и небольшого опыта.

В отношении россиян мы видим две тенденции. С одной стороны, по ряду параметров (патернализм, планирование, активность, приемлемость кредитов) курсанты оценивают себя как бы от противного (противопоставляя себя обществу). Одновременно с этим по большинству сценариев курсанты вообще слабо ориентируются в том, каков

стереотип экономического поведения у большинства их сограждан. Это свидетельствует о том, что экономическое сознание у курсантов развито относительно слабо. Можно предположить, что в своих поступках они склонны бессознательно копировать действия и привычки своего ближайшего окружения.

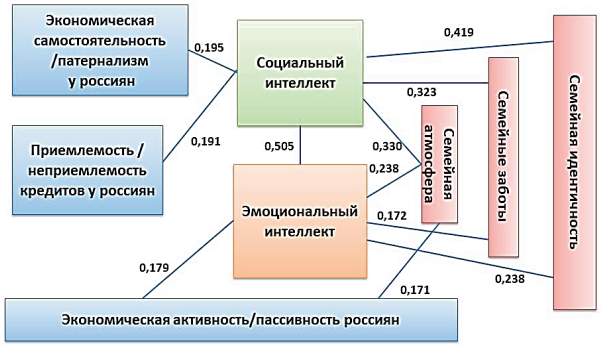


Рис. 1. Взаимосвязь сторон социального и эмоционального интеллекта курсантов

Диагностика параметров семейных отношений показала, что большинство курсантов имеют хорошие отношения со своими родителями и оценивают свои семьи как сплоченные, с доверительной атмосферой (табл. 6). Они характеризуют своих родных, как достойных подражания. Отмеченные особенности позволяют с достаточно высокой степенью вероятности предположить, что именно семейное окружение курсанты воспринимают как ориентир для своих действий в различных социальных ситуациях, не особо подвергая его анализу.

Таблица 6. Выраженность качества семейных отношений курсантов

	Минимум	Максимум	Ср. значение	Ст. отклонение
Семейная идентичность	0,00	3,00	2,05	0,83
Семейная деятельность	1,00	5,70	4,36	0,79
Семейная атмосфера	1,00	5,00	4,52	0,83

Нами были выделены 2 группы курсантов: с относительно высоким значением социального интеллекта (ОВСИ) и с относительно низким значение социального интеллекта (ОНСИ). Группа с ОНСИ составила 20 человек, а группа с ОВСИ – 26 человек. Значимые отличия между ними были обнаружены только по такому экономическому сценарию как экономическая самостоятельность/экономический патернализм. Курсанты с ОВСИ оценивают россиян в целом как более патерналистских людей, что близко подходит к реальному социальному стереотипу. Курсанты с ОНСИ затрудняются однозначно определить россиян по этому параметру.

Корреляционный анализ позволил выявить дополнительные данные. Социальный интеллект курсантов и их эмоциональный интеллект обнаруживают умеренную статистически значимую положительную взаимосвязь. Иными словами, более высокие показатели социального интеллекта связаны с более высокими показателями эмоционального интеллекта, И, наоборот, чем хуже курсанты владеют навыками ориентировки в социальном контексте, тем хуже они понимают эмоциональные состояния (как у себя, так и других людей). Важной особенностью характеристики курсантов является то, что и социальный интеллект, и эмоциональный интеллект связаны с одними и теми же социально-психологическими параметрами отношений в семье. То есть, чем более благоприятный эмоциональный климат в семье, чем более сплоченная семья, чем в большей степени курсанты ориентируются на родителей, как модели поведения, тем выше у них социальный интеллект и эмоциональный интеллект.

Выше, анализируя экономические сценарии поведения курсантов, мы высказали предположение о том, что вероятно столь большая неопределенность в оценке ими экономической ситуации является следствием того, что в своей жизни они не привыкли рефлексировать эти ситуации, некритично следуя привычным шаблонным моделям поведения; и что источником таких моделей для курсантов является семья.

Описанные связи частично подтверждают это предположение с учетом того, что социальный интеллект и эмоциональный интеллект оказались связаны с крайне малым числом параметров экономических сценариев. Так, чем выше социальный интеллект, тем в большей степени курсанты считают типичным для россиян патернализм и неприемлемость кредитов, а чем выше эмоциональный интеллект, тем более типичным для россиян курсанты полагают экономическую пассивность. Здесь, с одной стороны, мы видим, что с показателями обоих интеллектов связались те стороны экономических сценариев, которые основаны на знаниях. Получается, что более социально и эмоционально чуткие курсанты более критично оценивают сограждан, вероятно, опираясь на свой более разносторонний жизненный опыт и знания. Можно предположить, что, с одной стороны, расширение кругозора курсантов в области экономических категорий может способствовать развитию их навыков социального взаимодействия, а, с другой стороны, развитие навыков социального взаимодействия может приводить к тому, что курсанты будут в большей степени рефлексировать, подвергать анализу ситуации, требующие от них принятия экономических решений.

Сравнительный анализ групп курсантов с относительно высоким относительно и низким социальным интеллектом (табл. 7) показал только одно достоверное отличие по когнитивному аспекту экономического сценария «экономическая самостоятельность/патернализм». Так, курсанты с более высокими значениями социального интеллекта считают более типичным для россиян патернализм, тогда как курсанты с более низкими значениями полагают типичной экономическую самостоятельность у своих сограждан.

Таблица 7. Сравнение групп курсантов с различным уровнем социального интеллекта

Социальный интеллект группы		№	Ср. значение	Ст. отклонение	p
Экономическая самостоятельность-Патернализм (типично для россиян)	Относительно низкий СИ	20	3,85	1,89	0,05
	Относительно высокий СИ	26	5,07	2,18	
Условные обозначения: p – уровень значимости отличий между группами; СИ – социальный интеллект					

Заключение

Исследование показало, что курсанты в целом демонстрируют высокий общий показатель социального интеллекта (30,5 баллов), однако этот вывод требует осторожности из-за краткости использованной методики. Дополнительные тесты выявили завышенную самооценку курсантов, проявляющуюся в самоуверенности и необоснованном оптимизме. Но при этом курсанты низко оценивают свою влиятельность и знание жизни, что указывает на противоречия в их самовосприятии. Анализ выполнения социальных задач раскрыл значительные трудности у большинства курсантов в понимании и решении ситуаций, типичных для российской культуры.

У курсантов выявлен низкий уровень эмоционального интеллекта (17,5 баллов), что противоречит их высокой самооценке и согласуется с результатами оценки социального интеллекта по письменным заданиям. Это указывает на недостаток у них навыков распознавания и понимания эмоций.

Исследование также выявило две группы курсантов: с высоким и низким уровнем социального интеллекта. Единственное значимое различие между ними обнаружено в восприятии экономического сценария «экономическая самостоятельность/патернализм»: курсанты с высоким социальным интеллектом считают россиян более патерналистскими, в то время как курсанты с низким социальным интеллектом полагают их более экономически самостоятельными.

У курсантов наблюдается умеренная положительная связь между социальным и эмоциональным интеллектом: высокий уровень одного коррелирует с высоким уровнем другого. Оба вида интеллекта тесно связаны с благоприятной семейной обстановкой и ориентацией на родителей как на примеры для подражания. Семейная среда также, вероятно, вносит вклад у курсантов в склонность к патернализму, неприятию кредитов и экономической пассивности, что может объяснять их неопределенность в оценке экономических ситуаций.

Социальный и эмоциональный интеллекты курсантов связаны с их знаниями в области экономики (хотя все эти параметры очень слабо интегрированы), что позволяет им более критично оценивать сограждан. Развитие экономического кругозора может улучшить социальные навыки, а это, в свою очередь, может побудить курсантов к более глубокому анализу экономических решений.

Курсанты демонстрируют расхождение между своим желаемым поведением и восприятием типичного поведения россиян в экономи-

ческих сценариях. Они позиционируют себя как экономически самостоятельных, ориентированных на экономию времени, долговременное планирование, экономность, экономический интерес, активность и несклонность к кредитам, в то время как россиян видят более патерналистскими, склонными к экономии денег, краткосрочному планированию, но при этом склонными к получению прибыли (даже в обход закона) и экономически пассивными, активно пользующимися кредитами. Единственное совпадение в оценке себя и россиян наблюдается в сценарии «экономность/расточительность». Курсанты предпочитают справедливость в вознаграждении, рациональность в покупках и ориентируются на зарплату в работе, при этом затрудняясь однозначно оценить россиян по этим параметрам, лишь незначительно склоняясь к справедливости, рациональности и приоритету оклада.

Курсанты демонстрируют трудности в самоопределении и характеристике экономического поведения россиян, что указывает на слабое развитие их экономического сознания, недостаточные знания и опыт. Они склонны противопоставлять свое поведение поведению большинства россиян, но при этом слабо ориентируются в стереотипах поведения сограждан, вероятно, бессознательно копируя привычки своего окружения. Они не применяют общие способности, связанные с анализом социальных ситуаций к тему или иному экономическому поведению.

Практические рекомендации по использованию полученных результатов в подготовке современного командира

Проведенное исследование дает основание для формулировки ряда практических рекомендаций.

Во-первых, нами обнаружено, что социальный и эмоциональный интеллект оказываются взаимосвязанными. Таким образом, развитие этих сторон личности курсантов целесообразно проводить комплексно. Завышенная самооценка большинства курсантов делает целесообразным расширение их представлений о самих себе, развитие навыков рефлексии своих эмоций, состояний с одной стороны, а с другой – тренировку навыков самообладания и самоконтроля. Все это может быть достигнуто в рамках тренинга эмоционального интеллекта (например, программы Е.В. Сидоренко).

Не менее полезным для курсантов является формирование у них навыков анализа различных социальных ситуаций. Здесь можно порекомендовать чтение художественной литературы, разбор художественных или учебных социально-психологических фильмов, а также проведение коммуникативного тренинга (например, программа Е.В. Сидоренко).

Наконец, в рамках изучения таких дисциплин, как экономика, политология, социология полезно вводить ситуационные задачи на понимание курсантами различных сценариев поведения, проводить обсуждение этих задач с точки зрения типичности для различных культурных общностей, а также с точки зрения рациональности и целесообразности в собственной жизни. Это позволит приблизить абстрактные знания к реальным проблемам и потребностям курсантов.

В силу того, что родители являются высоко значимым ориентиром для курсантов, то в рамках семинарских или практических занятий, а также на факультативах, будет действенной актуализация в сознании курсантов опыта конструктивных решений и поведения родителей с последующим их обсуждением.

В связи с тем, что в ходе исследования был выявлен крайне низкий общий кругозор и высокий уровень неадекватного понимания курсантами различных социальных ситуаций, типичных для российской культуры, требуется организовать серию мероприятий по ликвидации их общекультурной безграмотности: познавательных викторин, кроссворд-тестирования, организованного чтения художественной и научно-популярной литературы, организованного просмотра шедевров отечественного кинематографа, использования познавательных игр типа «Мемо».

Литература

1. Андреева И.Н. О становлении понятия «эмоциональный интеллект» // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 83–95.

2. Андреева И.Н., Эмоциональный интеллект: исследование феномена, Вопросы психологии. 2006. № 3. С. 78–86.

3. Аршанская (Шешукова) О.В. Психологические условия становления социального интеллекта: история и современность. Тамбов: Юком, 2018. 85 с.

4. Айзенк Г.Ю. Интеллект: новый взгляд // Вопросы психологии. 1995. № 1. С. 111–131.

5. Белова С.С., Ушаков Д.В. Социальный интеллект: от измерения к теории // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е. Педагогические науки. 2017. № 7. С. 63–68.

6. Белова С.С. В психометрических поисках социального интеллекта // Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Ин-т психологии РАН, 2009. С. 187–215.

7. Бобнева М.И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978. – 311 с.

8. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство. Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 300 с.

9. Ефремова А.О., Савенкова И.А. Проблема социального интеллекта в Отечественной психологии // Современное общее образование: проблемы, инновации, перспективы: Материалы международной научно-практической конференции, Орел, 25 февраля 2022 года / Редколлегия: Т.М. Бакурова [и др.]. Орел: Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, 2022. С. 952–956.

10. Корниенко А.В. Анализ понятия и структуры социального интеллекта в зарубежных и отечественных исследованиях // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2021. № 2 (36). С. 140–144.

11. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2006. 460 с.

12. Кудинова И.Б., Вотчин И.С. Социальный интеллект как предмет исследования // Сибирский педагогический журнал. 2005. № 4. С. 132–142.

13. Куницына В.Н. Методы изучения семейных ценностей и взимодействия внутри семьи (ЦО-36, Пин) // Семья в современном мире / Сост. и научный ред. В.Н. Куницына. СПб.: СПбГУ, 2010. С. 42–53.

14. Куницына В.Н., Юмкина Е.А. Семейные отношения и дом: методы изучения внутрисемейных отношений. СПб.: ЛЕМА, 2015. 87 с.

15. Куницына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М. Межличностное общение. СПб.: Питер, 2001. 544 с.

16. Лунева О.В. История исследования социального интеллекта // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 223–229.

17. Люсин Д.В. Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭмИн // Психологическая диагностика. 2006. № 4. С. 3–22.

18. Люсин Д.В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭмИн: новые психометрические данные // Социальный и эмоциональный интеллект: от моделей к измерениям / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2009. С. 264–278.

19. Люсин Д.В. Современные представления об эмоциональном интеллекте // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «ИП РАН», 2004. С. 29–36.

20. Люсин Д.В., Марютина О.О., Степанова А.С. Структура эмоционального интеллекта и связь его компонентов с индивидуальными особенностями: эмпирический анализ // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2004. С. 129–140.

21. Михайлова (Алешина) Е.С. Методика исследования социального интеллекта. Руководство по использованию. СПб.: ГП «Иматон», 1996. 50 с.

22. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Подгот. Е.В. Шороховой, Б.Ф. Ломовым, А.Г. Журавлевым и др.; Отв. ред. Е.В. Шорохова, М.И. Бобнева; АН СССР, Ин-т психологии. М.: Наука, 1976. 368 с.

23. Робертс Р.Д., Мэттьюс Дж., Зайднер М., Люсин Д.В.. Эмоциональный интеллект: проблемы теории, измерения и применения на практике // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2004. – № 4. Том 1. С. 3–26.

24. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Тест Дж. Мэйера, П. Сэловея, Д. Карузо «Эмоциональный интеллект» (MSCEIT v. 2.0) Руководство. М.: Институт психологии РАН, 2010. 175 с.

25. Тихомиров О.К. Психология мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984. 287 с.

26. Ушаков Д.В. Социальный интеллект как вид интеллекта // Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Издательство «Институт психология РАН», 2004. С. 11–28.

27. Холодная М.А. Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб: Питер, 2002. 264 с.

28. Ценности культуры и модели экономического поведения: Научная монография / Под ред. Н.М. Лебедевой, А.Н. Татарко. М.: Издательство «Спутник+», 2011. 389 с.

29. Юмкина Е.А., Волков В.В., Борисенко Л.О. Выбор пути: ценностные ориентации современной российской молодежи. Коллективная монография. СПб.: Скифия-принт, 2024. 126 с.

30. Юркевич В.С. Проблема эмоционального интеллекта // Вестник практической психологии образования. 2005. № 3 (4). С. 12–17.

31. Bar-On R., The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18. Supl. P. 13–25.

32. Conzelmann K., Weis S., Süss H. New Findings About Social Intelligence // Journal of Individual. 2013. – URL.: https://www.semanticscholar.org/paper/New-Findings-About-Social-Intelligence-Conzelmann-Weis/f8f8b55d25c284f18612a1a44cb5345031eda2a3

33. Kihlstrom, J. F., Cantor, N. Social intelligence // Sternberg R.J. Handbook of intelligence. Cambridge University Press, 2000. P. 359–379.

34. Thorndike E.L. Intelligence and its use // Harper`s Magazine. 1920. № 140. P. 227–235.

THE RELATIONSHIP BETWEEN SOCIAL INTELLIGENCE AND EMOTIONAL INTELLIGENCE OF CADETS

Yumkina E.A., Volkov V.V.
Saint Petersburg State University

This article examines the relationship between social and emotional intelligence in cadets. The authors found a discrepancy between the cadets' high self-assessment of social intelligence and their actual skills. The subjects also demonstrated low emotional intelligence and difficulty understanding social situations typical of Russian culture. The study identified two groups of cadets with different levels of social intelligence, each with a different perception of Russians economically. A positive correlation was found between social and emotional intelligence, as well as their connection with family upbringing and parental orientation. Family conditions were found to mediate paternalistic attitudes and economic passivity. Cadets' social and emotional intelligence correlated with their economic knowledge and critical assessment of their fellow citizens. The authors suggest that developing economic education could contribute to improved social skills and a more in-depth analysis of economic decisions.

The article analyzes the gap between the cadets' desired economic behavior and their perception of Russians' behavior. The cadets portray themselves as independent, focused on long-term planning and saving, while they see Russians as more paternalistic, inclined toward loans and short-term planning, but also willing to make a profit by any means necessary. The only similarity lies in the assessment of «thriftiness/wastefulness». The cadets also experience difficulty determining fairness, rationality, and the priority of wages in their work when evaluating Russians. The study revealed a weak economic awareness among the cadets, insufficient knowledge and experience, as well as a tendency to oppose the majority while unconsciously copying the habits of their peers.

Keywords: social intelligence, emotional intelligence, cadets, economic scenarios, parameters of family relationships.

References

1. Andreeva I.N. On the Formation of the Concept of «Emotional Intelligence» // Voprosy Psychologii. 2008. № 5. Pp. 83–95.

2. Andreeva I.N., Emotional Intelligence: A Study of the Phenomenon, Voprosy Psychologii. 2006. № 3. Pp. 78–86.

3. Arshanskaya (Sheshukova) O.V. Psychological Conditions for the Formation of Social Intelligence: History and Modernity. Tambov: Yukom, 2018. 85 p.

4. Eysenck G. Yu. Intelligence: A New Look // Voprosy Psychologii. 1995. № 1. Pp. 111–131.

5. Belova S.S., Ushakov D.V. Social Intelligence: From Measurement to Theory // Bulletin of Polotsk State University. Series E. Pedagogical Sciences. 2017. № 7. Pp. 63–68.

6. Belova S.S. In Psychometric Searches for Social Intelligence // Social and Emotional Intelligence: From Processes to Measurements / edited by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2009. Pp. 187–215.

7. Bobneva M.I. Social Norms and Behavior Regulation. Moscow: Nauka, 1978. – 311 p.

8. Goleman D., Boyatzis R., McKee E. Emotional Leadership. The Art of Managing People Based on Emotional Intelligence. Moscow: Alpina Publishers, 2011. 300 p.

9. Efremova A.O., Savenkova I.A. The Problem of Social Intelligence in Russian Psychology // Modern General Education: Problems, Innovations, Prospects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Oryol, February 25, 2022 / Editorial Board: T.M. Bakurova [et al.]. Oryol: I.S. Turgenev Oryol State University, 2022. Pp. 952–956.

10. Kornienko A.V. Analysis of the Concept and Structure of Social Intelligence in Foreign and Domestic Research // Bulletin of N.F. Katanov Khakass State University. 2021. № 2 (36). Pp. 140–144.

11. Izard K. Psychology of Emotions. St. Petersburg: Piter, 2006. 460 p.

12. Kudinova I.B., Votchin I.S. Social Intelligence as a Subject of Research // Siberian Pedagogical Journal. 2005. № 4. Pp. 132–142.

13. Kunitsyna V.N. Methods for Studying Family Values and Interactions within the Family (CO-36, Pin) // Family in the Modern World / Compiled and ed. by V.N. Kunitsyna. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2010. Pp. 42–53.

14. Kunitsyna V.N., Yumkina E.A. Family Relationships and the Home: Methods for Studying Intrafamily Relations. St. Petersburg: LEMA, 2015. 87 p.

15. Kunitsyna V.N., Kazarinova N.V., Pogolsha V.M. Interpersonal Communication. St. Petersburg: Piter, 2001. 544 p.

16. Luneva O.V. History of the Study of Social Intelligence // Knowledge. Understanding. Skill. 2009. № 1. Pp. 223–229.

17. Lyusin D.V. A New Method for Measuring Emotional Intelligence: The EmIn Questionnaire // Psychological Diagnostics. 2006. № 4. Pp. 3–22.

18. Lyusin D.V. The EmIn Emotional Intelligence Questionnaire: New Psychometric Data // Social and Emotional Intelligence: From Models to Measurements / Ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences, 2009. Pp. 264–278.

19. Lyusin D.V. Modern Concepts of Emotional Intelligence // Social Intelligence: Theory, Measurement, Research / Ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Publishing house "IP RAS", 2004. Pp. 29–36.

20. Lyusin D.V., Maryutina O.O., Stepanova A.S. The structure of emotional intelligence and the relationship of its components with individual characteristics: an empirical analysis // Social intelligence: Theory, measurement, research / Ed. by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2004. Pp. 129–140.

21. Mikhailova (Aleshina) E.S. Methodology for studying social intelligence. Manual for use. St. Petersburg: State Enterprise "Imaton", 1996. 50 p.

22. Psychological problems of social regulation of behavior / Prepared by E.V. Shorokhova, B.F. Lomov, A.G. Zhuravlev, et al.; Ed. E.V. Shorokhova, M.I. Bobneva; USSR Academy of Sciences, Institute of Psychology. Moscow: Nauka, 1976. 368 p.

23. Roberts R.D., Matthews J., Seidner M., Lyusin D.V. Emotional Intelligence: Problems of Theory, Measurement, and Application in Practice // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2004. – № 4. Vol. 1. Pp. 3–26.

24. Sergienko E.A., Vetrova I.I. Test of J. Mayer, P. Salovey, D. Caruso "Emotional Intelligence" (MSCEIT v. 2.0) Manual. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2010. 175 p.

25. Tikhomirov O.K. Psychology of Thinking. M.: Moscow State University Press, 1984. 287 p.

26. Ushakov D.V. Social Intelligence as a Type of Intelligence // Social Intelligence: Theory, Measurement, Research / edited by D.V. Lyusin, D.V. Ushakov. M.: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publishing House, 2004. Pp. 11–28.

27. Kholodnaya M.A. Psychology of Intelligence: Research Paradoxes. St. Petersburg: Piter, 2002. 264 p.

28. Cultural Values and Models of Economic Behavior: Scientific Monograph / edited by N.M. Lebedeva, A.N. Tatarko. Moscow: Sputnik+ Publishing House, 2011. 389 p.

29. Yumkina E.A., Volkov V.V., Borisenko L.O. Choosing a Path: Value Orientations of Contemporary Russian Youth. Collective Monograph. St. Petersburg: Skifia-Print, 2024. 126 p.

30. Yurkevich V.S. The Problem of Emotional Intelligence // Bulletin of Practical Psychology of Education. 2005. № 3 (4). Pp. 12–17.

31. Bar-On R., The Bar-On model of emotional-social intelligence (ESI) // Psicothema. 2006. Vol. 18. Supl. Pp. 13–25.

32. Conzelmann K., Weis S., Süss H. New Findings About Social Intelligence // Journal of Individual. 2013. – URL: https://www.semanticscholar.org/paper/New-Findings-About-Social-Intelligence-Conzelmann-Weis/f8f8b55d25c284f18612a1a44cb5345031eda2a3

33. Kihlstrom, J. F., Cantor, N. Social intelligence // Sternberg R.J. Handbook of intelligence. Cambridge University Press, 2000. Pp. 359–379.

34. Thorndike E.L. Intelligence and its use // Harper`s Magazine. 1920. № 140. Pp. 227–235.

Цифровой контроль и алгоритмическое управление персоналом: социологический анализ новых форм наблюдения и контроля труда

Хакки Аднан Мухаммад Али,
доцент, Финансовый университет при Правительстве РФ,
E-mail: ahakki@fa.ru

Кожокар Данил Николаевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: kojocardanildom@gmail.com

В статье рассматриваются новые формы управления персоналом, основанные на использовании цифровых технологий мониторинга и алгоритмического анализа данных. Переход к цифровой организации труда сопровождается распространением систем, фиксирующих действия работников в реальном времени, автоматизирующих оценку результативности и принимающих управленческие решения на основе алгоритмов. В работе проводится социологический анализ цифрового контроля и алгоритмического управления как особых режимов власти и подчинения в трудовых коллективах. На основе обзора отечественных и зарубежных исследований показано, что алгоритмическое управление сочетает элементы классического бюрократического контроля и «цифрового тейлоризма», усиливая стандартизацию, прозрачность и формализацию труда, но одновременно создавая новые риски недоверия, стрессов и снижения автономии работников. Раскрываются основные противоречия внедрения цифрового контроля: между эффективностью и доверием, прозрачностью и приватностью, формальными метриками и реальным содержанием труда. Делается вывод о необходимости осмысления цифрового контроля не только как технического инструмента повышения производительности, но и как социального института, трансформирующего структуру власти в организациях и требующего новых механизмов регулирования и защиты работников.

Ключевые слова: цифровой контроль; алгоритмическое управление; мониторинг работников; цифровая трансформация; цифровой тейлоризм; социология управления; власть и контроль.

Введение

Цифровая трансформация экономики и общества приводит к глубоким изменениям в системе управления организациями. Если ранее ключевыми инструментами контроля выступали иерархия, формализованные инструкции и периодическая отчётность, то сегодня всё большее распространение получают цифровые платформы, системы мониторинга и алгоритмические решения, позволяющие фиксировать и анализировать поведение работников в режиме реального времени. Появляются новые формы управления персоналом, в которых значительная часть функций по оценке, распределению задач и контролю выполнения передаётся алгоритмам и информационным системам.

В российских и зарубежных исследованиях всё чаще используются понятия **«алгоритмическое управление»** (algorithmic management) и **«цифровой тейлоризм»** (digital Taylorism) для обозначения практик, при которых труд работников дробится на измеряемые операции, а их деятельность постоянно отслеживается через цифровые следы – логи в информационных системах, данные приложений, платформ, корпоративных мессенджеров и др.[1; 2; 3; 6]. Такие практики особенно заметны в платформенной занятости, логистике, сервисном секторе, но постепенно распространяются и на более традиционные организации. Алгоритмы назначают смены, распределяют заказы, оценивают эффективность, рекомендуют поощрения и санкции, задавая новый режим власти и подчинения.

С одной стороны, цифровой контроль и алгоритмическое управление представляются как инструменты повышения прозрачности, эффективности и управляемости: руководитель получает более полную информацию о процессах, проще выявлять «узкие места» и оптимизировать использование ресурсов. С другой стороны, социологические исследования фиксируют рост неудовлетворённости работников, усиление чувства наблюдаемости, снижение доверия и автономии, рост стресса, а также расширение зоны конфликта между формальными метриками и реальным содержанием труда [7; 8; 9]. Возникает противоречие между логикой «управления по данным» и потребностями живых людей, чья работа не всегда поддаётся простому измерению.

Актуальность исследования цифрового контроля и алгоритмического управления обусловлена не только их быстрым распространением, но и недостаточной проработанностью этих феноменов в рамках **социологии управления**. Технические и управленческие аспекты внедрения цифровых систем активно обсуждаются в менеджменте, ИТ и HR-практиках, однако социальные последствия для структуры власти в организации, для статуса работника, для форм контроля и подчинения часто остаются на периферии. Между тем цифровой контроль становится важным элементом современной системы социального управления, влияя на характер дисциплины, доверия, конфликта и участия в организациях.

Цель данной статьи – осуществить социологический анализ цифрового контроля и алгоритмического управления персоналом как новых форм власти и наблюдения в организациях, выявив их ключевые особенности, противоречия и социальные последствия.

Для достижения цели предполагается решить следующие задачи:

1. Рассмотреть основные теоретические подходы к анализу власти, контроля и наблюдения в организациях, которые могут быть применены к изучению цифрового управления.
2. Описать характерные особенности цифрового контроля и алгоритмического управления по сравнению с классическими бюрократическими и рыночными механизмами управления трудом.
3. Выделить основные социальные эффекты внедрения цифрового контроля для работников и управленцев: изменения в структуре власти, уровне автономии, доверия и вовлечённости.
4. Обозначить ключевые противоречия и риски, связанные с распространением алгоритмического управления, а также возможные направления их регулирования.

Объектом исследования выступают современные организации, в которых используются цифровые технологии мониторинга и алгоритмического управления персоналом. Предметом – социальные механизмы власти, контроля и подчинения, формирующиеся в контексте цифрового контроля и обработки данных о трудовой деятельности работников.

Исследование носит теоретико-аналитический характер и основано на сравнительном анализе отечественных и зарубежных публикаций, посвящённых алгоритмическому управлению, цифровому контролю, платформенной занятости и цифровой бюрократии. Используются методы анализа и синтеза научных источников, критический пересмотр существующих интерпретаций, а также интерпретационный подход к рассмотрению цифрового контроля как специфического социального института.

Теоретические подходы к анализу цифрового контроля и алгоритмического управления

Проблема контроля и власти в организациях традиционно занимает центральное место в социологии управления. Классические теории позволяют задать рамку, в которой современные цифровые практики выглядят не как «полный разрыв с прошлым», а как специфическое продолжение уже известных режимов управления.

Бюрократический и тейлористский контроль

Веберовская модель рационально-легальной бюрократии описывает власть как основанную на формализованных правилах, иерархии должностей и безличном исполнении обязанностей. Контроль в такой системе осуществляется через должностные инструкции, отчётность и систему подчинения, где каждый уровень отслеживает деятельность нижестоящего. В классическом тейлоризме, в свою очередь, акцент делается на научной организации труда: дроблении операций, нормировании времени и постоянном измерении производительности.

Цифровой контроль и алгоритмическое управление во многом наследуют эти подходы, усиливая их за счёт технических средств. Исследователи описывают это как переход к «цифровому тейлоризму», при котором алгоритмы фиксируют каждое действие работника, разбивая рабочий день на измеряемые микрозадачи и сопоставляя их с заданными эталонами [1; 3; 8]. В отличие от классического тейлоризма, где измерение требовало участия наблюдателя, цифровые системы осуществляют мониторинг автоматически и непрерывно.

Дисциплинарная власть и паноптицизм

М. Фуко в своих работах о дисциплинарной власти и паноптическом принципе показал, как постоянное и потенциальное наблюдение превращается в механизм самодисциплинирования: индивид начинает вести себя так, словно за ним всегда следят. В современной литературе подчёркивается, что цифровой мониторинг труда создаёт условия для «практически паноптической» рабочей среды, в которой любые действия могут быть зафиксированы, сохранены и проанализированы в будущем [2; 7; 9].

В отличие от классического паноптикона, где наблюдатель физически присутствует, цифровые системы делают наблюдение распределённым и опосредованным: работник взаимодействует не с конкретным контролёром, а с интерфейсом платформы, приложением, системой отчётности. Это смещает центр власти от отдельных менеджеров к алгоритмическим системам, которые задают правила игры, нормируют поведение и формируют «поле возможного».

Понятие алгоритмического управления

В последние годы в международных исследованиях активно закрепляется термин algorithmic management – алгоритмическое управление. Под ним понимают использование программных алгоритмов, опирающихся на собираемые данные, для координации труда: распределения задач, планирования смен, мониторинга активности, оценки результативности и применения санкций или поощрений [1; 2; 3; 6].

Согласно ряду работ, алгоритмическое управление сочетает в себе:

- интенсивный сбор и анализ данных о действиях работников;
- автоматизированное принятие управленческих решений или жёсткую алгоритмическую подсказку менеджерам;
- обратную связь через цифровые интерфейсы (рейтинги, баллы, уведомления, метрики).

Особое внимание уделяется тому, что алгоритмическое управление не ограничивается платформенной занятостью (курьеры, такси), а всё активнее внедряется в «традиционные» организации – склады, логистику, офисную и интеллектуальную работу [1; 2; 3; 6].

Цифровой контроль как социальный институт

Исследования цифрового мониторинга и people analytics подчёркивают, что речь идёт не только о техническом инструменте, но и о новом социальном институте, встраивающемся в систему трудовых отношений. Цифровой контроль перераспределяет полномочия между менеджментом, ИТ-специалистами и работниками, меняет границы приватности и допустимости наблюдения, влияет на уровень доверия в организации [7; 8; 9].

Современные обзоры показывают, что чрезмерный мониторинг и непрозрачное использование данных могут вести к снижению доверия, росту конфликтности, ощущению несправедливости и подрыву мотивации. При этом сами организации нередко воспринимают алгоритмическое управление как нейтральную и объективную технологию, «освобождённую» от человеческих предубеждений, что усиливает риск невидимой дискриминации и закрепления социальных неравенств на уровне кода [2; 6; 9].

Таким образом, теоретический анализ позволяет рассматривать цифровой контроль и алгоритмическое управление как гибридный режим власти, сочетающий элементы бюрократии, тейлоризма и дисциплинарной власти, но реализуемый через цифровые инфраструктуры и алгоритмы. Это задаёт рамку для дальнейшего рассмотрения того, как именно эти механизмы проявляются в реальных организациях и какие социальные эффекты они порождают.

Особенности цифрового контроля и алгоритмического управления в современных организациях

Цифровой контроль и алгоритмическое управление имеют ряд специфических черт, отличающих их от классических форм бюрократического и административного контроля. Эти особенности связаны с характером собираемых данных, логикой алгоритмов и тем, как работники сталкиваются с управлением в повседневной практике.

Технологическая инфраструктура: от мониторинга к «оцифровыванию» труда

Современные системы электронного мониторинга позволяют фиксировать широкий спектр действий работника: вход и выход из систем, скорость выполнения операций, маршруты перемещения, использование приложений, активность в корпоративных платформах и т.п. Исследования показывают, что речь идёт не только о наблюдении, но и о более глубоком процессе **datafication** – превращения повседневных практик в данные, пригодные для автоматизированного анализа и сравнения [2; 3; 6].

На этом основании формируются метрики производительности, рейтинги, показатели «эффективности» или «надёжности» работника. В ряде компаний подобные системы интегрируются с HR-практиками: данные мониторинга используются при принятии решений о премиях, повышении, распределении нагрузок или, напротив, о санкциях и увольнениях. Переход от эпизодического контроля к постоянной цифровой фиксации создаёт принципиально иной режим наблюдения, в котором почти любое действие может иметь управленческие последствия [2; 3].

Алгоритмы как «невидимые менеджеры»

Ключевой особенностью алгоритмического управления становится делегирование части управленческих функций программным алгоритмам. В платформенной занятости (курьерские службы, такси, сервисы доставки) именно алгоритмы распределяют заказы, рассчитывают стоимость, определяют приоритеты доступа к работе и могут деактивировать аккаунт работника [1; 2; 3; 6].

Однако в последние годы аналогичные подходы распространяются и на «обычные» организации: алгоритмы формируют графики смен, рекомендуют руководителю, кого поощрить или кому сократить бонус, выявляют «отклонения» в поведении на основе больших массивов данных [2; 3; 4].

Для работников это означает столкновение не столько с личной волей конкретного менеджера, сколько с логикой системы, скрытой в программном коде. Решения, влияющие на доход, нагрузку и карьеру, предъявляются как результат «объективного» расчёта, тогда как реальные критерии и допущения алгоритма часто остаются непрозрачными. Тем самым усиливается асимметрия власти: организация получает расширенные возможности воздействия, а работник – ограниченный доступ к информации и слабые механизмы обжалования алгоритмических решений.

Усиление наблюдения и трансформация доверия

Систематический обзор исследований электронного мониторинга показывает, что цифровое наблюдение за работниками связано не только с изменением форм контроля, но и с трансформацией доверия в организации. С одной стороны, работодатели объясняют внедрение систем мониторинга необходимостью повысить прозрачность, предотвратить злоупотребления и обеспечить справедливую оценку вклада каждого. С другой стороны, сотрудники нередко воспринимают постоянный контроль как выражение недоверия, подозрительности и готовности к санкциям [7; 8; 9].

Эмпирические работы фиксируют, что чрезмерный мониторинг может сопровождаться ростом стресса, снижением удовлетворённо-

сти трудом и мотивации, переходом к «демонстративной» активности, ориентированной на показатели, а не на реальное качество работы. В результате цифровой контроль способен подрывать ту самую производительность, ради которой он внедряется, если не сопровождается прозрачной коммуникацией, возможностью обсуждения правил и механизмами защиты приватности [7; 9].

Противоречия между эффективностью и правами работников

Европейские и международные отчёты подчёркивают противоречивость последствий алгоритмического управления: с одной стороны, повышается управляемость и предсказуемость процессов, с другой – углубляются проблемы неравенства, дискриминации и уязвимости работников [4; 5; 10].

Алгоритмы, обученные на исторических данных, могут воспроизводить и усиливать уже существующие социальные неравенства, закреплять определённые группы в менее выгодных позициях. При этом работникам сложно выявить и доказать дискриминационный характер решений, поскольку правила работы алгоритмов скрыты за режимом коммерческой тайны или технической сложностью. Всё это усиливает запрос на правовое и этическое регулирование цифрового контроля, развитие механизмов прозрачности, права на объяснение алгоритмических решений и коллективное представительство интересов работников.

Социальные последствия цифрового контроля и алгоритмического управления

Внедрение цифрового контроля и алгоритмического управления отражается не только на организационных процессах, но и на повседневном опыте работников, структуре власти и характере взаимодействия в трудовых коллективах. Социологический анализ позволяет выделить целый ряд последствий, затрагивающих автономию, идентичность, стратегии поведения и формы конфликта.

Сокращение автономии и изменение профессиональной идентичности

Одним из ключевых последствий алгоритмического управления становится сокращение пространства профессиональной автономии. Там, где ранее работник опирался на экспертные знания, опыт и суждение, всё большую роль начинают играть предписания системы: маршрут, скорость, порядок действий, требования к коммуникации [1; 2; 3].

Для ряда профессий это означает сдвиг от понимания себя как субъекта, принимающего решения, к роли исполнителя алгоритмически заданных задач. В исследованиях платформенного труда и логистики подчёркивается, что работники начинают ощущать себя «продолжением приложения», а не полноправными участниками организации. Это влияет на профессиональную идентичность, снижает приверженность организации, усиливает готовность к уходу и поиск альтернативных форм занятости.

Рост психосоциальных рисков и изменение режимов стресса

Цифровой контроль сопровождается ростом психосоциальных рисков: ощущением постоянной наблюдаемости, страхом допустить ошибку, опасениями быть санкционированным за «отклонения» в показателях. Исследования показывают, что электронный мониторинг может ассоциироваться с повышением уровня стресса, тревожности и эмоционального истощения, особенно при непрозрачных правилах оценки и высокой интенсивности работы [7; 8; 9].

Алгоритмическое управление меняет и структуру стресса: если в традиционных организациях значительную часть напряжения формировали прямые взаимодействия с руководителем, то в условиях цифрового контроля источником стресса становятся интерфейсы и метрики. Работник ориентируется на «зелёные» и «красные» индикаторы, рейтинги, KPI-дашборды, что способствует формализации отношения к труду и смещению внимания с содержания деятельности на показатели.

Новые формы сопротивления и адаптации

Расширение цифрового контроля не означает пассивного подчинения работников. Социологические исследования фиксируют разные формы **сопротивления и адаптации**: от открытого обсуждения несправедливых правил до скрытых практик обхода алгоритмов.

Среди распространённых стратегий:

• «Игра с метриками» – ориентация на показатели, которые отслеживает система, в ущерб неформальным задачам, не попадающим в отчётность;

• использование «серых зон» алгоритма, когда работники находят способы минимизировать нагрузку или избегать санкций, оставаясь формально в рамках правил;

• коллективные формы сопротивления – обсуждение несправедливых решений, обращения к руководству, участие в профессиональных сообществах и профсоюзах, публичное освещение проблем цифрового контроля.

Одновременно многие работники вынуждены вырабатывать **адаптивные стратегии**, стремясь встроиться в алгоритмическую логику: учиться читать сигналы системы, планировать свою активность в соответствии с предсказуемыми реакциями алгоритма, принимать как данность постоянный мониторинг. Это ведёт к постепенной нормализации цифрового контроля и закреплению новых стандартов допустимого наблюдения [2; 3; 6].

Трансформация роли менеджера

Алгоритмическое управление меняет и положение линейных и средних менеджеров. С одной стороны, цифровые системы снимают с них часть рутинных задач: формирование графиков, подсчёт показателей, контроль соблюдения регламентов. С другой стороны, менеджеры сами оказываются объектами мониторинга, а их решения – предметом оценки со стороны вышестоящего руководства и цифровых отчётов.

Часть управленческих функций фактически передаётся алгоритмам, а менеджеры сталкиваются с дилеммой: следовать автоматическим рекомендациям или вступать в конфликт с системой, учитывая конкретный контекст и человеческий фактор. Это может вести к «размыванию» управленческой ответственности, когда негативные последствия решений приписываются алгоритму, а не конкретным субъектам, и одновременно – к росту напряжения между требованием «доверять данным» и необходимостью защитить интересы работников [3; 4; 5; 10].

Регулирование и управленческие стратегии в условиях цифрового контроля

Осмысление цифрового контроля и алгоритмического управления как новых форм власти в организациях ставит вопрос о том, как можно смягчать их негативные последствия и удерживать баланс между эффективностью и правами работников. Здесь пересекаются несколько уровней: правовое регулирование, деятельность профсоюзов и профессиональных сообществ, а также внутренние управленческие решения на уровне конкретных организаций.

Принципы ответственного использования цифрового контроля

В исследованиях, посвящённых этике цифрового мониторинга и алгоритмического управления, выделяется ряд принципов, соблюдение которых позволяет снизить риски для работников:

• **прозрачность** – ясное информирование сотрудников о том, какие данные собираются, как они используются, кто имеет к ним доступ и какие решения на их основе принимаются;

• **минимизация данных** – сбор только тех сведений, которые действительно необходимы для организации труда, без избыточного вмешательства в личную сферу;

• **соразмерность** – соответствие масштабов контроля характеру выполняемой работы и уровню ответственности;

• **право на объяснение** – возможность работника получить понятное объяснение алгоритмически принятого решения и оспорить его;

• **участие работников** – включение представителей трудового коллектива в обсуждение правил использования цифрового контроля и оценку его последствий.

Реализация этих принципов требует от организаций неформального подхода, в котором цифровой контроль рассматривается не как техническое обновление, а как изменение социального контракта между работодателем и работником.

Роль правового регулирования и коллективных акторов

Цифровизация управления трудом ставит новые задачи перед трудовым законодательством и институтами социального партнёрства. Обсуждаются вопросы правового статуса данных о трудовой деятельности, допустимых границ наблюдения, ответственности за дискриминационные алгоритмические решения, прав работников на доступ к информации и её коррекцию.

Профсоюзы и профессиональные ассоциации начинают включать тему цифрового контроля в повестку коллективных переговоров: добиваются ограничений на использование определённых видов мониторинга, требуют прозрачности алгоритмов распределения смен и вознаграждения, настаивают на закреплении в соглашениях права на «зону приватности» и отсутствие контроля вне рабочего времени. В ряде стран появляются рекомендации и «дорожные карты» по регулированию алгоритмического управления, разрабатываемые совместно государством, бизнесом и общественными организациями [4; 5; 10].

Для социологии управления важно, что цифровой контроль становится предметом не только внутриорганизационной политики, но и борьбы интересов различных социальных акторов, отражая более широкие конфликты вокруг распределения власти в цифровой экономике.

Организационные стратегии смягчения негативных эффектов

На уровне отдельных организаций возможен целый спектр управленческих стратегий, позволяющих снижать напряжение, связанное с цифровым контролем:

- **комбинирование алгоритмических решений с человеческим суждением** – использование алгоритмов как инструмента поддержки, а не подмены управленца;
- **ограничение санкционирующих функций систем мониторинга** и акцент на диагностике и помощи: выявление перегрузки, неэффективных процессов, потребности в обучении;
- **развитие каналов обратной связи**, в рамках которых работники могут сообщать о проблемах цифрового контроля, предлагать изменения и участвовать в корректировке правил;
- **обучение менеджеров** работе с данными и алгоритмами с учётом этических и социальных аспектов, а не только показателей эффективности.

Такие подходы позволяют сместить акцент с одностороннего контроля к более партнёрской модели, в которой цифровые технологии используются для повышения качества организации труда, а не только для усиления наблюдения и давления на работников.

Заключение

Цифровой контроль и алгоритмическое управление персоналом представляют собой одну из ключевых тенденций трансформации управления в современных организациях. Они опираются на сбор и анализ больших массивов данных о действиях работников, перераспределяют управленческие функции от людей к алгоритмам и формируют новый режим наблюдения, в котором почти любой аспект трудовой деятельности может быть измерен и сопоставлен с заданными метриками.

Социологический анализ показывает, что цифровой контроль нельзя рассматривать исключительно как нейтральный технический инструмент. Он вписывается в существующие структуры власти и подчинения, усиливая элементы бюрократического и тейлористского контроля, но одновременно привнося новые формы паноптического наблюдения и алгоритмического принятия решений. Это ведёт к сокращению профессиональной автономии, изменению профессиональной идентичности, росту психосоциальных рисков, появлению новых форм сопротивления и адаптации, трансформации роли менеджера [1–3; 7–9].

В то же время цифровой контроль не является однозначно негативным явлением: при ответственном использовании он может способствовать повышению прозрачности, выявлению перегрузки, улучшению организации труда. Ключевым становится вопрос о том, в чьих интересах и на каких условиях используются цифровые технологии: служат ли они исключительно целям усиления контроля или становятся частью более сбалансированной системы управления, учитывающей права и достоинство работников.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым эмпирическим анализом практик алгоритмического управления в различных отраслях, сравнением национальных моделей регулирования цифрового контроля, изучением влияния культурных и институциональных контекстов на восприятие мониторинга. Для практики управления важной задачей остаётся разработка таких моделей использования цифрового контроля, которые сочетали бы возможности технологий с соблюдением принципов справедливости, прозрачности и участия работников в принятии решений [4; 5; 10].

Литература

1. Duggan J., Sherman U., Carbery R., McDonnell A. Algorithmic management and app-work in the gig economy: A research agenda for employment relations and HRM // Human Resource Management Journal. 2019. Vol. 30, No. 1. P. 114–132.
2. Jarrahi M.H., Newlands G., Lee M.K. et al. Algorithmic Management in a Work Context // Big Data & Society. 2021. Vol. 8, No. 2. P. 1–14.
3. Wood A.J. Algorithmic Management: Consequences for Work Organisation and Working Conditions // JRC Working Papers on Labour, Education and Technology. 2021. No. 2021–07.
4. International Labour Office. The Algorithmic Management of Work. Geneva: ILO, 2021.
5. European Parliamentary Research Service. Digitalisation, Artificial Intelligence and Algorithmic Management at Work. European Parliament Study. Brussels, 2025
6. Mateescu A., Nguyen A. Explainer: Algorithmic Management in the Workplace. New York: Data & Society Research Institute, 2019.
7. Юдина М.А. Цифровой контроль труда – вызов времени // Государственное управление. Электронный вестник. 2022. № 92. С. 42–56.
8. Шевчук А.В. От фабрики к платформе: автономия и контроль в цифровой экономике // Социология власти. 2020. Т. 32, № 1. С. 30–54.
9. Зенкова М.С. Электронный мониторинг на рабочем месте: влияние на сферу труда // Образование и право. 2024. № 10. С. 454–460.
10. Новиков Д.А. Регулирование рабочего времени работников цифровых платформ: от правовых пробелов к алгоритмическим решениям // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18, № 3. С. 56–80.

DIGITAL CONTROL AND ALGORITHMIC MANAGEMENT OF EMPLOYEES: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF NEW FORMS OF WORKPLACE SURVEILLANCE AND CONTROL

Hakki Adnan M.A., Cojocar Danil N.
University under the Government of the Russian Federation

The article examines new forms of personnel management based on digital monitoring technologies and algorithmic decision-making. The digital transformation of work is accompanied by the spread of systems that track employees' actions in real time, automate performance evaluation and delegate managerial functions to algorithms. The paper offers a sociological analysis of digital control and algorithmic management as specific regimes of power and subordination in contemporary workplaces. Drawing on recent Russian and international research, it is shown that algorithmic management combines elements of classical bureaucratic control and "digital Taylorism", reinforcing standardization, transparency and formalisation of labour, while at the same time generating new risks of distrust, stress and reduced worker autonomy. The article reveals key contradictions in the implementation of digital control: between efficiency and trust, transparency and privacy, formal metrics and the substantive content of work. It is concluded that digital control should be considered not only as a technical tool for improving productivity, but also as a social institution that transforms power relations in organizations and requires new mechanisms of regulation and worker protection.

Keywords: digital control; algorithmic management; employee monitoring; digital transformation; digital Taylorism; sociology of management; power and control.

References

1. Duggan J., Sherman U., Carbery R., McDonnell A. (2019) Algorithmic management and app-work in the gig economy: a research agenda for employment relations and HRM. Human Resource Management Journal, 30(1), Pp. 114–132.
2. Jarrahi M.H., Newlands G., Lee M.K., Wolf C.T., Kinder E., Sutherland W. (2021) Algorithmic management in a work context. Big Data & Society, 8(2), Pp. 1–15.
3. Wood A.J. (2021) Algorithmic Management: Consequences for Work Organisation and Working Conditions. JRC Working Papers on Labour, Education and Technology, No. 2021/07.
4. International Labour Office (2021) The Algorithmic Management of Work. Geneva: ILO.
5. European Parliamentary Research Service (2025) Digitalisation, Artificial Intelligence and Algorithmic Management in the Workplace: Shaping the Future of Work. Brussels: European Parliament.
6. Mateescu A., Nguyen A. (2019) Explainer: Algorithmic Management in the Workplace. New York: Data & Society Research Institute.
7. Yudina M.A. (2022) Tsifrovoi kontrol' truda – vyzov vremeni [Digital labour control: a challenge of modern time]. Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik, No. 92, Pp. 42–56.
8. Shevchuk A.V. (2020) Ot fabriki k platforme: avtonomiya i kontrol' v tsifrovoi ekonomike [From factory to platform: autonomy and control in the digital economy]. Sotsiologiya vlasti, 32(1), Pp. 30–54.
9. Zenkova M.S. (2024) Elektronnyi monitoring na rabochem meste: vliyanie na sferu truda [Electronic monitoring in the workplace: impact on the sphere of labour]. Obrazovanie i pravo, No. 10, Pp. 454–460.
10. Novikov D.A. (2025) Regulirovanie rabochego vremeni rabotnikov tsifrovykh platform: ot pravovykh probelov k algoritmicheskim resheniyam [Regulation of working time of digital platform workers: from legal gaps to algorithmic solutions]. Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, 18(3), Pp. 56–80.

Медиация спортивных конфликтов: особенности и проблемы

Аппакова-Шогина Нурия Закариевна,
кандидат исторических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Поволжский государственный университет физической культуры, спорта и туризма»

Конфликтология как основа анализа спортивных конфликтов: структура и динамика, типы спортивных конфликтов. Управление спортивным конфликтом как вид конфликтологической практики. Возможность медиации как способа разрешения спортивного конфликта, ее плюсы и минусы. Важнейшим фактором эффективной медиации является медиатор. В статье рассмотрены конфликтологические и специальные компетенции спортивного медиатора, а также факторы его профессионализма, ключевым из которых является личность медиатора.

Ключевые слова: конфликтология, спортивный конфликт, медиация, управление конфликтом, медиатор, компетенции.

Введение

Конфликт – социально-психологическое явление, изучаемое конфликтологией. Конфликтология – прикладная научная дисциплина, возникшая на стыке социальной философии, истории, социологии, права, психологии, этики и др. В структуре науки выделяют теоретический и прикладной аспекты. Теоретические основы конфликтологии были заложены в работах О.Конта, В.Вундта, Л.Козера, Р.Дарендорфа, К.Боулдинга, Д.Бертона, Й.Галтунга, Х.Бродаля. [5,9,11]. Конфлитологические парадигмы рассматривают конфликт либо как позитивное, конструктивное явление (конфликтная парадигма) либо как негативное, разрушительное явление (интегративная парадигма).

Спорт – изначально конфликтогенная сфера, вытекающая из конкурентно-игровой природы спортивной деятельности: «быстрее, выше, сильнее»! Став массовым явлением, спорт столкнулся с непредсказуемыми последствиями спортивных конфликтов, выходящих далеко за пределы узко профессиональной спортивной деятельности: поражение в игре может приобрести широкий медиаотклик и выйти за рамки спорта, приобретают разрушительную силу, влияют на жизнь не только спортсменов, но и всего социума. Поэтому управление спортивными конфликтами сегодня выходит за пределы судейской компетенции и требует новых путей их разрешения.

Будучи сегодня масштабным социальным явлением, спортивные конфликты.

Изложение основного материала статьи

Любой конфликт формируется под действием объективных (социальных, организационных, управленческих) и субъективных (психологических, личностных) факторов. Следовательно, любой конфликт имеет объективную (независимую от человека) и субъективную (вытекающую из личностных особенностей человека) составляющие.

Участники (субъекты) конфликта имеют противоположные интересы, непосредственно или опосредованно влияющие на конфликтный процесс. Основными субъектами спортивных конфликтов являются спортсмены и спортивные команды, тренеры, арбитры и судьи, менеджеры, ученые, спортивные чиновники и спонсоры, медики, журналисты, спортивные клубы и федерации, педагоги спортивных образовательных учреждений, болельщики, производители спортивных товаров и услуг и т.д. Это обуславливает масштабность и разнообразие спортивных конфликтов. Цель субъектов конфликта – реализация значимых актуальных интересов. артикулируемые через позиции сторон. Реализация интересов конфликтантов возможна только при наличии ресурсов, которые можно условно разделить на объективные (силовые, финансовые, информационные, статусные ресурсы и число сторонников) и субъективные (личностный потенциал участника конфликта – его ценности и убеждения, воля, темперамент, опыт, знания, интуиция, интеллект, возраст и т.д.) ресурсы. Для кратких игровых конфликтов доминирующим ресурсом являются субъективные, в организационных спортивных конфликтах на первый план выступают объективные ресурсы.

Конфликт – развертывающийся во времени процесс, в связи с чем можно выделить следующие этапы в динамике спортивного конфликта: конфликтная ситуация (или предконфликт), инцидент, развитие конфликта до апогея и переход в стадию разрешения конфликта. В процессе развёртывания этапов конфликтного взаимодействия стороны применяю стратегии соперничества, компромисса, уступки или избегания. Завершается конфликт в следующих формах: поражение одной из сторон, разведение оппонентов при сохранении конфликтных интересов, компромиссная договоренность либо полноценное взаимовыгодное сотрудничество. В спортивном конфликте доминирующей стратегией, как правило, является соперничество, так как природа спортивной игры конфронтационна: «кто сильнее, тот и прав». Это является главным препятствием для гибкого поведения сторон в спортивном конфликте. В силу этого особое значение в урегулиро-

вании спортивных конфликтов играет «третья» сторона (судья, арбитр, тренер, менеджер), способная изменить разрушительные последствия проявления эмоционального соперничества.

К наиболее часто встречающимся спортивным конфликтам можно отнести:

1. Конфликт между игроками команды;
2. Спор о результатах соревнования;
3. Нарушение правил игры;
4. Конфликт между тренером и игроком;
5. Конфликты между болельщиками;
6. Этические конфликты, связанные, например, с этнической, половой или религиозной дискриминацией, неэтичным поведением игроков, межличностным агрессивным поведением во время игр или тренировок;
7. Финансовые споры между командами, игроками, спонсорами и другими заинтересованными сторонами по поводу контрактов, трансферов;
8. Спортивная конкуренция с использованием технологических достижений.

Современная конфликтология накопила большой опыт разрешения конфликтов. Формы разрешения спортивных конфликтов в самом общем виде можно разделить на юрисдикционные (публичные) и неюрисдикционные (конфиденциальные). К неюрисдикционным формам разрешения конфликтов относятся переговоры, спортивный омбудсмен, частный трибунал, третейский суд, спортивный арбитраж и медиация. Возникнув в середине 20 века как внесудебная социальная практика, медиация сегодня представляет собой эффективный способ управления спортивными конфликтами.

Медиация – форма управления конфликтом, основанная на добровольном взаимодействии конфликтантов с целью разработки обоюдно приемлемого решения при участии медиатора (посредника). Медиация исследуется давно и разносторонне в зарубежной литературе [2, 10, 19, 20 и др.]. Отечественная литература о медиации имеет не столь долгую историю, но уже накопила свой багаж как теоретических, так и прикладных исследований [1,8,16,17 и др.].

Медиация в спорте – явление не новое, но слабо исследованное. Проблемы спортивной медиации актуализированы в ряде научных публикаций [3,4, 6,7, 13, 14, 15, 18]. В этих публикациях рассматривается возможность применения медиации при урегулировании спортивных конфликтов, основные принципы спортивной медиации, развитие спортивной медиации в России и т.д.

Медиация изначально ориентирована на внедрение стратегии сотрудничества в поведение конфликтантов, будучи по природе своей процедурой примирения. В ходе нее оппоненты перестают искать правого и виноватого, но с помощью посредника обсуждают содержание конфликта и разные варианты решения конфликта, а затем вместе выбирают тот вариант, который обе стороны посчитают лучшим. Цель медиации – поиск не виновника, а решения проблемы. Успешная медиация имеет синергийную природу, так как разрешение конфликта осуществляется усилиями самих конфликтующих сторон через совместную разработку и принятие обоюдно приемлемого решения. Таким образом, к достоинствам спортивной медиации в сравнении с судебным процессом относится ее эффективность, психологический комфорт и экономические выгоды процедуры. При этих неоспоримых достоинствах медиация обладает рядом недостатков. Формулировка проблем, неготовность сторон к сотрудничеству, осознание собственных интересов участника и интересов его оппонента в конфликте, поиск приемлемого решения – все это может растянуть медиативный процесс на длительный срок и тем самым накладывает дополнительные сложности для его организации. Особое значение имеют высокие риски невыполнения принятых обязательств, так как медиативное соглашение не предусматривает юридических санкций, либо тактически использоваться для затягивания конфликта.

Спортивная медиация отличается от других форм медиации тем, что она учитывает специфические аспекты спорта, такие как правила игры, спортивные кодексы, а также этические и моральные принципы, которые регулируют поведение спортсменов и спортивных организаций. Одной из ключевых особенностей спортивной медиации является ее ориентированность на сохранение целостности спорта и поддержание его репутации. Процедура медиации предоставляет спортсмену явные преимущества: эффективность (добровольные договорённости выполняются по законам совести и чести), конфиденциальность (тайны спортсмена не раскрываются широкой публике), равноправие и защита интересов «слабой стороны» в конфликте «спортсмен – федерация», взаимный выбор медиатора и места проведения медиативной сессии. Таким образом, спортивная медиация является не столько юридическим, сколько социально-психологическим процессом.

Процесс медиации в спорте в Российской Федерации регулируется рядом законов:

1) федеральным законом № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 16 ноября 2007 года,

2) федеральным законом № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 7 июля 2010 года и др.

Медиативный процесс в целом регулирует закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». Этот закон определяет функции медиации, сферу ее применении; понятия, принципы и условия медиативной процедуры; выбор медиатора, сроки проведения медиативной сессии, условия ее прекращения и т.д..

Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» содержит статью 36 «Досудебный порядок урегулирования споров в области физической культуры и спорта». В статье этого закона отмечается, что спортивные федерации «вправе устанавливать обязательный … досудебный порядок урегулирования споров», то есть «вправе прибегать к процедуре медиации в порядке, установленном законодательством Российской Федерации». Медиативной процедуре могут быть подвержены конфликты, связанные с нарушением антидопинговых правил, с допуском спортсменов и команд к соревнованиям, договорными правами и обязательствами, статусом спортсменов, организацией соревнований, трудовые споры и т.д.

Важнейшим фактором успешной медиации в спорте является медиатор. Медиатор – нейтральный, незаинтересованный посредник, основной задачей которого является дать возможность участнику высказать свои претензии, осознать свои интересы и цели в конфликте, а также создать благоприятные условия для осознания интересов противоположной стороны, дать альтернативное видение конфликтной ситуации и помочь выработать взаимовыгодное соглашение. Множество дискуссий по поводу статуса и компетенций медиатора сходятся во мнении, что медиатор – не судья и не психолог. Иначе говоря, юридическое и психологическое образование и соответствующие практики формируют определенные профессиональные привычки, «ущербность», способные помешать эффективной медиации. Например, профессиональный спортивный судья обязан принимать итоговые решения, брать на себя ответственность за эти решения, играя главную роль в спортивной игре. Это может стать огромным психологическим препятствием для процедуры медиации, в которой итоговое решения должны принимать конфликтующие стороны. «Судейские» привычки могут привести к тому, что медиатор начнет предлагать, настаивать, а не посредничать. Психологическое консультирование также имеет свои особенности, способные негативно сказаться на процессе медиации, например, к скатыванию медиации в выяснение психологических причин конфликта, восприятие сторон медиации как субъектов психотерапевтического воздействия. При этом, безусловно, компетенции медиатора предусматривают юридическую и психологическую грамотность. Но в первую очередь спортивный медиатор должен обладать знаниями в спортивной сфере, а также обладать опытом спортивной деятельности. Законодательные акты определяют основные требования к медиатору: дееспособность, отсутствие возрастные ограничения, наличие высшего образования и дополнительного по вопросам применения процедуры медиации.

Таблица 1. Факторы профессиональной компетентности спортивного медиатора

Факторы		
Компетентность	Конфликтологические компетенции	Знания Умения Навыки
	Специальные компетенции	Знания Умения Навыки
Личностные характеристики	Способности	Когнитивные Коммуникативные Саморегуляции
	Направленность	Ценности Просоциальность
	Черты характера	Нравственность Воля Эмоции

Однако требования закона лишь формируют правовую «рамку» для спортивных медиаторов. Помимо конфликтологических знаний

и умений, он должен обладать специальными знаниями в сфере спорта, ему приходиться выступать в роли нейтрального консультанта при выработке окончательного соглашения, которое, хотя и составляется на основе принципов добровольности и добросовестности сторон, должно быть вынесено с учетом объективных и рациональных критериев [12]. При подготовке специалистов–медиаторов зачастую не учитывается профиль их деятельности, а характер требований к личности и профессиональным компетенциям медиаторов разных социальных сфер носит достаточно универсальный характер. Таким образом, при нарастающей потребности в развитии спортивной медиации, встает вопрос о факторах профессиональной компетентности спортивного медиатора. (см. табл. 1)

Рассмотрим содержание представленных факторов:

1. Конфликтологические компетенции:

1.1. Знания – теории конфликтологии, структуры и динамики конфликта, способов разрешения конфликта и т.д.; социологических, психологических, правовых основ конфликтологической практики;

1.2. Умения – анализировать конфликт; прогнозировать и оценивать последствия конфликта; выбирать и применять способы управления конфликтами. Умение оставаться нейтральным и беспристрастным при рассмотрении конфликтов. Умение планировать, организовывать и управлять медиативным процессом;

1.3. Навыки – диагностирования конфликта, распознавания конфликтных явлений в себе и в окружении; фасилитации и коучинга. Коммуникативные навыки: навыки активного слушания и невербальной коммуникации, умение задавать вопросы, навыки эмпатического взаимодействия с оппонентами. Навыки ведения переговоров: владение методикой «мягких» переговоров, способность определять позиции и интересы сторон, а также формировать компромиссное решение, формировать атмосферу сотрудничества сторон

2. Специальные компетенции, связанные со спецификой деятельности в сфере спорта

2.1. Знания – теории и методики спорта, спортивной этики, психологии субъектов спортивной деятельности (спортсменов, тренеров, спортивных арбитров, спортивных фанатов и др.), основ спортивного менеджмента, основ спортивного права, понимание специфики спортивных конфликтов и спортивного поведения в целом, знание правил игры.

2.2. Умения – работать с иерархически различными спортивными субъектами; работать одновременно с большим количеством субъектов спортивного спора; минимизировать негативные последствия для репутации спортсменов и спорта в целом.

2.3. Навыки – работать в «жестком» тайминге и условиях эмоционального прессинга, сопутствующих спортивным соревнованиям; применения кросс – культурной методологии при разрешении конфликтов в международном спорте

3. Личностные характеристики спортивного медиатора

Способности. Когнитивные способности: наблюдательность, способность к быстрому переключению внимания, память, диалектичность мышления, гибкость и широта мышления; интеллект. Коммуникативные способности – ораторские и риторические (способность применять тактику убеждения; искусство слушать и доносить ясную, убедительную и адаптированную к определенному слушателю информацию, коммуникативная гибкость и коммуникативный контроль). Способности к саморегуляции – умение управлять собственными чувствами, мыслями и поведением для достижения долгосрочных целей.

Характерологические особенности личности – морально – нравственные, волевые и эмоциональные характеристики (эмпатия; эмоциональный и социальный интеллект, стрессоустойчивость, терпимость, моральная нормативность, открытость опыту, психологическая гибкость).

Направленность личности – сознание ценности физической культуры и спорта, просоциальность – готовность к служению обществу и людям, готовность к миротворчеству.

Выводы

Спортивные конфликты приобретают масштабность и большое влияние на развитие общества. Управление спортивными конфликтами традиционными методами – судейством и арбитражом – сегодня не способны вполне удовлетворить эффективность их разрешения. Медиация может стать таким эффективным инструментом. Перспективность медиации предполагает не только ее пропаганду и юридическое обеспечение, но и подготовку специалистов-медиаторов, особенность которой заключается в сочетании общеконфликтологической и профессионально-спортивной компетентности, а также необходимыми личностными характеристиками.

Литература

1. Архипкина, А.С. Медиация как эффективный способ урегулирования споров: проблемы развития и механизмы внедрения / А.С. Архипкина. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017. – 109 с.

2. Бесемер, Х. Медиация. Посредничество в конфликтах / Х.Бесемер; перевод с нем. Н.В. Маловой. – Калуга: Духовное познание, 2004–172 с.

3. Благодарова, И.А. Медиация как способ разрешения спортивных споров / И.А. Благодарова // Четвертая Международная научно-практическая конференция «Спортивное право: перспективы развития»: материалы конференции – Москва: Ваш полиграфический партнер, 2010. – 159 с.

4. Бредихин, А.А. Досудебный порядок разрешения индивидуальных трудовых споров в сфере спорта: состояние и тенденции развития / А.А. Бредихин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. –№ 1. – С. 112–118

5. Бродаль, Х. Девять ступеней вниз, или Ссоры – конфликты–войны / Х.Бродаль // Знание – сила. – 1991. – № 11. – С. 60–66.

6. Воеводина, С.С. Эффективность применения форм разрешения спортивных споров в современных условиях / С.С. Воеводина, А.А. Тарасенко // Физическая культура, спорт – наука и практика. – 2016. – № 2. – С. 21–27

7. Буянова, М.О. Медиация как способ разрешения спортивных споров / М.О. Буянова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 131–137.

8. Давыдов, А. Спор о медиации. Раскол в России и медиация как стратегия его преодоления /А.Давыдов, В.Розин – М.: ЛЕНАНД, 2017. – 288 с.

9. Дарендорф, Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / Р.Дарендорф; перевод с нем. Л.Ю. Пантиной – Москва: РОССПЭН. – 2002. – 284 с.

10. Кернтке, В. Медиация как метод организационного развития. Работа с конфликтами – руководство к действию для руководителей / В.Кернтке, Д.Шплинтер, Л.Вюстехубе; перевод с нем. И. Тарасова. – СПб: Изд. Вернера Регена. – 2012. – 238 с.

11. Козер, Л. Функции социального конфликта / Л. Козер. – М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуал. Книги. – 2000. – 205 с.

12. Круглов, В.В. Перспективы развития спортивной медиации как института разрешения конфликтов (споров) в Российской Федерации / В.В. Круглов. // Актуальные проблемы российского права. – 2018. № 1 (86) – С. 95–101.

13. Марков, С.М. Спортивная медиация: опыт и перспективы/ С.М. Марков. // Третейский суд. 2014. – № 1 (91). – С. 149–156

14. Погосян, Е.В. Формы разрешения спортивных споров: монография / Е.В. Погосян. – М.: Волтерс Клувер, 2011. –160с.

15. Попов, Д.В. Медиация как социально-правовая технология разрешения споров в сфере физической культуры и спорта / Д.В. Попов. – Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – 2013. – 70 с.

16. Развитие медиации в России: теория, практика, образование / [Е.А. Носырева и др.]; под ред. Е.А. Носыревой, Д.Г. Фильченко – М.: Инфотропик Медиа. – 2012. – 590с.

17. Распопова, Н.И. Медиация / Н.И. Распопова. – М.: Юрайт. – 2024. –241с.

18. Руф, В.С. К вопросу о реализации основополагающих принципов в спортивной медиации / В.С. Руф. // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 23. – С. 519–526

19. Фридман, Г. Вызов конфликту. Понимающий подход в медиации / Г.Фридман, Д.Химмельстайн. – М.: МЦУПК, 2013. – 352с.

20. Bowling, D. Bringing Peace Into the Room: How the Personal Qualities of the Mediator Impact the Process of Conflict Resolution / D.Bowling, D.Hoffman. – San Francisco: Jossey-Bass, 2003. – 320p.

MEDIATION OF SPORTS CONFLICTS: FEATURES AND CHALLENGES

Appakova-Shogina N.Z.
Volga Region State University of Physical Education, Sports and Tourism

Conflictology as a basis for the analysis of sports conflicts: structure and dynamics, types of sports conflicts. Sports conflict management as a type of conflictological practice. The possibility of mediation as a way to resolve a sports conflict, its pros and cons. The most important factor in effective mediation is the mediator. The article examines the conflictological and special competencies of a sports mediator, as well as the factors of his professionalism, the key of which is the personality of the mediator.

Keywords: conflictology, sports conflict, mediation, conflict management, mediator, competencies

References

1. Arkhipkina, A.S. Mediation as an Effective Method of Dispute Resolution: Development Problems and Implementation Mechanisms / A.S. Arkhipkina. – Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2017. – 109 p.
2. Besemer, H. Mediation. Mediation in Conflicts / H. Besemer; translated from German by N.V. Malova. – Kaluga: Spiritual Knowledge, 2004–172 p.
3. Blagodarova, I.A. Mediation as a Method of Resolving Sports Disputes / I.A. Blagodarova // Fourth International Scientific and Practical Conference "Sports Law: Development Prospects": conference materials – Moscow: Your Printing Partner, 2010. – 159 p.
4. Bredikhin, A.A. Pre-trial Procedure for Resolving Individual Labor Disputes in Sports: Status and Development Trends / A.A. Bredikhin // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. – 2021. – No. 1. – P. 112–118
5. Brodal, H. Nine Steps Down, or Quarrels – Conflicts – Wars / H. Brodal // Knowledge is Power. – 1991. – No. 11. – P. 60–66.
6. Voevodina, S.S. Efficiency of Applying Sports Dispute Resolution Forms in Modern Conditions / S.S. Voevodina, A.A. Tarasenko // Physical Culture, Sports – Science and Practice. – 2016. – No. 2. – P. 21–27
7. Buyanova, M.O. Mediation as a Method of Resolving Sports Disputes / M.O. Buyanova // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law. 2023. No. 1 (52). P. 131–137.
8. Davydov, A. The Mediation Dispute. The Split in Russia and Mediation as a Strategy for Overcoming It / A. Davydov, V. Rozin – Moscow: LENAND, 2017. – 288 p.
9. Dahrendorf, R. Modern Social Conflict. An Essay on the Politics of Freedom / R. Dahrendorf; translated from German by L. Yu. Pantina – Moscow: ROSSPEN. – 2002. – 284 p.
10. Kerntke, W. Mediation as a Method of Organizational Development. Working with Conflicts – a Guide to Action for Managers / W. Kerntke, D. Shplinter, L. Wüstehube; translated from German. I. Tarasova. – St. Petersburg: Werner Regen Publishing House. – 2012. – 238 p.
11. Kozer, L. Functions of Social Conflict / L. Kozer. – Moscow: Idea-Press, House of Intellectual. Books. – 2000. – 205 p.
12. Kruglov, V.V. Prospects for the Development of Sports Mediation as an Institution for Conflict (Dispute) Resolution in the Russian Federation / V.V. Kruglov. // Actual Problems of Russian Law. – 2018. No. 1 (86) – pp. 95–101.
13. Markov, S.M. Sports Mediation: Experience and Prospects / S.M. Markov. // Arbitration Court. 2014. – No. 1 (91). – P. 149–156
14. Pogosyan, E.V. Forms of Sports Dispute Resolution: monograph / E.V. Pogosyan. – M.: Wolters Kluwer, 2011. –160 p.
15. Popov, D.V. Mediation as a Socio-Legal Technology for Resolving Disputes in the Sphere of Physical Culture and Sports / D.V. Popov. – Perm: Perm State National Research University. – 2013. – 70 p.
16. Development of Mediation in Russia: Theory, Practice, Education / [E.A. Nosyreva et al.]; edited by E.A. Nosyreva, D.G. Filchenko – M.: Infotropic Media. – 2012. – 590 p.
17. Raspopova, N.I. Mediation / N.I. Raspopova. – M.: Yurait. – 2024. – 241 p.
18. Ruf, V.S. On the Implementation of Fundamental Principles in Sports Mediation / V.S. Ruf. // Issues of Russian Justice. – 2023. – No. 23. – Pp. 519–526
19. Friedman, G. Challenging the Conflict. An Understanding Approach to Mediation / G. Friedman, D. Himmelstein. – M.: MCUPK, 2013. – 352 p.
20. Bowling, D. Bringing Peace Into the Room: How the Personal Qualities of the Mediator Impact the Process of Conflict Resolution / D. Bowling, D. Hoffman. – San Francisco: Jossey-Bass, 2003. – 320 p.

Анализ механизмов трансформации межличностных конфликтов в социальные: социально-философский ракурс

Абдрахманова Флорида Ривхатовна,
старший преподаватель БГПУ им. М. Акмуллы

Статья посвящена исследованию процесса эскалации межличностных конфликтов в конфликты социального масштаба. На основе анализа современных социально-философских концепций выявляются ключевые механизмы и факторы, обуславливающие данную трансформацию. Особое внимание уделяется роли цифровой среды как катализатора конфликтной динамики. В результате исследования разработан комплекс практических рекомендаций, нацеленных на блокировку механизмов эскалации для обеспечения социальной стабильности. Научная новизна работы заключается в синтезе классических социально-философских теорий с анализом вызовов цифровой эпохи и в предложении системы целевых рекомендаций.

Ключевые слова: межличностный конфликт, социальный конфликт, эскалация, механизмы трансформации, цифровая среда, социальная философия, управление конфликтом.

Проблема взаимосвязи микросоциальных и макросоциальных конфликтов приобретает в современную эпоху особую остроту. Локальные столкновения, возникающие на межличностном уровне, в условиях высокой связанности и медиатизированности общества способны стремительно трансформироваться в масштабные социальные противостояния. Данное исследование фокусируется на выявлении социально-философских оснований и конкретных механизмов, опосредующих этот переход. Целью работы является системный анализ процесса трансформации межличностного конфликта в социальный. Для её достижения решаются следующие задачи: выявить ключевые теоретические подходы к проблеме, описать механизмы трансформации и разработать практические рекомендации по сдерживанию эскалации. Актуальность исследования обусловлена ростом социальной напряженности в условиях цифровизации, где частные конфликты быстро приобретают публичный резонанс.

Методологический фундамент исследования

Методология исследования строится на интеграции нескольких взаимодополняющих подходов. *Сравнительно-теоретический анализ* позволяет сопоставить концепции различных философских школ и выявить универсальные закономерности трансформации конфликта. *Структурно-функциональный подход* используется для анализа латентных функций конфликта и его роли в социальной динамике, что особенно важно для понимания механизма групповой поляризации. Также применяется *критический дискурс-анализ* для изучения того, как конфликт конструируется, фреймируется и усиливается в пространстве публичных коммуникаций, включая цифровую среду. Такой синтез методов позволяет рассмотреть объект исследования комплексно, с разных ракурсов.

Концептуальные модели межличностного конфликта в социальной философии

Современная социальная философия предлагает ряд продуктивных моделей для понимания природы межличностного конфликта. Для систематизации анализа разделим их на две ключевые группы.

1. Коммуникативные и властные модели конфликта. Данная группа моделей акцентирует внимание на процессах взаимодействия и отношениях доминирования. Коммуникативная модель (Ю. Хабермас) исходит из того, что конфликты коренятся в систематических нарушениях процедур идеальной речевой ситуации. Современные цифровые коммуникации, с их анонимностью, редукцией социальных контекстов и алгоритмическим усилением поляризующего контента, создают структурные препятствия для взаимопонимания, провоцируя агрессию (Хабермас, 2021). Онлайн-среда становится не платформой для диалога, а ареной для столкновения монологов. Властно-репрессивная модель (М. Фуко) интерпретирует межличностный конфликт как микропроявление властных отношений. Власть, понимаемая не как запрет, а как продуктивная сила, пронизывает все уровни социального взаимодействия. Конфликт, таким образом, – это форма сопротивления воздействию этой «микрофизики власти» (Фуко, 2020). Личный спор с начальником – это не просто спор двух людей, а столкновение с дисциплинарной логикой института, что создает потенциал для его структурализации.

2. Ценностно-идентификационные и структурные модели. Вторая группа моделей фокусируется на ценностных и групповых аспектах. Ценностно-идентификационная модель (Ч. Тейлор, Дж. Грей) акцентирует роль идентичности и систем ценностей. В условиях плюрализма современного общества конфликты часто возникают из-за непризнания или неуважения к различным формам идентичности (Тейлор, 2021). Межличностное столкновение может мгновенно приобрести идеологическое измерение, если его участники воспримут его как атаку на свою групповую принадлежность или базовые ценности (Грей, 2020). Этот процесс непосредственно ведет к групповой поляризации. Структурная модель (Э. Дюркгейм), в свою очередь, объясняет предрасположенность общества к такой поляризации. Ослабление общих коллективных норм и ценностей (аномия) приводит к тому, что межличностные конфликты теряют свои сдерживающие рамки и легко перерастают в более масштабные формы противостояния.

Система механизмов трансформации конфликта

На основе синтеза рассмотренных теорий можно выделить три взаимосвязанных механизма, объясняющих, как частный конфликт перерастает в публичный. Проиллюстрируем каждый из них конкретными примерами.

1. Механизм институциональной легитимации. Данный механизм описывает процесс, при котором личный спор переводится в плоскость институционального противостояния. Конфликт из сферы личных отношений переносится в правовое, политическое или административное поле. Примером может служить трудовой спор между рядовым сотрудником и непосредственным руководителем по поводу несправедливого распределения нагрузки. Если руководство игнорирует проблему, сотрудник, опираясь на трудовой коллектив, может инициировать обращение в профсоюз или государственную трудовую инспекцию. Таким образом, межличностный конфликт трансформируется в официальный спор между коллективом работников и администрацией предприятия, то есть приобретает черты социального конфликта, где стороны апеллируют к формальным нормам и институтам.

2. Механизм групповой поляризации. Этот механизм запускается, когда участники конфликта и их сторонники начинают осознавать себя частью более крупной социальной группы, противопоставленной другой группе. Происходит упрощение сложной картины до бинарной оппозиции «мы – они». В качестве примера можно рассмотреть конфликт на почве бытового шума между жильцами многоквартирного дома. Изначально это столкновение двух соседей. Однако, если один из них начинает искать поддержки в чате дома или социальных сетях, формируются две группы: «родители с маленькими детьми» (которым мешает шум) и «молодежь, имеющая право на отдых» (которую обвиняют в шуме). Конфликт теряет персональный характер и превращается в ценностное противостояние двух социальных групп с разным образом жизни и притязаниями на общее пространство. Данный процесс находит свое отражение в исследованиях социально-психологических аспектов конфликтов, где подчеркивается роль групповой идентичности и атрибуции в эскалации противостояния (Зекрист, 2022).

3. Механизм медиатичного усиления. В современном обществе этот механизм играет ключевую роль. Цифровые платформы действуют как мощный усилитель и ускоритель. Рассмотрим на примере: локальный инцидент в кафе, когда посетитель публично высказал претензию другому посетителю за поведение его ребенка. Очевидец снимает эмоциональную реакцию сторон на видео и выкладывает в социальные сети, снабдив его провокационным заголовком («Хамство в общественном месте»). Видео, лишенное контекста предшествующих событий, становится вирусным. В комментариях разворачивается масштабная дискуссия, участники которой разделяются на «лагерь защиты детей» и «лагерь борцов за общественный порядок». Конфликт из единичного случая превращается в публичный скандал с привлечением СМИ, что наглядно демонстрирует работу теорий Тарда о подражании и Хабермаса об искажении коммуникации.

Практические импликации и рекомендации

Выявленные механизмы позволяют сформулировать не общие призывы, а целевые меры противодействия эскалации.

Нейтрализация институциональной легитимации. Развитие и популяризация эффективных досудебных и внесудебных процедур урегулирования споров (медиация, переговоры). Это позволяет разрешать конфликты на ранней стадии, не доводя их до уровня изматывающего институционального противостояния, которое лишь закрепляет раскол.

Смягчение групповой поляризации: Целенаправленное создание в обществе пространств для cross-cutting social ties (перекрещивающихся социальных связей). Речь идет о поддержке локальных проектов и институтов (например, соседских центров, межгрупповых рабочих комитетов), где представители разных социальных групп вынуждены сотрудничать для достижения общих целей, что разрушает жесткие бинарные оппозиции «мы – они».

Сдерживание медиатичного усиления. Внедрение программ по развитию критической цифровой грамотности, обучающих граждан распознавать манипулятивные техники, информационные искажения и провокационные фреймы. Продвижение этики цифровой коммуникации, направленной на деэскалацию и верификацию информации перед ее распространением.

Ограничения и перспективы дальнейших исследований

В рамках данной работы не была затронута региональная и культурная специфика проявления описанных механизмов, которая, безусловно, влияет на их интенсивность и формы. Перспективным направлением для будущих исследований представляется сравнительный анализ трансформации конфликтов в обществах с разным уровнем социального капитала и доверия к институтам. Кроме того, требует отдельного изучения роль искусственного интеллекта и алгоритмов рекомендательных систем в современном цифровом ландшафте как нового фактора, потенциально способного автономно генерировать и усиливать конфликтогенный контент.

Заключение

Проведенный анализ демонстрирует, что трансформация межличностного конфликта в социальный не является спонтанной, а подчиняется действию конкретных социальных механизмов. Эти механизмы – институциональной легитимации, групповой поляризации и медиатичного усиления – были выявлены на основе синтеза ключевых социально-философских концепций XX–XXI веков. Разработанные рекомендации носят прикладной характер и нацелены на блокировку данных механизмов на разных уровнях социальной организации.

Такой комплексный подход способствует не только теоретическому пониманию природы социальных конфликтов, но и выработке эффективных стратегий для поддержания общественной стабильности в условиях нарастающей неопределенности и сложности. Новизна проведенного исследования заключается в синтезе классических социально-философских теорий с анализом вызовов цифровой эпохи и в предложении системы целевых рекомендаций, нацеленных на блокировку конкретных механизмов эскалации.

Литература

1. Ахременко, Л.С. (2021). Межличностные конфликты в современном обществе. СПб: Питер.
2. Андрюшина, О. (2022). Социальная изоляция и цифровой конфликт. М.: Инфра- М.
3. Вебер, М. (2021). Протестантская этика и дух капитализма. М.: Юрайт.
4. Дюркгейм, Э. (2021). Правила социологического метода. М.: Академический проект.
5. Зекрист, Р.И. (2022). Социально-психологические детерминанты эскалации межгрупповых конфликтов в виртуальной среде // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. Т. 28. № 1. С. 145–167.
6. Поппер, К. (2020). Логика научного исследования. М.: АСТ.
7. Тард, Г. (2020). Законы подражания. М.: Канон+.
8. Фуко, М. (2020). Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem.
9. Хабермас, Ю. (2021). Между фактом и нормами. М.: Юрайт.

ANALYSIS OF THE MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF INTERPERSONAL CONFLICTS INTO SOCIAL CONFLICTS: A SOCIAL AND PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Abdrakhmanova F.R.
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

This article examines the escalation of interpersonal conflicts into social conflicts. Based on an analysis of modern socio-philosophical concepts, the key mechanisms and factors driving this transformation are identified. Particular attention is paid to the role of the digital environment as a catalyst for conflict dynamics. The study resulted in the development of a set of practical recommendations aimed at blocking escalation mechanisms to ensure social stability. The scientific novelty of the work lies in the synthesis of classical socio-philosophical theories with an analysis of the challenges of the digital age and in the proposal of a system of targeted recommendations.

Keywords: interpersonal conflict, social conflict, escalation, transformation mechanisms, digital environment, social philosophy, conflict management.

References

1. Akhremenko, L.S. (2021). Interpersonal conflicts in modern society. St. Petersburg: Piter.
2. Andryushina, O. (2022). Social isolation and digital conflict. Moscow: Infra- M.
3. Weber, M. (2021). The Protestant ethic and the spirit of capitalism. Moscow: Yurait.
4. Durkheim, E. (2021). Rules of the sociological method. Moscow: Academic project.
5. Zechrist, R.I. (2022). Social and psychological determinants of the escalation of intergroup conflicts in the virtual environment // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. Vol. 28. № 1. Pp. 145–167.
6. Popper, K. (2020). The Logic of Scientific Research. Moscow: AST.
7. Tarde, G. (2020). Laws of Imitation. Moscow: Canon+.
8. Foucault, M. (2020). Discipline and Punish. Moscow: Ad Marginem.
9. Habermas, J. (2021). Between Fact and Norms. Moscow: Jurait.

Социально-философский и социолингвистический анализ интерпретаций православия и традиций в России XIX – начала XX века

Архимандрит Афанасий (Голенко),
соискатель, кафедра философии и религиоведения? Владимирский государственный университет им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
настоятель Свято-Георгиевского храма д. Рассыльная, клирика Орловской епархии

Статья посвящена исследованию социально-философского и социолингвистического анализа интерпретаций православия и традиций в России XIX – начала XX века. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование роли православия и традиций в России с начала XIX века. Настоящая статья предлагает социокритическую и социолингвистическую реконструкцию интерпретаций православия и традиций в России XIX–начала XX века. Постулируется о том, что с начала XIX века православие выступало не только как религиозная система верований, но и непосредственно как источник нравственных норм, социального порядка и национальной идентичности. Автор отмечает, что в философии данного времени заметны две ключевые направления, где с одной стороны, богословские и мистико-научные движения искали гармонию между верой и научными достижениями, а с другой стороны, либеральные и реформаторские настроения сопровождали стремление переосмыслить церковное учение в рамках современного общества. Одновременно с этим, автор отмечает, что социально-философский анализ фиксирует, что православие становится не столько абсолютизированной догмой, сколько живой культурной структурой, позволяющей объяснить место человека в обществе, ответственность перед ближним и взаимоотношения между личной совестью и церковной иерархией.

Ключевые слова: православие, традиции, социальная философия, политическая философия, социолингвистический анализ, духовное ядро, русская национальная культура.

Как известно, взаимосвязь между идентичностью, языком и социально-культурными трансформациями, которые выступают ключевыми двигателями изменений в религиозной жизни населения, всегда остаются в центре внимания религиозных дискурсов. Новая денотация начинает утверждаться с XIII века, когда Константинополь подпадает под юрисдикцию Рима как столица «Empire latin de Constantinople», а Русь становится частью глобального «Pax Tatarica». Прежнее братство «христианских народов» трансформируется в политические конфликты «греков», «руси», «славян», «немцев», «фрязей», «латыне» и т.п. между собой и с «бесерменинами», «сарацинами», «агарянами», «моавитянами», «турками» и т.п. В этот период, слово «православие» начинает применяться для разделительного обозначения «царского правоверия» («сияющего благочестия» и т.п.) Москвы, когда, к примеру, в летописном свидетельстве о походе войска Ивана III на Новгород (1471 г.), событие описывалось буквально как война «православия» против «неверных», уподобляемых «безбожному Мамаю». Официально элиты этого нового геополитического центра мира относили себя к «святой непорочной православной хрестьянской вере греческого закона» [1].

В контексте эпохи Реформации «царское правоверие» Москвы начинает поддерживаться охранительными нормами «Соборного уложения» (1648 г.) и «12 статей царевны Софьи» (1685 г.), становясь «конфессионимом», утверждающим строгий моноконфессионализм общества, подчеркивая солидарность «дворца», «храма», «кельи», «усадьбы» и «избы», в противостоянии всем «церковным мятежникам», заслуживающим смертной казни. Выход из «царского правоверия» признавался уголовным преступлением до 1905 года. Вместе с тем, денотации и коннотации меняются в XVIII веке, когда власть, в духе норм «Вестфальского мира» (1646 г.), стала допускать сосуществование господствующей «Всероссийской Церкви» (в терминах «Духовного регламента», 1721) с «верами иностранцев», а все особые вероисповедания обобщенно именовать собирательным термином «религия». Философы начинают обсуждать концепции всеобщей «истинной религии» и «христианства вообще», отделяя «грубые верования народа» (местные «ортодоксии», «православия»), различные в разных странах, от «утонченной веры» просвещенной элиты, признававшей единство и универсализм «нашей святой религии», как, к примеру, это описывала Екатерина Вторая.

С начала XIX века православие выступало не только как религиозная система верований, но и непосредственно как источник нравственных норм, социального порядка и национальной идентичности. В философии данного времени заметны две ключевые нитки: с одной стороны, богословские и мистико-научные движения искали гармонию между верой и научными достижениями, с другой стороны, либеральные и реформаторские настроения сопровождали стремление переосмыслить церковное учение в рамках современного общества. Стоит сказать, что социально-философский анализ фиксирует, что православие становится не столько абсолютизированной догмой, сколько живой культурной структурой, позволяющей объяснить место человека в обществе, ответственность перед ближним и взаимоотношения между личной совестью и церковной иерархией. В этот период формируются темы церковной реформы, роли монастырей и образовательных учреждений, взаимодействия религии и государств, а также осмысления роли православия в национальном самосознании и в международных контактах Российской империи.

Как мы ранее уже отмечали, понятие «православие» имеет двойственную природу, где с одной стороны, оно указывает на вероучительное содержание христианской традиции, с другой – на культурно-цивилизационный тип, формирующий особую систему мировоззренческих координат. В отличие от западных форм христианства, где акцент делается на рационалистической догматике и индивидуализме, православие изначально выстраивает себя как синтез духовной, общинной и культурной идентичности [2].

Вышесказанное позволяет заключить, что православие на протяжении столетий являлось духовным ядром русской национальной культуры, и в русском языке лексические единицы с религиозной семантикой прослеживаются на огромном временном отрезке. Априорная авторитетность языка церкви позволяла носителям русского язы-

ка воспринимать его как особый инструмент для постижения смысла бытия и истины. Сложность интерпретации современного феномена «поправославного консенсуса» и его парадоксов отмечают социологи. Отдельного анализа требует и тот лингвистический факт, что в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) за 1700–2013 годы слово «православие» встречается в 933 документах при 2228 вхождениях (начиная с 1709 года), при этом за весь XVIII век оно встречается только в 5 текстах, «пики» его употребления приходятся на XIX век (1888–1891 гг.), а основной массив тестов, как ни парадоксально на первый взгляд, относится к XX веку, когда советская власть решила, что «религия отмирает». При этом исследования древнерусской литературы выявляют интересный парадокс: слово «православие» встречается с 1246 года, а «православный» с 1076 года. Этимологические исследования утверждают, что слово «православие» является калькой с греческого «ὀρθοδοξία», среди значений которого присутствует, как ни удивительно, и «невиновный». Первое употребление этого греческого слова, в свою очередь, восходит к «Строматам» Климента Александрийского, который обозначил им «людей доброй води», т.е. тех, кто искренне считает, «в отличие от подъярёмного скота», работающего, подобно рабам, только из страха наказания, что «должны творить добрые дела, ясно понимая, что делают».

Конечно, русский язык развивался вместе с национальным самосознанием, которое формировалось на основе христианского мировоззрения, и органически вобрал в себя православную культуру – более того, он стал важным элементом этой культуры.

Оно соединяет религиозное измерение с национальными и историческими особенностями тех обществ, в которых укореняется, становясь не просто конфессиональной принадлежностью, но формой коллективного сознания и культурной памяти.

Отношениями человека с неизвестным ему мирозданием занимается, среди прочего, лингвистика, где различают «референцию», т.е. отсылку к внетекстовым и экстралингвистическим реалиям («объективности», «реальности как таковой» и т.п.), с одной стороны, и, с другой, «символизацию», т.е. то, как эта «объективность» представлена в текстах, совокупностях «знаков» (слов, терминов, лексем и т.п.). У этих знаков, в свою очередь, различают «денотаты» (т.е. обозначение ими «реалий», того, что «есть само по себе») и «коннотаты» (т.е того, как относятся к тому, что есть само по себе). Сам факт наименования является парадоксальным действием, поскольку за ним стоит стремление описать «неопределенное» как некую «однородность», которая для многих тождественна исключительно с РПЦ, тогда как для некоторых других – с «Древней Ведической Русской национальной Религией». «Православие», с одной стороны, выступает как экстралингвистический феномен, социологически данный через парадоксы «проправославного консенсуса» в России.

С другой стороны, некоторые его представители могут выводить происхождение данного феномена от «сотворения мира» или «пятидесятницы», хотя в «Национальном корпусе русского языка» (НКРЯ) за современный период (1700–2013 гг.), слово «православие» (на 25.12.2018 г.) встречается в 933 документах, начиная с 1709 года, однако при этом за весь XVIII век оно присутствует только в 5 текстах, «пики» его употребления приходятся на XIX век (1888–1891), но основной массив (около 800) приходится на XX век, когда власть утверждала, что «религия отмирает». Исследования древнерусской литературы выявляют еще один парадокс того, что слово «православие» встречается с 1246 года, а «православный» с 1076 года. Кроме того, с XIX века в русском языке, согласно НКРЯ, утверждается дополнительная лексема «ортодоксия», оставшаяся только книжным словом, с которым коннотирует 1) «твёрдая приверженность чему-либо, неуклонное следование какому-либо учению или мировоззрению» («марксистско-ленинская ортодоксия», «ортодоксальный атеист», «ортодоксальный иудей» и т.п.) и 2) «правоверие, неуклонное следование традиционному учению Церкви». Парадоксом является и то, что не принято говорить про «православных марксистов» или «православных иудеев», однако есть «православные атеисты», как и «православные члены КПРФ» [3].

В целом, начало XIX века было временем стремительного усложнения, то есть модернизации и функциональной дифференциации общества. Православие в странах византийской и восточнославянской традиции воспринималось не только как религиозная система, но и как фундамент национальной и культурной идентичности. В эпоху Просвещения и первых волн модернизации оно включалось в философские и общественные дискуссии как источник моральных норм и социокультурной устойчивости. Православная церковь выполняла функцию института, поддерживающего общественный порядок, семейные ценности и преемственность нравственных традиций. Таким образом, «православие» в этот период осмысливалось не только как вера, но и как модель социокультурного бытия, обеспечивающая стабильность и иерархическую целостность общества.

Во второй половине XIX века формируется новое осмысление православия – как культурно-философской силы, способной объединить духовную традицию с задачами модернизации. Возникает интерес к религиозной философии, гуманистическому измерению веры и к социальной функции церкви. Православие всё чаще трактуется как фактор общественного развития, ориентированный на сочетание духовных основ с образовательными и благотворительными реформами. Понятие «православие» начинает включать не только догматический, но и антропологический, культурный и этический аспекты, что отражает переход от конфессиональной замкнутости к открытой модели взаимодействия с обществом.

К началу XIX века православие действительно вступило в эпоху ускоренной модернизации и социальной дифференциации. С философской точки зрения это проявилось в нескольких взаимосвязанных направлениях, которые можно рассматривать через призму социально-философских концепций и практик.

Во-первых – это переосмысление роли веры в системе государственной власти. В условиях роста бюрократии, светского образования и государственных реформ православное духовенство столкнулось с вопросами своей компетентности в сфере государственного управления, образования и благотворительности. С философской точки зрения это означало смещение акцента с чисто теологического доктринерства на функцию церкви как института, формирующего моральные ориентиры в повседневной и гражданской жизни. В ходе полемики того времени церкви были предложены новые формы социальной ответственности: благотворительные учреждения, детские дома, образование и этическое руководство в рамках государственной программы модернизации.

Во-вторых – это переход от сакральной монополии на знания к участию в светском образовании и культурной жизни. В православных странах началось создание схоластических и образовательных сетей, где духовенство стало участвовать в преподавании языков, истории и нравственной философии. Это породило новый пласт дискуссий в рамках церковной мысли о границе между верой и разумом, взаимосвязи между теологическим и философским методами и о том, как религиозная традиция может обосновывать этические принципы в светском образовании и праве.

В-третьих – расширение интерпретаций в рамках православной традиции. Модернизация сопровождалась пониманием разнообразия культурных контекстов, в которых присутствовало православие – от восточных православных стран до Балкан и России. Философские тексты того времени начали учитывать местные обычаи, ритуалы и культурный опыт, что впоследствии привело к внутрицерковному плюрализму в формах богослужения, духовной практике и теологической интерпретации. Это различие подчеркивало, что вера может сохранять свою самобытность в различных культурных и исторических условиях [4].

В-четвертых – это изменение отношения государства к религии. В некоторых регионах государство пыталось реформировать церковь, вводя элементы светского управления и контроля над образованием и культурной жизнью, в то время как в других случаях церковь сохраняла значительную автономию. Философским результатом этого стало переосмысление социального статуса церкви: не только как морального арбитра, но и как партнера в формировании гражданской этики в меняющейся правовой среде. Проблема религиозной свободы и терпимости стала предметом моральных споров и политической практики.

Таким образом, на рубеже XIX–XX веков усиливаются процессы секуляризации и национализации, в результате чего перед православием встаёт вопрос о сохранении идентичности в условиях ускоренной модернизации [5]. В начале XIX века возникли новые идеалы благотворительности и социальной ответственности, согласно которым православие в ответ на повседневные и экономические вызовы видит свою миссию в оказании помощи нуждающимся, обучении детей и поддержке семей. Это переводит религиозную этику в плоскость социального служения, которое впоследствии становится одним из ключевых аспектов православной социальной мысли. Возникают дебаты о роли церкви в государстве, о её автономии и о месте религиозной этики в науке, политике и экономике. В этом контексте термин «православие» приобретает политико-культурное измерение: он обозначает не только религиозную принадлежность, но и особый способ общественного самосознания, в котором вера, история и национальная идея соединяются в единую культурную матрицу.

После 1917 года православие сталкивается с радикальной трансформацией своего общественного статуса. В советский период оно подвергается системной секуляризации и институциональному огра-

ничению, что приводит к его частичному вытеснению из публичной сферы [6]. Однако в эмигрантской мысли и позднее – в постсоветской культуре – православие переосмысляется как этическое и культурное наследие, формирующее гражданскую идентичность и моральную автономию личности. В философском дискурсе этот термин начинает обозначать не только религиозную систему, но и форму духовного сопротивления секулярному абсолютизму, источник милосердия, социальной ответственности и внутренней свободы.

Так, «православие» светскими элитами того столетия могло пониматься как «главная религия Российской империи» и один из «толков» христианства, который в церковных кругах мог коннотировать с «истиной верой» и «правоверием», отрицательно характеризуя «иноверцев» («басурман» и т.п.) [7]. Новые коннотации утверждаются светскими элитами в контексте поворота в XIX веке к «народности» («триада»).

Основной массив (около 800) текстов, доступных в НКРЯ, приходится на XX век, в начале которого слово «православие» начинает выступать в качестве разделительного обозначения юрисдикции «Православной российской церкви» (в терминах документов Поместного собора, 1917–1918), вышедшей из «синодального пленения», но быстро утратившей юридическую и институциональную самостоятельность. В 1919–1943 это слово становится собирательным обозначением множества возникающих и исчезающих самоорганизующихся сообществ «тихоновцев», «живоцерковников» и т.п., появление которых представлялось властями в качестве наглядного свидетельства того, что «религия отмирает» [8].

С 1943 года денотат слова начинает «троиться», поскольку оно, во-первых, стало обозначать воссозданный институт, получивший современное разделительное наименование «Русская Православная Церковь». Во-вторых, оно собирательно обозначает более десятка зарегистрированных минюстом отдельных «религиозных объединений» (в терминах современного ФЗ N 125 «О свободе совести и о религиозных объединениях», 1997 г.), название которых включает в себя термин «православный». В-третьих, этим словом именуют себя миллионы наших сограждан, практикующие т.н. «народное православие», порой порождающее спонтанно складывающиеся «братства», как, к примеру, миллионные очереди для приобщения к святыням или скандально известных «Пензенских затворников» (2006–2008 гг.). Таким образом, важно выделить лексему «православие», ее иноязычные эквиваленты (« ρθοδοξία», «Orthodoxia», «Православъе» и т.п.), их эмпирические денотаты и поэтические коннотаты. Все эти лексемы выражаются «сложными словами», которые филологи подразделяют на «слитные» (« ρθοδοξία», «Orthodoxia», «православие») и «сложносоставные» («Русская Православная Церковь») задачей которых является создание образов гомогенности и понятности в бесконечно сложной, изменчивой и многозначной социальной действительности [9].

В течение XX века понятие «православие» претерпевает глубокую семантическую и социально-философскую эволюцию – от конфессионального маркера к комплексному культурному понятию. Если в начале века оно воспринималось преимущественно как хранитель традиции и нравственного порядка, то во второй половине столетия становится участником диалога между верой и наукой, религией и экзистенциальной философией. К концу века, в условиях глобализации и культурного плюрализма, православие предстает как динамичная традиция, способная к адаптации без утраты идентичности, сохраняя свои этические принципы в новых исторических формах.

Таким образом, развитие православия в XIX–XX веках отражает переход от понимания его как сакральной доктрины к восприятию как живой культурной системы, интегрированной в процессы модернизации. Эволюция термина «православие» демонстрирует постепенный переход от вероучительной замкнутости к социально-гуманитарной открытости, от религиозной идентичности к общественному служению, от монолитности к признанию внутреннего плюрализма и автономии веры по отношению к государственным структурам. Итоговый вывод такого анализа состоит в том, что интерпретации православия в России XIX – начала XX века представляют собой сложную карту, где религиозная доктрина, социальная практика и языковая культура взаимодействуют, порождая новые смыслы и новые формы идентичности [10]. Верование становится не статичным набором вероучений, а живым полем, на котором звучат разнообразные голоса – от консервативных до либеральных, от монастырских до светских, и этот язык и эти практики формируют образ православной общности в условиях бурного социального и культурного преобразования. Распространение православных ценностей в обществе не только формировало этическую основу, но и влияло на социокультурные нормы. Принципы справедливости, милосердия и толерантности, заложенные в учениях православия, стали направляющими принципами для формирования правовой системы и социальной солидарности. Православные обряды и традиции глубоко взаимодействуют с элементами русского фольклора. Образы святых, чудеса и духовные темы нашли свое отражение в народных сказаниях и преданиях. Эта взаимосвязь способствовала сохранению и передаче духовных ценностей через народную культуру.

В итоге, влияние православия на Россию оказалось многогранным и глубоким. Религиозные убеждения проникли в различные сферы жизни, став неотъемлемой частью истории и национальной идентичности. Православие, как ключевой фактор формирования культурного ландшафта, оставило свой след в искусстве, архитектуре, образовании, литературе, музыке и многих других аспектах культуры России, создавая уникальное культурное наследие, которое продолжает оказывать влияние на современное общество.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ruscorpora.ru/ (дата обращения 24.10.2025).
2. 40 историй прихода к вере известных людей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravlife.org/ ru/content/40-istoriy-prihoda-k-vere-izvestnyh-lyudey (дата обращения 24.10.2025).
3. Аринин, Е.И. Религия между нормативным, маргинальным и девиантным / Е.И. Аринин, Т.Р. Атабеков, И.Е. Викулов // Религиоведение. – 2015 – № 4 – С. 56–70.
4. Какзанова, Е.М. Термины-эпонимы в терминологии православия / Е.М. Какзанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2014. – № 3. – С. 104–109.
5. Алексеева М.О. Своеобразие динамических процессов в терминологии православия // Терминология и знание. Материалы III Международного симпозиума. М.: Издательство «Вест-Консалтинг», 2013. С. 325.
6. Кущенко, С. В. О проблеме введения новых терминов в социальной философии / С.В. Кущенко // Web of Scholar. – 2016. – № 3(3). – С. 11–12.
7. Атанова, Д.В. Лингвокультурные доминанты дискурсивных практик православия и протестанизма / Д.В. Атанова, Н.А. Боженкова, Р.К. Боженкова. – Москва: ООО «Научно-издательский центр Инфра-М», 2025. – 169 с.
8. Чернова, А.Е. Перервинская школа-конференция: «язык – литература – православие» / А.Е. Чернова // Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. – 2025. – № 3. – С. 120–122
9. Ледовская, И.В. Русская литература и образный строй православия / И.В. Ледовская // XXII Пасхальные чтения: Материалы Двадцать второй Международной научно-методической конференции, Москва, 22–23 мая 2024 года. – Ярославль: Общество с ограниченной ответственностью «ГРОНТ», 2025. – С. 18–24.
10. Жеребило, Т.В. Фрагмент словаря лингвистических терминов (термины социолингвистики) / Т.В. Жеребило // Рефлексия. – 2009. – № 2. – С. 45–70.

SOCIO-PHILOSOPHICAL AND SOCIOLINGUISTIC ANALYSIS OF INTERPRETATIONS OF ORTHODOXY AND TRADITIONS IN RUSSIA OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY

Archimandrite Athanasius (Golenko)
Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov

The article is devoted to the study of socio-philosophical and sociolinguistic analysis of interpretations of Orthodoxy and traditions in Russia of the XIX – early XX century. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of the role of Orthodoxy and traditions in Russia since the beginning of the 19th century is given. This article offers a sociocritical and sociolinguistic reconstruction of the interpretations of Orthodoxy and traditions in Russia of the 19th–early 20th century. It is postulated that since the beginning of the 19th century, Orthodoxy has acted not only as a religious belief system, but also directly as a source of moral norms, social order, and national identity. The author notes that two key trends are noticeable in the philosophy of this time, where, on the one hand, theological and mystical-scientific movements sought harmony between faith and scientific achievements, and, on the other hand, liberal and reformist sentiments accompanied the desire to rethink church teaching within the framework of modern society. At the same time, the author notes that socio-philosophical analysis captures that Orthodoxy is becoming not so much an absolutized dogma as a living cultural structure that makes it possible to explain a person's place in society, responsibility to one's neighbor, and the relationship between personal conscience and the church hierarchy.

Keywords: Orthodoxy, traditions, social philosophy, political philosophy, sociolinguistic analysis, spiritual core, Russian national culture.

References

1. The National corpus of the Russian language [Electronic resource]. – Access mode: http://www.ruscorpora.ru / (accessed 24.10.2025).

2. 40 stories of famous people coming to faith [Electronic resource]. – Access mode: https://pravlife.org / ru/content/40-istoriy-prihoda-k-vere-izvestnyh-lyudey (accessed 24.10.2025).

3. Arinin, E.I. Religion between the normative, marginal and deviant / E.I. Arinin, T.R. Atabekov, I.E. Vikulov // Religious Studies. – 2015– No. 4– pp. 56–70.

4. Kakzanova, E.M. Eponymous terms in the terminology of Orthodoxy / E.M. Kakzanova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. – 2014. – No. 3. – pp. 104–109.

5. Alekseeva M.O. The uniqueness of dynamic processes in the terminology of Orthodoxy // Terminology and knowledge. Proceedings of the III International Symposium. Moscow: West Consulting Publishing House, 2013. p. 325.

6. Kushchenko, S.V. On the problem of introducing new terms in social philosophy / S.V. Kushchenko // Web of Scholar. – 2016. – № 3(3). – Pp. 11–12.

7. Atanova, D.V. Linguistic and cultural dominants of discursive practices of Orthodoxy and Protestantism / D.V. Atanova, N.A. Bozhenkova, R.K. Bozhenkova. Moscow: Scientific Publishing Center Infra-M, LLC, 2025. 169 p.

8. Chernova, A.E. Perervinsk school-conference: "Language – literature – Orthodoxy" / A.E. Chernova // Bulletin of the Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University). Series of Social Sciences. – 2025. – No. 3. – pp. 120–122

9. Ledovskaya, I.V. Russian literature and the figurative system of Orthodoxy / I.V. Ledovskaya // XXII Easter Readings: Proceedings of the Twenty-second International Scientific and Methodological Conference, Moscow, May 22–23, 2024. Yaroslavl: GRONT Limited Liability Company, 2025, pp. 18–24.

10. Zherebilo, T.V. Fragment of the dictionary of linguistic terms (terms of sociolinguistics) / T.V. Zherebilo // Reflection. – 2009. – No. 2. – pp. 45–70.

Микроанализ религиозно-нравственного фактора в историческом развитии российского государства-цивилизации

Аторин Роман Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Государственного университета управления
E-mail: romanos-85@yandex.ru

Колчин Андрей Александрович,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры социологии, психологии управления и истории Государственного университета управления
E-mail: andrei_kolchin@mail.ru

Толстиков Виктор Александрович,
кандидат философских наук доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского университета кооперации, экономики и права
E-mail: vicsan61@yandex.ru

В статье предпринята попытка на основе краткого анализа примеров исторического прошлого и судеб реальных людей показать место и роль религиозно-нравственного фактора в становлении Российского государства-цивилизации, для которого христианство было и остаётся одной из фундаментальных основ. Важным контекстом для рассуждений авторов служит микроанализ, который реализуется за счет использования комплексного потенциала биографической истории и истории повседневности, когда персональные случаи или рядовые факты интерпретируются путем их включения в особый контекст рассматриваемого периода.

Ключевые слова: Смутное время, раскол Русской Церкви, оценки-позиции старообрядчества, епископ Канадский Михаил (Семенов), Л.Н. Толстой и Синодальная церковь, Российское государство-цивилизация.

В последнее время в нашей стране происходит болезненный поиск идеологических скреп для обоснования текущих социально-экономических процессов, который не столько дает нам ответы на животрепещущие вопросы, сколько ставит трудноразрешимые проблемы, сложность которых проистекает из противоречивости нашей духовности и самобытности национального самосознания.

Прежде всего, обратимся к событиям середины – второй половины XVII столетия: успешно пережив смутное время и преодолев кризис государственности, русское общество того времени как бы нащупывает новые основы собственного национального самосознания формируя такую государственную идеологию, в которой была задействована церковно-политическая составляющая. Во многом это было сопряжено с «вызовом», исходившим от Западной Европы, переживавшей глубокие цивилизационные изменения, связанные с Великими географическими открытиями, научной революцией XVII в. и перестройкой основ общества, вызванной Реформацией, породившей протестантскую этику и идеологию либерализма, которые, в свою очередь, выступили фундаментальными основами потребительской западноевропейской цивилизации, а концепция европоцентризма стала повсеместно распространяться.

В России описанный духовно-идеологический процесс нашел как своих сторонников, так и очевидных противников, а нагляднее всего это проявилось в осуществлении т.н. церковной «реформы», что спровоцировало раскол церкви, являвшийся реакцией на изменение принципов церковного управления и природу соотношения государственной и церковной власти. В отечественной традиции произошедшее в середине – второй половине XVII столетия отделение от господствующей церкви части православных верующих христиан получило название Раскола, а его сторонников стали официально именовать «раскольниками», позже – старообрядцами или староверами. Сами же старообрядцы считают, что от православия они не отошли и себя называют православными христианами (или древлеправославными). Последствия церковного раскола, как бы это не казалось неожиданно, оказали влияния на практически всех сферах государства и общества, по причине чего тема церковной реформы, раскола и появления старообрядчества стали предметом научных изысканий большого количества исследователей.

Начало изучению старообрядчества и его оценки как ереси положили труды идейных противников старообрядцев XVII века, среди которых Паисий Лигарид, Юрий Крижанич, митрополит Игнатий, Афанасий Холмогорский, Димитрий Туптало (Ростовский), Питирим Нижегородский, у которых старообрядческое мировоззрение отождествлялось «баснословием», и «невежеством» активно критикуемых выше названными авторами. На протяжении XVIII–XIX вв. такой подход сохранялся. Нельзя не обратить внимание на исследования профессора Н.И. Субботина, который сумел систематизировать и издать т.н. «Материалы для истории раскола за первое время его существования». Однако сочинения Н.И. Субботина остаются полемическими и критическими в отношение староверия, так как автор извлекает из данного религиозного явления одни отрицательные проявления.

Назовём несколько основных позиций-оценок старообрядчества как социально-мировоззренческого явления в развитии Российского государства-цивилизации.

1. Старообрядческая мировоззренческая культура есть «невежество». (Симеон Полоцкий, Феофан Прокопович, Макарий Булгаков, С.М. Соловьёв).

2. Причина старообрядчества – т.н. «обрядоверие». (Митрополит Платон Левшин).

3. Старообрядчество как народная оппозиция государству и власти (А.С. Пругавин, А.И. Герцен, А.П. Щапов, Н.П. Огарёв и др.). Здесь старообрядчество представляется как явление социального протеста. При этом, такое событие, как Соловецкое восстание становится в один ряд с «хованщиной», крестьянским восстанием под предводительством Степана Разина, участники которых были довольно пёстрыми по религиозному составу и не были чисто «старообрядческими».

4. Старообрядчество как вид национального православия (Н.А. Бердяев, Н.О. Лосский). Указывалось на тесное сплетение религиозного и национального начал.

5. Старообрядчество носитель духа, называемого «русский протестантизм», как вид некой модернизированной религии (В.С. Соловьёв, Д.Е. Расков, А.Г. Глинчикова).

6. Старообрядчество есть «итог процесса размежевания язычества и христианства» (А. Ахизер, И. Клямкин, И. Яковенко).

Что о проблеме раскола говорят сами старообрядцы? Предлагаем взглянуть на проблематику Раскола, обратившись к личности Павла Васильевича Семёнова, известного старообрядческого епископа Канадского Михаила (родился в июне 1874 года в городе Симбирске, ныне Ульяновск). В конце ноября 1899 года в Казани он пострижен епископом Антонием в монашество под именем Михаил, в честь архангела Михаила, небесного поковителя Казанской духовной академии. В феврале 1900 года инок Михаил принимает сан иеромонаха, и после полугодовой командировки в Константинополь Семёнов отправляется в духовную семинарию города Воронеж, где становится преподавателем основного, догматического и нравственного богословия. Два года спустя иеромонах Михаил защищает диссертацию на соискание учёной степени магистра богословия «Законодательство византийских императоров по делам церковным до Юстиниана включительно», после чего состоялся его перевод из Воронежа в Санкт-Петербург. Уже будучи известным богословом, публицистом и проповедником он в 1906 году знакомится со старообрядческим епископом Нижегородским Иннокентием Усовым. Епископ Иннокентий пишет письмо нижегородскому священнику Спирину, который в октябре 1907 г. совершает чин присоединения архимандрита Михаила Семёнова, профессора Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Права, к Древлеправославной Церкви Христовой (название старообрядцев Белокриницкой иерархии, которую восстановил в 1846 году митрополитом Боснийский и Сараевский Амвросий Папагеоргопулос).

Данный факт вызвал широкий общественный резонанс: профессор, облачённый в высокий церковный сан – мантию архимандрита, известный проповедник, богослов и писатель, философ и публицист, популярный в кругах питерской интеллигенции, завсегдатай Религиозно-философского общества и других известных присутственных мест, вдруг переходит в старообрядчество… По свидетельству Фёдора Мельникова, даже правительство переполошилось, устроив представителям старообрядческого Совета Съездов серьезный допрос [5, с. 488]. Очевидно, что это имело последствия для архимандрита Михаила, хотя в Российской империи уже второй год действовал манифест Николая II, предусматривающий свободу вероисповедания. Но всё-таки, после присоединения к старообрядчеству в отношении архимандрита Михаила немедленно последовали церковные санкции: в новообрядной церкви его «лишили сана», что означало и невозможность дальнейшего проживания в Санкт-Петербурге и Москве, была установлена слежка со стороны тайной полиции. Однако для самого Михаила Семёнова перечисленные обстоятельства имели характер второстепенный и никак не давали повода для сожаления или отступления от намеченного пути.

Основная причина ухода Михаила Семёнова из официальной Российской церкви, есть, судя по анализу его публикаций, духовное состояние самой этой церкви, повреждение её соборной и вероучительной природы. В 1908 году в газете «Наш понедельник» публикуется краткий очерк Михаила Семёнова «Исповедь», в котором он ясно описывает причины своего религиозного самоопределения. В качестве первоочередной им названо изничтожение старообрядчества силою царской жандармерии с подстрекательства духовенства. Предметом особого его негодования становится целенаправленное уничтожение, унижение христиан только за то, что они молятся так, как молились их предки. На страницах своих сочинений епископ Михаил Семёнов создаёт учение о еретической природе официальной господствующей новообрядной Синодальной церкви, сходное с учениями ранних старообрядческих апологетов: протопопа Аввакума Петрова, протопопа Никиты Добрынина, протопопа Иоанна Неронова, архимандрита Спиридона Потёмкина, диакона Александра Керженского и др. Сущность «синодальной ереси», по мнению старообрядческого епископа Михаила Канадского (Семёнова), заключалась в следующем.

1. Уничтожение соборности.

2. Сомнительная догматика Синодальных вероучительных изданий, символических книг официальной Российской церкви.

3. Неверие в непогрешимость Единой Святой Апостольской и Соборной Церкви со стороны реформаторов.

4. Непогрешимая природа «Старого обряда», как наиболее соответствующего православной вере и уничтожение его без всяких оснований официальной церковью.

5. Массовые и неоправданные гонения на христиан, не принявших новшества.

6. Сознательная ложь и подлоги Синода в защиту нового обряда.

В ноябре 1908 года архимандрит Михаил становится епископом. Но примечательный факт, когда в июле 1908 года на Освященном Соборе персона архимандрита рассматривалась на епископскую кафедру, то Собор не утвердил его кандидатуру по причине, о которой епископ Иннокентий напишет: «… мы получили сведения, что архиепископ Иоанн (Картушин – *авт.*) заявляет, что ни за что не поставит его в епископы, каковы бы сведения ни были, так как к нему правительство относится неприязненно и многие старообрядцы» [3, с. 406]. И тогда епископ Иннокентий Усов решает проблему следующим образом: архимандрит Михаил Семёнов становится епископом, но был рукоположен не собором архиереев в Покровском храме Рогожской слободы, а лично епископом Иннокентием в своей епархии, в кафедральном храме Нижнего Новгорода. Сам Иннокентий раскрыл истинный смысл совершённой им единоличной архиерейской хиротонии следующим образом: «Я и решил поставить его в епископы в виде протеста против подчинения нашей старообрядческой Церкви воле наших двухсотлетних врагов. Канада была только предлогом. Я хотел его поставить на Финляндию. Но тут нашлось письмо из Канады, я привязался к этому случаю» [3, с. 407]. Мотивация действий епископа Иннокентия очевидна. Освященный Собор Древлеправославной Церкви Христовой, проходивший в феврале 1908 года, действительно оказался в затруднительной ситуации: с одной стороны, необходимо было выстроить дипломатические отношения с правительством по поводу присоединения Михаила Семёнова, с другой, нельзя было применять крайние радикальные меры к личности такого масштаба, как епископ Иннокентий Усов, с третьей – епископа Михаила Семёнова, представлявшего для старообрядчества немалую ценность, необходимо было удержать в древлеправославии.

Но на деле вышло так, что епископ Иннокентий поставлением во архиереи Михаила Семёнова, внёс лепту отчуждения между старообрядческой Церковью и представителями власти. Оказывается, святительская хиротония Семёнова послужила поводом для отказа в приёме старообрядческой делегации Петроградскими чиновниками. Был необходим внеочередной Собор, ибо ситуация сложилась резонансная. Епископа Иннокентия ждал полугодовалый запрет в служении, «наказание» более чем мягкое и выглядело, скорее, как призыв воздержаться от служения на указанный срок. Подобное запрещение, на 6,5 месяцев, коснулось и епископа Михаила. Разумеется, что по прошествии назначенного времени с нового епископа санкция была снята с условием более детального изучения старообрядческой службы и последующей отправки в Канаду. Однако до своей архиерейской кафедры он так и не добрался из-за отсутствия материальных средств, что дало повод Освященному Собору, проходившему в августе 1910 года повторно запретить епископа.

Уже в мае 1911 года епископ Михаил был арестован за радикальные высказывания и на полтора года попал в заключение. Архиерейское служение у него вылилось в письменное. В это время он активно сотрудничает с рядом старообрядческих изданий («Церковь», «Старообрядческая мысль», «Старая Русь»), публикует как богословские труды, так и художественные произведения, среди которых выделяются роман о церковной истории Византии IX–X вв. «Второй Рим», повести о первохристианских мучениках «На заре христианства», о судьбе протопопа Аввакума «Горящий огнём» и о церковной истории XVII в. «Великий разгром»; выступает организатором и руководителем Старообрядческого духовного учительского института, автором учебника Закона Божьего для старообрядческих школ.

После второго запрещения у епископа Михаила Семёнова стала прогрессировать болезнь нервов. В 1916 году для поправки здоровья он прибывает в Москву. После остановки на станции «Сортировочная» 15 октября в течение последующих трёх дней его местонахождение не было известно. Епископа нашли только 19 октября в бессознательном состоянии, обворованного и зверски избитого, со сломанными рёбрами и ключицей. В Старо-Екатерининской больнице он пробыл до 25 октября. Когда епископа Михаила наконец нашли родственники, он был помещён в больницу Рогожской слободы, где 27 октября 1916 г. в возрасте 43 лет скончался.

Часто для признания заслуг перед обществом человеку необходимо умереть. Именно так и случилось с епископом Михаилом. Сразу же после смерти о нём положительно заговорили и старообрядцы, и не старообрядцы. Специалист в области старообрядческой письменности и начётничества В.В. Боченков в одной из своих статей пишет: «Смерть старообрядческого епископа Михаила Канадского (Семёнова) вызвала множество откликов в старообрядческой прессе, достаточно посмотреть журналы «Слово Церкви» и «Старообрядческая мысль» тех дней» [2, с. 108]. Уже 6 декабря 1916 года, на сороковой день упокоения владыки, Московский старообрядческий институт проводил вечер, посвящённый памяти почившего. Аналогичное мероприятие проводи-

лось двумя днями ранее в Петербургском Религиозно-философском обществе, в членстве которого некогда состоял Михаил Семёнов. Причем председателем заседания, посвящённого памяти епископа, был известный представитель отечественного богословия и церковной истории А.В. Карташев [2, с. 109].

Почитаем епископ Михаил в старообрядчестве и сегодня: регулярно выходят различные исследования, освещающие феномен этого человека, вехи его жизненного пути, смысл оставленного им литературного наследия. Стараниями сотрудников музейно-архивно-библиотечного отдела Русской Православной Старообрядческой Церкви (далее – РПСЦ) В.В. Боченкова, В.В. Волкова, иерея А. Лопатина поочерёдно, в 2011, 2012, 2014, 2015 и 2019 годах было издано пятитомное собрание сочинений епископа Михаила Семёнова. В честь него и его духовного наследия проводятся различные конференции, встречи, круглые столы.

Очевидно, что Михаил Семёнов не был оценён при жизни в старообрядчестве, и многие на него смотрели как на чужака. Однако сегодня в РПСЦ епископ Михаил Семёнов является знаковой фигурой, видным деятелем «золотого века старообрядчества» и известным писателем «серебряного века»: его труды представляют собой огромную интеллектуальную историко-философскую и духовную ценность.

Если жизненный путь и духовное служение старообрядческого епископа Канадского Михаила, это личностный пример, характеризующий один типаж отношения к роли Церкви в переломный этап развития Российского государства-цивилизации в начале XX в., то другим, таким же персонифицированным примером, на наш взгляд, является личность выдающегося представителя мировой культуры Льва Николаевича Толстого, в общественном сознании прочно связанная с отлучением от церкви. Однако примечательно, что *ни в каких храмах Российской синодальной церкви не было никакого официального провозглашения анафемы великому русскому писателю. То есть, что важно – на лицо факт отсутствия церковного ритуального действия – чина провозглашения анафемы*. Дело обстояло несколько иначе: 24 февраля 1901 года, в одном из определений Святейшего Синода (от 20–22 февраля 1901 г. № 557), было сказано, что за мировоззренческую позицию Льва Толстого, во многом не соответствующую официальному церковному учению, «Церковь не считает его своим членом и не может считать, доколе он не раскается и не восстановит своего общения с нею…» [8, с. 12]. Очевидно, что ни о каком проклятии, анафеме, отлучении и т.п. речи нет: только констатация факта – русский классик, не приемля церковные догматы, находится в заблуждении.

Чтобы понять смысл случившегося во взаимоотношениях церкви и Л.Н. Толстого, приведём так же выдержки из опубликованного ответного письма Льва Толстого: «…То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо… <…>. Я <…> перестал исполнять ее обряды <…>, я отвергаю непонятную Троицу и басню о падении первого человека, историю о Боге, родившемся от Девы, искупляющем род человеческий… я отвергаю все таинства… <…> все таинства я считаю <…>, несоответствующим понятию о Боге и христианскому учению <…>, нарушением самых прямых указаний Евангелия…» [8, с. 14]. Таким образом, перед нами не факт совершения чина церковного отлучения (анафемы), а заочная полемика в виде опубликованных писем, выражающая формальную точку зрения отдельной конфессии с одной стороны, и мировоззренческую позицию отдельного человека – с другой. И вместо *канонического факта анафематствования* мы видим *изложение мнения* о том, что «Церковь не считает его своим членом».

Однако начале 1900-х гг. отношения Льва Толстого и официальной церкви стали рассматриваться как отлучение писателя, что вызвало колоссальный резонанс. Так, Н.А. Бердяев, оценивая произошедшее с Толстым, приводит следующее: «Он гениально изобличил чудовищную неправду и мертвенность казенного, официального христианства, он поставил зеркало перед притворно и мертвенно христианским обществом и заставил ужаснуться людей с чуткой совестью…» [1, с. 193]. В сочинении «Лев Толстой как богослов» А.В. Карташев пишет: «Толстой провел неизгладимую борозду в сознании не только отдельных богословов, но и в истории русского богословия вообще», писатель проповедует учение Христа по всему миру, и «служение в этом направлении громадно. <…> По смелому почину Толстого, слова «Бог» и «Христос» перестали быть запретными для русского интеллигента, а отчасти и в целом мире…» [4, с. 288].

Примечательна позиция В.П. Свенцицкого, придерживающегося точки зрения, что «в области религиозного сознания заслуга и значение Толстого в том, он в XX веке, образованный и гениальный человек, заявил перед лицом всего человечества, что не только религия не отошла в область предания, но что она одна только и может дать действительное знание человеку» [7, с. 352].

По существу, приведённые оценки и высказывания церковных и светских публицистов констатируют значение толстовской религиозно-нравственной проповеди для понимания масштаба духовного пути Л.Н. Толстого. Но далеко не все в начале XX столетия разделяли положительную или умеренную тональность в отношении конфликта Русской Православной Церкви и Л.Н. Толстого. Наиболее ярким примером здесь, на наш взгляд, является ответ Иоанна Кронштадтского Льву Толстому. Отличавшийся страстью к риторизму и графоманству протоиерей Иоанн пишет: «Вместо того чтобы скорбеть и сокрушаться о грехах своих и людских, Толстой мечтает о себе как о совершенном человеке или сверхчеловеке, как мечтал известный сумасшедший Ницше… Первым словом Спасителя грешным людям была заповедь о покаянии. <…>, а Толстой говорит не кайтесь, – покаяние есть малодушие, нелепость, <…>. Для Толстого нет высшего духовного совершенства в смысле достижения христианских добродетелей <…>; христианского подвига он не признает; <…>. Кто такой Лев Толстой? Это Лев рыкающий, ищущий, кого поглотить. И скольких он поглотил чрез свои льстивые листки! Берегитесь его» [6, с. 16].

Очевидно, что в своем видении религии, Л.Н. Толстой ограничился общими, абстрактными представлениями о духовном божестве. Однако писатель немало внимания уделяет вопросам морали и нравственности. Для Толстого христианство остаётся истинной религией после глубокого им переформирования христианства, суть которого сводилась к упрощённому рационально-этическому учению о божестве, человечестве:

1) «Начало всего» есть Бог;

2) Человеческая природа содержит нечто от божественного;

3) Главное – это любовь, и чтобы её осуществить, необходимо «поступать с другими так же, как хочешь, чтобы поступали с тобой» [9, с. 305].

В данных постулатах Толстой видел начало общечеловеческой мировой религии.

Подытожим наш анализ. Приведенные нами персонифицированные примеры, связанные с жизнью и деятельностью епископа Канадского Михаила (Семенова) и классика мировой литературы Л.Н. Толстого, убедительно показывают тот мировоззренческий надлом, в проекции которого видятся надвигавшиеся судьбоносные исторические события: Первая мировая война и революционные потрясения 1917 года с последовавшей за ними Гражданской войной в нашей стране. Благодаря проведенному анализу мы можем видеть, как тесно, и даже неразрывно, переплетены судьбы отдельно взятых личностей и историческое развитие России как государства-цивилизации.

Литература

1. Бердяев Н.А. Ветхий и Новый Завет в религиозном сознании Л. Толстого // О религии Льва Толстого. Сборники книгоиздательства «Путь». Сб. второй. – М., 1912.

2. Боченков В.В. «Это был подвиг искренности» (памяти епископа Михаила Канадского). // «Старообрядчество: история, культура, современность. Выпуск 13. – М., 2009.

3. Епископ Иннокентий Усов. Выступление на заседании Религиозно-философского общества в Петрограде, посвящённом памяти епископа Михаила (Семёнова). // Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской. Собрание сочинений: Том 1: Статьи из старообрядческой периодики 1905–1918 гг. / Иннокентий (Усов), епископ Нижегородский и Костромской / Музейно-библиотечно-архивный отдел Митрополии Московской и всея Руси РПСЦ; сост. подгот. текстов к изд., вводн. статья, примеч., указат. В.В. Боченкова. – М.: Криница, 2014.

4. Карташев А.В. Лев Толстой как богослов. Публикация И.В. Петровицкой // Из истории русской литературы и журналистики: Ежегодник. – М., 2009. – С. 288.

5. Мельников Ф.М. Краткая история древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: АКООХ-И «Фонд поддержки строительства храма Покрова…», 2006.

6. Ответ отца Иоанна Кронштадтского Льву Толстому на его «Обращение к духовенству». – СПб.: тип. Монтвида, 1903.

7. Свенцицкий В.П. Собрание сочинений. Т. 2. Письма ко всем: Обращения к народу 1905–1908 / Сост., послесл., коммент. С.В. Черткова. – М., 2011.

8. Ткаченко А. Проклятье, которого не было. Церковь и Толстой: история отношений. // Фома. – № 9 (32). – 2005. – С. 12–15.

9. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах. – М.: Гос. изд. «Художественная литература», 1928–1958. Т. 43.

MICROANALYSIS OF THE RELIGIOUS AND MORAL FACTOR IN THE HISTORICAL DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE-CIVILIZATION

Atorin R.Yu., Kolchin A.A., Tolstikov V.A.
State University of Management, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

This article attempts to show the place and role of the religious and moral factor in the formation of the Russian state-civilization, for which Christianity was and remains one of the fundamental foundations, based on a brief analysis of examples from the historical past and the fates of real people. An important context for the authors' reasoning is microanalysis, which is realized through the use of the complex potential of biographical history and the history of everyday life, when personal cases or ordinary facts are interpreted by including them in the special context of the period under consideration.

Keywords: Time of Troubles, schism of the Russian Orthodox Church, assessments and positions of the Old Believers, Bishop Michael (Semenov) of Canada, L.N. Tolstoy and the Russian Orthodox Church, Russian state-civilization.

References

1. Berdyaev, N.A. "The Old and New Testaments in the Religious Consciousness of Leo Tolstoy." On Leo Tolstoy's Religion. Collections of the Put Publishing House. Second Collection. Moscow, 1912.

2. Bochenkov, V.V. "It Was a Feat of Sincerity" (in Memory of Bishop Mikhail of Kanadzor). Old Believers: History, Culture, and Modernity. Issue 13. Moscow, 2009.

3. Bishop Innokenty Usov. Speech at a Meeting of the Religious and Philosophical Society in Petrograd, Dedicated to the Memory of Bishop Mikhail (Semyonov). Innokenty (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma. Collected Works: Volume 1: Articles from Old Believer Periodicals, 1905–1918. / Innocent (Usov), Bishop of Nizhny Novgorod and Kostroma / Museum, Library and Archives Department of the Metropolitanate of Moscow and All Rus' of the Russian Old-Rite Orthodox Church; comp. preparatory texts for publication, introductory article, notes, index. V.V. Bochenkova. – Moscow: Krinitsa, 2014.

4. Kartashev A.V. Leo Tolstoy as a Theologian. Publication by I.V. Petrovitskaya // From the History of Russian Literature and Journalism: Yearbook. – Moscow, 2009. – P. 288.

5. Melnikov F.M. Brief History of the Old Orthodox (Old Believer) Church. Barnaul: AKOOH-I "Fund for the Support of the Construction of the Church of the Intercession…", 2006.

6. Response of Father John of Kronstadt to Leo Tolstoy's "Address to the Clergy". – St. Petersburg: Montvida Printing House, 1903.

7. Sventsitsky, V.P. Collected Works. Vol. 2. Letters to All: Addresses to the People, 1905–1908 / Comp., Afterword, and Commentary by S.V. Chertkov. – Moscow, 2011.

8. Tkachenko, A. The Curse That Never Was. The Church and Tolstoy: A History of Their Relationships // Foma. – № 9 (32). – 2005. – Pp. 12–15.

9. Tolstoy, L.N. Complete Works in 90 Volumes. – Moscow: State Publishing House "Khudozhestvennaya Literatura", 1928–1958. Vol. 43.

Этикет как форма социального бытия

Бегичева Анастасия Геннадиевна,
старший преподаватель кафедры философии, Российский университет транспорта РУТ (МИИТ)
E-mail: soshnina.nastya@mail.ru

В статье предпринимается попытка философского осмысления феномена этикета не как совокупности условных правил поведения, а как фундаментальной онтологической категории, структурирующей социальное бытие. Автор анализирует этикет сквозь призму экзистенциальной потребности человека в безопасности и определенности. Особое внимание уделяется трансформации этикетных норм в условиях цифровизации общества и кризиса традиционных норм. Делается вывод о необходимости переосмысления онтологического статуса этикета в контексте современных вызовов.

Ключевые слова: этикет, социальное бытие, этика, нормативность, ритуал, цифровизация, коммуникация.

Проблема соотношения этических норм и онтологических оснований человеческого существования является одной из фундаментальных в философии. В современном философском дискурсе тема этикета часто упрощается, смещаясь в область прикладной этики или культурологии повседневности.

Этикет, рассматриваемый как периферийный феномен социальной жизни, при более внимательном анализе обнаруживает глубокую укорененность в самой структуре человеческого бытия уже на самых ранних этапах: «Многие исследователи придерживаются мнения, что этикет уже существовал во времена первобытнообщинного строя как своеобразное проявление первобытной культуры. На начальном этапе своего развития, этикет еще не был самостоятельным механизмом регуляции человеческого поведения и сосуществовал с правилами, которые играли контролирующую роль в общественной жизни человека архаики» [3, с. 2].

Как отмечает П. Бурдье, «манеры представляют собой символическую манифестацию, чье значение и ценность зависят как от воспринимающих, так и от производителей» [1, с. 84].

Актуальность исследования обусловлена кризисом коммуникативных практик современности, в условиях глобальной трансформации социальных связей, цифровизации общения и размывания традиционных ценностей, вопрос о природе нормативности встает с новой остротой: «в кризисные периоды, когда обесцениваются многие ценности, часто единственным обоснованием человеческих деяний становится лишь их моральное обоснование. И в эти периоды проблема обоснования самой морали становится особенно актуальной» [7, с. 99].

Этикет находится в сложных отношениях с моралью. И его нельзя сводить исключительно к этой категории. Мораль (как внутренний императив) и этикет (как внешняя форма) находятся в сложных диалектических отношениях. Можно быть нравственным человеком, но нарушать этикет, и наоборот – соблюдать все приличия, будучи аморальным субъектом. Однако онтологическая функция этикета заключается не в оценке «добро/зло», а в упорядочивании хаоса и организации социального бытия, как отмечают Мурманцев В.С. и Сошнина А.Г. – «существование социально организованных систем любого уровня живого требует наличия механизмов, осуществляющих коммуникативные функции как в отношениях между структурными составляющими самих систем, так и между системой и внешней средой» [6, с. 93].

Ритуализированное поведение создает предсказуемость, этикет как дисциплинирующая практика служит каркасом этой безопасности. Зная, как приветствовать, как прощаться, как вести себя в общественных местах или в конфликте, человек получает готовые сценарии повседневного бытия, которые освобождают его от необходимости ежесекундно изобретать способы взаимодействия, снижая тем самым уровень экзистенциальной тревоги.

Норберт Элиас в своем фундаментальном труде «О процессе цивилизации» убедительно показал, как усложнение манер, рост самоконтроля и развитие чувства стыда способствовали снижению уровня насилия в обществе [8].

Виртуализация и цифровизация социальных взаимодействий порождает новые формы этикетного регулирования, которые «являются мощным инструментом слома и формирования новой ценностной парадигмы российского общества» [4, с. 539]. Происходит болезненная трансформация нормативности, когда цифровая среда создает иллюзию отсутствия границ, что порождает сетевую эфемерность. Виртуализация этикета приводит к его парадоксальной деонтологизации – утрате связи с телесностью и непосредственным присутствием другого человека. Таким образом встает закономерный вопрос: «На какие основания опирается в таких условиях кристаллическая решетка социума, как моделируется и поддерживается дихотомия «приватного и публичного»? [5, с. 65]. Распад устойчивых социальных форм, ускорение темпов изменений, цифровизация коммуникаций – все это подрывает основания традиционного этикета.

Виртуальные взаимодействия создают специфические проблемы, так как технологически опосредованное взаимодействие может привести к утрате эмпатии и способности к глубоким межличностным связям, а это требует выработки новых этикетных механизмов, компенсирующих отсутствие телесного соприсутствия.

Современная ситуация характеризуется тем, что традиционные формы этикета воспринимаются как репрессивные и неаутентичные,

что приводит к их отторжению, особенно в молодежной среде. Однако полный отказ от этикетных форм невозможен, поскольку они, как уже было сказано выше, выполняют функции социальной координации и упорядочивания повседневности. Человек не может существовать вне этикетной системы координат.

Подводя итог, можно утверждать, что этикет не является рудиментом прошлого или набором бессмысленных условностей: «Возможности этикета расширяются в воспитательном воздействии на профессионалов, актуализируются управленческие возможности этикета, укрепляется государственно-патриотическая идентичность профессиональных сообществ. К возможностям служебного этикета относится демонстрация обществу моральных ценностей профессиональной группы, объективация моральной картины мира личности в профессии» [2, с. 44–45]. С точки зрения социальной философии, культурологии и философской антропологии, этикет представляет собой онтологическую категорию, выполняя ключевые функции, имеющие экзистенциальное значение, он обеспечивает возможность совместного бытия.

В условиях современной турбулентности и трансформации традиционных социокультурных практик сохранение и переосмысление этикетных норм становится не просто вопросом воспитания, а вопросом выживания социума.

Культура, утрачивающая способность к этико-ритуальному оформлению отношений, рискует скатиться в архаическое состояние «войны всех против всех», где единственным регулятором остается право силы.

Литература

1. Бурдьё П. Различение: социальная критика суждения / пер. с фр. О.И. Кирчик // Западная экономическая социология: Хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В.В. Радаев; пер. М.С. Добряковой и др. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 680 с.

2. Денисенко С.В., Современный этикет: возможности и границы // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4 (96). С. 40–45.

3. Дронкина А.Г. Этикет как социокультурное явление / А.Г. Дронкина // Позиция. Философские проблемы науки и техники. – 2020. – № 14. – С. 39–44.

4. Климов С.Н. К вопросу об изменениях коммуникативно-регулятивных механизмов в современном российском обществе / С.Н. Климов, А.Г. Дронкина // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 3(190). – С. 537–539.

5. Козьякова М.И. От ритуала до экрана – эволюция публичного пространства // Наука телевидения. 2017. № 13.1. – С. 64–92.

6. Мурманцев В.С. К вопросу о фундаментальных основаниях традиционных социально-коммуникативных систем / В.С. Мурманцев, А.Г. Сошнина // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2017. – № 1(39). – С. 91–97.

7. Некрасова Н.А. Этика и этикет / Н.А. Некрасова, Ф.А. Тригубенко // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2015. – № 215(5). – С. 99–104.

8. Элиас Н.О. процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2. М., СПб.: Университетская книга, 2001 (нем. 1939). Т. 1: 332 с. Т. 2: 382 с.

ETIQUETTE AS A FORM OF SOCIAL EXISTENCE

Begicheva A.G.
Russian University of Transport RUT (MIIT)

The article attempts to provide a philosophical understanding of the phenomenon of etiquette not as a set of conventional rules of behavior, but as a fundamental ontological category that structures social existence. The author analyzes etiquette through the lens of a person's existential need for security and certainty. Special attention is given to the transformation of etiquette norms in the context of digitalization and the crisis of traditional norms. The article concludes that there is a need to rethink the ontological status of etiquette in the face of contemporary challenges.

Keywords: etiquette, social existence, ethics, normativity, ritual, digitalization, and communication.

References

1. Bourdieu P. Distinction: Social Critique of Judgment / trans. from French by O.I. Kirchik // Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics / Comp. and scientific editors V.V. Radaev; trans. M.S. Dobryakova et al. – Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. – 680 p.

2. Denisenko S.V. Modern Etiquette: Possibilities and Limits // Society: Philosophy, History, Culture. 2022. № 4 (96). P. 40–45.

3. Dronkina A.G. Etiquette as a Sociocultural Phenomenon / A.G. Dronkina // Position. Philosophical Problems of Science and Technology. – 2020. – № 14. – P. 39–44.

4. Klimov S.N. On the Issue of Changes in Communicative and Regulatory Mechanisms in Modern Russian Society / S.N. Klimov, A.G. Dronkina // Eurasian Law Journal. – 2024. – № 3 (190). – P. 537–539.

5. Kozyakova M.I. From Ritual to Screen – the Evolution of Public Space // Science of Television. 2017. № 13.1. – P. 64–92.

6. Murmantsev V.S. On the Issue of the Fundamental Foundations of Traditional Social and Communicative Systems / V.S. Murmantsev, A.G. Soshnina // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. – 2017. – № 1 (39). – P. 91–97.

7. Nekrasova N.A. Ethics and Etiquette / N.A. Nekrasova, F.A. Trigubenko // Scientific Bulletin of the Moscow State Technical University of Civil Aviation. – 2015. – № 215 (5). – P. 99–104.

8. Elias N.O. In the Process of Civilization. Sociogenetic and Psychogenetic Studies. Vol. 1, 2. Moscow, St. Petersburg: University Book, 2001 (German 1939). Vol. 1: 332 p. Vol. 2: 382 p.

Технологические инновации Шиллинга и Черепановых как критика натурфилософии в Российской науке (1800–1850)

Березовская Ирина Петровна,
к.филос.н., доцент кафедры «История и философия»,
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Билан Ольга Александровна,
к.филос.н., доцент кафедры «История и философия»,
Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
E-mail: filosofia-bilan-olga@mail.ru

В статье рассматривается интеллектуальная ситуации в России первой половины XIX столетия, Автор показывает, как популярная тогда философская система Шеллинга, которая искала в природе таинственные духовные начала, столкнулась с запросом на конкретные, полезные знания, необходимые для развития страны. С одной стороны, анализируются философские кружки и университеты, распространявшие умозрительные идеи. С другой – подробно рассматривается работа изобретателя телеграфа Павла Шиллинга и создателей первого русского паровоза, отца и сына Черепановых. Их изобретения стали мощным ответом отстаивавшимся спекулятивным теориям и доказали важность опыта, расчёта и практической пользы. В итоге эта конкуренция идей подготовила почву для расцвета инженерной и научной мысли в России во второй половине века.

Ключевые слова: Россия XIX век, Шеллинг, философия и наука, практические изобретения, Павел Шиллинг, Черепановы, телеграф, паровоз, спор теории и практики, научно-технический прогресс.

Первая половина XIX века стала для России периодом интенсивного научного самоопределения, проходившего под знаком сложного диалога и конкуренции между умозрительной философией и практическим знанием. Российские университеты, в особенности Московский, и Академия наук находились под определяющим влиянием немецкой идеалистической традиции [4, с. 12]. Это влияние наиболее ярко выразилось в широком и глубоком усвоении философских идей Фридриха Вильгельма Йозефа Шеллинга. Идеи Шеллинга начали активно проникать в русскую интеллектуальную среду как через возвращавшихся из германских университетов выпускников, так и через интенсивное чтение и обсуждение его трудов в кружках «любомудров» [1, с. 78; 2, с. 115].

Среди русских интеллектуалов, получивших образование в ведущих университетах Германии и принесших идеи Шеллинга в Россию, ключевыми фигурами были Д.М. Велланский, М.Г. Павлов и А.И. Галич. Даниил Михайлович Велланский (1774–1847), будучи выпускником Петербургской медико-хирургической академии, был отправлен для совершенствования знаний за границу. В 1802–1805 годах Велланский слушал лекции Шеллинга в Йене и Вюрцбурге, где как раз формировались основы его натурфилософской системы. Вернувшись в Россию, Велланский стал пропагандистом шеллингианства. В своих лекциях в Медико-хирургической академии и в книге «Опытная, наблюдательная и умозрительная физика» (1831) [14] он излагал учение о природе как «видимом духе, а духе как невидимой природе», о полярности как движущей силе вселенной и о конечном тождестве материального и духовного начал [1, с. 221–241].

Михаил Григорьевич Павлов (1793–1840) – выпускник Московского университета, в 1818–1820 годах стажировался за границей, где изучал не только естественные науки, но и немецкую идеалистическую философию. Под влиянием Шеллинга и его последователей Павлов выработал свой «физико-телеологический» подход. Как профессор физики, минералогии и сельского хозяйства в Московском университете, он стремился синтезировать эмпирические данные с натурфилософскими схемами, трактуя явления магнетизма, электричества и роста растений как проявления единой живой силы природы. Его лекции и редакторская работа в журнале «Атеней» сделали его центральной фигурой в распространении шеллингианства в Московском университете [4, с. 125].

Александр Иванович Галич (1783–1848). Философ и психолог, обучавшийся в Германии, привез оттуда не только идеи Шеллинга, но и более широкий контекст немецкого идеализма. В 1818–1819 годы издал в двух томах «Историю философских систем», составленную на основании немецких трудов Захера, Аста, Теннемана и других немецких философов. Сочинение заканчивается изложением философской системы Шеллинга [3, с. 200].

Иван Иванович Давыдов (1794–1863) – философ, филолог и декан (1837–1847) I отделения философского факультета Московского университета в 1821 г. пишет работу «Начальные основания Логики. Для благородных воспитанников университетского пансиона», введение к которой написано в «духе Шеллинга». «И.И. Давыдов говорил, что философия имеет целью и предметом совершенствование разума. «Логика занимается совершенствованием мыслящей способности человека. Существование и развитие Вселенной и человека покоится на одном общем Божественном начале, от которого проистекают также порядок, постоянство, красота, а в человеке – мудрость, добродетель и вкус» [12].

Как человека увлеченного немецким романтизмом и философией Шеллинга стоит отметить Шевырева Степана Петровича (18.10.1806–8.05.1864) – русского историка литературы, критика, поэта, академика Петербургской АН (с 1841), который был еще и участником литературных кружков 1820-х, сыгравших немаловажную роль в распространении шеллингианских идей в русской интеллектуальной среде [4, с. 118].

Идеи Шеллинга усваивались и творчески перерабатывались в неформальных интеллектуальных сообществах, таких например, как «Общество любомудрия» (1823–1825). В это общество входили такие литераторы и мыслители как В.Ф. Одоевский Д.В. Веневитанов, А.С. Хомяков, Н.М. Рожилин [2, с. 115].

Владимир Федорович Одоевский (1803–1869) – фактический лидер кружка «Общество любомудрия». В своих философско-публицистических произведениях «Письма к В.К. Кюхельбекеру», «Русские ночи» он активно разрабатывал шеллингианские темы: синтез наук, идею «инстинктуального» (интуитивного) познания, учение о мировой душе. Одоевский видел в натурфилософии Шеллинга ключ к преодолению разрыва между наукой, искусством и верой [3, с. 205].

Дмитрий Владимирович Веневитинов (1805–1827) – поэт и философ – разрабатывал эстетическую сторону шеллингианства. Он видел в искусстве высшую форму познания истины, воплощение «свободной гармонии» духа и природы [3, с. 207].

Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) и Иван Васильевич Киреевский (1806–1856) в ранний период своего творчества также были активными участниками обсуждений шеллингианских идей [2, с. 120].

Формат работы «любомудров» включал совместное чтение и комментирование трудов Шеллинга, прежде всего «Системы трансцендентального идеализма», «Философских исследований о сущности человеческой свободы», а также лекции членов общества друг для друга по различным разделам философии, литературы и естествознания [2, с. 116].

Идеи, обсуждавшиеся в кружке, распространялись в более широких литературных кругах через салоны, прежде всего через салон Зинаиды Волконской в Москве и Александра Тургенева в Петербурге. Салон княгини Зинаиды Александровны Волконской на Тверской улице, прозванный «Тверским храмом Граций» служил своеобразным мостом между закрытым «Обществом любомудрия» и широкими литературными кругами. Здесь В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов и А.С. Хомяков, перенося дух своих философских заседаний в более непринужденную обстановку, обсуждали идеи тождества духа и природы и синтеза искусств с А.С. Пушкиным, П.А. Вяземским, Е.А. Баратынским и др. В салоне Волконской философский дискурс Шеллинга сливался с поэзией, музыкой и эстетической критикой, превращаясь в элемент общего мировоззрения образованного дворянства [4, с. 120].

В Петербурге схожую функцию выполнял салон Александра Ивановича Тургенева – дипломата, историка и одного из самых просвещенных людей своего времени. Его кружок, в котором бывали П.А. Плетнев, В.А. Жуковский, молодой Н.В. Гоголь, отличался большей связью с государственной службой и европейским контекстом. Шеллингианские темы получали не только литературное, но и политико-философское звучание, обсуждались в контексте исторического пути России и Европы [4, с. 121].

В салонах философские дискуссии переплетались с литературными чтениями и спорами об искусстве, формируя особый интеллектуальный язык и круг усваиваемых идей. Центральной среди них была идея целостности природы, воспринимаемой не как механизм, а как живой, развивающийся организм, из чего следовало представление о полярности и динамизме как двигателе мироздания, где развитие осуществляется через борьбу и единство противоположных сил, проявляющихся в магнетизме, электричеству и химизме. Онтологическим основанием этой картины служил принцип тождества духа и природы, согласно которому материя понималась как «уснувший дух», а познание природы – как форма самопознания абсолютного духа. Гносеологическим следствием был примат интуиции и умозрения, утверждавший, что истинное познание достигается не только через эмпирический анализ, но и с помощью «интеллектуального созерцания» первоначал. Заключительным идейным ориентиром служил синтез наук и искусств – стремление создать всеобъемлющую систему знания, которая объединила бы философию, науку, религию и искусство в единое целое [14, с. 90–95; 10, с. 150].

Пока философы обсуждали природу как «окаменелый интеллект», потребности растущей империи: оперативное управление огромными территориями, развитие промышленности и создание транспортной инфраструктуры, настоятельно требовали не умозрительных систем, а конкретных, эффективных и работающих решений. Именно в этом методологическом и мировоззренческом разрыве между идеалистическим умозрением и императивом практической пользы и проявился исторический вызов, на который ответили своими изобретениями такие практики, как Павел Шиллинг и Черепановы. Их работы стали не просто техническими прорывами, но актами «критики орудием», наглядно демонстрирующими познавательную и преобразующую силу эмпирического, опытного знания [9, с. 85].

Чтобы оценить радикальность их свершений, необходимо четче очертить интеллектуальный контекст. В натурфилософской системе, которую отстаивали Велланский и Павлов, природа понималась как живой, одушевленный организм, пронизанный невидимыми силами и полярностями [2, с. 112]. Конкретные физические явления, такие как электричество и магнетизм, рассматривались не как самостоятельные процессы, подчиняющиеся количественным законам, а как символические откровения внутренней жизни природы. Электрический разряд виделся, например, актом «разрешения» противоречия между положительным и отрицательным полюсами духа, проявлением стремления мировой души к единству [2, с. 155]. Такой умозрительный подход не стимулировал поиск точных количественных закономерностей (типа закона Ома, открытого в 1826 году) и механических причин. Он создавал методологический барьер для инженерии: нельзя было рассчитать параметры электрической цепи или мощность парового двигателя, опираясь на идеи о «полярностях духа» [7, с. 50].

Павел Львович Шиллинг (1786–1837), востоковед, криптограф и изобретатель, в своей деятельности воплотил альтернативную, прагматическую модель познания. Павел Львович Шиллинг фон Канштадт родился в 1786 году в Ревеле (Таллин) в семье офицера русской армии, выходца из знатного вюртембергского рода. Рано потеряв отца, он воспитывался в кадетском корпусе, где проявил блестящие способности к языкам и точным наукам. Уже в юности определились три главных вектора его интересов, которые он сочетал всю жизнь: востоковедение, криптография и электротехника.

В 1803 году Шиллинг поступил на службу в Министерство иностранных дел, где его лингвистический талант (он владел множеством европейских и восточных языков) быстро оценили. Его первая крупная командировка в Мюнхен в 1805–1807 годах в качестве секретаря русской дипломатической миссии совпала по времени с лекциями Шеллинга, однако, в отличие от Велланского, Шиллинг не увлекся натурфилософией, а заинтересовался практическими научными опытами и технологиями [6, с. 25].

Шиллинг стал одним из основоположников научного тибетологии и буддологии в России. Во время службы в Азиатском департаменте МИД и в экспедиции в Восточную Сибирь (1830–1832) он собрал уникальную коллекцию тибето-монгольских рукописей и ксилографов. Но он подошел к востоковедению как технолог: в 1817–1818 годах он изобрел и внедрил первую в мире систему литографического воспроизведения текстов на китайском языке. Это было не просто копирование, а создание шрифтового каталога иероглифов, что намного опередило аналогичные работы в Европе. Здесь проявился его характерный почерк: превратить сложнейшую гуманитарную задачу в инженерную проблему и решить ее элегантным методом [6, с. 40].

На дипломатической службе Шиллинг занимался разработкой и совершенствованием шифров. Он создал одну из первых в мире биграммных шифровальных систем, значительно повысившую стойкость к взлому. Его интерес к кодам был неслучаен и напрямую пересекался с работой над телеграфом: обе области требовали создания однозначных систем соответствия между знаками и их представлением [6, с. 55].

Кроме того, Шиллинг – создатель электромагнитного телеграфа. Работу над телеграфом Шиллинг начал в конце 1820-х годов, синтезировав несколько открытий: 1) использование электромагнита (изобретение Уильяма Стерджена, 1825), который был значительно эффективнее магнитной стрелки.2) применение шестистрелочной индикаторной системы с оригинальным двоичным кодом для представления букв и цифр. Это был прообраз будущих телеграфных азбук.3) Разработка метода изоляции подземных кабелей (с использованием каучука и смолы) для защиты от влаги.

Демонстрация 21 октября 1832 года в его квартире в здании МИД на Английской набережной стала научной и светской сенсацией Петербурга. Аппарат соединял пять комнат протяженностью проводов более километра. В отличие от многих изобретателей, Шиллинг сразу продемонстрировал не лабораторную модель, а готовую к внедрению систему с полным кодовым словарем.

В 1835 году Шиллинг демонстрировал усовершенствованный телеграф на Парижской выставке промышленных достижений, где получил восторженные отзывы европейских ученых. К 1837 году, благодаря поддержке императора Николая I, был разработан проект первой в мире практической подземной телеграфной линии между Петергофом и Кронштадтом для нужд флота. Однако внезапная смерть Шиллинга от инсульта в 1837 году в возрасте 50 лет остановила этот проект. Многие его разработки в области телеграфии, включая идеи подземной прокладки и кодирования, позже были независимо переоткрыты и использованы Сэмюэлом Морзе и другими изобретателями [6, с. 70–75].

Павел Шиллинг был уникальной фигурой на стыке эпох. Он принадлежал к тому же поколению, что и «любомудры», но его мышление было по своей сути анти-шеллингианским. Если натурфилософы видели в электричестве проявление мировой души, то Шиллинг видел в нем физическую силу, подчиняющуюся законам и поддающуюся количественному расчету. Его телеграф стал материальным воплощением иного типа рациональности -инструментальной, прагматической

и ориентированной на решение конкретных задач. В этом он был прямым идейным союзником Черепановых, хотя действовал в другой сфере и социальной среде. Их общим историческим вызовом был разрыв между абстрактным философским умозрением и практическими потребностями модернизирующейся империи. Шиллинг, как и уральские механики, ответил на этот вызов не трактатом, а работающим устройством, доказавшим свою эффективность в реальном мире. Как подчеркивает историк техники В.С. Виргинский, «Шиллинг подошел к решению задачи как инженер, а не как натурфилософ: он искал работоспособную схему, а не философское обоснование явления» [6, с. 78].

Еще более наглядной критикой натурфилософского подхода стало творчество уральских механиков-самоучек Ефима Алексеевича (1774–1842) и Мирона Ефимовича (1803–1849) Черепановых. Ефим Алексеевич родился в семье крепостного мастерового Выйского медеплавильного завода, входившего в огромную державную Нижнетагильскую вотчину промышленников Демидовых. С ранних лет, проявляя «охоту к мастерству», он прошел путь от простого работника до непревзойденного механика и плотинного мастера. Он досконально понимал принципы действия водяных колес, паровых машин (тогда называвшихся «паровыми силами»), устройство доменных печей и прокатных станов. К 1820-м годам Ефим Алексеевич стал главным механиком всех нижнетагильских заводов, отвечая за бесперебойную работу сложнейшего оборудования. Его статус «непременного работника» был высок, но он и его семья оставались крепостными, что накладывало отпечаток на все его деятельность: любое изобретение было собственностью Демидовых [7, с. 30].

Мирон Ефимович с детства был учеником и правой рукой отца. Он не только перенял его практический опыт, но и, будучи грамотным, активно интересовался технической литературой и новинками, в частности, работами английских инженеров. Именно Мирону, обладавшему более системным мышлением, часто принадлежала инициатива в проектировании. В 1833 году по инициативе хозяина, Николая Никитича Демидова, желавшего внедрить на своих заводах самые передовые технологии, Мирон Черепанов был отправлен в длительную командировку в Англию. Эта поездка, во время которой он изучал железные дороги, паровозостроение и металлургию, имела решающее значение. Важно, что Черепановы не стали слепо копировать увиденное. Их гений заключался в творческой адаптации: они учитывали российские условия – качество местных материалов (например, использование уральской лиственницы), более суровый климат, необходимость обслуживания силами местных рабочих [7, с. 60].

Совместная деятельность отца и сына достигла апогея в 1833–1834 годах, когда на Выйском заводе они построили первый в России паровоз (названный ими «пароходным дилижанцем» или «сухопутным пароходом») и чугунную дорогу длиной около 854 метров (400 саженей) для его испытаний. Второй, более мощный паровоз был построен в 1835 году. Вся работа велась на Нижнетагильских заводах: здесь отливали цилиндры, выковывали оси и колеса, изготавливали котел и собирали конструкцию. Паровозы Черепановых были не копией, а оригинальной инженерной разработкой: они имели ряд усовершенствований, таких как использование не одного, а двух паровых цилиндров, что делало ход более плавным, и оригинальную конструкцию топки [7, с. 75].

Несмотря на успех, их изобретение не получило широкого распространения в России в тот момент, во многом из-за консерватизма государственной машины и мощного лобби владельцев конного транспорта. Черепановы продолжали свою основную работу: строили паровые машины для рудников, золотопромывальных фабрик, проектировали водяные турбины, совершенствовали производство. Они оставались крепостными до конца жизни. Ефим Алексеевич был освобожден от крепостной зависимости лишь за год до смерти, в 1841 году, а Мирон Ефимович – посмертно, его семья получила вольную уже после его кончины [7, с. 90]. Построив в 1833–1834 годах первый в России паровоз и железную дорогу на Нижнетагильском заводе, они действовали как чистые эмпирики и практики. Их метод противостоял университетской схоластике: изучение английских образцов, эксперименты с материалами, практические испытания и доводка конструкции. Паровоз Черепановых был материальным воплощением законов термодинамики и механики. Он не «символизировал» единство природы, а практически преодолевал пространство, преобразуя тепловую энергию в механическую работу. Если натурфилософия призывала к созерцанию «живого космоса», то творение Черепановых знаменовало переход к активному, преобразующему взаимодействию с природой. Их успех был прямым ответом на запросы времени: страна нуждалась не в новых философемах о «мировом эфире», а в реальных транспортных системах и промышленных мощностях. Этот исторический эпизод детально исследован в работах уральских историков техники, подчеркивающих, что инженерная практика Черепановых развивалась «вне рамок академической науки своего времени, а зачастую и вопреки ей» [7, с. 45].

Актуальность данного историко-философского анализа заключается в том, что он вскрывает классический и вечно повторяющийся конфликт между умозрительной, тотализирующей теорией и практико-ориентированной, инструментальной рациональностью. Дискуссия первой половины XIX века зеркально отражает современные споры о статусе знания, приоритетах науки и критериях ее истинности. Конкретные инновации Шиллинга и Черепановых можно рассматривать как исторические примеры того, что позднее Бруно Латур назвал бы «сборкой социотехнических сетей», где успех зависит от работы с материальными, а не только концептуальными элементами [8, с. 50].

Проблематика взаимодействия философских концепций (в частности, шеллингианства) и раннего индустриального развития в России активно исследуется в современной историографии. Так, А.Н. Дмитриев в работе «Университет и власть в России: эпоха Великих реформ» рассматривает университетскую науку этого периода как поле борьбы между различными эпистемологическими моделями [5]. И.В. Кузнецов в своих исследованиях по истории российской инженерии специально анализирует когнитивный разрыв между академическим дискурсом и практиками заводских изобретателей на Урале [7]. Философский аспект этой проблематики – критика умозрительных систем через практическую эффективность – находит отражение в трудах современных отечественных философов науки, таких как Л.А. Микешина (анализ взаимосвязи философского и научного познания) и И.Т. Касавин (исследования социальной эпистемологии и практик знания) [10, 11]. Их работы позволяют интерпретировать деятельность Шиллинга и Черепановых не как случайные технические успехи, а как закономерные проявления формирующегося прагматического этоса науки, который вступал в конкуренцию с спекулятивно-философским этосом шеллингианства.

Таким образом, технологические инновации Шиллинга и Черепановых сыграли ключевую роль в методологической трансформации российской науки 1800–1850-х годов. Они стали мощным эмпирическим аргументом в пользу приоритета опытного знания, точного расчета и практической эффективности. Реализовав принцип «критики орудием», эти изобретатели на деле показали ограниченность чисто умозрительной натурфилософской парадигмы. Их деятельность способствовала постепенной консолидации альтернативного, прагматического подхода, который связывал прогресс науки с экспериментальной работой, инженерным расчетом и созданием конкретных технологий, обладающих преобразующим потенциалом. Этот исторический переход заложил важнейшие методологические предпосылки для взрывного роста инженерной мысли и естественных наук в России во второй половине XIX века, подготовив почву для будущих достижений отечественной научно-технической школы [9, с. 95; 11, с. 300].

Литература

1. Веселовский К.С. Русский философ Д.М. Велланский // Русская старина. – 1901. – № 1. – С. 77–85.

2. Каменский З.А. Московский кружок любомудров и русская философия 20-х годов XIX века // Вопросы философии. – 1972. – № 7. – С. 112–124.

3. Григорьев А.А. Русские шеллингианцы 20–30-х годов XIX века // История русской философии / под ред. М.А. Маслина. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – С. 195–215.

4. Петров Ф.А. Немецкая классическая философия и формирование университетского образования в России. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 215 с.

5. Дмитриев А.Н. Университет и власть в России: эпоха Великих реформ. – СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. – 400 с.

6. Виргинский В.С. Павел Львович Шиллинг. – М.: Наука, 1980. – 112 с.

7. Кузнецов И.В. Инженерное знание на Урале в первой половине XIX века: между цехом и академией. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 180 с.

8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

9. Дмитриев А.Н. Споры о науке в России начала XIX века: университеты vs ведомства // Социологическое обозрение. – 2010. – Т. 9. – № 3. – С. 75–95.

10. Микешина Л.А. Философия познания. Полемические главы. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 624 с.

11. Касавин И.Т. Социальная эпистемология. Фундаментальные и прикладные проблемы. – М.: Альфа-М, 2013. – 560 с.

12. Бородулина М.Г. И.И. Давыдов как профессор философии Московского университета // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2011. – № 6. – С. 73–87.

13. Каменский З.А. Философские идеи русского просвещения. – М.: Мысль, 1971. – 390 с.

14. Велланский Д.М. Опытная, наблюдательная и умозрительная физика. – СПб.: Тип. Мед. деп. МВД, 1831. – 208 с.

15. Философия Шеллинга в России / сост., пер., вступ. ст. и примеч. И.А. Михайлова. – СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 1998. – 530 с.

TECHNOLOGICAL INNOVATIONS OF SCHILLING AND THE CHEREPANOVS AS A CRITIQUE OF NATURAL PHILOSOPHY IN RUSSIAN SCIENCE (1800–1850)

Berezovskaya I.P., Bilan O.A.
Institute of Humanities Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article examines the intellectual situation in Russia in the first half of the 19th century. The author shows how Schelling's then popular philosophical system, which sought mysterious spiritual principles in nature, faced a demand for specific, useful knowledge necessary for the development of the country. On the one hand, philosophical circles and universities that spread speculative ideas are analyzed. On the other hand, the work of Pavel Schilling, the inventor of the telegraph, and the creators of the first Russian steam locomotive, the father and son of the Cherepanovs, is examined in detail. Their inventions were a powerful response to the speculative theories that were being defended and proved the importance of experience, calculation and practical benefits. As a result, this competition of ideas paved the way for the flourishing of engineering and scientific thought in Russia in the second half of the century.

Keywords: Russia of the XIX century, Schelling, philosophy and science, practical inventions, Pavel Shilling, Cherepanovs, telegraph, steam locomotive, dispute of theory and practice, scientific and technological progress.

References

1. Veselovsky K.S. Russian philosopher D.M. Vellansky // Russian antiquity. – 1901. – No. 1. – Pp. 77–85.

2. Kamensky Z.A. Moscow circle of wisdom lovers and Russian philosophy of the 1820s // Questions of philosophy. – 1972. – No. 7. – Pp. 112–124.

3. Grigoriev A.A. Russian Schellingians of the 1820s-30s // History of Russian philosophy / edited by M.A. Maslin. – L.: Leningrad State University Publishing House, 1989. – Pp. 195–215.

4. Petrov F.A. German classical philosophy and the formation of university education in Russia. – M.: Moscow State University Publishing House, 2001. – 215 p.

5. Dmitriev, A.N. University and Power in Russia: The Era of the Great Reforms. St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2017, 400 p.

6. Virginsky, V.S. Pavel Lvovich Schilling. Moscow: Nauka, 1980, 112 p.

7. Kuznetsov, I.V. Engineering Knowledge in the Urals in the First Half of the 19th Century: Between the Workshop and the Academy. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015, 180 p.

8. Latour, B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory / translated from English by I. Polonskaya; edited by S. Gavrilenko. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014, 384 p.

9. Dmitriev, A.N. Debates about Science in Russia in the Early 19th Century: Universities vs. Departments // Sociological Review. 2010, Vol. 9, No. 3, Pp. 75–95.

10. Mikeshina, L.A. Philosophy of Knowledge. Polemical Chapters. Moscow: Progress-Tradition, 2002, 624 p.

11. Kasavin, I.T. Social Epistemology. Fundamental and Applied Problems. Moscow: Alfa-M, 2013, 560 p.

12. Borodulina, M. G., and I.I. Davydov as Professor of Philosophy at Moscow University // Vestn. Mosk. University, Series 7. Philosophy. 2011, No. 6, Pp. 73–87.

13. Kamensky, Z.A. Philosophical Ideas of the Russian Enlightenment. Moscow: Mysl', 1971. 390 p.

14. Vellansky, D.M. Experimental, Observational, and Speculative Physics. St. Petersburg: Type. Medical Dep. of the Ministry of Internal Affairs, 1831. 208 p.

15. Schelling's Philosophy in Russia / compiled, translated, introduced, and noted by I.A. Mikhailov. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 1998. 530 p.

Антропологические основания успешности опыта пользователя профориентационных сервисов (детей из семей с мигрантской историей)

Клюев Артём Андреевич,
старший преподаватель кафедры философии и общественных наук, НГПУ им. К. Минина
E-mail: artemklyuev1@gmail.com

Громов Богдан Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и общественных наук, НГПУ им. К. Минина
E-mail: bogdan.gromov1989@gmail.com

Абрамычев Михаил Михайлович,
преподаватель преподаватель кафедры философии и общественных наук, НГПУ им. К. Минина
E-mail: abramychevmm@gmail.com

Культурная и профессиональная интеграция мигрантов и людей с мигрантской историей в российское общество является одним из ключевых приоритетов развития государства на его современном этапе, отражая общемировую тенденцию. Будучи важной составляющей политики формирования и поддержания национальной идентичности, идеи включенности и соборности на условиях этнического и национального разнообразия ставят новые задачи перед системой образования. Как отмечалось ранее на смену традиционным формам классической образовательной модели приходят новые инструменты и практики, позволяющие создать особое гибридное пространство обучения, выходящее за границы приобретения знания, но акцентирующие свое внимание на формировании общегражданской позиции и практико-ориентированного мышления.

Ключевые слова: миграция, интеграция мигрантов, национальная идентичность

Публикация подготовлена в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073–00056–25–00 на выполнение в 2025 г. научно-исследовательской работы по теме «Социокультурная адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российское образовательное пространство»

Культурная и профессиональная интеграция мигрантов и людей с мигрантской историей в российское общество является одним из ключевых приоритетов развития государства на его современном этапе, отражая общемировую тенденцию [8]. Будучи важной составляющей политики формирования и поддержания национальной идентичности, идеи включенности и соборности на условиях этнического и национального разнообразия ставят новые задачи перед системой образования. Как отмечалось ранее на смену традиционным формам классической образовательной модели приходят новые инструменты и практики, позволяющие создать особое гибридное пространство обучения, выходящее за границы приобретения знания, но акцентирующие свое внимание на формировании общегражданской позиции и практико-ориентированного мышления [4].

Оставляя за системой среднего школьного образования первое место, ситуация современности требует формулировки проблемы и концептуальной схемы по дополнению этой системы дополнительными инструментами. Подобного рода инструменты могут представлять собой цифровые платформы, на которых учащиеся 9–11 классов смогут получать представление о своей возможной будущей профессии, формировать предпрофессиональные компетенции, определять свою потенциальную карьерную и жизненную перспективу. В качестве варианта подобной платформы в рамках государственного задания Министерства просвещения Российской Федерации № 073–00056–25–00 на выполнение в 2025 г. научно-исследовательской работы по теме «Социокультурная адаптация и интеграция детей из семей мигрантов в российское образовательное пространство» авторами предлагается рассмотреть концептуальные основания для разработки подобного рода платформи и обеспечения успешности опыта использования этой платформы по двум параметрам: пользовательской удовлетворенности и реализации стратегической задачи государства.

Первостепенной задачей при формулировании технического задания по созданию профориентационных сервисов является выявление фундаментальных основ, определяющих потенциал успеха. Так перечислим ожидаемые результаты: во-первых, с позиции пользователя ключевыми показателями достижения результата будут являться профессиональное определение, ознакомление и понимание специфики своего выбора, культурная и языковая адаптация; во-вторых, с точки зрения реализации стратегической задачи государства интеграция пользователей в российское культурное и профессиональное пространство, предотвращение экстремистских и радикальных действий, удержание интереса к профессиональной деятельности [5].

В фундаменте формирования успешного опыта взаимодействия пользователя с профориентационным сервисом мы полагаем следует опираться на должное разворачивание когнитивно-деятельностной антропологической установки. Макет когнитивно-деятельностной модели был рассмотрен ранее в контексте опыта игрока в видеоигре, но представляется возможным экстраполировать эту модель и на построение образовательной и профориентационной стратегии: «Таким образом, основное рассмотрение сосредотачивается на том, с каким именно образом себя и отношений «я-мир» сталкивается игрок в рамках нарративно насыщенных видеоигр, преимущественно ролевых, а также какие модели поведения и миропонимания принимает на себя игрок посредством вовлечения в игру» [3]. Платформа, направленная не только на узкую задачу подготовки к профессиональной деятельности, но реализующая задачи по культурной интеграции непременно должна затрагивать области самоопределения человека, его образа будущего и образа мира, в котором это будущее будет, в идеальном случае, счастливым. «Именно через осознание специфического устройства мира и его когнитивного освоения через нарратив, а также, деятельностного освоения в процессе взаимодействия с этим миром на уровне механик видеоигры и возможно сопричастие игрока и, в определенном смысле, «вчуствование» жизненного опыта определенного антропологического типа. Такое «вживание» в определенный

когнитивно-деятельностный антропологический тип в свою очередь не проходит бесследно, ведь видеоигра, являясь одной из многообразия форм медиа, оставляет след определенного сообщения: смыслов и позиций, заложенных в логику функционирования предложенного когнитивно-антропологического типа» [3]. В связи с этим рассмотрим некоторые прикладные принципы формирования полноценного опыта конструирования будущего субъекта в контексте его культурного и профессионального самоопределения.

Эффективность как один из принципов функциональности платформы-навигатора акцентирует внимание на целевой составляющей. Главной целью существования навигатора является предоставление инструментария для получения знаний о своей возможной будущей профессии, формирования предпрофессиональных компетенций, определения своей потенциальной карьерной и жизненной перспективы, а также механизмов культурной интеграции. Достичь этого возможно выявив и сопоставив запросы пользователя и необходимые интерактивные формы взаимодействия с платформой. В контексте эффективности предлагается формат начальной и сквозной диагностики – точек рефлексии. Вводные тестирования и распределенные на ключевых точках контроля промежуточные задания, связанные с показателями формирования личностных особенностей, компетенций (общекультурных, предпрофессиональных, гражданских). В частности, в рамках входного тестирования возможно опираться на адаптированные системы оценивания себя такие как: тест «Кто Я?» (М. Кун, Т. Макпартленд; модификация Т.В. Румянцевой) Адаптивный тест на основе моделей Дж. Холланда и Э. Шпрангера. Дополнительные вопросы об интересах, навыках (soft/hard), предыдущем профессиональном опыте должны стать основой для формирования первичного пула интерактивных заданий.

Работа с информацией и заданиями предполагает рекурсивно-прогрессивный модульный тип. Рекурсивность позволяет обратиться к освоенному (успешно или нет) материалу и произвести процедуру повторения и укрепления знаний через возвращение к ключевым тематическим блокам. Кроме того, те блоки заданий, которые оказались выполнены с ошибками могут быть снова воспроизведены в качестве работы над ошибками в следующих комплектах заданий. Прогрессивность в данной системе формирования блоков заданий должна выполнять функцию постепенного усложнения и углубления формируемых навыков и умений. Модульность же предполагает комплектацию информации и заданий в особые блоки, с тем чтобы наиболее полно охватить спектр необходимых для отработки навыков и умений. Такое построение позволит с каждой итерацией совершенствовать осваиваемую компетенцию. Задания с неудачными решениями могут быть включены в более поздние итерации. В качестве образца может служить модель открытой образовательной платформы обучения языку Duolingo.

Вовлекающий характер должен быть реализован через инструменты геймификации и поощрения. В опыте взаимодействия пользователь должен мталкиваться с «образовательной игрой» [7]. Предлагаемые в рамках разработки модели инструменты:

1. Нарративное сопровождение
2. Система внутренних и внешних вознаграждений
3. Шкала прогрессии и возможность демонстрации достижений

Нарративное сопровождение, а именно: создание сюжетного обрамления на пути освоения материалов, может служить в данном случае хорошим подспорьем для сохранения вовлеченности и выработки личной привязанности пользователя к деятельности в рамках платформы. Сама по себе нарративная составляющая может быть реализована через создание сквозной сюжетной линии, где вымышленные персонажи должны решать такие же задачи, как и пользователь, а тот в свою очередь может помочь им, выполняя свой набор заданий. Конечной же целью пользователя будет прийти к освоению полного набора навыков не только для себя самого, но и для персонажей истории. Соединение механизмов личного отношения к образу себя в истории и стремление к позитивному завершению сюжета, могут служить существенным драйвером поддержания интереса пользователя в долгосрочной перспективе.

Вторым немаловажным атрибутом вовлекающей модели может стать возможность для пользователя отслеживать свой прогресс, а также получать и демонстрировать полученные им в ходе обучения достижения. Отслеживания прогресса является важной составляющей поддержания внутренней мотивации пользователя, кроме того, это также позволяет осуществлять акт рефлексии над своим собственным развитием, обнаруживать слабые и сильные места. Инструмент отслеживания прогресса, кроме того, должен содержать в визуализированной форме не только фиксацию уровня освоения необходимых показателей образовательного прогресса, но и демонстрировать точки риска. Возможность же демонстрации своих достижений в социальных сетях и в рамках платформы представляет собой инструмент внешней мотивации, позволяя пользователю получать ощущение социального одобрения, а также давая способ заявить о своих достижениях публично.

Третий элемент – система внутренних и внешних вознаграждений. Важным принципом геймификации является принцип систематического поощрения пользователя. Система внутренних вознаграждений может содержать в себе механизм демонстрации и отслеживания прогресса, как было отмечено ранее, а также представлять возможность для пользователя получать доступ к дополнительным материалам, внешние же вознаграждения могут быть реализованы через партнерские программы с другими организациями, которые в свою очередь за достижения в рамках платформы могут предоставлять те или иные вознаграждения, например: экскурсии в музеи, билеты в театры и т.д [9].

Иммерсивная (вовлекающая, удерживающая) составляющая представляется чрезвычайно важным атрибутом подобного рода сервиса. Сохранение интереса через мотивационные механизмы и механизмы геймификации будут поддерживать у пользователя желание продолжать движение по образовательной траектории профессионального ориентирования, позволяя, в полной мере раскрытья механизмам когнитивно-деятельностной модели [2].

Кроме того, сервис должен отвечать критерию *адаптивности* системы под запросы пользователя. Этот принцип базируется отслеживании и анализе интересов и успехов пользователя. На основе входной диагностики система подбирает потенциально подходящие траектории (заложенные в нее предварительно на этапе разработки содержательной части), затем отслеживает показатели успешности и вовлеченности пользователя и либо продвигает пользователя по траектории обучения, либо изменяет набор заданий в соответствие с приоритетом [6].

Предполагается разработка системы мониторинга приоритетов на основе тегов и семантического анализа, а также инструментов оценки показателей взаимодействия пользователя с контентом платформы. Данная система должна позволить на ключевых точках контроля проверять соответствие выбранной траектории профориентации реальным потребностям и способностям пользователя и адаптировать набор заданий для следующей итерации. С данной целью предлагается ввести три структурных блока заданий: профориентационный (предметный), общекультурный (общегражданский), языковой. При анализе результатов первичной диагностики платформой могут быть предложены вариативные траектории освоения профориентационного маршрута. Так, если пользователь продемонстрировал слабое владение языковым компонентом, то на начальном этапе преимущество будет отдано освоению именно этого региона знания. Кроме того, именно этап первичной (входной) диагностики должен продемонстрировать предметную ориентацию пользователя и в соответствие с ней предложить маршруты профориентационного образовательного освоения контента, а также сформировать пул заданий.

Сама же специфика заданий должна отражать не простой набор школьных задач для решения, но, разработанных с учетом будущей профессиональной деятельности. Рекомендуется исходить из принципа создания заданий на основе кейса метода[1, 4]. Такой тип позволит наиболее полно сформировать модель когнитивно-деятельностного освоения материал, задействовать как познающий и изучающий механизм, так и практический.

В заключении заметим, что представленная модель когнитивно-деятельностного образовательного маршрута является гипотетической и требует апробации, рефлексии и доработки. Но может служить отправной точкой по выявлению антропологических оснований для разработки подобного рода прикладных образовательных моделей.

Литература

1. Богомолов А. В., Клюев А.А., Макарова А.О. Методология и технология профессионального образования (педагогические науки) практика создания и апробации геймифицированного продукта (в рамках дисциплины «Биоэтика») // Казанская наука. – 2024. – № 12. – С. 167–169. – EDN QMALHF.

2. Грау О. Эмоции и иммерсия: ключевые элементы визуальных исследований [Книга]. – СПб: Эйдос, 2013. – 56 с.

3. Клюев, А.А. Перспективы анализа видеоигр с применением концепта когнитивно-деятельностного антропологического типа / А.А. Клюев, Е.Н. Клюева // Манускрипт. – 2021. – Т. 14, № 10. – С. 2149–2153. – DOI 10.30853/mns210374. – EDN AEPULU.

4. Клюев А.А. Перспективы использования role play методик при работе с биоэтическими кейсами в рамках подготовки студентов медицинских направлений // Пироговские чтения: Материалы XXVII научной конференции студентов и молодых исследователей, Нижний Новго-

род, 25 ноября 2021 года. – Нижний Новгород: Издательство Приволжского исследовательского медицинского университета, 2021. – С. 62–65. – EDN APAFFI.

5. Макарова А. О., Клюев А.А., Гребенюк О.В. Система профориентации во Франции: от личного интереса к стратегии развития страны // Казанская наука. – 2025. – № 3. – С. 131–133. – EDN GLLUGS.

6. Манович Л. Теории софт-культуры [Книга]. – Нижний Новгород: Красная ласточка, 2017. – 208 с.

7. Фортунатова В.А. Образовательная игра как метафора и технология: философско-гуманитарный аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2015.№ 3 (39). С. 231–235.

8. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху [Книга]. – М: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 336 с.

9. Klyuev A. A., Shmeleva N.V., Karpukova A.A. The potential of using video games in the educational activities of the university [et al.] // Ad Alta. – 2021. – Vol. 11, No. 2 S23. – P. 225–228. – EDN YWWYZD.

ANTHROPOLOGICAL FOUNDATIONS OF SUCCESSFUL EXPERIENCES OF USERS OF CAREER GUIDANCE SERVICES (CHILDREN FROM FAMILIES WITH A MIGRATION HISTORY)

Klyuev A.A., Gromov B.Yu., Abramychev M.M.
K. Minin Novosibirsk State Pedagogical University

The cultural and professional integration of migrants and people with a migration history into Russian society is one of the key priorities of state development at its current stage, reflecting a global trend. As an important component of the policy of forming and maintaining national identity, the ideas of inclusion and unity within the context of ethnic and national diversity pose new challenges for the education system. As noted earlier, traditional forms of the classical educational model are being replaced by new tools and practices that enable the creation of a unique hybrid learning environment that goes beyond the acquisition of knowledge, but focuses on developing a civic stance and practice-oriented thinking.

Keywords: migration, migrant integration, national identity

References

1. Bogomolov A. V., Klyuev A.A., Makarova A.O. Methodology and technology of professional education (pedagogical sciences) practice of creating and testing a gamified product (within the framework of the discipline “Bioethics”) // Kazan science. – 2024. – No. 12. – Pp. 167–169. – EDN QMALHF.

2. Grau O. Emotions and immersion: key elements of visual research [Book]. – St. Petersburg: Eidos, 2013. – 56 p.

3. Klyuev, A.A. Prospects for the analysis of video games using the concept of cognitive-activity anthropological type / A.A. Klyuev, E.N. Klyueva // Manuscript. – 2021. – Vol. 14, No. 10. – Pp. 2149–2153. – DOI 10.30853/mns210374. – EDN AEPULU.

4. Klyuev A.A. Prospects for using role-play methods when working with bioethical cases in the framework of training medical students // Pirogov Readings: Proceedings of the XXVII scientific conference of students and young researchers, Nizhny Novgorod, November 25, 2021. – Nizhny Novgorod: Publishing House of Privolzhsky Research Medical University, 2021. – Pp. 62–65. – EDN APAFFI.

5. Makarova A. O., Klyuev A.A., Grebenyuk O.V. The career guidance system in France: from personal interest to the country’s development strategy // Kazan science. – 2025. – No. 3. – P. 131–133. – EDN GLLUGS.

6. Manovich L. Theories of soft culture [Book]. – Nizhny Novgorod: Krasnaya Lastochka, 2017. – 208 p.

7. Fortunatova V.A. Educational game as metaphor and technology: philosophical and humanitarian aspect // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences. 2015. No. 3 (39). P. 231–235.

8. Zuckerman E. New connections. Digital cosmopolitans in the communicative era [Book]. – M: Ad Marginem Press, 2015. – 336 p.

9. Klyuev A. A., Shmeleva N.V., Karpukova A.A. The potential of using video games in the educational activities of the university [et al.] // Ad Alta. – 2021. – Vol. 11, No. 2 S23. – P. 225–228. – EDN YWWYZD.

Культурогенез и политический миф: от архаической синкретичности к философскому моделированию в античной традиции

Манасеев Дмитрий Дмитриевич,
аспирант, ФГБОУ ВО «Луганский государственный университет имени Владимира Даля»
E-mail: manaseev@inbox.ru

В статье исследуется функциональная динамика мифа в контексте культурогенеза античного общества. Автор анализирует эволюцию мифологического сознания от его первичной синкретической формы, выполнявшей онтологические и социально-интегративные функции, до осознанного инструмента философско-политического проектирования. Особое внимание уделяется роли мифа в легитимации власти, сакрализации иерархии, формировании коллективной идентичности и проектировании идеальных социальных моделей. Делается вывод, что античность заложила основные архетипы и механизмы политической мифологии, которые, трансформируясь, продолжают оказывать влияние на культурные и политические процессы вплоть до современности.

Ключевые слова: генеалогия, культура, культурогенез, легитимация власти, миф, сакрализация, социальная интеграция.

Введение

Проблема генезиса культуры неразрывно связана с анализом мифа как основополагающей формы осмысления и структурирования реальности. В архаических обществах миф выступал не просто нарративом о богах и героях, а целостной символической системой, конституирующей социальный и космический порядок. Он выполнял несколько ключевых функций – онтологическую, гносеологическую, аксиологическую и праксеологическую. Актуальность исследования обусловлена тем, что механизмы мифотворчества, отработанные в античности, легли в основу многих политических идеологий последующих эпох.

Научная новизна предлагаемого исследования состоит в преодолении традиционного подхода, рассматривающего политический миф либо как идеологическую надстройку, либо как архаический пережиток. Однако анализ показывает, что миф является неотъемлемым конститутивным элементом культурогенеза, выполняющим работу по символическому синтезу онтологического, социального и политического порядков. В данной работе, на материале античной традиции демонстрируется, что эволюция культуры представляет собой последовательную смену доминирующих мифологических моделей, каждая из которых задает специфическую матрицу социальной реальности.

Таким образом, целью работы является не просто описание трансформации мифа, а доказательство его конститутивной роли в процессе античного культурогенеза. Культура предстает не как среда, в которой существует миф, а как результат работы мифологического механизма по производству легитимных смыслов и социальных связей

Степень изученности

Тема мифа и его трансформации в процессе культурогенеза исследована достаточно широко, однако различные аспекты изучены неодинаково. К. Леви-Стросс [2] и представители структурной антропологии детально анализировали синкретичность архаического мышления, показывая, как социальное, природное и космическое образуют неделимое целое. Французская социологическая школа, представленная работами Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля, рассматривала миф как форму коллективных представлений, выражающих структурную и нормативную организацию общества. Исследователи анализировали феномен тотемизма как одну из элементарных форм религии и мифа, а также уделяли внимание специфике первобытного мышления, рассматривая его не как простое отражение внешнего мира, но как особую когнитивную и социальную категорию, конституирующую коллективную онтологию и регламентирующую нормы и поведение членов сообщества. В то же время вклад В.М. Шелюто заключается в исследовании сакрального аспекта. В современной политической теории миф изучается как инструмент идеологического конструирования: Ж. Сорель, Р. Барт, К. Флай, что позволяет рассматривать античные механизмы в широком историческом контексте. Несмотря на значительное количество исследований, менее подробно прослежена динамика перехода мифа от нерефлексивной архаической синкретичности к рефлексивному философскому моделированию в античной традиции, где миф начинает функционировать как инструмент интерпретации и институционализации политического порядка.

В основу работы положен синтетический междисциплинарный подход, объединяющий методы историко-философской реконструкции, структурно-семиотического анализа и дискурс-анализа.

Основная часть

В ранних обществах миф функционирует как первичная онтология, задавая не столько описание мира, сколько структуру возможного опыта субъекта; мифологическое сознание не предполагает разделения на «культуру» и «природу», а воспроизводит целостность и единство бытия, в котором физическое, социальное и политическое воспринимаются как органически связанные элементы. На этом фоне формулируется центральная научная проблема, которая выражена в необходимости системного анализа функциональной динамики мифа в процессе античного культурогенеза, от нерефлексивной матрицы порядка, в которой миф органически интегрирует социальное, политическое и космическое, к рефлексивному инструменту интерпретации и конструирования социальной реальности, что предполагает постепенную рационализацию мифологического сознания, его адаптацию к услож-

няющимся социальным структурам и формирование предпосылок философского осмысления мира.

Анализ культурогенеза следует начать с гомеровского эпоса. В «Илиаде» господствует модель военно-аристократического общества, где авторитет определяется прежде всего генеалогическим происхождением, личной доблестью и способностью к подвигу, что отражает идеологию героического порядка, ориентированного на физическую силу и боевое мастерство. К примеру, можно вспомнить сражения Ахиллеса и Астеропея. Перед боем Ахиллес вопрошает о происхождении Астеропея, на что тот ответил: «Я из Пеонии муж, из страны плодоносной, далекой; / Вождь я пеонян огромнокопейных. Двенадцатый день мне / Светит с оной поры, как пришел я в Приамову Трою. / Родоначальник мой славный – Аксий широкотекущий, / Аксий, водою прекраснейшей недра земные поящий: / Он Пелегона родил; от него, копьеносца, вещают, / Я порожден» [1, с. 331]. После победы над Астеропеем Ахиллес произносит: В прахе лежи! Тебе тяжело всемогущего Зевса / Спорить с сынами, хотя и рожден ты рекою великой! / Ты от реки широкой своим величаешься родом; / Я от владыки бессмертных, от Зевса, рождением славлюсь» [1, с. 331]. В «Одиссее» происходит смещение ценностной парадигмы. На первый план выходит другая ценность – мудрость, умение стратегически мыслить и применять хитрость, что демонстрирует формирование интеллектуально-политической модели лидерства. Касательно архетипического образа Одиссея, необходимо отметить, что он является не просто мифологическим героем. Он отображает другой архетипический тип нежели Гектор или же Ахилл. Одиссея можно характеризовать через категории «ум» и «хитрость». В целом гомеровский эпос фиксирует динамику культурогенеза, отражая постепенный переход от архаических форм власти, основанных на прямой физической доминации и родовой принадлежности, к более рефлексивным и инструментализированным моделям социального и политического устройства, где ценятся рассудок и стратегическое мышление. Таким образом, уже на архаической стадии миф не просто отражает, но и генерирует социальный порядок, выступая первичным кодом культурогенеза, определяющим базовые ценности и иерархии.

Следующий важный этап в культурогенезе – это появление логографов. Они первые, кто предпринял систематическую попытку зафиксировать мифы, существовавшие ранее исключительно в устной традиции. Логографы ориентировались на современную им социально-политическую реальность: их труды отражали борьбу различных политических сил, социально-классовую структуру и идеологические модели, при этом с помощью мифов они обосновывали существующий порядок и легитимировали политические институты. Однако на их текст оказывал сильное влияние субъективный фактор. К примеру, можно рассмотреть Гекатея Милетского. Из малочисленных источников наглядно видно его отношение к существовавшим до него историческим сведениям: «я пишу это так, как мне представляется истинным, ибо рассказы эллинцов многоразличны и смехотворны, как мне кажется» [6, с. 136]. Данный факт свидетельствует о том, что историческое полотно воспринималось с позиции субъективности. При этом логографы осуществляли первую попытку демифологизации. Они стремились исключить чудесное и сверхъестественное из повествования, стремясь представить миф как исторический материал. Однако парадокс заключается в том, что рационализация не отменяла мифологической функции, а лишь переформатировала ее. В упоминаниях Геродота о Гекатее есть такой фрагмент: «Логографу Гекатею, который в прежние времена, находясь в (египетских) Фивах, рассказал (жрецам) свою генеалогию и возвел свое происхождение по мужской линии в шестнадцатом поколении к богу, жрецы Зевса (=Амура) ответили так же, как и мне, даром что я им своей генеалогии не рассказывал» [6, 135 с.]. Следовательно, мифология сохраняется. Меняется лишь транслируемый миф. Подводя промежуточный итог нужно отметить, что логографическая традиция представляет собой ключевой этап культурогенеза античного мифа. На этом этапе наблюдается процесс трансформации мифологического сознания от архаической синкретичности к рационализированному и политически инструментализированному дискурсу.

Геродот и Фукидид демонстрируют принципиально новое отношение к мифу, характерное для переходного этапа античного мышления, когда Логос постепенно стремится занять доминирующую позицию, однако Мифос остается значимой структурой интерпретации мира. На этом фоне формируется особая модель исторического сознания, в которой миф утрачивает статус буквального прошлого, но сохраняет функцию смыслового и ценностного основания коллективной идентичности. А.Ф. Лосев так охарактеризовал Фукидида и сопутствующий ему период античности: «В связи с эволюцией греческого полиса и прогрессирующим развитием индивидуума этот скептицизм и рационализм растут и граничат уже с изображением вполне прагматических отношений между людьми или между странами. Таков именно Фукидид. Но в решительную минуту и у него выступает та или иная «случайность» как руководящий принцип развертывания событий и как все тот же божественный авторитет, хотя на этот раз уже достаточно обезличенный и обездушенный» [3, с. 51–52].Тем самым меняется не сам миф, а критерии рациональности, которые начинают требовать логической связности, причинно-следственной обоснованности и возможности проверки, но не исключают символическую природу объяснений. Итогом этих процессов становится формирование специфического историко-мифологического сознания, в рамках которого рефлексивная историческая реконструкция сосуществует с глубинными мифологическими структурами. Такое сознание обеспечивает не только объяснение прошлого, но и конструирование единой символической картины, необходимой для политической и культурной самоидентификации полиса или империи.

Платон представляет собой принципиальный поворотный пункт в античном культурогенезе, поскольку именно в его философской системе миф радикально меняет свою функцию и онтологический статус. Если у логографов миф подвергался наивной рационализации, а у Геродота и Фукидида – критическому отбору и историческому переосмыслению, то у Платона миф впервые становится осознанно создаваемым инструментом политического и педагогического моделирования.

Платон осуществляет сознательную мифопоэтическую работу, превращая миф из достояния традиции в инструмент философского проектирования идеального полис. Из чего можно заключить, что труды Платона не лишены мифологии. Для него она выступает как необходимая составляющая, которая выполняет социально-конструктивную функцию. Даже сама идея идеального государства является мифологической моделью. Философ писал: «ты говоришь о государстве, устройство которого мы только что разобрали, то есть о том, которое находится лишь в области рассуждений, потому что на земле, я думаю, его нигде нет. – Но быть может, есть на небе его образец доступный каждому желающему: глядя на него, человек задумается над тем, как бы это устроить самого себя. А есть ли такое государство на земле и будет ли оно – это совсем неважно. Человек этот занялся бы делами такого – и только такого – государства» [5, с. 949]. Тем самым миф у Платона становится инструментом формирования не только новой системы управления Государством, но и задает новую онтологию.

Главная платоновская мифологема – образ идеального государства, существующего как «небесный образец» и задающего нормативный эталон для земного политического устройства. Эта конструкция легла в основание последующей традиции утопического мышления, от античности до Нового времени. Платон не просто адаптирует миф, но трансформирует сам принцип его функционирования в культуре: миф становится средством сознательного конструирования политической реальности, механизмом социализации и формообразующим фактором государственного проекта. В этом и состоит ключевое нововведение платоновского этапа культурогенеза – перенос мифа из сферы традиционного наследия в сферу нормативного моделирования. Из этого следует, что платоновский проект – это кульминация осознания мифа как инструмента культурогенеза. Философ не просто использовал миф, он демонстрирует, что рациональное проектирование идеального общества невозможно без мифологического фундамента, создающего онтологическую основу для политического единства.

Аристотель, развивая и переосмысливая линии платоновского мифотворчества, подчеркивает необходимость мифически-символической формы воспитания для устойчивости политического порядка. В его концепции рациональное начало не действует автономно. При этом оно эффективно лишь внутри системы устоявшихся привычек и эмоционально-эстетических образцов, которые закрепляются и транслируются через миф.

Фундаментальная триада аристотелевского подхода заключается в трех элементах: удивление, подражание, удовольствие. Они отражают механизм воздействия мифа, который заключается в том, что миф первоначально вызывает удивление, которое затем стимулирует подражание благородным образцам и, в конечном счете, приносит нравственное удовольствие, закрепляя образцы поведения и ценности в сознании граждан. Таким образом, миф выступает одновременно как педагогический инструмент, формирующий нравственные эталоны, и как социальный механизм, поддерживающий единство полиса. Таким образом, культурогенез у Аристотеля заключается в интеграции мифа как символической и эмоционально-эстетической основы воспитания гражданина, через которую рациональные законы и нравственные нормы реализуются в привычках и практиках полиса, обеспечивая единство и устойчивость социального и политического порядка.

После Аристотеля культурогенез античного мифа демонстрирует переход от воспитательной и социально-политической функции к универсализирующим и легитимизирующим моделям. Стоицизм рационализирует миф, превращая его в аллегорию Логоса, где божественный порядок, естественный и политический закон становятся идентичными, что создает концепцию «гражданина мира» и обосновывает космополитизм. Эвгемеризм переносит сакральный статус из богов на исторических правителей, превращая мифологию в инструмент политической интеграции империй, наглядно проявившийся в обожествлении Александра Македонского и римских императоров. Неоплатонизм, в лице Прокла и императора Юлиана, предпринимает попытку восстановить миф как метафизическую и политическую реальность, проецируя иерархию бытия на структуру государства и легитимизируя власть императора как сакрального посредника. Таким образом, миф в поздней античности трансформируется из воспитательного и культурного механизма в универсальную философско-политическую и идеологическую систему, обеспечивающую космополитическую идентичность и легитимацию домината.

Заключение

Подводя вывод, следует отметить, что культурогенез мифа в Античности представляет собой нелинейный процесс движения от синкретической онтологии архаического сознания к рефлексивному инструментарию философско-политического моделирования. Главным вектором этой эволюции стало превращение мифа из данности в проект сознательного конструирования. Если у Гомера и логографов миф еще выступал как нарративное обоснование существующего порядка, то у Платона он впервые становится методом проектирования идеального государства, а у Аристотеля – педагогическим механизмом формирования гражданской субъективности. В эллинистическо-римский период миф окончательно политизируется, обслуживая задачи интеграции космополитических империй через универсальные философские системы (стоицизм) или прямую сакрализацию власти (эвгемеризм).

Следует также отметить, что в античной традиции политический миф выполняет функции имманентного начала культурогенеза. От синкретической архаики до философской рефлексии миф выполнял незаменимую работу по символическому синтезу разрозненных элементов опыта в целостную культурную систему. Он обеспечивал символический синтез, тем самым создавал единую картину мира, способную объединить космос, социум и власть. Также политический миф конструировал идентичность через диалектику «своих» и «чужих», а также сакральную генеалогию. Данный аспект подробно исследован в работе «Диалектика мифа и личностного самоопределения в контексте региональных исторических нарративов» [4]. Каждая фаза развития культуры маркируется не сменой экономических формаций или технологий в первую очередь, а сменой доминирующей мифологической матрицы, перекодирующей саму основу социальной реальности.

Литература

1. Гомер Илиада / Пер. Н.И. Гнедича. – М.: «ГИХЛ», 1960. – 436 с.
2. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс; [Пер. с фр. под ред. и с примеч. Вяч. Вс. Иванова]. – М.: «Наука», 1985. – 535 с.
3. Лосев А.Ф. Античная философия истории / ред. А.В. Гулыга – М.: «Наука», 1977–208 с.
4. Манасеев Д.Д. Диалектика мифа и личностного самоопределения в контексте региональных исторических нарративов // Общество и человек. – Санкт-Петербург, 2025. № 1 (52). –С. 36–40.
5. Платон Полное собрание сочинений в одном томе. – М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. – 1311 с.
6. Фрагменты ранних греческих философов / ред. Т.И. Ойзерман, А.Л. Андреев, В.В. Бычков, П.П. Гайденко, А.В. Гулыга, М.А. Киссель, В.А. Кувакин, Н.В. Мотрошилова, В.В. Мшвенирадзе, И.С. Нарский, И.Д. Рожанский, В.В. Соколов, А.Л. Субботин, А.Д. Сухов, А.А. Столяров, Н.Ф. Уткина – Ч. 1, М.: «Наука», 1989. – 576 с.

CULTURAL GENESIS AND POLITICAL MYTH: FROM ARCHAIC SYNCRETISM TO PHILOSOPHICAL MODELING IN THE ANCIENT TRADITION

Manaseev D.D.
Vladimir Dahl Lugansk State University

The article explores the functional dynamics of myth in the context of the cultural genesis of ancient society. The author analyzes the evolution of mythological consciousness from its primary syncretic form, which performed ontological and socio-integrative functions, to a conscious tool for philosophical and political design. Special attention is paid to the role of myth in the legitimization of power, the sacralization of hierarchy, the formation of collective identity, and the design of ideal social models. It is concluded that antiquity laid the foundation for the basic archetypes and mechanisms of political mythology, which, while undergoing transformations, continue to influence cultural and political processes up to the present day.

Keywords: genealogy, culture, cultural genesis, legitimization of power, myth, sacralization, and social integration.

References

1. Homer Iliad / Translated by N.I. Gnedich. – M.: "GIHL", 1960. – 436 p.
2. Levi Strauss K. Structural anthropology / K. Levi-Strauss; [Translated from French under the editorship. and with a note by Vyacheslav Ivanov]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 535 p.
3. Losev, A.F. Ancient Philosophy of History / ed. by A.V. Gulyga. Moscow: Nauka, 1977. 208 p.
4. Manaseev, D.D. Dialectics of Myth and Personal Self-Determination in the Context of Regional Historical Narratives // Society and Man. – St. Petersburg, 2025. No. 1 (52). – Pp. 36–40.
5. Plato's Complete Works in One Volume. Moscow: ALFA-KNIGA Publishing House, 2016. 1311 p.
6. Fragments of early Greek Philosophers / ed. by T.I. Oizerman, A.L. Andreev, V.V. Bychkov, P.P. Gaidenko, A.V. Gulyga, M.A. Kissel, V.A. Kuvakin, N.V. Motroshilova, V.V. Mshveniradze, I.S. Narsky, I.D. Rozhansky, V.V. Sokolov, A.L. Subbotin, A.D. Sukhov, A.A. Stolyarov, N.F. Utkina – Part 1, Moscow: Nauka, 1989, 576 p.

Город как феномен социально-философской рефлексии: историко-теоретический анализ

Суховская Дарья Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра исторических, социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии, ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
E-mail: daria.sukhovskaya@yahoo.com

В статье рассматривается город как предмет социально-философского анализа, прослеживаются ключевые этапы формирования урбанистической мысли от классической социологии до современной критической теории. Опираясь на труды М. Вебера, Г. Зиммеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Лефевра и Д. Харви, автор показывает эволюцию понимания города – от экономико-политического центра обмена и автономного общественного образования до сложного социально-пространственного феномена, отражающего противоречия капиталистической системы. Особое внимание уделяется интерпретации города как пространства производства и воспроизводства социальных отношений, loci идентичности и отчуждения, а также как арены борьбы за «право на город». Показано, что город в современной философии выступает не только как материальная структура, но и как символический, культурный и идеологический конструкт, задающий формы коллективного опыта и социального воображаемого.

Ключевые слова: город, социальная философия, урбанизм, М. Вебер, Г. Зиммель, К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Лефевр, Д. Харви, идентичность, капитал, пространство, отчуждение, право на город.

Истоки анализа города в социальной философии восходят к трудам классиков социологии – М. Вебера и Г. Зиммеля. М. Вебер рассматривал город прежде всего в рамках политико-экономического подхода. М. Вебер дал экономическое определение города: «город в понимаемом нами смысле есть поселение, в котором действует рынок», таким образом, с точки зрения М. Вебера, город – это поселение, жители которого живут преимущественно за счёт торговли и ремесел, а не сельского хозяйства [2, с. 608]. Таким образом, город, по М. Веберу, – это рынок и центр обмена, что отличает его от аграрной деревни. Более того, М. Вебер подчёркивал автономный статус западноевропейского средневекового города: наличие самоуправления, городского права и цеховой организации создавало условия для возникновения уникальной «городской свободы», нехарактерной для традиционного феодального общества [16, с. 132]. Он отмечал, что исторически именно городские коммуны стали очагами формирования бюргерства и зарождения протодемократических институтов [15, с. 881]. Исследование взаимосвязи развития города и капитала позволило М. Веберу осмыслить особенности индустриальной эпохи. Веберовский город – это не просто территориальная единица, но социальное образование, которое стимулировало рационализацию, обмен и становление современного типа государства и экономики.

Г. Зиммель внёс вклад в понимание влияния городской среды на психику и образ жизни индивида. В классическом очерке «Большие города и духовная жизнь» Г. Зиммель исследовал, как жизнь в метрополии меняет психологию человека [7, с. 70]. По Г. Зиммелю, житель мегаполиса вынужден вырабатывать особые психологические защиты, чтобы справиться с потоком сенсорных стимулов и ритмом городской жизни [13, с. 103]. Городская среда характеризуется «быстрой и непрерывной сменой впечатлений», вызывающей у людей «повышенную нервность». В ответ рождается «блазированность» – своеобразное притупление чувств, когда горожанин реагирует на внешние раздражители скорее интеллектуально и рационально, нежели эмоционально [13, с. 132]. Г. Зиммель отмечает, что в большом городе господствует «интеллектуалистический характер» отношений: вместо сердечной вовлеченности приходит расчетливость и умственная оценка. Это связано как с денежной экономикой (которая в городе проникает во все сферы и нивелирует качественные различия, подчиняя их количественному эквиваленту денег), так и с анонимностью и масштабом городского общества [14, с. 331]. Индивид в мегаполисе вынужден бороться за сохранение своей автономии и уникальности перед лицом социальных сил и технико-культурного механизма городской жизни. Г. Зиммель писал: «Глубочайшие проблемы современной жизни вытекают из стремления индивидуума сохранить свою самостоятельность и индивидуальность в противостоянии сметающему напору общественного технического механизма» [14, с. 232]. Тем не менее, город дает и новые свободы: освобождение от традиционных уз маленькой общины, возможность личной инициативы и разнообразие социальных ролей. Подход Г. Зиммеля заложил основу понимания города как сцены, на которой разыгрывается драма современности – с одной стороны, расширение индивидуальной свободы, с другой – рост отчуждения и рационализации человеческих отношений. Эти идеи предвосхитили многие позднейшие концепции «урбанизации сознания» и проблем индивидуальности в массовом обществе.

Марксистский подход рассматривает город прежде всего через призму общественно-экономических отношений и классовой структуры. К. Маркс и Ф. Энгельс одними из первых обратили внимание на диалектику города и капитала. В «Манифесте Коммунистической партии» они писали: «буржуазия создала огромные города, чрезвычайно увеличила городское население по сравнению с сельским и тем самым вырвала значительную часть населения из идиотизма сельской жизни». К. Маркс и Ф. Энгельс пишут о революционизирующей роли буржуазии, которая «создала города в соответствии со своими интересами» и концентрировала население, тем самым вырвав людей из традиционных укладов [6, с. 13]. Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» дал яркое описание индустриального города Манчестера, разделенного на благоустроенные кварталы буржуазии и трущобы пролетариата: «Манчестер лежит в углублении между холмами, и в этом углублении сосредоточены все фабрики. С севера и востока ветер несёт дым фабричных труб прямо на город. С юга и запада город окружён поясом буржуазных кварталов, с хорошими

домами, садами и улицами. Рабочие кварталы расположены в самом центре, где воздух самый тяжёлый и загрязнённый; здесь царят грязь, теснота и смрад. Так буржуазия изолировала себя от рабочих, словно эти люди – иное, неприкасаемое племя» [9, с. 62]. Он показал, что в каждом крупном городе есть районы страшной нищеты, где рабочие ютятся в перенаселённых, ветхих жилищах, страдая от антисанитарии и болезней [9, с. 291]. Город у К. Маркса и Ф. Энгельса – это концентрированное выражение противоречий капитализма: с одной стороны, двигатель прогресса и промышленного развития, с другой – место классовой поляризации и отчуждения. К. Маркс видел в концентрации рабочих в городах предпосылку для формирования классового сознания и солидарности пролетариата, что в перспективе открывало возможность революционных изменений. Таким образом, онтология города в марксизме – не автономная сущность, а производное от материальных отношений производства, «пространство, пронизанное капиталом».

Во второй половине XX века марксистская урбанистская мысль получила новое развитие в трудах таких теоретиков, как А. Лефевр и Д. Харви. А. Лефевр ввёл понятие «произведенного пространства»: он утверждал, что социальное (городское) пространство есть продукт общества. В книге «Производство пространства» А. Лефевр пишет, что каждое общество порождает свой особый пространственный порядок, отражающий господствующие ценности и властные отношения [4, с. 56]. Пространство – не пустой контейнер, а социальный продукт и одновременно орудие власти: власть имущие организуют городское пространство таким образом, чтобы воспроизводить свое доминирование. А. Лефевр подчеркивает: «(Социальное) пространство… служит также средством контроля и, следовательно, власти» [11, с. 231]. Он анализирует исторические типы пространства через триаду: пространственные практики (физическое, воспринимаемое пространство повседневной жизни), представления пространства (концептуальное, планируемое пространство – карты, планы, проекты архитекторов и властей) и пространства представлений (переживаемое, символическое пространство – образы и смыслы, которыми наделяют места сами обитатели). Эта триада «переживаемое–концептуализированное–живое пространство» раскрывает сложность городского пространства, которое одновременно материально и воображаемо. А. Лефевр также известен как автор идеи «права на город» (Le droit à la ville): в одноимённой работе он провозгласил право горожан коллективно переосмысливать и преобразовывать город в интересах большинства, противопоставляя это право отчуждению городского пространства коммерческими и государственными элитами [12, с. 64]. А. Лефевр считал, что во второй половине XX века произошло «полное урбанизирование общества»: город перестал быть локальным феноменом и превратился во всеобъемлющую социальную форму, пронизывающую всю территорию (урбанизация периферий, срастание города и деревни и т.д.). Тем самым, анализ капиталистического общества должен быть дополнен анализом его пространственной (городской) практики: классическая марксистская теория расширяется А. Лефевром на сферу повседневности и пространства.

Д. Харви, вдохновленный А. Лефевром, развил марксистскую географию, исследуя город как место вложения капитала и арену борьбы за справедливость. Харви ввёл концепцию «пространственного фикса» (spatial fix): чтобы преодолевать кризисы перепроизводства, капитал постоянно ищет географические решения, например, инвестирует в строительство новых городских объектов, инфраструктуру, расширение городов [10, с. 331]. Иными словами, урбанизация служит механизмом «поглощения» избыточного капитала, временно «фиксируя» проблемы экономики через создание построек, дорог, жилых комплексов. Это ведёт к бесконечной перестройке городского пространства, что, в свою очередь, порождает новые противоречия – социальное неравенство, джентрификация [1, с. 37][1], вытеснение бедных слоёв на периферию и т.п. Харви рассматривает городской кризис (например, отсутствие доступного жилья, деградацию инфраструктуры) как проявление более глубоких кризисов капитализма. Он активно использует лозунг А. Лефевра о «праве на город», полагая, что борьба за право всех горожан участвовать в управлении и планировке – это важнейшая форма классовой борьбы в наше время. Таким образом, в марксистской парадигме город понимается как социально-пространственный концентрат классовых отношений: его форма, зонирование, архитектура – все это результат игры сил между капиталом и обществом. Экономика в этом подходе играет решающую роль: логика прибыли и накопления капитала структурирует городской ландшафт, определяет, где расположатся деловые центры, а где – трущобы, какие проекты будут профинансированы, а какие районы останутся в запустении [3, с. 14]. Культура и политика в марксистском анализе города рассматриваются как надстройка, однако и они включены в воспроизводство доминирующих отношений: например, идеология «городского развития» может скрывать интересы строительных компаний, а культурные образы города нередко используются для привлечения инвестиций (концепция «городов как брендов») [5, с. 157]. Тем не менее, марксистский подход открывает и эмансипаторную перспективу: поскольку город создан людьми, он может быть ими и преобразован на началах коллективной собственности и планирования в интересах общества [8, с. 101].

Анализ философских и социологических концепций города показывает, что урбанистическая проблематика занимает центральное место в осмыслении социальных процессов современности. Город предстает не только как пространственно-экономическая структура, но и как социальный организм, определяющий характер человеческих взаимодействий, формирование идентичности и динамику общественных изменений. В трудах М. Вебера город рассматривается как центр рационализации и автономии, в котором зарождаются формы самоуправления и протодемократии. Г. Зиммель раскрывает феномен города через призму индивидуального опыта, показывая его влияние на психологию и формы социального поведения индивида. Марксистская традиция (К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Лефевр, Д. Харви) интерпретирует город как концентрат классовых отношений и поле борьбы за пространство, власть и ресурсы. В совокупности эти подходы позволяют рассматривать город как сложный социокультурный конструкт, отражающий диалектику свободы и отчуждения, развития и кризиса, рационализации и самореализации личности в контексте глобальных трансформаций современности.

Литература

1. Вавилина Н. Д., Шпигунова Ю.М. Джентрификация в России как социальный процесс и социальная проблема // Развитие территорий. – 2024. – № 1 (35). – С. 37–49.
2. Вебер М. Город // Избранное: Пер. с нем. – М.: Юристъ, 2006. – С. 608–645.
3. Ермакова Л. И., Суховская Д.Н., Безгуб В.В. Определение креативных пространств города, а также технологии и необходимые факторы их становления и развития // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – № S5. – С. 14–18.
4. Лефевр А. Производство пространства. – М.: Стрелка Пресс, 2015. – 496 с.
5. Ляушева С. А., Нагой А.А. Городская идентичность в междисциплинарном дискурсе // Российская самобытная государственно цивилизационная идентичность как ресурс общества в условиях современных вызовов: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Майкоп, 27–28 сент. 2024) / отв. ред. Р.Д. Хунагов, С.А. Ляушева. – Майкоп: АГУ, 2024. – С. 157–160.
6. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. – Лондон: Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter“, 1848. – 23 с.
7. Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. – 2002. – № 3 (37). – С. 69–85.
8. Суховская Д.Н. Деструктивное влияние креативных пространств поселений на процессы социализации и самореализации личности и среду её формирования в условиях глобализации // European Social Science Journal. – 2015. – № 1–2. – С. 100–106.
9. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии: по собственным наблюдениям и достоверным источникам. – Лейпциг: Otto Wigand, 1845. – 291 с.
10. Harvey D. Social Justice and the City. – London: Edward Arnold, 1973. – 336 p.
11. Lefebvre H. The Production of Space / translated by Donald Nicholson Smith. – Oxford, UK & Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. – 434 p.
12. Lefebvre H. The Right to the City // Writings on Cities / ed. by E. Kofman, E. Lebas. – London: Verso, 1996. – P. 63–181.
13. Simmel G. On Individuality and Social Forms: Selected Writings / ed. D.N. Levine. – Chicago: University of Chicago Press, 1971. – 412 p.
14. Simmel G. The Philosophy of Money / trans. D. Frisby & T. Bottomore. – London: Routledge, 2004. – 581 p.
15. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. – Berkeley, CA: University of California Press, 1968. – 2 vols. – 1500 p.

[1] Примечание: Джентрификация (от англ. gentry – «дворянство», «обеспеченные слои общества») – это процесс социально-пространственной трансформации городских районов, выражающийся в изменении социального состава населения за счёт притока более обеспеченных социальных групп, сопровождающийся ростом стоимости недвижимости, преобразованием культурной и экономической инфраструктуры и вытеснением ранее проживавших низкооплачиваемых или маргинализированных групп. В научной литературе джентрификация рассматривается как форма неолиберальной урбанизации и инструмент «производства пространства» (А. Лефевр), отражающий механизмы социального неравенства в городском контексте.

16. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / translated by Talcott Parsons. – New York: Scribner, 1930. – 322 p.

THE CITY AS A PHENOMENON OF SOCIO-PHILOSOPHICAL REFLECTION: HISTORICAL AND THEORETICAL ANALYSIS

Sukhovskaya D.N.
Pyatigorsk State University

The article examines the city as a subject of socio-philosophical analysis, traces the key stages of the formation of urban thought from classical sociology to modern critical theory. Based on the works of M. Weber, G. Simmel, K. Marx, F. Engels, A. Lefebvre and D. Harvey, the author shows the evolution of the understanding of the city from an economic and political center of exchange and autonomous public formation to a complex socio-spatial phenomenon reflecting contradictions capitalist system. Particular attention is paid to the interpretation of the city as a space for the production and reproduction of social relations, the loci of identity and alienation, as well as an arena for the struggle for the "right to the city". It is shown that the city in modern philosophy acts not only as a material structure, but also as a symbolic, cultural and ideological construct that sets the forms of collective experience and the social imaginary.

Keywords: city, social philosophy, urbanism, M. Weber, G. Simmel, K. Marx, F. Engels, A. Lefebvre, D. Harvey, identity, capital, space, alienation, right to the city.

References

1. Vavilina, N. D., Shpigunova, Yu.M. Gentrification in Russia as a Social Process and a Social Problem // Development of Territories. – 2024. – No. 1 (35). – Pp. 37–49.
2. Weber, M. The City // Selected Works: Translated from German. – Moscow: Yurist, 2006. – Pp. 608–645.
3. Ermakova, L. I., Sukhovskaya, D. N., Bezgub, V.V. Definition of Creative Urban Spaces, as well as Technologies and Necessary Factors for Their Formation and Development // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". – 2017. – No. S5. – Pp. 14–18.
4. Lefebvre, A. Production of Space. – Moscow: Strelka Press, 2015. – 496 p.
5. Lyaushcheva S. A., Nagoy A.A. Urban Identity in Interdisciplinary Discourse // Russian Original State-Civilizational Identity as a Resource of Society in the Context of Modern Challenges: Proc. of the All-Russian Scientific and Practical Conf. (Maikop, September 27–28, 2024) / eds. R.D. Khunagov, S.A. Lyaushcheva. – Maykop: ASU, 2024. – Pp. 157–160.
6. Marx K., Engels F. Manifesto of the Communist Party. – London: Office der „Bildungs-Gesellschaft für Arbeiter", 1848. – 23 p.
7. Simmel G. Big Cities and Spiritual Life // Logos. – 2002. – No. 3 (37). – P. 69–85.
8. Sukhovskaya D.N. The Destructive Impact of Creative Spaces of Settlements on the Processes of Socialization and Self-Realization of the Individual and the Environment of Its Formation in the Context of Globalization // European Social Science Journal. – 2015. – No. 1–2. – P. 100–106.
9. Engels F. The Condition of the Working Class in England: Based on Own Observations and Reliable Sources. – Leipzig: Otto Wigand, 1845. – 291 p.
10. Harvey D. Social Justice and the City. – London: Edward Arnold, 1973. – 336 p.
11. Lefebvre H. The Production of Space / translated by Donald Nicholson Smith. – Oxford, UK & Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1991. – 434 p.
12. Lefebvre H. The Right to the City // Writings on Cities / ed. by E. Kofman, E. Lebas. – London: Verso, 1996. – P. 63–181.
13. Simmel G. On Individuality and Social Forms: Selected Writings / ed. D.N. Levine. – Chicago: University of Chicago Press, 1971. – 412 p.
14. Simmel G. The Philosophy of Money / trans. D. Frisby & T. Bottomore. – London: Routledge, 2004. – 581 p.
15. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by Guenther Roth and Claus Wittich. – Berkeley, CA: University of California Press, 1968. – 2 vols. – 1500 p.
16. Weber M. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism / translated by Talcott Parsons. – New York: Scribner, 1930. – 322 p.

Эволюция контркультуры как социальной системы: социально-философский анализ этапов жизненного цикла движения через призму ТРИЗ

Глебов Андрей Павлович,
канд. истор. наук, доц., Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
E-mail: apg65@mail.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу эволюции контркультуры как социальной системы через призму Теории решения изобретательских задач (ТРИЗ). Опираясь на концепции «новых племён» (М. Маффесоли, Е.И. Булатова) и семиосферы (Ю.М. Лотман), автор обосновывает сдвиг от идеологии и оппозиции к аффективной общности и онтологическому творчеству. Используя системные принципы ТРИЗ (идеальность, разрешение противоречий, законы эволюции систем) в работе выделяются четыре этапа жизненного цикла контркультуры: моносистема (жёсткая оппозиция и символическая чистота), бисистема (раскол и кризис идентичности), полисистема (аффективные «новые племена») и надсистема (алгоритмическое сопротивление и интеграция в цифровые среды без утраты автономии). Согласно логике ТРИЗ, системные противоречия на каждом этапе выступают не как тупики, а как точки роста. Особое внимание уделено переходу от логики идеологии к логике аффекта и от символа – к функции совместного переживания, что позволяет переосмыслить «подлинность» как результат коллективного чувственного опыта. Применение инструментария ТРИЗ (включая идеальный конечный результат и приёмы разрешения противоречий) даёт возможность конструктивно диагностировать кризисы контркультуры и выявлять в них потенциал устойчивого развития. В заключении обсуждаются этические риски рационализации иррационального и подчёркивается необходимость использовать ТРИЗ не как технократический инструмент, а как эвристическую рамку для понимания онтологического сдвига, совершаемого контркультурой – от отрицания к созиданию альтернативных форм социального бытия. Статья показывает, что синтез социальной философии и методологии ТРИЗ даёт возможность рассматривать контркультуру как форму социальной инновации, способную конструировать устойчивые альтернативные социальности в условиях «надзирающего капитализма» и «общества контроля».

Ключевые слова: контркультура, теория решения изобретательских задач, новые племена, аффект, семиосфера, системное противоречие, идеальный конечный результат

Теоретико-методологические основания: контркультура как система и ТРИЗ как инструмент анализа

Современная социальная философия всё чаще отказывается от представления контркультуры как маргинального протеста и переходит к её пониманию как сложной символической системы, способной производить альтернативные формы социальности. Ключевым в этом сдвиге становится переход от идеологии к аффекту и от оппозиции к принадлежности. Ссылаясь на работы Мишеля Маффесоли и говоря о «новых племенах», Е.И. Булатова отмечает: «В отличие от племён традиционных культур, современные племена образуются не по принципу кровного родства, а на основе аффективного единства, внезапно вспыхнувшего интереса, удивления, совместно пережитого эмоционального волнения, страсти» [1, с. 26]. Такой взгляд, подчёркивающий эмоциональную природу современных форм социальности, знаменует радикальный поворот в понимании общественных связей. Если традиционные сообщества (семья, клан и пр.) опираются на институциональные, генетические или идеологические узы, то «новые племена» – это эфемерные аффективные группы, возникающие вокруг общего настроения, эстетического вкуса или ритуала. Предложенная модель особенно актуальна в условиях постмодерна и цифровой культуры, в которых идентичность становится ситуативной, а принадлежность – множественной и необязательной. Человек может одновременно быть частью какого-то фан-сообщества, косплей-группы и экологического кружка, но не потому, что он «принадлежит» им навсегда, а потому, что в каждый момент он эмоционально согласен с их «чувственным ритмом». Такая особенность «новых племён» делает их устойчивыми не благодаря чётким границам, а за счёт интенсивности переживания, поэтому они могут избегать саморазрушения через фрагментацию: распад одного «племени» не означает кризис идентичности, а является переходом в другое, более актуальное эмоциональное пространство. В результате открывается путь к пониманию контркультуры не как оппозиции, а как онтологии чувственного бытия, что делает её особенно ценной для социально-философского анализа через призму ТРИЗ: здесь «подлинность» перестаёт быть свойством объекта и становится функцией совместного переживания, когда «каждый индивидум может пережить чувственный опыт другого («Ты») как свой собственный, чем приближает к себе жизненный мир своего со-общинника и вступает с ним в определённую связь» [2, с. 6]. Так осуществляется переход от рационального изолированного индивида к чувственному, эмпатическому «я», способному раствориться в коллективном переживании.

Если в традиционной социальной теории (от Канта до Хабермаса) понимание Другого строится через рациональный договор, языковое взаимодействие или нормативную этику, то «Ориентация-на-Тебя» – это не эмпатия в психологическом смысле слова, а онтологическое состояние, в котором граница между «Я» и «Ты» стирается в совместном аффекте: танце, ритуале, фестивале, цифровом меме. Именно здесь рождается новая форма социальности, не требующая общей идеологии, программы или даже вербального общения. Достаточно совпадения чувственного ритма. Эта идея особенно важна для анализа современных контркультурных и постсубкультурных сообществ, где принадлежность определяется не лояльностью к идеям, а участием в общем переживании. Как пишет Д.Я. Алиева, такие «социальности» формируют «подпольную центральность» [2, с. 9] – неформальную, но мощную ткань повседневной жизни, противостоящую рациональному порядку господствующей культуры. Это позволяет рассматривать контркультуру не как протест, а как способ бытия. Эта трансформация логики социального имеет теоретическое обоснование и в понятии семиосферы, введённом Ю.М. Лотманом: «Если по аналогии с биосферой (В.И. Вернадский) выделить семиосферу, то станет очевидно, что это семиотическое пространство не есть сумма отдельных языков, а представляет собой условие их существования и работы, в определенном

отношении предшествует им и постоянно взаимодействует с ними… Вне семиосферы нет ни коммуникации, ни языка» [3, с. 250]. Таким образом, культура рассматривается не как совокупность текстов или знаков, а как живая среда, аналогичная биосфере: она порождает знаки, обеспечивает их циркуляцию и делает возможным само существование смысла. Язык и общение оказываются вторичны по отношению к семиосфере: даже протест, бунт или молчание становятся значимыми только внутри семиотического пространства, где есть коды, границы, переводы и ожидания. Для анализа контркультуры эта идея особенно важна: когда сообщество создаёт свой стиль, ритуал или сленг, оно не просто «выражает себя». Этими приёмами оно строит собственную семиосферу, в которой мейнстрим теряет символическую власть. В этом пространстве возможны альтернативные формы социальности, не подчинённые логике доминирующей культуры. Таким образом, контркультура переосмысливается не как маргинальное отклонение, а как акт онтологического творения – создание мира, в котором «подлинность» и «смысл» рождаются заново, изнутри.

Параллельно с этим в гуманитарной методологии набирает силу интерес к системному подходу, и здесь особую роль играет Теория решения изобретательских задач (ТРИЗ). Изначально разработанная Г.С. Альтшуллером для инженерного творчества, ТРИЗ обладает значительным трансдисциплинарным потенциалом. Как утверждают авторы работы «TRIZ Beyond Technology», «базовые концепции ТРИЗ, такие как идеальность, противоречия и системный подход, полностью применимы к нетехническим проблемам и ситуациям» [4, с. 5]. Это является теоретическим обоснованием расширения ТРИЗ за пределы инженерии. Авторы подчеркивают, что такие фундаментальные категории, как **Идеальность** (стремление к системе, которая решает задачу сама без дополнительных ресурсов), **Противоречия** (не как конфликты, требующие компромисса, а как точки системного роста) и **Системный подход** (рассмотрение явления как части более сложной структуры) отражают универсальные законы эволюции сложных систем, будь то технология, организация, культура или социальное движение. Это особенно важно для социально-философского анализа контркультуры: оно позволяет перейти от морализаторского тона («кооптация – крах», «саморазрушение – неизбежность») к конструктивной диагностике. Например, дилемма «сохранить подлинность или быть услышанным» перестаёт быть трагедией и становится техническим противоречием, разрешимым через переход к новому уровню, например, к надсистеме чувственных «новых племён» (Маффесоли), где подлинность производится не в символе, а в совместном переживании. Таким образом, поле применения ТРИЗ не просто расширяется, а предлагает новую эпистемологию социального, в которой противоречие является не признаком дисфункции, а маркером потенциала трансформации.

Для социально-философского анализа контркультуры особенно важны такие принципы ТРИЗ, как идеальный конечный результат (ИКР) – состояние, при котором система сама решает возложенную на неё задачу, и разрешение системных противоречий без компромисса через переход на новый уровень. Более того, в ТРИЗ сформулированы законы эволюции систем [5, с. 7], включая переход от моносистемы к бисистеме, полисистеме и, наконец, к надсистеме. Объективный закономерный характер эволюции систем является ключевой предпосылкой для применения ТРИЗ к нетехническим сферам. Эта «объективность» позволяет рассматривать контркультуру не как хаотичный бунт, а как систему, подчиняющуюся внутренним законам развития, в том числе через разрешение противоречий и переход на новые уровни организации. Хотя Дж.Кариньяни не использует термины «моносистема/полисистема», он ссылается на закон № 6 эволюции систем, который в классической ТРИЗ формулируется как «переход от немодульной к модульной системе», а затем к надсистеме. Это напрямую соотносится с моделью эволюции контркультуры: **моносистема** = единая субкультура (панки, хиппи), **модульность** = фрагментация на «новые племена», **надсистема** = включение в цифровые экосистемы с алгоритмическим сопротивлением. «Таким образом, – отмечает Дж.Кариньяни, – открытость ТРИЗ для внешнего воздействия различных эволюционных моделей может принести значительные выгоды… Теория ТРИЗ может быть улучшена и дополнена благодаря широкому спектру… эволюционных процессов, доступных сегодня» [5, с. 7]. Автор призывает к расширению ТРИЗ за счёт эволюционных теорий из других дисциплин, включая социальные науки. Это даёт методологическое основание для того, чтобы применять ТРИЗ к контркультуре, даже если сам он этого не делает. В то же время Кариньяни фокусируется исключительно на эволюционной компоненте ТРИЗ (LESE), а не на её инструментарии решения задач (ИКР, приёмы разрешения противоречий, 40 принципов и т.д.). Он рассматривает ТРИЗ как теорию технологической эволюции, а не как методологию инженерного творчества. Поэтому ключевые понятия ТРИЗ (ИКР, системные противоречия и пр.) в этой статье отсутствуют. Формулировка «переход от моносистемы к надсистеме» относится к канонической ТРИЗ (Альтшуллер, Злотин, Рубин), а Кариньяни лишь подтверждает, что эволюционные законы ТРИЗ совместимы с современными теориями технологических и социальных изменений, включая эволюцию контркультуры.

Подобно техническим системам, контркультурные сообщества, проходят этапы усложнения от замкнутой идентичности к модульной, гибкой и сетевой организации. Это делает ТРИЗ не просто инструментом диагностики, но и методом проектирования устойчивых форм сопротивления. Таким образом, синтез идей социальной философии (Маффесоли, Лотман, Булатова и др.) и методологии системного мышления (Альтшуллер, Злотин, Кариньяни) позволяет рассматривать контркультуру как социально-инновационную систему, чья живучесть зависит от способности проходить этапы эволюции и разрешать внутренние противоречия конструктивно.

Этапы жизненного цикла контркультурного движения: ТРИЗ-анализ

В статье «О концепции ТРИЗ-цивилизации» М.С. Рубин отмечает: «Главный объект анализа для ТРИЗ и эволюционного системоведения – это не объекты и процессы сами по себе, а их развитие в процессе онтогенеза и/или филогенеза. Системы, имеющие разные предназначения и принципы действия, подчиняются при этом одним и тем же общим законам и закономерностям эволюционного развития» [6, с.234]. Подобно техническим системам контркультурные движения проходят четыре ключевых этапа развития, описываемых в ТРИЗ как переход от моносистемы → бисистеме → полисистеме → надсистеме. Переход от системы к надсистемам является ключевым элементом классической ТРИЗ-эволюции (см. Альтшуллера, Злотина, Утёмова). М.С. Рубин говорит об «общих законах эволюционного развития» и «переходе к надсистемам» в обобщённой форме. Кариньяни и Рубин не используют эти термины напрямую, однако, представляется, что мысль о четырёх этапах развития контркультуры через призму ТРИЗ может опираться на общую универсальность законов ТРИЗ, каноническую модель эволюции систем из российской ТРИЗ-традиции (Альтшуллер, Злотин) и социально-философский анализ контркультуры (Маффесоли, Булатова, Лотман и др.). Таким образом, применение этой модели к контркультуре позволяет не только диагностировать её кризисы, но и увидеть в них точки потенциального роста.

Этап 1: Моносистема – «чистый бунт»

На начальном этапе контркультура выступает как замкнутая моносистема, чья идентичность строится на жёсткой оппозиции «мы – они». Здесь реализуется классическая логика субкультуры, описанная Диком Хебдиджем: «Стиль – это та область, в которой противоположные определения сталкиваются с наибольшей силой» [7, с. 3]. Автор отмечает, что субкультура (включая её контркультурные формы) является не просто набором музыкальных пристрастий или модных предпочтений, а полем борьбы за значение. Стиль становится языком сопротивления, в котором через одежду, причёски, жаргон, поведение и ритуалы выражается радикальное противопоставление «мы – они»: молодёжь и общество, подполье и мейнстрим, подлинность и фальшь. Хебдидж подчёркивает, что ядро субкультурной идентичности составляет не идеологическая программа, а визуальное и семиотическое противостояние. Это в полной мере соответствует описанию моносистемы в терминах ТРИЗ: на начальном этапе субкультура стремится к гомогенности, чётким границам и символической чистоте. Любой элемент стиля (рваная футболка, кожаная куртка, дреды и пр.) становится маркером принадлежности и одновременно оружием в семиотической войне. Это даёт социально-философское обоснование перехода от хаотического бунта к упорядоченной символической системе – первого этапа эволюции контркультуры как социальной системы.

Когда стиль становится символом сопротивления, такая система крайне уязвима: она ставит подлинность выше коммуникации, что делает её неспособной к масштабированию. Эта уязвимость проявляется в противоречии, которое Славой Жижек называет дилеммой «возвышенного объекта идеологии»: «Возвышенный объект – это такой объект, к которому нельзя подходить слишком близко: стоит приблизиться – и он теряет признаки возвышенного и превращается в самый обычный заурядный предмет» [8, с. 83]. Объект (будь то реликвия, идея, символ, стиль или лидер) становится «возвышенным» не благодаря своим материальным свойствам, а в силу структурной позиции, которую он занимает в символическом порядке: он замещает пустое место Реального, место невозможного желания. Однако, эта возвышенность хрупка: как только объект оказывается «демистифицирован», т.е. приближён, рассмотрен «вблизи» и подвергнут рациональному анализу или обыденному употреблению, он теряет свою

функцию и превращается в «заурядный предмет». Поэтому, как отмечает Жижек, возвышенный объект должен оставаться «полускрытым»: его эффективность зависит от дистанции, от невозможности полного контакта. В контексте контркультуры эта идея объясняет парадокс кооптации (поглощения контркультуры рынком): как только рваная футболка панка, косплейная маска или цифровой мем становятся массовыми, они лишаются своей символической силы. Именно поэтому устойчивость контркультурного движения зависит не от сохранения материального символа, а от перемещения функции «возвышенности» в процесс – в ритуал, в эстетику взаимодействия или в цифровую практику. Только так можно достичь идеального конечного результата (ИКР) по ТРИЗ: система (сообщество) производит подлинность сама без внешнего символа. В моносистеме подлинность сосредоточена в материальном символе – рваной футболке или сленговом выражении. Как только символ становится массовым, он теряет свою силу. В итоге моносистемы либо изолируются, либо, став жертвой кооптации, быстро деградируют.

Этап 2: Бисистема – раскол и кризис идентичности

С ростом своего проявления контркультурное сообщество начинает фрагментироваться. Возникает бисистема: «настоящие» против «поддельных», «оригиналы» против «последователей». Хебдидж описывает этот этап как момент, когда СМИ внедряют сопротивление субкультур в доминирующую систему значений, где «здравый смысл» подсказывал бы участникам молодёжных движений, что они подходят друг другу [7, с. 94]. Бисистема – это не эволюция, а кризис идентичности, порождённый внутренним противоречием: «как быть услышанным, не потеряв себя?» С точки зрения ТРИЗ, этот конфликт является техническим противоречием, требующим не компромисса, а разделения параметров. На этом этапе становятся актуальными такие приёмы ТРИЗ как разделение во времени, в пространстве, по структуре или по условию. Это позволяет достичь идеального конечного результата (ИКР), когда система сама выполняет требуемую функцию без усложнения и побочных эффектов. Чёткий методологический принцип, который вполне применим в данном случае и лежит в основе нашей интерпретации: противоречие между требованиями (в данном случае – «быть услышанным» и «сохранить подлинность») решается не через компромисс, а системно с использованием приёмов разделения. Этот принцип позволяет переосмыслить кризис идентичности как точку роста, а не как тупик. Например: **разделение во времени**: быть «внутри» только на событии, а вне – оставаться автономным; **разделение в пространстве**: «подлинность» – в закрытом чате, а «публичность» – в сторис; **разделение по условию**: участвовать в сообществе только при внутреннем согласии, а не под давлением. Участник взаимодействия может быть «внутри» только в определённых контекстах – на концерте, в закрытом чате, в момент совершения ритуала. Это особенно актуально в отношении молодёжи. Н.А. Касавина отмечает: «К современному обществу вполне применимы черты «префигуративной культуры», которые обозначила М. Мид, говоря о культуре, ориентированной на будущее, где молодежь не только учится у родителей, но и многому учит их, так как сама активно создает культурные тренды» [9, с. 223]. Префигуративная культура, по Маргарет Мид, является третьим типом культуры, когда прежний опыт становится недостаточным и даже вредным. Касавина описывает цифровое поколение как полифоническое, гибкое и сотрудничающее. Это согласуется с современными теориями идентичности. Например, Д.С. Мартьянов в статье «Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению» указывает: «Возникновение множества сетевых идентичностей происходит из желания попробовать себя в новой роли, стремлении к получению нового опыта… Интернет… позволяет выразить все стороны своего многогранного “Я”, что невозможно в реальной коммуникации» [10, с. 143]. Такой подход позволяет избежать бинарного выбора между автономией и принадлежностью, а указанная идентичность становится не единой фиксированной сущностью, а динамической множественной и контекстуальной конструкцией, возникающей в процессе сетевого взаимодействия. Идентичность не сводится к одной устойчивой группе, а составляется из множества временных ситуативных связей, что близко как к теории «сетевой идентичности» М. Кастельса (организованной вокруг узлов, а не центров), так и к интерсекциональности, где идентичность возникает на пересечении множества факторов. Речь идёт о гибкой, но совместной идентичности, основанной не на принадлежности к одному социальному классу или поколению, а на общей практике участия в цифровой культуре, что ещё раз подтверждает тезис о том, что молодежь формирует идентичность через сотрудничество и множественные принадлежности, а не через жёсткие границы или оппозицию.

Этап 3: Полисистема – «новые племена» и аффективные сообщества

На третьем этапе контркультура отказывается от жёсткой идеологии и переходит к полисистемной организации – множеству параллельных, но независимых сообществ, объединённых не программой, а аффектом, стилем или эстетикой. Акцент здесь делается не на устойчивой принадлежности, а на мимолётном, но интенсивном сопричастии. Современные «племена» возникают, например, на музыкальных фестивалях, в онлайн-сообществах, вокруг общих эстетических вкусов или культурных практик – и исчезают, когда эмоциональный заряд рассеивается. Такая модель социальности принципиально отличается от классической идеи «субкультуры» как устойчивого, четко структурированного и часто оппозиционного по отношению к мейнстриму формирования. Аффективная неинституциональная природа современных молодежных объединений напрямую связана с исходной мыслью о формировании идентичности не через оппозицию, а через множественные пересекающиеся и эмоционально мотивированные принадлежности. Здесь сила контркультуры больше не в символе, а в совместном переживании. Такая социальность не требует универсальных ценностей, для неё достаточно совпадения эмоционального ритма. Полисистема устойчива, потому что она децентрализована: даже если одно сообщество исчезает, другие продолжают существовать.

Этап 4: Надсистема – «рефлексивное сопротивление» в цифровую эпоху

Финальный этап – надсистема – характеризуется интеграцией контркультурных практик в более широкие социотехнические среды без потери автономии. Здесь контркультура перестаёт быть «против» чего-то и становится способом существования. Ключевым примером служит алгоритмическое сопротивление, описанное Velkova и Kaun, когда существующие алгоритмы перенаправляются на цели, отличные от коммерческих или контролирующих: «Пользователи могут разрабатывать «народные теории» или популярные представления о работе алгоритмов и заставлять их работать в направлении конкретных, определяемых пользователем целей» [11, с. 524]. Даже не имея доступа к исходному коду, пользователи интерпретируют логику алгоритмов и используют её в своих целях будь то эстетические, политические или этические. Алгоритмы и пользователи взаимно формируют друг друга. Это показывает, что алгоритмическая система не является замкнутым механизмом контроля, а является полем борьбы за значение и функцию, где преобладающие цели могут быть переосмыслены. Алгоритмы не являются жёстко детерминированными инструментами контроля, а могут трансформироваться через практики пользователей, направленные на этические, политические или эстетические цели. Особенно ярко это проявляется в проектах, где пользователи сознательно «обманывают» алгоритмы, чтобы исправить их предвзятость или ввести в систему альтернативные смыслы. В условиях «надзирающего капитализма» [12, с. 14] происходят не просто «слежки» за населением, а формируется новая логика накопления, основанная на присвоении человеческого опыта как бесплатного сырья, предсказании и продаже поведения и разрушении демократических норм взаимности, автономии и приватности. В «обществе контроля», где человек превращается в «дивидуума» как «набора данных» [13, с. 3], надсистема предлагает другой способ бытия: не через сопротивление, а через перепрограммирование самой среды. Социальное конструирование реальности предполагает не пассивное восприятие мира, а активное участие в его создании. Контркультурные сообщества не опираются на устойчивые нормы или иерархии, но производят смысл в акте взаимодействия. К этапу надсистемы сообщество полностью реализует ИКР: его практики сами производят подлинность без внешних символов. Контркультура переходит от отрицания к конструированию альтернативной социальности, в которой «мы чувствуем вместе» заменяет «я мыслю».

Философские и методологические следствия

Применение ТРИЗ к анализу контркультуры позволяет переосмыслить саму природу сопротивления: контркультура перестаёт быть лишь реакцией на господствующий порядок и становится формой онтологического сдвига – способом конструирования альтернативной социальности. В общем виде количество тактик множится вместе с уменьшением локальной стабильности: когда под давлением урбанизации, глобализации, цифровизации и т.д. частные сообщества, устойчивые формы быта и традиций ослабевают, индивиды теряют социальную опору и всё чаще прибегают к тактическим практикам – переосмыслению, ремиксу, хакингу, скрытому сопротивлению, использованию официальных структур в собственных целях. Таким образом, рост числа тактик – это не признак силы, а симптом фрагментации мира, в котором уже нельзя

полагаться на стабильные структуры защиты и смысла. Это напрямую связано с современными феноменами: алгоритмическим сопротивлением (Велкова), постсубкультурными племенами (Маффесоли), сетевыми идентичностями (Кастельс). Все они являются формами тактического ответа на потерю локальной стабильности. Эти «тактики» являются не просто уклонением от власти, а актами повседневного творчества, в которых рождается другой способ бытия. ТРИЗ позволяет интерпретировать такие тактики не как стихийные действия, а как осознанную системную стратегию, направленную на разрешение противоречий без разрушения. Этот и есть переход от индивидуального протеста к коллективному переживанию. В этой модели идентичность не предшествует взаимодействию, а рождается в нём через ритуал, стиль и эстетику. Это означает, что контркультура не борется с системой напрямую, а строит параллельную реальность, в которой доминирующий порядок теряет свою значимость. Истина перестаёт быть чем-то абсолютным и становится результатом переговоров внутри коммуникативного сообщества. Вместо отрицания господствующего дискурса как ложного, участники вступают в диалог. Они не просто противостоят системе, а создают альтернативные смыслы. Это не разрушение, а переформатирование социальных кодов: не через бунт, а через игру с символами, их переназначение и новое сочетание.

В то же время применение ТРИЗ к таким сложным явлениям не лишено рисков. Одна из ключевых проблем – это угроза рационализации иррационального. Контркультура исторически опиралась на хаос, тело, эмоцию и миф, – всё то, что ускользает от логики системы. Введение инструментария ТРИЗ может превратиться в ещё один способ кооптации: перевод бунта на язык управления, где даже сопротивление становится «оптимизированным процессом». В этом существует опасность, когда отказ контркультуры от универсальных ценностей и заботы о Другом требует от её сторонников не обращать внимания на общество в целом. Такой подход не только эгоистичнен, но и социально опаснен, поскольку не содержит внутреннего механизма сдерживания. Этический вакуум делает подобную идеологию уязвимой для встраивания в логики власти, где индивидуализм легко перекодируется в потребительский выбор, а «освобождение от Другого» превращается в разрушение солидарности [14, с. 448]. Такая позиция объективно совместима с неолиберальной индивидуализацией, что делает её уязвимой для воздействия извне. Если ТРИЗ игнорирует эти этические измерения и рассматривает контркультуру лишь как «проблему для решения», она рискует усилить систему, от которой контркультура пытается освободиться. Тем не менее, методологический потенциал ТРИЗ остаётся значительным, но при условии, что он применяется не как технократический инструмент, а как эвристическая рамка для понимания эволюции социальных систем. Как показывает Ю. Бельски, «инструменты ТРИЗ, такие как «40 инновационных принципов»… призваны стимулировать изобретательское мышление, разрешая противоречия без компромиссов» [15, с.1]. Разрешение противоречий «без компромиссов», т.е. не путем уступок («сделать чуть хуже, чтобы улучшить другое»), а путем изменения структуры задачи является сутью подхода, который предлагает ТРИЗ – вместо поиска баланса между противоположностями происходит выход на новый уровень, где противоречие снимается как иллюзорное или переформулируется так, что его разрешение становится возможным. Именно поэтому в классической ТРИЗ противоречие – это не помеха, а призыв к изобретению чего-то нового. В этом смысле ТРИЗ не навязывает решений, а помогает увидеть, как контркультурные сообщества интуитивно уже следуют логике системной эволюции: от моносистемы к надсистеме, от символа – к функции, от изоляции – к сетевому взаимодействию. В итоге синтез социальной философии и ТРИЗ даёт возможность не только диагностировать кризисы контркультуры, но и выявлять в них потенциал устойчивого развития. Это особенно важно в условиях «надзирающего капитализма» (Зубофф) и «общества контроля» (Делёз), где даже протест становится товаром. В таких условиях устойчивость достигается не через громкий бунт, а через тихое, но системное созидание альтернатив – таких жизненных миров, где подлинность не зависит от признания мейнстримом, а рождается в самом акте совместного существования.

Литература

1. Булатова, Е. И. (2015), Концептуализация молодёжной социальности в постсубкультурных исследованиях: теория «новых племён», Обсерватория культуры, № 2, с. 24–28. URL: https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/150/290 (дата обращения: 27.09.2025).

2. Алиева, Д. Я. (1995), Парадигматические сдвиги в социологии повседневности: концепция Мишеля Маффесоли, Социологический журнал, Т. 0, № 1, с. 110–121. URL: https://clck.ru/3PSsdB (дата обращения: 09.11.2025).

3. Лотман, Ю. М. (2000), Семиосфера, Санкт-Петербург: Искусство-СПБ, 704 с. ISBN 5-210-01379-6. URL: https://clck.ru/3PSxxv (дата обращения: 19.05.2025).

4. Zlotin, B., Zusman, A., Kaplan, L., Visnepolschi, S., Proseanic, V., Malkin, S. (2000), TRIZ Beyond Technology: The Theory and Practice of Applying TRIZ to Non-Technical Areas, Detroit, MI: Ideation International Inc., 52 p. URL: https://www.academia.edu/81256390/TRIZ_Beyond_Technology_The_theory_and_practice_of_applying_TRIZ_to_non_technical_areas (дата обращения: 02.11.2025).

5. Carignani, G. (2011), Matching and merging TRIZ and post-TRIZ evolutionary theories of technological change, TRIZ Future 2011, Dublin, Ireland. URL: https://clck.ru/3QE39F (дата обращения: 02.11.2025).

6. Рубин, М. С. (2023), О концепции ТРИЗ-цивилизации, ТРИЗ в развитии, с. 221–247. Издательство АНО ДПО «Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-triz-tsivilizatsii (дата обращения: 02.12.2025). DOI: 10.24412/cl-37095-2023-1-221-247.

7. Hebdige, D. (2002), Subculture: The Meaning of Style, London: Taylor & Francis e-Library, 195 p. ISBN 0-415-03949-5. URL: https://clck.ru/3McXLr (дата обращения: 15.05.2025).

8. Жижек, С. (1999), Возвышенный объект идеологии, пер. с англ. В. Софронова, Москва: Художественный журнал, 114 с. (Архив XXI века). ISBN 5-901116-01-1. Электрон. версия. URL: http://yanko.lib.ru (дата обращения: 19.05.2025).

9. Касавина, Н. А. (2019), Молодёжь в цифровом обществе: риски и возможности, Условия и способы повышения активности молодежи как субъекта инноваций и устойчивого развития регионов: Сборник докладов / статей участников XV Всероссийской научно-практической конференции в рамках инициативной программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», с. 222–229. URL: https://clck.ru/3QjhaA (дата обращения: 04.06.2025). DOI: 10.25990/hse.conf-15.wrrh-dr63.

10. Мартьянов, Д. С. (2014), Сетевая идентичность: трансформация феномена и подходов к изучению, ПОЛИТЭКС, Т. 10, № 4, с. 142–160. URL: https://clck.ru/3Qkp4E (дата обращения: 08.12.2025).

11. Velkova, J., Kaun, A. (2021), Algorithmic resistance: media practices and the politics of repair, Information, Communication & Society, Vol. 24, No. 4, pp. 523–540. URL: https://clck.ru/3QE3aH (дата обращения: 26.10.2025). DOI: 10.1080/1369118X.2019.1657162.

12. Zuboff, S. (2019), The Age of Surveillance Capitalism, New York: PublicAffairs, 704 p. ISBN 978-1-61039-569-4. URL: https://clck.ru/3PSuHp (дата обращения: 28.09.2025).

13. Делёз, Ж. (1998), Общество контроля, PostScriptum, пер. с фр. Н. М. URL: http://elements.lenin.ru/9deleuze.htm (дата обращения: 01.12.2025).

14. Arnold, W. E. (2021), Review of Stevenson, G. (2020). Anti-Humanism in the Counterculture, Litera, Vol. 31, No. 1, pp. 445–451. URL: https://clck.ru/3QmESj (дата обращения: 15.07.2025). DOI: 10.26650/LITERA2020-869273.

15. Belski, I. (2015), TRIZ Education: Victories, Defeats and Challenges, Educational Technologies, No. 2, pp. 83–92. URL: https://www.academia.edu/55743919/TRIZ_Education_Victories_Defeats_and_Challenges (дата обращения: 02.11.2025).

THE EVOLUTION OF COUNTERCULTURE AS A SOCIAL SYSTEM: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE MOVEMENT'S LIFE CYCLE STAGES THROUGH THE LENS OF TRIZ

Glebov A.P.

V.V. Zhirinovsky University of World Civilizations

The article is dedicated to a socio-philosophical analysis of the evolution of counterculture as a social system through the prism of the Theory of Inventive Problem Solving (TRIZ). Drawing on the concepts of «new tribes» (M. Maffesoli, E.I. Bulatova) and the semiosphere (Yu.M. Lotman), the author substantiates a shift from ideology and opposition towards affective community and ontological creativity. Using TRIZ's systemic principles (ideality, contradiction resolution, laws of system evolution), the paper identifies four stages in the life cycle of counterculture: monosystem (rigid opposition and symbolic purity), bisystem (schism and identity crisis), polysystem (affective «new tribes»), and supersystem (algorithmic resistance and integration into digital environments without loss of autonomy). According to TRIZ logic, systemic contradictions at each stage act not as dead ends, but as growth points. Special attention is paid to the transition from the logic of ideology to the logic of affect, and from symbol to the function of shared experience, which allows for a reinterpretation of «authenticity» as a result of collective sensory experience. The application of TRIZ tools (including the Ideal Final Result and contradiction resolution techniques) provides a constructive way to diagnose counterculture crises and identify their potential for sustainable development. The conclusion discusses the ethical risks of rationalizing the irrational and emphasizes the need to use TRIZ not as a technocratic tool, but as a heuristic framework for understanding the onto-

logical shift undertaken by counterculture – from negation to the creation of alternative forms of social being. The article demonstrates that the synthesis of social philosophy and TRIZ methodology allows for viewing counterculture as a form of social innovation capable of constructing sustainable alternative socialities in the context of «surveillance capitalism» and «control society».

Keywords: counterculture, theory of inventive problem solving, new tribes, affect, semiosphere, systemic contradiction, ideal end result

References

1. Bulatova, E. I. (2015), Konseptualizatsiya molodyozhnoy sotsial'nosti v postsubkul'turnykh issledovaniyakh: teoriya 'novykh plemen'" [Conceptualization of Youth Sociality in Post-Subcultural Research: The Theory of 'New Tribes'], Observatoriya kul'tury, no. 2, pp. 24–28. Available at: https://observatoria.rsl.ru/jour/article/viewFile/150/290 (accessed: 27.09.2025). (In Russian)

2. Alieva, D. Ya. (1995), Paradigmaticheskie sdvigi v sotsiologii povsednevnosti: kontseptsiya Mishelya Maffesoli [Paradigmatic Shifts in the Sociology of Everyday Life: Michel Maffesoli's Concept], Sotsiologicheskiy zhurnal, vol. 0, no. 1, pp. 110–121. Available at: https://clck.ru/3PSsdB (accessed: 09.11.2025). (In Russian)

3. Lotman, Yu. M. (2000), Semiosfera [The Semiosphere], Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 704 p. ISBN 5-210-01379-6. Available at: https://clck.ru/3PSxxv (accessed: 19.05.2025). (In Russian)

4. Zlotin, B., Zusman, A., Kaplan, L., Visnepolschi, S., Proseanic, V., and Malkin, S. (2000), TRIZ Beyond Technology: The Theory and Practice of Applying TRIZ to Non-Technical Areas, Detroit, MI: Ideation International Inc., 52 p. Available at: https://www.academia.edu/81256390/TRIZ_Beyond_Technology_The_theory_and_practice_of_applying_TRIZ_to_non_technical_areas (accessed: 02.11.2025).

5. Carignani, G. (2011), Matching and merging TRIZ and post-TRIZ evolutionary theories of technological change, TRIZ Future 2011, Dublin, Ireland. Available at: https://clck.ru/3QE39F (accessed: 02.11.2025).

6. Rubin, M. S. (2023), O kontseptsii TRIZ-tsivilizatsii [On the Concept of TRIZ-Civilization], TRIZ v razvitii, pp. 221–247. Moscow: ANO DPO Mezhdunarodnyy tsentr innovatsionnykh tekhnologiy v obrazovanii Publ. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kontseptsii-triz-tsivilizatsii (accessed: 02.12.2025). DOI: 10.24412/cl-37095-2023-1-221-247. (In Russian)

7. Hebdige, D. (2002), Subculture: The Meaning of Style, London: Taylor & Francis e-Library, 195 p. ISBN 0-415-03949-5. Available at: https://clck.ru/3McXLr (accessed: 15.05.2025).

8. Žižek, S. (1999), Vozvyshennyy ob"ekt ideologii [The Sublime Object of Ideology], trans. by V. Sofronov, Moscow: Khudozhestvennyy zhurnal Publ., 114 p. (Arkhiv XXI veka). ISBN 5-901116-01-1. Electronic version. Available at: http://yanko.lib.ru (accessed: 19.05.2025). (In Russian)

9. Kasavina, N. A. (2019), Molodyozh' v tsifrovom obshchestve: riski i vozmozhnosti [Youth in the Digital Society: Risks and Opportunities], in Usloviya i sposoby povysheniya aktivnosti molodezhi kak sub"yekta innovatsiy i ustoychivogo razvitiya regionov: Sbornik dokladov / statey uchastnikov XV Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii v ramkakh initsiativnoy programmy "Problemy sotsiokul'turnoy evolyutsii Rossii i yeyo regionov", pp. 222–229. Available at: https://clck.ru/3QjhaA (accessed: 04.06.2025). DOI: 10.25990/hse.conf-15.wrrh-dr63. (In Russian)

10. Martyanov, D. S. (2014), Setevaya identichnost': transformatsiya fenomena i podkhodov k izucheniyu [Network Identity: Transformation of the Phenomenon and Approaches to Its Study], POLITEX, vol. 10, no. 4, pp. 142–160. Available at: https://clck.ru/3Qkp4E (accessed: 08.12.2025). (In Russian)

11. Velkova, J., and Kaun, A. (2021), Algorithmic resistance: media practices and the politics of repair, Information, Communication & Society, vol. 24, no. 4, pp. 523–540. Available at: https://clck.ru/3QE3aH (accessed: 26.10.2025). DOI: 10.1080/1369118X.2019.1657162.

12. Zuboff, S. (2019), The Age of Surveillance Capitalism, New York: PublicAffairs, 704 p. ISBN 978-1-61039-569-4. Available at: https://clck.ru/3PSuHp (accessed: 28.09.2025).

13. Deleuze, G. (1998), Obshchestvo kontrolya [Postscript on the Societies of Control], PostScriptum, trans. from French by N.M. Available at: http://elements.lenin.ru/9deleuze.htm (accessed: 01.12.2025). (In Russian)

14. Arnold, W. E. (2021), Review of Stevenson, G. (2020). Anti-Humanism in the Counterculture, Litera, vol. 31, no. 1, pp. 445–451. DOI: 10.26650/LITERA2020-869273. Available at: https://clck.ru/3QmESj (accessed: 15.07.2025).

15. Belski, I. (2015), TRIZ Education: Victories, Defeats and Challenges, Educational Technologies, no. 2, pp. 83–92. Available at: https://www.academia.edu/55743919/TRIZ_Education_Victories_Defeats_and_Challenges (accessed: 02.11.2025).

Традиции праведности воинов Византии, России и современность

Кидямкин Алексей Анатольевич,
аспирант кафедры философии, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарёва

В истории есть много примеров того, как политическая и общественная система может быть восстановлена из руин, опираясь на фактор регионального развития. В Византии и на Руси типичным примером восстановления духовных традиций государства из руин является деятельность православных воинов и полководцев. Таким образом, и в нравственной сфере византийской культуры мы находим трудноопределимое в пропорциональном отношении сосуществование античной и христианской традиций. В данной статье мы попытаемся выяснить, в какой мере учитывал ту и другую византийский традиционализм при выработке социально-философских представлений о воинской традиции социума, в каких вопросах преобладало влияние православия, в каких – древнего язычества.
В первую очередь рассмотрим, в основных чертах, учение о человеке в святоотеческой традиции и социальную антропологию византинизма.
Православные исследователи святоотеческой традиции отмечают, что общей схемы учения о человеке у отцов не было. То, что мы называем святоотеческим учением о человеке, есть собрание мыслей из контекста разных учений отцов и учителей Церкви. В истории Византийско-греческого государства и Российского многие святые воины, следуя четкой стратегии, обеспечивавшей народную поддержку, и гибкой, продуманной тактике, неоднократно дававшей им свободу рук, опираясь на народно-церковные традиции, сумели, часто после потерь, восстановить часть того, иногда на грани бытия и небытия, что было их родной страной.

Ключевые слова: стратегия, воинская доблесть, социальная политика, византинизм, западники, российское общество, Русь.

Введение

В статье на основе анализа наследия византинизма как формально-морфологическая составляющей мировоззрения россиян утверждается тот факт, что до сих пор указанное явление не исчерпало ресурсы своего значения в контексте традиции праведности воинства. Попытку построения государства на национальных традициях, представляет собой история Руси и Византийской империи. Греческие и русские подвижники церкви, святые воины и отцы церкви были теми образцами, под влиянием которых жили и мыслили многие представители общества и религиозные мыслители века в частности имели всегда репутацию властителей дум.

Сегодня возможности социального и нравственного воздействия богословских идей на образ жизни людей, их общественно-политические ориентации и поведение весьма значительны. Этому способствуют много факторов, в том числе общественная нестабильность, затяжной моральный и социальный кризис современности, отсутствие понятных народу светских концепций выхода из него, историческая память народа о патриотической деятельности в самые трудные периоды, выступления конфессий в защиту прав и достоинства людей против распространения отрицательных явлений – бездуховности, цинизма, экономической деградации и т.д.

Сегодня и история, и философия задают вопрос: есть ли такое общество, в котором настоящая ось этнической идентичности всей социосферы является выраженной принципом преемственности как важным основанием бытия? В этом контексте мы рассматриваем исторические модели преемственности региональных традиций и некоторые философско-исторические концепции анализа судьбы Евразии как позитивное и парадигматическое значение для формирования интегративного подхода в области изысканий гуманитарных наук. В частности, очень важно решить проблему понимания роли византийской цивилизации в характеристике российского историко-культурного наследия, ее элементы, функции, которые интенсивно проанализированы в новейших историографии и социальной философии. С византийским традиционализмов воинской идеологии империи ромеев связано несколько исторических понятий, значение которых до сих пор является предметом споров среди византологов. В первую очередь, нет общего мнения по вопросу, было и вообще полемика в Византии, составным элементом которого является гуманизм.

Историография

Взаимоотношения византинизма и Предания на примерах деятельности известных мыслителей прослежены в монографиях А.И. Садова, П.В. Безобразова, Я.Н. Любарского, в трудах З.В. Удальцовой, С.П. Карпова, И.В. Бахлова, Е.В. Мочалова.

Противоречия философского рационализма гуманистов и богословского мистицизма исихастов в области христианского вероучения и практики достаточно подробно изложены в трудах прот. Мейендорфа.

Большой интерес для характеристики философско-социальной деятельности воинских подвижников и церковного отношения к этому представляет труд Ф.И. Успенского.

В аспекте выявленных проблем россиеведческие (советологические) исследования, активно проводились различными теоретиками современности от Д. Биллингтона до С. Хантингтона. Однако детальное изучение факторов влияния в евразийском культурно-политическом континууме (Хартленде) «византинизма» и «россиянства» (термин Д. Андреева) сегодня имеет решающее значение. На наш взгляд, проблема «духовного наследия» в позднем византийском и поствизантийском пространствах культурной ойкумены, а также последовательное изучение различных аспектов влияния диалогичности культур этносов Волжско-Причерноморского региона, позволит нам стать ближе к пониманию существования устойчивых структур диалога традиций народов Евразии, которые существовали в прошлом и не ушли от исторической перспективы. Однако, идеи, которые были когда-то единой в конструкции (симфония, универсализм, регионализм, имперскость и т.д.) не должны быть признаны девальвированными во всех отношениях. По своей сути, они могут содержать определенные новые настройки традиций народов и государств, которые являются продуктивными для нынешних условий.

Данные о методике исследования

Методологической основой данной работы являются концепты о структуре комплиментрности традиционных ценностей, о системном характере механизмов преемственности, личностно-деятельностного и культурологического подходов, отраженных в работах отечественных и зарубежных ученых по значению формирования традиций полиэтнических регионов. Для решения этих задач использовались следующие методы исследования: анализ, синтез, абстракция, моделирование, наблюдение, изучение культурно-духовного опыта.

Основная часть

Фактор религиозности был не случайным, факультативным актом, но осознанным выбором цивилизационного пути, который определил и культуру, и особый, специфический российский менталитет, и, как следствие, политическую, и даже экономическую реальность. Александр Невский, патриархи Гермоген и Тихон, победы Ф. Ушакова – всё это ключевые события истории нашей страны, о которых мы знаем ещё из советской школы. Сама атмосфера высшего общества способствовала возникновению в нем воинского направления аналитики византинизма и россиянства (по В. Тростникову). Византинизм в указанном ракурсе выступит в роли связующего звена Руси и России с мировым православным наследием.

В последние годы учёные вскрывают более глубокие пласты духовного наследия отечества, включая традиции праведности воинов, обращаясь от констатации и поверхностной интерпретации исторических фактов к их смысловой, мотивационной обусловленности, в которой религиозный фактор играет порой первостепенную роль.

Дискуссии и заключение

Множество других чудес предъявлялось православными святыми. Их поведение – не от мира сего – смещало привычную реальность и преображало ее: утихали штормы и пожары, воскресали мертвые, блудницы становились праведными, исцелялись больные. Проблема соотношения исихазма и праведности святости византийца отличалась тем, что сторонники мистической традиции в Православии в целом отрицательно относились к сугубо рациональному обоснованию бытия человека. Отношение не изменилось и в XIII–XV вв., а наоборот, с развитием гуманистических тенденций острее стал вопрос о месте «внешней мудрости» в православной традиции. Как верно указывала Полякова С.В. о византийском житейном жанре: «…Помимо культурно-исторической роли житийных текстов, в наше смутное время оживает и приобретает вескую ценность их первоначальное значение – давать образцы жизненного поведения и высоких духовных чувств» [4, с. 37].

Ортодоксально-христианская житийная литература говорит о Георгии Победоносце как о современнике римского императора Диоклетиана (284–305), уроженце Каппадокии, или сиро-палестинских сопредельных земель. Во время гонений на христианство его пытали как ослушавшегося приказу поклоняться императору как богу. Христианские воители Византии были канонизированы Православной церковью и стали восприниматься как воинский идеал святости. Византийское предание повествует о грозных чудесах, научивших арабских завоевателей с почтением относиться к св. Георгию: «… во время очередного арабского набега стреляли в иконы из лука, пировали в церкви сарацины…». Как повествует житийная история некий сарацин начал стрелять в икону св. Георгия из лука, но стрела отскочила от мозаичного изображения на церковной стене и поразила стрелявших» [3, с. 392].

Подлинное знание – знание Бога, не есть домыслы человеческого ума или результат критических исследований, а познание через действие Святого Духа на душу человека и ее силы. Путь отвлеченных созерцаний здесь неприемлем. Это неведение. Превосходящее всякое ведение, превосходящее разум и чувства, воспринимающееся всем существом человека, а не какой-либо его частью. В условиях катастрофической незащищенности от внешних врагов и аморфности византийских властей у православного населения Востока оставалась надежда только на православных святых. Святые спасали угнанных в плен к врагам, отгоняли вражеские полчища от стен византийских городов. В то же самое время мотив единения вокруг идеала святого воина-мученика сплачивал общество в борьбе против иноземных невзгод и нашествий. Так и св. Георгий и Дмитрий Солунский и другие святые-воители православной церкви Византии своим агиографическим образом показывали довольно четкую военно-патриотическую направленность византийской традиции святости.

Русская правящая элита и значительная часть древнерусского общества, несмотря на давление извне, сохранили приверженность православной культуре. Позднее, когда к князю-воителю Александру Невскому прибыли послы от папы Иннокентия IV, то от русских правителей был дан ответ: «…от вас учения не приемлем» [1, с. 151]. Такая позиция великого князя Александра основывалась на многолетнем опыте общения с Западом, поскольку последний даже в дипломатике не учитывал особенностей культурных устоев народов, где наблюдалось распространение латинско-католической традиции. Та философия, которой придерживались католики-латинофилы в Византии и которую знали и изучали отцы и учители Древней Церкви, не могла быть полностью принята представителями православной традиции в Церкви поздней Византии на Руси.

Слишком велика стала пропасть, через которую латинофилы, западники Византии и на Руси пытались до сер. XIV в. перебросить «мостики» синтеза. Ни в чем не собираясь отступать с философской платформы, униатствующие по-разному выражали свое отношение к богословию и социальной философии воительства. Однако, несмотря на схожесть Византии и Руси, судьбы обоих государств и их традиций сложились по– разному. Сергий Радонежский (XIV в.) утвердил в русском обществе этику трудолюбия и учил «самим собою», «тихим деланием» и развивал духовное зрение своего народа, которое обернулось такой мощью духовности, что на многие века стала нравственным фундаментом России.

Следует отметить тот факт, что, несмотря на то, что Сергий и считается вождем нового аскетического движения, все же он не изменил основной традиции русского монашества. Одним из таких предметов явился гнозис мистического богословия – знание, превосходящее разум и чувства, видение Бога, призывающее к постоянному и бесконечному преодолению тварного бытия. От мистики до политики в военной агиографии византийцев был один шаг. Как отмечает автор жития, написанного в 1418 г. Епифаний Премудрый: «князь же великодержавный… и победоносный великий Дмитрей … убо прииде ко святому Сергию, яко же велию веру имея къ старцу воспросити его, аще повелить ему противу безбожных изыть ведяще бо мужа добродетелна и даръ пророчества имуща. Святый же, благословив его, молитвою вооружив, и рек: «Подобает ти господине, пещися о врученном от Бога христоименитом ти стаду. Поиди противу безбожных и богу помогающу ти, победиши и здравъ во свое отечество съ великой похвалой возвратишся» [1, с. 198].

Моральная поддержка авторитетного среди всей русской православной паствы Сергия Радонежского имела важное значение при духовном объединении Руси во имя победы над ордынскими войсками. Святой, болея душой за судьбы Русской земли, принял на себя тяжесть решения и своим благословением избавил колеблющихся от сомнений. Чтобы не дрогнули русские в противостоянии с ордынцами, Сергий послал в войско Дмитрия Донского своих любимых учеников – Ослябю и Пересвета.

Трудно переоценить значение традиции православного праведного воинства для собирания Русских земель вокруг Москвы, а также значение Русской Церкви в укреплении Российского государства и преодолении Смутного времени, когда государственность на Руси пресеклась и стояла реальная угроза потери независимости, раздробления страны и утраты национальной идентичности. Во главе процесса преодоления Смутного времени стояли церковные деятели – патриарх Гермоген, келарь Троице-Сергиевой Лавры Авраамий Палицын. Даже выдающиеся деятели народного ополчения князь Дмитрий Пожарский и гражданин Козьма Минин вдохновлялись прежде всего религиозными мотивами. Они шли защищать не только столицу государства, но «Дом Пресвятой Богородицы», как называли русские люди первопрестольный град; и шли они во главе с чудотворным Казанским образом Божией Матери. В более позднее время хорошо известен общенациональный девиз, который вдохновлял воинов, защищавших свою Родину: «За Веру, Царя и Отечество». Фактор веры здесь стоит на первом месте, и это говорит о том значении, которое придавалось вере в сознании русского народа.

В XVIII столетии пример ратных подвигов Ф. Ушакова, торжества его военного таланта и твердой воли, поддержанных храбростью и искусством его подчиненных, их доверием к своему победоносному предводителю и его уверенностью в их непоколебимое мужество. Это был образец торжества духа традиций православного воинства.

Так, штурм Корфу явил собой образец до конца продуманной и логически завершенной военно-морской операции. И, конечно же, эта грандиозная победа не могла бы стать реальностью без той самоотверженности, с которой русские моряки блокировали и штурмовали бастионы Корфу. Несмотря на все тяготы и лишения, русские воины выстояли и победили, находясь под эгидой прославленных православных святых.

Такое же определяющее, смысло-формирующее, значение имеет и сегодня Православие для отечественной культуры. Прежде всего, следует вспомнить о древнерусской литературе и искусстве. Русскую икону понять вообще невозможно, не имея хотя бы какого-то представления о содержании православной культуры. То же самое можно

сказать и о древнерусской литературе, причем не только о текстах житийных, специфически религиозных, но и о текстах исторических. Русские летописи писали большей частью монахи, и они руководствовались особым, религиозным мирочувствием, которое отражалось и в их историософии, стоящей за характерным изложением и интерпретацией исторических фактов [2, с. 151].

Выводы и рекомендации. К сожалению, история и культура в наши дни массовым сознанием почти не востребованы, а в сознании национальной элиты зачастую низведены на уровень интеллектуального и эстетического потребления, став, как и все остальные стороны народной жизни, заложниками потребительской ориентации общества. При этом у большинства современных людей потребительские запросы ограничиваются удовлетворением первичных физиологических и психических инстинктов. Так что разговоры о более высоких предметах, требующих определённого внутреннего труда, напряжения мысли и чувства, и не связанных при этом с получением осязаемой, сиюминутной выгоды, оставляют наших современников зачастую равнодушными. Поэтому Православие в качестве глубинного фактора отечественной истории и культуры, как и сама по себе история и культура, к сожалению, в наши дни не играет той ключевой роли для формирования национального самосознания, как это было в прежние, не столь уж далёкие времена.

Антропоцентризм Православное Предание усиливает первую часть этой идеи, гуманисты же, в контексте антропоцентризма, акцентируют внимание на второй части.

Социально-философский дискурс о воинской праведности, который в разных традициях решался неоднозначно. Отцы Церкви, исходя из положения, что человек – образ Божий, различали в нем телесное и принадлежащее земному.

Следовательно, признавалось единственное равенство на пути к превращению в избранных.

Элитарность гуманистических кругов, идея избранничества приведет к созданию особой изотерической атмосферы, что явно противоречило христианской идее равенства и открытости Церкви миру.

Идея творчества святоотеческого учения о синергии в гуманизме получила новое звучание. Была поставлена задача возрождения творческой мощи человеческой природы для утверждения личного «Я». Тем самым, антиномия рационального и чувственного античной традиции привела к противоречию данной традиции с христианской традицией, успешно решающей эту проблему. XIV–XV вв.

Необходим был выбор и униаты-латинофилы его сделали, поэтому очень условен термин «гуманистическая религиозность», применяемый в византийской историографии. В данном случае, речь может идти лишь о некой идейной терпимости, а не о личных убеждениях.

Таким образом, в данной статье мы рассмотрели вопрос о месте латинофильской и святоотеческой традиций в воинской православной традиции поздней Византии и Руси. Необходимо исследовать, как, в каких сферах общественной жизни проявляли себя эти традиции. Важно здесь то обстоятельство, что преемственность русских социально-философских «стратегм» от Византии носила религиозно-философский характер. Указанное придало оригинальность позиции отечественной социальной философии в контексте рассмотрения социально-философских представлений и мировоззрения византийского воинского наследия в сравнении с российской военно-агиографической православной традицией.

Литература

1. Древняя русская литература: Хрестоматия. – М.: Просвещение, 1988. – 429с.
2. Елдин М.А. Русская религиозная традиция и финно-угорская этнокультурная общность / М.А. Елдин // Вестник Чувашского университета. Научный журнал. Гуманитарные науки. – № 2. – 2011. – С. 151–155.
3. Жития византийских святых. – СПб.: Изд-во Корвус, 1995. – 544с.
4. Полякова С.В. Византийские жития святых как литературное явление / С.В. Полякова // Жития византийских святых. – СПб.: Изд-во Корвус, 1995. – С. 4–45.

TRADITIONS OF RIGHTEOUSNESS, WARRIORS OF BYZANTIUM AND RUSSIA AND THE PRESENT

Kidyamkin A.A.
National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev

History offers many examples of how a political and social system can be restored from ruins by relying on the factor of regional development. In Byzantium and Rus', a typical example of the restoration of the spiritual traditions of the state from ruins is the activity of Orthodox warriors and military leaders. Thus, in the moral sphere of Byzantine culture, we find a difficult-to-define coexistence of ancient and Christian traditions. In this article, we will attempt to determine the extent to which Byzantine traditionalism took into account both these traditions in developing socio-philosophical concepts of the military tradition of society, and in which issues the influence of Orthodoxy predominated, while in others, ancient paganism. First, we will examine, in general terms, the doctrine of man in the patristic tradition and the social anthropology of Byzantinism. Orthodox scholars of the patristic tradition note that the Fathers did not have a common framework for their doctrine of man. What we call the patristic teaching on man is a collection of thoughts from the context of various teachings of the Fathers and Teachers of the Church. In the history of the Byzantine-Greek and Russian empires, many holy warriors, following a clear strategy that secured popular support and flexible, well-thought-out tactics that repeatedly gave them free rein, relying on popular and ecclesiastical traditions, managed, often after losses, to restore part of what had been their native land, sometimes on the brink of existence and nonexistence.

Keywords: strategy, military valor, social bpolicy, Byzantinism, Westernizers, Russian society, Rus'.

References

1. Ancient Russian Literature: Anthology. – Moscow: Prosveshchenie, 1988. – 429 p.
2. El'din M.A. Russian Religious Tradition and the Finno-Ugric Ethnocultural Community / M.A. El'din // Bulletin of the Chuvash University. Scientific Journal. Humanities. – No. 2. – 2011. – Pp. 151–155.
3. Lives of the Byzantine Saints. – St. Petersburg: Corvus Publishing House, 1995. – 544 p.
4. Polyakova S.V. Byzantine Lives of the Saints as a Literary Phenomenon / S.V. Polyakova // Lives of the Byzantine Saints. – St. Petersburg.: Corvus Publishing House, 1995. – P. 4–45.

Относительная абсолютность

Степанов Михаил Александрович,
аспират, Казанский авиационный институт им. Туполева
E-mail: stark276@mail.ru

Фасхутдинов Тимур Русланович,
аспирант, Казанский авиационный институт им. Туполева
E-mail: groboment@gmail.com

Балуевский Андрей Владимирович,
ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: AndreyBaluevsky@gmail.com

Научная статья затрагивает единство пространства-времени, единство электрона, единство материи и сознания. В поисках единства всего сущего с точки зрения законов природы. Все есть энергия и в основе этой энергии лежит сознание. Мы постарались переложить данные на знакомый нам язык математики. Ведь то, что есть в мире отличается от нашего представления о нем. Взаимоотношения хаоса и порядка. Фундаментальные законы, которые мы наблюдаем, являются отличными от самого лучшего воображения. Таков наш мир.

Ключевые слова: фундаментальные законы физики, материя и сознания, энергия и пространство, теория относительности, квантовая механика.

Введение

Спор Нильса Бора и Эйнштейна о природе микромира. Где Эйнштейн говорит – «Бог не играет в кости», следовательно, все можно описать благодаря скрытым статистическим законам на что Нильс Бор отвечает – «Не учите Бога что делать», а следовательно в мире все хаотично и вероятностно показал нам природу микромира. Исследованием неравенств Белла учеными было показано, что нет скрытых параметров – это значит, что Эйнштейн был не прав, нет скрытых параметров. Данные науки показали, что природа микромира развивается как и мир хаотично, то есть распределяется по закону энтропии. Так каковы законы природа мира – относительны или абсолютны, или только относительны? Так что в мире Хаос или порядок, может все вместе? Цель данной работы показать фундаментальные законы природы в основе мироздания. Майкл Фарадей пропуская ток через металл получил магнитное поле и показал взаимосвязь всех законов природы и все есть E(энергия). Лавуазье преобразовав воду в пар и из пару получив воду доказал закон сохранения массы m. Вильям Гравитон кидая шары с разной высоты и замеряя глубину вмятин в пластилине доказал отношение глубины равной квадрату скорости. Альберт Эйнштейн соединил это все в стройной теории E=MC2. И показал нам, что энергия равняется произведению массы на квадрат скорости света, сформулировал принцип – все относительно. Учение об атоме показало новые свойства. «Мы знаем смертные тела. Могут быть и бессмертные. Но только форма их сохраняется (или изменяется постепенно без одновременного распадения), следовательно сохраняется информация об их свойствах, элементы же тела притекают и утекают непрерывно – как в смертном, так и в бессмертном теле. Атомы меняют гостиницы иногда чаще в бессмертном теле, чем в смертном, иногда наоборот.»|1| Согласно Лейбницу, не существует совершенно неодушевлённой природы. Поскольку никакая субстанция не может погибнуть, то она не может окончательно лишиться какой-либо внутренней жизни. Лейбниц говорит о том, что монады, которые основывают явления «неодушевлённой» природы, на самом деле находятся в состоянии глубокого сна. Минералы и растения – это как бы спящие монады с бессознательными представлениями.|2| В основе гибридизации молекул лежат как раз законы природы. Сила и свойства молекулярных структур заложена в информации способов построения этого вещества.|3|

Относительность законов

«Метод физических наук заставляет нас ожидать повторения явления. Если бы могли повториться вместе все эти обстоятельства, то этот принцип мог бы быть применим без опасения, но это никогда не случится. Это может быть вероятно но не строго достоверно. От сюда – значительную роль, которую играет в физических науках понятие вероятности.»|4| Два электрона образуя ковалентную связь согласно нашему представлению находятся в области пересечения. Вероятность нахождения электронов в данном месте. Истинной вероятности развития событий а именно пятой аксиоме Колмоговора (аксиома непрерывности). Для решения задач, связанных с бесконечными последовательностями событий. Для любой убывающей последовательности событий из F такой, что произведение этих событий есть невозможное событие, справедливо равенство: lim(при x->∞) P(An)=0, т.е. A1 ⊃ A2 … An …Ai F,

$$\bigcap_{n=1}^{\infty} A_n = \varnothing \quad ; \quad \lim_{n\to\infty} P(A_n) = 0$$

«Говоря о случайности в обыденном смысле слова, мы имеем в виду те явления, в которых мы не обнаруживаем закономерностей, позволяющих нам предсказывать их поведение. Вообще говоря, нет причин предполагать, что случайность в этом смысле подчиняется каким-то вероятностным законам. » |5|. То есть настоящая вероятность это есть бесконечное количество развития событий. Следовательно и есть истинная вероятность.

«Равновесное состояние системы «небытие-бытие» характеризуется (стационарностью) «объемов» и «масс» небытия и бытия, стационарным соотношением между ничто и нечто. Равновесность может носить статический и динамический характер, в зависимости от этого следует говорить о законах статики и динамики системы «небытие – бытие» («ничто-нечто») »|6|

« Я чувствую себя обязанным господину Таннери что Его критический обзор придает моим исследованиям философское и даже метафизическое значение. Я считаю что математика и метафизика по праву должны идти рука об руку и они находятся в братском единении. Все так называемые доказательства невозможности бесконечных чисел являются, – как это можно показать в каждом отдельном случае и заключить из общих соображений, – ошибочными по существу и содержат в том, что в них заранее приписывают или скорее навязывают рассматриваемым числам все свойства конечных чисел. Между тем, бесконечные числа, если только вообще их приходиться мыслить в какой-нибудь форме, ввиду своей противоположности конечным числам должны образовывать совершенно новый вид чисел, свойства которых зависят исключительно от природы вещей и образуют предмет исследования, а не нашего произвола и наших предрассудков.» [7]

Рассмотрим поезд на рис. 1.

Рис. 1.

Если человек движется со скоростью 5 км/ч. Относительно пассажиров Он будет перемещаться с этой скоростью. А если поезд движется в сторону движения человека со скоростью 60 км/ч, то скорость человека складывается со скоростью поезда и человек перемещается относительно Земли со скоростью 65 км/ч. Теперь рассмотрим свет, его скорость всегда будет равняться 300 000км/с. На рисунке 2 свет поезд идет со скоростью 60 км/ч, свет движется с такой же скоростью. Следует заметить, скорости не складываются. Одновременно другой параллельный источник света находится стационарно на платформе и свет аналогично движется с той же скоростью что и движущегося поезда.

Рис. 2.

Теперь в нашем мысленном эксперименте разместим источник света в центре вагона и поставим датчики в передней и задней части вагона для открытия дверей. На рис. 3 и увидим поразительное явление задние двери откроются чуть раньше, так как идут на встречу свету, а передние чуть позже. И это при том, что скорость света абсолютна.

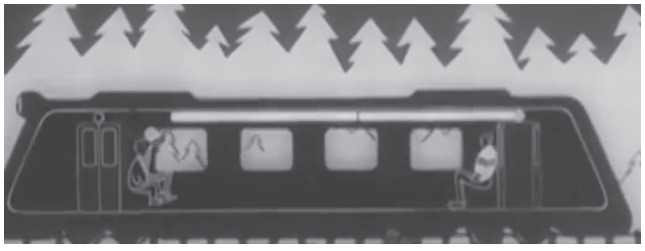


Рис. 3.

Получается, что события, которые идут для одних людей могут быть не одновременны для других. Этот мысленный эксперимент показывает нам, что время 4 измерение. Пространство и время взаимосвязаны неразрывно и не слитно. Если космонавт будет лететь прямолинейно и равномерно со скоростью света то время с точки зрения земли будет идти в космическом корабле в три раза медленнее. Однако, космическому кораблю нужно набирать и гасить скорость, менять направление движения а также набирать ускорения. Только ускорение не относительно а абсолютно.

«Таким образом, все множество различных полевых операторов для разных типов свободных частиц (и им соответствующие волновые уравнения) содержит большое количество информации но они пригодны в начале и конце эксперимента. Математический аппарат при формулировке теории элементарных частиц эти операторы не очень полезны. Поэтому истинное состояние является не «чистым» (в квантовомеханичеком смысле), а скорее смешанным.»[8] Возьмем закон гравитации. Сила между обьектами обратно пропорционально квадрату расстояния между ними. Этот закон говорит нам, что обьект реагирует на силу, изменяя свою скорость в течении времени в направлении этой силы. А что если меняется не скорость а расстояние между обьектами. В следствии теории теории относительности время и расстояние не разрывно связаны друг с другом. На рис 4. представим нам надо пройти из точки А в точку С по гипотенузе b, катет а это время. Точка С это наш конечный маршрут по прямой гипотенузе b, из далека мы видим отдельно и время точку В и пространство в точке конечного маршрута по прямой С. Но ведь в процессе нашего движения по прямой изменяется не только наше расстояние но и время а следовательно искривляется пространство-время.

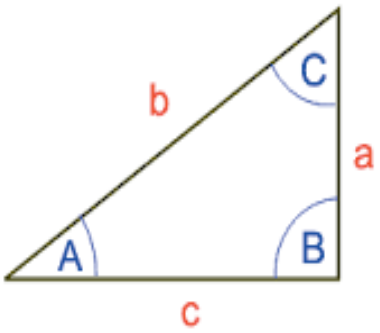


Рис. 4.

Идя и точки А в С мы на самом деле идем в точку В и одновременно изменяемся во времени из точки В в С. И находясь спиной к точке В мы видим только то что перед нами а именно точку маршрута С. И это подтверждается теоремой Пифагора. Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Что не справедливо по теореме Ферма для 3 степени и более.

Альберт Эйнштейн так оценивал «Начала»: «Это удивительнейшее произведение мысли дало человеческому разуму ту уверенность в себе, которая была необходима для его последующей деятельности. Тот не рождён для теоретических исследований, кто в молодости не восхищался этим творением»[9].

Давид Гильберт начинает основания геометрии так: «Мы мыслим три различные системы вещей: вещи первой системы мы называем точками и обозначаем А, В, С.»[10].

Трансляция во времени имеет ключевой фактор. Тогда как сейчас ошибочно считается, в законе гравитации об изменении скорости, а не абсолютного времени. Условия меняются со временем, и мы видим, что все галактики отдаляются друг от друга. А это говорит нам о факте существования пространства времени не раздельно и любая ошибка во времени приведет к колоссальному изменению мира. Если у нас есть космический корабль и в нем есть оборудование и кто то, что-то делает и есть такое же оборудование на земле, а корабль движется прямолинейно и равномерно. Тогда внутри космического корабля человек видит все тоже самое, что и человек, работающий на земле не подвижно, и мы не можем утверждать, кто из нас движется. Если вы движетесь в космическом корабле со скоростью 200 000 км/с, а Я не подвижно пускаю луч света через ваш корабль казалось бы который постоянен 300 000 км/с то относительно Вас свет должен двигаться со скоростью 100 000 км/с. В итоге все равно даже относительно вас

в корабле свет будет двигаться с постоянно скоростью в 300 000 км/с. На рисунке 5 мы видим две машины с верху и низу, по бокам размещены источники света. Человек в верхней машине развернут лицом в право а человек в нижней стоит боком к обоим источникам света.

Рис. 5.

Человек в верхней машине увидит только правый источник света, а в нижней сразу оба источника. Вывод в том, что все, что происходит сейчас не совпадает с Моим сейчас. На расстоянии у нас разное сейчас. Мы видим, что два события происходят одновременно, а с другой стороны нет. Пространству добавим время получается 4 мерный мир. Миньковский как то сказал что: «Пространство само по себе и время само по себе уйдут в историю и только союз пространства времени имеет место на существование». Следует отметить, что в отличие от интенсивности и от поля в статическом случае, амплитуда напряжённости электрического поля и магнитной индукции в электромагнитной волне от точечного источника падает обратно пропорционально первой степени расстояния.

$$E_a, B_a \propto \frac{1}{r}.$$

Ea, Ba∝1r.Закон обратных квадратов может быть применён только в случае точечных и сферических источников света (например, фонарях): весьма распространённые в помещениях цилиндрические лампы дневного света, тем более помещённые в ряд, не являются точечными источниками (пока их характерный размер не является пренебрежимо малым), и поэтому к ним нельзя применять закон обратных квадратов (пока их характерный размер велик, к ним применим закон обратного расстояния), а равномерно светящаяся плоская поверхность даёт постоянную освещённость на расстояниях, малых по сравнению с её размером.

Закон обратных квадратов имеет некоторое значение в диагностической рентгенографии и радиационной терапии для расчёта дозы облучения. Однако эта пропорциональность не соблюдается в практических случаях, несмотря даже на то, что размеры источников облучения намного меньше расстояний до объекта облучения.

Абсолютность законов

Леонард Эйлер в 1737 году показал, что числовой ряд, обратный простым числам, расходится|11|. Обратное число (обратное значение, обратная величина) к данному числу x – это число, умножение которого на x даёт единицу. Это означало, что простых чисел бесконечно много. В результате исследований мы приходим к следующим выводам, симметрия законов это частный случай их ассиметрии. При радиоактивном распаде нейтрона, он распадается на рисунке 6 на протон, электрон и антинейтрино.

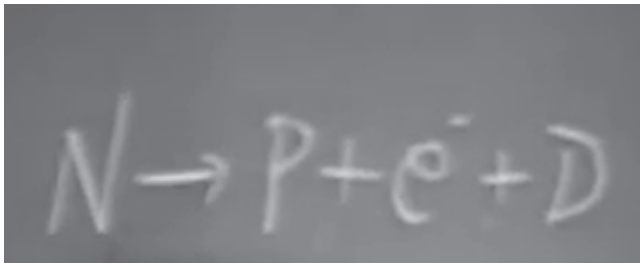


Рис. 6.

Причем спин электрона всегда будет закручен как резьба в лево. Другой пример того что симметрия законов природы носит ассиметричный характер и симметричность это частный случай большего. Правостороннее закручивание белков в биологии. Так как по примеру с резьбой правосторонняя резьба подходит только к правой а левосторонняя к левой, то природа выбрала только 1 вид закручивания для белка в правую сторону. Искривление пространства – времени можно заметить при пролете фотона рядом с планетой, и чем искривление пространства-времени тем сильнее гравитация. Аналогично закон электричества сила притяжения, не смотря на то, что по сравнению с гравитацией в 100 раз сильнее, однако, соответствует обратно пропорционально квадрату расстояния. Не в размере дело. Если мы рассмотрим что то, что дала природа, то заметим и электричество и гравитация это одно и тоже. Зависимость от силы заряда и массы обьекта. Рассмотрим элементарную частицу электрон. Между двумя электронами происходит отталкивание за счет электричества обратно пропорционально квадрату расстояния и притягивают друг друга за счет гравитации обратно пропорционально квадрату расстояния. Данное соотношение является числом из 42 цифр на рисунке 7.

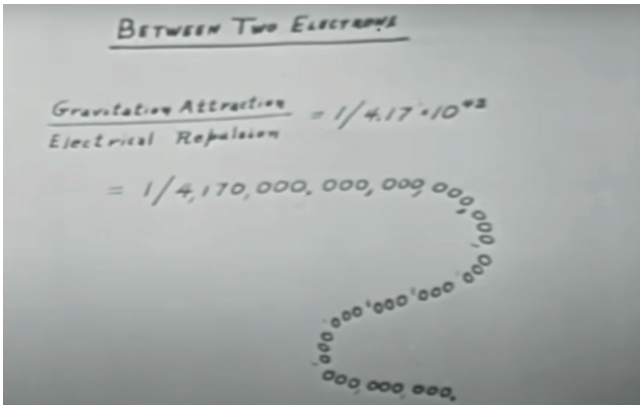


Рис. 7.

А если мы рассмотрим поразительный факт соотношения диаметра вселенной к диаметру протона то тоже будет число из 42 цифр. В результате данных выводом мы можем утверждать что не существует квантовой теории гравитации и гравитона как частицы. Гравитация это индуцированная природа искривления пространства-времени. Вышивая свой узор природа пользуется только самыми длинными нитями для соединения всех частей в единое целое и любой маленький кусочек материи раскрывает устройство всей материи. Одна из удивительных особенностей природы, разнообразие всевозможных интерпретаций. Обратная пропорциональность квадрату позволяет закону стать локальным, если бы там был куб этого бы не было. Для описания маленького участка пространства времени необходимо бесконечное количество логических операций. Все есть энергия. Известно что фотон не имеет массы, открытие бозона Хигса показало что все есть поле, и бозонные поля создают массу элементарным частицам. Например масса ядра в покое (которое состоит из протонов и нейтронов называемые нуклонами) меньше чем те же самые нуклоны по отдельности на рисунке 8.

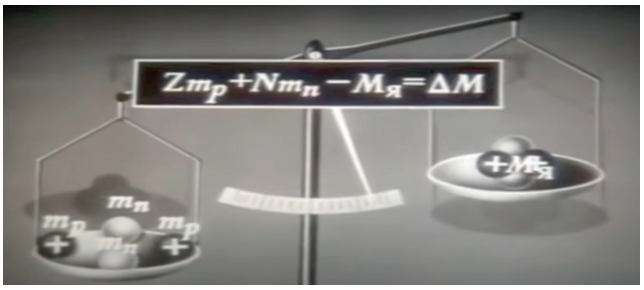


Рис. 8.

Энергия сил действующих в ядре атома для их скрепления – гравитационные силы притяжения, кулоновские (электромагнитные) силы отталкивания, ядерные силы. При добавлении этих сил и образовании ядро теряет массу. Так называемое явление – дефект масс. Теория относительности Эйнштейна учила нас о взаимосвязи массы и энергии на рисунке 9.

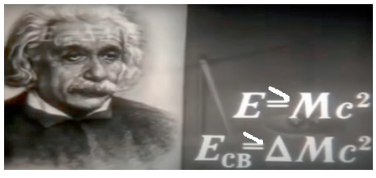


Рис. 9.

Понимание дефекта масс и отсутствие массы как таковой без бозонных полей приводит нас к представлению об энергии как величине всегда абсолютной и большей чем произведение массы на квадрат скорости света рисунок 10.

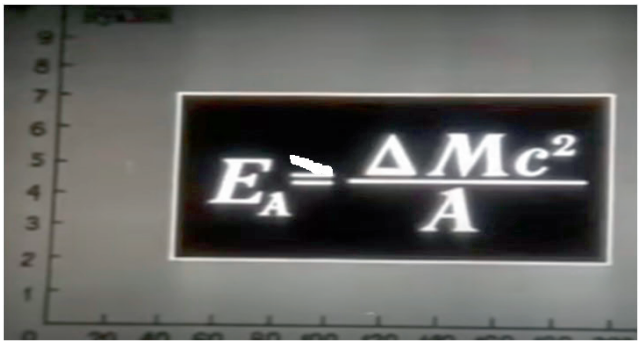


Рис. 10.

Чем больше порядковый номер элемента, тем больше энергия и сильнее связь с нуклонами рисунок 11.

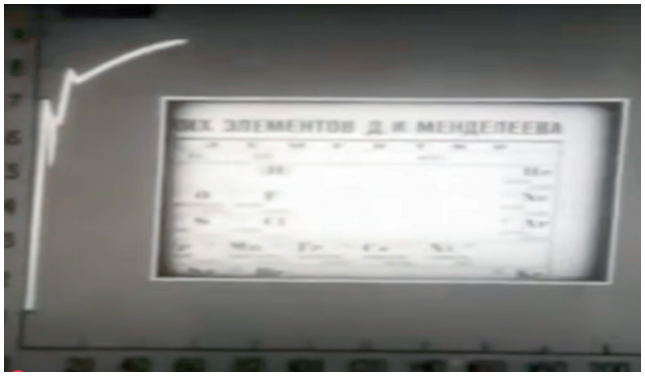


Рис. 11.

Следовательно, энергия абсолютна и всегда больше или равно массе на квадрат скорости света. Каждой точке пространства соответствует число(или потенциал), изменение этого числа и есть изменение потенциала на рисунке 12. Закон сохранения заряда показывает нам, что есть число и оно не изменяется.

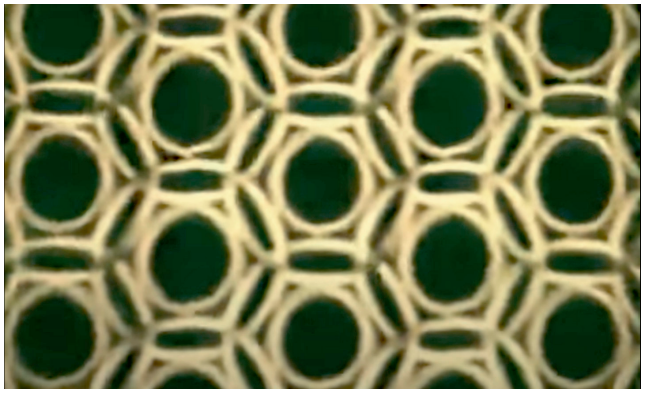


Рис. 12.

Все есть энергия и в основе этой энергии есть информация. Движение планет и движение электронов не детерминированные системы и всегда имеется случайность. Рассмотрим бильярд, на котором шары имеют простые траектории движения. Однако, даже тут шары имеют обобщенное для нашего понимания траектории. Упрощение сложных случайных законов. На микроуровне господствует энтропия или случайность – вероятность процессов. На макроуровне господствует порядок. Примеры созвучия хаоса и порядка, является стохастические аттракторы.

Зеленый фон рисунок 13 это точки распределения частицы которые откладываются через равные промежутки времени, их распределение является случайным. Вместе с тем внутри есть островок устойчивости, траектория частиц замкнута и их распределение подчиняется строгому порядку образуя островок устойчивости. Сосуществование хаоса и порядка носит фундаментальные законы природы. Не смотря на хаос микроуровня и отсутствия скрытых параметров, порядок образуется в результате информации заложенной внутри законов природы. Информация это более высший уровень законов природы, нежели просто физические законы. Исходя из теории гибридизации атомных орбиталей на рисунке 14, мы можем утверждать об едином электронном поле.

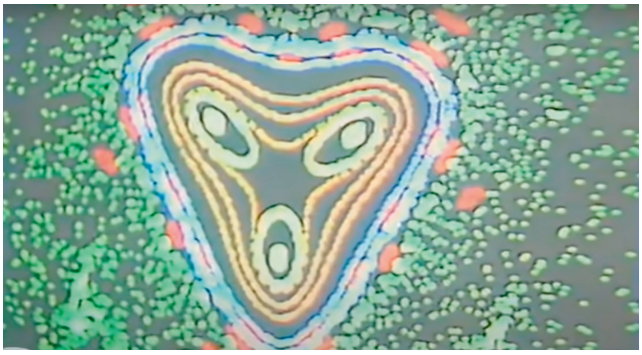


Рис. 13.

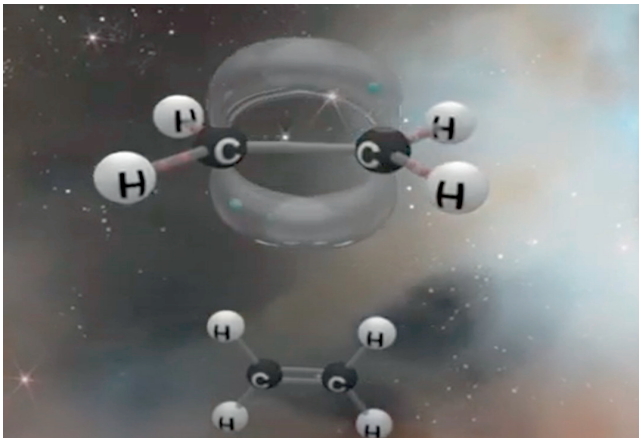


Рис. 14.

Где электроны образуют комбинированные связи – например сигма, пи связь и это показывает нам как ядра атомов погружены в единое поле с одним электроном на весь мир. Другой факт существования единого электрона(поля) – положительно заряженный ион водорода(катион), где отсутствует электронная оболочка, однако, он существует.

Заключение

Для понимания, что первично хаос или порядок обратимся к квантовой механике. Атом есть и волна и частица противоречит друг другу, но это не значит, что противоречит законам природы, а противоречит нашему представлению о них. Дуализм это естественное состояние природы. Законы природы абсолютны, а теория относительности их дополняет. Если сложить все законы вместе появляется бесконечность. Существование всех частиц физики говорит нам о том, мы не знаем всего. Когда мы застреваем в проблемах говорит нам о том, что мы используем старые методы и пора их расширять. Науку можно развивать экспериментально или умозрительно. Необходимо выводить идеи за пределы проверенного. Все что могут животные могут атомы, которые взаимодействуют. Congruit unersa – все согласуется, чудеса согласия, сила согласна строю причин. Легион доводов, сцепляющихся в единый ряд. По согласованию и созвучию природы, созвучный всюду голос природы. Осмотрительность, истинность, согласие всех причин есть постоянный закон природы. Мы должны как бы единым взглядом оценить совокупность всех вещей. Корпускулы и волны в живых и мертвых движутся(изменяются), в растениях живых и мертвых движутся, а также в минералах и неорганических телах, следовательно во всем. Нам необходимо воображение, новый взгляд на мир с учетом опыта. Природа проста, а значит, она прекрасна.

Литература

1. Циолковский К.Э., «Приключения Атома», повесть ISBN 978-5-87140-289-4 издательство ООО «Луч» 2009 г.

2. Филиппов М.М. Готфрид Лейбниц. Его жизнь, общественная, научная и философская деятельность. – 1893.

3. Курс лекций по общей химии: Учебное пособие для вузов. 4-е изд. / Под ред.д.х.н., проф. А.Н. Глебова. Казань: Изд-во «Экоцентр», 2011.

4. Анри Пуанкаре О науке: Издательство «Наука», главная редакция физико-математической литературы Москва 1983 г.

5. А.Н. Колмогоров Теория вероятности и математическая статистика Издательство «Наука», г. Москва 1976.

6. Солодухо Н.М. Философия небытия. Казань: Издательство Казан.гос.техн. университета, 2002 г.

7. Кантор Георг Труды по теории множеств Издательство «Наука», главная редакция физико-математической литературы Москва 1985.

8. В. Гейзенберг Введение в единую полевую теорию элементарных частиц Издательство «Мир» Москва 1968 г.

9. А. Эйнштейн. Физика и реальность. М.: 1965, с. 62.

10. Гильберт Д. Основания геометрии. М.-Л.: ОГИЗ, 1948.

11. Euler, 1737, с. 160–188.

RELATIVE ABSOLUTENESS

Stepanov M.A., Faskhutdinov T.R., Baluevsky A.V.
Kazan Aviation Institute named after Tupolev, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

This scientific article touches upon the unity of space-time, the unity of the electron, the unity of matter and consciousness. In search of the unity of all things from the point of view of the laws of nature. Everything is energy and consciousness is the basis of this energy. We tried to translate the data into the familiar language of mathematics. After all, what is in the world differs from our idea of it. The relationship between chaos and order. The fundamental laws that we observe are different from the best imagination. This is our world.

Keywords: fundamental laws of physics, matter and consciousness, energy and space, theory of relativity, quantum mechanics.

References

1. Tsiolkovsky, K.E., “The Adventures of the Atom”, a novella, ISBN 978-5-87140-289-4, Luch Publishing House, 2009.

2. Filippov, M.M., Gottfried Leibniz. His Life, Social, Scientific, and Philosophical Work. 1893.

3. Lecture Course on General Chemistry: A Textbook for Universities. 4th ed. / Ed. by D.Sc. (Chemistry), Prof. A.N. Glebov. Kazan: Ecocenter Publishing House, 2011.

4. Henri Poincaré, About Science: Nauka Publishing House, the main editorial office of physics and mathematics literature, Moscow, 1983.

5. A.N. Kolmogorov, Probability Theory and Mathematical Statistics, Nauka Publishing House, Moscow, 1976.

6. Solodukho, N.M., Philosophy of Nothingness. Kazan: Kazan State Technical University Publishing House, 2002.

7. Cantor, Georg, Works on Set Theory. Nauka Publishing House, Main Editing House of Physics and Mathematics Literature, Moscow, 1985.

8. Heisenberg, V., Introduction to the Unified Field Theory of Elementary Particles. Mir Publishing House, Moscow, 1968.

9. Einstein, A., Physics and Reality. Moscow: 1965, p. 62.

10. Hilbert, D., Foundations of Geometry. Moscow-Leningrad: OGIZ, 1948.

11. Euler, 1737, Pp. 160–188.

Понимание условности в контексте некоторых воззрений западной философии

Хомич Наталья Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент; кафедра философии, социологии и истории, Иркутский государственный университет имени А.А. Ежевского

Предметом исследования является условное и условность в контексте западной философской мысли. В статье проведен анализ вклада некоторых идей западной философии в обоснование условности как социально-философской категории. Проблема понятия условность заключается в нечеткости статуса в философском знании и в разделении и конфликтности социальной и художественной условности в рамках одной категории. Целью данного исследования является выявить и систематизировать основные идеи философов Запада до XIX века, в которых содержится отсылки на трактовку явления условность. Необходимость изучения категориального значения условности обусловлена ее эстетическим и графическим ресурсом для создания новых реальностей, которые, наряду с реальным миром, предлагают субъекту-творцу альтернативный способ бытия. Исследование позволяет внести ясность в терминологический аппарат категории условность и обосновать ее созидательный потенциал в современном искусстве. Исследование проводится при помощи следующих методов: – системного, который позволил рассмотреть эволюцию понимания условности и обозначить основные ее принципы с античной до немецкой классической философии; – аналитического, с помощью которого проблема условности вычленяется из различных философских концепций и скрытых предпосылок рассмотрения условного как такового. Доказывается, что при отсутствии самого термина «условность» размышления об этом явлении имеют место у многих западных философов в системе координат «природа/человек, объект/субъект». В разработке концепции условности важными становятся идеи Аристотеля о социальной природе условности и ее созидательной функции. Средневековые мыслители подготовили почву для дальнейших размышлений об условности, доказав, что человеческая культура функционирует не по законам природы, а опираясь на соглашения, договоры, знаковые системы. Кроме того, они ввели представление о модальной логике, которая лежит в основе природы условности. Немецкая классическая философия привносит тезис о том, что картина мира человека условна и определяется не объективной реальностью, а структурой и спецификой сознания. В философии И. Канта можно проследить переход условности из явления в феномен, поскольку в ее терминологический смысл помимо понимания – «все, что создано человеком» – добавляется «то, что появляется после преломления через сознание». Для Г. Гегеля условность – обязательно договоренность между людьми, в итоге переходящая в неосознанное и безусловное. Результатом исследования становится заключение, что классическая философия заложила методологический фундамент для ее интерпретации как конструкта возможных альтернативных миров.

Ключевые слова: условность, категория, постнеклассическая философия, феномен, искусство, субъект- творец, возможные миры, феномен.

В современном социокультурном пространстве роль условности выходит далеко за пределы ее способности отражать окружающий мир в искусстве и быть основным принципом художественной изобразительности. Традиционно условность понимается как набор клише и норм, определяющих правила игры и бессознательно принимаемых читателем, зрителем или игроком для простоты восприятия смысла. Но все чаще наблюдается неразличение реального мира и условного мира искусства, условность утрачивает свой исключительный статус инструмента и становится самим местом действия. «Искусство больше не является меметическим, то есть существует вне подражания. Переосмысляет человека, понимая его уже не как центр, но как составную часть сложной системы» [5]. Субъект-творец использует свой быт и свою жизнь как потенциальное сырье, при помощи которого он и созидает новую самодостаточную онтологию, синтезируя образцы мировой культуры. Роль искусства уже не отражать бытие, а творить его, а субъект больше не сторонний наблюдатель – условный мир для него – это первичная реальность. Такое «общество-спектакль», по словам Дебора – «это не совокупность образов, но общественные отношение между людьми» [4, 23]. Концептуальные, цифровые и социальные условности XXI века – это новые онтологические реальности, а условность стала лабораторией по проектированию возможных миров, предлагающих реципиенту альтернативный способ бытия. «Такие иные уровни условности, как социокультурный и предпосылочный только задают диапазон возможных параметров окончательном виде автором-художником» [1, 70].

Условность дает субъекту-творцу не только креативные инструменты, но и опорную точку и культурообразующий фундамент, она оправдана соображениями преемственности, наглядности, симптоматичности и прогностического потенциала. Явление, феномен, концепт, категория – статус условности на сегодняшний момент остаётся непонятным. В связи с этим понятие условности требует отдельного философского обоснования, поскольку необходимость внедрения термина условность в его категориальном значении в теоретический аппарат социальной философии обусловлена невозможностью объяснения большинства социальных процессов только с позиции относительности и конвенциональности. Синтез относительного и конвенционального утверждает несколько характеристик условности как философской категории: зависимость от точки отсчета (субъекта-наблюдателя, культурных кодов, языковых репрезентаций), степень близости или отдалённости от истинного факта, эталоны и средства новых образований. Универсальность и стандартность форм, циркулирующих в творчестве и квази-творчестве медиапространства, подразумевают наличие определённого готового набора таких форм, не обладающих уже индивидуальным авторским началом. Условность современного творчества – это не просто выражение нетождественности явлений реальности и художественных образов, это отображение социальных и политических позиций, поэтому децентрализация природы условности в ее традиционном понимании в сторону социальности требует более глубокого рассмотрения этого понятия и наделения ее уже мировоззренческим статусом. Условность в современном творчестве теперь является необходимой категорией для осмысления человеческого существования, смысла субъективных приоритетов, способов познания и действий. В этом понимании условность соединяет в себе максимум характеристик и качеств всего релятивистского аппарата.

Для разработки концепции условности как категории для нас важным становится факт диалектического снятия противопоставления условного и безусловного в духовной жизни общества. В терминологическом ключе в современной философии оперирование понятием условность как категорией может стать отправным пунктом для интерпретации значимых концептов неокантианства и феноменологии, а без понимания принципа взаимоперехода безусловного в условное объяснение теории марксизма, экзистенциализма и постструктурализма может быть лишено своего идейного наполнения.

Категориальное значение условности начинает формироваться еще в античную эпоху. С условностью связывался чувственный мир человека, который, в отличие от рационально воспринимаемого мира, изменчив и имеет иллюзорный, условный статус. Гераклит отделял изменчивый реальный мир от истинного при помощи понятия «Логос» – всеобщего абсолютного мирового закона. От Гераклита идет также идея условности человеческих законов, имен и языка, как созданного

человеком для человека. Индикатор условности здесь достаточно прост – весь материальный мир и мир человеческих чувств. «Единая первооснова мира скрыта от ощущений, она постигается только умом. Феноменальная множественность – иллюзия, порождаемая субъективным восприятием <…> Таким образом, люди именуют только «примеси», но не ухватывают сущность (природу на языке Гераклита)» [7].

В контексте аристотелевской философии условное можно рассматривать как некий критерий различия сущности и явления, где характеристики явления всегда условны. Но здесь можно уже говорить о выделении двух видов условности: социальной, основанной непосредственно на социальных условностях и художественной, созидающей. «Философ разделяет право на: – естественное, которое существует от природы; – условное, которое создается людьми» [2]. Явления, по Аристотелю, более емкое и широкое понятие, чем сущность, поскольку включает в себя помимо смыслового содержания различные случайно-условные отношения.

Значимость условного возрастает в эпоху средневековья в силу символичности средневекового мышления и восприятия мира как некой системы знаков, в совокупности своей отображающей реальность. Самодостаточность материального мира подчеркнуто опровергалась, в священных писаниях людской мир представлялся лишь как подобие и «следствие божественной природы». В трудах средневековых философов проблема знака получает первое теоретическое обоснование. Несомненно, это связано с задачей интерпретации христианских источников, решение которой заложило основы герменевтики. Августин Блаженный предпринимает первую попытку классификации знаков, разделив их на природные и социальные. Природные, как показатели физических явлений, не имеют степени условности, поскольку в них отсутствует субъективное начало. Условностью обладают лишь знаки, передающие смысл, то есть созданные разумными существами. Сюда Августин причисляет изображения, картины, языковые единицы, жесты. Условностью наделены также общие универсалии, но смысл обозначений сводится к тому, чтобы условное возвести в ранг безусловного, абсолютного, истинного. Природа божественного происхождения универсалий признается всеми средневековыми мыслителями, но набор универсалий и истинность их наполнения рассматривались по-разному. Степень условности зависела от близости понятия к божественной идее – все непосредственно созданное богом определялось как абсолютное, и сторонники номинативного взгляда на объекты окружающего мира определяли условные языковые обозначения как ярлыки, придуманные человеком для удобства употребления. Здесь очевидна связь условного с конвенцией, социальным соглашением, не имеющим отношения к деятельности Бога. Б.А. Успенский справедливо указывает, что в изучении языка древней живописи «важнее всего <…> рассмотрение проблемы передачи пространства и времени в древней картине» [10].

Градация условного была очевидна: все божественное – безусловно, все человеческое – иллюзорно и варьируется в системе мир-мышление-язык. Реалистическое представление об условном базировалось на логическом анализе. Потребность в логических умозаключениях возникает для объяснения границ возможностей Бога с точки зрения физики. Бог, как творец всего, тоже ограничен в своих деяниях, так как создать что-то он может лишь в рамках логичных, объяснимых в рамках природы явлений. Такой критерий креативной составляющей возможных действий бога можно положить в основу разделения первичной и вторичной условности в искусстве, хотя понимания вторичной условности, как такового, не существовало. Все, что имело место в реальном мире, но не поддавалось логическому объяснению, трактовалось, как чудо, но все же возможное. Мысль о возможности множества миров, созданных богом лежит и в идее об условном предвидении, согласно которому Бог определяет не только то, что обязательно случится, но и то, что произошло бы при любой гипотетической ситуации). Следуя данной логике, человек, получив инструменты для креативности и, действуя согласно законам физики, получает возможность творить возможные миры, подобно богу – зарождается концепция субъекта-творца. Но с позиции средневекового мировоззрения, условное для простого человека заключалось только в наделении по строгому алгоритму уже существующей номинации дополнительными характеристиками и интерпретациями: от непосредственно прямого обозначения события или факта, к присвоению слову метафорического значения, морали и эсхатологического пафоса.

Итак, условность в искусстве средневековья обладает следующими характеристиками: теоцентричность, системность, иерархичность, максимальная приближенность к абсолютным означаемым категориям. Набор условных механизмов и знаков был достаточно ограничен и фиксирован. «Тем самым разделялось, разграничивалось бытовое пространство, в котором находился зритель, и изображенное метафизическое пространство сакрального события» [11].

Природа этого пространства иная, чем бытового, хотя их нельзя противопоставлять как изображенное и реальное. «Для средневекового сознания изображенное метафизическое пространство и есть пространство реальное» [3, 63]. Изображенный на иконе мир и есть реальный мир – «как он есть на самом деле». Именно так его мыслили иконописец и его зритель [8, 59–60]. Изображенные на иконе деформированные объекты материального мира не имеют четкого метрического и пространственного соответствия, они наполнены духовным смыслом и имеют культовую природу. «В их основе лежит «онтологический» реализм, то есть стремление наиболее полно и точно воссоздать в изображении как внешние черты явления, так и его суть, прежде всего сакральную» [13]. Размышления средневековых мыслителей о природе условного легли в основу разработки теории логического следствия и модальной логики. Они выяснили, что истинность условного зависит не только от денотативных значений, но и от модальных характеристик – возможности и необходимости. Общие представления об условности стали ключом к решению сложнейших теологических и метафизических проблем.

Переходом от условного к условности можно считать философию Д. Юма, у которого условность рассматривается как промежуточное звено между естественным (природным) и искусственным (созданным человеком). Для Д. Юма это и не закон природы, и не социальное соглашение в просветительском понимании. Природа условности стихийна, она возникает в следствии общения, взаимодействия и координации людей между собой, как приспособление к интересам и действиям друг друга. Речь идет о том, что соглашение о координации действий не требует ничего, кроме осознания каждым частного интереса действовать общими усилиями. Для Юма важно подчеркнуть, что в выполнении такого рода соглашений индивиды не связывают себя договорами и не дают специальных обещаний: «Сами обещания проистекают из соглашений между людьми», – писал он» [14, 679]. Юм считает следование условности залогом порядка в обществе. В рассуждениях о соблюдении обещаний раскрывается юмовская позиция по вопросу искусственности моральных правил, добродетелей, востребованных в обществе, и самого общества как пространства, где эти правила находят применение. Следует отметить, что об искусственности применительно к обществу говорил и Т. Гоббс. Можно выделить два значения употребления Гоббсом термина «искусственный»: как «неестественный», созданный человеком; как «разумный», основанный на сознательном творчестве [9, 240]. Процесс договоренности Гоббс сводит к разумному творчеству, интегрируя тем самым социальное и художественно-созидательное. «Соглашение это не носит характера обещания… Оно не что иное, как общее чувство общественного интереса; все члены общества выражают это чувство друг перед другом, и оно заставляет их подчинять свое поведение известным правилам» [14, 640–641].

Проблема условности в немецкой классической философии имеет уже более обоснованную концепцию в контексте саморазвития абсолютной идеи. Кант перенимает у Д. Юма некоторые подходы к условности, но предлагает свои пути решения причинного, то есть условного знания. Онтологический взгляд Юма он уводит от эмпирики в сторону мышления об объективном мире, вводя понятие феномена, которое уже намного глубже, чем явление, отражает событийность окружающего мира. В отличие от античных представлений, где феномен тождественен явлению, у Канта феномен – это любая данность, событие, которое осмысливается нашим сознанием и определяется непосредственно опытом, а явление обнаруживает себя в окружающей действительности, независимо от нашего сознания. Осознание нами природы явлений в пространственно-временном континууме субъективно, поскольку «разум видит только то, что сам создает по собственному плану» и, вследствие этого – условно. По Канту условное можно трактовать как феноменальное, ограниченное человеческим познанием, что приводит его к замещению разума субъективно-условной верой: в свободу, в Бога, в бессмертие. «Кант доказывал, что мир явлений создан такими познавательными способностями субъекта, как чувственность и рассудок с их априорными формами, и рассудок в состоянии познавать мир только потому, что он сам диктует природе ее законы. «Это означало предельную универсализацию принципа «верум-фактум» в сравнении с предшественниками, распространение его на всю природу и все познание. Тем самым весь мир объектов был объявлен Кантом искусственным, созданным познавательными способностями субъекта» [7, 383].

Понятие условного можно рассматривать как основополагающий критерий для разделения гипотетического и категорического императива в этическом учении И. Канта. Условность гипотетических императивов очевидна уже при наличии союза «если», то есть только при наличии цели и определенных обстоятельств заявленное действие

выполнимо. Категорический же императив безусловен и его проявление обуславливается непосредственно автономией воли человека. Индикатором уловного и безусловного в социальном ракурсе у Канта является долг, который может быть основан на эмпирических желаниях и потребностях человека или же на нравственных законах. Кант разграничивает также легальные и моральные действия, где моральные поступки всегда продиктованы безусловным долгом, а легальные совершаются из эмпатических склонностей. «Для философского осмысления практического и искусственного большое значение имели следствия из осуществленного Кантом сравнительного анализа условных и безусловных практических императивов (предписаний)» [7, 386].

В философии Гегеля условное и безусловное связано диалектическим единством. В отличие от Канта, который понимает условное как предел познания, Гегель считает его необходимым сегментом развития абсолютной идеи, которая познаваема и, более того, сама раскрывает себя. Гегель, рассматривая явления социальной и исторической действительности, говорит о проявлении и реализации условного в безусловном. Условной формой у Гегеля выступает и государство, поскольку его возникновение обусловлено историческими и культурными предпосылками, но вместе с тем его реализация является основой нравственного начала, добровольного подчинения нормам и правилам, а значит безусловно. В таком случае созидание абсолютного духа становится невозможным без изначальных определяющих условий. Война по Гегелю – это следствие критического столкновения условных исторических предпосылок, однако Гегель определяет войну как необходимость для сохранения нравственного здоровья народов. Интересы, личные предпочтения и решения великих людей также рассматриваются им как условные факторы, но их действия, в итоге определяющие историю, служат безусловному мировому духу.

Итак, явление условного у Канта переходит в феномен условности, поскольку смысловое значение перемещается с того, что мы воспринимаем на то, как событие окружающего мира преломляется через наше сознание. Этому способствует доминирование социальных характеристик у понятия условность, смещение от понимания ее как данного нам результата работы наших органов чувств в сторону объекта рефлексивного опыта, упорядоченного разумом. Условность у Канта тождественна кажимости, определяется как возможная реальность и является частью онтологического мира. У Гегеля же условное – это социальное явление договоренности и в дальнейшем – неосознанности во имя безусловного нравственного и гражданского абсолюта.

В итоге классическое понимание условности – это всегда договоренность – между людьми или между творцом и реципиентом. Обзорный анализ классических теорий условного позволяет нам рассматривать условность в двух аспектах – условность социальная и условность художественная. При отсутствии самого термина «условность» размышления об этом явлении имеют место у многих западных философов в системе координат «природа/человек, объект/субъект». Однако И. Кант предлагает новый взгляд на условность – это не что иное, как наш реальный мир. Этим он предвосхищает понятие об условности в неклассической и постнеклассической философии, где она закрепляется, как социально-философская категория. В контексте снижения роли абсолютного субъекта в процессе познания, она наделяется общесоциальными характеристиками. На первый план выходит общественное бытие, сам человек начинает пониматься как субъект, сформированный общественными условностями, а мотивы его деятельности определяются, наряду с разумом, интуицией и подсознанием. В отличие от классической философии условное теперь рассматривается непосредственно с его связи с языком и его способностью репрезентовать обыденный опыт в искусстве и языке. Идея классического подражания и тождественности как проявления условного перерастает в изменчивость, условность наделяется практическими характеристиками и все чаще выступает как проявление открытости и деятельности человека. Условность в постнеклассической философии обладает уже категориальными характеристиками, поскольку становится инструментом для не только для интерпретации мира, но и конструирования новых возможных миров и выявления общих принципов их функционирования. Именно условность обеспечивает переход от эмпирической неклассической реальности к конструктным и модельным жизнеобразующим системам. Признание бесконечного числа реальностей и симулякрных миров ставит условность в ряд основных категорий социальной философии, где ее основная функция – это «проектирование мотивно-образного мира как альтернативы и даже замены реального» [12, 21–30].

Итак, западная философская мысль заложила фундаментальные показатели для осмысления понятия условность в ее современном статусе как социально-философской категории, выступающей основным инструментом познания и конструирования альтернативных онтологий. Классическая философия со своей субъект-объектной дихотомией предлагает основу методологического аппарата условности, которая затем строится на синтезе междисциплинарных научных понятий из областей: онтологии, гносеологии, социальной философии, семиотики, модальной логики, культурологии, антропологии.

Литература

1. Балкинд, Е.Л. Условность образов художественной реальности / Е.Л. Балкинд // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Т. 1, № 2. – С. 69–77.
2. Борисов, Д.А. Учение Аристотеля о государстве и праве: концепция политической справедливости / Д.А. Борисов // Образовательный портал «Work5». – URL: https://www.work5.ru/spravochnik/gosudarstvennoe_i_municipal_noe_upravlenie/uchenie_aristotelja_o_gosudarstve_i_prave
3. Даниэль, С.М. Картина классической эпохи / С.М. Даниэль. – Ленинград: Искусство, Ленинградское отделение, 1986. – 199 с.
4. Дебор, Г. Общество спектакля / Г. Дебор. – Москва: Логос, 2000.
5. Кутлунина, Е.В. Постнеклассические искусство и философия / Е.В. Кутлунина // Достижения науки и образования. – 2018. – Т. 1, № 8 (30). – С. 40–44.
6. Лебедев, А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова [Текст]: (с новым критическим изданием фрагментов) / А.В. Лебедев; Российская академия наук, Институт философии, Научный совет РАН по классической филологии, сравнительному изучению языков и литератур. – Санкт-Петербург: Наука, 2014. – 533 с.
7. Лукичева, И.А. Практическое и искусственное в критической философии И. Канта / И.А. Лукичева // Вестник МГТУ. – 2002. – Т. 5, № 3. – С. 383.
8. Раушенбах, Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы / Б.В. Раушенбах. – Москва: Наука, 1986. – 255 с.
9. Рогожа, М.М. Дэвид Юм о принципах морали гражданского общества / М.М. Рогожа // Этическая мысль. – 2012. – № 12. – С. 231–244.
10. Успенский, Б. А. К исследованию языка древнерусской живописи / Б.А. Успенский; Л.Ф. Жегин // Язык живописного произведения (Условность древнего искусства). – Москва: Искусство, 1970. – С. 4–34.
11. Флоренский, П. А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский. – Москва: Правда, 1990. – 447 с.
12. Хомич, Н.В. Социально-философская трактовка условности как универсальной категории / Н.В. Хомич // Философская мысль. – 2024. – № 8. – С. 21–30.
13. Шило, А.В. Концепция реальности и условность пластического языка в изобразительном искусстве средних веков / А.В. Шило // Артпростір. – 2015. – № 1.
14. Юм, Д. Трактат о человеческой природе / Д. Юм; пер. с англ. С. Церетели. – Москва: АСТ, 2022. – 799 с.

UNDERSTANDING CONVENTIONALITY IN THE CONTEXT OF SOME VIEWS OF WESTERN PHILOSOPHY

Khomich N.V.
Irkutsk State University named after A.A. Ezhevsky

The subject of this research is the concept of conventionality in the context of Western philosophical thought. The article analyzes the contribution of Western philosophy to the understanding of conventionality as a socio-philosophical category. The problem of the concept of conventionality lies in its unclear status in philosophical knowledge and the division and conflict between social and artistic conventionality within the same category. The purpose of this research is to identify and systematize the main ideas of Western philosophers before the 19th century that refer to the concept of conventionality. The need to study the categorical meaning of conventionality is due to its aesthetic and graphic resource for creating new realities which along with the real world offer the creator an alternative way of being. This study helps to clarify the terminology of the category of conventionality and to substantiate its creative potential in contemporary art. The study is conducted using the following methods: – a systematic approach, which allowed us to examine the evolution of the concept of conventionality and identify its main principles from ancient to German classical philosophy; – an analytical approach which helped us to separate the problem of conventionality from various philosophical concepts and hidden assumptions about the concept of conventionality itself. The study demonstrates the absence of the term "conventionality" at many Western philosophers within the framework of the "nature/human, object/subject" system of coordinates. In the development of the concept of conventionality, Aristotle's ideas about the social nature of conventionality and its creative function become crucial. Medieval thinkers prepared the ground for further reflections on conventionality by proving that human culture does not function according to the laws of nature but rather relies on agreements, treaties and sign systems. In addition, they introduced the concept of modal logic, which underlies the nature of conventionality. German classical philosophy introduces the idea that a person's worldview is conditional and is determined not by objective reality but by the structure and specificity of consciousness. In I. Kant's philos-

ophy, we can observe the transition of conventionality from a mystification to a phenomenon. The terminological meaning of conventionality includes not only the understanding of "everything created by humans" but also "everything that appears after being refracted through consciousness." For G. Hegel conventionality is an agreement between people, which eventually becomes unconscious and unconditional. The study concludes that classical philosophy laid the methodological foundation for its interpretation as a construct of possible alternative worlds.

Keywords: conventionality, category, post-non-classical philosophy, phenomenon, art, subject-creator, possible worlds, phenomenon.

References

1. Balkind, E.L. Conventionality of Images of Artistic Reality / E.L. Balkind // Scientific Notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Philosophy. Political Science. Cultural Studies. – 2015. – Vol. 1, No. 2. – Pp. 69–77.

2. Borisov, D.A. Aristotle's Doctrine of the State and Law: the Concept of Political Justice / D.A. Borisov // Educational Portal "Work5". – URL: https://www.work5.ru/spravochnik/gosudarstvennoe_i_municipal_noe_upravlenie/uchenie_aristotelja_o_gosudarstve_i_prave

3. Daniel, S.M. Painting of the Classical Era / S.M. Daniel. – Leningrad: Art, Leningrad Branch, 1986. – 199 p.

4. Debord, G. The Society of the Spectacle / G. Debord. – Moscow: Logos, 2000.

5. Kutlunina, E.V. Post-non-classical art and philosophy / E.V. Kutlunina // Achievements of science and education. – 2018. – Vol. 1, No. 8 (30). – Pp. 40–44.

6. Lebedev, A.V. The Logos of Heraclitus. Reconstruction of Thought and Word [Text]: (with a new critical edition of fragments) / A.V. Lebedev; Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy, Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on Classical Philology, Comparative Study of Languages and Literatures. – St. Petersburg: Nauka, 2014. – 533 p.

7. Lukicheva, I.A. Practical and Artificial in I. Kant's Critical Philosophy / I.A. Lukicheva // Bulletin of Moscow State Technical University. – 2002. – Vol. 5, No. 3. – P. 383.

8. Rauschenbach, B.V. Systems of Perspective in Fine Arts. General Theory of Perspective / B.V. Rauschenbach. – Moscow: Nauka, 1986. – 255 p.

9. Rogozha, M.M. David Hume on the Principles of Morality of Civil Society / M.M. Rogozha // Ethical Thought. – 2012. – No. 12. – P. 231–244.

10. Uspensky, B.A. Towards a Study of the Language of Old Russian Painting / B.A. Uspensky; L.F. Zhegin // Language of the Painting (Conventionality of Ancient Art). – Moscow: Iskusstvo, 1970. – Pp. 4–34.

11. Florensky, P.A. At the Watersheds of Thought / P.A. Florensky. – Moscow: Pravda, 1990. – 447 p.

12. Khomich, N.V. Social and Philosophical Interpretation of Conventionality as a Universal Category / N.V. Khomich // Philosophical Thought. – 2024. – No. 8. – Pp. 21–30.

13. Shilo, A.V. The Concept of Reality and the Conventionality of Plastic Language in the Fine Arts of the Middle Ages / A.V. Shilo // Artprostir. – 2015. – No. 1.

14. Hume, D. A Treatise on Human Nature / D. Hume; trans. from English by S. Tsereteli. – Moscow: AST, 2022. – 799 p.

Концепт «Сновидение» в работе Арнольда Минделла «Сновидение в бодрствовании» и в даосской философии

Чжан Сюаньюй,
кафедра философии религии и религиоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоно́сова
E-mail: suanuj.msu@gmail.com

В книге «Сновидение в бодрствовании» Арнольд Минделл различает Сновидение как генеративный фон опыта и сновидение как форму конкретных ночных снов и фантазий, тем самым задавая многоуровневое понимание опыта. Статья рассматривает данную дистинкцию как ключ к реконструкции концепта Сновидения в качестве процесса порождения реальности. Показано, что Минделл соотносит своё понимание Сновидения с даосской философской традицией, прежде всего с «Чжуан-цзы», используя различие между выразимым и невыразимым для философской артикуляции его не-объектного характера. Выявляются как структурные пересечения с Дао (не-объектность, децентрация субъекта, неисчерпаемость), так и принципиальные различия в практической ориентации: в отличие от даосского идеала «без-сновидения», Минделл сохраняет сновидение как значимый феномен, указывающий на Сновидение как его основание.

Ключевые слова: Арнольд Минделл, сновидение, даосизм, «Чжуан-цзы»

Перед тем как приступить к анализу понятия «сновидение» в книге Арнольда Минделла «Сновидение в бодрствовании», необходимо зафиксировать исходное терминологическое различие, которое организует всю его теоретическую конструкцию. Минделл последовательно различает «Сновидение» (с прописной буквы) и «сновидение» (со строчной), придавая этим двум употреблениям принципиально разный статус. Как он прямо указывает: «Я буду использовать слово Сновидение с заглавной буквы „С“, имея в виду использование наших чувственных способностей для распознания возникновения опыта еще до того, как он сформируется. По контрасту с этим, сновидение с прописной буквы „с“ относится к фантазиям или снам, которые у вас бывают ночью.» [1] Тем самым «Сновидение» фиксирует не конкретное содержание опыта, а генеративный фон и до-оформленную фазу его возникновения, тогда как «сновидение» обозначает частные феномены – ночные сны и фантазии.

Из этого различия Минделл выводит и определение «24-часового осознаваемого сновидения» как формы непрерывной осознанности, направленной прежде всего на фон, а не на интерпретацию готовых образов: «24-часовое осознаваемое сновидение – это способность постоянно замечать тенденции, которые предшествуют событиям, осознавать фон Сновидения, дающего начало обыденной реальности.» Следовательно, речь идёт не о расширении ночных сновидений до круглосуточного психического состояния, а о фиксации того уровня опыта, который предшествует событию и задаёт ему направление. В этой перспективе ночные сны, фантазии и образы оказываются не исчерпывающим предметом анализа, а лишь одним из способов проявления более глубокого уровня – Сновидения.

Такое переопределение сна Минделл сознательно помещает в более широкий философский контекст и соотносит с даосской традицией, вводя различие между выразимым и невыразимым основанием опыта. Он отмечает: «Даосы называли сны, фантазии и повседневную реальность „Дао, которое может быть выражено“, и предостерегали, что это – не истинное Дао.» В рамках этой отсылки даосское различение выполняет методологическую функцию: оно фиксирует, что область выразимого – сновидческие сюжеты, фантазии и повседневный опыт – не исчерпывает того основания, из которого эти формы возникают.

Именно поэтому терминологическая дистинкция получает у Минделла структурное оформление в виде стратифицированного описания мира опыта. На наиболее глубинном уровне располагается Сновидение как генеративный фон, предшествующий оформлению опыта; далее следует страна грёз как область ночных снов, фантазий и образных переживаний; внешним уровнем выступает консенсусная реальность, то есть повседневная реальность, стабилизируемая языком и социальными практиками. Консенсусная реальность в этой схеме понимается как результат постепенной кристаллизации более глубинных процессов; страна грёз проявляется в форме повествуемых образов и сюжетов; Сновидение же не дано в виде определённого содержания и воздействует на ход опыта через тенденции и ещё не оформившиеся сигналы, выступая общим фоном для двух остальных измерений.

В этом контексте «24-часовое осознаваемое сновидение» фиксирует установку на непрерывную осознанность в отношении Сновидения как генеративного основания, а не на герменевтическую работу с частными сновидческими сюжетами. По этой причине настоящее исследование не занимается интерпретацией конкретных образов страны грёз и не анализирует феномены консенсусной реальности как таковые. Его предметом является способ концептуализации Сновидения у Минделла и то, каким образом для артикуляции данного уровня он привлекает и переосмысляет ресурсы даосской мысли.

Разрабатывая понятие «24-часового осознаваемого сновидения», Минделл не сводит его к психологической технике или терапевтической процедуре, а последовательно вводит его в поле рассуждений о невыразимом основании опыта. В тексте книги он прямо указывает, что придаёт «осознаваемости» принципиально иной смысл, понимая её как «осознание источника сновидений, осознание Дао, не выразимого словами». Тем самым «источник» и «невыразимое Дао» оказываются помещены в одну концептуальную плоскость: объектом осоз-

[1] [] Арнольд Минделл. Сновидение в Бодрствовании. С. 26.

навания становится не содержание сновидений, а генеративный фон, из которого они возникают.

Эта установка усиливается там, где Минделл непосредственно обращается к «Дао дэ цзин». Цитируя положение «Путь (Дао), который можно пройти, не есть постоянный Путь (Дао). Имя, которым можно нарекать, не есть постоянное имя» [1], он использует заложенное в нём различие для обоснования собственного разграничения между «Сновидением» и «сновидением». Иначе говоря, даосская дистинкция между «выразимым» и «невыразимым» Дао функционально соотносится у Минделла с различием между сновидениями как описуемыми образами и Сновидением как не-объектируемым фоном опыта.

В отличие от ссылок на «Дао дэ цзин», обращение Минделла к «Чжуан-цзы» не выстраивается вокруг привычных аллегорий («Както раз мне, Чжуан-цзы, приснилось, что я – бабочка, которая весело порхает, наслаждаясь жизнью, и не знает, кто она. Внезапно я проснулся и, конечно же, я бы Чжуан-цзы. Снилось ли Чжуан-цзы, что он – бабочка, или же бабочке снилось, что она – Чжуан-цзы? »), а опирается на описание Дао как «первичной силы». В книге приводится формулировка: «Должна быть какая-то первичная сила, но мы не можем найти никаких доказательств этого. Я верю, что она действует, но не могу ее видеть. Я могу ее чувствовать, но она не имеет никакой формы».

Эта цитата выполняет в аргументации Минделла строго определённую функцию: она переводит разговор о Дао и Сновидении из плоскости отвлечённого онтологического тезиса в плоскость описания дорефлексивного опыта – действующего, но невидимого; чувственно доступного, но лишённого формы. В том же ключе Минделл характеризует Сновидение как первоначально проявляющееся в «мимолётных несловесных ощущениях, настроениях и наитиях», которые лишь затем могут оформляться в сигналы, идеи, сновидения и образы. Тем самым ссылка на «Чжуан-цзы» выступает не иллюстрацией, а средством философской артикуляции базовых характеристик Сновидения.

Опираясь на даосское различие между выразимым и невыразимым, Минделл формулирует методологический сдвиг: вместо преимущественной ориентации на интерпретацию сновидческих образов он выдвигает задачу развития способности улавливать тенденции, предшествующие оформлению событий и переживаний. Именно так он определяет «24-часовое осознаваемое сновидение» – как способность постоянно замечать тенденции, предшествующие событиям, и осознавать фон Сновидения, «дающего начало обыденной реальности».

В этом контексте показательно и другое его обращение к даосской традиции: сны, фантазии и повседневная реальность именуются «Дао, которое может быть выражено» при одновременном напоминании о том, что это не есть «истинное Дао». В терминологии Минделла данная оппозиция закрепляется как структурное разграничение: выразимые формы опыта – сновидения, фантазии, повседневные события – относятся к сфере «выразимого Дао», тогда как Сновидение соотносится с невыразимым основанием, предшествующим их появлению.

В пределах приводимого в книге материала между позицией Минделла и даосской мыслью фиксируется ряд структурных совпадений. Во-первых, в обоих случаях реальность понимается как производная от более глубокого процесса: Сновидение у Минделла мыслится как фон, из которого возникает консенсусная реальность, тогда как даосское различие между «выразимым» и «невыразимым» Дао указывает на несамодостаточность повседневно данного. Во-вторых, обе позиции акцентируют не-объектируемый характер основания: оно действует, но не предстает в форме предмета или фиксированного содержания. В-третьих, описания опыта у Минделла – в частности, акцент на восприимчивости и ослаблении противопоставления «я/другие» по мере углубления осознаваемости – структурно соотносятся с даосской установкой на снятие жёстких различий через обращение к невыразимому истоку.

При этом в рамках настоящего анализа указанные совпадения не трактуются как тождество доктрин. Они понимаются как структурная совместимость, которая позволяет Минделлу привлекать даосские тексты в качестве философского ресурса для артикуляции собственной концепции Сновидения.

В даосском контексте «сновидение» нередко мыслится как производное от беспокойства ума и привязанности мыслей; соответственно, в описании идеального состояния практики оно подлежит ослаблению и в пределе – исчезновению. Так, в рамках даосской линии толкования снов указывается, что достигший Дао «истинный человек» освобождается от мыслительных тревог, пребывает в состоянии без мыслей и без забот и вследствие этого «не видит снов»; подчёркивается также, что подобное понимание в действительности является общим для даосской традиции в целом. В сходном ключе в «Ле-цзы» (гл. «Чжоу Муван») зафиксирована формула: «При сосредоточенности духа мысли и сны самоустраняются» [2] (神凝者想梦自消) .

Данная установка получает более отчётливую нормативную артикуляцию в описаниях состояний «истинного человека» и «совершенного человека». В «Чжуан-цзы» (глава «Да цзун ши») результат правильного соотнесения формы и духа выражается через связь сна и бодрствования: «У древнего истинного человека во сне не было сновидений, в бодрствовании – тревог» [3] (古之真人，其寝不梦，其觉无忧) . В этом контексте «не-сновидение» выступает не как случайная эмпирическая характеристика, а как маркер завершённости практики: когда дух не повреждён радостью, гневом и рассудочной деятельностью, сновидение утрачивает свою значимость.

На этом фоне ход Минделла в книге «Сновидение в бодрствовании» задаёт принципиально иную конфигурацию. Он не принимает «не-сновидение» в качестве цели и перестраивает саму постановку вопроса. Центральным становится не устранение сновидений, а различение уровней опыта. Поэтому «сновидение» у него перестаёт быть помехой, подлежащей подавлению, и понимается как выражаемая форма, в которой генеративный процесс уже достиг феноменального уровня.

Эта переориентация получает у Минделла точную практическую формулировку. «24-часовое осознаваемое сновидение» определяется как способность «постоянно замечать тенденции, которые предшествуют событиям, осознавать фон Сновидения, дающего начало обыденной реальности». Практическая задача, соответственно, задаётся не герменевтически, а превентивно: «В этой книге нашей задачей будет не истолкование сновидений… а знание их значимости до того, как они происходят.» В результате внимание переносится с готовых образов на предшествующие им тенденции и на фон Сновидения.

Именно здесь различие между даосской установкой и позицией Минделла становится принципиальным. Оно не сводится к простой оппозиции «за/против сновидений». Речь идёт о различном типе практической рациональности. В даосской традиции различение «истинного» и «неистинного», а также оппозиция выразимого и невыразимого чаще всего фиксируются как нормативная ориентация на ослабление и прекращение сновидений. У Минделла сходное различение превращается в инструмент анализа уровней опыта. Оно задаёт дисциплину внимания, ориентированную на фиксацию предшествующих тенденций и на осознавание фона, из которого кристаллизуются переживания.

Поэтому Минделл не воспроизводит бинарную схему «сон – иллюзия / бодрствование – истина». Он удерживает непрерывность между различными формами опыта. Сновидения, фантазии и консенсусная реальность трактуются им как разные степени проявленности одного и того же процесса. Такое понимание позволяет рассматривать сновидение как феномен выразимого уровня, который указывает на более глубокий уровень – Сновидение, а не как явление, которое следует устранить.

Внутри даосско-комментаторской традиции действительно встречаются формулы, допускающие подобную взаимную соотнесённость сна и бодрствования. Показателен, например, афоризм: «Во сне не ведают бодрствования – потому не принимают сон за заблуждение; в бодрствовании не ведают сна – потому не принимают бодрствование за истину.[4] (梦不知觉，故不以梦为妄。觉不知梦，故不以觉为真) . Однако в соответствующем контексте подобные формулы, как правило, включаются в телос «соединения с Дао» и в религиозно-практическую перспективу. В ней сновидение мыслится как особое поле сакрального опыта и символических путей.

У Минделла же функциональный смысл сновидения иной. Оно сохраняет значение прежде всего как феномен выразимого уровня, который может служить индикатором более глубокого процесса. Поэтому речь идёт не о том, чтобы заставить «страну грёз» умолкнуть. Речь идёт о том, чтобы использовать её как путь к чувственной сфере, составляющей основу реальности, то есть к Сновидению как генеративному фону опыта.

Заключение

Настоящая статья показала, что различие между Сновидением и сновидением, введённое Арнольдом Минделлом в книге «Сновидение в бодрствовании», носит структурный характер и задаёт сдвиг анализа от интерпретации отдельных снов к рассмотрению Сновидения как генеративного фона опыта. В этом контексте «24-часовое осознаваемое сновидение» понимается как форма устойчивой осознанности, ориентированной на дооформленные процессы порождения опыта.

Анализ обращения Минделла к даосской традиции, показал, что даосские различия между выразимым и невыразимым используются

[1] [] Ван Би, Лао-цзы. Дао дэ цзин с толкованиями Ван Би: опыт русского перевода. С. 19.

[2] [] Ле Юйкоу. Ле-цзы. гл. «Чжоу Му-ван»

[3] [] Чжуан-цзы. Чжуан-цзы. гл. «Да цзун ши»

[4] [] Чэнь Цзинюань. Чжуан-цзы и. гл. «Мэн де»

им для философской артикуляции процессуального и не-объектного характера Сновидения, при этом даосская мысль подвергается функциональной переработке, а не прямому воспроизведению.

Принципиальное расхождение выявляется на уровне практической ориентации: в отличие от даосского идеала «не-сновидения», Минделл сохраняет сновидение как значимый феномен выразимого уровня, указывающий на Сновидение как более глубокое основание опыта. Тем самым проблематика сна переводится в плоскость философского анализа структуры порождения опыта.

Литература

1. Арнольд Минделл. Сновидение в Бодрствовании (методы 24-часового осознаваемого сновидения в психотерапии). Москва: Издательский дом «Ганга», 2018.
2. Ван Би, Лао-цзы. Дао дэ цзин с толкованиями Ван Би: опыт русского перевода. Москва: Издательский дом «Русская философия», 2025.
3. Ле Юйкоу. Ле-цзы. Официальный сайт Проект цифровизации китайской философской литературы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ctext.org/liezi/zhs (на китайском).
4. Чжуан-цзы. Чжуан-цзы. Официальный сайт Проект цифровизации китайской философской литературы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ctext.org/zhuangzi/zhs (на китайском).
5. Чэнь Цзинюань. Чжуан-цзы и. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.shidianguji.com/book/SK2168/chapter/1l9odkgerp05l (на китайском).

THE CONCEPT OF «DREAMING» IN ARNOLD MINDELL›S «DREAMING IN WAKING LIFE» AND IN DAOIST PHILOSOPHY

Zhang Xuanyu
Lomonosov Moscow State University

In his book “Dreaming in Waking Life,” Arnold Mindell distinguishes between Dreaming as the generative background of experience and dreaming as a form of specific nocturnal dreams and fantasies, thereby establishing a multi-layered understanding of experience. This article examines this distinction as key to reconstructing the concept of Dreaming as a process of reality generation. It is shown that Mindell relates his understanding of the Dream to the Daoist philosophical tradition, primarily the Zhuangzi, using the distinction between the expressible and the inexpressible to philosophically articulate its non-objective nature. Both structural intersections with the Dao (non-objectivity, decentering of the subject, inexhaustibility) and fundamental differences in practical orientation are revealed: in contrast to the Daoist ideal of “dreamlessness,” Mindell retains the dream as a significant phenomenon, pointing to the Dream as its foundation.

Keywords: Arnold Mindell, dream, Daoism, Zhuangzi

References

1. Arnold Mindell. Dreaming in Waking Life (Methods of 24-Hour Lucid Dreaming in Psychotherapy). Moscow: Ganga Publishing House, 2018.
2. Wang Bi, Lao Tzu. Tao Te Ching with Wang Bi’s Interpretations: An Experience of Russian Translation. Moscow: Russian Philosophy Publishing House, 2025.
3. Le Yukou. Lie Tzu. Official Website of the Chinese Philosophical Literature Digitalization Project. [Electronic resource]. Available at: https://ctext.org/liezi/zhs (in Chinese).
4. Zhuang Tzu. Zhuang Tzu. Official Website of the Chinese Philosophical Literature Digitalization Project. [Electronic resource]. Available at: https://ctext.org/zhuangzi/zhs (in Chinese).
5. Chen Jingyuan. Zhuangzi I. [Electronic resource]. Access mode: https://www.shidianguji.com/book/SK2168/chapter/1l9odkgerp05l (in Chinese).

Религиозные идеи в русском космизме

Аношкина Наталья Александровна,
соискатель, Калужский государственный университет
им. К.Э. Циолковского

Статья посвящена религиозным идеям русского космизма в их современном осмыслении и переинтерпретации. Актуальность темы связана с возросшим интересом к религиозным основаниям космистской традиции на фоне постсекулярных процессов, цифровизации и дискуссий о транс– и постгуманизме. Научная новизна исследования выражена в систематическом сопоставлении религиозных мотивов классического космизма с их трактовками в работах российских авторов 2020–2025 гг., где производится сближение космистского наследия с проблематикой планетарной этики, ноосферы и философии техногенной цивилизации. В рамках работы описаны основные религиозные идеи Н.Ф. Федорова и других космистов, изучены их современные интерпретации в отечественной философской литературе. Особое внимание уделено различению русского космизма и трансгуманизма, анализу духовно-нравственных ориентиров космистской антропологии. Цель статьи состоит в реконструкции религиозного измерения русского космизма и оценке его значения для современной философской антропологии. Для решения поставленных задач применены историко-философский, сравнительный и герменевтический методы, а также анализ современных публикаций. В заключении раскрываются результаты сопоставления религиозных мотивов космизма с дискуссиями о постчеловеке, планетарной ответственности и веротерпимости. Материалы статьи представляют интерес для исследователей русской философии, преподавателей, аспирантов и всех, кто обращается к проблемам философской антропологии и философии культуры.

Ключевые слова: русский космизм, религиозная философия, христианская традиция, бессмертие, общее дело, ноосфера, трансгуманизм, постчеловек, планетарная этика, веротерпимость.

Введение

Русский космизм продолжает активно обсуждаться в современной философии, религиоведении и гуманитарном знании. Интерес к нему усилился в связи с поиском новых моделей осмысления человеческого бытия в условиях техногенной цивилизации, экологического кризиса и распространения трансгуманистических проектов. На первый план выходит религиозное содержание космистской традиции, где соединяются христианские мотивы воскресения, преображения личности, планетарной ответственности и универсального братства с научно-техническим идеалом преобразования мира и человека.

Цель статьи состоит в философском анализе религиозных идей русского космизма и их современной интерпретации. Для достижения поставленной цели решаются три взаимосвязанные задачи:

1. проследить, как в работах современных исследователей описывается религиозное измерение классического космизма, прежде всего в учении Н.Ф. Федорова и его последователей;
2. проанализировать трактовку космистской религиозности в работах российских авторов 2020–2025 гг., связанных с темами ноосферы, планетарной этики, трансформации человека и постсекулярных тенденций;
3. выявить отличительные черты религиозной антропологии русского космизма в сравнении с трансгуманистскими и постгуманистическими концепциями, в том числе в вопросах веротерпимости, бессмертия и статуса человеческой личности.

Новизна исследования заключается в том, что религиозные и богословские мотивы космизма рассматриваются в связке сразу с несколькими современными направлениями анализа: интерпретацией космизма как культурного феномена, осмыслением его в горизонте планетарной этики и ноосферного мышления, а также полемикой с трансгуманизмом и постгуманизмом. Текущая научная дискуссия вокруг космизма чаще описывает его как предтечу современных техноутопий, при этом религиозная составляющая нередко маргинализируется. Предлагаемое исследование переносит центр внимания с технико-утопического чтения на религиозно-антропологическую линию, что позволяет по-новому охарактеризовать космистскую программу воскресения, преображения человека и универсальной солидарности поколений.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили отечественные работы 2020–2025 гг., посвящённые русскому космизму, его религиозным основаниям и современным интерпретациям. Александров И.Ю. в статье о русском космизме в культурном пространстве России показывает, как космистская традиция функционирует в российской культуре как целостный духовный феномен, объединяющий научное, религиозное и художественное измерения [1, с. 9]. Коллективный труд под редакцией А.Г. Гачевой раскрывает историко-философскую панораму русского космизма, уделяя особое внимание богословским и эсхатологическим мотивам в наследии Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и А.Л. Чижевского [2]. Жукова Е.М. исследует принцип веротерпимости в восприятии представителей русского космизма и показывает, как у Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и Н.К. Рериха формируется особая модель религиозной терпимости и открытости иному опыту веры [3, сс.216, 217, 219, 220, 221]. Кишинеева С.М. описывает вселенную русского космизма как пространство перехода от созерцания космоса к активному изменению мира, связывая космистскую мысль с планетарной этикой и идеей ответственности за судьбу Земли [4, с. 1066–1067]. Лыткин В.В. анализирует связь космизма с русской религиозной философией и показывает, как идеи космизма сопрягаются с наследием В.С. Соловьёва, П.А. Флоренского, Н.А. Бердяева [5, с. 634, 636, 640]. Макеева О.Е. в своей работе рассматривает духовные достоинства как фактор преобразования человека в русском космизме, реконструируя своеобразную космистскую этику добродетели [6, с. 131], а в другой показывает, как в философии А.К. Горского и Н.А. Сетницкого

формируется перспектива преображения человека в эпоху глобальных перемен [7]. Михайловский А.В. и Желтова Е.Л. помещают русский космизм в рамки маятникового модерна, связывая космистскую традицию с циклами секуляризации и религиозного возрождения [8, с. 105]. Новопашин С.А. анализирует влияние идей космизма на философию трансгуманизма и постгуманизма, описывая пересечения и расхождения между ними [9, с. 120–121]. Прохоров М.М. обращается к связи русского космизма, концепции ноосферы и марксизма, показывая, как космистская мысль пересекается с критикой капиталистической цивилизации и идеей общинности [10, с. 107]. Ростова Н.Н.ставит вопрос о границе между космизмом и трансгуманизмом, обосновывая несводимость космистской программы к трансгуманистическим сценариям [11, с. 53]. Суслов А.В. рассматривает полемику между антропологическим волюнтаризмом и провиденциализмом в сопоставлении русского космизма и трансгуманизма, акцентируя религиозно-телеологическую направленность космистской антропологии [12, с. 74–75]. Тумаркина Л.В. анализирует интерпретации русского космизма в современной западной философии, фиксируя внимание на религиозных и эсхатологических мотивах, которые западные исследователи обнаруживают в этой традиции [13, с. 156]. Федоров А.И. в статье о философии русского космизма описывает научное и религиозно-эстетическое измерения космистской мысли и их взаимное усиление [14, с. 50–51]. Якушева Н.Б., Зимина И.В. и Мациевская С.И. обсуждают актуальность идей космизма в XXI веке, выводя на первый план антропологическую проблематику, глобальную ответственность и духовный смысл научно-технического прогресса [15, с. 74–75].

Методологическая база исследования включает историко-философский анализ, проблемно-тематический и сравнительный подходы, элементы герменевтической интерпретации текстов космистов и их современных исследователей, а также аналитический обзор литературы с опорой на междисциплинарные связи философии религии, социальной философии и философской антропологии.

Результаты

Современные исследования показывают, что религиозные идеи русского космизма в новейшей литературе описываются не как второстепенное дополнение к научно-техническим проектам, а как ядро всей программы осмысления человека и мира. И.Ю. Александров рассматривает космизм в культурном пространстве России как особый тип мировоззрения, где религиозная интуиция единства человека и Вселенной соединяется с идеей активного, совместного преобразования мира. Культурный феномен русского космизма уникален в том отношении, что осознан был спустя многие десятилетия после замалчивания, ведь творческий период наиболее значительных мыслителей-космистов приходится на последние десятилетия XIX в. и первые два-три десятилетия XX в. [1, с. 7, 10].

В коллективном томе под редакцией А.Г. Гачевой космистская традиция показана через фигуры Федорова, Циолковского, Вернадского, Чижевского: реконструируются христианские мотивы всеобщего воскресения, обожения, соборности и братства поколений, связывающиеся с научной картиной мира и проектом космической эволюции [2, с. 11–35]. Русский космизм возникал как своеобразная антитеза классической механической парадигме мышления, основанной на жестком разграничении человека и природы. В нем была предпринята попытка возродить онтологию целостного видения, органично соединяющего человека и космос. Эта проблема обсуждалась как в сциентистском, так и в религиозном направлении космизма. В религиозном направлении наиболее значительной была концепция Н.Ф. Федорова. В этой перспективе религиозная составляющая космизма оказывается источником специфической космической этики, ориентированной на преодоление смерти, эгоизма и исторической разобщенности человечества.

В работах, посвящённых вселенной русского космизма и планетарной этике, религиозность космистской традиции описывается как мировоззрение, расширяющее горизонты традиционной христианской эсхатологии. С.М. Кишинеева показывает, что для космистов космос мыслится не только как физическое пространство, но и как духовное поле ответственности человека, в котором предполагается снятие границы между «земным» и «небесным» уровнями бытия [4, с. 1067]. Ноосферная перспектива, реконструируемая в работах о Вернадском и его последователях, связывается с идеей духовно-преобразующей деятельности человека, где научное освоение космоса не отделяется от нравственной и религиозной задачи сохранения и восстановления жизни [2; 10]. В результате формируется картина, в которой человеческая личность мыслится как соработник в космическом творении, а сама Вселенная приобретает смысл поля духовного роста и служения.

Особое место в современной литературе занимает анализ связей русского космизма с русской религиозной философией конца XIX – первой половины XX века. В.В. Лыткин показывает, что космистская линия органично продолжает интуиции Соловьёва, Флоренского, Бердяева: идея всеединства, соборной личности и «богочеловечества» получает развитие в космистской программе преодоления смерти и восстановления целостности творения. Человек, с одной стороны, становится творцом самого себя, причём во всех ракурсах своего бытия: не только в духовном, но и в телесном (здесь, впрочем, принципиальное отличие учения космистов от традиционной русской религиозной христианской философии, потому как, очевидно, образ Бога в рамках её парадигмы никак не мог быть затронут, в принципе не мог никак «преобразовываться»). С другой стороны, человек, подобным образом совершенствуясь, и в нравственном смысле, непременно, тоже, начинает освоение космоса, познание его, его законов и как итог творит новый свой Космос [5, с. 638]. Л.В. Тумаркина, анализируя западные интерпретации космизма, обращает внимание на то, что зарубежные исследователи видят в нём прежде всего религиозно-эсхатологический проект, где тема бессмертия и восстановления всех умерших оказывается информационной осью учения [13, с. 156]. Коллективный труд под редакцией А.Г. Гачевой укрепляет такую трактовку, показывая генеалогию религиозного измерения космизма в русской духовной культуре [2].

Религиозные идеи русского космизма получают современную антропологическую трактовку в статьях О.Е. Макеевой. В работе о духовных достоинствах она показывает, что космистская антропология строится вокруг особой конфигурации добродетелей: любви к предкам и потомкам, готовности к самопреодолению, ответственности за судьбу человечества как целого. Философия космизма демонстрирует силу и масштаб человека в его разносторонней деятельности. Но для того, чтобы изменить целый мир, эта сила должна быть основана на высоконравственной деятельности [6, с. 134]. Эти добродетели описываются как условия участия человека в «общем деле» и космическом преображении мира. В статье о философии А.К. Горского и Н.А. Сетницкого, Макеева О.Е. показывает, что тема преображения человека в эпоху глобальных перемен приобретает персоналистический и религиозный смысл: преобразование жизни связывается с внутренним духовным ростом, а не только с внешними техногенными изменениями [7, с. 120–133]. В совокупности эти работы фиксируют переход от абстрактных рассуждений о «космическом человечестве» к внимательному анализу конкретных духовных практик и добродетелей, через которые реализуется космистский идеал.

А.И. Федоров в статье о философии русского космизма показывает, что соединение научного и религиозно-эстетического измерений не сводится к простому соседству двух дискурсов [14, с. 52]. Научная картина мира у космистов интерпретируется через религиозные символы и метафоры, а богословские мотивы, напротив, получают своеобразное «естественнонаучное» истолкование. Учение Федорова о всеобщем воскресении рассматривается как программа, опирающаяся одновременно на христианскую веру и на идею непрерывного развития науки и техники, способных обеспечить реальное восстановление тел умерших поколений. В этой оптике религиозность космизма не отвергает рациональность, а стремится включить её в шире мыслящее христианское понимание истории и космоса.

Работы о ноосферной и марксистской тематике в космизме задают ещё один важный ракурс. М.М. Прохоров анализирует связь русского космизма с марксизмом и концепцией ноосферы, показывая, что космистская программа преодоления смерти и исторической разобщённости человечества перекликается с критикой отчуждения и стремлением к справедливому общественному устройству [10, с. 107]. Ноосфера у Вернадского интерпретируется как результат коллективной разумной деятельности человечества, где духовная и научная работа выступают как единый процесс. Такой подход усиливает представление о космизме как о религиозной философии истории, в которой космическая перспектива связана с социальным и политическим измерением человеческой деятельности.

В современной литературе активно прорабатывается тема соотношения русского космизма и трансгуманизма. С.А. Новопашин в статье о влиянии идей космизма на философию трансгуманизма и постгуманизма показывает, что многие мотивы трансгуманистической мысли – вера в возможность радикального продления жизни, преодоления биологических ограничений, использование технологий для преобразования человека – имеют своеобразные предтечи в космистской традиции [9, с. 118]. При этом автор подчёркивает принципиальное различие в понимании субъекта: для космистов человек сохраняет личностный и духовный статус, а задача преодоления смерти вписана в перспективу универсального воскресения всех поколений, тогда как трансгуманизм нередко ориентируется на индивидуальное продление жизни и автономный проект «улучшенного» субъекта. В то же время человек дивидуальный («распыленный») по сути, лишается базовых

антропологических оснований, и «перестаёт быть человеком в его традиционном понимании». Тогда как русский космизм – глубоко «антропологичен», и являет собой комплекс философских, религиозных и научных учений, имеющих свои корни еще в философии Античности и Просвещения.

Н.Н. Ростова развивает эту линию критики, обосновывая, что русский космизм не сводится к трансгуманистическому дискурсу [11, с. 52]. В её интерпретации космизм строится на христианском понимании личности, где каждый человек мыслится уникальной и незаменимой ценностью, а программа всеобщего воскресения исключает допустимость жертвы любой части человечества ради «усовершенствования» другой. Трансгуманизм, ориентированный на селективные формы улучшения и неравномерный доступ к технологиям, вступает в скрытый конфликт с космистским идеалом универсальной солидарности умерших, живущих и будущих поколений.

А.В. Суслов, сопоставляя русский космизм и трансгуманизм, вводит дихотомию антропологического волюнтаризма и провиденциализма [12, с. 72–75]. В его трактовке трансгуманизм строится на волюнтаристском проекте самоконструирования человека, тогда как космизм опирается на убеждение в наличии высшего замысла, к которому человек призван соработничеством, а не произвольным экспериментированием с собственной природой. Такой подход выявляет религиозный характер космистской антропологии: преодоление смерти и преображение тела понимаются как участие в божественной истории, а не как техноутопический эксперимент.

Центральной темой новейших исследований становится духовно-нравственное содержание космистской программы. В работах О.Е. Макеевой, А.И. Федорова и М.М. Прохорова религиозные идеи космизма связываются с концепцией планетарной ответственности и нравственного совершенствования личности [6; 7; 10; 14]. Космистская установка на «общее дело» интерпретируется как призыв к совместному труду по преодолению несправедливости, исторической памяти о войнах и катастрофах, к заботе о Земле как о доме всех поколений. В этой перспективе духовная жизнь человека перестаёт быть приватной сферой и приобретает космический масштаб: молитва, покаяние, труд, научное исследование и политическое действие включаются в единую программу восстановления нарушенной связи между людьми и творением.

Е.М. Жукова, анализируя принцип веротерпимости в восприятии представителей русского космизма, показывает, что в наследии Федорова, Циолковского, Вернадского и Рериха присутствует установка на признание многообразия религиозного опыта при сохранении христианской доминанты смысла [3, с. 220–221]. Веротерпимость в этой традиции не сводится к безразличию или релятивизму; напротив, она опирается на глубокое убеждение в общности судьбы человечества и необходимости сотрудничества различных духовных традиций в деле преодоления разобщенности, войн и экологических угроз. Такой подход перекликается с линией планетарной этики, обозначенной в работе С.М. Кишинеевой [4, с. 1066] и усиливаемой в статье Н.Б. Якушевой, И.В. Зиминой и С.И. Мациевской, где идеи космизма рассматриваются как значимый ресурс для формирования нового типа философского мышления в условиях глобальных кризисов [15, с. 74], например, система контекстных образов миромодели «всеобщего братства» определяется семиотическими мифосмыслами метаобраза «лес», идентифицируемыми философией «общего дела» русского космиста Н.Ф. Фёдорова: человек становится элементом леса, телесно сращивается с ним, энергетически обменивается, духовно впитывает вековую мудрость «мирового древа», расширяя свое сознание до бытийного бессознательного синкретизма.

В статье А.В. Михайловского и Е.Л. Желтовой русский космизм помещается в перспективу маятникового модерна, где периоды секулярного усиления сменяются волнами религиозного и духовного поиска [8, с. 114]. Космизм на этом фоне предстает своеобразной стратегией преодоления одномерного технократического модерна через возвращение к духовным основаниям прогресса. Религиозные идеи космистов, таким образом, получают интерпретацию как ресурс для критики как тотальной секуляризации, так и фундаменталистских реакций, ориентированных на отказ от научно-технического развития.

В совокупности рассмотренные работы формируют образ русского космизма как религиозно-философской традиции, в которой христианские мотивы воскресения, преображения, всеобщей солидарности и веротерпимости оказываются решающими для понимания смысла космической эволюции и научно-технического прогресса. Религиозные идеи не оттесняются на периферию, а задают внутренний вектор развития космистской мысли, определяя отношение к человеку, истории, природе и космосу.

Обсуждение

Современная интерпретация русского космизма показывает, что религиозное измерение этой традиции трудно описать в привычных схемах «научного» и «мистического» мировоззрения. Космисты не ограничиваются ни церковно-догматическим богословием, ни рационалистической философией прогресса. Их проекты строятся на убеждении, что христианская вера и научное знание должны быть сведены в единое поле ответственности за судьбу мира. Такое соединение не сводится к простому «союзу» религии и науки; речь идёт о попытке радикально переработать и христианскую эсхатологию, и научное представление об эволюции, подчиняя их цели всеобщего воскресения и преодоления смерти.

Дискуссия вокруг соотношения космизма и трансгуманизма показывает, что формальное совпадение тематики (бессмертие, преодоление телесных ограничений, космическая экспансия) не ведёт к совпадению смыслов. Там, где трансгуманистический дискурс часто ориентируется на расширение возможностей отдельного индивида, космизм выдвигает требование универсальности: спасение одного не рассматривается отдельно от судьбы всех поколений. В этом пункте религиозное ядро космизма вступает в напряжённый диалог с либерально-индивидуалистическими мотивами трансгуманизма. Для космистов технологический прогресс допустим лишь постольку, поскольку он вписан в нравственно оправданный проект общего дела; любые формы «усовершенствования» человека, ведущие к новой сегрегации, оказываются несовместимыми с идеалом всеобщего воскресения.

Следует подчеркнуть, что современная исследовательская литература постепенно уходит от схематичного противопоставления «естественно-научного» и «религиозно-мистического» крыльев космизма. Работы о ноосфере, марксизме и планетарной этике показывают, что религиозные интуиции космистов естественным образом распространяются на социальную и политическую сферы. Восприятие космоса как поля духовного служения делает невозможным равнодушное отношение к несправедливости, эксплуатации и разрушению природы. Космистская программа, прочитанная в таком ключе, задаёт более требовательный стандарт для оценки научно-технического прогресса и экономических решений.

Религиозные мотивы веротерпимости и соборности, выделенные в статье Е.М. Жуковой, указывают на ещё одну сторону космистской традиции, значимую для современных межрелигиозных и межкультурных диалогов. Космизм наверняка не совпадает с простым плюрализмом; он сохраняет христианскую перспективу смысла истории, но отказывается от замыкания этой перспективы на границах одной конфессиональной идентичности. Универсальный характер общего дела предполагает включение различных духовных традиций и цивилизаций в совместную работу по преодолению разделённости и вражды. В условиях усиления религиозного фундаментализма и конфликтов такой подход приобретает особую теоретическую и практическую значимость.

Интересна и постсекулярная трактовка космизма, предложенная в исследованиях, ориентированных на концепцию маятникового модерна. Здесь космизм предстает не только как феномен «серебряного века», но и как модель мысли для эпохи после исчерпания классического проекта секулярного прогресса. С одной стороны, космизм сохраняет пафос научно-технического развития; с другой – не допускает растворения человека в безличных структурах рынка, государства или технологий. Религиозная антропология космизма задаёт предел, за которым технизация жизни превращается в угрозу человеческому достоинству. Таким образом, космистская традиция может рассматриваться как одна из наиболее радикальных форм критики как секулярного технооптимизма, так и архаизирующих религиозных реакций.

Сопоставление работ последних лет позволяет утверждать, что современное осмысление русского космизма постепенно смещает акцент с описания «фантастических» проектов воскресения предков и космической экспансии на более тонкий анализ духовно-нравственных оснований этих проектов. Исследователи, обращаясь к теме духовных достоинств, веротерпимости, планетарной этики, ноосферного мышления, стремятся показать, что космизм ценен не только как исторически любопытная утопия, но и как источник идей, способных задать новые рамки для обсуждения проблем постчеловека, глобальных кризисов и будущего цивилизации.

Заключение

Поставленная в исследовании цель – философский анализ религиозных идей русского космизма и их современной интерпретации – реализована через поэтапное решение трёх задач. Первая задача, связанная с реконструкцией религиозного измерения классического космизма, выполнена за счёт анализа работ, посвящённых Федорову, Циолков-

скому, Вернадскому и их современному прочтению. Показано, что для космистов христианская тема всеобщего воскресения, преображения человека и соборного единства поколений образует ядро учения, а научно-технические проекты служат инструментом воплощения этого замысла.

Вторая задача – анализ новейших отечественных исследований 2020–2025 гг. – позволила выявить, как религиозная составляющая космизма включается в обсуждение планетарной этики, ноосферы, глобальных кризисов и постсекулярных процессов. Публикации о духовных достоинствах, планетарной ответственности, маятниковом модерне и ноосферном мышлении показывают, что космистская традиция используется как ресурс для построения более цельного понимания связи между духовной жизнью человека и судьбой Земли.

Третья задача – сопоставление религиозной антропологии космизма с трансгуманистическими и постгуманистическими концепциями – позволила зафиксировать принципиальную несводимость этих проектов. Русский космизм ориентирован на универсальное воскресение и сохранение уникальности каждой человеческой личности, тогда как трансгуманистические сценарии часто допускают селективность, неравномерный доступ к технологиям и ослабление персоналистического измерения субъекта. Космистская программа общего дела задаёт более строгий нравственный критерий для оценки технологических инноваций и проектов «улучшения» человека.

Полученные результаты подтверждают, что религиозные идеи русского космизма сохраняют высокий теоретический и практический потенциал для современной философской антропологии, философии культуры и этики научно-технического прогресса. Космистская традиция задаёт перспективу, в которой обсуждение постчеловека, ноосферы, планетарной ответственности и межрелигиозного диалога получает более широкий духовно-исторический горизонт.

Литература

1. Александров И.Ю. Русский космизм в культурном пространстве России // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2021. № 1 (46). С. 6–11.

2. Русский космизм: Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский / Ин-т философии РАН, ННФ «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»; под ред. А.Г. Гачевой, Б.И. Пружинина, Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2022. 694 с.

3. Жукова Е.М. Веротерпимость в восприятии представителей русского космизма (на примере идей Н.Ф. Федорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского и Н.К. Рериха) // Знание. Понимание. Умение. 2025. № 1. С. 213–225.

4. Кишинеева С.М. Вселенная русского космизма: от мыслей о космосе к изменению мира // Вестник науки. 2023. № 12 (69). Т. 4. С. 1065–1068.

5. Лыткин В.В. Космизм и русская религиозная философия // Nomothetica: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 4. С. 633–641.

6. Макеева О.Е. Духовные достоинства как фактор преобразования человека в русском космизме // Kant. 2022. № 2 (43). С. 130–135.

7. Макеева О.Е. Преображение человека в эпоху глобальных перемен в философии космизма А.К. Горского и Н.А. Сетницкого // Философские науки. 2023. Т. 66. № 1. С. 120–133.

8. Михайловский А.В., Желтова Е.Л. Русский космизм в перспективе маятникового модерна // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1.

9. Новопашин С.А. Влияние идей русского космизма в развитии философии трансгуманизма и постгуманизма // Социология. 2023. № 2. С. 118–124.

10. Прохоров М.М. Русский космизм, концепция ноосферы и марксизм // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2020. Вып. 1. С. 97–111.

11. Ростова Н.Н. Почему русский космизм – это не трансгуманизм? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 69. – с. 49–54.

12. Суслов А.В. Русский космизм и трансгуманизм в полемике между антропологическим волюнтаризмом и провиденциализмом // Философская мысль. 2021. № 8. С. 65–77.

13. Тумаркина Л.В. Русский космизм в интерпретации современной западной философии (к 190-летию со дня рождения Н.Ф. Федорова) // Вопросы философии. 2020. № 5. С. 150–159.

14. Федоров А.И. Философия русского космизма: научный и религиозно-эстетический аспекты // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 2А. С. 47–54.

15. Якушева Н.Б., Зимина И.В., Мациевская С.И. Философия космизма: актуальность идей в XXI веке // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13. № 4А. С. 71–77.

RELIGIOUS IDEAS IN RUSSIAN COSMISM

Anoshkina N.A.
Tsiolkovsty`s Kaluga State University

This article examines the religious ideas of Russian cosmism in their contemporary understanding and reinterpretation. The relevance of this topic stems from the increased interest in the religious foundations of the cosmist tradition amid postsecular processes, digitalization, and debates about trans– and posthumanism. The research's novelty lies in its systematic comparison of the religious motifs of classical cosmism with their interpretations in the works of Russian authors from 2020–2025, bridging the cosmist legacy with the issues of planetary ethics, the noosphere, and the philosophy of technogenic civilization. This article describes the main religious ideas of N.F. Fedorov and other cosmists and examines their contemporary interpretations in Russian philosophical literature. Particular attention is paid to distinguishing between Russian cosmism and transhumanism and to analyzing the spiritual and moral guidelines of cosmist anthropology. The purpose of this article is to reconstruct the religious dimension of Russian cosmism and assess its significance for contemporary philosophical anthropology. To address these objectives, historical-philosophical, comparative, and hermeneutic methods were applied, along with an analysis of contemporary publications. The conclusion presents the results of a comparison of the religious motifs of cosmism with discussions of the posthuman, planetary responsibility, and religious tolerance. The article's materials will be of interest to researchers of Russian philosophy, teachers, graduate students, and anyone interested in philosophical anthropology and the philosophy of culture.

Keywords: Russian cosmism, religious philosophy, Christian tradition, immortality, common cause, noosphere, transhumanism, posthuman, planetary ethics, religious tolerance.

References

1. Aleksandrov, I. Yu. Russian Cosmism in the Cultural Space of Russia // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. 2021. No. 1 (46). Pp. 6–11.

2. Russian Cosmism: N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, A.L. Chizhevsky / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, G.P. Shchedrovitsky Institute for Development; edited by A.G. Gacheva, B.I. Pruzhinin, T.G. Shchedrina. Moscow: ROSSPEN, 2022. 694 p.

3. Zhukova, E.M. Religious Tolerance in the Perception of Representatives of Russian Cosmism (Based on the Ideas of N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky, and N.K. Roerich) // Knowledge. Understanding. Skill. 2025. No. 1. Pp. 213–225.

4. Kishineeva S.M. The Universe of Russian Cosmism: From Thoughts about the Cosmos to Changing the World // Vestnik nauki. 2023. No. 12 (69). Vol. 4. Pp. 1065–1068.

5. Lytkin V.V. Cosmism and Russian Religious Philosophy // Nomothetica: Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47. No. 4. Pp. 633–641.

6. Makeeva O.E. Spiritual Virtues as a Factor in Human Transformation in Russian Cosmism // Kant. 2022. No. 2 (43). Pp. 130–135.

7. Makeeva O.E. Human Transformation in the Era of Global Changes in the Philosophy of A.K. Gorsky and N.A. Setnitsky // Philosophical Sciences. 2023. Vol. 66. No. 1. pp. 120–133.

8. Mikhailovsky A.V., Zheltova E.L. Russian Cosmism in the Perspective of Pendulum Modernity // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 1.

9. Novopashin S.A. The Influence of Russian Cosmist Ideas in the Development of the Philosophy of Transhumanism and Posthumanism // Sociology. 2023. No. 2. pp. 118–124.

10. Prokhorov M.M. Russian Cosmism, the Concept of the Noosphere, and Marxism // Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2020. Issue 1. pp. 97–111.

11. Rostova N.N. Why is Russian Cosmism Not Transhumanism? // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2023. No. 69. Pp. 49–54

12. Suslov A.V. Russian Cosmism and Transhumanism in the Controversy between Anthropological Voluntarism and Providentialism // Philosophical Thought. 2021. No. 8. pp. 65–77.

13. Tumarkina L.V. Russian Cosmism as Interpreted by Modern Western Philosophy (on the 190th Anniversary of N.F. Fedorov's Birth) // Voprosy Filosofii. 2020. No. 5. pp. 150–159.

14. Fedorov A.I. Philosophy of Russian Cosmism: Scientific and Religious-Aesthetic Aspects // Context and Reflection: Philosophy of the World and Man. 2023. Vol. 12. No. 2A. pp. 47–54.

15. Yakusheva N.B., Zimina I.V., Matsievskaya S.I. Philosophy of cosmism: the relevance of ideas in the 21st century // Context and reflection: philosophy about the world and man. 2024. Vol. 13. No. 4A. Pp. 71–77.

Смерть Бога как вызов иудаизму: философско-теологические искания Ричарда Рубинштейн

Бабкин Вячеслав Сергеевич,
аспирант кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет
E-mail: vyachesl4vbabkin@yandex.ru.

Статья посвящена интерпретации тезиса о «смерти Бога» в иудаизме на материале философско-теологической позиции Ричарда Рубинштейна, сформированной под влиянием катастрофы Холокоста. Актуальность исследования задаётся устойчивым присутствием темы теологического «молчания» и радикализации проблемы зла в современных гуманитарных дискуссиях, где прежние модели оправдания страдания теряют убедительность. Научная новизна связана с аналитическим совмещением трёх линий: критики теодицеи, «теологии смерти Бога» и практик памяти, влияющих на формирование религиозного самоописания. В рамках работы описаны философские основания отказа от традиционного образа всеблагого и всемогущего Бога, изучены варианты теологического ответа на опыт предельного насилия, прослежены последствия для языка веры. Особое внимание уделено связи богословских выводов с семейной и культурной памятью о Холокосте. Цель статьи – реконструировать логику радикального пересмотра теизма у Рубинштейна и показать границы классических оправдательных схем. Применяются анализ источников, сопоставление и герменевтическая интерпретация. Статья адресована религиоведам, философам религии и исследователям иудаики.

Ключевые слова: теология Холокоста, смерть Бога, Ричард Рубинштейн, иудаизм, теодицея, антитеодицея, радикальное зло, завет, секуляризация, память.

Введение

Актуальность темы задаётся разрывом между классическими теистическими представлениями о благости и всемогуществе Бога и опытом массового уничтожения, требующим иного языка религиозного осмысления. В поле иудейской мысли Холокост выдвинул на первый план вопросы о допустимости оправдания страдания, о границах богословского объяснения и о том, как говорить о Боге после разрушения привычных опор религиозной картины мира. Отдельную напряжённость создаёт то, что общественные формы памяти – семейные рассказы, культурные клише, ритуалы поминовения – формируют ожидания от религиозного высказывания и нередко задают рамки допустимого, влияя на теологические выводы.

Цель исследования: реконструировать философско-теологическую логику Р. Рубинштейна, связывающего катастрофу Холокоста с тезисом о «смерти Бога», и определить последствия этой позиции для иудейского понимания Бога, зла и памяти. Задачи:

1. выявить, какие элементы традиционного теизма подвергаются радикальному пересмотру в связи с Холокостом;

2. сопоставить рубинштейновский ход мысли с современными подходами к критике теодицеи и к анализу проблемы зла;

3. проследить, как практики памяти о Холокосте отражаются на богословском языке и на религиозной самоидентификации.

Новизна работы состоит в аналитическом соединении богословского тезиса о «смерти Бога» с философской критикой теодицеи и с эмпирически описанными формами памяти, влияющими на производство религиозных смыслов.

Материалы и методы

Материальную базу исследования составили научные публикации, отобранные для решения поставленной цели: И.А. Альтман, Е.Ю. Матвеева, А.В. Гасилин [1] систематизировали русскоязычную книжную продукцию о Холокосте, что использовано для очерчивания отечественного корпуса исследований; С.Н. Амосова [2] проанализировала нарративные формулы и эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте, что применено для обсуждения устойчивых речевых клише памяти; М. Гаврилова [3] исследовала связь семейной памяти с этнической идентичностью, что позволило рассмотреть передачу травматического опыта как фактор религиозного самоописания; О.П. Зубец [4] поставила вопрос о философских границах морального осмысления Аушвица, что привлекалось при анализе непродуктивности «знаниевых» схем оценки зла; К. Карпов [5] описал современные дискуссии о проблеме зла и отказ от классических теодицей в аналитической философии религии, что использовано для концептуализации антитеодицейных установок; Д.Г. Лепешкин [6] рассмотрел попытки преодоления «смерти Бога» в безрелигиозных формах христианства, что применено при сравнении стратегий ответа на тезис Ницше; коллективная монография под ред. К.В. Карпова [7] предложила развёрнутую «картографию» проблемы зла и установку «этики после Аушвица», что послужило теоретической опорой для анализа смены моральных ориентиров; библиографический указатель ИНИОН РАН [8] использован для уточнения исследовательского поля русскоязычного религиоведения последних лет; В.Т. Фаритов [9] дал философско-богословское сопоставление трактовок «смерти Бога», что применено при описании понятийных различий внутри постметафизического богословия; М.Ю. Хромцова [10] связала проблему зла и Холокост с появлением идеи «смерти Бога» у Р. Рубинштейна, что стало прямым основанием для реконструкции рассматриваемой позиции.

Методическая база: анализ источников, историко-философская реконструкция аргументации, сравнительное сопоставление богословских моделей, герменевтическая интерпретация религиозного языка, проблемно-тематический анализ дискурса памяти.

Результаты

Русскоязычный исследовательский массив, посвящённый Холокосту, в последние годы приобрёл заметную структурированность, что видно по специализированным библиографическим инструментам. Указатель книг на русском языке, подготовленный И.А. Альтманом, Е.Ю. Матвеевой, А.В. Гасилиным, фиксирует длительную историю публикаций, тематическую разветвлённость и институциональную поддержку памяти о катастрофе [1]. Для религиозно-философской темы подобная

систематизация задаёт исходную рамку: теологические интерпретации Холокоста возникают не в вакууме, а внутри развитого гуманитарного знания, где конкурируют исторические описания, моральные оценки, культурные сценарии памяти. В библиографических выпусках ИНИОН РАН по религиоведению зафиксирован рост интереса к философии религии и к смежным проблемным узлам – языку религии, секулярным формам веры, полемике теизма и атеизма [8]. Указанный фон объясняет, почему обращение к Рубинштейну в русскоязычной науке нередко сопрягается с обсуждением более широких теоретических моделей.

Теологическое напряжение, связанное с Холокостом, концентрируется вокруг проблемы зла как предельного опыта, не укладывающегося в схемы гармонизации мира. М.Ю. Хромцова прямо связывает катастрофу Холокоста с радикализацией «проблемы зла» и указывает, что именно попытки еврейских мыслителей дать религиозную оценку трагедии привели, среди прочего, к появлению идеи «смерти Бога» у Р. Рубинштейна [10]. В этом формулируется первый результат реконструкции: тезис Рубинштейна не сводится к общефилософскому атеизму и не совпадает с эстетикой нигилизма; он вырастает из религиозной реакции на событие, где уничтожение людей сопровождалось разрушением моральных и смысловых опор. Здесь «смерть Бога» обозначает не биологическую метафору, а крушение традиционного теистического представления, допускающего согласование Божией благости с историческим ужасом.

Философский анализ современного дискурса о зле показывает, что критика теодицеи в последние десятилетия закрепилась как самостоятельная исследовательская линия. К. Карпов подчёркивает, что современные аргументы «от зла» в аналитической философии религии формулируются как анти-теистические и что заметна тенденция отхода от устоявшихся практик теодицеи и «защит» [5]. Для обсуждения Рубинштейна данный тезис продуктивен по двум причинам. Во-первых, он фиксирует смену интеллектуальной нормы: объяснение страдания перестаёт рассматриваться как легитимный стандарт религиозной рациональности. Во-вторых, он показывает, что спор о зле ведётся в плоскости авраамических религий, где идея Бога связана с моральными атрибутами и исторической ответственностью. В результате рубинштейновская позиция получает дополнительную философскую артикуляцию: «смерть Бога» описывает состояние, где логика оправдания Бога утрачивает приемлемость именно по моральным основаниям, а не по причине «недоказуемости» теизма.

Книга «Проблема зла и теодицеи: метафизика, этика, феноменология», подготовленная под редакцией К.В. Карпова, вводит в российское поле формулу «этики после Аушвица» и подчёркивает, что исследовательский интерес смещается к онтологизации зла и к моральным установкам, выработанным после катастрофы [7]. Для темы Рубинштейна здесь значимы два вывода. Первый: моральная перспектива перестаёт быть вторичной по отношению к метафизике, напротив, именно моральный опыт диктует, какие метафизические конструкции допустимы. Второй: обсуждение зла приобретает феноменологическое измерение – внимание переносится на переживание разрушения, на молчание, на невозможность «свести» страдание к объяснительной модели. На этой базе «смерть Бога» читается как фиксация границы: богословие, сохраняющее прежний образ Бога, рискует воспроизвести интеллектуальную рационализацию страдания, неприемлемую после Аушвица.

Позиция О.П. Зубец усиливает указанную границу, переводя разговор об Аушвице в плоскость критики морального «знания» о добре и зле. В статье о разрушении понятия зла на материале Аушвица автор полемизирует с оценками, опирающимися на представление о зле как о познаваемом объекте моральной экспертизы, и подчёркивает философскую проблемность подобного подхода [4]. Для рубинштейновской линии данный ход означает следующее: если катастрофа делает сомнительной саму идею «морального освоения» произошедшего, то теодицея – как проект объяснения страдания и согласования его с благостью Бога – сталкивается не просто с логическими трудностями, а с этической неприемлемостью. В этом пункте «смерть Бога» приобретает точность: речь идёт о разрушении того образа Бога, который поддерживал морально-рационализирующее толкование истории.

Сопоставление с дискурсом «смерти Бога» в христианском богословии позволяет отделить рубинштейновскую интенцию от иных траекторий. В.Т. Фаритов, анализируя трактовки идеи «смерти Бога» у Х. Яннараса и Т. Альтицера, показывает, что внутри постметафизического богословия возможны существенно разные понимания кризиса: от переосмысления присутствия Бога до радикального события «ухода» трансцендентного из прежних схем [9]. Из данного сопоставления следует результат, существенный для иудаизма: перенос понятия «смерти Бога» в еврейскую мысль не гарантирует совпадения смыслов с западной христианской традицией. У Рубинштейна решающим стимулом выступает не внутритеологическая полемика о метафизике, а опыт Холокоста, где вопрос о Боге ставится как вопрос о правомерности прежней религиозной речи. Следовательно, рубинштейновская формула не описывает «обновление» доктрины; она фиксирует разрыв между традиционным теизмом и исторической реальностью массового уничтожения.

Материал Д.Г. Лепешкина, посвящённый попыткам преодоления «смерти Бога» через безрелигиозные формы христианства, позволяет уточнить структурное различие стратегий ответа [6]. В описываемых автором проектах реакция на ницшеанскую формулу приводит либо к созданию новой антитрадиции, либо к переоформлению веры вне привычных институтов. Для иудейской темы такое сопоставление показывает, что «смерть Бога» не обязывает к немедленной реставрации религиозного языка. В рубинштейновском случае более последовательным выглядит принятие разрыва как философско-богословского факта: попытка быстро «преодолеть» тезис рискует вернуть те объяснительные конструкции, против которых и направлен радикальный вывод.

Отдельный слой результатов связан с исследованием памяти, поскольку религиозная речь о Холокосте в постсоветском пространстве опосредована семейными нарративами, культурными клише и коллективными формами поминовения. М. Гаврилова на материале более чем 200 интервью показывает, что готовность передавать память о Холокосте коррелирует с готовностью поддерживать этнические традиции; при разрыве передачи мотивировка меняется от страха к стыду и к нежеланию травматизировать близких [3]. Для богословской проблематики здесь существенна зависимость теологического высказывания от каналов памяти: там, где память вытесняется, религиозный язык нередко лишается материала для артикуляции трагедии; там, где память передаётся, появляются устойчивые способы говорить о страдании, виновности, молчании и утрате опор. В статье фиксируется ещё одна деталь: потомки жертв заполняют лакуны семейной истории вариантами культурной памяти – от советского нарратива «мирных граждан» до элементов западной мемориальной культуры [3]. Это означает, что теологические интерпретации Холокоста в современной среде конкурируют не только между собой, но и с сильными культурными сценариями, задающими, какие смыслы «разрешены» и какие слова привычны.

С.Н. Амосова, анализируя устные рассказы о Холокосте, описывает клишированность текстов, повторяемость формул и связь объяснений с понятиями «судьбы» и эсхатологическими представлениями о «конце времён» [2]. Для темы Рубинштейна данный материал даёт эмпирическое уточнение: «предельность» Холокоста в массовом сознании нередко выражается не философскими категориями, а фольклоризованными схемами конца, неизбежности и несопротивления. На этом фоне рубинштейновский тезис о «смерти Бога» получает дополнительное измерение: он вступает в диалог с тем языком, которым сообщества уже описывают катастрофу, и либо конфликтует с ним, либо переосмысливает его. Если память тяготеет к жанрам «конца», то богословие сталкивается с задачей: не заменить травматический рассказ метафизическим объяснением, а удержать его нравственную остроту без оправдания страдания.

Сопоставление богословского тезиса о «смерти Бога» с аналитической критикой теодицеи, с философскими размышлениями об Аушвице и с исследованиями памяти приводит к обобщённому результату внутри раздела «Результаты»: у Рубинштейна радикальный пересмотр теизма выступает формой морально ответственного отказа от оправдательных схем, а не «модернизацией» доктрины. В русскоязычном исследовательском поле такая интерпретация продуктивна, поскольку опирается на уже разработанные философские линии критики теодицеи и на эмпирические описания того, как память о Холокосте реально передаётся и проговаривается.

Обсуждение

Постановка «смерти Бога» в иудаизме часто воспринимается как заимствование из западной философии, где ницшеанская формула стала маркером секулярной эпохи. Материалы, привлечённые в статье, заставляют рассматривать иной генезис: в еврейской мысли радикальный тезис выступает реакцией на разрушение прежних морально-теистических гарантий, а не на внутреннюю эволюцию европейской метафизики. Поэтому попытки «привести» Рубинштейна к стандартным моделям философского атеизма обедняют смысл его хода: речь идёт о кризисе религиозной речи, испытывающей давление исторического факта уничтожения людей и культур.

Критика теодицеи в современной философии религии предоставляет язык для описания этой ситуации. Отказ от объяснения страдания как «допустимого» и отказ от сведения зла к элементу рациональ-

ной картины мира формируют новую моральную норму, где оправдательные рассуждения начинают выглядеть не интеллектуальной доблестью, а нравственным риском. В таком режиме «смерть Бога» понимается как отказ от определённого образа Бога – образа, поддерживающего оправдание истории. Мне представляется, что именно здесь лежит продуктивная граница: тезис Рубинштейна ценен не как окончательное богословское решение, а как запрет на интеллектуальную нейтрализацию катастрофы.

Сильная сторона аналитического подхода состоит в его способности разложить спор о зле на уровни: логические требования к понятиям, моральные предпосылки рассуждения, способы аргументации. Тем не менее одна опасность сохраняется: слишком «чистый» понятийный анализ рискует оторваться от того, как сообщества реально проживают память о Холокосте. Исследования устных рассказов и семейной памяти показывают, что опыт катастрофы удерживается через формулы, молчание, лакуны, стыд, страх, локальные жанры повествования. Следовательно, богословие после Холокоста сталкивается не только с вопросом «что мыслить», но и с вопросом «как говорить», причём «как говорить» диктуется социальными механизмами передачи травмы.

В этой точке обсуждение возвращает к Рубинштейну: его радикальный тезис можно прочитать как попытку сохранить честность речи о Боге, отказавшись от фраз, превращающих страдание в элемент «плана». Проблема состоит в том, что радикальный отказ от традиционного теизма порождает вторичную трудность: что остаётся от религиозной идентичности, когда привычная опора разрушена. Варианты ответа различны: одни линии богословия пытаются переосмыслить присутствие Бога через мотивы страдания и сокрытия, другие – переводят религиозность в практику памяти и этического свидетельства, третьи – строят новые формы веры вне институтов. На мой взгляд, наиболее точным критерием здесь служит способность концепции выдержать моральную проверку: любая конструкция, возвращающая оправдание катастрофы, вступает в конфликт с опытом Холокоста и с современными формами памяти, где травма сохраняется как непогашаемая.

Заключение

1. Пересмотр теизма в связи с Холокостом затрагивает представление о Боге как о гаранте моральной упорядоченности истории; разрушение прежней схемы оправдания страдания приводит к отказу от традиционного образа всеблагого и всемогущего Бога как интеллектуально и нравственно приемлемого основания религиозной речи.

2. Сопоставление рубинштейновского тезиса с критикой теодицеи и с философским анализом Аушвица подтверждает: объяснительные проекты, согласующие катастрофу с благостью Бога, сталкиваются с этической неприемлемостью, а современная философия религии фиксирует тенденцию отхода от классических теодицейных практик.

3. Практики памяти о Холокосте – семейные рассказы, клише устной истории, динамика передачи травмы – воздействуют на богословский язык, задавая границы проговариваемого и формируя способы религиозного самоописания; в результате теологические интерпретации оказываются зависимыми от механизмов культурной и семейной памяти.

Литература

1. Альтман И. А., Матвеева Е.Ю., Гасилин А.В. Холокост: библиографический указатель книг на русском языке за 1941–2020 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: Центр «Холокост», 2021. 148 с.

2. Амосова С. Н. «Наше время кончилось»: эсхатологические мотивы в рассказах о Холокосте // Культура славян и культура евреев: диалог, сходства, различия. 2023. № 1. С. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12.

3. Гаврилова М. Память о Холокосте и этническая идентичность в семьях советских евреев // Judaic-Slavic Journal. 2024. № 1–2(11–12). DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.01.

4. Зубец О.П. Аушвиц: разрушение понятия зла // Человек. 2022. Т. 33, № 4. С. 77–93. DOI: 10.31857/S023620070021629-8.

5. Карпов К.В. После теодицеи: проблема зла в аналитической философии религии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2021. Т. 39, № 4. С. 7–17.

6. Лепешкин Д.Г. Попытки преодоления «смерти Бога» «безрелигиозным христианством»: идея обмирщения трансцендентного как основа создания новой антитрадиции // Философская мысль. 2022. № 3. С. 20–28.

7. Проблема зла и теодицеи: метафизика, этика, феноменология: коллективная монография / отв. ред. К.В. Карпов. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2023. 264 с. ISBN 978-5-98712-562-5.

8. Религиоведение: библиогр. указ. / ИНИОН РАН, Фундам. б-ка, Отд. науч.-библиогр. информ. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 3. 71 с.

9. Фаритов В.Т. Кризис западного богословия: идея «смерти Бога» в учениях Х. Яннараса и Т. Альтицера // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия. 2022. Т. 4, № 4(13). С. 11–20.

10. Хромцова М.Ю. Идея Бога и концепт Царствия Божьего в западной религиозно-философской мысли XX – начала XXI века // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2021. Т. 22, № 4–1. С. 54–67.

THE DEATH OF GOD AS A CHALLENGE TO JUDAISM: RICHARD RUBINSTEIN'S PHILOSOPHICAL AND THEOLOGICAL RESEARCH

Babkin V.S.
Volgograd State University

This article examines the thesis of the "death of God" in Judaism, drawing on Richard Rubinstein's philosophical and theological position, shaped by the Holocaust. The relevance of this study stems from the persistent presence of theological "silence" and the radicalization of the problem of evil in contemporary humanities debates, where previous models for justifying suffering are losing their persuasiveness. Its scientific novelty lies in the analytical integration of three approaches: a critique of theodicy, a "theology of the death of God," and practices of remembrance that influence the formation of religious self-description. This paper describes the philosophical foundations for rejecting the traditional image of an all-good and omnipotent God, explores theological responses to the experience of extreme violence, and traces the implications for the language of faith. Particular attention is given to the connection between theological conclusions and familial and cultural memory of the Holocaust. The article aims to reconstruct the logic of Rubinstein's radical revision of theism and to demonstrate the limits of classical justificatory frameworks. Source analysis, comparison, and hermeneutic interpretation are employed. The article is addressed to scholars of religion, philosophers of religion, and scholars of Jewish studies.

Keywords: Holocaust theology, death of God, Richard Rubinstein, Judaism, theodicy, antitheodicy, radical evil, covenant, secularization, memory.

References

1. Altman, I. A., Matveeva, E. Yu., Gasilin, A.V. The Holocaust: A Bibliographic Index of Books in Russian from 1941 to 2020. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: Holocaust Center, 2021. 148 p.

2. Amosova, S. N. "Our Time is Over": Eschatological Motifs in Stories of the Holocaust // Slavic Culture and Jewish Culture: Dialogue, Similarities, Differences. 2023. No. 1. pp. 234–256. DOI: 10.31168/2658-3356.2023.12.

3. Gavrilova, M. Holocaust Memory and Ethnic Identity in Soviet Jewish Families // Judaic-Slavic Journal. 2024. No. 1–2(11–12). DOI: 10.31168/2658-3364.2024.1-2.01.

4. Zubets, O. P., Auschwitz: The Destruction of the Concept of Evil // Chelovek. 2022. Vol. 33, No. 4. pp. 77–93. DOI: 10.31857/S023620070021629-8.

5. Karpov, K. V., After Theodicy: The Problem of Evil in the Analytical Philosophy of Religion // State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2021. Vol. 39, No. 4. pp. 7–17.

6. Lepeshkin, D. G., "Attempts to Overcome the "Death of God" by "Religious-Free Christianity": The Idea of Secularizing the Transcendent as the Basis for Creating a New Anti-Tradition" // Philosophical Thought. 2022. No. 3. pp. 20–28.

7. The Problem of Evil and Theodicy: Metaphysics, Ethics, and Phenomenology: A Collective Monograph / Ed. K.V. Karpov. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2023. 264 p. ISBN 978-5-98712-562-5.

8. Religious Studies: Bibliographic Index / INION RAS, Fundamental Library, Department of Scientific and Bibliographic Information. Moscow: INION RAS, 2021. No. 3. 71 p.

9. Faritov V.T. Crisis of Western Theology: The Idea of the "Death of God" in the Teachings of H. Yannaras and T. Altizer // Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy. 2022. Vol. 4, No. 4(13). Pp. 11–20.

10. Khromtsova M. Yu. The Idea of God and the Concept of the Kingdom of God in Western Religious and Philosophical Thought of the 20th – Early 21st Centuries // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2021. Vol. 22, No. 4–1. Pp. 54–67.

Ветхозаветные пророки, дары Духа Святого и библейские источники просвещения человека

Смулов Алексей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор, магистр теологии, профессор кафедры Миссиологии, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (Москва)
E-mail: jeger@bk.ru

Современное российское общество должно строить свое духовно-нравственное возрождение на основе внимательного обращения к традиционным христианским (православным) ценностям: Священному Писанию и Святоотеческому наследию. В статье показываются личностные духовные и нравственные качества ветхозаветных пророков-просветителей, приводятся некоторые важные принципы просветительского служения и раскрывается изначальная роль Пресвятой Троицы в таком служении человека. Указываются дары Бога Духа Святого, получаемые проповедниками для осуществления духовно-нравственного просвещения верующих и неверующих людей. Показывается, что современное просветительское (благовестническое) служение уходит корнями в служение ветхозаветных пророков и лично Господа Иисуса Христа в его земной жизни. Уделяется внимание таким просветительским средствам, доступным для восприятия любого человека, как притчи и тексты Псалтири.

Ключевые слова: духовно-нравственное просвещение, Священное Писание, Святоотеческое наследие, ветхозаветные пророки, принципы просветительского служения, личностные качества благовестников, притчи, тексты Псалтири.

Представляется, что современное духовное и нравственное возрождение российского общества невозможно без постоянного внимательного обращения к христианским (православным) текстам Священного Писания и Священного Предания, трудам-толкованиям Святых Отцов Церкви. Очевидно, что только в них «изначально заложены все важнейшие и необходимые принципы христианского» просвещения и воцерковления «по дару содержащегося здесь Божественного Откровения о смысле и путях Спасения человека» [8, с. 9]. Деяния Господни, совершаемые Им в период земной жизни – в Новозаветный период, имеют глубокие корни во временах Ветхозаветных. Он Сам отмечает: «Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить» (Мф. 5:17, см. также Лк. 24:44, Рим. 15:8).

Согласно Книге Бытия Предвечным Посланником-Посредником между Богом и человеком, а, следовательно, миссионером-просветителем человека является Сын Божий – Слово – Господь Иисус Христос [7, с. 13]. Не случайно в Библии самим Иисусом Христом сказано: «Я свет миру» (Ин. 9:5; см. также Ин. 8:12, 12:35–36, 12:46, 1Пет. 2:9, 1Ин. 1:5).

В научно-богословской литературе существует термин «Missio Dei», который характеризуется тем, что для Спасения падшего человека «Бог посылает Свое Слово, Свой народ, Своих слуг и, наконец, Своего Сына» [10, с. 60–65].

Решение о Спасении человека было принято на Предвечном Совете, еще до момента сотворения Адама. «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему по подобию Нашему, …» (Быт. 1:26). Прот. Олег Давыденков отмечает, что термин «Совет» означает в приведенном случае вовсе не «совещание», но единое «волеизъявление» Трех Лиц Пресвятой Троицы [5, с. 269]. Сын Божий, Вторая Ипостась Пресвятой Троицы, выразил добровольное согласие спасти человечество (и весь мир) через Вочеловечение и принесение Себя в Крестную Искупительную Жертву (Ин. 3:16). Целью деяний Господа является просвещение всякой твари Божией с целью дальнейшего ее преображения в единстве и гармонии [7, с. 5–6].

Важным обстоятельством следует признать то, что уже в раю именно Бог ищет падших Адама и Еву (Быт. 8:9), Сам первым делает шаги к примирению и духовному возрождению человека. Здесь же (Быт. 3:15) Бог наметил путь предстоящего Спасения человека.

В Ветхозаветный период Израиль был избран Богом в качестве получателя, исполнителя и хранителя Божественных Откровений, что следует, в частности, из Втор. 31:24–26 и 4:6. Стих Втор. 4:6 подтверждает то, что деяния евреев должны были совершаться «пред глазами народов», то есть быть примером для всех народов.

Рассмотрим особенности (принципы) проповедническо-просветительского служения в Ветхозаветное время по научному труду митр. Ахалкалакского, Кумурдойского и Карского Николая (Пачуашвили; Грузинская Православная Церковь) [8] на примере деяний пророка Ионы, жившего в конце IX – начале VIII вв. до н.э. при царе Иеровоаме II (царствовал 41-ин год с 835 г. до н.э.), и упоминаемого в Священном Писании Ветхого Завета – см. 4Цар. 14:23–25 и др. Пророк Иона, полностью обоснованно, представляется в святоотеческом наследии как ветхозаветный прообраз Самого Иисуса Христа.

Вот на что указывает Высокопреосвященный Николай:

– просветительское служение возглавляет Сам Господь, Который призывает достойных лиц к проповеди и просвещению людей. Посланник же Бога, находясь с Ним в личном молитвенном [*а в последующем – литургическом и евхаристическом, и в Святых Таинствах – прим. С.А.М.*] общении проповедует в точности слово Божие без какого-либо отступления от Его требований (Ин. 7:16, 1Тим. 6:20, Тит. 2:1 и др.),

– деятельность просветителя может также иметь конкретное благословение священноначалия,

– личный пример – главный способ привлечения внимания людей к Богу, этот пример не допускает ни насилия, ни смущения слушателей благами земными, ни истребования и поощрения вознаграждения за свою деятельность,

– служение осуществляется не взирая на трудности и лишения (см. Мф. 10:16), даже на опасности для самой жизни проповедника,

– просветитель не принимает безвыходности положений, молитвенно призывает на помощь Самого Господа Иисуса Христа, а в случае ошибок – искренне кается, признавая свою вину,

– используя для проповеди любое возможное время, свидетельствуя о Божественных истинах ясным и доступным слушателям языком (вербальным или символическим-невербальным); особое внимание следует обращать на наставление отцов семейств, формальных и неформальных лидеров, педагогов (учителей) и молодежи, не оставляя наставляемых своим вниманием и в последующее время,
– вооружаясь новыми формами и методами духовно-нравственного просвещения, проповедник учит обращаемых любви к Богу и общению с Ним (в последующие времена – жизни в Церкви, важности и непреложности участия в Святых Таинствах). Эти формы и методы включают образно-символические действия (см., например, Иер. 18:4–6, 27:2–3; Иез. 5:1–4, 12:3–7; Ос. 1:2–3 и др.). При этом пророк Осия просвещал, преимущественно, примером своей жизни. Напомним, что «пример собственной жизни» часто дается просветителю дорогой ценой и даже ценой его жизни.

Все духовно-нравственного просвещение народа(–ов) осуществляется только после фундаментальной богословской и иной необходимой подготовки проповедника-просветителя [8, с. 71–82].

Эти же принципы проходят через века и тысячелетия до времен Новозаветных и до современности. Более подробно с принципами, формами и методами православного миссионерско-просветительского служения возможно ознакомиться в монографии [11].

Следуя труду [8, с. 61–68], можно (на примере пророка Ионы) выделить следующие существенные духовно-нравственные качества ветхозаветного просветителя-пророка.

1. Отношение(–я) «к Богу» и «с Богом»:
– Упование на Бога во всем, полная Ему преданность и послушание,
– Способность на личное Богообщение (через Духа Святого) и Богодухновенную вопиющую молитву,
– Явление сыновней любви к Богу Отцу, но и возможные ее сочетания с дерзостным возражением и даже неповиновением (нарушением воли Божией),
– Обладание святостью и чистотой сердца, даром истинного покаяния и покаяние в совершенных ошибках.

2. Отношение к Священному Писанию и Святоотеческой традиции:
– Твердое усвоении духа (а при необходимости и буквы) Священного Писания,
– Цитирование наизусть стихов Св. Писания (Ветхого Завета),
– Знание традиций (Святых Отцов), высокая общая образованность и применение их в деле просвещения народов,
– Готовность к принятию нового в сферах проповеди и просвещения, в сочетании с твердым и бескомпромиссным хранением Божественных Истин.

3. Отношение к просвещаемому(–ым) народу(–ам):
– Занятие, по воле Божией, места посредника между Ним и людьми,
– Проявление глубокой любви к «ближнему», великодушия, вплоть до самопожертвования во имя спасения других,
– Представление собой нравственного идеала, явление личного примера,
– Обладание мудростью, предельной искренностью и правдивостью,
– Несение таких качеств как добросовестность, искренность, естественность и простота в общении, влекущая доверие слушателей,
– Проявление патриотизма и жертвенной любви к своему народу.

4. Иные личные качества просветителя:
– Душевная чуткость к просвещаемым,
– Законопослушность в миру, скромность в быту и трудах,
– Безвозмездность трудов и бессребреничество,
– Мужество, стойкость, бесстрашие, целеустремленность и последовательность в делах,
– Самоотверженность и отсутствие человекоугодия (угодничества).

Пророкам-просветителям зачастую приходилось совершать героические поступки и быть готовыми «положить душу свою за друзей своих» (Ин. 15:13).

Приведем важный момент из Священного Писания Ветхого Завета – книги Исход, где имеется описание одежды Первосвященника – наличие кругом по подолу золотых «позвонков»: «дабы слышен был от него звук, когда он будет входить во святилище пред лице Господне и когда будет выходить» (Исх. 28:31–35). Вот как толкует назначение золотых позвонков проповедник свт Димитрий (Туптало, †1709) Ростовский, со ссылкой на св Григория I Великого, Двоеслова (†604): «звонцы … знаменовали голос святительского учения, означали, что архиерей, как и иерей, … должен провозглашать … устами…, уча и вразумляя людей Божиих, по увещанию апостола: «проповедуй слово» (2Тим. 4:2) – твори дело благовестника. Звонцы были золотые, и из священнических уст должны исходить золотые слова: о богоугождении, о святой и праведной жизни, о любви к Богу и ближнему, – слова … полезные, … честные, … любовные» [17]. Как видим свт Димитрий, как и св Григорий I Великий, напрямую связывал служение архиереев и иереев с обязанностью духовно-нравственного просвещения народа.

Подобные качества «ветхозаветного» просветителя в полной мере соответствуют требуемым духовным качествам просветителя «новозаветного» (см. например, [6, с. 138–150]).

Обратим внимание, какие дары Святого Духа могут быть применены к духовно-нравственному просвещению верующего человека. Перечень таких Даров можно почерпнуть из Священного Писания Нового Завета, а именно из апостольских посланий ап. Павла (см. Еф. 4:11, Рим. 12:6–8, 1Кор. 12:7–10 и 28). Перечислим эти Дары:
– апостольство (Еф. 4:11, 1Кор. 12:28, апостолы здесь поставлены первыми, как имеющие и дар пророчества [2]),
– пророчество (Еф. 4:11, Рим. 12:6, 1Кор. 12:10, 1Кор. 12:28, новозаветные пророки дара апостольства не имели [2]),
– дар евангелистов (Еф. 4:11, этим даром обладали «написавшие Евангелие, или те, которые, хотя не ходили всюду, но благовествовали Евангелие, подобно Прискилле и Акиле» [2] (см. Деян. 18:2,18,21 и 26; Рим. 16:3; 1Кор. 16:19; 2Тим. 4:19; то есть «проповедники», а по свт Феофану Затворнику они прямо именуются «благовестниками»),
– пастырство (Еф. 4:11, наделяются епископы и пресвитеры [2]),
– учительство (Еф. 4:11, Рим. 12:7, 1Кор. 12:28, наделяются учителя и диаконы [2], «(Павел) разумеет именно тех учителей, которые и делами учат и словом назидают» [12, свт Иоанн Златоуст]).

Про обладающих дарами пастырства и учительства Блаженный Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский, в своих толкованиях отмечает: «они, имея звание очистителей, посредством слова очищают народ» [2], что имеет непосредственное отношение к духовно-нравственному просвещению,
– дар служения (Рим. 12:7, «здесь под именем «служение» разумей вообще всякое духовное дело» [3]),
– увещание (Рим. 12:8, «увещание есть вид учения. … увещание собственно то, когда кто успокаивает словом души, возмущенные скорбью или гневом» [3]),
– раздавание (Рим. 12:8, «говорит о телесном, как занимающем второе место. «Простотой» называет щедрость; следовательно, учит раздавать с щедростью» [3]),
– начальство (Рим. 12:8, «начальник должен проходить служение свое тщательно и неленостно. «Начальствовать» же значит вспомоществовать тому, кто требует помощи, словом и делом» [3]),
– благотворительство (Рим. 12:8, «Раздает тот, кто подает подаяние из полученного от другого, а благотворит тот, кто подает из своего достояния» [3]),
– мудрость (1Кор. 12:8, «этим выражением Ап. обозначает речь, которая глубоко и широко освещает и теоретические и практические учения христианства, причем изложение ее стоит на уровне лучших ораторских произведений» [13, Толковая Библия А.П. Лопухина]),
– знания (1Кор. 12:8, «знание будет заключать в себе идею собственного искания, особенного напряжения умственных способностей человека» [13, Толковая Библия А.П. Лопухина]),
– вера (1Кор. 12:9, «вера не в догматы, но чудодейственная, которая и горы переставляет (Мф. 17:20)» [4]),
– дар исцеления (1Кор. 12:9 и 28, «Дар исцелять всякую болезнь и всякую немощь» [4]),
– дар чудотворения (1Кор. 12:10 и 28, «такой мог и наказать непокорных, как, например, Павел поразил Елиму слепотой (Деян. 13:11), а Петр Ананию поразил смертью (Деян. 5:3–5). Получивший дарования исцелений не мог совершать этого» [4]),
– дар различения духов (1Кор. 12:10, «… не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире» (1Ин. 4:1), «то есть способность знать, кто духовен, а кто недуховен, кто пророк, а кто обольститель» [4]),
– дар владения языками других народов (1Кор. 12:10 и 28),
– дар истолкования языков (1Кор. 12:10, «истолкование языков важнее, нежели дар просто говорить на языках» [4]),
– вспоможение (1Кор. 12:28, «то есть вспоможение слабым и управление или распоряжение братским имуществом» [12, блаженный Феофилакт Болгарский]),
– дар управления (1Кор. 12:28, «без сомнения, это дар Божий – помогать и распоряжаться духовными предметами» [12, свт Иоанн Златоуст]).

Как видим, все Дары Духа Святого, особенно их благодатное сочетание могут быть значимыми в деле духовно-нравственного просвещения.

Процесс духовно-нравственного просвещения предполагает высокую ясность и доступность предлагаемых знаний для понимания теологически неподготовленного слушателя. Невоцерковленный чело-

век, тем более неофит («новый приверженец»), должен иметь информацию о вере и Церкви такую, которая, на первом этапе просвещения не будет пугать его, но способствовать, в максимально возможной степени, усвоению христианского (православного) мировоззрения.

Одной из важных форм именно такого донесения информации являются притчи, как в Ветхом Завете (например, притчи Соломоновы), так и в Новом Завете (притчи Христовы).

Притча – это, как правило, некоторое вымышленное изложение, имеющее глубокий смысл и опирающаяся на понятные людям факты истории, жизни или их быта. Притча имеет непреходящее знание и направлена на глубокое разъяснение одного (гораздо реже – нескольких) из аспектов Божественного Откровения. Часто именно притча достигает положительного результата там, где простое изложение мыслей (знаний) о Боге и богопознании, Благовестии, Премудрости, добродетелях, законах нравственности и воспитании, и вообще, о религиозных представлениях оказывается бессильным. Притча не только доходчиво повествует о Божественной Истине, но роняет семя для последующего углубленного размышления об услышанном, а следовательно – ведет к Богу. Заметим, что в Израиле, притча исторически являла собой способ организации и изучения Торы при проведении практических занятий в духовных раввинских школах: учащиеся должны придумать и написать притчу.

Слово «притча» в Синодальном переводе Св Писания Ветхого и Нового Заветов встречается 80 раз. В Священном Писании Ветхого Завета слово «притча» упоминается в Книгах: Числа, Второзаконие, 1-я, 2-я и 3-я Книги Царств, 2-я Книга Паралипоменон, Псалтирь, Притчи, пророков Иезекииля и Осии. В Священном Писании Нового Завета это: Евангелия от Марка, Луки и Иоанна.

Притчи царя Соломона весьма важны для просвещения народа. Толкование проф. Лопухина А.П. определяет три вида притч: 1. синонимические (одна и та же мысль повторяется дважды, в разных ее изложениях), 2. антитетические (притча содержит основную мысль, а затем мысль ей прямо противоположную), 3. параболические (синтез притч первого и второго вида, но в начале она содержит аллегорический элемент картины природы, а в конце – объяснение к этой картине («эстетическую истину») [14].

Священное Писание Ветхого Завета определяет царю Соломону следующее число притч и песен: «И изрек он три тысячи притчей, и песней его было тысяча и пять» (3Цар. 4:32). По согласному мнению исследователей, Книга «Притчи Соломона» содержит меньшую часть из изреченных им притч и песен.

Мудрость царя Соломона была столь велика, что стала известна во всей вселенной того времени: «И приходили от всех народов послушать мудрости Соломона, от всех царей земных, которые слышали о мудрости его» (3Цар. 4:34; см. также 3Цар. 10:1–7). Мы не будем подробно останавливаться на ветхозаветных притчах, о них немало написано (см. например, [14]). Приведем здесь только одну из них, как представляется – первенствующую: «Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление» (Прит. 1:7).

К Книге «Притчи Соломона» примыкает неканоническая Книга «Премудрости Соломона» («главным предметом ее является учение о Премудрости Божией, ее начале, свойствах и действиях в мире» [15]; авторство Соломона здесь ставится учеными под обоснованное сомнение). Тем не менее, нравственно содержание этой книги затрагивает целый ряд вопросов-проблем еврейского народа (и народов последующих времен), оно включает в себя разъяснение учения о Боге, Промысле Божием и Премудрости, праведности и покаянии, добродетелях и судьбах праведников, и других нравственных аспектах жизни человека.

В новозаветной библейской истории евангелист Матфей отмечает о проповедях Христа: «И поучал их [*множество народа – прим. С.А.М.*] много притчами, …» (Мф. 13:3) и указывает на содержание этих притч, в их преемственности от ветхозаветного времени: «да сбудется реченное через пророка, который говорит: отверзу в притчах уста Мои; изреку сокровенное от создания мира» (Мф. 13:35).

Господь Иисус Христос прибегал к притчам, чтобы не только надолго приковать внимание слушателей к затронутой Им Истине, но и иметь возможность дать не менее ясное и прямое разъяснение ее содержания. Недаром, на некоторые недоумения Его учеников, Он ответил: «… вам дано знать тайны Царствия Божия, а тем внешним все бывает в притчах; так что они своими глазами смотрят, и не видят; своими ушами слышат, и не разумеют, … не понимаете этой притчи? Как же вам уразуметь все притчи?» (Мк. 4:11–13). Как видим, даже ближайшие ученики Христа далеко не всегда «уразумевали» их глубинное содержание.

Остановимся и на таком, важном для процесса духовного просвещения, моменте, как передача услышанного от первоисточника. Из психологии известно, что не более 15–20% информации запоминается слушателем, а передается она с учетом личностной ее обработки в сознании передающего. Таким образом, даже если пренебречь искажением содержания, то уже четвертая «передача» будет содержать только (максимум) 0,0016 долей ее первоначального объема (смыла), а далее будет с высокой скоростью устремляться к нулю, уподобляясь детской игре в «испорченный телефон» (см., в частности, [9]). В вопросах духовно-нравственного просвещения такая ситуация является категорически неприемлемой. Вспомним слова посланий ап. Павла: «О, Тимофей! храни преданное тебе, отвращаясь негодного пустословия и прекословий лжеименного знания» (1Тим. 6:20), «Держись образца здравого учения, которое ты слышал от меня, …» (2Тим. 1:13), «… пребывай в том, чему научен и что тебе вверено, …» (2Тим. 3:14) и «Ты же говори то, что сообразно с здравым учением» (Тит. 2:1). Вспомним еще Мф. 13:3.

Кроме того, использование притч позволяло Христу и Его последователям избежать быть «уловленными на слове» заинтересованными «критиками», обвинить их в законопреступлениях или в нарушении других иудейских «бремен тяжелых и неудоносимых» (см. Мф. 23:4).

Господь Иисус Христос в своей земной жизни говорил о сложных для «немудрого мира» (1Кор. 1:27), «людей некнижных и простых» (Деян. 4:13) глубоких Истинах, которые могли быть неузнаваемо искажены при многократной передаче. Когда же Он облекал свой глубокий богословский рассказ в «маленькую яркую историю, то передаваемое людьми учение, облеченное в такую форму, сохраняется неповрежденным. Поэтому притчи очень удобны, чтобы транслировать, передавать учение, чтобы оно не растворилось и не исказилось в сознании людей» [9].

Особо остановимся на притче «О благоразумном рабе» (Мф. 24:43–51). Здесь Иисус Христос говорит о Себе: «… если бы ведал хозяин дома, в какую стражу придет вор, то бодрствовал бы…» (Мф. 24:43), то есть заведомо называет Себя «вором», что невозможно «по-определению»: безгрешности Бога. Свящ. Константин Пархоменко, отвечает на такой нонсенс: «можно предположить, что Христос, сравнивая Себя с вором, намеренно шокировал и провоцировал слушателя: Христу хотелось дать такой яркий пример, который надолго запечатлеется в душе человека, будет много раз пересказан и будет тревожить человека, подобно занозе, избавляя от ложного спокойствия» [9]. То есть Сам Господь использовал в своей речи крайне эффективный прием, позволяющий достучаться до умов и сердец просвещаемых.

Рассмотрим кратко некоторые, приведенные в Евангелии (всего их более 30-ти), притчи, произнесенные Господом Иисусом Христом, в наибольшей степени, касающиеся исследуемой темы.

Притча «О сеятеле» (Мф. 13:3–23; Мк. 4:3–8; Мк. 4:14–20; Лк. 8:5–8; Лк. 8:11–15). Говорит о выборе места и способа для ведения просветительской беседы; о больших аудиториях, требующих просвещения и воцерковления словом Божиим (как в виде словесном, так и в виде невербального действия и личного примера); рассеянии человеческого внимания и равнодушии «поверхностно» внемлющих, соблазнах со стороны лукавого и возможной потере веры в условиях противодействия ближних или гонений на христианство. Показывает разную степень возможности усвоения Христианского учения и плодотворности распространения его в миру, усвоившими эти знания веры.

Притча «О работниках в винограднике» (Мф. 20:1–16). Проповедь Христова заставляет людей задуматься о Царствии Божием, но приходят они к вере через разное, порой очень долгое, время. И все же, независимо от времени прихода к Богу, все они получают равную награду. До начала Суда Божиего (то есть до физической смерти человека) у людей есть возможность покаяния и единения с Богом, даже, если обращение произойдет в последнюю минуту. Вспомним здесь о «благоразумном разбойнике», распятом одновременно с Иисусом Христом, который в последний момент покаялся, признал в Нем Господа, просил помянуть его в Царствии Божием, и услышал от Него ответ: «… истинно говорю тебе, ныне же будешь со Мною в раю» (см. Лк. 23:39–43).

Притча «О семени, возрастающем в земле неприметным образом» (Мк. 4:26–29). Неисповедимы пути Божии, и как писал русский поэт Ф. Тютчев: «Нам не дано предугадать, / Как слово наше отзовется…» [16]. Просветитель редко когда может увидеть плоды своих трудов в новоначальных. Поэтому задача проповедника – сеять и сеять. А когда и как взойдет семя веры в душе и сердце просвещаемого человека знает Бог. Это семя, с Божией помощью, постепенно меняет мироощущение и ценности человека, обращает лицо его к Господу. Часто просветление приходит в моменты скорби и трагедий, когда человеку не к кому обратиться за помощью, кроме как к Самому Богу, когда у человека возникает желание начать «новую жизнь».

Перейдем к рассмотрению значения псалмов (творений ветхозаветного времени) в духовном просвещении общества.

Псалмы играли и продолжают играть важнейшую роль в духовно-нравственном просвещении людей. Они являют как образец молитвы – беседы с Богом, так и образец качеств и действий верующего человека. Недаром освоение грамоты (грамотности) на Руси (с X в.) и в Российской империи (до 1917 г.), как правило, начиналось с освоения учеником чтения Псалтири.

Начнем с времени ветхозаветного, когда Псалтирь стала носителем и средством распространения религиозной мудрости и Божественного Откровения, в частности, через царя Соломона: «… даю тебе сердце мудрое и разумное, так что подобного тебе не было прежде тебя, и после тебя не восстанет подобный тебе» (3Цар. 3:12), еще: «дал Бог Соломону мудрость и весьма великий разум, и обширный ум» (3Цар. 4:29). Именно во времена царствования Соломона, религиозное просвещение стало наиболее выраженным, когда Сам Яхве общался с ним: «было слово Господа к Соломону» (3Цар. 6:11). Строительство храма приковало внимание многих людей с Израильскому Богу Яхве, тем более по молитвам мудрого царя: «услышь с неба, с места обитания Твоего, и сделай все, о чем будет взывать к Тебе иноплеменник, чтобы все народы земли знали имя Твое, чтобы боялись Тебя, как народ Твой Израиль, чтобы знали, что именем Твоим называется храм сей» (3Цар. 8:43) и «чтобы все народы познали, что Господь есть Бог и нет кроме Его» (3Цар. 8:60).

Рассмотрим тексты некоторых псалмов более конкретно. Понятно, что разобрать стихи псалмов подробно и в достаточной степени в заданном формате (статьи) невозможно, поэтому остановимся только на некоторых из них (и то – фрагментарно), которые полагаются автором как значимые для раскрытия темы настоящего исследования.

Вот какие темы воспеваются в Псалтири и служат духовно-нравственному просвещению «вселенной».

Псалом 17-й в стихе 50 поднимает тему прославления Бога, при этом не только среди евреев, но и «между иноплеменниками», то есть подчеркивает необходимость просвещения не только своего (израильского) народа, но и всех народов его окружающих.

Пс. 18-й раскрывает тему общего Откровения. Откровения Бога через проявления созданной Им природы являются наиболее доступными для просвещения человека, доступными для всех людей независимо от этнической принадлежности или вероисповедания. Так, важную роль играют стихи 2–5 этого псалма: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь. День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание. Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их. По всей земле проходит звук их, и до пределов вселенной слова их».

Обращаясь к Пс. 21, мы видим три основные темы: 1. о помощи Божией в критических (кризисных) ситуациях жизни человека (ст. 20–22); 2. о возвещении имени Божиего единоверцам («братьям моим») и восхвалении Божиего имени (ст. 23); 3. о владычестве Единого Бога над всеми народами и поклонении Ему всех языческих народов, а не только одних евреев, как народа избранного (ст. 28–29).

Псалом 32 содержит пять ключевых тем: 1. прославления Бога (ст. 1–3, именно эта тема является началом и окончанием процесса духовного просвещения); 2. результатов творения Божиего и некоторых Его качеств (ст. 4–9); 3. промысла Божиего среди разных народов (ст. 10–15); 4. спасения не силой и властью земной, но милостью Божией (ст. 16–19); 5. упования на Бога, получение помощи и защиты от Него (ст. 20–22).

Стих: «Приклоню ухо мое к притче, на гуслях открою загадку мою» (Пс. 48:5) раскрывает форму просвещения – притчу и вид донесения Истины до слушателя – пение псалмов под игру на гуслях (музыкальном инструменте).

В то же время, стих 15 покаянного 50-го псалма показывает обязанность ведения просвещения, принимаемую самим просветителем и результаты его трудов (хотя, зачастую, как уже отмечалось выше, проявляющиеся далеко не сразу после факта «научения»): «Научу беззаконных путям Твоим, и нечестивые к Тебе обратятся».

В псалме 56 псалмопевец вновь поднимает тему прославления Господа во всех народах за Его милость и величие Истины Его: «Буду славить Тебя, Господи, между народами; буду воспевать Тебя среди племен, ибо до небес велика милость Твоя и до облаков истина Твоя» (Пс. 56:10–11).

Православный священник, миссионер и просветитель Лука Веронис (Veronis Luke A., Fr., США) показывает, что псалом 66-ой говорит о благословении людей к познанию пути Спасения и путей Божиих в целом. Отец Лука констатирует: «мы видим благословение, а следом за благословением приходит ответственность поделиться этим благословением с другими» [18], то есть началу деяний человека по духовно-нравственному просвещению окружающих его людей.

Характерен для дела духовно-нравственного просвещения Пс. 116, состоящий всего из двух строк: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте Его, все племена; ибо велика милость Его к нам, и истина Господня вовек. Аллилуия» (Пс. 116:1–2). Псалом, который снова возвращает верующего человека к главному делу его жизни – восхвалению Бога в его вечной милости и Истине. То есть, к живому плоду устремления к духовному познанию, просвещению и об*о*жению.

Псалом 118 научает человека путям к жизни в «блаженстве» при знании Слова Божиего, подчинении Закону Божию и размышлению о нем (ст. 1–8,11,97). Последний стих этого псалма: «Я заблудился, как овца потерянная: взыщи раба Твоего, ибо я заповедей Твоих не забыл» (Пс. 118:176), призывает Бога к помощи верующим, которые помнят Его заповеди.

Предостерегают псалмы от идолопоклонства и лжерелигий. О том говорят, например, Пс. 30:7, 95:5, 97:7 и 134:15–18. В последнем сказано: «Идолы язычников – серебро и золото, дело рук человеческих: есть у них уста, но не говорят; есть у них глаза, но не видят; есть у них уши, но не слышат, и нет дыхания в устах их. Подобны им будут делающие их и всякий, кто надеется на них» (Пс. 134:15–18).

Можно приводить еще множество подобных примеров из Книги Псалтирь.

Выводы

1. Фундаментальной основой духовно-просветительской деятельности Православной Церкви является волеизъявление Пресвятой Троицы, явленное на Предвечном Совете.

2. Ветхозаветное просветительское служение началось в эпоху пророков.

3. Христианское воцерковление пришло в мир с началом земного просветительского служения Вочеловечившегося Господа Иисуса Христа. Апостольское же и церковное духовно-нравственное просвещение уходит корнями в Ветхозаветный пророческий период Библейской истории.

4. Духовно-нравственное просвещение народов, на основе получения просветителями разнообразных даров Духа Святого, невозможно без постоянного и внимательного обращения к Богодухновенным текстам Священного Писания и творениям Святых Отцов Церкви.

Литература

1. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями [Текст]: в синодальном переводе. – М.: Никея, 2016. – URL: https://azbyka.ru/biblia/?r (дата обращения: 15.12.2025).

2. Блаженный Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский. Толкование на послание к Ефесянам святого апостола Павла. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-efesjanam/4 (дата обращения: 15.12.2025).

3. Блаженный Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский. Толкование на послание к Римлянам святого апостола Павла. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-rimljanam-svjatogo-apostola-pavla/12 (дата обращения: 15.12.2025).

4. Блаженный Феофилакт Болгарский, архиепископ Охридский. Толкование на 1-е послание к Коринфянам святого апостола Павла. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-korinfjanam/12 (дата обращения: 15.12.2025).

5. Догматическое богословие: Уч. пособие / Протоиерей Олег Давыденков. – М.: Изд. ПСТГУ, 2017.

6. Миссиология: учебное пособие / (отв. ред. священник, канд. богословия А. Гинкель). – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/missiologija-uchebnoe-posobie/1 (дата обращения: 15.12.2025).

7. Николай (Пачуашвили), митр. Ветхий Завет о миссионерстве. // Богословие, история и практика миссий: Альманах миссионерского факультета. – М.: Изд. ПСТГУ, 2010. Вып. 1.

8. Николай (Пачуашвили), митр. Миссионерское служение пророка Ионы и наследие святых отцов древней Церкви: Миссиологический и экзегетический аспекты / митрополит Николай (Пачуашвили). – М.: Изд. ПСТГУ, 2022.

9. Пархоменко Константин, свящ. Толкование всех притч Христовых. – URL: https://azbyka.ru/forum/xfa-blog-entry/tolkovanie-vsex-pritch-xristovyx-1.1879/ (дата обращения: 15.12.2025).

10. Ристо, А. Миссия в новом тысячелетии: теологические основы мировой миссии / Ристо А. Ахонен; пер. с англ. И.В. Угловского; под ред. В.И. Смирнова. – СПб: Изд. «Светоч», 2005.

11. Смулов, А.М. Кирилло-Мефодиевская миссионерская традиция: принципы, формы и методы православной миссии. – М.: Изд. «Перо», 2018.

12. Толкования на Апостола Павла 1-е послание к Коринфянам 12:28. Свт Иоанн Златоуст. – URL: https://azbyka.ru/biblia/in/?1Cor.12:28 (дата обращения: 15.12.2025).

13. Толкования на Апостола Павла 1-е послание к Коринфянам 12:8. Толковая Библия А.П. Лопухина. – URL: https://azbyka.ru/biblia/in/?1Cor.12:8&r (дата обращения: 15.12.2025).

14. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 7 т. / Под ред. проф. А.П. Лопухина. – Изд. 4-е. – Москва: Даръ, 2009. / Т. 3: Исторические книги. Учительные книги. / Книга притчей Соломоновых. Толкование на книгу притчей Соломоновых. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_23/ (дата обращения: 15.12.2025).

15. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: В 7 т. / Под ред. проф. А.П. Лопухина. – Изд. 4-е. – Москва: Даръ, 2009. / Т. 3: Исторические книги. Учительные книги. / Книга Премудрости Соломона. Толкование на книгу Премудрости Соломона. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovanie-na-knigu-premudrosti-solomona/ (дата обращения: 15.12.2025).

16. Тютчев, Федор. Нам не дано предугадать… – URL: https://www.culture.ru/poems/46319/nam-ne-dano-predugadat (дата обращения: 15.12.2025).

17. Энциклопедия изречений Святых отцов и учителей Церкви по различным вопросам духовной жизни. Обязанность проповедовать. Святитель Димитрий Ростовский (Туптало). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/entsiklopedija-izrechenij-svjatyh-ottsov-i-uchitelej-tserkvi-po-razlichnym-voprosam-duhovnoj-zhizni/58 (дата обращения: 15.12.2025).

18. Veronis, Luke A., Fr. A Biblical Foundation for Evangelism: from Genesis to Revelation. – URL: https://missions.hchc.edu/articles/articles/a-biblical-foundation-for-evangelism (дата обращения: 15.12.2025).

OLD TESTAMENT PROPHETS, THE GIFTS OF THE HOLY SPIRIT, AND BIBLICAL SOURCES OF HUMAN ENLIGHTENMENT

Smulov A.M.
St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities

Modern Russian society should build its spiritual and moral revival on the basis of careful attention to traditional Christian (Orthodox) values: the Holy Scriptures and the Patristic heritage. The article shows the personal spiritual and moral qualities of the Old Testament enlightenment prophets, provides some important principles of enlightenment ministry, and reveals the original role of the Holy Trinity in such human ministry. The gifts of God, the Holy Spirit, received by preachers for the spiritual and moral enlightenment of believers and non-believers are indicated. It is shown that modern educational (evangelistic) ministry has its roots in the ministry of the Old Testament prophets and personally of the Lord Jesus Christ in his earthly life. Attention is paid to such educational means that are accessible to any person, such as parables and the texts of the Psalter.

Keywords: spiritual and moral enlightenment, Holy Scripture, Patristic heritage, Old Testament prophets, principles of educational ministry, personal qualities of evangelists, parables, texts of the Psalter

References

1. Bibliia. [The Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments with parallel passages and appendices [Text]: in Synodal translation]. Moscow: Nicea, 2016. – URL: https://azbyka.ru/biblia/?r (accessed: 15.12.2025).

2. Blessed Theophylact of Bulgaria, Archbishop of Ohrid. The interpretation of the Epistle to the Ephesians of St. Paul the Apostle. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-efesjanam/4 (accessed: 15.12.2025).

3. Blessed Theophylact of Bulgaria, Archbishop of Ohrid. The interpretation of the Epistle to the Romans by St. Paul the Apostle. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-poslanie-k-rimljanam-svjatogo-apostola-pavla/12 (accessed: 15.12.2025).

4. Blessed Theophylact of Bulgaria, Archbishop of Ohrid. The interpretation of St. Paul's 1st Epistle to the Corinthians. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-pervoe-poslanie-k-korinfjanam/12 (accessed: 15.12.2025).

5. Dogmatic theology: a textbook / Archpriest Oleg Davydenkov. Moscow: PSTGU Publ., 2017.

6. Missiology: a textbook / (Rev. ed. theology of A. Ginkel). – 2nd ed., ispr. and add]. – Moscow: Missionary Department of the Russian Orthodox Church, 2010. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/missiologija-uchebnoe-posobie/1 (accessed: 15.12.2025).

7. Nikolai (Pachuashvili), mitr. The Old Testament of missionary work. / Theology, history and practice of missions: An Almanac of the Missionary Faculty. Moscow: PSTGU Publ., 2010. Issue 1.

8. Nikolay (Pachuashvili), mitr. The Missionary ministry of the Prophet Jonah and the Legacy of the Holy Fathers of the Ancient Church: Missiological and Exegetical Aspects / Metropolitan Nicholas (Pachuashvili). Moscow: PSTGU Publ., 2022.

9. Konstantin Parkhomenko, the Holy. The interpretation of all the parables of Christ. – URL: https://azbyka.ru/forum/xfa-blog-entry/tolkovanie-vsex-pritch-xristovyx-1.1879 / (accessed: 15.12.2025).

10. Risto, A. Mission in the new Millennium: the theological foundations of the world mission. / Risto A. Akhonen; translated from English by I.V. Uglovsky; edited by V.I. Smirnov. – St. Petersburg: "Svetoch" Publ., 2005.

11. Smulov, A.M. Cyril and Methodius Missionary tradition: Principles, forms and methods of Orthodox Mission. Moscow: "Pero" Publ., 2018.

12. Interpretations of the Apostle Paul 1 Corinthians 12:28. St. John Chrysostom. – URL: https://azbyka.ru/biblia/in /?1Cor.12:28 (accessed: 15.12.2025).

13. Interpretations of the Apostle Paul in 1 Corinthians 12:8. The Explanatory Bible by A.P. Lopukhin. – URL: https://azbyka.ru/biblia/in/?1Cor.12:8&r (accessed: 15.12.2025).

14. The Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of Writings of the Old and New Testaments: In 7 volumes / Edited by prof. A.P. Lopukhin. – 4th ed. – Moscow: Dar, 2009. / Vol. 3: Historical books. Educational books. / The Book of Proverbs of Solomon. Interpretation of the Book of Proverbs of Solomon. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovaja_biblija_23 / (accessed: 15.12.2025).

15. The Explanatory Bible, or Commentaries on all the books of Writings of the Old and New Testaments: In 7 volumes / Edited by prof. A.P. Lopukhin. – 4th ed. – Moscow: Dar, 2009. / Vol. 3: Historical books. Educational books. / The Book of Wisdom of Solomon. Interpretation of the Book of Wisdom of Solomon. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Lopuhin/tolkovanie-na-knigu-premudrosti-solomona / (accessed: 15.12.2025).

16. Tyutchev, Fyodor. We can't predict… – URL: https://www.culture.ru/poems/46319/nam-ne-dano-predugadat (accessed: 15.12.2025).

17. Encyclopedia of sayings of the Holy Fathers and teachers of the Church on various issues of spiritual life. The duty to preach. St. Demetrius of Rostov (Tuptalo). – URL: https://azbyka.ru/otechnik/prochee/entsiklopedija-izrechenij-svjatyh-ottsov-i-uchitelej-tserkvi-po-razlichnym-voprosam-duhovnoj-zhizni/58 (accessed: 15.12.2025).

18. Veronis, Luka A., priest. The Biblical Basis of Evangelization: from Genesis to Revelation. – URL: https://missions.hchc.edu/articles/articles/a-biblical-foundation-for-evangelism (accessed: 15.12.2025).

Институты БРИКС в сфере гражданской авиации: вызовы реализации и политические инструменты повышения эффективности

Зрянин Дмитрий Сергеевич,
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: zryanind@gmail.com

Формирование полицентричного миропорядка актуализирует исследование роли новых международных институтов в обеспечении суверенитета в критических отраслях. Гражданская авиация представляет собой ключевой кейс для анализа возможностей и ограничений институционального строительства в рамках БРИКС в условиях внешнего давления. Цель исследования – выявить институциональные вызовы и предложить политико-управленческие инструменты для повышения операционной эффективности сотрудничества стран БРИКС в данной сфере. На основе методов институционального анализа, контент-анализа документов и кейс-стади проведено исследование эволюции институциональной архитектуры БРИКС. Результаты демонстрируют наличие комплексной институциональной иерархии и выраженных стремлений участников, закреплённой в документах 2019–2025 гг. В то же время выявлены особенности реализации: наблюдается разноскоростной характер институционализации, при котором создание конкретных рабочих инструментов в гражданской авиации сопряжено с более значительными вызовами по сравнению со смежными областями (логистика, образование). В заключении обосновывается необходимость разработки специализированных политических инструментов для преодоления данных вызовов, в частности, создания рабочих групп по конкретным проектам, таких как инициатива по разработке цифровой платформы взаиморасчётов (BRICS Air Clearing).

Ключевые слова: БРИКС, гражданская авиация, транспортный суверенитет, международные политические институты, институциональный анализ, сравнительная политология, полицентризм.

Введение

Полицентрическая трансформация миропорядка ставит перед исследователями вопрос о способности новых центров силы формировать устойчивые отраслевые режимы сотрудничества. Гражданская авиация, будучи стратегической и глубоко интегрированной в глобальные цепочки создания стоимости, представляет собой репрезентативное поле для изучения динамики институционального строительства в рамках таких объединений, как БРИКС. Для стран-участниц, и в особенности для Российской Федерации, санкционное давление 2022 года, выразившееся в ограничении доступа к сервисам Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA), придало сотрудничеству в авиации характер не только стратегической перспективы, но и операционной необходимости [1, с. 5].

Научная проблема заключается в необходимости осмысления факторов, определяющих эффективность политических институтов БРИКС в условиях, когда декларативные установки высокого уровня требуют трансляции в конкретные рабочие механизмы. Несмотря на внимание исследователей к экономическому и политическому измерению БРИКС [2, с. 48], вопросы сравнительной эффективности его отраслевых институтов, специфики их операционализации в сложных секторах (таких как авиация) и инструментов повышения их результативности изучены недостаточно глубоко.

Цель исследования – выявить институциональные вызовы и предложить политико-управленческие инструменты для повышения операционной эффективности сотрудничества стран БРИКС в сфере гражданской авиации.

Задачи исследования:

1. Проанализировать ключевые внешние и внутренние вызовы, формирующие контекст для сотрудничества в гражданской авиации в рамках БРИКС.
2. Провести институциональный анализ архитектуры и эволюции сотрудничества БРИКС в транспортной и авиационной сферах.
3. На основе сравнительного анализа выявить особенности и вызовы операционализации институтов БРИКС именно в сегменте гражданской авиации.
4. Предложить конкретные политические инструменты, направленные на повышение эффективности работы институтов БРИКС в данной области.

Гипотеза: Повышение операционной эффективности институтов БРИКС в высокотехнологичных и регулируемых секторах, подобных гражданской авиации, требует разработки специализированных политических инструментов (таких как целевые рабочие группы с чёткими мандатами), обеспечивающих перевод стратегических целей в фазу пилотной реализации [3, с. 56].

Объект исследования – система многостороннего сотрудничества стран БРИКС в сфере транспорта и гражданской авиации. **Предмет исследования** – эффективность политических институтов БРИКС (Комиссия по авиационному транспорту, Комиссия по развитию авиастроения) как инструментов обеспечения транспортного суверенитета и их способность к операционной реализации поставленных задач [4, с. 18].

Теоретико-методологическая основа исследования базируется на **институциональном подходе**, который является ключевым для анализа трансформации и эффективности международных политических структур [5, с. 90]. В рамках данного подхода применяются:

- **Институциональный анализ** для изучения структуры, функций, мандатов и практик политических институтов БРИКС [6, с. 102].
- **Контент-анализ** текстовых документов: деклараций саммитов БРИКС (2019–2025), положений о комиссиях, аналитических докладов (РСПП, 2022), материалов отраслевых СМИ [1, с. 12].
- **Кейс-стади** процесса сотрудничества в гражданской авиации в рамках БРИКС, включая анализ конкретных прецедентов (кейс взаимодействия авиакомпаний I-Fly и «Аэрофлот»).

• **Сравнительный анализ** привлекается для контекстуализации процессов и выявления специфики институционализации в смежных секторах (логистика, образование) внутри БРИКС [7, с. 124].

1. Внешние и внутренние вызовы как контекст институционального строительства

Сотрудничество в сфере гражданской авиации в рамках БРИКС развивается в условиях действия двух групп взаимосвязанных вызовов: внешнего давления, приводящего к системной дезинтеграции, и внутренних структурных ограничений национальных отраслей.

1.1. Системная дезинтеграция: вызов отключения от глобальных институтов. Введение ограничительных мер против Российской Федерации привело к блокировке доступа авиакомпаний к инструментам Международной ассоциации воздушного транспорта (IATA). Это затронуло ключевые финансово-логистические системы: IATA Clearing House (ICH), систему взаиморасчётов в национальных валютах (ICCS), а также платформы BSP и CASS, обеспечивающие взаимодействие авиакомпаний, турагентов и грузоперевозчиков [8, с. 110]. Данная ситуация продемонстрировала уязвимость, связанную с зависимостью от частных наднациональных институтов, де-факто выполняющих регуляторные функции. Как следствие, возник запрос на поиск альтернативных механизмов, что было отражено в аналитическом докладе Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) уже в 2022 году, указавшем на необходимость создания «альтернативных механизмов сотрудничества в транспортно-логистической сфере, независимых от западных институтов» [1, с. 15]. Политическое измерение подобных санкций как инструмента давления на глобальные транспортные системы также отмечается в современных исследованиях [9, с. 36].

1.2. Структурные дефициты и адаптация национального регулирования. Параллельно с институциональным вызовом российская авиационная отрасль столкнулась с проблемой сохранения парка воздушных судов (ВС) в условиях санкций, включая требования о досрочном возврате ВС иностранными лизингодателями [10, с. 114]. Ответом стали оперативные меры по адаптации национального законодательства в 2022 году, позволившие перерегистрацию иностранных ВС и временное приостановление их вывоза [11]. Эта правовая адаптация создала основу для последующих шагов. Так, в 2024 году, после внесения соответствующих изменений в Федеральные авиационные правила, был реализован практический кейс взаимодействия авиакомпании I-Fly и «Аэрофлота» по схеме, близкой к «мокрому лизингу», для выполнения внутренних рейсов [12]. Данный пример иллюстрирует, во-первых, операционный потенциал инструментов, связанных с допуском иностранных перевозчиков (каботаж), что является предметом специальных правовых исследований [13, с. 107], а во-вторых, естественные **ограничения двусторонних форматов**, требующих индивидуальных переговоров и не формирующих универсального многостороннего подхода. Взаимодействие государства и бизнес-структур в поиске подобных решений является характерной чертой современной транспортной политики [14, с. 92].

2. Институциональная архитектура БРИКС: иерархия, эволюция и сравнительная динамика

Ответом на совокупность вызовов стало активное развитие институциональной структуры БРИКС, характеризующееся, однако, разной динамикой в различных секторах.

2.1. Эволюция нормативно-политической базы: от общего видения к конкретным директивам. Интерес к сотрудничеству в авиации был зафиксирован в документах БРИКС ещё на саммите 2019 года, где отмечался Меморандум о взаимопонимании по региональной авиации [15, п. 11]. Санкционный кризис 2022 года придал этому направлению новое, практическое звучание. Казанская декларация 2024 года содержит уже конкретные поручения, созвучные вызовам отрасли: развитие использования национальных валют, изучение возможности создания независимой трансграничной расчетно-депозитарной инфраструктуры BRICS Clear, а также формирование эффективной и устойчивой транспортной системы [16, п. 65, 66, 92]. В мае 2025 года министры транспорта стран БРИКС в совместной декларации констатировали «недопустимость односторонних санкций и ограничений в сфере транспорта» [17], что можно рассматривать как консолидированную политическую оценку сложившегося контекста. Динамика и внутренние противоречия институционального развития БРИКС в этот период стали предметом академического анализа [2, с. 52].

2.2. Многоуровневая институциональная структура. Для реализации поставленных целей в рамках БРИКС сформирована многоуровневая структура:

1. **Координирующий уровень:** Комиссия ЭСВУ БРИКС по транспорту.

2. **Отраслевой уровень:** Комиссия по авиационному транспорту и Комиссия по развитию авиастроения БРИКС. Мандат первой, согласно её положению, включает достижение устойчивого экономического развития воздушного транспорта, формирование условий для доступа к рынкам и развитие финансового обеспечения инфраструктуры [18].

3. **Деловой и экспертный уровень:** Подгруппа по логистике Делового совета БРИКС, а также академические и образовательные институты. «Мягкая сила» инфраструктурных инициатив БРИКС, включая транспортные, также анализируется в политологическом ключе [19, с. 170].

2.3. Сравнительная динамика институционализации: логистика и образование как референтные точки. Сравнительный анализ позволяет выявить особенность текущего этапа: в то время как в авиации работа сосредоточена в рамках комиссий, в смежных сферах процесс продвинулся к созданию более операционных форматов. В феврале 2025 года в рамках Подгруппы по логистике была создана **Рабочая группа по блокчейну**, ориентированная на разработку конкретных цифровых решений [20]. Аналогично, на уровне отраслевого образования Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации (СПбГУ ГА) разработал детальную **дорожную карту** по реализации повестки БРИКС на 2025–2027 годы [21]. Таким образом, наблюдается **разноскоростная институционализация**: при общих стратегических установках, создание конкретных рабочих инструментов и дорожных карт в логистике и образовании опережает аналогичные процессы в гражданской авиации, где ключевые вопросы – создание платформы взаиморасчётов (аналог IATA Clearing House) и выработка многосторонних договорённостей – остаются преимущественно в поле экспертных дискуссий (инициатива «БРИКС ИАТА», озвученная на РИФ-2025 [22]). Подобный дисбаланс в темпах реализации может рассматриваться как проявление общих вызовов эффективности, присущих молодым многосторонним институтам в условиях сложной координации [3, с. 60].

3. Политические инструменты для повышения операционной эффективности

Преодоление выявленных особенностей и вызовов реализации требует перехода от общего стратегического планирования к разработке специализированных политических инструментов, обеспечивающих операционализацию целей.

3.1. Принцип целевых рабочих групп как успешная внутренняя модель. Опыт БРИКС уже содержит эффективный шаблон для решения подобных задач – создание узкоспециализированных рабочих групп с конкретным мандатом (как в случае с логистикой). Применение этой модели к сфере гражданской авиации позволило бы сфокусировать усилия на решении отдельных, но критически важных проблем. Политические инструменты подобного проектного типа успешно применяются и в рамках других многосторонних объединений, например, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [6, с. 95].

3.2. Конкретные предложения по инструментарию.

1. **Создание целевых рабочих органов.** В рамках или под эгидой Комиссии по авиационному транспорту БРИКС целесообразно инициировать создание **Рабочей группы по разработке пилотной цифровой платформы BRICS Air Clearing**. Её задачей должна стать проработка технико-экономического обоснования и архитектуры системы многосторонних взаиморасчётов между авиакомпаниями БРИКС с использованием национальных валют. Цифровизация признаётся действенным инструментом политического влияния и повышения эффективности в сфере транспортных коридоров [23, с. 125].

2. **Разработка типовых договорённостей.** Параллельно может быть создана экспертная группа для разработки **типового многостороннего соглашения о «свободах воздуха» для стран БРИКС**. Такой документ, будучи рамочным, упростил бы последующие двусторонние или многосторонние переговоры по конкретным маршрутам, снизив транзакционные издержки.

3. **Формирование публичной дорожной карты.** По аналогии с практикой СПбГУ ГА, Комиссии по авиатранспорту могла бы способствовать разработке и принятию публичного документа – «Дорожной карты по развитию сотрудничества в гражданской авиации БРИКС», фиксирующей этапы, зоны ответственности и ожидаемые результаты по ключевым направлениям.

4. **Использование потенциала смежных институтов.** Учитывая перекрёстный характер задач (финансы, технологии, право), работа по указанным направлениям может вестись в формате **межкомиссионного взаимодействия** (Комиссия по авиатранспорту, Комиссия по авиастроению, эксперты по финансовому сотрудничеству), что соответствует логике современного политического управления сложными проектами.

3.3. Ожидаемый эффект. Реализация данного подхода позволит трансформировать работу институтов БРИКС в гражданской авиации, добавив к их стратегической и координационной функции **проектно-**

реализационную составляющую. Создание рабочих групп по конкретным продуктам (платформа, соглашение) позволит перейти от обсуждения принципов к фазе прототипирования и пилотирования, что является ключевым шагом для формирования полноценного отраслевого режима сотрудничества, альтернативного существующим западным институтам [24].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов относительно роли и потенциала политических институтов БРИКС в сфере гражданской авиации. Во-первых, к настоящему моменту в рамках объединения создана развитая институциональная архитектура и сформулирована чёткая политическая воля к сотрудничеству в ответ на вызовы времени. Во-вторых, процесс реализации этой воли характеризуется **разноскоростной динамикой**: создание конкретных рабочих инструментов в гражданской авиации сопряжено с объективно более высокими барьерами (технологическая сложность, жёсткое регулирование, необходимость гармонизации интересов множества игроков) по сравнению со смежными секторами. Это указывает на специфику сектора, требующую специальных решений. В-третьих, сама институциональная система БРИКС уже выработала практические форматы для преодоления подобных барьеров (целевые рабочие группы, дорожные карты), которые могут быть адаптированы и применены в авиации.

Таким образом, **основной вывод** заключается в том, что повышение операционной эффективности сотрудничества в высокотехнологичных и регулируемых секторах в рамках БРИКС требует разработки и внедрения **специализированных политических инструментов проектного типа**. Предложенные меры (создание рабочей группы по BRICS Air Clearing, разработка типового соглашения, формирование дорожной карты) представляют собой практический путь для перевода стратегического позиционирования в плоскость конкретных, пусть и первоначально пилотных, проектов. Такой подход позволяет аккумулировать экспертизу, снизить транзакционные издержки многосторонних согласований и создать основу для формирования устойчивых практик взаимодействия, что соответствует глобальному тренду переосмысления моделей управления в пост-западном мире [25].

Практическая значимость работы заключается в формулировке конкретных, институционально обоснованных предложений для национальных органов власти и представителей в структурах БРИКС, направленных на совершенствование механизмов многостороннего сотрудничества. **Перспективой дальнейших исследований** может стать мониторинг реализации подобных инициатив, а также сравнительный анализ моделей отраслевого институционального строительства в БРИКС и других многосторонних объединениях.

Литература

1. Михневич С.В. Укрепляя международные позиции БРИКС: межгосударственное сотрудничество, диалог с бизнесом и перспективы развития: Аналитический доклад. М.: РСПП, 2022. 45 с.
2. Панов П.В., Кузнецова М.А. Институциональное измерение БРИКС: динамика и противоречия // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 45–62.
3. Смирнова М.Д. Институциональная архитектура БРИКС в условиях полицентричности: вызовы эффективности // Политическая наука. 2023. № 4. С. 45–67.
4. Иванов А.Ю. Транспортный суверенитет в условиях полицентричности мировой экономики: концептуальные подходы // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 12. С. 15–27.
5. Кузнецов В.И., Петрова Е.С. Политические инструменты многостороннего сотрудничества: опыт БРИКС и ШОС // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2(78). С. 88–104.
6. Бордунов В.Д. Международное воздушное право: учебное пособие. М.: НОУ ВКШ «Авиабизнес»; изд-во «Научная книга», 2006. 464 с.
7. Тарасов И.Н. Технологический суверенитет как фактор внешней политики: сравнительный анализ // Международные процессы. 2022. Т. 20. № 3(66). С. 124–143.
8. Николаев Р.В. Сравнительный анализ отраслевых ассоциаций в мировой авиации: IATA как частный регулятор // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 1(88). С. 102–120.
9. Федорова Л.А. Политическое измерение санкций в глобальных транспортных системах // Социально-политические науки. 2024. № 1. С. 33–41.
10. Попов И.В. Проблема лизинга иностранных воздушных судов на территории Российской Федерации // Актуальные вопросы права. 2022. № 4. С. 112–118.
11. Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 № 412 «Об утверждении особенностей исполнения договоров финансовой аренды (лизинга), договоров аренды иностранных воздушных судов…» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 12. Ст. 1876.
12. По данным отраслевой аналитики: Авиационная платформа [Электронный ресурс]. URL: https://aviatp.ru (дата обращения: 04.12.2024).
13. Халилов З.З. Вопросы правового регулирования каботажа во внутригосударственных актах: сравнительный анализ // Московский журнал международного права. 2013. № 3(91). С. 104–117.
14. Коваленко Т.С. Анализ взаимодействия государственных и бизнес-структур в формировании транспортной политики // Полития. 2023. № 4(111). С. 87–105.
15. Brasilia Declaration by the BRICS Leaders. 2019. P. 11 [Электронный ресурс]. URL: https://initiative.leader-ea.su/wp-content/uploads/2022/07/Декларация-Бразилиа.pdf (дата обращения: 04.12.2024).
16. Казанская декларация БРИКС (2024) [Электронный ресурс]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAm (дата обращения: 04.12.2024).
17. БРИКС-2025: Россия представила свой транспортный вектор // Прайм. 2025. 16 мая [Электронный ресурс]. URL: https://infobrics.org/ru/post/68315 (дата обращения: 04.12.2024).
18. Положение о Комиссии по авиационному транспорту БРИКС [Электронный ресурс]. URL: https://brics-expert.info/commission-work/481/ (дата обращения: 04.12.2024).
19. Давыдов А.С. «Мягкая сила» инфраструктурных проектов БРИКС: политико-экономический аспект // Контуры глобальных трансформаций. 2023. Т. 16. № 6. С. 167–189.
20. Первое заседание Подгруппы по логистике Делового совета БРИКС прошло в Москве // InfoBRIC S. 2025. 12 февр. [Электронный ресурс]. URL: https://infobrics.org/ru/post/62256 (дата обращения: 04.12.2024).
21. Дорожная карта СПбГУ ГА по реализации повестки БРИКС в сфере авиации на 2025–2027 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://spbguga.ru/news/briks/ (дата обращения: 04.12.2024).
22. Гаврилов С.И., Мельникова А.А. Цифровизация как инструмент политического влияния: кейс транспортных коридоров // Политические исследования (ПОЛИС). 2024. № 2. С. 119–137.
23. Журавлева О.Н. Гражданская авиация в системе национальной безопасности: новые вызовы и правовые ответы // Право и политика. 2022. № 11. С. 60–75.
24. Beeson M., Zeng J. BRICS and Global Governance in a Post-Western World // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 10. P. 2347–2365.
25. IATA. Annual Review 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.iata.org/ (дата обращения: 04.12.2024).
26. ICAO. Policy and Guidance Material on the Economic Regulation of International Air Transport (Doc 9587). 2021.

BRICS INSTITUTIONS IN CIVIL AVIATION: IMPLEMENTATION CHALLENGES AND POLITICAL TOOLS FOR ENHANCING EFFECTIVENESS

Zryanin D.S.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

The formation of a polycentric world order actualizes the study of the role of new international institutions in ensuring sovereignty in critical industries. Civil aviation is a key case for analyzing the opportunities and limitations of institutional building within BRICS under external pressure. The aim of the study is to identify institutional challenges and propose political and managerial tools to enhance the operational effectiveness of BRICS countries' cooperation in this area. Using methods of institutional analysis, content analysis of documents, and case studies, the evolution of the BRICS institutional architecture is examined. The results demonstrate the existence of a comprehensive institutional hierarchy and a pronounced political will enshrined in documents from 2019–2025. At the same time, implementation features are identified: a multi-speed nature of institutionalization is observed, where the creation of specific working tools in civil aviation faces more significant challenges compared to related areas (logistics, education). In conclusion, the necessity of developing specialized political instruments to overcome these challenges is substantiated, in particular, the creation of working groups on specific projects, such as the initiative to develop a digital settlement platform (BRICS Air Clearing).

Keywords: BRICS, civil aviation, transport sovereignty, international political institutions, institutional analysis, comparative politics, polycentrism.

References

1. Mikhnevich S.V. Strengthening the International Position of BRICS: Interstate Cooperation, Dialogue with Business, and Development Prospects: Analytical Report. Moscow: RSPP, 2022. 45 p.

2. Panov P.V., Kuznetsova M.A. The Institutional Dimension of BRICS: Dynamics and Contradictions // RUDN University Bulletin. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. No. 1. pp. 45–62.

3. Smirnova M.D. BRICS Institutional Architecture in the Context of Polycentricity: Challenges to Efficiency // Political Science. 2023. No. 4. pp. 45–67.

4. Ivanov A. Yu. Transport Sovereignty in the Context of a Polycentric Global Economy: Conceptual Approaches // World Economy and International Relations. 2023. Vol. 67. No. 12. Pp. 15–27.

5. Kuznetsov V.I., Petrova E.S. Political Instruments of Multilateral Cooperation: The Experience of BRICS and SCO // Voprosy politologii. 2024. Vol. 14. No. 2(78). Pp. 88–104.

6. Bordunov V.D. International Air Law: A Textbook. Moscow: NOU VKS "Aviabusiness"; Nauchnaya kniga Publishing House, 2006. 464 p.

7. Tarasov I.N. Technological Sovereignty as a Foreign Policy Factor: A Comparative Analysis // Mezhdunarodnye protsessy. 2022. Vol. 20. No. 3(66). Pp. 124–143.

8. Nikolaev R.V. Comparative Analysis of Industry Associations in Global Aviation: IATA as a Private Regulator // MGIMO University Bulletin. 2023. No. 1(88). Pp. 102–120.

9. Fedorova L.A. Political Dimension of Sanctions in Global Transport Systems // Socio-Political Sciences. 2024. No. 1. Pp. 33–41.

10. Popov I.V. The Problem of Leasing Foreign Aircraft in the Russian Federation // Current Issues of Law. 2022. No. 4. Pp. 112–118.

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of March 19, 2022 No. 412 "On Approval of the Specifics of the Performance of Financial Lease (Leasing) Agreements, Lease Agreements for Foreign Aircraft…" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 12. Art. 1876.

12. According to industry analytics: Aviation platform [Electronic resource]. URL: https://aviatp.ru (date of access: 04.12.2024).

13. Khalilov Z.Z. Issues of legal regulation of cabotage in domestic acts: a comparative analysis // Moscow Journal of International Law. 2013. No. 3 (91). Pp. 104–117.

14. Kovalenko T.S. Analysis of the interaction of government and business structures in the formation of transport policy // Polity. 2023. No. 4 (111). Pp. 87–105.

15. Brasilia Declaration by the BRICS Leaders. 2019. P. 11 [Electronic resource]. URL: https://initiative.leader-ea.su/wp-content/uploads/2022/07/Декларация-Бразилиа.pdf (date of access: 04.12.2024).

16. BRICS Kazan Declaration (2024) [Electronic resource]. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/MUCfWDg0QRs3xfMUiCAm (date of access: 04.12.2024).

17. BRICS-2025: Russia presented its transport vector // Prime. 2025. May 16 [Electronic resource]. URL: https://infobrics.org/ru/post/68315 (date of access: 04.12.2024).

18. Regulation on the BRICS Air Transport Commission [Electronic resource]. URL: https://brics-expert.info/commission-work/481/ (accessed: 04.12.2024).

19. Davydov A.S. "Soft Power" of BRICS Infrastructure Projects: Political and Economic Aspect // Outlines of Global Transformations. 2023. Vol. 16. No. 6. pp. 167–189.

20. The First Meeting of the BRICS Business Council Logistics Subgroup Was Held in Moscow // InfoBRIC S. 2025. February 12. [Electronic resource]. URL: https://infobrics.org/ru/post/62256 (accessed: 04.12.2024).

21. Roadmap of St. Petersburg State University of Civil Aviation for the Implementation of the BRICS Agenda in Aviation for 2025–2027. [Electronic resource]. URL: https://spbguga.ru/news/briks/ (accessed: 04.12.2024).

22. Gavrilov S.I., Melnikova A.A. Digitalization as an Instrument of Political Influence: The Case of Transport Corridors // Political Studies (POLIS). 2024. No. 2. pp. 119–137.

23. Zhuravleva O.N. Civil Aviation in the National Security System: New Challenges and Legal Responses // Law and Politics. 2022. No. 11. pp. 60–75.

24. Beeson M., Zeng J. BRICS and Global Governance in a Post-Western World // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43. No. 10. pp. 2347–2365.

25. IATA. Annual Review 2024 [Electronic resource]. URL: https://www.iata.org/ (accessed: 04.12.2024).

26. ICAO. Policy and Guidance Material on the Economic Regulation of International Air Transport (Doc 9587). 2021.

Цивилизационные идентичности «четверки»: Китай – США – Индия – Россия

Акимова Алёна Олеговна,
помощник проректора, старший преподаватель кафедры истории и философии РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: akimova.ao@rea.ru

В статье представлен развернутый сравнительный анализ цивилизационных идентичностей Китая, США, Индии и России, которые образуют «четверку» ключевых глобальных акторов, чьи траектории развития во многом определяют облик современного мира. В фокусе исследования находятся глубокие исторические, культурные, ценностные и политические основания, сформировавшие их уникальные и самобытные цивилизационные модели. Автор детально рассматривает динамичное взаимодействие между богатым традиционным наследием и вызовами модернизационных процессов в каждой из стран. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что, несмотря на усиливающуюся глобализацию и технологическую конвергенцию, глубинные цивилизационные различия продолжают оставаться фундаментальным структурным фактором. Именно они предопределяют национальные траектории развития, стратегические приоритеты и специфический характер участия этих держав в системе международных отношений в XXI веке.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, Китай, США, Индия, Россия, сравнительный анализ, ценности, модернизация, международные отношения, глобальное управление.

Введение

Современная система международных отношений переживает период глубокой трансформации, характеризующийся переходом от униполярной к полицентричной модели. В новом мировом порядке особая роль принадлежит четырем мощным государствам – Китаю, США, Индии и России, обозначаемым в данной статье как «четверка». Однако их влияние обусловлено не только экономическими или военными показателями, но и глубинными, исторически сложившимися цивилизационными особенностями. Цивилизационная идентичность, понимаемая как совокупность устойчивых культурных кодов, ценностных ориентаций, моделей социальной организации и картины мира, является ключевым фактором, определяющим стратегическое поведение этих стран на мировой арене [1, с. 45].

Актуальность данного исследования заключается в необходимости выйти за рамки традиционного политико-экономического анализа и понять идейные и культурные основания внешней и внутренней политики «четверки». Гипотеза исследования состоит в том, что, несмотря на процессы глобализации и определенную технологическую и институциональную конвергенцию, цивилизационные различия между Китаем, США, Индией и Россией остаются фундаментальными и продолжают детерминировать их пути развития, а также характер их взаимодействия и конкуренции.

Целью статьи является проведение сравнительного анализа цивилизационных идентичности Китая, США, Индии и России. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

1) выявить историко-культурные основания формирования каждой из идентичностей;

2) проанализировать их ключевые компоненты и ценностные доминанты;

3) рассмотреть, как традиционные идентичности адаптируются к вызовам современности;

4) определить роль этих идентичностей в контексте глобальной конкуренции и сотрудничества.

Методологическую основу работы составляет цивилизационный подход, в русле которого работали такие мыслители, как Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, и который получил новое развитие в трудах С. Хантингтона [2]. Также применяются компаративный анализ и историко-культурный методы, позволяющие сопоставить уникальные черты каждой цивилизации и выявить общие закономерности.

Китай: цивилизация государства-культуры

Китайская цивилизационная идентичность является одной из древнейших и наиболее непрерывных в мировой истории. Ее фундаментом служит уникальный синтез конфуцианства, даосизма и легизма, сформировавший особую социально-политическую модель. Центральным элементом этой идентичности является концепция «Поднебесной» (Тянься), где культурная и политическая общность неразделимы, а государство выступает главным носителем и хранителем цивилизационных норм [3, с. 112].

Ключевой характеристикой китайской идентичности является этатизм – представление о сакральности и центральной организующей роли государства. Государство в китайской традиции – не просто политический институт, а моральный центр вселенной, отвечающий за поддержание гармонии между небом, землей и человеком. Эта традиция находит свое прямое отражение в современной политике Коммунистической партии Китая, которая позиционирует себя как наследница и гарант цивилизационной преемственности [4, с. 78]. Идея «китайской мечты» о великом возрождении китайской нации напрямую апеллирует к этому историческому наследию.

Другой важнейшей чертой является коллективизм и иерархичность. Конфуцианские ценности сыновней почтительности (сяо), уважения к старшим и подчинения индивидуальных интересов коллективным глубоко укоренены в общественном сознании. Это создает модель социальной солидарности, отличную от западного индивидуализма. Кроме того, китайская идентичность обладает огромной инкорпорирующей способностью, позволяющей ассимилировать внешние влияния, не теряя своей сущности, что демонстрирует история адаптации буддизма и, в более позднее время, марксизма [5, с. 91].

В XXI веке Китай осуществляет сложный синтез своей традиционной цивилизационной модели с задачами модернизации и техно-

логического рывка. Формула «социализм с китайской спецификой» де-факто означает «модернизация с китайской цивилизационной спецификой». Внешнеполитически это выражается в концепции «сообщества единой судьбы человечества», которая представляет собой современную интерпретацию идеи «Поднебесной», предлагающую альтернативную западной модель глобального управления [6, с. 34].

США: цивилизация идеи-проекта

В отличие от Китая, цивилизационная идентичность Соединенных Штатов не основывается на древности и этнокультурной однородности. Она является продуктом Нового времени и строится вокруг универсалистской политической идеи – «американского кредо». Это кредо включает в себя такие ценности, как свобода, индивидуальная свобода, демократия, равенство возможностей, верховенство права и частная собственность [7, с. 201]. США представляют собой не столько этнокультурную, сколько идеологическую, «гражданскую» цивилизацию, открытую для иммигрантов, готовых разделить ее основополагающие принципы.

Центральным мифом, лежащим в основе американской идентичности, является концепция «Града на холме», сформулированная еще отцами-пилигримами. Америка мыслится как исключительная нация, несущая моральную ответственность за распространение своих ценностей и институтов по всему миру. Эта мессианская составляющая стала движущей силой американской внешней политики на протяжении всей ее истории, от «Явного предначертания» до доктрин борьбы за демократию в XX и XXI веках [8, с. 56].

Индивидуализм является другой ключевой опорой американской идентичности. Миф о «self-made man», человеке, который всего добился сам благодаря упорному труду и предприимчивости, формирует социальный идеал. Это тесно связано с культом свободы, понимаемой прежде всего как свобода от вмешательства государства в частную жизнь и экономическую деятельность. Протестантская этика, с ее акцентом на труд, бережливость и мирской аскетизм, заложила основу для развития американского капитализма [9, с. 115].

Однако в настоящее время американская цивилизационная идентичность переживает внутренний кризис. Растущая политическая поляризация, дебаты о расовом неравенстве и историческом наследии, культурные войны между либералами и консерваторами ставят под вопрос универсальность «американского кредо» [10, с. 72]. Вопрос о том, является ли США «плавильным котлом» или «миской с фруктовым салатом», где группы сохраняют свою культурную отличительную черту, остается открытым и оказывает серьёзное влияние на внутреннюю и внешнюю политику страны.

Индия: цивилизация полицентричного разнообразия

Индийская цивилизационная идентичность, как и китайская, уходит корнями в глубь тысячелетий, но ее структура принципиально иная. Если Китай – это цивилизация государства, то Индия – это цивилизация общества и сложной религиозно-философской системы. Ее ключевой характеристикой является нецентрализованность, полицентризм и невероятное разнообразие в единстве [11, с. 134].

Фундаментом индийской идентичности служит индуизм с его концепциями дхармы (долга, закона), кармы (воздаяния) и сансары (круговорота перерождений). Однако, в отличие от монотеистических религий, индуизм не имеет единого основателя, единой церковной иерархии и единого канона, что делает его чрезвычайно гибким и плюралистичным. Эта внутренняя плюралистичность отражается и в социальной структуре в виде системы каст (джати), которая, несмотря на официальную отмену, продолжает оказывать значительное влияние на социальные отношения [12, с. 89].

Важнейшим компонентом современной индийской идентичности является светский характер государства, закрепленный в конституции. Однако индийский секуляризм отличается от, например, французского лаиситета. Он предполагает не отделение религии от государства, а равное уважение и поддержку государством всех религий. Это является попыткой управлять колоссальным религиозным и этническим разнообразием страны, включающим огромную мусульманскую общину, христиан, сикхов и других [13, с. 157].

Современная Индия переживает сложный процесс трансформации своей цивилизационной идентичности. С одной стороны, существует мощное течение индийского национализма (хиндутва), которое стремится отождествить «индийскость» с индуистским наследием. С другой стороны, сохраняется светско-либеральная модель, отстаивающая плюралистический характер нации. Экономический подъем и растущее глобальное влияние позволяют Индии с новой уверенностью заявлять о себе как об уникальной цивилизации, предлагающей миру альтернативную модель развития, основанную на духовности и гармонии [14, с. 203].

Россия: цивилизация пограничья и синтеза

Российская цивилизационная идентичность, пожалуй, является наиболее дискуссионной и противоречивой среди рассматриваемых. Ее формирование происходило на стыке Европы и Азии, в зоне постоянного взаимодействия и конфликта различных культурных влияний – византийского, монгольского, западноевропейского. Это породило глубокую амбивалентность и ощущение себя как особой, «пограничной» цивилизации [15, с. 67].

Исторически центральным для русской идентичности был и остается этатизм, по своей силе сравнимый с китайским. Государство (в его различных формах – от Московского царства до СССР) традиционно воспринималось как главный субъект истории, гарант порядка и собиратель земель в условиях огромных, слабо заселенных пространств. Эта традиция породила этакратическую модель, где государство доминирует над обществом и частными интересами [16, с. 98].

Другим ключевым элементом является идея соборности и коллективизма, противостоящая западному индивидуализму. Соборность подразумевает духовную и социальную общность людей, основанную на любви и служении общему делу. Эта ценность, имеющая религиозные корни, в секуляризованной форме проявлялась в советском периоде в виде идеалов коллективизма и коммюнитарности. Дихотомия «свой – чужой» в русской культуре всегда была выражена очень сильно [17, с. 112].

Российская идентичность постоянно воспроизводит дискурс об «особом пути», который является прямым следствием ее пограничного положения. Споры между западниками и славянофилами в XIX веке, дискуссии о евразийстве в XX и XXI веках – все это отражение поиска ответа на вопрос о цивилизационной принадлежности России. Является ли она частью Европы, особой евразийской цивилизацией или уникальным культурно-историческим типом? Отсутствие консенсуса по этому вопросу является самой сутью российского цивилизационного самосознания [18, с. 145]. В современном официальном дискурсе акцент делается на концепции «традиционных ценностей» и суверенитета, что противопоставляется «разрушительному» либеральному универсализму Запада.

Сравнительный анализ и взаимодействие цивилизационных моделей

Проведенный анализ позволяет выявить как фундаментальные различия, так и некоторые точки соприкосновения между четырьмя цивилизациями. Китай и Россия демонстрируют сильную этатистскую традицию, где интересы государства часто превалируют над индивидуальными. США и Индия, при всей их разнице, являются крупнейшими в мире демократиями, хотя и основанными на разных принципах – гражданском универсализме и управляемом разнообразии соответственно.

Ценностные системы также радикально различны. Если для США и, в значительной степени, для современной России (в ее официальном дискурсе) характерен дуализм «добра и зла», то для Китая и Индии более свойственен релятивистский, диалектический подход к морали и политике. Коллективизм Китая и России контрастирует с радикальным индивидуализмом США, в то время как Индия занимает промежуточное положение, сочетая кастовую и общинную солидарность с растущим средним классом, ориентированным на индивидуальный успех.

Эти цивилизационные различия напрямую проецируются на международную арену. Американская внешняя политика сохраняет мессианский характер, стремясь к формированию либерального мирового порядка. Китай, напротив, продвигает модель, основанную на принципах суверенитета и невмешательства, предлагая экономическое взаимодействие без политических условий, что является отражением его традиционного подхода к «Поднебесной». Россия отстаивает многополярный мир и цивилизационный суверенитет, выступая против гегемонии любой одной модели. Индия, проводя политику стратегической автономии, стремится извлекать выгоду из отношений со всеми центрами силы, не вступая в жесткие блоки, что соответствует ее внутренней плюралистической природе [19, с. 178].

Конкуренция между этими цивилизационными проектами становится структурным фактором мировой политики. Она ведется не только в военно-политической или экономической сферах, но и в области ценностей, нарративов и моделей будущего. Технологическое развитие, особенно в области искусственного интеллекта и биотехнологий, становится новым полем битвы, где каждая цивилизация пытается реализовать свои уникальные подходы, что порождает риски как конфронтации, так и потенциального синтеза [20, с. 211].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что цивилизационная идентичность остается мощной силой, формирующей

внутреннее развитие и внешнюю политику Китая, США, Индии и России. Несмотря на взаимопроникновение культур и глобализацию экономики, каждая из этих стран продолжает следовать траектории, во многом предопределенной ее уникальным историко-культурным кодом.

Китай представляет собой модель цивилизации-государства, где политическая власть является гарантом культурной преемственности и модернизации. США остаются цивилизацией-проектом, основанной на универсалистской идее, но переживающей внутренний кризис идентичности. Индия воплощает модель цивилизации-общества, построенной на управлении невероятным разнообразием. Россия продолжает оставаться цивилизацией пограничья, чья идентичность строится на синтезе и постоянном поиске своего места между Востоком и Западом.

Взаимодействие этих четырех цивилизационных моделей будет в значительной степени определять контуры мирового порядка в XXI веке. Их конкуренция создает риски конфликтов, основанных на ценностных и идеологических разломах. Однако понимание и уважение их глубинных цивилизационных различий является необходимым условием для выстраивания стабильного и устойчивого полицентричного мира, в котором разные модели развития смогут сосуществовать и сотрудничать в решении общих глобальных проблем. Дальнейшие исследования могут быть сосредоточены на более детальном анализе взаимодействия конкретных элементов этих идентичностей (например, технологического развития и традиционных ценностей) или на роли «четверки» в формировании новых институтов глобального управления.

Литература

1. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва: АСТ, 2014. – 571 с. – (Политика). – ISBN 978-5-17-080863-2.
2. Тойнби, А. Дж. Постижение истории: сборник / А. Дж. Тойнби; [пер. с англ. Е.Д. Жаркова]. – Москва: Айрис-пресс, 2010. – 640 с. – (Библиотека истории и культуры). – ISBN 978-5-8112-3466-1.
3. Фэй Чжэнцин. Китайская мечта и возрождение китайской нации / Фэй Чжэнцин // Вопросы философии. – 2019. – № 5. – С. 110–118. – ISSN 0042-8744.
4. Пань Юэ. Конфуцианские ценности в современном китайском управлении / Пань Юэ // Социологические исследования. – 2020. – № 8. – С. 76–85. – ISSN 0132-1625.
5. Малявин, В.В. Китай в XXI веке. Цивилизация и модернизация / В.В. Малявин. – Москва: АСТ, 2018. – 320 с. – ISBN 978-5-17-114258-4.
6. Си Цзиньпин. О управлении государством / Си Цзиньпин: [пер. с кит.]. – Москва: Международные отношения, 2020. – 512 с.
7. Липсет, С.М. Американская исключительность: меч обоюдоострый / С.М. Липсет; пер. с англ. А. Захарова. – Москва: Мысль, 2018. – 288 с.
8. Зинн, Г. Американская империя. С 1898 года до наших дней / Г. Зинн; [пер. с англ. С.А. Белоусова]. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 456 с. – ISBN 978-5-00139-456-3.
9. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; [пер. с нем. М.И. Левиной]. – Москва: Ист-Вью, 2017. – 288 с.
10. Фукуяма, Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма / Пер. с англ. Т.А. Науменко. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2020. – 256 с. – ISBN 978-5-00139-290-3.
11. Сен, А. Развитие как свобода / А. Сен / Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – Москва: Новое издательство, 2019. – 432 с. – ISBN 978-5-98379-234-1.
12. Неру, Дж. Открытие Индии / Дж. Неру / Пер. с англ.; под ред. В.В. Исаевой. – Москва: Издательство иностранной литературы, 2021. – 688 с.
13. Ванаик, А. Индийский парадокс: очерки политики Индии / А. Ванаик / Пер. с англ. А.В. Шныриковой. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – 304 с. – (Традиция и современность).
14. Даш, Н.П. Индия в глобализирующемся мире: вызовы и возможности / Н.П. Даш. – Москва: Восток-Запад, 2019. – 278 с. – ISBN 978-5-906439-12-3.
15. Бердяев, Н.А. Русская идея / Н.А. Бердяев. – Санкт-Петербург: Азбука, 2019. – 320 с.
16. Панарин, А.С. Искушение глобализмом / А.С. Панарин. – Москва: Эксмо, 2019. – 416 с.
17. Чаадаев, П.Я. Философические письма / П.Я. Чаадаев. – Москва: АСТ, 2018. – 352 с. – (Эксклюзив: Русская классика). – ISBN 978-5-17-112888-5.
18. Дугин, А.Г. Теория многополярного мира / А.Г. Дугин. – Москва: Евразийское движение, 2020. – 480 с.
19. Бжезинский, З. Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы / З. Бжезинский; [пер. с англ. У.В. Сапциной]. – Москва: Международные отношения, 2021. – 256 с.
20. Капхэн, Ч. Мировой порядок / Ч. Капхэн; пер. с англ. А.В. Борисова. – Москва: АСТ, 2022. – 320 с. – (Политика).

THE CIVILIZATIONAL IDENTITIES OF THE «FOUR»: CHINA – USA – INDIA – RUSSIA

Akimova A.O.
Plekhanov Russian University of Economics

The article presents a detailed comparative analysis of the civilizational identities of China, the United States, India, and Russia, which form the "four" key global actors whose development trajectories largely determine the face of the modern world. The research focuses on the deep historical, cultural, value and political foundations that have shaped their unique and distinctive civilizational models. The author examines in detail the dynamic interaction between the rich traditional heritage and the challenges of modernization processes in each country. The conducted research allows us to conclude that, despite the increasing globalization and technological convergence, deep civilizational differences continue to be a fundamental structural factor. They determine the national development trajectories, strategic priorities and the specific nature of the participation of these Powers in the system of international relations in the 21st century.

Keywords: civilizational identity, China, USA, India, Russia, comparative analysis, values, modernization, international relations, global governance.

References

1. Huntington, S. Clash of Civilizations / S. Huntington; [trans. from the English by T. Velimeev]. Moscow: AST, 2014. 571 p. (Politics). – ISBN 978-5-17-080863-2.
2. Toynbee, A.J. Comprehension of history: a collection / A.J. Toynbee; [trans. translated from English by E.D. Zharkov]. Moscow: Iris Press, 2010. 640 p. (Library of History and Culture). – ISBN 978-5-8112-3466-1.
3. Fei Zhengqing. The Chinese Dream and the Rebirth of the Chinese Nation / Fei Zhengqing // Questions of Philosophy. – 2019. – № 5. – Pp. 110–118. – ISSN 0042-8744.
4. Pan Yue. Confucian Values in Modern Chinese Governance / Pan Yue // Sociological Research. – 2020. – № 8. – Pp. 76–85. – ISSN 0132-1625.
5. Malyavin, V.V. China in the XXI century. Civilization and modernization / V.V. Malyavin. Moscow: AST, 2018. 320 p. ISBN 978-5-17-114258-4.
6. Xi Jinping. On Government / Xi Jinping; [trans. from Chinese]. Moscow: International Relations, 2020. 512 p.
7. Lipset, S.M. American exceptionalism: a double-edged sword / S.M. Lipset; translated from English by A. Zakharov. – Moscow: Mysl, 2018. – 288 p.
8. Zinn, G. The American Empire. From 1898 to the present day / G. Zinn; [trans. from the English by S.A. Belousov]. Moscow: Alpina Non-fiction, 2021. 456 p. ISBN 978-5-00139-456-3.
9. Weber, M. Protestant Ethics and the Spirit of Capitalism / M. Weber; [trans. translated by M.I. Levina]. – Moscow: East View, 2017. – 288 p.
10. Fukuyama, F. Identity: The desire for recognition and the policy of rejection / F. Fukuyama; translated from English by T.A. Naumenko. Moscow: Alpina Non-fiction, 2020. 256 p. ISBN 978-5-00139-290-3.
11. Sen, A. Development as freedom / A. Sen; translated from English. edited by V.L. Inozemtsev. Moscow: New Publishing House, 2019–432 p. ISBN 978-5-98379-234-1.
12. Nehru, J. Discovery of India / J. Nehru; translated from English; edited by V.V. Isaeva. – Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 2021. – 688 p.
13. Vanaik, A. The Indian paradox: Essays on Indian Politics / A. Vanaik; translated from English by A.V. Shnyrikova. Saint Petersburg: Aleteya, 2018. 304 p. (Tradition and Modernity).
14. Dash, N.P. India in a globalizing world: Challenges and opportunities / N.P. Dash. – Moscow: East-West, 2019. – 278 p. – ISBN 978-5-906439-12-3.
15. Berdyaev, N.A. Russian idea / N.A. Berdyaev. – St. Petersburg ABC, 2019. 320 p.
16. Panarin, A.S. The temptation of globalism / A.S. Panarin. Moscow: Eksmo, 2019. 416 p.
17. Chaadaev, P. Ya. Philosophical letters / P. Ya. Chaadaev. Moscow: AST, 2018. 352 p. (Exclusive: Russian Classics). – ISBN 978-5-17-112888-5.
18. Dugin, A.G. Theory of the multipolar world / A.G. Dugin. Moscow: Eurasian Movement, 2020, 480 p.
19. Brzezinski, Z. The Great Chessboard: American Dominance and its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski; [trans. from the English by U.V. Saptsina]. Moscow: International Relations, 2021. 256 p.
20. Kaphen, Ch. World order / Ch. Kaphen; translated from English by A.V. Borisov. Moscow: AST, 2022. 320 p. (Politics).

Электоральная активность российской молодежи: тенденции и перспективы

Ибрагимов Али Закир оглы,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

В статье анализируются современные тенденции электоральной активности российской молодежи на основе официальной статистики и социологических исследований 2018–2023 годов. Выявляется устойчивая тенденция снижения участия молодых избирателей, особенно в группе 18–25 лет, чья явка стабильно ниже среднероссийских показателей на 15–20%. Рассматриваются социально-психологические особенности поколения Z, влияющие на характер политического участия, а также институциональные барьеры, ограничивающие вовлеченность молодежи в избирательный процесс. Особое внимание уделяется влиянию цифровой среды, трансформации каналов политической социализации и запросу молодежи на новые формы коммуникации и партисипации.
На основе анализа предлагаются два сценария развития ситуации до 2030 года и формулируются рекомендации по повышению доверия молодежи к избирательным процедурам, включая внедрение цифровых сервисов и адаптацию электоральной инфраструктуры к привычным онлайн-практикам.

Ключевые слова: молодежь; электоральная активность; политическое участие; абсентеизм; поколение Z; цифровая социализация; цифровизация; электронное голосование; политическая коммуникация; избирательное поведение.

Введение

В Российской Федерации наблюдается снижение доверия молодых граждан к выборам, что проявляется в уменьшении их участия в голосовании. По данным Центральной избирательной комиссии, в период с 2021 по 2023 годы явка избирателей в возрасте от 18 до 30 лет была на 15–20% меньше, чем в среднем по стране. Такая тенденция указывает на углубляющийся разрыв между молодежью и официальной политической системой.

Вместе с тем, молодое поколение ищет альтернативные формы для выражения своей гражданской позиции и вовлечения в общественную жизнь. Они активно используют социальные медиа для организации акций и выражения своих взглядов, участвуют в добровольческих проектах и реализуют местные общественные инициативы.

Традиционные политические институты испытывают трудности в адаптации к запросам поколения, выросшего в эпоху цифровых технологий. В результате наблюдается несоответствие между устоявшимися структурами и актуальными формами гражданского участия.

Научная значимость исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа статистически подтвержденного разрыва в электоральной активности между молодежью и старшими поколениями. Устойчивая разница в 15–20%, фиксируемая ЦИК РФ на протяжении трех избирательных циклов, требует выявления глубинных причин и разработки методологии для оценки долгосрочных последствий. Без понимания этих процессов невозможно обеспечить преемственность политической системы. Практическая актуальность работы связана с распространением неинституционализированных форм политической активности, которые становятся значимым каналом влияния молодежи на общественные процессы. Игнорирование данного тренда ограничивает эффективность государственной молодежной политики и снижает потенциал диалога между обществом и властью. Особое значение этот аспект приобретает в контексте поиска новых инструментов социализации. Ключевым императивом выступает необходимость корректировки федеральных программ, таких как ‹Молодежь России›, в условиях геополитических вызовов и санкционного давления. Адаптация мер поддержки к современным реалиям требует эмпирически обоснованных решений, направленных на преодоление кризиса легитимности избирательных институтов среди молодых граждан.

Целью исследования является выявление комплекса социально-экономических, ценностных и институциональных детерминант, определяющих уровень и формы электоральной активности российской молодежи в период 2020–2025 годов, с последующим моделированием сценарных траекторий ее развития до 2030 года.

Для достижения поставленной цели реализуется трехэтапная исследовательская программа. Первый этап предполагает компаративный анализ динамики электоральной активности молодежи на федеральных и региональных выборах 2018–2023 годов, включая оценку явки, форм участия и их трансформации. Это позволит выявить устойчивые тенденции и региональную специфику. На втором этапе проводится корреляция данных социологических опросов (ВЦИОМ, ФОМ) с макростатистическими показателями для определения ключевых факторов, влияющих на поведение молодых избирателей. Третий этап включает разработку прогнозных сценариев эволюции электоральной активности до 2030 года с учетом влияния образовательных программ, цифровизации избирательного процесса и изменений геополитической конъюнктуры.

Анализ явки молодежи на федеральных выборах: 2018–2023 гг.

Анализ электоральной активности молодежи на федеральных выборах 2018–2023 годов выявляет устойчивую тенденцию к снижению явки. Данный тренд прослеживается на протяжении всего исследуемого периода, несмотря на определенные колебания. Снижение участия молодых избирателей является характерной чертой их электорального поведения. Однако выборы Президента РФ 2018 года стали исключением из общей тенденции. «Выборы Президента РФ, прошедшие 18 марта 2018 г., показали рост электоральной активности среди молодого поколения избирателей. Данное обстоятельство подвигает пересмотреть

существующие представления о выраженном абсентеизме российской молодежи, отсутствии сформированной модели поведения электорального участия и общем неприятии политики [1]». Этот всплеск активности свидетельствует о ситуативной мобилизации молодежи.

Колебания явки среди молодежи обусловлены комплексом факторов. Социально-экономические условия, включая уровень доходов и занятости, оказывают существенное влияние на готовность к участию в выборах. Доверие к политическим институтам также является значимым детерминантом электорального поведения молодых граждан. Например, пандемия COVID-19 и связанные с ней ограничения повлияли на восприятие государственных институтов. «Многочисленные сбои цифровых сервисов государственного управления добавили свою долю в общий бассейн негатива, что привело к падению уровня доверия к деятельности ключевых политических институтов во втором квартале 2020 г [2]». Эффективность избирательных кампаний, особенно их способность вовлекать молодежь через цифровые каналы, также играет важную роль.

Сравнительный анализ молодежной явки с другими возрастными группами демонстрирует ее специфику. Молодежь традиционно проявляет наименьшую активность по сравнению со старшими когортами. Данная закономерность сохраняется на протяжении всего исследуемого периода, подтверждая гипотезу о возрастных различиях в электоральном поведении. Низкий уровень вовлеченности молодежи в формальные политические процессы отражает их отчуждение от традиционных институтов. При этом наблюдаемая специфика не является уникальной для России, а соответствует общемировым тенденциям. Молодежь остается наименее вовлеченной возрастной группой в электоральный процесс.

Молодежная явка на региональных выборах: сравнительный анализ

Электоральная активность молодежи на региональном уровне демонстрирует устойчиво более низкие показатели по сравнению с выборами федерального масштаба. Данное явление наблюдается в течение всего анализируемого периода с 2018 по 2023 год. Разница в явке достигает в среднем 10–15 процентных пунктов, что свидетельствует о системном характере проблемы. Это указывает на меньшую привлекательность региональных политических процессов для молодых избирателей. Причины сниженной явки молодежи на региональных выборах связаны с восприятием меньшей значимости данных политических событий. Многие молодые люди считают, что решения местного уровня оказывают ограниченное влияние на их повседневную жизнь. Как отмечается в исследовании, «неучастие во многих случаях оказывается не признаком аполитичности, а специфическим способом взаимодействия с политическим полем [4]». Данная позиция отражает поиск альтернативных форм политической вовлеченности.

Формирование уровня молодежной явки напрямую связано с местными политическими реалиями. Регионы с высокой концентрацией образовательных учреждений и развитой инфраструктурой демонстрируют более высокий уровень участия молодых избирателей. В противоположность этому, депрессивные промышленные зоны и сельские территории характеризуются пониженной активностью молодежи. Экономические показатели, в частности уровень безработицы и средние доходы, также коррелируют с явкой. Экономическая структура регионов напрямую влияет на мотивацию молодых граждан к участию в выборах. В субъектах федерации с диверсифицированной экономикой и высоким уровнем жизни наблюдается повышенная готовность молодежи к электоральной активности. Таким образом, различия в социально-экономическом развитии создают мозаичную картину политического участия на национальном уровне. Это требует учета региональной специфики при разработке мер, направленных на повышение явки.

Сравнительный анализ выявил существенные межрегиональные различия в моделях электорального поведения молодежи. В частности, исследования фиксируют контраст между столичными агломерациями и периферийными территориями. Как указано в источнике, «выявлены различия электоральных ориентаций на Черноморском побережье, в крупных городах и сельских районах Кубани [8]». Эти различия проявляются не только в уровне явки, но и в структуре предпочтений. Факторы, обуславливающие региональную специфику, включают исторические традиции, этнокультурные особенности и уровень развития гражданского общества. В национальных республиках, например, молодежная явка часто выше среднефедеральных показателей благодаря клановым структурам и традициям коллективного участия. Подобная вариативность требует дифференцированного подхода к стимулированию электоральной активности молодежи в различных субъектах Российской Федерации.

Трансформация форм политического участия молодежи: от традиционных к неформальным

В современной России наблюдается устойчивый сдвиг в моделях политического участия молодежи, характеризующийся постепенным отходом от традиционных электоральных практик. Этот процесс проявляется в снижении интереса к голосованию на выборах и членству в политических партиях, что было отмечено в предыдущих разделах данного исследования. Вместо этого, молодые граждане все чаще обращаются к альтернативным формам выражения своих политических позиций. Данная трансформация свидетельствует о переосмыслении молодежью способов взаимодействия с политической системой. Исследователи отмечают, что «Так, при формальном неучастии в традиционных политических практиках (выборы, партийная деятельность) студенты демонстрируют высокий уровень политической рефлексии и активно используют альтернативные каналы влияния, преимущественно цифровые [4]».

Наблюдаемый рост неформальных практик политического участия молодежи коррелирует с существенными изменениями в их ценностных ориентациях и каналах политической социализации. В отличие от старших поколений, современное поколение подвержено воздействию разнообразных информационных каналов, формирующих их политические взгляды. К ним относятся цифровые ресурсы, такие как соцсети, различные онлайн-платформы и интернет-сообщества. Их влияние приводит к возникновению более персонализированных и адаптивных взглядов на политику. Сдвиги в системе ценностей подталкивают молодежь к поиску новых способов вовлечения, которые бы отвечали их потребностям и позволяли быстро реагировать на происходящее, равно как и высказывать личное мнение.

Молодые юноши и девушки находят способы выразить свою гражданскую позицию через нетрадиционные каналы, такие как интернет-петиции, флешмобы, добровольчество и общественные проекты. Эти формы активности дают молодым людям возможность почувствовать себя вовлеченными в разрешение важных социальных вопросов, даже если они не проявляют особого интереса к стандартным политическим процессам.

Социально-экономические детерминанты электоральной активности

Экономическое благополучие и стабильность играют ключевую роль в стимулировании интереса молодежи к выборам. Неуверенность в финансовом плане или низкие доходы могут отвлекать молодых граждан от участия в политике, заставляя их сосредотачиваться на удовлетворении текущих потребностей. В итоге, социально-экономическая защищенность является фундаментом для формирования активной гражданской позиции и заинтересованности в политической жизни страны. Обнаружена взаимосвязь между финансовым благополучием и политической активностью, что подтверждено рядом исследований. Сложные экономические условия и сопутствующие им проблемы оказывают значительное воздействие на выбор избирателей, вызывая перемены в их предпочтениях. К примеру, зафиксировано усиление протестных настроений среди горожан в одном из регионов, что было вызвано общим экономическим спадом в стране, влиянием санкций, введённых западными государствами, и пандемией COVID-19 [3].

Данные, указанные ранее, свидетельствуют, что нестабильность в экономике может активизировать участие граждан в политических процессах, в том числе в форме протестов. Особенно это касается тех слоёв населения, которые наиболее чувствительны к негативным последствиям экономических трудностей. Таким образом, экономические факторы оказывают существенное влияние на политическую вовлечённость населения.

Степень образования представляет собой значимый фактор, оказывающий влияние на характер и степень вовлеченности молодежи в политические процессы. Приобретение полноценного образования играет существенную роль в формировании умений аналитического мышления, повышении осведомленности о политической сфере и понимании значимости гражданского участия в жизни общества. Таким образом, создаются условия для принятия молодым поколением обоснованных решений при голосовании за политических деятелей и партии, а также для участия в разнообразных формах политической активности, требующих углубленных знаний. Исследования подтверждают наличие тесной связи между уровнем образования и проявлением интереса молодежи к политическим вопросам. Более высокий уровень образования способствует развитию критического мышления и способности анализировать политические события, что стимулирует активное участие в политической жизни.

В частности, «наибольший интерес к политике склонны проявлять мужчины в возрасте от 30 до 35 лет с высшим образованием, офи-

циально трудоустроенные, относительно материально обеспеченные и с высоким достатком (с трудовой книжкой), жители мегаполисов и крупных областных промышленных центров, жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (статистически значимые стандартизованные остатки (далее – с.з.с.о.) равны соответственно +1,7, +4,8, +3,1, +2,5, +2,4, +1,7, +3,1, +2,3, +2,4) [6]». Этот факт подчеркивает, что высшее образование является одним из важнейших факторов, стимулирующих политическую активность и вовлеченность.

Трудоустройство и положение в профессиональной сфере существенно определяют возможности молодежи в плане получения доступа к политическим инструментам и путям воздействия. Наличие постоянной работы и высокая профессиональная квалификация зачастую обуславливают наличие дополнительного времени, денежных средств и социальных контактов, которые могут быть направлены на участие в политической деятельности.

У молодых профессионалов появляется возможность не только проявлять заинтересованность в политических вопросах, но и деятельно оказывать влияние на политику посредством разнообразных способов. Подтверждено, что степень заинтересованности молодых людей в политике тесно связана с наличием и объемом материальных и социальных активов, которыми располагают представители данной возрастной группы.

Ценностные ориентации и их влияние на политическое участие молодежи

Влияние ценностных ориентаций на политическое участие молодежи является одним из ключевых аспектов, определяющих характер электорального поведения. Структура базовых политических ценностей молодежи претерпела значительные изменения в постсоветский период, что обусловлено глубокими социально-экономическими и политическими трансформациями. Эти изменения затронули как индивидуальные, так и коллективные представления о роли государства, гражданского общества и личной ответственности. Исследователи отмечают, что «Молодежь в этом смысле является группой, политические ценности, установки и предпочтения которой наиболее подвержены трансформации [6]». Это свидетельствует о гибкости и приспособляемости молодежного мировоззрения к современным условиям, что отражается в становлении иных ценностей и переоценке устоявшихся политических взглядов. Подобная эволюция напрямую сказывается на предпочтениях в отношении способов и степени вовлеченности в политическую жизнь.

Сформировавшаяся гражданская идентичность оказывает значительное влияние на электоральные предпочтения молодых граждан. Она обусловливает ощущение сопричастности к государству и социуму, а также стимулирует стремление к активному вовлечению в политическую сферу. Устойчивая гражданская идентичность, как правило, связана с повышенной электоральной активностью и осознанным подходом к процессу голосования.

В противоположность этому, недостаточно развитая или размытая гражданская идентичность может провоцировать апатию, отстраненность от политической деятельности и снижение интереса к избирательному процессу. Важно подчеркнуть, что формирование четкой гражданской идентичности является ключевым фактором, содействующим вовлечению молодежи в политическую жизнь и формированию ответственного, основанного на принципах гражданственности, электорального поведения. Развитие гражданской идентичности способствует становлению политически зрелого поколения.

Определение системы ценностей в контексте конкретного поколения оказывает существенное влияние на политический выбор молодых граждан. Жизненный опыт, значимые исторические эпизоды, преобразования в обществе и развитие технологий формируют уникальный набор ценностей, характерный для каждого поколения.

Эти ценности, в свою очередь, определяют отношение молодежи к различным политическим партиям, лидерам и институтам власти. Именно разница в этих ценностных установках, свойственных разным поколениям, является причиной наблюдаемых расхождений в их электоральном поведении и политических убеждениях.

Таким образом, один из путей разработки эффективных стратегий для стимулирования их участия в политической жизни является понимание поколенческих особенностей, позволяющее с большей точностью предвидеть возможные предпочтения молодых избирателей.

Роль информационного поля и медиа в формировании электоральных предпочтений молодежи

Классические медиаформаты по-прежнему оказывают существенное воздействие на формирование политических взглядов молодого поколения в России. Вопреки расширению сферы влияния цифровых платформ, телевидение и печатная пресса остаются важными инструментами политической социализации. Аналитические исследования подтверждают, что указанные источники информации содействуют выработке конкретных электоральных моделей поведения у молодых граждан, обладающих правом голоса.

Данная тенденция особенно заметна в возрастной категории от 25 до 30 лет, представители которой проявляют повышенную степень доверия к традиционным медиа. Влияние классических СМИ на молодежь проявляется в создании стабильных политических ориентаций и электоральных представлений. Телевизионные дискуссии и аналитические обзоры формируют информационную среду, способствующую пониманию политических вариантов.

В то же время, следует отметить, что результативность воздействия традиционных средств массовой информации обусловлена уровнем политической осведомленности аудитории. Молодые люди с более высоким уровнем образования, как правило, критически оценивают сведения, распространяемые через каналы массовой коммуникации.

Внедрение цифровых технологий в медиа среду повлекло за собой значительные изменения в характере потребления информации российскими молодыми гражданами. Платформы социальных сетей и сервисы обмена сообщениями занимают центральное место в качестве источников политических новостей и аналитики для поколения Z. Исследователи отмечают, что «цифровые платформы создают альтернативное информационное поле, где доминируют горизонтальные коммуникации». В эпоху цифровых медиа наблюдается существенное изменение в формах политического участия молодежи. Сетевые платформы активно способствуют развитию новых, нетрадиционных моделей политической активности, которые, однако, не всегда находят свое продолжение в традиционном электоральном поведении. Дополнительным фактором является фрагментация информационных потоков в онлайн-среде, что может приводить к образованию замкнутых групп с диаметрально противоположными взглядами. Это, в свою очередь, создает определенные трудности для формирования единых электоральных предпочтений среди молодого поколения.

Выводы

Анализ электорального поведения российской молодежи в период с 2018 по 2023 год выявляет стабильно пониженную явку на избирательные участки. Согласно данным Центральной Избирательной Комиссии за 2021–2023 годы, данный показатель регулярно уступает среднему общероссийскому уровню на 15–20 процентных пунктов. Падение заинтересованности в традиционных способах вовлечения в политическую жизнь объясняется их диссонансом с потребностями и ожиданиями представителей молодого поколения.

Одновременно с этим отмечается переориентация активности молодежи на альтернативные формы политической деятельности. Среди них выделяются действия в социальных медиа, добровольческая работа, а также другие нетрадиционные практики гражданской активности.

На формирование электоральных установок молодого поколения оказывает влияние совокупность социально-экономических обстоятельств, включая, например, размер заработной платы, полученное образование и трудоустройство. Система ценностей молодых избирателей также имеет немаловажное значение, определяя их восприятие политических организаций и процедур. Данные закономерности были установлены посредством анализа результатов социологических исследований и официальных статистических отчетов. Существенное влияние на электоральные стратегии оказывает институциональная среда и эволюция информационного пространства. Внедрение цифровых технологий в общественную жизнь и повсеместное распространение социальных сетей создают новые перспективы и ограничения для политической вовлеченности. Информационно-коммуникационная среда становится определяющим фактором в процессе формирования предпочтений и поведенческих моделей молодежи в политической сфере.

В качестве приоритетных направлений модернизации следует выделить образовательные инициативы, ориентированные на развитие политической грамотности, а также внедрение цифровых технологий в избирательные процессы. Перечисленные инструменты способны упростить процедуру участия в выборах и адаптировать формы взаимодействия к предпочтениям молодежи, для выполнения задач перспективного планирования.

Литература

1. Бабаджанян П.А. Стратегии политической коммуникации студенческой молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. – 2025. – № 2. – С. 72–83.

2. Быков И.А. Государственный PR и цифровое управление в условиях пандемии // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы. – Москва, 2020. – С. 115–116.

3. Виганд А.М., Костригин А.А. Ценности молодежи с различной направленностью политической активности // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2021. – № 1. – С. 16–32.

4. Гришаева С.А., Шамаев П.А. Политическое участие молодежи в цифровой среде // Цифровая социология. – 2022. – № 1. – С. 25–35.

5. Гришин Н.В. Электоральный референдум как институт общественного участия в принятии государственных решений в сфере организации избирательного процесса // Полития. – 2016. – № 4. – С. 128–132.

6. Дейнека А.И. Социокультурные расколы электорального пространства России (на материалах Краснодарского края) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. – 2010. – № 1. – С. 185–189.

7. Малашенко И.В., Хаботько Н.А. Проблема абсентеизма в современной молодёжной среде и стратегии улучшения качества электорального поведения // Альманах современной науки и образования. – 2016. – № 12. – С. 61–63.

8. Попова О.В., Гришин Н.В., Суслов С.И. Политизация массового сознания российской молодежи в 2022 г.: возможности оценки на основе статистического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – № 2. – С. 471–485.

9. Пырма Р.В. Электоральное участие молодежи в выборах президента россии 2018 года // Вестник финансового университета. – 2019. – № 2. – С. 50–57.

10. Фоменко С.С. Особенности электоральных процессов в современной России на региональном уровне (на примере выборов в Липецкий областной Совет депутатов 6-го созыва) // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – № 5. – С. 43–49.

ELECTORAL ACTIVITY OF RUSSIAN YOUTH: TRENDS AND PROSPECTS

Ibragimov A.Z.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

This article analyzes current trends in the electoral activity of Russian youth based on official statistics and sociological studies from 2018 to 2023. It reveals a steady decline in the participation of young voters, especially those aged 18 to 25, whose turnout is consistently 15 to 20% lower than the Russian average. The article examines the socio-psychological characteristics of Generation Z that influence the nature of political participation, as well as institutional barriers that limit youth involvement in the electoral process. Particular attention is paid to the influence of the digital environment, the transformation of channels of political socialization, and the demand among young people for new forms of communication and participation.

Based on the analysis, two scenarios for the development of the situation until 2030 are proposed and recommendations are formulated to increase young people's trust in electoral procedures, including the introduction of digital services and the adaptation of the electoral infrastructure to familiar online practices.

Keywords: youth; electoral activity; political participation; absenteeism; Generation Z; digital socialization; digitalization; electronic voting; political communication; electoral behavior.

References

1. Babajanyan, P.A. Strategies of Political Communication among Student Youth // South Russian Journal of Social Sciences. – 2025. – No. 2. – Pp. 72–83.

2. Bykov, I.A. Government PR and Digital Governance in the Context of a Pandemic // Political Representation and Public Authority: Transformational Challenges and Prospects. – Moscow, 2020. – pp. 115–116.

3. Vigand A.M., Kostrigin A.A. Values of Youth with Different Political Orientations // Bulletin on Pedagogy and Psychology of Southern Siberia. – 2021. – No. 1. – Pp. 16–32.

4. Grishaeva S.A., Shamaev P.A. Political participation of young people in the digital environment // Digital Sociology. – 2022. – No. 1. – Pp. 25–35.

5. Grishin N.V. Electoral referendum as an institution of public participation in state decision-making in the field of electoral process organization // Politia. – 2016. – No. 4. – Pp. 128–132.

6. Deyneka A.I. Sociocultural divisions in Russia's electoral space (based on materials from the Krasnodar Territory) // Bulletin of Volgograd State University. Series 4, History. – 2010. – No. 1. – Pp. 185–189.

7. Malashenko I.V., Khabotko N.A. The problem of absenteeism in the modern youth environment and strategies for improving the quality of electoral behavior // Almanac of Modern Science and Education. – 2016. – No. 12. – Pp. 61–63.

8. Popova O.V., Grishin N.V., Suslov S.I. Politicization of the mass consciousness of Russian youth in 2022: possibilities for assessment based on statistical analysis // Bulletin of the Russian University of Friendship of Peoples. Series: Political Science. – 2023. – No. 2. – Pp. 471–485.

9. Pirma R.V. Electoral participation of young people in the 2018 Russian presidential election // Bulletin of the Financial University. – 2019. – No. 2. – Pp. 50–57.

10. Fomenko S.S. Features of electoral processes in modern Russia at the regional level (based on the example of the elections to the Lipetsk Regional Council of Deputies of the 6th convocation) // Theories and Problems of Political Studies. – 2021. – No. 5. – Pp. 43–49.

Миграционные риски в интерпретации детерминизма эффективности государственных институтов на примере Республики Коми

Конаков Роман Викторович,
преподаватель-исследователь, Коми Республиканской Академии государственной службы и управления
E-mail: rv.konakov.79@inbox.ru

Научное исследование, для Республики Коми является актуальной, поскольку мониторинг экономической, социальной, демографической и этнополитической ситуации в регионе показывает наличие многочисленных проблем, многие из которых являются проявлением системного кризиса, переживаемого территориальным сообществом. Современное общественно-политическое пространство Коми и разных регионов отличается индивидуальным характером и изучение этих особенностей продолжается на сегодняшний день. Проведенные исследования до сих пор не отвечают на все возникающие вопросы к аспектам социально-политического прогресса касающегося общественных отношений и непосредственно населения Коми Региона.

Ключевые слова: эффективность государственных институтов, политические процессы, электорат, риски, миграция.

Коми отличается спецификой образа жизни, связанных с природной средой, социальным и культурным составом населения, традициями, спецификой занятости населения. Особенности оказывают существенное влияние на многие аспекты социального и политического поведения и не все они являются предметом анализа на региональном уровне. Исследование данной среды занимает важное место в анализе политических процессов и деятельности институтов власти.

Кроме общих проблем населения в России существуют и специфические региональные проблемы, обусловленные географическим положением конкретного региона, уровнем его социально-экономического развития, отраслевой структурой экономики, наконец, особенностями демографического развития, формирующими особый режим воспроизводства населения и достаточно уникальную его структуру.

Северные регионы России, в число которых входит и Республика Коми, составляют особую группу территорий, объединенных массой сходных черт. Это и специфика заселения, и преобладание добывающих отраслей промышленности, и суровый климат, и транспортная недоступность, и многое другое. К категории специфических характеристик ряда северных территорий относится и неоднородность этнического состава населения, сформированного под сильным влиянием миграции.

На сегодняшний день гуманитарная наука уделяет весьма пристальное внимание социально-политическим процессам, происходящим в обществе, что вполне объяснимо как в силу очевидной научной значимости указанной проблематики, так и в силу все более проявляющейся общественной важности многих процессов.

Среди имеющихся публикаций, характеризующих политические и социальные процессы, имеющие место в РК, особое значение, несомненно, имеют работы В.А. Ковалева, Н.А. Морозова, В.С. Каминского, А.Б. Волынчука, Ю.П. Шабаева.

Дж. Персон из Национальной академии государственного управления (США) отмечает, что эффективность, экономичность, результативность и социальная справедливость являются четырьмя основными краеугольными элементами фундамента государственного управления, и по его мнению, слабость этой конструкции заключается в том, что именно эффективность является одним из четырех элементов фундамента государственного управления[1].

Несмотря на существенный объем публикаций, следует отметить, что проблема исследования государственных институтов и политических процессов в Республике Коми не является достаточно разработанной. Поскольку рассматривались лишь отдельные аспекты. Каких-либо общих позиций по этому вопросу в научном сообществе пока не сформировалось, комплексных исследований не проводилось. Вышеупомянутые обстоятельства подчеркивают актуальность и важность изучения и анализа всех аспектов институционально-политических процессов в Республике Коми.

Следует отметить, что проблематика социальных угроз и рисков не является достаточно разработанной в Коми. При этом новые угрозы в общественных отношениях возникают регулярно, а многие проблемы становятся хроническими и их разрешение остается актуальным на протяжении многих лет.

В 2020 году России охватила глобальная эпидемия, которая не прошла мимо региона. На выборах первого лица Республики, проведённых в 2020 году отмечена невысокая явка избирателей. В данной ситуации необходимо разобраться с чем это может быть связано с введенными ограничениями на территории, направленными на противодействие распространению эпидемии или вызвано иными факторами, включая сознательный абсентизм и политическую апатию. В выборах приняли участие от общей численности избирателей РК всего 30,16% граждан.

Для понимания роли электоральных кампаний и характера участия в выборах избирателей стоит проанализировать динамику электоральной активности в республике. Начать стоит с 2001 года, когда избирателями был избран на пост главы Региона Владимир Торлопов, а примерная численность населения РК составляла тогда прибли-

[1] Pearson J. Efficiency as the Primary Value in the Public Administration. URL: http:// patimes.org/efficiency-primary-public-administration (accessed: 20.08.2017).

зительно 1 042 900 человек. Число выданных бюллетеней составило 369 670 явка избирателей составила 48,34%. В 2014 году, по имеющимся данным, республику населяло уже 867 500 граждан, а победил на выборах Вячеслав Гайзер. В выборах приняли участие 411 611 человек, а общая явка составила 59,06%. В 2014 году была отмечена самая высокая явка. В 2016 год при населении 854 100 человек, явились к избирательным урнам 281 141 граждан, что составило 40,67% от общего населения, в ходе этой кампании избран первым должностным лицом РК Сергей Гапликов. В 2020 году полномочиями временно исполняющего обязанности губернатора региона наделён Владимир Уйба. Ему досталось достаточно сложное время пандемии. Выборы первого лица Коми состоялись в сентябре 2020 года. В число избирателей, включённых в списки избирателей зарегистрировано 658 177, из них приняли участие в выборах (явка, выдано бюллетеней) 198 490 граждан, что составило 30,16% (по состоянию возвращенных бюллетеней) приняли участие 198 228 граждан[1].

На выборах главы Региона в 2025 году зарегистрировано 617 882 избирателей из которых явилось 232 819, что составило 37,68% в принципе отмечена положительная динамика электорального проявления, но следует отметить условия при которых осуществлялись выборы в 2020 году. Существовала реальная проблема эпидемии, которая охватывала не только Коми регион, но и всю страну.

Однако с 2001 года с 1 042 900 численность населения РК снизилась к 2025 году до 714 391 жителя. Убыло из региона за 19 лет, по данным официальной статистики, 327 609 жителей, реально цифра варьируется в большую сторону в связи с тем, что часть населения уехав остаётся прописанными в северных регионах. При этом следует отметить, что данное число покинувших регион в указанный период больше числа электората отдавшего голоса на выборах осенью 2025 года или можно сказать, что за указанный период из республики выехало больше граждан, чем пришло на голосование в 2025 году. При этом для сравнения заметим, что в Московской области население стабильно растёт: с 6 618 538 в 2002 году до 8 591 736 в 2023 году, в Новосибирской области с 2003 года население выросло с 2 688 423 жителей до 2 794 266 в 2023 году. В 2001 году в Якутии проживало 957 478 человек, а в 2023 году 997 565[2]. Перечислять субъекты страны с ростом населения можно долго, но есть и похожие по динамике изменения численности жителей регионы РФ, в числе которых, например, в Магаданской области отмечается снижение уровня населения в разы с 1989 года с 542 868 до 134 315 в нынешнем году. Искусственно развитые в сталинскую эпоху территории становятся современному человеку неинтересными из-за своих особенностей, к которым следует отнести не только климатические условия и географическую удаленность, но и социально – культурные особенности. Например, в 1933 году Магаданскую область населяло 12 000 человек, а к 1939 году уже 173 000. Регион Коми в 1937 году имел 309 314 жителей, а к 1959 году число жителей составило 815 799 человек. Необходимо подчеркнуть, что на протяжении 20 века наблюдалась в целом положительная динамика прироста населения в регионе. На сегодняшний день уровень жизни значительно отличается от советского периода, так как произошли значительные трансформации в жизни общества, пустые прилавки сменились изобилием супермаркетов и многими другими позитивными и знаковыми изменениями в жизни граждан. При всем этом, формирующееся гражданское общество все активнее демонстрирует политическую избирательность, о чем свидетельствуют итоги выборов в государственную думу в 2021 году в Республике Коми. Вместо проходного депутата от партии власти избиратели республики проголосовали за экологического активиста и члена КПРФ, нарушив, казалось уже устоявшуюся традицию избрания членов партии «Единая Россия». Для понимания отношения населения к государственным институтам, необходимо рассмотреть итоги выборов в нижнюю палату Федерального собрания, которые состоялись осенью 2021 года. Выборы в некоторой мере являются индикатором политической активности. По результатам граждане отдали голоса Олегу Михайлову. «Единая Россия» потерпела поражение на этом голосовании в регионе. Этот факт можно расценивать, как проявление некоего рода протестного голосования населения. Коммунистическая партия в ходе избирательной кампании в столице республики набрала 30,38% голосов, «Единая Россия» набрала немного меньше – 26,87%.

В 21 веке в Республике Коми проявился некий кризис власти, связанный с деятельностью двух губернаторов. Ранее с 2001 года пост главы Республики занимали 5 народных избранников. Владимир Торлопов заступил на указанный пост в 2001 году, Вячеслав Гайзер – в 2014 году и в 2016 Сергей Гапликов с 2020 Владимир Уйба. При этом два руководителя региона осуждены судом за совершение преступлений. Данные факты привлечения к уголовной ответственности Торлопова и Гайзера не способствовали росту авторитета региональной политической элиты. При этом совершённые губернаторами преступления относятся к категории коррупционных и связанных с причинением ущерба государству и республике – в частности.

За последние десятилетия в регионе не создан привлекательный инвестиционный климат, не сформированы устойчивые источники роста, что отражается на уровне жизни населения. По официальным данным Коми – это субъект с высокими доходами, но граждане, получающие доходы на уровне МРОТ, который составляет порядка 33313 рублей. Многие граждане, занятые полный рабочий день в бюджетных и не бюджетных организациях и получающие заработную плату чуть более минимальной заработной платы справедливо сомневаются в реальности статистических данных, свидетельствующих о средней заработной плате в регионе. И они правы в том смысле, что при высокой средней заработной плате уровень бедности в Коми, который считается богатым регионом, превышает среднероссийский показатель, как и уровень закредитованности населения. Если же говорить о ценах на продукты питания, предметы первой необходимости и услуги, то они в регионе существенно выше, чем во многих других регионах, а потому о материальном положении граждан в Коми следует судить, оценивая уровень доходов и расходов семей и по социологическому показателю субъективной бедности. А субъективная бедность, по данным исследований, вдвое превышает уровень официальной бедности, что может служить важным показателем, характеризующим социальные риски, в частности процесс обнищания населения, который провоцирует следующие угрозы.

Уровень жизни граждан не может расти в регионе, где достаточно быстро растут тарифов на оплату услуг ЖКХ и электроэнергию, которые уже поднялись на 10% в 2025 году и опережают, к примеру, индексацию заработной платы работников бюджетной сферы. Вышеназванные явления не только вызывают недовольство граждан, но и провоцируют миграцию за пределы региона.

По данным опросов студенческой молодежи, которые были проведены в Коми и других республиках с финно-угорским населением в последние годы, примерно часть студентов и старших школьников собирается покинуть пределы республики и основными мотивами являются поиски достойной и интересной работы и невозможность реализовать себя в тех социально-экономических реалиях, которые есть в республике. Иными словами, для молодежи, которая стремиться к карьерному росту, получению престижной и хорошо оплачиваемой работы перспектив в республике нет. И это не только мнение самих молодых людей, а суровая реальность всей российской периферии, включая и Коми[3]. В ходе исследования проведено анкетирование групп студентов в 2025 году. 33,0% респондентов заявили, что планируют переезд в другой регион, а 67% однозначно заявили о своем стремлении переехать в другой регион страны с более развитой инфраструктурой и привлекательностью. Также это связано с поиском высокооплачиваемой работы. Ярким примером следует отметить, что студенты, окончившие высшие учебные заведения в основной массе обречены на получение минимального размера оплаты труда, особенно это касается учреждений местного бюджета в Федеральных организациях условия более привлекательные, кроме того опираясь на данный недостаток многие из них предполагают трудовую занятость не по специальности.

Высокий уровень миграционных настроений среди жителей столицы Коми, особенно среди молодежи, опросы фиксируют с 2010 г., о том же самом свидетельствуют и данные других исследований. При этом немалую роль в росте миграционных настроений играет состояние рынка труда. Здесь наблюдается очевидный дефицит привлекательных рабочих мест с высоким уровнем заработной платы, что не может удовлетворить креативный класс и амбициозную молодежь.

На фоне общей неблагоприятной картины социально-экономического развития региона у его жителей формируются устойчивые миграционные настроения, связанные со стремлением покинуть Коми. Эти настроения, согласно миграционной теории, можно рассматривать не только как проявление социальной неудовлетворенности, но и как форму протеста. Более того, эти настроения являются в Коми весьма устойчивыми и потому демографы прогнозируют дальнейшее существенно снижение численности жителей региона, одной из причин которого является отрицательное сальдо миграции и значительный отток жителей за пределы РК. Это в свою очередь приводит к старению населения, поскольку в числе мигрантов значительную долю составляет молодежь, порождает новые социальные угрозы и риски,

[1] http://www.komi.izbirkom.ru 2020

[2] https://11.rosstat.gov.ru/population

[3] Шабаев Ю.П. Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 3. С. 288–310. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.305

осложняет социально-экономическое развитие региона. Ярким примером следует отметить, что в городах Воркута, Инта, Печора, Емва, Вуктыл, Усинск не строятся новые многоквартирные дома.

Об этом неблагополучии свидетельствуют не только демографические процессы, имеющие место в РК, но и общий вектор ее экономического развития, который показывает, что имеет место деградация ее экономики и социальной сферы и ВРП региона в пересчете на душу населения, несмотря на существенное сокращение численности жителей, не растет, а сокращается[1].

Отмеченные факты и явления свидетельствуют о том, что миграционные процессы на территории Республики Коми протекают активно и остановить миграцию за пределы региона, стабилизировать ситуацию можно лишь за счет масштабной и эффективной работы всех государственных ведомств, направленной на обеспечение ускоренного социального и экономического прогресса региона.

Оценивая эффективность деятельности государственных институтов в Республике Коми, следует отметить, что на современном этапе регионального развития имеется множество нерешенных социальных проблем, которые требуют, как серьезного анализа, так активного вмешательства со стороны государственных институтов власти и постоянного мониторинга.

Измерение эффективности на региональном уровне в Республике Коми непосредственно эффективности государственных институтов на сегодняшний день не является решенной задачей, ибо формальные отчеты о проведенных мероприятиях и израсходованных бюджетных средствах не могут служить критерием эффективности. Для качественной оценки деятельности государственных институтов необходима новая форма оценки и ее необходимо разработать совместными усилиями в ходе специальных исследований в каждом конкретном регионе. Применительно к ситуации, складывающейся в Республике Коми, можно назвать несколько вполне очевидных рисков, которые будут определять характер регионального развития в ближайшие годы: 1) риск деиндустриализации региона в результате деградации старых отраслей например угледобыча и отсутствия инвестиций в новые индустриальные проекты, 2) риск депопуляции в результате продолжающейся массовой миграции за пределы региона и прогрессирующего старения населения, 3) риск опустынивания ранее освоенных территорий, связанный с сокращением как сельской, так и городской поселенческой сети и деградацией их социальной инфраструктуры, 4) риск хронического бюджетного дефицита из-за сокращения экономического потенциала и налоговых поступлений, что приведет к нарастающему недофинансированию бюджетной сферы, 5) риск дезинтеграции территориального сообщества, поскольку стратегия интеграции в республике слабо выражена.

Исследованием отмечено, что миграции за пределы региона, которые приобрели хронический характер, являются формой протеста значимой части трудоспособного населения, которое не удовлетворено уровнем жизни и перспективами развития региона и ищет возможности для повышения доходов и качества жизни за пределами Коми, особенно это касается молодежи и наиболее активной и профессионально подготовленной части населения. Мигрирует за пределы региона и часть малого и среднего бизнеса.

Данное исследование строится на неких новых подходах к анализу эффективности политических процессов в Республике Коми, которые согласуются с требованиями электората, предъявляемым к институтам государственной власти.

Обобщая вышесказанное, мы полагаем, что целесообразно при оценке эффективности деятельности государственных институтов в сфере регулирования социальной сферы регионов, использовать не только такой индикатор как общественное мнение, фиксируемое в ходе массовых опросов населения (к качеству некоторых из них можно предъявить серьезные претензии), но и индикатор достигнутых целей например, в преодолении перечисленных групп рисков.

На современном этапе развития Региона требуются новые методы оценки эффективности государственных институтов с призмы не оценки с учетом ряда других факторов. В числе дополнительных факторов оценки должны быть показатели снижения социальных рисков в регионе и если, к примеру, массовая миграция из региона остается стабильно высокой, то ни о какой эффективности социальной политики речи быть не должно.

Литература

[1] Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: Издательский центр КАН, 2018. – 111 с.

1. Конституция России принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года). ст. 65. http://pravo.gov.ru (дата обращения: 25.09.2025).

2. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012 г. N 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». С изменениями 6 декабря 2018 г. http://pravo.gov.ru (дата обращения: 11.08.2023).

3. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». С. 1.

4. Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» стр.1. http://pravo.gov.ru (дата обращения: 16.10.2025).

5. Конституция Республики Коми от 17 февраля 1994 года (с изменениями на 1 июля 2021 года) ст. 2, ст. 8. http://pravo.gov.ru (дата обращения: 18.09.2025).

6. Республиканский закон от 26 декабря 2013 года N 140-РЗ «О Главе Республики Коми, Правительстве Республики Коми и органах в системе исполнительной власти Республики Коми» ст. 7 http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.10.2025).

7. Республиканский закон от 7 декабря 2021 года N 136-РЗ «О республиканском бюджете Республики Коми на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов» https://docs.cntd.ru/document/578000847 (дата обращения: 23.10.2025).

8. Указ Главы Республики Коми от 17 января 2022 года № 2 «О правительстве Республики Коми». https://www.garant.ru/hotlaw/komi/1525676/ (дата обращения: 09.09.2025).

9. Постановление Правительства Республики Коми от 18 декабря 2020 года № 627: Об утверждении региональной программы «Снижение доли населения Республики Коми с доходами ниже прожиточного минимума на период до 2030 года». С. 3

10. Межэтнические отношения и миграционная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за 2018 год / Ред. Смирнова Т.Б., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: «Издательский центр КАН», 2019. – 118 С.

11. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в регионах Центра, Северо-Запада, Сибири и Дальнего Востока России. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Тишков В.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – М.-Омск: Издательский центр КАН, 2018. – 111 с.

12. Шабаев Ю.П. Молодежный вызов на российской периферии: положение молодежи в Карелии, Коми, Удмуртии, Марий Эл и Мордовии // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 3. С. 288–310. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.305

13. Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2014 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. В 2-х томах / Ред. В.А. Тишков и В.В. Степанов. – Москва: ИЭА РАН, 2016. – 765 с. (т. 2–408 с.).

14. www.un.org Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 25 сентября 2015 года. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». С. 17 (дата обращения 20.09.2025).

15. https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/mass-media/2023 (дата обращения 23.09.2025).

16. http://www.komi.izbirkom.ru 2020 (дата обращения 20.09.2025).

17. https://11.rosstat.gov.ru/population (дата обращения 16.02.2023).

18. https://komi-nao.ru/komi (дата обращения 06.12.2022).

19. http://www.tribuna.nad.ru/severyane- trebuyut-reshitelnyx-mer-po-likvidacii-nefterazlivov/2016 (дата обращения 19.12.2022).

20. Pearson J. Efficiency as the Primary Value in the Public Administration. URL: http:// patimes.org/efficiency-primary-public-administration (accessed: 09.08.2025).

MIGRATION RISKS IN THE INTERPRETATION OF THE DETERMINISM OF THE EFFECTIVENESS OF STATE INSTITUTIONS: THE CASE OF THE KOMI REPUBLIC

Konakov R.V.
Komi Republic Academy of Public Administration and Management

This research is relevant for the Komi Republic, as monitoring the economic, social, demographic, and ethnopolitical situation in the region reveals numerous problems, many of which are manifestations of the systemic crisis experienced by the territorial community. The current socio-political landscape of Komi and other regions is distinctly individual, and the study of these characteristics is ongoing. Research conducted to date does not answer all the emerging questions regarding aspects of socio-political progress affecting social relations and the population of the Komi Region.

Keywords: effectiveness of state institutions, political processes, electorate, risks, migration.

References

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended by the all-Russian vote on July 1, 2020). Art. 65. http://pravo.gov.ru (accessed on September 25, 2025).

2. Decree of the President of the Russian Federation of December 19, 2012 No. 1666 "On the Strategy for the State National Policy of the Russian Federation through 2025." As amended on December 6, 2018. http://pravo.gov.ru (accessed on August 11, 2023).

3. Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030." P. 1.

4. Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation through 2025 approved by Decree of the President of the Russian Federation of January 16, 2017 No. 13 "On Approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation through 2025," p. 1. http://pravo.gov.ru (accessed: October 16, 2025).

5. Constitution of the Komi Republic of February 17, 1994 (as amended on July 1, 2021), Art. 2, Art. 8. http://pravo.gov.ru (accessed: September 18, 2025).

6. Republican Law of December 26, 2013 No. 140-RZ "On the Head of the Komi Republic, the Government of the Komi Republic, and Bodies in the Executive Branch of the Komi Republic," Article 7, http://pravo.gov.ru (accessed on October 23, 2025).

7. Republican Law of December 7, 2021, No. 136-RZ "On the Republican Budget of the Komi Republic for 2022 and the Planning Period of 2023 and 2024," https://docs.cntd.ru/document/578000847 (accessed on October 23, 2025).

8. Decree of the Head of the Komi Republic of January 17, 2022, No. 2 "On the Government of the Komi Republic." https://www.garant.ru/hotlaw/komi/1525676/ (accessed on September 9, 2025).

9. Resolution of the Government of the Komi Republic December 18, 2020, No. 627: On Approval of the Regional Program "Reducing the Share of the Population of the Komi Republic with Incomes Below the Subsistence Minimum for the Period up to 2030". P. 3

10. Interethnic Relations and the Migration Situation in the Regions of the Center, Northwest, Siberia, and the Far East of Russia. Expert Report for 2018 / Ed. Smirnova T.B., Stepanov V.V., Starchenko R.A. – M.-Omsk: "Publishing Center of the KAS", 2019. – 118 p.

11. Interethnic Relations and the Religious Situation in the Regions of the Center, Northwest, Siberia, and the Far East of Russia. Expert Report for the First Half of 2018 / Ed. Tishkov V.A., Stepanov V.V., Starchenko R.A. – M.-Omsk: Publishing Center of the KAS, 2018. – 111 p.

12. Shabaev Yu.P. Youth Challenge on the Russian Periphery: The Situation of Young People in Karelia, Komi, Udmurtia, Mari El, and Mordovia // Political Expertise: POLITEX. 2021. Vol. 17. No. 3. Pp. 288–310. https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.305

13. Ethnopolitical Situation in Russia and Adjacent States in 2014. Annual Report of the Ethnological Monitoring and Early Warning Network. In 2 volumes / Eds. V.A. Tishkov and V.V. Stepanov. – Moscow: IEA RAS, 2016. – 765 p. (Vol. 2–408 p.).

14. www.un.org Resolution adopted by the UN General Assembly on 25 September 2015. "Transforming our world: the 2030 Agenda for Sustainable Development." P. 17 (accessed 20 September 2025).

15. https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_11/mass-media/2023 (accessed 23 September 2025).

16. http://www.komi.izbirkom.ru 2020 (accessed 20 September 2025).

17. https://11.rosstat.gov.ru/population (accessed 16 February 2023).

18. https://komi-nao.ru/komi (accessed 06 December 2022).

19. http://www.tribuna.nad.ru/severyane-trebuyut-reshitelnyx-mer-po-likvidacii-nefterazlivov/2016 (accessed 12/19/2022).

20. Pearson J. Efficiency as the Primary Value in the Public Administration. URL: http:// patimes.org/efficiency-primary-public-administration (accessed: 08/09/2025).

Институционализация исторической памяти о И.В. Сталине и структурная трансформация партийного дискурса: кейс XIX съезда КПРФ

Ли Чжожу,
аспирант МГУ имени М.В. Ломоносова; заместитель генерального секретаря Общества мировой политической экономии; приглашенный научный сотрудник Института исследований государственной безопасности при Нанкайском университете
E-mail: liz@my.msu.ru.

Чэн Эньфу,
доктор экономических наук, профессор, президент Всемирной ассоциации политической экономии, академик Китайской академии общественных наук, главный профессор Университета Китайской академии общественных наук, почётный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор Шанхайского университета финансов и экономики
E-mail: 65344718@vip.163.com

Ван Цзинсюань,
магистр Бэйханского университета
E-mail: 1145691644@qq.com

Статья осуществляет сравнительный анализ политических докладов XVIII (2021) и XIX (2025) съездов КПРФ и сопряжённых резолюций с использованием институционального анализа и критического дискурс-анализа. Исследование фокусируется на институционализации исторической памяти («память о И.В. Сталине») как механизме конверсии символических ресурсов через связку «схематический нарративный шаблон – организационные регламенты – повседневные практики», влияющей на организационную идентичность и мобилизационную способность. Показано: (1) смещение ядра наррации от национально-опытного регистров к макросоциологической рамке глобального структурного кризиса; (2) переориентация повестки с экономики и благосостояния к проблематике институциональных границ и реагирования на внешние давления; (3) институциональная реконфигурация памяти повышает внутрипартийную сплочённость и расширяет границы потенциальных межгрупповых альянсов. Формулируется гипотеза о «реинтеграционном эффекте», требующая последующей эмпирической проверки.

Ключевые слова: институционализация исторической памяти; трансформация дискурса; символический капитал; организационная идентичность; реинтеграционный эффект.

В последние годы политический дискурс КПРФ демонстрирует отчётливую динамику трансформации. Под влиянием геополитических факторов – российско-украинского конфликта и санкционного давления – по имеющимся данным зафиксированы корректировки структур дискурса, политической повестки и идеологических установок. Однако в академической литературе по-прежнему недостаёт системного анализа механизмов поддержания баланса между идеологической преемственностью и актуальными стратегическими потребностями в контексте указанных сдвигов.

Опираясь на сопоставительный анализ политических отчётов XVIII (2021) и XIX (2025) съездов КПРФ и сопряжённых с ними резолюций, фиксируются конкретные изменения в дискурсивной архитектуре, приоритетах повестки и модусах идеологической репрезентации, при этом обосновывается ведущая роль институциональной реконфигурации памяти о И.В. Сталине в механике дискурсивной трансформации и во внутренней логике стратегической адаптации партии. Для концептуализации связки «память – государство – мобилизация» необходим марксистский теоретический фундамент. Как отмечал В.И. Ленин: «по Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим» [17, с. 7]. Исходя из этого, институционализация сталинской памяти вписывается в функциональную структуру партии и государства как ресурс легитимации и организационной дееспособности. Эвристически формулируется гипотеза: формализованное включение сталинской памяти обеспечивает тонкую настройку между преемственностью и текущими политическими требованиями, вследствие чего укрепляются партийная идентичность и основания политической легитимности.

В теоретическом плане, прежде всего, анализируются механизмы конверсии сталинского исторического нарратива в организационный ресурс через призму институционализации коллективной памяти и концепта символического капитала. Кроме того, при обращении к критическому дискурс-анализу рассматривается, каким образом идеологические коррекции КПРФ откликаются на кризис глобального капитализма и на внутриполитическую конкуренцию. Методологически исследование опирается на углублённый сравнительный анализ указанных текстов и сопутствующих резолюций, в результате становятся различимыми характеристики и регулярности дискурсивной трансформации. Чтобы избежать концептуальных смещений в триаде «историческая память – организационные механизмы – мобилизационная эффективность», в анализ целесообразно ввести операционализируемый уровень «схематического нарративного шаблона». Как справедливо отмечает О. Фельдберг, «схематический нарративный шаблон» функционирует как унифицированная аналитическая единица политики памяти [5, с. 44–58]. Исходя из этого, «память о И.В. Сталине» трактуется как шаблонно организованное конструирование нарративов, которое объясняет институционализацию в связке образование – коммеморация – медиа и её межинституциональную передачу. В то же время, во избежание редукции триады «историческая память – организационные механизмы – мобилизационная результативность» к линейной причинности следует ввести переменную публичной переговорности памяти. Как справедливо отмечают В.С. Малахов и Д.Э. Летняков, «коллективная память … является результатом постоянно идущих в обществе переговоров» [19, с. 60–74]. Отсюда нормативизация «памяти о Сталине» трактуется как институционализированная нарративная практика.

Рекомпозиция нарратива и тематических блоков: структурные особенности отчёта XIX съезда

Политические отчёты XVIII съезда КПРФ (апрель 2021) и XIX съезда (июль 2025) демонстрируют заметный разрыв в дискурсивной архитектуре, тематической фокусировке и теоретико-понятийных формулировках, причём на фоне трансформации международной и внутриполитической обстановки по материалам документов прослеживается эволюция партийного дискурса.

Прежде всего в плоскости структуры и композиции фиксируются различия организационной логики разделов. Отчёт XVIII съезда выстроен вокруг обобщения опыта и внутриполитической борьбы, причём корпус разделов охватывает защиту прав трудящихся, критику

уязвимостей капиталистической системы, партийное строительство, анализ международной конъюнктуры и культурно-идеологическое противоборство. В начале последовательно инвентаризируются достижения за четыре года по семи приоритетам: организационное укрепление, защита прав членов, противодействие «цветным революциям», продвижение патриотической экономической модели, формирование предприятий коллективной собственности, сопротивление расширению НАТО, охрана советского исторического наследия [12].

В отличие от отчёта XVIII съезда, документ XIX съезда организован как более теоретизированная композиция с укрупнённой системой разделов. Вступительный блок разворачивает макротеоретическое прочтение структурного кризиса мирового капитализма, где первый раздел акцентирует имманентную неизбежность «большого кризиса» капитализма, тогда как второй, в продолжение, аналитически квалифицирует глобализацию как специфическую форму проявления империализма. Далее, с опорой на указанную рамку, последовательно интерпретируются многомерное воздействие глобальных вызовов на Россию, фазовые изменения в идеологическом противоборстве, современные антисоветские тенденции и контрмеры, а также внутренняя сцепка «российского пути» с программой КПРФ, что логически подводит к разделу об укреплении авторитета и боеспособности партийной организации. Таким образом, отчёт XIX съезда интегрирует внутреннюю политическую проблематику России в макротеоретическую перспективу структурного кризиса мирового капитализма и империалистической конкуренции, вследствие чего эмпирически прослеживается сдвиг партийного дискурса от обобщения опыта к теоретической макропозиции [11].

Во-вторых, в плоскости ключевых политических вопросов и их дискурсивного выражения фиксируется заметный сдвиг акцентов. Основной фокус отчёта XVIII съезда приходился на выборы в Государственную Думу и модификацию внутриполитического порядка, причём, опираясь на детальную реконструкцию последствий шоковой приватизации после развала СССР, документ диагностировал долговременный экономический спад, демографический кризис и технологическое отставание трёх десятилетий «реставрации капитализма», одновременно предлагая набор институциональных решений по восстановлению советских преимуществ через возвращение к системе государственного планирования, национализацию стратегических отраслей, а также универсальные бесплатные образование и здравоохранение.

С конца 2013 года выбор украинского правительства между Соглашением об ассоциации с ЕС и Евразийским экономическим союзом вызвал эскалацию российско-украинского конфликта и усиление противостояния России с Западом, что, в известной мере, конвертировалось во внутренний политический кризис и обозначило переход от нарратива «славянского сообщества» к устойчивой структурной конфронтации. В этой рамке дискурс XIX съезда демонстрирует более явную ориентацию на «государственный суверенитет» и «международную антигегемонистскую борьбу». В докладе подчёркивается, что Россия сталкивается с комплексной экзистенциальной угрозой для «русского мира» со стороны НАТО, а защита национальных интересов и социальной справедливости объявляется ключевым узлом новой программы. В отличие от XVIII съезда, сосредоточенного на критике внутреннего олигархического порядка, XIX съезд интерпретирует проблемы развития как проявление структурного кризиса мирового капитализма, при этом партия не смягчает осуждения внутренних дефектов системы, включая коррупцию власти и кризис политического доверия, функциональные сбои избирательного механизма и институционализированное расхищение государственных ресурсов. В целом через макроисторический нарратив доклад сопрягает внутренние социальные проблемы с глобальными противоречиями капитализма, одновременно мобилизуя традиции Великой Отечественной войны и антифашистской борьбы для создания резонанса между социальными запросами и задачами защиты суверенитета, что эмпирически прослеживается как попытка совместить социалистическую программу с патриотическим дискурсом для укрепления легитимности и мобилизационного потенциала внутри страны и на международной арене.

Наконец, на уровне терминологии и идеологических конструктов доклад XIX съезда выглядит системнее и концептуально насыщеннее, нежели материалы XVIII съезда. Если последний преимущественно оперировал классическим марксистским лексиконом и советскими идеологемами, акцентируя ценность «основ марксизма-ленинизма» и «ленинско-сталинского опыта модернизации», а также прибегал к прямолинейным обозначениям вроде «олигархические кланы», «шоковая терапия», «антисоветское правительство», то документ XIX интегрирует аппарат современной политической экономии и критической теории. В нём системно эксплицируются структурные признаки империализма в эпоху глобализации – доминирование финансового капитала над реальным сектором, институционализация неравноправного обмена, экспансия культурной гегемонии и информационного колониализма, формирование паразитической экономики и углубление экологического кризиса, – одновременно артикулируется двойная идеологическая угроза в виде неолиберальной компрадорской доктрины и антикоммунистического реваншизма, маскирующегося под ультраправый национализм и монархизм. По имеющимся данным и эвристически это указывает на усложнение, теоретизацию и академизацию идеологического дискурса КПРФ.

Таким образом, сопоставительный анализ политических отчётов XIX и XVIII съездов КПРФ подтверждает значимую институциональную перестройку в структурной организации текста, приоритетах политической повестки и теоретико-терминологической системе партийных документов. Указанная трансформация на фоне глубинных структурных изменений международной и внутренней среды посредством корректировки стратегии политического дискурса направлена на утверждение идеологического лидерства КПРФ и укрепление оснований политической легитимности в российской и мировой политической архитектуре.

При этом институционализированная переоценка и интеграция исторического наследия, прежде всего памяти о И.В. Сталине, выступает ключевым узлом текущей трансформации дискурса – соответствующая стратегия стремится через эффективную институциональную мобилизацию символических ресурсов истории консолидировать идеологическое единство организации и расширить контуры политической идентификации на более широком социальном уровне. Чтобы корректно объяснить перекалибровку связки «прошлое – настоящее» в дискурсе XIX съезда, целесообразно учитывать операционализируемую переменную временной связности, формируемую политизированными апелляциями к «общему прошлому». Как отмечает Д. Хлевнюк: «временная связность культивируется через политизированные обращения к разделяемому прошлому» [7, с. 390–406], следовательно, институционализация памяти эмпирически выступает как перенастройка временных структур и режимов историчности. В теоретическом плане процесс институционализации коллективной исторической памяти акцентирует характерную для политических партий целевую установку на достижение реальной политической мобилизации через непрерывную трансформацию и перераспределение символических ресурсов. Учитывая стратегическую природу транснациональных «конфликтов памяти», целесообразно вводить в аналитическую рамку «памятное сдерживание» как звено институциональной цепи. Как подчёркивают К. Густафссон и М. Мялксоо, «укрепление коллективной памяти и онтологической безопасности посредством сдерживания» [6], – следовательно решения XIX съезда КПРФ в областях коммеморации, образования и символического пространства уместно трактовать как превентивную конфигурацию сдерживания, нацеленную на нейтрализацию делегитимирующих нарративов. Для операционализации понятия «институционализированная память» целесообразно опереться на междисциплинарный корпус исследований памяти. Как отмечает Д.М. Ковба, «Исследования памяти – это довольно широкое поле, включающее в себя такие концепты, как коллективная память, культурная память, политика памяти, историческое сознание, историческая политика и некоторые другие» [21, с. 4]. Соответственно добавим к институциональным регламентам когнитивно-нарративный, организационный и политико-управленческий уровни анализа.

Далее для углублённого анализа институциональной логики и механизмов корректировки дискурса рассматривается конкретная политическая функция, реализуемая реконструкцией исторической памяти. При этом показательна следующая закономерность: эффективное воспроизводство и ретрансляция символического капитала опираются на нормативную институциональную структуру, встроенную в систему партийного управления, тогда как производство символических ресурсов без институциональной укоренённости в кризисные периоды эмпирически склонно к быстрому распаду. Следовательно, только закрепление мемориальных исторических нарративов в качестве долгосрочных и стабильных организационных норм способно при постоянной реконфигурации социальных структурных противоречий обеспечивать устойчивое поддержание групповой политической идентичности и организационной сплочённости [30, с. 93–111].

Институционализация «сталинской памяти»: конверсия символического капитала и формирование организационной идентичности

Как показано выше, трансформация политического дискурса и программных установок КПРФ при сохраняющемся запросе на историческую преемственность требует углублённого анализа функций и механизмов исторической памяти в этом процессе. Прежде всего не-

обходимо реконструировать, как XIX съезд КПРФ через формально-институциональные резолюции и практики идеологического дискурса переосмыслил образ И.В. Сталина, постепенно конвертируя его в внутрипартийный исторический консенсус и наделяя высоким символическим политическим капиталом. Исходя из этого, системный разбор соответствующих практик работы с памятью позволяет по имеющимся данным эмпирически проверить, выступает ли институциональное переосмысление памяти о И.В. Сталине важным механизмом, способствующим трансформации политического дискурса КПРФ и укреплению интеграции внутрипартийной политической идентичности. Эвристически уместно сопоставить указанный механизм с выводами В.В. Скоробогацкого, согласно которым при структурном разрыве между целями модернизации и фактическими политическими результатами ностальгия по советской истории и производные от неё нарративы «утраченного рая» подвергаются институциональной репродукции и переработке в значимый символический ресурс реинтеграции политического сообщества [25]. Чтобы связать институциональную переоценку с массовой идентификацией, необходима фиксация «нормативной правоты» общественной памяти. Как подчёркивает Г.А. Зюганов: «С именем Сталина – продолжателем дела Ленина – связаны самые значимые страницы нашей истории» [14]. Следовательно, данный нарратив функционирует как легитимирующая опора межпоколенческой исторической непрерывности.

И.В. Сталин перед смертью пророчески заметил: «Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора. Но ветер истории безжалостно развеет его» [29]. В последние годы в российском обществе стремительно растёт оценка И.В. Сталина: если в 2021 г. 54% [16] респондентов считали его великим руководителем, то к концу 2024 г. этот показатель достиг 71% [24]. На этом фоне переоценка исторической роли И.В. Сталина, инициированная XIX съездом КПРФ и оформленная в двух текстах – политическом докладе и специальной резолюции, – вызвала заметный резонанс, запустив двойной процесс символического конструирования образа и институционального переосмысления коллективной памяти. В результате соответствующая повестка стала важным элементом комплексной трансформации политического дискурса КПРФ и содействовала переконфигурации её символического капитала в международной левой дискурсивной системе. Как отмечает российский исследователь А.В. Никандров, «символическое конструирование отношений между политическим лидером и народом, диалектически объединяющее демократические устремления с принципом единоначалия, наделяет исторический образ И.В. Сталина символической функцией, способной обеспечивать политическую интеграцию через социальные страты» [22, с. 47–70].

Во-первых, XIX съезд КПРФ институционализировал оценку исторической памяти о И.В. Сталине, утвердив постановление «О всестороннем и полном восстановлении исторической справедливости в отношении И.В. Сталина», которое однозначно закрепило необходимость объективного восстановления его исторической роли [27]. «Искажение, отрицание и очернение И.В. Сталина имеет две причины. Первая – вопрос познания, связанный с разногласиями внутри нашего собственного лагеря; вторая – вопрос позиции, стоящей на антимарксистско-ленинских, антисоциалистических и антинародных позициях, относящейся к реакционной пропаганде» [10]. Резолюция нацелена на научное осмысление истории и одновременно твёрдо отстаивает марксистско-социалистические позиции, подвергая системной критике огульное отрицание И.В. Сталина, артикулированное на XX и XXII съездах КПСС. В особенности подчёркивается ошибочность и политическая предвзятость «секретного доклада» Н.С. Хрущёва 1956 года, который, по оценке авторов, исказил и очернил исторический вклад И.В. Сталина. Кроме того, фиксируется негативное воздействие «десталинизационных» решений XXII съезда на советский социалистический проект и динамику международного коммунистического движения. Через форму постановления высшего партийного органа КПРФ институционализировала вопрос оценки И.В. Сталина, утвердив план организационной реализации и тем самым перевела память о нём из плоскости внутрипартийной дискуссии в форму единой политической воли и практического ориентира. Резолюция предлагает ряд институциональных мер по восстановлению исторической памяти о И.В. Сталине. В сопоставительном контексте уместно напомнить слова Ф. Энгельса: «Буржуазия все превращает в товар, а, следовательно, также и историю. В силу самой ее природы, в силу условий ее существования ей свойственно фальсифицировать всякий товар: фальсифицировала она также и историю. Ведь лучше всего оплачивается то историческое сочинение, в котором фальсификация истории наиболее соответствует интересам буржуазии.» [20, с. 524]. Резолюция отвергает ошибочную тенденцию исторического нигилизма, настаивая на материалистическом подходе к изучению советской истории. Во-первых, на уровне символического пространства резолюция признаёт ключевую историческую роль И.В. Сталина в руководстве СССР к победе в антифашистской войне, подтверждая, что «великая победа СССР радикально ускорила прекращение многовекового процесса западного грабежа и контроля над миром» [13]. Резолюция призывает Президента Российской Федерации восстановить исторические наименования – городу Волгограду «Сталинград», области «Сталинградская область», – подчёркивая символическую значимость шага для поддержания исторической памяти и противодействия неонацизму. Тем самым КПРФ стремится включить вопросы исторической символики в государственную повестку и усилить позитивную репрезентацию И.В. Сталина в публичной мемориальной сфере. Во-вторых, в сфере идеологического образования резолюция обязывает партийные комитеты и пропагандистские органы активно применять её положения и ввести специализированные учебные курсы в контур партийно-политического воспитания, вследствие чего теоретическое и практическое наследие И.В. Сталина институционально интегрируется в образовательную систему партии, становясь ключевым элементом идеологической работы и формирования сознания членов. В-третьих, предписывается до XX съезда КПРФ интенсифицировать мемориальные мероприятия, углубить исследование и популяризацию идейного наследия и теснее связать его с современной практикой лево-патриотических движений. В результате историческая память о И.В. Сталине институционализируется как практическая задача партийных организаций, формируя единую линию мемориальной политики. Для учёта внешней среды политики памяти целесообразно показать, каким образом различные политические акторы конструируют мнемонические альянсы вокруг советского и антифашистского нарратива. Как отмечают Н. Пауловичова и О. Гьярфашова, «мнемонические стратегии формируют мнемонический альянс с Россией Путина» [9, с. 1255–1272], поэтому антинигилистическая повестка XIX съезда КПРФ интерпретируется как ответ на внешние стратегии переосмысления и попытки делегитимации.

Политический доклад на XIX съезде посредством дискурсивных практик встраивает образ И.В. Сталина в партийную идеологию и наделяет его новой символической ценностью. Эффективность «риторики жертвы» у правящих партий объяснима тем, что политика памяти институционально создаёт каналы для поддержания статуса «ущемлённого большинства» даже при обладании властными ресурсами: как отмечают Й. Мейен и П. Вермеерш, «политика памяти – важная опора, позволяющая популистам сохранять риторику аутсайдера» [8, с. 932–950]. Отсюда следует интерпретировать усилия XIX съезда по тематизации «суверенитета и безопасности» как мобилизационный ресурс легитимации, перенастраивающий фокус ответственности на экзогенные угрозы и консолидирующий коалицию поддержки. Председатель ЦК КПРФ Г.А. Зюганов неоднократно ставит И.В. Сталина в один ряд с Лениным, акцентируя его роль как основателя советского государства и символа национальной памяти, сравнивает со святым Александром Невским, подчёркивая позитивный статус в коллективной памяти нации, и указывает, что патриотический импульс сталинской эпохи обладает мощной мобилизационной силой в условиях текущего противостояния России с НАТО. Отсюда вытекает: для КПРФ Сталин перестаёт быть лишь исторической фигурой и функционирует как ресурс современной политической мобилизации.

Сравнительная перспектива дополнительно артикулирована в оценке Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина: «Почему распался СССР? Почему рухнула КПСС? Важная причина – ожесточённая борьба в идеологической сфере, полное отрицание советской истории, истории КПСС, отрицание В.И. Ленина и И.В. Сталина, распространение исторического нигилизма, что привело к хаосу в умах, параличу партийных организаций и потере контроля над армией. В итоге могущественная КПСС развалилась, а великая социалистическая страна распалась. Это должно служить предостережением!» [15, с. 113]. Тем самым подтверждается, что корректная оценка лидеров и созданной ими истории критически значима для судьбы правящей партии и государства, причём ради усиления символической значимости аргументации политический доклад XIX съезда КПРФ широко апеллирует к достижениям сталинской эпохи и к классическим работам И.В. Сталина, тем самым подкрепляя авторитет и историческую преемственность изложения. Так, конструкт «ленинско-сталинского» этапа используется для фиксации вклада СССР в развитие союзных республик, осуждается демонтаж памятников В.И. Ленину и поддерживается восстановление монументов И.В. Сталину. Кроме того, цитируются выступления И.В. Сталина на XVII съезде ВКП(б) о важности партийной дисциплины и борьбе с бюрократизмом. В целом, как отмечает Ши Чжубан, «в своей деятельности Сталин не отступал от научной социалистической теории Маркса и Энгельса, а внёс значительный вклад в её развитие, обогатив марксистскую теорию» [1]. Посредством прямого цитирования и исторических нарративов КПРФ

институционально закрепила сталинские идеи в составе собственной теоретической системы, тем самым подчёркивая историческую легитимность и актуальную применимость идеологии. В политическом докладе XIX съезда, в контексте обсуждения мирового социалистического движения и его революционной традиции, Сталин включён в пантеон международных революционных лидеров во главе с В.И. Лениным, который охватывает Георгия Димитрова, Мао Цзэдуна, Хо Ши Мина, Фиделя Кастро, Че Гевару и Уго Чавеса, вследствие чего конструируется трансграничная и трансэпохальная последовательность лидеров международного коммунистического движения. В связи с этим Мао Цзэдун отмечал, что оценка И.В. Сталина Н.С. Хрущёвым на XX съезде КПСС «сорвала покров» и «создала проблемы» [23, с. 496], вызвав глубокие негативные последствия внутри международного коммунистического движения. Нынешнее восстановление КПРФ статуса И.В. Сталина как революционного лидера фактически представляет собой его институциональную реабилитацию. Институциональное конструирование пантеона революционных лидеров несёт двойной политический смысл: с одной стороны, КПРФ позиционирует себя как легитимного преемника международного коммунистического движения, с другой – реконструирует символический статус И.В. Сталина в поле международной левой дискуссии. На протяжении длительного времени в транснациональном левом лагере сохранялись разногласия относительно оценки его исторической роли, однако, включив И.В. Сталина в символический ряд общепризнанных фигур – Мао Цзэдуна, Че Гевары, Фиделя Кастро и др., – партия стремится придать ему сопоставимую значимость и ценность, тем самым восстанавливая символическую идентичность среди леворадикальных и лево-патриотических сил. Через построение такого пантеона КПРФ эффективнее конкурирует за доминирование в международном левом дискурсивном поле, поскольку институциональное подтверждение роли И.В. Сталина подчёркивает приверженность защите наследия социалистических революций XX века и формирует общую ценностную основу с силами, почитающими символы Гевары и Кастро, при этом регулярное воспроизводство и реинституционализация этого символического капитала укрепляют дискурсивное влияние и политическую легитимность партии в глобальной нарративной системе.

Переосмысление образа И.В. Сталина на XIX съезде не исчерпывается риторикой и через институциональные механизмы глубоко интегрировано в системную трансформацию общей политической повестки. По сравнению с периодом XVIII съезда позиция политического доклада и резолюций XIX съезда относительно советского наследия, прежде всего «сталинского вопроса», претерпела качественный сдвиг. Хотя материалы XVIII съезда фиксировали достижения советской истории и апеллировали к «ленинско-сталинскому опыту модернизации», тема оценки И.В. Сталина оставалась слабо артикулированной, равно как отсутствовала ясная позиция по поводу «десталинизации» после XX съезда КПСС. В тот период дискурс делал упор на защиту советского наследия в целом, выступая против антисоветизма и русофобии, но избегая персонализированных оценок.

К XIX съезду партия осознала стратегическую ценность реконструкции исторического образа И.В. Сталина и постановлениями съезда заявила полный отказ от хрущёвской линии «десталинизации». После развала СССР М.С. Горбачёв, А.Н. Яковлев и их единомышленники, руководствуясь специфическими политико-историческими установками, стремились переложить ответственность за крах на «сталинскую модель управления», отрицая достижения советского социализма и стигматизируя его природу. В ответ XIX съезд КПРФ осудил эти нарративы, оформил окончательный разрыв с ревизионистской историографией поздней КПСС, подтвердил институциональную преемственность с революционной линией и ценностями ленинско-сталинского периода и тем самым зафиксировал глубокую трансформацию политической идеологии партии. Этот шаг акцентировал стремление к соединению исторической непрерывности и революционной ортодоксии, усилив уникальную политическую идентичность КПРФ в современной российской социополитической структуре.

Институциональная реконструкция сталинской исторической памяти, инициированная XIX съездом, тесно сопрягается с общей трансформацией партийного дискурса, что подчёркивает ключевую роль памяти о советской, прежде всего сталинской, эпохе в конструировании политической легитимности и в идеологической борьбе. Исторический нигилизм в советско-российском контексте имеет глубокие корни, его институциональное распространение началось с хаоса нарративов хрущёвской «десталинизации», усугубилось идеологическим застоем брежневской эпохи и достигло апогея в период «гласности» и «демократизации» М.С. Горбачёва, что продолжает влиять на восприятие прошлого политическими акторами. С одной стороны, противостояние просоветских и антисоветских сил сохраняет остроту, а Сталин как ключевой символ остаётся в эпицентре этой борьбы. С другой стороны, КПРФ, институционально реконструируя его образ, артикулирует поддержку просоветских настроений и стремится конвертировать эмоциональные механизмы исторической мобилизации в реальную политическую поддержку. Политический доклад XIX съезда прямо утверждает, что эффективная защита советской исторической памяти коррелирует с будущим развитием и внутренней сплочённостью российского общества, вследствие чего память о И.В. Сталине трактуется партией как важный символический элемент поддержания социальной идентичности и национального единства.

Между тем, в международном левом дискурсивном поле реинституционализация исторического образа И.В. Сталина обеспечила КПРФ символический капитал и дискурсивно-дипломатические ресурсы. Резолюция XIX съезда фиксирует, что успешная практика КПК в оценке исторических заслуг и ошибок послужила ориентиром для выстраивания нарративного консенсуса с правящими коммунистическими партиями – КПК, Компартией Вьетнама, Компартией Кубы – и для координированного противодействия доминирующей на Западе дискредитирующей риторике в отношении социалистических лидеров, что, в частности, подтвердил в интервью по итогам съезда секретарь ЦК КПРФ С.П. Обухов [28]. Иными словами, через институциональное восстановление позитивной оценки исторической роли И.В. Сталина КПРФ адресует международной коммунистической системе чёткий политический сигнал, демонстрируя позицию и решимость в защите объективной исторической правды социализма, что, в итоге, укрепляет символический статус партии и расширяет её дискурсивное влияние в левом транснациональном поле, тем самым увеличивая базу международной политической идентификации и поддержки.

Подводя итог, переоценка роли И.В. Сталина на XIX съезде выступает как политическая практика, которая посредством институциональных механизмов и дискурсивных процедур конструирует высокоэффективную систему символических нарративов, укрепляя стратегическое положение КПРФ в контексте внутренней социально-политической консолидации и международного левого движения. Конкретизируя, партия институционально реконструирует историческую память, трансформируя прежние разрозненные и часто неформальные, а иногда подпольные позитивные оценки в коллективную форму памяти, обеспеченную внутрипартийным консенсусом и организационными гарантиями. Параллельно исторические символы И.В. Сталина целенаправленно увязываются со стратегическими целями текущей политической борьбы, отчего они получают современное содержательное наполнение, тогда как в интернационалистском дискурсе заново акцентируется их символическая валентность, что позволяет накапливать и реинституционализировать собственный символический капитал и тем самым усиливать революционную ортодоксию партии в международном левом движении.

Институциональная реконструкция сталинской памяти отражает не только сдвиг партийного дискурса – от индивидуальных заявлений лидеров к публично санкционированной позиции партии как коллективного субъекта, – но и более глубокое изменение роли КПРФ в пространстве международного коммунизма, где она эволюционирует от внутренней российской оппозиции к институциональному защитнику исторических традиций мирового коммунистического движения и наследия советской социалистической практики. В этой траектории образ И.В. Сталина и его символическая нагрузка становятся опорным элементом партийного дискурса, что эмпирически прослеживается в укреплении политической легитимности и организационной сплочённости через воспроизводство и реинституционализацию коллективной исторической памяти. Конкретно, XIX съезд официальной резолюцией утвердил исторические заслуги И.В. Сталина и институционально интегрировал соответствующую коллективную память в систему партийного образования и политического дискурса, вследствие чего изначально спорный исторический символ конвертирован в ресурс широкой идентификации как внутри партии, так и вне её. По имеющимся данным краткосрочный эффект такой работы с памятью проявился в повышении идеологической идентификации и приросте символического политического капитала КПРФ. Вместе с тем для точной оценки практической результативности необходим целостный анализ континуитетов и разрывов в эволюции дискурса, чтобы верифицировать, способны ли зафиксированные институциональные корректировки обеспечить ожидаемый эффект политической реинтеграции. Исходя из этого, далее в русле институциональной аналитики, сочетающей преемственность и разрывы, предполагается углубить исследование внутренней логики трансформации дискурса на XIX съезде и оценить её влияние на организационную сплочённость и социальную базу поддержки.

Континуитет и разрыв: институциональная логика реинтеграции дискурса (сопоставление XVIII–XIX съездов КПРФ)

Как показано выше, институциональное воспроизводство памяти о И.В. Сталине стало важной составляющей современного политического дискурса КПРФ. В этой связи феномен целесообразно рассматривать системно – в контексте исторической траектории идеологической эволюции партии. Опираясь на предшествующий комплексный анализ, далее предпринимается диалектическая, эвристически ориентированная оценка континуитета и разрывов в трансформации дискурса КПРФ с макроперспективы, чтобы ответить на центральный исследовательский вопрос: образуют ли зафиксированные в отчёте XIX съезда структурные корректировки действенный механизм политической реинтеграции и каковы конкретные пути его реализации. Для достижения цели последующий разбор сосредоточен на качественной верификации выдвинутых гипотез, с тем чтобы установить, как текущая дискурсивная трансформация в конкретной исторической конфигурации влияет на внутрипартийную консолидацию и интеграцию внешней социальной поддержки, а также выявить внутреннюю институциональную логику и потенциальные ограничения. По материалам текстуального анализа далее последовательно исследуется институциональная логика континуитета и разрыва в эволюции дискурса КПРФ, чтобы дополнительно проверить, способна ли стратегия конструирования исторической памяти на XIX съезде выполнять функцию политической реинтеграции, тем самым отвечая на центральную проблематику исследования.

Во-первых, в плоскости преемственности между дискурсами XVIII и XIX съездов просматривается чёткий внутренний континуитет. КПРФ неизменно удерживает базовые ценности марксизма-ленинизма как ядро теоретической ориентации, поддерживая устойчивую последовательность критики капиталистической системы. Оба отчёта концентрированно эксплицируют структурные противоречия капитализма, подчёркивая историческую неизбежность социалистического пути. В отчёте XVIII съезда сформулирована необходимость прекращения хаоса капиталистического порядка и утверждён тезис о социализме как единственном историческом выборе, тогда как отчёт XIX съезда усиливает позицию, прямо указывая, что лишь под теоретическим и организационным руководством коммунистической партии возможно эффективно противостоять деструктивным эффектам империалистической глобализации, причём социалистический путь остаётся единственным практическим способом преодоления оков капитализма и достижения всеобщего освобождения. Такая теоретическая приверженность исторической неизбежности социализма образует опорную ось преемственности дискурса КПРФ. Кроме того, в восприятии советского исторического наследия партия также демонстрирует последовательность: отчёт XVIII съезда выдвинул защиту памяти о СССР и кампанию «За Советский Союз» как инструменты противодействия историческому нигилизму, тогда как XIX съезд развил эту линию, акцентируя консолидацию общественных сил, усиление культурно-образовательной работы и решительное противостояние культурно-исторической эрозии со стороны неолиберализма и псевдоконсерватизма. В результате переоценка образа И.В. Сталина не является изолированным эпизодом, а предстает логическим продолжением долгосрочной линии по сохранению континуитета советской исторической памяти.

Конкретизируя, XVIII съезд недвусмысленно осудил антисоветские и антикоммунистические тенденции, критикуя попустительство властей очернению советских деятелей и разрушению символов, тогда как XIX съезд институционализировал и углубил стратегию, сосредоточив внимание на оценке И.В. Сталина и системно подорвав основы антисоветского нарратива через нормативное закрепление соответствующих решений. Следовательно, инициированная XIX съездом институциональная реконструкция памяти о И.В. Сталине выступает логическим продолжением и организационным усилением долговременной борьбы с историческим нигилизмом.

Во-вторых, углублённое сопоставление дискурсов XVIII и XIX съездов КПРФ выявляет отчётливые признаки разрыва, то есть существенную корректировку дискурсивных стратегий и политических позиций по периодам, что эмпирически указывает на глубокие сдвиги институционально-социальной логики. Наиболее явный разрыв прослеживается в эволюции отношения партии к правящим кругам и сопряжённых стратегий. В период XVIII съезда КПРФ позиционировала себя преимущественно как парламентская оппозиция и в отчёте прибегала к прямой жёсткой критике власти, квалифицируя систему как «инструмент обогащения олигархических групп», а правящую элиту как «антисоветское правительство» с пустыми лозунгами, что подчёркивало конфронтационную роль выразителя интересов народа и рабочего класса.

Одновременно существенное влияние на дискурсивную трансформацию оказала внешнеполитическая обстановка. К XIX съезду по имеющимся данным дискурс претерпел заметную трансформацию на фоне обострения геополитического противостояния, когда постсоветское пространство стало ареной международной конкуренции, а внутренняя борьба тесно переплелась с внешнеполитическим контекстом. Столкнувшись с беспрецедентным санкционным давлением и военными угрозами, КПРФ, продолжая критиковать коррупцию и просчёты власти, одновременно демонстрировала готовность к ограниченному конструктивному взаимодействию. В отчёте косвенно признавалась связь режимной стабильности с персональным авторитетом В.В. Путина и подконтрольными медиамеханизмами. Кроме того, чётко заявлялась готовность к созданию «патриотической коалиции со всеми здоровыми силами для защиты национального суверенитета и народных интересов» при одновременном сопротивлении ошибочным решениям власти. Такая двойственная стратегия, сочетающая критику с условным сотрудничеством, отражает типичную для системной оппозиции логику балансирования между патриотической консолидацией и оппозиционной функцией в исключительных исторических обстоятельствах. В сравнении с одномерной конфронтационной риторикой XVIII съезда дискурс XIX съезда выглядит более сложной и тактически гибкой институциональной адаптацией. Корректировка обусловлена необходимостью перераспределения акцентов между патриотической платформой и оппозиционной ролью при резкой эскалации внешних угроз и рисков национальной безопасности, что позволило партии избежать маргинализации и обвинений в антигосударственной позиции. В результате стратегическая трансформация дискурса КПРФ интегрировала связку «критика плюс условная поддержка», сохранив политическую легитимность и общественное влияние в фазе национального кризиса. На уровне образования эмпирически прослеживается координация связки «учебный курс – коммеморация – медиа» в логике милитаризации истории. Как показывают В. Феклюнина и др., «государственно санкционированная память артикулируется посредством преподавания истории» [2, с. 181–198], отсюда меры XIX съезда КПРФ, касающиеся содержания образования и мемориальных ритуалов, выполняют одновременно идентификационные и секьюритизационные функции.

Представленный анализ показывает, что преемственность и разрыв в дискурсе КПРФ не случайны, а выступают стратегическими изменениями, детерминированными конкретными историческими условиями и логикой институционального выживания. Эвристически это интерпретируется как нацеленность трансформаций на повышение эффективности и адаптивности партийного дискурса в новой политической реальности.

Кроме вышерассмотренных аспектов, трансформация дискурса КПРФ проявилась и в переосмыслении системы идеологической идентификации «друг – враг». В целом структурная перестройка системы идеологической идентификации «друг – враг» стала заметным проявлением общей трансформации дискурсивной системы КПРФ. На XVIII съезде главным объектом борьбы определялись «неолиберально-компрадорские олигархические силы», объединявшие внутреннюю антикоммунистическую элиту и западных либералов, тогда как критика национализма и глобализма носила второстепенный характер. К XIX съезду значительно возросло внимание к «неоконсервативным» и «псевдоконсервативным» течениям, по степени опасности приравненным к либеральной «пятой колонне». В политическом отчёте подробно анализировалось, как эти идеологии эксплуатируют националистические и ностальгические настроения, маскируя антикоммунистические установки под традиционализм. Корректировка опиралась на наблюдаемое усиление правых сил, продвигающих тезис «консервативной революции», формально патриотических, но фактически антикоммунистических, влияние которых устойчиво росло. Если на XVIII съезде эти группы не выступали значимым фактором и фокус борьбы смещался преимущественно на либерализм, то к XIX съезду ультраправый дискурс «имперской ностальгии» заметно укрепился в элитных кругах и воздействовал на отдельные фракции власти. Столкнувшись с этой конфигурацией, КПРФ оперативно переориентировала идеологическую борьбу, включив новые правые течения в матрицу «друг – враг», что продемонстрировало институциональную восприимчивость партии к стратегическим вызовам. Исторический опыт XX века служит ключевым предостережением. Рост фашизма в Германии, Италии и Японии показал, что ультраправый национализм представляет серьёзную угрозу международному коммунистическому движению и социальной сплочённости.

Поэтому КПРФ превентивно квалифицировала крайне правые идеологии как новую форму буржуазного обмана, разоблачая через призму краха царской России и поражения в Первой мировой войне лож-

ные нарративы «царебожия» и «имперского реваншизма». Подобная оперативная корректировка дискурсивной стратегии и упреждающие меры были нацелены на борьбу за патриотическое смысловое поле, предотвращение идеологического раскола в рабочем классе и укрепление идеологической гегемонии КПРФ. Этот шаг отражает стратегическое расширение партийного дискурса между съездами, ориентированное на адаптацию к сдвигам общественного сознания и соответствие требованиям институционализированной политической конкуренции.

В контексте взаимодействия механизмов преемственности и трансформации представляется возможным углублённо проанализировать роль реконструкции исторической памяти на XIX съезде КПРФ как механизма политической реинтеграции. Суть такого механизма состоит в институционализированных дискурсивных практиках, способных консолидировать ранее разобщённые или идеологически нестабильные политические субъекты, формировать более широкие коалиции и укреплять единство внутри организации. Наблюдения за практическими результатами после XIX съезда по имеющимся данным подтверждают, что дискурсивная реконструкция сталинской памяти целенаправленно преследовала цель реинтеграции и продемонстрировала ожидаемый институциональный эффект. На медиальном уровне официальный и повседневный национализм сцепляются через механизм «заполняющего посредничества», при котором медиальная инфраструктура институционально переводит повседневные практики в регистр официального дискурса. Как указывает Дж. Пол Гуд, «СМИ играют ключевую роль в стратегии монополизации государства» [3], отсюда становится ясно, каким образом нарративы масштабируются и конвертируются в символический капитал.

Во-первых, на уровне всей КПРФ и её массовой базы институционализированный нарратив о И.В. Сталине усилил идеологическую сплочённость, заметно улучшив консолидацию поколений и фракций. Долгое время в партии сохранялись разногласия по оценке советской истории: традиционалисты, представленные главным образом ветеранами, настаивали на позитивном признании управленческих достижений и социального порядка сталинского периода, тогда как часть членов, социализированных в эпоху М.С. Горбачёва, а также некоторые молодые коммунисты занимали осторожные либо критические позиции в отношении политических репрессий. В отличие от других российских марксистских организаций, например РКРП, КПРФ длительное время придерживалась стратегии уклончивости и избегания жёстких оценок, что, балансируя внутрипартийные взгляды, порождало идеологическую неопределённость и ослабляло сплочённость и оперативные возможности.

Таким образом, на XIX съезде официальное постановление чётко подтвердило исторический вклад И.В. Сталина, сократило пространство для внутрипартийных дискуссий о его оценке и укрепило дисциплину и единство дискурса. Кадры, изначально высоко оценивавшие его роль, получили явное институциональное признание и продемонстрировали повышенную лояльность линии партии, тогда как оппоненты под воздействием внутрипартийного консенсуса и организационной дисциплины постепенно приняли единую нарративную линию. Кроме того, политический отчёт призвал связать изучение наследия И.В. Сталина с текущей практикой, используя исторические эмоции и ценностную мобилизацию для обеспечения устойчивых ресурсов идентичности всех членов, что дополнительно укрепило коллективную самоидентификацию.

Во-вторых, на более широком социальном уровне продвигаемая КПРФ реконструкция сталинской памяти обладает выраженным символическим эффектом, способствуя мобилизации и интеграции широких групп и тем самым расширяя потенциальную базу лево-патриотического альянса. Современное российское общество после длительных экономических трудностей и социального расслоения демонстрирует усиление позитивных оценок советского прошлого. В этом контексте XIX съезд, институционализировав переосмысление памяти, тесно связал социалистический дискурс с патриотическими ценностями, затрагивая глубинные национальные чувства. На фоне распространённых просоветских и патриотических настроений позитивный рефрейминг фигуры И.В. Сталина привёл к эмоциональной мобилизации и ценностной идентификации масс, снизив издержки политической коммуникации и расширив периметр поддержки за счёт групп, изначально слабо идентифицировавшихся с марксистско-ленинской доктриной. В условиях российско-украинского конфликта, когда правящие круги осознают риски радикальной десоветизации для национальной идентичности и социальной сплочённости, их корректировка курса сформировала более благоприятное политическое окно и социальную основу для стратегии КПРФ. Тем самым текущая трансформация исторического дискурса не только интегрировала ранее разрозненные патриотические силы, но и потенциально приблизила часть националистически ориентированных фракций элиты, создавая предпосылки для будущих альянсов. Например, инициатива о восстановлении названия «Сталинград» выступает символической попыткой институционализации памяти как инструмента реинтеграции на общенациональном уровне, и её одобрение правящими кругами означало бы существенный успех дискурсивной стратегии КПРФ. Для прояснения связи «память о войне – идентичность – легитимация» важны массовые индикаторы. Как указывает ФОМ: «63% россиян оценивают деятельность И. Сталина … положительно» [26]. Следовательно, институционализированные практики образования, коммеморации и символического пространства коррелируют со структурой общественных оценок.

В-третьих, на международном уровне стратегия институционализации исторической памяти, оформленная решениями XIX съезда КПРФ, эмпирически прослеживается как механизм политической реинтеграции. Через повторное акцентирование символической валентности памяти о И.В. Сталине партия стремится к транснациональной символической реинтеграции альянсов в поле международного коммунистического движения. В политическом отчёте образ И.В. Сталина сознательно поставлен в один ряд с революционными лидерами других социалистических стран при одновременном заимствовании институционального опыта КПК в оценке исторических фигур, что нацелено на преодоление глубинного раскола, возникшего в эпоху холодной войны из-за дивергенции исторических оценок. По имеющимся данным всеобъемлющее отрицание Н.С. Хрущёвым роли И.В. Сталина на XX съезде КПСС нанесло серьёзный ущерб советско-китайским отношениям и спровоцировало масштабный раскол в международном коммунистическом движении. «Товарищ Мао Цзэдун и другие представители КПК твёрдо отстаивали историческое место и заслуги И.В. Сталина, демонстрируя глубокую проницательность и политическую дальновидность Мао и китайских коммунистов» [18]. Сегодня КПРФ целенаправленно корректирует перекосы и ошибки в исторических оценках, что, по сути, адресует КПК и другим коммунистическим партиям чёткий политический сигнал о готовности совместно защищать историческую репутацию революционных лидеров. Эта позиция оперативно получила позитивный отклик: в ходе партийных обменов и академических мероприятий после XIX съезда стороны единодушно подчёркивали значимость уважения к историческому опыту СССР и необходимости противодействовать разрушительному воздействию исторического нигилизма. В результате КПРФ стала активнее интегрировать международное коммунистическое движение, позиционируя себя как площадку диалога левых сил и хранителя общей исторической памяти, что повысило её международный статус и, в известной мере, смягчило фрагментацию социалистического лагеря после развала СССР, создав символические предпосылки для духовного единства в новой эпохе. Во внешнеполитическом дискурсе, по имеющимся данным, лидеры нередко мобилизуют элементы собственного прошлого для структурирования нарративов безопасности и союзничества. Как показывают И. Калхоусова и др., «лидеры говорят о своём прошлом во внешнеполитическом дискурсе» [4, с. 2501–2523], следовательно, внешняя риторика XIX съезда КПРФ соотносится с региональными практиками мнемонической мобилизации и может интерпретироваться как их адаптивная модификация.

Подытоживая качественный анализ, уместно утверждать, что трансформация дискурса вокруг исторической памяти о И.В. Сталине, инициированная XIX съездом, уже проявляется как зачаточный институциональный механизм политической реинтеграции. С одной стороны, он способствует укреплению и расширению социальной базы поддержки партии внутри страны, с другой – через институциональную реконструкцию памяти направлен на смягчение идеологического раскола и политической отчуждённости на национальном и международном уровнях. Однако долгосрочная результативность требует дальнейшей верификации. Внутри России институциональная реконструкция символики сталинской эпохи, хотя и консолидирует эмоционально-ценностную идентификацию отдельных групп, может провоцировать негативную реакцию либеральных кругов и части молодёжи, социализированной в западной историографической традиции, что чревато новыми напряжениями и рисками конфликтов. Исходя из этого, акцент на советской исторической памяти целесообразно дополнять адресными, практически ориентированными мерами, чтобы избежать упрёков в избыточной ностальгии в ущерб политической эффективности. На институциональном уровне взаимодействия с правящими кругами сближение по вопросам исторической символики не означает полного совпадения интересов и практических требований, поэтому партии требуется тонко балансировать между продвижением патриотического единства и сохранением антиолигархической позиции, чтобы не обесценить реинтеграционный эффект. В международной

сфере символических жестов недостаточно без демонстрации реального лидерства и политического влияния. В итоге долгосрочный успех механизма политической реинтеграции через институционализацию исторической памяти зависит от сложной конфигурации будущих политических условий.

В заключение анализ текстовых материалов XIX съезда КПРФ подтверждает, что реинституционализация памяти о И.В. Сталине стала ключевым механизмом реконфигурации партийной идентичности и дискурсивной системы. Конкретно в период от XVIII съезда КПРФ (2021) к XIX съезду (2025) трансформация дискурса проявилась в трёх измерениях:

1) смещение аналитической рамки от акцента на внутренний опыт к макроповествованию о структурном кризисе глобального капитализма;

2) переориентация повестки с экономических реформ и социального обеспечения на защиту государственного суверенитета и антиимпериалистическую борьбу;

3) интеграция в марксистско-ленинскую основу элементов современной политической экономии и критической теории, что позволило системнее критиковать неолиберализм и ультраправые тенденции.

В этом контексте переоценка и позитивное утверждение сталинского наследия особенно заметны. Через резолюции и корректировку пропагандистской системы КПРФ официально включила образ И.В. Сталина в партийный дискурс, придав ему позитивное значение, что, по имеющимся данным, призвано укрепить внутрипартийную сплочённость и расширить социальную базу поддержки. Тем самым дискурсивная стратегия одновременно демонстрирует приверженность революционным традициям и советскому наследию и стремление к идеологическим инновациям в новых условиях.

В целом представленный теоретический анализ трансформации дискурса КПРФ не только углубляет понимание современной политической практики партии, но и предоставляет эмпирические и теоретические выводы о том, как партии в трансформирующихся обществах используют ресурсы исторической памяти для идеологической адаптации.

Литература

1. Ши Чжубан: «О связи Сталина с теорией научного социализма», опубликовано в «Исследованиях политической экономии» № 2, 2024.

2. Feklyunina, V., Robertshaw, S., & Bilsland, J. (2025). Militarization of history and mnemonic habits in Putin's Russia: pedagogy of war. Post-Soviet Affairs, 41(3), 181–198.

3. Goode, J. P. (2025). Russian Propaganda from V to Z: Projecting Banal and Everyday Nationalism in Unsettled Times. Nationalities Papers, 1–21. doi:10.1017/nps.2025.28

4. Irena Kalhousová, Eugene Finkel, Jiří Kocián, Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine, International Affairs, Volume 100, Issue 6, November 2024, Pages 2501–2523, https://doi.org/10.1093/ia/iiae228

5. Kaidesoja, T. (2024). Schematic narrative templates in national remembering. Memory Studies, 18(1), 44–58. https://doi.org/10.1177/17506980241247264 (Original work published 2025)

6. Karl Gustafsson, Maria Mälksoo, Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion, International Studies Quarterly, Volume 68, Issue 1, March 2024, sqae006, https://doi.org/10.1093/isq/sqae006

7. Khlevniuk, D., & Noordenbos, B. (2025). The temporality of memory politics: An analysis of Russian state media narratives on the war in Ukraine. The British Journal of Sociology, 76(2), 390–406. https://doi.org/10.1111/1468–4446.13171.

8. Meijen, J., & Vermeersch, P. (2024). Populist Memory Politics and the Performance of Victimhood: Analysing the Political Exploitation of Historical Injustice in Central Europe. Government and Opposition, 59(3), 932–950. doi:10.1017/gov.2023.10

9. Paulovičová, N., & Gyárfášová, O. (2024). The Far-Right's Mnemonic Alliance with Putin's Russia: L'SNS's Mastering of a Disruptive Past. Nationalities Papers, 52(6), 1255–1272. doi:10.1017/nps.2023.30

10. Ван Вэйгуан: «Правильное понимание Сталина и научная оценка И.В. Сталина (часть 1)», Мировые социалистические исследования, № 7, 2018.

11. Г.А. Зюганов. Политический отчёт Центрального Комитета КПРФ XIX съезду партиии. Газета Правда. № 63 (31700) 19 июня 2025 года.

12. Г.А. Зюганов. Политический отчёт Центрального Комитета КПРФ XVIII съезду партии. Газета Правда. № 44 (31104) 27–28 апреля 2021 года.

13. Дай Сюй: «Конец западной колониальной истории, поворотный момент возрождения китайской цивилизации и современное значение празднования Победы в Мировой антифашистской войне», Партийное строительство, № 7, 2015 г.

14. Зюганов Г.А. Сталин и современность. – URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/222117.html.

15. Избранные важные партийные документы после XVIII съезда Коммунистической партии Китая (том 1), Центральное литературное издательство, издание 2014 г., стр. 113.

16. Левада – Центр. Отношение к Сталину. – URL: https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/.

17. Ленин В.И. Государство и революция//Полное Собрание Сочинений. Том 33. М.: Издательство Политической Литературы,1969. С. 7.

18. Ли Шэньмин: «Основные причины, уроки и вдохновение развала Советского Союза (часть 1) – написано по случаю 100-летия образования Союза Советских Социалистических Республик», опубликовано в журнале «Мировые социалистические исследования» № 9 за 2022 год.

19. Малахов В.С., Летняков Д.Э. 2023. Крушение гегемониальной нормальности: миграция и политика памяти в США, Великобритании и Франции. Полис. Политические исследования. № 1. С. 60–74. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.06. EDN: AVSAQN

20. Маркс К., Энгельс Ф., из фрагментов к работе «история ирландии// Сочинения. Том 16. М.: Издательство политической литературы,1960. С. 524.

21. Миллер А.И. Введение. Методологические проблемы изучения политики памяти – решенные, нерешенные и неразрешимые // Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. научн. тр. – М.; СПб: НесторИстория, 2018. – С. 4.

22. Никандров, А. В. (2024). Антиномия классов и народа в советской теории социалистического государства: концепт «всенародное государство». Антиномии, 24 (2), 47–70. doi: 10.17506/26867206_2024_24_2_47

23. Пан Сяньчжи и Цзинь Чунцзи (ред.), Биография Мао Цзэдуна (1949–1976) (том 1), Центральное литературное издательство, 2003, стр. 496.

24. Пресс-служба Липецкого ОК КПРФ. Липецкая область. Имя Сталина должно жить в веках… – URL: https://kprf.ru/party-live/regnews/232481.html.

25. Скоробогацкий, В. В. (2023). Судьба СССР: теоретическая загадка или идеологический миф?. Антиномии, 23 (4), 67–95. doi: 10.17506/26867206_2023_23_4_67

26. Фонд «Общественное мнение». Историческая память. – URL: https://fom.ru/Proshloe/15089.

27. ЦК КПРФ. Резолюция XIX съезда КПРФ. Газета Правда. № 71 (31708) 8–9 июля 2025 года.

28. ЦК КПРФ. Сергей Обухов – «Красной линии»: «На 70% Сталин был прав, и лишь на 30% – нет». – URL: https://kprf.ru/party-live/opinion/235965.html.

29. Чуев, Молотов: Правитель половинной власти, стр. 396, Москва, русское издание, 2000.

30. Якоба И.А. Конструируемое и реальное в медиатизации: интерпретация Второй Мировой войны Западом и Россией // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. № 4. С. 93–111.

INSTITUTIONALIZING THE HISTORICAL MEMORY OF I.V. STALIN AND THE STRUCTURAL TRANSFORMATION OF PARTY DISCOURSE: A CASE STUDY OF THE CPRF'S 19TH CONGRESS

Li Zhuoru, Cheng Enfu, Wang Jingxuan

Lomonosov Moscow State University, Nankai University, St. Petersburg State University, Shanghai University of Finance and Economics, Beihang University

Based solely on the political reports of the CPRF's 18th (2021) and 19th (2025) congresses and their resolutions, this study employs institutional analysis and critical discourse analysis to examine how the institutionalization of historical memory (with the "Stalin memory" as a focal case) converts symbolic resources via the coupling of "schematic narrative templates – organizational rules – everyday practices," thereby shaping organizational identity and mobilization capacity. Findings indicate: (1) a shift of the narrative core from a national-experience register to a macro-sociological framing of global structural crisis; (2) an agenda reorientation from economy and welfare toward institutional boundary-making and responses to external pressures; and (3) institutional reconstruction of memory increases intra-organizational cohesion and enlarges the boundary of potential intergroup alliances. A hypothesis of a "party reintegration effect" is advanced for subsequent empirical testing.

Keywords: institutionalization of historical memory; discourse transformation; symbolic capital; organizational identity; reintegration effect.

References

1. Shi Zhuban: “On Stalin’s Relationship to the Theory of Scientific Socialism,” published in Studies in Political Economy, № 2, 2024.

2. Feklyunina, V., Robertshaw, S., & Bilsland, J. (2025). Militarization of History and Mnemonic Habits in Putin’s Russia: Pedagogy of War. Post-Soviet Affairs, 41(3), 181–198.

3. Goode, J. P. (2025). Russian Propaganda from V to Z: Projecting Banal and Everyday Nationalism in Unsettled Times. Nationalities Papers, 1–21. doi:10.1017/nps.2025.28

4. Irena Kalhousová, Eugene Finkel, Jiří Kocián, Historical analogies, traumatic past and responses to the war in Ukraine, International Affairs, Volume 100, Issue 6, November 2024, Pages 2501–2523, https://doi.org/10.1093/ia/iiae228

5. Kaidesoja, T. (2024). Schematic narrative templates in national remembering. Memory Studies, 18(1), 44–58. https://doi.org/10.1177/17506980241247264 (Original work published 2025).

6. Karl Gustafsson, Maria Mälksoo, Memory-Political Deterrence: Shielding Collective Memory and Ontological Security through Dissuasion, International Studies Quarterly, Volume 68, Issue 1, March 2024, sqae006, https://doi.org/10.1093/isq/sqae006

7. Khlevniuk, D., & Noordenbos, B. (2025). The temporality of memory politics: An analysis of Russian state media narratives on the war in Ukraine. The British Journal of Sociology, 76(2), 390–406. https://doi.org/10.1111/1468–4446.13171.

8. Meijen, J., & Vermeersch, P. (2024). Populist Memory Politics and the Performance of Victimhood: Analyzing the Political Exploitation of Historical Injustice in Central Europe. Government and Opposition, 59(3), 932–950. doi:10.1017/gov.2023.10

9. Paulovičová, N., & Gyárfášová, O. (2024). The Far-Right’s Mnemonic Alliance with Putin’s Russia: L’SNS’s Mastering of a Disruptive Past. Nationalities Papers, 52(6), 1255–1272. doi:10.1017/nps.2023.30

10. Wang Weiguang: “A Correct Understanding of Stalin and a Scientific Assessment of I.V. Stalin (Part 1)”, World Socialist Studies, № 7, 2018.

11. G.A. Zyuganov. Political Report of the Central Committee of the CPRF to the XIX Party Congress. Pravda Newspaper. № 63 (31700), June 19, 2025.

12. G.A. Zyuganov. Political Report of the Central Committee of the CPRF to the XVIII Party Congress. Pravda Newspaper. № 44 (31104), April 27–28, 2021.

13. Dai Xu: “The End of Western Colonial History, the Turning Point of the Revival of Chinese Civilization, and the Contemporary Significance of the Celebration of Victory in the World Anti-Fascist War”, Party Construction, № 7, 2015.

14. G.A. Zyuganov. Stalin and Modernity. – URL: https://kprf.ru/party-live/cknews/222117.html.

15. Selected Important Party Documents after the 18th Congress of the Communist Party of China (Volume 1), Central Literary Publishing House, 2014 edition, p. 113.

16. Levada Center. ATTITUDE TOWARDS STALIN. – URL: https://www.levada.ru/2023/08/15/otnoshenie-k-stalinu/.

17. Lenin, V.I. State and Revolution//Complete Collected Works. Vol. 33. Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. P. 7.

18. Li Shenming: “The Main Causes, Lessons, and Inspiration of the Collapse of the Soviet Union (Part 1) – Written on the Occasion of the 100th Anniversary of the Formation of the Union of Soviet Socialist Republics”, published in the journal “World Socialist Studies” № 9, 2022.

19. Malakhov V.S., Letnyakov D.E. 2023. The Collapse of Hegemonic Normality: Migration and the Politics of Memory in the USA, Great Britain, and France. Polis. Political Studies. № 1. Pp. 60–74. https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.06. EDN: AVSAQN

20. Marx K., Engels F., From Fragments to the Work “History of Ireland// Works. Volume 16. Moscow: Political Literature Publishing House, 1960. P. 524.

21. Miller, A.I. Introduction. Methodological Problems in the Study of Memory Politics: Resolved, Unresolved, and Insoluble // Methodological Issues in the Study of Memory Politics: Collection of scientific papers. – Moscow; St. Petersburg: NestorIstoriya, 2018. – P. 4.

22. Nikandrov, A.V. (2024). The Antinomy of Classes and People in the Soviet Theory of the Socialist State: the Concept of the “All-People’s State”. Antinomies, 24 (2), 47–70. doi: 10.17506/26867206_2024_24_2_47

23. Pan Xianzhi and Jin Chongji (eds.), Biography of Mao Zedong (1949–1976) (Vol. 1), Central Literary Publishing House, 2003, p. 496.

24. Press Service of the Lipetsk Regional Committee of the Communist Party of the Russian Federation. Lipetsk Region. Stalin’s name must live on for centuries… – URL: https://kprf.ru/party-live/regnews/232481.html.

25. Skorobogatsky, V. V. (2023). The Fate of the USSR: Theoretical Riddle or Ideological Myth?. Antinomies, 23 (4), 67–95. doi: 10.17506/26867206_2023_23_4_67

26. Public Opinion Foundation. Historical Memory. – URL: https://fom.ru/Proshloe/15089.

27. Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation. Resolution of the 19th Congress of the Communist Party of the Russian Federation. Pravda Newspaper. № 71 (31708), July 8–9, 2025.

28. Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation. Sergei Obukhov to Krasnaya Liniya: “Stalin was 70% right, and only 30% wrong.” – URL: https://kprf.ru/party-live/opinion/235965.html.

29. Chuev, Molotov: Ruler of Half Power, p. 396, Moscow, Russian edition, 2000.

30. Iakoba I.A. The Constructed and the Real in Mediatization: Interpretation of the Second World War by the West and Russia

Искусственный интеллект в политической науке: новые исследовательские программы, методологические вызовы и этические дилеммы

Лин Хуанье,
магистратура, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: lin240102@gmail.com

В статье исследуется глубокое влияние технологий искусственного интеллекта на политическую науку как академическую дисциплину. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией политики и отставанием её теоретического осмысления. Целью является системный анализ трансформации предметного поля, методологии и этических оснований политологии под воздействием ИИ. В работе последовательно рассматривается, как алгоритмические системы и большие данные бросают вызов классическим политическим концептам, таким как власть и суверенитет, требуя их переосмысления. Подробно описывается методологическая революция, связанная с внедрением инструментов машинного обучения, анализа текстов и сетей, которые кардинально расширяют эмпирическую базу исследований. Вместе с тем формируются новые предметные области, включая изучение алгоритмического управления и цифровой демократии. Особое внимание уделяется критическим проблемам, которые ИИ порождает для научного знания: эпистемологическому вызову «чёрного ящика», рискам воспроизводства смещений в данных и сложным этическим дилеммам. Делается вывод о том, что ИИ трансформирует не только инструментарий, но и саму логику политологического исследования, вынуждая дисциплину к междисциплинарному диалогу и пересмотру своих оснований для сохранения объяснительной и критической функции в цифровую эпоху. Объект исследования – Политическая наука как академическая дисциплина. Предмет исследования – Трансформация предметного поля, методологии и этики политической науки под влиянием технологий искусственного интеллекта. Цель исследования – Систематизировать и проанализировать влияние технологий искусственного интеллекта на предметное поле, методологический аппарат и этические основания политической науки.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая наука, методология, цифровизация политики, большие данные, алгоритмическое управление, цифровая демократия, эпистемология, этика, нейросетевое моделирование, машинное обучение, геополитика технологий, методологические вызовы, исследовательские программы, черный ящик, трансформация дисциплины.

Введение

Современный этап технологического развития, определяемый стремительным распространением искусственного интеллекта, приводит к системным изменениям во всех сферах общественной жизни, не оставляя в стороне и политику. Политическая наука, будучи дисциплиной, призванной анализировать власть, институты и общественные процессы, оказывается перед необходимостью не только изучать новый цифровой объект, но и радикально пересматривать собственный концептуальный и методологический арсенал. Формируется ситуация методологического разрыва: политическая практика, насыщаясь алгоритмическими решениями в сфере управления, коммуникации и анализа, опережает теоретическую рефлексию этих явлений. ИИ перестает быть лишь инструментом в руках политологов, превращаясь в самостоятельный фактор, трансформирующий традиционные политические отношения и создающий принципиально новые объекты исследования, такие как алгоритмическая власть, цифровой суверенитет и платформенная легитимность. Актуальность данного исследования обусловлена острой необходимостью преодоления указанного разрыва и формирования целостного научного взгляда на взаимовлияние политической науки и технологий ИИ.

Объект исследования – Политическая наука как академическая дисциплина.

Предмет исследования – Трансформация предметного поля, методологии и этики политической науки под влиянием технологий искусственного интеллекта.

Цель исследования – Систематизировать и проанализировать влияние технологий искусственного интеллекта на предметное поле, методологический аппарат и этические основания политической науки.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

1. Выделить и классифицировать основные направления применения ИИ в политических исследованиях.
2. Проанализировать трансформацию методологического инструментария политической науки под влиянием ИИ.
3. Выявить и систематизировать новые исследовательские вопросы и объекты, возникающие благодаря ИИ.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, включающий системно-аналитический, сравнительный и концептуальный методы, а также междисциплинарный синтез на стыке политологии и «digital studies». Эмпирическую базу сформировал анализ корпуса академических источников: научных статей, монографий, аналитических отчетов и методологических работ, таких как разработки Пермской научной школы. Теоретической рамкой выступила парадигма постнеклассической науки.

Литературный обзор

Современные исследования влияния ИИ на политическую науку можно сгруппировать по ключевым направлениям. Методологическая трансформация и переход к data-моделированию на основе нейросетевых алгоритмов детально проанализированы в работах Пермской научной школы и в трудах Е.М. Ильиной, которая также исследует адаптацию классических политологических моделей. Формирование новых объектов исследования, таких как цифровая техно-демократия и алгоритмическое управление, рассматривается Г.Д. Леонтьевым и Л.С. Леонтьевой, а также А.С. Козиным. Критические и этические проблемы, риски алгоритмической власти и геополитический контекст раскрыты в исследованиях А.В. Соколова и соавт., М.А. Сучкова и Ю.Ю. Петрунина. Существующий массив литературы демонстрирует переход от инструментального к парадигмальному пониманию влияния ИИ, однако отмечается недостаток целостных работ, системно объединяющих теоретический, методологический и этический аспекты этой трансформации. Настоящее исследование направлено на восполнение данного пробела.

Результаты

В рамках формирования политической теории искусственного интеллекта наблюдается кристаллизация нескольких ключевых направлений, в которых технологии ИИ не просто используются как инструмент,

но и существенно трансформируют сам предмет политологического анализа. Эти направления отражают переход от изучения традиционных политических институтов к исследованию алгоритмически опосредованных процессов и цифровых сред. Одним из фундаментальных сдвигов является внедрение методов предиктивной аналитики больших данных и машинного обучения в электоральные исследования и прогнозирование политических процессов. Как отмечается в работах представителей Пермской научной школы, нейросетевые математические модели позволяют выявлять скрытые закономерности и строить прогнозы результатов выборов, что свидетельствует о переходе от интерпретативного анализа к data-driven моделированию политического поведения. Параллельно развивается направление, связанное с концепцией интеллектуальных двойников, где ИИ выступает ядром для создания виртуальных аналогов политических систем или институтов. Это позволяет преодолеть ограничения классических моделей, таких как система Истона, за счет учета микровлияний и симуляции динамики политических процессов в режиме, близком к реальному времени.

Другим значимым направлением становится исследование политического измерения виртуальных сред, в частности метавселенной как нового децентрализованного интерфейса политической системы. В данном ракурсе ИИ рассматривается как фактор, формирующий условия для возникновения цифровых политических практик, блокчейн-демократии и деятельности новых типов акторов – от персональных аватаров до автономных ботов. Это формирует исследовательское поле на стыке политической теории, цифровой социологии и кибернетики, где изучается трансформация легитимности, представительства и гражданского участия. Тесно связано с этим направление, фокусирующееся на технологиях цифрового профилирования и социального скоринга, которые переопределяют отношения между государством и гражданином. Анализ китайской системы социального доверия или пилотных проектов по управлению данными в России предоставляет политологам эмпирический материал для изучения новых механизмов контроля, социальной стратификации и алгоритмического управления на основе предсказательной аналитики [2, С. 410].

Отдельная и быстро развивающаяся область посвящена исследованию ИИ как инструмента политической коммуникации и манипуляции. Сюда относится изучение интеллектуальных ботов, конструирующих политическую реальность в социальных медиа, а также дипфейков как элементов политики постправды и мягкой силы. Эти технологии создают вызовы для информационного суверенитета и безопасности, что актуализирует исследования в области политической регуляции цифровых сред, этики алгоритмов и защиты публичной сферы от дезинтегрирующего воздействия. Таким образом, основные направления применения ИИ в политических исследованиях можно концептуализировать как взаимосвязанные кластеры, фокусирующиеся на методологическом преобразовании анализа данных, изучении цифровых политических пространств и исследовании трансформации коммуникационных и властных отношений под влиянием автономных алгоритмических систем.

Проникновение искусственного интеллекта в методологический арсенал политической науки знаменует переход от классических исследовательских парадигм к принципиально новым способам производства знания. Эта трансформация наиболее рельефно прослеживается на примере технологии нейросетевого математического моделирования, разработанной и апробированной Пермской научной школой искусственного интеллекта. Суть методологического сдвига заключается в замене или существенном дополнении традиционных качественных и статистических подходов алгоритмическими системами, способными выявлять скрытые закономерности в больших массивах неструктурированных данных. Технология, применяемая пермскими исследователями, представляет собой строгий шестиэтапный алгоритм, начинающийся с постановки задачи и формирования примеров и завершающийся исследованием предметной области. Данный подход переводит политологический анализ в плоскость вычислительных экспериментов, где ключевым этапом становится не интерпретация теоретических концептов, а обучение искусственной нейронной сети на репрезентативных данных с последующей верификацией её прогностической способности.

Разработанный пермскими исследователями строгий шестиэтапный алгоритм моделирования служит примером такой новой исследовательской программы. Ключевым отличием является его итеративный и оптимизационный характер. Исследователь начинает с постановки задачи и формирования множества обучающих примеров, что само по себе требует новой дисциплины мышления, так как необходимо четко структурировать входные и выходные данные для алгоритма. Последующие этапы проектирования, обучения, проверки и оптимизации сети представляют собой диалог политолога с вычислительной моделью, в ходе которой происходит уточнение и переформулировка исходных исследовательских вопросов. Это радикально отличается от традиционной работы с данными, где исследовательская процедура чаще линейна. Особую методологическую ценность представляет свойство, названное авторами «интуицией нейронных сетей» – способность системы выдавать осмысленные выводы на основе неполной информации. Данный феномен указывает на возникновение в политологии нового типа научного вывода, который не сводится ни к дедукции, ни к индукции в их классическом понимании, а представляет собой результат работы самоорганизующейся алгоритмической структуры, выявляющей сложные нелинейные зависимости [10, С. 738].

Таким образом, методологическая трансформация заключается в сдвиге от объяснения политических феноменов через призму готовых теоретических конструктов к их прогнозированию и диагностике с помощью «черного ящика» модели, внутренняя логика которой может быть не до конца интерпретируема. Это ставит перед политической наукой серьезные вызовы, связанные с критериями валидности и надежности получаемых результатов. Доверие к выводам смещается с теоретической обоснованности и репрезентативности выборки к точности прогноза на тестовых и подтверждающих данных, что является прямым заимствованием критериев из технических дисциплин. Опыт Пермской школы, включающий прогнозирование результатов выборов и анализ политических тенденций, демонстрирует практическую эффективность такого подхода, но одновременно обнажает проблему интерпретируемости: политолог получает мощный прогностический инструмент, но зачастую лишается возможности дать содержательное каузальное объяснение выявленным алгоритмом связям.

Это напрямую соотносится с методологической проблемой, поднятой в контексте управления знаниями: можно ли приписывать знание и когнитивные функции коллективным образованиям – организациям, а в случае политологии – политическим институтам, партиям или даже виртуальным сообществам в метавселенных. Использование предиктивных моделей и систем поддержки принятия решений фактически наделяет такие коллективные структуры способностью к анализу, прогнозу и адаптивному реагированию, что требует от исследователя новых категорий для описания возникающей реальности.

Глубинная трансформация заключается также в стирании жестких дисциплинарных границ и возникновении вынужденной междисциплинарности, которая сама по себе становится методологическим вызовом. Как справедливо отмечается в источниках, исследования на стыке ИИ и социальных наук сталкиваются с проблемой «разрыва культур», когда разные научные традиции – компьютерные науки, политология, социология, философия – используют несовместимые языки описания и критерии доказательности. Политолог, внедряющий нейросетевые модели, вынужден осваивать не только технический инструментарий, но и логику мышления, присущую точным и инженерным дисциплинам, где критерием истинности часто служит точность прогноза на тестовых данных, а не теоретическая убедительность или соответствие классическим концептам. Это создает напряжение внутри самой методологии исследования. С одной стороны, инструменты ИИ, такие как анализ больших данных социальных сетей для прогнозирования электорального поведения, демонстрируют впечатляющую эффективность. С другой – их применение заставляет задуматься о границах переноса методов и о том, что остается за пределами алгоритмического охвата: неявное коллективное знание, ценностные установки, убеждения и иррациональные компоненты политической культуры, которые трудно формализовать в виде входных данных для модели. Таким образом, методологический инструментарий политической науки не просто пополняется новыми мощными средствами, но и становится полем борьбы между редукционистским подходом и традиционным герменевтическим стремлением к пониманию смыслов и контекстов [1, С. 421].

Рассматривая трансформацию методологического инструментария политической науки, нельзя обойти вниманием процессы адаптации традиционных аналитических моделей к новым цифровым реалиям. Ярким примером такой адаптации служит применение пятифазовой модели политико-управленческого цикла для анализа процесса формирования и реализации политики в сфере искусственного интеллекта. Эта модель, восходящая к работам Дж. Андерсона и У. Данна, демонстрирует устойчивость классических политологических конструктов, которые наполняются новым содержанием в условиях цифровой трансформации. Однако само её применение к столь технологически насыщенной сфере, как регулирование ИИ, указывает на глубокие изменения в методологической логике. Если раньше фазы цикла – от формирования проблем до оценки решений – анализировались через призму институциональных взаимодействий и нормативных текстов, то сегодня каждая из этих фаз требует учёта таких факторов, как динамика технологического хайп-цикла, объёмы инвестиций в НИОКР, патентная активность и наличие вычислительных мощностей. Методология политического анализа, таким образом, обо-

гащается категориями и метриками, заимствованными из инженерных дисциплин и экономики инноваций, что стирает чёткие границы между предметными областями.

Особую методологическую сложность представляет оценка эффективности политических решений в сфере ИИ, которая традиционно являлась заключительной фазой цикла. В новых условиях эта оценка превращается в непрерывный мониторинг, основанный на количественных индикаторах, таких как позиция страны в рейтинге Government AI Readiness Index, количество высокорейтинговых публикаций или патентов. Это смещает фокус с качественной экспертной оценки на анализ, где успех политики измеряется статистическими показателями технологического развития. Более того, возникает необходимость в новых методологических инструментах для оценки рисков и этических последствий, таких как модели оценки зрелости ИИ или анализ алгоритмической предвзятости. Это указывает на становление особой отрасли политического анализа – аудита алгоритмических систем, который сочетает в себе методы политологии, права и компьютерных наук. Таким образом, методологический инструментарий расширяется не только за счёт новых источников данных, но и за счёт формирования гибридных протоколов оценки, которые должны учитывать, как эффективность технологий, так и их соответствие нормативным и этическим требованиям.

Фундаментальным вызовом для методологии становится и сама скорость изменений, описываемая моделью хайп-цикла. Политический анализ, традиционно ориентированный на изучение устойчивых институтов и долгосрочных трендов, вынужден адаптироваться к логике быстротечных технологических волн, когда объект исследования – будь то технология глубоких фейков или метавселенная – может пройти путь от ажиотажа до разочарования за несколько лет. Это требует от политологов разработки более гибких и итеративных методологических рамок, способных оперативно реагировать на появление новых технологических феноменов. При этом, как показывает опыт, сохраняется потребность в классических теоретических конструкциях, таких как концепция цифрового или технологического суверенитета, которые позволяют осмыслить регуляторные ландшафты и противоречивые национальные стратегии. Следовательно, трансформация методологического инструментария носит диалектический характер: с одной стороны, происходит стремительная цифровизация и количественная конкретизация методов, с другой – сохраняется и даже усиливается роль качественных, нормативных и геополитических подходов, необходимых для осмысления ценностных конфликтов и стратегических выборов, стоящих за сухими статистическими показателями развития ИИ [2, С. 445].

Интеграция технологий искусственного интеллекта в политологические исследования формирует принципиально новые исследовательские вопросы и объекты научного анализа. В первую очередь, применение ИИ для обработки больших массивов данных, таких как электоральная статистика, материалы социологических опросов и контент социальных медиа, смещает фокус исследователей с традиционного анализа готовых агрегированных показателей к изучению динамичных, слабоструктурированных цифровых следов политических процессов. Это порождает новые объекты исследования, например, скрытые паттерны и аномалии в политическом поведении, которые не выявляются классическими методами, или реальные, а не декларируемые, идеологические предпочтения, реконструируемые на основе анализа больших данных цифровых платформ [3, С. 73].

Кроме того, использование больших языковых моделей позволяет ставить вопросы о трансформации самого процесса производства политического знания. Исследовательский интерес смещается к тому, как ИИ-инструменты, способные к анализу текстов на естественном языке и генерации гипотез, влияют на формулировку научных проблем, автоматизированный обзор литературы и выявление латентных взаимосвязей в исторических и современных политических дискурсах. Возникает новый объект изучения – взаимодействие исследователя с ИИ-ассистентом, где сам процесс совместной интеллектуальной работы, разделения задач между человеком и алгоритмом, становится полем для рефлексии [5, С. 155].

Появление концепции сильного искусственного интеллекта, способного к интеграции знаний из разных областей, открывает перед политологией фундаментальные вопросы о возможности создания сложных моделей, объясняющих динамику социальных процессов, культурных изменений и исторических событий в их целостности. Это ставит на повестку дня исследование не только политических систем как таковых, но и их глубинных взаимосвязей с экономическими, культурными и технологическими контекстами, смоделированных с помощью ИИ. Параллельно возникает важный блок вопросов, связанных с этическими и эпистемологическими рисками: как избежать смещения исследовательской повестки в сторону лишь тех задач, которые поддаются алгоритмизации; как оценивать достоверность и объяснимость выводов, сгенерированных «чёрным ящиком» сложных нейросетевых моделей; каковы последствия делегирования отдельных этапов анализа, таких как проверка гипотез или интерпретация данных, искусственному интеллекту.

Продолжая междисциплинарный анализ цифровизации, важно отметить, что интеграция цифровых технологий в государственное управление формирует новую парадигму взаимодействия между властью и обществом. Концепция «государства как платформы», активно исследуемая в политической науке, отражает стремление к созданию клиентоориентированной модели предоставления услуг, где цифровые инструменты выступают посредниками между институтами власти и гражданами. Однако этот процесс несёт в себе фундаментальное противоречие: с одной стороны, цифровизация способствует повышению прозрачности и доступности государственных услуг, сокращает бюрократические барьеры и позволяет оптимизировать управленческие процессы за счёт анализа больших данных. С другой стороны, как отмечают философы, возникает риск алгоритмизации общественной жизни, когда человеческое бытие всё больше определяется цифровыми шаблонами, а индивидуальная ответственность размывается в виртуальном пространстве. В правовом поле это проявляется в запаздывающем нормотворчестве, которое не всегда успевает за технологическими изменениями, что создаёт правовые пробелы и повышает риски злоупотреблений. Экономический аспект цифровой трансформации, характеризующийся переходом к глобальной цифровой экономике, усиливает неравенство между теми, кто имеет доступ к технологиям, и теми, кто исключён из цифрового пространства. Таким образом, цифровизация, будучи объективным процессом, требует сбалансированного подхода, при котором технологический прогресс согласуется с этическими и правовыми принципами, обеспечивающими защиту человеческого достоинства и основных свобод в условиях формирующейся цифровой реальности [6, С. 69].

Продолжая анализ трансформации политической науки под влиянием искусственного интеллекта, необходимо обратиться к новым политическим практикам, формируемым цифровыми технологиями, в частности, к феномену цифровой техно-демократии. В контексте постнеклассического научного дискурса цифровая демократия предстаёт не как утопический идеал, а как практопия – реалистическая модель, перманентно конструирующая альтернативную социальную реальность через последовательные частные улучшения, основанные на сетевой самоорганизации и информационно-коммуникационных технологиях. Этот процесс, определяемый как «социальная инженерия частных решений», радикально меняет объектное поле политической науки, смещая фокус с анализа устойчивых институтов на изучение динамичных, алгоритмически опосредованных форм коллективного действия и управления. Цифровые техно-демократии, функционирующие в едином онлайн-офлайн континууме, бросают вызов классическим концептам легитимности, представительства и суверенитета, требуя их переосмысления в условиях, когда политическая воля формируется и артикулируется через платформенные интерфейсы, большие данные и нейросетевые модели. Однако, как справедливо отмечается в исследованиях, технологии сами по себе лишены автономного морального статуса, являясь проекцией человеческих интенций и социальных отношений. Следовательно, возрастающие риски алгоритмического управления, цифрового слежения и симулятивной политической коммуникации актуализируют необходимость разработки политологией новых нормативных и этических аспектов, способных обеспечить критическую рефлексию над процессами цифровой трансформации. Это предполагает углубление междисциплинарного диалога с философией техники, социологией знания и компьютерными науками, чтобы не только описывать технологий, но и участвовать в формировании ответственных и человеко-ориентированных моделей технологического развития, в которых демократические ценности и права человека остаются центральными. Таким образом, интеграция искусственного интеллекта и цифровых демократических практик в исследовательское поле политической науки ведёт не только к методологическому обновлению, но и к пересмотру её эпистемологических оснований и социальной миссии в эпоху тотальной цифровизации [4, с. 5].

Анализ влияния технологий на политическую науку был бы неполным без рассмотрения геополитического контекста, в рамках которого происходит цифровая трансформация. Концепция «геополитики технологий», подробно разработанная в современной научной литературе, раскрывает, как технологическая конкуренция между государствами, в особенности великими державами, становится ключевым фактором переформатирования международных отношений и, как следствие, предметного поля политической науки [9, С. 23].

Четвертая промышленная революция, движимая большими данными, искусственным интеллектом и интернетом вещей, не просто меняет экономические уклады, но и порождает новую «геополитиче-

скую революцию», где основными активами и полем битвы становятся данные, алгоритмы и цифровая инфраструктура. Этот процесс напрямую затрагивает три фундаментальные концепции – справедливость, свободу и силу, – заставляя политическую науку переосмысливать их содержание в условиях цифровой эпохи. В частности, вопрос о справедливости трансформируется в проблему дистрибутивных эффектов технологического развития, углубляющего социальное неравенство и порождающего запрос на новый общественный договор. Свобода индивида сталкивается с вызовами цифрового контроля и манипуляции, что актуализирует исследования в области технологического суверенитета и локализации данных [7, С. 630].

Наконец, сила как способность достигать желаемых результатов обретает новые измерения через призму алгоритмической власти, кибербезопасности и гибридных конфликтов. Таким образом, политическая наука вынуждена не только изучать эти новые реалии, но и активно включаться в междисциплинарный диалог с философией техники, международными отношениями и компьютерными науками, чтобы выработать адекватный понятийный аппарат и методологические инструменты для анализа формирующейся цифровой геополитической реальности. Этот синтез позволяет дисциплине не только сохранить свою объяснительную и критическую функцию, но и стать активным участником в формировании этических и нормативных рамок технологического развития, обеспечивающих баланс между инновациями, безопасностью и демократическими ценностями в глобальном масштабе [8, С. 145].

Заключение

Проведённый анализ позволяет констатировать, что проникновение технологий искусственного интеллекта в политическую науку носит не инструментальный, а парадигмальный характер, затрагивая самые основы дисциплины. ИИ выступает не просто как новый мощный метод обработки данных, а как фактор, провоцирующий пересмотр онтологических оснований политического, трансформацию методологического канона и обострение фундаментальных эпистемологических и этических вопросов. В результате формируется новая конфигурация исследовательского поля, где классические политические концепты, такие как власть, суверенитет и легитимность, требуют переосмысления в контексте алгоритмического управления, платформенной организации и цифровых сред. Методологическая революция, связанная с внедрением машинного обучения и анализа больших данных, ведёт к сдвигу от интерпретативных моделей к прогностическим, основанным на вычислительных экспериментах. Однако этот сдвиг сопряжён с серьёзными вызовами, главным из которых является проблема «чёрного ящика» и снижение объяснительного потенциала исследований в пользу прогностической точности. Одновременно расширяется предметное поле дисциплины, включающее такие новые объекты, как цифровая технодемократия, алгоритмическая власть и геополитика данных, что стирает жёсткие междисциплинарные границы и вынуждает политологию к активному диалогу с компьютерными и техническими науками. Этическое измерение этой трансформации связано с рисками воспроизводства социальных смещений, дегуманизации управления и эрозии публичной сферы. Таким образом, для сохранения своей объяснительной и критической функции в цифровую эпоху политическая наука должна не только адаптировать новый инструментарий, но и рефлексивно пересмотреть свои эпистемологические основания, выработать новые нормативные ориентиры и укрепить свою роль в формировании ответственного, человеко-ориентированного технологического развития. Итогом становится не просто обновление дисциплинарного инструментария, а становление политической науки как активного участника в осмыслении и конструировании нарождающейся цифровой политической реальности.

Литература

1. Ильина Е.М. Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // Ars Administrandi. – 2022. – Т. 14. – № 3. – С. 403–421.

2. Ильина Е.М. Теоретико-методологические основы анализа политики в сфере искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. – 2022. – Т. 22. – № 4. – С. 439–447.

3. Козин А.С. Авторская методика прогнозирования результатов выборов на основе использования больших данных // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2024. – Т. 21. – № 1. – С. 67–75.

4. Леонтьев Г. Д., Леонтьева Л.С. Цифровая техно-демократия как постнеклассическая практопия // Социодинамика. – 2023. – № 4. – С. 1–10.

5. Осадчук Е.В. Об основных направлениях развития технологий искусственного интеллекта как инструмента научных исследований // Управление наукой: теория и практика. – 2025. – Т. 7. – № 1. – С. 147–157.

6. Петрунин Ю.Ю. Искусственный интеллект и методологические вопросы управления знаниями // Философские науки. – 2016. – № 8. – С. 67–74.

7. Соколов А. В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Применение технологий искусственного интеллекта в политике: угрозы и возможности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2025. – Т. 27. – № 3. – С. 622–637.

8. Сучков М. А. «Геополитика технологий»: международные отношения в эпоху Четвертой промышленной революции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15. – № 2. – С. 138–157.

9. Цветкова Н.А. Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики США: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2025. – № 4. – С. 12–27.

10. Ясницкий Л. Н., Богданов К.В., Черепанов Ф.М. Технология нейросетевого моделирования и обзор работ Пермской научной школы искусственного интеллекта // Фундаментальные исследования. – 2013. – № 1–3. – С. 736–740.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN POLITICAL SCIENCE: NEW RESEARCH AGENDA, METHODOLOGICAL CHALLENGES, AND ETHICAL DILEMMAS

Lin Huangye
Kazan (Volga Region) Federal University

The article examines the profound impact of artificial intelligence technologies on political science as an academic discipline. The relevance of the work stems from the rapid digitalization of politics and the lag in its theoretical comprehension. The aim is a systematic analysis of the transformation of the subject area, methodology, and ethical foundations of political science under the influence of AI. The work sequentially considers how algorithmic systems and big data challenge classical political concepts, such as power and sovereignty, demanding their rethinking. The methodological revolution associated with the introduction of machine learning tools, text and network analysis, which radically expand the empirical base of research, is described in detail. Simultaneously, new subject areas are emerging, including the study of algorithmic governance and digital democracy. Particular attention is paid to the critical problems that AI poses for scientific knowledge: the epistemological challenge of the "black box," the risks of reproducing biases in data, and complex ethical dilemmas. It is concluded that AI is transforming not merely the toolkit but the very logic of political science inquiry, forcing the discipline into interdisciplinary dialogue and a revision of its foundations to preserve its explanatory and critical function in the digital age. The object of study is Political Science as an academic discipline. The subject of study is the transformation of the subject area, methodology, and ethics of political science under the influence of artificial intelligence technologies. The research aim is to systematize and analyze the impact of artificial intelligence technologies on the subject area, methodological framework, and ethical foundations of political science.

Keywords: artificial intelligence, political science, methodology, digitalization of politics, big data, algorithmic governance, digital democracy, epistemology, ethics, neural network modeling, machine learning, geopolitics of technology, methodological challenges, research programs, black box, discipline transformation.

References

1. Ilyina, E. M. (2022). Politics and Governance in the Conditions of Digital Transformation: A Political Science Perspective on Artificial Intelligence. Ars Administrandi, 14(3), 403–421.

2. Ilyina, E. M. (2022). Theoretical and Methodological Foundations for Analyzing Artificial Intelligence Policy. Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science, 22(4), 439–447.

3. Kozin, A. S. (2024). An Author's Methodology for Forecasting Election Results Based on the Use of Big Data. Vestnik of the Russian Economic University named after G.V. Plekhanov, 21(1), 67–75.

4. Leontiev, G. D., & Leontieva, L. S. (2023). Digital Techno-Democracy as a Post-Nonclassical Practopia. Sotsiodinamika, (4), 1–10.

5. Osadchuk, E. V. (2025). On the Main Directions of Development of Artificial Intelligence Technologies as a Tool for Scientific Research. Science Management: Theory and Practice, 7(1), 147–157.

6. Petrushin, Yu. Yu. (2016). Artificial Intelligence and Methodological Issues of Knowledge Management. Philosophical Sciences, (8), 67–74.

7. Sokolov, A. V., Frolov, A. A., & Babadzhanyan, P. A. (2025). The Application of Artificial Intelligence Technologies in Politics: Threats and Opportunities. RUDN Journal of Political Science, 27(3), 622–637.

8. Suchkov, M. A. (2022). "Geopolitics of Technology": International Relations in the Era of the Fourth Industrial Revolution. Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations, 15(2), 138–157.

9. Tsvetkova, N. A. (2025). The Application of Artificial Intelligence in the Analysis of US Foreign Policy: A Review of Modern Practices. RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations, (4), 12–27.

10. Yasnitsky, L. N., Bogdanov, K. V., & Cherepanov, F. M. (2013). Technology of Neural Network Modeling and a Review of Works by the Perm Scientific School of Artificial Intelligence. Fundamental Research, (1–3), 736–740.

Анализ особенностей политического транзита Молдовы

Потапов Денис Викторович,
аспирант, Институт социально-политических исследований РАН
E-mail: dvpw@yandex.ru

В статье рассматривается особенности политического транзита Молдовы. Целью статья явилась оценка политических сил Молдовы и возможность изменения политической власти. Все ключевые политические и социальные субъекты заявляют риторически о своей полной приверженности демократической системе и ее институтам. В статье рассмотрены не только хронология транзита власти после распада СССР, но и представлена ретроспектива социально-экономических вопросов и проблемы управления. Национальные и этнические группы, проживающие в Молдове, не проявляют особого интереса друг к другу и часто относятся друг к другу с недоверием. Полученные нами данные показывают, что транзит власти в Молдове остается на высоком уровне. Молдавское общество характеризуется сильной ориентацией на родственные отношения, что проявляется и в политической сфере. Также в стране огромное влияние Православной церкви.

Ключевые слова: политический транзит, Молдова, политические силы, власть.

В состав Советского Союза вошла Молдова вошла вместе со странами, Балтии и западной Украины в результате подписания пакта Молотова-Риббентропа в 1939 г.

После распада СССР в начале переходного периода шли острые споры по вопросам государственности в Молдове. В 1994 г. Приднестровье стало международной признанной автономией и непризнанным государством в Восточной Европе, провозглашённое на международно признанной территорией Молдовы.

Отметим, что не смотря на многочисленные попытки объединить по любым поводам Приднестровье и Румынию, исторически Приднестровье никогда не входило в состав Румынии. «Между двумя мировыми войнами Приднестровье входило в состав украинской ССР и имело название Молдавская автономная Социалистическая Республика. В 1989 г. этнический состав Приднестровья был таким: 33,5% молдаван, приблизительно 30% украинцев, около 30% русских» [1]. Поэтому осложнение признания Приднестровья остается сложным вопросом и на этой почве возникают конфликты, которые возобновляются различными заинтересованными сторонами. На долю Приднестровского района приходилось в СССР 40% ВВП Молдовы, сейчас это 15% ВВП Молдовы.

Первые выборы президента Республики Молдова прошли 8 декабря 1991 г., где единственным кандидатом являлся Мирча Снегур, на выборах он получил 92,8% голосов. В 1994 г. главой парламента был избран бывший первый секретарь Компартии МССР Пётр Лучинский. В 1996 г. он стал президентом страны. В феврале 2001 г. прошли внеплановые парламентские выборы, к которым привели конституционные действия президента по роспуску законодательного органа. Такое решение было принято из-за неспособности разобщённого парламента сформировать руководство после избирательной кампании 1998 г. Острое противостояние между главой государства П. Лучинским и аграрной партией стало частью масштабного политического конфликта между президентской и парламентской властью, охватившего Молдову еще в конце 1990-х годов.

В 2015 г. в Молдове сформировалась система, при которой ключевые властные структуры – законодательные, исполнительные и судебные органы – оказались под влиянием бизнесмена Влада Плахотнюка. Республика стала классической иллюстрацией феномена, когда государственный механизм превращается в инструмент обогащения узкого круга лиц, одновременно гарантируя неприкосновенность привилегированным представителям власти и крупного капитала. Плахотнюк сохранял власть, неформально сотрудничая с ее президентом Игорем Додоном, возглавлявшем республику с 2016 по 2020 гг. Оба политика были корыстно заинтересованы в сохранении системы такой, какая она есть. Тем не менее, эта система распалась после парламентских выборов 2019 года [2].

«Партия действия и солидарности» (ПАС) получила абсолютное большинство в молдавском парламенте после досрочных выборов в июле 2021 г. Спустя месяц кабинет министров был создан благодаря содействию президента Майи Санду, которая являлась неофициальным руководителем ПАС [3].

Власти в Кишинёве, столице Молдовы, контролируют практически всю территорию страны, за исключением Приднестровья. На территории Приднестровской Молдавской Республики местные власти Тирасполя обладают абсолютным контролем над использованием всех систем управления. Такая ситуация складывается благодаря существованию собственных структур безопасности и управления – спецслужб, армии, правоохранительных органов, административного аппарата и органов исполнительной власти. Дополнительную поддержку этому режиму обеспечивает российский военный контингент численностью полторы тысячи человек, размещённый в данном регионе.

Рассмотрев транзит власти в Молдове с начала распада СССР и до наших дней, можно сделать следующие выводы:

– за три с лишним десятилетия после обретения суверенитета Молдова так и не смогла прийти к единому пониманию своей национальной идентичности – ни с позиции гражданской, ни с этнической точки зрения.

– политические лидеры и представители интеллектуальной среды оказались неспособны создать объединяющую концепцию самоопределения, которая была бы одинаково привлекательна для всех жителей республики вне зависимости от их национальных корней.

– правоцентристские и правые политические силы совместно с большинством этнических молдаван и молдавских румын отстаивают концепцию, где фундаментом государственности выступает нация с преобладанием румынской культуры и языка. Противоположную позицию занимают левоцентристские и левые движения вместе с русскоязычным населением, продвигающие идеологию молдовенизма. Их видение предполагает построение многонационального общества гражданского типа, где русскому языку отводится центральная функция.

«По данным переписи 2024 года, большинство жителей Молдовы назвали себя молдаванами (77,2%). Далее идут румыны (7,9%), украинцы (4,9%), гагаузы (4,2%), русские (3,2%), болгары (1,6%), цыгане (0,4%) и другие (0,5%)» [4].

Хотя существуют политические партии, которые выступают за объединение Молдовы с Румынией, но их поддержка незначительна.

«Конституция Молдовы закрепляет светский характер государства и гарантирует населению свободу выбора религии. Но поскольку около 90% жителей страны идентифицируют себя с православием и молдавское общество придерживается консервативных ценностей, представители власти регулярно демонстрируют свою приверженность вере и стремятся заручиться одобрением церковных иерархов» [5]. Особенно активно это делают политические движения пророссийской ориентации и консервативного толка, для которых православная церковь служит инструментом укрепления российского присутствия в этом регионе. Высокий авторитет, которым исторически обладает Православная церковь в обществе, позволяет ей воздействовать на мировоззрение молдавского населения далеко за пределами чисто духовных вопросов.

«В декабре 2022 г. в Избирательный кодекс был внесен ряд поправок, основанных на рекомендациях Венецианской комиссии [6]. Теперь члены Центральной избирательной комиссии (ЦИК) выдвигаются не только, как раньше, президентом и парламентом, но также правительством, Высшим судебным советом и НПО» [7].

Статус демократии по политическому участию в Молдове международная компания BTI оценивает на уровне 8 баллов из 10 возможных (рис. 1).

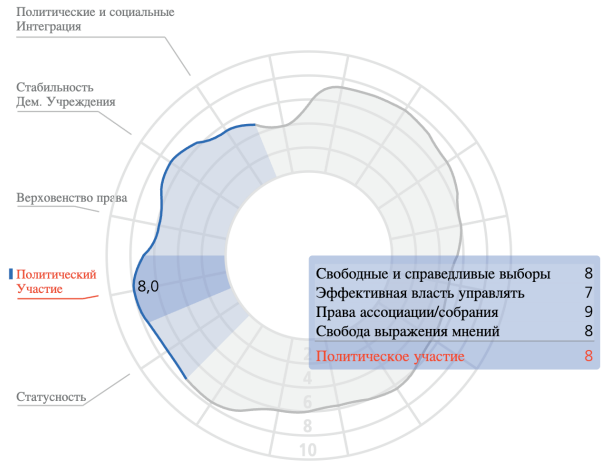


Рис. 1. Статус демократии по политическому участию в Молдове (данные BTI) – 8.0 баллов [8].

Влияние определённых заинтересованных групп продолжает распространяться на отдельных представителей муниципальной власти, а также на государственных служащих среднего ранга в Молдове. Новые законодательные изменения освобождают Центральную избирательную комиссию от обязательства создавать отдельные участки для голосования молдавских граждан на территории непризнанного Приднестровья – теперь комиссия вправе, но не должна это делать. Представителям парламентской оппозиции законодательно обеспечено присутствие в составе ЦИК – одна позиция закреплена за ними. Внешние силы, по всей видимости, оказывают существенное экономическое и политическое давление на ключевые партии.

Основной закон Республики – Конституция Молдова закрепляет право граждан на проведение собраний и создание объединений. Обычно государственные структуры допускают проведение массовых акций и митингов, включая те, что направлены против действующего правительства.

Начиная с середины 2022 года в различных населённых пунктах страны систематически проводились массовые выступления против властей, инициированные организациями пророссийской направленности. В столице инициатором таких акций выступала Партия ŞOR [9]. Правоохранительные органы иногда производили задержания нескольких человек из-за проявлений агрессии во время этих мероприятий, однако в основном государство не чинило препятствий их проведению.

Проблемы с получением доступа к общественно значимым данным остаются актуальной проблемой работников СМИ. Ряд медиаресурсов получает поддержку от непрозрачных источников финансирования и вовлечены в распространение ложной информации для подрыва репутации политиков реформаторского толка. Контроль над национальными медиа до сих пор в большой мере сосредоточен в руках влиятельных политико-экономических структур. Время от времени журналисты подвергаются запугиванию со стороны представителей могущественных политических и коммерческих объединений. Хотя законодательство претерпело некоторую трансформацию, а государственное давление на представителей прессы ослабло, молдавские медиа продолжают испытывать серьёзные трудности. Но, в любом случае, в международном рейтинге «Индекс свободы прессы» рейтингах Молдовы поднялся с 90 на 53 место в 2024 г [10].

После начала СВО власти Молдовы приняли меры по ограничению охвата и эффективности российской информации. В конце 2022 года Комиссия по чрезвычайным ситуациям вынесла постановление о временной блокировке работы шести телевизионных станций Молдовы, транслировавших программы российского телевидения – приостановка действовала на период чрезвычайного положения. Ранее, летом того же года, первоначальный запрет приобрел бессрочный характер, охватив также кинематографическую продукцию военной тематики, расцениваемую молдавскими официальными лицами как пропагандистский контент. Изначально весной 2022 г. власти Молдовы ввели временное ограничение для национальных медиа на трансляцию контента из государств, которые не присоединились к Европейской конвенции о трансграничном телевещании, что фактически касалось и России.

В Молдавии формально действует принцип разделения властей. По конституционным нормам, действующим с 2000 г. государство функционирует как парламентская республика. В такой системе основные полномочия сосредоточены у правительства и парламента, тогда как глава государства исполняет преимущественно церемониальные обязанности. Тем не менее, на деле влияние различных демократических органов определяется статусом и авторитетом главных политических фигур. Начиная с 2021 г. центральную позицию в государственном управлении занимает президент Майя Санду. Кроме того, несмотря на отсутствие официального членства в правящей «Партии действия и солидарности», она фактически продолжает оказывать существенное воздействие на партийную политику и остается её неформальным руководителем.

С момента вступления в 2021 г. ключевые государственные институты оказались практически полностью заполнены представителями партии ПАС. Президентский пост занимает Майя Санду, фактически возглавляющая данную политическую силу, в то время как правительственные структуры и парламент, где партия обладает подавляющим численным преимуществом, находятся под её контролем. Генеральная прокуратура и антикоррупционные ведомства также выступают неформально подчинены Майи Санду. Конституционный суд, вернувший себе самостоятельность в 2019-м, возглавляется Доминикой Маноле, придерживающейся позиций, благоприятных для реформаторского курса ПАС. Однако противоречия возникают между центром и муниципальными структурами, находящимися под влиянием оппозиционных сил, что характерно для ряда городских образований и целых территориальных единиц, в числе которых Приднестровье, которое также высказывается по всем вопросам государства Молдовы.

Таким образом, все ключевые политические и социальные субъекты (включая политические партии и НПО) заявляют риторически – о своей полной приверженности демократической системе и ее институтам. Однако, большинство заинтересованных групп в молдавском политическом пространстве руководствуются прежде всего собственной выгодой – как финансовой, так и политической. На наш взгляд, корни подобного прагматичного отношения к демократическим институтам следует искать в историческом наследии и не только советском, и в том факте, что стабильная, работающая государственность так и не была никогда выстроена в Молдове после распада СССР. При этом оппозиционные силы, в особенности те, что ориентированы на Россию, регулярно позиционируют себя как истинных приверженцев демократии, утверждая, что прозападные власти попирают демократические нормы или вообще незаконно захватили власть. В реальности же существенная доля представителей политической верхушки, которая является сторонниками Санду, придерживается откровенно циничных взглядов на демократию как таковую. И Социалистическая партия и Партия ŞOR, которые симпатизируют России, официально не отвергают демократические нормы и ценности.

Вооруженные силы остаются в стороне от политических процессов и имеют незначительное влияние на государственные дела Молдовы.

В 2022 г. по итогам опросов доверие к партийным структурам демонстрировали лишь 16,5% жителей страны, что делает партии наименее авторитетным институтом власти в Молдове. Впрочем, даже такой низкий показатель оказался выше, чем в предшествующие периоды – в 2018-м доверие составляло 11,6%, а двумя годами позже – 11,3%.

«В новом парламенте Молдавии XII созыва 22 октября 2025 г., были сформированы шесть фракций, пять из которых объявили себя оппозиционными. При этом оппоненты нынешней власти выразили готовность поддержать инициативы большинства, если они будут хорошими. Мажоритарную фракцию ПДС, состоящую из 55 депутатов, возглавит Дойна Герман. Председателем фракции Партии социалистов, представленной 17 депутатами, будет Игорь Додон. Главой фракции Компартии, в которую вошли 8 депутатов – Диана Караман. Парламентскую фракцию блока Альтернатива из 8 депутатов будет представлять Гайк Вартанян, Нашу партию – Ренато Усатый, а партию Демократия дома – Василий Костюк, у них по 6 мандатов» [11].

По данным BTI статус транзита власти в Молдове составляет 6,7 балла из 10 [8]. То есть транзит власти возможен, но власть на сегодня достаточно устойчивая (рис. 2).

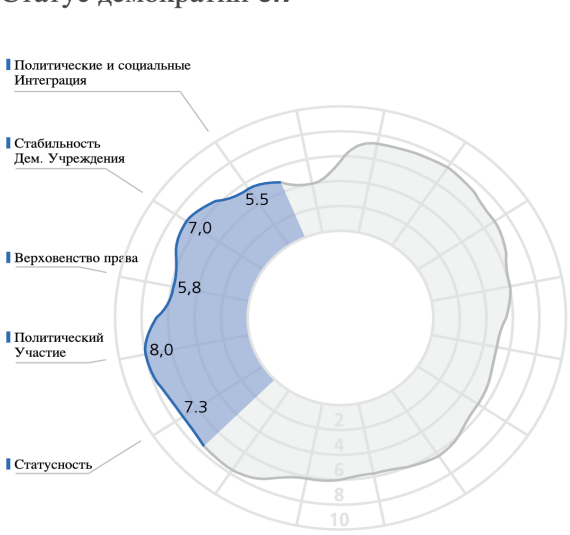


Рис. 2. Итоговый статус демократии в Молдове – 6.7 баллов (среднее значение из представленных направлений) [8]

Мы провели анализ данных по Молдове, используя статистические данные, которые представляет BTI (см. Приложение). Нами проведен корреляционный анализ возможности транзита власти в Молдове за период 2005–2025 гг., использовались данные по параметрам: политическая власть, экономика, управление. Полученные нами результаты представлены в табл. 1., 2. и на рис. 3.

Таблица 1. Регрессионный анализ возможности транзита власти в Молдове 2005–2025 гг.*

	Коэффициент	*Ст. ошибка*	*t-статистика*	*P-значение*	
v2	0.277246	0.0695926	3.984	0.0007	***
v3	0.895339	0.0305876	29.27	<0.0001	***

*Расчеты автора.

v1 – политический транзит, зависимая переменная
v2 – экономический транзит
v3 – управленческий транзит.

Коэффициент t-статистики 29.2 показывает большую зависимость транзита от управления в стране, зависимость от экономического положения также существенная (больше 1) и составляет 3.9.

При анализе транзита мы можем наблюдать очень большую возможность транзита власти до 2005 г. *Транзит власти в Молдове остается умеренно высоким и в настоящее время,* на момент исследования в 2025 г. (см. табл. 3.3, 3.4)).

Анализ транзита в Молдове показывает, что он остается на уровне 5 баллов в 2025 г., такой же уровень транзита был и в год прихода к власти Санду в конце 2020 г. (табл. 2, рис. 3).

Полученные нами данные разнятся с итоговыми данными BTI по Молдове. Это понятно. Молдова входит в Евросоюз и аналитические компании, заинтересованные в представлении стан Евросоюза как развивающиеся в сторону демократии, делают акценты на определенные выводы. Так BTI, представляя приход в декабре 2020 г. к власти Санду, буквально превозносит новую власть как сторонников демократических реформ, хотя сами отмечают, что в стране осталась коррупция, неформальные связи в управлении, судебной системе.

Таблица 2. Анализ транзита в Молдове 2005–2025 гг.*

Набл.	v1 (транзит власти)	Предсказание	Ст. ошибка
2005	56.000000	55.294690	2.352948
2006	5.914286	5.576718	1.687909
2007	6.150000	5.567026	1.687908
2008	7.250000	9.034122	1.717749
2009	6.000000	7.035509	1.708645
2010	7.000000	5.244832	1.711227
2011	9.000000	6.971909	1.762515
2012	7.000000	3.454154	1.715988
2013	7.000000	6.444123	1.733437
2014	7.000000	7.246789	1.740806
2015	6.000000	6.417417	1.724654
2016	8.000000	5.522078	1.726869
2017	7.000000	6.417417	1.724654
2018	5.000000	7.312756	1.722979
2019	5.000000	6.299994	1.702895
2020	5.000000	6.758263	1.697046
2021	4.000000	7.035509	1.708645
2022	6.000000	4.690340	1.688134
2023	6.000000	6.301950	1.688128
2024	6.000000	6.758263	1.697046
2025	6.000000	6.758263	1.697046
2026	5.500000	6.758263	1.697046

*Расчеты автора.

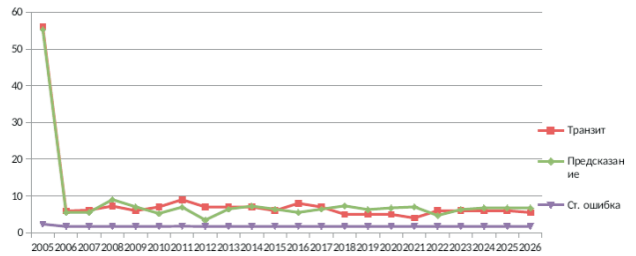


Рис. 3. Анализ транзита в Молдове 2005–2025 гг. (Расчеты автора).

Таким образом, транзит власти в Молдове остается на высоком уровне.

Молдавское общество характеризуется сильной ориентацией на родственные отношения, что проявляется и в политической сфере. Представители правящих кругов рассматривают привлечение членов своего клана к управлению как норму, что порождает широкое распространение непотизма и покровительства на основе родственных и личных связей. Одновременно уровень общественной консолидации остается крайне низким. Граждане испытывают недоверие к демократическим институтам, правовой системе и друг к другу. Подобные настроения препятствуют совместным гражданским инициативам – молдаване редко проявляют готовность к коллективным формам участия.

Литература

1. Гизатуллина Э. Приднестровская Молдавская Республика: современная ситуация и перспективы разрешения конфликта. URL:

http://geoconflict.narod/ru/ texts/gizatullina.html. Дата обращения 09.08.2025.

2. Диденко Д.Ю. Электоральные манипуляции на выборах в Молдавии: приднестровский фактор (по материалам выборов 2019 года) //Научный альманах «Terra Politica». – 2025. – № . 1. – С. 208–223.

3. Астахова С.В. Молдавия: политическая ситуация в связи с президентскими выборами-2020 //Россия и новые государства Евразии. – 2020. – № . 4. – С. 116–132.

4. Национальное бюро статистики Республики Молдова. 2024 г.

5. Варзарь, Пантелимон. «Лилия Брага. Политическая культура в Республике Молдова. Chișinău: ÎS FEP «Tipografi a Centrală», 2020. 336 с.» Revista de Filosofie, Sociologie şi Ştiinţe Politice 183.2 (2020): 237–238.

6. Венецианская комиссия (официальное название – Европейская комиссия за демократию через право) – консультативный орган по конституционному праву, созданный при Совете Европы в 1990 году.

7. Харитонова Н.И. Перспективы интеграции Молдовы в НАТО // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № . 97. – С. 98–111.

8. BTI https://atlas.bti-project.org Дата обращения 15.09.2025.

9. «Шор» (рум. Partidul Politic „Șor") – политическая партия в Республике Молдова, которая существовала с 13 июня 1998 года по 19 июня 2023 года

10. 2024 World Press Freedom Index. Reporters Without Borders (2024).

11. В парламенте Молдавии у ПДС – комфортная оппозиция: «Поддержим позитивные инициативы». URL: https://eadaily.com/ru/news/2025/10/22/v-parlamente-moldavii-u-pds-komfortnaya-oppoziciya-podderzhim-pozitivnye-iniciativy. Дата обращения: 25 октября 2025 г.

ANALYSIS OF THE CHARACTERISTICS OF MOLDOVA›S POLITICAL TRANSITION

Potapov D.V.
Institute of Socio-Political Research of the Russian Academy of Sciences

This article examines the characteristics of Moldova's political transition. The aim of the article is to assess Moldova's political forces and the possibility of a change in political power. All key political and social actors rhetorically declare their full commitment to the democratic system and its institutions. The article not only examines the chronology of power transition since the collapse of the USSR but also presents a retrospective of socio-economic issues and governance problems. National and ethnic groups living in Moldova show little interest in each other and often view each other with distrust. Our data show that power transition in Moldova remains high. Moldovan society is characterized by a strong orientation toward kinship relations, which is also reflected in the political sphere. The Orthodox Church also exerts considerable influence in the country.

Keywords: political transition, Moldova, political forces, power.

References

1. Gizatullina E. The Pridnestrovian Moldavian Republic: Current Situation and Prospects for Conflict Resolution. URL: http://geoconflict.narod/ru/texts/gizatullina.html. Accessed 09.08.2025.

2. Didenko D. Yu. Electoral Manipulation in Moldova's Elections: The Transnistrian Factor (Based on 2019 Election Materials) // Terra Politica Scientific Almanac. – 2025. – No. 1. – Pp. 208–223.

3. Astakhova S.V. Moldova: Political Situation in Connection with the 2020 Presidential Elections // Russia and the New States of Eurasia. – 2020. – No. 4. – Pp. 116–132.

4. National Bureau of Statistics of the Republic of Moldova. 2024

5. Varzari, Pantelimon. "Lilia Braga. Political Culture in the Republic of Moldova. Chișinău: ÎS FEP "Tipografi a Centrală", 2020. 336 pages." Revista de Filosofie, Sociologie şi Ştiinţe Politice 183.2 (2020): 237–238.

6. The Venice Commission (official name – European Commission for Democracy through Law) is an advisory body on constitutional law, created within the Council of Europe in 1990.

7. Kharitonova N.I. Prospects for Moldova's Integration into NATO // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2023. – No. 97. – P. 98–111.

8. BTI https://atlas.bti-project.org Accessed September 15, 2025.

9. "Shor" (Romanian: Partidul Politic „Șor") was a political party in the Republic of Moldova that existed from June 13, 1998 to June 19, 2023.

10. 2024 World Press Freedom Index. Reporters Without Borders (2024).

11. In the Moldovan Parliament, the PDS is a comfortable opposition: "We will support positive initiatives." URL: https://eadaily.com/ru/news/2025/10/22/v-parlamente-moldavii-u-pds-komfortnaya-oppoziciya-podderzhim-pozitivnye-iniciativy. Accessed October 25, 2025.

Социогуманитарные технологии России на фоне развития гибридной войны в российско-армянских отношениях

Сухарев Михаил Александрович,
аспирант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: sukharew.mihail@yandex.ru

Статья посвящена исследованию трансформации социогуманитарного измерения российско-армянских отношений в условиях нарастающего гибридного противостояния с участием внешних акторов. Показано, что современный кризис двустороннего взаимодействия выходит за рамки политико-дипломатических разногласий и затрагивает основания общественного сознания, историческую память, культурные ориентиры, образовательную политику и структуру информационного пространства. Особое внимание уделяется роли третьих акторов в формировании устойчивого антироссийского и русофобского нарратива в обществе и политическом истеблишменте Армении, а также механизмам, направленным на вытеснение России из социогуманитарного поля Южного Кавказа.

На основании анализа политической риторики, медиа-контента, данных социологических опросов и экспертных оценок показано, что антироссийские нарративы приобрели тревожный устойчивый характер и используются как инструмент для долговременного изменения общественного восприятия России. Обосновано, что именно социогуманитарная сфера в текущий период становится ключевым полем гибридной войны, на пространстве которой формируется новая модель российско-армянских отношений, основанная на логике дистанцирования и переосмысления прежних форм сотрудничества.

В статье также предложены возможные направления адаптации российской социогуманитарной стратегии, ориентированной на противодействие гибридной войне, восстановление доверия, сохранение каналов диалога и работу с теми социальными группами, которые остаются чувствительными к социогуманитарному сотрудничеству с РФ. Делается вывод о том, что устойчивость российско-армянского партнерства в долгосрочной перспективе все в большей степени зависит от состояния социогуманитарной и информационной среды, а не только от военно-политических или экономических решений.

Ключевые слова: российско-армянские отношения, гибридная война, внешняя политика, информационное противоборство, историческая память, социогуманитарная сфера, медиа, антироссийский дискурс, русофобия, нарратив, молодежь, Южный Кавказ, внешнее влияние, общественное сознание, трансформация идентичности.

Введение

На протяжении многих десятилетий российско-армянские отношения воспринимались как один из устойчивых и предсказуемых форматов сотрудничества на постсоветском пространстве. В двусторонних связях доминировало ощущение культурной близости, взаимной поддержки и доверия, которое не требовало постоянного политического подтверждения. Однако в последние годы данная модель оказалась под давлением факторов, которые выводят двусторонний диалог за пределы привычных категорий. Речь идет не только об изменениях внешнеполитической конъюнктуры, но и о глубокой перестройке информационной и гуманитарной среды, которая постепенно формирует иную траекторию восприятия России в обществе Армении.

На политическом уровне охлаждение отношений началось с роста неопределенности вокруг региональной безопасности и появившегося в Ереване запроса на переосмысление прежних внешнеполитических ориентиров. Правительство Армении начало демонстрировать стремление диверсифицировать свою внешнюю политику, делая акцент в основном на контактах с западными странами [Мелконян, 2025]. В частности, в 2025 г. Арменией была подписана Хартия о стратегическом партнерстве США[1] и «Новая повестка партнерства» с ЕС[2].

При этом Россия, под необходимостью преодоления собственных внешнеполитических вызовов, укрепила сотрудничество с теми региональными акторами, чьи позиции на Южном Кавказе стали укрепляться (например, Азербайджаном и Турцией). Вследствие чего возникло расхождение ожиданий, тогда как Армения стремилась к гарантиям безопасности, которые рассматривала как личный приоритет, Россия же была вынуждена перераспределять внимание между несколькими ключевыми направлениями одновременно, наталкиваясь на требования уже изменившегося регионального контекста [Мелоян, 2025: 3].

Внутренние политические процессы в Армении также усиливают противоречия в отношении сотрудничества с РФ. Дискуссия вокруг изменения внешнего курса постепенно стала приобретать характер публичной переоценки самой природы отношений с Россией. Медийное пространство страны стало источником нарративов, в которых Россия рассматривается как партнер, чьи ожидания якобы не совпадают с запросами общества Армении и в общественное сознание последовательно продвигается мысль о том, что РФ больше не отвечает ожиданиям армянского общества и не совпадает с его представлениями о будущем страны. Ситуация развивается слишком последовательно, слишком быстро и слишком согласованно, чтобы рассматривать ее как обычный пересмотр политических позиций. Структура информационных посылов, заявлений и продвигаемых нарративов, способ их распространения и влияние на общественные настроения позволяют говорить о признаках развития гибридной войны, где ключевую роль играют непосредственно информационные и социогуманитарные инструменты.

Суть гибридной войны в современных условиях заключается в том, что противодействие переносится в цифровую и информационную среду. Информационные технологии делают возможным быстрое формирование нужных нарративов, а социальные сети позволяют незаметно и эффективно влиять на восприятие людей. Подобные кампании меняют эмоциональный фон, вызывают чувство неуверенности, формируют ложные причинно-следственные связи, а иногда и прямое ощущение угрозы [Карсанова, 2025: 144]. Влияние оказывается не через силу, а через изменение того, как общество трактует события и сводится к способу воздействия на принятие решений,

[1] The signing of the Strategic Partnership Charter between the Republic of Armenia and the United States of America took place in Washington. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Armenia. 14.01.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.mfa.am/en/press-releases/2025/01/14/the/13032 (дата обращения: 24.11.2025)

[2] Стратегическая повестка партнерства Армения-ЕС [Հայաստան-ԵՄ գործընկերության ռազմավարական օրակարգը]. Арменпресс Ереван. 03.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://armenpress.am/storage/content/2025/pdf/_-%20ԵՄ%20գործընկերության%20ռազմավարական%20օրակարգ_0.pdf (дата обращения: 04.12.2025)

формируя нужные реакции еще до того, как возникает реальный политический выбор.

Если рассматривать ситуацию в отношениях РФ Армении сквозь эту призму, становится ясно, что гибридная война разворачивается в данном формате. Последовательное продвижение утверждений о несоответствии российской политики ожиданиям армянской аудитории сопровождается и официальными заявлениями, позволяющими закрепить эту мысль в общественном сознании. На этом фоне прозвучавшее заявление президента В. Хачатуряна о том, что «Армения больше не младший брат России»[1], стала своего рода жестом, завершившим эпоху, когда историческая и культурная некогда близость сама по себе воспринималась как фундамент отношений. Смысл подобных изречений заключается в попытке закрепить переориентацию самой основы отношений, где гуманитарная и историческая составляющие уступают место политическому прагматизму.

Аналогичная риторика развивается и на фоне активности внешних акторов. В заявлениях МИД России прямо говорится о работе европейских структур, направленной на выведение Армении из орбиты российского влияния[2]. Регулярно можно заметить появление анонимных аккаунтов в сегменте социальных сетей Армении, которые распространяют однотипную интерпретацию образа РФ и работают на подрыв доверия к России среди молодежи.

Все эти элементы создают общую картину в том, что Россия сталкивается не с обычным охлаждением отношений, а с очередной фазой гибридного противостояния, где гуманитарная сфера, язык, образование, культура и медиа превращаются в поле конкуренции. В этом поле формируется новая модель восприятия России, где прежняя близость постепенно вытесняется образом партнёра, значение которого якобы уменьшается.

Именно поэтому анализ российско-армянских отношений сегодня невозможен в рамках прежних шаблонов. Изменения происходят в общественных настроениях, в информационной среде и в структуре культурных и образовательных контактов. Ситуация требует выработки российской стратегии противодействия, которая позволит сохранить пространство диалога и восстановить доверие в условиях нарастающей гибридной борьбы на Южном Кавказе, являющейся стратегической зоной интересов РФ.

По мере приближения парламентских выборов 2026 г. прозападные тенденции в Армении также получили дополнительный импульс. Политические силы, ориентированные на изменение внешнеполитического курса, усилили присутствие в публичном пространстве, активно используя различные технологии для формирования нового электорального образа будущего страны. Выборы представлены как «момент стратегической определенности», когда страна может окончательно закрепить курс на европейскую интеграцию и дистанцирование от России (в декабре 2025 г. ЕС заявил о намерении выделить финансирование для Армении в размере 12 млн евро якобы на цели «борьбы с иностранными информационными манипуляциями и вмешательством»)[3]. Подобные нарративы начинают циркулировать внутри информационной и социогуманитарной среды, создавая ощущение неизбежности внешнеполитического разворота Армении и дистанцирование от РФ.

В текущих условиях особо значимым видится исследование механизмов, через которые формируется образ России в обществе Армении, а также анализ того, какие стратегии способны грамотно противодействовать гибридной войне, укреплять доверие и восстановить содержательные каналы социогуманитарного взаимодействия. Российская позиция, основанная на последовательном уважении суверенитета Армении и стремлении к диалогу, остается ключевым ресурсом, который необходимо развивать. Одновременно возникает потребность в обновленной системе социогуманитарного присутствия – более гибкой, современно выстроенной и адресно работающей с теми группами, на которых направлены усилия внешних акторов.

Целью настоящей статьи является выявление ключевых механизмов социогуманитарного и информационного воздействия, задействованных в процессе трансформации отношений РФ и Армении в условиях нарастающей гибридной войны, а также анализ того, каким образом через гуманитарную, культурную, образовательную и медийную среду формируется новая модель восприятия России в обществе Армении. В рамках поставленной цели особое внимание уделяется изучению роли внешних акторов в переориентации социогуманитарного пространства Армении и определению возможных направлений адаптации российской стратегии противодействия гибридным войнам в условиях целенаправленного внешнего подрыва социогуманитарных оснований двустороннего партнерства.

Научная новизна исследования заключается в комплексном осмыслении социогуманитарного и информационного измерения российско-армянских отношений как пространства целенаправленного ведения гибридной войны, в рамках которой нарративы дистанцирования, гуманитарные инструменты и технологии информационного давления используются для поэтапного разрушения исторически сложившегося партнерства. В статье проанализирована взаимозависимость между внутриполитическими событиями в Армении, новой внешней политикой и резкой активизацией антироссийского дискурса, что позволяет говорить об управляемом изменении социогуманитарной и медийной среды. Новизна также определяется выявлением роли внешних факторов и третьих стран в формировании альтернативной архитектуры социогуманитарного влияния в Армении, направленной на размывание российской гуманитарной, культурной и образовательной позиции в регионе. В исследовании обосновано, что гибридная война распространяется не только на сферу текущего политического восприятия, но и напрямую затрагивает национальный брендинг России, подрывая его в глазах принимающего общества.

Результаты

Внешнеполитический курс Армении в последние годы формируется в ином направлении нежели то, что долгое время определяло их отношения с Россией. В основе текущего курса лежит стремление к переопределению региональной роли страны и поиску новых гарантий безопасности, что проявляется в постепенном переходе от ориентированного на РФ подхода к модели, предполагающей сближение с другими центрами силы. Наиболее заметным элементом этой переориентации стала попытка Еревана выстроить представление о возможности устойчивого сосуществования с Азербайджаном и вывести диалог с Турцией из состояния многолетней блокировки. Идея потенциального открытия армяно-турецкой границы приобретает функцию символа «новой эпохи» [Атоян, Пахлян, 2022: 13–14]. Формируется нарратив о том, что отношения с соседями, а не историческая опора на Россию, трактуются как основа национальной стабилизации.

Безусловно, стагнация отношений между Россией и коллективным Западом, а затем и вовсе практически открытая конфронтация, привели к тому, что маневрирование между центрами силы стало крайне проблематичным и для российско-армянских связей [Погосян, 2023: 450]. Перестроение внешнеполитической линии сопровождается изменениями в информационном поле страны. Наиболее резкая реакция наблюдается в том, как в информационной повестке Армении теперь описывают роль России. Именно критические нарративы становятся доминирующими, а прежние представления о России как о главном партнере в кавказском регионе постепенно вытесняются оценками, подчеркивающими ее якобы несоответствие нынешним запросам общества [Савельева, 2023: 66]. Отражается данная тенденция и в массовых настроениях. Согласно исследованию Международного республиканского института, проведенному в конце 2023 г., Россия была включена респондентами в перечень стран, от которых, по их мнению, могут исходить политические угрозы безопасности Армении[4]. Примечательно, что подобные результаты прежде были невозможны, так как они фиксируют не спонтанное изменение восприятия, а устойчивый нарратив, формирующий у аудитории ощущение дистанции от страны.

Отмеченная тенденция подтверждается и данными другого исследования, проведенного представительством Института Гэллапа в Армении 2024 г. В нем самой дружественной Армении страной респонденты назвали страны ЕС и США, а Россия же в рейтинге опускается к нижней части списка, что может свидетельствовать о долгосрочной трансформации общественных настроений, несовместимой с прежним уровнем российско-армянской близости[5].

[1] Глава Армении заявил о превращении страны из «младшего брата» России в партнера. RTVI. 11.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://rtvi.com/news/glava-armenii-zayavil-o-prevrashhenii-strany-iz-mladshego-brata-rossii-v-partnera/ (дата обращения: 25.11.2025)

[2] Захарова прокомментировала заявления о «гибридной войне» против Армении. ТАСС. 10.11.2025. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/politika/25584021 (дата обращения: 26.11.2025)

[3] В Армении профинансирован «молдавский сценарий» – оппозиции нужно объединиться: эксперт. Sputnik Армения. 05.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://am.sputniknews.ru/20251205/v-armenii-profinansirovan-moldavskiy-stsenariy – oppozitsii-nuzhno-obedinitsya-ekspert-96589251.html (дата обращения: 06.12.2025)

[4] Public Opinion Survey: Residents of Armenia, 2023. International Republican Institute. [Электронный ресурс] URL: https://www.iri.org/wp-content/uploads/2024/03/IRI_Armenia-Public-Survey_FINAL_ENG.pdf (дата обращения: 24.11.2025)

[5] «AntiPuzzle». Вопросы, связанные с демаркацией границы в Тавушской области, политзаключенными и деятельностью премьер-министра Республики Армения [AntiPuzzle. Տավուշի մարզում սահմանազատում, քաղբանտարկյալների և ՀՀ վարչապետի աշխատանքի վերաբերյալ հարցեր]. Gallup International Armenia. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://gallup.am/product/antipuzzle-hy/ (дата обращения: 24.11.2025)

Следует отметить, что перелом в восприятии России внутри армянского общества сформировался в условиях нарастающей региональной турбулентности еще с 2021 г. Одним из ключевых эпизодов стали столкновения на армяно-азербайджанской границе, когда азербайджанские подразделения продвинулись на ряде участков Сюникской и Гегаркуникской областей. В армянском политическом и медиапространстве именно этот момент был использован как аргумент в пользу того, что реакция РФ и ОДКБ якобы не соответствует ожиданиям их союзника.

Столь резкие перемены не могут быть объяснены только внутренними процессами в Армении. Они слишком глубокие и слишком синхронные с изменениями внешнеполитического курса, чтобы оставаться в рамках естественной эволюции общественного мнения. Скорее, речь идет о тенденции, в которой информационное воздействие соединяется с политической переориентацией и создает новую систему мнений вокруг выбора Армении, позволяя говорить о том, что смещение общественного восприятия – также один из ключевых элементов гибридной войны, направленный на постепенное сокращение российского присутствия в социогуманитарной и политической жизни страны.

Вместе с тем, немаловажным фактором стало то, что в публичном пространстве Армении сформировалась еще одна линия рассуждений, которая уже не ограничивается критикой РФ, а пытается ответить на вопрос, чем можно заменить прежний формат российско-армянского сотрудничества. В данном случае именно Россия представляется для армянских элит источником неопределенности, тогда как новые внерегиональные партнеры (США, страны ЕС, Иран[1], Индия[2], Грузия[3] и др.) рассматриваются как силы, способные компенсировать образовавшийся вакуум безопасности [Мелоян, 2025: 5].

По мере того, как Ереван продвигался в согласовании параметров мирного урегулирования с Азербайджаном и расширял военное и политическое сотрудничество с внешними акторами, в политической повестке все чаще стала звучать мысль о том, что в присутствии российских пограничных подразделений больше нет нужды. Уже к концу 2024 г. российские пограничники завершили работу и прекратили службу на участке армяно-иранской границы, а с марта 2025 г. Армения приняла под собственный контроль пункты пропуска на закрытой армяно-турецкой границе. Это также одно из наиболее показательных подтверждений того, насколько изменилось отношение Армении к двусторонним механизмам безопасности с РФ, которые долгие годы воспринимались как неотъемлемая часть российско-армянского партнерства. Российские пограничные подразделения находились в Армении с начала 1990-х гг., и их присутствие было своеобразным символом доверия. Сегодняшняя ситуация демонстрирует, что Армения активно пересматривает прежние договоренности и стремится переосмыслить роль России в обеспечении своих внешних границ.

На этом фоне политическое руководство Армении также сделало выбор в пользу приглашения на границу с Азербайджаном наблюдательной миссии ЕС, фактически отдавая предпочтение западным структурам, а не форматам, вырабатывавшимся в рамках ОДКБ. Выбор европейской миссии можно расценивать не столько как стремление получить внешнюю поддержку, сколько как демонстративное смещение приоритетов безопасности в сторону от России[4].

Куда более сложной и показательной остается ситуация с участием Армении в ОДКБ. Формально Ереван еще не разорвал связи с организацией, однако фактически дистанцирование стало очевидным уже в тот момент, когда в 2024 г. страна объявила о «заморозке» своего участия[5]. Хотя изначально решение было озвучено как временная мера, но именно его некая «полуопределенность» показывает, что Армения стремится сохранить для себя возможность маневра, чтобы с одной стороны, демонстрировать общественности и внешним партнерам отход от прежних механизмов сотрудничества, а с другой – не доводить ситуацию до окончательного разрыва в отношениях, который неизбежно повлек бы за собой серьезные последствия в сфере безопасности.

Подобная тактика позволяет руководству Армении вести т.н. «двойную игру». Для внутренней аудитории дистанцирование от ОДКБ подается как шаг, соответствующий новой внешнеполитической линии, а для внешних наблюдателей – как сигнал о готовности к переориентации внешнеполитического курса в угоду прозападной логике дистанцирования от России. На фоне всего этого Армения лишь переводит свое взаимодействие с Россией в основном экономическую плоскость и концентрируется на сотрудничестве в рамках ЕАЭС.

Показательно, что в конце 2024 г. и в 2025 г. официальные лица Армении неоднократно использовали риторику, выходящую за рамки дипломатической критики РФ. Так, как уже было отмечено ранее, президент Армении публично заявил о «переосмыслении всей модели отношений с Россией» и отметил, что «страны больше нельзя считать братьями» – это фраза, ставшая ключевой для продвижения нового политического дискурса внутри страны[6].

Развитие негативной тональности политического клиширования отношений с РФ совпало с расширением присутствия западных акторов в армянском социогуманитарном пространстве и активными попытками представить российскую позицию как утратившую значение для будущего республики. Российская сторона неоднократно подчеркивала признаки целенаправленного внешнего давления на общественное мнение Армении. В декабре 2025 г. МИД России заявил, что наблюдаемая кампания основана на «стремлении внешних сил разрушить связи России и Армении»[7].

Разжигание антироссийского дискурса в Армении разворачивается на фоне крена в сторону западного вектора в сфере науки и образования, сокращения русскоязычных программ, изменения гуманитарной политики и продвижения идеи переориентации молодежи на западное культурное поле. В публичной жизни наблюдается давление на тех, кто открыто заявляет о пользе партнерства с Россией[8]. Социогуманитарная сфера, медиа и политический дискурс задействованы как взаимосвязанные формы гибридного воздействия, формирующие целостную систему информационного и социогуманитарного дистанцирования от РФ.

Возрастающая сложность российско-армянских отношений требует взгляда на происходящее как на развитую системы воздействия, включающую информационные кампании, гуманитарное переориентирование, давление на образовательную и культурную повестку и активное использование внешних акторов для формирования альтернативного образа будущего страны. При этом процесс не является стихийным. Так, в материалах Международного дискуссионного клуба «Валдай» подчеркивается, что новое позиционирование Армении сопровождается «последовательным демонтажом прежней архитектуры сотрудничества», что выражается в изменении риторики, корректировке приоритетов и продвижении образа России как препятствия развитию страны[9]. Снижение доверия к российским социогуманитарным и информационным проектам в Армении приобретает немаловажное значение, поскольку российская политика в регионе Южного Кавказа в значительной степени опиралась на взаимодействие с обществом через культуру, образование и историческую память. Нарастающее давление на социогуманитарное поле приводит к тому, что привычные каналы общения с аудиторией страны оказываются либо заблокированными, либо ограниченными внешним контролем.

Содержание антироссийского дискурса в Армении последние два года формировалось по нарастающей, что особенно заметно по характеру публичных выступлений армянских руководителей и качеству комментариев в национальных медиа. В ноябре 2025 г. МИД России был вынужден комментировать регулярные заявления политических элит Армении о «гибридной войне России», которые стали активно тиражироваться в информационном пространстве и получили устой-

[1] Тегеран и Ереван работают над документом о стратегическом партнерстве. ТАСС. 06.02.2025. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23072177 (дата обращения: 27.11.2025)

[2] Армения стремится установить стратегическое партнерство с Индией – посол. ArmInfo. 01.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=94283 (дата обращения: 27.11.2025)

[3] Грузия и Армения подписали соглашение о стратегическом партнерстве. ТАСС. 26.01.2024. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19826885 (дата обращения: 27.11.2025)

[4] Члены Наблюдательной миссии Европейского Союза в Армении продолжают вести наблюдение на приграничных с Азербайджаном территориях. Armiya.az. 03.05.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.armiya.az/ru/news/227288 (дата обращения: 29.11.2025)

[5] Армения заморозила участие в ОДКБ, заявил Пашинян. РИА Новости. 23.02.2024. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20240223/armeniya-1929095725.html (дата обращения: 30.11.2025)

[6] Президент Армении сделал необычное заявление о России. Lenta.ru. 12.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2025/09/12/bolshe-ne-bratya-prezident-armenii-vyskazalsya-ob-otnosheniyah-s-rossiey/ (дата обращения: 01.12.2025)

[7] Захарова заявила о намерении «вампиров Брюсселя» разрушить отношения РФ и Армении. Известия. 04.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://iz.ru/2002279/2025–12–04/zakharova-zaiavila-o-namerenii-vampirov-briusselia-razrushit-otnosheniia-rf-i-armenii (дата обращения: 04.12.2025)

[8] Новый всплеск официальной русофобии в Армении. Идея союза с Москвой – вне закона. ТВЦ. 31.10.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.tvc.ru/news/329289 (дата обращения: 02.12.2025)

[9] Гегелашвили Н. Единство минус: Армения между Западом и Россией. Международный дискуссионный клуб «Валдай». 24.04.2018. [Электронный ресурс] URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/edinstvo-minus/ (дата обращения: 03.12.2025)

чивое место в политических дебатах о реформах, поддерживаемых правящими кругами[1].

Российская сторона неоднократно подчеркивала, что подобные утверждения не имеют под собой фактических оснований и служат инструментом давления на общественное мнение, что важно для понимания самой природы конфликтогенных нарративов, поскольку значительную их часть формируют лишь политические конструкции, но отнюдь не реальные действия РФ. В 2025 г. возникшая ситуация приобрела характер системного давления, а информационный компонент стал опорной точкой для продвижения тезиса о необходимости выхода из исторически сложившихся связей с РФ[2].

Стоит констатировать, что Армения в текущий период перешла от балансирования во внешней политике к демонстративному дистанцированию от РФ, сопровождаемому попытками закрепить новую модель отношений на уровне массового сознания[3]. Стратегия дистанцирования была особенно заметна в информационных кампаниях, в которых Россия последовательно репрезентировалась как сила, не соответствующая ожиданиям Армении в сфере безопасности, тогда как внешние акторы (прежде всего ЕС и США) представляются носителями новых возможностей [Ананьев, 2025: 71].

Антироссийский дискурс в Армении стал более устойчивым. В заявлениях политического руководства Армении регулярно звучат мотивы обиды, разочарования, недоверия, что создает благоприятную почву для закрепления негативного восприятия России среди общества. В подобной логике формируется не просто альтернативный внешнеполитический курс, но и переосмысление гуманитарных ориентиров, что ставит под вопрос прежние основы сотрудничества.

Примечательно, что трансформация отношений сопровождается изменением социально-культурной среды. В Армении ускорилось продвижение англоязычных образовательных программ, выросла доля трансляций западных медиа, усилилось формирование негативного отношения к пророссийским настроениям, а русскоязычное пространство подверглось сокращению. Данные тенденции разрывают гуманитарную основу, на которой строилось доверие между обществами двух стран. Показательно, что многие армянские независимые площадки прямо называют Россию источником «неполноценных моделей развития», тогда как внешние акторы подаются как единственный путь развития страны и подобная риторика становится одной из ключевых составляющих кампании по вытеснению России из общественного и социогуманитарного поля Армении. В аналитических материалах даже указываются конкретные механизмы, через которые осуществляется подобного рода переориентация Армении – контроль общественной повестки, политический тренд на демонтаж исторической памяти о сотрудничестве с РФ и постепенное формирование образа России как «препятствия реформам»[4].

В частности, в августе 2025 г. премьер-министр Н. Пашинян заявил, что «советская модель патриотизма» якобы «угрожала ликвидацией Армении» через книги, фильмы, пьесы. По сути, это сама критика «исторического сотрудничества» и символов, которые могли связывать нынешнюю Армению с советским прошлым и сигнал смены политики памяти», так как прежняя советско-российская идентичность представляется как опасная и нежелательная[5].

Европейскими фондами и НПО намеренно тиражируется информация о том, что армянское общество – это «травмированная нация», и это якобы делает ее «уязвимой к манипуляциям со стороны РФ»[6]. При этом современная информационная политика внутри Армении также стремится к курсу, который уменьшает влияние России, продвигая проевропейскую повестку. Меняется культурно-информационный фон, прежние связи с РФ намеренно постепенно стираются, формируется новый нарратив.

Показательным стало расхождение между официальными заявлениями правительства Армении и практическими шагами, предпринимаемыми в сфере гуманитарной политики. Министерство образования Армении объявило о расширении программ, связанных с международными грантами ЕС, что сопровождалось перераспределением учебных часов в пользу английского языка и переориентацией школьных курсов на соответствии европейским образовательным стандартам[7]. К тому же, русский язык получил статус иностранного в образовательных учреждениях страны[8]. Изменения подавались как часть реформы, но фактически привели к сокращению русскоязычного образовательного сегмента и снижению привлекательности российских образовательных инициатив среди населения.

Культурная сфера также стала пространством гибридной войны. Публичные мероприятия с участием российских деятелей культуры подвергались критическим кампаниям в социальных сетях, пророссийские общественные активисты сообщали о попытках прекращения их деятельности. В ряде публикаций Армения подавалась как страна, которой необходимо «выйти из-под российского влияния, чтобы построить современную идентичность»[9], тем самым задавая направление восприятия, в котором бы Россия оказывалась препятствием развитию Армении. Подобные интерпретации отмечались в аналитике, где подчеркивалось, что часть политических акторов Армении рассматривает «разрыв гуманитарной связи с Россией» как стратегическую задачу в рамках перестройки внешней политики.

Российское присутствие в социогуманитарной сфере Армении маркируется как внешне навязанное, советско-российский период начинает интерпретироваться как фактор зависимости и ограничения национального развития. Наглядным выражением разворота в отношениях становятся публичные заявления армянских властей о «враждебной информации» со стороны российских СМИ, требования ограничить их вещание на территории Армении[10] и регулярные обвинения РФ во вмешательстве во внутренние процессы страны[11]. Информационная политика Армении целенаправленно переводит Россию из статуса исторического партнера в образ проблемного и дестабилизирующего актора.

Вместе с тем, проблемы затрагивают и религиозно-культурную сферу, где государственное давление на Армянскую апостольскую церковь трактуется в общественных дискуссиях как борьба с традиционными структурами, исторически ориентированными на связь с Россией[12]. Тем самым под удар попадают основания культурной общности, формировавшиеся десятилетиями. Наряду с этим в публичном поле крепнет радикально антироссийская риторика со стороны части политической и интеллектуальной элиты, в рамках которой само российское культурное влияние объявляется «колониальным наследием» и препятствием для построения «новой европейской Армении»[13]. Пред-

[1] В МИД России прокомментировали заявления о «гибридной войне» против Армении. Sputnik Армения. 10.11.2025. [Электронный ресурс] URL: https://am.sputniknews.ru/20251110/v-mid-rossii-prokommentirovali-zayavleniya-o-gibridnoy-voyne-protiv-armenii-95687826.html (дата обращения: 03.12.2025)

[2] Как Россия веками спасала Армению. Взгляд. 04.06.2025. [Электронный ресурс] URL: https://vz.ru/world/2025/7/4/1343032.html (дата обращения: 04.12.2025)

[3] Россия и Армения: 2 эксперта, 2 мнения. Дебаты РСМД. [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/armeniadebate/ (дата обращения: 05.12.2025)

[4] См. напр.: Стирая армянскую память: об общем прошлом. Verelq. 24.10.2025. [Электронный ресурс] URL: https://verelq.am/ru/node/165940 (дата обращения: 05.12.2025); Пашинян стирает Арарат. Как власти Армении отказываются от национальных символов. Рыбарь. 14.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://rybar.ru/pashinyan-stiraet-ararat/ (дата обращения: 06.12.2025).

[5] «Через книги, фильмы, пьесы»: Пашинян обвинил СССР в угрозе ликвидации Армении. RTVI. 23.08.2025. [Электронный ресурс] URL: https://rtvi.com/news/sovetskaya-model-patriotizma-pashinyan-obvinil-sssr-v-ugroze-likvidaczii-armenii/ (дата обращения: 06.12.2025)

[6] См. напр.: Information environment research: Armenia. INFO OPS Poland Foundation. 2025. [Электронный ресурс] URL: https://disinfodigest.pl/wp-content/uploads/2025/09/Analysis-of-Armenias-information-environment.pdf (дата обращения: 03.12.2025)

[7] Пашинян: Армения проводит реформы под «европейские стандарты». ТАСС. 30.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/25207171 (дата обращения: 03.12.2025)

[8] В Армении русский язык стал иностранным. Вестник Кавказа. 06.09.2024. [Электронный ресурс] URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/v-armenii-russkij-azyk-stal-inostrannym.html (дата обращения: 03.12.2025)

[9] Is the European Path an Option for Armenia? The Armenian Mirror-Spectator 01.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://mirrorspectator.com/2025/12/01/is-the-european-path-an-option-for-armenia/ (дата обращения: 02.12.2025)

[10] См.: В Армении предложили обсудить прекращение вещания российских телеканалов. ТАСС. 01.06.2025. [Электронный ресурс] URL: https://tass.ru/obschestvo/24401733 (дата обращения: 02.12.2025); В Армении назвали российских журналистов дегенератами. Lenta.ru. 01.06.2025. [Электронный ресурс] URL: https://lenta.ru/news/2025/07/01/degeneraty/ (дата обращения: 02.12.2025).

[11] Armenia protests to Russia over 'hostile TV propaganda'. CivilNet. 04.06.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.civilnet.am/en/news/961756/armenia-protests-to-russia-over-hostile-tv-propaganda/ (дата обращения: 03.12.2025)

[12] Депутат Минасян обвинил власти Армении в борьбе с «русским влиянием» через атаки на Церковь. Ритм Евразии. 05.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.ritmeurasia.ru/news-2025–12–05-deputat-minasjan-obvinil-vlasti-armenii-v-borbe-s-russkim-vlijaniem-cherez-ataki-na-cerkov-84447 (дата обращения: 05.12.2025)

[13] Тигран Хзмалян обвинил Россию… во всем. Словарь провокаторов. Вестник Кавказа. 06.05.2021. [Электронный ресурс] URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/tigran-hzmalan-obvinil-rossiu-vo-vsem-slovar-provokatorov.html (дата обращения: 05.12.2025)

ставленная русофобская риторика постепенно включается в политико-общественный дискурс, формируя устойчивую установку на цивилизационное размежевание с РФ.

Ключевыми в политическом дискурсе Армении также стали выражения «потеря доверия», «невыполненные ожидания», «отсутствие поддержки», что позволило закрепить в массовом сознании образ России как актора, не соответствующего запросам Армении. Частота и повторяемость подобных выражений свидетельствуют о подготовке информационной среды к изменению внешнеполитического курса (очевидно, в пользу западного курса). В ноябре 2025 г. армянская пресса активно продвигала тезис о том, что «Россия вмешивается во внутреннюю политику Армении», что было опровергнуто МИД РФ как политическая манипуляция, направленная на создание искусственного противостояния.

При этом в формировании негативных представлений о России значимую роль играют и информационные проекты, финансируемые западными структурами и активно работающие в цифровой среде. Исследование информационной среды Армении позволяет обратить внимание на деятельность службы «Радио Свобода» в Армении (Azatutyun), финансируемой Конгрессом США через агентство USAGM. Можно заметить устойчивую прозападную и критическую по отношению к действиям России и Ирана тональность подачи информации и материалов, а также постоянное присутствие в социальных сетях.

В русскоязычном информационном пространстве, частью которого неизбежно является и аудитория Армении, в последние годы также разворачиваются общеевропейские информационные проекты, прямо ориентированные на формирование устойчиво негативного восприятия российской политики как источника угроз, конфликтов и гуманитарных катастроф. Показательным в этом отношении является проект, поддержанный структурами ЕС и направленный, по заявлениям Европы на «повышение осведомленности о действиях России и противодействие российской военной информации» в рамках которого только за 2024 г. было воспроизведено около 2400 материалов, распространяемых через популярные соцсети и видеоплатформы[1]. Несмотря на риторику борьбы с дезинформацией, по своему содержательному наполнению материалы формируют негативно эмоционально окрашенный фон, в котором Россия последовательно закрепляется в образе «агрессора» и дестабилизирующего фактора международных отношений. Учитывая тесное переплетение русскоязычного и англоязычного контента в цифровой среде Армении, подобные нарративы автоматически проецируются и на внутренний сегмент СМИ и социальных сетей, становясь частью повседневного информационного потребления.

В дополнение к вышеизложенному, можно отметить общую логику европейской политики в отношении Армении, ориентированную на работу с молодежью и поддержку НПО в сфере гибридной войны, развертывания региональных цифровых программ при финансовой поддержке со стороны европейских фондов, финансирование русофобских акций протестов[2]. Перераспределение гуманитарного и информационного присутствия закономерно воспринимается как попытка занять освободившиеся ниши влияния и закрепить в социогуманитарном пространстве Армении нарративы, в которых Россия оказывается либо ответственным за поражение Армении в карабахском конфликте актором, либо символом «устаревшей» модели развития, из которой стране предлагается окончательно вырваться через переориентацию на Запад[3].

Происходящие процессы закономерно выходят далеко за рамки обычного кризиса в двусторонних отношениях и свидетельствуют о задействовании различных механизмов гибридной войны, где ключевым полем борьбы становится массовое сознание, историческая память и культурная идентичность. Подрыв позитивного образа России, вытеснение русского языка и русскоязычного образовательного и медиапространства, дискредитация советского и постсоветского этапов сотрудничества, атаки на институты культурной и религиозной памяти формируют комплексную стратегию разрыва связей между обществами.

Армения используется как пространство для очередной апробации технологий мягкого разрыва партнерских отношений, при котором формально сохраняющиеся правовые и экономические связи компенсируются разрушением гуманитарной основы партнерства. Армения рассматривается как поле многоуровневой гибридной кампании Запада, направленной как против российско-армянского партнерства, так и против самой армянской государственности. Заместитель министра иностранных дел РФ М.Ю. Галузин прямо связывал активизацию западного присутствия в Армении с попытками использовать страну как инструмент гибридной войны против России, подчеркивая, что речь идет не только о работе с элитами, но и о целенаправленном воздействии на общественное мнение через медиа, неправительственные структуры и проекты безопасности[4].

Российская сторона, в свою очередь, демонстрирует взвешенность и стремление к сохранению диалога, несмотря на возрастание резкости высказываний армянских политиков. Представители МИД России неоднократно подчеркивали, что РФ «готова к взаимодействию» и «видит в Армении не очередного партнера, а исторически близкое государство»[5]. Позиция РФ демонстрирует, что страна не настроена на конфронтацию, а стремится действовать в логике стремления восстановить взаимное доверие. Ответная стратегия противодействия не должна ограничиваться реакцией на негативные заявления, а должна включать проработанный инструментарий социогуманитарного присутствия, ориентированный на прямое взаимодействие с армянским обществом, минуя политически заангажированные сферы и направления.

Особую роль в эскалации напряженности, безусловно, играют внешние акторы. Официальный представитель МИД России М. Захарова прямо заявила, что политика Евросоюза в отношении Армении направлена на «разрыв связей Еревана с Россией» и сопровождается активным информационным вмешательством[6]. Информационная война, предвыборная конъюнктура и попытки манипуляции общественным мнением набирают обороты. Началась активная попытка «вмешательства» в информационное пространство Армении с целью повлиять на общественное мнение перед выборами 2026 г. Согласно информации из СМИ Армении, звучат обвинения и дискредитация РФ, которая якобы задействовала социальные сети и информационные ресурсы, распространяющие дезинформацию, с тем чтобы «подорвать доверие к демократическим институтам и ослабить про-западный курс» Еревана[7]. В совокупности изложенное означает, что вопросы социогуманитарной направленности, языка, культурной близости, информационного поля – явные элементы гибридной войны, которые становятся особенно чувствительными в преддверии парламентских выборов в Армении 2026 г.

Представители МИД России регулярно подчеркивают, что Россия не применяет методы давления и не будет втягиваться в искусственно создаваемый конфликт, что крайне важно в контексте возврата доверия и сохранения открытого канала для социогуманитарных проектов[8]. Взвешенность российского внешнеполитического курса создает основу для восстановления взаимодействия и подчеркивает, что Россия стремится не разрушать отношения, а противодействовать попыткам их целенаправленного разрушения со стороны внешних сил.

Обсуждение

Так, можно говорить о том, что современный этап российско-армянских отношений формируется в среде давления на российское социогуманитарное присутствие, которая принимает форму последовательных действий, направленных на гибридную форму подрыва доверия и из-

[1] См.: Russia's crimes in Ukraine and combating fake Russian military propaganda and hate speech. EU NEIGHBOURS east. [Электронный ресурс] URL: https://euneighbourseast.eu/projects/eu-project-page/ (дата обращения: 04.12.2025)

[2] Антироссийские акции в Армении без участия местного населения, и с влиянием извне. Sputnik Армения. 19.05.2022. [Электронный ресурс] URL: https://am.sputniknews.ru/20220519/antirossiyskie-aktsii-v-armenii-bez-uchastiya-mestnogo-naseleniya-i-s-vliyaniem-izvne-42207507.html (дата обращения: 04.12.2025)

[3] Агенты иностранного влияния: что им может противопоставить Армения? Sputnik Армения. 21.12.2022. [Электронный ресурс] URL: https://am.sputniknews.ru/20221221/agenty-inostrannogo-vliyaniya-chto-im-mozhet-protivopostavit-armeniya-52910409.html (дата обращения: 04.12.2025)

[4] Галузин: Запад рассматривает Армению как инструмент гибридной войны против РФ. Panorama.am. 18.06.2024. [Электронный ресурс] URL: https://www.panorama.am/ru/news/2024/06/18/Галузин-Запад-Армения/3018294 (дата обращения: 06.12.2025)

[5] Армения хочет «отвязаться» от России, заявили в СВР. РИА Новости. 12.11.2025. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20251112/armeniya-2054418324.html (дата обращения: 06.12.2025)

[6] Захарова назвала цель ЕС в отношениях с Арменией. РИА Новости. 04.12.2025. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20251204/zakharova-2059820493.html (дата обращения: 06.12.2025)

[7] Russian Election Interference Targets Armenia 2026 Vote. GIOR. 21.11.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.global-influence-ops.com/russian-election-interference-targets-armenia-2026-vote/ (дата обращения: 06.12.2025)

[8] Ответ официального представителя МИД России М.В. Захаровой на вопрос СМИ о «гибридных войнах» в отношении Армении. МИД РФ. 10.11.2025. [Электронный ресурс] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2058311/ (дата обращения: 06.12.2025)

менения восприятия РФ, постепенное вытеснение России из ключевых сфер влияния на Кавказе. Гибридная война проявляется прежде всего в попытке изменить гуманитарные и культурные основания, которые десятилетиями поддерживали близость между странами.

Российская стратегия противодействия гибридной войне в данном направлении и в нынешних условиях не может сводиться исключительно к дипломатическим ответам на антироссийские высказывания. Речь идет о необходимости выстраивании целостной линии, в которой социогуманитарные инструменты могут быть способом вернуть доверие, удержать пространство диалога и показать обществу Армении, что сотрудничество не противоречит стремлению страны к развитию, а, напротив, может его усиливать. Важно, чтобы любая российская инициатива воспринималась как ресурс, который помогает самим гражданам Армении реализовывать свои интересы – в образовании, культуре, безопасности, экономике.

Первое направление работы непременно должно быть связано с прямыми каналами общения с обществом Армении, которые не зависят от текущей расстановки сил местного информационного поля. Сегодня цифровые площадки и соцсети задают тон общественным дискуссиям, в особенности среди молодежи. Российская стратегия в этой сфере не должна копировать агрессивные пропагандистские форматы, а создавать спокойное, понятное и уважительное информационное пространство. К примеру, возможна реализация совместных российско-армянских каналов с аналитическими разборами той или иной ситуации, короткими документальными сюжетами о реальных историях сотрудничества, интервью с теми экспертами, бизнесменами, студентами, Армении, которые сохранили позитивный опыт сотрудничества с Россией. Опыт работы «Русских домов» в Ереване и Гюмри должен показывать, что даже в сложной политической обстановке сохраняется спрос на образовательные мероприятия, выставки, встречи с российскими учеными и преподавателями (подобные форматы уже используются при проведении дней российского образования и консультаций по поступлению в российские вузы, просветительских акций, в том числе через онлайн-проекты)[1]. Именно вокруг них целесообразно выстраивать новые инициативы, например, перейти от разовых акций к постоянному присутствию в информационном и социогуманитарном пространстве, создать устойчивые авторские форматы на русском и армянском языках, которые будут восприниматься «своими» и близкими.

Второе ключевое направление – поддержка партнеров РФ в Армении, которые не заинтересованы в разрыве отношений, но оказываются под давлением русофобской волны. Речь идет о преподавателях, исследователях, деятелях культуры, предпринимателях, чья повседневная практика связана с российским рынком, российской наукой и образованием. Российско-Армянский (Славянский) университет остается на этом фоне крайне важной площадкой для сохранения общего социогуманитарного пространства. К примеру, в 2024 г. здесь проводились российско-армянские конференции и обсуждались перспективы совместных научных проектов, что само по себе демонстрирует, что внутри армянской академической среды сохраняется интерес к прямому социогуманитарному диалогу с Россией[2].

Логика российской стратегии противодействия гибридной войне должна исходить из того, что крайне важны адресные грантовые программы для совместных исследований, поддержка журналов, СМИ и исследовательских центров Армении, готовых публиковать взвешенный политологический анализ, приглашение ученых на российские мероприятия как равноправных участников дискуссий. Такой формат создаст сеть доверия, которая переживает смену правительств и предвыборные циклы, а поддержка выстраивается через прочные профессиональные сообщества.

Особая задача видится в том, чтобы вернуть лояльность молодежной аудитории Армении, которая стала главным объектом западных образовательных и культурных инициатив. Но это не отменяет возможности России предложить собственные, не менее привлекательные направления. Речь может идти о расширении целевых стипендий для студентов Армении на технических, гуманитарных и медицинских специальностях, о создании совместных магистерских программ на базе российских вузов и российского филиала в Ереване, о практико-ориентированных стажировках в российских компаниях, где молодые специалисты смогут получить конкретные навыки и деловые связи. Важно, чтобы предложения были приближены к запросам молодого поколения, для которого интересны не только «классические» гуманитарные специальности, но и IT, креативные индустрии, дизайн, экологические проекты и др. Российские города, крупные технологические центры, новые научные кампусы могут стать для молодежи Армении притягательным ресурсом наработки профессионального опыта, который будет гораздо надежнее любого пропагандистского нарратива.

Вместе с тем, очевидно, что в цифровую эпоху традиционные формы взаимодействия уже не обеспечивают необходимой плотности контактов. Российско-армянский форум нуждается в дополнении новыми гибкими форматами, например, постоянными онлайн-платформами, которые позволили бы экспертам, предпринимателям, производителям, региональным администрациям и представителям диаспор выстраивать горизонтальные связи вне политизации. Они могли бы стать пространством для обсуждения совместных проектов, обмена исследованиями, поиска партнеров и продвижения совместных инициатив. Фактически речь идет о создании виртуального «профессионального коридора», в котором российско-армянское сотрудничество не будет настолько сильно зависеть от текущей внешнеполитической риторики и начинает опираться на практическую пользу взаимного социогуманитарного обмена.

Для того чтобы предложенная стратегия не оставалась набором общих пожеланий, необходима серьезная проработка аналитической базы. В ситуации, когда информационные кампании запускаются очень быстро, в том числе внешними центрами, России нужен полноценный центр мониторинга медиапространства, социальных сетей и общественных настроений Армении. Речь должна идти о регулярном систематическом анализе того, какие темы и формулировки становятся точками раздражения, какие мифы о России закрепляются в обществе, какие события используются для нагнетания обвинений в отношении РФ и дискредитации образа. Подобная работа частично ведется на полях экспертных площадок (РСМД, Валдай), где уже оценивались последствия охлаждения российско-армянских отношений для общего пространства сотрудничества, но в нынешних условиях требуется постоянная система наблюдения и обратной связи с теми, кто работает в социогуманитарной сфере. Результаты мониторинга должны напрямую влиять на корректировку социогуманитарных программ, к примеру, если становится заметно, что та или иная форма деятельности вызывает недопонимание или воспринимается как навязанная, ее следует перепроектировать, а не настаивать на сохранении ради какого-либо присутствия.

Наконец, важнейшим ресурсом видится российско-армянская сеть диаспор. По некоторым оценкам, крупнейшая в мире армянская диаспора сосредоточена именно в России[3]. Она представляет собой не только экономический, но и культурный мост между двумя странами. Поддержка образовательных и культурных инициатив диаспоры (от армяноязычных школ и воскресных классов до молодежных форумов и совместных творческих проектов) позволит сохранять живое общение между сообществами, которое не зависит от внешней конъюнктуры. Важно, чтобы диаспора чувствовала, что Россия помогает решать конкретные задачи – обучать детей, сохранять язык и культуру, развивать бизнес-связи, реализовывать благотворительные проекты в самой Армении. В ответ именно диаспора способна выступать источником альтернативной информации для родных и друзей в Армении, показывая, как на самом деле выглядит современная Россия, какие возможности она предоставляет и почему прямые связи выгодны обеим сторонам.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что современный этап российско-армянских отношений качественно отличается от всех предыдущих периодов постсоветского взаимодействия. Речь идет не только о временном охлаждении политических контактов или о корректировке внешнеполитических приоритетов Армении, а о глубокой трансформации самой социогуманитарной основы двусторонних связей. Она затрагивает ключевые элементы общественного сознания: историческую память, представления о будущем, культурные ориентиры, язык, образовательную модель, информационную среду, позволяя рассматривать происходящее как развертывание гибридной формы противоборства, в которой решающим полем становится не военная

[1] Как Русский дом в Армении противостоит «коллективному Соросу». Российская газета. 14.04.2024. [Электронный ресурс] URL: https://rg.ru/2024/04/14/v-strane-kresta-i-knigi.html (дата обращения: 06.12.2025)

[2] См. напр.: В Российско-Армянском университете состоялась II (VI) Международная студенческая научно-практическая конференция «Культура и наука: сквозь страны и континенты». Центр русистики. 21.11.2024. [Электронный ресурс] URL: https://rusistika.rau.am/post/1398538972-v-rossiisko-armyanskom-universitete (дата обращения: 05.12.2025)

[3] Отчетный доклад Президента Союза армян России Ара Аршавировича Абрамяна на VIII Съезде Общероссийской общественной организации «Союз армян России». Союз армян России. 08.09.2025. [Электронный ресурс] URL: https://sarinfo.org/news/novosti-sar/otchetnyy-doklad-prezidenta-soyuza-armyan-rossii-ara-arshavirovicha-abramyana-na-viii-sezde-obscherossiyskoy-obschestvennoy-organizatsii-soyuz-armyan-rossii.html (дата обращения: 05.12.2025)

и даже не экономическая сфера, а пространство нарративов и искажения идентичности.

Сформировавшийся в Армении за последние годы антироссийский и русофобский дискурс не может быть объяснен исключительно внутренними политическими процессами. Его устойчивость, повторяемость, синхронность с внешнеполитической переориентацией и совпадение с активизацией роли западных акторов в гуманитарной, культурно-образовательной и информационных сферах Армении свидетельствуют о целенаправленном воздействии на общественное мнение для создания единой удобной архитектуры влияния, встраивающей Армению в альтернативное по отношению к России социогуманитарное пространство. В результате чего, Россия постепенно вытесняется из приоритетов будущего сотрудничества и развития Армении, а прежний образ исторически проверенного и надежного партнера подменяется образом «источника угроз».

Особую важность в сложившейся ситуации приобретает фактор молодежи, которая становится ключевой целевой аудиторией гибридных войн. Сокращение русского языка в образовательных учреждениях, рост англоязычных программ, переориентация академических и культурных контактов на западное направление формируют устойчивую дистанцию между новым поколением в Армении и российским социогуманитарным пространством. При этом во многом именно молодежь задает будущие векторы межгосударственных отношений, а следовательно, утрата влияния на уровне данной аудитории может привести к ослаблению позиций России на Южном Кавказе в долгосрочной перспективе, независимо от текущей политической конъюнктуры.

Тенденции последних лет подтверждают, что гибридная война против России на армянском направлении разворачивается через разрушение прежних оснований доверия, подрыв общего социогуманитарного поля и переопределение исторической памяти. Под удар попадает образ России в массовом сознании принимающей аудитории, ее культурная и цивилизационная привлекательность, способность оставаться точкой опоры для общества Армении. Именно поэтому попытки свести текущий кризис исключительно к карабахскому фактору, вопросам экономики или безопасности, либо ситуативным дипломатическим конфликтам представляются неверными.

Российская социогуманитарная стратегия в Армении не может строиться по логике симметричного информационного давления или ответной пропагандистской конфронтации. Подобный путь лишь усилил бы отчуждение и окончательно закрепил бы восприятие России как внешней силы в регионе. Эффективное противодействие гибридной войне представляется возможным через восстановление и обновление социогуманитарного присутствия России в Армении на принципиально основе адресности, уважительности, ориентированности на реальные потребности принимающего общества.

Целесообразно говорить о том, что в совокупности РФ необходимо сформировать новую устойчивую российскую стратегию противодействия не в духе зеркальной гибридной войны, а в логике спокойного, долгосрочного укрепления доверия. Восстановление позитивного восприятия – задача не менее политическая, чем переговоры о безопасности. Гибридная война, разворачивающаяся вокруг Армении, использует язык эмоций, обид и взаимных обвинений. Ответ России может и должен строиться через поддержку тех связей, которые даже в острой политической фазе остаются живыми, через обновление гуманитарных инструментов под запросы нового поколения, через уважительное отношение к армянскому выбору и твердое напоминание о том, что у двух стран есть общий опыт, общие интересы и общий регион, в котором ни одна из внешних сил не сможет предложить Армении больше, чем дает спокойное, взаимовыгодное партнерство с Россией.

Литература

1. Ананьев А.В. Южный Кавказ в контексте украинского кризиса. Перспективы. 2025. № 1. С. 54–73.

2. Атоян В.К., Пахлян А.А., Агаджанян С.С. Риски и возможности налаживания армяно-турецких отношений в контексте новых региональных реалий. Регион и мир. 2022. № 6. С. 9–15.

3. Карсанова Е.С. Гибридная война: идея и реальность. Власть. 2025. № 4. С. 141–147.

4. Мелконян С. Армения и Запад: сближение без взаимных обязательств. Россия в глобальной политике. 12.02.2025. [Электронный ресурс] URL: https://globalaffairs.ru/articles/armeniya-i-zapad-melkonyan/ (дата обращения: 24.11.2025)

5. Мелоян Т.Х. Российско-армянское взаимодействие на современном этапе. Аналитическая записка Российского совета по международным делам № 59/2025. М.: РСМД, 2025. 12 с.

6. Погосян Г.А. Армяно-российские отношения: точка бифуркации в контексте евразийской интеграции. Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 6. Ч. 1 / РАН. ИНИОН. (Отв. ред. В.И. Герасимов). М., 2023. С. 449–453.

7. Савельева М.А. Анализ взаимного восприятия России и Армении. Ближний и Постсоветский Восток. 2023. № 3. С. 60–76.

RUSSIA'S SOCIO-HUMANITARIAN TECHNOLOGIES AGAINST THE BACKGROUND OF THE DEVELOPING HYBRID WAR IN RUSSIAN-ARMENIAN RELATIONS

Sukharev M.A.,
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyzes the evolution of the socio-humanitarian dimension of Russian-Armenian relations in the context of intensifying hybrid confrontations involving external actors. This crisis in bilateral relations has implications that extend beyond political and diplomatic disagreements, encompassing the foundations of public consciousness, historical memory, cultural References, educational policy, and the structure of the information space. A particular focus of this study is the role of third actors in shaping a sustainable anti-Russian and Russophobic narrative in Armenian society and the political establishment. Additionally, the study examines mechanisms aimed at ousting Russia from the socio-humanitarian field of the South Caucasus.

A comprehensive analysis encompassing political rhetoric, media content, sociological survey data, and expert assessments reveals the pervasive and persistent nature of anti-Russian narratives, which are employed as a means to effect enduring shifts in public perception of Russia. It has been posited that the socio-humanitarian domain is undergoing a transformation into a pivotal theater of hybrid warfare, wherein a novel paradigm for Russian-Armenian relations is taking shape, underpinned by a logic of distancing and a reevaluation of prior collaborative frameworks.

The article further proposes potential directions for adapting Russia's socio-humanitarian strategy, which is currently focused on countering hybrid warfare, restoring trust, maintaining channels of dialogue, and collaborating with social groups that remain sensitive to socio-humanitarian cooperation with the Russian Federation. The conclusion is made that the long-term stability of the Russian-Armenian partnership is increasingly contingent on the state of the socio-humanitarian and information environment, rather than solely on military-political or economic decisions.

Keywords: Russian-Armenian relations, hybrid warfare, foreign policy, information warfare, historical memory, socio-humanitarian sphere, media, anti-Russian discourse, Russophobia, narrative, youth, South Caucasus, external influence, public consciousness, identity transformation.

References

1. Ananyev A.V. The South Caucasus in the Context of the Ukrainian Crisis. Prospects. 2025. No. 1. Pp. 54–73.

2. Atoyan V.K., Pakhlyan A.A., Agadzhanyan S.S. Risks and Opportunities for Improving Armenian-Turkish Relations in the Context of New Regional Realities. Region and World. 2022. No. 6. Pp. 9–15.

3. Karsanova E.S. Hybrid War: Idea and Reality. Power. 2025. No. 4. Pp. 141–147.

4. Melkonyan S. Armenia and the West: Rapprochement Without Mutual Obligations. Russia in Global Politics. 12.02.2025. [Electronic resource] URL: https://globalaffairs.ru/articles/armeniya-i-zapad-melkonyan/ (date accessed: 24.11.2025)

5. Meloyan T. Kh. Russian-Armenian interaction at the present stage. Analytical note of the Russian International Affairs Council No. 59/2025. Moscow: RIAC, 2025. 12 p.

6. Poghosyan G.A. Armenian-Russian relations: bifurcation point in the context of Eurasian integration. Greater Eurasia: development, security, cooperation. Yearbook. Issue 6. Part 1 / RAS. INION. (Ed. V.I. Gerasimov). Moscow, 2023. Pp. 449–453.

7. Savelyeva M.A. Analysis of mutual perceptions of Russia and Armenia. Middle and Post-Soviet East. 2023. No. 3. P. 60–76.

Международная наука в тени холодной войны: Московская конференция 1965 года как инструмент советской исторической дипломатии

Хомутова Наталья Сергеевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Международные отношения, политология и регионоведение», ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (Национальный исследовательский университет)»
E-mail: homutovans@mail.ru

Статья представляет собой сравнительный анализ материалов Международной научной конференции в ознаменование 20-й годовщины победы над фашистской Германией через призму взаимодействия науки, идеологии и международных отношений. Основное внимание уделено тому, как СССР использовал крупное научное мероприятие для продвижения официального нарратива о решающей роли Советского Союза в разгроме нацизма, а также для укрепления своего имиджа как лидера антифашистской борьбы в условиях холодной войны. Исследование вписывается в современные дискуссии о политизации истории, что позволяет провести параллели с юбилейными мероприятиями XXI века и их ролью в конструировании национальной идентичности.

Ключевые слова: Вторая мировая война, антигитлеровская коалиция, мягкая сила, историческая дипломатия.

С приходом к власти в 1964 г. Л.И. Брежнева в Советском Союзе произошла настоящая трансформация в восприятии Великой Отечественной войны. В 1965 году, к 20-летию Победы, Брежнев подписал указ о придании 9 мая статуса государственного выходного дня и возобновил традицию военных парадов на Красной площади. Это решение стало символом «возрождения памяти» о войне, т.к. после 1947 г. 9 мая был объявлен рабочим днем, парады не проводились (кроме первого в 1945 г.), а публичные упоминания войны сводились к минимуму. Некоторые исследователи связывают это с опасениями Сталина по поводу популярности в послевоенном советском обществе военных, особенно маршала Жукова [1, с. 95–114].

Как фронтовик, с одной стороны Леонид Ильич стремился увековечить подвиг своего поколения. Как политик, пришедший к власти в результате смещения Н.С. Хрущева, он использовал тему Победы для усиления образа «народного лидера» и укрепления легитимности своей власти.

Именно при Брежневе зародились современные ритуалы и традиции празднования Дня Победы: Минута молчания, военные парады с демонстрацией современной военной техники, культ ветеранов, их участие в мероприятиях, уроки мужества в школах, награждение юбилейными медалями (например, «20 лет Победы») и т.д.

Появилась потребность и в научном осмыслении итогов и уроков Второй мировой, а также в закреплении не только в советской, но и в мировой исторической науке образа СССР как главной державы-победительницы нацизма. Необходимость организации международной научной конференции с участием авторитетных ученых была очевидна.

С 14 по 16 апреля 1965 г. в Москве прошла Международная научная конференция в ознаменование 20-й годовщины победы над фашистской Германией. Она была организована Академией наук СССР, Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Министерством обороны СССР и Главным политическим управлением Советской Армии и Военно-Морского Флота. К участию и были привлечены ведущие гуманитарные научно-исследовательские институты АН СССР и академий наук союзных республик, военные академии и другие научные учреждения и вузы Советского Союза.

Оргкомитет пригласил на конференцию историков не только из социалистических стран, но и из ряда капиталистических государств: США, Англии, Франции, ФРГ, Италии, Финляндии, Голландии, Бельгии, Австрии.

В числе иностранных участников были известные ученые, военные, общественные и политические деятели: ученый секретарь Польской академии наук академик Г. Корчиньский (Польша), ректор университета в Сантьяго профессор Х.А. Портуондо (Куба), председатель Комитета истории Второй мировой войны при председателе совета министров Франции академик М. Бомон и генеральный секретарь того же Комитета профессор А. Мишель, начальник исторической службы сухопутной армии Ш. де Коссэ-Бриссак (Франция), профессор политических наук Чикагского университета Г. Моргентау (США), профессор истории Манчестерского университета Д. Эриксон (Англия), заведующий отделом Института Грамши Ф. Фрасатти (Италия), академик Ж. Бартье (Бельгия) и др. В общей сложности на конференции присутствовало около 1000 человек из 20 стран.

Приглашение на конференцию видных западных ученых и желание найти компромисс во взглядах на взаимодействие нынешних стратегических противников в годы Второй мировой войны было продиктовано не только необходимостью научного осмысления основных уроков самой разрушительной войны в истории человечества, но и сменой вектора внешней политики СССР. К середине 1960-х гг. стал очевиден раскол в социалистическом лагере – нарастал кризис в отношениях СССР и Китая. В то же время, после Карибского кризиса 1962 г., впервые поставившего мир на грань ядерной войны, пришло осознание необходимости снижения напряженности в отношениях между Советским Союзом и США. Сменив осенью 1964 г. Н.С. Хрущева на посту главы КПСС, Л.И. Брежнев выступил инициатором курса, который получил название политики «разрядки напряженности» на мировой арене.

Академик П.Н. Поспелов, открывая пленарное заседание Московской конференции произнес объединяющую всех присутствующих

речь: «Наша научная общественность собралась в дни, когда прогрессивные люди всей земли готовятся отметить как большой праздник 20-летие победы антигитлеровской коалиции свободолюбивых народов над фашисткой Германией и ее союзниками» [2, с. 21].

Международные встречи ученых, разрабатывающих проблемы Второй мировой войны, проводились и раньше. Однако данная конференция, как по числу участников, так и по широте тематики и актуальности поднимавшихся на ней проблем и вопросов стала одной из наиболее представительных и значительных встреч подобного характера.

Работа конференции состояла из пленарных заседаний и трех секций:

– Секция общих проблем истории войны (политических, экономических и международных);
– Секция истории военного искусства и борьбы вооруженных сил;
– Секция проблем истории народно-освободительных движений и партизанской борьбы.

По итогам конференции в 1966 г. в издательстве «Наука» вышел трехтомный сборник материалов «Вторая мировая война», анализ которых лег в основу данной публикации.

Первый том материалов конференции открывал раздел «Решающая роль Советского Союза в победе над фашистской Германией», задавая тем самым тон и основную тему всему трехтомнику. Во втором томе «Военное искусство» не было ни одной статьи, посвященной военным действиям в Северной Африке, Западной Европе, Атлантике, но достаточно подробно освещались проблемы освобождения Восточной Европы и тыла Советской Армии. Таким образом, несмотря на отдельные комплиментарные высказывания в сторону бывших союзников, представители советской военно-исторической науки мягко, но настойчиво продвигали мысль о том, что именно СССР был основной силой антигитлеровской коалиции.

Необходимо также заметить, что во всех выступлениях советских исследователей войну называли Великой Отечественной, в то время как зарубежные ученые предпочитали говорить о ней как о Второй мировой.

Помимо выступлений, посвященных вкладу Советского Союза в победу над Германией, на Московской конференции существенное внимание было уделено итогам исследовательской работы по различным аспектам истории Второй мировой войны, некоторым проблемам методологии, о современном уровне развития исследований по этой проблематике в разных странах. Многие участники посвятили свои доклады политическим аспектам истории Второй мировой. Особое внимание было уделено вопросу происхождения фашизма и межсоюзническим отношениям в довоенное и военное время.

В ходе развернувшейся дискуссии, неизбежной при таком представительстве разных стран, были высказаны различные точки зрения, но в итоге участники конференции пришли к выводу, что положительный опыт англо-американо-советского сотрудничества в годы войны должен быть использован в интересах развития дружественных деловых отношений между государствами с различным социальным строем, в интересах укрепления мира во всем мире. По сути, впервые в послевоенные годы была поддержана идея сотрудничества между идеологическими противниками, если этого требует международная безопасность.

Даже представитель социалистической Чехословакии профессор Ян Кржен в своем докладе «Место Чехословакии в антигитлеровской коалиции» заявил: «Без антигитлеровской коалиции и прежде всего без взаимодействия великих держав победа над нацистской Германией была бы невозможна. Не останавливаясь на вкладе каждой страны, можно определенно сказать, что в тяжелых условия первых лет войны именно объединение антифашистских держав представляло краткий и единственный путь к победе» [3, с. 182].

Одним из наиболее интересных стал доклад одного из самых влиятельных теоретиков международных отношений XX века, основоположника классического реализма – Ганса Моргентау. В 1930 гг. Моргентау, будучи евреем, был вынужден бежать из нацистской Германии. Он эмигрировал сначала в Швейцарию, затем в Испанию и Францию, а в 1937 г. переехал в США. Во время войны он работал консультантом правительства США по анализу международной ситуации и давал рекомендации по послевоенному устройству мира.

На конференции в Москве в апреле 1965 г. Моргентау выступил с докладом «К вопросу о внешней политике США в годы Второй мировой войны», в котором заявил, что вопреки мнению отдельных ученых и политиков «…на протяжении всей войны, начиная с 1941 г., в США имели место огромная волна восхищения Советским Союзом, огромное движение в пользу Советского Союза, большие симпатии американского народа к Советскому Союзу» [4, с. 201]. Ученый отверг обвинения в адрес Соединенных Штатов относительно того, что военные операции американцев в Европе в годы Второй мировой войны были направлены прежде всего на ограничение влияния СССР, в качестве доказательств сославшись на опубликованную к тому времени переписку генерала Эйзенхауэра с Маршаллом и Брэдли.

Таким образом, Московская конференция продемонстрировала, что даже если среди западных историков было определенное размежевание во взглядах, связанное с идеологической составляющей «холодной войны», то в целом они высоко оценивали вклад Советского Союза в победу над фашистской Германией.

У нас нет достаточных оснований для утверждения, что статьи иностранных ученых, опубликованные в трехтомном сборнике материалов международной научной конференции, посвященной 20-летию победы над Германией, были отредактированы в соответствии с требованиями того времени, но мы не можем не отметить факт игнорирования организаторами конференции неудобных тем: пакт Молотова-Риббентропа, довоенные репрессии в армии, цена победы (гражданские потери, коллаборационизм) и др.

Конференция 1965 года была не только научным событием, но и элементом «мягкой силы» СССР, направленной на легитимацию его роли в послевоенном мире через академический дискурс. При этом участие иностранных ученых создавало некую видимость плюрализма, маскируя жесткие идеологические рамки.

Литература

1. Попов, А.Д. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) / А.Д. Попов, Н.Ю. Пивоваров, К.В. Сак // Российская история. – 2023. – № 3. – С. 95–114. – DOI 10.31857/S2949124X23030094. – EDN ERBAKT.
2. Поспелов, П.Н. Исторические итоги и уроки Великой Отечественной войны / П.Н. Поспелов // Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвящённой 20-й годовщине победы над фашистской Германией. В 3-х книгах. – М.: Наука, 1966. – Кн.1. – С. 21.
3. Кржен Ян. Место Чехословакии в антигитлеровской коалиции / Я. Кржен // Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвящённой 20-й годовщине победы над фашистской Германией. В 3-х книгах. – М.: Наука, 1966. – Кн.1. – С. 182.
4. Моргентау, Г.И. К вопросу о внешней политике США в годы Второй мировой войны / Г.И. Моргентау // Вторая мировая война. Материалы научной конференции, посвящённой 20-й годовщине победы над фашистской Германией. В 3-х книгах. – М.: Наука, 1966. – Кн.1. – С. 201.

INTERNATIONAL SCIENCE IN THE SHADOW OF THE COLD WAR: THE MOSCOW CONFERENCE OF 1965 AS AN INSTRUMENT OF SOVIET HISTORICAL DIPLOMACY

Khomutova N.S.
South Ural State University (National Research University)

The article is a comparative analysis of the materials of the International Scientific Conference in commemoration of the 20th anniversary of the Victory over Nazi Germany through the prism of the interaction of science, ideology and international relations. The main focus is on how the USSR used a major scientific event to promote the official narrative of the decisive role of the Soviet Union in defeating Nazism, as well as to strengthen its image as the leader of the anti-fascist struggle during the Cold War. The study fits into modern discussions about the politicization of history, which allows us to draw parallels with the anniversary events of the 21st century and their role in the construction of national identity.

Keywords: World War II, anti-Hitler coalition, soft power, historical diplomacy.

References

1. Popov, A.D. Rhythms of the Past: The First Anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet Memory Policy (1945–1965) / A.D. Popov, N. Yu. Pivovarov, K.V. Sak // Russian History. – 2023. – No. 3. – Pp. 95–114. – DOI 10.31857/S2949124X23030094. – EDN ERBAKT.
2. Pospelov, P.N. Historical Results and Lessons of the Great Patriotic War / P.N. Pospelov // The Second World War. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Victory over Nazi Germany. In 3 books. – M.: Nauka, 1966. – Book 1. – P. 21.
3. Krzen, Jan. Czechoslovakia's Place in the Anti-Hitler Coalition / J. Křen // The Second World War. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Victory over Nazi Germany. In 3 Books. – Moscow: Nauka, 1966. – Book 1. – P. 182.
4. Morgenthau, G.I. On the Question of US Foreign Policy During World War II / G.I. Morgenthau // The Second World War. Proceedings of the Scientific Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Victory over Nazi Germany. In 3 Books. – Moscow: Nauka, 1966. – Book 1. – P. 201.

Дестабилизирующий дискурс в региональных новых медиа как индикатор политической стабильности (на примере Республики Алтай)

Эйсаев Михаил Бурханович,
аспирант, кафедра политологии, Финаносвый университет при Правительстве РФ
E-mail: meisaevb@gmail.com

Статья анализирует роль дестабилизирующего дискурса в региональных новых медиа (социальные сети и мессенджеры) как индикатора политической напряженности на примере Республики Алтай (январь-ноябрь 2025 года). На основе анализа 4552 публикаций из 18 региональных источников разработана методология операционализации политической стабильности через призму теории относительной депривации. Исследование выявило, что дестабилизирующий контент составляет 38,1% от всех публикаций выборки, с пиковыми значениями в период протестных акций (июнь 2025 года). Предложен составной индекс политической напряженности (ИПН) для мониторинга рисков политической дестабилизации на региональном.

Ключевые слова: политическая стабильность, региональные новые медиа, дестабилизирующий дискурс, Республика Алтай, социальные сети, политический протест, индекс политической напряженности, региональная политика.

Введение

Региональные новые медиа, в особенности источники в социальных сетях и мессенджерах, превратились в основной канал артикуляции социально-политических настроений в субъектах Российской Федерации. В условиях отсутствия регулярных социологических опросов и доступа к международным индексам политической стабильности, анализ содержания региональных цифровых платформ приобретает особую актуальность как методологический инструмент оценки уровня политической напряженности. Региональные источники в ВКонтакте и Telegram, фокусирующиеся на критике органов власти различных уровней, становятся объективным отражением социальной фрустрации и депривационных ожиданий локального сообщества.

Республика Алтай представляет собой особенно интересный объект для такого анализа: как регион с ограниченными экономическими ресурсами и высокой чувствительностью к социальным проблемам. На протяжении января-ноября 2025 года в региональных новых медиа зафиксирована значительная динамика дестабилизирующего контента, направленного на критику местных властей.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами:

1. Методологический. Отсутствие доступных инструментов для оценки политической стабильности на уровне отдельных регионов требует разработки альтернативных подходов, основанных на анализе доступных цифровых данных.

2. Практический. Развитие систем мониторинга и раннего предупреждения о рисках политической дестабилизации имеет прямое применение для региональной администрации и аналитических центров.

3. Теоретический. Интеграция теории относительной депривации с анализом информационного пространства позволяет предложить новую модель объяснения динамики политической стабильности в условиях цифровизации общественной жизни.

Политическая стабильность как научное понятие требует четкого определения и системы операционализации – преобразования абстрактного концепта в набор измеримых переменных и индикаторов. В классическом определении политическая стабильность понимается как свойство политической системы сохранять способность преобразовывать требования и поддержку общества в политические решения при минимизации угрозы политического краха или систематических нарушений политического процесса[1].

Однако для целей настоящего исследования мы предлагаем операционализировать политическую стабильность через призму социально-психологического подхода, фокусирующегося на уровне социальной фрустрации, антагонизма и потенциала протестного поведения в обществе. Данный подход основан на предположении, что:

1. Политическая нестабильность порождается, в первую очередь, ростом социальной напряженности, корневые причины которой лежат в разрыве между ценностными ожиданиями граждан и их реальными возможностями (теория относительной депривации);

2. Информационное пространство, в том числе региональные новые медиа, служит каналом артикуляции, усиления и кристаллизации этой напряженности[2];

3. Содержание и динамика контента в цифровых платформах могут служить косвенным, но валидным индикатором уровня политической напряженности в регионе.

Таким образом, эмпирическая операционализация политической стабильности в нашем исследовании сводится к анализу следующих параметров дестабилизирующего контента в региональных новых медиа:

- Доля публикаций, содержащих критику органов власти;
- Степень выраженности элементов фрустрации, агрессии, антагонизма;
- Наличие потенциала протестной мобилизации;

[1] Билюга С.Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. 2018. № 2 (26).

[2] Breuer, A., Landman, T., & Farquhar, D. (2015). Social media and protest mobilization: evidence from the Tunisian revolution. Democratization, 22(4), 764–792. https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505

• Динамика вышеуказанных показателей во времени.

Теория относительной депривации, разработанная Тедом Гюрром в работе «Why Men Rebel»[1], предоставляет мощный инструмент для объяснения возникновения политического протеста и нестабильности. Центральная идея теории заключается в том, что революции и массовые протесты порождаются не столько абсолютной нищетой и несправедливостью, сколько субъективным восприятием несправедливости, возникающим из разрыва между:

• Ценностными ожиданиями (Value Expectations) – то, что индивид или группа считает справедливым, возможным и достойным получения;

• Ценностными возможностями (Value Capabilities) – то, что индивид или группа реально может получить в текущих условиях.

Разрыв между ожиданиями и возможностями (Value Expectation-Value Capability Gap) порождает состояние относительной депривации, которое приводит к фрустрации, враждебности и, при определенных условиях, к коллективному протесту. Гюрр выделяет три типа относительной депривации (табл. 1)

Таблица 1. Типы относительной депривации

Тип	Определение	Пример	Прогноз
Убывающая (Decremental)	Ценностные ожидания остаются стабильными, а ценностные возможности снижаются	Граждане, привыкшие к определенному уровню услуг, сталкиваются с их сокращением («раньше была поликлиника, теперь закрыли»)	Острая фрустрация, высокий потенциал протеста
Устремленная (Aspirational)	Ценностные ожидания растут быстрее, чем ценностные возможности	Молодежь, воспитанная в условиях развития, сталкивается со стагнацией («другие регионы развиваются, а мы нет»)	Амбициозность и недовольство, средний потенциал протеста
Прогрессивная (Progressive)	Сначала ценностные возможности растут (возрождая ожидания), затем резко снижаются	После выборов с обещаниями улучшения наступает разочарование и обвинение в «непорядочности»	Крайняя фрустрация, высокий потенциал протеста

Информационное пространство, включающее традиционные СМИ и новые цифровые платформы, играет двойственную роль в динамике политической стабильности. С одной стороны, оно служит каналом артикуляции социальных требований и озабоченности граждан. С другой стороны, оно может активно усиливать или даже производить социальную фрустрацию через механизмы поляризации и радикализации мнений.

Региональные новые медиа играют особую роль в этом процессе по нескольким причинам:

1. Локальность и релевантность. В отличие от федеральных СМИ, региональные источники фокусируются на проблемах, напрямую касающихся повседневной жизни граждан (ЖКХ, дорожное хозяйство, качество услуг), что делает их содержание релевантным для аудитории[2].

2. Прямая коммуникация. Механизмы комментирования и обсуждения в источниках создают иллюзию и реальность прямого диалога между гражданами и органами власти, обеспечивая немедленную обратную связь.

3. Информационные пузыри. Алгоритмы социальных сетей способствуют формированию информационных пузырей, в которых критические голоса усиливаются и радикализируются, создавая ощущение общности недовольства.

4. Возможность мобилизации. Региональные новые медиа служат инструментом организации коллективного действия, выступая промежуточной ступенью между цифровым дискурсом и реальным протестом.

Таким образом, анализ содержания региональных новых медиа может рассматриваться как инструмент мониторинга не только текущего состояния социальной напряженности, но и потенциальной динамики политической стабильности.

Для целей настоящего исследования дестабилизирующий контент операционализирован как публикации, основной целью которых является критика, разоблачение, обвинение или дискредитация органов власти, политических лидеров или систем управления, часто сопровождаемые выражением фрустрации, агрессии, антагонизма или требований кардинальных изменений.

[1] Gurr, Ted Robert (1970). Why men rebel. Princeton: Princeton University Press. Pp. 407.

[2] Нигматуллина, К. Р. (2021). Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России. ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ 10: ЖУРНАЛИСТИКА, 2021(1), 30–50. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051

Система кодирования включает две основные группы переменных (табл. 2).

Таблица 2. Категориальные переменные (качественные признаки)

№	Категория	Определение	Примеры маркеров
1	Критика власти (CRITIC)	Негативные суждения о деятельности органов власти, некомпетентность, неэффективность	«власть игнорирует», «полная некомпетентность», «мертвая администрация», «ничего не делают»
2	Коррупция/ Мошенничество (CORRUPT)	Прямые или подразумеваемые обвинения в коррупции, хищениях, махинациях, отмывании денег	«взяточничество», «откаты», «схемы», «грабеж бюджета», «воровство», «карманные компании»
3	Недовольство услугами (SERVICE)	Жалобы на качество, доступность, скорость оказания услуг (ЖКХ, медицина, образование, транспорт)	«очереди в поликлинике», «недоступное лечение», «плохое качество услуг», «невозможно получить справку»
4	Антагонизм (ANTAG)	Резкое противопоставление «мы-они», использование враждебной лексики, нападки на личность или группу	«враги народа», «предатели», «они нас уничтожают», «паразиты», «фашисты», «оскорбления в адрес чиновников»
5	Требования изменений (DEMAND)	Явные или имплицитные требования действия, реформ, отставок, изменения политики	«требуем справедливости», «должны немедленно», «срочно нужно что-то менять», «нужна отставка», «необходим закон»
6	Выражение фрустрации (FRUSTRATION)	Языковые маркеры эмоционального дистресса, безнадежности, раздражения, гнева	«это возмущает», «в бешенстве», «отчаяние», «в слезах», ругательства
7	Протестный потенциал (PROTEST)	Упоминание или призывы к действиям вне правовых рамок, организованным акциям или мобилизации	«забастовка», «пикет», «блокада», «гражданское неповиновение», «выйти на улицы», «письма в прокуратуру»

Таблица 3. Переменные степени выраженности (шкалы)

Переменная	Шкала	Определение
Степень дестабилизации (DESTABILIZE_LEVEL)	0 = Отсутствует	Публикация конструктивна, информативна, содержит альтернативы
	1 = Слабая	Присутствует критика, но сбалансированная, с указанием проблем без враждебности
	2 = Средняя	Явная критика с элементами фрустрации, но в рамках дискурса
	3 = Высокая	Интенсивная критика с враждебностью, требованиями, минимальной конструктивностью
Уровень органов власти, на которые направлена критика (AUTHORITY_LEVEL). Возможен выбор нескольких уровней.	1 = Федеральная	Критика Президента, федеральных министерств, законов
	2 = Региональная	Критика правительства или главы республики
	3 = Муниципальная	Критика администраций поселений, глав, муниципальных услуг
	4 = Система/Неопределенная	Критика «системы в целом» без конкретного адреса

Кодирование публикаций организовано следующим образом:

1. **Единица анализа**: одна публикация из социальной сети или мессенджера.

2. **Процедура отбора**: отобраны специализированные региональные медиа (18 источников), которые по своему назначению служат платформами для распространения политической информации. Для каждого источника сформирована полная выборка публикаций за январь-ноябрь 2025 года с фильтрацией на политический контент по ключевым словам. Это позволило отследить как периоды повышенного, так и пониженного уровня критического контента.

3. **Процедура кодирования**:

a. Кодировщик прочитывает публикацию и заполняет кодировочный лист;

b. Для каждой публикации указываются: основная тема (экономика, ЖКХ, здравоохранение и т.д.), наличие каждой категории (да/нет), Общая оценка дестабилизации (0–3);

с. Возможна ситуация, при которой одна публикация может содержать несколько категорий.

Результаты исследования

В исследовании анализировалось 4 552 публикации из 18 региональных новых медиа Республики Алтай, размещенные в период январь-ноябрь 2025 года.

При этом распределение по категориям дестабилизации выглядит следующим образом: публикации с отсутствием признаков дестабилизации составили 61,9% (n=2817); со слабой степенью дестабилизации – 10,1% (n=458); со средней степенью – 22,4% (n=1021); с высокой степенью дестабилизации – 5,6% (n=256).

Таблица 4. Распределение публикаций по категориям контента

Категория контента. Возможна кодировка нескольких категорий, сумма >100%	Абсолютное кол-во (n)	% от всей выборки
Критика власти (CRITIC)	1658	36.4%
Коррупция/Мошенничество (CORRUPT)	524	11.5%
Недовольство услугами (SERVICE)	635	13.9%
Антагонизм (ANTAG)	343	7.5%
Требования изменений (DEMAND)	1178	25.9%
Выражение фрустрации (FRUSTRATION)	1197	26.3%
Протестный потенциал (PROTEST)	791	17.4%

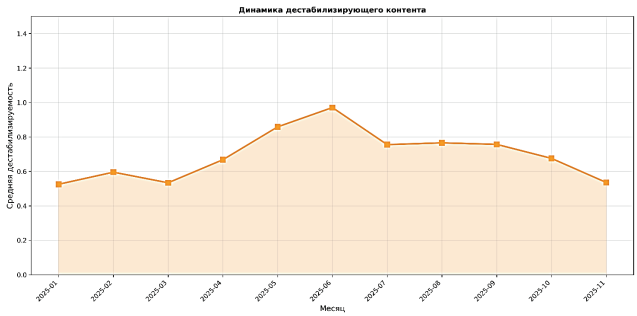


Рис. 1. Динамика дестабилизирующего контента

Анализ динамики дестабилизирующего контента за девять месяцев выявил устойчивый рост интенсивности критики с марта по июнь 2025 года. Если в январе индекс дестабилизации составлял 0.5 пунктов, то к июню он вырос до 1 пункта, что представляет прирост на 100% за период. Пиковое значение приходится на месяц, когда произошли протесты против ликвидации сельских советов и внесения поправок в республиканскую конституцию[1].

Исходя из данных событий, можно предположить, что критика в основном будет направлена на региональные власти. Это предположение подтверждается в анализе распределения критики (см. Таблица 5). Максимальная концентрация критики направлена на региональный уровень, что соответствует предположению.

Таблица 5. Распределение критики по уровням органов власти

Уровень власти Возможна кодировка нескольких категорий, сумма >100%	Публикации (n)	% от критического контента
Федеральная	786	43.2%
Региональная (правительство, глава Республики)	1024	56.3%
Муниципальная	760	41.8%
Система/Неопределенная	841	46.2%

Обсуждение результатов исследования

Полученные результаты подтверждают основную гипотезу исследования: содержание и динамика дестабилизирующего контента в региональных новых медиа демонстрируют устойчивые связи с теоретическими моделями политической нестабильности, основанными на концепции относительной депривации.

[1] Коммерсант. Алтай преодолел первый уровень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7833776 (дата обращения: 01.12.2025).

Анализ нарративного содержания дестабилизирующего контента позволил идентифицировать все три типа относительной депривации, предложенные Гарром. Доля публикаций с маркерами убывающей депривации составила 14,5% от всего контента. Этот тип депривации считается наиболее опасным для политической стабильности, так как порождает острую фрустрацию при относительно высоких ценностных ожиданиях. Убывающая депривация проявляется в нарративах ностальгии и сравнениях с прошлым:

- «Кровавый ельцинский переворот по сценарию ЦРУ 1993 года ставит большой вопрос о том, а законен ли развал СССР? … Мало кто знает о том – сколько на самом деле погибло, было запытано и замучено людей, защищавших свою страну».
- «Проблема Алтая откликается в сердцах людей всей страны! Мы колония с 1993 года, нас фактически сдали как страну, и уже не спрашивая – хозяйничают на наших землях!!!».

Устремленная депривация отражается в нарративах о неравномерном развитии и упущенных возможностях. Доля публикаций этого типа составила 13,3%, что указывает на высокие амбиции населения и разочарование неудовлетворением этих амбиций:

- «Мы – за сохранение Конституции и за то, чтобы республикой Алтай управляли настоящие народные представители, которые выражают интересы народа, а не олигархов!».
- «Всем известно, что Турчак на Алтай был по сути назначен Путиным. Ширма из псевдовыборов уже давно никого не вводит в заблуждение…Глава Алтая должен быть избран алтайским народом! И в правительстве должны быть местные кадры!».
- «Мы хотим жить достойно, но если чувствовать себя рабом божьим, готовым есть просрочку, кто будет у власти?! Только презирающий пастух».

Данный тип депривации представляет особо опасный сценарий, так как комбинирует разочарования после надежды – цикл, способный привести к радикализации требований.

На основе полученных данных рассчитан составной индекс политической напряженности (ИПН). ИПН – это среднее значение по публикациям сумм весов всех присутствующих в публикации категорий за период наблюдения или расчета. Коэффициенты веса распределены следующим образом (табл. 6).

Таблица 6. Распределение весов по категориям и аргументация веса

Категория публикации	Коэффициент веса
Критика власти	1.0 (базовая артикуляция недовольства)
Коррупция/Мошенничество	2.0 (эрозия доверия к институтам)
Антагонизм	3.0 (активная артикуляция политических требований)
Требования изменений	1.5 (маркер социального напряжения)
Выражение фрустрации	1.5 (радикализация, поляризация, потенциал действия)
Протестный потенциал	2.5 (организованное действие вне правовых норм)

Также автором предлагается следующая шкала для интерпретации ИПН (см. Таблица 7):

Таблица 7. Интерпретация значения ИПН

Значение ИПН	Интерпретация напряженности
<1.0	Низкая напряженность (конструктивная повестка преобладает)
1.0–1.5	Умеренная напряженность (критическая позиция в рамках дискурса)
1.5–2.5	Повышенная напряженность (риск эскалации)
>2.5	Высокая/Критическая напряженность (высокий риск дестабилизации)

Для Республики Алтай ИПН показал стремительный рост в течение периода с март по июнь 2025 года (1.5 до 3.0), пиковые значения ИПН пришлись на время, когда происходили протесты в Горно-Алтайске, 21 июня 2025 года, что свидетельствует о валидности предложенного измерительного инструмента. При этом стоит отметить, что рост ИПН начался с апреля 2025 года.

Стоит также подчеркнуть, что требования протестующих не были исполнены, этим объясняется сохранение повышенного ИПН и его медленное снижение после протестных акций в июне 2025 года. Это указывает на то, что источники продолжают служить пространством для выражения недовольства.

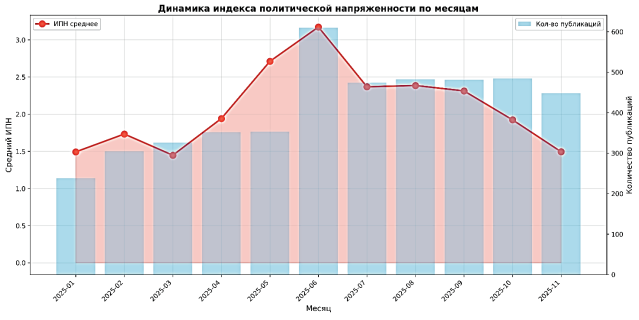


Рис. 2. Динамика ИПН

На основе полученных результатов в качестве гипотезы предлагается следующая каузальная модель влияния информационного контента на политическую стабильность (см. Рисунок 3):

Рис. 3. Каузальная модель влияния на политическую стабильность

Каждый этап этой цепи может быть выявлен через анализ соответствующих характеристик контента:

- На этапе 2: объем и тематика критических публикаций;
- На этапе 3: степень поляризации (существование противоречивых нарративов);
- На этапе 4: маркеры фрустрации и враждебности в языке;
- На этапе 5: наличие сигналов организованности и мобилизационного потенциала;
- На этапе 6: нарастание требований и угроз в адрес должностных лиц.

Заключение

Настоящее исследование предложило методологический подход к анализу политической стабильности в регионе на основе содержания и динамики дестабилизирующего контента в региональных новых медиа. Апробация этого подхода на материале Республики Алтай (январь-ноябрь 2025) выявила значительную долю критического контента, демонстрирующего выплеск в течение периода и соответствующего теоретическим моделям политической стабильности, основанным на концепции относительной депривации.

Исследование показало, что дестабилизирующий контент в региональных новых медиа может служить валидным индикатором уровня политической напряженности в регионе, особенно в условиях отсутствия доступа к опросным данным и международным индексам политической стабильности.

На основе полученных данных из можно сделать вывод, что критика в региональных новых медиа фокусируется на вопросах базовых потребностей (жилище, здравоохранение, социальная защита) и направлена прежде всего на региональный и муниципальный уровни власти, что указывает на «географическую близость» ответственности в восприятии граждан. Однако критика может затрагивать и более фундаментальные местные вопросы (региональная конституция).

Литература

1. Билюга С.Э. Политическая стабильность: основные подходы к анализу устойчивости политических систем // Век глобализации. 2018. № 2 (26).

2. Breuer, A., Landman, T., & Farquhar, D. (2015). Social media and protest mobilization: evidence from the Tunisian revolution. Democratization, 22(4), 764–792. https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505

3. Gurr, Ted Robert (1970). Why men rebel. Princeton: Princeton University Press. Pp. 407.

4. Нигматуллина, К. Р. (2021). Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России. Вестник Московского университета. Серия 10: журналистика, 2021(1), 30–50. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051

5. Коммерсант. Алтай преодолел первый уровень [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/7833776 (дата обращения: 01.12.2025).

DESTABILIZING DISCOURSE IN REGIONAL NEW MEDIA AS AN INDICATOR OF POLITICAL STABILITY (USING THE EXAMPLE OF THE ALTAI REPUBLIC)

Eisaev M.B.
Financial University under the Government of the Russian Federation,

This paper analyzes destabilizing discourse in regional new media (social networks and messengers) as an indicator of political tension using the example of the Altai Republic (January-November 2025). Based on analysis of 4,552 publications from 18 regional sources, a methodology for operationalizing political stability through the lens of relative deprivation theory is developed. The study reveals that destabilizing content comprises 38.1% of all publications in sample, with peak values during protest actions (June 2025). A composite Political Tension Index (PTI) is proposed for monitoring risks of political destabilization at the regional level.

Keywords: political stability, regional new media, destabilizing discourse, Altai Republic, social networks, political protest, index of political tension, regional policy.

References

1. Bilyuga, S.E. “Political Stability: Basic Approaches to the Analysis of the Stability of Political Systems.” The Century of Globalization. 2018, No. 2 (26).

2. Breuer, A., Landman, T., & Farquhar, D. (2015). Social media and protest mobilization: evidence from the Tunisian revolution. Democratization, 22(4), 764–792. https://doi.org/10.1080/13510347.2014.885505

3. Gurr, Ted Robert (1970). Why men rebel. Princeton: Princeton University Press. Pp. 407.

4. Nigmatullina, K. R. (2021). The Place of Social Networks in the Development of Regional Journalism in Russia. Vestnik of Moscow university. Series 10: journalism, 2021(1), 30–50. https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051

5. Kommersant. Altai has overcome the first level [Electronic resource]. – Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/7833776 (date of access: 01.12.2025).

Трансформация политических институтов и процессов в контексте концепции «умного государства»: сравнительный анализ подходов

Якушкина Рената Ильдаровна,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: r.yakushkina@mail.ru

Тараканова Тамара Сергеевна,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
E-mail: tarakanova_ts@spbstu.ru

Матвеевская Анна Сергеевна,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: a.matveevskaya@spbu.ru

Статья посвящена исследованию теоретических основ и опыта практической реализации концепции «умного государства». Наблюдаемое на современном этапе возрастание значения инновационного развития и научно-технического прогресса, влияющих на характер и динамику функционирования «умных государств», а также возможность последующей модернизации государственного управления отстающих стран, обуславливает актуальность данного исследования. В результате проведенного исследования концепция «умного государства» реконструирована как синтез идей меритократии, технократии и повсеместной технологизации управления, направленный на обеспечение суверенной «выживаемости» государства. Показано, что выбор модели реализации («нисходящей» или «восходящей») детерминирован не только технологическими, но в первую очередь политическими факторами: типом политического режима, политической культурой и сложившимися отношениями между государством и обществом. Сделан вывод, что для демократических обществ ключевым вызовом при реализации данной концепции становится поиск баланса между эффективностью, открытостью и защитой прав граждан. В то время как для авторитарных обществ – легитимация технологического контроля как «социального блага».

Ключевые слова: Политическая модернизация, политические институты, информационно-коммуникационные технологии в политике, цифровизация, меритократия, «умное государство», «умный город», «умная нация».

Введение

Достижения в области развития информационно-коммуникационных технологий оказывают влияние на качественные изменения современных государств. В частности, возникает больше новых возможностей для независимого существования и функционирования государств, традиционно считающихся «малыми» и не обладающих существенным военно-политическим и ресурсным потенциалом. Ранее в истории такие государства, как правило, попадали под влияние более «крупных» и «сильных» держав. Однако на современном этапе «малые страны», путем внедрения в процесс государственного управления инновационных решений и новейших технологий, в состоянии проводить самостоятельную внутреннюю и внешнюю политику, а также составлять конкуренцию в социально-экономическом развитии ведущим державам мира, становясь тем самым «умными государствами».

Актуальность данного исследования обуславливается наблюдаемым в мире возрастанием значения инновационного развития и научно-технического прогресса в функционировании государственных образований и жизнедеятельности общества. Однако активное повсеместное использование информационно-коммуникационных технологий властными структурами в работе государственных органов и населением в частной жизни несет в себе как положительные, так и отрицательные стороны.

Возникновение киберпространства и внедрение цифровых технологий в большую часть государственных сфер деятельности открывает множество возможностей для государственного и общественного развития, включая: во-первых, автоматизацию, компьютеризацию и цифровизацию процессов государственного управления; во-вторых, повышение эффективности и качества предоставляемых гражданам услуг; в-третьих, упрощение обмена информацией между властными структурами и населением, что может стать устойчивым пластом для реализации концепции «умного государства».

В то же самое время активное привлечение информационно-коммуникационных технологий в государственный сектор подразумевает: с одной стороны, необходимость обеспечения информационной безопасности государства в цифровом пространстве, посредством защиты государственных сведений и персональных данных граждан. С другой стороны, поиска баланса между усилением цифровизации государственного управления и допустимым уровнем контроля и наблюдения за населением с точки зрения соблюдения прав человека и гражданина.

Начало XXI века вместе со стремительным научно-техническим прогрессом и экономическим подъёмом ряда ведущих государств мира привнесло в научное сообщество и аналитическую среду новые теоретико-концептуальные исследования. Ключевым направлением новейших исследовательских трудов выступает изучение возможностей и прогнозирование препятствий для создания новых или преобразования уже существующих административно-территориальных единиц различных размеров в «умные» территории: города, районы (регионы) и даже государства.

Сама по себе концепция «умного государства» представляет собой синтез из различных прогрессивных теорий, в основе которых лежат две ключевые идеи:

– во-первых, функционирование государственного или квазигосударственного образования на принципах меритократии и технократии;

– во-вторых, повсеместное внедрение научно-технических, информационно-технологических и инновационных нововведений в процесс управления территориальными пространствами и организации жизни населения.

Потенциал для модернизации государственно-административной системы исходит из общественных благ и удобств, воспроизводимых на основе результатов третьей и четвертой промышленной революции, а именно: автоматизации, информатизации и компьютеризации. Особое место в рамках данного направления государственных преобразований занимает развитие Интернет-пространства, позволяющее:

– облегчать использование различных способов получения, передачи и распространения информации (в частности, задействуя официальные сайты органов центральных властей и местного самоуправления);

– упрощать коммуникационные возможности для взаимодействия между различными «элементами» государственных структур и населением (например, посредством использования электронной почты, социальных сетей, мессенджеров и прочего);

– совершенствовать многие аспекты управленческой и производственной деятельности, включая также сферу предоставления гражданам электронных услуг (путем развития единых порталов государственных услуг или чат-ботов, выполняющих функции помощников для решения локальных проблем).

Методы исследования

Проблематика создания или преобразования государств и отдельных административно-территориальных единиц, функционирующих в соответствии с принципами концепции «умного управления» или «умного государства», является относительно новым направлением научных исследований и выступает предметом изучения зарубежных и отечественных авторов.

В основу возникновения концептуальной идеи «умного государства» лег труд американского экономиста М. Портера «Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость» от 1985 года, в котором специалист настаивал на слабости и уязвимости тактики, при которой компании (в последующем у других исследователей – государства) полагаются исключительно на сеть выстроенных взаимосвязей, а не развивают собственные уникальные возможности [1].

Разработкой теоретического пласта концепции «умного государства» занимался македонский ученый С. Литсас, анализирующий в своих исследованиях исторические истоки и сформировавшиеся факторы, определяющие степень «разумности», которую государство может достичь или развить, осуществляя внутреннюю и внешнюю политику [2].

Сопоставление подходов к реализации концепции «умного государства», исходя из определения ключевой движущей силы в процессе преобразований в лице власти или населения, производили такие зарубежные авторы, как: Р. Бернс и П. Уэлкер [3], Д. Валентек и Д. Йелонек [4].

Влияние характеристик политических режимов отдельных стран и свойств культур различных наций на возможности и процесс внедрения элементов «умного управления» анализировали в своих трудах такие специалисты, как: Н.А. Колодий, В.С. Иванова, Н.А. Гончарова [5], Е.Ю. Тихалева [6], И. Горелова, Ф. Беллини и Ф. Д'Асенцо [7].

Считается, что в основу теоретической мысли об «умном государстве» легли некоторые из общих заключений научного труда «Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость», представленного в 1985 году профессором кафедры делового администрирования Гарвардской школы бизнеса Майклом Портером [8]. Несмотря на то, что американский экономист в своем исследовании рассматривал в качестве основных объектов изучения и анализа известные компании и бренды, многие из сформулированных специалистом утверждений и предложенных им «тактик» конкурентной борьбы на экономическом рынке стали применяться и в стратегиях государственного развития.

В частности, Майкл Портер в своей исследовательской работе параллельно анализирует возможности и угрозы, происходящие из выстроенной какой-либо компанией системы «взаимосвязей» или «взаимозависимых составляющих», что представляет собой как взаимодействие между внутренними элементами, так и внешние контакты организации. В данном контексте автор призывает с осторожностью относиться к имеющимся схемам уникальных «взаимосвязей», которые хоть и представляют собой преимущества в противостоянии с фирмами-конкурентами, тем не менее, не являются устойчивой характеристикой компании, исходя из трудностей в их воспроизводстве и воссоздании в аналогичном виде. По этой причине, по мнению профессора Портера, необходимо максимизировать конкурентное преимущество (компании) посредством перенаправления вектора соперничества в те сферы, где уже доступные для задействования и привлечения «взаимосвязи» будут иметь наибольшую стратегическую ценность, при всем этом призывая не полагаться исключительно и полностью на данные «сети» [1].

Развитие идеи о решающей роли «взаимозависимых составляющих» в становлении конкретно «умного государства» (не компаний, как у Майкла Портера) продолжает в своих исследованиях профессор международных отношений Университета Македонии Спиридон Лицас (Спирос Литсас) [2]. В частности, в работе «Умный вместо малого в теории международных отношений: Случай Объединенных Арабских Эмиратов» от 2023 года греческий специалист пытается выявить истоки и факторы, определяющие степень государственной «разумности» («умности»), которую государство может достичь во внутренней и внешней политике.

Ключевой характеристикой, определяющей «умное государство» в XXI веке, с точки зрения профессора Лицаса, служит способность обеспечить «выживаемость» государственному образованию за счет собственных возможностей (потенциала) и действий (принятых решений) [2]. Причем специалист отдельно подчеркивает, что речь в данном утверждении идет не о слепой реализации концепции «самопомощи» древнегреческого историка Фукидида и не о призывах к самоизоляции государства от общемировой системы международных отношений [9]. В эпоху глобализационных процессов и асимметричной «взаимозависимости» у большей части государств мирового сообщества образуются обширные и глубокие сети «взаимосвязей», потому невозможно эффективно существовать полностью вне международной системы (как политической, так и экономической), как нельзя постоянно полагаться на помощь и поддержку со стороны других государств (по Лицасу – «незнакомцев»). Отсюда основная цель любого «умного государства» – снизить степень системной «взаимозависимости» государственного образования, оставаясь при этом в достаточной мере вовлеченным в международные процессы.

Возможность для уменьшения объема «взаимозависимости» и, напротив, увеличения собственной «весомости» государства на международной арене кроется в привлечении в процесс государственного управления достижений научно-технического прогресса. Инвестируя в наращивание политической мощи и развитие конкурентных преимуществ в экономической сфере посредством разработки и внедрения технологических инноваций и новшеств, «умное государство» способно преодолеть традиционно сложившиеся в истории страны подходы к реализации внутренней и внешней политики, включая зависимость от потребления природных и энергетических ресурсов, в том числе импортируемых в огромных объёмах.

Более того, в процессе «идеализирования» концепции «умного государства» греческий специалист видит потенциал для будущего реформирования всего государственного сектора, направленного на сокращение: расходов на содержание чиновьечевого аппарата и, соответственно, объема бюрократической волокиты. В то время как сэкономленные при этом материальные и человеческие ресурсы в теории могут пойти на повышение уровня производительности товаров и услуг и улучшение качества жизни гражданского населения [9].

Результаты исследования

На основе вышеизложенного формулируются основные характеристики, необходимые для определения государства в качестве «умного»: обеспечение гражданам их «права на счастье» (равные возможности); государственное инвестирование в новейшие технологии для совершенствования городских систем; поддержание экономического процветания государства; стимулирование национального единства; принятие прогрессивных подходов к процессу руководства страной [10]. Профессор Венского технического университета Рудольф Гиффингер выделил шесть измерений, оценка которых позволяет судить об эффективности реализации концепции «умного города» (или государства): умное управление, умная экономика, умные люди, умная мобильность, умная среда и умная жизнь [11].

Помимо этого, ряд исследователей сходится во мнении, что «корни» идеи «умного государства» в ее упрощенном виде (как идея более продвинутой по уровню развития государственности) уходят намного глубже в историю и связываются с теоретическими проектами «идеального государства» древнегреческих философов Платона и Аристотеля [12]. Причем уже в работах мыслителей прошлого не последнее место отводится вопросам благосостояния граждан и важности развития человеческого ресурса. В частности, Платон настаивает на необходимости «правления лучших» (мудрых философов) [13], в то время как Аристотель ключевой добродетелью правителя (или правителей) называет стремление к достижению общего блага для всех граждан в противовес поиску возможностей для получения личных выгод и реализации собственных интересов [14].

В данной связи наблюдается еще одна совпадающая параллель, позволяющая сопоставить утопические задумки мыслителей прошлого о создании «идеального государства» и реализацию современной концепции «умного государства», в виде небольших размеров государственной территории и других порой сопутствующих данной характеристике признаков, включая: ограниченное географическое пространство для сельскохозяйственной и промышленной деятельности; недостаток в собственных природных и энергетических ресурсах; невысокую численность населения и более «слабый» военный потенциал; уязвимое геополитическое положение (к примеру, региональное «соседство» с чрезмерно амбициозными и агрессивно настроенными странами) [10]. Таким образом, «судьба» малых государств:

– с одной стороны, служит стимулом для поиска государством иного пути, позволяющего противостоять крупным державам, включая стратегическую адаптацию на основе понимания имеющихся у страны недостатков и проблем, а также обращению к инструментам «мягкой силы», например, экономической привлекательности, бросая тем самым вызов геополитическому ландшафту [10];

– с другой стороны, более удобна с прагматической точки зрения для осуществления властного контроля над практической реализацией принятых проектов, направленных на государственное модернизирование [7].

Древнегреческие философы Платон и Аристотель видели возможность воплощения своих идей в греческих полисах, как например, Афины. Современные же теоретики по большей части сконцентрированы на исследовании возможностей «городов-государств», в особенности на примере функционирования: Сингапура; частично Гонконга, поскольку формально он имеет статус специального административного района Китайской Народной Республики; Объединенных Арабских Эмиратов, состоящих из семи эмиратов с административными центрами-городами [19] и прочих малых государственных образований или наиболее развитых столиц мира, как Сеул или Токио.

Отдельная группа трудов, например, работы корейского исследователя Тэ У Нам и американского специалиста Терезы Пардо, посвящены комплексному анализу элементов, составляющих основу для возникновения «умной территории» (города или государства) в виде следующих факторов: во-первых, институциональные компоненты, связанные с управленческими вопросами; во-вторых, технологические аспекты, касающиеся интегрирования научно-технических достижений в государственную и общественную системы; и, в-третьих, вопросы человеческого капитала, нацеленные на обучение и повышение профессиональной квалификации населения для их последующего вовлечения в государственное (или городское) управление [15].

Отсюда взаимосвязь и взаимозависимость между такими составляющими компонентами концепции «умного государства», как:
– политика «умного города», упор в которой в большей степени делается именно на административном управлении конкретной территориальной единицей;
– политика «умной нации», в которой основное внимание акцентируется на развитии человеческого ресурса или социального капитала страны.

Иными словами, понимание «умных территории» или «умных городов» происходит в первую очередь с точки зрения какого-либо географического пространства, в рамках которого происходят модернизационные процессы, совершенствующие в том числе инфраструктурные объекты городской территории и внедряющие инновационные нововведения в цифровом поле данной территории [16].

Тем не менее, по мнению ряда отечественных исследователей, осуществление политики «умной нации» может стать основным стержнем для устойчивого развития «умных городов», как минимум, на первоначальных этапах модернизирования административно-территориальных единиц. По этой причине, государственное инвестирование в социальный капитал (собственное население) должно находиться на том же уровне, как и объем финансовых вложений правительства в разработку и реализацию научных и технологических инициатив [12].

Причем, как показывает история человечества, использование властными структурами ресурса знаний в процессе обеспечения «выживаемости» государства является не редким явлением [17]. Более того, профессор общественных инноваций Утрехтского университета (Нидерланды) Альберт Мейер и исследователь в области финансов Университета Гранады (Испания) Мануэль Боливар дополняют данную мысль, утверждая, что «разумность» государства может проявляться не только в развитии человеческого «капитала» исключительно собственными усилиями и только лишь на основе потенциала «своей» нации, но и в способности привлечения социального «актива» извне с последующей возможностью мобилизовать данный «ресурс» в интересах своего государства [18].

Обсуждение

Существенная часть учёного сообщества современности сходится в утверждении о преимуществах использования «умного» управления территориальными пространствами как эффективного инструмента для решения существующих административных и общественных проблем. При этом дискуссионным остается вопрос о наилучшей модели процесса административно-территориального управления (на различных уровнях) в контексте реализации концепции «умного государства», если таковая в действительности существует [19]. Конкретизируя исследовательскую дилемму, профессор Института социальных наук Университета Мейнута (Ирландия) Роб Кичин и специалист в области городских технологий Открытого университета Каталонии (Испания) Пабло Кардулло ставят перед научным сообществом следующие вопросы: «для кого умный город, кто внедряет «разумность», и кто имеет право на умный город» [20].

В этой связи учёными выделяется два основных подхода к реализации концепции «умного государства», подразумевающего использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для повышения уровня эффективности, подотчетности и прозрачности процесса государственного управления, а также улучшения качества жизни населения, проживающего на «умной» территории: «нисходящий подход» («top-down approach» – модель «сверху-вниз») и, соответственно, «восходящий подход» («bottom-up approach» – модель «снизу-вверх»).

«Нисходящая стратегия» к внедрению элементов управления «умным государством», которая иногда также именуется как «патерналистский подход», основывается на главенствующей роли в данном процессе высших органов государственной власти, в частности, правительства и парламента страны [4], в обязанности которых входит:
– во-первых, разработка и принятие концептуальных и институциональных основ для практического воплощения концепции «умного» управления государством, включая формулирование стратегического видения будущего развития нации и определения приоритетных направлений модернизации городского и регионального территориального пространства [3];
– во-вторых, централизованное планирование, включающее составление правительством и парламентом чётких пунктов действий в формате программ развития в рамках реализации принятых властных инициатив и, соответственно, последующая передача управленческих распоряжений на уровень региональных властей (например, при наличии федеративного государственного устройства) и местного самоуправления;
– в-третьих, введение центральными властями единых стандартов и унифицированных критериев для создаваемых «платформ» и «площадок» для реализации масштабных проектов по совершенствованию городских инфраструктур и модернизации систем удовлетворения потребностей граждан (к примеру, системы электронного правительства, электронных образовательных порталов, сайтов и приложений государственных услуг различной направленности, национальных систем идентификации граждан и миграционного контроля, общенациональных баз данных и прочего) [11];
– в-четвертых, регулирование процесса претворения поставленных целей по совершенствованию функционирования государства, соблюдение установленных правил и контроль за исполнением принятых решений в контексте реализации концепции «умного государства», которые, как правило, также могут быть делегированы местным органам власти регионального или городского (муниципального) уровня.

В качестве ключевых преимуществ, получаемых в теории в рамках применения «нисходящего подхода», учеными выделяются следующие общие свойства стратегии:
– упорядоченность и иерархичность, предоставляющие властным структурам больше возможностей для налаживания организации и контроля за реализацией государственных проектов, включая наличие системы подотчетности [21];
– масштабность и оперативность, заключающиеся в возможности властных структур претворять в жизнь правительственные решения, касающиеся долгосрочного планирования, одновременно на территории и в пределах пространства (например, Интернет-пространства) всего государства;
– стандартизация, строящаяся на достижении максимального уровня совместимости и согласованности функционирования различных государственных структур, систем и программ [5];
– экономичность, в перспективе достигающаяся посредством централизованного управления государственными ресурсами (эффективным распределением национального бюджета) и возможности для того, чтобы избежать дублирования предпринимаемых действий и усилий чиновьечевого аппарата [6].

Говоря о недостатках «патерналистской модели», важно уточнить влияние в этом вопросе национальных особенностей отдельных государств, включая характеристики политической культуры и исторически сложившуюся специфику взаимоотношений между властными структурами и населением. Тем не менее, аналитики выделяют следующие слабые стороны, которые в потенциале могут проявиться в процессе применения тактики «сверху-вниз»:
– бюрократизм и медлительность при принятии властных решений и исполнении распоряжений правящей элиты, особенно в государственных образованиях со сложной структурой государственного управления, что может дополнительно усложнять и тормозить процесс реализации модернизационных проектов;
– отсутствие гибкости и возможность проявления у властных структур так называемой «оторванности от земли», заключающаяся в трудностях, возникающих в процессе адаптации правительственных инициатив к местным особенностям и реальным потребностям граждан [22]; данное явление также может вызвать катализацию сопротивления внедрению новых правил, процедур и систем со стороны местных

органов власти (особенно в демократических и децентрализованных сообществах) и населения (например, если оно ни в какой степени не допускается к разработке, участию или оценке реализации инновационных проектов) [6];
– высокая стоимость реализации масштабных проектов, требующая значительных финансовых затрат из национальных ресурсов, что при неправильном анализе нужд государственного субсидирования, может вызвать диспропорцию в распределении государственного бюджета на иные социальные потребности граждан.

При «восходящем подходе» к реализации концепции «умного государства» основной объем инициативности и поток инновационных идей, напротив, исходит от: граждан; местных сообществ, действующих в пределах какой-либо территории; бизнес-ассоциаций и иного рода общественных и профессиональных организаций (например, научных объединений) [5]. Упор деятельности при «восходящей модели» нацелен на удовлетворение конкретных потребностей граждан на местных уровнях, задействуя в большей степени имеющиеся «на местах» возможности и ресурсы: как материальные, так и человеческие. Иными словами, основная мотивация модернизирования государства исходит «снизу», что касается преимуществ, предоставляемых государству и обществу применением «восходящего подхода» к реализации концепции «умного» управления, выделяются следующие характеристики:
– усиление гражданского активизма, путем повышения уровня вовлеченности населения к процессу принятия властных решений и разработки инновационных проектов, что также усиливает психологическую сопричастность общества к управлению государством [11];
– более быстрая и гибкая адаптивность локальных решений (в отличие от указов, издаваемых центральными властями в географически крупных государствах), включая эффективную разработку и внедрение новых технологий и услуг, соответствующих конкретным запросам, особенностям и потребностям местного населения и территории, на которой оно проживает [5], а также стремительно изменяющимся стандартам жизни граждан в условиях глобализации и урбанизации;
– создание благоприятной почвы для инновационного развития и среды для экспериментирования со стороны гражданских сообществ в инновационно-технологической сфере, в том числе посредством поддержки частных исследовательских проектов, общественных стартапов, разработок малых предприятий и бизнес-идей;
– экономичность, в потенциале достигаемая с точки зрения небольших масштабов реализуемых проектов, например, компактных мобильных приложений для предоставления услуг гражданам или автономных электронных платформ для взаимодействия населения с местными органами власти, работа которых может «обслуживаться» небольшой командой инициативных частных разработчиков.

Тем не менее, использование «восходящего подхода» также не лишено своих уязвимостей, заключающихся в возможности проявления следующих недостатков стратегии:
– существующие ограничения в масштабах планирования, кроющиеся в сложности выхода каких-либо успешных локальных проектов или систем на общенациональный уровень исключительно усилиями местных ассоциаций или органов местного самоуправления без обращения за поддержкой и протекторатом к центральным властям;
– усиление фрагментации в государстве и разрыва в развитии между разными регионами (районами) или городами, основывающееся на отсутствии введенных центральными властями единых стандартов и унифицированных критериев для создания и функционирования новых «платформ» для удовлетворения потребностей граждан, что может привести к дублированию их социальных функций и даже несовместимости в работе центральных и локальных (региональных или городских) систем;
– влияние неравенства, проявляющееся в разном уровне социально-экономического развития административно-территориальных единиц государства: регионов или городов и, соответственно, доступности к тем или иным материальным, человеческим, технологическим, природным и энергетическим ресурсам, необходимым для создания новых электронных платформ и инфраструктурных объектов, что также выступает дополнительным основанием для расслоения общества [5];
– отсутствие или недостаточный уровень координации и контроля за инновационно-модернизационной деятельностью различных инициативных «акторов» со стороны центральных властей, что выступает «благодатной» почвой для возникновения различного рода злоупотреблений, включая неэффективное использование собранных или полученных ресурсов и даже присвоение финансовых средств в личных целях.

Наиболее предпочтительным вариантом к построению «умного государства» специалистами в области социальных технологий называется «комбинированный подход», представляющий собой синтез из заимствования «сильных» элементов обоих стратегий. А именно: соединяя разработку концептуального видения и централизованной инфраструктуры («сверху-вниз»), при этом учитывая локальные запросы и потребности граждан и конкретных территорий, максимально привлекая к разработке инновационных проектов население и общественные объединения («снизу-вверх») [5]. Иными словами, основная мотивация модернизирования государства происходит «снизу», произрастая из нужд населения, при этом центральные власти в лице национального правительства «сверху» могут выступать в качестве:
– во-первых, фасилитатора (ответственный за коммуникационные аспекты) и координатора общественной деятельности по данному направлению, включая обеспечение согласованности функционирования различных проектов и обмена опытом между задействованными «акторами» [6];
– во-вторых, источника финансового стимулирования и технической поддержки инициатив, исходящих от гражданского общества и различных социальных и профессиональных объединений.

Причем часть ученых современности отмечает, что чрезмерное заострение внимания в исследованиях на противопоставлении двух подходов и, соответственно, власти и общества друг другу, отвлекает взор от «акторов», способных выступать эффективными посредниками между разными полюсами властных взаимоотношений. В частности, по мнению лектора Вашингтонского университета Ботелл (США) Райана Бернса и специалиста Университета Калгари (Канада) Престона Уэлкера, несмотря на то, что объединения активных граждан в форматы общественных ассоциаций и некоммерческих организаций являются одной из главных движущих сил «восходящей стратегии» реализации концепции «умного» управления, могут также выступать и в качестве ключевого промежуточного звена между властными структурами и населением при применении «комбинированного подхода» [3].

Выводы

Рассмотрев теоретико-концептуальные основания исследования феномена «умного государства», можно заключить, что основной целью модернизации государственного управления в рамках данной концепции выступает стремление обеспечить «выживаемость» государственному образованию за счет собственных возможностей (потенциала) и действий (принятых решений), снизив тем самым зависимость от других государств.

Отсюда ключевое направление реализации концепции «умного управления» или «умного государства» – преодоление имеющихся у государства недостатков, ограничений и уязвимых областей, в потенциале препятствующих его развитию. Таким образом, «умное государство», посредством внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий и инновационных разработок в процесс функционирования государства или его отдельных элементов, способно преодолеть такие «слабости», как: малые размеры государственных территорий, отсутствие существенных запасов природных и энергетических ресурсов, недостаток в военно-политической мощи, наличие агрессивно и амбициозно настроенных государств-соседей по региону и т.д. Как правило, выделяются два ключевых направления воплощения стратегии «умного государства»: развитие управления территориальными пространствами («умный город») и развитие человеческих ресурсов («умная нация»).

В зависимости от «силы», инициирующей, финансирующей и разрабатывающей проекты модернизации государственного управления, выделяют два основных подхода к реализации концепции «умного государства»:
– «нисходящая стратегия» или модель «сверху-вниз», при которой основная инициатива преобразований идет со стороны властных структур, задействующих в процессе организации преобразовательных мероприятий все имеющиеся у них административные ресурсы;
– «восходящая стратегия» или модель «снизу-вверх», при которой инициатором разработки и внедрения инноваций и новшеств выступает население в виде активных граждан и различных сообществ.

Выбор подхода к построению «умного государства» зависит от конкретных условий и обстоятельств страны, включая: характеристики ее политической системы и культуры, особенности истории взаимоотношений между властными структурами и населением, уровень социально-экономического и технологического развития.

Считается, что наиболее эффективным является «комбинированный подход», заключающийся в достижении баланса между централизованным управлением и децентрализованной инициативой, который позволяет использовать преимущества обоих подходов и, соответственно, минимизировать их недостатки. Таким образом, «комбинированный подход» позволяет соединить разработку концептуального видения, централизованной инфраструктуры и властной координации преобразований («сверху-вниз»), при этом учитывая локальные запросы и потребности граждан и конкретных территорий, максимально

привлекая к разработке инновационных проектов население и общественные объединения («снизу-вверх»).

Влияние особенностей западных и восточных государственных устройств заключается в следующем:

– в демократических обществах стратегия «умного государства» выступает основным инструментом улучшения качества жизни населения, упрощения взаимодействия власти и общества, повышения гражданского участия и открытости процессов государственного управления, при которых ключевой риск строится вокруг проблематики обеспечения защиты персональных данных;

– в авторитарных обществах, несмотря на то что процесс внедрения информационно-коммуникационных и технологических нововведений может быть упрощен и ускорен сильным государственным руководством, при этом он может становиться дополнительным механизмом властного контроля и надзора над жизнедеятельностью общества.

Литература

1. Porter, M.E. Competitive Advantage. Creating and Sustaining Superior Performance. – New York: Free Press, 1985. – 557 p.
2. Litsas, S.N. Smart Instead of Small in International Relations Theory: The Case of the United Arab Emirates. – Springer, 2023. – 218 p.
3. Burns, R., Welker, P. Interstitiality in the smart city: More than top-down and bottom-up smartness // Urban Studies. – 2023. – Vol. 60. – Iss. 2. – Pp. 308–324.
4. Walentek, D., Jelonek, D. Top-down and bottom-up collaboration as a factor of the technological development of smart city. The example of Taipei // Annals of Computer Science and Information Systems (ACSIS). – 2022. – Vol. 32. – Pp. 293–299.
5. Колодий, Н. А., Иванова, В. С., Гончарова, Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 102–123.
6. Тихалева, Е. Ю. «Умный город»: тенденции развития в зарубежных странах // Вестник экспертного совета. – 2023. – № 2 (33). – С. 26–33.
7. Gorelova, I., Bellini, F., D'Ascenzo, F. Understanding smart territories: A conceptual framework // Cities. – 2024. – Vol. 152. – Pp. 1–13.
8. Edwards, C. Singapore: Reflections and Implications of Another Smart State // Queensland Review. – 2003. – Vol. 10. – Iss. 1. – Pp. 53–69.
9. Smart States: A new framework for power dynamics in global politics // The Greek Analyst. – URL: https://greekanalyst.substack.com/p/smart-states (date of access: 22.03.2025).
10. Kapsokoli, E. Being Small but Smart in the International Arena // Central European Journal of International and Security Studies (CEJISS). – 2024. – Vol. 18. – Pp. 103–105.
11. Giffinger, R. Smart cities. Ranking of European medium-sized cities (Final report) // Centre of Regional Science (Vienna UT). – 2007. – 28 p.
12. Камолов, С. Г., Ким, К. С., Александров, Н.Д. Исследование «умных городов» с точки зрения человеческого капитала (наукограды как прототип «умных городов») // Управленческие науки (Management Sciences). – 2023. – № 13 (4). – С. 34–46.
13. Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова. – М.: Мысль, 1971. – 880 с.
14. Аристотель. Политика (Сочинения: в 4 томах) / Перевод С. Жебелева. – М.: «Мысль», 1983. – Т. 4. – С. 376–644.
15. Nam, T., Pardo, T. Conceptualizing Smart City with Dimensions of Technology, People and Institutions // The Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research (Albany, Nueva York). – 2011. – P. 282–291.
16. Komninos, N., Bratsas, Ch., Kakderi, Ch., Tsarchopoulos, P. Smart city ontologies: Improving the effectiveness of smart city applications // Journal of Smart Cities. – 2015. – Vol. 1 (1). – Pp. 1–16.
17. Parada, J. Social Innovation for «Smart» Territories: Fiction or Reality? // Problemas del Desarrollo. – 2017. – Vol. 48. – No. 190. – URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?pid=S0301–70362017000300011&script=sci_arttext&tlng=en (date of access: 25.03.2025).
18. Meijer, A., Bolívar, M.P.R., Governing the smart city: A review of the literature on smart urban governance // Int. Rev. Adm. Sci. – 2015. – No. 82. – Pp. 392–408.
19. Gohari, S., Ahlers, D., Nielsen, B. F., Junker, E. The governance approach of smart city initiatives. Evidence from Trondheim, Bergen, and Bodø. Infrastructures. – 2020. – No. 5 (4). – URL: https://www.mdpi.com/2412–3811/5/4/31 (date of access: 27.03.2025).
20. Kitchin, R., Cardullo, P., Di Feliciantonio, C. Citizenship, justice, and the right to the smart city // The Right to the Smart City. Bingley: Emerald Publishing, 2019. – Pp. 1–24.
21. Zhou, S., Fu, H., Tao, S., Han, Y., Mao, M. Bridging the top-down and bottom-up approaches to smart urbanization? A reflection on Beijing's Shuangjing International Sustainable Development Community Pilot // International Journal of Urban Sciences. – 2021. – Pp. 106–123.
22. Mezzapelle, D. Smartness as a «Way of Life». Approaches to discussion (eng) // Bollettino Della Società Geografica Italiana. – No 13. – Vol. 9. – Pp. 489–501.

TRANSFORMATION OF POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES IN THE CONTEXT OF THE "SMART STATE" CONCEPT: A COMPARATIVE ANALYSIS OF APPROACHES

Yakushkina R.Y., Tarakanova T.S., Matveevskaya A.S.
St. Petersburg State University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

This article examines the theoretical foundations and practical implementation of the "smart state" concept. The current increasing importance of innovative development and scientific and technological progress, which influence the nature and dynamics of "smart states," as well as the potential for subsequent modernization of public administration in lagging countries, underpins the relevance of this study. The study reconstructed the concept of a "smart state" as a synthesis of the ideas of meritocracy, technocracy, and the widespread technologization of governance, aimed at ensuring the sovereign "survivability" of the state. It was shown that the choice of implementation model ("top-down" or "bottom-up") is determined not only by technological factors but primarily by political ones: the type of political regime, political culture, and the established relations between the state and society. It is concluded that for democratic societies, the key challenge in implementing this concept is finding a balance between efficiency, openness, and the protection of citizens' rights, while for authoritarian societies, it is the legitimization of technological control as a "social good."

Keywords: Political modernization, political institutions, information and communication technologies in politics, digitalization, meritocracy, "smart state", "smart city", "smart nation".

References

1. Porter, M.E. Competitive Advantage. Creating and Sustaining Superior Performance. – New York: Free Press, 1985. – 557 p.
2. Litsas, S.N. Smart Instead of Small in International Relations Theory: The Case of the United Arab Emirates. – Springer, 2023. – 218 p.
3. Burns, R., Welker, P. Interstitiality in the smart city: More than top-down and bottom-up smartness // Urban Studies. – 2023. – Vol. 60. – Iss. 2. – Pp. 308–324.
4. Walentek, D., Jelonek, D. Top-down and bottom-up collaboration as a factor of the technological development of smart city. The example of Taipei // Annals of Computer Science and Information Systems (ACSIS). – 2022. – Vol. 32. – Pp. 293–299.
5. Колодий, Н. А., Иванова, В. С., Гончарова, Н.А. Умный город: особенности концепции, специфика адаптации к российским реалиям // Социологический журнал. – 2020. – Т. 26. – № 2. – С. 102–123.
6. Тихалева, Е. Ю. «Умный город»: тенденции развития в зарубежных странах // Вестник экспертного совета. – 2023. – № 2 (33). – С. 26–33.
7. Gorelova, I., Bellini, F., D'Ascenzo, F. Understanding smart territories: A conceptual framework // Cities. – 2024. – Vol. 152. – Pp. 1–13.
8. Edwards, C. Singapore: Reflections and Implications of Another Smart State // Queensland Review. – 2003. – Vol. 10. – Iss. 1. – Pp. 53–69.
9. Smart States: A new framework for power dynamics in global politics // The Greek Analyst. – URL: https://greekanalyst.substack.com/p/smart-states (date of access: 22.03.2025).
10. Kapsokoli, E. Being Small but Smart in the International Arena // Central European Journal of International and Security Studies (CEJISS). – 2024. – Vol. 18. – Pp. 103–105.
11. Giffinger, R. Smart cities. Ranking of European medium-sized cities (Final report) // Centre of Regional Science (Vienna UT). – 2007. – 28 p.
12. Камолов, С. Г., Ким, К. С., Александров, Н.Д. Исследование «умных городов» с точки зрения человеческого капитала (наукограды как прототип «умных городов») // Управленческие науки (Management Sciences). – 2023. – № 13 (4). – С. 34–46.
13. Платон. Государство / Пер. А.Н. Егунова. – М.: Мысль, 1971. – 880 с.
14. Аристотель. Политика (Сочинения: в 4 томах) / Перевод С. Жебелева. – М.: «Мысль», 1983. – Т. 4. – С. 376–644.
15. Nam, T., Pardo, T. Conceptualizing Smart City with Dimensions of Technology, People and Institutions // The Proceedings of the 12th Annual International Conference on Digital Government Research (Albany, Nueva York). – 2011. – P. 282–291.
16. Komninos, N., Bratsas, Ch., Kakderi, Ch., Tsarchopoulos, P. Smart city ontologies: Improving the effectiveness of smart city applications // Journal of Smart Cities. – 2015. – Vol. 1 (1). – Pp. 1–16.
17. Parada, J. Social Innovation for «Smart» Territories: Fiction or Reality? // Problemas del Desarrollo. – 2017. – Vol. 48. – No. 190. – URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?pid=S0301–70362017000300011&script=sci_arttext&tlng=en (date of access: 25.03.2025).
18. Meijer, A., Bolívar, M.P.R., Governing the smart city: A review of the literature on smart urban governance // Int. Rev. Adm. Sci. – 2015. – No. 82. – Pp. 392–408.
19. Gohari, S., Ahlers, D., Nielsen, B. F., Junker, E. The governance approach of smart city initiatives. Evidence from Trondheim, Bergen, and Bodø. Infrastructures. – 2020. – No. 5 (4). – URL: https://www.mdpi.com/2412–3811/5/4/31 (date of access: 27.03.2025).
20. Kitchin, R., Cardullo, P., Di Feliciantonio, C. Citizenship, justice, and the right to the smart city // The Right to the Smart City. Bingley: Emerald Publishing, 2019. – Pp. 1–24.
21. Zhou, S., Fu, H., Tao, S., Han, Y., Mao, M. Bridging the top-down and bottom-up approaches to smart urbanization? A reflection on Beijing's Shuangjing International Sustainable Development Community Pilot // International Journal of Urban Sciences. – 2021. – Pp. 106–123.
22. Mezzapelle, D. Smartness as a «Way of Life». Approaches to discussion (eng) // Bollettino Della Società Geografica Italiana. – No 13. – Vol. 9. – Pp. 489–501.

Анализ кризиса в Афганистане после вторжения США: причины и последствия

Мохаммад Анвар Бакташ,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: mohammadanvarbaktas05535@gmail.com

Абдул Идрис Мохаммад Насим,
аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: idrisakhmad.abdul@mail.ru

Американцы под предлогом борьбы с терроризмом из-за инцидента 11 сентября вторглись на территорию Афганистана и А свергнутое правительство Талибана в конечном итоге потерпело поражение от групп сопротивления. Однако спустя 20 лет после начала вторжения в эту страну, подписав соглашение с «Талибаном» 29 февраля 2020 года, они обязались вывести войска из Афганистана.

Гипотеза статьи заключается в том, что вывод американских войск из Афганистана, начавшийся 1 мая 2021 года, имел положительные последствия, но также создал challenges, включая: создание нестабильного Афганистана под управлением «Талибана»; столкновение различных интерпретаций исламской политической мысли и активизацию этнической и такфиристской идеологии; отсутствие безопасности в приграничных районах с соседними странами и снижение национальной безопасности государств региона, а также повсеместную коррупцию в стране из-за разграбления ресурсов и условия, способствующие «утечке мозгов», что осталось в качестве негативных последствий.

Данное исследование написано в рамках реалистического подвода, с использованием объяснительного метода и на основе интернет-источников и материалов библиотек.

Ключевые слова: Афганистан, Америка, соседние страны, регион, Китай, Россия, Иран, Талибан, терроризм, бедность, коррупция, война

События 11 сентября ввели новую риторику в сферу международных отношений, а именно – борьбу с терроризмом со стороны США и их союзников. Из-за этого террористического акта и идентификации Афганистана как убежища международных террористов, этот вопрос стал фактором вмешательства Америки в дела Афганистана.

Относительно присутствия и вторжения США в Афганистан существуют два анализа: анализ сторонников и анализ противников. Сторонники присутствия Америки заявляют, что Вашингтон находился в Афганистане для борьбы с терроризмом. Противники же считают, что Вашингтон положил глаз на минеральные ресурсы этой страны и присутствовал там потому, что Афганистан имеет особое геополитическое значение для США.

Однако за 20 лет присутствия Америки терроризм расширился, а минеральные ресурсы из-за общественного мнения так и не были добыты.

Основной причиной присутствия США в Афганистане можно назвать распространение нестабильности и противодействие соседним и региональным странам.[1]

Нью-Йорк Таймс в своем отчете написала: два оперативника ЦРУ были убиты в Афганистане, находясь вблизи линии фронта боевых действий.

Согласно отчету, эти два старших сотрудника ЦРУ несли ответственность за «консультирование небольшой армии афганских ополченцев» и находились рядом с негосударственными вооруженными формированиями.

В отчете «Нью-Йорк Таймс» далее говорится, что эта стратегия использовалась еще при администрации Обамы, и в силу скрытного характера операций и отсутствия следов этих сил, существовала возможность проведения секретных операций с последующим возможным отрицанием.

Это американское издание далее подчеркивает: силы, тайно управляемые ЦРУ, неоднократно обвинялись в убийствах гражданских лиц и невинных людей.

Сообщения указывали на то, что Америка сотрудничала исключительно с правительством Афганистана для стабилизации ситуации в стране, однако, как представляется, отчет «Нью-Йорк Таймс» свидетельствует об обратном.

На основе изучения и анализа автора данной статьи, основной причиной оккупации Афганистана Америкой была лишь одна вещь: распространение нестабильности и противодействие соседним странам.

Почему США хотят, чтобы Афганистан был небезопасным?

Если взглянуть на карту, Афганистан расположен в Центральной Азии. Афганистан – бедная и неразвитая страна, не имеющая выхода к открытому морю. Кроме того, он находится вблизи или граничит с тремя странами-соперниками Америки – Россией, Китаем и Ираном. Хотя Афганистан не имеет общей границы с Россией, он считается воротами в Центральную Азию.

Наркотики и терроризм против Ирана

Иран постоянно пытается предотвратить проникновение афганских наркотиков в свою страну.

Посевы опиумного мака с момента падения правительства Талибана значительно расширились, и, поступая на global рынок наркотиков, они также унесли жизни тысяч людей в Иране.

С другой стороны, террористическая группировка «Джундулла» объявила своей миссией свержение правительства Ирана. Эта группа ответственна за убийства многих иранцев на границе страны и также причастна к наркоторговле из Афганистана.

В 2014 году выяснилось, что американский полицейский также работал в террористической группировке «Джундулла» и из Афганистана намеревался проникнуть на территорию Ирана. [1]

Усиление нестабильности в Китае

В двадцатом веке Китай на протяжении большей части времени стремился освободиться от внешнего контроля, сталкиваясь с проблемами, такими как наркомания, бедность и попытки стать мировой державой. Первое вмешательство США в Китай произошло в 1900 году, когда Вашингтон подавил «Боксёрское восстание». Боксёрское восстание было патриотическим движением, направленным против опиумных торговцев, политической агрессии и экономического вмешательства в стране, стремившимся сохранить традиционную китайскую культуру. Ранее англичане дважды развязывали «опиумные войны» против Китая, в результате которых английская армия заставила Китай отменить пошлины на ввоз опиума и не препятствовать его поступлению в страну. В настоящее время китайское правительство борется с контрабандой героина в страну, и многие люди, приговоренные к смертной казни в Китае, связаны с наркотрафиком. Стоит отметить, что провинция «Синьцзян» в последние десятилетия стала местом присутствия вооружённых групп, выступающих против правительства, что не удивительно, учитывая её границу с Афганистаном. Некоторые «уйгурские» бойцы также присягнули на верность ИГИЛ и сражались в Сирии против прежнего баасистского правительства. [2]

Китай, Россия, Иран – стабильные страны, которым угрожает опасность

Причина того, что Китай, Россия и Иран стали целями для Америки, заключается не в нестабильности этих стран, а, наоборот, в их стабильности.

После Иранской революции и образования [Исламская Республика] правительства в 1979 году доходы от нефтяных запасов были использованы для развития страны и создания внутренней экономики.

В то время как соседние с Ираном страны – Сирия, Ирак и Афганистан – столкнулись с кризисом безопасности, после окончания войны с Ираком Иран стал одной из самых безопасных стран в регионе; продолжительность жизни возросла, а экономика была основана на внутренней ориентации.

С 1949 года Китай вывел из бедности 700 миллионов человек и, чтобы противостоять нестабильности в своих автономных районах Синьцзян и Тибет, путем инвестиций и создания инфраструктуры обеспечил эти регионы экономическими возможностями.

Россия в последние годы также стремилась выйти из гуманитарной и экономической катастрофы после распада Советского Союза и достичь процветания. [4]

Обзор литературы

Военное присутствие США в Афганистане принесло разнообразные последствия в политической, социальной, экономической и безопасности сферах этой страны. Хотя ранее ученые и другие исследователи уже писали работы на тему военного присутствия США в Афганистане, взгляд на вопрос о влиянии и последствиях присутствия Америки в Афганистане в период с 2002 по 2021 год является тем аспектом, который оставался упущенным в предыдущих публикациях.

В данном обзоре и исследовании авторы Особое внимание на влиянии военного присутствия США на безопасность Афганистана на протяжении этих лет через призму теории агрессивного реализма, и это является ключевым отличием настоящего исследования от других проведенных работ.

Далее мы кратко представим наиболее важные статьи и исследования.

Ниже кратко изложено объяснение процесса возникновения кризиса безопасности между Афганистаном и Соединенными Штатами в послевоенный период, написанное г-ном Бахушом и г-ном Зангане в 2017 году.

Цель данной статьи – использовать теорию Бирчера (Michael Brecher) для объяснения процесса переноса кризиса безопасности в отношения между Соединенными Штатами и формирующимся афганским правительством после Талибана посредством сотрудничества в создании инклюзивного центрального правительства в Афганистане в попытке контролировать и смягчить кризис безопасности в стране.

Стратегическая неоднозначность: Стратегическая инициатива Америки в Афганистане. Книга написана г-ном Бойсом (Boys) в 2022 году. Краткое содержание выглядит следующим образом.[3]

Использование дискурсивного анализа для изучения официальных документов позволяет понять схожее внимание, уделяемое Афганистану сменявшими друг друга администрациями, а также тон и язык, которые они использовали. Данное исследование показало, что, несмотря на продолжительность миссии и связанные с ней расходы, в отношении Афганистана существовала глубокая стратегическая неоднозначность, поскольку он рассматривался как второстепенное событие в рамках большой стратегии Америки.

Книга «Американское вмешательство в Афганистан: невероятное оправдание», написанная г-ном Куной (Connah) в 2020 году, кратко излагается следующим образом.

В статье утверждается, что Соединенные Штаты и их западные союзники злоупотребляли нарративами (кризисной войны) для легитимации иностранного вмешательства в Афганистан и применения силы в войне с терроризмом, что могло способствовать провалу афганского правительства.[5]

В книге «НАТО: Америка, трансформация и война в Афганистане», написанной г-ном Вебером (Webber) в 2009 году, это резюмируется следующим образом:[8]

В годы правления Буша в НАТО наблюдались две тенденции: одна из них заключалась в подверженности периодам кризиса, а другая – в подчинении американскому руководству. Несмотря на признаки безразличия Америки к альянсу, Буш, как было показано, использовал НАТО в качестве рычага давления, особенно во время своего второго срока, уделяя особое внимание Афганистану.

Причины вторжения США в Афганистан

11 сентября – это инструмент Америки для достижения власти под предлогом борьбы с терроризмом.

Борьба с терроризмом в Афганистане в течение последних 21 года велась исключительно ради силы Соединённых Штатов. В 2001 году, после терактов 11 сентября, США вторглись в Афганистан под предлогом борьбы с терроризмом и «Аль-Каидой» и свергли тогда полуразрушенное правительство Талибана под предлогом предоставления убежища Усаме бен Ладену.

И это при том, что спустя 20 лет после этого предлога Соединённые Штаты спешно покинули Афганистан, приведя страну лишь к полной нищете.

Наджибулла Джами (Najibullah Jami), профессор Кабульского университета: «Определение терроризма зависит от интересов Соединённых Штатов, и Вашингтон всегда использовал терроризм для борьбы с ним и укрепления своей власти, фактически не вступая в борьбу с этим зловещим явлением.

После 20 лет войны в Афганистане под предлогом терроризма мы наблюдаем присутствие в стране всё большего числа террористических группировок.

Американцы атаковали Афганистан под лозунгами борьбы с терроризмом, контроля над производством и оборотом наркотиков и восстановления страны, но эти заявления возымели обратный эффект: сейчас мы наблюдаем рост наркоторговли и глубокую нищету в стране.

Результаты войны США в Афганистане, Ираке, Сирии и других частях мира очевидны для всех и не нуждаются в объяснениях.

Присутствие США в Афганистане принесло лишь разрушения, экономика страны рушится. Мы получаем энергию из соседних стран, и подавляющее большинство населения живёт в нищете.[7]

В то же время Специальный генеральный инспектор США по делам Афганистана недавно заявил, что за последние 20 лет в Афганистане были понесены огромные расходы, но в результате каждый третий афганец оказался на грани голода.[8]

Как сообщает Fars (Fars News Agency), Специальный генеральный инспектор США по восстановлению Афганистана (SIGAR) объявил, что, по данным Всемирной продовольственной программы (ВПП)3, по состоянию на сентябрь 2021 года около 14 миллионов человек, или каждый третий житель Афганистана, находились на грани голода, и эта цифра значительно увеличилась за последние годы.[9]

SIGAR (Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction) заявил, что за последние двадцать лет страна предоставила Афганистану помощь в размере 146 миллиардов долларов, но вместе с этим в стране обострились засуха, нехватка продовольствия и гуманитарный кризис.

Согласно докладу, на обучение и оснащение афганских сил безопасности было потрачено около 89 миллиардов долларов, но теперь все эти средства потеряны, а другие цели, такие как помощь женщинам и девочкам и установление верховенства закона, находятся под прямой угрозой со стороны Талибана после вывода американских войск.

Специальный генеральный инспектор назвал текущую ситуацию в докладе тревожной реальностью, заявив: «Мы в неоплатном долгу перед всеми, кто служил в Афганистане».[10]

Геополитическое значение Афганистана

Афганистан – страна, не имеющая выхода к морю, стратегически важное географическое дополнение к своим соседям и неизбежно рассматри-

ваемая в военных стратегиях. Таким образом, эти геополитические преимущества привлекли внимание сверхдержав (Khorasani, 2011: 9).[11]

Эта горная страна, лишенная нефти и стратегического сырья, важна исключительно благодаря своим геополитическим характеристикам: она служит воротами в Индию и буфером между Россией и Индийским океаном, а также мостом, соединяющим Запад и Восток для мировых держав. Афганистан является частью глобального «римленда», и причина, по которой Николас Спайкмен (1994) придавал значение «римленда», заключалась в том, что этот регион предоставляет возможность для лучшего сочетания сухопутных и морских сил (Hashemi, 2011: 3). [12]

Фактически, стратегическое значение Афганистана обусловлено геополитическим и геоэкономическим значением Ближнего Востока на макроуровне и пониманием процессов в регионе Южной Азии как геостратегического региона, соединяющего геополитический регион Индийского субконтинента и Юго-Западной Азии с геополитическим регионом Китая. Таким образом, Афганистан находится под влиянием нескольких геополитических систем с точки зрения своего стратегического положения.

Система Большого Ближнего Востока (Broader Middle East) как важнейшая система первого уровня, региональная подсистема Персидского залива, в частности, система Юго-Западной Азии как центральная и внутренняя система, непосредственно влияющая на Афганистан, а также независимая региональная система Китая и региональная система Центральной Азии влияют на значение Афганистана (Pishgahifard and Rahimi (Pishgahi Fard, Z; Rahimi, M.), 2008: 108). [13]

В годы холодной войны добавление советской региональной политики к этническим проблемам Афганистана создало более сложный кризис, поскольку присутствие в Афганистане и поддержка Пуштунистана и Белуджистана рассматривались как важнейший путь к берегам Индийского океана (Мусави (Mousavi), 2009: 101). [12]

Под предлогом безопасности, но с целью проникновения

Вопрос поддержания безопасности и её сохранения был важнейшей целью Америки в Афганистане в последние годы. Однако продолжающиеся уже более двух десятилетий войны и конфликты в Афганистане, а также такие понятия, как тоталитаризм и монополизация, этническая принадлежность и соседство, неповиновение закону, нарушение обязательств, попытки устранения других, применение силы и т.д., институционализировались в этой стране, что противоречит поддержанию безопасности и стабильности. Фактически, недовольство отдельных лиц и групп означает начало конфликтов и нестабильности в этой стране.

Расположение Афганистана и его близость к восточным границам Ирана побудили Вашингтон, в некотором смысле, стремиться оказывать влияние на регион Афганистана, имеющий обширные политические, культурные и экономические связи с Ираном. Американцы начали масштабную экономическую и культурную деятельность в форме (гуманитарных проектов) в этом регионе и, войдя в эту страну.[15]

Последствия вторжения США в Афганистан

24 года назад, 7 октября 2001 года, чтобы усилить свое влияние на Ближнем Востоке и контролировать своих конкурентов на международном уровне, Соединенные Штаты использовали теракты 11 сентября на башнях-близнецах на американской территории в качестве предлога для вторжения в Афганистан.[18]

Поэтому, спустя более 24 лет после этой трагедии, настало время проанализировать и оценить разрушительные последствия военной агрессии и двадцатилетней оккупации Афганистана Соединенными Штатами, чтобы афганские официальные лица осознали, что страна может вновь не оказаться в подобной катастрофе и затруднительном положении из-за безрассудства и неэффективного управления.

Последствия вторжения США в Афганистан

24 года назад, 7 октября 2001 года, чтобы усилить свое влияние на Ближнем Востоке и контролировать своих конкурентов на международном уровне, Соединенные Штаты использовали теракты 11 сентября на башнях-близнецах на американской территории в качестве предлога для вторжения в Афганистан.

Поэтому, спустя более 24 лет после этой трагедии, настало время проанализировать и оценить разрушительные последствия военной агрессии и двадцатилетней оккупации Афганистана Соединенными Штатами, чтобы афганские официальные лица осознали, что страна может вновь не оказаться в подобной катастрофе и затруднительном положении из-за безрассудства и неэффективного управления.

Нападение США на Афганистан и двадцатилетняя оккупация этой страны имели масштабные и сложные последствия для этой страны и даже для всего региона, последствия которых ощущаются и по сей день. Мы разделили эти последствия на отдельные разделы, чтобы предоставить нашим уважаемым читателям более полное представление.[15]

Гуманитарные последствия вторжения США в Афганистан

Народ Афганистана продолжает сталкиваться с ужасными последствиями двух десятилетий американской оккупации, и эта ситуация сохранится даже после вывода американских войск. Страна страдает от войны, нищеты, стихийных бедствий и отсутствия безопасности уже более 40 лет.

Высокие потери среди гражданского населения

Согласно опубликованной статистике, человеческие и материальные потери в результате войн, последовавших за 11 сентября 2001 года, включая прямые потери, составили более 176 000 человек в Афганистане и 67 000 человек в Пакистане в период с 2001 по 2021 год, более 269 000 человек в Сирии в период с 2014 по 2023 год и более 112 000 человек в Йемене в период с 2002 по 2021 год.

Число людей, непосредственно погибших в результате насилия в войнах в Афганистане, Пакистане, Ираке, Сирии, Йемене и других странах, является приблизительным и во много раз превышает число мирных жителей, погибших в результате этих войн.

Разрушение экономики, государственных служб, инфраструктуры и окружающей среды в результате войны приводит к гибели людей, которые не связаны с началом конфликта, а происходят спустя долгое время после бомбардировок и со временем становятся масштабнее. Число людей. По оценкам, от 3,6 до 3,8 миллиона человек косвенно погибли в зонах боевых действий после 11 сентября, в том числе в Афганистане, Пакистане, Ираке, Сирии и Йемене.[15]

Некоторые люди погибли на войне, но гораздо больше, особенно детей, умерли от последствий войны, таких как распространение болезней, экономический коллапс, отсутствие продовольственной безопасности, разрушение инфраструктуры здравоохранения, загрязнение окружающей среды, травмы и насилие.

Статистика показывает, что распространенность отсутствия продовольственной безопасности в Афганистане увеличилась с 62 процентов до войны до 92 процентов после войны. Статистика также показывает, что недоедание среди детей в возрасте до 5 лет составляло 9 процентов до войны и 50 процентов после войны. Уровень бедности также составляет 80 процентов до войны и 92 процента в настоящее время.

Пытки и бесчеловечное обращение

Тюрьма Баграм, расположенная в 50 километрах к северу от Кабула, была одной из важнейших американских тюрем. В ней было 120 камер, в которых содержалось от 5000 до 6000 заключенных. Тюрьма была основана Соединенными Штатами в 2002 году на территории авиабазы Баграм.

В данных западных СМИ, основанных на интервью с 27 заключенными Баграма, говорится, что заключенные в Багграме подвергались физическому насилию во время допросов, например, подвешиванию к потолку, воздействию жары или холода, раздеванию догола перед женщинами-военнослужащими, и как минимум в четырех случаях им угрожали оружием и другими предметами. Также упоминаются случаи, когда ночные операции проводились против мирных жителей с использованием дезинформации.

Миграционный кризис

Наследием Америки для народа Афганистана стал поток иммигрантов и беженцев в другие страны. К настоящему времени соседние с Афганистаном страны приняли несколько миллионов афганских беженцев.

За этот период значительное число афганских иммигрантов и представителей элиты мигрировало в европейские страны, многие из которых погибли по пути в Европу.

В настоящее время более 8 миллионов афганских иммигрантов находятся в соседних странах, таких как Иран, Пакистан, Таджикистан и других странах мира.

В Афганистане проживает самое большое количество иммигрантов в мире. Общее число афганских иммигрантов, зарегистрированных Управлением Верховного комиссара ООН по делам беженцев, достигло 27 миллионов.[17]

Экономические последствия вторжения США в Афганистан

Окончание двадцатилетней войны между Талибаном и силами безопасности и обороны Исламской Республики Афганистан в августе 2021 года и захват власти Талибаном ознаменовали начало новой эпохи глубо-

кой экономической стагнации, голода и риска недоедания, инфляции; резкого роста бедности в городах и деревнях, развала системы общественного здравоохранения, подавления СМИ и гражданского общества, а также исключения половины населения (женщин и девочек) из общественной жизни.

Официальная статистика показывает, что афганская экономика сократилась на 20,7% в 2021 году после возвращения Талибана к власти. Однако во второй половине 2022 года наметились признаки постепенного экономического восстановления, обусловленные оказанием гуманитарной помощи в меньших масштабах на сумму около 3,5 млрд долларов США (по сравнению с 9 млрд долларов США в 2020 году). Однако эти признаки стабильности не смогли устранить значительное давление, с которым столкнулись афганские семьи в поддержании своей повседневной жизни. В 2023 году 28,3 миллиона человек (две трети населения Афганистана) будут нуждаться в срочной гуманитарной помощи для выживания, поскольку страна вступает в третий год подряд в засушливые условия и второй год в период глубокого экономического коллапса.

В данной статье рассматривается экономическое положение Афганистана за последний год, включая экономический рост, экспорт и импорт, доход на душу населения, инфляцию, внутренние доходы, ситуацию на рынке труда, доступность банковских счетов для частных лиц и компаний, наличие продовольственных и непродовольственных товаров на рынках, а также обменный курс афгани по отношению к доллару США и некоторым другим валютам.[19]

Политические последствия вторжения США в Афганистан

Теракты 11 сентября 2001 года в США и участие в них группировки «Аль-Каида» во главе с Усамой бен Ладеном ознаменовали падение режима Талибана в Афганистане. Присутствие лидера «Аль-Каиды» в Афганистане и поддержка Усамы бен Ладена муллой Мухаммадом Омаром заставили США и союзников по НАТО сосредоточить внимание на Афганистане в целях борьбы с терроризмом. США обвинили бен Ладена в планировании бомбардировок посольств США в Африке в 1998 году и терактов 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. Хотя все террористы 11 сентября были гражданами Саудовской Аравии, присутствие лидера этой группировки в Афганистане послужило предлогом для нападения США на Афганистан. Наконец, 8 октября 2001 года США и Великобритания начали массированные ракетные и авиаудары по Афганистану, и 14 ноября 2001 года Кабул пал, а талибы бежали из него.

С падением режима Талибана в Кабуле во второй раз было сформировано правительство профессора Бурхануддина Раббани.

27 ноября 2001 года в Германии под эгидой ООН в течение 14 дней проходила Боннская конференция. На основе Боннского соглашения было сформировано новое временное правительство Афганистана под руководством Хамида Карзая, которое пришло к власти в Кабуле 1 февраля 2001 года.

21 июня 2002 года в Кабуле на основе Боннского соглашения состоялась чрезвычайная Лойя джирга, на которой было сформировано переходное правительство во главе с Хамидом Карзаем сроком на два года. Конституционная Лойя джирга состоялась 23 декабря 2004 года, и после 22 дней обсуждений и переговоров, под давлением иностранных наблюдателей, была утверждена новая конституция Афганистана.

Затем, в соответствии с конституцией, 1 октября 2004 года состоялись президентские выборы, в результате которых было сформировано новое афганское правительство во главе с Хамидом Карзаем сроком на пять лет.

В начале падения режима Талибана различные провинции Афганистана находились под контролем местных командиров, а правительство, базирующееся в Кабуле, не имело над ними существенного контроля. Постепенно, с помощью международных сил, ISAF и коалиции под командованием США, кабульскому правительству удалось постепенно расширить свой контроль над провинциями. Однако через несколько лет боевые отряды Талибана перегруппировались и начали свою деятельность с южных и восточных регионов Афганистана, постепенно распространяя её на север и запад страны.

Правительство Хамида Карзая просуществовало 13 лет. В течение этого времени Афганистан получил доступ к международной помощи, и международное сообщество пожертвовало миллиарды долларов. Однако из-за нехватки управленческих ресурсов, повсеместной коррупции и войны значительная часть этой помощи была растрачена впустую, и лишь малая её часть была потрачена на строительство и экономическое и социальное развитие Афганистана. Наконец, 29 сентября 2014 года, после спорных и мошеннических выборов, при посредничестве госсекретаря США Джона Керри, власть перешла от Хамида Карзая к Мохаммаду Ашрафу Гани. Доктор Гани и его главный соперник на выборах, доктор Абдулла Абдулла, сформировали правительство национального единства и сорвали завесу демократии с Афганистана. То же самое произошло и на выборах 2010 года. Это произошло незадолго до выборов, 29 февраля 2020 года, после захватывающих дух переговоров, США и движение «Талибан» (Исламский Эмират Афганистан) подписали Дохинское мирное соглашение. Это соглашение стало последним гвоздем в гроб демократии в Афганистане и ключом к восстановлению власти движения «Талибан». В результате, после падения районов и провинций страны 15 августа 2021 года, в результате многопланового заговора, республиканская система пала под натиском Талибана, а президент Афганистана Мохаммад Ашраф Гани бежал из Кабула на вертолете сначала в Узбекистан, а затем гражданским самолетом в Объединенные Арабские Эмираты.

Несмотря на обильные ресурсы и беспрецедентные возможности, двадцатилетняя республиканская система не смогла укрепить свои основы. Возможности двух десятилетий республиканизма, обусловленные коррупцией, групповыми и организационными конфликтами, отсутствием политического консенсуса, неуважением к закону, социальной справедливости и отсутствием единой политической позиции, привели к новому кризису в Афганистане. Кризису, который в настоящее время сказывается на афганском народе.[27]

Заключение

Анализ афганского кризиса выявляет катастрофические гуманитарные и экономические последствия, включая жертвы среди гражданского населения за двадцатилетнюю войну, массовое перемещение населения, утечку мозгов в западные страны и разрушение инфраструктуры. Неэффективность правительства и коррупция препятствовали восстановлению, в то время как производство наркотиков возросло, а Талибан вернулся к власти после вывода американских войск.

Вторжение США в Афганистан в 2001 году привело к падению режима Талибана и установлению демократической системы. Однако новые политические институты и движения не смогли полностью обеспечить безопасность и стабильность на всей территории Афганистана из-за коррупции и неэффективности. Коррупция и неэффективность правительств, пришедших после свержения Талибана, способствовали обострению кризиса.

Коррупция и неэффективность существовали во всех секторах, что приводило к переводу денег из страны за границу без какого-либо продуктивного использования и инвестированию их мафиозными политиками за пределами Афганистана. Это способствовало бы их выживанию в будущем. Социальные изменения, произошедшие за эти двадцать лет, заключались лишь в том, что коррупционеры, наживающиеся на мировых деньгах, присоединились к капиталистической системе, но бедные слои населения страны, как и прежде, оказались за чертой бедности. Социальный кризис продолжается и по сей день, страна сильно страдает от него, и нынешнее правительство до сих пор не нашло решения этой проблемы.

Я рассмотрю проблемы безопасности в Афганистане в двух частях: макро– и микропроблемы. Микропроблемы, такие как внутренняя безопасность страны, пока остаются приемлемыми под сенью правительства Талибана, но макропроблемы, которые всё ещё сохраняются, вызывают обеспокоенность у соседних стран, включая усиление террористических группировок на территории страны, угрожающее национальной безопасности соседних стран.

Возвращение Талибана к власти в 2021 году отражает тот факт, что проблемы безопасности и социальные проблемы в Афганистане остаются нерешенными.

Несмотря на значительные усилия, международное вмешательство не смогло обеспечить долгосрочное улучшение ситуации в Афганистане. Недостаток внимания к основным потребностям народа и культуре общества, постоянное вмешательство во всех случаях и поддержка предпочитаемых ими политических группировок, пятой колонны в прежней системе, стали одними из причин неудач в установлении стабильности.

Гуманитарная ситуация и ситуация с правами человека оставались критическими после вывода оккупантов, поскольку, за исключением этого года, они не были столь плохими на протяжении двадцати лет. Права человека, особенно права женщин и этнических и религиозных меньшинств, серьёзно пострадали и требуют большего внимания и немедленной поддержки со стороны международного сообщества. Хотя гуманитарная ситуация в период правления правительства, пользующегося международной поддержкой, не принесла удовлетворительных результатов из-за повсеместной коррупции, она была приемлемой по сравнению с режимом Талибана.

Между тем, будущее Афганистана сталкивается с серьёзными вызовами. Необходимость экономического восстановления, обеспечения

безопасности и создания устойчивой политической системы, охватывающей все афганские этнические группы, входит в число политических приоритетов. Международное сообщество должно глубже понять местные условия и найти эффективные и устойчивые решения. В целом, афганский кризис, разразившийся после вторжения США, демонстрирует сложность военных вмешательств и необходимость комплексных и многосторонних подходов для решения более серьёзных проблем, с которыми сталкивается страна.

Литература

1. Tasnimnews (2017) What is the main reason for the US presence in Afghanistan? Available at: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/06/29/1524510. [In Persian]

2. Al Jazeera. (2019). Afghan Forces Lose Ground as Peace Efforts Continue: Report. URL (consulted 1 February 2019), Available at: https://www.aljazeera.com/news/2019/1/31/afghan-forces-lose-ground-as-peace-efforts-continue-report

3. Boys, J. (2022). Strategic ambiguity: the U.S. grand strategy initiative in Afghanistan, Policy. Available at: https://ideas.repec.org/a/taf/cposxx/v43y2022i6p1216–1234.html

4. Mizan News (2019). The catastrophic result of America's presence in Afghanistan; the horrifying statistics of civilian casualties during the 19 years of occupation. Available at: https://www.mizanonline.ir/fa/news/618628/. [In Persian]

5. Connah, L. (2020). US intervention in Afghanistan: Justifying the Unjustifiable? South Asia Research, 41(6), 70–86. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0262728020964609

6. Hoffman, T. (2015). Realism in Action: Obama's Foreign Policy in Afghanistan. Political Analysis, 16(6), 1–15. Available at: https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=pa

7. Mearsheimer, J., & Walt, S. (2016). The Case for Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy. Foreign Affairs, 95(4), 70–83. Available at: https://www.jstor.org/stable/43946934

8. Webber, M. (2009). NATO: The United States, Transformation and the War in Afghanistan. The British Journal of Politics and International Relations, 11(1), 46–63. Available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467–856X.2008.00349.x

9. Al-Alam News Network, 2025, ra, Chinese media narrative of the reason for the US attack on Afghanistan, available at https://fa.alalam.ir/news/6353058/. [In Persian]

10. Al-Alam News Network, 2025, September 11; Iraq and Afghanistan Victims of America's Settlement Available at https://fa.alalam.ir/news/6352478 .[In Persian]

11. Khorasani, P, (2017), "The Geopolitical Influence of Afghanistan in the Attack and Continued Presence of America in this Country", Scientific Research Quarterly of Human Geography, Second Year, Third Issue. Available at: https://www.khorasanzameen.net/php/read.php?id=969 [In Persian]

12. Mousavi, R, (2009), Rooting the Crisis in Afghanistan; The Issue of Southern Borders, Foreign Relations, Year 1, No. 4. Available at: https://frqjournal.csr.ir/article_123510.html [In Persian]

13. Sarkees, M., & Wayman, F. (2010). Resort to War: 1816–2007. Washington: Available at: CQ Press https://sk.sagepub.com/book/edvol/resort-to-war/toc

14. Goepner, E. (2018). War State, Trauma State: Why Afghanistan Remains Stuck in Conflict. Policy Analysis, 844(5). 1–30. Available at: https://www.cato.org/policy-analysis/war-state-trauma-state-why-afghanistan-remains-stuck-conflict

15. Mizan News, 2024 US Crimes Against Humanity in Afghanistan; Consequences of a 20-Year War, available at https://www.mizanonline.ir/fa/news/4775808/. [In Persian]

16. Afghanistan Industrial Information, 2021. Economic Consequences of the US and NATO Withdrawal from Afghanistan. Available at https://afghanistan-iim.com/blog/1400/02/14/. [In Persian]

17. Etilaatroz News, Abdul Dhuhur Sobhi. 2023, Review of the economic situation of Afghanistan in the last year, available at https://www.etilaatroz.com/170446/. [In Persian]

18. Tahlilroz Agency, Naqibullah Jamshid – A look at the consequences of the US invasion and occupation of Afghanistan – Roz Analysis News Site 7/10/2024 https://tahlilroz.com/?p=6823. [In Persian]

19. Faiz Mohammad Zadran -Pajhwok News Agency, Afghanistan's Political Deadlock; Challenges and Solutions – https://pajhwok.com/fa/opinion/afghanistans-political-deadlock-challenges-and-solutions/ 24.08.2025. [In Persian]

20. Bobkin, N. N, (2022), "The End of the War in Afghanistan: The Defeat of the United States and the Consequences for Regional Security", Herald of the Russian Academy of Sciences, Vol. 92 (Suppl 4), S331-S339. Available at: https://link.springer.com/article/10.1134/S1019331622100045

21. Thomas, C, (2021), "US Military Withdrawal and Taliban Takeover in Afghanistan: Frequently Asked Questions", Congressional Research Service. Available at: https://www.congress.gov/crs-product/R46879

22. Hunter, Sh, (2021), "How Iran May be Impacted by Taliban Rule", Available at: https://responsiblestatecraft.org, sebtember 2021.

23. Islamic Council Research Center, Deputy Political Studies, (2021), Afghanistan Crisis in the Light of the Return of the Taliban, Serial Number: 26017585. Available at: https://rc.majlis.ir/fa/report/show/1666529. [In Persian]

24. Gerges, Fawaz A (2021), "The Taliban Can't Control Afghanistan, That Should Worry the West", Available at: https://foreignpolicy.com, august 2021.

25. Felbab-Brown, Vanda, (2021), "Will the Taliban Regime Survive?", Available at: https://www.brookings.edu, august 2021.

26. Rekabian, R, (2022), "An Autopsy of Afghanistan's Political-security Crisis from Occupation to Insecurity (2022) and Its Impact on Iran's Security", Political and International Research Quarterly, No. 51, Pp. 15–28. Available at: https://www.sid.ir/paper/1062607/fa. [In Persian]

27. Yaqouti, V, (2021), "Political Developments in Afghanistan: The Role of Regional Activists and Future Prospects", 4/28/2021: https://www.cmess.ir /Page/View/2021–07–19 /4829. [In Persian]

ANALYSIS OF THE CRISIS IN AFGHANISTAN AFTER THE US INVASION: CAUSES AND CONSEQUENCES

Mohammad Anvar Baktash, Abdul Idris Mohammad Nasim
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Under the pretext of fighting terrorism following the September 11 attacks, the Americans invaded Afghanistan, and the deposed Taliban government was ultimately defeated by resistance groups. However, 20 years after the invasion began, they committed to withdrawing troops from Afghanistan by signing an agreement with the Taliban on February 29, 2020.

The article's hypothesis is that the US troop withdrawal from Afghanistan, which began on May 1, 2021, had positive consequences but also created challenges, including: the creation of an unstable Afghanistan under Taliban rule; a clash of different interpretations of Islamic political thought and the rise of ethnic and takfiri ideology; insecurity in border areas with neighboring countries and a decline in national security for states in the region; and widespread corruption in the country due to the plunder of resources and conditions conducive to a "brain drain," which have remained as negative consequences.

This study is written within a realistic framework, using an explanatory method and drawing on online sources and library materials.

Keywords: Afghanistan, America, neighboring countries, region, China, Russia, Iran, Taliban, terrorism, poverty, corruption, war

References

1. Tasnimnews (2017) What is the main reason for the US presence in Afghanistan? Available at: https://www.tasnimnews.com/fa/news/1396/06/29/1524510. [In Persian]

2. Al Jazeera. (2019). Afghan Forces Lose Ground as Peace Efforts Continue: Report. URL (consulted 1 February 2019), Available at: https://www.aljazeera.com/news/2019/1/31/afghan-forces-lose-ground-as-peace-efforts-continue-report

3. Boys, J. (2022). Strategic ambiguity: the U.S. grand strategy initiative in Afghanistan, Policy. Available at: https://ideas.repec.org/a/taf/cposxx/v43y2022i6p1216–1234.html

4. Mizan News (2019). The catastrophic result of America's presence in Afghanistan; the horrifying statistics of civilian casualties during the 19 years of occupation. Available at: https://www.mizanonline.ir/fa/news/618628/. [In Persian]

5. Connah, L. (2020). US intervention in Afghanistan: Justifying the Unjustifiable? South Asia Research, 41(6), 70–86. Available at: https://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0262728020964609

6. Hoffman, T. (2015). Realism in Action: Obama's Foreign Policy in Afghanistan. Political Analysis, 16(6), 1–15. Available at: https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1019&context=pa

7. Mearsheimer, J., & Walt, S. (2016). The Case for Offshore Balancing: A Superior U.S. Grand Strategy. Foreign Affairs, 95(4), 70–83. Available at: https://www.jstor.org/stable/43946934

8. Webber, M. (2009). NATO: The United States, Transformation and the War in Afghanistan. The British Journal of Politics and International Relations, 11(1), 46–63. Available at: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1467–856X.2008.00349.x

9. Al-Alam News Network, 2025, ra, Chinese media narrative of the reason for the US attack on Afghanistan, available at https://fa.alalam.ir/news/6353058/. [In Persian]

10. Al-Alam News Network, 2025, September 11; Iraq and Afghanistan Victims of America's Settlement Available at https://fa.alalam.ir/news/6352478 .[In Persian]

11. Khorasani, P, (2017), "The Geopolitical Influence of Afghanistan in the Attack and Continued Presence of America in this Country", Scientific Research Quarterly of Human Geography, Second Year, Third Issue. Available at: https://www.khorasanzameen.net/php/read.php?id=969 [In Persian]

12. Mousavi, R, (2009), Rooting the Crisis in Afghanistan; The Issue of Southern Borders, Foreign Relations, Year 1, No. 4. Available at: https://frqjournal.csr.ir/article_123510.html [In Persian]

13. Sarkees, M., & Wayman, F. (2010). Resort to War: 1816–2007. Washington: Available at: CQ Press https://sk.sagepub.com/book/edvol/resort-to-war/toc

14. Goepner, E. (2018). War State, Trauma State: Why Afghanistan Remains Stuck in Conflict. Policy Analysis, 844(5). 1–30. Available at: https://www.cato.org/policy-analysis/war-state-trauma-state-why-afghanistan-remains-stuck-conflict

15. Mizan News, 2024 US Crimes Against Humanity in Afghanistan; Consequences of a 20-Year War, available at https://www.mizanonline.ir/fa/news/4775808/. [In Persian]

16. Afghanistan Industrial Information, 2021. Economic Consequences of the US and NATO Withdrawal from Afghanistan. Available at https://afghanistan-iim.com/blog/1400/02/14/. [In Persian]

17. Etilaatroz News, Abdul Dhuhur Sobhi. 2023, Review of the economic situation of Afghanistan in the last year, available at https://www.etilaatroz.com/170446/. [In Persian]

18. Tahlilroz Agency, Naqibullah Jamshid – A look at the consequences of the US invasion and occupation of Afghanistan – Roz Analysis News Site 7/10/2024 https://tahlilroz.com/?p=6823. [In Persian]

19. Faiz Mohammad Zadran -Pajhwok News Agency, Afghanistan's Political Deadlock; Challenges and Solutions – https://pajhwok.com/fa/opinion/afghanistans-political-deadlock-challenges-and-solutions/ 24.08.2025. [In Persian]

20. Bobkin, N. N, (2022), "The End of the War in Afghanistan: The Defeat of the United States and the Consequences for Regional Security", Herald of the Russian Academy of Sciences, Vol. 92 (Suppl 4), S331-S339. Available at: https://link.springer.com/article/10.1134/S1019331622100045

21. Thomas, C, (2021), "US Military Withdrawal and Taliban Takeover in Afghanistan: Frequently Asked Questions", Congressional Research Service. Available at: https://www.congress.gov/crs-product/R46879

22. Hunter, Sh, (2021), "How Iran May be Impacted by Taliban Rule", Available at: https://responsiblestatecraft.org, sebtember 2021.

23. Islamic Council Research Center, Deputy Political Studies, (2021), Afghanistan Crisis in the Light of the Return of the Taliban, Serial Number: 26017585. Available at: https://rc.majlis.ir/fa/report/show/1666529. [In Persian]

24. Gerges, Fawaz A (2021), "The Taliban Can't Control Afghanistan, That Should Worry the West", Available at: https://foreignpolicy.com, august 2021.

25. Felbab-Brown, Vanda, (2021), "Will the Taliban Regime Survive?", Available at: https://www.brookings.edu, august 2021.

26. Rekabian, R, (2022), "An Autopsy of Afghanistan's Political-security Crisis from Occupation to Insecurity (2022) and Its Impact on Iran's Security", Political and International Research Quarterly, No. 51, Pp. 15–28. Available at: https://www.sid.ir/paper/1062607/fa. [In Persian]

27. Yaqouti, V, (2021), "Political Developments in Afghanistan: The Role of Regional Activists and Future Prospects", 4/28/2021: https://www.cmess.ir /Page/View/2021–07–19 /4829. [In Persian]

Роль экономических коридоров в Восточной Африке и их влияние на процессы экономической интеграции в регионе

Самсонов Максим Михайлович,
старший преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: blok1v@yandex.ru

В последние годы восточноафриканские трансграничные экономические коридоры, такие как Северный, Центральный и коридор LAPSSET, стали ключевыми артериями и драйверами интеграции для региональной экономики. В статье раскрывается их двойственная особенность: с одной стороны, они стимулируют торговлю, привлекают инвестиции, создают рабочие места и обеспечивают выход к мору для стран, не имеющих выхода к морю. С другой – сопровождаются серьезными проблемами, включая высокую финансовую нагрузку и риск «долговой ловушки» из-за масштабных заимствований, негативное воздействие на окружающую среду и местные сообщества, а также операционные риски и риски безопасности.
Между основными коридорами существует значительная, но «здоровая» конкуренция за влияние на рынки внутриконтинентальных стран, что подчеркивает их геоэкономическую значимость. Таким образом, хотя эти коридоры являются мощным инструментом социально-экономического развития и региональной интеграции, их реализация требует учета и смягчения многочисленных сопутствующих вызовов.

Ключевые слова: Китай, Восточная Африка, экономический коридор, интеграция.

В последние годы несколько трансграничных экономических коридоров в Восточной Африке стали играть особо важную роль, превратившись в ключевые артерии для региональной экономики и основные движущие силы экономического сближения восточноафриканских государств. Их развитие логично встраивается в общую логику инициативы «Один пояс, один путь», расширяя ее влияние на африканский континент через стратегическое партнерство и инвестиции в портовую и сухопутную инфраструктуру. Активную роль в их создании и финансировании играет Китай, который является главным торговым партнером стран Африки (объем торговли в 2024 г. составил 295,4 млрд долл. США) и одним из ведущих инвесторов [1]. Углубление торговых связей, обеспечение безопасных и эффективных логистических маршрутов и создание взаимозависимости по замыслу Пекина способствует построению «сообщества с единой судьбой человечества» [2].

Рассмотрим ключевые особенности этих коридоров и механизмы их использования в качестве катализатора развития. Параллельно с этим осветим и обратную сторону их функционирования: негативные последствия для экологии и местного населения, а также формирование примечательного парадокса, когда они становятся платформой одновременно для интеграции и соперничества между странами региона.

Понятие «экономические коридоры», иногда именуемые «коридорами развития», акцентирует целенаправленный характер данных проектов: они трансформируют трансграничные транспортные пути из простого средства перевозки товаров и услуг в инструмент стимулирования социально-экономического прогресса прилегающих районов. Согласно обширному исследовательскому отчету, опубликованному Африканским банком развития в 2013 году, эта цель реализуется через создание промышленных и социальных объектов, интегрированных с транспортной инфраструктурой [3]. Это, в свою очередь, активизирует развитие сельских и приграничных территорий, способствует росту доходов малоимущих групп и открывает новые возможности для занятости.

Согласно информации, размещенной на портале Восточноафриканского экономического сообщества (ВАС), в качестве восточноафриканской региональной дорожной сети было выделено 10 основных коридоров общей протяженностью приблизительно 15 000 км [4].

Эти коридоры обладают индивидуальными характеристиками и задачами. Наибольшую значимость имеют следующие.

Северный коридор

Порт Момбаса в Кении представляет собой одну из важнейших транспортных артерий Восточной Африки. Расположенный на побережье Индийского океана, он соединяет несколько внутриконтинентальных стран Восточной и Центральной Африки, включая Уганду, Руанду, Южный Судан, Демократическую Республику Конго и Бурунди. Протяженность Северного коридора составляет около 1700 километров, и он является сегментом Трансафриканского шоссе (Момбаса – Лагос). Железная дорога Момбаса-Найроби, построенная китайскими компаниями, – ведущий проект инициативы «Один пояс – один путь» в Восточной Африке и часть проекта Северного коридора.

Северный коридор функционирует как мультимодальный торговый путь, объединяющий автомобильные и железные дороги, трубопроводы и внутренние водные маршруты. Ежедневно по этому маршруту перемещается от 2000 до 3000 грузовых автомобилей [5].

Железнодорожный коридор Танзания-Замбия

Этот путь протянулся от танзанийского порта Дар-эс-Салам до замбийского города Капири-Мпоши и представляет собой одноколейную железнодорожную линию длиной приблизительно 1860 километров. Сооруженная в 1970-х годах, она получила название «Железная дорога свободы», поскольку была призвана обеспечить Замбии, не имеющей выхода к морю, возможность экспортировать товары через Танзанию, избегая зависимости от портов в Родезии и Южной Африке, которые находились под контролем правительств белого меньшинства.

Наибольшая активность на коридоре наблюдалась в 1980-х годах, однако в 1990-х годах произошел значительный спад в связи с политическими переменами в Южной Африке и Намибии. Это открыло для Замбии новые маршруты, и в последнее время правительства Замбии

и Китая заключили соглашение о вложении 1 миллиарда долларов в восстановление данной линии.

Центральный коридор

Данный коридор проходит от танзанийского порта Дар-эс-Салам на побережье Индийского океана до группы внутриконтинентальных стран Восточной и Центральной Африки, включая Уганду, Руанду, Демократическую Республику Конго и Бурунди. Его длина составляет около 1300 километров, а инфраструктура включает различные виды транспорта, в том числе судоходство по озеру Танганьика, а также автомобильное и железнодорожное сообщение.

Коридор LAPPSET

Этот коридор является одним из амбициозных долгосрочных проектов Кении, связывающим кенийский порт Ламу с Эфиопией и Южным Суданом. Запущенный в 2011 г. проект, ориентировочная стоимость которого составляет 25 млрд долл. США [6], предусматривает преобразование порта Ламу в один из крупнейших портов на африканском континенте, а также строительство 2500 километров автодорог, 3000 километров железных дорог и трех международных аэропортов [7].

Несмотря на успешное завершение строительства первых четырех терминалов порта, проект сталкивается с комплексом проблем, которые существенно замедлили или даже приостановили реализацию многих запланированных объектов.

Коридор Джибути-Эфиопия

Являясь одним из ключевых транспортных маршрутов Восточной Африки, этот коридор соединяет рынки Эфиопии с портом Джибути. Он включает около 750 км электрифицированной железной дороги, связывающей две столицы, и 218 км автомобильной дороги от Джибути до эфиопской границы. Электрифицированная железная дорога Аддис-Абеба – Джибути, строительство которой обошлось в $3,4 млрд при финансировании Экспортно-импортного банка Китая, – еще один крупнейший проект, реализованный китайскими компаниями [7]. На грузовой транспорт приходится 85% эфиопских грузоперевозок, тогда как оставшиеся 15% перевозятся по железной дороге [8].

Экономические коридоры играют критически важную роль, помогая обеспечить эффективную перевозку товаров и услуг по всему континенту, сократить транспортные издержки, содействовать интеграции и достичь результативного экономического развития.

В данном контексте эффективные транспортные системы способствуют снижению операционных затрат бизнеса, тем самым стимулируя региональную торговлю и привлекая прямые иностранные инвестиции. По оценкам экспертов Восточноафриканского сообщества, сокращение транспортных расходов на 30–40% способно существенно увеличить объемы торговли и региональный валовой внутренний продукт [9].

В аналитическом материале, опубликованном прошлой весной в журнале «African Journal of Finance and Development», указывается, что модернизация транспортной инфраструктуры вдоль Центрального коридора позволила сократить задержки в портах и на пограничных переходах, снизив совокупные логистические расходы на 30% [10].

Региональные коридоры выполняют существенную функцию в процессе региональной интеграции и объединения региональных рынков. Кроме того, эти транзитные пути предоставляют странам, не имеющим выхода к морю, доступ к международным рынкам, что оказывает положительное влияние на их экономики и позволяет им участвовать в глобальной торговле.

Эти коридоры также выступают в роли катализаторов социально-экономического развития в регионах, по которым они проходят. Такие проекты стимулируют инвестиции в агропромышленный сектор и обрабатывающую промышленность, проекты, связанные с природными ресурсами, малый бизнес, торговлю, туризм, образование и здравоохранение, расположенные вблизи коридоров.

Помимо этого, подобные масштабные проекты создают значительное количество рабочих мест. К примеру, ожидается, что коридор LAPPSET обеспечит создание более 1,5 млн рабочих мест, как прямых, так и косвенных, что принесет пользу местным сообществам, бизнесу и государственным структурам [11].

Несмотря на важность развития инфраструктурного сектора, африканский континент сталкивается с финансовыми ограничениями для реализации таких масштабных проектов. По оценкам Африканского банка развития, континенту требуется от 130 до 170 млрд долл. США ежегодно на развитие инфраструктуры, при этом дефицит финансирования составляет от 68 до 108 млрд долл. [12].

Для решения этой проблемы африканские страны предпринимают ряд мер, в частности, активно привлекают внешнее финансирование, особенно из Китая, – эта модель широко распространена по всему континенту. С 2000 по 2020 г. китайские компании построили в Африке 13 000 км шоссейных и железных дорог и 80 более масштабных инфраструктурных объектов. С 2015 по 2020 гг. китайские инвестиции в африканскую инфраструктуру составили, согласно официальным данным Пекина, почти $200 млрд. [13].

Например, строительство Стандартной железной дороги в Кении (SGR) было профинансировано за счет кредита в размере 3,6 млрд долларов США от Экспортно-импортного банка Китая, а железная дорога Аддис-Абеба – Джибути в Эфиопии получила кредит в размере 2,5 млрд долларов США от того же банка. Однако такая стратегия сопряжена с риском попадания в так называемую «долговую ловушку» – термин, используемый в западной аналитике для описания практики китайского кредитования. По состоянию на 2020 г. на долю китайских кредиторов приходилось около 12% внешнего долга Африки, который с 2000 г. вырос более чем в пять раз, достигнув 696 млрд долл. США. В период с 2000 по 2023 год китайские финансовые учреждения предоставили 1306 кредитов на общую сумму 182,28 млрд долларов США 49 африканским странам и семи региональным организациям. Самые крупные долги у Анголы, Кении, Замбии [14].

В ответ на растущие долги, Китай в последнее время сокращает кредитование и реализует меньше мега-проектов, делая упор на торговлю и инвестиции. На конференции Форума сотрудничества Китай-Африка (ФОКАК) в 2021 г. Пекин впервые понизил свои финансовые обязательства с $60 млрд в 2018 г. до $40 млрд. [15].

Другим серьезным риском, связанным с этими проектами, является их негативное воздействие на местные сообщества и экологию в районах прохождения коридоров. Реализация таких проектов приводила к принудительному изъятию государством крупных участков частных земель, что вызывало перемещение населения, потерю прав на землю и приток иностранцев в зоны развития. Совокупность этих факторов провоцировала конфликты внутри местных сообществ.

В материале, опубликованном Программой ООН по окружающей среде, Северный коридор охарактеризован как «один из самых загрязненных транспортных маршрутов Африки», поскольку выбросы вызывают респираторные заболевания у водителей и жителей прилегающих территорий [16]. Проблемы, связанные с операционными рисками, также представляют собой препятствие для полноценного использования потенциала этих региональных коридоров; к ним относятся слабая трансграничная административная координация, рост издержек из-за нетарифных барьеров, продолжительные и обременительные процедуры инспекций, а также административная коррупция.

Угрозы безопасности являются постоянным фактором вдоль этих стратегических маршрутов. В частности, нестабильная обстановка в Южном Судане препятствует свободному движению товаров по Северному коридору, а атаки группировки «Аш-Шабааб» омрачают перспективы коридора LAPPSET. Для защиты своих многомиллиардных инвестиций и многочисленных граждан Китай активно использует частные охранные предприятия (ЧОП), укомплектованные ветеранами армии. Эти компании работают на китайских объектах по всей Африке, обеспечивая их безопасность в условиях, когда полагаться на местные органы не всегда приходится.

Конкуренция между восточноафриканскими экономическими коридорами в целом оценивается как «здоровая». Учитывая, что «призом» в этой конкуренции является завоевание рынка внутриконтинентальных стран Восточной и Центральной Африки, соперничество между Северным и Центральным коридорами, обслуживающими экономики Уганды, Руанды, Демократической Республики Конго и Бурунди, является особенно интенсивным.

Северный коридор на протяжении многих лет сохранял лидирующие позиции благодаря ряду факторов, включая его начало в более загруженном и эффективном порту Момбаса, дороги с более качественным покрытием, доступ к железной дороге стандартной колеи (SGR) и меньшее количество пограничных переходов.

Однако это доминирование находится под прямой угрозой в связи с продолжающейся модернизацией Центрального коридора. По сравнению с Северным коридором, Центральный коридор считается более безопасным из-за меньшего количества нападений на грузовые автомобили со стороны вооруженных группировок.

С геополитической точки зрения, конкуренция между экономическими коридорами в сочетании с масштабными инвестициями стран, через которые они проходят, в текущую модернизацию инфраструктуры, свидетельствует не только о стремлении к эффективности, но и о желании максимизировать экономическую отдачу. Это напрямую связано с амбициями этих стран получить инструменты для прямого влияния на региональные логистические цепочки.

Это, в свою очередь, усиливает их влияние на экономики внутриконтинентальных стран, которые используют эти морские порты для доступа на международные рынки. Это также объясняет, почему такая крупная страна, как Эфиопия, активно стремится освободиться от практически полной зависимости от порта Джибути в своей внешней торговле.

Вывод

Восточноафриканские экономические коридоры представляют собой сложный многофакторный феномен, сочетающий в себе значительный потенциал для регионального развития с серьезными структурными вызовами. Их развитие неразрывно связано с экономическим присутствием Китая, который выступает в роли ключевого финансиста, строителя и торгового партнера, но при этом порождает риски долговой зависимости. Дальнейшая эволюция коридоров будет определяться способностью стран региона найти баланс между экономической целесообразностью, социальной и экологической ответственностью, а также геополитическими интересами. Ключевыми условиями успешной реализации потенциала коридоров станут диверсификация финансирования, укрепление регионального сотрудничества и внедрение комплексного подхода к управлению рисками, что позволит трансформировать эти транспортные артерии в действительно устойчивые коридоры процветания для всего региона.

Литература

1. China, Africa see rapid trade growth over past 25 years [Китай и Африка демонстрируют быстрый рост торговли за последние 25 лет]. Режим доступа: https://english.www.gov.cn/news/202506/11/content_WS684927b5c6d0868f4e8f3432.html (дата обращения: 05.11.2025).

2. Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era [Пекинская декларация о совместном построении всепогодного китайско-африканского сообщества с общей судьбой для новой эпохи]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html (дата обращения: 05.11.2025).

3. Developing Economic Corridors In Africa. Rationale for the Participation of the African Development Bank Gadzeni [Развитие экономических коридоров в Африке. Обоснование участия Африканского банка развития Гадзени]. Режим доступа: Mulenga1https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Regional_Integration_Brief_-_Developing_Economic_Corridors_in_Africa_-_Rationale_for_the_Participation_of_the_AfDB.pdf (дата обращения: 05.11.2025).

4. EAC. Road Transport sub-sector [ВАС. Подсектор автомобильного транспорта]. Режим доступа: https://www.eac.int/infrastructure/road-transport-sub-sector (дата обращения: 05.11.2025).

5. Investing in Clean Transport and Leapfrogging to Zero Emissions in Africa [Инвестиции в чистый транспорт и переход к нулевым выбросам в Африке]. Режим доступа: https://www.ccacoalition.org/news/investing-clean-transport-and-leapfrogging-zero-emissions-africa (дата обращения: 10.11.2025).

6. Kenya says regional infrastructure projects on course [Кения заявляет о ходе реализации региональных инфраструктурных проектов]. Режим доступа: http://www.xinhuanet.com/english/2018–05/31/c_137221094.htm (дата обращения: 10.11.2025).

7. Kenya Draft Strategic Plan 2023–2027 [Проект стратегического плана Кении на 2023–2027 годы]. Режим доступа: https://www.transport.go.ke/sites/default/files/DRAFT%20FINAL%20MINISTERIAL%20STRATEGIC%20PLAN%202023–27%20FEB%202024%20.pdf (дата обращения: 10.11.2025).

8. China's rail spending spree in Africa is over but it's still laying down the tracks [Расходы Китая на железнодорожное строительство в Африке закончились, но строительство путей продолжается]. Режим доступа: https://amp.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3138853/chinas-rail-spending-spree-africa-over-its-still-laying-down (дата обращения: 10.11.2025).

9. A surge in Ethiopia-bound trade from Djibouti increases traffic and prompts reforms [Рост объемов торговли из Джибути в Эфиопию увеличивает трафик и стимулирует реформы]: Режим доступа: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/djibouti/2016-report/economy/good-neighbours-a-jump-in-ethiopia-bound-trade-increases-traffic-and-prompts-reforms (дата обращения: 05.11.2025).

10. Andreas Eberhard-Ruiz, Linda Calabrese Would more trade facilitation lead to lower transport costs in the East African Community? [Андреас Эберхард-Руис, Линда Калабрезе Приведет ли упрощение процедур торговли к снижению транспортных расходов в Восточноафриканском сообществе?]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/341298417_Would_more_trade_facilitation_lead_to_lower_transport_costs_in_the_East_African_Community (дата обращения: 11.11.2025).

11. Enhancing Economic Growth through Transport Corridors [Ускорение экономического роста за счет транспортных коридоров]. Режим доступа: http://journals.uonbi.ac.ke/index.php/adfj. February. Vol 9. № 1, 2025. Pp. 18–39 (дата обращения: 11.11.2025).

12. The LAPSSET Corridor: A Case Study in Regional Integration [Коридор LAPSSET: пример региональной интеграции]. Режим доступа: https://afrifundcapital.com/the-lapsset-corridor-a-case-study-in-regional-integration/ (дата обращения: 11.11.2025).

13. New Report calls for unlocking $170 billion annually to meet Africa's infrastructure needs [В новом отчете содержится призыв к выделению 170 млрд долл. ежегодно на удовлетворение потребностей Африки в инфраструктуре]. Режим доступа: https://www.nepad.org/news/new-report-calls-unlocking-170-billion-annually-meet-africas-infrastructure-needs (дата обращения: 11.11.2025).

14. China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals [Китай и Африка в новую эпоху: партнерство равных]. Режим доступа: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367447.html (дата обращения: 10.11.2025).

15. China's Debt to Africa: A Balancing Act Between Development and Dependency [Долг Китая Африке: баланс между развитием и зависимостью]. Режим доступа: https://democracyinafrica.org/chinas-debt-to-africa-a-balancing-act-between-development-and-dependency/#:~: text=These%20loans%20have%20contributed%20to%20the%20construction, restructuring%20loans%20when%20countries%20face%20repayment%20difficulties. (дата обращения: 10.11.2025).

16. Inside the push to clean up one of Africa's most polluted [Внутри кампании по очистке одного из самых загрязненных регионов Африки]. Режим доступа: https://www.unep.org/news-and-stories/story/inside-push-clean-one-africas-most-polluted-transit-routes?__cf_chl_rt_tk=_ga3fCjzKiwZxH_86P9zyyhc.uaJOvm6f1SapnT-J4QY-1763754723–1.0.1.1–9WIlzR4oAa9v6SK.4JJ5jiQVd5nsWuaDSpK-wcsTyDU (дата обращения: 15.11.2025).

THE ROLE OF ECONOMIC CORRIDORS IN EAST AFRICA AND THEIR IMPACT ON REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION PROCESSES

Samsonov M.M.
Moscow State University named after. M.V. Lomonosov

In recent years, East African cross-border economic corridors, such as the Northern, Central, and LAPSSET corridors, have become key arteries and drivers of integration for the regional economy. This article explores their dual nature: on one hand, they stimulate trade, attract investment, create jobs, and provide landlocked countries with access to the sea. On the other hand, they are accompanied by serious challenges, including a high financial burden and the risk of a "debt trap" due to large-scale borrowing, negative environmental and social impacts on local communities, as well as operational and security risks.
Significant, yet "healthy" competition exists between the main corridors for influence over the markets of landlocked countries, underscoring their geo-economic importance. Thus, while these corridors are a powerful tool for socio-economic development and regional integration, their implementation requires acknowledging and mitigating numerous associated challenges.

Keywords: China, East Africa, economic corridor, integration.

References

1. China, Africa see rapid trade growth over past 25 years. Available at: https://english.www.gov.cn/news/202506/11/content_WS684927b5c6d0868f4e8f3432.html (Accessed: 05.11.2025).

2. Beijing Declaration on Jointly Building an All-Weather China-Africa Community with a Shared Future for the New Era. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202409/t20240905_11485993.html (Accessed: 05.11.2025).

3. Developing Economic Corridors In Africa. Rationale for the Participation of the African Development Bank Gadzeni. Available at: Mulenga1 https://www.afdb.org/fileadmin/uploads/afdb/Documents/Publications/Regional_Integration_Brief_-_Developing_Economic_Corridors_in_Africa_-_Rationale_for_the_Participation_of_the_AfDB.pdf (Accessed: 05.11.2025).

4. EAC. Road Transport sub-sector. Available at: https://www.eac.int/infrastructure/road-transport-sub-sector (Accessed: 05.11.2025).

5. Investing in Clean Transport and Leapfrogging to Zero Emissions in Africa. Available at: https://www.ccacoalition.org/news/investing-clean-transport-and-leapfrogging-zero-emissions-africa (Accessed: 10.11.2025).

6. Kenya says regional infrastructure projects on course. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018–05/31/c_137221094.htm (Accessed: 10.11.2025).

7. Kenya Draft Strategic Plan 2023–2027. Available at: https://www.transport.go.ke/sites/default/files/DRAFT%20FINAL%20MINISTERIAL%20STRATEGIC%20PLAN%202023–27%20FEB%202024%20.pdf (Accessed: 10.11.2025).

8. China's rail spending spree in Africa is over, but it's still laying down the tracks. Available at: https://amp.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3138853/chinas-rail-spending-spree-africa-over-its-still-laying-down (Accessed: 10.11.2025).

9. A surge in Ethiopia-bound trade from Djibouti increases traffic and prompts reforms: Available at: https://oxfordbusinessgroup.com/reports/djibouti/2016-report/economy/good-neighbours-a-jump-in-ethiopia-bound-trade-increases-traffic-and-prompts-reforms (accessed: 05.11.2025).

10. Andreas Eberhard-Ruiz, Linda Calabrese, Would more trade facilitation lead to lower transport costs in the East African Community? Available at: https://www.researchgate.net/publication/341298417_Would_more_trade_facilitation_lead_to_lower_transport_costs_in_the_East_African_Community (Accessed: 11.11.2025).

11. Enhancing Economic Growth through Transport Corridors. Available at: http://journals.uonbi.ac.ke/index.php/adfj. February Vol 9. № 1, 2025. Pp. 18–39 (Accessed: 11.11.2025).

12. The LAPSSET Corridor: A Case Study in Regional Integration. Available at: https://afrifundcapital.com/the-lapsset-corridor-a-case-study-in-regional-integration/ (Accessed: 11/11/2025).

13. New Report Calls for Unlocking $170 Billion Annually to Meet Africa's Infrastructure Needs. Available at: https://www.nepad.org/news/new-report-calls-unlocking-170-billion-annually-meet-africas-infrastructure-needs (Accessed: 11/11/2025).

14. China and Africa in the New Era: A Partnership of Equals. Available at: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367447.html (Accessed: 10.11.2025).

15. China's Debt to Africa: A Balancing Act Between Development and Dependency. Available at: https://democracyinafrica.org/chinas-debt-to-africa-a-balancing-act-between-development-and-dependency/#:~: text=These%20loans%20have%20contributed%20to%20the%20construction, restructuring%20loans%20when%20countries%20face%20repayment%20difficulties. (Accessed: 10.11.2025).

16. Inside the push to clean up one of Africa's most polluted. Available at: https://www.unep.org/news-and-stories/story/inside-push-clean-one-africas-most-polluted-transit-routes?__cf_chl_rt_tk=_ga3fCjzKiwZxH_86P9zyyhc.uaJOvm6f1SapnTJ4QY-1763754723–1.0.1.1–9WIlzR4oAa9v6SK.4JJ5jiQVd5nsWuaDSpKwcsTyDU (Accessed: 15 November 2025).

Южный фланг Евразии (Черноморский регион): региональные конфликты и их влияние на архитектуру мира

Ю Юйсинь,
магистрант кафедры теории и практики перевода и коммуникации, Институт иностранных языков, Московский Педагогический Государственный Университет
E-mail: 1832199495@qq.com

Статья посвящена анализу влияния региональных конфликтов в Черноморском регионе на трансформацию глобальной архитектуры безопасности. В результате исследования установлено, что черноморские конфликты ускоряют переход к многополярной системе международных отношений, способствуют усилению роли Турции как ключевого регионального актора и стимулируют развитие новых национальных военных стратегий с широким применением беспилотных систем. В статье обозначены возможные сценарии развития ситуации в Черноморском регионе.

Ключевые слова: Черноморский регион, региональная безопасность, украинский кризис, замороженные конфликты, многополярность, мультиполяризация, Россия, Турция, энергетическая безопасность, региональные комплексы безопасности.

Введение

Черноморский регион представляет собой одно из значимых геополитических пространств современной Евразии. В современных условиях регион приобретает особое значение как транзитный узел энергетических потоков, продовольственных маршрутов и транспортных коридоров, связывающих Европу, Азию и Ближний Восток [1, 2]. События последних лет существенно трансформировали сложившийся в регионе баланс сил и поставили под вопрос устойчивость прежней архитектуры региональной безопасности. Военно-политические процессы, разворачивающиеся в Черноморском регионе, оказывают каскадное воздействие на соседние регионы – Южный Кавказ, Восточное Средиземноморье и Центральную Азию. Таким образом, актуальность настоящего исследования определяется необходимостью системного осмысления происходящих изменений архитектуры региональной безопасности в контексте их влияния на глобальный уровень.

Целью исследования является анализ влияния региональных конфликтов в Черноморском регионе на трансформацию глобальной архитектуры безопасности. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть теоретические подходы к изучению региональных подсистем безопасности, проанализировать военно-политическую динамику и энергетическую составляющую региональной безопасности, а также оценить роль ключевых конфликтов в формировании нового регионального порядка.

Материалы и методы

Концептуальной основой настоящего исследования выступает теория региональных комплексов безопасности, разработанная представителями Копенгагенской школы исследований безопасности – Барри Бьюзеном и Оле Вевером. Авторы определяют региональный комплекс безопасности как совокупность систем безопасности нескольких государств, чьи ключевые проблемы национальной безопасности настолько тесно взаимосвязаны, что не могут рассматриваться изолированно друг от друга [3]. Данный подход позволяет анализировать Черноморский регион как относительно автономную подсистему, одновременно учитывая ее взаимодействие с глобальным уровнем.

Существенное теоретико-методологическое значение для настоящего исследования также имеет концепция секьюритизации, представленная, в работах тех же авторов [4]. Согласно этому подходу, проблемы безопасности конструируются дискурсивно через обозначение определенных явлений как экзистенциальных угроз. Применительно к Черноморскому региону данная концепция позволяет проследить, как различные акторы формируют повестку безопасности и обосновывают свои действия через апелляцию к жизненно важным национальным интересам в своем политическом дискурсе.

Важным элементом теоретической рамки является реалистический подход [5, 6], акцентирующий внимание на конкуренции великих держав, балансе сил и военно-политическом противостоянии. В контексте Черноморского региона реалистическая парадигма объясняет стремление крупных акторов к обеспечению контроля над стратегически значимыми пространствами и морскими коммуникациями.

Вместе с тем, исключительно силовой анализ оказывается недостаточным для понимания комплексного характера современных угроз [7].

Концепция комплексной безопасности, разрабатываемая Бари Бьюзеном, Оле Вевером, Яап де Вильде и другими представителями Копенгагенской школы, дополняет реалистический подход, указывая на взаимосвязь военных, энергетических, экономических и социальных измерений безопасности [3]. Черноморский регион наглядно демонстрирует переплетение этих измерений: военно-политические конфликты непосредственно влияют на энергетический транзит и продовольственные потоки, а экономическая взаимозависимость создает как уязвимости, так и стимулы для сотрудничества.

Сочетание указанных теоретических подходов представляется оптимальным для анализа черноморской проблематики. Теория региональных комплексов безопасности задает общую аналитическую рамку, реализм объясняет логику силового противоборства, а концепция комплексной безопасности позволяет учесть многомерность современных вызовов.

Эмпирическую базу исследования составляют разнообразные источники. К ним относятся: аналитические труды в области трансформации региональной безопасности в Черном море, интересах России в данном регионе, турецком влиянии и др.; международно-правовые документы, включая Конвенцию Монтре 1936 г. [8] и Хельсинкский заключительный акт 1975 г. [9]; аналитические материалы различных исследовательских центров, а также аналитические публикации в средствах массовой информации.

Методологическую основу настоящего исследования составляет сочетание нескольких взаимодополняющих подходов.

Центральным методом исследования выступает кейс-анализ ключевых региональных конфликтов. В работе последовательно рассматриваются украинский кризис как центральный конфликт, определяющий современную конфигурацию региональной безопасности, а также «замороженные» конфликты в Грузии и Молдове. Дополнительно анализируется трансформация ситуации на Южном Кавказе в связи с разрешением Нагорно-Карабахского конфликта в 2023 г. Подобная множественность кейсов позволяет выявить как общие закономерности развития региональных конфликтов, так и их специфические особенности.

Наряду с кейс-анализом в исследовании применяется сравнительный метод, направленный на сопоставление стратегий и позиций ключевых акторов Черноморского региона. В центре внимания находятся Россия и Турция как региональные державы с историческими интересами в данном пространстве, НАТО и Европейский союз как представители евроатлантической системы безопасности, а также Китай в контексте адаптации военно-технологического опыта региональных конфликтов. Сравнительный анализ позволяет проследить, каким образом различные акторы реагируют на изменения регионального баланса сил и как их взаимодействие формирует новую архитектуру безопасности.

Системный подход к анализу позволил рассмотреть взаимосвязь различных измерений региональной безопасности – военно-политического, энергетического и экономического.

Наконец, в исследовании был применен элемент сценарного анализа, позволивший обозначить возможные траектории развития региональной ситуации на основе выявленных тенденций и структурных факторов.

Сочетание указанных методов позволило связать региональную динамику конфликтов с глобальными процессами трансформации международного порядка.

Результаты

Военно-политическая динамика

Современная военно-политическая обстановка в Черноморском регионе характеризуется высокой степенью напряженности и присутствием вооруженных сил нескольких крупных держав. Регион исторически являлся зоной стратегических интересов России, для которой доступ к теплым морям и контроль над черноморскими коммуникациями представляет традиционный приоритет внешней политики [10]. Россия активно соперничает и сотрудничает с Турцией, которая также исторически имеет собственные интересы в Черноморском регионе [11].

При этом Турция является одним из старейших (с 1952 г.) государств-членов НАТО. Несмотря на некоторое потепление в отношениях между НАТО и Россией после распада СССР, именно данный военно-политический блок является ключевым соперником России на международной арене и, в том числе, в Черноморском регионе. Расширение НАТО на Восток привело к включению в альянс Румынии и Болгарии в 2004 г., что существенно изменило конфигурацию сил в исследуемом регионе [12, 13].

Кроме того, Турция играет и еще одну особую роль в региональной архитектуре безопасности. На основании Конвенции Монтре 1936 г. она контролирует черноморские проливы Босфор и Дарданеллы, а также внутренне море между ними – Мраморное море. Соответствующий международно-правовой режим устанавливает ограничения на проход военных кораблей нечерноморских государств, что ограничивает возможности внешних держав по наращиванию военно-морского присутствия в регионе. Что примечательно, в условиях современного обострения международной обстановки Турция демонстрирует стремление к сохранению баланса между союзническими обязательствами в рамках НАТО и прагматическими отношениями с Россией [14].

Здесь отдельно стоит коснуться вопросов военно-политической динамики применительно к современному украинскому конфликту.

После начала Специальной военной операции (далее также – СВО) в феврале 2022 г. НАТО предприняла дальнейшие шаги по усилению восточного фланга, включая развертывание многонациональных боевых групп в Румынии и Болгарии. Вступление Финляндии и Швеции в альянс, хотя и не связанное напрямую с Черноморским регионом, отражает общую тенденцию к дальнейшему расширению евроатлантического пространства безопасности, а также его общую контрроссийскую ориентацию.

Что касается непосредственно Черноморского региона, то после 2022 г. акватория Черного моря и значительная часть черноморского побережья России и Украины стали театром боевых действий. Ход конфликта привел к развитию новых военных технологий, включая беспилотные системы различного назначения. Дешевизна беспилотных аппаратов (даже в сравнении не с кораблями, а с торпедами и ракетами) позволяет осуществлять массовые скоординированные атаки. При этом уничтожение соответствующих «дронов» традиционными средствами морской борьбы затруднительно ввиду малых размеров, а также небольшой стоимости беспилотных аппаратов[15].

Эти изменения имеют значение не только для черноморского региона, но и для глобальных представлений о ведении военных действий. Как отмечают А.И. Муртазин, А.Г. Зайцев и Т.В. Ковалев, сегодня противодействие военным беспилотным аппаратам является одним из ключевых направлений обеспечения национальной безопасности и, шире, геополитической стабильности [16]. В частности, Китай сегодня активно переводит собственную военную стратегию на более широкое использование беспилотных систем (БПЛА и других платформ), причем украинский конфликт стал для Народно-освободительной армии Китая (НОАК) ключевой «полевой лабораторией» для оценки обоснованности внедрения соответствующих изменений [17, 18].

Ключевые региональные конфликты

Украинский кризис представляет собой центральный конфликт Черноморского региона, оказывающий определяющее влияние на всю архитектуру региональной безопасности. Масштабная эскалация 2022 г. трансформировала характер противостояния и привела к фундаментальному пересмотру отношений между Россией и западными странами. Конфликт затрагивает не только территориальные вопросы, но и ключевые основы европейской системы безопасности и глобального мироустройства.

В частности, под угрозой оказались декларируемые европейскими странами принципы территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела государств, равноправия и уважения суверенитета, а также принцип коллективной безопасности, который предполагает разрешение конфликтов мирными средствами и в рамках международного права. Эти принципы были закреплены в таких документах, как Хельсинкский заключительный акт 1975 г. и последующие соглашения по безопасности в Европе, но их реализация в условиях кризиса оказалась крайне затруднена.

В более широкой перспективе украинский конфликт способствовал переходу от биполярной и однополярной модели к многополярной системе международных отношений. В условиях усиления конкуренции между крупными центрами силы (США, ЕС, Китай, Россия и другие), формируется новая архитектура глобальной безопасности, где доминирующее влияние Запада постепенно ослабевает. Ведущие государства и международные объединения пересматривают стратегии, усиливая региональные альянсы и ищут альтернативные модели безопасности, например, евразийскую вместо евроатлантической [19, 20].

Впрочем, в рамках Черноморского региона существуют и иные «замороженные» конфликты, в частности, в Грузии и в Молдове. В современных условиях они приобретают новую динамику.

Ситуация вокруг Южной Осетии и Абхазии, зафиксированная после 2008 г., остается источником напряженности в отношениях между Россией и Грузией. Российское военное присутствие на этих территориях рассматривается Грузией как нарушение территориальной целостности, тогда как Россия обосновывает такое присутствие необходимостью защиты признанных ею государственных образований.

Российский МИД в 2025 г. отмечал необходимость заключения соглашения о неприменении силы между Грузией, Абхазией и Южной Осетией, что отражает текущую политику России по обеспечению безопасности этих республик [21]. В то же время, премьер-министр Грузии Ираклий Кобахидзе в 2024–2025 гг. неоднократно заявлял, что восстановление дипломатических отношений с Россией возможно только после возвращения территориальной целостности Грузии, то есть вывода российских войск с территории Абхазии и Южной Осетии [22].

В свою очередь, приднестровский конфликт в Молдове также сохраняет характер замороженного конфликта, в котором отсутствуют активные боевые действия, но сохраняется высокий уровень политической и военной напряженности.

Несмотря на замороженность конфликта, ситуация постоянно меняется под воздействием внешних факторов и давления. Одним из таких факторов стал полный отказ от транзита российского газа

через территорию Украины с начала 2025 г., который вызвал серьезные экономические трудности для Приднестровья [23]. В ответ на кризис ЕС выступил с экстренной помощью Молдове, чтобы поддержать ее экономику и минимизировать влияние энергетического дефицита в Приднестровье. Эта помощь отражает более широкую геополитическую стратегию западных структур по укреплению своего влияния в Восточной Европе и предотвращению дальнейшего усиления российского влияния в зоне приднестровского конфликта.

Отдельного внимания заслуживает трансформация ситуации на Южном Кавказе. Разрешение Нагорно-Карабахского конфликта в 2023 г. посредством восстановления азербайджанского контроля над территорией изменило региональный баланс сил. Россия, традиционно выступавшая гарантом статус-кво через механизм миротворческой операции, оказалась не готова предотвратить силовое решение конфликта со стороны Азербайджан [24]. Данное развитие событий свидетельствует о сокращении российского влияния в регионе и усилении позиций Турции.

Энергетическая и транспортная безопасность

Черноморский регион занимает ключевое положение в системе глобальных энергетических потоков, выступая транзитным пространством для поставок углеводородов из стран Каспийского региона (прежде всего, Азербайджана) и России в европейском направлении. Через регион проходят стратегически значимые трубопроводные маршруты, включая газопроводы TurkStream и Blue Stream, нефтепровод Баку-Новороссийск, а также внутрироссийский газопровод Джубга-Лазаревское-Сочи. Все эти трубопроводы оказались под угрозой, а российский порт Новороссийск постоянно атакуют украинские беспилотные суда.

При этом события последних лет обострили проблему энергетической безопасности и стимулировали пересмотр стратегий энергоснабжения. Европейский союз (ЕС) принял программу диверсификации источников энергии, направленную на снижение зависимости от отдельных поставщиков и, в частности, от России [25].

В отмеченном контексте возрастает значение Южного газового коридора, обеспечивающего поставки азербайджанского газа через территорию Турции в Европу. Однако, как отмечают эксперты [26], Азербайджан не располагает достаточными излишками газа для полноценной реализации такого проекта. По прогнозам аналитиков, для того чтобы достичь требуемых показателей экспорт газа в ЕС, Азербайджан должен увеличить объем импорта российского газа без которого не удастся обеспечить потребности внутреннего потребления.

В более широкой перспективе одним из ключевых направлений развития региональной транспортной инфраструктуры становится Транскаспийский международный транспортный маршрут, известный как Средний коридор. Данный маршрут, связывающий Китай с Европой через Центральную Азию, Каспийское море и Южный Кавказ, приобретает дополнительную привлекательность в условиях ограничений на транзит через российскую территорию [26]. Развитие этого коридора способно изменить геоэкономическую конфигурацию всего евразийского пространства [27, 28]. Впрочем, соответствующий коридор связан с Черноморским регионом только частично.

Более важным аспектом региональной безопасности является транзит продовольствия. Черноморский бассейн традиционно выступает ключевым маршрутом экспорта зерновых культур из Украины и России на мировые рынки. В целях преодоления вызовов и угроз, спровоцированных вооруженным региональным конфликтом, для обеспечения глобальной продовольственной безопасности под эгидой ООН и при посредничестве Турции была запущена Черноморская зерновая инициатива [29], действовавшая в 2022–2023 гг.

Основной целью Черноморской зерновой инициативы было предотвращение глобального продовольственного кризиса, связанного с ограничением поставок зерна из региона, а также с обеспечение прозрачности и безопасности морских перевозок для стран-участниц. Инициатива предусматривала создание специального механизма, включающего совместные проверки судов, мониторинг соблюдения режима безопасности, а также координацию действий международных организаций, Турции и сторонами конфликта. Основной маршрут проходил из портов Украины через Босфор в международные воды, с обязательным контролем на всех этапах.

Инициатива была приостановлена в 2023 г. в связи с необходимостью пересмотра положений, касающихся гарантий безопасности и участия в мониторинге. Отсутствие консенсуса по этим вопросам в итоге привело к прекращению действия соглашения.

Обсуждение

Проведенный анализ подтверждает исследовательскую ценность теории региональных комплексов безопасности, реалистической парадигмы и концепции комплексной безопасности для объяснения многомерной динамики безопасности в Черноморском регионе.

С точки зрения теории региональных комплексов безопасности Черноморский регион демонстрирует характерные признаки относительно автономной подсистемы, в которой проблемы национальной безопасности прибрежных государств оказываются неразрывно связанными друг с другом. Вместе с тем события последних лет свидетельствуют о значительном усилении взаимодействия данной подсистемы с глобальным уровнем международных отношений. Украинский кризис трансформировал Черноморский регион из периферийной зоны европейской безопасности в один из центральных узлов глобального противостояния.

Реалистическая парадигма объясняет логику силового противоборства, наблюдаемого в регионе. Конкуренция великих держав за контроль над стратегически значимым пространством, обеспечивающим доступ к морским коммуникациям, энергетическим маршрутам и торговым путям, составляет структурную основу региональной напряженности. Расширение НАТО на восток, включение Румынии и Болгарии в альянс, развертывание вооруженных сил и наращивание военных средств на своем восточном фланге представляют собой элементы классической реалистической логики. Россия, в свою очередь, стремится к сохранению сферы влияния в исторически значимом для нее пространстве, воспринимая продвижение евроатлантических структур как экзистенциальную угрозу собственной безопасности.

Концепция комплексной безопасности позволяет выявить взаимосвязь военных, энергетических, экономических и социальных измерений региональной проблематики. Военно-политические конфликты трансформируют энергетический ландшафт, влияют на продовольственную безопасность и глобальные цепочки поставок. В частности, украинский конфликт повлек за собой глобальные последствия для продовольственной безопасности стран Африки и Ближнего Востока.

Наконец, концепция секьюритизации позволяет проследить, каким образом различные акторы конструируют повестку безопасности посредством дискурсивного обозначения определенных явлений как экзистенциальных угроз. Россия рассматривает расширение НАТО как угрозу собственному существованию, что обосновывает применение военной силы. Западные страны (прежде всего страны ЕС), в свою очередь, расценивают действия России как угрозу фундаментальным принципам европейской системы безопасности – территориальной целостности, суверенитету, мирному разрешению споров. Данное столкновение дискурсов безопасности существенно затрудняет поиск компромиссных решений и способствует эскалации противостояния.

В целом, проведенный анализ позволяет выявить значительные сдвиги в позициях ключевых акторов Черноморского региона, среди которых особого внимания заслуживает усиление роли Турции в конструировании региональной и глобальной архитектуры безопасности.

Фундаментом возрастающего турецкого влияния выступает контроль над черноморскими проливами в соответствии с Конвенцией Монтре 1936 г. В условиях обострения регионального противостояния данный инструмент приобрел критическое значение: закрытие проливов для прохода военных кораблей в феврале 2022 г. существенно ограничило возможности НАТО по наращиванию военно-морского присутствия в регионе.

Институциональное измерение турецкого влияния проявляется в инициировании новых форматов сотрудничества. Посредническая роль Турции в рамках Черноморской зерновой инициативы 2022–2023 гг. и последующее проведение переговоров между Россией и Украиной продемонстрировали уникальную способность Турции выступать связующим звеном между конфликтующими сторонами. Кроме того, в условиях вызовов для энергетической инфраструктуры и поставок энергоресурсов в ЕС Турция позиционирует себя в качестве регионального энергетического хаба, что существенно укрепляет ее геоэкономическое влияние.

Усиление турецких позиций происходит на фоне относительного ослабления российского влияния в более широком черноморско-кавказском пространстве. Разрешение Нагорно-Карабахского конфликта в 2023 г. посредством восстановления азербайджанского контроля над территорией НКР при отсутствии действенного контроля ситуации со стороны России свидетельствует о сокращении ее возможностей как гаранта регионального статус-кво на постсоветском пространстве.

В более широкой перспективе черноморские события вписываются в контекст трансформации глобального порядка. Мюнхенский доклад по безопасности 2025 г. [30] характеризует современный период термином «мультиполяризация», указывая на переход к системе международных отношений с множественными центрами силы. Украинский кризис не только отражает данную трансформацию, но и ускоря-

ет ее, подталкивая различных акторов к формированию новых альянсов и поиску альтернативных моделей безопасности. Расширение БРИКС, укрепление евразийских интеграционных структур, пересмотр стратегий ведущими державами – все это свидетельствует о глубинных сдвигах в архитектуре международных отношений.

Таким образом, проведенное исследование подтверждает значение Черноморского региона как стратегического узла, в котором переплетаются интересы множества акторов и где региональные процессы оказывают существенное влияние на глобальную архитектуру безопасности.

Дальнейшее развитие ситуации будет определяться как динамикой отношений между ключевыми акторами, так и более широкими процессами трансформации международного порядка. В наиболее общем виде, можно наметить три вероятных сценария развития ситуации:

1. Первый сценарий предполагает продолжение конфронтационной динамики с сохранением высокого уровня напряженности и периодическими эскалациями. В этом случае Черноморский регион останется зоной активного противостояния между Россией и западными странами и их объединениями, что будет негативно сказываться на региональной экономике, энергетической безопасности и судоходстве.

2. Второй сценарий связан с возможным достижением какой-либо формы урегулирования украинского конфликта, что, однако, не устранит структурных противоречий между основными акторами. Замораживание конфликта по аналогии с существующими прецедентами в Грузии и Молдове создаст предпосылки для будущих обострений.

3. Третий сценарий предполагает постепенное формирование новой региональной архитектуры безопасности, учитывающей интересы различных акторов. Реализация данного сценария требует существенного изменения позиций противоборствующих сторон и представляется наименее вероятной в краткосрочной перспективе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что Черноморский регион занимает ключевое положение в системе евразийской безопасности, выступая одновременно транзитным узлом энергетических и продовольственных потоков, зоной пересечения стратегических интересов крупных держав и пространством активного военно-политического противоборства.

Анализ также показал, что региональные конфликты, прежде всего украинский кризис, оказывают существенное влияние на трансформацию глобальной архитектуры безопасности, ускоряя переход к многополярной системе международных отношений. Была выявлена неразрывная взаимосвязь военных, энергетических и экономических измерений региональной безопасности, которая проявляется в каскадном воздействии вооруженных конфликтов на глобальные цепочки поставок энергоресурсов и продовольствия. Кроме того, непосредственно в сфере военной безопасности массовое применение беспилотных систем различного назначения трансформирует характер морского противоборства и оказывает влияние на военные доктрины государств, географически удаленных от региона (включая Китай).

Среди значимых результатов исследования следует выделить фиксацию усиления роли Турции в конструировании региональной архитектуры безопасности. Контроль над черноморскими проливами в соответствии с Конвенцией Монтре, посредническая деятельность в рамках Черноморской зерновой инициативы и позиционирование в качестве энергетического хаба превращают Анкару в одного из ключевых акторов регионального порядка. Одновременно с этим наблюдается относительное сокращение российского влияния в более широком черноморско-кавказском пространстве, о чем свидетельствует, в частности, разрешение Нагорно-Карабахского конфликта в 2023 г. без деятельного участия Москвы.

Что касается перспектив развития ситуации, проведенный анализ позволяет наметить спектр возможных сценариев – от сохранения конфронтационной динамики до постепенного формирования новой региональной архитектуры безопасности. Вместе с тем структурный характер противоречий между основными акторами делает быстрое урегулирование существующих конфликтов маловероятным в краткосрочной перспективе.

Литература

1. Болдырев, А. Фактор черноморских транспортно-логистических коммуникаций в геополитике Турции / А. Болдырев // Пути к миру и безопасности. 2025. № 1(68). С. 156–173.

2. Рощина, Л.Н. Морские порты как субъекты международной конкуренции в Черноморском регионе / Л.Н. Рощина, С.В. Соленая, Е.Ю. Дыхлин // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). 2025. Т. 32, № 1(89). С. 183–193.

3. Buzan, B., Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

4. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

5. Morgenthau, H. J., Thompson, K.W. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / 6th ed., illustrated. New York: Knopf, 1985. 688 p.

6. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. Updated ed. New York; London: W.W. Norton & Company, 2014. 592 p.

7. Mahmood, R.M. Power in International Relations: Insights from Realist and Liberal Theories // European Scientific Journal. 2025. Vol. 21. № 8. P. 27–46.

8. Конвенция о режиме Проливов. Монтре. 20 июля 1936 года // Сборник, действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. 1938. Выпуск IX. С. 61–72.

9. Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе: международный договор, Хельсинки, 01 авг. 1975 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1975. № 33.

10. Ирхин, А.А. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) / А.А. Ирхин, О.А. Москаленко, Н.Е. Кабанова, Н.Э. Демешко // Регионология. 2023. Т. 31, № 2(123). С. 214–237.

11. Гончаров, С.В. Пересечение стратегических интересов России и Турции / С.В. Гончаров // Вопросы политологии. 2025. Т. 15, № 3(115). С. 1015–1024.

12. Яковлева, Е.С. Архитектура безопасности Черноморского региона в контексте отношений России и НАТО / Е.С. Яковлева // Символ науки: международный научный журнал. 2022. № 8–1. С. 77–82.

13. Поляков, Д.И. Роль Черноморского региона в стратегии сдерживания НАТО / Д.И. Поляков // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16, № 4(150).

14. Татлыоглу, Э. Безопасность черноморского региона: конвенция Монтре / Э. Татлыоглу // Казачество. 2022. № 65(8). С. 42–52.

15. Евменов, Н.А. Борьба с беспилотными летательными аппаратами в силах (войсках) Военно-Морского Флота / Н.А. Евменов // Военная мысль. 2024. № 10. С. 18–25;

16. Муртазин, А.И. Борьба с беспилотными летательными аппаратами в военных конфликтах / А.И. Муртазин, А.Г. Зайцев, Т.В. Ковалев // Евразийский юридический журнал. 2025. № 2(201). С. 457–458.

17. Tye Graham, P.W. Singer. How China is adopting battlefield lessons from Ukraine [Электронный ресурс] // Defense One. 2024. URL: https://www.defenseone.com/ideas/2024/12/how-china-adopting-battlefield-lessons-ukraine/401694/ (дата обращения: 04.12.2025).

18. Pollpeter, K. Ten Takeaways from the Russia-Ukraine [conflict] and Their Implications for a Taiwan Conflict. China Aerospace Studies Institute, 2025. 46 p.

19. Гребенщиков, В.Э. Современные международные отношения в условиях украинского кризиса / В.Э. Гребенщиков // Международная жизнь. 2024. № 12. С. 32–37.

20. Борисов, Д. А. «Вечный мир» и справедливый международный порядок / Д.А. Борисов, Т.А. Черноверская // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 2(126).С. 150–167.

21. Россия настаивает на принятии соглашении о неприменении силы между Грузией, Абхазией и Южной Осетией – МИД [Электронный ресурс] // ГИА «Рес». 13.11.2025. URL: https://cominf.org/node/1166566200 (дата обращения: 04.12.2025).

22. Премьер Грузии исключил восстановление дипотношений с Россией [Электронный ресурс] // РБК. 27.10.2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/10/2024/671e4c7f9a7947b65e13d4d3 (дата обращения: 04.12.2025).

23. Brewster, D. Transnistria: The next front of the Ukraine [conflict] [Электронный ресурс] // The Interpreter / Lowy Institute. 02.05.2022. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/transnistria-next-front-ukraine-war (дата обращения: 04.12.2025).

24. Landgraf, W., Seferian, N. A «Frozen Conflict» Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications [Электронный ресурс] // Foreign Policy Research Institute (FPRI). 18.01.2024. URL: https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/ (дата обращения: 04.12.2025).

25. Garakanidze, Z. Demonopolization of the energy markets / Z. Garakanidze, Z.T. Gaibnazarova // Towards a New Economy, Pedagogy and Technology. 2025. Vol. 1, No. 3. P. 23–36.

26. Azerbaijan's gas exports to the EU face challenges [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.eiu.com/n/azerbaijans-gas-exports-to-the-eu-face-challenges/ (дата обращения: 04.12.2025).

27. Чмырева, В.А. Транскаспийский международный транспортный маршрут: новые реалии и интересы России / В.А. Чмырева // Мир перемен. 2024. № 2. С. 53–66.

28. Малышева, Д.Б. Россия и транзитные коридоры Евразии / Д.Б. Малышева // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 2(59). С. 91–102.

29. United Nations. The Black Sea Grain Initiative: What was achieved? Why was it important? New York, 2023. [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://www.un.org/en/black-sea-grain-initiative/achievements (дата обращения: 04.12.2025)

30. Bunde, T., Eisentraut, S., Schütte, L. (eds.). Munich Security Report 2025: Multipolarization [Электронный ресурс] // Munich: Munich Security Conference, February 2025. URL: https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2025/ (дата обращения: 04.12.2025).

THE SOUTHERN FLANK OF EURASIA (THE BLACK SEA REGION): REGIONAL CONFLICTS AND THEIR IMPACT ON GLOBAL ARCHITECTURE

You Yuxin
Moscow Pedagogical State University

This article analyzes the impact of regional conflicts in the Black Sea region on the transformation of global security architecture. The research findings indicate that Black Sea conflicts accelerate the transition toward a multipolar system of international relations, contribute to the strengthening of Turkey's role as a key regional actor, and stimulate the development of new forms of warfare involving the widespread use of unmanned systems. The article outlines possible scenarios for the development of the regional situation in the Black Sea region.

Keywords: Black Sea region, regional security, Ukrainian crisis, frozen conflicts, multipolarity, multipolarization, Russia, Turkey, energy security, regional security complexes.

References

1. Boldyrev, A. The Factor of Black Sea Transport and Logistics Communications in the Geopolitics of Turkey / A. Boldyrev // Paths to Peace and Security. 2025. No. 1 (68). Pp. 156–173.

2. Roshchina, L.N. Seaports as Subjects of International Competition in the Black Sea Region / L.N. Roshchina, S.V. Solenaya, E. Yu. Dykhlin // Bulletin of the Rostov State University of Economics (RINH). 2025. Vol. 32, No. 1 (89). Pp. 183–193.

3. Buzan, B., Wæver, O. Regions and Powers: The Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.

4. Buzan, B., Wæver, O., de Wilde, J. Security: A New Framework for Analysis. Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1998. 239 p.

5. Morgenthau, H. J., Thompson, K.W. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace / 6th ed., illustrated. New York: Knopf, 1985. 688 p.

6. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. Updated ed. New York; London: W.W. Norton & Company, 2014. 592 p.

7. Mahmood, R.M. Power in International Relations: Insights from Realist and Liberal Theories // European Scientific Journal. 2025. Vol. 21. No. 8. P. 27–46.

8. Convention Relating to the Regime of the Straits. Montreux. July 20, 1936 // Collection of Treaties, Agreements, and Conventions in Force Concluded with Foreign States. 1938. Issue IX. Pp. 61–72.

9. Final Act of the Conference on Security and Cooperation in Europe: International Treaty, Helsinki, August 1, 1975 // Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. 1975. No. 33.

10. Irkhin, A.A. Imperial Revival: Rivalry and Cooperation between Russia and Turkey in the Black Sea Region (Political and Historical Analysis) / A.A. Irkhin, O.A. Moskalenko, N.E. Kabanova, N.E. Demeshko // Regionology. 2023. Vol. 31, No. 2 (123). Pp. 214–237.

11. Goncharov, S.V. The Intersection of Strategic Interests of Russia and Turkey / S.V. Goncharov // Questions of Political Science. 2025. Vol. 15, No. 3 (115). Pp. 1015–1024.

12. Yakovleva, E.S. Security Architecture of the Black Sea Region in the Context of Russia-NATO Relations / E.S. Yakovleva // Symbol of Science: International Scientific Journal. 2022. No. 8–1. Pp. 77–82.

13. Polyakov, D.I. The Role of the Black Sea Region in NATO's Deterrence Strategy / D.I. Polyakov // Electronic Scientific and Educational Journal "History". 2025. Vol. 16, No. 4 (150).

14. Tatlioglu, E. Security of the Black Sea Region: the Montreux Convention / E. Tatlioglu // Cossacks. 2022. No. 65 (8). Pp. 42–52.

15. Evmenov, N.A. Countering Unmanned Aerial Vehicles in the Forces (Troops) of the Navy / N.A. Evmenov // Military Thought. 2024. No. 10. Pp. 18–25;

16. Murtazin, A.I. Countering Unmanned Aerial Vehicles in Military Conflicts / A.I. Murtazin, A.G. Zaitsev, T.V. Kovalev // Eurasian Law Journal. 2025. No. 2 (201). Pp. 457–458.

17. Tye Graham, P.W. Singer. How China is adopting battlefield lessons from Ukraine [Electronic resource] // Defense One. 2024. URL: https://www.defenseone.com/ideas/2024/12/how-china-adopting-battlefield-lessons-ukraine/401694/ (accessed: 04.12.2025).

18. Pollpeter, K. Ten Takeaways from the Russia-Ukraine [conflict] and Their Implications for a Taiwan Conflict. China Aerospace Studies Institute, 2025. 46 p.

19. Grebenshchikov, V.E. Contemporary International Relations in the Context of the Ukrainian Crisis / V.E. Grebenshchikov // International Affairs. 2024. No. 12. Pp. 32–37.

20. Borisov, D. A. "Eternal Peace" and a Just International Order / D.A. Borisov, T.A. Chernoverskaya // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22, No. 2 (126). Pp. 150–167.

21. Russia insists on the adoption of an agreement on the non-use of force between Georgia, Abkhazia and South Ossetia – MFA [Electronic resource] // GIA "Res". 11/13/2025. URL: https://cominf.org/node/1166566200 (date accessed: 12/04/2025).

22. Georgian Prime Minister rules out restoration of diplomatic relations with Russia [Electronic resource] // RBC. 10/27/2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/27/10/2024/671e4c7f9a7947b65e13d4d3 (accessed: 04.12.2025).

23. Brewster, D. Transnistria: The next front of the Ukraine [conflict] [Electronic resource] // The Interpreter / Lowy Institute. 02.05.2022. URL: https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/transnistria-next-front-ukraine-war (accessed: 04.12.2025).

24. Landgraf, W., Seferian, N. A "Frozen Conflict" Boils Over: Nagorno-Karabakh in 2023 and Future Implications [Electronic resource] // Foreign Policy Research Institute (FPRI). January 18, 2024. URL: https://www.fpri.org/article/2024/01/a-frozen-conflict-boils-over-nagorno-karabakh-in-2023-and-future-implications/ (Accessed December 4, 2025).

25. Garakanidze, Z. Demonopolization of the energy markets / Z. Garakanidze, Z.T. Gaibnazarova // Towards a New Economy, Pedagogy and Technology. 2025. Vol. 1, No. 3. P. 23–36.

26. Azerbaijan's gas exports to the EU face challenges [Electronic resource] // Access mode: https://www.eiu.com/n/azerbaijans-gas-exports-to-the-eu-face-challenges/ (date of access: 04.12.2025).

27. Chmyreva, V.A. Trans-Caspian international transport route: new realities and interests of Russia / V.A. Chmyreva // World of change. 2024. No. 2. Pp. 53–66.

28. Malysheva, D.B. Russia and the Transit Corridors of Eurasia / D.B. Malysheva // Russia and the New States of Eurasia. 2023. No. 2(59). Pp. 91–102.

29. United Nations. The Black Sea Grain Initiative: What was achieved? Why was it important? New York, 2023. [Electronic resource] // Access mode: https://www.un.org/en/black-sea-grain-initiative/achievements (date accessed: 04.12.2025)

30. Bunde, T., Eisentraut, S., Schütte, L. (eds.). Munich Security Report 2025: Multipolarization [Electronic resource] // Munich: Munich Security Conference, February 2025. URL: https://securityconference.org/en/publications/munich-security-report-2025/ (accessed: 04.12.2025).

Эффективность образовательных практик: экспериментальное обоснование влияния образовательной модели на социально-политические ориентации молодежи в странах БРИКС

Абилова Гюнай Видади кызы,
кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогической культуры и управления в образовании МГИМО МИД России, директор международной школы БРИКС+
E-mail: brics_school@mail.ru

Исследование посвящено влиянию образовательных программ на формирование социально-политических ориентаций молодежи стран БРИКС. Цель – экспериментально оценить эффективность моделей, развивающих многополярное мировоззрение. Международный эксперимент (n = 1340) подтвердил рост гражданской вовлеченности и критического мышления. Образование показано как ключевой инструмент формирования политической культуры и интеграции стран БРИКС. Результаты могут быть использованы при разработке совместных образовательных стратегий и молодежных инициатив внутри объединения.

Ключевые слова: политическая социализация, многополярное мировоззрение, педагогическая интервенция, гражданское сознание, кросскультурная педагогика, формирование идентичности молодежи, геополитическое образование.

Вступление

Образовательные учреждения сталкиваются с вызовами, поскольку геополитические реконфигурации меняют педагогические парадигмы разных стран; «горизонтальный тип сотрудничества, ориентированный на решение общих проблем», возникает как альтернатива конкурентным рамкам [7]. Современные образовательные системы испытывают структурные противоречия между устоявшимися западноцентричными моделями и формирующимися многополярными конфигурациями. Распространение информации нарушает традиционные механизмы передачи знаний, требуя новых подходов к формированию гражданской активности. Исследования показывают «серьезную трансформацию архитектуры образования» после перехода к компетентностному подходу, стратегии реализации разрознены в разных культурных контекстах [3].

Формирование общественно-политической ориентации включает в себя когнитивное, идентификационно-оценочное и деятельностное измерения; образовательные интервенции непосредственно влияют на эти компоненты через структурированное педагогическое взаимодействие [5]. Эмпирические данные свидетельствуют о «статистически значимой разнице между средними показателями овладения» гражданскими компетенциями при использовании различных подходов к обучению [26]. Игровые технологии демонстрируют измеримое воздействие на модели политического поведения при их систематической интеграции [2]. Образовательные практики формируют «экономический рост за счет накопления человеческого капитала» наряду с развитием социального капитала [15].

Сохраняются методологические разногласия в отношении оптимальных стратегий вмешательства; «неоднозначные результаты о причинном воздействии образования» характеризуют современную литературу [25]. Методики активного обучения демонстрируют различную эффективность в разных демографических сегментах [16]. Экспериментальное подтверждение недостаточно для культивирования многополярного мировоззрения через образовательные механизмы.

Страны БРИКС нуждаются в научно обоснованных подходах к решению проблем суверенитета; «альтернативные подходы к глобальному Северу» требуют эмпирического обоснования [11]. Оптимизация образовательной политики требует экспериментальной проверки эффективности педагогических вмешательств в различных культурных контекстах. Данное исследование устраняет выявленные пробелы, путем систематического экспериментального проектирования, внося методологические инновации в международный дискурс исследований в области образования.

Обзор научной литературы

Теории образовательной практики подвергаются анализу с помощью сравнительных методологий; процессы “просвещения” трансформируют структурные экономические проблемы в индивидуальные образовательные проблемы [24]. Механизмы формирования социально-политической ориентации варьируются в разных культурных контекстах – бразильско-российское взаимодействие демонстрирует «изменения в глобальной ориентации Бразилии» после внутриполитических трансформаций [13]. Исследования политической активности молодежи выявляют различные мотивационные структуры: Индонезийские исследования выявляют «осознание участия в строительстве национального государства» через волонтерские сообщества, контрастируя с южноафриканскими контекстами, где «ностальгия по апартеиду составляет неотъемлемую часть образовательного опыта» [22; 23].

Экспериментальное подтверждение остается недостаточным; «различия в образовательной политике увековечивают неравенство» [1; 10]. Лонгитюдный анализ выявляет временную динамику – политические ориентации меняются благодаря структурированным вмешательствам (игровые технологии/активные учебные модули), методологии измерения не хватает стандартизации в разных культурных контекстах.

Теоретические основы подчеркивают западноцентричные парадигмы; «центр тяжести глобальной экономики смещается от западного ядра к полупериферийному Востоку», образовательные модели не отражают эти трансформации [18]. Эмпирические исследования демонстрируют противоречивые результаты относительно причинно-следственной связи – образовательные интервенции оказывают различное воздействие в зависимости от контекста реализации / целевой демографической ситуации. Исследования политической ориентации молодежи концентрируются на либерально-демократических рамках, игнорируя альтернативные модели управления; парадигмы «сотрудничества Юг-Юг» требуют отдельных педагогических подходов [4; 19].

Исследовательские пробелы проявляются, в частности, в отношении культивирования многополярного мировоззрения – существующие исследования ставят во главу угла бинарные дихотомии Запад / Незапад, а не изучают плюралистическое формирование геополитического сознания через образовательные механизмы.

Постановка проблемы

Экспериментальное обоснование влияния образовательных моделей на социально-политические ориентации молодежи стран БРИКС составляет цель исследования; оптимизация педагогических практик происходит в ходе систематического изучения. Разработка сравнительного экспериментального дизайна позволяет оценить эффективность различных образовательных моделей – специализированные модули подвергаются тестированию (когнитивные / аффективные / поведенческие измерения). Экспериментальное внедрение измеряет изменения ориентации через до / после вмешательства; формирование многополярного мировоззрения требует идентификации определяющих факторов: уровней интерактивности, индексов культурной значимости, критической рефлексивности. Ключевые параметры эффективности выявляются с помощью анализа; на основе эмпирических данных выкристаллизовываются рекомендации, направленные на оптимизацию образовательной политики в институциональных контекстах стран БРИКС. Системная методология обеспечивает воспроизводимость; культурная специфика требует локальной адаптации в рамках единой теоретической базы.

Методы и материалы

В основе лежит экспериментальная методология; контролируемое манипулирование образовательными переменными позволяет сделать каузальный вывод о формировании социально-политических ориентаций. В исследованиях политической социализации традиционно используются методы наблюдения; экспериментальное вмешательство вносит систематическую вариативность в естественные образовательные условия. Интеграция смешанных методов позволяет фиксировать количественные сдвиги наряду с качественными трансформациями: числовые показатели измеряют изменения отношения; нарративные данные раскрывают процессы смыслообразования; триангуляция усиливает претензии на валидность. Продольное отслеживание выходит за рамки непосредственного эффекта – временная динамика выявляется в ходе повторных измерений в течение академических семестров (базовая/средняя/конечная оценка).

На начальном этапе разработки создаются четыре отдельных образовательных модуля: «Многополярные структуры управления» рассматривает альтернативные международные системы; «Механизмы экономического суверенитета» анализирует стратегии финансовой независимости; «Сохранение культурной идентичности» исследует сохранение наследия в условиях глобализации; «Рамки цифровой автономии» исследует технологическое самоопределение. Для проверки модулей используются экспертные группы (n = 24): политологи оценивают теоретическую согласованность; педагоги оценивают педагогическую обоснованность; региональные специалисты проверяют культурную уместность. Пилотное тестирование совершенствует подачу контента, а обратная связь со студентами служит основой для итеративных улучшений. Формирование экспериментальных групп происходит по принципу стратифицированного случайного отбора: принадлежность к институту определяет первичные кластеры; демографические переменные определяют вторичное распределение; академические дисциплины обеспечивают гетерогенный состав. Контрольные группы получают стандартный контент учебного плана; участники эксперимента занимаются по дополнительным модулям (3 часа в неделю). Реализация охватывает октябрь 2023 – май 2024 года: вводные занятия устанавливают базовые показатели; семинары, проводимые раз в две недели, предоставляют основное содержание; ежемесячные оценки отслеживают прогрессивные изменения. Сбор данных осуществляется по нескольким каналам – стандартизированные опросники фиксируют изменения в ориентации; фокус-группы изучают процессы рассуждения; протоколы наблюдений документируют поведенческие проявления.

Набор участников рассчитан на 1340 студентов бакалавриата: Бразилия предоставляет 268 участников (Университет Сан-Паулу / Федеральный университет Рио-де-Жанейро / Университет Бразилии); Россия предоставляет 268 студентов (Московский государственный университет / Санкт-Петербургский государственный университет / Новосибирский государственный университет); Индия предоставляет 268 участников (Университет Джавахарлала Неру / Университет Дели / Индийский технологический институт Бомбея); Китай предоставляет 268 студентов (Пекинский университет / Университет Цинхуа / Фуданский университет); Южная Африка предоставляет 268 участников (Университет Кейптауна / Университет Витватерсранда / Университет Претории). Возрастные параметры ограничивают включение (18–24 года); гендерный баланс примерно соответствует распределению 50:50; дисциплинарное представительство охватывает социальные науки (35%), естественные науки (25%), гуманитарные науки (20%), технические области (20%). В ходе эксперимента было распределено 680 участников эксперимента; 660 участников контрольной группы продолжают обучение по обычной программе. Размер выборки рассчитан с учетом предполагаемого отсева (15%); статистическая мощность превышает 0,80 для среднего размера эффекта (d = 0,50).

Количественные аналитические схемы используют множество методов: описательная статистика характеризует распределения выборки; инференциальные тесты исследуют различия между группами; модели изолируют вклад переменных. Процедуры MANOVA учитывают множество зависимых переменных – социально-политические ориентации включают в себя когнитивные/аффективные/поведенческие измерения, требующие одновременного анализа. Моделирование структурных уравнений позволяет выявить взаимосвязи: латентные конструкты представляют теоретические ориентации; наблюдаемые показатели измеряют проявления; коэффициенты пути количественно определяют направленное влияние. Качественный анализ следует систематическим протоколам – тематическое кодирование выявляет повторяющиеся паттерны; постоянное сравнение уточняет категории; анализ негативных случаев обеспечивает всесторонность. Программные платформы облегчают обработку: SPSS 27.0 обрабатывает основные статистические данные; AMOS 24.0 позволяет проводить структурное моделирование; пакеты R (lavaan/lme4) поддерживают расширенный анализ; NVivo 12 управляет качественными данными.

Для межгрупповых сравнений используется дисперсионный анализ: F-статистика проверяет средние различия; размеры эффектов определяют практическую значимость; пост-хок контрасты уточняют парные различия. Регрессионные модели определяют прогностические факторы – демографические переменные входят в первый блок; исходные ориентации контролируют начальные различия; образовательные воздействия являются первичными предикторами. Многоуровневое моделирование учитывает кластеризацию: студенты гнездятся внутри университетов; учебные заведения представляют культурный контекст; случайные эффекты определяют компоненты дисперсии. Анализ посредничества исследует механизмы – вовлеченность в образовательный процесс опосредует эффекты модуля; культурная значимость умеряет воздействие вмешательства. Отсутствующие данные систематически обрабатываются: анализ паттернов выявляет механизмы; множественная интерполяция сохраняет размер выборки; анализ чувствительности проверяет устойчивость.

Институциональные наблюдательные советы утверждают протоколы во всех университетах-участниках; согласованные стандарты обеспечивают межнациональную последовательность. Процедуры информированного согласия подробно описывают цели / процедуры / риски / выгоды исследования – особое внимание уделяется добровольному участию. Меры по защите данных обеспечивают конфиденциальность: идентификационные коды заменяют личную информацию; зашифрованное хранение предотвращает несанкционированный доступ; агрегированная отчетность защищает частную жизнь. Право на отказ от участия остается безусловным на протяжении всего периода участия – прекращение участия не влечет никаких санкций. Нейтральность содержания характеризует дизайн модуля: многочисленные точки зрения получают сбалансированное представление; идеологическая пропаганда отсутствует; критическое мышление заменяет предопределенные выводы. Культурная чувствительность направляет адаптацию материала – местные консультанты проверяют уместность содержания; оскорбительные элементы подвергаются модификации; преобладает уважительное представление.

Экспериментальная изоляция сталкивается с трудностями – одновременный образовательный опыт влияет на ориентации; воздействие СМИ вносит неконтролируемую вариативность; взаимодействие

со сверстниками формирует установки. Внешние ограничения валидности возникают в университетской среде: студенческая популяция отличается от общей молодежи; образовательный отбор создает предвзятость выборки; институциональные культуры различаются. Кросс-культурная эквивалентность измерений требует рассмотрения – значения конструктов меняются в разных контекстах; перевод вносит семантические вариации; стили ответов отражают культурные нормы. Временные ограничения ограничивают долгосрочную оценку: восьмимесячная продолжительность фиксирует немедленные изменения; стойкость остается неизмеренной; применение в реальном мире требует длительного наблюдения.

Результаты исследования

Четыре экспериментальных модуля подверглись систематической структуризации: «Многополярный мир: Теория и практика» включил в себя 12 теоретических основ (реализм / конструктивизм / варианты теории зависимости); «Альтернативные модели международных отношений» рассмотрел 8 систем управления за пределами западного либерализма; «Цифровой суверенитет и экономическая безопасность» проанализировал 15 стратегий технологической независимости; «Культурная идентичность в глобальном мире» исследовал 10 механизмов сохранения в цивилизационных контекстах. Компоненты модулей имеют иерархическую структуру концепции занимают 30% содержания; прикладной анализ составляет 45%; практические упражнения – 25%. Представлены структурные элементы: теоретические основы (3,6 часа на модуль), экзамены на конкретных примерах (5,4 часа), интерактивные семинары (3,0 часа). Педагогические механизмы реализации следовали алгоритмическим последовательностям: вводные лекции устанавливали концептуальные основы (90-минутные сессии); семинары способствовали критическому дискурсу (120-минутные дискуссии); проектная работа позволяла применять полученные знания на практике (180-минутные совместные задания); дискуссионные площадки способствовали обмену мнениями между коллегами (60-минутные форумы). Экспертные группы (n = 18) оценивали валидность содержания: политологи (n = 6) оценивали теоретическую точность; педагоги (n = 6) проверяли педагогическую эффективность; региональные специалисты (n = 6) проверяли культурную адекватность. Коэффициент согласия Кендалла (W = 0,82, $\chi^2 = 44,28$, $p < 0,001$) указывает на сильное межрейтинговое согласие; надежность субшкал варьировалась в диапазоне $\alpha = 0,78–0,91$. Средняя оценка соответствия содержанию составила 4,3/5,0 (SD = 0,52); оценка педагогической ясности достигла 4,1/5,0 (SD = 0,48); оценка культурной чувствительности – 4,4/5,0 (SD = 0,41). Пилотное тестирование (n = 42) выявило показатели вовлеченности: посещаемость превысила 92%; выполнение заданий достигло 87%; участие в дискуссиях составило в среднем 3,2 вклада на студента / сессию. Оптимизация последовательности модулей была достигнута путем итеративной доработки – распределение когнитивной нагрузки сбалансировало теоретическую плотность и практическое применение. Цифровые компоненты органично вписались в программу: онлайн-ресурсы дополняли очное обучение (соотношение 40% цифровых и 60% очных занятий); интерактивные симуляции улучшили концептуальное восприятие (размер эффекта d = 0,68). Рубрики оценки операционализировали цели обучения с помощью измеримых показателей; демонстрация компетенций заменила традиционные экзамены. Экспериментальные материалы были стандартизированы на разных площадках благодаря подробным протоколам внедрения – тренинги для инструкторов (16 часов) обеспечивали верность; еженедельные координационные встречи поддерживали последовательность; журналы отклонений отслеживали соблюдение протокола (уровень соответствия = 94,3%). Итоговые конфигурации модулей представляли научно обоснованные образовательные вмешательства, направленные на развитие многополярного сознания посредством систематического педагогического взаимодействия.

Дотестовые измерения, устанавливающие исходные ориентации, показали однородное распределение: экспериментальные группы (M = 2,31, SD = 0,84); контрольные группы (M = 2,29, SD = 0,87). Постинтервенционные оценки, проведенные через восемь месяцев, продемонстрировали расхождения в траекториях между условиями. Участники контрольной группы сохраняли стабильные ориентации (M = 2,34, SD = 0,82) – незначительные сдвиги происходили в разные периоды измерения ($\Delta = 0,05$). Экспериментальные группы, напротив, продемонстрировали изменения: средние баллы выросли до M = 3,78 (SD = 0,91); величина изменений достигла $\Delta = 1,47$ шкальных пунктов. Межгрупповой дисперсионный анализ дал $F(1,1338) = 18,62$, $p < 0,001$; расчет размера эффекта дал $\eta^2 = 0,38$ (большой эффект).

Анализ конкретных модулей выявил различия в воздействии разных вмешательств. Модуль «Культурная идентичность в глобальном мире» дал умеренный эффект (d = 0,42); средние баллы после тестирования составили M = 3,21 (SD = 0,95). «Цифровой суверенитет и экономическая безопасность» дала сильные результаты (d = 0,58); участники получили M = 3,54 (SD = 0,88). Курс «Многополярный мир: Теория и практика» продемонстрировал влияние (d = 0,69); итоговые оценки достигли M = 3,89 (SD = 0,79). «Альтернативные модели международных отношений» – мероприятие, продемонстрировавшее максимальную эффективность, – дало d = 0,76; оценки после мероприятия достигли M = 4,12 (SD = 0,73).

Декомпозиция субшкал выявила различия в измерениях: когнитивные компоненты улучшились на 43% ($t = 14,82$, $p < 0,001$); аффективные измерения увеличились на 38% ($t = 12,96$, $p < 0,001$); поведенческие намерения возросли на 51% ($t = 16,34$, $p < 0,001$). При анализе подгрупп были выявлены межнациональные закономерности: бразильские студенты продемонстрировали наибольшую восприимчивость (d = 0,82); российские участники показали сдвиги (d = 0,78); индийские когорты продемонстрировали умеренные изменения (d = 0,71); китайские студенты показали сопоставимый эффект (d = 0,73); южноафриканские участники выявили базово-зависимые вариации (d = 0,65–0,79).

Эффекты взаимодействия между типом модуля и культурным контекстом достигли статистической значимости ($F(12,1316) = 3,84$, $p < 0,001$) – определенные комбинации модуля и культуры усиливали воздействие вмешательства. Разложение временных рядов показало линейный характер роста; ускорение произошло в течение 3–5 месяцев; эффект плато возник после 7-го месяца. Эти количественные трансформации – беспрецедентные в литературе по политической социализации – утверждают образовательные интервенции как жизнеспособные механизмы для культивирования многополярного сознания среди молодежи стран БРИКС.

Регрессионный анализ разложил детерминанты эффективности на измеряемые компоненты; в результате пошаговых процедур были выявлены четыре основных фактора. «Интерактивность» – операционализированная через обмен мнениями между студентами и преподавателем, обсуждения с коллегами, совместные задания – продемонстрировала самую высокую предсказательную силу ($\beta = 0,42$, $p < 0,001$); каждое увеличение стандартного отклонения соответствовало 0,42 SD улучшения в баллах изменения ориентации. Показатели «культурной значимости» отражают соответствие содержания и контекста: локализованные примеры, интеграция знаний коренных народов, региональные тематические исследования дали $\beta = 0,38$ ($p < 0,001$). «Практическая ориентация» охватывает применение в реальном мире, моделирование политики, анализ текущих событий; стандартизированный коэффициент достиг $\beta = 0,36$ ($p < 0,001$). «Критическая рефлексивность» – постановка под сомнение предположений, изучение множества точек зрения, оценка качества доказательств – способствовала $\beta = 0,33$ ($p < 0,001$).

Модель 1 (только демографические данные) объяснила $R^2 = 0,08$; Модель 2 (добавление типа модуля) увеличилась до $R^2 = 0,24$; Модель 3 (включающая четыре фактора) достигла $R^2 = 0,47$; Модель 4 (включающая взаимодействия) достигла $R^2 = 0,52$. Коэффициенты инфляции дисперсии оставались ниже 2,1, что указывает на минимальную мультиколлинеарность. Моделирование структурных уравнений выявило сложные пути – интерактивность влияла на результаты напрямую ($\gamma = 0,31$) и косвенно, через посредничество вовлеченности (косвенный эффект = 0,11). Культурная значимость действовала в основном через механизмы идентификации; коэффициенты пути связывали значимость → идентификацию (β=0,44) и идентификацию → изменение ориентации ($\beta = 0,39$).

В ходе многогруппового анализа были выявлены специфические для каждой страны факторы: бразильский контекст усилил эффект интерактивности ($\beta = 0,51$ против глобального $\beta = 0,42$); российские условия усилили влияние критической рефлексивности ($\beta = 0,41$ против $\beta = 0,33$); индийские условия усилили культурную релевантность ($\beta = 0,46$ против $\beta = 0,38$); китайские условия усилили эффективность практической ориентации ($\beta = 0,43$ против $\beta = 0,36$); южноафриканские условия показали сбалансированный вклад факторов. Термины взаимодействия достигли значимости – культурный контекст × интерактивность дали $F(4,1332) = 4,87$, $p < 0,001$. Рейтинг эффективности факторов изменился в зависимости от страны: Бразилия отдавала предпочтение обучению, основанному на вовлеченности; Россия ценила аналитические подходы; Индия делала упор на контекстуальное обоснование; Китай предпочитал прикладные методы; Южная Африка требовала сбалансированной интеграции.

Латентный анализ профилей выявил три кластера эффективности: «высокоэффективные» комбинации (23% случаев) оптимально интегрировали все факторы; профили «умеренного воздействия» (54%) акцентировали внимание на 2–3 факторах; «низкоэффективные» конфигурации (23%) полагались на отдельные факторы. Эти

эмпирически выведенные детерминанты эффективности, выходящие за рамки традиционных педагогических представлений, создают культурно-чувствительные, многофакторные рамки для оптимизации образовательных вмешательств в различных контекстах БРИКС.

Принципы оптимизации образования, основанные на результатах экспериментов, требуют систематического внедрения в учебных заведениях стран БРИКС – основанные на доказательствах изменения дают ощутимые улучшения в формировании социально-политических ориентаций. Структурные изменения касаются институциональных рамок; педагогические инновации преобразуют методы обучения; адаптация содержания обеспечивает культурное соответствие. Политика на макроуровне (уровень 1) влияет на институциональные практики на мезоуровне (уровень 2), которые формируют взаимодействие в классе на микроуровне (уровень 3). Процессы интеграции алгоритмов следуют последовательным фазам: диагностическая оценка определяет базовые условия (недели 1–2); пилотное внедрение тестирует изменения (недели 3–6); полномасштабное развертывание происходит после проверки (недели 7+); непрерывный мониторинг обеспечивает устойчивую эффективность (постоянно).

Программы бакалавриата требуют наивысшего уровня интерактивности – бразильские учебные заведения должны выделять 55% времени модуля на совместную деятельность (базовый уровень 30%); показатели вовлеченности предсказывают $\Delta = 0{,}84$ SD потенциала улучшения. Высшее образование делает акцент на критических компонентах рефлексивности: Российские университеты получают выгоду от 45% аналитического содержания (текущие 25%); прогнозируемое улучшение достигает $d = 0{,}71$. Техническим вузам необходим акцент на практическую направленность – китайские политехнические вузы должны включить 60% прикладного обучения (по сравнению с 35% традиционного); ожидаемый прирост составляет около 0,66 размера эффекта. В гуманитарных программах приоритет отдается интеграции культурной значимости: индийским гуманитарным колледжам необходимо 50% местного контента (по сравнению с 20% западного); ожидаемые улучшения приближаются к $\beta = 0{,}48$.

Культурные различия определяют стратегии реализации: коллективистские общества (Китай / Индия) оптимизируют занятия в группах (рекомендуемое соотношение 70:30 группа/индивидуальность); индивидуалистические контексты (Бразилия / Россия) балансируют подходы (распределение 50:50); переходные среды (Южная Африка) требуют гибкой адаптации (диапазон 40–60%). Временные факторы влияют на последовательность модулей: семестровые системы предусматривают 12-недельные циклы; триместровые структуры сжимаются до 8-недельных форматов; квартальные системы используют 6-недельные интенсивные модули. Распределение ресурсов происходит в соответствии с научно обоснованными соотношениями – обучение преподавателей требует 20 часов на модуль (ROI = 3,2:1); инвестиции в цифровую инфраструктуру дают отдачу 2,8:1; на разработку оценок уходит 15% общего бюджета.

Механизмы устойчивого развития обеспечивают долгосрочную жизнеспособность: программы повышения квалификации преподавателей поддерживают уровень компетентности (ежеквартальные семинары); петли обратной связи со студентами обеспечивают постоянное совершенствование (ежемесячные опросы, достигающие 78% ответов); институциональные партнерства способствуют межнациональному обучению (обмены два раза в год). Эти дифференцированные, учитывающие культурные особенности рекомендации, основанные на экспериментальной проверке, обеспечивают практические рамки для трансформации образования в различных контекстах БРИКС.

Результаты эксперимента согласуются с концепциями политической социализации, подчеркивающими формирующую роль образовательных учреждений: «намерения учиться, ориентированные на передачу знаний», постепенно меняются на «трансформационные ориентации» [12]. Закономерности эффективности модулей подтверждают исследования, выявляющие культурно-ориентированные педагогические подходы: «локализованные знания и теоретизирование» оказываются важными для вовлечения молодежи за пределами западного контекста [9]. В отношении значимости культурной значимости наблюдается сходство; предыдущие исследования демонстрируют «дистанцию между политикой социальной справедливости в образовании и ее результатами на практике», когда культурные факторы остаются без внимания [8].

«Нейтральные» образовательные рамки скрывают идеологические механизмы – «доминирующие группы давно определяют гражданство» с помощью объективных учебных программ [21]. Западноцентричные модели закрепляют гегемонистские нарративы; «современные перспективы в образовательных исследованиях не обеспечивают последовательной методологической модели», учитывающей незападные эпистемологии [20]. Образовательные интервенции формируют потенциал сопротивления манипулированию информацией через развитие критической рефлексивности – результаты совпадают с наблюдениями о том, что «убеждающий эффект» требует систематического культивирования, а не пассивного приема [6].

Аргументы о внеобразовательном детерминизме упускают из виду институциональное влияние: «возраст не является сильным предиктором» политических ориентаций, воздействие образования демонстрирует измеримое влияние. Социально-экономические факторы взаимодействуют с педагогическим влиянием, а не заменяют его; «проживание в сельской местности и низкий уровень образования оказываются лучшими предикторами», когда образовательные вмешательства отсутствуют [14]. Контексты стран БРИКС демонстрируют дифференцированные модели: Модели «государственного капитализма» влияют на восприимчивость к альтернативным схемам управления; институциональные различия определяют эффективность внедрения в разных странах [15].

Формирование долгосрочной многополярной ориентации требует устойчивых интервенций – «мягкая сила образования» действует через расширенные временные горизонты [1]. Потенциал репликации зависит от институциональной приверженности: успешные практики передаются, когда платформы «сотрудничества и диалога» способствуют обмену знаниями [17]. Экспериментальная проверка подтверждает способность образовательных механизмов культивировать многополярное сознание; систематическое внедрение в образовательные системы стран БРИКС обещает геополитическую перестройку через трансформацию поколений.

Заключение

Экспериментальное вмешательство привело к количественным изменениям в социально-политических ориентациях: экспериментальные группы продемонстрировали $\Delta = 1{,}47$ балла по шкале в сравнении с контрольной группой ($\Delta = 0{,}05$); величина эффекта достигла $\eta^2 = 0{,}38$, превысив традиционные пороги для образовательных вмешательств. Образовательные модели действовали как катализаторы, ускоряя смену ориентации с помощью структурированных педагогических механизмов, а не пассивного воздействия. Теоретический вклад был получен благодаря методологическим инновациям: модели адаптированы к кросс-культурному контексту; интеграция смешанных методов позволила выявить изменения ориентации; иерархическое моделирование позволило учесть эффект институциональной кластеризации. Экспериментальное подтверждение установило причинно-следственные связи между образовательным вкладом и социально-политическими результатами – предполагаемые взаимосвязи получили эмпирическое обоснование.

Практические приложения выкристаллизовываются из доказательных рамок оптимизации: коэффициенты интерактивности ($\beta = 0{,}42$) определяют решения о распределении ресурсов; индексы культурной значимости ($\beta = 0{,}38$) информируют о стратегиях адаптации контента; размеры эффекта по модулям ($d = 0{,}42$–$0{,}76$) позволяют целенаправленно внедрять программы. Образовательные системы стран БРИКС получают практические образцы – бразильские учебные заведения делают акцент на совместном обучении (55% времени); российские университеты отдают предпочтение аналитическим компонентам (45% содержания); китайские учреждения используют практические приложения (60% внимания). Протоколы внедрения обеспечивают точность в различных условиях; ежеквартальное обучение поддерживает компетенцию преподавателей; постоянная оценка обеспечивает итеративное совершенствование.

Научная ценность выходит за рамки непосредственных результатов: экспериментальная методология переносится на другие геополитические контексты; проверенные инструменты измеряют развитие многополярного сознания; теоретические рамки интегрируют политическую социализацию с образовательной практикой. Исследование устанавливает образование как вектор геополитической трансформации – систематические вмешательства формируют мировоззрение поколений с помощью измеримых механизмов.

Будущие исследования требуют расширения временных рамок: продольное отслеживание изучает сохранение ориентации после вмешательства; когортные исследования отслеживают участников на протяжении карьерных переходов; межпоколенческие анализы оценивают воздействие на уровне общества. Методологические усовершенствования позволяют устранить существующие ограничения: расширенная выборка включает молодежь, не посещающую университет; натуралистические наблюдения дополняют самоотчеты; методы нейровизуализации позволяют изучить когнитивные механизмы, лежащие в основе изменения ориентации. Международные сети сотрудничества способствуют обмену знаниями; стандартизированные протоколы по-

зволяют проводить межнациональные сравнения; общие базы данных накапливают данные для мета-анализов. Образовательные практики развиваются в ходе непрерывных циклов оптимизации – возникающие геополитические конфигурации требуют адаптивных педагогических реакций; технологические инновации создают новые платформы доставки; искусственный интеллект персонализирует траектории обучения. Сотрудничество БРИКС углубляется благодаря согласованию образовательных программ: гармонизированные учебные планы отражают многополярные перспективы; обмены преподавателями распространяют эффективные практики; совместные программы получения степени институционализируют рамки сотрудничества.

Литература

1. Антонова Н., Сущенко А., Попова Н. Мягкая сила высшего образования как фактор глобального лидерства // Образование и наука. 2020. № 1. С. 31–58.

2. Богданов А. К вопросу об оценке эффективности игровых технологий в рамках формирования политической культуры молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Politology. 2022. Т. 22. № 2. С. 221–225.

3. Дианов С. Политологическое образование в образовательной среде университета: ценностные семантические основания // Конфликтология / nota bene. 2023. № 1. – URL: https://doi.org/10.7256/2454–0617.2023.1.39902

4. Поярков С. Основания и смысл образовательно-педагогической деятельности и её задачи в политико-правовой сфере // Политика и общество. 2021. № 1. – URL: https://doi.org/10.7256/2454–0684.2021.1.33756

5. Рожкова Л., Дубина А., Сальникова О., Корж Н., Каримова Л. Внешнеполитические ориентации современной молодежи в условиях международной напряжённости // Российский журнал региональных исследований. 2024. Т. 32. № 4. С. 793–815.

6. Стародубцева М. Некоторые аспекты формирования антитеррористической идеологии в молодежной среде // Российско-азиатский юридический журнал. 2022. № 2. С. 8.

7. Хомяков М. БРИКС и за его пределами: некоторые принципы образовательного сотрудничества на глобальном Юге // B: Education and Cooperation in the Global South. 2021. С. 221–247.

8. Adeyemo K., Sing N., Adewusi A. Education and Training Policies in South Africa and the BRICS Countries // The Education Systems of Africa. 2020. – URL: https://doi.org/10.1007/978–3–030–43042–9_32–1

9. Batan C., Cooper A., Côté J., Gilbert-Roberts T., Hettige S., Miranda A., Nilan P., Philipps J., Ugor P. Global South Youth Studies: Its Forms and Differences among the South, and between the North and South // The Oxford Handbook of Global South Youth Studies. 2020. – URL: https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780190930028.013.4

10. De Villiers D., De Villiers A. A Comparative Review of Education Policy in Brazil and South Africa: Divergent Trends in Inequality // Athens Journal of Education. 2022. Т. 10. № 2. – URL: https://doi.org/10.30958/aje.10–2–8

11. Diko N., Sempijja N. Conduit for Economic Growth and Development? Exploring South Africa and Brazil's BRICS Membership // Politikon. 2021. Т. 48. P. 355–371.

12. Evans M., Peterson A., Fülöp M., Kiwan D., Sim J., Davies I. Pedagogy and youth civic engagement: Shifting understandings, emergent considerations and persisting challenges // Citizenship Teaching and Learning. 2020. Т. 15. P. 155–186.

13. Jeifets V., Jubran B. The rise and fall of a strategic partnership: Brazilian-Russian relations within the BRICS framework // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2020. № 3. – URL: https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.302

14. Kubicek P. Islamist Political Orientations among Central Asian Youth // Europe-Asia Studies. 2019. Т. 71. P. 840–855.

15. Kutlay M. Politics of New Developmentalism: Turkey, BRICS and Beyond. 2019. – URL: https://doi.org/10.4324/9780429023064

16. Muhammadabdanshadiq I., Gustiernawat I., Noori'a N., Ulfiyahnandafirma N., Nekaerlyan I. Educational Intervention Program for Young Voters: Improving Political Knowledge and Voting Behavior in the 2020 Simultaneous Local Elections // Jurnal Politik. 2022. Т. 8. № 1. – URL: https://doi.org/10.7454/jp.v8i1.1061

17. Neuwirth R. "BRICS Law": An Oxymoron, or From Cooperation, via Consolidation, to Codification? // Development Economics: Macroeconomic Issues in Developing Economies eJournal. 2019. Т. 6. № 4. P. 6–33.

18. Nwankwo C. Global fault-lines model and global political economy // Open Political Science. 2019. Т. 2. P. 34–44.

19. Ouyang Y., Yi X., Tang L. Shared Growth of Foreign Trade of the BRICS Countries // Growth and Transformation of Emerging Powers. 2019. – URL: https://doi.org/10.1007/978–981–32–9744–9_5

20. Penalva J. Contemporary Methodological Perspectives in Educational Research on 'Teachers' Practice': Assumptions and Shortcomings for 'Effective Practices' // European Educational Research Journal. 2019. Т. 18. P. 461–482.

21. Ranco S., Gilmer A., Loomis C. Global Citizenship Education in Canada and the U.S.: From Nation-Centric Multiculturalism to Youth Engagement // Global Citizenship Education. 2020. – URL: https://doi.org/10.1007/978–3–030–44617–8_11

22. Reed A. Nostalgia as Pedagogical Practice: Democratic Education in Rural South Africa // Journal of Applied Youth Studies. 2021. Т. 4. P. 1–14.

23. Tapung M. Political Education amid the Revivalism of Youth Political Volunteers // AL–ISHLAH: Jurnal Pendidikan. 2022. Т. 14. № 3. – URL: https://doi.org/10.35445/alishlah.v14i3.1581

24. Valiente O., Capsada-Munsech Q., De Otero J. Educationalisation of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe // European Educational Research Journal. 2020. Т. 19. P. 525–543.

25. Willeck C., Mendelberg T. Education and Political Participation // Annual Review of Political Science. 2021. – URL: https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120–014235

26. Zeyad M., Mohammed H., Ahmed M., Yaseen A. The Effectiveness of the Brunner Model for Developing Technical Skills for Fifth Year Middle School Students in Art Education // Journal of Psychology and Political Science. 2022. Т. 21. № 1. P. 13.

THE EFFECTIVENESS OF EDUCATIONAL PRACTICES: EXPERIMENTAL EVIDENCE OF THE INFLUENCE OF EDUCATIONAL MODELS ON THE SOCIO-POLITICAL ORIENTATIONS OF YOUNG PEOPLE IN BRICS COUNTRIES

Abilova G.V.

Moscow State Institute of International Relations, BRICS+ International School

The study explores the impact of educational programs on shaping the socio-political orientations of BRICS youth. Its aim is to experimentally assess the effectiveness of models that foster a multipolar worldview. An international experiment (n = 1340) confirmed the growth of civic engagement and critical thinking. Education is shown to be a key instrument in shaping political culture and promoting integration among BRICS countries. The findings can be applied in developing joint educational strategies and youth initiatives within the alliance.

Keywords: political socialization, multipolar worldview, pedagogical intervention, civic consciousness, cross-cultural pedagogy, youth identity formation, geopolitical education.

References

1. Antonova N., Sushchenko A., Popova N. The Soft Power of Higher Education as a Factor in Global Leadership // Education and Science. 2020. № 1. Pp. 31–58.

2. Bogdanov A. On Assessing the Effectiveness of Gaming Technologies in the Framework of Forming the Political Culture of Young People in Modern Russia // Bulletin of the Saratov University. Sociology Series. Politology. 2022. Vol. 22. № 2. Pp. 221–225.

3. Dianov S. Political Science Education in the University Educational Environment: Value-Semantic Foundations // Conflictology / nota bene. 2023. № 1. – URL: https://doi.org/10.7256/2454–0617.2023.1.39902

4. Poyarkov S. Grounds and meaning of educational and pedagogical activity and its tasks in the political and legal sphere // Politics and Society. 2021. № 1. – URL: https://doi.org/10.7256/2454–0684.2021.1.33756

5. Rozhkova L., Dubina A., Salnikova O., Korzh N., Karimova L. Foreign policy orientations of modern youth in the context of international tension // Russian Journal of Regional Studies. 2024. Vol. 32. № 4. Pp. 793–815.

6. Starodubtseva M. Some Aspects of the Formation of Anti-Terrorist Ideology among Young People // Russian-Asian Law Journal. 2022. № 2. P. 8.

7. Khomyakov M. BRICS and Beyond: Some Principles of Educational Cooperation in the Global South // In: Education and Cooperation in the Global South. 2021. Pp. 221–247.

8. Adeyemo K., Sing N., Adewusi A. Education and Training Policies in South Africa and the BRICS Countries // The Education Systems of Africa. 2020. – URL: https://doi.org/10.1007/978–3–030–43042–9_32–1

9. Batan C., Cooper A., Côté J., Gilbert-Roberts T., Hettige S., Miranda A., Nilan P., Philipps J., Ugor P. Global South Youth Studies: Its Forms and Differences among the South, and between the North and South // The Oxford Handbook of Global South Youth Studies. 2020. – URL: https://doi.org/10.1093/OXFORDHB/9780190930028.013.4

10. De Villiers D., De Villiers A. A Comparative Review of Education Policy in Brazil and South Africa: Divergent Trends in Inequality // Athens Journal of Education. 2022. Т. 10. № 2. – URL: https://doi.org/10.30958/aje.10–2–8

11. Diko N., Sempijja N. Conduit for Economic Growth and Development? Exploring South Africa and Brazil's BRICS Membership // Politikon. 2021. Т. 48. P. 355–371.

12. Evans M., Peterson A., Fülöp M., Kiwan D., Sim J., Davies I. Pedagogy and youth civic engagement: Shifting understandings, emergent considerations and persistent challenges // Citizenship Teaching and Learning. 2020. Т. 15. P. 155–186.

13. Jeifets V., Jubran B. The rise and fall of a strategic partnership: Brazilian-Russian relations within the BRICS framework // Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations. 2020. № 3. – URL: https://doi.org/10.21638/spbu06.2020.302

14. Kubicek P. Islamist Political Orientations among Central Asian Youth // Europe-Asia Studies. 2019. T. 71. P. 840–855.

15. Kutlay M. Politics of New Developmentalism: Turkey, BRICS and Beyond. 2019. – URL: https://doi.org/10.4324/9780429023064

16. Muhammadabdanshadiq I., Gustiernawat I., Noori'a N., Ulfiyahnandafirma N., Nekaerlyan I. Educational Intervention Program for Young Voters: Improving Political Knowledge and Voting Behavior in the 2020 Simultaneous Local Elections // Jurnal Politik. 2022. T. 8. № 1. – URL: https://doi.org/10.7454/jp.v8i1.1061

17. Neuwirth R. "BRICS Law": An Oxymoron, or From Cooperation, via Consolidation, to Codification? // Development Economics: Macroeconomic Issues in Developing Economies eJournal. 2019. T. 6. № 4. P. 6–33.

18. Nwankwo C. Global fault-lines model and global political economy // Open Political Science. 2019. T. 2. P. 34–44.

19. Ouyang Y., Yi X., Tang L. Shared Growth of Foreign Trade of the BRICS Countries // Growth and Transformation of Emerging Powers. 2019. – URL: https://doi.org/10.1007/978–981–32–9744–9_5

20. Penalva J. Contemporary Methodological Perspectives in Educational Research on 'Teachers' Practice': Assumptions and Shortcomings for 'Effective Practices' // European Educational Research Journal. 2019. T. 18. P. 461–482.

21. Ranco S., Gilmer A., Loomis C. Global Citizenship Education in Canada and the U.S.: From Nation-Centric Multiculturalism to Youth Engagement // Global Citizenship Education. 2020. – URL: https://doi.org/10.1007/978–3–030–44617–8_11

22. Reed A. Nostalgia as Pedagogical Practice: Democratic Education in Rural South Africa // Journal of Applied Youth Studies. 2021. T. 4. P. 1–14.

23. Tapung M. Political Education amid the Revivalism of Youth Political Volunteers // AL–ISHLAH: Jurnal Pendidikan. 2022. T. 14. № 3. – URL: https://doi.org/10.35445/alishlah.v14i3.1581

24. Valiente O., Capsada-Munsech Q., De Otero J. Educationalization of youth unemployment through lifelong learning policies in Europe // European Educational Research Journal. 2020. T. 19. P. 525–543.

25. Willeck C., Mendelberg T. Education and Political Participation // Annual Review of Political Science. 2021. – URL: https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-051120–014235

26. Zeyad M., Mohammed H., Ahmed M., Yaseen A. The Effectiveness of the Brunner Model for Developing Technical Skills for Fifth Year Middle School Students in Art Education // Journal of Psychology and Political Science. 2022. T. 21. № 1. P. 13.

Ключевые факторы, определяющие современный подход Республики Корея к использованию инструментов «мягкой» силы во внешней политике

Варгина Валерия Михайловна,
соискатель кафедры мировых политических процессов,
МГИМО МИД России
E-mail: valeria.vargina@gmail.com

В данной статье проанализированы системообразующие характеристики «мягкой» силы Республики Корея. С целью определения ключевых особенностей корейской системы автор анализирует группы факторов, а именно культурно-исторические, экономические, политические и социальные, которые оказывают влияние на использование государством «мягкой» силы с точки зрения потенциального распространения национальных ценностей за пределами государства. Кроме того, в рамках исследования применен метод SWOT-анализа, который позволил комплексно оценить проанализированные факторы и их роль в корейском контексте. Результатом исследования стало изучение возможности адаптации корейских сценариев в альтернативных условиях.

Ключевые слова: «мягкая» сила, Республика Корея, факторы внешней политики, SWOT-анализ, лучшие практики корейской политики.

На сегодняшний день в условиях усложнившейся геополитической ситуации и связанных с этим конъюнктурных изменений на повестку выходят вопросы культурно-гуманитарного сотрудничества. Будущий мировой порядок формируется под идеологическим влиянием наиболее сильных игроков с точки зрения успешности продвижения национальных интересов за рубежом и усиления привлекательности национальных систем для иностранцев. Более того, условия пандемии коронавируса ускорили многие процессы международной коммуникации и обмена за счет перехода в онлайн-формат и подтвердили необходимость развития каналов международного взаимодействия для принятия совместных оперативных мер по решению кризисных ситуаций.

Очевиден успех Южной Кореи в усилении привлекательности региона и развитии гуманитарного сотрудничества. В свою очередь, «чудо на реке Хан», превратившее аграрное государство в международного лидера инноваций после получения независимости обусловлено, в том числе, активной гуманитарной политикой, развивающейся и в настоящее время. На прогресс Южной Кореи оказали влияние инвестиции в образование и науку, результатом которых стали изобретательность и адаптивность корейского подхода к развитию страны.

С конца XX века, когда Дж. Най заложил концептуальную основу исследований «мягкой» силы, данная теория не раз становилась предметом дискуссий в научной и политической среде. Ключевым компонентом в данной концепции является привлекательность страны для других. Более того, отдельное внимание в одной из своих работ американский исследователь уделил именно феномену распространения корейской культуры. Однако, несмотря на анализ трех составляющих «корейской волны» (прим.: «феномен, обозначающий растущую популярность корейской культуры и ее массовое распространение в мире»), а именно фильмы, музыкальные группы и корейские сериалы, а также успех корейского маркетинга, авторы упустили влияние других не менее важных инструментов «мягкой» силы, к которым относятся образование и наука.

Стоит отметить, что потенциал восточноазиатского региона в целом возрастает с каждым годом. Южная Корея способна играть ключевую роль в решении транснациональных проблем, а также способствовать достижению глобальных целей развития, что представляется возможным при расширении повестки внешней политики. Республика Корея сегодня задает тренды и является амбассадором азиатской культуры в целом. Корейский кейс является примером применения ряда успешных практик в области публичной дипломатии, что свидетельствует о возможности использования ее опыта в других странах. Многие исследователи указывают на положительное влияние имиджа Кореи на развитие ее экономических, политических и других сфер межгосударственных отношений.

Республика Корея как предмет отечественных исследований становится все более актуальным, так, пример Санкт-Петербургского университета свидетельствует о значительном возрастании числа исследований, посвященных корейской проблематике с 2010 года, что связано, в том числе, с увеличением объемов финансирования данной сферы научных интересов корейской стороной. Изучением корейской «мягкой» силы и разнообразия ее инструментов в современной отечественной науке занимаются такие исследователи как А.Э. Матосян, Ю.Г. Григорьева, М.Е. Осетрова, Е.А. Островская, И.Б. Строганова и другие.

Однако в связи с новизной исследуемой в данной работе проблематики и одновременной ее актуальностью становится очевиден дефицит исследований по тематике южнокорейской гуманитарной политики как в российской, так и в зарубежной литературе, что свидетельствует об актуальности данного исследования. Изучение опыта иностранного государства требует детального анализа не только существующей системы, но и определения общего контекста и катализаторов изменений. Стоит отметить, что выявление ключевых факторов развития «мягкой» силы Республики Корея способствует комплексному изучению лучших практик зарубежной политики. Опыт стремительного перехода из аграрной страны в лидера инноваций в условиях сложной политической ситуации на границе с Северной Кореей, а также отмеченную исследователями роль государства в процессах модернизации позволит выявить наиболее уместные в российских реалиях лучшие

корейские практики и адаптировать их для российской системы образования и работы с молодежью.

Методологическую основу комплексного и системного исследования факторов, оказавших влияние на развитие инструментов «мягкой» силы Республики Корея, составили совокупность исторических и логических методов. В ходе систематизации основополагающих стратегических документов в сфере международных отношений были выявлены характерные черты и концептуальные основы «мягкой» силы Республики. Был применен метод дедукции, в процессе которого фундаментальные положения корейской политики были декомпозированы и проанализированы. Среди ключевых факторов выделены культурно-исторические, экономические, политические и социальные. В ходе исследования был проведен SWOT-анализ контекста развития актуальной публичной дипломатии, в рамках которого была дана оценка выявленным факторам влияния. На основе анализа спрогнозировано дальнейшее развитие предмета исследования и выбрано оптимальное решение, адаптируемое в реалиях другого государства. Данная методика соответствует теоретической и практической значимости исследования.

В стратегии развития международных отношений Правительство Республики Корея придерживается термина «публичная дипломатия». Здесь данная проблематика неоднозначна и имеет ряд особенностей. В первую очередь стоит отметить заимствование Кореей концепции публичной дипломатии у Запада, в частности, США, что может свидетельствовать о некотором уровне неопределенности в процессе восприятия корейского термина. Кроме того, как правило, официальное определение публичной дипломатии в большей степени отражает классические идеи Дж. Ная о «мягкой» силе и цель, характерную для эпохи «холодной» войны в части завоевания сердец людей. Более того, несмотря на упоминание термина в Белой книге в 2006 году, когда корейская публичная дипломатия предполагала ориентацию на открытость и участие граждан, впервые традиционная концепция публичной дипломатии была институализирована как одна из трех основ дипломатии только в 2010 году [3]. Упор был сделан на распространение культуры.

На сегодняшний день, как уже было отмечено ранее, в своей дипломатической деятельности правительство Южной Кореи уделяет отдельное внимание публичной дипломатии. Это одна из немногих стран, институализовавшая в 2016 году «Закон о публичной дипломатии», а также формат его исполнения, что указывает на высокую степень проработанности данного направления и ведущую роль страны в сфере публичной дипломатии. Законом закреплена необходимость составления плана по реализации публичной дипломатии с пятилетним горизонтом планирования.

Согласно Статье 2 Закона о публичной дипломатии Республики Корея, публичная дипломатия – это дипломатическая деятельность, посредством которой государство способствует пониманию и укреплению доверия иностранных граждан к Республике Корея напрямую или в сотрудничестве с местными органами власти или частным сектором на основе культуры, знаний, политики и т.д. [5] Целью корейского подхода является укрепление своей роли в качестве Глобального ключевого государства для продвижения национальных интересов, укрепление позиции центра науки, технологий и культуры, а также выстраивание цифровой, инновационной экосистемы для публичной дипломатии. Стоит отметить, что идея о Глобальном ключевом государстве прослеживается также в формировании концепции внешней политики США, где упомянутая категория стран может влиять на регион и определять его стабильность и безопасность.

Общее видение развития публичной дипломатии базируется на трех приоритетных целях: отстаивание национальных интересов, укрепление позиции Республики Кореи как центра науки, технологий и культуры, а также формирование цифровой, инновационной экосистемы публичной дипломатии. В связи с этим, корейское правительство закрепляет ряд конкретных задач, подразумевающих развитие каналов коммуникации, укрепление бренда страны, развитие системы образования, содействие технологическому развитию и использование умных технологий (в том числе мета вселенной и искусственного интеллекта), профессиональное развитие молодежи в сфере публичной дипломатии, развитие государственно-частного партнерства по направлению работы с соотечественниками [5].

Правительство Республики Корея отдельно делает акцент на развитии научно-технического потенциала страны. Министерство иностранных дел Республики Корея предпринимает попытки укрепить дипломатию в научно-технической сфере, способствуя системному развитию отрасли. Данное направление включает развитие космической повестки. Пленарное заседание Совещательного комитета по дипломатии в сфере науки и технологий под председательством Министра иностранных дел Кореи состоялось уже в 2022.

Весомая роль отводится не только укреплению каналов коммуникации, но и использованию образования как инструмента для достижения стратегических целей внешней политики в части распространения корейского языка, повышения уровня понимания Южной Кореи, обмена технологиями и результатами прорывных исследований, а также интернационализации высшего образования.

Таким образом, современная концептуальная основа корейской публичной дипломатии представляет собой постоянно развивающуюся, с учетом особенностей времени, но проработанную систему нормативных правовых документов, раскрывающих потенциал укрепления корейской «мягкой» силы. Республика использует спектр различных инструментов для наиболее эффективного и таргетного выполнения поставленных задач, что обусловлено ключевыми факторами развития актуальной корейской конъюнктуры.

На развитие современной политической системы и приоритетов внешней политики оказали влияние ряд факторов, которые представляют научный интерес с точки зрения комплексного подхода к изучению мировых политических процессов и лучших зарубежных практик. В данной статье предлагается рассмотреть четыре основные группы факторов, оказывающие влияние на стратегию корейской внешней политики в целом и инструменты «мягкой» силы в частности.

В первую очередь стоит отметить роль исторических и культурных факторов в развитии характерных черт современной политики государства. О влиянии данной группы факторов в своих трудах указывали С. Хантингтон, А. Тойнби, И.Н. Тимофеев, И. Валлерстайн, Э. Смит и другие исследователи. Согласно данному подходу, государственная политика строится на базовых паттернах национальной идентичности, сформированной в условиях тех или иных исторических особенностей. Каждая страна обладает индивидуальным культурным кодом, который оказывает влияние на траекторию выстраивания политики, в особенности в сфере гуманитарной политики. Более того, цивилизационные факторы могут стать причиной современных противоречий между странами.

С точки зрения культурно-исторического контекста Республика Корея совмещает в себе черты нескольких цивилизаций. Распространение китайской культуры на корейский полуостров начинается в VIII в. до н.э. Результатом влияния становится использование на полуострове китайского языка и постепенное распространение буддизма. При этом, Корея и Япония продолжительное время развивались в географической и геополитической изоляции от внешнего мира, в связи с чем приобрели уникальные культурные и даже религиозные черты, отличные от Китая. Так, согласно цивилизационному подходу Тойнби, корейское общество является «отечески родственным» китайскому, но выделяется вместе с Японией в отдельную дальневосточную цивилизацию [1].

Хантингтон также отмечает родственность синской и корейской цивилизации, но при этом не определяя ее в отдельную группу [2]. Отмечая буддизм как религиозную основу региона, исследователь подчеркивает его важность в культуре и одновременно указывает на невозможность их отнесения к буддистской цивилизации в связи с влиянием христианства в Южной Корее. Действительно, согласно актуальной статистике доли христиан и буддистов среди верующего населения Республики превалируют и являются равными.

В современном обществе наблюдается тенденция отказа от религии и переход к западным ценностям «демократии», «свободы» и «индивидуализма». Не верующее население составляет около 50% [10], что свидетельствует о постепенном отказе от традиционных ценностей и формировании либеральной среды космополитических ценностей. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 сентября 2024 года № 2560-р Республика Корея вошла в перечень иностранных государств и территорий, реализующих политику, навязывающую деструктивные неолиберальные идеологические установки, противоречащие традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Таким образом, анализ современных ценностей Южной Кореи через призму цивилизационного подхода свидетельствует о дихотомии восточного и западного подходов. Несмотря на общность культурно-исторических черт с Китаем, а также со странами региона, современная Южная Корея склонна отстаивать идеи демократии, свободы и рыночной экономики, традиционно лежащие в основе политики западного мира. Данная совокупность факторов свидетельствует, с одной стороны, об удачном симбиозе характеристик различных цивилизаций, что делает корейские ценности более универсальными и понятными для большой группы людей, расширяя тем самым целевую аудиторию корейских ценностей и идей, с другой стороны, ставит под угрозу суверенитет страны и может привести к потере национальной идентичности.

Уровень экономического развития, безусловно, оказывает влияние на укрепление инструментов «мягкой» силы страны. Ориентиру-

ясь на открытость и заимствование «лучших» западных практик, экономика Южной Кореи быстрыми темпами укрепляет свой потенциал, несмотря на последствия пандемии коронавируса. Общее состояние экономики страны оценивается как стабильное и привлекательное для иностранных инвестиций.

В рамках данного исследования отдельно хотелось бы отметить такие экономические факторы как бюджетная политика, участие частного бизнеса в деятельности, укрепляющей позицию страны на международной арене, а также объем иностранных инвестиций в экономику страну и зарубежные инвестиции.

При анализе бюджета Республики Корея на 2024 год и плановый период, стоит отметить превалирующую и увеличивающуюся долю расходов на социальную сферу. Наибольший рост в процентном соотношении характеризует именно сферу дипломатии и воссоединения, а именно 19,5%, в условиях весомых расходов на научно-исследовательскую деятельность (31,1 млрд USD) и образование (96,3 млрд USD) [9]. В рамках укрепления гуманитарного направления предполагается не только помощь странам, но и стимулирование корейских студентов к обучению за границей, содействие в распространении корейского языка за рубежом, создание видео-контента о правах человека в Северной Корее.

Частный бизнес Республики Корея играет немаловажную роль в усилении «мягкой» силы страны. Корейские компании особое внимание уделяют маркетингу и позиционированию контента за рубежом. В первую очередь, стоит отметить успех корейской драмы и поп-музыки, которые привели к буму распространения корейской культуры. Корейские частные университеты так же лидируют в региональных и страновых рейтингах.

Статистика объема иностранных инвестиций свидетельствует о том, что лидерами по объему инвестиций в Республику Корея являются Япония (24% – $60,608), США (14% – $35,906), Сингапур (11% – $28,508). Инвестиции Республики Корея в свою очередь направляются в США (26% – $139,266), Китай (18% – $95,423), Вьетнам (7% – $36,292) и другие страны [8]. Причем суммарный объем иностранных инвестиций Республики Корея в другие страны практически в два раза превышает объем иностранных инвестиций в Республику и составляет $534,117 и $251,736, соответственно. Данный факт может свидетельствовать о состоятельности корейской экономики и интересе расширять свое присутствие за рубежом. Более того, стоит отметить увеличивающийся интерес Республики к Центрально-Азиатскому региону, помимо Юго-Восточного направления.

Таким образом, финансирование сферы деятельности публичной дипломатии и секторов экономики, способствующих укреплению образа Республики Корея за рубежом, имеет фундаментальное значение для развития успешного сотрудничества с сильными западными партнерами и распространения своей «мягкой» силы за пределами государства, включая такие новые для Кореи регионы как Центральная Азия.

Анализ данных факторов свидетельствует о перспективах дальнейшего развития инструментов «мягкой» силы в первую очередь благодаря имеющемуся финансовому ресурсу в виде успешных стратегий частного сектора и увеличения государственных ассигнований. В свою очередь при либеральном экономическом подходе фактор участия частного капитала может стать угрозой, если распространяемая информация перестанет отвечать национальным интересам государства, так как основными опорными точками роста для бизнеса всегда останется прибыль и спрос. В этой связи такая корейская цель как распространение «правильного» представления о Корее может быть поставлена под угрозу. Инвестиции из страны превышают инвестиции в страну, что может свидетельствовать об утечке капитала за рубеж и определенно оценивается отрицательно. С другой стороны, это противопоставляется расширению территории интересов в странах Центрально-Азиатского региона, что связано не только с популяризацией корейской культуры, но и внедрением стипендиальной программы KOICA, направленной не только на гуманитарную помощь развивающимся странам, но и привлечение кадров в страну.

Политический климат страны оказывает влияние на формирование актуальной стратегии внешней политики, а также определяет инструменты «мягкой» силы государства. Данная категория факторов может быть поделена на две группы влияния: внешние и внутренние.

К внешним факторам относится пул наиболее близких иностранных партнеров и релевантные соглашения о гуманитарном сотрудничестве. Здесь на первый план выходит сотрудничество с США. Помимо регулярных встреч на высоком уровне страны заключили союз в рамках оказания гуманитарной помощи по линии USAID. С другой стороны, актуальным для Республики является укрепление сотрудничества и продвижение своих интересов в Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе, о чем свидетельствует возобновление трехстороннего диалога между Республикой Кореей, Китаем и Японией, несмотря на наличие противоречий и разногласий. При этом в рамках одной из встреч на высоком уровне среди приоритетных направлений сотрудничества были отмечены именно гуманитарные обмены в сферах туризма, культуры и образования. Отдельным пунктом выделено увеличение масштабов студенческого обмена и расширение партнерской сетки в рамках региона, а также развитие аналитических центров страны.

Весомым внешним фактором является неопределенность в отношениях с Северной Кореей, а также признаваемая в связи с этим угроза корейской национальной безопасности. В данный момент мир между соседями основан на соглашении о перемирии, однако возможность отказа от него не раз выносилась на повестку со стороны КНДР. Методы и формы ведения внешней политики стран отличны. Республика Корея в своей внешней политике осуществляет своего рода культурную экспансию, однако приоритетом Северной Кореи остаются военно-политические инструменты. На современном этапе диалог можно оценить как неэффективный.

Внутренний политический климат характеризуется противостоянием правящей консервативной партии «Сила народа» и Демократической партией Кореи, удержавшей большинство в парламенте в результате выборов в Парламент весной 2024 года. Несмотря на большое количество разногласий по поводу развития внутренней политики государства, партии придерживались схожей внешнеполитической риторики, направленной на укрепление партнерских отношений с США. Однако выборы показали приоритет внутренних проблем над внешними в части недоработок социальной политики и желание избирателей увидеть фундаментальные изменения. Современная турбулентность внутренней политической системы Республики также требует решительных мер по контролю ситуации.

Таким образом, при анализе совокупности данных политических факторов можно сделать вывод о том, что Республика Корея развивает свои инструменты «мягкой» силы в условиях общей политической напряженности, балансируя между противоречивыми отношениями с ближайшими соседями и расширением горизонтов влияния. С одной стороны, население хочет видеть реформы и сохраняет интерес к внутренней повестке, с другой – Республика Корея существует в постоянном политическом напряжении из-за нерешенного конфликта с Севером, необходимостью сотрудничать с Японией, с которой периоды сотрудничества сменялись конфликтами, захватами и войнами, в рамках укрепления союза с США, и в то же время сохраняя контакты с КНР.

Социальная группа факторов также напрямую влияет на процессы, происходящие в государстве. Демографический состав населения, уровень образования в стране, а также роль мигрантов в экономике страны оказывает влияние на результативность осуществление выработанной политики и выбор политического курса.

Согласно статистике, с 2020 года в Южной Корее начинается спад численности населения, усложняющийся низким коэффициентом рождаемости (0,89) [7]. Молодые корейцы все чаще откладывают рождение детей или вовсе отказываются от этого по различным причинам. Статистические прогнозы свидетельствуют о том, что данный негативный тренд будет сохраняться до 2100 года.

Корейская система образования также имеет ряд характерных особенностей. В первую очередь, отмечается успех Республики в выстраивании системы образования с конца XX века. Средние показатели уровня образования выше средних по странам ОЭСР. Так, в Корее только 2% молодых людей в возрасте 25–34 лет не имеют полного среднего образования [4].

При этом стоит отметить, что ожидаемое число тех, кто иммигрировал в страну в 2024 году вырастет на 30 000 человек по отношению к эмигрировавшим гражданам [10]. Первое место среди мигрирующих иностранцев занимают граждане Китая. Кроме того, в последнее время корейское правительство стимулирует приток иностранных студентов в страну и как было отмечено ранее укрепляет сотрудничество с иностранными государствами в этом направлении.

Анализ показывает, что несмотря на высокий уровень образования, коэффициент рождаемости остается на низком уровне, что свидетельствует о глубинных нерешенных социальных и экономических проблемах, так как данное желание зачастую объясняется отсутствием средств для содержания семьи и жесткостью образовательной и корпоративной систем. Данная очевидно негативная тенденция грозит постепенным старением населения и увеличением нагрузки на молодое население. С другой стороны, одно из решений социальных проблем, помимо разработки современных стимулов для создания семьи, можно увидеть в привлечении иностранцев в страну. Корея открыта для иностранцев с точки зрения возможности обучения в стране, туризма.

Таким образом, результатом исследования стал подробный SWOT-анализ факторов формирования и развития политических инструментов, лежащий в основе системы принятия управленческих решений. Анализ свидетельствует о противоречивости среды развития инструментов «мягкой» силы Республики Корея. Здесь военно-политическая напряженность противостоит распространению политического влияния в других странах региона за счет экономических, политических и культурных инструментов, а развитию частного бизнеса – увеличивающаяся нагрузка на население из-за критического уровня рождаемости.

Проецируя корейскую матрицу факторов на другие страны, стоит отметить, что такие угрозы как отсутствие решения внутренних проблем, старение населения, потеря национальной идентичности, искажения фактов, вызванное успехом частного бизнеса в продвижении корейских ценностей, являются следствием процессов глобализации и господства частной собственности и типичны для многих развитых государств.

Возможно предположить, что будущим оптимальным вектором развития станет укрепление независимости государства, основанное на отстаивании суверенных интересов и экономической независимости от географически отдаленных от полуострова партнеров. Одновременно важно подчеркнуть необходимую стабилизацию отношений с Северной Кореей, до сих пор ставящих под угрозу стабильность в регионе. Кроме того, важный акцент должен быть сделан на решении социальных вопросов, связанных прежде всего с низким уровнем рождаемости.

Сравнивая российские и корейские реалии, становится очевидным, что военно-политическая напряженность на границе с соседними исторически родственными государствами является общей чертой развития внешней политики стран на современном этапе. Однако корейский опыт свидетельствует об успешности механизмов развития инструментов «мягкой» силы, несмотря на данные факторы. Более того, современная Россия также сочетает в себе элементы восточных и западных культур, однако при этом обладает индивидуальным культурным кодом, во многом обусловленным распространением православия на территории государства и многонациональностью. С другой стороны, несмотря на открытость корейского государства к западным инвестициям, российское положение характеризуется большей закрытостью, что может препятствовать развитию инструментов «мягкой» силы на территории недружественных коллег. Здесь, безусловно, заслуживает внимания и историческое отличие Республики Корея и Российской Федерации с точки зрения превалирующей идеологии и роли на политической арене.

В заключение стоит отметить высокий уровень проработанности вопросов «мягкой» силы Республикой Корея. Являясь одной из немногих стран, институализировавших «мягкую» силу, Южная Корея продолжает активно развивать политику в данном направлении и содействовать успешному позиционированию своей страны среди иностранной аудитории. Актуальная стратегия внешней политики в отношении использования «мягкой» силы государства формируется под воздействием внешних и внутренних факторов.

Анализ корейской политической системы, проведенный в данной статье, свидетельствует об ориентации внешней политики на усиление влияния государства в международных процессах и распространении корейских ценностей за пределами страны, в том числе за счет использования инновационных инструментов «мягкой» силы. Следовательно, возвращаясь к фундаментальному представлению о «мягкой» силе как способности, следует отметить высокий потенциал государства в данной сфере.

На сегодняшний день можно выделить четыре группы факторов, оказывающих влияние на формирование современных подходов к использованию «мягкой» силы в стране. К ним относятся культурно-исторические, экономические, политические и социальные факторы. Их анализ свидетельствует об ориентации Республики Корея на укрепление своей роли в качестве ключевого игрока во внешнеполитических процессах, углубление партнерских связей с США и со странами Азиатско-Тихоокеанского региона за счет интернационализации культурно-гуманитарной сферы.

Вместе с тем высока степень иностранного влияния на формирование актуального политического курса. С одной стороны, берущее свое начало в VIII веке до нашей эры китайское государство продолжает свою экспансию на континенте, о чем также свидетельствуют экономические и социальные показатели, с другой – стремление к интенсификации сотрудничества с США и приверженность характерным ценностям демократии, свободы и либерализма. В противовес укреплению военного сотрудничества с США и Японией, корейское правительство продолжает развивать программы, направленные на привлечение иностранного капитала в страну.

Результаты анализа свидетельствуют и о возможном использовании корейских инструментов в других странах, опираясь на матрицу корейских факторов. Политика может быть адаптирована на других схожих по многим аспектам территориях. Общие черты также могут быть найдены и с Российской Федерацией благодаря общности глобальных мировых трендов и близостью географического расположения, что свидетельствует об актуальности данного исследования для отечественной науки. Оптимальным решением по мнению авторов остается ориентация на суверенитет и стабилизацию отношений с ближайшими соседями, а также решение внутренних социальных и политических проблем. Кроме того, важным является сохранение национальной идентичности и культурных особенностей в условиях интернационализации.

Таким образом, данное исследование представляет собой вариант системного и комплексного подхода к изучению инструментов «мягкой» силы, используемых корейским правительством, и свидетельствует о необходимости дальнейшего глубокого изучения релевантных для России эффективных инструментов внешней политики. Успешный корейский опыт может быть адаптирован и по потребности использован другими государствами, имеющими схожий политический контекст.

Литература

1. Тойнби А. Дж. Постижение истории = A Study of History: Избранное / Пер. с англ. Е.Д. Жаркова/ Под ред. В.И. Уколовой и Д.Э. Харитоновича. М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001. 637 с.
2. Хантингтон С.П. Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. М.: АСТ, 2014. 571 с.
3. Ayhan K. An Exploration of Korean Discourses on Public Diplomacy // ResearchGate. [Электронный ресурс]. 2020. Режим доступа: https://www.researchgate.net/profile/Kadir-Ayhan/publication/343524817_An_Exploration_of_Korean_Discourses_on_Public_Diplomacy/links/5f34cec3458515b7291befe4/An-Exploration-of-Korean-Discourses-on-Public-Diplomacy.pdf (дата обращения: 11.11.2025).
4. Education at a Glance 2023: OECD Indicators // OECD Publishing: Paris. [Электронный ресурс]. 2023. Режим доступа: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en/full-report.html (дата обращения: 14.11.2025).
5. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea // Ministry of Foreign Affairs website. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mofa.go.kr/en (дата обращения: 11.11.2025).
6. Nye J., Kim Y. Soft power and the Korean Wave // South Korean Popular Culture and North Korea. Routledge, 2019. С. 41–53.
7. World Population Prospects // United Nations. [Электронный ресурс]. 2024. Режим доступа: https://population.un.org/wpp (дата обращения: 14.11.2025).
8. 2023 Investment Climate Statements: South Korea. Executive Summary // US Department of State. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/south-korea/ (дата обращения: 14.11.2025).
9. 2024 Budget Proposal and 2023–2027 National Fiscal Management Plan // Ministry of economy and finance. [Электронный ресурс]. 2023. Режим доступа: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5622 (дата обращения: 14.11.2025).
10. 국가통계포털 // KOSIS. [Электронный ресурс]. 2024. Режим доступа: https://kosis.kr (дата обращения: 14.11.2025).

KEY FACTORS THAT FORM CURRENT APPROACH OF THE REPUBLIC OF KOREA TO THE INSTRUMENTS OF ITS “SOFT” POWER IN FOREIGN POLICY

Vargina V.M.
MGIMO University

The article analyses fundamental characteristics of the “soft” power of the Republic of Korea. Aiming at finding key features of the Korean system the author considers groups of factors, including cultural and historical, economic, political, and social, that influence government’s “soft” power utilization from the perspective of potential spread of national interests beyond the country. Furthermore, a method of SWOT-analysis was adopted within the research. It allowed a comprehensive evaluation of the factors under investigation and determination of their role in the Korean context. As a result, possibilities of Korean best practices adoption in alternative conditions were suggested.

Keywords: “soft” power, Republic of Korea, foreign policy factors, SWOT-analysis, Korean policy best practices.

References

1. Toynbee A.J. A Study of History: Selected Works / translated from English by E.D. Zharkov; edited by V.I. Ukolova and D.E. Kharitonovich. Moscow: Iris-Press: Rolf, 2001. 637 p.

2. Huntington S.P. Clash of Civilizations / translated from English by T. Velimeeva. Moscow: AST, 2014. 571 p.

3. Ayhan K. An Exploration of Korean Discourses on Public Diplomacy // ResearchGate. [Electronic resource]. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/profile/Kadir-Ayhan/publication/343524817_An_Exploration_of_Korean_Discourses_on_Public_Diplomacy/links/5f34cec3458515b7291befe4/An-Exploration-of-Korean-Discourses-on-Public-Diplomacy.pdf (Accessed: 11.11.2025).

4. Education at a Glance 2023: OECD Indicators // OECD Publishing: Paris. [Electronic resource]. 2023. Available at: https://www.oecd.org/en/publications/education-at-a-glance-2023_e13bef63-en/full-report.html (Accessed: 14.11.2025).

5. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Korea // Ministry of Foreign Affairs website. [Electronic resource]. Available at: https://www.mofa.go.kr/en (Accessed: 11.11.2025).

6. Nye J., Kim Y. Soft power and the Korean Wave // South Korean Popular Culture and North Korea. Routledge, 2019. Pp. 41–53.

7. World Population Prospects // United Nations. [Electronic resource]. 2024. Available at: https://population.un.org/wpp (Accessed: 14.11.2025).

8. 2023 Investment Climate Statements: South Korea. Executive Summary // US Department of State. [Electronic resource]. Available at: https://www.state.gov/reports/2023-investment-climate-statements/south-korea/ (Accessed on 14.11.2025).

9. 2024 Budget Proposal and 2023–2027 National Fiscal Management Plan // Ministry of economy and finance. [Electronic resource]. 2023. Available at: https://english.moef.go.kr/pc/selectTbPressCenterDtl.do?boardCd=N0001&seq=5622 (Accessed on 14.11.2025).

10. 국가통계포털 // KOSIS. [Electronic resource]. 2024. Available at: https://kosis.kr (Accessed on 14.11.2025).

Модели облачной демократии в разных странах (специфика, проблемы. перспективы): компаративный анализ

Крюкова Елена Вячеславовна,
кандидат политических наук, доцент, Государственный университет управления
E-mail: greza21@yandex.ru

В работе определяется сущность категории «облачная демократия», а также на примере некоторых стран анализируются различные модели, подходы и пути развития такой облачной демократии. В частности, в работе анализируется опыт Российской Федерации. Отмечается, что модель облачной демократии в России формируется, однако, как и в Китае, навряд ли можно сказать о сформированной модели такой облачной демократии. Скорее правильнее говорить о том, что в России присутствуют элементы цифровизации госуправления, хотя прослеживаются и отдельные инструменты цифровой, прямой демократии. В связи с этим на сегодняшний день российская модель облачной демократии находится лишь на этапе первичного становления, что обусловлено как проблемой обеспечения надлежащего качества и состояния отдельных демократических институтов в России, так и таким аспектом сравнительно недавнего развития цифровой инфраструктуры в социально-политической коммуникации и системе публичного управления.
Среди основных рисков и проблем, которые возникают в развитии облачной демократии, выделена зависимость цифрового инструментария от компьютерных и интернет-технологий, которые дают сбой, а также подверженность самих систем кибератакам. Нельзя исключать и существующие риски умышленного влияния самих представителей власти на доступность и объективность данных и сведений в рамках облачной демократии. В связи с этим перспективным направлением в развитии отечественной облачной демократии наряду с созданием общефедеральных систем доступа граждан к электронным выборам, к решению проблем федерального, регионального или муниципального уровня в отдельных сферах публичного управления, видится параллельное совершенствование инфраструктуры кибербезопасности, а также развитие и внедрение в систему ресурсов облачной демократии технологий, которые позволят исключить внешнее вмешательство в процессы участия граждан и их объединений в управлении государственными делами.

Ключевые слова: облачная демократия, цифровое правительство, электронная власть, публичное управление, прямая демократия, электронные выборы.

Введение

Вопросы цифровизации всё чаще проникают в те или иные общественные, политические, а также публично-управленческие сферы и области. Цифровизация правительства, а также интеграция в политико-коммуникационную сеть интегративных решений, основанных на цифровом и ином дистанционном взаимодействии, в том числе прямом воздействии общества на власть – новый тренд в развитии системы публичной власти многих стран мира, в том числе и Российской Федерации.

Учитывая то, что данное направление является относительно новым и требует длительной апробации в изыскании безопасной инфраструктуры, а также наиболее взаимоприемлемых условиях для реализации облачной демократии с точки зрения организационно-управленческих и правовых аспектов, представляется необходимым исследовать специфику, проблемы и перспективы внедрения и дальнейшего развития соответствующего механизма в системе публичного управления.

Материалы и методы исследований

За основу исследования были взяты зарубежные и отечественные обзоры и иные практические материалы, отражающие специфику применения отдельных механизмов облачной демократии в публичном управлении. В рамках работы, в частности, исследовались научные подходы следующих авторов: Л.М. Волкова; Н.Е. Дмитриевой; Н.С. Егорова; А.А. Ефимова; А.Л. Миночкина; Б.Н. Сиренко; Н.А. Храмцовской; Г.Ю. Щербаня; P. Baeck; A. Berditchevskaia; M. Branlat; C. Edgar; P. Mesure; M. Rask; B. Shin; J. Floch; и др.

При подготовке научного исследования использовались следующие общенаучные и частные методы исследования: анализ; системный анализ эмпирических данных; контент-анализ; синтез; конкретизация; обобщение; постановка проблем и их решений; формальный; дидактический; восхождение от общего к абстрактному; абстрагирование; сравнение; индукция; и др.

Результаты исследования и обсуждения

На первоначальном этапе исследования следует отразить – что понимается под термином «облачная демократия»? Так, учёный А.Л. Миночкин рассматривает облачную демократию с точки зрения технологической инфраструктуры, применение которой регламентировано правовыми основами, а также которая интегрирована в административно-управленческую структуру, которая позволяет обеспечить прямое участие отдельно взятых граждан или их коллективов в управлении государственными делами, такими делами муниципального уровня, в частности, обсуждать всевозможные правовые и общественные инициативы с применением электронных и информационно-коммуникационных технологий [5, с. 9].

Авторы Л.М. Волков и Ф.Г. Крашенинников рассматривают облачную демократию как следующую степень реализации и претворения демократических институтов, возникающую в сетевом (цифровом) обществе и государстве вместо менее эффективной системы представительной демократии. При этом раскрывая содержание облачной демократии, указанные авторы ссылаются на инфраструктурные возможности применения гражданами ресурсов сети-Интернет и других сервисов для осуществления электронных голосований в выборах РФ, субъектов РФ или муниципальных выборов, для осуществления общественного контроля за результатами таких выборов, а также для оценки правомерности и целесообразности деятельности публичных структур в электронном формате [1, с. 97].

Исследователь Н.С. Егоров даёт следующую трактовку: «Облачная демократия – это форма политического самоуправления граждан в масштабах государств, которая строится на повсеместном использовании интернет-технологий; форма демократии, которая возникнет с развитием сетевого общества» [3, с. 393].

В зарубежных исследованиях прослеживается достаточно схожие позиции. Так, в работе Б. Шин, Ж. Фок, М. Раск и других учёных отмечается, что облачная демократия – это экосистема цифровых инструментов, позволяющих не только гражданам осуществлять свои права и интересы в области участия в управлении государственными делами,

в назначении выборных должностных лиц государственных органов, в обсуждении общественных инициатив, законопроектов, но и также, немаловажно, инфраструктура для коммуникации власти и общества, которая отличается от «классической» модели взаимодействия минимизацией коррупционных и бюрократических проявлений [9].

В других зарубежных исследованиях, раскрывая сущность облачной демократии, говорится, что данный термин включает в себя интеграцию цифровых технологий в процессы и практику демократического управления. Сама по себе концепция облачной демократии получила широкое распространение как преобразующий инструмент, способствующий расширению инструментов для реализации политической активности населения, повышению прозрачности деятельности органов публичной власти, такой прозрачности систем взаимодействия власти и общества. В контексте современных социально-политических условий цифровая демократия обладает потенциалом для существенного изменения способов взаимодействия граждан с органами власти, служащими и должностными лицами, а равно для облегчения организационных и правовых оснований для участия любого желающего гражданина в демократической жизни общества и государства. Используя такие технологии, как социальные сети, системы электронного голосования, официальные порталы органов власти, форумы и платформы для принятия решений на основе всеобщего участия населения, облачная демократия направлена на снижение бюрократических, финансовых, временных, физических, коррупционных и иных административных барьеров для участия граждан в политической жизни [10].

Таким образом, обобщая позиции исследователей, можно резюмировать, что на сегодняшний день облачная демократия рассматривается как некая концепция, предполагающая постепенный переход от представительной формы демократии к прямой за счёт внедрения цифровых, информационно-коммуникационных и интернет-технологий, позволяющих гражданам и их объединениям самостоятельно участвовать в управлении публичными делами, в осуществлении общественного и иного контроля за деятельностью публичных органов власти и учреждений, а также в удалённом формате решать вопросы об инициировании процедур общественных обсуждений.

Какие модели облачной демократии применяются в зарубежных странах? Ответить на данный вопрос достаточно сложно, поскольку сама по себе концепция хоть и находит своё практическое отражение, всё же, практика развития облачной демократии строится преимущественно на экспериментальном и фрагментарном подходе, реализуемом, как правило, на отдельных региональных и муниципальных уровнях, в связи с чем всецело отразить уникальную модель облачной демократии достаточно сложно.

Осуществляя сравнительный анализ систем облачной демократии в странах Запада, можно заметить, что они придерживаются модели, предусматривающей концентрацию технологических и инфраструктурных сил государства на создание системы электронного голосования в публичных выборах, контроля за их процессом, гласности результатов и порядка подсчёта голосов. Так, подобная система в США была интегрирована ещё в 2002 году, хотя нельзя не заметить и недостатки, связанные с тем, что подобная практика применима лишь в нескольких штатах [7, с. 148].

Аналогичным образом развивалась модель облачной демократии Великобритании со ставкой на интеграцию электронных выборов. Следует заметить, что британская модель облачной демократии также включает развитую государственную информационную инфраструктуру для общественных консультаций и обсуждений, которые приобретают юридическую силу. Здесь же следует отметить и благоприятный опыт создания и применения системы онлайн-петиций, которые при получении 100 тыс. электронных подписей могут быть рассмотрены Парламентом [4, с. 130].

Модель облачной демократии Франции отличается в большей мере ориентированностью на участие общественности в обсуждении социально-политических вопросов, в проактивной оценке первичных результатов деятельности органов власти. Так, в рамках инфраструктуры облачной демократии Франции действуют цифровые инструменты инициации гражданами и их объединениями общественных опросов по политическим, правовым, социально-экономическим и иным вопросам. Этот же инструмент позволяет гражданам Франции инициировать обсуждение законопроекта или иного нормативного акта с потенциалом дальнейшего учёта соответствующего общественного мнения в правотворчестве органов государственной власти. В рамках децентрализованной системы облачной демократии граждане Франции также могут участвовать в формировании местных бюджетов, в принятии управленческих решений (к примеру: по вопросам благоустройства муниципалитета; жилищного ремонта; социальной поддержки отдельных групп населения; и т.п.) через цифровые платформы муниципальных советов.

Включает в себя модель облачной демократии Франции и различные электронные системы общественного мониторинга и контроля за публично-правовой деятельностью. В частности, во Франции имеется единый реестр данных о финансовых операциях государственных органов, что позволяет гражданам отслеживать расходы бюджета и оценивать эффективность работы ведомств по данному вопросу. Интернет-портал Государственного комитета контроля и другие ресурсы сети-Интернет также позволяют любому желающему сообщать о нарушениях законодательства служащими, в частности, о таких фактах коррупционного проявления в их деятельности.

Система онлайн-голосования в государственных или муниципальных выборах во Франции при этом не столь развита как в той же Великобритании, США и некоторых других странах Запада, отдавая приоритет преимущественно традиционным способам организации и проведения публичных выборов.

Модель облачной демократии в Китае развита в несколько ином направлении и иной концепции, поскольку как таковой демократический курс и институты демократии в правовых основах Китая не презюмируются, а управление государственными делами осуществляется на основе однопартийной системы. Но даже китайская управленческая система предполагает отдельные инструменты и ресурсы для участия населения в обеспечении содействия выстраиванию эффективной системы государственного управления. Это и государственные системы общественного мониторинга и аудита, которые собирают мнения и предложения населения о работе государственных служб и учреждений, и такие специализированные платформы для сбора и обработки жалоб о нарушении служащими установленных правовых порядков оказания публичных услуг и осуществления своих публичных полномочий, и такая развитая инфраструктура провинциальных и поселенческих порталов, через которые можно подать жалобы, направить предложения о совершенствовании работы местных органов непосредственно сразу по местному признаку [2].

Конечно же, модель облачной демократии формируется и в России, однако, как и в Китае, навряд ли можно сказать о сформированной модели такой облачной демократии. Скорее правильнее говорить о том, что в России присутствуют элементы цифровизации госуправления, что выражается в возможности подачи жалоб на деятельность государственных и муниципальных служб, ведомств, агентств и публичных учреждений через портал Госуслуги, а также через профильные, официальные интернет-сайты этих органов и учреждений, в возможности акцентирования внимания властей и отдельных профильных служб на проблемы в области благоустройства, оказания услуг ЖКХ, содержания дорог, утилизации мусора через региональные сервисы по типу «Мой город».

Однако потенциал развития облачной демократии в России всё же имеется. Во-первых, при организации выборов в Президенты РФ в 2024 году, а также впоследствии при осуществлении выборов в единый день голосования в 2025 году была применена технология цифрового голосования, но только в 25 субъектах РФ. При этом существует небезосновательная техническая проблема, связанная с риском и фактической возможностью фальсификации электронных результатов голосования [8], что в целом обуславливает необходимость дальнейшего обеспечения технологической невозможности внешнего влияния на результаты электронного голосования для обеспечения дополнительных гарантий прямого участия в выборах в рамках облачной демократии.

Во-вторых, в России существует ресурс Российской общественной инициативы. Это официальный государственный портал, где граждане могут выдвигать и поддерживать инициативы. Для подачи инициативы требуется авторизация через ЕСИА «Госуслуги», а инициативы, набравшие определённое количество голосов (100 тыс. на федеральном уровне, 5% населения региона на региональном), направляются в экспертные группы для их дальнейшего рассмотрения. Недостаток данного цифрового ресурса при этом заключается в том, что отсутствует интеграция РОИ с региональными системами по типу «Активный гражданин» или «Добродел». Также существует проблема слабоэффективной системы обработки и продвижения инициатив в государственные органы, а также недостаток, связанный с отсутствием фактической прозрачности в цикле принятия решения по инициативе, получившей необходимое количество голосов [6, с. 472].

В-третьих, нельзя обойти стороной и Проект «Демократор», в рамках которого была разработана площадка для коллективных обращений в органы власти. Механизм площадки заключается в том, что после набора 50 подписей обращение, жалоба или предложение оформляется на бумажном носителе и отправляется в соответствующий орган. Эффективность проекта обеспечивалась Федеральным законом № 59-ФЗ, который обязывает органы власти рассматривать такие обращения

в установленные сроки. Несмотря на перспективность такого решения в рамках облачной демократии, сервис столкнулся с рядом кибератак, а также некоторыми проблемами административно-правового характера в части обеспечения легализации результатов сбора подписей, из-за чего данный проект закрылся.

Выводы

Резюмируя вышеизложенное, можно прийти к выводу, что на сегодняшний день российская модель облачной демократии находится лишь на этапе первичного становления, что обусловлено как проблемой обеспечения надлежащего качества и состояния отдельных демократических институтов в России, так и таким аспектом сравнительно недавнего развития цифровой инфраструктуры в социально-политической коммуникации и системе публичного управления.

Основные риски и проблемы, возникающие в развитии облачной демократии – это зависимость цифрового инструментария от компьютерных и интернет-технологий, которые дают сбой, а сами системы подвергаются кибератакам. Всё это в лучшем случае чревато временным сбоем в возможности реализации механизмов прямой демократии, а в худшем случае – умышленной подменой данных голосований, общественных обсуждений, протоколов по итогам петиций. Нельзя исключать и существующие риски умышленного влияния самих представителей власти на доступность и объективность данных и сведений в рамках облачной демократии.

В связи с этим перспективным направлением в развитии отечественной облачной демократии наряду с созданием общефедеральных систем доступа граждан к электронным выборам, к решению проблем федерального, регионального или муниципального уровня в отдельных сферах публичного управления, видится параллельное совершенствование инфраструктуры кибербезопасности, а также развитие и внедрение в систему ресурсов облачной демократии технологий, которые позволят исключить внешнее вмешательство в процессы участия граждан и их объединений в управлении государственными делами.

Литература

1. Волков Л.М. Облачная демократия: монография / Л.М. Волков, Ф.Г. Крашенников. – Екатеринбург, Кабинетный учёный, 2013. – 240 с.
2. Дмитриева Н.Е. Электронные обращения граждан в органы власти: сравнительный анализ стран БРИКС / Н.Е. Дмитриева // Информационное общество. – 2024. – № 5. – Режим доступа: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/994058643.pdf (дата обращения: 06.12.2025).
3. Егоров Н.С. Облачная демократия как синтез двух форм народовластия: политико-текстологический анализ книги Л.М. Волкова и Ф.Г. Крашенинникова «Облачная демократия» / Н.С. Егоров // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2021. – Том 46, № 2. – С. 392–400.
4. Ефимов А.А. Цифровая демократия в Великобритании: теория и практика государственного управления и предоставления государственных услуг населению / А.А. Ефимов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2025. – № 5. – С. 126–133.
5. Миночкин А.Л. Информационно-политические риски электронной демократии: концептуальный аспект: дисс. канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Л. Миночкин. – Саратов, 2013. – 189 с.
6. Сиренко Б.Н. Российская общественная инициатива как форма демократии / Б.Н. Сиренко, Г.Ю. Щербань // Юго-Западный юридический форум: сборник научных трудов Юго-Западного юридического форума, посвященного 30-летию юридического факультета Юго-Западного государственного университета, Курск, 16 октября 2021 года / Юго-Западный государственный университет. Том Выпуск 1. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. – С. 469–473.
7. Храмцовская Н.А. Законодательство США об электронном правительстве: от правительства, «которое работает лучше», через «электронное правительство» к «открытому правительству» / Н.А. Храмцовская // Информационные технологии: инновации в государственном управлении, 2021. – С. 140–156.
8. Юнеман Р. Ответ Артему Костырко // Эхо Москвы. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20191213192931/https://echo.msk.ru/blog/roman_yuneman/2533791-echo/ (дата обращения: 06.12.2025).
9. Shin B. A systematic analysis of digital tools for citizen participation / B. Shin, J. Floch, M. Rask, P. Baeck, C. Edgar, A. Berditchevskaia, P. Mesure, M. Branlat // Government Information Quarterly. – 2024. – Vol. 41. – Режим доступа: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X24000467 (дата обращения: 05.12.2025).
10. Sunthesis Report: Analysis of the digital democracy ecosystem // Civicus. – Режим доступа: https://www.civicus.org/documents/ddi/ddi_synthesis-report_analysis-of-the-digital-democracy-ecosystem.pdf (дата обращения: 05.12.2025).

MODELS OF CLOUD DEMOCRACY IN DIFFERENT COUNTRIES (SPECIFICS, PROBLEMS. PERSPECTIVES): COMPARATIVE ANALYSIS

Kryukova E.V.
State University of Management

The paper defines the essence of the category "cloud democracy", and analyzes various models, approaches, and ways of developing such a cloud democracy using the example of some countries. In particular, the paper analyzes the experience of the Russian Federation. It is noted that a model of cloud democracy is being formed in Russia, however, as in China, it is unlikely that a model of such a cloud democracy has been formed. Rather, it is more correct to say that there are elements of digitalization of public administration in Russia, although there are also some tools of digital, direct democracy. In this regard, today the Russian model of cloud democracy is only at the stage of initial formation, which is due both to the problem of ensuring the proper quality and condition of individual democratic institutions in Russia, as well as to this aspect of the relatively recent development of digital infrastructure in socio-political communication and the public administration system. Among the main risks and problems that arise in the development of cloud democracy, the dependence of digital tools on computer and Internet technologies that fail, as well as the vulnerability of the systems themselves to cyber-attacks, is highlighted. The existing risks of the deliberate influence of the authorities themselves on the availability and objectivity of data and information within the framework of cloud democracy cannot be excluded. In this regard, a promising direction in the development of domestic cloud democracy, along with the creation of federal systems for citizens' access to electronic elections, to solving problems at the federal, regional or municipal level in certain areas of public administration, is seen as a parallel improvement of cybersecurity infrastructure, as well as the development and implementation of technologies in the system of cloud democracy resources that will eliminate external interference. the processes of participation of citizens and their associations in the management of public affairs.

Keywords: cloud democracy, digital government, electronic government, public administration, direct democracy, electronic elections.

References

1. Volkov L.M. Cloud democracy: a monograph / L.M. Volkov, F.G. Krashennikov. Yekaterinburg, Cabinet Scientist, 2013. 240 p.
2. Dmitrieva N.E. Electronic appeals of citizens to the authorities: a comparative analysis of the BRICS countries / N.E. Dmitrieva // Information Society. – 2024. – No. 5. – Access mode: https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/994058643.pdf (date of request: 06.12.2025).
3. Egorov N.S. Public democracy as a synthesis of two states: the Political and Technical Alliance of the society of L.M. Volkov and I.G. Krashennikov "Universal Democracy" / N.S. Egorov // NOMOTHETICS: Philosophy. Sociology. Pravo. – 2021. – Volume 46, No. 2. – Pp. 392–400.
4. Efimov A.A. Digital democracy in the UK: theory and practice of public administration and provision of public services to the population / A.A. Efimov // Economic and socio-humanitarian research. – 2025. – No. 5. – Pp. 126–133.
5. Minochkin A.L. Information and political risks of e-democracy: a conceptual aspect: dissertation of the Candidate of Political Sciences. Sciences: 23.00.02 / A.L. Minochkin. – Saratov, 2013. – 189 p.
6. Sirenko B.N. Russian public initiative as a form of democracy / B.N. Sirenko, G.Y. Shcherban // South-Western Legal Forum: collection of scientific papers of the South-Western Legal Forum dedicated to the 30th anniversary of the Faculty of Law of South-Western State University, Kursk, October 16, 2021 / South-Western state University. Volume Issue 1. Kursk: Southwestern State University, 2021. Pp. 469–473.
7. Khramtsovskaya N.A. U.S. Legislation on electronic government: from a government "that works better" through "electronic government" to "open government" / N.A. Khramtsovskaya // Information Technologies: Innovations in Public Administration, 2021. Pp. 140–156.
8. Yuneman R. Reply to Artem Kostyrko // Echo of Moscow. – Access mode: https://web.archive.org/web/20191213192931/https://echo.msk.ru/blog/roman_yuneman/2533791-echo / (date of request: 12/06/2025).
9. Shin B. Systematic analysis of digital tools for citizen participation / B. Shin, J. Flock, M. Rask, P. Beck, K. Edgar, A. Berdichevskaya, P. Mesure, M. Branlat // Government Information quarterly. – 2024. – Volume 41. – Access mode: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0740624X24000467 (date of access: 05.12.2025).
10. Thesis report: Analysis of the ecosystem of digital democracy // Civicus. – Access mode: https://www.civicus.org/documents/ddi/ddi_synthesis-report_analysis-of-the-digital-democracy-ecosystem.pdf (date of request: 05.12.2025).

Исследование локализованной интерпретации «духа Китай-Центральная Азия» в Казахстане – на материалах информационного агентства «Казинформ»

Нурбия Юнус,
магистр, Института иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2826086296@qq.com

Ван Цзюань,
доктор филологических наук, доцент факультета русского языка Института иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 229221727@qq.com

В статье исследуется локализованная интерпретация «духа Китай–Центральная Азия» в дискурсе Казахстанского национального информационного агентства «Казинформ». На основе специально сформированного корпуса из материалов о саммитах 2023 и 2025 годов проводится частотный и коллокационный анализ с использованием AntConc, а также дискурс-анализ ключевых нарративов. Результаты показывают, что, при точной передаче основных принципов концепции взаимного уважения, доверия, взаимной выгоды и общей модернизации, казахстанские СМИ выстраивают собственную интерпретационную рамку, определяемую национальными интересами и стратегическими приоритетами. В центре внимания оказываются транспортно-логистическая взаимосвязанность, торгово-экономическое развитие, многомерная безопасность и формирование образа Казахстана как «ответственного регионального партнера». Тем самым «дух Китай–Центральная Азия» переосмысливается как инструмент реализации внутренней модернизации и многовекторной внешней политики. Исследование демонстрирует роль медийного дискурса как ключевого механизма локализации транснациональных концептов и расширяет понимание того, как государственные СМИ целевых стран адаптируют внешнеполитические инициативы к собственным потребностям.

Ключевые слова: Дух Китай–Центральная Азия, Медийный Дискурс, Казинформ, Корпусный Анализ, Региональное Сотрудничество

Данное исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда иностранных языков Китая (двенадцатая очередь финансирования). Настоящая работа представляет собой промежуточные результаты проекта двенадцатой очереди Фонда иностранных языков Китая (ZGWYJYJJ12A077).

Введение

В июне 2025 года в Астане (Казахстан) успешно прошел второй саммит «Китай-Центральная Азия». В ходе саммита президент Китая Си Цзиньпин впервые систематически предложил и подробно изложил «дух Китая и Центральной Азии», заключающийся в «взаимном уважении, взаимном доверии, взаимной выгоде и взаимной помощи, продвижении общей модернизации через высококачественное развитие». Эта концепция была официально включена в декларацию саммита, став основным руководящим принципом развития отношений между Китаем и странами Центральной Азии [5]. Являясь синтезом более чем тридцатилетнего опыта сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии, «дух Китая и Центральной Азии» уходит корнями в более чем двухтысячелетний обмен цивилизациями вдоль Шелкового пути и отвечает современным реалиям регионального сотрудничества. Он обеспечивает как концептуальную основу, так и практическое руководство для создания более тесного сообщества Китая и Центральной Азии с общим будущим [2][6].

Распространение и реализация транснациональных концепций неизбежно проходят процесс локальной адаптации, при этом их коннотации преобразуются и обогащаются в результате взаимодействия с национальными условиями, интересами и дискурсивными рамками стран-получателей. Как ключевая страна в Центральной Азии и принимающая сторона второго саммита, официальная интерпретация «духа Китая и Центральной Азии» в казахстанских СМИ не только касается признания и принятия этой концепции в регионе, но и служит важным окном для наблюдения за стратегическими соображениями центральноазиатских государств в отношении китайских инициатив [4]. В то же время Центральная Азия, как стратегический центр Евразийского континента, долгое время находилась в центре взаимодействия крупных держав. Сотрудничество и взаимодействие между Китаем и Россией в регионе создают сложный геополитический фон для реализации «духа Китая и Центральной Азии» [7].

В существующих исследованиях были теоретически проанализированы основные коннотации, ценностные ориентиры и практические пути реализации «духа Китая и Центральной Азии», подтверждающие его основополагающие принципы сотрудничества в области безопасности, развития и цивилизации [2][6]. Были также изучены практические проявления этого духа в местном сотрудничестве и международном общении [1][3]. Однако эмпирические исследования локализованных механизмов интерпретации этого духа в конкретных странах, особенно в сочетании с медийным дискурсом и геополитическим контекстом целевой страны, еще предстоит углубить. На этом фоне в данном исследовании рассматривается соответствующее освещение событий Казахстанским национальным информационным агентством (далее «Казинформ») с целью ответить на следующие основные вопросы: как «дух Китая и Центральной Азии» проявляется в дискурсивной структуре Казинформа? При верном передаче основных нарративов Китая, какие локализованные интерпретации, отражающие позицию Казахстана, он использует?

Теоретические концепции «духа Китая и Центральной Азии» и локализованные интерпретации

«Дух Китая и Центральной Азии» представляет собой теоретическую кристаллизацию практики сотрудничества Китая с центральноазиатскими странами. Его суть можно резюмировать как органическое единство «четырех обязательств» и «совместной модернизации» [4]. На уровне ценностей «взаимное уважение, взаимное доверие, взаимная выгода и взаимная помощь» составляют этические принципы, регулирующие межгосударственные отношения: Взаимное уважение подчеркивает суверенное равенство и невмешательство во внутренние дела, продолжая дипломатическую традицию пяти принципов мирного сосуществования; углубление взаимного доверия сосредоточено на защите основных интересов, формировании стратегического уровня молчаливого понимания и поддержки; взаимная выгода и взаимовыгодные результаты указывают на глубокую интеграцию промышленных и цепочек поставок, согласуясь с стремлениями обеих сторон к развитию; взаимная помощь расширяет сферу сотрудничества в области безопасности, охватывая скоординиро-

ванные меры реагирования как в традиционных, так и в нетрадиционных областях безопасности [6]. На практическом уровне «продвижение общей модернизации через высококачественное развитие» проясняет стратегические цели сотрудничества, пропагандируя скачкообразное развитие во всем регионе через обмен технологиями, промышленную синергию и инновационные модели [2].

Эта концептуальная основа тесно связана с основными принципами Глобальной инициативы по развитию, Глобальной инициативы по безопасности и Глобальной инициативы по цивилизации. Она не только предоставляет концептуальные ориентиры для построения сообщества Китая и Центральной Азии с общим будущим, но и предлагает эталонную модель сотрудничества между странами Глобального Юга [2][4]. Ее теоретическая ценность заключается в преодолении традиционной модели отношений «центр-периферия» между крупными державами и меньшими государствами, создании новой парадигмы регионального сотрудничества, основанной на равном партнерстве, и придании нового импульса справедливой трансформации международного порядка [6].

«Локализация» представляет собой более динамичную и интерактивную теоретическую концепцию, чем «индигенизация», ее суть заключается в подчеркивании процесса активного восприятия и творческой реконфигурации, которым подвергаются транснациональные и межкультурные идеи при внедрении в конкретные социокультурные контексты. Она выходит за рамки простого лингвистического перевода или формального прививания, представляя собой сложный процесс, в котором значение переосмысливается, наполняется местными ценностями и глубоко переплетается с местными социальными сетями и культурной логикой.

Этот процесс особенно очевиден в дискурсивных исследованиях. Являясь ключевой ареной дискурсивной практики, СМИ «переводят» абстрактные грандиозные нарративы в локализованные нарративы, которые резонируют с эмоциями, интересами и когнитивными рамками отечественной аудитории через конкретные нарративные рамки, лексический выбор и семантические ассоциации. Таким образом, изучение «локализации» в основном включает в себя анализ того, как идея активно интерпретируется и применяется местными акторами (такими как СМИ или учреждения), тем самым генерируя «новое значение», которое происходит от первоначальной концепции и обладает отличительными местными характеристиками.

Локализованное распространение транснациональных концепций представляет собой интерактивный процесс, в котором медийный дискурс стран-реципиентов часто служит основным средством концептуальной реконфигурации [3]. Существующие исследования показывают, что освещение китайских инициатив в СМИ Центральной Азии имеет прагматические и локализованные характеристики, склоняясь к интеграции концепций регионального сотрудничества с национальными стратегиями развития [9]. Например, казахстанские СМИ часто соотносят темы регионального сотрудничества с новой экономической политикой «Светлый путь» в своих репортажах, подчеркивая центральную роль транспортной доступности и экономического сотрудничества.

С точки зрения стратегий построения медийного дискурса, выбор высокочастотного словарного запаса и семантических словосочетаний часто отражает акцент, делаемый на ключевых вопросах. Исследования показывают, что в центральноазиатских СМИ при освещении вопросов сотрудничества с Китаем такие термины, как «сотрудничество», «развитие», «безопасность» и «взаимосвязанность», встречаются с высокой частотой и часто связаны с национальными ключевыми интересами. Например, казахстанские СМИ уделяют приоритетное внимание «развитию логистики» и «транспортной интеграции» в репортажах о сотрудничестве, а узбекские СМИ сосредоточены на модернизации сельского хозяйства и сотрудничестве в области энергетики [8][9]. Такой тематический выбор соответствует сути «духа Китая и Центральной Азии» и отражает локальные интересы.

С точки зрения международной коммуникации, синергия между аналитическими центрами и СМИ стала важной опорой для транснационального распространения «духа Китая и Центральной Азии». Многоязычные отчеты, публикуемые Национальным аналитическим центром высокого уровня информационного агентства «Синьхуа», благодаря подробным тематическим исследованиям и анализу достижений в области сотрудничества на основе данных, эффективно повысили международное признание инициатив Китая [3]. Однако в процессе распространения информации по-прежнему существуют проблемы, в том числе культурные различия и асимметрия информации. Неправильные представления некоторых граждан Центральной Азии о китайском сотрудничестве, такие как «долговая ловушка» и «разграбление ресурсов», требуют решения с помощью более точных локализованных коммуникационных стратегий [9].

Основные семантические поля локализованных интерпретаций «духа Китая и Центральной Азии»

Данное исследование основано на специально сконструированном корпусеиз национального информационного агентства Казахстана (Казинформ), который содержит 17 соответствующих репортажей, опубликованных во время первого и второго саммита в 2025 годусаммита «Китай-Центральная Азия» в 2023 году. Путем очистки текста и корпуса импортав Antconc для лексического частотного анализа автор извлек 20 наиболее частотных лексем из фразы. Эти высокочастотные термины составляют основное семантическое поле для понимания того, как Казинформ конструирует дискурс «духа Китая и Центральной Азии».

Таблица 1. Список высокочастотных терминов

№	Термин	Частота
1	Китай	216
2	Центральная Азия	109
3	Казахстан	102
4	Сотрудничество	76
5	Президент	68
6	Регион	51
7	Развитие	49
8	Саммит	42
9	Отношение	41
10	Взаимодействие	29
11	Совместный	29
12	Партнер	26
13	Формат	21
14	Безопасность	18
15	Отметить	18
16	Сфера	16
17	Рамка	13
18	Торгово-экономическое	12
19	Подчеркнуть	11
20	Внимание	11

Кластерный анализ 20 наиболее частотных лексических единиц в корпусе Казинформ выявляет три последовательных семантических кластера, формирующих структуру дискурса агентства об отношениях Китая и Центральной Азии. Первый кластер определяет ключевых акторов и характер связей. Единицы «Китай» (216), «Центральная Азия» (109) и «Казахстан» (102) образуют устойчивую треугольную структуру, демонстрирующую субъектную, а не абстрактную, позицию Казахстана в нарративе. Практически равная частотность понятий «Казахстан» и «Центральная Азия» отражает локализованную перспективу, где региональная повестка конкретизируется через национальные интересы. Высокая частотность термина «Президент» (68) подчеркивает определяющую роль саммитной дипломатии, а лексемы «Отношение» (41) и «Партнер» (26) задают рамки долгосрочного и равноправного стратегического партнерства.

Второй кластер описывает процессы и механизмы взаимодействия. Доминирующий термин «Сотрудничество» (76) вместе с единицами «Взаимодействие» (29) и «Совместный» (29) формирует смысловое ядро, описывающее активное партнерство. Научно значимым аспектом является акцент на институционализации, выраженный лексикой «формат» (21) и «рамки» (13). Это указывает на прагматичную установку Казахстана на переход от политических деклараций к устойчивым, предсказуемым механизмам сотрудничества (таким как формат «Китай-Центральная Азия»), что является ключевым критерием эффективности взаимодействия в дискурсе агентства.

Третий кластер обозначает целевые установки и приоритетные сферы. Сильная корреляция между «Развитие» (49) и «Регион» (51) указывает на общее видение региональной модернизации как основной цели. Пара «Безопасность» (18) и «Сфера» (16) отражает комплексное, многомерное понимание безопасности, требующее глубокой институциональной кооперации. Таким образом, данный семантический блок операционализирует ключевые принципы «духа Китая и Центральной Азии», переводя их в прагматичные цели национальной

политики Казахстана, сочетающие экономическое развитие с обеспечением стабильности в условиях геополитической турбулентности.

Построение дискурса локализованной интерпретации «духа Китая и Центральной Азии»

Чтобы наглядно проиллюстрировать дискурсивный фокус репортажей Казинформ, в данном исследовании в таблице 2 приведены основные высокочастотные термины и их типичные словосочетания. Как показано ниже, восемь основных высокочастотных терминов образуют связную семантическую сеть. Их словосочетания ясно показывают подход Казахстана к интерпретации «духа Китая и Центральной Азии» – перевод макроконцепций в прагматичную повестку дня сотрудничества, сосредоточенную на экономическом и торговом развитии, многомерной безопасности, равенстве и взаимном доверии.

Таблица 2. Основные высокочастотные термины и типичные словосочетания

Основные высокочастотные термины	Типичные словосочетания
Сотрудничества	Взаимовыгодного Культурно-гуманитарного Торгово-экономического
Региональной	Безопасности Устойчивости Стабильности Цивилизации
Развития	Логистики Транспортно-транзитной интеграции Технологий Электронной коммерции Сельского хозяйства
Отношения	Образцовые Взаимовыгодные Стабильные Тесные
Взаимодействия	Регионалбного Гуманитарного Активного Эффективного Всестороннего
Партнерства	Стратегического Взаимовыгодного Всестороннего Равноправного
Безопасности	Региональной Продовольственной Информационной Международной Энергетической
Сфере	Атомной энергетики Инновационных технологий Искусственного интеллекта Энергетической Культурно-гуманитарной Информационной

Как показано в таблице 1, высокочастотные термины и их словосочетания систематически раскрывают дискурсивные стратегии Казинформ по интерпретации «духа Китая и Центральной Азии». Эти стратегии не существуют изолированно, а вместе образуют многоуровневую, логически связную локализованную интерпретационную структуру. В частности, их можно обобщить в трех основных измерениях.

Первое – это позиционирование и взаимосвязь. Посредством дискурсивной конструкции Казинформ устанавливает статус Казахстана как равного партнера, а не пассивного участника в рамках «духа Китая и Центральной Азии». На макроуровне словосочетание «региональной» выходит за рамки традиционных геополитических нарративов. В репортажах не только подчеркивается «региональной безопасности» и «региональной стабильности», но и творчески вводится концепция «региональной цивилизации». Как говорится в одном из репортажей: «первый саммит … положил начало динамичному развитию региональной цивилизации в новом формате». Это свидетельствует о стремлении Казахстана сформировать новую региональную идентичность с точки зрения цивилизации, глубоко увязывая региональную повестку дня со своими национальными интересами. Например, увязывание «региональной стабильности» с энергетическим сотрудничеством завершает сдвиг в перспективе от «нашего региона» к «региону, имеющему для нас значение».При определении отношений сочетание терминов «отношения» и «партнерство» создает дискурсивную основу равенства и взаимного доверия. Казинформ неоднократно использует такие прилагательные, как «образцовые», «взаимовыгодные» и «стабильные» для описания двусторонних связей, утверждая, что «Казахстан и Китай связывают образцовые отношения». Одновременно, подчеркивая «равное партнерство» и «стратегическое партнерство», агентство решительно защищает свой суверенитет на дискурсивном уровне, точно отражая принцип взаимного уважения.

Во-вторых, процесс и путь. Уточнив свою позицию, Казинформ преобразует грандиозные концепции «духа Китая и Центральной Азии» в четкий, ориентированный на Казахстан практический путь, в центре которого находятся национальные интересы. Суть этого пути заключается в совместном развитии, основанном на взаимосвязанности. Все упоминания термина «развития» указывают на области, способные преобразовать географические преимущества Казахстана в экономические сильные стороны, такие как «развития логистики» и «развития транспортно-транзитной интеграции». Это конкретно проявляется в таких инициативах, как создание экспертной платформы для развития логистики между Центральной Азией и Китаем и совместное развитие с Китаем грузового терминала в порту Курык. Это ясно отражает прагматичный подход Казахстана, заключающийся в закреплении общей концепции модернизации в рамках национальной стратегии, призванной служить мостом между странами Евразии. Еще один ключевой путь заключается в углублении сотрудничества через институциональные гарантии. Сочетание «сотрудничества» и «взаимодействия» подчеркивает стремление к существенному и глубокому сотрудничеству. Казинформ не только фокусируется на конкретных областях, таких как «взаимовыгодное сотрудничество» и «торгово-экономическое сотрудничество», но и конкретизирует принцип «взаимной выгоды» в экономических терминах, цитируя заявление президента: «Торгово-экономическое сотрудничество является одним из краеугольных столпов взаимовыгодного партнерства». – конкретизировать принцип «взаимной выгоды» в виде ощутимых экономических интересов. Одновременно стремление к «всестороннему взаимодействию» и «эффективному взаимодействию» отражает стремление Казахстана выйти за рамки поверхностных обменов и добиться глубокой интеграции интересов через институциональные рамки.

Наконец, измерение целей и сфер. Все дискурсивные стратегии указывают на основную цель Казахстана: создание всеобъемлющей системы сотрудничества, непосредственно служащей внутренней стабильности и процветанию страны. На уровне целей сочетание терминов «безопасности» свидетельствует о глубоком сдвиге в сторону диверсификации и внутренней ориентации. Коннотация безопасности значительно расширилась от императива внешней стабильности «региональной безопасности» до нетрадиционных областей, таких как «продовольственной безопасности», «энергетической безопасности» и «информационной безопасности». Например, в докладе явно связывается «обеспечение продовольственной безопасности» с сотрудничеством с Китаем, что свидетельствует об интернализации Казахстаном сотрудничества в области безопасности как одного из столпов, обеспечивающих внутреннюю экономическую и социальную стабильность.

На секторальном уровне сочетание со словом «сфера» точно определяет рамки сотрудничества, служащие этим целям. Эти рамки охватывают как традиционные области, в которых страна имеет сильные позиции, такие как «сфера атомной энергетики», так и перспективные области, включая «сферу инновационных технологий» и «сферу искусственного интеллекта». Выбор этих областей одновременно отвечает текущим экономическим потребностям Казахстана и его стратегии будущего развития, представляя собой наиболее конкретное проявление «продвижения совместной модернизации через высококачественное развитие».

Мотивация и стратегии локализации интерпретации «духа Китая и Центральной Азии»

Интерпретация «духа Китая и Центральной Азии» агентством «Казинформ» – это не пассивное распространение информации, а активное построение дискурса, глубоко укорененного в национальных интересах и дипломатических традициях Казахстана. Прагматичные, эгалитарные и плюралистические характеристики, прослеживающиеся в его репортажах, отражают стратегический выбор Казахстана, основанный на внутренних потребностях и внешних обстоятельствах. Этот выбор направлен на максимальное преобразование концепций регионального сотрудничества в эффективные инструменты, служащие развитию страны.

Внутренние движущие силы: служение национальному экономическому развитию и стратегической трансформации

Как крупнейшая в мире страна, не имеющая выхода к морю, Казахстан сталкивается с основными экономическими трудностями и имеет широкие возможности для прорыва, которые связаны с транспортной

доступностью. Поэтому не случайно в репортажах Казинформ особое внимание уделяется таким терминам, как «развитие логистики» и «развитие транспортно-транзитной интеграции». Такой дискурсивный акцент глубоко резонирует с национальной стратегией Казахстана. Это стратегически согласуется с национальной инициативой «Светлый путь», направленной на преодоление географических ограничений и превращение Казахстана в евразийский транспортный узел. Страна стремится использовать высокоуровневую платформу сотрудничества «Дух Китая и Центральной Азии» для обеспечения реальных инвестиций в инфраструктуру. Проекты, освещенные в отчете, такие как третья железнодорожная линия Казахстан-Китай и сотрудничество в порту Курек, являются примерами преобразования макроуровневых принципов в конкретные национальные интересы. Во-вторых, эта стратегия дискурса также отвечает внутренней потребности Казахстана в экономической модернизации и диверсификации. Подчеркивая сотрудничество в «сфере инновационных технологий» и «сфере искусственного интеллекта», Казинформ умело направляет нарратив о совместной модернизации по траектории, способствующей продвижению модернизации отечественной промышленности и технологическому прогрессу.

Внешние факторы: мудрость проведения многовекторной сбалансированной дипломатии

Давняя традиция Казахстана проводить «многовекторную внешнюю политику» требует поддержания тонкого равновесия между крупными державами для максимального расширения свободы действий и стратегического пространства. Стратегия Казинформ в области освещения событий является точным воплощением этой дипломатической мудрости. Строго ограничивая фокус своих репортажей конкретными, неисключительными социально-экономическими вопросами, такими как «торгово-экономическое сотрудничество» и «культурно-гуманитарное сотрудничество», и одновременно неоднократно подчеркивая «взаимовыгодный» и «равноправный» характер этих отношений, Казахстан эффективно обошел геополитические риски, которые могли бы возникнуть в результате чрезмерного акцента на стратегических или военных коннотациях альянса. Такая дискурсивная рамка служит сигналом уверенности для других партнеров, включая Россию, указывая на то, что углубление сотрудничества с Китаем не равнозначно стратегическому сближению. В результате «дух Китая и Центральной Азии» был успешно встроен в многостороннюю дипломатическую структуру Казахстана.

Факторы идентичности: формирование положительного международного имиджа в качестве центрального партнера

Данный дискурсивный нарратив, выходя за рамки непосредственных интересов, служит задачам конструирования идентичности и легитимизации политики. Активное участие Казахстана в интерпретации и продвижении «духа Китая и Центральной Азии» через Казинформ направлено на формирование позитивного международного имиджа. На глобальном уровне агентство последовательно конструирует имиджевые характеристики страны как «стратегического партнера», евразийского «транспортно-логистического хаба» и «ответственного актора», что способствует трансформации её роли от пассивного объекта к активному субъекту региональной повестки, усиливая её переговорные позиции. На внутреннем уровне этот прагматичный и взаимовыгодный нарратив выполняет функцию информационного сопровождения и легитимизации внешнеполитического курса правительства, способствуя формированию общественного консенсуса, снижению потенциальных тревог и созданию устойчивой социальной базы для долгосрочного сотрудничества.

Заключение

Проведённый анализ показал, что локализованная интерпретация «духа Китай–Центральная Азия» в дискурсе информационного агентства «Казинформ» представляет собой сложный, многоуровневый и в то же время целенаправленный процесс, в котором глобальная концепция интегрируется в национальные стратегические приоритеты Казахстана. Корпусный и дискурсивный анализ выявил, что казахстанские СМИ, с одной стороны, аккуратно воспроизводят ключевые элементы концепции взаимное уважение, доверие, взаимную выгоду и общую модернизацию, а с другой стороны, придают им собственную смысловую окраску, согласуя транснациональную идею с экономическими, политическими и геополитическими интересами страны. Такое сочетание точного воспроизведения и активной реконфигурации способствует тому, что «дух Китай–Центральная Азия» превращается не только в дипломатическую формулу, но и в инструмент национального развития.Локализованная трактовка агентства «Казинформ» демонстрирует явную ориентацию на прагматичное сотрудничество: приоритет транспортно-логистической взаимосвязанности, технологической модернизации и диверсифицированной безопасности позволяет вписать данную концепцию в долгосрочные стратегии Казахстана, включая развитие транзитного потенциала и укрепление экономической устойчивости. Одновременно акцент на равноправии и взаимной выгоде согласуется с многовекторной внешней политикой страны, обеспечивая баланс между ключевыми внешними партнёрами.

Таким образом, локализация «духа Китай–Центральная Азия» в казахстанском медийном дискурсе выступает важным механизмом адаптации и взаимного концептуального обогащения. Она способствует углублению регионального взаимодействия, укреплению доверия и формированию устойчивой нормативной базы для долгосрочного сотрудничества. Результаты исследования могут служить основой для дальнейшего изучения транснациональной циркуляции политических концептов и роли СМИ в процессе их локализации.

Литература

1. Ван Ц. Продвижение «духа Китая и Центральной Азии» для повышения уровня международного сотрудничества провинции Ганьсу // Развитие. – 2025. – № 9. – С. 14–16.
2. Гу В. Ценностное руководство «духом Китая и Центральной Азии» и построение сообщества с общим будущим // Нанкинские социальные науки. – 2025. – № 9. – С. 1–11.
3. Чжан Ц., Чжан С. Усиление работы аналитических центров для обслуживания более широкой дипломатической повестки дня: выводы из подготовки и публикации отчета аналитического центра «Продвижение «духа Китая и Центральной Азии»: достижения, возможности и перспективы регионального сотрудничества» // Китайский журналист. – 2025. – № 9. – С. 78–80.
4. Дин К. Продвижение «духа Китая и Центральной Азии» для ускорения построения сообщества общего будущего в соседних странах // Новый обзор Хунани. – 2025. – № 14. – С. 29–31.
5. Си Ц. Продвижение «духа Китая и Центральной Азии» для развития высококачественного регионального сотрудничества – основной доклад на втором саммите Китай-Центральная Азия // Партийное строительство. – 2025. – № 7. – С. 7–9.
6. Пан Д. «Дух Китая и Центральной Азии» способствует высококачественному развитию регионального сотрудничества // Народный форум. – 2025. – № 12. – С. 56–59.
7. Супялдиаев И.Х. Сближение интересов, расхождение стратегий: сравнительный анализ присутствия Китая и России в Центральной Азии // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Региональные исследования. Востоковедение. Туркология. – 2025. – Т. 1, № 150. – С. 46–62.
8. Чжан В. О новом политическом механизме Китая в Центральной Азии // Китай в глобальной и региональной политике: история и современность. – 2023. – Т. 28, № 28. – С. 88–99.
9. Ван Ц. Двустороннее сотрудничество Китая со странами Центральной Азии в публикациях СМИ (на примере Казахстана и Узбекистана) // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобальные исследования и геополитика. – 2024. – № 3. – С. 41–57.

A STUDY ON THE LOCALIZED INTERPRETATION OF THE «CHINA-CENTRAL ASIA SPIRIT» IN KAZAKHSTAN: A CASE STUDY OF REPORTS FROM THE KAZAKHSTAN NATIONAL NEWS AGENCY

Nuerbiya Yunusi, Wang Juan
Xinjiang Normal University

This article examines the localized interpretation of the "China-Central Asia spirit" in the discourse of Kazakhstan's national news agency, Казинформ. Using a specially compiled corpus of materials on the 2023 and 2025 summits, we conduct frequency and collocation analysis using AntConc, as well as a discourse analysis of key narratives. The results demonstrate that, while accurately conveying the core principles of the concept of mutual respect, trust, mutual benefit, and shared modernization, Kazakhstani media construct their own interpretive framework, determined by national interests and strategic priorities. The focus is on transport and logistics connectivity, trade and economic development, multidimensional security, and the formation of Kazakhstan's image as a "responsible regional partner." Thus, the "China-Central Asia spirit" is reimagined as a tool for implementing domestic modernization and a multi-vector foreign policy. The study demonstrates the role of media discourse as a key mechanism for localizing transnational concepts and expands our understanding of how state media in target countries adapt foreign policy initiatives to their own needs.

Keywords: China-Central Asia Spirit, Media Discourse, Казинформ, Corpus Analysis, Regional Cooperation

References

1. Wang Q. Promoting the "Spirit of China and Central Asia" to Enhance International Cooperation in Gansu Province // Development. – 2025. – No. 9. – Pp. 14–16.
2. Gu W. Value-based Guidance of the "Spirit of China and Central Asia" and Building a Community with a Shared Future // Nanjing Social Sciences. – 2025. – No. 9. – Pp. 1–11.

3. Zhang Q., Zhang S. Strengthening the Work of Think Tanks to Serve the Broader Diplomatic Agenda: Findings from the Preparation and Publication of the Think Tank Report “Promoting the “Spirit of China and Central Asia”: Achievements, Opportunities, and Prospects for Regional Cooperation” // Chinese Journalist. – 2025. – No. 9. – Pp. 78–80.

4. Ding K. Promoting the “China-Central Asia Spirit” to Accelerate the Building of a Community of Shared Future in Neighboring Countries // Hunan New Review. – 2025. – No. 14. – Pp. 29–31.

5. Xi Q. Promoting the “China-Central Asia Spirit” to Develop High-Quality Regional Cooperation – Keynote Address at the Second China-Central Asia Summit // Party Building. – 2025. – No. 7. – Pp. 7–9.

6. Pan D. “The “China-Central Asia Spirit” Contributes to High-Quality Development of Regional Cooperation // People’s Forum. – 2025. – No. 12. – Pp. 56–59.

7. Supyaldiayev I. Kh. Convergence of Interests, Divergence of Strategies: A Comparative Analysis of the Presence of China and Russia in Central Asia // Bulletin of the L.N. Gumilyov Eurasian National University. Series: Political Sciences. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology. – 2025. – Vol. 1, No. 150. – P. 46–62.

8. Zhang W. On China’s New Political Mechanism in Central Asia // China in Global and Regional Politics: History and Modernity. – 2023. – Vol. 28, No. 28. – P. 88–99.

9. Wang Q. Bilateral Cooperation between China and Central Asian Countries in Media Publications (On the Example of Kazakhstan and Uzbekistan) // Bulletin of Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics. – 2024. – No. 3. – P. 41–57.

Сотрудничество Индии и России в сфере обороны и технологий: новые тенденции и вызовы

Пател Акшай,
студент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов
E-mail: akshaypatel8852@gmail.com

Шемул Мд Ашекуззамн,
студент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов
E-mail: shemulk555@gmail.com

Российско-индийское партнерство в оборонно-технологической сфере переживает трансформацию от модели «продавец-покупатель» к совместной разработке и производству передовых систем вооружений. Анализ последних тенденций показывает, что военно-техническое сотрудничество двух стран расширяется в направлении космических технологий, искусственного интеллекта и совместных предприятий. Целью исследования выступает изучение современного состояния и перспектив российско-индийского взаимодействия в оборонной и технологической областях. Методология основана на анализе официальных документов, статистических данных международных институтов и экспертных оценок. Результаты демонстрируют устойчивость партнерства в условиях геополитической нестабильности и растущую ориентацию на технологический трансфер и локализацию производства. Выявлены ключевые вызовы, включая диверсификацию индийских закупок и санкционное давление, а также определены направления дальнейшего углубления сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Индия, военно-техническое сотрудничество, оборонные технологии, космическое партнерство, локализация производства, стратегическое партнерство, С-400, BrahMos.

Введение

Российско-индийские отношения представляют собой образец стратегического партнерства, основанного на многолетнем доверии и взаимных интересах. Стратегическое партнерство между Россией и Индией, получившее статус «особого и привилегированного» в 2010 году, охватывает широкий спектр направлений сотрудничества [10]. Военно-техническое сотрудничество традиционно выступает «краеугольным камнем» двусторонних отношений, что было подчеркнуто лидерами обеих стран на декабрьском саммите 2025 года [12]. Современный этап взаимодействия характеризуется переориентацией на совместную разработку и производство передовых оборонных технологий и систем в соответствии с индийской стратегией «Атманирбхар Бхарат» [11; 13].

Актуальность исследования определяется значительными изменениями глобальной архитектуры безопасности и трансформацией характера российско-индийского сотрудничества. Геополитические процессы 2020-х годов создали новые вызовы для традиционного взаимодействия двух стран [3; 16]. Научная значимость работы заключается в систематизации последних тенденций развития оборонно-технологического партнерства России и Индии. Целью исследования выступает комплексный анализ современного состояния и перспектив российско-индийского сотрудничества в оборонной и технологической сферах.

Литературный обзор

Российско-индийские отношения привлекают внимание исследователей в различных аспектах. П.С. Селезнев, К.А. Татулян и К.Р. Гафурова рассматривают эволюцию военно-технического сотрудничества двух стран, подчеркивая переход от закупок готовой техники к совместному производству [5]. А.Б. Волынчук анализирует динамику, риски и перспективы партнерства, уделяя особое внимание геополитическим факторам [3]. Д.Ф. Гуринович исследует политические аспекты военно-технического сотрудничества в начале 2020-х годов [4]. И.А. Валуева и Ю.А. Коновалова выявляют новые вызовы для России и Индии как региональных держав [2].

Г.А. Ивашенцов рассматривает новые горизонты давнего партнерства, анализируя потенциал расширения сотрудничества [1]. К.П. Курылев исследует российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI века [7]. Ч. Сюй анализирует стратегический треугольник «Россия-Индия-Китай», рассматривая российско-индийские отношения в более широком геополитическом контексте [8]. А. Куприянов исследует ключевые направления современного сотрудничества двух стран [6].

Зарубежные исследователи также уделяют значительное внимание данной тематике. Р. Бора изучает влияние развивающихся индийско-американских связей на российско-индийские отношения [15]. С.К. Арьял и С.С. Бхарти рассматривают стратегическую культуру Индии после обретения независимости через призму сотрудничества с США и Россией в военной модернизации [13]. С.С. Мазумдар анализирует 75 лет индийской внешней политики [18]. А. Батул и М. Музаффар исследуют российско-индийское сотрудничество и растущее влияние в Южной Азии [14]. С. Гангули анализирует позицию Индии по украинскому кризису [16]. С.К. Пандей и А. Ядав изучают переопределение сотрудничества в сфере безопасности [19]. Й. Дж. Камбала предоставляет исторический и современный анализ российско-индийских отношений [17].

Материалы и методы исследования

Исследование основывается на комплексном анализе первичных и вторичных источников информации. Материалами исследования выступают официальные документы российских и индийских государственных структур, совместные заявления по итогам саммитов, аналитические материалы российских и индийских оборонных организаций, научные публикации в рецензируемых журналах.

Методология исследования включает несколько подходов. Сравнительно-исторический метод применяется для анализа эволюции российско-индийского сотрудничества. Метод экспертных оценок применяется для интерпретации заявлений руководителей государственных структур и оборонных предприятий. Системный подход обеспечивает комплексное рассмотрение военно-технического сотрудни-

чества во взаимосвязи с политическими, экономическими и технологическими факторами. Временные рамки исследования охватывают период с 2018 года по декабрь 2025 года.

Историческая ретроспектива и современное состояние военно-технического сотрудничества

Российско-индийское партнерство имеет глубокие исторические корни, восходящие к периоду холодной войны. Дипломатические отношения между СССР и Индией были установлены 13 апреля 1947 года, и уже в послевоенные десятилетия Советский Союз вложил значительные средства в индустриализацию Индии [10]. К концу холодной войны свыше 90% парка индийской армии составляли советские вооружения [10]. После распада Советского Союза в 1993–1994 годах были подписаны новые договоры о дружбе и военно-техническом сотрудничестве [10]. Начиная с 2000 года отношения развивались в формате регулярных саммитов высшего уровня, и к 2010 году достигли статуса «особого и привилегированного» партнерства [10; 18].

Для координации сотрудничества действует Межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству, возглавляемая министрами обороны обеих стран [10]. Со временем военно-техническая кооперация сменила модель «продавец-покупатель» на партнерские схемы, включающие совместную разработку и производство вооружений с акцентом на передачу технологий [10; 13]. Важным этапом стал переход к производству в Индии по российским лицензиям – самолеты Су-30МКИ и танки Т-90С собираются на индийских заводах [2; 10]. Межправительственная программа военно-технического сотрудничества на 2021–2031 годы закрепила договоренности о содействии совместной разработке, производству и послепродажному обслуживанию военной техники [12].

Военно-технические программы России и Индии в XXI веке охватывают почти все виды вооружений и техники. Наиболее масштабными являются лицензионное производство и поставки авиатехники. Индия получила свыше 250 самолетов Су-30МКИ, построенных на основе российской лицензии, и продолжает заказывать дополнительные комплекты [5; 10]. По российской лицензии производятся танки Т-90С, в 2019 году правительство Индии одобрило закупку еще 464 модернизированных танков на сумму около 1,93 млрд долл. [2]. Существенным компонентом остаются вертолеты и корабли военно-морских сил [3].

Одним из крупнейших текущих контрактов является поставка пяти дивизионов зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф», заключенный в октябре 2018 года на сумму 5,43 млрд долл. [3; 5]. К концу 2024 года большая часть систем уже доставлена, и поставка завершается в 2025 году [11; 12]. Системы были развернуты вдоль границ с Китаем и Пакистаном [3]. Следует отметить, что в 2018 году США приняли поправку, позволившую Индии избежать санкций при закупке российских С-400 [11].

На авиасалоне Aero India 2025 впервые была представлена экспортная версия истребителя Су-57Э, и ведутся переговоры о лицензированном производстве в Индии, что позволило бы Индии получить доступ к передовым технологиям пятого поколения [6; 11]. Важным проектом стало совместное развитие крылатой ракеты «БраМос», разрабатываемой на паритетной основе через совместное предприятие BrahMos Aerospace [10]. Ракета основана на российской П-800 «Оникс» и способна развивать скорость, соответствующую числам Маха от 2,5 до 2,8 [5]. Весной 2024 года Минобороны Индии подписало крупный контракт на поставку ракет [6]. Производство ракет осуществляется совместным предприятием в Индии [10; 18].

Для диверсификации стрелкового оружия создано совместное предприятие по производству автоматов АК-203 на индийских мощностях в рамках программы «Делай в Индии» [10; 13]. В кораблестроении Индия получила фрегаты по проекту 11356, причем седьмой фрегат был передан в декабре 2024 года [3; 6]. В последние годы активизируется взаимодействие в новых технологических областях, включая беспилотные летательные аппараты и искусственный интеллект [4; 6].

В декабре 2025 года на заседании Индийско-российской межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству министр обороны Индии подчеркнул новые возможности для расширения сотрудничества в области передовых технологий [12]. Обе стороны договорились о переориентации взаимодействия на совместную разработку и производство передовых оборонных технологий и систем [12].

Сотрудничество в сфере космических технологий и высоких технологий

Помимо традиционного военно-технического сотрудничества, Россия и Индия активно развивают партнерство в космической сфере. Взаимодействие двух стран в области мирного освоения космоса насчитывает несколько десятилетий. В апреле 1975 года Советский Союз запустил первый созданный индийцами спутник, а в 1984 году в космосе побывал совместный экипаж [1; 7]. В 2020–2021 годах четыре индийских космонавта прошли обучение на базе российского Центра подготовки космонавтов [7; 10].

В декабре 2025 года глава «Роскосмоса» сообщил, что Россия намерена поставить Индии жидкостные ракетные двигатели с последующим их лицензионным производством на территории Индии [6; 12]. Лидеры двух стран зафиксировали прогресс в совместной работе по ракетным двигателям и по пилотируемым космическим программам [12]. Баканов также заявил о ведущихся переговорах по взаимодействию на орбите между будущей Российской орбитальной станцией и индийской станцией [6].

Россия готова делиться с Индией компетенциями в области космической деятельности, прежде всего по пилотируемой космонавтике, ракетному двигателестроению и спутниковой навигации [7; 12]. Российский опыт используется Индией для проекта Gaganyaan – первого пилотируемого космического корабля индийского производства [1; 7]. Программа предусматривает запуск корабля с экипажем из трех человек на орбиту для трехдневной миссии [10]. В 2025 году программа перешла в активную фазу с запланированными беспилотными полетами, после которых в 2026 году должен состояться первый пилотируемый старт [7]. В случае успеха программы Индия станет четвертой страной, которая самостоятельно запустит людей в космос [13].

В гражданской атомной сфере «Росатом» прорабатывает темы создания производства ядерного топлива в Индии, строительства новых энергоблоков и участия индийских партнеров в перспективных проектах [6; 12]. Цель состоит в максимальной локализации в Индии элементов топливного цикла и оборудования [1; 12]. Помимо космоса и атомной энергетики, технологический диалог России и Индии расширяется в направлении искусственного интеллекта и цифровых технологий [4; 6]. К числу приоритетов относятся кибербезопасность, технологии «умного города» и квантовые вычисления [7]. Развиваются проекты по созданию совместных баз данных, больших языковых моделей и цифровизации производств [6].

Совместное заявление по итогам саммита 2025 года предусматривает развитие расчетов в национальных валютах и укрепление логистических цепочек, включая транспортные коридоры «Север-Юг», «Ченнаи-Владивосток» и Северного морского пути [12]. Обе стороны констатируют, что при текущей сложной геополитической ситуации их связи устойчивы к внешнему давлению [11; 12].

Динамика военно-технического сотрудничества в контексте глобальных изменений

Анализ последних тенденций показывает противоречивые процессы в российско-индийском военно-техническом сотрудничестве. Индия остается одним из крупнейших импортеров российских вооружений, однако наблюдается тенденция к диверсификации источников закупок [3; 15]. Индия активно закупает технику у США, Франции и Израиля, чтобы снизить зависимость от одного поставщика [2; 16]. Параллельно Индия развивает собственные программы создания современных систем вооружений [13; 19].

Снижение доли российского экспорта связано с несколькими факторами. Во-первых, Россия приняла решение отдать приоритет производству основных видов вооружений для собственных вооруженных сил [3; 16]. Во-вторых, международные санкции создали дополнительные сложности логистики [2; 9]. В-третьих, США и их союзники усилили давление на государства с целью принудить их не покупать российское оружие [15; 16]. Тем не менее, абсолютные объемы поставок остаются значительными, и Россия продолжает оставаться крупнейшим поставщиком Индии [3; 5].

Несмотря на эти вызовы, российско-индийское сотрудничество демонстрирует адаптивность. Переход от модели «продавец-покупатель» к совместным предприятиям и объединенным НИОКР соответствует стремлению Индии к самодостаточности [11; 13; 19]. Делегация представителей индийского оборонно-промышленного комплекса, посетившая Россию в октябре 2025 года, обсуждала создание совместных предприятий по выпуску запчастей и перенос производства технологий в Индию с прицелом на последующий экспорт [6; 11].

Технологический трансфер как новая парадигма сотрудничества

Переориентация российско-индийского партнерства на технологический трансфер представляет собой качественно новый этап развития отношений. Россия делится с Индией технологиями в оборонной сфере, что является редким случаем [12]. Данный подход соответствует индийской стратегии «Атманирбхар Бхарат», направленной на укрепление собственного оборонно-промышленного потенциала [4; 13; 19].

Примером успешной реализации данной стратегии выступает совместное предприятие BrahMos Aerospace, созданное в 1998 году российским «НПО машиностроения» и индийской Организацией оборонных исследований и разработок [10; 18]. Ракета «БраМос» разрабатывается на паритетной основе, производится в Индии и уже заключены экспортные контракты [5; 6]. Открытие нового производственного комплекса демонстрирует масштабирование проекта [6]. Разработка облегченной модификации BrahMos-NG свидетельствует о технологическом прогрессе совместного предприятия [7].

Аналогичная модель реализуется в других проектах. Производство автоматов АК-203, лицензионное производство танков Т-90С, сборка истребителей Су-30МКИ на индийских заводах – все это примеры локализации российских технологий в Индии [10; 13]. Ведущиеся переговоры о лицензированном производстве Су-57Э в Индии могут вывести технологическое партнерство на новый уровень [6; 11].

В космической сфере технологический трансфер включает поставку жидкостных ракетных двигателей с последующим их лицензионным производством на территории Индии, а также сотрудничество в пилотируемой космонавтике [7; 12]. Индийские космонавты проходят подготовку в России, а российские технологии используются в индийском проекте Gaganyaan [1; 10]. В атомной энергетике стремление максимально локализовать в Индии элементы топливного цикла и оборудование открывает перспективы долгосрочного сотрудничества [12].

Расширение сотрудничества в области искусственного интеллекта, кибербезопасности и цифровых технологий открывает новые горизонты взаимодействия [4; 6; 7]. Индийский опыт в информационных технологиях может быть полезен России, в то время как Россия может поделиться разработками в области искусственного интеллекта для оборонных целей [6]. Растущая интеграция двух стран в высокотехнологичной сфере символизирует переход к новому качеству партнерства [7; 12].

Вызовы и механизмы адаптации

Интенсификация сотрудничества сопровождается объективными вызовами. Первым вызовом выступает внешнее давление и санкции. Международные санкции против России после 2022 года создали дополнительные сложности логистики [2; 9]. Тем не менее, обе стороны находят решения: выстраиваются расчеты в рублях и рупиях, создаются альтернативные логистические маршруты [12]. Вторым вызовом является диверсификация индийского импорта вооружений [15; 16]. Индия активно закупает технику у других стран, что вынуждает Россию предлагать более гибкие схемы и ускорять локализацию производств [3; 19].

Третьим вызовом выступает необходимость финансирования совместных НИОКР. Без стабильных инвестиций в разработку перспективных систем переход к технологически равноправному партнерству может затягиваться [2; 4]. Планы включают разработку следующих поколений оружейных платформ в период до 2030 года [5; 7]. Механизмами адаптации выступают совместные заявления лидеров двух стран, закрепляющие приоритеты взаимодействия [12]. Совместное заявление по итогам саммита в декабре 2025 года подтвердило «проверенное временем прогрессивное партнерство, основанное на доверии и взаимном уважении» [12].

Заседания Межправительственной комиссии по военно-техническому сотрудничеству обеспечивают регулярную координацию на высшем уровне [10; 12]. Переход на национальные валюты и создание новых логистических маршрутов минимизируют валютные риски и зависимость от западных финансовых систем [11; 12]. Обе стороны подчеркивают устойчивость партнерства к внешнему давлению в условиях сложной геополитической ситуации [6; 11].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Российско-индийское сотрудничество в оборонной и технологической сферах переживает трансформацию от модели «продавец-покупатель» к совместной разработке и производству передовых систем вооружений. Переориентация партнерства на технологический трансфер и локализацию производства соответствует индийской стратегии «Атманирбхар Бхарат» и укрепляет долгосрочную устойчивость отношений. Успешная реализация крупных проектов, таких как поставка С-400, совместное производство ракет «БраМос», лицензионное производство Су-30МКИ и Т-90С, подтверждает высокий уровень доверия и взаимодополняемости интересов двух стран.

Расширение сотрудничества в космической сфере, включая поставку ракетных двигателей, подготовку космонавтов и взаимодействие будущих орбитальных станций, открывает новые горизонты партнерства. Развитие взаимодействия в области искусственного интеллекта, кибербезопасности и цифровых технологий выводит сотрудничество за пределы традиционной военно-технической сферы. Совместная работа в гражданской атомной энергетике с локализацией производства укрепляет энергетическую безопасность Индии.

Основными вызовами партнерства выступают геополитические факторы, включая внешнее давление и санкции, диверсификация индийских закупок вооружений и необходимость финансирования совместных НИОКР. Механизмами адаптации служат переход на расчеты в национальных валютах, создание новых логистических маршрутов, регулярные заседания Межправительственной комиссии и совместные заявления лидеров государств. Перспективы развития российско-индийского сотрудничества связаны с углублением технологической интеграции, расширением совместных предприятий и диверсификацией направлений взаимодействия. При правильной выверке взаимных интересов российско-индийское оборонно-технологическое сотрудничество имеет потенциал стать образцом долгосрочного партнерства в эру современных вызовов.

Литература

1. Ивашенцов Г.А. Россия-Индия: новые горизонты давнего партнёрства // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 2 (53). – С. 7–23.
2. Валуева И. А., Коновалова Ю.А. Военно-техническое сотрудничество двух региональных держав: новые вызовы для России и Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2018. – Т. 26. – № 1. – С. 28–37.
3. Волынчук А.Б. Особенности военно-технического сотрудничества России и Индии: динамика, риски и перспективы партнерства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2024. – Т. 26. – № 3. – С. 94–115.
4. Гуринович Д.Ф. Политические аспекты военно-технического сотрудничества России и Индии в начале 2020-х годов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2025. – № 2 (859). – С. 9–18.
5. Селезнев П. С., Татулян К.А., Гафурова К.Р. Военно-техническое сотрудничество России и Индии // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 15. – № 4. – С. 49–56.
6. Куприянов А. Россия и Индия: ключевые направления сотрудничества 3 декабря 2025 // РСМД. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-indiya-klyuchevye-napravleniya-sotrudnichestva/?sphrase_id=259888032 (дата обращения: 01.12.2025).
7. Курылев К.П. Российско-индийское научно-техническое сотрудничество в первом десятилетии XXI в // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24. – № 4. – С. 643–654.
8. Сюй Ч. Стратегический треугольник «Россия–Индия–Китай»: структура и проблемы взаимодействия // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2023. – Т. 15. – № 4. – С. 107–141.
9. Тимофеев И. Восемнадцатый и девятнадцатый пакеты: эскалация энергетических санкций ЕС // Россия в глобальной политике. – URL: https://globalaffairs.ru/articles/pakety-sankczij-timofeev/ (дата обращения: 01.12.2025).
10. India-Russia Defence Cooperation // Embassy of India in Moscow. – URL: https://indianembassy-moscow.gov.in/india-russia-defence-cooperation.php (дата обращения: 01.12.2025).
11. India-Russia Summit: Navigating Geopolitics and Upholding a 'Special and Privileged' Partnership // India Foundation. – URL: https://chintan.indiafoundation.in/articles/india-russia-summit-navigating-geopolitics-and-upholding-a-special-and-privileged-partnership/ (дата обращения: 01.12.2025).
12. Joint Statement following the 23rd Russia-India Annual Summit December 05, 2025 "Russia-India: A Time-Tested Progressive Partnership, Anchored in Trust & Mutual Respect" // Kremlin. – URL: http://en.kremlin.ru/supplement/6426 (дата обращения: 01.12.2025).
13. Aryal S. K., Bharti S.S. India's post-independence strategic culture: A case study of India's cooperation with the United States and Russia in military modernization // Journal of Asian and African Studies. – 2025. – P. 21–40.
14. Batool A., Muzaffar M. Indo-Russian Collaboration and Growing Influence in South Asia: An Analysis // Social Sciences Spectrum. – 2024. – Vol. 3. – № 4. – P. 266–276.
15. Borah R. Growing India–US ties and what it means for India–Russia ties // Australian Journal of International Affairs. – 2024. – Vol. 78. – № 3. – P. 379–386.
16. Ganguly S. India, Russia and the Ukraine crisis // The Washington Quarterly. – 2024. – Vol. 47. – № 2. – P. 55–69.
17. Kambala Y.J. India-russia relations: a historical and contemporary analysis // The Journal of Multidisciplinary Research. – 2024. – P. 14–20.

18. Mazumdar S.S. India and Russia in the Contested World: Revisiting 75 Years of Geopolitics and Cooperation // 75 Years of India's Foreign Policy: Bilateral, Conventional and Emerging Trends. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2024. – P. 135–154.

19. Pandey S. K., Yadav A. India-Russia Ties in a Changing World: Re-defining Security Cooperation // Indian Foreign Affairs Journal. – 2024. – Vol. 19. – № 1/2. – P. 45–62.

COOPERATION BETWEEN INDIA AND RUSSIA IN THE FIELD OF DEFENCE AND TECHNOLOGY: NEW TRENDS AND CHALLENGES

Patel Akshay, Shemul Md Ashikuzzam
Peoples' Friendship University of Russia

The Russian-Indian partnership in the defence technology sector is undergoing a transformation from a 'seller-buyer' model to joint development and production of advanced weapon systems. Analysis of recent trends shows that military-technical cooperation between the two countries is expanding in the areas of space technology, artificial intelligence and joint ventures. The aim of the study is to examine the current state and prospects of Russian-Indian cooperation in the defence and technology sectors. The methodology is based on an analysis of official documents, statistical data from international institutions and expert assessments. The results demonstrate the stability of the partnership amid geopolitical instability and a growing focus on technology transfer and localisation of production. Key challenges have been identified, including the diversification of Indian procurement and sanctions pressure, and areas for further deepening cooperation have been identified.

Keywords: Russia, India, military-technical cooperation, defence technologies, space partnership, localisation of production, strategic partnership, S-400, BrahMos.

References

1. Ivashentsov G.A. Rossiya-Indiya: novye gorizonty davnego partnyorstva [Russia-India: New Horizons of Long-Standing Partnership]. Vestnik MGIMO Universiteta, 2017, No. 2 (53), Pp. 7–23. (In Russian)

2. Valueva I. A., Konovalova Yu.A. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo dvukh regional'nykh derzhav: novye vyzovy dlya Rossii i Indii [Military-Technical Cooperation between Two Regional Powers: New Challenges for Russia and India]. RUDN Journal of Economics, 2018, Vol. 26, No. 1, Pp. 28–37. (In Russian)

3. Volynchuk A.B. Osobennosti voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Indii: dinamika, riski i perspektivy partnerstva [Features of Military-Technical Cooperation between Russia and India: Dynamics, Risks and Partnership Prospects]. Asia-Pacific Region: Economics, Politics, Law, 2024, Vol. 26, No. 3, Pp. 94–115. (In Russian)

4. Gurinovich D.F. Politicheskie aspekty voenno-tekhnicheskogo sotrudnichestva Rossii i Indii v nachale 2020-kh godov [Political Aspects of Military-Technical Cooperation between Russia and India in the Early 2020s]. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2025, No. 2 (859), Pp. 9–18. (In Russian)

5. Seleznev P. S., Tatulyan K.A., Gafurova K.R. Voenno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo Rossii i Indii [Military-Technical Cooperation between Russia and India]. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 2025, Vol. 15, No. 4, Pp. 49–56. (In Russian)

6. Kupriyanov A. Rossiya i Indiya: klyuchevye napravleniya sotrudnichestva 3 dekabrya 2025 [Russia and India: Key Areas of Cooperation December 3, 2025]. Russian International Affairs Council. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rossiya-i-indiya-klyuchevye-napravleniya-sotrudnichestva/?sphrase_id=259888032 (accessed 01.12.2025). (In Russian)

7. Kurylev K.P. Rossiysko-indiyskoe nauchno-tekhnicheskoe sotrudnichestvo v pervom desyatiletii XXI v [Russian-Indian Scientific and Technical Cooperation in the First Decade of the 21st Century]. RUDN Journal of International Relations, 2024, Vol. 24, No. 4, Pp. 643–654. (In Russian)

8. Syuy Ch. Strategicheskiy treugol'nik «Rossiya–Indiya–Kitay»: struktura i problemy vzaimodeystviya [The Strategic Triangle "Russia-India-China": Structure and Problems of Interaction]. Moscow University Bulletin. Series 25. International Relations and World Politics, 2023, Vol. 15, No. 4, Pp. 107–141. (In Russian)

9. Timofeev I. Vosemnadtsatyy i devyatnadtsatyy pakety: eskalatsiya energeticheskikh sanktsiy ES [The Eighteenth and Nineteenth Packages: Escalation of EU Energy Sanctions]. Russia in Global Affairs. Available at: https://globalaffairs.ru/articles/pakety-sankczij-timofeev/ (accessed 01.12.2025). (In Russian)

10. India-Russia Defence Cooperation. Embassy of India in Moscow. Available at: https://indianembassy-moscow.gov.in/india-russia-defence-cooperation.php (accessed 01.12.2025).

11. India-Russia Summit: Navigating Geopolitics and Upholding a 'Special and Privileged' Partnership. India Foundation. Available at: https://chintan.indiafoundation.in/articles/india-russia-summit-navigating-geopolitics-and-upholding-a-special-and-privileged-partnership/ (accessed 01.12.2025).

12. Joint Statement following the 23rd Russia-India Annual Summit December 05, 2025 "Russia-India: A Time-Tested Progressive Partnership, Anchored in Trust & Mutual Respect". Kremlin. Available at: http://en.kremlin.ru/supplement/6426 (accessed 01.12.2025).

13. Aryal S. K., Bharti S.S. India's post-independence strategic culture: A case study of India's cooperation with the United States and Russia in military modernization. Journal of Asian and African Studies, 2025, Pp. 21–40.

14. Batool A., Muzaffar M. Indo-Russian Collaboration and Growing Influence in South Asia: An Analysis. Social Sciences Spectrum, 2024, Vol. 3, No. 4, Pp. 266–276.

15. Borah R. Growing India–US ties and what it means for India–Russia ties. Australian Journal of International Affairs, 2024, Vol. 78, No. 3, Pp. 379–386.

16. Ganguly S. India, Russia and the Ukraine crisis. The Washington Quarterly, 2024, Vol. 47, No. 2, Pp. 55–69.

17. Kambala Y.J. India-russia relations: a historical and contemporary analysis. The Journal of Multidisciplinary Research, 2024, Pp. 14–20.

18. Mazumdar S.S. India and Russia in the Contested World: Revisiting 75 Years of Geopolitics and Cooperation. 75 Years of India's Foreign Policy: Bilateral, Conventional and Emerging Trends. Singapore, Springer Nature Singapore, 2024, Pp. 135–154.

19. Pandey S. K., Yadav A. India-Russia Ties in a Changing World: Re-defining Security Cooperation. Indian Foreign Affairs Journal, 2024, Vol. 19, No. 1/2, Pp. 45–62.

Эволюция международных отношений ЕАЭС через призму стратегических документов ЕЭК

Сердюков Игорь Александрович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»
E-mail: ia.serdyukov@yandex.ru

Статья посвящена описанию эволюции международных отношений Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В работе раскрывается функциональная и институциональная роли Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в международных отношениях ЕАЭС. Эмпирическая база исследования состоит из данных полученных путём количественного и контент-анализа 10 документов «Об Основных направлениях международной деятельности ЕАЭС», опубликованных за периоды 2014–2025 годов. По данным документам были подсчитаны и собраны количественные показатели, отражающие особенности и характеристики развития международных отношений ЕАЭС: частота упоминания стран, регионов и международных организаций, их ежегодная динамика. В ходе исследования получен вывод о том, что международная работа ЕЭК на протяжении всего периода конкретизируется и фокусируется; при этом международная деятельность ЕЭК носит целенаправленный, стратегический и последовательный характер. Доказывается, что ЕЭК первоочередно стремится уделять собственное внимание взаимодействию со странами Глобального Юга. Оспаривается тот факт что, первоочередные задачи международной деятельности Евразийской комиссии заключаются в укреплении собственной глобальной позиции и повышения привлекательности евразийской модели интеграции. Предлагается периодизация международных отношений ЕАЭС на: западный (2015–2019 годы), азиатский (2020–2022 годы) и ближневосточный (2023–2025 годы) периоды.

Ключевые слова*:* евразийская интеграция; ЕАЭС; ЕЭК; международные отношения; контент-анализ; количественный анализ.

Введение

В соответствии с Договором о ЕАЭС, одним из ключевых направлений работы Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) является осуществление международной деятельности Евразийского экономического союза[1]. В круг полномочий ЕЭК входит осуществление переговоров и консультаций, организация встреч и обсуждений, проведение консультаций с представителями третьих стран и международных организаций, составление и подписание международных соглашений и другие. В то же время, в полномочия ЕЭК входит не только функциональная, но и стратегически-планирующая работа, поскольку согласно Договору о ЕАЭС, Евразийская экономическая комиссия имеет полномочия определения приоритетов международной деятельности ЕЭК на ежегодной основе путём разработки документов «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза». Тот факт, что Евразийская экономическая комиссия уполномочена принимать подобные стратегические решения по собственной инициативе, представляет большой исследовательский интерес в силу того, что это демонстрирует наличие институциональной ответственности и независимости на наднациональном уровне интеграции.

Более того, институциональные процедуры принятия данного документа подразумевают обязательное обсуждение и утверждение на высшем уровне – на основании принятого решения Высшей евразийской экономической комиссии (ВЕЭК), в которую входят главы государств-участников евразийской интеграции.Таким образом, набор документов «Об Основных направлениях…» представляет высокий исследовательский интерес в силу того, что они не только перечисляют перспективные направления международной работы ЕАЭС, но и отражают оценку региональной и глобальной ситуации в международных отношениях с точки зрения как национальных, так и наднациональных акторов евразийской интеграции.

Евразийская интеграция в современном виде существует уже на протяжении более чем 10 лет. В международных отношениях данный период отличается высокой турбулентностью и насыщенностью в глобальной и, особенно, региональной подсистемах. Учитывая при этом ротационный характер председательства в ЕАЭС и то, что каждое из государств пережило как минимум 2 избирательных цикла, вполне естественным представляется тот факт, что приоритеты и направления международной деятельности евразийской интеграции на протяжении последней декады не оставались статичными.

Таким образом, цель данного исследования заключается в том, чтобы охарактеризовать динамику и эволюцию международных отношений ЕАЭС через призму ключевых стратегических документов Евразийской экономической комисии. В рамках решения поставленной цели мы проведём общий количественный анализ данных документов. Затем проанализируем два основных аспекта международной деятельности ЕАЭС: региональном (региональная принадленжость стран-субъектов международной работы ЕЭК) и институциональном (характеристика институтов-субъектов). Наконец, мы оценим успешность международной политики ЕАЭС путём выявления преемственности между плановым направлениями и фактическими достижениями данной работы, выражаемой через установление институционализированных отношений с третьими странами.

Ключевыми методами данного исследования выступают общенаучные методы анализа и синтеза. В качестве специальных методов исследования применялся количественный и контент-анализ.

Источниковая база исследования состоит из 10 документов «Об Основных направлениях международной деятельности Евразийского экономического союза», полученных из информационной системы хранения нормативно-правовых актов Евразийской комиссии – Правовой портал ЕАЭС.

Региональный аспект международных отношений ЕАЭС

Проводя данное исследование, мы собрали базу упомянутых документов и осуществили количественый подсчёт упоминаний различных субъек-

[1] Договор о Евразийском экономическом союзе. [Электронный ресурс] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/8ef/10rn6l6qj8p6xopmt63893otn0ywndvo/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 26.10.2025)

тов международных отношений в каждом из них: государств, регионов и международных институтов.

Отталкиваясь от анализа общих количественных показателей, представленных на Таблице 1, мы можем прийти к выводу, что международные институты представлены в дискурсе Евразийской комиссии более выраженно, в то время как государства упоминаются менее активно, а прямые упоминания регионов крайне редки.

Таблица 1 Сводная таблица по количественным показателям

Период планирования	Уникальных упоминаний			
	Государств	Регионов	Институтов	Всех
15–16	35	6	78	119
17	39	7	130	176
18	36	9	145	190
19	40	8	32	80
20	28	1	56	85
21	30	3	66	99
22	36	3	78	117
23	49	7	104	160
24	52	4	100	156
25	63	10	112	185

В первую очередь, следует обратить внимание на рост общего количества уникально упоминаемых государств. Учитывая тот факт, что с периода 2015–2016 годов глобальное число международно признанных государств осталось неизменным, мы можем прийти к выводу о том, что евразийская интеграция имеет относительно устойчивую тенденцию к расширению собственных международных отношений, в первую очередь, по линии установления контактов с новыми государствами. С другой стороны, это также может указывать на повышение международной привлекательности евразийской модели интеграции и её роли в глобальной системе международных отношений. В то же время, уже на данном этапе мы можем увидеть, что международные институты в стратегии международных отношений ЕАЭС представлены наиболее обширно, но в то же время имеют неоднозначную динамику с резким падением упоминаний в документах после 2018 года.

Подсчёт прямых уникальных упоминаний регионов в данном случае представляется неинформативным и не демонстративным. Для более детального рассмотрения регионального аспекта проблемы мы прибегнули к приёму сбора количественных данных для анализа, опираясь на региональную принадлежность упоминаемых стран, что, на наш взгляд, предоставляет нам наиболее репрезентативные данные. Для получения наиболее обобщённого и исчерпывающего понимания региональной и институциональной специфики международной работы ЕЭК, мы прибегнули к формированию сводной таблицы (Таблица 2) с упоминанием наиболее часто встречаемых страно-регионов и международных институтов. Путём научного анализа и синтеза полученной информациии мы определили специфику каждого из отдельных временных периодов, обозначив его в соответствии с характеристиками наиболее представленных объектов.

Таблица 2 Приоритеты по регионам и международным институтам по годам

Годы	Страны регионов		Региональный фокус	Международные институты		Институциональный фокус
	Название	Счёт		Название	Счёт	
15–16	Латинская Америка	15	Неочевиден	ВТО	6	Региональный
	Африка	7		СНГ	5	
	Восточная Азия	6		ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	5	
17	Юго-Восточная Азия	8	Азия	СНГ	6	Региональный
	Латинская Мерика	8		АСЕАН	3	
	Восточная Азия	6		ВТО	3	

Окончание

Годы	Страны регионов		Региональный фокус	Международные институты		Институциональный фокус
	Название	Счёт		Название	Счёт	
18	Европа	9	Неочевиден	СНГ	10	Региональный
	Юго-Восточная Азия	8		ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	7	
	Латинская Америка	7		ООН	6	
19	Европа	12	Азия	СНГ	5	Региональный
	Восточная Азия	8		ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ	5	
	Юго-Восточная Азия	8		ВТО	4	
20	Юго-Восточная Азия	9	Азия	ООН	4	Глобальный
	Восточная Азия	9		ВТО	4	
	Латинская Америка	7		СНГ	3	
21	Юго-Восточная Азия	13	Азия	ООН	15	Глобальный
	Восточная Азия	6		ОЭСР	8	
	СНГ	5		СНГ	6	
22	Юго-Восточная Азия	9	Азия	ООН	8	Глобальный
	Восточная Азия	9		ЕС	6	
	Европа	8		ВТО	6	
23	Ближний Восток	13	Азия	ООН	7	Глобальный
	Юго-Восточная Азия	12		АСЕАН	5	
	Восточная Азия	12		ВТО	4	
24	Ближний Восток	13	Азия	СНГ	10	Региональный
	Юго-Восточная Азия	13		ООН	8	
	Восточная Азия	10		ЭСКАТО	6	
25	Ближний Восток	14	Азия	ООН	16	Региональный
	Юго-Восточная Азия	13		СНГ	16	
	Восточная Азия	13		АФРОСОЮЗ	6	

Оттлалкиваясь от полученных данных мы можем заключить, что в фокусе международной деятельности ЕЭК находятся азиатские регионы, среди которых наибольшее внимание уделяется странам Юго-Восточной и Восточной Азии, а также Южной Америке. Страны Юго-Восточной Азии стабильно остаются наиболее упоминаемыми в документах по международной деятельности ЕЭК. Довольно показателен в данном отношении документ о направлениях работы на 2019 год, который, как мы склонны считать, демонстрирует переходный момент в международных отношениях ЕАЭС, перемещая фокус с Европы и Латинской Америки в сторону азиатских регионов и постсоветского пространства.

Южная Америка, изначально занимавшая лидирующие позиции, была вытеснена из стратегического дискурса ЕЭК различными азиат-

скими регионами к 2021 году. В 23–25 годах наиболее активно фигурируют азиатские страны, принадлежащие к регионам Ближнего Востока, Восточной и Юго-Восточной Азии. После 2022 года выходит на первый план и остаётся в неоспоримом лидерстве ближневосточный регион. Тем не менее, перемена на рубеже 2022–2023 годов оказала незначительное влияние на позиции азиатских регионов дальнего зарубежья, так как Юго-Восточная и Восточная Азия по-прежнему остаются в лидирующих позициях.

Азиатский фокус международной деятельности ЕАЭС имеет фактическое и институциональное выражение в том, что на сегодняшний день ЕАЭС имеет наибольшее количество формальных и институционализированных контактов – в форме соглашения о ЗСТ, предоставления статуса государства-наблюдателя и др. – с азиатскими странами. Отечественными экспертами считается, что партнёрство с азиатскими странами является не только выгодным для ЕЭК в смысле экономическом, но также и имеющим значительный стратегический потенциал [2, 2019].

Что касается международных институтов, то здесь мы не можем наблюдать такой же стабильности, поскольку из года в год состав наиболее приоритетных для международной деятельности международных институтов существенно изменялся. Тем не менее, даже здесь мы можем выделить «лидеров» – это Всемирная торговая организация, Организация Объединённых наций и Содружество Независимых государств. Помимо этого, в данном наборе мы склонны были встречать региональные организации (как правило интеграционного характера), такие как АСЕАН, Европейский Союз и ЭСКАТО.

Оценка результативности международной работы ЕЭК

Наконец, последний набор данных, включающий в себя хронологию установления институциональных связей ЕАЭС с третьими странами, место соответствующих стран в повестке стратегических документов по международной деятельности на соответствующий период и указание страны, председательствующей в данный период. Ретроспективный анализ зависимости между данными показателями позволит нам составить представление относительно того, насколько активно ведётся международная работа в отношении потенциальных партнёров.

Таблица 3 Оценка доли внимания ЕЭК к стране в период заключения институциональных контактов

Период	2015	2018	2019	2020	2023	2024	2025
Соглашения о ЗСТ	Вьетнам	КНР	Сербия Сингапур	-	Иран	-	Монголия ОАЭ
Статус наблюдателя	-	Молдова	-	Куба Узбекистан	-	Иран	-
Процент упоминаний	8,5% 1 место	КНР – 8,3% 5 место	Сербия – 3,7% 3 место	Куба – 4,3% 4 место	2,9% 3 место	4,4% 2 место	Монголия 2,4% 3 место
		Молдова – 0%	Сингапур – 3,7% 3 место	Узбекистан – 0%			ОАЭ 2,4% 3 место
Страна-председатель ЕАЭС	Беларусь	Россия	Армения	Беларусь	Россия	Армения	Беларусь

Изучив данные, представленные на Таблице 3, мы можем сразу же заметить тот факт, что наибольшая активность в плане расширения Союза пришлась на периоды 2018–2020 и 2023–2025 годов. Причём, отталкиваясь от полученных ранее данных, вполне ожидаемо, что в последнем периоде преобладают ближневосточные страны; с другой стороны, большие усилия по работе в направлении Юго-Восточной Азии, по-видимому, не приносят таких уж заметных результатов, поскольку на данный момент институциональные отношения оформлены только с Сингапуром, в то время как отношения с другими странами в институциональном плане ограничиваются Меморандумами о сотрудничестве, декларативными и, по своей сути, не обязывающими документами, суть которых в функциональном отношении сводится, как максимум, к идеолого-политическим аспектам.

Кроме того, страны, с которыми оформлялись институциональные отношения международного сотрудничества, как мы можем видеть, не находились в центре внимания международной работы ЕЭК в соответствующие периоды. Наоборот, в каждом из документов их упоминание сводилось почти исключительно к упоминанию о том, что с данной страной ведётся активная работа, а также упоминание относительно разработки соответствующего соглашения. В то же время, ключевой фокус повестки соответствующих документов останавливается на иных странах. Наиболее выдающиеся ситуации складываются у Молдовы и Узбекистана, которых не упомянули ни разу в документах, описывавших основные направления международной работы комиссии на соответствующие годы.

Более того, отталкиваясь от полученных данных мы можем сделать довольно условное заключение относительно роли отдельных государств-участников ЕАЭС в расширении евразийской интеграции. Так, институциональные отношения с третьими странами устанавливались в годы председательства трёх стран: Армении, Беларуси и России. В то же время на периоды председательства Казахстана и Киргизии не выпало ни единого подобного события. Мы назвали вышеупомянутое заключение условным в силу того, что привязка к окончательным решениям ВЕЭС и тот факт, что они происходили только лишь в год председательства той или иной страны не может говорить о том, что данная работа велась только лишь в год председательства данного государства, а следственно, указывать на то, что данные события являются результатом работы исключительно того или иного государства-председателя. Наоборот, процесс анализа, согласования, подписания и ратификации соответствующих соглашений может растягиваться на годы, и здесь наиболее справедливым будет указать на то, что все без исключения страны ведут активную работу по установлению внешних контактов и расширению евразийской интеграции.

Международная деятельность ЕЭК, особенности её формирования и развития, расставляемые Комиссией приоритеты в отношении потенциальных партнёров играют ключевую роль в определении направлений развития Евразийского Союза, и, в первую очередь, расширения евразийской интеграция. Количественный хронологический анализ, представленный в Таблице 4 указывает на то, что между ролью государства-партнёра в «Основных направлениях» и перспективами оформления институционального сотрудничества нет какой-либо прямолинейной взаимосвязи. В некоторых отдельных случаях наблюдается даже обратная зависимость: то есть, чем меньше та или иная страна упоминалась в планирующем документе, тем больше у неё вероятность заключить соглашений о ЗСТ с ЕАЭС или стать государством-наблюдателем при ЕАЭС (случай Молдовы в документе на 2018 год и Узбекистана на 2020).

Таким образом, мы можем выдвинуть предположение о том, что планирование международной деятельности ЕАЭС играет роль скорее рамочную и стратегическую, нежели конкретизирующую и целеполагающую. Так, в количественном отношении уделяется более всего внимания не тем партнёрам, с кем вероятнее всего установление институциональных отношений в ближайшее время, но чёткому набору стран, партнёрство с которыми представляет геополитический интерес, либо роль которых в обозначенный период выходит за рамки обыденной и носит интерес для укрепления глобальной позиции ЕАЭС. В остальном, в обозначенных документах страны лишь перечисляются с упоминанием о том, что с ними ведётся некая дипломатическая работа. Ergo, именно политическое и геополитическое влияние страны, её роль и вес в международных отношениях и глобальной политике играют наибольшее значение при распределении внимания международной деятельности ЕАЭС. Мы можем выдвинуть предположение о том, что на данном этапе развития ЕАЭС установление прочных институциональных контактов с третьими странами не было ключевым приоритетом международной работы Комиссии, но таковым являлось скорее упрочение собственного положения как полноценного международного актора и завоевание позиции регионообразующего и весомого актора международных отношений, а также влиятельной международной организации.

Выводы и заключение

Отталкиваясь от полученных данных, мы можем сделать вывод о том, что ЕАЭС является интеграционным институтом с ярковыраженным региональным и геополитическим фокусом на партнёрстве с азиатскими, латиноамериканскими и ближневосточными странами. Более того, мы можем осуществить периодизацию международных отношений ЕАЭС на три периода: 1) Западный 2015–2019 годы), когда в приоритете находилась работа с большим количеством европейских и латиноамериканских стран и организаций; 2) Азиатский (2020–22 годы), когда основная работа велась по развитию партнёрства с акторами Юго-Восточной и Восточной Азии; и 3) Ближневосточный (2023–2025 годы).

Можно сказать, что международная деятельность ЕЭК направлена на отношения со странами, которые почти исключительно относятся

к Глобальному Югу [7, 2021]. Это может быть связано, в том числе, с тем, что страны, находящиеся в орбите влияние таких глобальных акторов как Китай, США и Европейский Союз, под угрозой дипломатического давления или реализации стратегических рисков, избегают установления формальных отноешний с ЕАЭС [3, 2021], что, в свою очередь, снижает мотивацию для лиц, принимающих решения в уделении времени и ресурсов для работы с такими странами.

Приоритизация азиатского направления в международной деятельности ЕАЭС кажется вполне объяснимой в силу того, что, во-первых, страны данного расширенного региона имеют сходную политическую позицию со странами ЕАЭС; во-вторых, географической близостью ЕАЭС к странам Азии, в-третьих, близостью позиций относительно международного и регионального сотрудничества: большинство объединений азиатского региона также носят прагматический характер и ставят в приоритет национальные интересы и национальный уровень принятия решений, и, как правило, не стремятся к созданию жёсткой системы наднационального регулирования наподобие европейской интеграции [6, 2023; Ле, 2010]; в-четвёртых, наличием и уровнем исторических экономических связей с данными регионом; в-пятых, для некоторых стран, таких как Киргизия и Казахстан, партнёрство с азиатскими странами является вопросом стратегическим в силу их географического и геополитического положения [1, 2020].

Наконец, мы можем видеть, что последние годы работы ЕЭК ознаменованы значительным интересом к Ближневосточному региону, и данный интерес уже начал приносить свои плоды – в 2024 и 2025 годах были заключены соглашения о ЗСТ с Ираном и ОАЭ. Мы вполне можем ожидать, что данная тенденция продолжится в силу наличия большого числа потенциальных партнёров в данном регионе и значительного геополитического интереса России к странам и региону в целом.

С течением времени международная деятельность ЕАЭС имела и имеет тенденцию к конкретизации и локализации. Фокус работы в международном направлении у ЕЭК был сосредоточен на том, чтобы упрочить собственные международные позиции путём наиболее активного взаимодействия с ключевыми региональными и глобальными акторами, концентрируя собственное внимание преимущественно на странах, относящихся к Глобальному Югу.

Литература

1. Аникин В.И., Баклицкий А.А., Балуев Д.Г. [и др.]. Мировая политика в фокусе современности // 3-е изд., перераб. – М.: Дашков и К, 2020. – С. 24.

2. Глазьев С.Ю., Архипова В.В., Агеев А.И., Ершов М.В., Митяев Д.А., Нагорный А.А., Вэнь В., Цинцин Я., Росс Д., Чжаоюй Г., Тинтин Ч. Вопросы и состояние процессов сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь» в представлениях Китая и России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3:13–30.

3. Кузнецов А.В., Вилисов М.В., Атоян В.К., Вавилова Л.И. Атлас аналитических центров ЕАЭС: Справочник. // Центр междисциплинарных исследований. – М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН – 2021. – С. 98.

4. Мешкова Т.А., Изотов В.С., Демидкина О.В., Кофнер Ю.К. ЕАЭС в меняющемся геополитическом контексте: приоритеты международного сотрудничества // Вестник РУДН. Серия: Политология. – 2019. – № 1. https://doi.org/10.22363/2313–1438–2019–21–1–7–33

5. Ле, Ань Куан. Специфика интеграционных процессов в Юго-Восточной Азии // Ань Куан Ле. – М.: Молодой ученый. – 2010. – № 6 (17). – С. 150–156.

6. Смирнов Е.Н. Геополитические вызовы развития мировой финансовой системы. // Новосибирск: Сибирская академическая книга. – 2023. – С. 98.

7. Яковлев П.П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы. // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – № 2. https://doi.org/10.23932/2542–0240–2021–14–2–1

THE EVOLUTION OF THE EAEU'S INTERNATIONAL RELATIONS THROUGH THE LENS OF EEC STRATEGIC DOCUMENTS

Serdyukov I.A.
People's Friendship University of Russia

The evolution of the Eurasian Economic Union's (EAEU) international relations is debated in this article. It reveals the functional and institutional roles of the Eurasian Economic Commission (EEC) in the EAEU's international relations. The empirical basis of the study consists of data obtained through quantitative and content analysis of 10 documents "On the Main Directions of the EAEU's International Activities" published between 2014 and 2025. Based on these documents, quantitative indicators reflecting the features and characteristics of the development of the EAEU's international relations were calculated and collected: the frequency of mentions of countries, regions, and international organizations, as well as their annual dynamics. The study concluded that the international work of the EEC throughout the entire period has been specific and focused; at the same time, the international activities of the EEC are purposeful, strategic, and consistent. It is argued that the EEC primarily seeks to focus its attention on interaction with the countries of the Global South. The fact that the primary tasks of the Eurasian Commission's international activities are to strengthen its own global position and increase the attractiveness of the Eurasian model of integration is disputed. It is proposed to divide the EAEU's international relations into the following periods: Western (2015–2019), Asian (2020–2022), and Middle Eastern (2023–2025).

Keywords: Eurasian integration; EAEU; EEC; international relations; content-analysis; quantitative analysis.

References

1. Anikin V.I., Baklickij A.A., Baluev D.G. et al. Mirovaya politika v fokuse sovremennosti. 3rd edition. Moscow: Dashkov & K. 2020. P. 24. (In Russ.)

2. Glaziev S.Yu., Arkhipova V.V., Ageev A.I., et al. Questions and Situations on the Conjugation of the Eurasian Economic Union and the "Belt and Road" Initiative between China and Russia. Eurasian integration: economics, law, politics. 2019, N 3, P. 13–30. (In Russ.)

3. Kuznecov A.V., Vilisov M.V., Atoyan V.K., Vavilova L.I. Atlas analiticheskih centrov EAES: Spravochnik. Centr mezhdisciplinarnyh issledovanij. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences (INION) of the Russian Academy of Sciences. 2021. 206 p. (In Russ.)

4. Meshkova T.A., Izotov V.S., Demidkina O.V., Kofner Yu.K. The EAEU in a changing geopolitical context: priorities for international cooperation. Bulletin of RUDN University. Series: Political Science. 2019, N 1. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-1438-2019-21-1-7-33

5. Le, An' Kuan. Specifika integracionnyh processov v Yugo-Vostochnoj Azii / An' Kuan Le. Molodoj uchenyj. 2010, N 6 (17), P. 150–156. (In Russ.)

6. Smirnov E.N. Geopoliticheskie vyzovy razvitiya mirovoj finansovoj sistemy. Novosibirsk: Sibirskaya akademicheskaya kniga. 2023, P. 98. (In Russ.)

7. Yakovlev P.P. Global South: Conceptual Approaches and Socio-Economic Processes. Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021, N 2. https://doi.org/10.23932/2542–0240–2021–14–2–1

NIO в условиях третьей и четвертой технологической революции

Юй Чжинин,
выпускник магистратуры по международным отношениям,
Томский государственный университет

NIO, основанная в 2014 году, служит важным инструментом реализации китайской стратегии технологического лидерства: компания продвигает электромобили с инновационной системой быстрой замены батарей, способствуя достижению национальных целей по углеродной нейтральности и снижению зависимости от ископаемого топлива. В 2023 году NIO поставила около 160 000 автомобилей (+30,7% к прошлому году), подтвердив роль Китая как мирового центра развития электротранспорта. Успехи компании укрепляют геополитические позиции страны в конкуренции за технологические стандарты эпохи четвёртой промышленной революции.

Ключевые слова: третья промышленная революция; интернет вещей; Кибербезопасность; государственная поддержка.

NIO – это бренд элитных интеллектуальных электромобилей, основанный в 2014 году. Его основная продукция включает несколько моделей NIO ES8, NIO ES7, NIO ES6, NIO EC7, NIO EC6, NIO ET7, NIO ET5, NIO ET5T. Стоит отметить, что в отличие от других транспортных средств на новой энергии, которые могут питаться только от аккумуляторных батарей, основная конкурентоспособность NIO заключается в его «перезаряжаемых, заменяемых и модернизируемых» батареях. Понятие «перезаряжаемый, заменяемый и модернизируемый» означает, что пользователи могут выбирать подходящий метод пополнения энергии в соответствии со своими потребностями и сценариями пополнения энергии. «Перезаряжаемый» означает, что его можно заряжать через зарядную кучу, а «заменяемый» означает, что Вы для замены полностью заряженной батареи можно использовать станцию замены батареи NIO. «Обновляемая» означает, что пользователи, приобретающие стандартную батарею, могут в любое время перейти на батарею большой емкости, рассчитанную на температуру 100 градусов. Конечно, NIO предоставляет пользователям не только автомобили, но и очень полную систему послепродажного обслуживания. Я делю ее на пять частей: NIO House, NIO Life, NIO Power, NIO Service и NIO Phone. NIO House предоставляет пользователям богатое жилое сообщество, включая, помимо прочего: бесплатный кофе, резервируемые конференц-залы и общие рабочие места, детский рай и т.д. NIO Life – периферийный бренд, созданный на базе NIO. Он объединил более 600 дизайнеров по всему миру, чтобы привнести дизайн в повседневную жизнь каждого: от постельного белья до изысканных вин и продуктов питания. NIO Power – это система энергосервиса, основанная на энергетической облачной технологии NIO и предоставляющая пользователям полноценные услуги по включению питания с помощью мобильных зарядных устройств NIO, зарядных станций, станций замены аккумуляторов и групп дорожного обслуживания. NIO Service предоставляет владельцам автомобилей услуги, не требующие беспокойства. Первый владелец автомобиля NIO автоматически получает три бесплатных пожизненных права и интересы: бесплатную пожизненную гарантию, бесплатную пожизненную помощь на дороге и бесплатные услуги Интернета транспортных средств, что избавляет от всех забот об использовании автомобиля. NIO Phone – это мобильный телефон, предназначенный для владельцев автомобилей NIO. Он появился на свет в сентябре 2023 г. Будучи первым продуктом мобильного телефона, разработанным производителем автомобилей, его основная функция – повысить удобство использования интеллектуальной кабины NIO.[1]

В 2023 году NIO, пережившая «болезненный период» смены поколений всей своей линейки продукции, последовательно представила новые модели EC7, новый ES6, ET5T, новый ES8 и новый EC6, став первым в мире брендом интеллектуальных электромобилей, завершившим вертикальное переключение технологических платформ. После выпуска нового NIO ES6 в июле компания NIO поставила в общей сложности 20 462 новых автомобиля, что на 103,6% больше, чем в прошлом году, а в месяц – на 91,1%, установив рекордный уровень. Среди них поставки ES6 превысили 10 000 единиц, установив ежемесячный рекорд поставок для одной модели, став новой «горячей моделью» бренда и крупным прорывом для NIO на рынке высококачественной чистой электроэнергии. В декабре 2023 года NIO поставила 18 012 новых автомобилей, хотя и не превысила пик продаж в июле, но выросла на 13,9% в годовом исчислении. За весь 2023 год NIO поставит в общей сложности около 160 000 автомобилей, что на 30,7% больше, чем в прошлом году [2].

Систему качества NIO можно разделить на 12 модулей: качество предприятия, качество производства, качество массового производства, качество послепродажного обслуживания, качество проектирования, качество проектирования транспортных средств, качество XPT, качество электроэнергетики, качество управления электропитанием, качество управления поставщиками, качество логистики и качество программного обеспечения охватывают все аспекты: от разработки продукта до его доставки и использования пользователями [3].

Как упоминалось выше, NIO – компания, производящая умные электромобили, поэтому необходимо также проанализировать состояние транспортных средств на новой энергии в мировой и китайской экономике.

За первые три квартала 2023 года глобальные продажи автомобилей на новых источниках энергии достигли 9,746 миллиона единиц,

из которых продажи Китая достигли 6,278 миллионов единиц, что поддерживает быстрый рост продаж автомобилей на новых источниках энергии. С января по октябрь этого года производство и продажи новых энергетических транспортных средств в Китае превысили 7 миллионов единиц, а уровень проникновения на рынок превысил 30%. Поскольку Хайнань является первой провинцией страны, которая публично объявила о том, что «прекратит продавать автомобили, работающие на топливе к 2030 году», уровень проникновения на рынок новых энергетических транспортных средств приближается к 50%, занимая первое место в стране [4].

Положение новых энергетических транспортных средств в экономике Китая незаменимо:

С точки зрения автомобильной промышленности, развитие транспортных средств на новых источниках энергии приблизило Китай на большой шаг к тому, чтобы стать автомобильной державой. В начале XXI века, в важный период трансформации автомобильной промышленности, Китай творчески сочетал разработку транспортных средств на новой энергии с повышением конкурентоспособности промышленности, обеспечением энергетической безопасности, улучшением качества воздуха и реагированием на изменение климата.

С точки зрения размера рынка, Китай стал крупнейшим в мире рынком электромобилей: совокупные продажи пассажирских электромобилей составляют 45% от общего объема в мире, а продажи электрических автобусов и электрических грузовиков составляют более 90% от общего объема в мире; количество построенных общественных зарядных станций больше, чем в Соединенных Штатах, Европе и Японии вместе взятых; благодаря ведущей технологии массового производства аккумуляторов, это самый активный регион в мире для инноваций в бизнес-моделях электрических путешествий.

С точки зрения инновационной стратегии, благодаря интеграции большого количества «отличных от автомобилей» технологий, автомобильная революция привела к движению технологических инноваций, беспрецедентному в истории промышленного развития Китая. Будучи символом промышленной системы страны, автомобили являются важным сценарием применения новых технологий. Электрификация автомобилей объединяет исследования, разработки и применение передовых материалов и производство высокоточных деталей, а также способствует взаимному обновлению аккумуляторов, двигателей и технологий электронного управления. Автомобили являются одним из важнейших сценариев применения информационных технологий нового поколения, искусственного интеллекта, 5G, интернета вещей и т.д. В автомобилях применяется большое количество «неавтомобильных» технологий, что, с одной стороны, обеспечивает интеллектуальное развитие автомобилей, а с другой стороны, интеллект стал этапом применения большого количества трансграничных технологий, а автомобили стали важной силой, побуждающей другие отрасли ускорять инновации.

С точки зрения энергетической стратегии, автомобильная революция эффективно способствовала энергетической революции. Сейчас Китай стоит на пороге третьей энергетической революции: от ископаемой энергии к возобновляемой энергии. Предполагается, что в 2035 году на производство энергии ветра и солнца будет приходиться более 80% установленной мощности и более 40% производства электроэнергии, а стоимость производства фотоэлектрической энергии и энергии ветра может быть снижена до 0,1–0,2 юаня/кВтч. Проблема, с которой сталкивается нынешняя новая энергетическая революция, заключается в том, что стоимость производства электроэнергии с помощью фотоэлектрической и ветровой энергии низка, но стоимость ее использования по-прежнему высока, а хранение энергии является основным узким местом. Ожидается, что в 2030 году количество электромобилей превысит 80 миллионов, а потенциал накопления энергии достигнет 5800 ГВтч. Новые энергетические транспортные средства, состоящие из электрохимических энергоэнергетических систем, являются важными средствами хранения энергии для развития возобновляемых источников энергии [5].

В индустрии новых энергетических транспортных средств концентрация рынка в мире и Китае быстро растет: доля 10 крупнейших компаний по производству электромобилей в мире превышает 80%, доля 10 крупнейших компаний по производству гибридных автомобилей достигает 87%, а доля ТОП-5 на китайском рынке составляет около 70%. Тенденция к централизации очевидна. Согласно всеобъемлющей таблице тенденций изменения доли рынка ТОП-15 мировых компаний по производству транспортных средств на новых источниках энергии, если рассматривать весь рынок транспортных средств на новых источниках энергии, BYD и Tesla образовали дуополию, занимая 22% и 20% соответственно в 2023 году, а их рыночные доли далеко опережают другие автомобильные компании, и доля рынка продолжает расширяться [6].

Третья и четвертая технологические революции оказали негативное влияние на автомобильную промышленность, в том числе:

1. Усиление конкуренции на рынке: по мере развития технологий конкуренция в автомобильной промышленности становится все более ожесточенной. Появляются новые технологии и продукты, а потребительский спрос на автомобили постоянно меняется. 2023 год можно назвать самым конкурентным годом на рынке автомобилей на новых источниках энергии, в этом году на китайском рынке часто появляются новые вопросы, Huawei Motor BU независимый, NIO стал основным конкурентом на трассе электропередач, Xiaomi Motor официально выпущен, BMW, Toyota и многие другие традиционные автомобильные компании не жалеют усилий для добавления кодов электромобилей… Как традиционные автомобильные компании, так и производство автомобилей «новые» силы ускорили рыночную конкуренцию на трассе автомобилей на новых источниках энергии [7].

2. Растущее давление на стоимость: по мере развития технологий автомобильные компании должны постоянно инвестировать средства в технологические исследования и разработки и модернизацию оборудования. Это усиливает давление на бизнес с точки зрения затрат и может повлиять на рентабельность и устойчивость бизнеса. Инвестиции NIO в НИОКР являются самыми высокими среди новых автопроизводителей. Согласно финансовому отчету за третий квартал, расходы NIO на НИОКР превышали 3,04 млрд юаней в течение четырех кварталов подряд, особенно в «Полном наборе технологий NIO» промышленное проектирование, исследования и разработки во всех аспектах области транспортных средств на новой энергии, включая чипы, интеллектуальное вождение, электроприводы, аккумуляторы, операционные системы, интеллектуальное оборудование, межавтомобильные соединения и интеллектуальные кабины [8].

3. В последние годы нападения на автомобили привлекли все большее внимание, однако нападения на автомобили не являются чем-то новым для последних лет. Первые нападения на автомобили сводились в основном к взлому противоугонной системы автомобиля и краже автомобиля или имущества внутри него. С развитием интеллектуальных подключенных автомобилей у автомобилей появляется больше потенциальных возможностей для вторжения. Нападения на автомобили включают незаконную активацию функций автомобиля, управление автомобилем и кражу конфиденциальной информации. Среда интеллектуальных подключенных автомобилей расширяет возможности злоумышленников для вторжения. Злоумышленники могут вымогать средства у владельцев автомобилей, захватывая контроль над автомобилем, создавать инциденты, связанные с безопасностью во время вождения, или даже совершать крупномасштабные террористические атаки. NIO также столкнулась с проблемами, связанными с утечкой данных: 20 декабря 2022 года NIO получил внешнюю почту, в которой утверждалось, что у него есть внутренние данные, и вымогала 2,25 миллиона долларов США за утечку данных, в настоящее время около 1570,5 миллиона юаней.

Для решения поднятых выше проблем NIO также приняла соответствующие меры:

1. Причина такой жесткой рыночной конкуренции связана с проблемой однородности продукции. На рынке новых энергетических транспортных средств различия в характеристиках и цене между продуктами разных марок постепенно сужаются. Чтобы разрушить это явление однородности, компаниям необходимо активизировать усилия в области технологических исследований и разработок и запустить новые энергетические автомобили с уникальными функциями и преимуществами, чтобы привлечь внимание потребителей. NIO применила уникальный подход и стала лидером в области замены аккумуляторов. Кроме того, в 2023 году NIO выпустит три новые модели, чтобы полностью охватить рынок, а в 2024 году запустит суббренд «Альпы» в основном для рынка среднего класса.

2. Чистый убыток Q3 составил 4557 млрд юаней, что значительно улучшилось по сравнению с убытком Q2 в размере 6,06 млрд. юаней и убытком Q1 в размере 4,74 млрд. Юаней. Это связано с горячими продажами нового ES6 в третьем квартале, и дилемма, в которой средний объем продаж Q2 не превышал 7000 единиц, не продолжалась. Новый ES6 будет выпущен в мае 2023 года. Ежемесячные продажи в третьем квартале составили 11 118 единиц, 8 601 единиц и 7 896 единиц соответственно. Хорошая динамика также успешно способствовала росту продаж таких моделей, как ES8 и ES7. Создавая силы, опирающиеся на эффект масштаба, увеличение объема продаж напрямую связано с сужением чистого убытка компании и приближением к точке прибыли. NIO завершила замену EC6 и ES6 в 2023 году, выпустила новую дорожную версию ET5 и обеспечила производственные мощности за счет структурных изменений на заводе по производству автомобилей, обеспечив поставку прошлогодних моделей платформы

второго поколения, таких как ET7, ES7 и ET5… Как отражено в данных за третий квартал, объем поставок, превышающий 55 000, стал лучшим кварталом в истории NIO. Учитывая, что продажи продолжают расти, когда убытки сокращаются и приближаются к точке прибыли, огромные инвестиции NIO в исследования и развитие может не выглядеть растянутым [8].

3. В ответ на утечку данных Ли Бинь, основатель и председатель правления NIO, извинился перед официальным сообществом NIO за утечку пользовательских данных и сказал, что он будет сотрудничать с соответствующими департаментами для тщательного расследования инцидента и отслеживания преступлений, связанных с кражей и продажей данных, связанных с инцидентом. Это показывает скрытый кризис: безопасность данных является одним из важных аспектов третьей и четвертой технологических революций.

С течением времени, когда концепция «Интернета вещей» предлагает новые удобства для человеческого образа жизни, тенденция к четвертой технологической революции становится все более очевидной. В современном обществе уже есть много областей, которые ввели концепцию « Интернета вещей», таких как умный дом, умный город, умный автомобиль и так далее. Среди них развитие интеллектуальных сетевых автомобилей вызвало огромный резонанс в Китае за последнее десятилетие, все больше и больше семей предпочитают покупать умные автомобили, развитие этой области заслуживает дальнейшего углубления.

Несмотря на то, что автопроизводители повысили безопасность своих автомобилей, существует определенная угроза для любого подключенного автомобиля. Например, даже малейшая уязвимость в автомобильной системе может представлять определенную угрозу для транспортных средств, водителей и пассажиров. В июле 2015 года два американских хакера с белой шляпой Крис Валесек и Чарли Миллер взломали шинную систему CAN движущегося внедорожника JEEP Free Light, отправив неправильные инструкции в такие системы, как двигатель, коробка передач, торможение и рулевое управление, и в конечном итоге перевернули автомобиль вниз по склону на обочине дороги. Затем они опубликовали детали атаки на крупнейшей в мире хакерской конференции в августе. Это событие привело к отзыву более 1,4 миллиона автомобилей Chrysler и стало первым отзывом автомобилей из-за проблем с информационной безопасностью [9].

Для решения этой проблемы необходимо обратить внимание на следующие аспекты:

Во-первых, автопроизводители должны учитывать безопасность при создании сетевых автомобильных приложений, а при разработке и тестировании внутреннего программного обеспечения необходимо в первую очередь учитывать безопасность.

Во-вторых, когда мы говорим о защите данных, первое, что мы должны думать, – это такие понятия, как маркировка, анонимность и шифрование. Поскольку любое подключенное устройство обрабатывает большой объем конфиденциальных данных, пользовательские данные должны быть полностью анонимными, зашифрованными и безопасно храниться в базе данных.

В-третьих, внедрение системы обнаружения сетевого вторжения. Программа непосредственно встроена в автомобильное программное обеспечение, которое отслеживает системы и контроллеры автомобиля и создает файлы его операций. Из-за этого система может обнаруживать малейшие отклонения в поведении автомобиля и немедленно уведомлять владельца и производителя.

Конечно, третья и четвертая технологические революции также открывают много возможностей для компаний, занимающихся разработкой новых энергетических транспортных средств.

1. Инновационное развитие: активное использование технического прогресса, достигнутого в результате третьей и четвертой научно – технических революций, для стимулирования инноваций в автомобильной промышленности. Улучшить производительность, безопасность и экологичность автомобиля путем разработки новых технологий, процессов и материалов. В то же время, обращайте внимание на изменения потребительского спроса и разрабатывайте продукты и услуги, которые в большей степени соответствуют потребительскому спросу. NIO должен продолжать наращивать инвестиции в разработку новых технологий, чтобы сохранить свою конкурентоспособность на рынке автомобилей на новых источниках энергии, придерживаться нынешней стратегической планировки, создавать дочерние бренды для охвата большего рынка и компенсировать потери инвестиций в исследования и разработки.

2. Экологически чистая окружающая среда: активно продвигать экологически чистые технологии и методы зеленого производства, содействовать устойчивому развитию автомобильной промышленности. Снижение воздействия автомобилей на окружающую среду путем внедрения экологически чистых технологий, таких как экологически чистые источники энергии и низкоуглеродные материалы. В то же время мы обращаем внимание на изменения в природоохранных нормах и правилах, обеспечивая, чтобы производство и эксплуатация предприятий соответствовали нормативным требованиям. Разработка автомобилей на новых источниках энергии способствует досрочному достижению углеродного пика и углеродной нейтральности. С увеличением доли возобновляемых источников энергии выбросы углерода на единицу пробега легковых автомобилей с чистым электроприводом снизились до 20 г/км в 2035 году, что более чем на 70% ниже, чем в 2021 году. К 2035 году автомобили на новых источниках энергии сократят выбросы углерода в дорожном движении примерно на 200 миллионов тонн, что принесет значительные выгоды. Поэтому китайское правительство позитивно относится к развитию автомобилей на новых источниках энергии, и оно разработало и будет проводить больше политики в поддержку развития автомобилей на новых источниках энергии. Новые энергетические транспортные компании могут воспользоваться дивидендами политики и увеличить продажи.

3. Трансграничное сотрудничество: укрепление трансграничного сотрудничества с другими отраслями в целях совместного содействия развитию автомобильной промышленности. Работая с технологическими компаниями, интернет – компаниями и другими, мы совместно разрабатываем новые технологии, новые приложения и новые услуги, чтобы предоставить потребителям лучшие продукты и услуги. Сотрудничество и обмен с другими предприятиями по производству автомобилей на новых источниках энергии, научно – техническими предприятиями, научно – исследовательскими институтами и т.д., могут ускорить темпы технологических инноваций и повысить их технический уровень. В настоящее время NIO не только достигла сотрудничества с Changan Automobile в области обмена электроэнергией, через неделю NIO и Geely Holdings подписали соглашение о стратегическом сотрудничестве в области обмена электроэнергией в Ханчжоу, обе стороны будут всесторонне сотрудничать в различных областях, таких как стандарты батарей для обмена электроэнергией, технология обмена электроэнергии, строительство и эксплуатация сети услуг по обмену электроэнергией, исследования и разработки и настройка типа трамвая, управление и эксплуатация аккумуляторных активов. NIO должен продолжать тенденцию сотрудничества, обмениваться с другими китайскими компаниями по производству новых энергетических транспортных средств по всем аспектам батарей, технологий и т.д., чтобы совместно привезти новые энергетические транспортные средства китайского производства за границу.

Интеллектуальный интернет – автомобиль уже не просто обычная концепция в книгах, он продвигается вперед вместе с человечеством в постоянно прогрессирующем лице, поэтому мы должны также подходить к его развитию с открытой точки зрения.

Литература

1. 蔚来汽车官方网站. [NIO официальный сайт.]. URL: https://www.nio.cn/ (дата обращения: 15.03.2023)

2. 造车新势力2023年大盘点：多家销量破10万，行业格局或将再生变. 2024年01月08日. [Обзор новых производителей электромобилей в 2023 году: несколько компаний достигли объёма продаж, превышающего 100 000 единиц, но ситуация в отрасли может претерпеть дальнейшие изменения.]. URL: https://finance.sina.com.cn/jjxw/2024–01–08/doc-inaauste5969225.shtml (дата обращения: 15.03.2025)

3. 在蔚来，质量是一种信仰. 2019年8月18日. [В компании NIO качество – это наше убеждение.]. URL: https://www.sohu.com/a/334505286_157536 (дата обращения: 16.03.2025)

4. 全球新能源汽车进入全面市场化阶段. 2023年12月11日. [Мировой рынок транспортных средств на новых источниках энергии вступил в стадию полной маркетизации.]. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2023/1211/c1004–40136063.html (дата обращения: 16.03.2025)

5. 中国新能源汽车产业发展的重大意义与未来愿景. 2021年12月16日. [Значение и будущее развития китайской индустрии транспортных средств на новых источниках энергии.]. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2021/1216/c1004–32309935.html (дата обращения: 16.03.2025)

6. 全球新能源汽车研究报告：市场趋势、格局、主要玩家，以及未来增长机会，谁将有机会胜出. 2023年5月6日. [Глобальный отчет об исследовании транспортных средств на новых источниках энергии: тенденции рынка, ландшафт, основные игроки и будущие возможности роста – кто станет победителем?]. URL: https://xueqiu.com/5516314868/249621153 (дата обращения: 16.03.2025)

7. 2023新势力销量：埃安夺冠，深蓝强势，极狐、岚图争当黑马？2024年1月3日. [Продажи новых энергетических автомобилей

в 2023 году: Aion завоевывает корону, Deep Blue демонстрирует силу, а Jihu и Voyah Vision конкурируют за статус темной лошадки?]. URL: https://new.qq.com/rain/a/20240103A06DXF00 (дата обращения: 16.03.2025)

8. 蔚来的挑战与应战. 2023年12月11日. [Проблемы и ответы NIO]. URL: https://www.21jingji.com/article/20231211/herald/7bedfaeed-d9cc651a0f1e7437a8b29fb.html (дата обращения: 16.03.2025)

9. 2015美国黑帽大会：关于黑客入侵Jeep车的详细介绍. [Конференция Black Hat 2015: подробное введение во взлом автомобилей Jeep.]. URL: https://www.kaspersky.com.cn/blog/black-hat-usa-2015-the-full-story-of-how-that-jeep-was-hacked/3332/ (дата обращения: 10.01.2024)

NIO IN THE CONTEXT OF THE THIRD AND FOURTH TECHNOLOGICAL REVOLUTIONS

Yu Zhining
Master's degree in International Relations, Tomsk State University, Russian Federation

Founded in 2014, NIO serves as a key enabler of China's technological leadership strategy: the company promotes electric vehicles with innovative, fast-swappable battery systems, contributing to national carbon neutrality goals and reducing dependence on fossil fuels. In 2023, NIO delivered approximately 160,000 vehicles (a 30.7% increase year-on-year), confirming China's role as a global hub for electric vehicle development. The company's success strengthens the country's geopolitical position in the competition for technological standards in the era of the Fourth Industrial Revolution.

Keywords: third Industrial Revolution; internet of things; cybersecurity; government support.

References

1. NIO Official Website. URL: https://www.nio.cn/ (Accessed: March 15, 2023)

2. New Electric Vehicle Manufacturers' Survey in 2023: Several Companies Achieve Sales Volume Exceeding 100,000 Units, But the Industry Situation May Further Change. [Review of New Electric Vehicle Manufacturers in 2023: Several Companies Achieve Sales Volume Exceeding 100,000 Units, But the Industry Situation May Further Change.] URL: https://finance.sina.com.cn/jjxw/2024–01–08/doc-inaauste5969225.shtml (access date: 03/15/2025)

3. 在蔚来，质量是一种信仰. 2019年8月18日. [At NIO, quality is our belief.] URL: https://www.sohu.com/a/334505286_157536 (access date: 03/16/2025)

4. 全球新能源汽车进入全面市场化阶段. December 11, 2023. [The global new energy vehicle market has entered the stage of full marketization.]. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2023/1211/c1004–40136063.html (Accessed: March 16, 2025)

5. The significance and future development of China's new energy vehicle industry. December 16, 2021. [The significance and future development of China's new energy vehicle industry.]. URL: http://finance.people.com.cn/n1/2021/1216/c1004–32309935.html (Accessed: 16.03.2025)

6. Global New Energy Vehicle Research Report: Market Trends, Landscape, Major Players and Future Growth Opportunities – Who Will Be the Winner? [Global New Energy Vehicle Research Report: Market Trends, Landscape, Major Players and Future Growth Opportunities – Who Will Be the Winner?]. URL: https://xueqiu.com/5516314868/249621153 (Accessed: 16.03.2025)

7. 2023 New Energy Car Sales: Aion Takes the Crown, Deep Blue Shows Strength, and Jihu and Voyah Vision Compete for Dark Horse Status? [2023 New Energy Car Sales: Aion Takes the Crown, Deep Blue Shows Strength, and Jihu and Voyah Vision Compete for Dark Horse Status?]. URL: https://new.qq.com/rain/a/20240103A06DXF00 (access date: 03/16/2025)

8. 蔚来的挑战与应战. 2023年12月11日. [NIO Problems and Answers]. URL: https://www.21jingji.com/article/20231211/herald/7bedfaeedd9cc651a0f1e7437a8b29fb.html (access date: 03/16/2025)

9. 2015美国黑帽大会：关于黑客入侵Jeep车的详细介绍. [Black Hat 2015: A Detailed Introduction to Jeep Hacking]. URL: https://www.kaspersky.com.cn/blog/black-hat-usa-2015-the-full-story-of-how-that-jeep-was-hacked/3332/ (access date: 01/10/2024)

Организация профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии

Кечина Марина Александровна,
старший преподаватель кафедры психологии, соискатель кафедры отечественной и зарубежной истории и методики обучения, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
E-mail: kechina30@mail.ru

Шукшина Людмила Викторовна,
доктор философских наук, профессор кафедры психологии и педагогики, АНО ВО «Московский Международный университет»
E-mail: liudmila.shukshina@yandex.ru

Акашкин Михаил Михайлович,
кандидат филологических наук, доцент кафедры родного языка и литературы, Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева
E-mail: akashkinmm@yandex.ru

Предупреждение деструктивного поведения в молодежной среде является стратегической задачей психологической службы современной системы образования. В статье представлено описание организации профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии. Перечислены основные направления предупреждения деструктивного поведения в молодежной среде, подчеркнута роль библиотерапии в развитии психологических ресурсов личности, препятствующих вовлечению молодых людей в группы деструктивной идеологии и совершению ими противоправных действий.

Цель статьи – обобщение результатов реализации методики организации профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии.

В методологии исследования можно выделить два основных этапа: первый – анализ психолого-педагогической литературы по проблеме организации профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии и обобщение методических источников; второй – реализация эмпирических методов для выявления эффективности методики организации профилактической работы с молодежью посредством библиотерапии.

Статья освещает реализацию профилактической программы «Чтение как средство развития психологической культуры», направленной на предупреждение деструктивного поведения в молодежной среде посредством библиотерапии; в статье обобщен опыт в виде разработанных практикоориентированных рекомендаций по внедрению технологий библиотерапии в профилактическую деятельность со студенческой молодежью.

Апробированные профилактические занятия способствовали повышению уровня волевого потенциала, толерантности студентов, формированию продуктивных копинг-стратегии в стрессовых ситуациях.

Ключевые слова: библиотерапия, студенты вуза, профилактическая программа, волевой потенциал, толерантность, копинг-стратегии.

3Организация профилактической работы с молодежью является важнейшим направлением работы современной системы образования. Предупреждение деструктивного поведения, формирование конструктивных стратегий межнационального общения, гражданской активности молодых людей, создание психологически безопасной образовательной среды составляют целевые установки воспитательных событий.

Приоритетными задачами профилактической деятельности вуза выступают:

– овладение способами самоконтроля своим эмоциональным состоянием и навыкам преодоления кризисных и трудных жизненных ситуаций;

– реализация системы профилактических и образовательных мероприятий по предупреждению различных видов зависимости, вовлечения молодежи в деструктивные объединения;

– формирование позитивного мышления и психологической устойчивости как фактора благополучия личности [3].

Необходимо заметить, что эффективность «реализации профилактических мероприятий зависит от формирования позитивных смысложизненных ориентаций студенческой молодежи» [4].

Предупреждение социально-негативных явлений как основной феномен в молодежной среде может реализоваться посредством технологии библиотерапии.

Библиотерапия в русле профилактике помогает молодому человеку переосмыслить собственные нравственные ориентиры, расширить положительный эмоциональный опыт, осознать себя [1] и предупредить формирование возможных негативных установок в межличностном общении.

Психологизм художественного произведения способствует формированию у молодого человека потребности в осмыслении мира, обучает навыкам рефлексивного анализа, переосмысления собственного опыта, чувств, мнений, отношений.

Говоря о специфике чтения художественного произведения заметим, что молодой человек осваивает конструктивные способы адаптации и совладания со стрессами ситуациями, у него формируются позитивные духовно-нравственные ценности, осуществляется поиск экзистенциальных решений.

Библиотерапия является позволяет сформировать толерантность и милосердие и служит источником самопомощи [6].

Литература оказывает терапевтическое воздействие на клиентов посредством реализации ряда психологических механизмов. Среди них – идентификация читателей с героями произведений, проекция, катарсис и инсайт [8].

Профилактическая работа с молодежью посредством библиотерапии позволяет реализовать психолого-педагогическое обучение, информирование, консультирование, развивающие мероприятия, направленные на создание условий для предотвращения развития поведенческих девиаций [5].

В связи с этим, нами была разработана модульная профилактическая программа, которая реализовывалась в рамках изучения дисциплин «Технологии арт-терапии в работе с детьми», «Развитие психологической безопасности субъектов образования».

Она содержала в себе 18 занятий. Название программы «Чтение как средство развития психологической культуры». Ее участниками выступили 28 студентов факультета психологии и дефектологии направление подготовки Психолого-педагогическое образование профиль Психология образования.

Цель программы – реализация профилактической деятельности со студентами посредством библиотерапии.

Ключевыми задачами программы являлись активизация психологических ресурсов личности, развитие которых способствовало превенции и интервенции деструктивного поведения, апробация профилактических занятий, разработка практикоориентированных рекомендаций по применению технологии библиотерапии в профилактической деятельности.

В программе были представлены произведения русской литературы, родной литературы (мордовской, татарской), направленные как на реализацию профилактической деятельности, так и на формирование коммуникативной, литературоведческой, читательской, культуроведческой компетенций студентов.

Методика профилактической работы включала в себя такие приемы работы с художественными произведениями, как: выборочное чтение (отрывок художественного произведения с последующим психолого-педагогическим анализом), рефлексия первичного восприятия текста, иллюстрирование текста, аналитический пересказ, сюжетное проигрывание, проектирование взаимоотношений персонажей в будущем, анализ характера главных и второстепенных героев.

Примерная тематика произведений, которые использовались при реализации программы: «Береги здоровье и честь смолоду» Ф.Г. Углова, «Невский проспект» Н.В. Гоголя, «Пожар» В. Распутина, «Ночевала тучка золотая» А. Приставкина, «Сотников» В. Быкова, «Между жизнью и смертью» Наби Даули и т.д.

При реализации психодиагностической работы применялись такие методики, как: «Экспресс-диагностика уровня волевого потенциала личности (автор О.Л. Гончарова), «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях (С. Норман, Д.Ф. Эндлер, Д.А. Джеймс, М.И. Паркер; адаптированный вариант Т.А. Крюковой)», экспресс – опросник «Индекс толерантности» (Г.У. Солдатова, О.А. Кравцова, О.Е. Хухлаев, Л.А. Шайгерова).

Результаты исследования

Динамика сформированности волевого потенциала студентов, результаты представлена в таблице 1.

Таблица 1. Динамика развития волевого потенциала студентов

Уровни	Этап исследования			
	констатирующий		контрольный	
	Абс.	%	Абс.	%
- высокий	6	21,4	7	25
– средний	17	60,7	20	71,4
– низкий	5	17,9	1	3,6

Высокий уровень волевого потенциала студентов после реализации профилактической программы увеличился на – 3,6%, средний уровень – на 10,7%.

Реализация программы способствовала развитию нравственно-волевых качеств студентов, развитию уверенности, эмоциональной готовности к конструктивному преодолению трудных жизненных ситуаций и кризисных состояний.

Результаты динамики толерантности студентов представлена в таблице 2.

Таблица 2. Результаты динамики толерантности студентов

Тип	Этап исследования			
	констатирующий		контрольный	
	Абс.	%	Абс.	%
- низкий	8	28,6	3	10,7
– средний	11	39,3	15	53,6
– высокий	9	32,1	10	35,7

Диагностика толерантности студентов показала, что наблюдалось повышение высокого уровня на – 3,6%, среднего на – 14,3%.

Реализация занятий позволила сформировать студентам уважение к мнению других людей, готовность к конструктивному разрешению возникающих конфликтных ситуаций в процессе межличностного общения и учебно-профессионального взаимодействия, позитивные эмоциональные установки к представителям иной расы и этнической группы.

Заключение. Апробация серии профилактических занятий по библиотерапии способствовала повышению уровня волевого потенциала и толерантности студентов, продуктивных копинг-стратегий в стрессовых ситуациях.

Литература

1. Арапова Л.В., Курлянова Н.В. Профилактика асоциальных проявлений в студенческой среде: опыт библиотеки профессиональной образовательной организации // Инновационное развитие профессионального образования. 2022. № 3(35) С. 105–112.
2. Голзицкая А.А. Групповая библиотерапия в работе с проблемами детскородительского взаимодействия (на примере ее применения в семейной групповой логопсихотерапии) // Психология и психотерапия семьи. 2020. № 2. С. 5–11. DOI 10.24411/2587–6783–2020–10008. EDN JBVUOK.
3. Кечина М.А., Шукшина Л.В., Акашкин М.М. Проектирование и реализация технологий библиотерапии в профилактической работе с молодежью // Учебный эксперимент в образовании. 2024. № 2(110). С. 19–25. DOI 10.51609/2079–875X_2024_2_19.
4. Кирпиченко А.А. Профилактика употребления психоактивных веществ среди учащихся // Вестник Витебского государственного медицинского университета. 2021. Т. 20, № 4. С. 18–26. DOI: 10.22263/2312-4156.2021.4.18.
5. Матвеева О.А., Родина В.А. Профилактика правонарушений в молодежной среде // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 1А. С. 352–357. DOI 10.34670/AR.2022.67.30.047. EDN UHVWCJ.
6. Чурсинова О.В. Технологии библиотерапии в профессиональной деятельности педагога-психолога // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4–3(43). С. 77–80. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10398.

METHODOLOGY FOR ORGANIZING PREVENTIVE WORK WITH YOUNG PEOPLE THROUGH BIBLIOTHERAPY

Kechina M.A., Shukshina L.V., Akashkin M.M.
Mordovia State Pedagogical University named after M.E. Evseviev, Moscow International University

Statement of the problem. Prevention of destructive behavior in the youth environment is a strategic task of the psychological service of the modern education system. The article presents a description of the organization of preventive work with young people through bibliotherapy. The main directions of prevention of destructive behavior in the youth environment are listed, and the role of bibliotherapy in developing the psychological resources of the individual, which prevent young people from being involved in groups of destructive ideology and committing illegal actions, is emphasized. The purpose of the article is to summarize the results of implementing the methodology of organizing preventive work with young people through bibliotherapy. Research methodology and methods. The research methodology can be divided into two main stages: the first stage is the analysis of psychological and pedagogical literature on the organization of preventive work with young people through bibliotherapy and the generalization of methodological sources; the second stage is the implementation of empirical research.

Keywords: bibliotherapy, university students, preventive program, volitional potential, tolerance, coping strategies.

References

1. Arapova L.V., Kurlyanova N.V. Prevention of Asocial Manifestations in the Student Environment: The Experience of a Professional Educational Organization's Library // Innovative Development of Professional Education. 2022. № 3(35). Pp. 105–112.
2. Golzitskaya A.A. Group Bibliotherapy in Working with Problems of Parent-Child Interaction (Based on Its Application in Family Group Logopsychotherapy) // Psychology and Psychotherapy of the Family. 2020. № 2. Pp. 5–11. DOI 10.24411/2587–6783–2020–10008. EDN JBVUOK.
3. Kechina M.A., Shukshina L.V., Akashkin M.M. Design and Implementation of Bibliotherapy Technologies in Preventive Work with Youth // Educational Experiment in Education. 2024. № 2(110). Pp. 19–25. DOI 10.51609/2079–875X_2024_2_19.
4. Kirpichenko A.A. Prevention of the use of psychoactive substances among students // Bulletin of the Vitebsk State Medical University. 2021. Vol. 20, № 4. Pp. 18–26. DOI: 10.22263/2312-4156.2021.4.18.
5. Matveeva O.A., Rodina V.A. Prevention of Delinquency among Young People // Issues of Russian and International Law. 2022. Vol. 12, № 1A. Pp. 352–357. DOI 10.34670/AR.2022.67.30.047. EDN UHVWCJ.
6. Chursinova O.V. Bibliotherapy Technologies in the Professional Activity of a Teacher-Psychologist // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2020. № 4–3(43). Pp. 77–80. DOI: 10.24411/2500-1000-2020-10398.

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Архитектура формирует жизненное пространство горожан, а архитектурные метафоры – его восприятие у простых людей и мышление у специалистов. У тех и других восприятие создает образы, а мышление – смыслы, которые скрываются за ними. Еще Дж. Лакофф убеждал нас в том, что наше мышление насквозь метафорическое, а о познании – разведке нового – и говорить нечего. Мы думаем с помощью метафор, а архитекторы еще и действуют с их помощью. Метафоры – это не просто язык; это стиль мышления. «Жидкий город» и «твердый современный город» – это не просто язык; это способ восприятия города через концепцию текучей жизни/текучей современности З.Баумана. «Зеленое сердце» – это не просто язык планирования; он имеет эмоциональные и рациональные коннотации, он влияет на поведение. И метафора «гнилой зуб» ясно дает понять, что нужно делать: вырвать его. Это коллективное осмысление проекта городской реконструкции. Короче говоря, метафоры – это концепции, которые формируют мышление и чувства.

Ключевые слова: метафоры, мышление, восприятие, архитектура, город, архитектура, методология

Метафоры как архитектура и стиль мышления

Метафоры строительства, искусства и архитектуры проясняют наше место, статус и ценность. Поскольку метафора является основным механизмом, с помощью которого мы постигаем абстрактные концепции и выполняем абстрактные рассуждения; поэтому архитектурные произведения отражают наше социальное, психологическое и политическое состояние. Проникая в наше сознание, метафоры создают соответствующие установки личности. Метафора улицы – кровяные артерии – вынуждает нас искать в городском пространстве подтверждение себе, смотреть на дома и кварталы под новым углом зрения. Гири утверждает: «Метафора – это способ мышления задолго до того, как он станет способом со словами» [1]. «К сожалению, метафора не может выполнять обязанности мысли» [2].

Согласно традиционному мнению, метафора – это просто язык, который может описывать только реальность. Оно справедливо лишь в том случае, если ученый – просто наблюдатель объекта исследования. Но сегодня выяснилось, что человек не просто наблюдает, но изменяет наблюдаемые события, а внешняя реальность не отделена непроницаемой стеной. Внешний мир таков, каким его видит и мыслит субъект познания. Язык, на котором разговаривает природа, суть тот же самый, на котором разговаривает общество. За исключением технических терминов. Метафоры способны изменить наше мнение о том, что реально, а что нет. Лакофф и Джонсон говорят: «Новые метафоры способны создать новую реальность» [3].

Наша голова представляет образец когнитивной архитектуры, когда на каждом этаже здания ученые обнаруживают все новые функции и разделы мозга.

Г.Морган утверждает, что метафора – это гораздо больше, чем просто средство для украшения дискурса; использование метафор подразумевает образ мышления и способ видения, которые пронизывают наше понимание нашего мира в целом. Морган утверждает, что вся теория – это метафора. Теория может дать ценную информацию, но может также дать неполную, предвзятую и потенциально вводящую в заблуждение информацию. Метафора по своей сути парадоксальна. Это может создать мощное понимание, которое также становится искажением, поскольку способ видеть сквозь метафору (и теорию) становится способом не видеть[4].

Метафора, которая используется для структурирования мысли, появляется в процессе проектирования либо явно (например, название концепции), либо неявно (например, в чертежах или моделях). Она являет собой единство воображения и логического анализа.

Метафора – когнитивный партнер архитектора и инструмент городского социолога (рис. 1). Архитектурные метафоры всегда провоцировали и вдохновляли философов. В архитектуре есть некоторые интересные, а иногда даже глубокие метафоры, которыми могла бы быть очарована философия. Например, понятия «жилье» или «жилище» (“dwelling” or “habitation”), которые пленяли Хайдеггера; идея «фундамента» очаровывала Декарта и Канта[5].

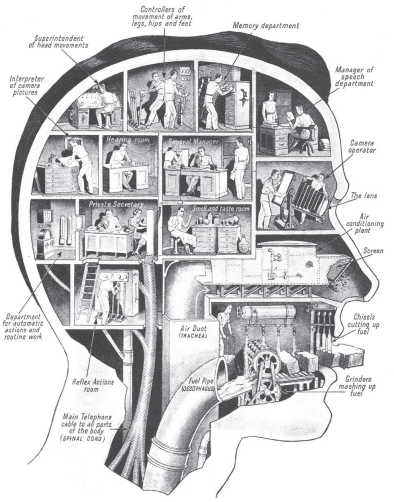


Рис. 1. Когнитивное и архитектурное в метафоре головы

Впервые опубликованная в 1982 г. книга немецкого архитектора Освальда Матиаса Унгерса «Городские метафоры» сопоставляет более 100 различных карт городов на протяжении всей истории с изображениями флоры и фауны и другими изображениями науки и природы. Унгерс присваивает каждому название – одно образное описательное слово, напечатанное на английском и немецком языках. Так, карта Венеции превращается в рукопожатие, а план Санкт-Галлена становится утробой. «Городские метафоры» Унгерса – классика творческой картографии и визуального мышления.

Специалисты по городскому развитию используют такие фразы, как городская ткань, костяк или колонна; они называют города живыми организмами, описывая их как плавильные котлы или джунгли, не говоря уже о чрезмерно активном использовании глаголов и прилагательных, таких как зеленые легкие города. Глянцевые маркетинговые буклеты для туристов, зазывающих посетить те или иные достопримечательности города, есть не что иное, как визуальные метафоры и приукрашивание реальности, призванное воздействовать на чувства и пробуждать романтические настроения.

Метафора – средство поиска смыслов, заключённых в тексте[6]. Такие метафоры, как «сотовые офисы», «хаотичный и хрупкий экзоскелет», «узкие потрошенные офисы», «театр архитектуры» или «нерешительная архитектура» или пять известных метафор – мировой город, кибергород, двойной город, гибридный город и устойчивый город – по новому открывают старые слова.

Бернар Секки утверждает, что «роль метафоры, как хорошо известно, заключается в следующем: придавать смысл тому, что мы временно не можем понять» [7]. «Города – это бесконечный процесс, постоянная борьба между оазисом и пустыней». Они используют крайнюю логику, своего рода «театр взлетов и падений» [8]. «Метафора – это средство увидеть что-то с точки зрения чего-то другого» [9]. В Нидерландах метафора «гнилой зуб» является общим языком для устаревших уродливых зданий, отсталых районов и т.д., и она помогает разъяснить населению, что нужно делать (городскому «дантисту» придется вырывать зуб).

Метафоры выглядят вполне конкурентоспособными инструментами по сравнению с линейными, рациональными, логическими методами, применяемыми архитекторами. Метафоры, определяемые как «образная рациональность», кажутся вполне подходящими инструментами для решения таких проблем, поскольку они объединяют рациональность и воображение[10].

Город, как и государство или общество, это эфемерное понятие, эмпирическим референтом которого представляет пересечение улиц и перекрестков, нагромождение домов, магазинов, площадей и культурных памятников. Общее представление о Москве или Париже, т.е. визуальная и мало осознаваемая метафора, должна быть сложена из этих кусков. В этом смысле город выступает точкой сбора – соединения чувственных и ментальных впечатлений в единое целое. У каждого человека, знакомого с двумя столицами воочию, по фильмам или открыткам, даже просто по рассказам, свое собственное впечатление, свой образ города, своя метафора для Москвы и Парижа.

Методология и роль городской метафоры

Четыре метафоры города – базар, машина, организм и джунгли – можно поставить в параллель четырем идолам Бэкона – пещеры, рода, театра, площади.

Долгое время метафоры рассматривались как риторический прием и, более конкретно, как предмет поэзии. Однако сегодня они заняли прочное место в арсенале научных средств познания. Большинство метафор имеют за плечами гораздо больший исторический путь, чем так называемые научные понятия, которые – это следует сразу отметить – выросли из метафор в ту пору, когда наука еще только зарождалась.

Основная роль метафоры – создавать знания и помогать нам понять неизвестное явление в терминах известного. Метафора как инструмент познания помогает открывать новое и переосмысливать старое, извлекая уроки из своих ошибок. Обнаружить новые смыслы и значения у старых понятий – то же самое, что реанимировать почти утраченное слово, наделить его новым здоровьем и дать вторую жизни. Огромное количество метафор – около 120 – в практике и теории городской социологии, с одной стороны, запутывают исходное представление о городе, но, с другой стороны, открывают новый угол зрения, новые аспекты старого понятия.

Метафоры, осознавая и создавая реальности, служат основой для мыслей и действий. Они – ориентиры для наших действий, которые оказываются соответствующими этой метафоре. Направляя мысли, а затем действия, метафоры помогают согласовывать наш опыт. Новые метафоры меняют суть и профиль наших переживаний, придавая им новый смысл. Но не только это: они вынуждают реконструировать, редактировать, поправлять старое.

Метафоры оказываются одноразовым товаром: «метафоры… являются метафорами только в первом своем использовании. Повторное использование той же метафоры снижает ее привлекательность достаточно быстро. В этом случае метафоры превращаются в самые обычные слова» [11]. Так называемые стертые метафоры, загубленные частым употреблением, продолжают функционировать, но уже не как образы, а как технические термины, у которых вместо эпитетов появляются параметры, мера, коэффициенты, функции. Ширпотреб – смерть метафоры и рождение научного жаргона.

Так называемые «мертвые метафоры» все еще вызывают споры среди ученых. Экспериенциалисты (Experientialists) критикуют концепцию «мертвой метафоры» и называют ее объективистским подходом к смыслу метафоры. Во фразе «Я не могу переварить эти факты», основанной на тропе «идеи – это еда», не являются «живой» метафорой. Она уже долгие годы в научном обиходе и ни у кого не вызывает эмоционального отклика. Раньше это была метафора, но теперь все иначе. В борьбе за признание, а затем и популярность, метафора теряет метафорический смысл и приобретает буквальное значение.

Слово *дайджест* (digest) происходит от лат. *digestus* – распределять, переваривать – и первоначально относилось к понятию еды. Но сегодня оно обозначает справочник, список, обзор прессы. Когда-то Дигесты (Digesta или Pandectae) обозначали собрание отрывков из сочинений римских юристов, а позже дайджесты выходили под заглавием «Extrakt» (экстракт)[1]. Теперь термин digest имеет два разных буквальных значения: digest1 – еда и digest2 – идея. А оба слова digest1 и digest2 являются омонимами. С точки зрения объективистов, digest2 – это мертвая метафора; раньше она была живой метафорой, но теперь нет[12]. Она стала конвенционализированной и имеет свое собственное буквальное значение: «она умерла и застыла, приняв свое старое метафорическое значение как новое буквальное значение» [3].

Дайжест как меню для еды умер, а дайжест как краткий обзор идей родился. С помощью «живой» метафоры слово «дайджест» было перенесено в уже существующее объективное значение в сфере идей на основе ранее существовавших объективных сходств между едой и идеями. В конце концов метафора еды «умерла», и метафорическое использование «переваривать идею» стало общепринятым. Таким образом, дайджест обрел второе, и теперь уже буквальное, объективное значение. Долгий период сосуществования одного слова в двух значениях завершился. Метафоризация привела к появлению двух слов-омонимов: digest1 – еда и digest2 – идея. Они похожи по написанию, но различаются смыслом. Никого уже не интересует их общее происхождение. Теперь это разные слова.

Экспериенциалисты (Experientialists) считают, что мертвые метафоры все еще удерживают значительную часть своего метафорического значения, поскольку сохраняют связь со своими концептуальными метафорами[12]. Самой первой книгой по архитектуре, в которой подробно рассказывается о древних греках, является «De architectura» Марка Витрувия (80–15 гг. до н.э.). Для описания античной системы ордеров он применял античную же терминологию. Поэтому большинство его технических терминов просто транслитерируются с греческого на латынь[13].

В результате подобного метода перевода труды Витрувия трудны для понимания читателей: «латиняне могли подумать, что он хочет казаться греком, а греки – что он лепечет по-латыни. Однако его текст свидетельствует о том, что он не писал ни по-латыни, ни по-гречески. Так что он мог с тем же успехом не писать вообще» [14]. Решить проблему удалось посещением древних храмов и театров, чтобы на месте описать все, как есть, но уже в новом, латинском, лексиконе. Метафоры из письменного и слухового режима, созданного Витрувием, перешли в разряд визуальных понятий. Постепенно в Европе формировался профессиональный язык с правильными названиями – между «словами» и «вещами», между «res» и «verba» – архитектурных элементов.

Как заключает Б.Фес-Баррингтен: «История – это метафора времени, пространства и реальности, разделенных на модули предметов и тем. На самом деле произведения архитектуры являются ориентирами метафор каждого периода и сами являются метафорами своего времени» [15]. История архитектуры – это одновременно история метафор.

Метафора *billboards are warts on the landscape* говорит нам, что «рекламные щиты – это бородавки на ландшафте». Бородавки – это скорее нечто плохое, чем хорошее. Они портят лицо и напоминают большие угри на коже. Многие их удаляют, придавая лицу эстетически более привлекательный «ландшафт». То же самое делает сегод-

[1] В русский язык слово «дайджест» вошло только в XX веке.

ня администрация в ряде городов, справедливо полагая, что реклама уродует облик города.

С этим единодушно согласны почти все горожане. Оказалось, что реклама выгодна бизнесменам и не нужна жителям. Она приносит выгоду одним и убытки другим. По этому вопросу идет широкая общественная дискуссия, проводятся все новые и новые эмпирические исследования, к решению вопросы привлекаются архитекторы и дизайнерские бюро. Метафоры не только выразила социально-эстетическую сторону важнейшего компонента городского пространства, но и стимулировала поиски взаимоприемлемых практических решений. Примеров утилитарной отдачи метафор можно привести множество.

Помимо описательной и изобразительной функции метафоры используются как инструмент оценки. Кроме того, метафоры позволяют рецензентам «согласовывать» свои взгляды. Комментарии рецензента содержат как абстрактную, так и визуальную информацию, не упуская из виду текстовые пояснения. Отдельные дома, общественные здания и целые города могут быть токсичными – и не только в буквальном смысле (например, радиационными), но также в метафорическом, угнетая психику, вызывая устойчивое неприятие и отчуждение. Токсичность – это оценочная метафора.

Метафорическая архитектура и архитектурная метафора

Архитектор мыслит не формулами и чертежами, а образами и метафорами. Архитектура – форма публичного выступления целой команды: архитектурное бюро, заказчик, спонсоры, критики и т.д. Ее публика – горожане. Чем красивее и функциональнее здание, тем убедительнее архитектурные аргументы. Или наоборот. Метафора в архитектуре: Музей – храм, Завод – лаборатория, Санаторий – завод, Завод – дворец, Вокзал – дворец, Жилой дом – оранжерея и пр. Греческие ордера – дори́ческий, иони́ческий и кори́нфский – по сути антропоморфные метафоры через сравнение с природными явлениями. Дорический ордер, лишенный украшений служил, воплощением образа мужчины-атлета. Ионический ордер с завитками–волютами символизировал женщину, коринфский – юную девушку.

Церковь – дом Бога. Это метафора, которая руководила архитекторами, но не рассудочно и расчетливо, но духовно. Никто не видел, каков он этот дом, но каждый воображает далекую небесную твердь, где Бог может обитать. Высоко поднятый над землей купол в церкви как раз и символизирует небо. Примеры метафор – «бумажная архитектура», небоскреб (скребущий небо), архитектурный ордер, архитектурный язык, площадь – главная гостиная города, улицами-аллеями, в больших городах общественные места функционируют в качестве «транзитных пустынь» [16], Русь и Москва белокаменная,

Метафорическая архитектура (Metaphoric architecture) – это архитектурное движение, которое развивалось в Европе в середине XX века[17]. Некоторые специалисты считают ее аспектом постмодернизма, а другие – самостоятельной школой, выросшей из недр экспрессионистской архитектуры[15]. Аналогии и метафоры превращены не только в основной источник вдохновения, но и в прямое руководство к действию. Наиболее известные примеры: Пальмовая мечеть в Эр-Рияде в форме пальмового дерева, Храм Лотоса в Нью-Дели, основанный на цветке лотоса, Центр полетов TWA в Нью-Йорке, вдохновленный формой птичьего крыла. Еще раньше Ле Корбюзье использовал мотив открытой руки как метафору «мира и примирения». Бэзил Аль Баяти, который является основателем Международной школы метафорической архитектуры в Малаге, вдохновляется деревьями и растениями, улитками, китами, насекомыми, дервишами, мифами и литературой.

Архитектура – это не только создание метафор и сама является метафорой, но архитектура – это еще симфония доминантных, субдоминантных и третичных метафор. Каждая по-разному задумана и по-разному воспринимается разными игроками, создателями, пользователями, покупателями, владельцами и т.д. [15] Иначе говоря, здание – это система главных, второстепенных и дополнительных элементов, расположенных в вертикальном и горизонтальном порядке. Точно также и система используемых для архитектурного сооружения метафор представляет некую иерархию главных и второстепенных элементов. Скажем, для окна, крыши и двери можно насчитать по несколько метафор, свои метафоры описывают стены, пол и потолок, а по поводу порога сложилась целая философия – doorstep philosophy. Правда, метафоры, описывающие наше жилье, не помогут в его защите от влаги или перенаселенности (рис. 2).

Выражение «язык архитектуры» уже есть метафорическое употребление синонима «средства архитектурной выразительности» (А.Г. Раппапорт). Архитектурные метафоры опираются на основные конститутивные метафоры, такие как пространство – это время, здание – это живое существо, здание – тело, здание – текстиль, здание – контейнер или здание – язык.

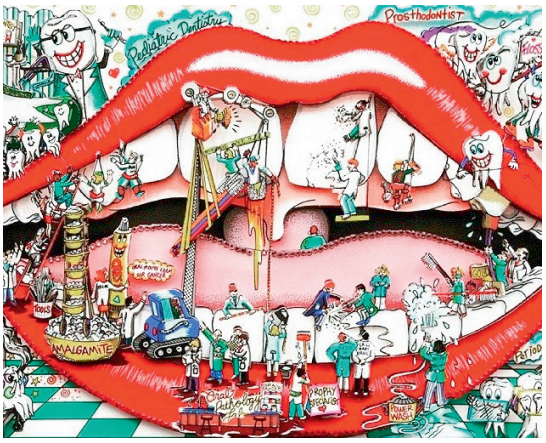


Рис. 2. Мы строим свой мир из метафор

Связь архитектуры и урбанистики с другими науками привела к импорту многих терминов из других областей. Эти термины обычно импортируются из естественных наук, производства тканей и текстиля, пространственной механики, лингвистического взаимодействия и музыки. Структурная лингвистика рассматривает архитектурные объекты как понятный и читаемый текст, который состоит из лексики и грамматических правил. Другие метафоры заимствованы из различных видов деятельности и профессий, таких как изготовление тканей (например, обшивка, обшивка, обшивка, обшивка, навесные стены) и музыка (ритм) [18].

Огромное количество метафор, появляющихся в архитектуре и урбанизме, не только указывает на их творческую природу, но также на их слабость. Почему метафоры так часто используются в архитектуре и урбанизме? По самой своей сути метафоры отражают, с одной стороны, нестабильную дисциплинарную природу архитектуры и урбанизма, а с другой – сложность объекта исследования[19]. Широкое использование метафор может свидетельствовать о том, что дисциплина еще не определена в своих собственных терминах и остается открытой дискуссионной площадкой с размытыми внешними границами и нечеткой внутренней структурой. Употребление метафор, которые сами по себе неопределенны и изменчивы, в таких условиях удаляет дисциплину от спектра естественных наук и приближает их к полюсу гуманитарных[20].

Архитекторы из инженеров превращают в искусствоведов, чтобы не конструировать, а украшать городское пространство. Метафора – это образ, который, в отличие от понятий, не имеет отношения к истине. К тому же в этих дисциплинах высок удельный вес личного выбора, с одной стороны, и стандартных решений, диктуемых городской администрацией и бизнесом, с другой. Город из геометрического фрактала превращается икону, язык, книгу или текст. Но можно ли говорить о городе на языке без метафор?

Насколько уместно политизировать архитектурную метафорику? Для древних греков и римлян метафора была основана на архитектурных ордерах с их метафорическими колоннами, антаблементами, статуями и скульптурами. Каждый из них относился к чему-то другому. Например, колонна представляла собой дерево, а антаблемент содержал иллюстрации их богов и героев. Метафоризация закона и порядка привела к тому, что архитектура стала отчасти рупором правительства. «Другими словами, усилия правительства по наведению порядка в обществе метафорически отражены в формах единства, симметрии и баланса в архитектуре. Храмы греков и римлян – это знаки-метафоры, публично выражающие согласие в отношении богов, ритуалов и людей. Более того, они образно представляют общее согласие и справедливость общества» [12].

Слово «архитектор» означает – начальник по строительству и произошло от древнегреческих слов «арх» – главный, и «тектон» – строитель. Зодчество – искусство проектировать и создавать постройки (рис. 3).

Символический мир архитектуры – это продолжение символического мира, построенного нами в своей голове. Или это «окаменевшая социальность»? Через металлические конструкции, напоминающие железную клетку, каменные мешки и кирпичную клаку, парадные подъезды и черные ходы, лестничные пролеты, аркады, колонны, фронтоны и эркеры архитектура выражает ценности, мировоззрение, менталитет и культурные нормы своего общества. Это как адресная книга, указывающая, в какой стране расположено это здание. Зим-

мель писал, что архитектура Флоренции является прямой проекцией общественной жизни.

Рис. 3. Архитектор один и он внизу, а советчиков много и они наверху.

Через архитектуру больниц и фабрик, тюрем, казарм и других исправительных учреждений, считал Мишель Фуко, общество демонстрирует свою безусловную власть над гражданами и тотальный контроль над ними. А еще – статусные различия, иерархию и классовое ранжирование, когда дворцы знати располагает в зеленой или привилегированной зоне города, а рынки или тюрьмы в неподобающих частях.

Архитектура – отрасль знания и практической деятельности, основанная на достижениях фундаментальной науки, использовании передовой техники и технологии. Когда авторское начало достигает высшей точки, можно говорить об архитектуре как искусстве, или зодчестве. Мировое культурное наследие входит обязательным компонентом в обучение будущих профессионалов. Вместе с живописью и скульптурой составляет триаду главных видов изобразительного искусства (рис. 4).

Рис. 4. Архитектурная триада Витрувия

Архитектура – пространственный спектакль геометрической красоты. В связи с чем выделяют три основных критерия оценки архитектурного сооружения: польза, прочность, красота.

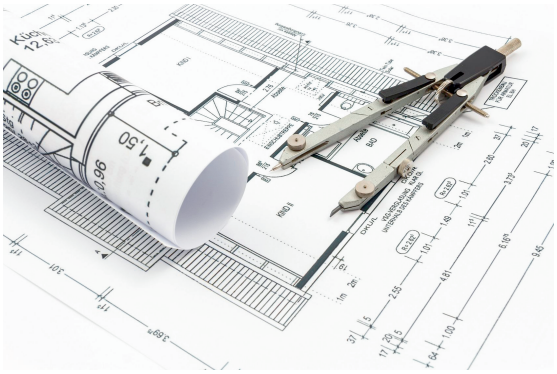
Польза – социальное предназначение;

Прочность – техническая износостойкость;

Красота – художественное достоинство

Три этапа и три составные части архитектуры: **Идея Ú Проект Ú Здание** (рис. 5).

Идея



Проект

Здание

Рис. 5. Три этапа и три составные части архитектуры

В эпоху Возрождения метафоры приходили из риторики и музыки. Они помогли архитектуре возвыситься до статуса свободных искусств. Средневековый замок – дворец, окруженный стенами с внутренним двором – служил метафорой для проектирования архитектурных объектов. Фермеры строили свои дома из глины, соломы и дерева по замковой технологии, а масштабы и материалы отражали иерархическую структуру общества. Эта метафора унаследована от Древнего Египта и просуществовала до Французской революции. Со временем метафоры замков придали домам большие залы и неподвижную мебель… Архитектура эпохи Возрождения была основана на повторном открытии римских руин и возрождении древней литературы, но с новыми метафорами. Перспективный рисунок вместе с художественными изобретениями повлиял на архитектуру, мебель и предметы домашнего декора» [12].

Архитектура барокко к классическим ордерам добавила живопись, скульптуру и декоративное искусство, благодаря чему – через экстравагантность, витиеватость и запутанность стиля – в обиход вошли метафоры движения и динамики. В конце Х1Х века метафоры поступали из таких областей искусства, как скульптура и живопись, что помогло архитектурам укрепиться в профессии, не утратив своей художественной ценности. Индустриализация архитектуры в ХХ веке, высотные здания, высокоскоростной транспорт, новые материалы, массовое производство и биоморфные формы, очистили зданиям от витиеватых украшений, сблизив стили искусства, строительства и производственных технологий. В начале ХХ века использование биологических метафор подчеркивало, что архитектура сближается с наукой[21].

Архитектурные метафоры, – а вслед за ними и строительные, поскольку строительство суть производное от архитектуры, – глубоко проникли в нашу повседневную жизнь, культуру и науку. Мы говорим о научном фундаменте, основании теории, базисе культуры, о культуре как надстройке, ее финансировании по остаточному принципу, о здании науки или общества, о перспективе развития. Всякая архитектурная метафора, имеющая внутренний состав, должна иметь и структуру, т.е. увязку элементов этого состава. Бывает так, что термин разворачивается через систему других терминов, где каждый по отдельности и все они вместе метафоричны, например, дом, квартира, здание, окна, двери, порог, коридор и т.д.

Метафоры с ***визуальной*** информацией, используемые чаще в архитектурной эстетике, содержат большое количество профессиональных жаргонизмов. Визуальные метафоры позволяют перейти от двумерных проекций зданий на бумаге к трехмерным в пространстве, например, в проектировании школы в форме цветка, а значит более полно и зримо просчитать все детали и связки. В постройке сиднейско-

го оперного театра архитектор Йорн Утцон показал, как сферические оболочки здания напоминают метафоры долек апельсина, крылья летящей птицы, белые паруса, морскую раковину. Кому-то накрадывающиеся одна на другую оболочки напоминают бурный рост цветка – развертывающиеся лепестки, а кому-то другому хаотическое нагромождение овальных форм или рыбью чешую.

Метафоры служат архитекторам в качестве спускового механизма для проектирования и дизайна, для воплощения своих идей в чертежи, развития архитектурного жаргона, оценки и критики проектов. Дизайнеры используют метафоры «как инструмент мысли, служащий ясности и яркости, избегая логической жесткости и рассудочности, которым они противостоят» [22]. Нередко метафоры, а не абстрактные концепты, становятся главными фигурами в городском дискурсе. Он помогают взглянуть на чертежи, модели, цифры и геометрические схемы с более привычной и человеческой точки зрения, понятной будущим жителям возводимых построек.

Метафоры в архитектуре и строительство – это одно, а вот архитектурно-строительные метафоры, распространившиеся в науке, культуре, и обществе – это совсем другое. У Карла Маркс базис общества и его надстройка – это архитектурно-строительные метафоры, оформившие здание социологического учения, которое повлияло на дальнейшее развитие всей мировой науки.

Поскольку архитектура одновременно наука и искусство, то понятия и метафоры, голый рассудок и расцвеченные чувства здесь неизбежны. Так оно и есть, если верить Анри Герберу. Особенно первому, судя по его Предисловию. Архитектура дышит метафорой и не может ею надышаться. Не сможет и в будущем, поскольку для создания оригинального сооружения необходимо вдохновение, которое материализуется в камень или метал точными расчетами и чертежами.

В архитекторе скрыты два существа – поэт и инженер. И сама архитектура как дисциплина зыбкая, неустойчивая, а потому и стоит на столь зыбком фундаменте, как метафоры. А они встречают нас в городе повсюду, на каждой улице, перекрестке или переходе, у любого собора или стадиона. Это они, метафоры, гида по городу, особенно ночному, а не цифры, понятия или термины. Гиды по ночной Москве или Питеру рассказывают своим зевакам такие легенды и мифы о привидениях и подземных кладах, жутких историях и загадочных убийствах, что у тех мороз по коже и адреналин зашкаливает.

Не меньше, если не больше добавляют в архитектуру метафорического флёра философы, социологи, антропологи и культурологи, пишущие о ней и пытающиеся сформировать на ее основе всякие социологии или философии архитектуры. Паразитируя о том, что они профессионально не знают – не умеют чертить, проектировать, строить, – гуманитарии много спекулируют, придумывают или додумывают, а потом обижаются, почему архитекторы к ним не прислушиваются. Но основы философии, социологии, антропологии и культурологи архитекторы проходят в вузе. Зачем им советы тех, кто собирает себе материал на диссертацию или монографию? Другое дело, если вы опросили по репрезентативной выборке горожан и узнали их мнение об архитектуре их города, провели по городу этнографическую прогулку с интервьюированием или помогли архитекторам организацией участия горожан в обсуждении проекта. Яркий пример архитектурной метафоры: Новый Арбат – вставная челюсть Москвы.

И вообще, архитектура в городе – как зубы во рту. Там много чего «понапихано», но зубы и челюсть образуют каркас, твердый остов города. Здания-зубы торчат и возвышаются на ландшафтом ротовой полости. Они могут стоять ровненькие и здоровые, а могут быть кривыми и больными. Соответственно и впечатление о них разное. Так и у горожан о своей архитектуре. Главное ухаживать за зубами надо, содержать в чистоте, вовремя проверять и ремонтировать. Экологию города составляют ротовые микробы, слюна, запахи и прочее. Все, что творится при всем при этом во «рту», изучает социология города.

Но как содержать в чистоте, если горожане не мотивированы? Если каждый строитель, приглашенный вам в квартиру, ругает своего предшественника, и делает все иначе. Архитекторы и дизайнеры ведут себя также, спорят до драки или примирения, дерутся до крови. Критикуя предшественника или соперника, они не создают нечто лучше, а предлагают другое. Критикующий как бы выполняет полезную работу – вскрывает недостатки и предлагает рецепты, как очиститься. Но очищенное из архитектурно-социологической литературы не исчезает: все остается в книгах и статьях – и критикуемое, и критикующее. Информация удваивается – у студента голова раскалывается.

Город – планировочно взаимосвязанная совокупность архитектурных элементов, привлекающая большую совокупность людей. В конце 1950-х годов бетонные решетки были впервые использованы для фасадов, они рассматривались как «тертый сыр». Бетонные решетки, сейчас являющиеся знаком парковочного гаража, были впервые использованы в американских офисах в конце 1950-х годов. Несмотря на то что «терка для сыра» уже не воспринимается больше как метафора «терки для сыра», сборная решетка все еще в редких случаях используется в офисах.

Обозначает ли она гараж или офис, зависит от частоты ее использования. На смену пришли метафоры «городской габитус», «воображаемое города», городские «ландшафты знания», «ковровые застройки», «мировой город», «глобальный город» или «альфа-город» и др. Мегаполисы как узлы «циркуляции глобальных экономических отношений» [23]. «Мировые города» как ключевые города, «в которых осуществляется непропорциональная часть наиболее важных всемирных дел» [24]. Каменные джунгли – метафора современного мегаполисами с небоскребами. Традиционные одноэтажные города – это скорее прерии или лесостепи.

Многослойное пространство А. Лефевра

Оригинальная метафора Анри Лефевра социального пространства как *мильфея* – слоеного французского пирожного, состоящего из «тысячи слоев», – раскрывает полиморфное наложение и взаимопроникновение социально-пространственных отношений. Их морфологические структуры настолько сложно переплетены, что не могут быть сведены к одному скалярному или иному измерению. Согласно Лефевру, социальное пространство – это социальный продукт[25]. А потому оно не является ни субъектом, ни объектом. У него одновременно онтологический, метафизический и метафорически статус. Узорные кружева социального пространства плетут социальные отношения и взаимодействия, а его многослойность возникает в силу естественного течения жизни, коллективного творчества масс (социально-произведенный процесс) и строения общества. Оно многослойно и постоянно колеблется.

Одно дело физическое пространство, другое – социальная сеть интернета. Рыночное пространство составляют различные рынки: местные, региональные, национальные и международные рынки: рынок товаров, рынок денег или капитала, рынок труда, рынок произведений искусства и т.д. А есть еще и множество малых пространств: пространство городского ландшафта, транспорта, культурных знаков и символов, кухонное пространство, пространство социальной практики, пространство власти, публичное и приватное пространство, сакральное и профанное пространство, метальное пространство и др. (рис. 6).

Рис. 6. Mille-feuille

Мильфей *(mille-feuille) – французский Наполеон. Мильфей – что в переводе значит тысяча слоёв. Раньше его готовили, чередуя пласты слоёного теста и различные фруктовые джемы. А позднее придумали добавлять заварной крем, таким мы знаем французский Мильфей сегодня. Он же стал прообразом нашего торта «Наполеон».*

Каждый слой связан между собой сложной системой отношений, взаимодействий, каналов, маршрутов. Городское пространство несет на себе отзвуки различных исторических эпох и архитектурных подходов. «Никакое пространство не исчезает в процессе роста и развития: всемирное не отменяет локальное. Переплетение социальных пространств является законом. Рассматриваемые изолированно, такие пространства являются простыми абстракциями» [25]. В метафорическом смысле социальное пространство обладает памятью – культурной исторической, территориальной. Его слои хранят антропологические следы прошлых поколений.

Стратификация общества также представляет слоенный пирог, каждый слой которого сделан из другого вещества. Пример – многоквартирный дом, который как тумбочка с ящиками, представляет собой коробку с вложенными в нее коробками, т.е. этажерку жилых помещений. Пространства комнаты, спальни, дома или сада, отгороженные барьерами и стенами, только по очертаниям пустые контейнеры, поскольку они наполнены отношениями и людьми. Повседневное пространство включает кастрюли, чашки, ножи, молотки, столы, стулья,

диваны, которые примыкают к пространству тела. «Любой предмет – ваза, стул, предмет одежды – может быть извлечен из повседневной практики и подвергнут перемещению, которое преобразует его, перенося в монументальное пространство: ваза станет священной, предмет одежды – церемониальным, стул – местом власти» [25].

Многочисленные пространства, число которых может вырасти, пересекают в горизонтальной и вертикальной плоскостях, по прямым и согнутым траекториям. «Социальное пространство определяется (также) как место и среда речи и письма, которые иногда раскрывают, а иногда скрывают, иногда выражают то, что является правдой, а иногда ложью (при этом ложь служит истине в качестве ретранслятора, ресурса и основы)» [25]. У каждого пространства, как у каждого измерения во вселенной, свои законы, логика и ритмы времени. А ведь еще надо учесть искаженные виды социальных пространств, квазипространства (феномен зазеркалья), теневые формы.

Лефевр описывает социальное и городское пространство как имеющее «структуру, гораздо более напоминающую слоеное тесто мille-фейя[1], чем однородное и изотропное пространство классической (евклидовой/декартовой) математики» [26]. Другая аналогия, которую он использует, которая лучше подчеркивает текучую природу этих пространственных распределений, взята из гидродинамики: «где принцип наложения небольших движений учит нас важности ролей, которые играют масштаб, размер и ритм. Великие движения, обширные ритмы, огромные волны – все эти тезисы сталкиваются и мешают друг другу» [25].

Аккультурация и культурный миксер

Рассмотрим связку трех метафор, описывающих культурное смешение народов в городе или стране – миксер, блендер, котел. Каким инструментом строитель смешивает исходные ингредиенты для получения раствора, цементирующего стену здания? Его называют миксером или бетономешалкой. А чем пользуется хозяйка на кухне? Блендером. Наконец, этническое перемешивание разных народов в США называют плавильным котлом. Но ведь и мегаполис напоминает такой котел. Масштабы разные, исходные ингредиенты разные, но процесс одинаковый. Потому и метафоры для описания этих объективных явлений применяют разные:

Город как социальный блендер
Город как культурный миксер
Город как плавильный котел

Чем они различаются? У блендера главное ножи для измельчения, у миксера – венчики для смешивания, у котла – огонь для переваривания. Блендер нужен для салата, миксер – для коктейля, котел – для супа. Общее для всех трех – наличие емкости, где все и происходит. Лучше всего такой, чтобы не выплескивалось наружу. Город на эту роль вполне подойдет. А приводным механизхмом послужит администрация города, в распоряжении которой свод постановлений, полиция, коммунальные службы, тюрьмы, сегрегация районов и прочее.

Можно сделать миксер и блендер – два в одном: сначала вас пошинковали, а потом перемешали. В конце положили в котел и сварили. Получили социально однородное общество. К этому стремился СССР. А к чему стремятся США? К салату? Винегрету? Супу? (рис. 7).

Рис. 7. Миксер и блендер – два в одном

Так что прикажите? Приготовить пюре, растолочь орехи, сделать мороженое, превратить овощи и фрукты в однородную массу – блендер, миксер и котел – ваши незаменимые помощники. Они с легкостью сделают это! А может быть сначала тёрочкой спинку потереть – для остростки протестующих? Так мы это мигом! (рис. 8).

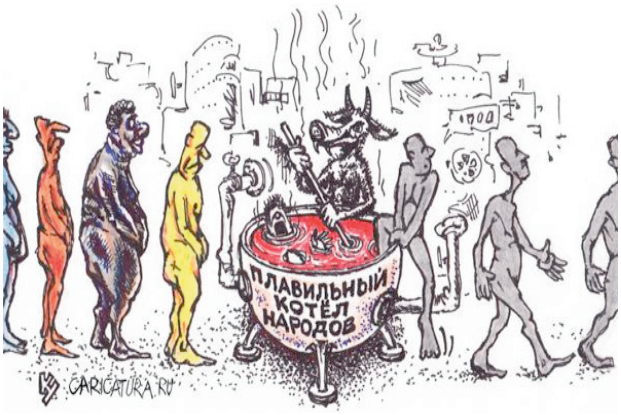


Рис. 8. Плавильно-очистительный котел народов

А может быть вообще не заморачиваться с тонкой техникой? Взять бетономешалку, да всех и замесить? Главное – определить порядок загрузки. Глиномесы мы, камнетёсы!

Глиномес – жаргонное слово, обозначающее гомосексуалиста. Слово «глиномес» происходит от большой любви гомосексуалистов к процедуре анального секса, во время которого тренированный половой член проникает в задний проход и массирует его поступательными движениями. Так как задний проход нередко содержит экскременты, получается, что такой «практикант» месит что-то глиноподобное. Согласно словарям, это слово – синоним слова «гомосексуалист» (рис. 9).

Рис. 9. Вываливай! А ты говоришь, миксер!

Это процесс градостроительства социологически: сначала загрузили население, потом залили их мозги нормами и постановлениями, далее главное – тщательно перемешали, наконец, все готово – выгружаем (рис. 10).

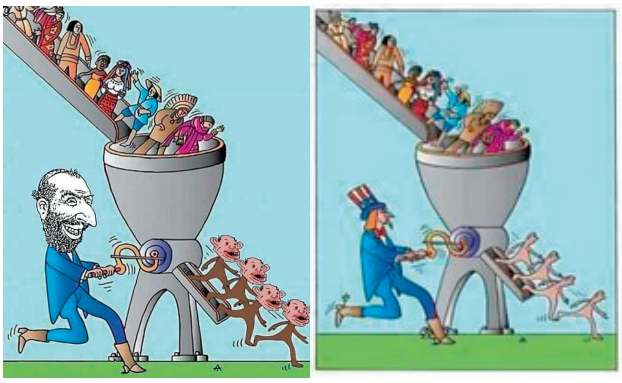


Рис. 10. Culture mixing

Адаптация – самая легкая форма интеграции в чужой город. Ты остался по сути прежним, только правила поведения выучил, узнал местные обычаи и все городские места. Чувствуешь себя в чужом городе вполне нормально, но с коренными не смешался, они тебя явно выделяют.

Аккультурация – смешение культур по-божески, получается нечто вроде салата или винегрета. Ты вроде бы свой, и вроде чужой, «чужой» среди «своих».

Ассимиляция – это, по сути, растворение новоприбывших в городе прибытия. Получается нечто вроде коктейля или супа. Если сы-

[1] Как известно, mille-feuille – это блюдо из слоеного теста с начинкой (например, с лососем или сливками). Этот всемирно известный французский десерт, который буквально переводится как «тысяча листьев», состоит из трех компонентов: слоеного теста, кондитерского крема или взбитых сливок и глазури или помадки.

рая смесь, то коктейль, если долго варили, то суп. Ты забыл о родине и просишь о ней ему не напоминать, всеми силами стараешься не отличаться от коренных, и они тебя перестали выделять.

Бетономешалка – это когда прибывшему из деревни город так бока намял, так помотал по жизни – без работы, без квалификации, без угла – так ему бедолаге помыкаться пришлось, что он, в конце концов, оставшись маргинал, был выброшен на задворки городской жизни. Всякие «нахаловки» по горизонту мегаполиса – это и есть бетономешалки либо вываленный из нее раствор.

Вот и получается, что город, особенно крупный, это культурный миксер и культурный блендер, а также плавильный котел и бетономешалка (рис. 11).

Рис. 11. Это тоже миксер

А может быть, город не так страшен, он не переламывает тебе кости, а слушает каждый голос, соединяет их в хор или оркестр, мягко дирижируя вами?

Город не только пылесос, вытягивающий из провинции самых талантливых и социально активных. Он еще и станция по их выращиванию. Человек, почувствовавший в себе зачатки таланта, понимает, что в деревне или малом городе, он их не вырастит. Отправляется в город, где есть наставники, школы творчества, гимназии, университеты, студии, редакции и т.п. Город пылесос и фабрика по производству талантов. Засасывает полуфабрикат, выпускает готовую продукцию. Конечно, отходов тоже немало. Город и конкуренция в нем безжалостно фильтруют псевдоталанты, отбрасывает или топит амбициозных, выспренних, бездарных. Окружение их быстро вычисляет. Причем фабрика с выходом на внешний рынок. Только в крупном городе ты можешь получать знания со всего мира, проверять их ценность на пространстве мегаполиса и делать карьеру по всему миру. Крупный город – окно и дверь в глобальный мир.

Культура любого конкретного народа, как и культура человечества в целом, постоянно изменяется: что-то утрачивается из культурного наследия этноса, а что-то приобретается. Поскольку основными носителями культуры выступают люди, то их контакты между собой и становятся главной причиной культурных изменений. Итог культурного обмена принимает самые разные формы, в том числе аккультурацию и ассимиляцию.

Аккультурация – обозначение одновременно *процесса* и *результата* взаимного влияния разных культур, при котором все или часть представителей одной культуры (реципиента) перенимают нормы, ценности, традиции и нормы у представителей другой культуры (донора). Процессом выступает уподобление одной культуры другой через заимствования и влияние, а результатом – сходство двух культур. Так постулировал в 1948 г. видный американский антрополог А. Кребер, добавив, что процесс аккультурации является постепенным (градуированным), а не взрывным, взаимообразным и эквивалентным (реципрокным), асимметричным.

В конечном итоге аккультурация всегда оборачивается *абсорбцией*, т.е. культурным поглощением одного народа другим. Механизмом аккультурации, согласно А. Креберу, выступает *диффузия* – стихийное перемешивание и взаимопроникновение культурных стандартов и образцов из одного народа в другой. Он писал, что диффузия отвечает на вопрос, что стало с элементами, а аккультурация – какому процессу подверглась культура народа в целом [27].

Аккультурация – это *демократическая форма* взаимоотношений наций. Она лучше всего подходит нашему времени. Чаще всего аккультурация протекает в *диалоговом* режиме, который завершается появлением на свет культурного гибрида – смешанной формы культуры, возникшей на стыке двух предшествующих форм. Термин «гибридность» придумал Хоми Бхабха, полагавший, что с его помощью лучше всего описывать те «культурные миксеры», которые формируются из смешения разных культур в странах Карибского бассейна. Новое культурное формирование, возникающее из смешения европейских, латиноамериканских и африканских элементов, как бы автономно обитают в некоем промежуточном пространстве (*inbetweeness*), которое он назвал «третьем пространством» [28].

В процессе аккультурации один народ перенимает у другого некоторые черты культуры, полезные или недостающие ему, но сохраняет свою национальную самобытность. Она мыслится как процесс *частичное принятия другой культуры*, заимствования из нее всего, что нужно для жизни в новой среде, в новом обществе. Принимать можно только то, что нравится, что уважается и ценится. Стало быть, при аккультурации можно наблюдать позитивное отношение к другой культуре как к чему-то родственному, близкому. Несколько миллионов русских эмигрировало в разные годы в Америку. Все они проходили аккультурацию. Они срослись с новой родиной, считают ее своей и гордятся тем, что они натурализованные американцы.

Этнические различия при аккультурации могут сохраняться независимо от того, сколько поколений длиться межэтнический контакт. Если соседство нескольких народов, тяготеющих друг к другу, проходит без насилия и ассимиляции, то постепенно у них вырабатывается такой тип государства, который основывается на плюрализме и национальной терпимости. В подобных случаях несколько языков являются государственными, например, в Бельгии – французский, датский и немецкий, в Швейцарии – немецкий, французский и итальянский. Канада официально является двуязычной страной, однако всех условий для политического равноправия между англоговорящими и франкоговорящими здесь еще не создано. Результатом аккультурации выступает ***культурный плюрализм***.

Национальное меньшинство по отношению к доминирующей культуре всегда может выбрать одну из следующих ***стратегий аккультурации*** (адаптации):

- Ассимиляция
- Интеграция
- Отрицание
- Декультурация (дискультурация)

Декультурация (дезкультурация) означает утрату культурной идентичности, а понятие этничности, напротив, выражает сопротивление процессу разрушения и подразумевает сохранение либо обретение народом своей культурной целостности. Оба они логически связаны с аккультурацией. Можно утратить не только культурную, но и религиозную идентичность, но ее нельзя ассимилировать: она либо секуляризируется, либо *прозелитируется* (был человек христианином – стал мусульманином), либо *синкретизируется* (в Японии можно быть одновременно дзен-буддистом и синтоистом; подобное наблюдается и в Китае, и в Индии).

С ней тесно связана ***транскультурация***, описывающая процесс пригонки, урегулирования и восстановления одной культуры после столкновения с другой, сложный процесс выживания и приспособления культуры к новым условиям.

Литература

1. Geary J. I is an other, the secret life of metaphor and how it shapes the way we see the world. Harper Perennial, New York and London, 2012, p.3.
2. Lefebvre H. The Production of Space. Blackwell Publishing, 1991, p.170.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
4. Morgan G. Commentary: beyond Morgan's eight metaphors // Hum Relat (2016) 69(4):1029–1042.
5. Grosz E., Eisenman P. Architecture from the Outside: Essays on Virtual and Real Space. The MIT Press, 2001, p.6.
6. Симоненко М.А. Роль метафоры в понимании архитектурных текстов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета, No. 3–2 (23), 2012, Pp. 146–152.
7. Secchi B. A new urban question 3: when, why and how some fundamental metaphors were used // Gerber, A & B. Patterson (eds), Metaphors in Architecture and Urbanism, an introduction. Transcript Verlag, Bielefeld and London, 2014. P. 125.
8. Martinez F. The invisible city: exploring the third something of urban life // Cult Unbound J Curr Cult Res (2014) 6(3), p.649.
9. Burke M. (ed.) The Routledge Handbook of Stylistics. London, New York: Routledge, 2014, p.503.
10. Ayiran N. The role of metaphors in the formation of architectural identity // ITU AIZ VOL: 9, NO:2, 1–21, 2012–2.
11. Böhme G. Metaphors in Architecture – a Metaphor? // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p.56.

12. Vernoos O. The Role of Human Metaphors on Urban Theories and Practices. Berlin, 2018, p.48.
13. Rykwert J. Introduction // J. Rykwert (Ed.), On the Art of Building in Ten Books. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1988, p. IX.
14. Alberti L.B. On the Art of Building in Ten Books //. In J. Rykwert (Ed.), On the Art of Building in Ten Books. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1988, p. 154.
15. Fez-Barringten B. Architecture: The Making of Metaphors. Newcastle upon Tyne, U.K: Cambridge Scholars Pub, 2012, p.33.
16. Слотердайк П. Сферы. Макросферология. Т. II. Глобусы/Пер. с нем. К.В. Лощевского. СПб.: Наука, 2007. С. 1009.
17. Karatani K. Architecture as Metaphor. The MIT Press. 1995, p. 246.
18. Caballero-Rodriguez R. From Design Generator to Rhetorical Device: Metaphor in Architectural Discourse // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p. 93.
19. Andri Gerber, Brent Patterson (eds.) Metaphors in Architecture and Urbanism An Introduction. Publisher: Transcript Verlag, 2013, p.18.
20. Architecture – a profession or an art? To the editor of The Times // The Times, Tuesday, March 3, 1891 p. 9.
21. Gerber A. Introduction // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p. 18.
22. Ungers O.M. Morphologie: City Metaphors. Köln: König, 1982, p.10.
23. Занадворов В.С., Ильина И.П. Теория экономики города: учеб. пособие. М.: Изд. дом ВШЭ, 1999, с. 78.
24. Hall P. The World Cities. New York: McGraw-Hill, 1966. p.7.
25. Lefebvre H. The Production of Space. Blackwell Publishing, 1991, p.26.
26. Lefebvre H. The Production of Space. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1991, p.86.
27. Kroeber A.L. Anthropology: Race, Language, Culture, Psychology, Prehistory. N.Y. and Burlingame: Harcourt, Brace & World, Inc., 1948. P.425.
28. Bhabha H. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.

THE CITY AS METAPHOR: THE UNIQUE IN THE UNIQUE

Kravchenko A.I.

Architecture shapes the living space of city residents, and architectural metaphors shape its perception in ordinary people and the thinking of specialists. For both, perception creates images, and thinking creates the meanings hidden behind them. Even J. Lakoff convinced us that our thinking is thoroughly metaphorical, not to mention cognition – the exploration of the new. We think with metaphors, and architects also act with them. Metaphors are not just a language; they are a way of thinking. "Liquid city" and "solid modern city" are not just a language; they are a way of perceiving the city through Z. Bauman's concept of fluid life/fluid modernity. "Green Heart" is not just a planning language; it is a way of perceiving the city through the lens of Z. Bauman's concept of fluid life/fluid modernity. It has emotional and rational connotations, influencing behavior. And the "rotten tooth" metaphor makes it clear what needs to be done: extract it. This is a collective understanding of the urban renewal project. In short, metaphors are concepts that shape thinking and feelings.

Keywords: metaphors, thinking, perception, architecture, city, architecture, methodology

References

1. Geary J. I am an Other: The Secret Life of Metaphor and How It Shapes the Way We See the World. Harper Perennial, New York and London, 2012, p. 3.
2. Lefebvre H. The Production of Space. Blackwell Publishing, 1991, p. 170.
3. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: The University of Chicago Press, 1980.
4. Morgan G. Commentary: Beyond Morgan's Eight Metaphors // Hum Relat (2016) 69(4):1029–1042.
5. Grosz E., Eisenman P. Architecture from the Outside: Essays on Virtual and Real Space. The MIT Press, 2001, p. 6.
6. Simonenko M.A. The Role of Metaphor in Understanding Architectural Texts // Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University, No. 3–2 (23), 2012, Pp. 146–152.
7. Secchi B. A new urban question 3: when, why, and how some fundamental metaphors were used // Gerber, A. & B. Patterson (eds), Metaphors in Architecture and Urbanism, an introduction. Transcript Verlag, Bielefeld and London, 2014. P. 125.
8. Martinez F. The invisible city: exploring the third something of urban life // Cult Unbound J Curr Cult Res (2014) 6(3), p. 649.
9. Burke M. (ed.) The Routledge Handbook of Stylistics. London, New York: Routledge, 2014, p. 503.
10. Ayiran N. The role of metaphors in the formation of architectural identity // ITU AIZ VOL: 9, NO:2, 1–21, 2012–2.
11. Böhme G. Metaphors in Architecture – a Metaphor? // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p.56.
12. Vernoos O. The Role of Human Metaphors on Urban Theories and Practices. Berlin, 2018, p.48.
13. Rykwert J. Introduction // J. Rykwert (Ed.), On the Art of Building in Ten Books. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1988, p. IX.
14. Alberti L.B. On the Art of Building in Ten Books //. In J. Rykwert (Ed.), On the Art of Building in Ten Books. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1988, p. 154.
15. Fez-Barringten B. Architecture: The Making of Metaphors. Newcastle upon Tyne, U.K.: Cambridge Scholars Pub, 2012, p. 33.
16. Sloterdijk P. Spheres. Macrospherology. Vol. II. Globes / Translated from German by K.V. Loschevsky. St. Petersburg: Nauka, 2007, p. 1009.
17. Karatani K. Architecture as Metaphor. The MIT Press. 1995, p. 246.
18. Caballero-Rodriguez R. From Design Generator to Rhetorical Device: Metaphor in Architectural Discourse // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p. 93.
19. Andri Gerber, Brent Patterson (eds.) Metaphors in Architecture and Urbanism An Introduction. Publisher: Transcript Verlag, 2013, p.18.
20. Architecture – a profession or an art? To the editor of The Times // The Times, Tuesday, March 3, 1891 p. 9.
21. Gerber A. Introduction // A. Gerber & B. Patterson (Eds.), Metaphors in Architecture and Urbanism. Bielefeld: Transcript, 2013, p. 18.
22. Ungers O.M. Morphologie: City Metaphors. Köln: König, 1982, p. 10.
23. Zanadvorov V.S., Ilyina I.P. Theory of Urban Economics: A Manual. Moscow: HSE Publishing House, 1999, p. 78.
24. Hall P. The World Cities. New York: McGraw-Hill, 1966, p. 7.
25. Lefebvre H. The Production of Space. Blackwell Publishing, 1991, p. 26.
26. Lefebvre H. The Production of Space. Malden, MA: Blackwell Publishing, 1991, p. 86.
27. Kroeber A.L. Anthropology: Race, Language, Culture, Psychology, Prehistory. N.Y. and Burlingame: Harcourt, Brace & World, Inc., 1948. P. 425.
28. Bhabha H. The Location of Culture. L.: Routledge, 1994.

Исследование возможностей по малобюджетному продвижению продукции компании в сегменте FMCG в условиях цифровых ограничений (на примере деятельности ТД «Сыр на весь мир»)

Микрюков Владимир Олегович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vomikryukov@fa.ru

Яценко Алиса Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: yatsenko.aliska@yandex.ru

Дорохова Екатерина Вячеславовна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: e.dorokhova@internet.ru

В статье исследуется возможность эффективного продвижения FMCG-продукции при минимальных маркетинговых затратах. На примере продукции торгового дома «Сыр на весь мир» видно, что именно малобюджетный маркетинг является выходом из сложной обстановки, когда рекламные бюджеты увеличивать нет возможности. В российских условиях, характеризующихся санкционными ограничениями, фрагментацией digital-ландшафта и ростом стоимости рекламы FMCG-компания «Сыр на весь мир» вынуждена оптимизировать коммуникационную стратегию, делая акцент на органическом контенте и репутационных ресурсах. На основе глубинных интервью с 14 экспертами (маркетологами, владельцами деликатесных магазинов, представителями B2B-сектора) выявлены ключевые тренды: снижение отдачи от таргетированной рекламы, рост доверия к «человеческому» контенту и высокая эффективность гибридных форматов. Авторами в статье предложена интегрированная модель малобюджетной контент-стратегии, основанная на нарративном брендинге, принципах социального доказательства, бережливом подходе и локализации. Результаты имеют практическую значимость для малых и средних предприятий FMCG-сектора, стремящихся укрепить позиции на рынке без масштабных бюджетов.

Ключевые слова: малобюджетный маркетинг, контент-стратегия, FMCG, сырная продукция, органический контент, пользовательский контент (UGC), социальное доказательство, бережливый маркетинг, нарративный брендинг, цифровые ограничения, дегустации, B2B-коммуникации, локализация, репутационные активы.

В условиях трансформации потребительских практик и усиления конкуренции на российском FMCG-рынке компании сталкиваются с необходимостью адаптировать свои маркетинговые коммуникации под новые реалии. Особенно остро эта проблема стоит для российских производителей молочной продукции с ограниченным рекламным бюджетом, которые не могут конкурировать с крупными игроками за счёт масштабных рекламных кампаний. В таких условиях стратегически значимым становится переход от транзакционной рекламы к ценностно ориентированной контент-коммуникации, позволяющей формировать доверие, дифференцировать бренд и обеспечивать устойчивый спрос при минимальных затратах.

Актуальность настоящего исследования обусловлена совокупностью факторов, усиливающихся в контексте 2025 года.

1. Фиксируется высокая чувствительность потребителей к натуральности и качеству молочных продуктов. Так, по данным РОМИР, более 50% россиян при выборе сыра ориентируются на состав, происхождение и отсутствие растительных жиров [1]. Это создаёт возможность для малых и средних компаний конкурировать не ценой, а составом и доверием к бренду.

2. Эффективность органических digital-каналов в FMCG-сегменте значительно изменилась. Вторичный анализ данных других авторов показал, что контент с визуальным и рецептурным акцентом генерирует вовлеченность на 48% выше стандартной рекламы, при этом требуя минимальных вложений [2].

3. Увеличение значимости социального доказательства при долгосрочной коммуникации с покупателями. Особенно это характерно для пищевой индустрии, где рекомендации от близких, блогеров и других потребителей формируют привычки на долгие годы.

Также отметим и ужесточение условий в digital-маркетинге, поскольку в 2022–2025 году российские компании сталкиваются с ограниченным доступом к разнообразным инструментам маркетинга, международным аналитическим платформам, ростом стоимости таргетированной рекламы в оставшихся digital-каналах и фрагментацией аудитории между VK, Telegram и другими платформами. В этих условиях органический контент и репутационные активы становятся ключевыми ресурсами устойчивости бизнеса.

Объектом исследования выступает контент-стратегия торгового дома «Сыр на весь мир» – компании, основанной в 2020 году и специализирующейся на дистрибуции и производстве сыров и другой продукции из натурального молока. Предметом являются малобюджетные маркетинговые инструменты, направленные на продвижение продукции через создание ценности, а не прямую рекламу. Цель работы – изучить современное состояние маркетинга компании и разработать научно обоснованную модель контент-стратегии, пригодную для российских FMCG-компаний с ограниченными ресурсами в условиях цифровой трансформации и санкционных ограничений.

Обзор литературы

Современные исследования малобюджетного маркетинга подчеркивают возрастающую роль интеллектуального и креативного капитала в условиях дефицита финансовых ресурсов. Согласно Ф. Котлеру, компании могут компенсировать недостаток бюджета за счёт глубокого понимания потребительских предпочтений и гибкого использования комплекса маркетинговых инструментов [3].

Особое внимание в работах последних лет уделяется теории социального доказательства, которая объясняет, почему пользовательский контент (UGC) и отзывы оказывают более сильное влияние на решения о покупке, чем брендированные сообщения [4]. В пищевой индустрии этот эффект усиливается. Как отмечают Дж. Траут и Э. Райс, продукты питания предполагают высокую степень эмоционального и сенсорного вовлечения, что делает доверие к рекомендациям критически важным фактором [5].

Методология бережливого маркетинга, заимствованная из стартап-практики, также находит применение в FMCG-секторе. Как показывают исследования Content Marketing Institute, даже минимальные бюджеты могут генерировать значимые результаты при усло-

вии итеративного тестирования гипотез, быстрой адаптации контента и фокуса на метриках ROI [6].

Российские авторы, такие как Н.А. Гончарова и О.В. Безрукова, акцентируют внимание на символической функции пищи в современной культуре: выбор продукта становится актом идентичности, а бренд – носителем культурного кода [7, 8]. Это подтверждает необходимость развития нарративного контента и деятельности таких компаний, как «Сыр на весь мир» даже в среднем ценовом сегменте.

Методология исследования

Исследование проводилось в период с 2 октября по 10 декабря 2025 года. В его основе лежал метод глубинного полуструктурированного интервью (было опрошено 14 человек – представителей малых и средних FMCG-компаний, digital-маркетологов, SMM-специалистов и владельцев деликатесных магазинов). Средняя продолжительность интервью составила 55 минут. При задавании вопросов авторы фокусировались на следующих блоках:

- восприятие ограничений digital-маркетинга в 2025 году;
- эффективность малобюджетных каналов продвижения;
- роль UGC и нарратива в формировании доверия;
- опыт интеграции offline-активностей в контент-стратегию компании.

Дополнительно использовались:

- анализ вторичных данных (финансовая отчётность компании «Сыр на весь мир», сайт, соцсети, пресс-релизы и др.);
- теоретико-методологический синтез различных подходов к ведению маркетинга (интеграция стоимостного маркетинга, lean-подхода, теории социального доказательства и др.);
- сравнительный анализ стратегий продвижения конкурентов.

Практическая значимость исследования для компании заключается в том, что проведенный авторами качественный анализ позволил выявить сильные стороны текущей коммуникационной стратегии компании, с помощью которого становится возможным определить зоны роста выручки компании, в то время как количественные показатели (например, доля органического трафика, конверсия дегустаций в продажи) легли в основу авторских рекомендаций.

Результаты обработки данных, полученных при проведении глубинных интервью и авторский анализ

Глубинные интервью выявили три ключевые тенденции в малобюджетном продвижении FMCG-брендов в 2025 году.

1. Снижение эффективности таргетированной рекламы. 12 из 14 информантов отметили, что CPM вырос на 35–60% по сравнению с 2023 годом, при этом алгоритмы снижают органический охват. В этих условиях компании вынуждены переходить к «аналоговому» маркетингу: дегустациям, физическим рассылкам, коллаборациям с локальными сообществами.

2. Рост доверия к креативно подаваемому авторскому контенту. Участники интервью подчеркивали, что аудитория всё чаще отвергает «гладкий» брендированный контент в пользу «человеческого» формата: видео с производства, отзывы клиентов, истории сотрудников, дегустации, примеры подарков с использованием сыра компании, образовательные видео с информацией о различных видах сыра, а также какие сорта сыра подходят для определенных типов мероприятий. Особенно ценится прозрачность: важно откуда приходит молоко, как оно обрабатывается, кто сыровар, как хранить продукт и т.д. Это подтверждает применимость теории социального доказательства Р. Чалдини в новых условиях.

3. Гибридизация коммуникаций. Авторы выявили, что успешные B2B-бренды сочетают офлайн-активности (ярмарки, дегустации, дни открытых дверей) с их цифровой фиксацией в социальных сетях. Такой подход позволяет генерировать UGC и создаёт эффект «социального резонанса» даже без рекламного бюджета.

Применительно к ТД «Сыр на весь мир» анализ показал три сильные стороны, усиливающие конкурентоспособность при низком бюджете.

1. Нарративный брендинг: каждый продукт снабжён «именем» («Барон Мюнхгаузен», «Снежная Королева» и др.), что трансформирует обычный сыр в объект культурного повествования. Это соответствует запросу российских потребителей на «продукт с историей».

2. Фокус на натуральность как УТП: чёткое сообщение «без растительных жиров» напрямую отвечает на ключевой рыночный запрос и формирует доверие даже без агрессивной рекламы.

3. Интеграция офлайн и онлайн: планы по проведению дегустаций в ритейле и фиксация этих событий в соцсетях создают циклический контент-поток.

Вместе с тем, интервью выявило критические упущения в контент-стратегии ТД «Сыр на весь мир»:

- отсутствие системной работы с UGC (лишь эпизодические репосты);
- отсутствие сегментированной email-рассылки для B2B и B2C;
- недостаточная эксплуатация «сырной мифологии» на сайте и в контенте.

На основе этих данных была предложена интегрированная модель малобюджетной контент-стратегии [9], включающая четыре компонента.

1. Стоимостной подход: создание тематических кластеров в контенте (рецепты, история сыров, польза для здоровья), дифференцированных по уровню экспертизы.

2. Бережливый подход: тестирование трендовых форматов при подаче контента (короткие видео, сторис-опросы), анализ CTR и вовлеченности, итеративная оптимизация.

3. Социальное доказательство: запуск хештег-кампаний (#СырНаВесьМир), сбор UGC, публикация кейсов клиентов и т.п.

4. Локализация, т.е. сотрудничество с региональными блогерами и пабликами в городах присутствия бренда.

Заключение, общие выводы по исследованию и рекомендации

В результате проведённого исследования можно сделать следующие выводы.

1. Малобюджетное продвижение в FMCG-секторе возможно и эффективно при условии смещения фокуса с продаж на создание ценности и доверия.

2. В 2025 году и последующих периодах (в связи с наложенными санкциями и другими трудностями) при ограничении доступа к западным платформам и инструментам рекламы, росте стоимости размещения рекламы и т.д. особую актуальность приобретает органический контент, UGC и т.п., а оффлайн-интеграция становятся основным драйвером роста.

3. Контент-стратегия ТД «Сыр на весь мир» должна быть системной, многоуровневой и основанной на глубоком понимании потребительской психологии.

4. Наибольший эффект достигается при синергии цифровых и офлайн-инструментов: дегустации, UGC, SEO и email-маркетинга.

Рекомендуется ТД «Сыр на весь мир» и другим компаниям с аналогичными ресурсами обратить на следующее.

1. Сформировать контент-стратегию на основе «сырной мифологии», когда каждому продукту посвящается мини-история, связанная с его вкусом, текстурой или культурным архетипом.

2. Внедрить в системную работу программу сбора и размещения UGC через конкурсные механики и геймификацию.

3. Разработать сегментированную email-рассылку для B2B-партнёров (оптовиков, ресторанов и др.) и B2C-аудитории (любителей сыра), с разным контентом и частотой.

4. Установить систему KPI для маркетологов компании, включающую рост органического охвата, долю UGC в общем контент-потоке, конверсию дегустаций в продажи, ROI email-рассылок и проч.

5. Активизировать работу с микро-инфлюенсерами (до 50 тыс. подписчиков) в нишах «здоровое питание», «гастрономия», «региональные продукты». При минимальных затратах (500–5000 руб./пост) это обеспечивает высокий уровень доверия к бренду и улучшит узнаваемость торговой марки.

Таким образом, ограниченный бюджет не является препятствием для эффективного продвижения, при грамотной контент-стратегии он может стать драйвером креативности, аутентичности и устойчивого роста даже в условиях сужающегося российского digital-ландшафта 2025 года.

Литература

1. РОМИР выяснил, как россияне выбирают сыр и почему доверяют составу на упаковке. – URL: https://news.unipack.ru/102905/ (дата обращения: 02.12.2025).

2. Привлекательный контент: три ключевых элемента РОМИР выяснил, как россияне выбирают сыр и почему доверяют составу на упаковке. – URL: https://texterra.ru/blog/privlekatelnyy-kontent-tri-klyuchevykh-elementa-s-tochki-zreniya-potrebitelya (дата обращения: 02.12.2025).

3. Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга. – М.: Диалектика, 2020. – 752 с.

4. Микрюков, В.О. Стратегии контент-маркетинга для B2B-компаний (на основе авторского анализа контент-стратегии компании Bergauf) / В.О. Микрюков // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 2. – С. 350–352.

5. Траут Дж., Райс Э. Позиционирование: битва за умы. – СПб.: Питер, 2021. – 320 с.

6. Content Marketing Institute. Industry Report 2024. – URL: https://contentmarketinginstitute.com (дата обращения: 10.12.2025).

7. Гончарова Н.А. Контент-маркетинг как инструмент продвижения брендов в сети Интернет // На пути к гражданскому обществу. – 2023. – № 1 (49). – С. 73–75

8. Безрукова О.В. Пища как маркер идентичности и фактор интеграции // Вестник антропологии. – 2023. – № 2. – С. 267–276.

9. Восканян, М.М. Разработка стратегии продвижения в социальных сетях для бизнеса по фреймворку SOSTAC / М.М. Восканян, С.Э. Галаванова, В.О. Микрюков // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 10–1. – С. 481–489. – DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062.

EXPLORING LOW-BUDGET PROMOTION OPPORTUNITIES FOR AN FMCG COMPANY UNDER DIGITAL CONSTRAINTS: THE CASE OF «SYIR NA VES' MIR»

Mikryukov V.O., Yatsenko A.A., Dorokhova E.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the feasibility of effectively promoting FMCG products with minimal marketing expenditures. Using the product portfolio of the trading house «Syir na ves' mir» («Cheese for the Whole World») as a case study, it demonstrates that low-budget marketing offers a viable solution in challenging economic conditions where expanding advertising budgets is not an option. Operating in the Russian market, marked by sanctions, a fragmented digital landscape, and rising advertising costs, the company has been compelled to refine its communication strategy by prioritizing organic content and leveraging reputational assets. Based on in-depth interviews with 14 industry experts (including marketers, specialty food store owners, and B2B representatives), the study identifies three key trends: diminishing returns from targeted advertising, growing consumer trust in «human-centric» content (e.g., behind-the-scenes footage, employee stories, customer testimonials), and the high effectiveness of hybrid offline–online formats. The authors propose an integrated low-budget content strategy model grounded in narrative branding, social proof, lean marketing principles, and localization. The findings offer practical value for small and medium-sized enterprises in the FMCG sector seeking to strengthen their market position without substantial financial investment.

Keywords: low-budget marketing, content strategy, FMCG, cheese products, organic content, user-generated content (UGC), social proof, lean marketing, narrative branding, digital constraints, product tastings, B2B communications, localization, reputational assets.

References

1. How Russians choose cheese and why they trust the ingredient list on the packaging. – URL: https://news.unipack.ru/102905/ (accessed: 02.12.2025). (In Russ.).

2. Attractive content: three key elements from the consumer's perspective. – URL: https://texterra.ru/blog/privlekatelnyy-kontent-tri-klyuchevykh-elementa-s-tochki-zreniya-potrebitelya (accessed: 02.12.2025). (In Russ.).

3. Kotler, F., Armstrong, G. Principles of Marketing. Moscow: Dialektika, 2020. 752 p. (In Russ.).

4. Mikryukov V.O. Strategies for content marketing in B2B companies (based on an author's analysis of Bergauf's content strategy) [Strategii kontent-marketinga dlya B2B-kompaniy (na osnove avtorskoho analiza kontent-strategii kompanii Bergauf)]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2025, No. 2, Pp. 350–352. (In Russ.).

5. Trout, J., Ries, A. Positioning: The Battle for Your Mind. Saint Petersburg: Piter, 2021. 320 p. (In Russ.).

6. Content Marketing Institute. Industry Report 2024. – URL: https://contentmarketinginstitute.com (accessed: 10.12.2025).

7. Goncharova, N.A. Content marketing as a tool for brand promotion on the Internet [Kontent-marketing kak instrument prodvizheniya brendov v seti Internet]. Na puti k grazhdanskomu obshchestvu [On the Way to Civil Society]. 2023, № 1 (49), Pp. 73–75. (In Russ.).

8. Bezrukova, O.V. Food as a marker of identity and a factor of integration [Pishha kak marker identichnosti i faktor integracii]. Vestnik antropologii [Bulletin of Anthropology]. 2023, № 2, Pp. 267–276. (In Russ.).

9. Voskanian M. M., Galavanova S.E., Mikryukov V.O. Development of a Social Media Promotion Strategy for Business Based on the SOSTAC Framework [Razrabotka strategii prodvizheniya v sotsial'nykh setyakh dlya biznesa po freymvorku SOSTAC]. Ekonomika: Vchera, Segodnya, Zavtra, 2022, Vol. 12, № 10–1, Pp. 481–489. DOI 10.34670/AR.2022.60.38.062. (In Russ.).

Концептуализация содержания категории корпоративной культуры: аспекты формирования механизма управления образовательным комплексом

Щеткина Мария Александровна,
ассистент, ГАОУ ВО МГПУ
E-mail: Shchetkinama@mgpu.ru

В статье рассматриваются теоретические основания корпоративной культуры образовательного комплекса как механизма «мягкого» управления в условиях укрупнения организаций, цифровизации и нарастания требований к гибкости и инновационности. Цель исследования – концептуализировать корпоративную культуру как символическую реальность, интегрирующую разнородные подразделения и согласующую технократическую логику эффективности с гуманистической миссией педагогики. Материал составили научные труды по социологии управления, организационной психологии и философии образования, а также нормативные и управленческие тексты образовательных холдингов (уставы, кодексы этики, программы развития) и профессиональные нарративы; использован полипарадигмальный дизайн, объединяющий структурный функционализм, феноменологическую социологию и теорию социального действия, с опорой на герменевтическую интерпретацию, дискурс-анализ, сравнительное сопоставление моделей, системный подход, метод идеальных типов М. Вебера и аксиологическую реконструкцию ценностного ядра. Показано, что перенос бизнес-терминологии в образование порождает онтологический разрыв между традиционной организационной культурой школы, основанной на доверии и моральном авторитете, и корпоративной моделью, ориентированной на стандарты, KPI и контрактный контроль, что усиливает риски отчуждения, имитации лояльности и профессионального выгорания. Выделены три уровня культуры – символический (артефакты, ритуалы), ценностный (декларации, нормы), ментальный (базовые предположения) – и показано, что управленческий эффект достигается лишь при согласовании «слов и дел» и работе с неосознаваемыми установками. Систематизированы стратегии формирования культуры в комплексах (бюрократическая, рыночная, клановая, адхократическая) и аргументирована целесообразность гибридной конфигурации, обеспечивающей управляемость без подавления педагогической субъектности и пространства инноваций. Предложенная рамка трактует культуру как ресурс социального капитала, снижающий конфликтность при слиянии образовательных организаций в крупные сетевые образовательные комплексы, и подчеркивает роль руководителя-лидера в переводе корпоративных ценностей в реальные практики коммуникации и наставничества. Практическая значимость состоит в уточнении понятийного аппарата и ориентирах диагностики разрывов между артефактами, декларируемыми принципами и повседневным поведением, применимых при проектировании программ развития и управлении изменениями.

Ключевые слова: Корпоративная культура, образовательный комплекс, социология управления, организационная идентичность, гуманитаризация менеджмента

Введение

Современная социокультурная ситуация, характеризующаяся динамичными трансформациями всех сфер общественной жизни, предъявляет принципиально новые требования к системе образования, которая перестает быть консервативным институтом трансляции знаний и превращается в сложный, многоуровневый механизм воспроизводства социального капитала. В условиях глобализации и цифровизации образовательные учреждения укрупняются, объединяясь в масштабные образовательные комплексы, что неизбежно влечет за собой необходимость переосмысления управленческих стратегий и поиска инструментов, способных обеспечить единство целей и ценностей в гетерогенной среде [3]. Традиционные административно-командные методы управления, основанные на жесткой иерархии и бюрократической регламентации, демонстрируют свою недостаточность в условиях, когда от образовательной организации требуется гибкость, инновационность и способность к быстрой адаптации. Именно в этом контексте актуализируется проблематика корпоративной культуры, которая рассматривается не просто как модный атрибут современного менеджмента, но как фундаментальный механизм социальной регуляции, способный гармонизировать интересы различных субъектов образовательного процесса и обеспечить синергетический эффект их взаимодействия [12]. Корпоративная культура образовательного комплекса представляет собой сложную символическую реальность, включающую в себя не только формальные нормы и правила, но и глубинные, часто неосознаваемые установки, ценностные ориентации, мифы и ритуалы, которые определяют повседневное поведение сотрудников и обучающихся, формируя уникальный «дух» организации.

Феномен корпоративной культуры в образовании имеет двойственную природу, обусловленную спецификой самой педагогической деятельности, которая сочетает в себе черты духовного производства и оказания услуг. С одной стороны, образовательный комплекс функционирует как экономический субъект, вынужденный конкурировать за ресурсы, привлекать «клиентов» и демонстрировать эффективность, что сближает его с бизнес-структурами и требует внедрения соответствующих корпоративных стандартов [7]. С другой стороны, образование остается сферой высокого гуманитарного служения, где ключевую роль играют этические императивы, личностные отношения и традиции, что накладывает существенные ограничения на прямое заимствование управленческих моделей из коммерческого сектора. Возникает диалектическое противоречие между технократической логикой менеджмента, ориентированной на результат и стандартизацию, и гуманистической сущностью педагогики, предполагающей уникальность и субъектность каждого участника процесса. Разрешение этого противоречия возможно лишь на пути формирования такой корпоративной культуры, которая синтезирует в себе инструментальную эффективность и ценностную глубину, превращаясь в механизм «мягкого» управления, основанный на разделяемых смыслах и коллективной ответственности [1]. Исследование теоретических оснований данного феномена требует обращения к широкому спектру социологических концепций, позволяющих раскрыть механизмы интериоризации культурных норм и их влияние на социальное действие в организационном контексте.

Особое внимание следует уделить тому факту, что образовательный комплекс как объект управления представляет собой не механическую сумму входящих в него подразделений, а органическую целостность, возникающую в результате сложного процесса институционализации новых социальных связей. Процесс слияния школ, детских садов и центров дополнительного образования в единые холдинги часто сопровождается конфликтом локальных субкультур, размыванием профессиональной идентичности педагогов и ростом социального напряжения [15]. В этих условиях корпоративная культура выступает как инструмент социальной интеграции, позволяющий преодолеть фрагментарность и сформировать единое смысловое пространство. Однако насаждение корпоративных ценностей «сверху» без учета сложившихся традиций и ментальных особенностей коллектива чревато возникновением феномена имитации, когда внешние атрибуты лояльности скрывают внутреннее отторжение и пассивное сопротивление. Поэтому социологический анализ корпоративной культуры предполагает

не только описание ее статических элементов, но и изучение динамики ее формирования, трансляции и трансформации в ходе повседневных взаимодействий. Важно понимать, как именно макросоциальные тренды преломляются в микрокосме конкретной организации, порождая уникальные конфигурации властных отношений, коммуникативных практик и символических обменов [5].

Теоретическое осмысление корпоративной культуры как механизма управления требует выхода за рамки узкофункционального подхода и обращения к парадигме социальной антропологии и феноменологической социологии. Культура организации не есть нечто застывшее, она постоянно конструируется и реконструируется самими участниками в процессе их совместной деятельности. Следовательно, управление культурой – это не столько внедрение кодексов и регламентов, сколько управление смыслами, создание условий для диалога и рефлексии. Эффективность образовательного комплекса зависит не только от качества учебных программ и материальной базы, но и от того, насколько его культурная среда способствует раскрытию творческого потенциала личности, формированию доверия и социального партнерства. В этом ракурсе корпоративная культура предстает как важнейший ресурс стратегического развития, позволяющий образовательной организации сохранять устойчивость в условиях неопределенности и отвечать на вызовы времени, не утрачивая своей гуманитарной миссии. Глубокий анализ этих процессов предполагает интеграцию подходов классической социологии образования и современных теорий менеджмента, что позволяет выстроить целостную концептуальную модель управления сложными социальными системами в сфере просвещения [9].

Материалы и методы исследования

Методологический конструкт данного исследования базируется на полипарадигмальном подходе, интегрирующем принципы структурного функционализма, феноменологической социологии и теории социального действия. Такой синтез обусловлен сложностью и многомерностью самого объекта исследования – корпоративной культуры образовательного комплекса, которая не может быть адекватно описана в рамках одной, изолированной теоретической схемы. Структурный функционализм позволяет рассмотреть корпоративную культуру как подсистему организации, выполняющую важнейшие функции адаптации, целеполагания, интеграции и поддержания образца, обеспечивая тем самым гомеостаз социальной системы в условиях внешней турбулентности. В то же время феноменологическая оптика необходима для понимания того, как объективные структуры культуры преломляются в субъективном опыте акторов, как происходит конструирование социальной реальности в процессе повседневных взаимодействий педагогов, администрации, учащихся и их родителей [10]. Исследование опирается на анализ фундаментальных трудов в области социологии управления, организационной психологии и философии образования, что позволяет выявить генезис понятия «корпоративная культура» и проследить эволюцию его смыслового наполнения применительно к некоммерческому сектору.

В качестве основного метода теоретического анализа применяется герменевтический подход, направленный на интерпретацию смысловых структур, лежащих в основе организационных текстов, дискурсов и символических практик. Анализу подвергаются не только официальные документы, регламентирующие деятельность образовательных комплексов (уставы, кодексы этики, программы развития), но и неформальные нарративы, циркулирующие в профессиональном сообществе и отражающие реальное состояние организационного климата. Дискурс-анализ позволяет выявить скрытые властные стратегии, зашифрованные в управленческой риторике, и обнаружить разрывы между декларируемыми ценностями и реальными практиками управления [2]. Сравнительный анализ различных теоретических моделей корпоративной культуры дает возможность выделить инвариантные характеристики, присущие любой организации, и специфические черты, обусловленные особенностями образовательной деятельности как сферы духовного производства. Особое внимание уделяется типологизации организационных культур, что позволяет классифицировать существующие управленческие практики и прогнозировать их социальные последствия.

Важным элементом методологической стратегии является использование системного подхода, рассматривающего образовательный комплекс как открытую, самоорганизующуюся систему, находящуюся в постоянном энергоинформационном обмене с внешней средой. Это позволяет анализировать корпоративную культуру не как замкнутую вещь в себе, а в контексте широких социокультурных процессов, таких как маркетизация образования, изменение статуса педагогической профессии, трансформация семейных ценностей. Применение метода идеальных типов по М. Веберу дает возможность сконструировать теоретические модели управления, которые, хотя и не встречаются в чистом виде в реальности, служат важным эвристическим инструментом для диагностики состояния конкретных организаций и выявления отклонений от нормативных образцов [13]. Аксиологический метод позволяет сфокусировать внимание на ценностном ядре корпоративной культуры, выявляя иерархию ценностей, определяющих мотивацию сотрудников и этические ориентиры их деятельности.

Исследование также опирается на принципы историзма, предполагающие рассмотрение корпоративной культуры в ее динамике и развитии. Анализ эволюции управленческих парадигм в образовании – от патерналистской модели советской школы к менеджерской модели современного образовательного холдинга – позволяет понять истоки многих современных противоречий и конфликтов. Сочетание диахронического и синхронического подходов дает объемную картину изучаемого феномена, позволяя видеть как устойчивые архетипические структуры, так и ситуативные новообразования. В работе используются методы концептуального моделирования, позволяющие синтезировать разрозненные теоретические положения в целостную схему, описывающую механизмы влияния корпоративной культуры на эффективность управления образовательным комплексом [6]. Весь массив теоретических источников подвергается критической рефлексии с целью очищения научных понятий от идеологических наслоений и маркетинговых клише, что обеспечивает научную строгость и объективность получаемых выводов.

Результаты и обсуждение

Проблематика корпоративной культуры в образовательной сфере характеризуется высокой степенью теоретической неопределенности, обусловленной наложением бизнес-терминологии на традиционные педагогические смыслы. Образовательный комплекс, возникающий как результат административной реформы, представляет собой сложный конгломерат разнородных организационных единиц, каждая из которых обладает собственной историей, традициями и локальной идентичностью. Управление таким гибридным образованием требует не просто унификации процедур, но создания общего смыслового поля, способного интегрировать разрозненные элементы в единую систему без подавления их уникальности. Центральной проблемой здесь становится противоречие между необходимостью стандартизации управленческих процессов, диктуемой логикой эффективности, и потребностью в сохранении творческой автономии педагога, являющейся условием качества образования [14]. Корпоративная культура в этом контексте часто воспринимается либо как инструмент принуждения и идеологического контроля, либо как формальная декларация, не имеющая отношения к реальной жизни коллектива.

Анализ теоретических источников показывает, что само понятие корпоративной культуры при переносе на почву образования претерпевает существенные семантические трансформации. Если в бизнесе культура рассматривается преимущественно прагматически – как ресурс повышения прибыльности и конкурентоспособности, то в образовании она приобретает выраженное этическое измерение, становясь пространством трансляции нравственных образцов и воспитания личности. Однако современные тенденции коммерциализации образования приводят к размыванию этой границы, порождая феномен «образовательного супермаркета», где отношения между учителем и учеником сводятся к обмену услуги на оплату (или бюджетное финансирование). Это создает фундаментальный ценностный конфликт, разрушающий традиционные основы педагогического взаимодействия и требующий поиска новых форм организационной идентичности [4]. Для прояснения этих процессов необходимо провести четкую демаркацию понятий, используемых для описания культурной среды образовательной организации, и выявить их онтологический статус (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика понятий организационной и корпоративной культуры в контексте образовательного учреждения

Категория анализа	Организационная культура школы (традиционный подход)	Корпоративная культура образовательного комплекса (менеджериальный подход)	Социологическая интерпретация различий
Базовая метафора	Семья, община, храм знаний. Организация как живой организм с естественной иерархией.	Корпорация, фирма, механизм. Организация как инструмент достижения измеримых показателей (KPI).	Переход от гемайншафт (общности) к гезельшафт (обществу) по Ф. Теннису; смена типа социальной связи с эмоциональной на рациональную.

Окончание

Категория анализа	Организационная культура школы (традиционный подход)	Корпоративная культура образовательного комплекса (менеджериальный подход)	Социологическая интерпретация различий
Доминирующий тип регуляции	Традиции, неписаные правила, моральный авторитет, личное доверие.	Регламенты, стандарты, кодексы, контрактные обязательства, формальный контроль.	Замена традиционной легитимности легально-рациональной; формализация социальных отношений и бюрократизация духа.
Характер коммуникации	Неформальная, горизонтальная, эмоционально окрашенная, личностно ориентированная.	Формализованная, вертикальная, функциональная, опосредованная цифровыми каналами.	Отчуждение коммуникации; превращение общения в передачу информации; утрата экзистенциальной глубины диалога.
Целевая установка	Воспитание личности, передача культурного кода, служение обществу.	Эффективность, рейтинг, конкурентоспособность, удовлетворение потребностей заказчика.	Смещение акцента с терминальных ценностей (самоценность образования) на инструментальные (образование как средство успеха).

Представленный сравнительный анализ демонстрирует глубинный онтологический разрыв между традиционным пониманием школьного уклада и современной моделью корпоративного управления. Традиционная культура школы тяготеет к общинному типу, где отношения строятся на личной привязанности, авторитете наставника и ощущении общей миссии, выходящей за рамки материальных интересов. Внедрение корпоративной модели, ориентированной на безличную эффективность и формализацию, неизбежно вступает в конфликт с этой архаической, но жизненно важной основой педагогического процесса. Социологическая интерпретация фиксирует этот сдвиг как переход от «общности» к «обществу», что влечет за собой риск утраты душевности и тепла, необходимых для полноценного воспитания. Управленческая задача состоит не в том, чтобы полностью заменить одну модель другой, а в том, чтобы найти баланс, при котором технологичность корпорации не убивает живой дух школы.

Кроме того, таблица подсвечивает проблему отчуждения, возникающую при бюрократизации образовательной среды. Когда живое общение заменяется функциональным взаимодействием, а моральный авторитет – пунктом в контракте, происходит эрозия доверия, являющегося социальным капиталом организации. Педагог, превращенный в «поставщика образовательных услуг», теряет внутреннюю мотивацию к творчеству и эмоциональной вовлеченности, что ведет к профессиональному выгоранию и снижению качества образования, несмотря на рост формальных показателей. Таким образом, корпоративная культура образовательного комплекса не должна слепо копировать бизнес-модели, а обязана интегрировать в себя лучшие черты традиционной школьной культуры, создавая гибридные формы социальной регуляции.

Дальнейшее углубление в проблематику требует анализа структуры корпоративной культуры, которая не является монолитной, а представляет собой многоуровневое образование. Понимание архитектуры культурных слоев необходимо для того, чтобы управление не скользило по поверхности явлений, а затрагивало глубинные основания поведения сотрудников. Часто реформаторы ограничиваются изменением внешних атрибутов – символики, лозунгов, дизайна помещений, полагая, что это и есть трансформация культуры. Однако, согласно классическим социологическим моделям, видимые артефакты – это лишь верхушка айсберга, под которой скрываются пласты провозглашаемых ценностей и, что самое важное, базовых представлений, которые принимаются членами организации как самоочевидные истины и не подвергаются рефлексии [8]. Именно рассогласование между этими уровнями порождает организационную шизофрению и цинизм (табл. 2).

Анализ уровневой структуры показывает, что наиболее устойчивым и трудноизменяемым является глубинный ментальный уровень. Именно здесь коренятся базовые предположения педагогов о том, «как должно быть»: например, убеждение в том, что учитель всегда прав, или, наоборот, установка на партнерство с учеником. Управленческое воздействие, направленное только на изменение символики или переписывание уставов, разбивается о скалы этих глубинных установок, если не происходит работы по их осознанию и переосмыслению. Риск превращения корпоративной культуры в симулякр особенно велик в крупных образовательных комплексах, где дистанция между руководством и рядовыми сотрудниками велика, и обратная связь затруднена. В таких условиях красивые лозунги на стенах начинают восприниматься как издевательство, если они противоречат повседневной реальности.

Таблица 2. Уровневая структура корпоративной культуры образовательного комплекса и ее функциональные проявления

Уровень культуры	Содержание уровня (компоненты)	Функциональное значение для управления	Потенциальные риски и дисфункции
Поверхностный (Символический)	Артефакты, ритуалы, дресс-код, организация пространства, язык, мифы и легенды организации.	Маркировка границ «свой-чужой», визуализация единства, эмоциональное якорение принадлежности к бренду.	Превращение в симулякр: внешняя атрибутика без внутреннего содержания; карго-культ инноваций.
Подповерхностный (Ценностный)	Стратегии, цели, декларируемые принципы, этические кодексы, нормы поведения.	Легитимация управленческих решений, создание нормативной базы для оценки персонала, целеполагание.	Декларативность: разрыв между «словом и делом»; двойные стандарты, когда правила работают избирательно.
Глубинный (Ментальный)	Базовые предположения о природе человека, отношении к истине, времени, пространству и власти.	Автоматическая регуляция восприятия и мышления; формирование «габитуса» (по П. Бурдье) сотрудника.	Неосознаваемое сопротивление изменениям; ригидность мышления; конфликт скрытых установок с новыми требованиями.

Особый интерес представляет анализ дисфункций, возникающих на ценностном уровне. Декларативность ценностей – бич современной российской школы. Когда провозглашается ценность «индивидуального подхода», а на практике учитель перегружен отчетностью и классами по 30 человек, возникает когнитивный диссонанс, разрушающий лояльность к организации. Социологический анализ позволяет увидеть, что культура – это не то, что написано в буклете, а то, что реально поощряется и наказывается. Если декларируется инновационность, но поощряется послушание и безынициативность, то реальной ценностью культуры является конформизм. Управление культурой, таким образом, сводится к согласованию декларируемых норм с реальными механизмами стимулирования и отбора кадров.

Переход к рассмотрению типологии стратегий формирования корпоративной культуры позволяет систематизировать подходы к управлению этим сложным феноменом. В зависимости от того, какая парадигма лежит в основе управленческого мышления, формируется тот или иной тип отношений внутри коллектива и, соответственно, тип культуры. Важно понимать, что выбор стратегии часто происходит неосознанно, под влиянием внешних институциональных давлений или личных предпочтений руководителя, однако последствия этого выбора имеют долгосрочный и системный характер для всей организации [11]. Различные типы культур задают разные коридоры возможностей для развития образовательного комплекса (табл. 3).

Таблица 3. Типология стратегий формирования корпоративной культуры в образовательных комплексах

Тип стратегии	Доминирующая ценность	Характер власти и влияния	Образ сотрудника (педагога)
Бюрократическая (Иерархическая)	Стабильность, порядок, предсказуемость, соблюдение правил.	Власть должности, контроль сверху вниз, централизация решений.	Исполнитель функции, «винтик» в системе, объект управления.
Рыночная (Конкурентная)	Успех, достижение, прибыль (рейтинг), экспансия.	Власть результата, контрактные отношения, конкуренция за ресурсы.	Предприниматель, продавец услуг, ресурс для достижения целей организации.
Клановая (Семейная)	Лояльность, традиция, консенсус, взаимопомощь.	Власть авторитета, наставничество, неформальные связи.	Член семьи, носитель традиций, субъект коллективной ответственности.
Адхократическая (Инновационная)	Творчество, новизна, гибкость, развитие.	Власть компетенции, проектные команды, децентрализация.	Творец, исследователь, партнер, инициатор изменений.

Рассмотрение данных стратегий через призму социологии управления выявляет их сильные и слабые стороны в контексте образовательной деятельности. Бюрократическая стратегия, обеспечивая порядок и управляемость в огромных комплексах, неизбежно ведет к стагнации и подавлению инициативы, превращая образование в конвейер. Рыночная модель, стимулируя активность и ориентацию на внешние показатели, разрушает коллегиальность и порождает атомизацию коллектива, где каждый сам за себя. Клановая культура, сохраняя душевный комфорт, часто становится тормозом для инноваций и «закрывается» от внешнего мира, культивируя кумовство. Адхократическая модель кажется наиболее привлекательной для современной школы, но она требует высочайшего уровня самоорганизации и профессионализма сотрудников, что не всегда достижимо в массовой практике.

Реальность такова, что в большинстве крупных образовательных комплексов наблюдается эклектичное смешение этих стратегий, что часто приводит к культурной какофонии. Например, требования инновационности (адхократия) насаждаются жесткими бюрократическими методами, а рыночная конкуренция за баллы ЕГЭ накладывается на клановые отношения внутри кафедр. Задача грамотного менеджмента заключается не в выборе одной «идеальной» модели, а в гибком комбинировании элементов разных культур в зависимости от этапа развития организации и специфики решаемых задач, при сохранении общего гуманистического вектора.

Обобщая полученные в ходе анализа данные, можно констатировать, что корпоративная культура образовательного комплекса является не статичной декорацией, а динамичным полем борьбы смыслов и интересов. Она выступает тем «клеем», который удерживает вместе разнородные элементы системы, но может стать и «кислотой», разъедающей социальные связи, если управление ею осуществляется некомпетентно. Ключевой вывод состоит в том, что культура не может быть просто «внедрена» приказом; она выращивается в процессе совместной деятельности и диалога. Успешные образовательные комплексы характеризуются тем, что им удается создать гибридную культуру, сочетающую технологичность процессов с ценностной глубиной отношений, где эффективность измеряется не только цифрами отчетов, но и качеством человеческого капитала. Это требует от руководителей смены управленческой оптики: перехода от администрирования ресурсов к лидерству, основанному на ценностях, и пониманию организации как живой социальной ткани, требующей бережного и осмысленного отношения.

Выводы

Проведенное теоретическое исследование позволяет заключить, что корпоративная культура образовательного комплекса представляет собой фундаментальный механизм социального управления, обеспечивающий интеграцию гетерогенных элементов системы в единую целостность. В условиях масштабных трансформаций сферы образования, связанных с процессами укрупнения, цифровизации и коммерциализации, именно культура становится ключевым фактором, определяющим жизнеспособность и эффективность организации. Однако механический перенос бизнес-моделей корпоративной культуры на почву отечественного образования без учета его социокультурной специфики и гуманитарной сущности несет в себе серьезные риски дегуманизации педагогического процесса и имитации управленческой деятельности. Эффективная корпоративная культура в образовании должна строиться на диалектическом синтезе традиционных ценностей академического сообщества и современных требований к управленческой эффективности, выступая не инструментом подавления личности, а пространством для ее развития и самореализации.

Управление развитием корпоративной культуры требует от менеджмента образовательного комплекса глубокой социологической рефлексии и отказа от примитивных технократических схем. Необходимо понимать, что культура имеет многоуровневую структуру, и воздействие лишь на внешний, символический слой не приводит к качественным изменениям, если не затрагиваются глубинные ценностные установки и ментальные модели сотрудников. Стратегия формирования культуры должна быть гибкой, вариативной и диалогичной, предполагающей активное вовлечение всех субъектов образовательного процесса в конструирование общих смыслов и норм. Только в этом случае корпоративная культура превращается из навязанной идеологии в реальный ресурс развития, способствующий росту социального капитала организации, укреплению доверия и формированию подлинной, а не декларативной организационной идентичности.

Таким образом, перспективы развития управления образовательными комплексами лежат в плоскости гуманитаризации менеджмента, где корпоративная культура рассматривается как «мягкая сила», способная гармонизировать противоречивые интересы государства, общества, семьи и личности. Будущее за теми образовательными системами, которые смогут преодолеть отчуждение и бюрократизм, создав внутри себя атмосферу сотрудничества, творческой свободы и ответственности. Это требует дальнейших междисциплинарных исследований, направленных на изучение тонких механизмов социальной регуляции в образовательной среде и разработку адекватных инструментов диагностики и коррекции культурных процессов.

Литература

1. Рычихина Э.Н., Щеткина М.А. Роль руководителя в формировании корпоративной культуры образовательного комплекса // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7. № 2. С. 25–33.
2. Брадауцан Н.С., Михалькова О.А., Кегеян С.Э., Игнатьева О.В. Проблемы совершенствования корпоративной культуры в образовательной организации // Вестник педагогических наук. 2025. № 6. С. 20–25.
3. Демененко И.А. Управление корпоративной культурой вуза в современных социально-экономических условиях // Экономика образования. 2024. № 5 (144). С. 37–46.
4. Шайденко Н.А. Система управления формированием корпоративной культуры общеобразовательной организации // Личность: ресурсы и потенциал. 2021. № 4 (12). С. 39–46.
5. Сапожникова С.М., Чудакова С.А. Направления совершенствования корпоративной культуры в образовательном учреждении // Экономика и предпринимательство. 2024. № 5 (166). С. 1312–1317.
6. Волченкова А.А., Глазачева В.П. Корпоративная культура как ценностная основа функционирования современной образовательной организации // Ярославский психологический вестник. 2023. № 1 (55). С. 66–69.
7. Зубова Т.В. Роль корпоративной культуры в образовательном учреждении // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70–1. С. 149–153.
8. Дудкина О.В., Соколова Е.С. Специфика совершенствования корпоративной культуры в учебной организации // Экономические исследования и разработки. 2020. № 4. С. 127–135.
9. Королева Е.А. Общие и специфические особенности развития корпоративной культуры в образовательном учреждении // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 11 (51). С. 187–191.
10. Будаева Э.В. К вопросу о корпоративной культуре в образовательной среде университета // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2022. № 2. С. 89–94.
11. Пряхина Г.А. Совершенствование системы муниципального менеджмента на основе формирования корпоративной культуры в среднем образовательном учреждении // На пути к гражданскому обществу. 2022. № 1 (45). С. 17–21.
12. Бабенко И.В., Михайлова О.В. Анализ корпоративной культуры высшего учебного заведения // Государственное управление. 2020. № 2 (46). С. 102–111.
13. Поправко О.В. Корпоративная культура как пространство реализации управленческих решений в образовательной организации // Первый экономический журнал. 2024. № 2 (344). С. 10–17.
14. Тимакова А.Ю. Корпоративная культура вуза как фактор воспитания студентов // Учитель и время. 2023. № 18. С. 62–69.
15. Wang S. Pedagogical strategies for increasing student motivation when learning English in Chinese high schools // Education Management Review. 2025. № 9–1. С. 226–232.

CONCEPTUALIZATION OF THE CONTENT OF THE CATEGORY OF CORPORATE CULTURE: ASPECTS OF THE FORMATION OF A MECHANISM FOR MANAGING AN EDUCATIONAL COMPLEX

Shchetkina M.A.
Moscow City University

The article examines the theoretical foundations of the corporate culture of an educational complex as a mechanism of soft governance under conditions of organizational consolidation, digitalization, and increasing demands for flexibility and innovativeness. The aim of the study is to conceptualize corporate culture as a symbolic reality that integrates heterogeneous units and aligns the technocratic logic of efficiency with the humanistic mission of pedagogy. The material includes scholarly works in the sociology of management, organizational psychology, and the philosophy of education, as well as regulatory and managerial texts of educational holdings (charters, codes of ethics, development programs) and professional narratives. A multiparadigmatic design is employed, combining structural functionalism, phenomenological sociology, and the theory of social action, grounded in hermeneutic interpretation, discourse analysis, comparative model examination, systems thinking, Weber's method of ideal types, and axiological reconstruction of the value core. The study demonstrates that the transfer of business terminology into education generates

an ontological gap between the traditional organizational culture of the school, based on trust and moral authority, and the corporate model oriented toward standards, KPIs, and contractual control, which heightens risks of alienation, simulated loyalty, and professional burnout. Three levels of culture are identified – symbolic (artefacts, rituals), value-based (declarations, norms), and mental (basic assumptions) – and it is shown that managerial effectiveness is achieved only when words and actions are aligned and when work is carried out with unconscious predispositions. Strategies for cultivating culture in educational complexes (bureaucratic, market, clan, adhocratic) are systematized, and the rationale for a hybrid configuration is presented, ensuring manageability without suppressing pedagogical agency and the space for innovation. The proposed framework interprets culture as a resource of social capital that reduces conflict during the merger of educational organizations into large networked complexes and highlights the role of the leader-manager in translating corporate values into real practices of communication and mentoring. The practical significance lies in clarifying the conceptual apparatus and the diagnostic guidelines for identifying gaps between artefacts, declared principles, and everyday behaviors, applicable in the design of development programs and in change management.

Keywords: Corporate culture, educational complex, sociology of management, organizational identity, humanization of management

References

1. Rychikhina E.N., Shchetkina M.A. The role of the leader in shaping the corporate culture of an educational complex // Russian Economic Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 2. Pp. 25–33.

2. Bradautsan N.S., Mikhal'kova O.A., Kegeyan S.E., Ignat'eva O.V. Problems of improving corporate culture in an educational organization // Bulletin of Pedagogical Sciences. 2025. No. 6. Pp. 20–25.

3. Demenenko I.A. Management of a university's corporate culture in modern socioeconomic conditions // Economics of Education. 2024. No. 5 (144). Pp. 37–46.

4. Shaidenko N.A. The management system for shaping the corporate culture of a general education organization // Personality: Resources and Potential. 2021. No. 4 (12). Pp. 39–46.

5. Sapozhnikova S.M., Chudakova S.A. Directions for improving corporate culture in an educational institution // Economics and Entrepreneurship. 2024. No. 5 (166). Pp. 1312–1317.

6. Volchenkova A.A., Glazacheva V.P. Corporate culture as a value-based foundation for the functioning of a modern educational organization // Yaroslavl Psychological Bulletin. 2023. No. 1 (55). Pp. 66–69.

7. Zubova T.V. The role of corporate culture in an educational institution // Problems of Modern Pedagogical Education. 2021. No. 70–1. Pp. 149–153.

8. Dudkina O.V., Sokolova E.S. Specific features of improving corporate culture in an educational organization // Economic Research and Development. 2020. No. 4. Pp. 127–135.

9. Koroleva E.A. General and specific features of the development of corporate culture in an educational institution // Scythian. Issues of Student Science. 2020. No. 11 (51). Pp. 187–191.

10. Budaeva E.V. On the issue of corporate culture in the university educational environment // Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society. 2022. No. 2. Pp. 89–94.

11. Pryakhina G.A. Improving the municipal management system based on forming corporate culture in a secondary educational institution // On the Way to Civil Society. 2022. No. 1 (45). Pp. 17–21.

12. Babenko I.V., Mikhaylova O.V. Analysis of the corporate culture of a higher educational institution // Public Administration. 2020. No. 2 (46). Pp. 102–111.

13. Popravko O.V. Corporate culture as a space for implementing managerial decisions in an educational organization // First Economic Journal. 2024. No. 2 (344). Pp. 10–17.

14. Timakova A. Yu. The corporate culture of a university as a factor in student upbringing // Teacher and Time. 2023. No. 18. Pp. 62–69.

15. Wang S. Pedagogical strategies for increasing student motivation when learning English in Chinese high schools // Education Management Review. 2025. No. 9–1. Pp. 226–232.

Социальные механизмы алгоритмического управления трудом на цифровых платформах и их влияние на стратификацию и профессиональные траектории работников

Юй Цююань,
независимый исследователь
E-mail: 424323228@qq.com

В статье анализируется алгоритмическое управление трудом на цифровых платформах как социотехнический механизм власти, который перестраивает классические отношения «контроль–автономия» и формирует новые режимы подчинения при сохраняющейся риторике свободы и гибкости гиг-экономики. Цель исследования – выявить социальные механизмы, через которые алгоритмы (как «чёрные ящики») осуществляют надзор, оценку и дисциплинирование работников, и показать последствия этого режима для стратификации внутри платформенной занятости и для профессиональных траекторий/идентичностей. Методологическая рамка строится на синтезе социологии управления, критической теории технологий и философии техники; эмпирически используются дискурс-анализ управленческой документации и публичной риторики платформ, интерпретация пользовательских соглашений, а также качественный анализ нарративов работников из открытых источников (форумы, соцсети). Для повышения объяснительной силы применяется сравнительный анализ кейсов разных типов платформ (такси, доставка, фриланс), концептуальное моделирование типологии режимов контроля (от «наджинга» до автоматических санкций) и сравнительно-историческое сопоставление с бюрократическим менеджментом (М. Вебер) и научной организацией труда (Ф. Тейлор/Г. Форд). Показано, что власть в платформенной экономике деперсонализируется и становится имманентной среде взаимодействия: контроль реализуется через непрерывный цифровой трекинг, метрики эффективности и рейтинги, дополняемые динамическим ценообразованием, геймификацией и риском деплатформинга. В результате возникает «алгоритмическая стратификация», где положение работника определяется репутационным капиталом и «уровнем доверия» алгоритма; мобильность приобретает стохастический и волатильный характер, а информационная асимметрия усиливает уязвимость исполнителей. Отмечается атомизация «кибертариата» и эрозия солидарности: конкуренция за заказы и непрозрачные правила затрудняют коллективное действие и защиту прав. Профессиональные траектории фрагментируются, а идентичность смещается от нарратива мастерства к логике рейтинга и «жизни в моменте», что поддерживает самоэксплуатацию и «алгоритмическую тревожность». В выводах обоснована необходимость гуманизации и регулирования платформенного труда с учётом социально-антропологических последствий алгоритмизации.

Ключевые слова: алгоритмическое управление, платформенная занятость, алгоритмическая стратификация, рейтинг, профессиональная идентичность

Введение

Современная трансформация сферы труда, обусловленная стремительной экспансией цифровых платформ, представляет собой не просто технологическую модернизацию производственных процессов, но фундаментальный сдвиг в онтологии социально-трудовых отношений, требующий глубокого социологического осмысления. Алгоритмическое управление, выступающее ключевым механизмом функционирования гиг-экономики, радикально переопределяет традиционные представления о менеджменте, контроле и автономии работника, формируя новую, гибридную реальность, где человеческая субъектность вступает в сложное взаимодействие с программным кодом [4]. Этот феномен, часто описываемый в терминах цифрового тейлоризма, характеризуется не только автоматизацией рутинных операций, но и делегированием алгоритмам функций надзора, оценки и дисциплинирования, что приводит к возникновению специфических форм отчуждения и прекарности. Важно отметить, что алгоритмическое управление не ограничивается лишь технической стороной организации труда, но выступает мощным инструментом социального конструирования реальности, навязывая определенные поведенческие паттерны и нормативные рамки, которые зачастую остаются невидимыми для самих участников трудового процесса [12]. Проблематика исследования усугубляется тем фактом, что алгоритмы, будучи «черными ящиками», скрывают внутреннюю логику принятия решений, создавая ситуацию информационной асимметрии, где работник оказывается объектом постоянного цифрового паноптикума, лишенным возможности полноценной обратной связи или апелляции к «человеческому» руководству.

В контексте социологии управления особый интерес представляет анализ того, как эти невидимые, но всепроникающие механизмы влияют на социальную стратификацию внутри цифрового пролетариата, или, как его все чаще называют, кибертариата, создавая новые иерархии, основанные не на квалификации или стаже, а на рейтинговых системах и метриках эффективности, генерируемых в реальном времени. Мы наблюдаем парадоксальную ситуацию: с одной стороны, платформы декларируют беспрецедентную свободу и гибкость, обещая освобождение от офисного рабства и иерархического давления, а с другой – внедряют механизмы тотального контроля, превосходящие по своей жесткости и всеохватности классические бюрократические системы [8]. Эта двойственность порождает специфические формы трудовых конфликтов и стратегий сопротивления, которые требуют детального изучения через призму современных социологических теорий власти и субъективации. Исследование влияния алгоритмического менеджмента на профессиональные траектории работников позволяет выявить глубокие изменения в самом понимании профессии и карьеры, которые трансформируются из линейного, поступательного движения в серию фрагментированных, ситуативных эпизодов занятости, лишенных долгосрочной перспективы и социальных гарантий [1]. Таким образом, актуальность данной работы обусловлена необходимостью деконструкции мифов о цифровой свободе и выявления реальных социальных последствий алгоритмизации труда для структуры общества.

Анализ научной литературы показывает, что, несмотря на растущий интерес к теме платформенной занятости, большинство исследований фокусируется либо на экономических аспектах эффективности бизнес-моделей, либо на юридических вопросах статуса работников, оставляя в тени глубинные социокультурные и экзистенциальные последствия внедрения алгоритмического управления [15]. Существует явный дефицит теоретических работ, которые рассматривали бы алгоритм не как нейтральный инструмент, а как активного агента социальных отношений, способного переформатировать саму ткань социального взаимодействия и идентичности работника. В данной статье предпринимается попытка восполнить этот пробел, рассматривая алгоритмическое управление как сложный социотехнический феномен, который не просто регулирует трудовые потоки, но и производит новые формы субъективности, переопределяя границы между работой и личной жизнью, публичным и приватным, свободой и принуждением.

Материалы и методы исследования

Методологическая основа данного исследования базируется на междисциплинарном синтезе подходов социологии управления, критической теории технологий и философии техники, что позволяет сформировать многомерную оптику для анализа феномена алгоритмического управления. В качестве ключевого теоретического инструментария используются концепции «надзорного капитализма» и «алгоритмической правительственности», которые позволяют рассматривать цифровые платформы не просто как посредников на рынке труда, но как новые институциональные формы власти, осуществляющие управление через сбор данных и предиктивную аналитику [9]. Для глубокого понимания механизмов воздействия алгоритмов на трудовые практики применяется метод дискурс-анализа управленческой документации, пользовательских соглашений и публичной риторики крупнейших цифровых платформ, что дает возможность выявить скрытые императивы и идеологические конструкции, легитимирующие новые формы эксплуатации. Особое внимание уделяется анализу нарративов самих работников, представленных в открытых источниках, на профессиональных форумах и в социальных сетях, что позволяет реконструировать их субъективный опыт столкновения с «бездушной» логикой алгоритма и выявить стратегии адаптации и сопротивления, которые они вырабатывают в ответ на системное давление [3].

Эмпирическая база исследования формируется на основе сравнительного анализа кейсов различных типов цифровых платформ (агрегаторы такси, службы доставки, биржи фриланса), что позволяет выявить как общие закономерности алгоритмического управления, так и специфические особенности, обусловленные характером труда и уровнем квалификации работников. Используемый в работе феноменологический подход направлен на раскрытие смысловых структур жизненного мира цифрового работника, позволяя понять, как постоянное нахождение под «цифровым взглядом» трансформирует его восприятие времени, пространства и собственной телесности. Мы также опираемся на методы концептуального моделирования для построения типологии режимов алгоритмического контроля, выделяя различные уровни вмешательства алгоритма в трудовой процесс – от мягкого подталкивания (наджинга) до жесткого директивного управления и автоматических санкций [13]. Такой подход позволяет преодолеть технологический детерминизм и рассмотреть алгоритмическое управление как динамический процесс переговоров и конфликтов между человеческими и нечеловеческими акторами.

Важным элементом методологической стратегии является использование сравнительно-исторического метода, который позволяет сопоставить современные формы цифрового контроля с классическими моделями научного менеджмента (тейлоризм, фордизм) и выявить качественные отличия новой парадигмы. В отличие от количественных исследований, фокусирующихся на статистических показателях занятости и доходов, данная работа делает акцент на качественной интерпретации социальных механизмов, лежащих в основе стратификации и профессиональной идентичности в цифровой экономике. Мы исходим из того, что понимание сущности алгоритмического управления невозможно без анализа того, как технические протоколы трансформируются в социальные нормы и как данные нормы интериоризируются работниками, становясь частью их профессионального габитуса [10]. Применение герменевтического анализа позволяет вскрыть глубинные смыслы, заложенные в интерфейсах и алгоритмических скриптах, рассматривая их как тексты, кодирующие определенные властные отношения и модели поведения.

Результаты и обсуждение

Проблема концептуализации алгоритмического управления в современной социологии труда связана с необходимостью преодоления традиционных дихотомий, таких как «контроль – автономия» или «иерархия – сеть», которые оказываются недостаточно эвристичными для описания гибридной природы платформенной занятости. Алгоритм выступает здесь не просто как инструмент оптимизации, но как онтологическая сила, формирующая новую реальность трудовых отношений, где видимость свободы предпринимательства парадоксальным образом сочетается с микроменеджментом беспрецедентного масштаба. Центральным вопросом становится анализ того, как именно технические коды трансформируются в социальные императивы, создавая систему, которую можно охарактеризовать как «невидимая клетка», пришедшая на смену «железной клетке» веберовской бюрократии. В этой системе власть деперсонализирована и распылена, она исходит не от конкретного начальника, а от совокупности данных, метрик и рейтингов, которые приобретают статус объективной истины, не подлежащей обсуждению [5].

Существенным аспектом исследования является выявление механизмов, посредством которых платформы осуществляют классификацию и сортировку работников, формируя новые стратификационные линии, которые часто остаются скрытыми за риторикой равенства возможностей и меритократии. Эти механизмы базируются на постоянном сборе и анализе больших данных, что позволяет создавать детализированные цифровые профили каждого участника, определяя его доступ к заказам, уровень оплаты и даже возможность продолжения работы на платформе. Таким образом, социальная структура платформенной экономики оказывается крайне подвижной и неустойчивой, зависящей от постоянно меняющихся алгоритмических правил, которые могут мгновенно поднять работника на вершину рейтинга или низвергнуть его в «цифровое небытие» без объяснения причин. Для систематизации подходов к пониманию природы этого нового типа власти необходимо провести сравнительный анализ концептуальных моделей управления, представленный ниже (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительная характеристика парадигм управления трудом: от дисциплинарного общества к обществу контроля

Критерий сравнения	Традиционный бюрократический менеджмент (М. Вебер)	Научная организация труда (Ф. Тейлор, Г. Форд)	Алгоритмическое управление (Платформенная экономика)
Источник власти	Рационально-легальный авторитет, иерархия должностей, устав.	Технологический процесс, конвейер, нормирование времени.	Данные, алгоритмы, рейтинговые системы, «черный ящик».
Характер контроля	Прямой надзор, визуальное наблюдение, отчетность.	Хронометраж, физическая изоляция, контроль телодвижений.	Паноптический цифровой надзор, непрерывный трекинг, GPS-мониторинг.
Механизм принуждения	Административные санкции, угроза увольнения, карьерные ограничения.	Штрафы, привязка оплаты к выработке, жесткий ритм.	Динамическое ценообразование, геймификация, блокировка аккаунта (деплатформинг).
Субъектность работника	Исполнитель функции, часть коллектива, профессионал.	Придаток машины, обезличенная рабочая сила.	«Предприниматель себя», атомизированный агент, поставщик данных.
Пространственно-временная организация	Фиксированное рабочее место и время, четкое разделение труда и досуга.	Заводское пространство, синхронизация с ритмом машины.	Размытие границ, вездесущность рабочего места, режим 24/7, фрагментация времени.

Представленный в таблице анализ демонстрирует фундаментальный онтологический разрыв между классическими формами управления и алгоритмическим режимом, который, заимствуя элементы тейлоризма (фрагментация задач, нормирование), переносит их в цифровую среду, радикально усиливая степень проникновения в жизнь работника. Если в веберовской модели власть была локализована в фигуре бюрократа и ограничена регламентом, а в фордизме – диктовалась ритмом конвейера, то в условиях платформенной экономики власть становится имманентной самой среде взаимодействия, приобретая характер «окружающего интеллекта». Работник уже не просто подчиняется внешним командам, он вынужден постоянно соотносить свои действия с невидимой логикой алгоритма, интериоризируя требования системы как свои собственные желания и цели через механизмы геймификации и рейтингования. Это создает эффект «добровольного подчинения», когда эксплуатация маскируется под самореализацию и предпринимательскую активность [14].

Особого внимания заслуживает трансформация пространственно-временной организации труда. В отличие от завода или офиса, где контроль ограничен физическими стенами, алгоритмическое управление распространяется на все пространство жизнедеятельности индивида через мобильные устройства и приложения. Это приводит к колонизации приватной сферы логикой производства, когда каждое действие, перемещение или даже бездействие (время простоя) фиксируется, оценивается и монетизируется. Таким образом, мы наблюдаем переход от дисциплинарного общества, описанного Фуко, к обществу контроля Делеза, где индивид превращается в «дивида» – набор дискретных данных, подлежащих постоянной модуляции и пересборке в зависимости от текущих потребностей рынка. Алгоритм здесь выступает не как жесткая форма, а как гибкая матрица, способная адаптироваться к любым изменениям, сохраняя при этом тотальный контроль над ситуацией.

Далее необходимо рассмотреть, как эти управленческие механизмы влияют на структуру социального неравенства и формирование профессиональных иерархий. Платформенная экономика часто пози-

ционируется как пространство равных возможностей, где отсутствуют барьеры входа и дискриминация, свойственные традиционному рынку труда. Однако на практике алгоритмы, обучающиеся на исторических данных, могут не только воспроизводить, но и усиливать существующие социальные предубеждения, создавая новые, более изощренные формы сегрегации. Кроме того, сама архитектура платформ способствует поляризации работников, разделяя их на узкую прослойку «супер-перформеров», получающих доступ к лучшим заказам, и огромную массу прекаризованных исполнителей, вынужденных бороться за выживание в условиях жесткой конкуренции. Для более глубокого понимания этих процессов целесообразно проанализировать концептуальные основания стратификации в цифровой среде, представленные в следующей таблице (табл. 2).

Таблица 2. Концептуализация социальной стратификации и неравенства в условиях алгоритмического управления

Категория анализа	Классическая классовая структура (Индустриальное общество)	Сетевая структура (Информационное общество)	Алгоритмическая стратификация (Платформенная экономика)
Основание дифференциации	Отношение к средствам производства, собственность.	Доступ к информации, уровень образования, сетевой капитал.	Репутационный капитал (рейтинг), метрики активности, уровень «доверия» алгоритма.
Характер мобильности	Вертикальная, институционализированная, связанная с карьерой.	Горизонтальная, проектная, зависящая от социальных связей.	Алгоритмическая, стохастическая, мгновенная (volatile), зависимая от скрытых параметров.
Форма эксплуатации	Извлечение прибавочной стоимости через наемный труд.	Эксплуатация когнитивных способностей и креативности.	Извлечение «поведенческого излишка», эксплуатация эмоционального труда и данных.
Тип солидарности	Классовая, профсоюзная, коллективная идентичность.	Сетевая, клановая, профессиональные сообщества.	Фрагментированная, конкурентная, «одиночество в толпе», отсутствие устойчивых связей.

Анализ данных, систематизированных в таблице, позволяет сделать вывод о формировании принципиально нового типа социального неравенства, который можно обозначить как «алгоритмическая сегрегация». В этой системе положение индивида определяется не столько его реальными профессиональными компетенциями или социальным происхождением, сколько его «цифровым двойником» – совокупностью данных, накопленных платформой. Рейтинг становится универсальной валютой и одновременно инструментом стигматизации: малейшее отклонение от заданных алгоритмом стандартов поведения может привести к резкому падению статуса и потере дохода, что создает атмосферу постоянной тревожности и неуверенности в завтрашнем дне. Социальная мобильность приобретает хаотичный характер, напоминая «американские горки», где успех и провал разделены тонкой гранью программного сбоя или субъективной оценки клиента [7].

Важно подчеркнуть, что алгоритмическая стратификация разрушает традиционные механизмы солидарности. Если в индустриальную эпоху рабочие были объединены общим пространством завода и едиными условиями труда, что способствовало возникновению классового сознания, то платформенные работники изолированы друг от друга. Они взаимодействуют с интерфейсом приложения, а не с коллегами, и воспринимают других участников платформы прежде всего как конкурентов за ограниченный ресурс заказов. Эта атомизация, усиленная информационной асимметрией, делает крайне затруднительным коллективное действие и защиту трудовых прав, превращая работников в разрозненную массу, легко управляемую посредством цифровых манипуляций. Эксплуатация здесь приобретает скрытый характер: платформа не просто присваивает часть труда, она присваивает сами данные о труде, используя их для дальнейшего совершенствования алгоритмов контроля и повышения эффективности извлечения прибыли.

Переходя к вопросу о влиянии алгоритмического управления на профессиональные траектории и идентичность, следует отметить, что мы наблюдаем эрозию самого понятия профессии как устойчивого вида деятельности, требующего длительной подготовки и предполагающего определенный социальный статус. В гиг-экономике труд деконструируется до набора элементарных задач (гигов), не требующих глубокой специализации и не формирующих долгосрочной привязанности к делу. Это ведет к размыванию профессиональной идентичности и утрате чувства принадлежности к профессиональному сообществу. Работник перестает быть «мастером», становясь универсальным, взаимозаменяемым оператором функций, чья ценность определяется исключительно текущей эффективностью. Рассмотрим подробнее трансформацию профессиональной субъектности через призму гуманитарных концепций (табл. 3).

Таблица 3. Трансформация профессиональной идентичности и траекторий развития личности в цифровой среде

Аспект идентичности	Традиционная профессиональная модель (Модерн)	Гибкая карьера (Поздний модерн)	Платформенная идентичность (Цифровой метамодерн)
Нарратив карьеры	Линейная биография, накопление опыта, «служение делу».	Портфолио проектов, непрерывное образование, самомаркетинг.	Фрагментация опыта, отсутствие единого нарратива, «жизнь в моменте», геймифицированный прогресс.
Основа самооценки	Признание коллег, мастерство, статус в иерархии.	Успешность проектов, востребованность на рынке.	Цифровой рейтинг, количество «лайков» и отзывов, достижение уровней в приложении.
Отношение к будущему	Долгосрочное планирование, стабильность, пенсия.	Адаптивность, готовность к переменам, риски.	Радикальная неопределенность, горизонт планирования – один день/заказ, прекарность как норма.
Эмоциональный фон	Гордость, ответственность, чувство долга.	Энтузиазм, стресс от неопределенности, выгорание.	Геймифицированный азарт, сменяющийся апатией, чувство отчуждения от результата, алгоритмическая тревога.

Интерпретация представленных концептуальных различий указывает на глубокий экзистенциальный кризис профессиональной идентичности в условиях платформизации. Традиционный нарратив карьеры как поступательного движения к мастерству и признанию замещается дискретным набором эпизодов, не связанных единой логикой развития. Работник платформы живет в «вечном настоящем», где прошлые заслуги имеют значение лишь постольку, поскольку они отражены в текущем рейтинге, а будущее туманно и непредсказуемо. Геймификация трудового процесса, призванная повысить вовлеченность, на деле приводит к инфантилизации труда, подменяя реальные профессиональные достижения суррогатами в виде бейджей, уровней и бонусов, которые создают иллюзию прогресса при фактической стагнации навыков и компетенций [2].

Особую тревогу вызывает феномен отчуждения от результата труда. В отличие от ремесленника, видящего продукт своих рук, или врача, наблюдающего выздоровление пациента, платформенный работник часто выполняет лишь микроскопическую часть общего процесса, не понимая конечной цели и смысла своих действий. Он становится «придатком смартфона», чья деятельность полностью детерминирована алгоритмическими предписаниями. Эмоциональный труд, который вынуждены совершать работники для поддержания высокого рейтинга (улыбки, вежливость, готовность угодить клиенту), превращается в форму глубокой психологической эксплуатации, ведущей к эмоциональному выгоранию и цинизму. Личность работника расщепляется: он вынужден конструировать привлекательный цифровой образ «идеального исполнителя», подавляя свои истинные чувства и реакции, что в долгосрочной перспективе разрушает целостность его «Я» [11].

Подводя итог анализу полученных данных, можно констатировать, что алгоритмическое управление представляет собой не просто техническую инновацию, а мощный социальный механизм, переформатирующий базовые структуры трудовых отношений. Мы видим возникновение новой конфигурации власти, где контроль осуществляется не через прямое принуждение, а через архитектуру выбора и манипуляцию данными. Это приводит к формированию специфического типа стратификации, основанного на цифровой репутации, и к радикальной трансформации профессиональных траекторий, которые становятся фрагментарными и прекарными. Социальная ткань труда истончается, уступая место алгоритмической сети, в которой человеческие связи опосредованы и искажены логикой программного кода.

Выводы

Проведенное теоретико-социологическое исследование позволяет заключить, что социальные механизмы алгоритмического управления трудом на цифровых платформах выступают катализатором глубоких структурных изменений в современном обществе, формируя новую

онтологию труда и властных отношений. Переход от дисциплинарных практик к обществу контроля, осуществляемому посредством сбора больших данных и алгоритмической аналитики, знаменует собой появление качественно иного типа отчуждения, где эксплуатация распространяется не только на физические и когнитивные способности работника, но и на его цифровую личность, эмоции и социальные связи. Иллюзия автономии и предпринимательской свободы, активно поддерживаемая дискурсом платформ, на поверку оказывается сложной формой «мягкого» принуждения, при котором внешние императивы интериоризируются субъектом, превращаясь в механизм самодисциплины и самоэксплуатации.

Анализ влияния алгоритмических систем на социальную стратификацию выявил тенденцию к поляризации трудовых ресурсов и возникновению новых форм неравенства, базирующихся на непрозрачных критериях рейтингования и информационной асимметрии. Формирующийся класс «кибертариата» характеризуется высокой степенью атомизации, отсутствием коллективной идентичности и защитных механизмов, что делает его крайне уязвимым перед лицом рыночной турбулентности и произвола алгоритмов. Профессиональные траектории в этой среде утрачивают линейность и кумулятивный характер, распадаясь на серию дискретных эпизодов, что подрывает основы долгосрочного жизненного планирования и профессионального роста. Депрофессионализация и фрагментация труда становятся системными характеристиками новой экономики, ставя под угрозу традиционные институты занятости и социального обеспечения.

В долгосрочной перспективе экспансия алгоритмического управления грозит эрозией гуманистических основ труда, превращая человека в заменяемый функциональный элемент цифровой инфраструктуры. Это актуализирует необходимость разработки новых подходов к регулированию платформенной занятости, которые учитывали бы не только экономические, но и социально-антропологические последствия цифровизации. Социологическая рефлексия данных процессов должна быть направлена на поиск путей гуманизации технологий и восстановление субъектности работника в условиях алгоритмического диктата, что требует переосмысления самих понятий справедливости, солидарности и свободы в цифровую эпоху.

Литература

1. Шитьков С.В. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке // Международная жизнь. 2025. № 5. С. 90–99.
2. Астапенко П.Н. Цифровой суверенитет как условие реализации государственного суверенитета в интернет-эпоху // Закон и право. 2022. № 9. С. 27–33.
3. Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25. № 2. С. 251–266.
4. Притула М.С. Государственный суверенитет как теоретическая и практико-политическая проблема // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 1 (101). С. 10–19.
5. Сковиков А.К., Преждарова В.Г., Шумилов А.В. Государственный суверенитет в условиях глобализации, сетевизации и цифровизации // PolitBook. 2023. № 1. С. 58–69.
6. Шитьков С.В. Концептуальные основания анализа государственного суверенитета в цифровую эпоху // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2025. № 2 (44). С. 6–21.
7. Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Категория "цифрового суверенитета" в современной мировой политике // Международные процессы. 2021. Т. 19. № 4 (67). С. 47–67.
8. Воробьев С.М., Комаров С.А. Цифровой суверенитет Российской Федерации: теоретико-правовой анализ // Теория государства и права. 2024. № 1 (35). С. 45–59.
9. Шастина А.Р. К вопросу о формировании понятия «цифровой суверенитет» // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 4. С. 41–44.
10. Антонов Д.Е. Цифровой суверенитет современного государства: от контроля до коммуникации // Полилог. 2022. Т. 6. № 2.
11. Нинциева Т.М., Дышеков М.В. К вопросу об основах государственного суверенитета Российской Федерации // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2025. № 1 (57). С. 178–185.
12. Смаженков Н.С. Понятие и признаки государственного суверенитета: история и современность // Теория государства и права. 2020. № 2 (18). С. 198–211.
13. Никонов В.А., Воронов А.С., Сажина В.А., Володенков С.В., Рыбакова М.В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.
14. Зиновьева Е.С., Шитьков С.В. Цифровой суверенитет в практике международных отношений // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 38–51.
15. Wang X. Digital constitutionalism and legal protection of personal data in global perspective // Environmental Management Issues. 2025. Т. 4. № 4. С. 8–12.

SOCIAL MECHANISMS OF ALGORITHMIC LABOR MANAGEMENT ON DIGITAL PLATFORMS AND THEIR IMPACT ON WORKER STRATIFICATION AND PROFESSIONAL TRAJECTORIES

Yu Qiuyuan

The article analyzes algorithmic labor management on digital platforms as a sociotechnical mechanism of power that restructures the classical control–autonomy relationship and creates new modes of subordination while retaining the rhetoric of freedom and flexibility characteristic of the gig economy. The aim of the study is to identify the social mechanisms through which algorithms, functioning as black boxes, carry out surveillance, evaluation, and disciplining of workers, and to demonstrate the consequences of this regime for stratification within platform employment and for professional trajectories and identities. The methodological framework synthesizes the sociology of management, critical technology studies, and the philosophy of technology. Empirically, the study employs discourse analysis of managerial documentation and public rhetoric of platforms, interpretation of user agreements, as well as qualitative analysis of worker narratives from open sources such as forums and social media. To enhance explanatory power, the study applies comparative analysis of cases from different platform types (ride-hailing, delivery, freelancing), conceptual modeling of a typology of control regimes (from nudging to automated sanctions), and comparative-historical juxtaposition with bureaucratic management (M. Weber) and scientific management (F. Taylor / H. Ford). The analysis shows that power in the platform economy becomes depersonalized and embedded in the interactive environment: control is enacted through continuous digital tracking, performance metrics, and rating systems supplemented by dynamic pricing, gamification, and the risk of deplatforming. As a result, an algorithmic stratification emerges in which a worker's position is determined by reputational capital and the algorithm's level of trust; mobility becomes stochastic and volatile, and information asymmetry increases workers' vulnerability. The study highlights the atomization of the cyber-proletariat and the erosion of solidarity: competition for tasks and opaque rules hinder collective action and rights protection. Professional trajectories become fragmented, and identity shifts from a narrative of mastery to the logic of ratings and living in the moment, reinforcing self-exploitation and algorithmic anxiety. The conclusion argues for the necessity of humanizing and regulating platform labor with attention to the socio-anthropological consequences of algorithmization.

Keywords: Translation: algorithmic management, platform work, algorithmic stratification, rating, professional identity

References

1. Shitkov S.V. Approaches to studying digital sovereignty in contemporary political science // International Life. 2025. No. 5. P. 90–99.
2. Astapenko P.N. Digital sovereignty as a condition for the realization of state sovereignty in the Internet era // Law and Right. 2022. No. 9. P. 27–33.
3. Popova E.V., Ustyuzhantseva O.V., Gao H. Constructing digital sovereignty in the media of Russia and China: big data analysis // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations. 2025. Vol. 25. No. 2. P. 251–266.
4. Pritula M.S. State sovereignty as a theoretical and politico-practical problem // Issues of Political Science. 2024. Vol. 14. No. 1 (101). P. 10–19.
5. Skovikov A.K., Prezhdarova V.G., Shumilov A.V. State sovereignty under globalization, networking, and digitalization // PolitBook. 2023. No. 1. P. 58–69.
6. Shitkov S.V. Conceptual foundations for analyzing state sovereignty in the digital age // Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs. Russia and the World. 2025. No. 2 (44). P. 6–21.
7. Rebro O., Gladysheva A., Suchkov M., Sushentsov A. The category of "digital sovereignty" in contemporary world politics // International Processes. 2021. Vol. 19. No. 4 (67). P. 47–67.
8. Vorobyev S.M., Komarov S.A. Digital sovereignty of the Russian Federation: theoretical and legal analysis // Theory of State and Law. 2024. No. 1 (35). P. 45–59.
9. Shastina A.R. On the issue of forming the concept of "digital sovereignty" // State Power and Local Self-Government. 2025. No. 4. P. 41–44.
10. Antonov D.E. Digital sovereignty of the modern state: from control to communication // Polilog. 2022. Vol. 6. No. 2.
11. Nintsieva T.M., Dyshekov M.V. On the foundations of state sovereignty of the Russian Federation // Bulletin of the Chechen State University named after A.A. Kadyrov. 2025. No. 1 (57). P. 178–185.
12. Smazhenkov N.S. The concept and features of state sovereignty: history and modernity // Theory of State and Law. 2020. No. 2 (18). P. 198–211.
13. Nikonov V.A., Voronov A.S., Sazhina V.A., Volodenkov S.V., Rybakova M.V. Digital sovereignty of the modern state: content and structural components (based on expert research) // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. 2021. No. 60. P. 206–216.
14. Zinovyeva E.S., Shitkov S.V. Digital sovereignty in the practice of international relations // International Life. 2023. No. 3. P. 38–51.
15. Wang X. Digital constitutionalism and legal protection of personal data in a global perspective // Environmental Management Issues. 2025. Vol. 4. No. 4. P. 8–12.

Стратегии Китая, США и России в глобальной борьбе за интеллектуальный капитал

Белоусова Татьяна Павловна,
старший преподаватель кафедры восточных языков Дипломатической Академии Министерства иностранных дел России
E-mail: tp_belousova@mail.ru

В нашем прогрессивном и быстроразвивающемся мире, трудовая миграция – это не только восполнение рабочей силы, но и двигатель экономики. Миграция рабочей силы уже давно стала частью мировой экономической системы. Если рассматривать причины, по которым мигранты покидают родные страны, то становится понятно, почему они так поступают. В большинстве случаев мигранты мотивируются желанием найти более выгодное рабочее место, улучшить условия жизни и повысить свое благосостояние. При миграции из одной страны в другую, специалисты улучшают экономическое состояние принимающих стран, восполняя трудоспособное население государства. Определенно, с уверенностью можно сказать, что на данный момент миграцию молодых и перспективных специалистов можно соотнести как одной из значительных проблем мировой экономики.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал, трудовая миграция, «утечка мозгов», миграция высококвалифицированных специалистов, миграционная политика.

Введение

В современное время трудовая миграция занимает большую часть мировой экономики, она уже давно стала частью социально-экономических отношений между странами. Если вспомнить историю, то мигранты появились еще много столетий назад.

Первыми трудовыми мигрантами были рабочие, которых перевезли из Африки в Америку. А в 1845 году большое количество рабочей силы мигрировало из Ирландии в Америку по причине случившегося Великого голода. Большее количество трудовых мигрантов долгое время концентрировалось именно в Соединенных штатах Америки, в других государствах количество мигрантов стало прибывать после произошедших военных действий в их родных странах.

Тенденция трудового населения мигрировать из страны в страну является как экономическом процессом, так и способом увеличения капитала определенных стран, интегрирования экономических систем государств, все это способствует развитию международной торговли и партнерству стран.

Есть версии, объясняющие причины трудовой миграции и их направления [1]. Самой известной считается концептуальная версия, происходящая от классической модели, которая несет в себе логичное сопоставление двух понятий. Понятий «отторжения» и «принятия» трудовых граждан, так как именно люди являются силой, которая управляет этими процессами. Двигаясь по классической схеме переизбыток трудоспособных граждан мигрирует из малонаселенных пунктов в крупные города и благополучные районы. Молодые и образованные специалисты объясняют свое решение желанием жить более благополучно и в более комфортных условиях, работая на «белой» работе, нежели занимаясь тяжелым физическим трудом в родной местности. Настоящее ситуация в стране и то, как это скажется на экономике, их не особо волнует в этот момент.

Если придерживаться исторической теории, то миграция рабочей силы происходит из-за социально-экономического неравенства и отсутствия политического согласия между объектами.

Результаты исследования и обсуждение

Изучая вопрос трудовой миграции, можно выделить две основных системы причин трудовой миграции: экономические и неэкономические.

Группами причин совершаемой миграции трудового населения являются также: политические, экологические, национальные, моральные, этнические, социальные, правовые и психоэмоциональные. Очень распространенными причинами являются экономические, потому что, граждане стремятся увеличить свои доходы, найти работу получше и повысить уровень своего благосостояния. Большинство остальных причин, таких как, религиозные или психоэмоциональные, относятся к системе неэкономических причин миграции [5].

Рассмотрим экономические причины более подробно:

1. Разный уровень жизни населения в странах, отличия в благосостоянии населения.

2. Несоизмеримость заработных плат определенных категорий специальностей в разных странах (один и тот же специалист будет получать достойную заработную плату в одной стране и маленькую в другой, выполняя одни и те же обязанности).

3. Разный уровень безработицы с соседствующих государствах.

4. Отличия в характере создания трудового резерва в странах третьего мира – перенасыщенность населения, большая безработица, неэффективность работников.

5. Низкая оплата труда в бедных странах.

Есть несколько видов трудовой миграции, перечислим основные:

1. Миграция навсегда.

Такой вид миграции подразумевает ПМЖ граждан в стране, в которую они приехали работать.

2. Временная. Это вид, в котором есть временные рамки пребывания мигранта в принимающей стране.

3. Сезонная. Мигранты приезжают на заработки в сезон, когда в принимающей стране поток туристов особенно большой, в основном под такой вид миграции попадают работники сферы услуг, нацеленной на туристов.

4. Переменная. Вид миграции, при котором иностранные граждане постоянно перемещаются из одного государства в другое.

5. Нелегальная. Данный вид представляет незаконную миграцию граждан, с целью поиска работы и незаконного трудоустройства.

6. Отток высококвалифицированных специалистов.

Граждане с высшим образованием и лучшие специалисты в современных и продвинутых областях покидают родные государства в одностороннем порядке с целью жизни и трудоустройства в богатых странах [2].

Также к экономическим причинам относят социально-экономические факторы, влияющие на трудовую миграцию:

1. Выбор, мигрантами, страны с более высоким уровнем ВВП для временного или постоянного трудоустройства.

2. Уровень международной безработицы. Многие страны третьего мира отличаются отсутствием рабочих мест и маленькой заработной платой, что негативно влияет на выбор мигрантов приехать туда на ПМЖ. Наоборот, местные жители таких государств стремятся покинуть свою страну в поисках хорошей жизни за ее пределами.

3. Осуществление деятельности международными компаниями. Сотрудники международных корпораций мигрируют из родных стран для работы за рубежом на свою компанию. Данным образом, многие компании ведут деятельность за рубежом, предоставляя специалистам работу и жилье за границей.

Миграция рабочей силы становится все более распространенным явлением. В данном мероприятии участвует большинство стран, несмотря на их уровень благосостояния. Мигрируют, как правило, в страны с высоким уровнем жизни.

Еще одна причина, которую следует упомянуть, это перенаселение Земли. Людей становится все больше и больше, а высокий уровень образованности и хорошей квалификации имеет меньшая часть жителей планеты. Что касается результативности миграции трудового населения, то отток хороших специалистов негативно влияет на внутреннюю экономику страны [3]. Принимающая страна будет выигрывать в данном случае. Из этого следует отметить, что движение работающих граждан может сказываться и позитивно, и негативно. Но страны, из которых уезжают трудоспособные граждане, таким образом решают проблему перенаселения, при наличии такой ситуации. А также получают увеличение количества трансфертных переводов и соответственно зарубежной валюты. В некоторой вероятности, это может оживить внутреннюю обстановку в стране. Факт, что экспортировать трудовое население более выгодно, чем экспортировать реальный товар.

Самую большую проблему миграции составляет отток молодых квалифицированных специалистов за границу на ПМЖ. Молодые умы являются будущим страны и гарантией развития экономики любого государства. Если большое количество высококвалифицированных специалистов покинет страну, то это может вызвать застой и регресс экономической системы [4]. Помимо этого, средний возраст трудового населения стран повышается из-за миграции молодых специалистов, которые, помимо отъезда, забирают с собой накопления и продают недвижимость. Между богатыми странами миграция рабочей силы происходит по неэкономическим причинам. При таких причинах миграции, для мигрантов на первое место выходит репутация компании, предполагаемые доходы, условия жизни, религия и традиции местных жителей, культурные и этнические особенности страны.

Изучение различных форм финансовых и экономических взаимоотношений, а также их принципы взаимодействия, одно из направлений изучения мировой экономики. Следует отметить, прежде чем рассмотреть подробнее важность миграции рабочей силы в проблемах мировой экономики необходимо рассмотреть сами проблемы. Проблемы торговых, банковских систем каждой страны, взаимодействия финансовых институтов, как один из важных аспектов глобальных проблем международной экономики.

Основными формами взаимодействия и контроля международных отношений приватизация производств в пользу национальных компаний, финансовые операции с валютами, есть ряд способов урегулирования международных отношений государств, в первую очередь, экономических взаимоотношений. Главные способы, это открытие совместных производств, интеграция деятельности, экспорт и импорт продукции, обмен валют и другие методы. В силу непреодолимых обстоятельств, таких как межнациональные конфликты и поглощение национальными кампаниями и формируются эмигрантские потоки [7].

Развитие новых технологий способствует быстрому движению финансов, информации, различных товаров между государствами. Совершенствуясь, мировая экономика даёт больше простора для реализации, а также возможностей для улучшения жизни. Осуществляемые иммигрантами финансовые переводы в развивающиеся станы, имеют весомую часть доходов данных стран, иногда даже существеннее, чем инвестиции из других государств. В общей сложности, финансы, которые получили наёмные работники из стран бывших союзных республик, в большинстве случаев превышают официальную помощь данным странам и их собственный ВВП.

На обширной территории нашей планеты используется труд мигрантов, но далеко не все они выполняют низкоквалифицированную работу, за которую не берутся местные жители, значительный процент трудится на высококвалифицированном производстве, с недоступным для местных жителей образованием [2]. Отдельные отрасли, а также большой пласт в обеспечении коммунальными услугами населения, лежит на труде мигрантов, и, если внезапно такие работники исчезнут, произойдёт неминуемый коллапс.

В России многие объекты, такие как жилые и научные комплексы, технические объекты, построены с использованием труда мигрантов, в том числе и инженерами из ближнего зарубежья. В преобладающем большинстве, медицинский персонал, а также множество преподавателей в лечебных и образовательных учреждениях состоят из мигрантов бывших союзных республик.

Отдельного упоминания стоит рынок труда, раздробленный на части, между которыми нет прямой конкуренции и части существуют обособленно. Но каждая часть внутри себя довольно сильно удерживают конкурентоспособность, где важнейшими факторами играют квалификация и спрос на работников. Важную роль играет рынок труда людей с высшей квалификацией, т.е управленцев, администраторов, в ком уверенность даёт гарантии трудоустройства. Аналогично с высшей, часть рынка со средней квалификацией имеет хорошую надежность. Последнюю часть составляют работники низшей квалификации. Как правило, это различные рабочие, не требующие специальной подготовки и низший обслуживающий персонал.

Рынки со специалистами высокой и средней квалификации, отличает высокий заработок, возможность карьерного роста, а также сильная конкуренция, а рынки с персоналом низкой квалификации отличает быстрозаменяемость кадров, отсутствие карьерной лестницы и высокий уровень безработицы. В странах с развитой экономикой происходят значительные изменения: отрицательный рост персонала в сельском хозяйстве и большое увеличение спроса в сферах связи и близким к ним сферах.

Россия приближается к данным показателям, но совершенно по другим причинам, отрицательный рост в сельском хозяйстве происходит не по причине перенасыщения рынка, а напротив, полного упадка нескольких отраслей. А уменьшение доли рабочего контингента в промышленном сегменте сопровождалось не перераспределением в более совершенные отрасли, а лишь непрерывным отставанием от стран с развитой экономикой.

Тем не менее, процент работников, задействованных не на физическом труде в России, существенно возрос и приблизился к отметкам стран с развитой экономикой (59% в России, против 65% в США) [6]. В данную категорию относятся менеджеры, персонал сферы обслуживания, 27 13 руководящий состав всех уровней, служащие в частных и государственных учреждениях. Процент сфер, требующих исключительно физический труд, составил приблизительно 41%. Многим развитым государствам довольно сложно признать тот факт, что их будущее развитие на прямую зависит от эмигрантского потока.

Даже Шенгенские ограничения не способны контролировать миграцию, и 25 государств, состоящих в Евросоюзе, используют мигрантов дав им и их потомкам гарантии, и для подъема своего собственного населения. Из-за низкой рождаемости и высокого уровня медицины, в экономически развитых странах идёт старение населения, что в конечной перспективе ведет к упадку экономической функциональности и пенсионного обеспечения.

Изучение механизмов, осуществляющих контроль за миграцией в государстве, приводит к таким выводам, что сами правовые акты не полностью содержат необходимые рычаги контроля, а иногда и полностью противоречат другим актам, что позволяет предположить о неполной исполнимости при создании государственных международных правовых норм. Из чего следует, что по отношению к людям, не имеющим статуса гражданина, в той стране, где они находятся, Декларацией ООН предусмотрено, что «каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности, все люди равны перед законом и имеют право без всякого различия на равную защиту закона».

Следует отметить, что подобное описание имеется и в Конвенции СНГ. Исходя из данных документов, отличительной особенностью государства должно быть сохранение прав и свобод человека по отношению к любому лицу, в том числе и к негражданину.

Соприкосновение рынков труда разных стран способствует международному сотрудничеству и взаимосвязи экономических систем стран экспорта и импорта рабочей силы. Как отмечают специалисты, при продуктивном сотрудничестве государств, странам, которые постав-

ляют друг другу работников и продукцию, выгодно заключить специальное соглашение для упрощения ввоза и вывоза товаров, а также миграции граждан, закрепив все это правовым документом [5]. Любые граждане, любой национальности и этнической принадлежности пользуются равными правами и находятся под защитой Конституции РФ. Как жители РФ, так и мигранты, приехавшие для трудоустройства, могут пользоваться экономическими, культурными и общественными благами. Каждый гражданин РФ имеет право защищать свою свободу и права в соответствии с Конституцией и другими законами, более подробно регламентирующими правила.

Но все же США продолжают оставаться общепризнанным центром притяжения для профессионалов из Европы и развивающихся стран, несмотря на активное развитие научных кластеров в Индии и Китае. США являются главным центром притяжения зарубежных ученых и высококлассных специалистов, причем это лидерство формировалось очень активно в последние два-три десятилетия.

Сегодня 40% американского населения, родившегося за рубежом, имеют степень магистра или доктора философии. Одновременно, ссылаясь на материалы различных докладов, специалисты указывают, что более 50% иностранцев, получивших степень доктора философии в США, – выходцы из Индии и КНР, а более 80% профессоров, специалистов в естественно-научных дисциплинах, технике, инженерном деле и математике, преподающих в престижном Корейском институте науки и техники, стали док– 208 Науковедение торами философии в США [8].

Исследователи из ЕС часто переезжают в другие европейские страны. В то же время, в периоды экономических кризисов, представители профессиональной элиты из промышленно развитых стран едут на временную работу в развивающиеся страны («обратный отток мозгов»).

Миграционные потоки и их интенсивность зависят от множества факторов, таких как финансовые, социальные и иные изменения, имеющие влияние на страны, регионы и на весь мир в целом. Трудно установить число всех потоков, в виду невозможности точной статистики миграции, а также существующего нелегального сегмента миграции.

В текущий момент, уже невозможно представить мировое хозяйство без постоянно перемещающейся рабочей силы. В миграции существует несколько основных направлений. В международной миграции рабочей силы можно выделить несколько направлений:

1. Потоки мигрантов в развивающиеся государства;
2. Потоки мигрантов в международных кампаниях;
3. Миграция рабочей силы из бывших союзных республик;
4. Миграционные потоки сотрудников сферы науки, высококвалифицированных специалистов из развитых стран в развивающиеся. Своеобразным центром, куда стягивается множество потоков мигрантов можно назвать Канаду и США.

Высокие зарплаты и хороший уровень жизни притягивает людей со всего света. В целом, в США тянется два потока трудовых мигрантов, где поток низкой квалификации идёт из Мексики и Карибского бассейна, а поток мигрантов с высокой квалификацией идёт из Европы, Индии и России.

Китай годами упорно придерживался стратегии привлечения международных талантов, особенно учёных китайского происхождения, обучавшихся и работавших за рубежом. Теперь, когда администрация Трампа стремится сократить исследовательские бюджеты, повысить стоимость виз H1-B и ужесточить надзор за университетами, Пекин видит в этом «золотую возможность» для привлечения талантов.

Но при этом, многие учёные, долгое время проработавшие в США, также возвращаются в Китай. Не только престижные исследовательские институты, но и многие китайские университеты открыто рекламируют приглашения для иностранных учёных, предлагая привлекательные стимулы, такие как исследовательские гранты, премии, жильё и поддержка семьи. Эти программы часто связаны с центральным фондом поддержки «выдающихся молодых талантов» в рамках долгосрочной стратегии Пекина по развитию талантов.

Эти усилия происходят на фоне стремительного роста научного потенциала Китая. Страна добилась значительных успехов, таких как возвращение первого образца с обратной стороны Луны, лидерство в области возобновляемой энергетики и квантовой связи, а также разработка гиперзвуковых ракет.

Выводы

В государствах, особенно уже промышленно продвинутых, принятие мигрантов из других государств, означает возможное насыщение сектора экономики, а также остальных сфер инфраструктуры. Прибегнуть к помощи мигрантов, для США обычное дело. В некоторых случаях, подготовка специалистов внутри страны может стоить во много раз больше, чем привлечение уже готовых специалистов из других стран [1].

Главной и основной причиной задействования зарубежных работников в России, США и Китае, является дефицит специалистов в некоторых сфер, а также отсутствие мотивации местного населения обучаться на выполнение данных работ. Данная проблема актуальна на всех производственных сферах, в том числе в сельском хозяйстве, в сфере строительства и производственной и добывающей промышленности.

Международная Организация Труда определена особой ролью, её целью состоит составление и принятие правил и конвенций, установлении стандартов заработной платы, длительность рабочего дня, ежегодный оплачиваемый отпуск и страхование жизни и здоровья. За всё своё существование Международная Организация Труда создала и приняла более 300 конвенций. На настоящий момент Россия, США и КНР стараются регулировать основные потоки миграции, путем разработки законов и улучшения механизмов контроля, руководствуясь национальными интересами.

Литература

1. Гарусова Л. Н., Журбей Е.В., Владимирова Д.А. Китайские иммигранты в США: историческая ретроспектива // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. № 2 (45).
2. Экономическая деятельность Китая в африканских странах // Галимзянова А.К. Вестник молодых ученых-международников. 2018. № 3 (5). С. 160–167.
3. Стратегическое взаимодействие регионов российского дальнего востока и Восточной Сибири с Китайской Народной Республикой // Галимзянова А.К. В сборнике: Роль и место России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Материалы международного круглого стола молодых ученых: Сборник статей. Отв. ред. Д.А. Сидоров. Москва, 2016. С. 129–135.
4. Образование в Китае особенности и перспективы // Белоусова Т.П. В сборнике: Восточный альманах. Сборник научных статей. Москва, 2024. С. 103–112.
5. Китайский язык в России и русский в Китае: как языковая политика укрепляет двусторонние связи // Белоусова Т.П. Социально-гуманитарные знания. 2025. № 9. С. 407–410.
6. Культурная стратегия КНР «Китайская мечта», как способ укрепления государства // Белоусова Т.П. Социально-гуманитарные знания. 2024. № 3. С. 128–130.
7. Иванов Е.В. Интеллектуальная миграция: политологический аспект. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02, Москва 2010.
8. Казанцев Андрей Анатольевич, Боришполец Ксения Петровна «Утечка мозгов» из России как политикоуправленческая проблема // Вестник МГИМО. 2013. № 6 (33).
9. Казанцев А.А. Циркулярная миграция российских ученых в Европу и США // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6.
10. Митин Д.М. Миграционная политика как фактор поддержания политической стабильности в Российской Федерации: опыт интеллектуальной и социально активной эмиграции. Автореферат диссертации на соискание степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02, Москва, РУДН: 2012// URL: http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5657.pdf
11. Прилуцкий В.В. Китайская иммиграция в США на страницах журнала «Отечественные записки» (1870-Е ГГ.) // Вестник БГУ. 2025. № 1 (63).
12. Садовая Е.С. Возвратная китайская миграция из США: уроки для России // Международная торговля и торговая политика. 2022. № 3 (31).
13. Хабирова Р.Р. История китайской миграции в США и диаспоральная политика КНР // Казанский вестник молодых учёных. 2020. № 1.

STRATEGIES OF CHINA, THE USA, AND RUSSIA IN THE GLOBAL STRUGGLE FOR INTELLECTUAL CAPITAL

Belousova T.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

In our progressive and rapidly developing world, labor migration is not only a means of replenishing the workforce but also an economic driver. Labor migration has long been a part of the global economic system. When considering the reasons why migrants leave their home countries, it becomes clear why they do so. In most cases, migrants are motivated by a desire to find a more lucrative job, improve their living conditions, and increase their well-being. By migrating from one country to another, specialists improve the economic situation of the host countries by replenishing the working-age population. It is certainly safe to say that the migration of young and promising specialists can currently be considered one of the significant challenges facing the global economy.

Keywords: Intellectual capital, labor migration, brain drain, migration of highly skilled specialists, migration policy.

References

1. Garusova L. N., Zhurbey E.V., Vladimirova D.A. Chinese Immigrants to the United States: A Historical Retrospective // Oikumena. Regional Studies. 2018. No. 2 (45).

2. China's economic activities in African countries // Galimzyanova A.K. Bulletin of Young International Scientists. 2018. No. 3 (5). Pp. 160–167.

3. Strategic interaction between the regions of the Russian far east and Eastern Siberia with the People's Republic of China // Galimzyanova A.K. In the collection: The Role and Place of Russia in the Asia-Pacific Region. Proceedings of the International Roundtable of Young Scientists: A Collection of Articles. Ed. D.A. Sidorov. Moscow, 2016. Pp. 129–135.

4. Education in China: features and prospects // Belousova, T.P. In: Eastern Almanac. A Collection of Scientific Articles. Moscow, 2024. Pp. 103–112.

5. Chinese in Russia and Russian in China: how language policy strengthens bilateral ties // Belousova, T.P. Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 9. Pp. 407–410.

6. China's cultural strategy "Chinese dream" as a way to strengthen the state // Beloussova T.P. Social and Humanitarian Knowledge. 2024. No. 3. Pp. 128–130.

7. Ivanov E.V. Intellectual Migration: Political Science Aspect. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Political Sciences in Specialty 23.00.02, Moscow 2010.

8. Kazantsev Andrey Anatolyevich, Borishpolets Ksenia Petrovna "Brain Drain" from Russia as a Political and Management Problem // MGIMO Bulletin. 2013. No. 6 (33).

9. Kazantsev A.A. Circular Migration of Russian Scientists to Europe and the USA // MGIMO University Bulletin. 2012. No. 6.

10. Mitin D.M. Migration Policy as a Factor in Maintaining Political Stability in the Russian Federation: The Experience of Intellectual and Socially Active Emigration. Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Political Sciences in Specialty 23.00.02, Moscow, RUDN University: 2012// URL: http://www.rad.pfu.edu.ru:8080/tmp/avtoref5657.pdf

11. Prilutsky V.V. Chinese immigration to the USA on the pages of the magazine "Otechestvennye zapiski" (1870s) // Bulletin of BSU. 2025. No. 1 (63).

12. Sadovaya E.S. Return Chinese migration from the USA: lessons for Russia // International Trade and Trade Policy. 2022. No. 3 (31).

13. Khabirova R.R. History of Chinese Migration to the USA and the Diaspora Policy of the PRC // Kazan Bulletin of Young Scientists. 2020. No. 1.

Стратегический потенциал БРИКС для формирования нового мирового порядка

Блонский Артем Игоревич,
магистрант Дипломатической академии МИД России

В статье рассмотрены стратегический потенциал и роль объединения БРИКС в трансформации системы глобального управления. Проанализированы экономические и политические предпосылки для усиления влияния стран-участниц на мировой арене, а также вызовы, связанные с внутренней координацией и внешним противодействием. Исследованы альтернативные пути развития международной финансовой архитектуры и реформирования существующих институтов, предлагаемые в рамках БРИКС.

Ключевые слова: БРИКС, мировой порядок, глобальное управление, многополярность, международные институты, финансовая архитектура, стратегический потенциал.

Актуальность данного исследования продиктована фундаментальными изменениями в мировом порядке. Кризис существующих механизмов глобального управления и зарождение новой, многополярной системы международных отношений делают эту тему крайне важной. Доминировавшая ранее модель, ориентированная на Запад и такие организации, как МВФ и Всемирный банк, оказалась неэффективной в решении современных проблем развития и игнорирует интересы многих государств, в первую очередь – динамично развивающихся стран. В этом контексте БРИКС приобретает значение не только как экономическое объединение, но и как потенциальный фактор, формирующий будущую мировую архитектуру. Инициативы стран БРИКС по реформированию международной финансовой системы, продвижению национальных валют в расчетах и созданию альтернативных структур, например, Нового банка развития, свидетельствуют о стремлении к перераспределению глобального влияния.

Учитывая нынешний экономический потенциал, страны БРИКС имеют все шансы стать ведущей мировой экономической системой к 2050 году. Важно отметить, что даже в условиях последствий мирового экономического кризиса 2008–2009 годов, в первом десятилетии XXI века страны БРИКС продемонстрировали значительный рост совокупного ВВП, увеличив его с 3 до примерно 12 триллионов долларов и обеспечив треть прироста мировой экономики.

Тесное сотрудничество государств БРИКС усиливает их совокупную конкурентоспособность, распространяясь как на экономическую сферу, так и на политическое влияние. Страны, входящие в это трансрегиональное объединение, не являются оппонентами существующей мировой экономической системы. Вместо этого, они привержены идеям интеграции, мирного диалога и построению сбалансированной системы глобального управления. Такая система будет базироваться на нормах международного права, уважении суверенитета всех стран и приоритете экономических интересов широких слоев населения мира[1].

В отличие от США и НАТО, которые активно формируют мировую политическую повестку и иногда демонстрируют жесткую позицию по отношению к странам, не придерживающимся западных норм, БРИКС проводит самостоятельную внешнюю политику. При этом страны БРИКС не стремятся к конфронтации с НАТО, предпочитая реализовывать свои стратегические цели, не вступая в открытое противостояние с западными державами[2].

Стремительное развитие политического сотрудничества между странами БРИКС обусловлено их пониманием того, что объединенными усилиями они могут эффективно противостоять влиянию США в торговых переговорах и добиваться политических успехов. Нынешняя система глобального финансового управления ориентирована преимущественно на западные страны, особенно на США, что фактически исключает развивающиеся экономики из полноценного участия в мировой экономической системе. Такая ситуация порождает дестабилизацию глобальных экономических и политических процессов и диктует необходимость радикальных преобразований в системе управления. Страны БРИКС обладают потенциалом для того, чтобы сыграть решающую роль в формировании новой мировой экономической архитектуры, однако это потребует обеспечения справедливого доступа всех государств к финансовым ресурсам и рынкам сбыта.

Для того чтобы БРИКС смог занять лидирующие позиции в мировой системе управления, необходимо создать действенный механизм для согласования позиций и принятия решений по глобальным и региональным вопросам. Существуют разные представления о том, как должна функционировать система глобального управления. Первый подход предполагает создание международной структуры, аналогичной национальным правительствам. Второй – отдает роль управления международным организациям, таким как ООН, МВФ, Всемирный банк, G7 и G20. Третий подход подразумевает доминирование одной, наиболее сильной в экономическом и военном отношении, державы. Наконец, полицентрическая модель предполагает совместное управление, осуществляемое международными организациями и региональ-

[1] Толорая Г. Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nkibrics.ru/posts/show/59a01a636272694c4f290000.

[2] Толорая Г. Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 104.

ными объединениями[1]. Важно подчеркнуть, что каждая страна БРИКС играет ключевую роль в своем регионе, что обеспечивает альянсу значительное политическое и экономическое влияние и позволяет формировать региональную повестку, выступая в качестве ориентира для соседних государств[2].

Страны БРИКС высказывают мнение о необходимости активного взаимовыгодного сотрудничества всех государств, соблюдая при этом суверенитет и уважая культурно-цивилизационную идентичность. По мнению стран БРИКС, мировая экономика должна оперировать на основе поливалютной финансовой системы[3].

Глобальный валютно-финансовый кризис в 2008–2010 годах заставил участников мирового финансово-экономического процесса искать способы преодоления сложившейся неблагоприятной ситуации, в частности, через увеличение работы по созданию коллективных валютных альтернатив к доллару. Трансрегиональное сотрудничество стран БРИКС постепенно расширяет использование национальных валют в своих взаимных расчетах как альтернативу долларовой системе.

В условиях, когда существующие международные финансовые институты, такие как МВФ, Всемирный банк, Азиатский банк развития и др., не могут эффективно предотвращать кризисы ликвидности и решать проблемы международного долга, страны БРИКС работают над созданием альтернативной международной финансовой архитектуры, направленной на повышение глобальной финансовой стабильности[4].

Демографический потенциал стран БРИКС обуславливает их низкую стоимость рабочей силы. Одновременно с этим, внушительные размеры их экономик позволяют им играть все более весомую роль в глобальной торговле. Экономическое развитие стран БРИКС расширяет их возможности для воздействия на мировую политику. В условиях растущей экономической взаимозависимости, силовые конфликты становятся нерентабельными, поскольку они дестабилизируют мировую экономику и замедляют прогресс. Следовательно, предпочтительной становится модель здоровой конкуренции между различными экономическими системами, не исключающая при этом тесного сотрудничества.

Вопрос о влиянии БРИКС на мировую арену остается открытым для дискуссий. Некоторые аналитики видят в экономическом росте стран БРИКС большой потенциал, в то время как другие считают, что организация не имеет долгосрочной стратегии и сосредоточена на решении тактических задач. Внутри БРИКС существуют разногласия, особенно между Китаем и Индией, касающиеся военных и пограничных вопросов.

Однако, вместо противопоставления, необходимо стремиться к компромиссам в рамках существующей глобальной системы. Утверждение о неспособности БРИКС и других новых объединений изменить существующий порядок вещей ошибочно и контрпродуктивно, поскольку препятствует сотрудничеству. Необходимо учитывать роль существующих институтов, таких как ООН и МВФ, и избегать их игнорирования. Следует также помнить о создании западными странами новых структур, таких как Транстихоокеанское партнерство, которые могут формировать новые международные правила игры.

Страны БРИКС демонстрируют намерение модифицировать существующие международные институты с целью получения преимуществ, однако это намерение не находит отклика у ведущих мировых держав. Это порождает дискуссию о потенциале и временных рамках пересмотра установленного Западом миропорядка.

Одним из возможных векторов развития является наращивание влияния БРИКС в рамках текущей глобальной экономической и финансовой архитектуры, например, посредством корректировки квот в МВФ. Тем не менее, существует вероятность того, что западные государства, руководствуясь собственными интересами, сохранят за собой доминирующую роль в процессе принятия решений и формирования правил.

Существующее распределение ролей, при котором Китай выступает производителем наукоемкой продукции, а Россия – поставщиком сырьевых ресурсов, не является оптимальным для стран БРИКС. Также существует риск эскалации внутренних противоречий, включая возможность искусственного нагнетания напряженности. Параллельно БРИКС исследует альтернативный путь, предполагающий формирование собственных институциональных структур, таких как Новый Банк развития и Пул условных валютных резервов. Важным условием их успешности является не только финансовая состоятельность, но и способность к координации макроэкономической политики. Тем не менее, потенциальное доминирование БРИКС может породить больше проблем, чем решений[5].

Существует угроза разделения мира на блоки, причём западные страны могут обвинить страны БРИКС в несоблюдении «общепринятых универсальных правил», не учитывая их выгоду для развитых стран. Китай может пойти путём создания альтернативной группировки, например, на базе Всеобъемлющего регионального экономического партнерства или «Экономического пояса Шелкового пути». Это может привести к конфликтам и замедлению процесса развития.

Важно подчеркнуть, что БРИКС имеет значительные возможности для укрепления своих позиций в мировой экономике. По мере того как G20 всё активнее берёт на себя роль наиболее авторитетного и признанного объединения, способного справляться с глобальными вызовами (хотя это и не означает прямого перехода к трансрегиональному партнерству БРИКС), наблюдается постепенное смещение в сторону многополярной системы глобального управления.

Таким образом, можно с уверенностью сказать, что БРИКС обладает значительным стратегическим потенциалом для трансформации существующего миропорядка. В условиях нарастающих глобальных вызовов и переосмысления роли традиционных центров силы, БРИКС предлагает альтернативную модель развития и сотрудничества. Однако реализация этого потенциала не является предопределенной. Она потребует от стран-участниц не только консолидации усилий, но и готовности к компромиссам, а также способности адаптироваться к меняющейся геополитической реальности. Если БРИКС сможет эффективно использовать свои сильные стороны и преодолеть существующие препятствия, он действительно может стать одним из ключевых игроков в построении нового, более справедливого и устойчивого мироустройства.

Литература

1. Толорая Г. Д. БРИКС на пути к межцивилизационному союзу? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://nkibrics.ru/posts/show/59a01a636272694c4f290000.

2. Толорая Г. Д., Чуков Р.С. Рассчитывать ли на БРИКС? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2016. Т. 11. № 2. С. 104.

3. Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 35.

4. Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 46

5. Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 43.

6. Каратаев, С.В. Новый банк развития в международной системе координат / С.В. Каратаев// Проблемы национальной стратегии. –2017. –No 2 (41). –С.106–134.

THE STRATEGIC POTENTIAL OF BRICS IN SHAPING A NEW WORLD ORDER

Blonskiy A.I.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines the strategic potential and role of the BRICS association in transforming the global governance system. The economic and political prerequisites for the increasing influence of the member countries on the world stage, as well as the challenges related to internal coordination and external opposition, are analyzed. Alternative paths for the development of the international financial architecture and the reform of existing institutions proposed within BRICS are explored.

Keywords: BRICS, world order, global governance, multipolarity, international institutions, financial architecture, strategic potential.

References

1. Toloraya G. D. BRICS on the Path to an Intercivilizational Union? [Electronic resource]. Available at: http://nkibrics.ru/posts/show/59a01a636272694c4f290000.

2. Toloraya G. D., Chukov R.S. Should We Count on BRICS? // Bulletin of International Organizations: Education, Science, New Economy. 2016. Vol. 11. No. 2. P. 104.

3. Global Governance: Opportunities and Risks / eds. V.G. Baranovsky, N.I. Ivanova. Moscow: IMEMO RAS, 2015. P. 35.

4. Modernization and Democratization in the BRICS Countries: Comparative Analysis / eds. I.M. Busygina, I. Yu. Okunev. M.: Aspect Press, 2015. P. 46

5. Astakhov E. M. BRICS: Development Prospects // Bulletin of MGIMO University. 2016. No. 1 (46). P. 43.

6. Karataev, S.V. The New Development Bank in the International System of Coordinates / S.V. Karataev // Problems of National Strategy. –2017. –No. 2 (41). –Pp. 106–134.

[1] Глобальное управление: возможности и риски / отв. ред. В.Г. Барановский, Н.И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН, 2015. С. 35.

[2] Модернизация и демократизация в странах БРИКС: Сравнительный анализ / под ред. И.М. Бусыгиной, И.Ю. Окунева. М.: Аспект Пресс, 2015. С. 46

[3] Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 43.

[4] Астахов Е. М. БРИКС: перспективы развития // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 1 (46). С. 44.

[5] Каратаев, С.В. Новый банк развития в международной системе координат / С.В. Каратаев// Проблемы национальной стратегии. –2017. –No 2 (41). –С.106–134.

Доступность высшего образования для маргинализированных групп в Азии

Тханг Буннари,
аспирант, кафедра сравнительной политологии, Университет Дружбы народов (РУДН)
E-mail: 1042245314@pfur.ru

В центре внимания данного исследования – доступ к высшему образованию для маргинализированных групп в Азии, сравнение системных барьеров, политических мер и потенциальных решений. Путем сравнения региональных различий и оценки эффективности существующих мер по обеспечению равенства, исследование направлено на внесение вклада в обсуждение вопросов инклюзивного образования. Среди основных вопросов: Высшее образование – это послесреднее образование, предоставляемое университетами, колледжами и профессиональными учреждениями, которые присуждают академические степени, такие как бакалаврская, магистерская и докторская. Однако доступ к высшему образованию распределяется неравномерно, особенно для маргинализированных групп. В Азии к этим группам, как правило, относятся коренные народы, этнические меньшинства, сельские жители, женщины, беженцы и бедные слои населения. Несмотря на прогресс в расширении доступа к образованию, эти группы людей продолжают сталкиваться с системными препятствиями, ограничивающими их доступ к высшему образованию и увековечивающими циклы неравенства.

Ключевые слова: доступ к высшему образованию, маргинализированные группы, неравенство в образовании, инклюзивная образовательная политика, Азия

Importance of access to higher education

Higher education access is a central driver of social justice and economic development. It raises employment opportunities, drives innovation, and narrows the earning disparity between the rich and poor by providing individuals an opportunity to break intergenerational poverty **(Marginson, 2016).** For marginalized communities, higher education may serve as an empowering tool for transformation because it enables them to challenge discriminatory institutions and advocate for their rights. Besides, inclusive higher education systems contribute to national development by harnessing the talents of varied populations. Countries that invest in equitable access to education benefit from a more skilled workforce, better civic engagement, as well as social cohesion **[25].** Conversely, excluding marginalized groups from higher education deepens social divides and restricts economic growth, entrenching inequalities that militate against sustainable development. Globally, disparities in higher education access persist along socioeconomic, gender, and ethnic lines. While enrollment rates have risen in most regions, marginalized groups remain underrepresented, particularly in elite institutions **[27].** In low– and middle– income countries, budget constraints, weak pre-university education, and discriminatory policies also shut out disadvantaged groups. In Asia, the situation reflects both regional diversity and common challenges. Countries like Japan and South Korea have tertiary enrollment at high rates, yet ethnic minorities (e.g., Zainichi Koreans in Japan) and rural students still encounter barriers. In South Asia, caste– and gender-based disparities persist, with Dalits and women in India, Nepal, and Pakistan having significantly lower enrollment [7]**.** Countries in Southeast Asia such as Cambodia and Laos are facing urban-rural inequalities, while conflict-affected nations such as Afghanistan and Myanmar are facing additional disruptions to education systems. Even where nations have progressive policies, such as affirmative action in India or ethnic minority quotas in China, implementation gaps and cultural biases are likely to undermine inclusivity [16]**.** Furthermore, the expansion of privatized higher education has raised unaffordability, which disproportionately affects low-income students.

Historical background

Access to higher education in Asia has been affected historically by postcolonial legacies, socio-economic disparities, and postcolonial policy change. Historically disadvantaged groups like ethnic minorities, lower castes, indigenous populations, and women have been excluded systematically from accessing education. This part of the discussion considers the historical development of access to higher education in Asia, paying special attention to colonial and postcolonial policies, structural inequalities, and incremental changes. Pre-colonial Asian education was often reserved for privileged classes, with schools such as “madrasas”, monastic schools, and Confucian academies serving primarily the aristocracy and religious scholars [2]**.** Colonial rule exaggerated these disparities by creating education systems whose emphasis was on mystical elites being prepared for administration and where the masses were excluded (Ashby, 1966).

In British India, to take one instance, Calcutta (1857) and Bombay (1858) universities were established to produce an empire-loyal class of Western-educated individuals while lower castes and rural populations remained closed out **[18].** Similarly, in Dutch-ruled Indonesia, tertiary education was accessible to Europeans and a limited segment of the native elite [11]**.** These policies widened socio-economic cleavages such that excluded groups had limited access to higher education. Post-independence, a majority of Asian nations tried to democratize education, but pre– independence institutions still persisted. In India, affirmative action measures (reservations) were implemented to counteract caste exclusion, but they were implemented in a disorganized manner [6]**.** Meanwhile, in Malaysia, the New Economic Policy (1971) guaranteed to uplift the “Bumiputera” (Malay majority) by giving them quotas for higher education, although ethnic Chinese and Indian minorities resisted these policies **[15].**

China’s higher education system, reformed in accordance with Maoist policies, first encouraged mass education but eventually brought back elitism in the form of the “Gaokao” (National College Entrance Exam), which disadvantaged rural and ethnic minority pupils [22]**.** In the Philippines, U.S. colonial rule instituted a tiered system where elite private universities dominated public universities, making lower– income groups less accessible [10]**.**

The late 20th and early 21st centuries were characterized by gradual reforms for inclusivity. India's Right to Education Act (2009) and extended reservation policies boosted Scheduled Caste and Scheduled Tribe enrollment [24]. In Bangladesh, NGO– initiated programs and gender-specific policies enhanced female enrollment in higher education (Ahmad, 2017). Yet, inequalities remain. In Cambodia, indigenous groups are underrepresented through language and geographical remoteness [31]. Likewise, in Pakistan, gender and rural/urban disparities still impede equal access [12]. Privatization and globalization have further made accessibility more complex, with increased tuition costs pricing low-income students out [17]. The course of access to higher education in Asia is parallel to embedded inequalities endorsed by colonial and postcolonial policy. While affirmative action and policy reform have improved, structural obstacles persist. Future research must explore intersectional barriers and new policy options for developing equal access to all marginalized groups.

Marginalized groups: ethnic, racial and gender minorities

Marginalized groups are groups that are systemically excluded, discriminated against, and have limited access to resources due to social, economic, political, or cultural barriers. Marginalized groups often face intersecting patterns of oppression that reaffirm their marginalization. Some of the most critical marginalized groups are ethnic/racial minorities, gender and sexual minorities, people with disabilities, poor communities, and refugees and internally displaced persons (IDPs). Understanding their problems is vital in creating inclusive policies and interventions.

Ethnic and racial minorities experience discrimination, unequal opportunity, and structural racism within education, employment, healthcare, and criminal justice. Racial profiling, unequal opportunities for quality services, perpetuates their marginalization [19]. Black, Indigenous, and Latino groups in the U.S. undergo higher rates of poverty, police violence, and health disparities [5]. Similar, the European Roma and South Asian Dalits endure systematic social exclusion **[8].** The new world-wide demonstrations such as Black Lives Matter confirm the ongoing fight against racial subjugation.

There are about 1.3 billion people living with disabilities worldwide (WHO, 2023), yet they are subjected to imminent challenges in education, the labor market, and public spaces. Disability favoritism in the form of ableism hinders their participation in society. Many are jobless due to inaccessible workplaces and employer prejudices **[13].** In addition, disabled people from developing countries typically lack access to assistive devices and healthcare [29]. The COVID-19 pandemic also laid bare inequalities, as individuals with disabilities were largely shut out of emergency healthcare and social assistance **[26].**

Poor communities–frequently packed into urban slums or rural poverty–live in food insecurity, poor housing, and scarce education and employment opportunities [33]. Economic inequality has been exacerbated by inflation, climate disasters, and the pandemic aftermath [21]. Racial wealth gaps still prevail in the United States with Black and Hispanic households possessing significantly lower median wealth levels than white households (Federal Reserve, 2023). All over the globe, informal workers (street vendors, domestic workers) lack social protection and are economically vulnerable **[14].**

Forced displacement due to conflict, climate catastrophe, and persecution has recorded the highest with over 110 million displaced persons worldwide [28]. Refugees and IDPs often live-in fragile circumstances with restricted access to healthcare, education, and legally permitted employment. Anti-migrant policies in the host country further isolate them **[3].** Displacement camp women and children are at greatest risk for gender-based violence and human trafficking [30]. The Ukraine conflict, combined with Sudan, Syria, and Myanmar crises, has fueled increased worldwide displacement, opening up loopholes in humanitarian action.

Case-studies in educational access for marginalized groups

India's reservation policy in the Constitution mandates quotas for the Scheduled Castes (SCs) and Scheduled Tribes (STs) for government service and higher education. While this has increased admissions–from 2% in 1950 to around 20% today–it goes hand in hand with formidable problems. SC/ST students in elite institutions like the IITs and IIMs are subjects of social discrimination, leading to a high dropout rate. Critics further argue that the policy's advantages disproportionately accrue and benefit better-off Dalits (the "creamy layer") above all else. To be successful in the long run, India must complement quotas with scholarships to support education and more aggressive enforcement of anti-discrimination policies on campuses.

U.S. affirmative action policy has historically aimed to address racial disparities in higher education to lead to increasing African-American and Hispanic enrollment at elite universities.

But in recent Supreme Court rulings, such as Students for Fair Admissions v. Harvard (2023), race-conscious admissions have been restricted. Historically Black Colleges and Universities (HBCUs) continue to be vital, sending a disproportionate number of Black STEM graduates in the face of ongoing underfunding. Continuing disparities in K-12 education, particularly between under-funded urban and rural school districts, also limit college readiness for minority children.

In the future, holistic admissions policies based on socioeconomic status as well as race could compensate for the impacts of bans on affirmative action. South Africa: Post-Apartheid Education Reforms. Since the abolition of apartheid in 1994, South Africa has sought radical reforms to address racial imbalances in education. The state launched free higher education in 2018 for indigent students, significantly increasing Black enrollments-49% in 1995 to 75% in 2023. Graduation rates among Black students (55%) remain low compared to whites (75%), an indicator of systemic academic underpreparedness. Universities have responded with redress strategies, such as bridging courses, but something more needs to be done in early education and mentorship in order to narrow the achievement gap. Europe: Roma Community and Education Integration

Europe's biggest ethnic minority, the Roma, suffer from severe exclusion from education, with fewer than 30% completing secondary education.

The EU Framework for Roma Integration (2011) has spurred initiatives like Hungary's free schoolbook programs and Spain's teacher assistants for Roma teachers, which have improved attendance at primary schools. Segregation persists, with 60% of Hungary's children being Roma who are educated in segregated schools.

Implicit bias on the part of teachers also means Roma children are disproportionately placed in special education. Effective solutions require not just resources but inclusive curricula, teacher training, and stronger enforcement of anti-segregation laws. Conclusion These case studies indicate that while policies like free tuition, affirmative action, and quotas do improve access for marginalized groups, they are rarely the solution in themselves. Only through supporting complementary actions–like early intervention programs, anti-discrimination enforcement, and academic support–are sustainable advances made in reducing learning gaps and achieving equal outcomes. Policymakers can make more effective policy interventions for reducing learning gaps by learning lessons from these global examples. Success Stories and Best Practices: Holistic Support Programs While policies like quotas and scholarships allow marginalized students to gain access to education, support programs in all aspects have come to be seen as essential for long-term success. Guidance and support for these students not only from admission all the way through to academic, financial, social, and emotional support dramatically improves retention and graduation rates. Below are outstanding examples of effective programs and best practices from around the world.

Education is a fundamental human right and social mobility driver, but system-entrenched barriers still exclude marginalized groups from quality learning. In this report, we have discussed the problems that face ethnic/racial minorities, gender and sexual minorities, persons with disabilities, poor people, and refugees and the structural hindrances that prevent their inclusion. On the basis of case studies and success stories, we have also observed effective policies and integrated support programs to bridge these gaps. In order to construct genuinely inclusive education systems, governments, institutions, and global agencies must enact holistic, intersectional, and sustainable approaches. Below, we emphasize key findings and pragmatic recommendations to guide policymakers, educators, and advocates in dismantling obstacles and supporting equitable access to education.

The cost of inaction is far greater than the cost of investment. Denied education, disenfranchised youth are doomed to poverty, unemployment, and social isolation– shameful social costs which the country will eventually pay. With these recommendations on board, we can build education systems that are not only accessible but truly equitable.

As Nelson Mandela used to jokingly say, "Education is the most powerful weapon which you can use to change the world." Having such a tool within reach for all–regardless of caste, race, gender, or class–is the defining challenge of our age.

Литература

1. Ahmad, S. (2017). Gender and Higher Education in Bangladesh: Barriers and Breakthroughs. Dhaka University Press.
2. Altbach, P. G. (1989). The Imperial Roots of Higher Education. Comparative Education Review, 33(1), 1–15.
3. Amnesty International. (2023). Global Report on Refugee Rights.
4. Ashby, E. (1966). Universities: British, Indian, African. Harvard University Press.
5. CDC. (2023). Health Disparities by Race and Ethnicity. Centers for Disease Control and Prevention.
6. Desai, S., & Kulkarni, V. (2008). Changing Educational Inequalities in India. Demography, 45(2), 245–270.

7. Deshpande, A., & Zacharias, A. (2013). Affirmative Action in India: Challenges and Prospects. Oxford University Press.
8. European Union Agency for Fundamental Rights. (2022). Roma Discrimination Survey.
9. Federal Reserve. (2023). Survey of Consumer Finances.
10. Gonzalez, A. (2011). Higher Education and Social Stratification in the Philippines.
11. Govaars-Tjia, M. (2005). Dutch Colonial Education in Indonesia. KITLV Press.
12. Halai, A. (2019). Gender and Rural Inequality in Pakistan's Education System.
13. ILO. (2022). Disability Employment Gaps. International Labour Organization.
14. ILO. (2023). Global Wage Report and Informal Employment. International Labour Organization.
15. Lee, H. (2012). Affirmative Action and Ethnic Relations in Malaysia.
16. Li, W. (2017). Education Inequality in China: Structural Barriers and Policy Responses. Springer.
17. Marginson, S. (2016). Higher Education and Inequality in Asia. Routledge.
18. Naik, J. P. (1982). Education Commission and After. New Delhi.
19. OECD. (2021). Systemic Racism and Economic Exclusion. OECD Publishing.
20. Ogunleye, A. (2022). Barriers to Higher Education Access for Ethnic Minorities in East Asia.
21. Oxfam. (2023). Global Inequality Report.
22. Postiglione, G. (2015). Education and Social Change in China: Inequality in a Market Economy. M.E. Sharpe.
23. Students for Fair Admissions v. Harvard. (2023). U.S. Supreme Court Decision.
24. Thorat, S., & Neuman, K. S. (2012). Blocked by Caste: Economic Discrimination in Modern India. Oxford University Press.
25. Tilak, J. B. G. (2018). Education and Development in India. Palgrave Macmillan.
26. UN. (2022). COVID-19 and Social Protection Gaps. United Nations.
27. UNESCO. (2021). Right to Higher Education: A Global Perspective. UNESCO.
28. UNHCR. (2023). Global Trends in Forced Displacement.
29. UNICEF. (2023). Disability and Access to Assistive Technologies.
30. UN Women. (2023). Gender-Based Violence in Humanitarian Settings.
31. Un, L., & Sok, S. (2018). Indigenous Education Access in Cambodia.
32. WHO. (2023). Global Report on Disability Inclusion. World Health Organization.
33. World Bank. (2023). Poverty and Remote Education Challenges.

THE ACCESSIBILITY TO HIGHER EDUCATION OF MARGINALIZED GROUPS IN ASIA

Thang Bunnary
People's Friendship University

The focus of this research is on higher education access among marginalized groups in Asia, a comparison of systemic barriers, policy reactions, and potential solutions. By comparing regional differences and evaluating the efficiency of equity measures in place, the research aims to contribute to evidence for policy debates on inclusive education. Among some of the main questions are: Higher education refers to post-secondary education offered by universities, colleges, and professional institutions that grant academic degrees such as bachelor's, master's, and doctoral degrees. Access to higher education is, nevertheless, unevenly allocated, particularly to marginalized groups. These groups in Asia generally include indigenous people, ethnic minorities, rural residents, women, refugees, and the poor. Despite progress in the enlargement of education, these groups of people continue to face systemic obstacles that limit their access to higher education, perpetuating cycles of disparity.

Keywords: higher education access, marginalized groups, educational inequality, inclusive education policies, Asia

References

1. Ahmad, S. (2017). Gender and Higher Education in Bangladesh: Barriers and Breakthroughs. Dhaka University Press.
2. Altbach, P. G. (1989). The Imperial Roots of Higher Education. Comparative Education Review, 33(1), 1–15.
3. Amnesty International. (2023). Global Report on Refugee Rights.
4. Ashby, E. (1966). Universities: British, Indian, African. Harvard University Press.
5. CDC. (2023). Health Disparities by Race and Ethnicity. Centers for Disease Control and Prevention.
6. Desai, S., & Kulkarni, V. (2008). Changing Educational Inequalities in India. Demography, 45(2), 245–270.
7. Deshpande, A., & Zacharias, A. (2013). Affirmative Action in India: Challenges and Prospects. Oxford University Press.
8. European Union Agency for Fundamental Rights. (2022). Roma Discrimination Survey.
9. Federal Reserve. (2023). Survey of Consumer Finances.
10. Gonzalez, A. (2011). Higher Education and Social Stratification in the Philippines.
11. Govaars-Tjia, M. (2005). Dutch Colonial Education in Indonesia. KITLV Press.
12. Halai, A. (2019). Gender and Rural Inequality in Pakistan's Education System.
13. ILO. (2022). Disability Employment Gaps. International Labour Organization.
14. ILO. (2023). Global Wage Report and Informal Employment. International Labour Organization.
15. Lee, H. (2012). Affirmative Action and Ethnic Relations in Malaysia.
16. Li, W. (2017). Education Inequality in China: Structural Barriers and Policy Responses. Springer.
17. Marginson, S. (2016). Higher Education and Inequality in Asia. Routledge.
18. Naik, J. P. (1982). Education Commission and After. New Delhi.
19. OECD. (2021). Systemic Racism and Economic Exclusion. OECD Publishing.
20. Ogunleye, A. (2022). Barriers to Higher Education Access for Ethnic Minorities in East Asia.
21. Oxfam. (2023). Global Inequality Report.
22. Postiglione, G. (2015). Education and Social Change in China: Inequality in a Market Economy. M.E. Sharpe.
23. Students for Fair Admissions v. Harvard. (2023). U.S. Supreme Court Decision.
24. Thorat, S., & Neuman, K. S. (2012). Blocked by Caste: Economic Discrimination in Modern India. Oxford University Press.
25. Tilak, J. B. G. (2018). Education and Development in India. Palgrave Macmillan.
26. UN. (2022). COVID-19 and Social Protection Gaps. United Nations.
27. UNESCO. (2021). Right to Higher Education: A Global Perspective. UNESCO.
28. UNHCR. (2023). Global Trends in Forced Displacement.
29. UNICEF. (2023). Disability and Access to Assistive Technologies.
30. UN Women. (2023). Gender-Based Violence in Humanitarian Settings.
31. Un, L., & Sok, S. (2018). Indigenous Education Access in Cambodia.
32. WHO. (2023). Global Report on Disability Inclusion. World Health Organization.
33. World Bank. (2023). Poverty and Remote Education Challenges.

Синтез искусств в европейской архитектуре: закономерности проявления феномена

Ван Фан,
соискатель, РГХПУ им. С.Г. Строганова
E-mail: wangfang900531@gmail.com

Статья Ван Фан «Синтез искусств в европейской архитектуре: закономерности проявления феномена» посвящена выявлению закономерностей существования феномена в европейском искусстве до начала XX века. Автор выдвигает гипотезу о том, что синтез искусств в архитектуре традиционного общества Европы существовал постоянно, а в посттрадиционном обществе приобрел «мерцающий» характер, связанный с протестом против диктата рационализма. В качестве таких эпох радикального противостояния анализируются барокко и романтизм с исторически первой теорией синтеза искусств Р. Вагнера.

Ключевые слова: барокко, романтизм, синтез искусств, архитектура, традиционное общество, посттрадиционное общество.

Изучая историю искусств Европы, легко заметить, что архитектурно-художественные ансамбли с богатым скульптурным убранством и предметами декоративно-прикладного искусства в изобилии и постоянно встречаются в традиционных обществах, однако начиная ориентировочно с периода Нового времени ситуация меняется. Феномен синтеза искусств постепенно приобретает спорадический характер, интерес к таким архитектурным комплексам возникает в особые эпохи. Рассмотрим эти процессы с тем, чтобы попытаться выяснить их закономерности.

В XVII веке в искусстве Европы возник стиль барокко, который отличался новизной, роскошью и нарушал все нормы предшествующих художественных стилей и противостоял параллельно с ним существующему классицизму[1]. Барокко охватило все сферы искусства, включая архитектуру, скульптуру, литературу и музыку, явив новый опыт в области синтеза архитектуры и скульптуры. Одним из самых выдающихся представителей стиля был итальянский скульптор и архитектор Джованни Лоренцо Бернини (1598–1680), и на протяжении столетия его работы оказывали огромное влияние на искусство других мастеров. Бернини спроектировал и построил знаменитую площадь собора Св. Петра в Риме. Также он создал многочисленные скульптуры и памятники, декор, которые находятся на площадях и в церквях Рима. Бернини был не только талантливым архитектором и скульптором, но и мастером синтеза этих двух искусств.

В архитектуре барокко известны также имена Ф. Борромини в Италии, Б.Ф. Растрелли в России и др. Среди самых крупных и знаменитых ансамблей барокко в мире – Версаль (Франция), Петергоф и Царское Село (Россия). Для такой архитектуры характерны масштабность, текучесть сложных, часто криволинейных форм, многоярусные купола, колоннады, богатая скульптура на фасадах и в интерьерах. Характерные детали в архитектурной скульптуре – атланты, кариатиды, маскароны. Скульптуры в стиле барокко и рококо редко бывают отдельными произведениями и часто существуют в контексте окружающей архитектуры. Архитектура барокко также служит средством, которое размывает границы между различными видами и жанрами искусства. Например, архитектура, скульптура и живопись могут сочетаться на куполе здания.

Некоторые критики утверждают, что для архитекторов барокко здание является своего рода большой скульптурой. Это вполне логично, учитывая широкое использование скульптурного декора, статуй и «волнующихся» форм (раскреповки). Везде можно найти скульптурные элементы в виде геральдических эмблем, свитков, трофеев и памятников.

Распространение стиля барокко в Испании и Португалии привело к формированию специфического художественного направления, известного как платереско[2]. Характерной особенностью платереско является искусная обработка поверхностей зданий: фасады покрываются вырезанными орнаментами, а скульптурный декор отличается чрезмерным богатством.

Несмотря на то что в свое время барокко подвергалось критике за вычурность, вульгарность, эксцентричность и чрезмерность, сегодня общепризнан значительный вклад художников этого периода в развитие искусства – и вклад уникальный. Творчество таких мастеров барокко, как Бернини, демонстрирует высокохудожественное исполнение и оказало существенное влияние на художественное развитие. Более того, барокко сегодня видится не только художественным стилем, но особым мироощущением своей эпохи. Известный российский историк культуры указывает, что «в самых разных духовных проявлениях эпохи европейского барокко, между, примерно, началом XVII и серединой XVIII веков, отчетливо сквозит один и тот же образ. Лейб-

[1] Существует также широкое понимание барокко как константы человеческой культуры или пика развития (либо завершения) всякого стилевого направления, однако диссертантка рассматривает барокко поначалу прежде всего в терминах истории искусства как стиль XVII–XVIII веков.

[2] Правда, платереско относится к архитектурному и декоративному стилю в Испании первой трети XVI века и, как считают многие специалисты, не может быть отнесен к разновидности барокко. Он сочетает в себе черты готической архитектуры и архитектуры эпохи Возрождения. Архитектура и декор данного стиля часто очень изысканны и напоминают не резьбу по камню, а тонкое столовое серебро.

ниц обозначил его словами “неукротимая корпускула”. Универсальный образ действительности как некоего пространства, где живут, сталкиваются и взаимодействуют заряженные энергией дискретные единицы бытия, в конечном счете имеющие прийти в состояние относительного равновесия-катарсиса, узнается в атомизме Декарта, в монадологии Лейбница, в естественном праве Спинозы, в столь характерных для этого времени трактатах о мире от Гуго Гроция до Декарта, в политической и дипломатической практике. …Тот же образ сказывается даже в классицистической трагедии, даже в пользовавшемся в эти годы массовым успехом “Робинзоне Крузо” – романе об изолированном человеке-атоме, своей энергией создающем вокруг себя свой мир. Можно ли избежать вывода, что образ “неукротимой корпускулы” составляет для эпохи барокко свою, особую, адекватную мироощущению и мировидению этого времени внутреннюю форму культуры?»[1].

Целесообразно обратить внимание на чрезвычайную смелость и новизну поисков барокко в направлении синтеза искусств. XVII век в Европе – это время Великих географических открытий, путешествий, радикального переворота в сознании людей. Вызревают буржуазные экономические отношения, развивается городская культура, светский образ жизни и нормы поведения, труда, организации досуга ослабляют влияние церковной общины. Бурное развитие науки приводит к тому, что не пророки, а ученые берут на себя миссию толкования того, как устроены человек, природа, общество, мир в целом. Традиционный уклад жизни и представления о мире колеблются и рушатся: Земля оказывается круглой, а не плоской, да к тому же еще и вращающейся вокруг Солнца, Левенгук открывает одноклеточные организмы, Ньютон математически исчисляет законы вселенной, распространяется печатная книга, а человеческим чувствам, как оказалось, нельзя доверять. Наступает эпоха господства рационализма. Превыше всего ставятся не заветы предков, а новизна, эксперимент, сочетание несочетаемого, удивительное, поражающее воображение. Простота и естественность теперь в образованном обществе считаются признаком варварства, как и искренность. В результате таких событий и тенденций в обществе, как это и бывает в периоды радикальных переломов, нарастают, с одной стороны, настроения неуверенности, эфемерности и неустойчивости мира, страха, сопутствующие колебаниям основ, и поиски связности, воссоединения, цельности[2], с другой – ощущения безграничных возможностей человека, хозяина природы и своей судьбы, свободной личности, призванной переделать мир. Напряженность, динамичность, чувственность образов, переплетение иллюзии и реальности (виртуализация, как сказали бы сегодня), монументальность и масштабность сооружений при тщательной отделке деталей, синтез жанров и видов искусства и параллельно тенденция к жанровой автономности, регулярный стиль в садово-парковом искусстве (вместе с повсеместным введением армейской униформы и муштры в войсках) – это черты барочного стиля. Возможно, именно в такие переломные эпохи в художественной культуре актуализируются тенденции к синтезу искусств, а также вообще к сложности, аллюзиям, иносказанию, метафоре. Обратим на это специальное внимание при обзоре материала истории искусств, когда будут опять встречаться особенно частые и глубокие случаи такого рода. И тут не приходится долго ждать: романтизм в искусстве, зародившись уже в конце XVIII – начале XIX века, бунтуя против классицизма и Просвещения с их культом рационализма, становится новым стилем и мироощущением в Европе и США, который породил не только свежие формы синтеза искусств и жанров, но и само теоретическое обоснование такового.

Романтическое искусство XIX века характеризовалось акцентом на чувствах и воображении, дискриминированных в рационалистическую эпоху уже зрелого капитализма и индустриального общества, сильным интересом к природе, «дикарю» (экзотике) и вообще всему «естественному», а также к истории, фольклору, мифу, простому человеку, в идеологии романтизма высоко оценивался народ как источник национальной культуры (иногда дело доходило до националистических утверждений). В центре произведений романтизма – одинокий герой, сильная и сложная личность, бунтующая против несправедливости и филистерства. Романтизм получил широкое распространение в философии (братья Шлегели, Новалис, Гёльдерлин, Шлейермахер), литературе (братья Гримм, Гофман, Гейне, Байрон, Шатобриан, Ж. Сталь, Ламартин, В. Гюго, Альфред де Виньи, П. Мериме, Ж. Санд, А. Дюма, А. Мицкевич, Ф. Купер, Э. По, Г. Лонгфелло, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и др.), живописи (Ф. Гойя, Т. Жерико, Э. Делакруа, К. Брюллов, Уильям Тёрнер, К.Ф. Лессинг и др.).

Одним из самых известных представителей романтической скульптуры был французский скульптор Франсуа Рюд (1784–1855). Ф. Рюд знаменит своими впечатляющими работами, которые часто отражали политические и социальные события его времени. Одним из его самых известных шедевров является декоративный рельеф «Выступление добровольцев» (1836), созданный для Триумфальной арки в Париже. Также известный как «Марсельеза», этот рельеф изображает добровольцев 1792 года, которые сражались за Республику под руководством Богини Победы.

Есть основания констатировать, что пространство в мировосприятии XIX столетия уже ощущалось не как пустота, а как энергия[3].

Исследование теоретической проблематики синтеза искусств зародилось в романтической эстетике Германии периода XVIII–XIX веков. Именно в это время искусство впервые перестало рассматриваться как вторичное по отношению к религии или морали. Напротив, оно воспринимается теперь как высшая форма культуры, наиболее полно выражающая идею целостности бытия. В таком контексте художественный синтез стал эстетическим воплощением этой идеи и средством объединения различных культурных языков.

Концепция синтеза искусств – это теоретическое и практическое направление в искусстве и эстетике, которое объединяет различные виды искусства в единое целое. Язык искусства представляется объединяющим элементом общего художественного образа мышления. Представлялось, что природа являет собой единство звука, формы и цвета, а звук соответствует цвету, музыка имеет соответствия в живописи. Романтики считали синтез слиянием двух или более видов искусства в совершенно новую форму. Ф. Шеллинг утверждал, что синтез искусств – это «искусство всех искусств», самое совершенное из всех искусств с художественной точки зрения. В мире эстетики известны концепции Ф. Шеллинга, Р. Вагнера и А. Скрябина, которые подчеркивают, что синтез искусств открывает новые возможности для художественного творчества, предоставляет дополнительные средства для освоения мира и создания уникальных художественных произведений.

Ф. Шеллинг (1775–1854) в работе «Система трансцендентального идеализма» рассматривает искусство как высшую форму постижения реального мира[4]. Бог творит мир, а художник – произведения искусства, в которых снимается (в гегелевском смысле) противоположность природы и свободы, сознательного и бессознательного, конечного и бесконечного, и в эстетической деятельности как высшем синтезе, по Шеллингу, человек учится ходить путями Бога, причем искусство движется от доминирования пластики как материального начала (Античность) к живописности, сочетанию красок и света, как более духовному основанию.

Впервые общую и всесторонне разработанную теорию синтеза искусств, получившую мировое признание, выдвинул Р. Вагнер (1813–1883). Именно он ввел термин «синтез искусств» в массовое словоупотребление и стремился создать такое произведение искусства, в котором музыка, поэзия и драма были бы равноправными частями единого целого. По мнению Р. Вагнера, произведение искусства будущего – это совершенное творение, в котором музыка, литература и театр гармонично сочетаются. Его создание возможно «только после того, как будет сломлено эгоистическое упорство всех трех искусств, и они любовно сольются друг с другом; только после того, как каждое будет любить себя лишь в другом; только после того, как они перестанут существовать как изолированные искусства»[5]. Согласно теории Р. Вагнера, «наталкиваясь на собственные границы, каждый из этих видов искусства не чувствует себя свободным до тех пор, пока он не протянет через границу руку другому виду искусства – с безусловным признанием и любовью»[6].

Рассмотрим подробнее обоснование этих идей немецким композитором и реформатором оперы в статьях «Искусство и революция» (1849) и «Произведение искусства будущего» (1850). Хотя Р. Вагнер в своей теории развивал прежде всего и главным образом концепцию синтеза искусств применительно к музыкальной драме, сама теория послужила мощным стимулом к идейно обоснованному синтезу искусств и жанров в самых разных областях культуры, в том числе и в архитектурно-скульптурных ансамблях.

[1] Кнабе Г.С. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. – 2007. – № 2. – С. 143–160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://voplit.ru/article/eti-pyatdesyat-let/ (дата обращения: 20.12.2025).

[2] Как сказано у Шекспира: «Порвалась дней связующая нить. Как мне обрывки их соединить!» (В. Шекспир. Гамлет / Пер. Бориса Пастернака).

[3] Кнабе Г.С. Эти пятьдесят лет. Цит. изд.

[4] Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2013. – С. 61.

[5] Вагнер Рихард. Избранные работы / сост. и коммент. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова. Вступит. ст. А.Ф. Лосева; пер. с нем. – М.: Искусство, 1978. С. 214.

[6] Там же. С. 167.

Статья «Искусство и революция» открывается констатацией чувства отчаяния, в которое впали деятели искусства, оставшись в результате социальных потрясений без куска хлеба. Вагнер предлагает исследовать, в чем состоит призвание искусства, и тогда уже, при всем сочувствии к нуждающимся художникам, так или иначе отнестись к наступившим тяжелым временам.

Древнегреческая трагедия помогала зрителям, если говорить сегодняшним языком, обретать свою идентичность, выражая коллективный дух народа при самой открытой чувственности (включенности, иммерсивности аудитории), указывает Вагнер. Но христианство, полагает он, отвергло жизнерадостную чувственность греков, лишив людей активного начала, а мир – радости. Современное искусство сводится к развлечению, утратив свою общественную функцию интегрировать людей в их идентичности. Революция показала, что для государства поддержка театров имеет целью лишь отвлечение публики от острых социальных переживаний.

Греческая трагедия распалась на отдельные виды искусства, в эпоху Возрождения все его элементы уже существуют изолированно: «Вместе с последовавшим упадком трагедии искусство все больше теряло свой характер выразителя общественного сознания; драма распадалась на свои составные части: риторика, скульптура, живопись, музыка и т.д. покинули замкнутый круг, в котором они все действовали в унисон, и каждая из них пошла с тех пор своей дорогой, продолжая свое самостоятельное, но одинокое и эгоистическое развитие. Таким образом, случилось то, что в эпоху Ренессанса мы встретили сперва эти изолированные греческие искусства такими, как они образовались на развалинах трагедии: великий синтез искусства греков не мог с первого раза в своем ансамбле предстать пред нашим духовным взором, разбрасывающимся и неуверенным в самом себе, ибо каким образом мы в состоянии были бы постигнуть такой синтез в единстве? Но изолированными художественными ремеслами – ибо именно до уровня благородных ремесел спустилось искусство еще во время греко-римской эпохи – мы овладеть сумели, они не были так чужды нашему духу и нашей сущности. Дух корпорации и ремесла нового бюргерства был в полном расцвете в городах; принцам и дворянам нравилось строить и разукрашивать свои замки более изящно, декорировать свои залы очаровательными картинами с гораздо большей привлекательностью, чем это в состоянии было сделать грубое средневековое искусство; попы завладели риторикой для своих проповедей, музыкой для церковных хоров; новая эпоха ремесла с увлечением приспособила себе различные искусства греков в той степени, в какой они были ему доступны и годны для его целей»[1]. Современное состояние разделенного на виды искусства, по Вагнеру, недостойно великой задачи, будучи приравнено к развлечению и украшательству. Подлинное искусство должно быть не возрождено, а рождено заново, у него, убежден Вагнер, другая миссия. «Если произведение искусства греков воплощало собой дух великой нации, то произведение искусства будущего должно заключать в себе дух всего свободного человечества вне всяких национальных границ: национальный характер может быть для него лишь украшением, привлекательной чертой, индивидуальным преломлением общего, но не препятствием. Перед нами совсем другая задача, далеко выходящая за пределы эллинской культуры и ее реставрации…»[2] Потому если греки были консерваторами, то нынешний художник, уверен Вагнер, должен быть революционером, для которого человек – не средство, а цель, он важен сам по себе как человеческая личность. Критерий истинности цели – природа: цель социального движения должна быть реализуема в пределах человеческой природы, т.е. быть посюсторонней, а не загробной, и коллективной. Театр должен стать бесплатным для зрителей и не быть промышленным (коммерческим) предприятием для извлечения прибыли.

Анализа текста статьи свидетельствует об уважении к античной традиции трагедии, ее идеализации как утраченного образца. При этом главной ее функцией Вагнер видел выражение народного духа и единение людей на этой основе, а задачей будущего синтеза искусств – единение всего человечества в мире.

В статье «Произведение искусства будущего» Р. Вагнер подробно развивает идеи синтеза искусств в музыкальном драме, при котором подлинная живопись или настоящая скульптура рождаются посредством «снятия» в драме. Образцом для композитора выступает синтез искусств в древнегреческой трагедии. С ее упадком искусства выделились с отдельные виды и, согласно Вагнеру, также деградируют, хотя он признает выдающиеся дарования отдельных композиторов Нового времени.

Человек, полагает Вагнер, органично происходит из развития природы (человеческая жизнь – «образ и подобие природы»[3], и тут явственно видны и базовая для европейской культуры античная категория мимесиса, и одно из основных положений романтизма – о природе как источнике жизни и о жизни как высшей ценности). А искусство является столь же органичным следствием развития человека. Однако человек ищет свою причину не в природе, образом и подобием которой является, а в сверхъестественном, и это заблуждение, которое разоблачает Л. Фейербах – именно ему, к посвящена анализируемая статья. Искусство должно быть отражением действительной жизни человека. «Истинный человек не появится, если его жизнью будут управлять произвольные законы государства, а не сама человеческая природа; истинного же искусства не будет, если она будет подчиняться деспотическим капризам моды, а не законам природы. Подобно тому как человек становится свободным, лишь осознав свою связь с природой, так и искусство становится свободным, лишь перестав стыдиться своей связи с жизнью. Лишь в радостном осознании своей связи с природой человек преодолевает свою зависимость от нее; искусство же преодолевает свою зависимость от жизни лишь во взаимосвязи с жизнью подлинно свободных людей»[4]. При этом «жизнь… – сама себе цель, сама довлеет себе»[5].

Но после того, как поколебалась вера в сверхъестественное, наука стала претендовать на замену жизни. «Если бы сознательная произвольная мысль действительно полностью господствовала над жизнью и смогла бы овладеть жизненной силой, использовав ее в иных целях, чем то диктуется необходимыми потребностями, это бы означало отрицание жизни и ее растворение в науке. И действительно, в своей непомерной гордыне наука мечтала о подобном триумфе, и наше нынешнее государство, наше современное искусство – бесполые и бесплодные порождения этих мечтаний»[6]. Отметим эту мысль, она представляется принципиально важной: рационализм эпохи Нового времени, распространившись на все области жизни и превратившись в плоскую «головную духовность», в «абстрактный дух», девальвировала не только чувственную сферу человека, но его плоть, тело, саму живую жизнь.

Для романтической позиции Вагнера характерно народопочитание демократического толка; искусство, с его точки зрения, должно выражать коллективные нужды народа. Но современные капиталистические порядки – засилье машины, в том числе в виде моды, вообще механистичности, повторяемости, утрата уникального, развитие тиражированного – подчинили себе человека и его разум. Каждый вид искусства имеет свои границы, он «эгоистичен»; только взаимопроникая друг в друга на основании любви, они становятся свободными и собственно искусством, только тут выявляется их полная сущность по аналогии с диалогической сущностью человека в философии Фейербаха – человек становится самим собой только в сообществе других людей, объединенных в целостность[7]: «Чтобы полностью стать самим собой, отдельный человек совсем не должен быть тем, чем он не является; чем он не является, как раз и является другой; но только в сообществе с отличным от него, в полном слиянии с сообществом других он может полностью быть тем, чем он является, чем он должен быть и чем он благоразумно хочет быть»[8]. В разделении искусств Вагнер не видит никакого прогресса – только упадок.

Архитектура эпохи расцвета древнегреческой трагедии, в которой явлено подражание природе и интегрирующая родовая память народа, происходит, согласно представлениям Вагнера, от священной рощи. Тут же немецкий мыслитель высказывает характерные для того времени европоцентристские идеи о грубости и неразвитости египетской и азиатской культур вследствие отсутствия в них, в отличие от греков, антропоцентризма[9] и признания высшей властью власти диктатора – в результате чего возводились роскошные дворцы, похожие на города. В Римской империи и в более поздние эпохи происходит, по Вагнеру, упадок всех отдифференцировавшихся искусств и в том числе архитектуры общественных зданий, в их основу закладывается идеология голой пользы, просто функциональности – и тут уже художественные шедевры оказываются невостребованными.

Таким образом, расцвет искусства связывается с вечным идеалом – синтезом искусств в древнегреческой трагедии, включая свой-

[1] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 128.

[2] Там же. С. 129.

[3] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 144.

[4] Там же. С. 145.

[5] Там же. С. 146.

[6] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 147.

[7] Маркс развивает эту мысль Фейербаха следующим образом: «Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Пётр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 62).

[8] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 167.

[9] С точки зрения современной культурологии, античную культуру, скорее, следует называть космоцентрической, поскольку о человеке как личности в современном смысле слова в те времена вряд ли можно говорить.

ственную ей архитектуру, музыку, скульптуру, поэзию, живопись и др. Дальнейшая история искусства видится композитору деградацией (с чем сегодня не согласится ни один историк искусства). Из этого следует вывод Вагнера о необходимости родить идеал заново.

Об истории скульптуры в Египте и Азии теоретик синтеза искусств пишет, что в изображении господствующих сил природы ваятели перешли к антропоморфным изображениям, но очень искаженным по пропорциям и другим характеристикам, согласно требованиям символизма, не стремясь представить настоящего человека. Греческая скульптура человека прекрасна, потому что был прекрасен реальный человек, убежден Вагнер, далее ваяние только подражало греческим образцам, поскольку в реальном мире такого человека уже не было. И теперь правдиво подражают безобразному, из чего ваяние стремится вырваться. Но «в действительно реальной прекрасной жизни исчезнут условия для необходимого существования ваяния»[1]. Исчезнет ли сама скульптура? Нет. «Когда человек поклоняется в жизни прекрасному, когда прекрасным становится его собственное тело и он радуется своей красоте, то предметом и художественным материалом воссоздания этой красоты и источником доставляемой ею радости становится сам совершенный живой человек; произведением его искусства сказывается драма – камень оживает, превращаясь в теплую человеческую плоть, неподвижность разрешается движением, застывшее напоминание оборачивается реальным присутствием. Лишь вселившись в душу танцора, поющего и говорящего актера – мима, – пишет Вагнер, – творческий порыв скульптора находит действительное разрешение. Лишь тогда, когда искусство ваяния прекратит свое существование или, избрав другое направление, растворится в архитектуре; когда неподвижное одиночество одного изваянного в камне человека сменится подвижным множеством живых реальных людей; когда память о дорогих усопших будет оживать при виде вечно живой одухотворенной плоти, а не бронзовых или мраморных статуй; когда камень станет служить нам для сооружения зданий, дающих приют живым произведениям искусства, и для показа живых людей, – только тогда возникнет настоящая скульптура»[2].

Именно таким образом, согласно теории Вагнера, в музыкальной драме в результате синергийного взаимодействия происходит «снятие» всех искусств, в том числе скульптуры, и рождение искусства в полноте его призвания.

Современная живопись, по оценке Вагнера, лишена жизненности. Единственная ее вершина – пейзажная живопись. Все свои краски и формы живопись должна вернуть живому произведению искусства. «Пейзажная живопись, однако, в качестве последнего и наиболее совершенного завершения изобразительных искусств станет истинной живой душой архитектуры; она научит нас устройству сцены для драматического художественного произведения будущего, и она явится живым природным фоном для живого, а не нарисованного человека»[3].

Основой синтеза остается драма, так как только в драме человек может раскрыть себя во всей полноте своей природы «В драме, представляя определенную личность, которой он не является, человек расширяет свое индивидуальное существо до общечеловеческого. Он должен полностью перестать быть самим собой, чтобы воссоздать другую личность в ее собственной сущности так, чтобы ее можно было представить. Он сможет это достичь лишь в том случае, если так глубоко поймет и так живо увидит эту другую индивидуальность во взаимосоприкосновениях, взаимосочетаниях и взаимодополнениях с другими индивидуальностями, что будет в состоянии симпатически ощутить эти взаимосоприкосновения, взаимосочетания и взаимодополнения. Совершенным художественным исполнителем поэтому будет единичный человек во всей полноте своего существа, ставший существом родовым. Местом, где совершится этот чудесный процесс, явятся театральные подмостки; целостным произведением искусства, с помощью которого это совершится, будет драма»[4].

Таким образом «снимается» и живопись, возрождаясь к новому – полноценному – призванию.

Далее мыслитель намечает основные черты произведения будущего и художника будущего. Несколько раз он упоминает коммунизм как прекрасное будущее, при котором свободно соединившиеся люди смогут жить счастливо – ибо будут жить ради всеобщих целей полного раскрытия сил, заложенных в природе человека, единым народом без разделения на чернь и образованный класс, создавая подлинные произведения искусства будущего и посредством этого идентифицируя себя как человечество.

[1] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 228.
[2] Там же. С. 228–229.
[3] Вагнер Рихард. Избранные работы. Цит. изд. С. 235.
[4] Там же. С. 245.

Идея синтеза искусств прочно вошла в историю русской культуры и искусства еще в XIX веке, а в XX веке стала одной из ведущих тем философских, эстетических и искусствоведческих исследований. Размышления о синтезе искусств велись в различных направлениях и школах, от символизма до авангарда, объединяя художников, архитекторов, композиторов, режиссеров и теоретиков искусства. Заметный вклад в понимание истории и теории синтеза искусств внесли русские философы – концепции В. Соловьева и П. Флоренского, архитектор Ф. Шехтель, литераторы и литературные критики – М. Бахтин, Ю. Веселовский, Л. Сабанеев, режиссер К.С. Станиславский и многие другие.

Античность действительно оказалась истоком и основой всей европейской культуры последующих веков. Однако сегодня невозможно считать Античность идеалом, а всю последующую эволюцию искусства его упадком. Нельзя также согласиться с доминирующей ролью искусства, а тем более исключительно, по Вагнеру, музыкальной драмы, в глобализированном мире, хотя оно и играет в нем огромную конструктивную роль. За прошедшие почти два столетия устарели и европоцентристские положения теории немецкого композитора, и некоторые другие его представления. Однако непреходящей ценностью до сих пор является его концепция синтеза искусств в широком смысле этого выражения, идея идентификации народа посредством искусства, критика буржуазного социального устройства как общества потребления и массовой культуры, его гуманистические идеалы, реабилитация телесности и проповедь высокого общественного служения театра. Вряд ли можно согласиться, что раздельное существование видов искусств заканчивается или должно закончиться, но то, что определено Вагнером как искусство будущего, основанное на синтезе его различных видов, стало одним из мейнстримных направлений сегодня – это непреложный факт. Причины сложившегося в древнегреческой трагедии синтеза искусств композитор никак не определяет, однако представляется, что очень важен его анализ предпосылок нового синтеза искусств: это ситуация социально-экономического и культурно-цивилизационного кризиса, когда поколеблены основы прежней жизни и люди взыскуют новой цельности и прочности бытия.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что если в традиционном обществе Европы синтез искусств присутствует постоянно, то в посттрадиционном обществе, начиная с периода Нового времени, к синтезу искусств при всех различиях его форм в европейской культуре интерес возникает в переходные эпохи, когда радикально меняются социальные порядки и настроения в культурной сфере, причем это случается при доминировании рационализма в культуре, а актуализация синтетических тенденций в художественной практике оказывается бунтом против этого положения. Так, барочные ансамбли, создававшиеся параллельно с классицистическими с периода Великих географических открытий, появились в начале Нового времени, когда прежняя система представлений о мире, человеке и красоте уходила в прошлое, рушилась безвозвратно, а новая только складывалась. В аналогичных условиях, но уже зрелого капитализма, Р. Вагнером и его последователями, взыскующими новой цельности и переоценки роли художественной культуры, все более превращающейся в предмет роскоши и развлечение, была сформулирована первая теория синтеза искусств. Завершение эпохи Нового времени в конце XIX – начале XX века совпало с атмосферой fin de siècle (фр. конец века), характеризуемой как декаданс, с революционными потрясениями в разных европейских странах, Первой мировой войной – все это глубочайшим образом потрясло основы жизни, и можно наблюдать, как вновь был востребован синтез искусств, теперь уже с жаждой переделать весь мир. По-видимому, можно говорить о «мерцающем», «пульсирующем» характере существования синтеза искусств в европейском искусстве посттрадиционного общества – он оказывается востребован в периоды крутой и радикальной переоценки ценностей, при переходе (или стремлении к таковому) от эпохи «искусственности» – рационализма, рациональности, логики – к эпохе «естественности», характеризующейся большей свободой, большим присутствием стихийности и жизненного движения органичных форм. Ряд авторов называют такие периоды ремифологизацией.

Литература

1. Вагнер Рихард. Избранные работы / сост. и коммент. И.А. Барсовой и С.А. Ошерова; вступит. ст. А.Ф. Лосева; пер. с нем. – М.: Искусство, 1978. – 695 с.

2. Кнабе Г.С. Эти пятьдесят лет // Вопросы литературы. – 2007. – № 2. – С. 143–160 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://voplit.ru/article/eti-pyatdesyat-let/ (дата обращения: 20.12.2025).

3. Кротова Д.В. Синтез искусств в русской литературе конца XIX – первой трети XX века: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01. – М., 2013. – 168 с.

4. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 23. – М.: Государственное изд-во политической литературы, 1960.

SYNTHESIS OF THE ARTS IN EUROPEAN ARCHITECTURE: PATTERNS OF PHENOMENON

Van Fan
Russian State University of Art and Industry named after S.G. Stroganov

"Synthesis of Arts in European Architecture: Patterns of Phenomenon Manifestation" by Van Fan explores the regularities of this phenomenon's existence in European art prior to the early 20th century. The author hypothesizes that the synthesis of arts in the architecture of traditional European society was continuous, but in post-traditional society it acquired a flickering character associated with a protest against the dictates of rationalism. Baroque and Romanticism, along with Wagner's historically pioneering theory of the synthesis of arts, are analyzed as such eras of radical confrontation.

Keywords: Baroque, Romanticism, synthesis of arts, architecture, traditional society, post-traditional society.

References

1. Wagner, Richard. Selected Works / compiled and commented by I.A. Barsova and S.A. Osherova; introduction by A.F. Losev; translated from German. Moscow: Iskusstvo, 1978. 695 p.
2. Knabe, G.S. These Fifty Years // Voprosy literatury [Questions about Literature]. 2007, No. 2, Pp. 143–160 [Electronic resource]. Available at: https://voplit.ru/article/eti-pyatdesyat-let/ (accessed on 20.12.2025).
3. Krotova, D.V. Synthesis of Arts in Russian Literature of the Late 19th – First Third of the 20th Century: Cand. Sci. (Philology): 10.01.01. Moscow, 2013. 168 p.
4. Marx K. Capital // Marx K., Engels F. Works. – 2nd ed. – Vol. 23. – Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1960.

Проблематика демократического режима правления в странах постсоветского пространства (пример Армении и Грузии)

Гаспарян Алёна Варужановна,
аспирант кафедры сравнительной политологии, РУДН
E-mail: alyonagasparian@yandex.ru

Амелин В.Н.
к.ф.н, доцент кафедры сравнительной политологии, РУДН

Постсоветское пространство остается ареной глубоких политических и общественных преобразований. В этом контексте Армения и Грузия представляют особый исследовательский интерес, поскольку их стремление к формированию демократических институтов сопровождается рядом специфических препятствий, обусловленных историко-культурной спецификой, сложным геополитическим положением и внутренними социальными трансформациями. Изучение их политической эволюции позволяет получить важные аналитические ориентиры для оценки результативности демократических преобразований в схожих условиях. Учитывая современные вызовы, включая политическую турбулентность, экономическое давление и активизацию внешнего вмешательства, актуализируется вопрос о реалистичности и последствиях продолжения демократического курса в этих государствах. Понимание этих процессов имеет не только теоретическое значение, но и прикладную значимость для специалистов, формирующих политические стратегии в странах переходного типа.

Несмотря на систематические попытки институционального оформления демократии, обе страны сталкиваются с сохраняющимися трудностями: устойчивой коррупцией, фрагментированным политическим полем и острыми социальными разногласиями. Это вызывает сомнение в применимости универсальных демократических моделей для государств с постсоветским прошлым. Хотя демократическое устройство предполагает развитие механизмов гражданского участия и расширение свобод, на практике наблюдается усиление политической поляризации и ухудшение макроэкономических показателей. Подобные тенденции требуют многоаспектного анализа и поиска управленческих решений, учитывающих специфику посттоталитарной трансформации.

Работа направлена на выявление степени применимости демократических форм правления в условиях постсоветского пространства, с акцентом на кейсы Армении и Грузии. В фокусе – определение ключевых ограничений на пути демократизации, а также оценка возможности применения альтернативных моделей политической организации, способных обеспечить устойчивость управления и социальную стабильность.

Результаты исследования расширяют понимание механизмов политических трансформаций в постсоветских странах, предлагая концептуально новое прочтение эффективности демократических структур в условиях культурной, исторической и институциональной неоднородности региона. Полученные выводы могут служить основой для разработки более релевантных управленческих стратегий, адаптированных к локальной специфике.

Методологическая база включает сопоставительный анализ политических траекторий Армении и Грузии, с обязательным учетом исторических предпосылок, экономических условий, внутренних социальных факторов и степени влияния международных акторов. Применяются аналитические инструменты, основанные на данных международных институтов, академических источниках и интерпретации политической динамики в каждой из стран, что позволяет сформировать целостное и обоснованное представление о рассматриваемой проблематике.

Ключевые слова: Постсоветское пространство, Армения, Грузия, демократизация, интеграция, политическая трансформация

Исторический контекст политических режимов в Армении и Грузии

Постсоветское наследие и его влияние на политические процессы

Политическая динамика в Армении и Грузии в значительной степени определяется советским наследием, сформировавшим устойчивые управленческие практики. В условиях подчинения центральной власти СССР происходило укоренение авторитарной модели, ориентированной на жесткую вертикаль и ограниченное участие общества в процессе принятия решений. Такая структура власти, при которой основополагающие решения принимались исключительно на высшем уровне, привела к маргинализации демократических механизмов и сформировала политическую культуру, отягощенную централизмом.

После распада Советского Союза в 1991 г. обе страны оказались в ситуации системного кризиса. Период становления государственности сопровождался острым экономическим спадом, разрушением прежних административных структур и нехваткой управленческих ресурсов. В этом контексте попытки демократизации наталкивались на ограниченные институциональные и материальные возможности. Политическая нестабильность, сопровождавшая процесс перехода, стала хроническим элементом внутренней повестки, что свидетельствует о глубинных трудностях в институционализации демократии [4].

На протяжении всего постсоветского этапа в институциональной архитектуре Армении и Грузии сохранялись черты, характерные для авторитарных режимов. Преобладание исполнительной власти, прежде всего президентской, ослабляло систему сдержек и противовесов[2]. Подобная модель политической организации препятствовала утверждению реальной парламентской демократии и способствовала воспроизводству элит, заинтересованных в удержании административных ресурсов. Несмотря на официально заявленные цели построения правового и демократического государства с рыночной экономикой, трансформация носила преимущественно формальный характер, без должного закрепления ключевых демократических норм и процедур[8].

В обоих государствах в 1990-х годах развитие осложнялось острыми внутренними и внешнеполитическими конфликтами. В Грузии гражданская война, а в Армении вооруженное противостояние в Нагорном Карабахе серьезно затруднили политическую стабилизацию. Эти события способствовали милитаризации политической среды и укреплению авторитарных тенденций, тормозивших демократические преобразования. Реформы, направленные на создание подотчетной и прозрачной власти, зачастую не завершались, что усиливало общественное недоверие к государственным институтам.

Несмотря на подобные ограничения, в последние годы в Армении и Грузии наблюдается определенное продвижение в направлении либерализации. Однако существующие политические системы по-прежнему испытывают давление посттоталитарного наследия, выражающееся в слабости парламентских механизмов, ограниченной роли гражданского общества и дефиците институционального доверия. Согласно оценкам Freedom House, обе страны демонстрируют лишь ограниченные признаки демократического развития, что подчеркивает необходимость глубокой политико-институциональной перестройки.

Краткий обзор политических изменений в Армении

После провозглашения независимости в 1991 г. Армения вступила в период глубокой политической и социально-экономической трансформации. Первым главой государства стал Левон Тер-Петросян, возглавивший процесс формирования новой системы управления. Однако стартовый этап государственного строительства осложнился затяжным экономическим спадом и военным конфликтом в Нагорном Карабахе, что существенно ограничивало потенциал институционального развития. Отсутствие устойчивых демократических механизмов и недостаточная подготовленность к самостоятельному управлению создали благоприятную почву для формирования авторитарных практик.

На протяжении 1990-х годов предпринимались шаги в направлении институционализации демократии. Принятие Основного закона в 1995 г. заложило правовую основу для функционирования ключевых

институтов власти. Однако формальная закрепленность демократических норм не сопровождалась реальной политической конкуренцией и балансом властей. Управленческая вертикаль концентрировалась в руках ограниченного круга лиц, а принятие решений оставалось закрытым от общественного контроля. Экономическая нестабильность и политическое давление дополнительно ограничивали возможности для внедрения эффективных демократических процедур.

Хроническая нестабильность продолжала определять политическую траекторию страны в последующие десятилетия. Одним из наиболее показательных эпизодов стала кризисная ситуация после выборов 2008 г., когда массовые протестные выступления, вызванные недоверием к официальным результатам голосования, привели к жертвам и введению чрезвычайного положения. Этот эпизод стал индикатором глубокого институционального дефицита и обостренной политической поляризации. Повторяющиеся кризисы усиливали отчуждение общества от власти и снижали легитимность политической системы.

В 2018 г. в Армении произошел важный поворот – массовое общественное движение, получившее название бархатной революции, стало следствием нарастающего общественного запроса на перемены. В результате мирного давления с улиц к власти пришел Никол Пашинян, символизируя переход к новому этапу в развитии политического устройства. Смена политической элиты сопровождалась надеждами на демократическое обновление, однако структурные проблемы, связанные с эффективностью институтов и устойчивостью системы, сохраняются.

Современная политическая реальность Армении по-прежнему определяется сложным взаимодействием между стремлением к демократизации и устойчивостью постсоветских управленческих паттернов. В условиях внутренней нестабильности и внешнеполитического давления вопрос о глубине и необратимости демократических преобразований остаётся открытым.

Краткий обзор политических изменений в Грузии

После распада СССР в 1991 г. Грузия оказалась в условиях глубокого институционального кризиса, сопровождавшегося масштабными политическими и экономическими потрясениями. Потеря централизованного управления спровоцировала всплеск сепаратистских настроений, что привело к вооружённым конфликтам в Абхазии и Южной Осетии. Одновременно страну охватила гражданская война, дестабилизировавшая ключевые государственные структуры и подорвавшая процесс формирования устойчивой модели политического управления. Комплекс этих факторов сформировал базу для затяжной политической нестабильности.

Существенным переломным моментом в политической эволюции Грузии стала революция роз 2003 г., в ходе которой к власти пришёл Михаил Саакашвили. Новый курс предполагал проведение масштабных институциональных преобразований, модернизацию системы управления, активную борьбу с коррупцией и ускоренную интеграцию в западные структуры. Провозглашённые реформы сопровождались административным обновлением и попытками усилить правовую базу государства. Однако процесс трансформации происходил в условиях централизации власти, что вызвало обвинения в использовании авторитарных инструментов, ставших предметом критики со стороны как внутренней оппозиции, так и международных организаций.

Демократическое развитие Грузии столкнулось с рядом системных препятствий. Нерешённые институциональные проблемы, в частности слабая независимость судебной ветви, ограниченный уровень политической культуры и дефицит доверия граждан к государственной системе, снижали эффективность проводимых реформ. Политическая борьба зачастую переходила в фазу жесткой конфронтации, дестабилизируя общественно-политическую среду. Формально сохранявшиеся демократические процедуры нередко выполняли декоративную функцию, при этом ключевые решения принимались вне рамок прозрачного политического процесса. За период правления Саакашвили зафиксированы случаи нарушений прав человека, что ставило под сомнение степень реальной приверженности либеральным ценностям.

Внешнеполитический вектор сыграл критическую роль в трансформации грузинской политической системы. Курс на евроатлантическую интеграцию, активное сотрудничество с ЕС и НАТО стали определяющими ориентирами государственной стратегии. Однако такая направленность обострила отношения с Россией, кульминацией чего стал вооружённый конфликт в августе 2008 г. Военное столкновение усилило внутреннюю политическую поляризацию, усугубило уязвимость государственных институтов и осложнило процесс демократического развития. Воздействие внешних факторов не только трансформировало политическую повестку, но и усилило зависимость страны от геополитических решений, принятых за её пределами.

Сравнительный анализ политических режимов Армении и Грузии

Армения и Грузия, обладая общим постсоветским прошлым, демонстрируют сходство в базовых характеристиках своих политических режимов, сформированных под влиянием советской управленческой модели. После 1991 г. обе страны оказались перед необходимостью выстраивания самостоятельной государственности в условиях экономического спада, институционального вакуума и внутренней нестабильности. Советское наследие, закрепившее централизованную структуру власти и слабую политическую конкуренцию, оказало длительное воздействие на траектории их политического развития.

Несмотря на общую отправную точку, формирование политических систем в Армении и Грузии пошло различными путями, что обусловлено как внутренними факторами, включая особенности национальной политической культуры и общественного участия, так и внешними векторами. Грузия провозгласила курс на евроатлантическую интеграцию, установив тесное сотрудничество с ЕС и НАТО, что оказало влияние на характер институциональных реформ, направленных на сближение с западными стандартами управления. Армения, напротив, ориентирована на участие в интеграционных структурах под эгидой России – ОДКБ и ЕАЭС, что формирует иную политико-экономическую среду и внешнеполитическую направленность[9].

Показательными в этом контексте являются политические переломы, обозначившие поворотные моменты в истории обеих стран. В Грузии Революция роз в 2003 г. стала маркером попытки обновления политической системы и усиления антикоррупционного курса. Армения прошла через аналогичный этап в 2018 г., когда в результате бархатной революции произошла смена власти под давлением массового общественного движения. Различия в формах и темпах этих процессов отражают неодинаковую динамику политической мобилизации и зрелости институтов гражданского общества[3].

Роль международных игроков остается определяющей для обеих республик. В случае Грузии активное вовлечение западных структур способствует реализации демократических инициатив, усиливает транспарентность и подотчетность власти. Армения, ориентированная на стратегическое партнерство с Россией, демонстрирует иную модель взаимодействия, где внешнеполитические приоритеты часто подкрепляются внутренним сохранением элементов управленческого консерватизма.

Уровень развития гражданского общества в двух странах также существенно отличается. В Грузии наблюдается относительно высокая политическая активность населения, выражающаяся в участии в протестах, мониторинге власти и развитии независимых организаций. Армения в этом аспекте только формирует устойчивую культуру гражданского участия, что обусловливает ограниченность влияния общественных структур на принятие решений и замедляет процесс демократической консолидации.

Анализ демократических процессов и их влияние на стабильность

Демократические реформы и их неудачны последствия в Армении

Демократическая трансформация в Армении началась в конце XX века, после распада Советского Союза и провозглашения независимости. Переход к новой системе управления сопровождался структурными изменениями в политическом устройстве: была принята Конституция, проведены многопартийные выборы, началось формирование основ правового государства. Однако наиболее заметный импульс процесс получил в 2018 г., когда в результате бархатной революции произошла смена политической элиты и актуализировались реформы, ориентированные на повышение открытости власти, противодействие коррупции и институциональное укрепление принципа верховенства закона.

Несмотря на высокие ожидания, реформаторская волна сопровождалась политической дестабилизацией. Резкие перемены в структуре управления и активизация демократических механизмов привели к усилению конфликта между различными политическими лагерями. Расширение политического пространства и рост общественного участия стимулировали протестную активность, что проявлялось в уличных акциях, забастовках и иных формах давления на власть. Усиление поляризации общества ослабило управленческий потенциал правительства, затруднив реализацию стратегических инициатив.

В социально-экономической сфере реформы оказались менее эффективными, чем ожидалось. Согласно данным 2021 г., уровень безработицы достиг 18,5%, что свидетельствует о сохраняющихся структурных проблемах. Экономические преобразования не обеспечили значительного улучшения качества жизни, что усилило общественное недовольство. Высокий уровень бедности и ограниченный приток инвестиций сдерживают развитие ключевых секторов эконо-

мики, препятствуя долгосрочному росту и снижая устойчивость проводимых преобразований.

Социальные последствия реформ также оказались противоречивыми. С одной стороны, был зафиксирован рост активности гражданского общества, расширение прав и свобод, усиление участия населения в политических процессах. С другой – среди значительной части населения сформировалось разочарование результатами преобразований. Эмпирические данные общественных опросов демонстрируют дефицит доверия к эффективности реформ и сомнения в их способности повлиять на решение базовых социальных проблем. Нарастающее ощущение неопределенности и неудовлетворенности усиливает общественную напряженность, создавая дополнительные вызовы для стабильности политической системы и устойчивости демократического курса.

Демократические реформы и их неудачные последствия в Грузии

Активная фаза демократических преобразований в Грузии началась после Революции роз 2003 г., которая стала поворотной точкой в политической истории страны. Смена власти открыла путь к глубокой институциональной трансформации: был взят курс на укрепление демократических основ управления, борьбу с системной коррупцией и формирование предпосылок для экономического роста. Однако модернизация политической архитектуры происходила в условиях необходимости преодоления институционального застоя, оставшегося от предыдущего авторитарного этапа, что стало серьёзным вызовом на пути реформ.

Новая политическая реальность столкнулась с внутренними и внешними угрозами. Вооружённый конфликт с Россией в 2008 г. стал критическим фактором, усугубившим внутриполитическую напряженность и усложнившим реализацию демократического курса. В условиях нарастающей поляризации в обществе усилилось противостояние между различными политическими силами, что препятствовало выработке устойчивого внутриполитического консенсуса. Сложность реформ усугублялась нехваткой доверия к институтам власти, что снижало эффективность нововведений.

Экономическая составляющая демократических преобразований оказалась неоднозначной. Несмотря на улучшение инвестиционного климата и сокращение коррупционных практик, уровень безработицы в 2020 г. достиг 18,5%, демонстрируя неспособность реформ обеспечить достаточный уровень занятости. Экономические трудности стали катализатором социальной нестабильности и усилили общественное разочарование, особенно среди уязвимых слоёв населения. Невысокая результативность экономической политики подорвала легитимность демократических инициатив в глазах значительной части граждан.

Социальные последствия реформ оказались противоречивыми. С одной стороны, наблюдался рост гражданской активности и развитие институтов гражданского общества. С другой – усилились протестные настроения, вызванные ухудшением социально-экономических условий и усилением политической конфронтации. Массовые акции протеста и столкновения на политической почве стали маркерами усиливающейся поляризации, препятствующей политической консолидации.

Историко-культурные особенности Армении и Грузии оказывают значительное влияние на восприятие и реализацию демократического правления. Длительные периоды авторитарного господства, внешнего контроля и централизованной власти сформировали устойчивую политическую культуру, ориентированную на сильное руководство и персоналистские формы управления. Такая модель, глубоко укоренённая в общественном сознании, затрудняет внедрение механизмов коллективного принятия решений и мешает устойчивому функционированию демократических институтов.

Экономическая нестабильность усугубила трудности адаптации к новой системе. В Армении, несмотря на реформаторскую риторику, сохранялся высокий уровень бедности, а в Грузии – хроническая безработица. Отсутствие ощутимых позитивных изменений на уровне повседневной жизни усиливало недоверие к реформам. Институциональная слабость, неэффективность государственного управления и неспособность удовлетворить базовые социальные потребности стали дополнительными барьерами для реализации демократического проекта (Борисов, 2018, с. 7).

Рост напряженности после начала демократических преобразований свидетельствует о том, что политическая либерализация не всегда сопровождается стабилизацией. В Армении бархатная революция 2018 г. привела к значительному усилению протестной активности, а в Грузии, по данным 2021 г., было зафиксировано более 200 случаев политически мотивированных столкновений. Подобная динамика демонстрирует, что в условиях слабых институтов демократизация может усугублять внутренние конфликты, а не снижать их остроту.

Учитывая вышеуказанные обстоятельства, для Армении и Грузии могут оказаться более продуктивными альтернативные модели политической организации. В частности, система с элементами сильной президентской власти в сочетании с технократическим управлением может способствовать повышению эффективности принятия решений и снижению уровня конфронтации[2]. Гибридные формы управления, учитывающие традиции и историко-культурные особенности, могут обеспечить более стабильную адаптацию к современным вызовам, чем импортированные модели западного типа.

Политическая поляризация остаётся одной из главных угроз для демократического развития постсоветских стран. В Армении после 2018 г. усилилась фрагментация политического поля, сопровождаемая протестами и забастовками. Грузия демонстрирует схожие тенденции – рост уличной активности, конфликты между партиями и низкий уровень политической интеграции[13]. В условиях усиления моноэтнической идентичности и социальной дезинтеграции процессы, происходящие в этих странах, становятся индикативными для более широкой региональной динамики. Армения, как пример, отражает типичную траекторию политической эволюции государств постсоветского пространства, демонстрируя, как демократизация без прочных институтов и экономической базы может обострять уязвимость государственной системы[5].

Неудачные реформы и их последствия для политической системы

После распада СССР Армения, как и другие государства постсоветского пространства, была вынуждена инициировать масштабные преобразования для перехода от централизованного планирования к рыночной модели. Начало 1990-х годов сопровождалось глубоким экономическим спадом, усиленным региональной блокадой со стороны Турции и Азербайджана. В этих условиях правительство страны пыталось стабилизировать ситуацию, одновременно внедряя реформы в экономике, политике и социальной сфере. Однако хронический дефицит ресурсов, институциональная несостоятельность и отсутствие опыта эффективного управления существенно ограничивали потенциал этих преобразований.

Одним из наиболее показательных примеров неудачной экономической политики стала приватизация. Задекларированная цель – формирование конкурентной рыночной среды и привлечение инвестиций – на практике трансформировалась в процесс перераспределения активов в пользу ограниченного круга лиц. Это привело к формированию олигархической структуры экономики, где основные ресурсы оказались сконцентрированы в руках политически аффилированных групп. В результате усилилось социальное расслоение и снизилась эффективность рыночных механизмов.

В политической сфере попытка институционализации демократии через конституционную реформу 1995 г. сопровождалась нарушениями избирательного процесса и ограничением политических свобод. Эти обстоятельства подорвали доверие общества к новым институтам и стали одним из факторов хронической нестабильности. Недостаток легитимности политической власти усиливался на фоне слабой партийной системы и ограниченного участия граждан в управлении.

Социальные последствия реформ также оказались негативными. Массовое недовольство, выраженное в уличных протестах 2008 г., продемонстрировало накопленную фрустрацию населения, не увидевшего реального улучшения уровня жизни. Ухудшение социально-экономических условий, рост безработицы и низкий уровень социальной защищенности усилили ощущение несправедливости и отчуждённости от политических процессов.

Сходные проблемы имели место и в Грузии. Реформа местного самоуправления 2006 г., направленная на оптимизацию административного управления, вызвала резкую критику из-за отсутствия механизма общественного участия. Сокращение числа муниципалитетов происходило без учета региональной специфики и потребностей местных сообществ, что усугубило разрыв между центральной властью и населением. Аналогичные сложности наблюдались и в Армении: после политических изменений 2018 г. механизмы обратной связи между обществом и властью остались слабо развитыми, что снижало эффективность решений.

Экономическая либерализация в Грузии в 2004–2007 гг. позволила улучшить позиции страны в международных рейтингах, включая *Doing Business*. Однако внутренние последствия оказались менее однозначными. Рост социального неравенства и снижение доступности базовых услуг вызвали недовольство в широких слоях населения. Ухудшение условий жизни на фоне провозглашённого реформаторского успеха подорвало общественное доверие и вызвало сомнения в реальной цели реформ.

Судебная реформа, реализуемая в Грузии с начала 2010-х гг., также не достигла заявленных целей. Попытки укрепить независимость судебной системы столкнулись с непрозрачностью в назначениях судей и подозрениями в сохранении политического влияния. Это способствовало сохранению высокого уровня недоверия к судебной власти, несмотря на формальные изменения.

Реформы 2000-х годов оказали существенное влияние на политическую ситуацию в Грузии. Улучшение отдельных экономических показателей сопровождалось ростом протестной активности. Демонстрации 2007 г. стали отражением общественного недовольства политикой правительства, что подчёркивает: реформы, лишенные общественной поддержки, не только не решают системные проблемы, но и становятся источником дестабилизации.

Фундаментальной проблемой для обеих стран остаётся институциональная нестабильность. После 1991 г. ни в Армении, ни в Грузии не удалось выстроить эффективную систему с устойчивыми механизмами координации и ответственности. Слабость институтов препятствует реализации долгосрочной стратегии и снижает результативность любых преобразований. Отсутствие горизонтальных связей между различными уровнями власти, а также неэффективное распределение полномочий усиливают фрагментацию системы[11].

Одним из структурных дефицитов реформ стало минимальное участие граждан в их разработке и реализации. Согласно исследованию 2018 г., 60% жителей Грузии не верили в эффективность реформ, проводимых государством. В Армении аналогичная тенденция наблюдалась после реформ 2019 г.: по данным Gallup International, уровень доверия к парламенту снизился на 15%. Низкий уровень вовлеченности подрывает легитимность реформ и способствует росту сопротивления со стороны общества.

Внешние акторы, включая ЕС и США, также существенно влияют на реформаторские процессы, ставя политические и экономические условия предоставления помощи. Однако отсутствие адаптации этих требований к локальному контексту часто вызывает конфликт между внешними ожиданиями и внутренними возможностями[6]. Примеры быстрой имплементации западных стандартов управления без учета национальных реалий приводят к росту социальной фрустрации и падению доверия к реформам.

Общественная реакция на неудачи в реализации реформ выражается в росте протестной активности. В Грузии события 2007 г. стали кульминацией недовольства политическим курсом, аналогично как в Армении в 2008 г. протесты были вызваны экономическим спадом и политической нестабильностью. Эти примеры подтверждают, что несогласованные с обществом реформы не только не достигают заявленных целей, но и усиливают общественное напряжение, подрывая устойчивость государственной системы.

Уроки, извлеченные из неудачных реформ

Анализ причин провалов реформ в Армении и Грузии указывает на систематическую проблему недостаточной инклюзивности при их планировании и реализации. Один из характерных примеров – судебная реформа в Армении, запущенная в 2018 г., которая натолкнулась на сопротивление внутри самой судебной системы. Отказ значительной части судейского корпуса от сотрудничества, а также отсутствие предварительного консенсуса по ключевым изменениям привели к задержке процесса и снижению его эффективности. Это свидетельствует о важности учета интересов и позиций всех структур, вовлеченных в трансформации, особенно при изменении основополагающих институтов.

Последствия неудачных реформ проявились в снижении доверия к власти и росте общественного напряжения. В Грузии, несмотря на заявленные цели приватизации 2003 г., значительная часть населения не получила доступа к экономическим возможностям. Увольнения, рост социальной уязвимости и ощущение несправедливого распределения ресурсов вызвали протестные настроения. Этот опыт демонстрирует: если реформы игнорируют интересы большинства и не сопровождаются мерами социальной защиты, они неизбежно ведут к политической фрагментации и кризису легитимности.

Опыт постсоветского пространства подтверждает, что успешное внедрение демократии требует не только формальных процедур и внешнеполитической поддержки, но и внутренней институциональной зрелости, а также социальной готовности к переменам. В условиях слабых институтов и ограниченного участия общества любая реформа рискует остаться не более чем декларацией, не способной повлиять на реальные практики управления.

Для повышения эффективности будущих преобразований в Армении и Грузии критически важно учитывать системные ошибки прошлых лет[12]. Прежде всего, необходима разработка прозрачных механизмов подотчетности, способных обеспечить реальный контроль над реализацией реформ и снизить коррупционные риски. Без институционализированного контроля и общественного надзора реформы утрачивают связь с реальными потребностями граждан и превращаются в инструмент политической риторики.

Ключевым условием устойчивости преобразований должно стать активное вовлечение гражданского общества и профессионального экспертного сообщества. Привлечение независимых аналитиков, общественных организаций и профильных специалистов на этапе формирования реформ позволит повысить их легитимность, качество проектных решений и общественное доверие. Только в условиях постоянного диалога между властью и обществом возможно создание устойчивой модели развития, где реформы будут не внешней адаптацией, а органичной частью внутреннего политического и социального процесса.

Альтернативные варианты режимов правления для Армении и Грузии

Модели авторитарного управления: плюсы и минусы

Авторитарные формы управления нередко демонстрируют высокую скорость принятия решений и эффективность реализации политических инициатив, особенно в условиях кризиса, нестабильности или ограниченного ресурса времени. Пример Сингапура, где жесткая централизация власти способствовала стремительному экономическому росту и масштабной модернизации инфраструктуры, часто используется как иллюстрация преимуществ авторитарной управленческой модели при наличии прагматичной и ориентированной на развитие политической элиты. В контексте постсоветских государств, таких как Армения и Грузия, подобный подход теоретически мог бы способствовать восстановлению управляемости, преодолению институционального хаоса и эффективному проведению структурных реформ в краткосрочной перспективе.

Тем не менее, централизованные режимы сопряжены с рядом системных рисков. Ограничение политических свобод, подавление инакомыслия и исключение граждан из процессов принятия решений в долгосрочной перспективе ведут к ослаблению социальной устойчивости и росту недовольства. Одной из ключевых угроз является деградация механизмов подотчетности и контроля, что создает благоприятную среду для злоупотреблений, коррупции и клановой политики. Отсутствие баланса между ветвями власти и недоступность политической конкуренции затрудняют обновление управленческой элиты и снижают качество принимаемых решений.

Авторитарные лидеры обладают более высокой свободой маневра в международных вопросах, в частности при участии в интеграционных проектах, однако эта гибкость сопровождается сниженной предсказуемостью и меньшей готовностью к соблюдению взятых обязательств. Это затрудняет построение устойчивых международных союзов, особенно в условиях, когда долгосрочное сотрудничество требует институциональной стабильности и политической преемственности.

Сравнение авторитарных и демократических моделей в рамках постсоветского контекста показывает, что обе системы обладают как преимуществами, так и существенными ограничениями. Демократические институты обеспечивают открытость, прозрачность и участие граждан в управлении, что в долгосрочной перспективе способствует устойчивости и легитимности власти. Однако при слабости институтов, низком уровне политической культуры и хронической нестабильности, как это наблюдается в Армении и Грузии, демократические процессы часто оказываются уязвимыми к манипуляциям, фрагментации и утрате доверия.

В противоположность этому, авторитарные системы могут временно стабилизировать ситуацию и реализовать непопулярные, но необходимые меры. Однако подобная эффективность обычно достигается за счет ограничения политической свободы и риска институциональной деградации. В условиях слабой правовой системы и низкой прозрачности такие модели легко трансформируются в персоналистские режимы, где интересы элиты подменяют цели национального развития.

Определение оптимальной формы управления для постсоветских стран должно опираться не на идеологические предпочтения, а на глубокий анализ национального контекста, степени зрелости институтов, уровня общественного доверия и стратегических приоритетов. Вместо жесткого выбора между демократией и авторитаризмом возможно создание гибридных моделей, сочетающих элементы эффективного административного управления с мерами по укреплению подотчетности и расширению участия общества в контроле над властью.

Переходные режимы: возможности и риски

Переходные режимы представляют собой промежуточную форму государственного устройства, находящуюся между авторитаризмом и полно-

ценной демократией. Основной характеристикой таких систем является институциональная нестабильность, неопределенность политического вектора и слабая укорененность демократических или автократических норм. Гибкость переходных режимов позволяет адаптироваться к изменяющимся условиям, однако делает их уязвимыми к внутренним кризисам и внешнему давлению[10].

Для Армении и Грузии, находящихся в состоянии постсоветской трансформации, переходный формат может служить инструментом управляемого реформирования. Этапность и умеренность изменений позволяют избежать резких политических разрывов и минимизировать сопротивление со стороны населения и элит. Такой подход способен создать пространство для институционального развития и наработки демократической практики без разрушения основ управляемости. Поддержание определенного уровня гибкости в рамках переходного режима также позволяет аккумулировать ресурсы и общественную поддержку для дальнейшей трансформации.

Однако потенциальные угрозы остаются значительными. Переходный статус несет в себе риск институциональной деградации и возврата к авторитарным моделям, особенно при ослаблении гражданского контроля или усилении исполнительной власти. Примеры, подобные Белоруссии, подтверждают, что отсутствие устойчивых механизмов сдержек и противовесов может привести к укреплению персоналистской власти. Согласно данным *Freedom House*, страны с неопределенной политической траекторией часто демонстрируют сокращение пространства для политической конкуренции и снижение уровня гражданских свобод.

Разработка рекомендаций по адаптированным моделям управления требует учета исторических и культурных факторов. Армения, обладающая сложным историческим наследием, где важную роль играют традиционные и религиозные институты, демонстрирует политическую культуру, склонную к восприятию сильной вертикали власти как элемента стабильности. Грузия, с опытом сопротивления внешнему доминированию и акцентом на национальную идентичность, демонстрирует высокий уровень политической активности, но также подвержена резкой поляризации[13]. Эти различия указывают на необходимость разработки дифференцированных подходов, учитывающих внутреннюю политическую социодинамику каждой из стран.

В качестве возможного направления может рассматриваться внедрение гибридных моделей управления, совмещающих черты демократии с элементами централизованного административного контроля. Подобная система может включать механизмы демократического участия – выборы, свободу слова, институциональную подотчетность – при сохранении сильной исполнительной власти, способной оперативно реагировать на вызовы. При этом важно предусмотреть элементы общественного контроля, включая участие независимых организаций, журналистских структур и экспертных сообществ в мониторинге деятельности органов власти. Такой баланс может стать инструментом сдерживания коррупции и одновременно обеспечить стабильность в управлении.

Для реализации подобных моделей необходима последовательная институциональная трансформация. Эффективность реформ напрямую зависит от наличия четкой архитектуры изменений. Преобразования должны быть поэтапными, включая укрепление независимости суда, повышение прозрачности в назначениях, внедрение антикоррупционных механизмов, а также создание эффективной системы ответственности на всех уровнях власти. Существенное значение приобретает развитие механизмов гражданского участия и политического образования, что позволяет формировать критически мыслящее и политически грамотное население.

Политическая устойчивость невозможна без легитимности, а последняя формируется через доверие к институтам. Поэтому одновременно с укреплением исполнительной вертикали требуется создание условий для институционализированного диалога между государством и обществом. Только при наличии реальных каналов коммуникации и взаимодействия возможна трансформация переходного режима в устойчивую модель управления, способную обеспечить баланс между эффективностью и демократическими стандартами.

Возможные сценарии в будущем

Современная политическая динамика в Армении и Грузии отражает противоречивые итоги демократической трансформации. Усиление гражданских свобод, включая развитие гражданского общества, расширение публичного дискурса и относительное улучшение доступа к информации, сочетается с сохраняющейся институциональной уязвимостью. Проблемы коррупции, ограниченной эффективности управленческого аппарата и фрагментации политических элит продолжают препятствовать формированию устойчивой и подотчетной системы власти[7]. В Грузии события 2020 г. продемонстрировали хрупкость демократических процедур – кризис, вызванный недоверием к избирательной системе, обнажил структурные недостатки политической архитектуры и усилил поляризацию.

Анализ возможных векторов политического развития позволяет выделить три сценарных траектории, каждая из которых зависит от комплекса факторов – от внутренних механизмов принятия решений до степени влияния внешних акторов.

Первый сценарий – поступательное укрепление демократических институтов. Реализация этого пути требует комплексной институциональной перестройки: реформирования избирательного законодательства, обеспечения независимости судебной власти, расширения механизмов парламентского и общественного контроля, а также системного противодействия коррупции. Успешность этого сценария зависит от способности политических элит к консенсусу, уровня политической зрелости общества и эффективности международной поддержки, включая техническую и экспертную помощь.

Второй сценарий – формирование гибридной модели управления, сочетающей формальные элементы демократии с сильным исполнительным контролем. Такой подход может обеспечить краткосрочную управляемость и политическую стабильность, особенно в условиях перманентных кризисов. Однако он несет риски институциональной деградации, легитимации авторитарных практик под прикрытием демократической риторики и ослабления механизмов общественного участия.

Третий сценарий – укоренение авторитарных тенденций, возникающих в условиях недоверия к демократическим институтам и неспособности власти обеспечивать базовые функции – от социальной защиты до поддержания правопорядка. Этот путь может сопровождаться ограничением политических прав, концентрацией власти, снижением прозрачности и сокращением пространства для оппозиции. Основными триггерами такого сценария могут стать политические кризисы, экономические потрясения или внешнеполитическое давление, которое будет использовано как оправдание усиления контроля.

Перспективы реализации каждого из сценариев зависят от ряда переменных: динамики внутриполитических конфликтов, степени общественного доверия к власти, уровня международного вовлечения, а также способности гражданского общества к устойчивой мобилизации. Армения и Грузия, несмотря на различия в историческом опыте и геополитических ориентирах, демонстрируют схожие проблемы, характерные для стран с незавершенным переходом от авторитаризма. Будущее политических режимов в этих государствах определяется не только институциональной архитектурой, но и качеством политической культуры, способностью к диалогу и готовностью элит отказаться от краткосрочной выгоды в пользу долгосрочной устойчивости.

Заключение

В рамках проведенного исследования была дана оценка применимости демократического режима в постсоветском контексте на примере Армении и Грузии. Анализ политической трансформации этих государств показал, что внедрение демократических институтов сталкивается с системными барьерами, коренящимися в историческом опыте, авторитарном наследии и ограниченной институциональной зрелости. Преобладание вертикальных моделей управления, хроническое недоверие к органам власти, а также социально-экономическая нестабильность существенно осложняют формирование устойчивой демократической среды.

Рассмотрение историко-культурного контекста позволило выявить устойчивые элементы политической культуры, ориентированной на централизованное руководство, персонализм и ограниченное участие населения в процессе принятия решений. Политическая нестабильность, усилившаяся на фоне реформ, и экономические дисбалансы лишь усугубляют ситуацию, препятствуя устойчивому развитию. Примеры Армении и Грузии демонстрируют, что демократизация в условиях слабых институтов нередко приводит к росту напряженности, институциональным сбоям и снижению легитимности власти.

На основании изученного материала можно сделать вывод, что классическая модель демократического управления в существующих условиях не отвечает требованиям устойчивости и эффективности в Армении и Грузии. Несмотря на отдельные позитивные сдвиги, демократические реформы не обеспечили ни стабилизации политической системы, ни устойчивого экономического роста. Это требует пересмотра подходов и поиска управленческих моделей, более адаптированных к региональной специфике[1].

Одним из возможных направлений развития являются гибридные формы управления, сочетающие элементы представительной демократии с усиленными механизмами исполнительного контроля. Такая система может обеспечить необходимый баланс между легитимно-

стью и эффективностью, а также создать условия для постепенного институционального укрепления. При этом приоритетами должны стать обеспечение подотчетности власти, формирование устойчивых каналов взаимодействия с обществом и внедрение антикоррупционных механизмов.

Необходимым условием для любого сценария развития остается учет культурных, исторических и социальных особенностей, определяющих восприятие власти и участие граждан в политических процессах. Укрепление институтов, развитие политической культуры, повышение уровня политической грамотности и вовлеченности населения – ключевые направления для преодоления структурных ограничений.

В дальнейшем целесообразно сфокусировать исследовательское внимание на эмпирической оценке эффективности различных моделей гибридного управления в условиях постсоветского пространства, а также на анализе влияния международных акторов на внутреннюю политическую архитектуру стран региона. Такие исследования помогут более точно определить траектории политического развития, учитывающие локальную специфику и реальные условия функционирования власти.

Литература

1. Актуальные проблемы экономической теории и практики / под ред. В.А. Сидорова. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2016.
2. Борисов Н.А. Институт президентства на постсоветском пространстве: генезис и трансформация моделей: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. – Казань, 2018.
3. Гусейнов Р.И. Революционные и квазиреволюционные события в Закавказье (2020–2021 гг.) // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2021. – С. 603–614.
4. Либман А.М. Постсоветская интеграция и политические системы постсоветских государств //
5. Мазагаева Л.В. Современные проблемы интеграционных процессов на Южном Кавказе // Научный журнал. – 2018. – № 2–2 (22). – С. 151–152.
6. Офицеров-Бельский Д. Стратегия и идеология в проекте ЕС “Восточное партнерство” // Серия «Политические руководства». – Москва, 2014. – [б.с.].
7. Публичное управление: теория и практика: сборник научных трудов Ассоциации докторов наук государственного управления: Специальный выпуск / под ред. В. Мартыненко. – Х.: Изд-во “ДокНаукДержУпр”, 2013. – 280 с.
8. Сидоров В.А., Ядгаров Я.С., Кузнецова Е.Л. Феномен рыночного хозяйства: от истоков до наших дней. Партнерство в условиях риска и неопределенности: сб. науч. трудов. VIII междунар. науч.-практ. конф. по экономике (Самарканд–Карши, 1–5 апреля 2020 г.) / под ред. д-ра экон. наук, профессора Сидорова В.А., д-ра экон. наук, профессора Ядгарова Я.С., канд. экон. наук, доцента Кузнецовой Е.В. – Майкоп: Издательство ЭлИТ, 2020. – 489 с.
9. Старченко Р.А., Карапетян Р.С., Остапенко Л.В., Субботина И.А. Социально-демографические и этнокультурные ориентации молодежи Армении и России // Программа международного исследовательского проекта. – [б.г.]. – [б.м.]. – С. 171.
10. Филатова А.В., Петров И.И., Шишкина А.Р., Иванов Е.А. Факторы сменяемости политических режимов на постсоветском пространстве: сравнительный анализ стран Центральной Азии и Закавказья // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. – 2019. – С. 557–576.
11. Фисун А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология // ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ. – 2007. – Т. 39. – № 6. – С. 8–28.
12. Фурман Д.Е. Эволюция политических систем стран СНГ // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. – [б.м.]: [б.и.], [б.г.]. – [б.с.].
13. Яшкова Т.А., Чичинадзе С.Я. Становление государственности и развитие демократических институтов Республики Грузия // Теории и проблемы политических исследований. – 2020. – Том 9. – № 4А. – С. 66–74. – DOI: 10.34670/AR.2020.18.29.007.

ISSUES OF THE DEMOCRATIC REGIME OF GOVERNANCE IN POST-SOVIET COUNTRIES (THE CASE OF ARMENIA AND GEORGIA)

Gasparyan A.V., Amelin V.N.
Peoples' Friendship University of Russia

The post-Soviet space remains an arena of profound political and societal transformations. In this context, Armenia and Georgia are of particular interest to researchers, as their aspirations to form democratic institutions are accompanied by a number of specific obstacles stemming from their historical and cultural specificities, complex geopolitical locations, and internal social transformations. Studying their political evolution provides important analytical benchmarks for assessing the effectiveness of democratic reforms in similar contexts. Given contemporary challenges, including political turbulence, economic pressure, and increased external interference, the question of the feasibility and consequences of continuing democratic policies in these countries is becoming increasingly pressing. Understanding these processes is not only of theoretical significance but also of practical importance for specialists formulating political strategies in transition countries.

Despite systematic attempts to institutionalize democracy, both countries face persistent challenges: persistent corruption, a fragmented political landscape, and acute social divisions. This raises doubts about the applicability of universal democratic models to states with a post-Soviet past. Although democratic governance presupposes the development of mechanisms for civic participation and the expansion of freedoms, in practice, we are witnessing increasing political polarization and deteriorating macroeconomic indicators. These trends require a multifaceted analysis and the search for management solutions that take into account the specifics of post-totalitarian transformation.

This study aims to identify the applicability of democratic forms of governance in the post-Soviet space, with an emphasis on the cases of Armenia and Georgia. The focus is on identifying key constraints on democratization and assessing the feasibility of alternative models of political organization capable of ensuring sustainable governance and social stability. The results of the study expand our understanding of the mechanisms of political transformation in post-Soviet countries, offering a conceptually new interpretation of the effectiveness of democratic structures in the context of the region's cultural, historical, and institutional heterogeneity. The findings can serve as a basis for developing more relevant management strategies adapted to local specifics.

The methodological framework includes a comparative analysis of the political trajectories of Armenia and Georgia, taking into account historical preconditions, economic conditions, domestic social factors, and the influence of international actors. Analytical tools based on data from international institutions, academic sources, and interpretations of political dynamics in each country are used to develop a comprehensive and well-founded understanding of the issues under consideration.

Keywords: Post-Soviet space, Armenia, Georgia, democratization, integration, political transformation

References

1. Actual Problems of Economic Theory and Practice / edited by V.A. Sidorov. – Krasnodar: Kuban State University, 2016.
2. Borisov, N.A. The Institute of Presidency in the Post-Soviet Space: Genesis and Transformation of Models: Abstract of a Dissertation for the Degree of Doctor of Political Science. – Kazan, 2018.
3. Guseinov, R.I. Revolutionary and Quasi-Revolutionary Events in Transcaucasia (2020–2021) // Systemic Monitoring of Global and Regional Risks. – 2021. – Pp. 603–614.
4. Libman, A.M. Post-Soviet Integration and Political Systems of Post-Soviet States //
5. Mazagaeva, L.V. Current Problems of Integration Processes in the South Caucasus // Scientific Journal. – 2018. – No. 2–2 (22). – P. 151–152.
6. Ofitserov-Belsky, D. Strategy and Ideology in the EU Eastern Partnership Project. Political Guidelines Series. – Moscow, 2014. – [unpublished].
7. Public Administration: Theory and Practice: Collection of Scientific Papers of the Association of Doctors of Sciences in Public Administration: Special Issue. Edited by V. Martynenko. – Kh.: Publishing House “DokNaukDerzhUpr”, 2013. – 280 p.
8. Sidorov, V.A., Yadgarov, Ya.S., Kuznetsova, E.L. The Phenomenon of a Market Economy: From Its Origins to the Present Day. Partnership in Conditions of Risk and Uncertainty: Collection of Scientific Papers. VIII Int. Res. and Pract. Conf. in Economics (Samarkand–Karshi, April 1–5, 2020) / edited by Dr. Sci. (Econ.), Professor V.A. Sidorov, Dr. Sci. (Econ.), Professor Ya.S. Yadgarov, Ph.D. (Econ.), Associate Professor E.V. Kuznetsova. – Maykop: EIIT Publishing House, 2020. – 489 p.
9. Starchenko R. A., Karapetyan R.S., Ostapenko L.V., Subbotina I.A. Socio-demographic and ethnocultural orientations of young people in Armenia and Russia // Program of the international research project. – [b.y.]. – [b.m.]. – P. 171.
10. Filatova A. V., Petrov I.I., Shishkina A.R., Ivanov E.A. Factors of Political Regime Change in the Post-Soviet Space: A Comparative Analysis of Central Asian and Transcaucasian Countries // Systematic Monitoring of Global and Regional Risks. – 2019. – Pp. 557–576.
11. Fisun A. Post-Soviet Neo-Patrimonial Regimes: Genesis, Features, Typology // OTECHESTVENNYE ZAPISKI. – 2007. – Vol. 39. – No. 6. – Pp. 8–28.
12. Furman D.E. Evolution of Political Systems in the CIS Countries // Mediterranean – Black Sea – Caspian: Between Greater Europe and the Greater Middle East. – [b.m.]: [b.i.], [b.g.]. – [b.s.].
13. Yashkova T. A., Chichinadze S. Ya. Formation of statehood and development of democratic institutions in the Republic of Georgia // Theories and problems of political research. – 2020. – Vol. 9. – No. 4A. – P. 66–74. – DOI: 10.34670/AR.2020.18.29.007.

Измерение цифрового суверенитета государств Центральной Азии в рамках ШОС

Гумарова Аружан Нурлановна,
кандидат технических наук, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай Хана
E-mail: gumarova.aruzhan@gmail.com

В контексте глобализации и цифровизации понятие "цифровой суверенитет" возникло как распространение национального суверенитета на киберпространство. В данной статье определены ключевые задачи и вызовы в измерении цифрового суверенитета государств Центральной Азии в рамках ШОС и предлагается практическая реализация концепции для сравнительного анализа. В то же время цифровой суверенитет рассматривается не только как цель политики, но и как потенциальный источник риска: чрезмерная локализация данных, закрытые протоколы и нормативная изоляция могут усилить технологическую зависимость, усилить фрагментацию сети и ослабить киберустойчивость. Автор выступает за постоянный аудит цифровых зависимостей. Такой подход сводит к минимуму риски, укрепляет киберустойчивость и создает более благоприятные условия – в рамках ШОС – для сбалансированного цифрового суверенитета государств Центральной Азии. В исследовании также отмечается влияние китайской интернетэкосистемы и практики регулирования контента (цензура, "Великий брандмауэр") на модели цифрового управления на пространстве ШОС. Анализируются преимущества и ограничения этой модели.

Ключевые слова: цифровой суверенитет, риски ИИ, ШОС, локализация, Центральная Азия, кибербезопасность, киберустойчивость, Великий брандмауэр, цифровое управление.

Introduction

For more than two decades, the Shanghai Cooperation Organization (SCO) has been one of the largest and most multifaceted integration formats in the Eurasian space, lending meaning and substance to regional multilateral institutions with the participation of Central Asian countries. On the map of the twenty-first century, new borders are marked not by rivers or mountains but by servers and data centers; digital infrastructure, data regimes, and platform ecosystems move to the foreground as the core elements of national economies and security architectures. In this context, digital sovereignty becomes the strategic kernel of national defense and prompts states to rethink how they exercise control over data, infrastructure, and technological futures: the repatriation of data to national jurisdiction as well as the earliest legislative bases for governing artificial intelligence lay the foundations of future digital security.

The rapid development of artificial intelligence (AI) deepens network and digital security problems and directly affects regional security and stability. Since 2020, the European Union has been steadily strengthening the "digital sovereignty" agenda, reducing dependencies and increasing control over data through the regulation of platform markets, online services, and AI technologies.

As digital transformation accelerates across the SCO space and the regulation of the digital economy grows deeper, a number of key dilemmas become salient: balancing cross-border data flows and localization requirements; reconciling national standard-setting autonomy with the need for an open innovation environment. A comprehensive analysis of these tensions is required to determine measurable indicators and institutional mechanisms of digital sovereignty in the region.

The aim of the study is to identify issues in measuring the opportunities and constraints of digital sovereignty in the era of AI and digital technologies for the Central Asian countries and to align these findings with the SCO's institutional frameworks and practices.

Materials and methods

The research materials consist of three blocks: international and regional documents (SCO summits and statements), national regulatory acts and state programs (on personal data protection, cybersecurity, and AI), and independent datasets and analytics. The latter include ITU's "Measuring Digital Development: Facts & Figures" for digital infrastructure and accessibility [1]; the ITU Global Cybersecurity Index for assessing cybersecurity preparedness [2]; the World Bank's GovTech Maturity Index for gauging the maturity of digital government [3]; UNCTAD's Digital Economy Report for characterizing the dynamics of the digital economy [4]; and the GSMA Mobile Connectivity Index for readiness metrics in the connectivity ecosystem [5]. The time horizon covers 2020–2025 and uses the most recent versions of documents. Through documentary-regulatory analysis, data regimes, AI governance, and cybersecurity requirements were mapped, and a regulatory profile was prepared for each country; a comparative method cross-checked SCO documents against national policies to identify convergences and points of tension; content analysis coded keywords in legal texts–such as "localization" and "AI risks"to evaluate the alignment between rhetoric and concrete measures. This corpus-method bundle makes it possible to empirically identify the "opportunities and constraints" of digital sovereignty across the SCO space and to align the resulting conclusions with the organization's institutional frameworks and practices.

Results

Drawing on the textual corpus, the study shows the following empirical situation. First, recent geopolitical tensions have increased threats to digital assets and have turned digital sovereignty into a dimension of national security; the weakening of digital sovereignty heightens the risk of direct negative impacts on water and food systems, "smart" power grids, telecommunications and IoT, the economy, healthcare, and security infrastructure. Second, while Central Asia has re-emerged as a strategic stage as a knot of digital highways, in the competition for control over technologies and data flows the region's states often rely on ready-made "one-stop" digital packages, which amplifies vendor lock-in risks; Kazakhstan seeks to diversify this exposure by experimenting with mixed models. Third, the information/digital sovereignty agenda at the regional level remains insufficiently ensured by common doctrines, systematic involvement of civil society, and

data-driven methods to protect youth from radical content; although China's "closed information sphere" can significantly restrict internal malign influences, a balanced "intermediate" approach is considered more appropriate for Central Asia. Fourth, digital sovereignty is interpreted not as "isolation" but as sustainable autonomy –the ability to design and operate critical systems for connectivity, data, AI, and cybersecurity while interacting compatibly with global ecosystems; excessive securitization can suppress rights and innovation, local platforms are often economically inefficient in small markets, and single-vendor architectures increase lock-in risks. Digital inequality persists across the SCO space, and markets remain insufficiently integrated; barriers to entry for leading platform companies are significant, and the region lags behind peers, which hampers the formation of a single digital market. At the same time, SCO political leadership has entrenched digital transformation as a strategic priority in the legal-institutional architecture: the 2020 Statement on the Digital Economy, the 2023 Statement on Digital Transformation, and the June 2025 Action Plan systematize a seven-pillar agenda and establish digitalization as a fundamental element of regional integration and strategic autonomy; when coupled with infrastructure diversification, data-storage sovereignty, innovative finance-and-platform instruments, and knowledge exchange, this mechanism strengthens Kazakhstan's role as a regional transit-technology hub. China's "Great Firewall" is shown to be more than a content filter: it is a multi-layered technical-legal infrastructure (domain/route blocking, DNS injection, SNI/HTTPS keyword matching, DPI). If applied excessively, it may negatively affect interoperability and platform innovation. Within the SCO, a "minimal common standard" for cybersecurity and data exchange is needed; such cooperation can improve service continuity without undermining sovereignty.

Discussion

Recent geopolitical tensions have made this phenomenon more relevant than ever. Given the unprecedented penetration of digital technologies into daily life, it is of paramount importance to protect national digital assets from any threats – whether stemming from rational calculation or deliberate malice. A weakening of digital sovereignty can adversely affect water and food supply, "smart" power grids, telecommunications, the Internet of Things, the economy and healthcare, as well as governance, security, and defense infrastructure [1]. Therefore, if these digital assets are threatened or compromised, national security is undermined and human lives are placed at risk.

Central Asia, long a crossroads of global trade routes, is again becoming a stage for strategic competition. This time, however, the old caravan routes have been replaced by digital highways. The new contest is over control of technologies and data flows. For the region's states, this often takes the form of ready-made digital packages offered under a "one-stop" logic: 5G mobile and 10G-PON fixed networks, smart-city systems (Huawei, ZTE), surveillance platforms (Hikvision), and fintech tools (Ant Group, Tencent), among others [2].

However, the benefits come with risks. Excessive dependence on a single supplier heightens the danger of vendor lock-in. When an entire digital ecosystem is tied to a single foreign provider, questions of security and long-term indebtedness inevitably arise. Kazakhstan has shown flexibility by not relying exclusively on Chinese systems and by testing mixed models to diversify risk.

The topic of information/digital sovereignty is particularly acute in Central Asia. First, when common information-security doctrines are agreed at the regional level, they can apply to the entire area and form an effective tool against destructive external influences.

Second, information security must be ensured systematically with the participation of all key actors, not only within the state but also including civil society.

Third, to protect youth from radical content, targeted efforts based on big-data analytics and the production of high-quality information goods tailored to audience demand are essential.

Fourth, although China's "closed information sphere" may be less visible to the outside world, it is highly effective at constraining destructive influences domestically; for Central Asia, however, a balanced ("intermediate") approach is likely more suitable [3].

Even so, for Central Asia it is better to understand digital sovereignty not as isolation but as sustainable autonomy: the capacity to design and manage critical systems for connectivity, data, AI, and cybersecurity independently, while operating compatibly with the outside world. At the same time, there is a risk of excessive securitization; when control dominates, rights and innovation are stifled. The idea of creating indigenous social platforms is often economically inefficient in small markets, and architectures dependent on a single vendor increase lock-in risks. Without measurable KPIs (share of open-source in the public sector, share of local R&D, MTTR for cyber incidents, data openness, an interoperability index), the topic risks remaining at the level of declarations, while the role of the private sector and academia is insufficiently elaborated. Practical solutions include classifying data by risk and differentiating cross-border flow rules; embedding anti-lock-in requirements in procurement (open interfaces and standards, mandatory API contracts, code/key escrow, migration and exit clauses); establishing national registries of interoperability standards; systematic training for security architects and DevSecOps; introducing red-team/bug-bounty and independent audits; and piloting open technologies and open AI models. Such balance preserves the trade-off between security, rights, and innovation and makes digital sovereignty both real and sustainable.

Cyber-sovereignty is an extension of a state's sovereignty into cyberspace and an important component of national sovereignty as a whole [4]. One of the key features of traditional sovereignty is territorial control. Under digital sovereignty, however, because the internet is merely an interlinked set of networks, mechanisms such as control over data, governance of infrastructure and platforms, the setting of standards and rules, and the regulation of cross-border data flows come to the fore rather than territorial borders.

As a regional cooperation organization built upon collaboration in the field of security, the SCO exhibits a persistent digital divide among its member states and insufficient integration of their digital markets. The organization brings together countries of Central, South, and East Asia, encompassing Islamic, Turkic, Chinese, and Slavic civilizations. Differences in political, economic, and cultural conditions have led to uneven development of the digital sphere and insufficient intra-SCO cooperation. In the Central Asian SCO members, numerous barriers remain for advanced technology companies to enter the sphere of digital trade, while the region's digital development continues to lag behind, thereby widening the digital divide within the SCO. Regional economic cooperation within the SCO is a prerequisite for building a regional community of shared future, yet progress toward a single market in the digital economy still lags [5].

At the same time, the political leadership of SCO member states has granted digital transformation the status of a key strategic priority. Digitalization is enshrined in long-term development plans and the organization's institutional architecture. This is reflected in several foundational documents, including the Statement of the SCO Council of Heads of State on the Digital Economy (2020), the Statement on Digital Transformation (2023), and the Action Plan for Digital Transformation (June 2025). The latter systematizes cooperation in seven priority areas: (1) digital infrastructure and connectivity; (2) cybersecurity and data protection; (3) e-commerce and smart logistics; (4) artificial intelligence and robotics; (5) digital skills and workforce development; (6) regulatory harmonization; and (7) cooperation on digital public goods.

Thus, within the SCO, digital transformation is no longer treated as a sectoral issue; it has become a fundamental element of regional integration and strategic autonomy amid an increasingly polarized global technological order.

Within the SCO, infrastructure diversification, data-storage sovereignty, shared innovation-finance/platform instruments, and knowledge-exchange mechanisms strengthen Kazakhstan's role as a regional transit-technology hub and simultaneously reinforce the three pillars of digital sovereignty: infrastructure, data ownership, and technological competence [6].

In this regional context, China's "Great Firewall" – not merely a content filter but an infrastructure that institutionalizes digital sovereignty through the combined use of domain/route blocking, DNS injection, keyword matching at the SNI/HTTPS level, and DPI – serves both as an example and a caution for the SCO space [7]. Its alignment with the legal layer (the Cybersecurity Law; the Data Security Law; the Personal Information Protection Law; the three-track system for cross-border data transfers via security assessment, standard contracts, or certification) provides clear procedures for data export; however, if applied excessively, it may weaken interoperability and platform innovation. In 2024–2025 China streamlined this regime and set a model slated to come fully into force from 1 January 2026. To strengthen digital sovereignty in Central Asia, the "protective" elements of this experience – narrow localization of critical data, risk-based oversight, timely disclosure of incidents – should be adapted, while elements that increase fragmentation should be constrained. At a practical level, a modular (variable-geometry) approach within the SCO is advisable: when certification/standard contracts enabling secure data exchange, open APIs and specifications, minimal common cybersecurity standards, and sustained CERT/CSIRT cooperation are in place, vendor dependence decreases, cyber-resilience grows, and the continuity of cross-border digital services is ensured [8]. Consequently, combining infrastructure diversification, data-storage sovereignty, and shared innovation-finance/platform tools with knowledge-exchange mechanisms strengthens Kazakhstan's role as a transit-technology hub and simultaneously reinforces the three pillars of digital sovereignty: infrastructure, data ownership, and technological competence; the key lesson from the "Great Firewall" is to realize sovereignty and security not at the expense of interoperability but by reinforcing it.

The analysis shows that a "balanced architecture" of digital sovereignty is taking shape among the Central Asian countries within the SCO: infrastructure capabilities are expanding, GovTech institutions are maturing, and trade-and-payments ecosystems are growing. The core constraints, however, remain in balancing data regimes, achieving interoperability, managing cyber risks, and reducing vendor-lock-in exposure. China's Great Firewall demonstrates that strict institutionalized defense can reduce vulnerabilities and discipline data circulation; yet copying it wholesale risks intensifying network fragmentation, increasing transaction costs, and dampening platform innovation. For Central Asia, the most effective path in the SCO logic is to selectively adapt the "protective" elements of the Chinese approach while constraining those that trigger fragmentation. The key is to prioritize interoperability: open specifications and compatible APIs, multi-vendor architectures, and technical/organizational audits of traffic-filtering/inspection tools. Empirical comparisons indicate that sustained progress is possible when three components are strengthened simultaneously: (1) infrastructure; (2) legal regimes (portability, standard contracts/certification for cross-border exchange, minimum cyber standards); and (3) governance practices. For the SCO, the policy-applied effect is "security through compatibility," not "security through closure": modular roadmaps for trusted data-exchange channels and common operating procedures yield regional synergy without sacrificing sovereignty.

Conclusion

Amid geopolitical turbulence, the viable trajectory of digital sovereignty for the Central Asian countries within the SCO is not "digital isolation" but managed openness: critical assets are protected on a risk-based basis while cross-border data and services circulate freely through predictable legal channels. Elevating digital transformation to a strategic priority and adopting a seven-pillar agenda, the SCO's next step is to institutionalize a "minimal common denominator": baseline cybersecurity standards; compatible data formats; protocols for data exchange and CERT/CSIRT cooperation; and rapid pilots at regional scale. Choosing interoperability, open specifications, and continuous audits of dependencies reduces risks, strengthens cyber-resilience, and accelerates innovation without ceding control over data and infrastructure to external actors. The core lesson of the "Great Firewall" is selective adoption of its protective instruments (protection – yes; fragmentation – no): classify data by risk and regulate cross-border flows through standard contracts/certification; embed anti-lock-in criteria in public procurement and partnerships; develop multi-vendor and auditable architectures; introduce unified threshold metrics for performance and security; and support domestic R&D and pilots of open technology stacks. Such a balance of "sovereignty+compatibility" transforms digital security from a constraint into a driver of development and enables the SCO to evolve from a forum into a fully-fledged coordinator of regional digital order.

Литература

1. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. (2022). CISA Strategic Plan 2023–2025. [Online]. Available: https://www.cisa.gov/sites/def… [Accessed: Oct. 16, 2025].
2. https://timesca.com/digital-geopolitics-and-ai-strategy-in-central-asia/
3. https://ea-monitor.kz/evraziyskiy-monitoring/informaczionnyj-suverenitet-v-stranah-czentralnoj-azii-rol-ekspertnogo-soobshhestva-v-mediaprostranstve/
4. Zhu, Y. 2017. "Problems of Internet Sovereignty from the Perspective of International Law." Journal of Xi'an University of Political Science 30 (1): 107–111.
5. https://www.uzbekistan.org.ua/ru/news/7719-цифровая-трансформация-шос-стратегические-намерения-и-структурные-реалии.html
6. https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/press/news/details/697129
7. Winter, P. The Great Firewall of China: How it Blocks Tor and Why it is Hard to Pinpoint, September 9, 2012.
8. Statement of the Council of SCO Heads of State on Cooperation in Digital Transformation; ITU. Global Cybersecurity Index.

MEASURING DIGITAL SOVEREIGNTY OF CENTRAL ASIAN STATES WITHIN THE SCO FRAMEWORK

Gumarova A.N.
Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages

In the context of globalization and digitalization, the notion of "digital sovereignty" has emerged as an extension of national sovereignty into cyberspace. This article identifies the key tasks and challenges in measuring the digital sovereignty of Central Asian states within the SCO framework and proposes an operationalization of the concept for comparative analysis. At the same time, digital sovereignty is treated not only as a policy goal but also as a potential source of risk: excessive data localization, closed protocols, and regulatory isolation may reinforce technological dependence, intensify network fragmentation, and weaken cyber-resilience. The author argues for continuous auditing of digital dependencies. Such an approach minimizes risks, strengthens cyber-resilience, and creates more favorable conditions – within the SCO – for balanced digital sovereignty among the Central Asian states.

The study also notes the influence of China's internet ecosystem and content-regulation practices (censorship, the "Great Firewall") on models of digital governance across the SCO space. The advantages and limitations of this model are analyzed.

Keywords: digital sovereignty, AI risks, SCO, localization, Central Asia, cybersecurity, cyber-resilience, Great Firewall, digital governance.

References

1. Cybersecurity and Infrastructure Security Agency. (2022). CISA Strategic Plan 2023–2025. [Online]. Available: https://www.cisa.gov/sites/def… [Accessed: Oct. 16, 2025].
2. https://timesca.com/digital-geopolitics-and-ai-strategy-in-central-asia/
3. https://ea-monitor.kz/evraziyskiy-monitoring/informaczionnyj-suverenitet-v-stranah-czentralnoj-azii-rol-ekspertnogo-soobshhestva-v-mediaprostranstve/
4. Zhu, Y. 2017. "Problems of Internet Sovereignty from the Perspective of International Law." Journal of Xi'an University of Political Science 30 (1): 107–111.
5. https://www.uzbekistan.org.ua/ru/news/7719-цифровая-трансформация-шос-стратегические-намерения-и-структурные-реалии.html
6. https://www.gov.kz/memleket/entities/maidd/press/news/details/697129
7. Winter, P. The Great Firewall of China: How it Blocks Tor and Why it is Hard to Pinpoint, September 9, 2012.
8. Statement of the Council of SCO Heads of State on Cooperation in Digital Transformation; ITU. Global Cybersecurity Index.

О компаративах в осетинском языке

Гутиева Эльмира Тамерлановна,
старший научный сотрудник отдела осетинского языкознания Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева
E-mail: gutieva@list.ru

Статья посвящена описанию категории степени сравнения прилагательных в осетинском языке в типологическом и теоретико-морфологическом аспектах. Исходя из отсутствия у осетинских прилагательных флективных словоизменительных парадигм рода, числа и падежа, рассматривается вопрос об их морфологическом статусе, а также о размытости границ между прилагательными, существительными и наречиями, интерпретируемой не как результат утраты флексий, а как проявление первичной грамматической амбивалентности. Особое внимание уделяется системе выражения сравнительности. Показано, что в осетинском языке сравнительная степень прилагательных образуется исключительно морфологическим способом с помощью продуктивного суффикса -дæр, тогда как суперлатив выражается аналитически и, как правило, основывается на форме компаратива. Алгоритм образования сравнительной степени является строго регулярным и не демонстрирует исключений. Отдельный раздел статьи посвящён проблеме инфериорной сравнительности. На материале осетинского языка обосновывается отсутствие адъективных средств выражения значения «меньшей степени признака». Инфериорность реализуется посредством отрицательных или глагольных конструкций, а также перифрастических описаний. Делается вывод о том, что осетинский язык представляет собой показательный случай системного отсутствия инфериорного компаратива при наличии развитого морфологического компаратива супериорности. Подчёркивается типологическая значимость осетинского материала для теории сравнительной морфологии и для переосмысления статуса прилагательного в языках с высокой аналитичностью данного морфологического класса.

Ключевые слова: осетинский язык, иранские языки, русский язык, степени сравнения, компаратив, инфериорный компаратив

По лапидарности описания в работах по грамматике, по типологии из знаменательных частей речи прилагательное уступает, возможно, только наречию. В меньшей степени это касается языков, где прилагательные имеют развитую систему словоизменения, играют ключевую роль в выражении грамматических значений. Основные их парадигмы включают: изменение по родам, склонение по числам, спряжение по падежам (в языках с падежной системой). В неосновные парадигмы можно отнести проявление категории одушевленности-неодушевленности имен существительных в их предложно-падежных формах, также они могут являться особыми формами для выражения принадлежности.

Однако в отличие от таких «совершенных», по мнению В.Гумбольдта, языков, в ряде языков у прилагательных нет флективных словоизменительных парадигм, что ставит под сомнение их самостоятельный статус. Подобная абсолютная аналитичность наблюдается в ряде иранских языков: в осетинском языке и в языке парачи прилагательные не имеют морфологических маркеров, за исключением случаев, когда они выполняют функцию существительного [10, с. 697]. В языке вахи прилагательные также не склоняются [6, с. 829], в хорезмийском [8, с. 344] выделяют только деривационные форманты.

Из комплексного определения русского прилагательного для перечисленных языков подходит лишь категориальное значение и морфологическая категория: «Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета и выражающая это значение в словоизменительных морфологических категориях рода, числа и падежа. Прилагательное обладает морфологической категорией степени сравнения и имеет полные и краткие формы». Для описания морфологического разряда в «несовершенных» языках в данное определение следует внести существенные изменения: «Имя прилагательное – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак предмета *и не имеющая словоизменительных морфологических категорий ни рода, ни числа, ни падежа*. Прилагательное обладает морфологической категорией степени сравнения *и не имеет ни полных, ни кратких форм*». Подобное отрицательное определение применимо, например, к английскому языку, однако в этом западно-германском языке аналитичность, в том числе и прилагательных, это вопрос языковой эволюции. В осетинском оснований говорить, что была до-аналитическая, более или менее флективная стадия в развитии прилагательных данных нет. Кроме того, осложняет ситуацию, то обстоятельство, что границы между морфологическими классами несколько размыты. В ряде случаев можно говорить об омонимии прилагательного и существительного или об омонимии прилагательного и наречия. Может представляться затруднительным определение морфологического статуса слова *бирæ*: *бирæ адæм, бирæ адæймæгтæ* «многие люди» или «много людей»? На наш взгляд, это явление функциональной омонимии можно считать некой первичной грамматической амбивалентностью ввиду близости этих морфологических разрядов или лексико-семантической полисемией, а не вторичной потерей флексий.

В осетинском языке способом различения существительных и прилагательных можно считать противопоставление – склоняемые-несклоняемые части речи. Субстантивированные прилагательные в русском языке сохраняют парадигму собственного склонения, в осетинском за неимением собственной приобретают парадигму существительного, подобным образом и в согдийском [15, с. 654], тогда как в не-иранском английском языке прилагательные остаются неизменяемыми.

Даже для не универсально выделяемой категории можно найти универсалии разного порядка. Самым всеохватывающим маркером прилагательного считается способность образовывать степени сравнения.

Традиции подходить к средствам выражения сравнительности с позиций «нормативной» грамматики, ведут к неизменному выделению трех степеней сравнения прилагательных, т.к. для описания и преподавания языков использовались образцы классических грамматик. Однако трехчастное деление Apositive – Acomparative – Asuperlative накладывается на материал разных языков не так однозначно. Количество степеней сравнения, особенности их формообразования и словоупотребления в каждом отдельном языке индивидуальны, что обнаруживается при сопоставлении языков, объединенных в одну группу и даже подгруппу, высокой степенью генетического родства.

Само суффиксальное образование сравнительной степени является общеиндоевропейской универсалией, но в ряде языков наряду с морфологическими моделями сосуществуют синтетические конструкции. Однако в восточно-иранском осетинском языке можно говорить о строго «дифференцированном» сосуществовании этих моделей, граница между алгоритмами образования проходит строго по степени сравнения. Компаративы и суперлативы образуются различно, морфологическим и синтетическим способом, соответственно.

Прилагательное получает морфологическое оформление только в сравнительной степени: Acomp. образуется путем прибавления к основе положительной степени суффикса [Stem – *-дæр*].

В положительной степени, как в производящей основе, маркер отсутствует [Stem]. Таким образом, противопоставлены немаркированный и маркированный член оппозиции.

Алгоритм образования компаративов не знает исключений. Одинаково, т.е. простым присоединением форманта – без инфикса и не вызывая каких-либо изменений в составе корневой морфемы как при глагольном или именном словоизменении, независимо от фонетической длины, стадии ассимилированности в языке (в случае заимствований) и деривационной истории образуются сравнительные степени:

• простых прилагательных [Root – *-дæр*]: *тар – тар-дæр* (темный– более темный);

• простых прилагательных на дентальный: *цауд – цауд-дæр* **(**слабый – более слабый);

• суффиксальных производных [Root-Suff.-*дæр*]: *тыхджын – тыхджын-дæр* (сильный – более сильный), *зæрдиаг – зæрдиаг-дæр* (душевный, усердный – более душевный, более усердный): *раззагон – раззагон-дæр* (передовой – более передовой);

• префиксальных производных [Pref.-Root-*дæр*]: *æнæниз – æнæниз-дæр* (здоровый – более здоровый);

• префиксальных производных с дентальным в исходе: *æнамонд – æнамонд-дæр* (несчастный – более несчастный);

• композитов [Root1-Root2 – *-дæр*]: *цæстуарзон – цæстуарзондæр* (доброжелательный – более доброжелательный);

• композитов на дентальный *зæрдæргъæвд – зæрдæргъæвд-дæр* (смышленый – более смышленый);

• при наличии объекта сравнения: *тæрхъусæй – æнамонддæр* (еще более несчастный, чем заяц); «Æнамонд у æнæцырагъ адæймаг, мин хатты *æнамонддæр* та у, йæ рухс кæмæн байстой, кæнæ йæ йæхæдæг рохуаты чи ныууагъта, уый.» (Несчастен человек не наделенный светом, но в тысячу раз несчастнее тот, у которого отняли этот свет, или тот, кто сам отказался от него) (*здесь и далее представлены примеры, взятые из текстов художественных произведений на осетинском языке, и переведенные автором*).

• при кореферентном сравнении, когда «объектом и стандартом сравнения является один и тот же предмет в разные моменты времени» [Князев 2007: 208]: «*Уæдæй амонджындæр никуыма уыдтæн… мæнæ ныр, мæнæ*.» (С тех пор не был я таким счастливым… вот теперь, вот.).

В осетинском отмечено употребление групповой флексии при склонении однородных членов предложения, выраженных существительными, тогда как при образовании компаративов у каждого из сочиненных прилагательных должна быть оформлена степень сравнения: «Туг чи ныккала, уый ноджы *мæгуырдæр* у, *тæригъæдджындæр æмæ æнамонддæр*.» (Кто кровь прольет, тот еще более беден, более грешен и более несчастен). В данном примере с тремя однородными предикативами, выраженными прилагательными в сравнительной степени, групповым можно считать усилитель сравнительности *ноджы* «еще более», употребленный однократно. Данный интенсификатор часто употребляется в сравнительных конструкциях: «Кæд хуыздæр исты æрцахса йæ зонд, уæд ноджы *амонджындæр* фод! (Если придет к более разумному решению, пусть станет еще более счастливым).

Факт регулярности образования суффиксального компаратива можно считать обще-иранской универсалией с поправкой на суффикс или фонетический облик форманта. В наиболее распространенных языках, фарси, таджикском, формант имеет вид *-tar* [14, с. 433].

В осетинском языке этот самый продуктивный иранский суффикс представлен в озвонченном варианте *-дæр*. В редких случаях в заимствованных словах, прошедших стадию образования степени сравнения в языке-доноре, не происходит аналогического выравнивания: в паре *хистæр-кæстæр* «старший-младший» прото-формант сравнительной степени *-тар* не подвергся озвончению и остался неизменным [2].

Подобное озвончение суффикса наблюдается, например, в хорезмийском *-dar (–dr): bazag-dar (bzk-dr)* «более плохой» [8, с. 344], а в шугнанском языке подобный формант отмечен в формах с двойной или усиленной сравнительностью прилагательных и наречий: *ʤald* «быстро» – *ʤald-dɪ* «быстрее» – *ʤald-dar-dɪ* «ещё быстрее» [5, с. 225–241]. Интересно, что *-dar–* предшествует в качестве инфикса регулярному в шугнанском суффиксу сравнительной степени *dɪ-*, и отдельно не используется. И в осетинском, и в шугнанском категория сравнительности может наблюдаться у некоторых существительных. В шугнанском это имена, обозначающие качество, время или место: *sɑrakɪ* «утро» – *sɑrakɪ-dɪ* «пораньше утром», *kampir* «старуха» – *kampir-dɪ* «женщина старше» [5, 225–241]. В осетинском компаративы образуют существительные, которые предицируют качества, комплекс параметров: *лæгдæр* в значении «более мужественный, с более мужскими качествами», букв. «более мужчина», аналогичным образом возможно присоединение суффикса сравнительности к слову *хъайтар* «герой» – *хъайтардæр* «более героический», букв. «больше герой».

Следует отметить немногочисленные отклонения от «ожидаемого» набора форм бинарной оппозиции, но не представленной в дефектной парадигме оказывается форма положительной степени, а сравнительная форма выступает в роли единственной «сравнённой» формы: *уæлдæр* «выше, более высокий», *фылдæр* «больший, более», *къаддæр* «меньший, менее». Первый корень опознаваем, но не встречается в свободном словоупотреблении, *фыл–* с диссимиляцией плавных [1, с. 496] частично опознаваем, *къад–* не встречается больше ни в каких формах в осетинском языке [1, 616].

В русском языке слова «более» и «менее» являются квантификаторами для выражения превосходства (супериорности) или неполноты качества, образуя так называемые аналитические формы компаратива, которые параллельны синтетическим. Так как нет синтаксического компаратива со словом «более, больше» «*фылдæр*», то и со словом «менее, меньше» *къаддæр* ожидать их не логично. Однако в единичных случаях фиксируется употребление *къаддæр* в научном или формальном тексте. В связи с малым количеством примеров, ограниченной сочетаемостью *къаддæр* с прилагательными мы предлагаем считать такие инфериорные компаративные конструкции следствием влияния русской компаративной модели в не-продуктивной и не-активной стадии.

Инфериорной компаративной конструкцией называется конструкция сравнения, в которой объект сравнения обладает более низкой степенью параметра (признака, по которому сравниваются референты), чем стандарт сравнения (референт, через сравнение с которым описывается объект сравнения). Важно отметить, что инфериорными являются конструкции, в которых значение ‘более низкая степень’ относится к конкретному слову – параметру сравнения, а не к семантической области, к которой данный параметр относится.

В языках применяются аналитические маркеры или специфические морфемы для выражения подчиненности, что демонстрирует разнообразные стратегии выражения сравнительной степени.

На основании сравнения языков, представляющих 40 семей и более десятка отдельных языков, Дж. Бобалйик выводит универсалию категории негативной сравнительности, которую он называет *Less-lessness*:

«Ни в одном языке нет аффиксальной отрицательной сравнительной степени» (No language has a synthetic comparative of inferiority) [7]. Сравнение превосходства («больше X») во многих языках является аффиксальным, … но сравнение инфериорности («меньше X») никогда не является таковым. (Comparison of superiority (‘more X’) is affixal in many languages, as in *long – long-er*, but comparison of inferiority (‘less X’) never is.) [7].

Ни в одном из более чем 300 языков, проанализированных в рамках данного исследования, автором не было обнаружено данных, даже отдаленно напоминающего контрпример.

С позиций универсалии Дж.Бобалйика возможно уточнить общеиндоевропейскую универсалию о суффиксальной сравнительности, введя в нее слово супериорный: общей характеристикой является именно возможность выражения превосходящего по степени качества.

Универсалии не носят абсолютного характера, так, в языке пушту нет морфологических способов образования компаративов (Pashto does not have comparative or superlative suffixes) [12, с. 732]. И, как показывает эмпирический материал, в некоторых языках невозможна и синтаксическая сравнительность. В осетинском языке нет инфериорных конструкций указывающих на уменьшение качества. У Дж. Бобалйика 9 раз упоминается осетинский, в части супплетивной сравнительности и про определенную особенность образования суперлатива. С другой стороны, в разделе про негативную компаративность не сказано про осетинский, возможно, и потому что еще не описано отсутствие форм инфериорного компаратива в осетинском языке и, возможно, в некоторых других языках.

Инфериорность в осетинском может быть выражена или отрицательным предложением, или через глагольную конструкцию с по-

казателем *къаддæр* «меньше, менее». Менее болтливый можно сказать только «он не является таким болтливым» *ахæм дзураг нæу* или «меньше разговаривает/болтает» *къаддæр дзуры*.

В случаях, когда нет глаголов подходящей семантики применяются более описательные конструкции и остается первая опция через отрицательное предложение*: Менее счастливый* – *У*ый бæрц амонд æм нæй «Он не обладает таким счастьем». Либо Ахæм *амондджын* нæу «Он не является таким счастливым».

Заключение

Включение системы образования степеней сравнения осетинского языка в орбиту типологического описания может быть интересным определенными и достаточно специфическими особенностями:

– отсутствие «склоняемости» (только если субстантивировалось), при высокой степени флективности в разрядах существительного и глагола.

– строгое разграничение: только морфологический компаратив, только аналитический суперлатив

– образование суперлатива с формой компаратива с усилителем (в отличие от скажем рестриктивного англ: most positive, или, скажем в русском, возможно «самый хороший» и «самый лучший», «самый плохой» и «самый худший».

– отсутствие инфериорного компаратива, т.к. редкие случаи использования отрицательной сравнительности можно считать несколько искусственными и обусловливать интерференцией русского языка.

Литература

1. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Том I. / А-К'. М.-Л.: 1958. 656 с.
2. Гутиева Э.Т. Хистæр и кæстæр: парный языковой портрет осетинских слов старший/младший. Kavkaz-forum. Владикавказ. 2025. Вып 23 (30). С. 19–31.
3. Князев Ю.П. Аналитические компаративные конструкции со словами более и менее в русском языке // Posiedzenie Komisji Budowy Gramatycznej Języków Słowiańskich przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów (Заседание Комиссии по изучению грамматической структуры славянских языков Международного комитета славистов). Program. Abstrakty, Warszawa, 18–20 września 2019. 2019. С. 31–34.
4. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. М.: Языки славянских культур, 2007. 704 с.
5. Эдельман Д.И. Шугнанский язык // Иранские языки. III. Восточноиранские языки / Рогова Н.В. М.1999. С. 225–241.
6. Bashir, E. Wakhi. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.835–858.
7. Bobaljik, J.D. Missing Persons: A case study in morphological universals. The Linguistic Review 2008. 25(12): Pp. 203–230.
8. Durkin-Meisterernst, D. Khwarezmian // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 336–376.
9. Edelman, J.I. Dodykhudoeva, R. Shughni // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.727–824.
10. Kieffer, Ch.M. Parachi. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 693–720.
11. Paul, L. Zazaki. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 545–586.
12. Robson, B and Tegeyt, H. Pashto // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.721–772.
13. Universals in Comparative Morphology Suppletion, superlatives, and the structure of words Jonathan David Bobaljik Draft. 2011. 308 p.
14. Windfuhr, G., Perry, J.R. Persian and Tajik // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. 2009. 872 p.
15. Yo shida, Yu. Sogdian. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.279–335.

ON COMPARATIVES IN THE OSSETIAN LANGUAGE

Gutieva E.T.
North Ossetian Institute of Humanities and Social Research

The present article describes the category of comparative degree in Ossetian from typological and theoretical-morphological perspectives. The absence of inflectional paradigms of gender, number, and case in Ossetian adjectives, the article examines their morphological status, as the blurred boundaries between adjectives and classes of nouns, and adverbs, respectively, is interpreted not as a result of the loss of inflections, but as a manifestation of primary grammatical ambivalence. Particular attention is paid to the system of expressing comparativeness, which is formed exclusively morphologically using the productive suffix -дæр, while the superlative is expressed analytically and, as a rule, is based on the form of the comparative. The algorithm for forming the comparative degree is strictly regular and exhibits no exceptions. A separate section of the article is devoted to the problem of inferior comparativeness. Using material from the Ossetian language, the absence of adjectival means for expressing the meaning of a "lesser degree of a feature" is substantiated. Inferiority is realized through negative or verbal constructions, as well as periphrastic descriptions. It is concluded that the Ossetian language represents a case of the systemic absence of an inferior comparative despite the presence of a developed morphological comparative of superiority. The typological significance of the Ossetian material for the theory of comparative morphology and for rethinking the status of the adjective in highly analytic languages of this morphological class is emphasized.

Keywords: the Ossetian language, Iranian languages, the Russian language, degrees of comparison, comparative, inferior comparative.

References

1. Abaev V.I. Historical and Etymological Dictionary of the Ossetian Language. Volume I. / A-K'. Moscow-Leningrad: 1958. 656 p.
2. Gutieva E.T. Histær and kæstær: Paired Linguistic Portrait of the Ossetian Words 'senior'/'junior'. Kavkaz-forum. Vladikavkaz. 2025. 23 (30). P. 19–31.
3. Knyazev Yu.P. Analytical Comparative Constructions with the Words 'more' and 'less' in Russian // Meeting of the Commission for the Study of the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists (Meeting of the Commission for the Study of the Grammatical Structure of the Slavic Languages of the International Committee of Slavists). Program. Abstracts, Warsaw, 18–20 February 2019. 2019. Pp. 31–34.
4. Knyazev Yu.P. Grammatical Semantics. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. 704 p.
5. Edelman D.I. The Shugnan Language // Iranian Languages. III. Eastern Iranian Languages / Rogova N.V. Moscow, 1999. Pp. 225–241.
6. Bashir, E. Wakhi. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.835–858.
7. Bobaljik, J.D. Missing Persons: A case study in morphological universals. The Linguistic Review 2008. 25(12): Pp. 203–230.
8. Durkin-Meisterernst, D. Khwarezmian // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 336–376.
9. Edelman, J.I. Dodykhudoeva, R. Shughni // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.727–824.
10. Kieffer, Ch.M. Parachi. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 693–720.
11. Paul, L. Zazaki. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp. 545–586.
12. Robson, B and Tegeyt, H. Pashto // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.721–772.
13. Universals in Comparative Morphology Suppletion, superlatives, and the structure of words Jonathan David Bobaljik Draft. 2011. 308 p.
14. Windfuhr, G., Perry, J.R. Persian and Tajik // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. 2009. 872 p.
15. Yo shida, Yu. Sogdian. // THE IRANIAN LANGUAGES Ed. Windfuhr, G. Great Britain, Cornwall. Pp.279–335.

Трансформация архитектуры безопасности АТР: переход от системы двусторонних альянсов к сетевой дипломатии

Гюльмамедов Элмар Ниязович,
кафедра сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: 1142240471@pfur.ru

Исследование анализирует структурную трансформацию архитектуры безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где традиционная система двусторонних альянсов постепенно дополняется механизмами сетевой дипломатии. Выявлены ключевые противоречия между институциональной устойчивостью альянсов и функциональной необходимостью многосторонних форматов в условиях множественных трансграничных вызовов. Проблема исследования состоит в определении факторов, препятствующих полноценной институционализации многосторонних механизмов безопасности, и оценке перспектив их интеграции с существующей системой альянсов. На основе анализа конкретных случаев взаимодействия в рамках AUKUS, Quad, ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus и других форматов установлено, что региональная архитектура безопасности эволюционирует не в сторону замещения двусторонних структур, а в направлении формирования гибридной модели с переменной геометрией участия. Научная новизна заключается в выявлении механизмов функциональной комплементарности между иерархическими альянсами и горизонтальными сетевыми структурами в специфических условиях АТР.

Ключевые слова: архитектура безопасности, Азиатско-Тихоокеанский регион, двусторонние альянсы, сетевая дипломатия, многосторонние механизмы, институционализация, ASEAN, Quad, трансграничные угрозы

Архитектура безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона на протяжении последних семи десятилетий базировалась на системе двусторонних военно-политических альянсов, центром которых выступали Соединенные Штаты. Договоры с Японией (1951/1960), Республикой Корея (1953), Филиппинами (1951), Таиландом (1954) и Австралией (1951) сформировали так называемую систему «hub and spokes» – модель, в которой США выступали осевым центром, связанным отдельными «спицами» с региональными партнерами, практически не взаимодействующими между собой на институциональном уровне [9, с. 87–91]. Эта конфигурация радикально отличалась от многосторонней модели НАТО, доминировавшей в евроатлантическом пространстве. Однако в последние два десятилетия наблюдается качественное изменение регионального ландшафта безопасности: появление множества многосторонних диалоговых платформ, трехсторонних форматов взаимодействия, минилатеральных коалиций и проблемно-ориентированных сетей [13, с. 234–236]. Ключевой исследовательский вопрос заключается не в констатации этого процесса, а в понимании его природы: происходит ли действительная трансформация с вытеснением двусторонних структур, или наблюдается наслоение различных уровней институционализации с сохранением базовой роли альянсов?

Проблематика исследования определяется противоречием между логикой развития региональных вызовов безопасности и институциональной инертностью существующих структур. Современные угрозы – морская безопасность, кибербезопасность, пандемии, климатические изменения, энергетическая безопасность – носят трансграничный, сетевой характер и требуют координации усилий множества акторов. Двусторонние альянсы, созданные в контексте биполярной конфронтации для сдерживания конкретного противника, структурно не приспособлены для решения подобных задач [2, с. 48–52]. Одновременно попытки создания полноценных многосторонних институтов безопасности в АТР систематически наталкиваются на ряд препятствий: отсутствие консенсуса относительно ключевых угроз, различия в политических системах и стратегических культурах, опасения малых государств относительно доминирования крупных держав, нежелание США делиться контролем над региональной повесткой безопасности. В результате формируется гибридная и нестабильная конфигурация, где традиционные альянсы сосуществуют с множеством слабоинституционализированных форматов без четкого разделения функций и ответственности [4, с. 70–73].

Для понимания специфики происходящих изменений необходимо проанализировать конкретные механизмы функционирования как двусторонних альянсов, так и новых сетевых структур. Американо-японский альянс, являющийся краеугольным камнем региональной системы безопасности, в последние годы демонстрирует существенную адаптацию. Пересмотр Руководящих принципов оборонного сотрудничества в 2015 году расширил географический охват совместной деятельности за пределы непосредственной обороны территории Японии, включив понятие «мир и безопасность в международном сообществе». Принятие Японией законодательства о коллективной самообороне в том же году юридически оформило возможность участия Сил самообороны в операциях по защите союзников [7, с. 15–18]. Однако эти изменения не привели к трансформации двустороннего альянса в многостороннюю структуру. Вместо этого наблюдается параллельное развитие трехсторонних форматов: США-Япония-Республика Корея (с регулярными встречами на уровне министров обороны и глав генштабов с 2014 года, институционализированные Кэмп-Дэвидской встречей лидеров в августе 2023 года), США-Япония-Австралия (Trilateral Strategic Dialogue с 2002 года, расширенный до уровня министров иностранных дел и обороны), США-Япония-Индия (формат встреч министров иностранных дел с 2015 года).

Критически важно, что эти трехсторонние форматы не заменяют двусторонние альянсы, а надстраиваются над ними. Они лишены собственной договорно-правовой базы взаимных обязательств, не создают интегрированных командных структур и не предполагают автоматического вовлечения всех участников в конфликт с участием одного из них. Их функциональность концентрируется на координации политических позиций, обмене разведывательной информацией, проведении совместных учений и выработке общих подходов к региональным

проблемам [10, с. 542–548]. Эта институциональная «легкость» является одновременно преимуществом и ограничением: она позволяет обходить сложные вопросы суверенитета и взаимных гарантий, но создает проблему обязывающей силы и предсказуемости. Показательна ситуация с треугольником США-Япония-Республика Корея, где, несмотря на явную стратегическую логику тесного взаимодействия перед лицом северокорейской ядерной программы и растущей мощи КНР, полноценная институционализация десятилетиями сдерживалась историческими противоречиями между Токио и Сеулом. Кэмп-Дэвидские соглашения 2023 года представляют попытку преодоления этого барьера, но их устойчивость зависит от внутриполитической ситуации в каждой из стран и может быть обратима.

Quad (Quadrilateral Security Dialogue) представляет иную модель эволюции региональной архитектуры. Инициированный в 2007 году, он был быстро заморожен после выхода Австралии под давлением Китая, но реанимирован в 2017 году на уровне заместителей министров иностранных дел, повышен до уровня министров в 2019 году и до уровня лидеров в 2021 году [12, с. 218–224]. Quad объединяет четыре демократии индо-тихоокеанского региона (США, Япония, Индия, Австралия), но его институциональная природа принципиально отличается от военного альянса. Участники последовательно избегают формализации взаимных обязательств безопасности, концентрируясь на «позитивной повестке»: вакцинная дипломатия (Quad Vaccine Partnership), критическая инфраструктура (совместная разработка стандартов 5G и 6G), морская безопасность (обмен информацией через Indo-Pacific Partnership for Maritime Domain Awareness), климатические изменения, кибербезопасность. Отсутствие военного измерения объясняется прежде всего позицией Индии, которая сохраняет стратегическую автономию, избегает участия в альянсах и поддерживает значительные оборонные связи с Россией.

Функциональность Quad демонстрирует преимущества и ограничения сетевого подхода к безопасности. С одной стороны, формат позволяет координировать действия по широкому спектру вопросов, не требуя глубокой институционализации и снижая политические издержки участия. Индия получает возможность балансировать растущую мощь Китая без формального вступления в альянс с США, что соответствует ее традиционной политике неприсоединения и сохраняет маневр во взаимодействии с другими державами [3, с. 58–62]. С другой стороны, избегание военного измерения ограничивает сдерживающий эффект Quad в ситуациях острого кризиса. Во время китайско-индийского противостояния в долине Галван в 2020 году Quad не предпринял коллективных действий по поддержке Индии, что продемонстрировало отсутствие механизмов коллективной безопасности. Структура остается, по сути, консультативным форумом, влияние которого базируется не на юридических обязательствах, а на совпадении стратегических интересов участников, что делает его потенциально уязвимым при изменении политических приоритетов любого из членов.

AUKUS (Australia-United Kingdom-United States), объявленный в сентябре 2021 года, представляет третью модель институционального дизайна. Этот формат сочетает элементы традиционного военного альянса (передача Австралии технологий атомных подводных лодок, что ранее США осуществляли только в отношении Великобритании) с сетевыми характеристиками (Pillar II фокусируется на кооперации в области передовых военных технологий: искусственный интеллект, квантовые вычисления, подводные системы, гиперзвуковое оружие, кибервозможности, электронная война). Появление AUKUS вызвало дипломатический кризис с Францией (разрыв австралийского контракта на покупку дизельных подлодок на 66 млрд долларов) и настороженность среди региональных государств, в частности ASEAN, увидевших в нем милитаризацию региона и углубление противостояния с Китаем.

Принципиальное значение AUKUS заключается в демонстрации способности США углублять военно-технологическую интеграцию с избранными союзниками в ответ на специфические вызовы. Решение о передаче технологий атомных подлодок Австралии отражает оценку Вашингтоном критической важности контроля над подводным пространством Индо-Тихоокеанского региона в контексте модернизации подводного флота НОАК. Одновременно это демонстрирует пределы сетевой дипломатии: передача столь чувствительных технологий возможна только в рамках отношений с государствами, интегрированными в разведывательное сообщество Five Eyes и имеющими долгую историю военного сотрудничества [13, с. 238–240]. Расширение AUKUS на другие государства (обсуждается потенциальное участие Японии, Республики Кореи, Канады, Новой Зеландии в Pillar II) наталкивается на проблемы доверия, технологической совместимости и политической готовности к углубленному взаимодействию.

ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus (ADMM-Plus), запущенный в 2010 году, представляет многостороннюю платформу иного генезиса – инициированную не внешней державой, а региональной организацией. Формат объединяет десять членов ASEAN и восемь партнеров по диалогу (США, Китай, Россия, Япония, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия) и функционирует через рабочие группы по конкретным направлениям: морская безопасность, борьба с терроризмом, военная медицина, миротворчество, гуманитарная помощь при стихийных бедствиях, кибербезопасность, противодействие оружию массового поражения [8, с. 267–272]. ADMM-Plus проводит совместные учения (например, ADMM-Plus Maritime Security and Counter-Terrorism Exercise) и обеспечивает диалоговую площадку для взаимодействия всех крупных держав региона.

Однако эффективность ADMM-Plus серьезно ограничена принципом консенсуса ASEAN и избеганием политизированных вопросов. Споры о юрисдикции в Южно-Китайском море, территориальные противоречия, взаимная военная активность великих держав – все эти острые проблемы фактически выведены из дискуссии во избежание блокирования работы формата. В результате ADMM-Plus функционирует преимущественно в области «мягкой» безопасности и доверительных мер, не затрагивая собственно военно-стратегические противоречия. Показателен случай 2015 года, когда усилия по выработке общей позиции относительно милитаризации спорных территорий в ЮКМ столкнулись с противодействием Камбоджи и Лаоса, поддерживающих тесные отношения с Китаем, что привело к размыванию итоговых формулировок до уровня общих деклараций [4, с. 74–76].

Эта ситуация иллюстрирует фундаментальное противоречие, заложенное в концепцию сетевой дипломатии безопасности в АТР: инклюзивность платформ, включающих все заинтересованные стороны (включая потенциальных противников), делает невозможным обсуждение наиболее острых вопросов и выработку обязывающих решений. ADMM-Plus включает Китай как равноправного участника, что исключает его превращение в механизм сдерживания действий КНР. Напротив, эксклюзивные форматы (Quad, AUKUS) способны вырабатывать более определенные позиции и координировать конкретные действия, но их легитимность в глазах нейтральных государств региона ниже, а риск восприятия их как инструментов новой биполярности выше. Попытка совместить инклюзивность и действенность через создание множества частично пересекающихся форматов с переменным составом (variable geometry) ведет к фрагментации архитектуры безопасности и потенциальным проблемам координации [11, с. 156–161].

Анализ конкретных случаев взаимодействия различных форматов выявляет механизмы их функциональной дифференциации. В вопросе свободы судоходства в Южно-Китайском море двусторонние альянсы США с Японией и Филиппинами обеспечивают правовую основу и материальные возможности для проведения операций Freedom of Navigation Operations (FONOPS), демонстрирующих несогласие с чрезмерными морскими претензиями. Quad формирует дискурсивную рамку «свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» и координирует дипломатическую поддержку принципа свободы судоходства. ADMM-Plus служит площадкой для обсуждения кодекса поведения и мер доверия, включая Китай в диалог. Эта многоуровневая структура позволяет одновременно осуществлять военное присутствие, формировать коалицию поддержки и вести диалог с оппонентом, что было бы невозможно в рамках единой институциональной структуры [1, с. 412–418].

Однако подобная фрагментация создает проблемы координации и потенциальные противоречия. Участие Японии одновременно в американо-японском альянсе, Quad, трехсторонних форматах с Кореей и Австралией, ADMM-Plus, Восточноазиатском саммите, ASEAN Regional Forum требует сложной балансировки позиций и обязательств. Действия в рамках одного формата могут противоречить логике другого: жесткие заявления Quad относительно действий Китая в ЮКМ затрудняют конструктивный диалог в ADMM-Plus, где Япония и Китай являются соучастниками. Малые государства региона оказываются перед необходимостью выбора между различными форматами, каждый из которых предполагает определенную степень политического выравнивания. Сингапур, например, поддерживает тесные оборонные связи с США (включая размещение американских боевых кораблей и патрульных самолетов), одновременно избегая формального присоединения к антикитайским коалициям и настаивая на центральности ASEAN в региональной архитектуре безопасности.

Ключевым фактором, определяющим траекторию трансформации архитектуры безопасности АТР, является эволюция позиции Китая. Пекин последовательно критикует эксклюзивные форматы (особенно Quad и AUKUS) как проявления менталитета холодной войны и формирование блоковой конфронтации, противопоставляя им инклюзивные

многосторонние механизмы с участием всех заинтересованных сторон [5, с. 68–72]. Одновременно КНР активно развивает собственные двусторонние альянсы и партнерства: стратегическое партнерство с Россией (регулярные совместные военные учения, координация позиций в СБ ООН), укрепление связей с Пакистаном (Китайско-пакистанский экономический коридор, поставки вооружений, совместные учения), расширение военного сотрудничества с государствами Центральной Азии, Ближнего Востока и Африки. Инициатива «Один пояс, один путь» включает существенное измерение безопасности: строительство военно-морской базы в Джибути, портовых объектов в Пакистане, Шри-Ланке, Мьянме с потенциалом двойного использования [6, с. 187–194].

Принципиальное значение имеет стратегия Китая в отношении ASEAN. Пекин стремится позиционировать себя как поборника центральности ASEAN в региональной архитектуре безопасности, поддерживая форматы с участием Ассоциации (ADMM-Plus, ARF, EAS) и противодействуя механизмам, обходящим ASEAN (Quad). Эта стратегия базируется на оценке того, что в инклюзивных форматах, основанных на консенсусе, Китай может эффективно блокировать нежелательные инициативы через поддержку отдельных членов ASEAN (Камбоджа, Лаос, Мьянма имеют тесные связи с КНР). Одновременно Пекин развивает двусторонние отношения с отдельными членами ASEAN, используя экономические стимулы и создавая дифференцированную систему зависимостей. Разделение единого фронта ASEAN является ключевой целью китайской дипломатии, что продемонстрировал кризис вокруг решения Постоянной палаты третейского суда в Гааге по иску Филиппин в 2016 году, когда Китай смог предотвратить принятие ASEAN жесткой коллективной позиции [8, с. 295–299].

Реакция США на эти вызовы отражает попытку совмещения различных институциональных подходов. Вашингтон продолжает укреплять двусторонние альянсы (обновление Руководства по сотрудничеству с Японией, Республикой Кореей, Филиппинами, расширение Enhanced Defense Cooperation Agreement с Австралией), одновременно развивая минилатеральные форматы (Quad, AUKUS, трехсторонние диалоги) и поддерживая участие в ASEAN-центричных механизмах. Концепция «интегрированного сдерживания» (integrated deterrence), представленная в Стратегии национальной обороны США 2022 года, предполагает координацию действий союзников и партнеров по всему спектру областей (военная, экономическая, технологическая, информационная) [10, с. 628–635]. Это требует более глубокой интеграции между различными форматами взаимодействия и преодоления существующей институциональной фрагментации.

Однако реализация этой концепции наталкивается на структурные препятствия. Различные союзники и партнеры США имеют разные стратегические приоритеты, уровни военных возможностей и степень готовности к конфронтации с Китаем. Япония и Филиппины имеют прямые территориальные споры с КНР и заинтересованы в жесткой поддержке США, но Таиланд и Индонезия стремятся избежать втягивания в противостояние и сохранить свободу маневра. Индия, критически важный партнер в концепции Индо-Тихоокеанского региона, сохраняет стратегическую автономию и отвергает интеграцию в военные блоки. Попытки США создать более обязывающие многосторонние структуры регулярно интерпретируются региональными государствами как давление с целью выбора стороны, что вызывает отторжение и усиливает китайский нарратив о блоковой конфронтации [2, с. 56–58].

Европейское измерение добавляет дополнительную сложность в архитектуру безопасности АТР. Возрастающая вовлеченность европейских держав в индо-тихоокеанскую проблематику (стратегии ЕС, Франции, Германии, Нидерландов по Индо-Тихоокеанскому региону, военно-морское присутствие, участие в учениях) отражает осознание глобального характера вызовов безопасности. Участие Великобритании в AUKUS представляет качественно новый уровень европейского вовлечения. Однако интеграция европейских акторов в региональную архитектуру безопасности затруднена географической удаленностью, ограниченными возможностями проекции силы и неясностью обязательств в кризисных ситуациях. Реакция европейских государств на гипотетический конфликт в Тайваньском проливе остается предметом спекуляций, а опыт различий в подходах к противостоянию с Россией демонстрирует сложность формирования единых трансрегиональных коалиций.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что трансформация архитектуры безопасности АТР представляет собой не линейный переход от двусторонних альянсов к многосторонним институтам, а формирование сложной гибридной системы с сосуществованием и взаимодействием различных уровней институционализации [11, с. 203–208]. Двусторонние альянсы сохраняют ключевую роль в обеспечении жестких гарантий безопасности и сдерживания прямой военной агрессии. Минилатеральные форматы (Quad, AUKUS, трехсторонние диалоги) обеспечивают координацию действий единомышленников по широкому спектру вопросов безопасности, сочетая гибкость с возможностью выработки конкретных решений. Инклюзивные многосторонние платформы (ADMM-Plus, ARF, EAS) служат механизмами диалога, доверительных мер и координации действий в неполитизированных областях.

Перспективы дальнейшей эволюции архитектуры безопасности АТР зависят от взаимодействия нескольких сценариев. Сценарий углубления биполярного противостояния между США и Китаем вел бы к укреплению эксклюзивных коалиций, эрозии инклюзивных форматов и давлению на государства с целью выбора стороны. Это создавало бы риски милитаризации региона, гонки вооружений и случайной эскалации конфликтов. Сценарий формирования нового modus vivendi между крупными державами позволил бы развивать функциональное сотрудничество в конкретных областях при сохранении стратегической конкуренции, укрепляя проблемно-ориентированные сетевые механизмы. Сценарий фрагментации региона на субрегиональные комплексы безопасности (Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Южная Азия, Океания) с различной институциональной архитектурой отражал бы реальное разнообразие безопасностных ситуаций, но создавал бы проблемы трансграничных вызовов [1, с. 498–504].

Наиболее вероятным представляется продолжение текущей траектории институциональной гибридности с постепенным усложнением конфигурации форматов. Двусторонние альянсы будут адаптироваться к новым вызовам через расширение функциональной повестки (включение кибер-, космического, технологического измерений), географического охвата (подготовка к действиям за пределами непосредственной территории союзников) и координации между отдельными альянсами (трилатерализация). Минилатеральные форматы будут множиться, охватывая различные комбинации участников и проблемные области (потенциальные форматы: США-Япония-Филиппины по ситуации в ЮКМ, Австралия-Индонезия-Сингапур по морской безопасности, Япония-Индия по технологическому сотрудничеству) [13, с. 240–242]. Инклюзивные многосторонние платформы сохранятся как пространство диалога, но их роль в принятии решений останется ограниченной.

Таким образом, архитектура безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона находится в процессе сложной трансформации, характеризующейся не заменой двусторонних альянсов многосторонними институтами, а формированием многоуровневой гибридной системы переменной геометрии [12, с. 287–293]. Эта система отражает специфические условия региона: множественность центров силы, отсутствие консенсуса относительно ключевых угроз, разнообразие стратегических культур, сосуществование кооперации и конфликта. Функциональная комплементарность между различными институциональными уровнями обеспечивает определенную адаптивность системы к разнообразным вызовам, но создает проблемы координации, фрагментации и стратегической неопределенности. Перспективы дальнейшей эволюции зависят от способности ключевых акторов поддерживать минимальное стратегическое взаимопонимание при углубляющемся соперничестве, что представляет центральный вызов для региональной безопасности в ближайшие десятилетия. Научная новизна исследования заключается в выявлении механизмов функциональной специализации различных институциональных форматов и обосновании концепции гибридной архитектуры безопасности как устойчивой формы институциональной организации в условиях множественной полярности и стратегической неопределенности, присущих современному АТР.

Литература

1. Богатуров, А.Д. Международные отношения в Центральной и Восточной Азии: история и современность: учебное пособие / А.Д. Богатуров; Российский совет по международным делам. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Аспект Пресс, 2022. – 560 с. – ISBN 978-5-7567-1193-2.

2. Воскресенский, А.Д. Модель регионального комплекса безопасности в Восточной Азии / А.Д. Воскресенский // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 44–62.

3. Канаев Е.А., Королев А.С. Большая Евразия, Индо-Тихоокеанский регион и отношения России с АСЕАН // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. № 1.

4. Колдунова, Е. В. «Диалоговые партнерства» в Азиатско-Тихоокеанском регионе: ресурс или тормоз развития? / Е.В. Колдунова // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 2. – С. 68–77.

5. Ломанов, А.В. Новая концепции китайской внешней политики / А.В. Ломанов // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 4. – С. 64–78.

6. Лукин, А.В. Возвышающийся Китай и будущее России / А.В. Лукин. – Москва: Международные отношения, 2018. – 256 с. – ISBN 978-5-7133-1601-9.

7. Панов, А.Н. Японо-американский военно-политический союз: история и современность / А.Н. Панов // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 1 (64). – С. 7–24.

8. Acharya, A. The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region / A. Acharya. – Ithaca: Cornell University Press, 2013. – 344 p. – ISBN 978-0-8014-7736-2.

9. Cha, V.D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / V.D. Cha. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – 352 p. – ISBN 978-0-691-14453-5.

10. Green, M.J. By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783 / M.J. Green. – New York: Columbia University Press, 2017. – 760 p. – ISBN 978-0-231-18042-2.

11. He, K. Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic Interdependence and China's Rise / K. He. – London: Routledge, 2009. – 232 p. – ISBN 978-0-415-46884-8.

12. Medcalf, R. Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region / R. Medcalf. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 352 p. – ISBN 978-1-5261-5079-0.

13. Tow, W.T. Minilateral Security's Relevance to US Strategy in the Indo-Pacific: Challenges and Prospects / W.T. Tow // The Pacific Review. – 2019. – Vol. 32, No. 2. – P. 232–244.

TRANSFORMATION OF THE ASIA-PACIFIC SECURITY ARCHITECTURE: TRANSITION FROM A SYSTEM OF BILATERAL ALLIANCES TO NETWORK DIPLOMACY

Gulmamedov E.N.
Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

This study analyzes the structural transformation of the security architecture in the Asia-Pacific region, where the traditional system of bilateral alliances is gradually complemented by network diplomacy mechanisms. Key contradictions between the institutional stability of alliances and the functional necessity of multilateral formats under conditions of multiple transboundary challenges are identified. The research problem consists in determining factors that impede full institutionalization of multilateral security mechanisms and assessing prospects for their integration with the existing alliance system. Based on analysis of specific cases of interaction within AUKUS, Quad, ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus and other formats, it is established that regional security architecture evolves not toward replacement of bilateral structures, but toward formation of a hybrid model with variable geometry of participation. Scientific novelty lies in identifying mechanisms of functional complementarity between hierarchical alliances and horizontal network structures under specific conditions of the Asia-Pacific region.

Keywords: security architecture, Asia-Pacific region, bilateral alliances, network diplomacy, multilateral mechanisms, institutionalization, ASEAN, Quad, transboundary threats

References

1. Bogaturov, A.D. International Relations in Central and East Asia: History and Modernity: a study guide / A.D. Bogaturov; Russian International Affairs Council. – 2nd ed., corrected. and supplemented. – Moscow: Aspekt Press, 2022. – 560 p. – ISBN 978-5-7567-1193-2.

2. Voskresensky, A.D. Model of the Regional Security Complex in East Asia / A.D. Voskresensky // Comparative Politics. – 2019. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 44–62.

3. Kanaev, E. A., Korolev, A.S. Greater Eurasia, the Indo-Pacific Region, and Russia's Relations with ASEAN // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2019. No. 1.

4. Koldunova, E. V. "Dialogue Partnerships" in the Asia-Pacific Region: A Resource or a Brake for Development? / E.V. Koldunova // World Economy and International Relations. – 2018. – Vol. 62, No. 2. – Pp. 68–77.

5. Lomanov, A.V. New Concepts of Chinese Foreign Policy / A.V. Lomanov // Russia in Global Affairs. – 2023. – Vol. 21, No. 4. – Pp. 64–78.

6. Lukin, A.V. Rising China and the Future of Russia / A.V. Lukin. – Moscow: International Relations, 2018. – 256 p. – ISBN 978-5-7133-1601-9.

7. Panov, A.N. The Japanese-American Military-Political Alliance: History and Modernity / A.N. Panov // Bulletin of MGIMO-University. – 2019. – No. 1 (64). – P. 7–24.

8. Acharya, A. The Making of Southeast Asia: International Relations of a Region / A. Acharya. – Ithaca: Cornell University Press, 2013. – 344 p. – ISBN 978-0-8014-7736-2.

9. Cha, V.D. Powerplay: The Origins of the American Alliance System in Asia / V.D. Cha. – Princeton: Princeton University Press, 2016. – 352 p. – ISBN 978-0-691-14453-5.

10. Green, M.J. By More Than Providence: Grand Strategy and American Power in the Asia Pacific Since 1783 / M.J. Green. – New York: Columbia University Press, 2017. – 760 p. – ISBN 978-0-231-18042-2.

11. He, K. Institutional Balancing in the Asia Pacific: Economic Interdependence and China's Rise / K. He. – London: Routledge, 2009. – 232 p. – ISBN 978-0-415-46884-8.

12. Medcalf, R. Indo-Pacific Empire: China, America and the Contest for the World's Pivotal Region / R. Medcalf. – Manchester: Manchester University Press, 2020. – 352 p. – ISBN 978-1-5261-5079-0.

13. Tow, W.T. Minilateral Security's Relevance to US Strategy in the Indo-Pacific: Challenges and Prospects / W.T. Tow // The Pacific Review. – 2019. – Vol. 32, No. 2. – P. 232–244.

Государственный долг, частные токены: как закон GENIUS связывает стейблкоины с суверенитетом США

Жимми Тьерри Левер,
аспирант кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы
E-mail: jimmy.levers@yandex.com

Амелин Владимир Николаевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры сравнительной политологии РУДН им. Патриса Лумумбы

18 июля 2025 года в США был принят закон GENIUS, первый федеральный закон, создающий комплексную систему платежей в стейблкоинах. В данной статье утверждается, что закон GENIUS реализует государственную власть в цифровом денежном пространстве и значительно укрепляет финансовый суверенитет США. В ней анализируются основные рычаги закона: монополия на выдачу лицензий на эмиссию и трехлетний срок действия предложений на бирже; согласованные категории разрешенных эмитентов; резервы, ограниченные наличными деньгами, краткосрочными казначейскими облигациями, AML (борьба с отмыванием денег) и санкционными обязательствами. В статье эти механизмы связываются с четырьмя каналами суверенитета: (i) увеличение структурного спроса на государственный долг США, (ii) консолидация законодательства США в отношении цифровых токенов, (iii) экстерриториальное законодательство через режимы взаимности и (iv) политические сигналы, легитимирующие соответствующие требованиям долларовые токены. Однако ограничениями закона являются компромиссы в области конфиденциальности и гражданских свобод, а также зависимость от макроэкономической надежности. В статье предлагается новая концепция денежного суверенитета, в которой раскрытие информации о составе резервов, регулирование казначейством вопросов AML и конфиденциальности, а также определение взаимности для иностранных режимов являются важными инструментами суверенитета. GENIUS не решает вопрос о дизайне цифрового доллара, но существенно расширяет возможности США по закреплению частных рынков токенов в государственных деньгах.

Ключевые слова: GENIUS, государственный долг, частные токены

18 июля 2025 года Соединенные Штаты приняли Закон о руководстве и создании национальной инновационной системы для стабильных монет США (Закон GENIUS[1]), первый федеральный закон, создающий комплексную систему для платежей стейблкоинами. В данной статье утверждается, что закон GENIUS функционирует как инструмент финансового суверенитета, ограничивая законную эмиссию поднадзорными организациями, обязывая создавать резервы в виде казначейских облигаций США и распространяя юрисдикцию США на инструменты блокчейна в долларах, что позволяет реализовать государственную власть в цифровом денежном пространстве.

Основное внимание уделяется тому, какие правовые рычаги в GENIUS могут укрепить суверенный контроль США и, как следствие, гегемонию доллара? Вклад в эту работу двоякий. Во-первых, в ней излагаются основные механизмы закона: лицензирование, состав резервов, противодействие отмыванию денег, правовое разграничение, приоритет несостоятельности и взаимность для иностранных эмитентов. Во-вторых, он связывает эти механизмы с экстерриториальностью и недавними публикациями о свойствах стейблкоиных, схожих с денежным рынком. Утверждение заключается не в том, что GENIUS решает все вопросы проектирования, а в том, что он существенно увеличивает способность США формировать цифровые стейблкоины в долларах внутри страны и за рубежом, что имеет ощутимые последствия для структуры рынка и государственного управления.

Государственный долг США больше не является лишь вопросом финансового суверенитета. Он представляет собой системный риск для более широкого суверенитета и глобального авторитета страны. Дефицит за дефицитом[2], динамика роста долга и бремя процентных выплат ограничивают фискальное пространство, сужают выбор политических решений и могут ослабить доверие, лежащее в основе лидерства США.

Бюджетное управление Конгресса США (CBO) прогнозирует устойчивый дефицит и рост долга. Государственный долг может достичь новых рекордных показателей, составив к 2055 году примерно 156% ВВП в соответствии с действующим законодательством, что усилит уязвимость перед потрясениями и переоценкой рынка. Чистые процентные расходы превысят расходы на оборону с 2025 по 2035 год, вытеснив дискреционные возможности, имеющие центральное значение для государственного управления.

Это финансовое давление пересекается с вопросом доверия на рынках капитала. Понижение рейтинга Fitch в 2023 году с AAA до AA+ и повторяющиеся рискованные действия по поводу лимита долга сигнализируют о более высоких премиях за риск в условиях политических ограничений. Анализ БМР (Банка международных расчетов) предупреждает, что дисбаланс спроса и предложения суверенного долга может создать напряженность на рынках, увеличив риск пролонгации и затраты на поддержание фискального потенциала[3]. В случае возникновения фискального давления может произойти эрозия политической автономии, а монетарные решения будут подчиняться финансовым потребностям, что станет еще одним каналом, через который долг может ограничить суверенную свободу действий.

Глобальное влияние США основано на центральной роли доллара, которая, в свою очередь, зависит от институциональной надежности, глубины рынков и стабильности политики (Bertaut et al., 2025). Постоянный финансовый стресс рискует ослабить это преимущество, вызывая сомнения относительно будущей инфляции, независимости политики и безопасности долларовых активов, что в конечном итоге может ослабить сетевые эффекты, лежащие в основе доминирования доллара (Bertaut et al., 2025).

[1] Congress.gov, 18/07/2025, law No 119–27 https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582/text; https://www.whitehouse.gov/fact-sheets/2025/07/fact-sheet-president-donald-j-trump-signs-genius-act-into-law/; WhiteHouse.gov, 18/07/2025, https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/07/the-president-signed-into-law-s-1582/

[2] CBO report 2025–2035, January 2025, https://www.cbo.gov/publication/61172

CBO report 2025–2055, March 2025 https://www.cbo.gov/publication/61270

[3] REUTERS 10/12/2024, https://www.reuters.com/markets/global-markets-sovereign-2024–12–10/

Вашингтон ищет решения для предотвращения этого системного кризиса. Бюджетные процессы и установленные законом ограничения нацелены на первичный дефицит, в то время как реформы финансового рынка направлены на поддержание привлекательности и безопасности долларовых рельсов. В рамках этой комбинации закон GENIUS устанавливает федеральную структуру для платежей в стейблкоинах.

Финансовый суверенитет предполагает эффективный государственный контроль над эмиссией, обеспечением, конвертируемостью и правовым режимом денег в пределах юрисдикции, а цифровой суверенитет распространяет этот контроль на сетевые инфраструктуры и стандарты. Экстерриториальность доллара осуществляется через правовые и инфраструктурные каналы, клиринговые сети, корреспондентские отношения между банками и юрисдикцию санкций, проецируя правила США за пределы границ, когда транзакции затрагивают американских граждан, инфраструктуру или валюту. Стейблкоины усложняют эту картину, поскольку они выпускаются частными компаниями, но стремятся функционировать как инструменты, близкие к наличным деньгам. Эмпирически и концептуально они имеют общие черты с фондами денежного рынка, преобразующими ликвидность в краткосрочный государственный долг. Это сходство создает как каналы влияния для суверена, контролирующего базовый актив стейблкоина, так и пруденциальные внешние эффекты, которые требуют регулирования. (Martino, 2024, Pp. 1–13) анализируют денежный суверенитет в цифровую эпоху (Aldasoro et al., 2024, Pp. 1–25; Anadu et al., 2024) изучают взаимодействие стейблкоинов с денежными рынками и денежно-кредитной политикой. Юридические исследователи отображают «длинную руку» санкций США (Flanigan, 2024, p. 104) и гегемонию доллара (Arner et al., 2023, Pp. 231–232). Эта литература поддерживает идею проверки того, может ли федеральный режим стейблкоинов учитывать суверенные предпочтения в дизайне токенов, управлении и конвертируемости, сохраняя при этом системную стабильность.

Правовые рычаги (1)

Пункт (a) раздела 3 устанавливает, что выдача платежных стейблкоинов в США лицами, не имеющими на это разрешения, является незаконной. Пункт (b)(1) этого раздела гласит, что по истечении трех лет посредники в сфере цифровых активов не могут предлагать или продавать платежные стейблкоины лицам, проживающим в США, за исключением случаев, когда монета выпущена разрешенным эмитентом. Пункт (b)(2) гласит, что экстерриториальный эффект применяется, когда предложения направлены на лиц в Соединенных Штатах, и устанавливает уголовные и гражданские санкции, формируя глобальное поведение в области распределения. В соответствии с этими положениями продажа стейблкоинов, не привязанных к доллару США, запрещена на территории США и запрещена, если одна из сторон является лицом из США. Таким образом, конкурирующие стейблкоины не могут проникнуть в экономику США и должны отказаться от наиболее глубокого рынка.

Правовые рычаги (2)

В разделе 2 закон признает небанковские организации, имеющие федеральную лицензию, дочерние компании застрахованных депозитных учреждений/кредитных союзов, а также эмитентов, имеющих государственную лицензию и действующих в соответствии с государственным режимом, сертифицированным как «существенно аналогичный». Комитет по сертификации стейблкоинов, возглавляемый Министерством финансов США совместно с ФРС и FDIC[1], сертифицирует и периодически пересертифицирует государственные режимы, создавая гармонизированный периметр без ущемления разумного государственного надзора. Указано в разделе 4, пункт (12, b, i.). С помощью этих положений Белый дом открывает финансовое лицензирование для небанковских участников – ранее в основном ограниченное банками – что потенциально положит конец давней монополии и стимулирует инновации

Правовые рычаги (3)

Пункт 1 раздела 4 требует, чтобы каждый стейблкоин был обеспечен казначейскими векселями/облигациями со сроком погашения более 93 дней. Эмитенты должны ежемесячно публиковать разбивку резервов, а генеральные директора/финансовые директора должны подтверждать отчеты, которые подлежат проверке аудиторской фирмой, зарегистрированной в совете по надзору за бухгалтерским учетом публичных компаний.

Эта поддержка, ограничение сроком погашения казначейских активов в 93 дня, создает постоянный спрос на казначейские активы, и действительно, пока существует стейблкоин, он должен постоянно поддерживаться казначейскими активами, в то время как ранее каждый доллар представлял собой однократное требование к казначейству, и после погашения казначейских активов вексель/нота/облигация исчезали.

Правовые рычаги (4)

Соблюдение требований AML (борьба с отмыванием денег) и санкций. GENIUS включает в себя программы AML и санкций, предусмотренные Законом о банковской тайне, в том числе технологические возможности для соблюдения законных распоряжений о блокировке. Министерство финансов США опирается на блокчейн-доллары в рамках системы борьбы с финансовыми преступлениями на территории США и за ее пределами. Белый дом внедряет правовые инструменты, аналогичные контролю OFAC[2] и SWIFT. (Shagina, 2022)

Правовые рычаги (5)

Иностранные эмитенты стейблкоинов могут получить доступ к рынку США, если Министерство финансов сочтет их внутренний режим сопоставимым, эмитенты зарегистрируются в OCC[3], и будут соблюдать требования по обеспечению активами Казначейства США. Казначейство должно публиковать свои решения в Федеральном реестре и вести открытый список, экспортируя стандарты США посредством условного доступа к рынку. Таким образом, американское правительство гарантирует, что мировые эмитенты стейблкоинов в долларах США соблюдают законодательство США и что эмитенты должны всегда вести себя надлежащим образом, чтобы получить продление лицензии.

В совокупности эти рычаги обеспечивают контроль США над цифровыми стейблкоинами в долларах США, аналогичный традиционной финансовой системе, с двумя нововведениями. Во-первых, распределение денег в США больше не ограничивается банками. Во-вторых, в течение всего срока своего существования стейблкоин будет обеспечен постоянным спросом на казначейские активы.

Традиционный контроль над финансовой системой остается прежним: территориальный контроль, экстерриториальный контроль через американских граждан или валюту, соблюдение эмитентами американского законодательства.

Направляя резервы в казначейские облигации, GENIUS увеличивает структурный спрос на государственный долг США (Aldasoro et al., 2025, p. 4) и встраивает государственный долг в частные токены. Это может усилить сетевой эффект доллара и экосистему долга США.

Явная экстерриториальность в отношении предложений, адресованных гражданам США, и требуемые технические возможности для соблюдения законных распоряжений расширяют юрисдикцию законодательства США на цифровые платежные системы. Это согласуется с существующими публикациями об экстерриториальном воздействии санкций и торговых ограничений, связанных с долларом (Flanigan, 2024, Pp. 86–104), что позволяет предположить, что стейблкоины, соответствующие требованиям, могут стать дополнительным вектором влияния регулирующих органов США. Режим сопоставимости и взаимности (см. раздел 18) побуждает другие юрисдикции привести свои стандарты пруденциального регулирования и раскрытия информации в соответствие с требованиями GENIUS, чтобы сохранить доступ к рынку США, что является привычным способом распространения транснациональных правил.

Заявление Белого дома и сообщения Министерства финансов представляют GENIUS как проект, способствующий инновациям и укреплению господства доллара. Это сообщение, усиленное политическими форумами, координирует ожидания, что соответствующие требованиям стейблкоины в долларах являются законными инструментами для платежей и расчетов, что еще больше укрепляет примат доллара в цифровой коммерции. В совокупности эти механизмы правдоподобно увеличивают возможности США в отношении цифровых активов, углубляют спрос Казначейства и экспортные стандарты, обусловливая доступ к рынку США, что соответствует эффекту укрепления суверенитета.

Трехлетнее разрешение на предложение/продажу неразрешенных монет может привести к переносу деятельности за пределы США. Эффективность зависит от охвата правоприменения и готовности посредников устанавливать географические ограничения. Экстерриториальные положения помогают, но контроль над безграничными интерфейсами в Интернете остается дорогостоящим.

Внедрение программируемости AML и санкций в цепочку блоков долларов может расширить возможности надзора. Проведенное Министерством финансов США исследование «инновационных методов»,

[1] FDIC Federal Deposit Insurance Corporation Федеральная корпорация по страхованию вкладов

[2] US. Office of Foreign Assets Control Управление по контролю за иностранными активами США.

[3] Office of the Comptroller of the Currency Управление валютного контролера

включая искусственный интеллект и аналитику блокчейна, определит этот баланс, а для поддержания легитимности потребуются строгие меры безопасности и прозрачность.

Гегемония доллара основана как на макроэкономической надежности, так и на правовых рычагах. Если доверие к фискальной или институциональной системе ослабевает, то стейблкоины сами по себе не могут обеспечить денежное превосходство. Сравнительный политический дебат подчеркивает, что токенизация не может заменить разумную политику.

В данной статье утверждается, что закон GENIUS переносит классические инструменты денежно-кредитного суверенитета, лицензирования, резервных требований, надзора, управления неплатежеспособностью и условного доступа к рынку в эпоху цифровых валют. Таким образом, он распространяет действие законодательства США на доллары в цепочке, направляет частные балансы в сторону государственных денег США и экспортирует стандарты через режимы взаимности. Включение анализа государственного долга переосмысливает эти эффекты в рамках более широкого расчета суверенитета: Соединенные Штаты сталкиваются с системным долговым ограничением, которое может сузить политическую автономию и ослабить доверие, лежащее в основе лидерства доллара. Закон GENIUS укрепляет архитектуру цифровых платежей, обеспеченных долларом, однако его эффективность по-прежнему зависит от макроэкономической консолидации и институциональной надежности.

Призме долга проясняет как перспективы, так и ограничения GENIUS. Направляя резервы стейблкоинов в казначейские активы, закон может создать постоянный спрос на безопасные активы и улучшить глубину рынка. Это может поддержать функционирование доллара и, в конечном итоге, усилить сетевые эффекты, которые поддерживают международное использование доллара. Однако, если процентные нагрузки и риски пролонгации подрывают фискальное пространство или вызывают фискальное давление, юридический и технический контроль над дизайном токенов сам по себе не может сохранить денежное превосходство. Таким образом, суверенные возможности, которые расширяет GENIUS, являются дополнением, а не заменой стабилизации долга. Кроме того, мы видим, что создание CBDC – это длительный и неопределенный процесс во всем мире. Например, Китай работает над своим цифровым юанем с 2014 года[1]. В настоящее время цифровой юань все еще находится в стадии тестирования[2]. Гениальность этого закона заключается в том, что он позволяет сэкономить годы разработки и сразу же задействовать стейблкоины, привязанные к доллару[3] в интересах экономики США и гегемонии доллара.

В целом, GENIUS существенно расширяет возможности США по проецированию финансового суверенитета на цифровые деньги, но его долгосрочный вклад в лидерство Америки зависит от надежности фискального режима, лежащего в основе доллара. В будущей работе следует обозначить эту границу, чтобы определить точки, в которых правово-институциональная конструкция может компенсировать рыночные трения, и точки, в которых только макроэкономическая корректировка может обеспечить основы суверенитета.

Литература

1. Aldasoro, I., Aquilina, M., Lewrick, U., & Hyuk Lim, S. (2025, July 11). Stablecoin growth – policy challenges and approaches. 1–8. https://www.bis.org/publ/bisbull108.pdf

2. Aldasoro, I., Cornelli, G., Minesso, M. F., Gambacorta, L., & Habib, M. M. (2024). Stablecoins, money market funds and monetary policy. https://www.bis.org/publ/work1219.htm

3. Anadu, K., Azar, P. D., Cipriani, M., Eisenbach, T. M., Huang, C., Landoni, M., La Spada, G., Macchiavelli, M., Malfroy-Camine, A., & Wang, J. C. (2024). Runs and Flights to Safety: Are Stablecoins the New Money Market Funds? Federal Reserve Bank of New York Staff Reports, No. 1073, 1–52. https://doi.org/10.59576/sr.1073

4. Arner, D. W., Buckley, R. P., Zetzsche, D. A., & Didenko, A. N. (2023). Monetary Hegemony: Technological Evolution And The International Monetary System. Boston University International Law Journal, 213–262. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4613622

5. Bertaut, C., Beschwitz, B. von, & Curcuru, S. (2025). The International Role of the U.S. Dollar – 2025 Edition. FEDS Notes. https://doi.org/10.17016/2380–7172.3856

6. Flanigan, E. (2024). The Long Arm of U.S. Sanctions Jurisdiction: The Extraterritorial Application of U.S. Sanctions Regimes to Both U.S. and Non- U.S.Application of U.S. Sanctions Regimes to Both U.S. and Non- U.S. Actors and the Importance of Compliance Programs to CombatActors and the Importance of Compliance Programs to Combat Potential ViolationsPotential Violations. Maryland Journal of International LawMaryland Journal of International Law, 86–104. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol39/iss1/8

7. Martino, E. D. (2024). Monetary sovereignty in the digital era. The law & macroeconomics of digital private money. Computer Law & Security Review, 52, 105909. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105909

8. Shagina, M. (2022). Central Bank Digital Currencies and the implications for the global financial infrastructure: The transformational potential of Russia's digital rouble and China's digital renminbi. https://fiia.fi/en/publication/central-bank-digital-currencies-and-the-implications-for-the-global-financial-infrastructure

PUBLIC DEBT, PRIVATE TOKENS: HOW THE GENIUS ACT LINKS STABLECOINS TO US SOVEREIGNTY

Jimmy Thierry Lever, Amelin V.N.
Peoples' Friendship University of Russia

On July 18, 2025, the GENIUS Act, the first federal law creating a comprehensive stablecoin payments system, was passed in the United States. This article argues that the GENIUS Act exercises state power in the digital money space and significantly strengthens US fiscal sovereignty. It analyzes the Act's key levers: a monopoly on issuance licenses and a three-year term for exchange offerings; agreed-upon categories of permitted issuers; and reserves limited to cash, short-term Treasury bonds, AML (anti-money laundering), and sanctions obligations. The article links these mechanisms to four channels of sovereignty: (i) increased structural demand for US government debt, (ii) consolidation of US digital token law, (iii) extraterritorial legislation through reciprocity regimes, and (iv) political signaling that legitimizes compliant dollar tokens. However, the Act's limitations include tradeoffs in privacy and civil liberties, as well as dependence on macroeconomic credibility. The article proposes a new concept of monetary sovereignty, in which disclosure of reserve composition, Treasury regulation of AML and privacy issues, and the definition of reciprocity with foreign regimes are important instruments of sovereignty. GENIUS does not address the design of the digital dollar, but it significantly expands the US's ability to anchor private token markets in public money.

Keywords: GENIUS, public debt, private tokens

References

1. Aldasoro, I., Aquilina, M., Lewrick, U., & Hyuk Lim, S. (2025, July 11). Stablecoin growth – policy challenges and approaches. 1–8. https://www.bis.org/publ/bisbull108.pdf

2. Aldasoro, I., Cornelli, G., Minesso, M. F., Gambacorta, L., & Habib, M. M. (2024). Stablecoins, money market funds and monetary policy. https://www.bis.org/publ/work1219.htm

3. Anadu, K., Azar, P. D., Cipriani, M., Eisenbach, T. M., Huang, C., Landoni, M., La Spada, G., Macchiavelli, M., Malfroy-Camine, A., & Wang, J. C. (2024). Runs and Flights to Safety: Are Stablecoins the New Money Market Funds? Federal Reserve Bank of New York Staff Reports, No. 1073, 1–52. https://doi.org/10.59576/sr.1073

4. Arner, D. W., Buckley, R. P., Zetzsche, D. A., & Didenko, A. N. (2023). Monetary Hegemony: Technological Evolution And The International Monetary System. Boston University International Law Journal, 213–262. https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4613622

5. Bertaut, C., Beschwitz, B. von, & Curcuru, S. (2025). The International Role of the U.S. Dollar – 2025 Edition. FEDS Notes. https://doi.org/10.17016/2380–7172.3856

6. Flanigan, E. (2024). The Long Arm of U.S. Sanctions Jurisdiction: The Extraterritorial Application of U.S. Sanctions Regimes to Both U.S. and Non- U.S.Application of U.S. Sanctions Regimes to Both U.S. and Non- U.S. Actors and the Importance of Compliance Programs to CombatActors and the Importance of Compliance Programs to Combat Potential ViolationsPotential Violations. Maryland Journal of International LawMaryland Journal of International Law, 86–104. https://digitalcommons.law.umaryland.edu/mjil/vol39/iss1/8

7. Martino, E. D. (2024). Monetary sovereignty in the digital era. The law & macroeconomics of digital private money. Computer Law & Security Review, 52, 105909. https://doi.org/10.1016/j.clsr.2023.105909

8. Shagina, M. (2022). Central Bank Digital Currencies and the implications for the global financial infrastructure: The transformational potential of Russia's digital rouble and China's digital renminbi. https://fiia.fi/en/publication/central-bank-digital-currencies-and-the-implications-for-the-global-financial-infrastructure

[1] People's Bank of China, press release, Народный банк Китая, пресс-релиз, https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/2025080817510171018/index.html

[2] CBDC tracker, December 2025, Трекер CBDC, декабрь 2025 г., https://cbdctracker.org/

[3] 177 billion USD per day, December 2025, 177 миллиардов долларов США в день, декабрь 2025 года https://visaonchainanalytics.com/transactions

Британские баптистские общества и формирование новых христианских общин в Бенгалии

Кудряшова Юлия Александровна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории
Астраханского государственного университета
им. В.Н. Татищева
E-mail: Ylyub@mail.ru

Статья посвящена влиянию британских баптистских обществ на формирование новых христианских общин в Бенгалии в колониальный период. Актуальность исследования связана с пересмотром традиционных схем описания миссионерской деятельности в Индии и уточнением механизмов превращения миссий в устойчивые местные общины. Новизна работы выражается в сопоставлении данных по баптистским инициативам в Бенгалии с недавними российскими исследованиями конфессиональной структуры Индии, гендера, миссионерской политики и феномена «рисового христианства». В рамках статьи описаны институциональное оформление баптистских обществ, основные направления их работы в Бенгалии, изучены стратегии обращения местного населения, языковая и образовательная политика, отношение к кастовым и гендерным границам. Особое внимание уделено переходу от миссионерских станций к самоуправляемым бенгальским общинам, процессам их внутренней дифференциации и взаимодействию с колониальной администрацией. Цель работы состоит в выявлении механизмов стабилизации новых протестантских общин. Для ее достижения применяются сравнительный, историко-генетический и историографический методы, а также анализ нарративных и статистических материалов. В заключении прослеживаются долгосрочные последствия баптистской деятельности для конфессиональной мозаики Восточной Индии. Статья будет полезна исследователям истории христианства в Азии, специалистам по колониальной политике и миссиологии, а также историкам Британской империи.

Ключевые слова: Баптистское миссионерское общество, Бенгалия, британские миссии, новые христиане, протестантские общины, колониальная Индия, «рисовое христианство», зенана-миссии, конфессиональная политика, инкультурация.

Введение

Исследование британских баптистских обществ в Бенгалии сохраняет высокую исследовательскую значимость по нескольким причинам. Во-первых, именно в бенгальской среде сформировались первые устойчивые протестантские общины Северо-Восточной Индии, связавшие транснациональные баптистские сети с локальными социальными структурами. Во-вторых, опыт баптистских миссий в регионе обнажает сложную связку религиозной инициативы, колониального управления и стремления местных групп к социальной мобильности. В-третьих, современная конфессиональная политика Индии и региональные конфликты вокруг христианских меньшинств во многом восходят к опыту раннего миссионерского присутствия, включая Бенгалию.

Цель статьи состоит в том, чтобы проследить, каким образом британские баптистские общества содействовали возникновению и закреплению новых христианских общин в Бенгалии, и какие механизмы обеспечивали устойчивость этих общин за пределами первоначального миссионерского контроля.

Для достижения поставленной цели решаются три задачи:

1. реконструировать основные направления деятельности британских баптистских обществ в Бенгалии и их организационные формы;
2. показать, как миссионерские стратегии, в том числе образовательные проекты, гендерно ориентированные инициативы и экономическая поддержка, способствовали превращению обращённых в стабильные конгрегации;
3. проанализировать трансформацию статуса «новых христиан» в региональной конфессиональной структуре Бенгалии, включая их отношения с колониальными властями и индуистским окружением.

Новизна работы выражается в опоре на корпус недавних русскоязычных исследований по истории христианства в Индии, конфессиональной географии, гендеру и постколониальной проблематике. Это позволяет рассматривать баптистскую миссию в Бенгалии не как изолированный эпизод, а как часть более широких процессов: конфессиональной стратификации Индии, появления «рисового христианства», развития женских миссий зенаны и формирования новых моделей христианской идентичности.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составляет совокупность современных русскоязычных работ по истории христианства и миссий в Индии, опубликованных преимущественно за последние годы. С.А. Горохов и Р.В. Дмитриев анализируют конфессиональное пространство Индии как совокупность регионов с различной плотностью христианского населения и различными траекториями миссионерской активности [1]. Ю.А. Кудряшова исследует феномен «рисового христианства» и показывает, как экономическая зависимость и материальная поддержка превращали обращение в инструмент социальной адаптации, а не исключительно духовного выбора [2]. С.А. Михайлов рассматривает Северо-Восточную Индию как зону столкновения цивилизаций и описывает рост доли христиан в отдельных штатах под воздействием протестантских и католических миссий [3]. К.Д. Никольская на материале лютеранской миссии Транкебара показывает, как в ранних протестантских общинах выстраивалась граница между «старыми» и «новыми» христианами, а также как миссионерские тексты фиксировали образ язычников [4]. Е.С. Петрова раскрывает логику современной конфессиональной политики Индии, показывая, как государство выстраивает отношения с религиозными меньшинствами и как усиливается давление на них в логике хиндутвы [5]. Г.С. Поповкина вводит в научный оборот свидетельства русского миссионера архимандрита Андроника, подробно описавшего повседневность индийских христиан и их социальные практики [6]. И.Ю. Смирнова, обращаясь к «малабарскому делу» 1825–1826 гг., показывает вмешательство британских миссий в конфликты внутри восточных христианских церквей и взаимодействие миссионеров с местной и колониальной администрацией [7]. С.В. Соловьёв даёт сводный обзор этапов распространения христианства в Индии, от древних общин до колониальной эпохи и протестантских миссий [8]. С.А. Хандажинская рассматривает деятельность Баптистского миссионерского общества в Индии, уделяя внимание переходу от просветительских практик к массовому крещению и формированию местного духовенства [9]. О.В. Яблонская анализирует британские миссии зенаны XIX в., акцентируя внимание на соединении

христианизации и программ «освобождения» индийских женщин через образование и медицинскую помощь [10].

При подготовке статьи использовались сравнительный и историко-генетический методы, историографический анализ, приём структурного сопоставления различных миссионерских моделей, а также анализ нарративных, статистических и нормативных материалов, отражённых в рассмотренной литературе.

Результаты

Историческая рамка баптистской миссии в Бенгалии

Исходной предпосылкой появления баптистских общин в Бенгалии служит общий процесс распространения христианства в Индии, где, по наблюдениям С.В. Соловьёва, сменялись несколько волн христианизации: древние общины юго-запада, католические миссии раннего Нового времени и протестантские инициативы в позднеколониальный период [8]. В рамках последней волны британские баптистские общества, прежде всего Баптистское миссионерское общество, сосредоточили усилия именно в восточноиндийских территориях, включая Бенгалию, где сочетание портовых центров, миссионерских станций и уже существующей конфессиональной мозаики создавало благоприятную среду для новой протестантской проповеди [1; 8].

С.А. Горохов и Р.В. Дмитриев показывают, что конфессиональное пространство Индии отличается высокой региональной неоднородностью: христианские общины концентрируются в отдельных прибрежных и горных зонах, тогда как значительная часть внутренних районов остаётся преимущественно индуистской [1]. Бенгалия в такой картине предстает регионом, где христианское присутствие долго сохраняло периферийный характер, но приобрело заметность там, где миссионерская активность сочеталась с образовательными проектами и связью с колониальными центрами.

Именно в этой связке новообразованные баптистские общины начинают выступать не только как религиозные структуры, но и как посредники между местным населением и британской администрацией. И.Ю. Смирнова, анализируя «малабарское дело», показывает, как протестантские миссии стремились воздействовать на уже существующие восточные церкви через апелляции к колониальным властям и участие в разрешении внутрицерковных конфликтов [7]. Для Бенгалии аналогичная логика проявлялась в стремлении баптистских обществ закрепить своё влияние через участие в регулировании брачно-семейных практик, образовательной политики и местного самоуправления, что усиливало административную значимость новых общин.

«Новые христиане» и модели общинного строительства

К.Д. Никольская, опираясь на материалы пастора Бартоломеуса Цигенбальга, описывает деление общества на юге Индии на три крупные группы – христиан, мусульман и язычников, при этом внутри христианской среды проводится различие между «старыми» и «новыми» христианами [4]. Подобная схема полезна для анализа баптистских общин в Бенгалии, где среди членов новых конгрегаций преобладали выходцы из низких каст, групп с ограниченными ресурсами и людей, стремившихся использовать миссионерскую инфраструктуру как инструмент социальной мобильности.

«Новые христиане» в баптистской традиции Бенгалии наследовали от ранних лютеранских и англиканских миссий двойственность статуса. С одной стороны, включение в общину означало доступ к образованию, медицинской помощи и определённым формам защиты перед колониальными властями, что создаёт параллели с описанной К.Д. Никольской ситуацией в Транкебаре, где новые христиане ощущали дистанцию по отношению к европейским наставникам [4]. С другой стороны, баптистские общества, на что указывает С.А. Хандажинская, последовательно продвигали идею подготовки местного проповеднического корпуса, что повышало уровень участия бенгальских христиан в управлении общинами [9].

Г.С. Поповкина, анализируя опыт русского миссионера архимандрита Андроника, показывает, как христианские общины Индии формировали собственный код повседневности: изменялись нормы хозяйствования, отношения к труду, представления о честности и гостеприимстве [6]. В применении к баптистским конгрегациям Бенгалии подобные изменения можно проследить в переходе от разрозненных групп обращённых к стабильным сельским и городским церквам, где практики совместного чтения Библии, обучения грамоте и участия в благотворительных акциях создавали новый тип общинной солидарности.

Экономическое измерение миссии и феномен «рисового христианства»

Ю.А. Кудряшова, исследуя феномен «рисового христианства», показывает, что деятельность британских миссионеров в колониальной Индии сопровождалась тесной связью между религиозным обращением и материальной поддержкой: помощь продовольствием, образованием и медициной воспринималась беднейшими слоями как основная мотивация для вступления в христианскую общину [2]. Анализ указывает на то, что «рисовое христианство» следует понимать как ответ на экономическую нестабильность, когда конверсия выступала инструментом выживания, а не только результатом внутреннего убеждения.

Для Бенгалии это особенно заметно в условиях частых неурожаев, долговой зависимости и уязвимости низких каст. Баптистские общества, действуя в регионе, интегрировали материальную помощь в миссионерскую стратегию: раздача риса, поддержка школ, мастерских и больниц усиливала привлекательность общин и стимулировала переход целых семей. Ю.А. Кудряшова подчёркивает, что подобная практика вызывала напряжение как среди индуистской элиты, так и внутри самой христианской среды, поскольку ставила под вопрос искренность обращения и устойчивость новых общин [2].

При этом результаты исследования показывают, что экономическая поддержка не сводилась к механическому обмену «рис за веру». Британские баптистские общества в Бенгалии постепенно переходили от прямых материальных стимулов к созданию инфраструктуры самообеспечения: ремесленных школ, печатных мастерских, сельскохозяйственных экспериментов. Такой переход сближает их с описанной О.В. Яблонской моделью женских миссий зенаны, где благотворительность и образование создавали базу для длительных изменений в положении женщин и всей семьи [10].

Гендерное измерение баптистских инициатив

О.В. Яблонская показывает, что британские миссии зенаны в XIX в. ориентировались на «освобождение» индийских женщин через доступ к образованию, медицинской помощи и смягчение жёстких обычаев, не разрушая при этом полностью бытовых структур индийского дома [10]. Хотя зенана-миссии имели преимущественно пресвитерианское и англиканское происхождение, их опыт позволяет лучше понять положение женщин в баптистских общинах Бенгалии.

Женщины выступали связующим звеном между миссионерскими станциями и домашним миром. В баптистских конгрегациях Бенгалии женские кружки, школы при церквах и участие в благотворительных акциях создавали пространство, где новые христианки получали навыки грамотности, медицинской гигиены и элементарного администрирования. Это близко к описанной О.В. Яблонской фигуре «библейских женщин», которые, будучи местными христианками, передавали религиозные и бытовые знания своим соседкам и родственницам [10].

Подобная практика имела прямое отношение к формированию устойчивых баптистских общин, поскольку расширяла социальную базу христианства за пределы мужских конверсий и включала в неё женскую и детскую аудиторию. Женские сети внутри конгрегаций усиливали горизонтальные связи, снижали зависимость общины от конкретного миссионера и способствовали закреплению христианства как части семейной традиции.

Баптистские общины Бенгалии в конфессиональной структуре Индии

С.В. Соловьёв и С.А. Горохов с Р.В. Дмитриев показывают, что христианство в Индии развивается как меньшинственная традиция с высокой региональной концентрацией и неравномерным участием в политической жизни [1; 8]. В такой конфигурации баптистские общины Бенгалии занимают промежуточное положение: они не столь многочисленны, как христианские коллективы Северо-Восточной Индии, описанные С.А. Михайловым [3], но связаны с ключевыми колониальными центрами и образовательными институциями.

С.А. Михайлов обращает внимание на то, что в ряде штатов Северо-Востока доля христианского населения достигает большинства, что порождает конфликты с индуистским национализмом и приводит к обсуждению ограничений деятельности миссий [3]. Для Бенгалии подобный уровень конфронтации менее характерен, но современная конфессиональная политика, описанная Е.С. Петровой, показывает, что усиление хиндутвы затрагивает и христианские общины, которые воспринимаются как носители «чужой» идентичности [5].

Результаты анализа позволяют утверждать, что баптистские общества в Бенгалии сформировали тип общин, комбинирующий следующие черты:

- локальная укоренённость через использование бенгальского языка, участие в решении социальных проблем и подготовку местного духовенства [2; 6; 9];
- включённость в транснациональные протестантские сети, обеспечивавшие финансовую и организационную поддержку [1; 7; 9];
- меньшинственный статус в конфессиональной структуре региона, вынуждавший конгрегации балансировать между колониальной ад-

министрацией, индуистским окружением и мусульманскими общинами [3; 5; 8].

Такое положение создавало условия для формирования сложной идентичности «новых христиан», в которой баптистская принадлежность сочеталась с бенгальской языковой и культурной традицией.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют по-новому оценить деятельность британских баптистских обществ на территории Бенгалии. Историография, на которую опирается исследование, часто рассматривала миссии либо через призму колониальной экспансии, либо как автономный религиозный проект. Проведённый анализ показывает, что для баптистских общин Бенгалии характерен более сложный баланс между тремя группами факторов: колониальными интересами, собственной миссионерской программой и запросами местных групп на социальные ресурсы.

Сопоставление с моделью «рисового христианства» указывает, что экономическое измерение миссионирования не сводится к простому обвинению миссий в «покупке» веры. Материальная поддержка действительно служила сильным стимулом для вступления в общину, особенно в бедных слоях бенгальского общества, но дальнейшее развитие конгрегаций зависело от того, насколько они превращались в самостоятельные центры социальной организации. В тех случаях, когда баптистские общества ограничивались раздачей помощи, общины оказывались нестабильными; там, где выстраивалась система образования, профессиональной подготовки и внутреннего управления, формировались устойчивые конгрегации с собственной внутренней жизнью.

Сравнение с опытом зенана-миссий подчёркивает, что гендерное измерение миссионерской деятельности в Бенгалии недооценено в традиционной историографии. Женские инициативы внутри баптистских общин не только расширяли аудиторию, но и создавали новые формы лидерства, основанные на повседневной заботе, медицинской и образовательной работе. Это сближает баптистские общины Бенгалии с более широкими трендами протестантской миссиологии XIX века, где на первое место выдвигались проекты «улучшения» жизни женщин и детей.

Опыт православной миссии, зафиксированный архимандритом Андроником, помогает увидеть, как христианские общины в Индии начинали задавать новые стандарты поведения, труда и взаимопомощи. В баптистском варианте Бенгалии аналогичные изменения прослеживаются в переходе от традиционных патронатных отношений к более горизонтальным формам общинной солидарности, где значительную роль играли переводы библейских текстов на бенгальский язык, общинные школы и коллективная благотворительность.

Сравнение Бенгалии с Северо-Восточной Индией демонстрирует, что численный рост христианского населения не является единственным критерием успешности миссии. В северо-восточных штатах протестантские и католические церкви превратились в массовые институты, но попали в поле жёсткой конфронтации с индуистским национализмом и региональным сепаратизмом. Баптистские общины Бенгалии, сохраняя меньшинственный статус, развивали иную стратегию – встроенность в городские и сельские сообщества через социальные сервисы и участие в локальной политике на низовом уровне.

Наконец, обсуждение конфессиональной политики современного индийского государства показывает, что исторический опыт баптистских миссий не ушёл в прошлое без следа. Механизмы контроля над религиозными меньшинствами, риторика подозрительности в отношении «западных» религий и попытки регулирования миссионерской деятельности отчасти повторяют колониальные практики, но в новых идеологических условиях. Для баптистских общин Бенгалии это означает сохранение уязвимости, сочетающейся с накопленным опытом адаптации к меняющимся политическим и правовым режимам.

Заключение

Поставленные во введении задачи решены на основе сопоставления русскоязычной историографии последних лет и реконструкции деятельности британских баптистских обществ в Бенгалии. Первая задача – описание организационных форм и направлений работы баптистских миссий – выполнена через анализ трансформации миссионерских станций в сети общин, связанных с образовательными, медицинскими и благотворительными проектами. Баптистские общества выступали не только как проповеднические структуры, но и как посредники в сфере образования, здравоохранения и социального обеспечения, что усиливало их присутствие в бенгальском обществе.

Вторая задача, связанная с объяснением механизмов превращения обращённых в устойчивые общины, решена через привлечение концепта «рисового христианства» и материалов о женских миссиях зенаны. Показано, что экономические стимулы, образовательные инициативы и вовлечение женщин в религиозную и социальную деятельность создавали условия для закрепления новых христианских идентичностей. При этом устойчивость конгрегаций зависела от постепенного перехода от внешней материальной поддержки к внутренним ресурсам и местному лидерству.

Третья задача – анализ позиции баптистских общин Бенгалии в конфессиональной структуре Индии – выполнена через сопоставление с общими моделями конфессиональной географии и современными исследованиями религиозной политики. Баптистские общины региона предстают меньшинственными, но институционально устойчивыми образованиями, занявшими промежуточное положение между глобальными протестантскими сетями и локальными бенгальскими сообществами.

Исследование показывает, что деятельность британских баптистских обществ в Бенгалии способствовала появлению нового типа христианских общин, сочетающих местную культурную укоренённость с включённостью в транснациональное протестантское пространство и сохраняющих значимость в условиях меняющейся конфессиональной политики современной Индии.

Литература

1. Горохов С.А., Дмитриев Р.В. Формирование конфессионального пространства Индии: опыт историко-географического анализа // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 1. С. 79–96.
2. Кудряшова Ю.А. «Рисовое христианство» как проблема деятельности британских миссионеров в Индии в колониальный период (XVII–XIX вв.) // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 127–134.
3. Михайлов С.А. Северо-Восточная Индия как пример «столкновения цивилизаций» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2020. Т. 12, № 4. С. 324–337.
4. Никольская К.Д. Мы и они: жители индийского Юга в текстах Бартоломеуса Цигенбальга // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 4. С. 32–47.
5. Петрова Е.С. Современная конфессиональная политика в Индии (на примере мусульман) // Образование и право. 2021. № 3. С. 427–433.
6. Поповкина Г.С. Индия глазами русского миссионера архимандрита Андроника (Елпидинского) // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 4. С. 26–33.
7. Смирнова И.Ю. «Малабарское дело» 1825–1826 годов: к истории британской политики в Индии (конфессиональный аспект) // Христианство на Ближнем Востоке. 2020. № 2. С. 4–74.
8. Соловьёв С.В. Исторический обзор распространения христианства в Индии // Поволжский вестник науки. 2020. № 2. С. 11–14.
9. Хандажинская С.А. Деятельность Баптистского миссионерского общества (1792–1847 годы) в Индии: от просвещения к крещению // Новая и новейшая история. 2021. № 2. С. 39–52.
10. Яблонская О.В. Британские миссии зенаны XIX века и их проекты освобождения индийских женщин // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 65–72.

BRITISH BAPTIST SOCIETIES AND THE FORMATION OF NEW CHRISTIAN COMMUNITIES IN BENGAL

Kudryashova Yu.A.
V.N. Tatishchev Astrakhan State University

This article examines the impact of British Baptist societies on the development of new Christian communities in Bengal during the colonial era. The relevance of this study lies in its reconsideration of traditional frameworks for describing missionary activity in India and the clarification of mechanisms for transforming missions into sustainable local communities. The novelty of this work is expressed in the comparison of data on Baptist initiatives in Bengal with recent Russian studies of India's denominational structure, gender, missionary policy, and the phenomenon of "Rice Christianity." This article describes the institutional structure of Baptist societies, the main areas of their work in Bengal. It examines strategies for converting the local population, language and educational policies, and attitudes toward caste and gender boundaries. Particular attention is paid to the transition from mission stations to self-governing Bengali communities, their internal differentiation, and interactions with the colonial administration. This study aims to identify the mechanisms by which new Protestant communities are stabilized. To achieve this, comparative, historical-genetic, and historiographic methods are employed, along with an analysis of narrative and statistical materials. The conclusion traces the long-term consequences of Baptist activity for the confessional mosaic of East India. This article will be of particular interest to scholars of the history of Christianity in Asia, specialists in colonial policy and missiology, and historians of the British Empire.

Keywords: Baptist Missionary Society, Bengal, British missions, new Christians, Protestant communities, colonial India, "rice Christianity," zenana missions, confessional policy, inculturation.

References

1. Gorokhov S.A., Dmitriev R.V. Formation of the Confessional Space of India: An Experience of Historical and Geographical Analysis // Man: Image and Essence. Humanitarian Aspects. 2019. No. 1. Pp. 79–96.

2. Kudryashova Yu.A. "Rice Christianity" as a Problem of the Activities of British Missionaries in India during the Colonial Period (17th-19th Centuries) // Social and Humanitarian Knowledge. 2023. No. 8. Pp. 127–134.

3. Mikhailov S.A. Northeast India as an Example of a "Clash of Civilizations" // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: General History. 2020. Vol. 12, No. 4. Pp. 324–337.

4. Nikolskaya K.D. Us and Them: Residents of the Indian South in the Texts of Bartholomeus Ziegenbalg // Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental Studies. 2022. No. 4. Pp. 32–47.

5. Petrova, E.S. Modern Confessional Policy in India (Based on the Example of Muslims) // Education and Law. 2021. No. 3. Pp. 427–433.

6. Popovkina, G.S. India through the Eyes of the Russian Missionary Archimandrite Andronik (Elpidinsky) // Humanitarian Research in Eastern Siberia and the Far East. 2022. No. 4. Pp. 26–33.

7. Smirnova, I. Yu. The "Malabar Affair" of 1825–1826: On the History of British Policy in India (Confessional Aspect) // Christianity in the Middle East. 2020. No. 2. Pp. 4–74.

8. Soloviev S.V. Historical Review of the Spread of Christianity in India // Povolzhskiy Vestnik Nauki. 2020. No. 2. Pp. 11–14.

9. Khandazhinskaya S.A. Activities of the Baptist Missionary Society (1792–1847) in India: From Enlightenment to Baptism // Modern and Contemporary History. 2021. No. 2. Pp. 39–52.

10. Yablonskaya O.V. British Zenana Missions of the 19th Century and Their Projects for the Liberation of Indian Women // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations. 2024. Vol. 24, issue 1. Pp. 65–72.

Основные тенденции развития идей секуляризма и постсекуляризма в современном научном и теологическом дискурсе

Намозова Наталья Аназбековна,
аспирант кафедры философии и социальных наук, Елецкий государственный университет
E-mail: nnsuper@bk.ru

В статье раскрываются основные тенденции формирования концепций секуляризма и постсекуляризма. Рассматриваются основные подходы понимания секуляризма как в историческом контексте, так и на современном этапе. Основное внимание уделяется вопросам «секулярной теологии». Кроме этого, рассматриваются современные тенденции формирования постсекуляного мировоззрения в рамках гиперреальной религии, «бедной веры» и социального как способа взаимодействия религиозного и атеистического.

Ключевые слова: секулярный, постсекулярный, религия, атеизм, гиперреальная религия, «бедная» вера.

Для современного мира, прежде всего европейского, да и российского, частью которого он является в области направленности образования и характера общественных отношений (естественно, не отрицая специфических национальных, политических и культурных тенденций), секулярность и постсекулярность становиться важными тенденциями, объясняющими характер развития общества. Причем эти тенденции современного мира активно осмысляются в научном пространстве как теологической, так и светской мысли.

Современное состояние общества, которое можно охарактеризовать как десакрализирующееся, является результатом долгого процесса. Общественные процессы, прежде всего христианских стран привели к тому, что приблизительно с середины XX века культура Западной Европы и Америки может быть представлена как светская, в которой отсутствует доминирующая религиозная идеология и влияние религиозных институтов. Для этой группы стран социально-политическая сфера регулируется нормами права, а не религии и практически все общественные институты находятся вне религиозной, сакральной сферы. Относительным исключением является ситуация в исламском мире, в котором религиозные нормы до сих пор оказывают влияние на социальные, политические и культурные процессы.

Современное российское общества так же характеризуются как светские, для которого секулярность становиться одной из доминирующих тенденций.

Анализируя сущность явления секуляризации, как одного из основных факторов развития общества на современном этапе, можно выделить отличительные черты этого явления:

Во-первых, это лишение церкви и религиозного мировоззрения возможности влияния на такие сферы реальности как политическая, общественная и культурная на уровне государства. Причем речь может идти как о полном вытеснении церкви и религиозного фактора из жизни государства и общества, так и снижении возможности этого влияния или смещении горизонта интересов государства и общества с вопросов религиозно-сакрального характера к вопросам социально-бытового, социально-культурного или политического характера (религиозно выхолощенных). Снижение или полная невозможность влияния церкви на государственные институты (что и является самым наглядным критерием данного явления) и подчинение всех сторон жизни церкви светскому законодательству.

Во-вторых, перевод влияния церковного авторитете в область только частной жизни и дифференциация жизни человека на религиозную и социальную. Причем, религиозная становится элементом сугубо частной жизни человека, напрямую не влияющая на акты социальной манифестации человека и социальных групп.

В-третьих, уменьшение или даже упразднение участия человека в церковной жизни (прежде всего имеется в виду сакрально-обрядовая сторона религиозной жизни, что неизменно приводит к индивидуализации отношений человека и Бога и субъективизации опыта и форм богобщения).

В-четвертых, сведение духовности только к моральным нормам поведения человека, что часто приводит к отказу от идеалов аскетической жизни в пользу социальной.

Анализируя динамику развития секуляризма, А.М. Токарев отмечает, что «широкое распространение атеизма и нигилизма привело к секуляризации как процессу, дающему такое миропонимание политики, культуры, экономики, науки и такое обращению с ними, при котором не принимается во внимание трансцендентная основа бытия. Это система прочтения мира, сведенного к самому себе, утверждающая эмпиризм видимого и субъективизм удовольствия» [9, 335–339].

Идеи серкуляризации отражены во взглядах таких авторов как: Ф. Ницше, который писал: «смерть Бога, которая по-прежнему продолжает характеризовать современную культуру» [5, с. 47–51], М. Хайдеггера и его мыслях об «отсутствии Бога» [12, с. 134–135]. Протестантский богослов Д. Бонхеффер [2, с. 95] и иезуит А. Дельп писали о приближении безрелигиозного времени, в котором традиционные религиозные ценности «…становятся бессильными и непонятными» [3, с. 28]. Т. Гринфилд продолжает эту же мысль в своем труде «Безрелигиозное христианство» [4].

Идеи секуляризации находят свое осмысление в теологическом дискурсе, что приводит к появлению т.н. секулярной реологии. Про-

цесс формирования секулярной теологии начинается в век Просвещения и имеет непосредственное отношение к научной революции. В этот период начинают формироваться скептические и негативные представления о религии. Вольтер, Дени Дидро и Карл Маркс рассматривали религию с точки зрения разума. Они использовали эмпирические научные данные доступные науки их периода и сводили религию к социальным, психическим или культурным процессам.

Секулярная теология того периода опиралась на гуманитарные и социальные науки. История, антропология, социология, философия и психология были базовыми для объяснения происхождения религии, ее функций в обществе и роли веры в жизни людей.

Если ранее (прежде всего в период средневековья) аксиологическая сфера осмыслялась с религиозной позиции, то активно уже с XIX происходит попытка десакрализации аксиологической системы. В частности, Б. Рассел заявляет, что ценности лежат вне пределов науки, поскольку представляют собой не факты, но «выход эмоций». [7, с. 201]. М. Хайдеггер пишет о «безосновности ценностей, определение которых не выходит за пределы логического круга» [12, с. 113].

Развиваясь идея секуляризации приобретали определенные формы. В целом, адаптивизм рассматривает различные варианты приспособления христианского вероучения к существованию в современном мире, в котором интерес к христианству не такой большой. Адаптивизм изучает возможности приспособления христианства к потребностям современного сознания человека (чаще всего не религиозного). В рамках адаптивизма рассматриваются модели ревизии христианства и удаление из него всего того, что непонятно или неприемлемо современным обществом, что и является сущностью процесса адаптивизма.

Попыткой осмысление христианского европейского мира первой половины XX века было создание Дитрихом Бонхёффером представлений о «безрелигиозном христианстве» в 1944 году. В рамках этой концепции мир рассматривался благим творением Бога, из этого следовало и отношение к миру – наслаждение им и любовь к нему, а не желание побыстрее его оставить. Эта богословское построение опиралось на идею Боговоплощения и отношение Бога к этому миру в рамках искупительной жертвы Иисуса Христа как акта гуманизма Бога [15]. Переживая трагедию Мировой войны, Дитрих Бонхёффер писал: «быть христианином не означает быть религиозным в определённом смысле… а означает быть человеком». Для него вера христианина должна заключаться в молитве, жизни для других и добрых делах как проявлениях этой веры.

Во второй половине XX века, осмысление тенденций секуляризации мира проявились в появлении секулярной теологии. Секулярная теология появляется как разновидность протестантской теологии. Временем ее возникновения можно назвать 50-е, 60-ее годы XX века. Секулярная теология стремилась приспособить христианское учение к современному для того времени миру. Представители секулярной теологии предложили модель христианства непротиворечащую актуальным тенденциям прежде всего западного мира. Эта модель и была названа «секулярным христианством» [10, с. 11]. Мысли представителей секулярной теологии можно дифференцировать на два направления.

В рамках первого направления была предпринята попытка найти Бога в сфере человеческих отношений. В целом, они антропологизировали проявления Бога.

В рамках второго направления секулярного христианства была предпринята попытка отождествления Бога с космосом.

И если представители первого направления теологии использовали социально-этическую интерпретацию для сакральной сферы, то представили второго направления теологии предложили натуралистическую интерпертауию сакральной сферы и Бога.

«Секулярная теология» активно развивалось в США. Ее представителями были: Г. Ваханян, Г. Кокс. К. Вильяме, Т. Альтицер. П. Ван Бурен и др.

В Европе идеи «секулярной теологии» нашли свое отражение в трудах Д. Бонхёффера, Г. Брауна, Ю. Мольтмана.

В Англии «секулярная теология» раскрывалась в работах Д. Робинсона и Г. Смита.

«Секулярная теология» опирается идеи П. Тиллиха, Д. Кобба, Д. Гриффини, Р. Джеймса, П. Гамильтона. Все она разделяют пантеистическую интерпретацию христианства. Они отказываются от трансцендентной идеи христианского Бога и все свое внимание концентрируют на социально-политической реальности. В их исследованиях раскрывается постхристианская картина мира.

Необходимо отметить, что идеи «секулярной теологии» проникают и в католическую и православную теологию.

В современном православном богословии идеи секуляризации так же наводят свое отражение. Токарев А.М. указывает на следующие отличительные особенности процесса секуляризации в России:

– во-первых, это эклектичный характер использования западноевропейских идей секуляризации, прежде всего французских и немецких;
– во-вторых, это ярко выраженные формы секуляризации, особенно в советский период [10, с. 19].

Яблоков И.Н. связывает напрямую реализацию идей секуляризации с идеологическим заказом [16, с. 93].

Левада Ю.А. оценивает секуляризацию как один из результатов либерализации общества, в целом.

Шмонин Д.В. скорее предлагает осмыслить возможность теологического осмысления ценностно-мировоззренческой сферы секулярного научного мира как возможности гармонизации личного мировосприятия ученого и принципов научности и вне религиозности его исследований [13, с. 297–298].

Одним из оригинальных и актуальных исследований в рамках предметного поля данного исследования является фундаментальный труд В.В. Петрунина «Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата» [6]. В данном исследовании раскрывается влияния исихазма на социальную, политическую и культурную жизнь поздней Византии. Но что более интересно, то автор указывает на прямую связь традиции политического исихазма с традициями рассмотрения роли РПЦ в современном мире сквозь призму социальной концепции Московского Патриархата.

Современный этап осмысления роли и степени влияния религиозной сферы на социальную, политическую, культурную, в целом, внеиндивидуальную жизнь может быть рассмотрен с позиций не секулярного мировоззрения, а уже постсекулярного.

В частности, в исследованиях Фазлеевой Р.Р. приводится характеристика постсекулярных тенденций современного мира.

Этот автор указывает на существующие три основные тенденции постсекуляризма.

Во-первых, секуляризм – это искусственно созданный конструкт философско-мировоззренческой концепции ряда мыслителей. Существует понятие посредник между секулярным и религиозным мировоззрением, снимающим радикальное противопоставление этих понятий. Понятием-посредником выступает понятие «светскость» или «светское». Сферой проявления этого понятия-посредника является постсекулярная литература.

Во-вторых, Фазлеева Р.Р. обращает внимание на появление новой реальности, в которой может проявляться сфера религиозности, это сфера цифрового, виртуального пространства, которое она называет «интрнет-соборность». В виртуальном пространстве возникают такие явления, которые она называет гиперреальная религия и гипперреальный атеизм.

В-третьих, носителями секулярного сознания являются т.н. «новые атеисты», для которых характерно, с одной стороны, традиционное противопосталения своего мировоззрения мировоззрению религиозному, но с другой стороны, что чрезвычайно интересно, попытка выстроить продуктивный диалог с представителями традиционного религиозного мировоззрения. [с. 36. 11].

Американский литературовед Манав Ратти. Анализируя постколониальную литературу Индии и Шри Ланки выявляет особенности раскрытия в англоязычной литературе этих стран такие вопросы как человеческий смысл, реальность жизни в XXI веке, боль и радость. Причем этого автора интересуют возможности раскрытия вышеперечисленных тем как в религиозном, так и нерелигиозном, а постсекулярном сознании.

Постсекулярное воображение: постколониализм, религия и литература – работа Манав Ратти, в которой поднимаются вопросы нерелигиозной духовности, религии не инициированной политической или национальной волей [17].

Согласно выводам этого автора, постсекуляризм проявляется в постколониальной литературе Индии и Шри Ланки, в которой можно встретить парадоксы нерилигиозной религии и несукулярного секуляризма.

Манав Ратти связывает рассматривает возможность трансцендентных переживаний в контексте секулярного мировоззрения [там же].

Во многом, итоги исследований М. Ратти сводится к характеристике постсекулярного воображения, основным потенциалом которого является преодоление ограничений (чаще всего негативных) характерных для национализма и фундаментализма, за счет резусов имманентно присущих как светской, так и религиозной этике.

Явление постсекулярности может активно развиваться в современном информационно пространстве как контексте современного мира. Это виртуальное пространство создает новые возможности формирования мировоззрения, так как именно в информационном пространстве человек взаимодействует не с конкретной вещью, а ее «информационным знаком», не с действительностью, а с ее виртуальным

двойником, таким образом современное информационное общество существует в системе информационных заместителей реальности. Это относиться и к вопросам веры, религиозности и нерелигиозности.

В поле взаимодействия религии и массовой популярной культуры в интернет пространстве возникает явление, которое было охарактеризовано как

«гиперреальная религия» (А. Поссамий). Гиперреальная религия, по сути своей, это имитированная религия, существующая в пространстве массовой культуры и являющаяся источником веры.

В качестве примера, можно указать на следующие варианты гиперреальных религий.

Во-первых, к гиперреальным религиям относятся «джедаизм» и «матриксизм», вдохновленные фантастическими фильмами.

Во-вторых, к гиперреальным религиям относятся религиозные взгляды, возникшие в процессе виртуального общения и реакций на виртуальные образы представителей различных конфессий и религий [с. 37. 11].

Рассматривая ситуацию постсекуляризма, необходимо указать на феномен «бедной» веры. «Бедная» вера возникает в контексте религиозного ренесанса, когда влияние религии возвращается в различные сферы общества, культуры, даже политики, но в измененном виде, причем происходят изменения и самой религии.

В нашем обществе десекуляризация затронула и частную жизнь человека, и политику. Однако это возвращение религии происходит в ситуации, когда как на индивидуальном, так и на общественно-политическом уровнях религиозное сознание дискретно, не системно, эклектично, а часто и просто ошибочно.

Постсекуляное общество, которое одновременно становиться и постатеистическим обществом возвращается как к монотеистическим традиционным религиям, так и к неоязычеству и радикальным вариантам религиозного либерализма и фундаментализма.

М.Н. Эпштейн характеризует «бедную» веру как веру внеконфессиональую, вне догматизированную, которая использует религиозные взгляды для создания собственных религиозных представлений.

«Бедная» вера динамична и проходит ряд этапов, к которым можно отнести следующие:

– неопредмеченная вера «во что-то», с признанием возможности существование нематериального, духовного мира;
– этап мистического поиска духовного в популярной эзотерике, народной мистике, не связанный с конкретной конфессией;
– выбор конкретной конфессии и усвоение устойчивых форм проявления религиозности в этой конфессии (воцерковление);
– отход от организованных форм конкретной конфессии в силу разочарования в ней;
– формирование внеконфессиоанльное веры.

Таким образом, создана «бедной» веры – это процесс создания собственных религиозных построений на основе религиозного опыта [14].

По сути дела, рассматривая характеристики «бедной» веры мы видим две тенденции:

Первую тенденцию можно охарактеризовать как индивидуальный экуменизм, в рамках которого происходит субъективизация религиозного опыта и создание таких религиозных представлений, которые соответствуют внутренним запросам конкретного человека. С другой стороны, это реакция на влияние информационного религиозно аморфного контента.

Вторую тенденцию можно охарактеризовать как очевидную психологизациею сакрального, что объясняется адаптацией традиционных религиозных взглядов к уровню образования, специфике жизненного опыта, характера воспитания конкретного человека. В целом, эту тенденцию можно рассматривать как глобальное упрощение религиозной конфессиональной культуры. Этот процесс (как тенденцию) на сложном религиозном уровне можно рассматривать как вариант секуляризации.

Итак, в данной статье раскрываются основные тенденции формирования концепций секуляризма и постсекуляризма. Рассматриваются основные подходы понимания секуляризма как в историческом контексте, так и на современном этапе. Основное внимание уделяется вопросам «секулярной теологии». Кроме этого, рассматриваются современные тенденции формирования постсекуляного мировоззрения в рамках гиперреальной религии, «бедной веры» и социального как способа взаимодействия религиозного и атеистического.

Литература

1. Антропов, В.В. Этика и религия в «Безрелигиозном христианстве» Дитриха Бонхёффера (недоступная ссылка) // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2005. – № 6. – С. 58–124.
2. Бонхёффер, Д. Следуя Христу. / Д. Бонхеффер. – М: Бук Чембэр Интернэшнл, 1992. – 223 с.
3. Гараджа В.И. Бонхёффер // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В.С. Стёпин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Мысль, 2010. – 2816 с.
4. Гринфилд Т. Безрелигиозное христианство. Т. 4 // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха Кирилла Московского и Всея Руси. – М.: МП, 2009. – С. 447–452.
5. Ницше, Ф. Веселая наука. / Ф. Ницше. – Москва: Азбука-Классика, 2015. – 352 с.
6. Петрунин В.В. Политический исихазм и его традиции в социальной концепции Московского Патриархата. / В.В. Петрунин. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2009. – 163 с.
7. Рассел Б. Почему я не христианин. / Б. Рассел. – Москва: Опустошитель, 2016. – 290 с.
8. Тиллих П. Систематическое богословие: Т. 1–2, ч. 1–3. / П. Тиллих. – СПб.: Алетейя, 1998. – 493 с.
9. Токарев А.М. Коррелятивность религиозной веры и западной секулярной рациональности в интеркультурном контексте нашего времени // Антропологический потенциал культурогенеза: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Нижний Новгород, 9–11 ноября 2006 г. – Н. Новгород, 2007. – С. 335–339.
10. Токарев А.М. Секуляризация как социальная форма десакрализации и рационализации духовной жизни (западноевропейский контекст): Автореферат диссертации на соискание кандидата философских наук. – Нижний Новгород: НГУ, 2008. – 31 с.
11. Фазлеева Р.Р. Ф16 Размышляя о секулярном и постсекулярном: тенденции анализа и формы проявления. Монография /Р.Р. Фазлеева – Казань: Издательство «Вестфалика», 2024. – 106 с.
12. Хайдеггер, М. Феноменология и трансцедентальная философия ценности. / М. Хайдеггер. – Киев: Cartel, 1996. – 216 с.
13. Шмонин Д.В. Научная рациональность и «возвращение к теологии» // Вопросы теологии. – 2019. – Т. 1. – № 3. – С. 280–306.
14. Эпштейн М.Н. Тезисы бедной веры [Электронный ресурс] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-bednoy-very/viewer (дата обращение 20.12.2025)
15. Эрик Метаксас. Дитрих Бонхёффер. Праведник мира против Третьего Рейха. – Litres, 2013–07–26. – С. 527. – ISBN 978-5-457-35861-4. Архивировано 4 мая 2023 года
16. Яблоков, И.Н. Религиоведение: Учебное пособие. / И.Н. Яблоков. – М.: Гардарики, 2004. – 314 с.
17. Ratti, Manav (2013) The Postsecular Imagination: postcolonialism, religion, and literature. London and New York Taylor & Francis 270 p.

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF IDEAS OF SECULARISM AND POST-SECULARISM IN MODERN SCIENTIFIC AND THEOLOGICAL DISCOURSE

Namozova N.A.
Yelets State University

This article reveals the main trends in the formation of concepts of secularism and post-secularism. The main approaches to understanding secularism both in the historical context and at the present stage are considered. The main focus is on the issues of "secular theology." In addition, the article examines the current trends in the formation of a post-secular worldview within the framework of hyperreal religion, "poor faith" and social as a way of interaction between religious and atheistic. Keywords: secular, post-secular, religion, atheism, hyperreal religion, "poor" faith.

Keywords: secular, post-secular, religion, atheism, hyperreal religion, "poor" faith.

References

1. Antropov V.V. Ethics and religion in "non-religious Christianity" by Dietrich Bonhoeffer (unavailable link) // Bulletin of the Moscow University. Series 7. Philosophy. – 2005. – No. 6. – Pp. 58–124.
2. Bonhoeffer, D. Following Christ. / D. Bonhoeffer. – M.: International Book Chamber, 1992. – 223 p.
3. Garadzha V.I. Bonhoeffer // New Philosophical encyclopedia: in 4 volumes / under the general editorship of V.S. Stepin. 2nd ed., ispr. and add. – M.: Mysl, 2010. – 2816 p.
4. Greenfield T. Non-religious Christianity. Volume 4 // The Orthodox Encyclopedia / Edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia. Moscow: MP, 2009. Pp. 447–452.
5. Nietzsche, F. Veselaya nauka. / F. Nietzsche. Moscow: ABC Classics, 2015. 352 p.
6. Petrunin V.V. Political hesychasm and its traditions in the social concept of the Moscow Patriarchate. / V.V. Petrunin. – St. Petersburg: Aleteya, 2009. – 163 p.
7. Russell B. Why am I not a Christian. / B. Russell. – M.: Desolator, 2016. – 290 p
8. Tillich P. Systematic theology: Vol. 1–2, part 1–3. / P. Tillich. St. Petersburg: Aleteya, 1998. 493 p.
9. Tokarev A.M. Correlative religious faith and polar secular rationality in the corporate context of our time // An anthropological approach to cultural genesis: Mathematical methods of the interregional scientific and practical conference. Nizhny Novgorod, November 9–11, 2006 – Nizhny Novgorod, 2007. Pp. 335–339.

10. Tokarev A.M. Secularization as a social form of desacralization and rationalization of spiritual life (Western European context): abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences. Nizhny Novgorod: NSU, 2008. 31 p.

11. Fazleeva R.R. F16 Reflections on the secular and post-secular: trends in analysis and forms of manifestation. Monograph / R.R. Fazleeva – Kazan: Westfalika Publishing House, 2024. 106 p.

12. Heidegger M. And transcendental phenomenology, philosophy of value. / M. Heidegger. – Kiev: Kartel Publ., 1996. – 216 p.

13. Shmonin D.V. Scientific rationality and "return to theology" // Questions of theology. – 2019. – Vol. 1. – No. 3. – Pp. 280–306.

14. Keptein M.N. Theses of everyday life [Electronic resource] – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tezisy-bednoy-very/viewer (date of request: 12/20/2025)

15. Eric Metaxas. Dietrich Bonhoeffer. Collected Works of the Third Republic. – Litres, 2013–07–26. – P. 527. – ISBN 978-5-457-35861-4. Published on May 4, 2023

16. Yablokov, I.N. Religious studies: a textbook / I.N. Yablokov. – M.: Gardariki, 2004. – 314 p.

17. Ratti, Manav (2013) The post-secular Imagination: Postcolonialism, Religion and Literature. London and New York, Taylor and Francis, 270 p.

Гидроресурсы как фактор политической нестабильности в Центральной Азии в условиях климатических изменений

Нестерчук Ольга Алексеевна,
д.п.н., к.п.н., профессор, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы Россия
E-mail: nesterchuk68@mail.ru

Мохаммад Анвар Бакташ,
аспирант, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы Россия
E-mail: 1042225075@pfur.ru

Ягодкин Александр Романович,
магистран, Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы Россия
E-mail: 1132251781@pfur.ru

Исследование посвящено анализу роли конфликтов на почве гидроресурсов как фактора политической нестабильности в Центральной Азии. Цель исследования заключается в выявлении влияния дефицита воды и связанных с ним споров в межгосударственных отношениях в регионе. Актуальность темы обусловлена усилением засух и таянием ледников вследствие изменения климата, что обостряет конкуренцию за ограниченные водные ресурсы между странами Центральной Азии. В работе рассматриваются противоречия между государствами верхнего и нижнего течения трансграничных рек – Амударья, Сырдарья, недостаточная эффективность существующих соглашений о совместном водопользовании, а также рост внутреннего социально-экономического напряжения из-за нехватки воды. Сделан вывод, что без укрепления регионального сотрудничества и устойчивого управления водными ресурсами климатическое давление будет и далее подрывать политическую стабильность в Центральной Азии.

Ключевые слова: Центральная Азия, изменение климата, водная безопасность, трансграничные водные ресурсы

Введение

Прежде всего, важно уточнить, что гидроресурсы в регионе представляют стратегически-важный аспект в отношениях стран Центральной Азии, дефицит и неэффективное распределение которых могут привести к обострению конфликтов интересов и, более того, поставить под угрозу региональную безопасность. Климатические изменения усиливают данную проблему. Так, ускоренное таяние ледников и периодические засухи сокращают доступные водные запасы, повышая непредсказуемость речного стока и усиливая конкуренцию за воду. В 2021 г. Центральная Азия столкнулась с аномальной жарой и засухой, нанесшей серьёзный урон сельскому хозяйству и продемонстрировавшей уязвимость региона к климатическим потрясениям. [4] В данных условиях водно-ресурсные конфликты становятся все более значимым фактором политической нестабильности, усиливая риски для региональной безопасности. В 1992 году пять новых государств подписали Алматинское соглашение о совместном использовании водных ресурсов, фактически подтвердившее советские квоты распределения воды[1]. Однако быстро выяснилось, что прежние подходы малоприменимы в новых реалиях. Так как изменились демография, площадь орошаемых земель и потребности экономик. Поэтому, делаем вывод, принципы трансграничного водопользования, заложенные в 1992 году, оказались недостаточно эффективными, а последующие договоренности не устранили ощущение несправедливости у ряда стран. К примеру, Таджикистан и Кыргызстан, образуя своими горами до 80% стока Сырдарьи и Амударьи, исторически получали лишь малую долю данной воды для собственных нужд, что воспринималось ими как ущемление национальных интересов. [5] С другой стороны, для нижележащих стран вода жизненно важна для ирригации хлопковых и зерновых полей, и любые попытки пересмотреть установленный порядок вызывали у них тревогу за продовольственную и социально-экономическую безопасность.

Соответственно, с первых лет независимости наметился острый конфликт интересов между государствами региона. С одной стороны, верховья – Кыргызстан, Таджикистан – стремятся использовать водные ресурсы для выработки электроэнергии и расширения орошения на своих территориях, отстаивая принцип суверенного контроля над природными богатствами. С другой – низовья в лице Узбекистана, Казахстана, Туркменистана настаивают на сохранении устойчивого стока для удовлетворения своих сельскохозяйственных нужд и предотвращения экологических катастроф наподобие высыхания Аральского моря. Правовой режим трансграничных рек остаётся во многом нерегулированным, а существующие органы – к примеру, Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия и Международный фонд спасения Арала не обладают достаточными полномочиями и ресурсами. Попытки придать им больший мандат неизбежно наталкиваются на опасения государств за свой суверенитет, поскольку вода рассматривается как стратегический ресурс, не терпящий внешнего вмешательства. В итоге мы имеем конфликт между национальным суверенитетом и наднациональными формами управления. То есть регион отчаянно нуждается в коллективных механизмах регулирования водопользования, однако усиление любого из них воспринимается как потенциальная угроза государственному суверенитету.

Современные вызовы

В результате указанных противоречий основополагающие вопросы остаются нерешенными десятилетиями. Режим использования трансграничных рек фактически базируется на устаревших договоренностях, что породило цепь острых ситуаций. Классический пример – многолетний спор вокруг Рогунской ГЭС в Таджикистане, чье возведение исторически вызывало резкое неприятие Узбекистана из-за угрозы сокращения летнего притока воды. [3] Аналогично, проекты Кыргызстана – Камба-

[1] Соглашение между Республикой Казахстан, Республикой Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном и Республикой Узбекистан о сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников: прин. в г. Алма-Ата 18 февр. 1992 г. // CAWater-Info.net: официальная база документов Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии. – URL: https://www.cawater-info.net/library/rus/icwc1.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

ратинская ГЭС – рассматривались соседями как односторонние шаги, игнорирующие баланс интересов. В прежние годы подобные споры доходили до крайне жёсткой риторики, но в последние годы политический климат несколько смягчился – к примеру, Узбекистан при новом руководстве взял курс на диалог и даже выразил готовность участвовать в проектах ГЭС соседей – по-прежнему отсутствуют юридически обязательные межгосударственные соглашения, всеобъемлюще регулирующие использование воды в бассейнах Сырдарьи и Амударьи.

Не менее опасной является ситуация на местах, в приграничных районах. Неразрешённость вопросов водопользования на локальном уровне уже привела к политически значимым инцидентам. Характерный пример – вооружённый конфликт на границе Кыргызстана и Таджикистана в апреле 2021 года. Поводом стала эскалация спора вокруг распределения воды в районе пограничного водозабора. Так, взаимные обвинения сельских общин в нарушении договорённостей переросли в столкновения с применением оружия, что привело к десяткам погибших с обеих сторон. [4] Вышеупомянутое трагическое событие показало, что даже локальные водные споры в условиях отсутствия доверия могут быстро приобрести межгосударственный характер, подрывая политическую стабильность всего региона. В итоге спор из хозяйственного превратился в фактор национальной безопасности. Более того, справедливо расценить данный конфликт как тревожный прецедент. То есть ресурсные споры способны перерасти в открытое противостояние, если не создать устойчивые механизмы их урегулирования. Потенциал подобных инцидентов сохраняется и в других точках Ферганской долины и сопредельных районов, где границы сложны, а вода и земля – дефицитные ресурсы.

Важно отметить, что при дальнейшем ухудшении водообеспеченности конфликты малой интенсивности могут вспыхивать все чаще, вплоть до массовых беспорядков на бытовом уровне. Подобные локальные кризисы напрямую влияют на политическую устойчивость государств. Правительствам приходится отвлекать ресурсы на их подавление, что подрывает доверие населения и создает почву для внутренней дестабилизации. Климатическое давление усугубляет все перечисленные риски. С одной стороны, изменение климата приводит к росту частоты и тяжести экстремальных погодных явлений и засух, маловодных лет, а также наводнений, что испытывает на прочность существующие договорённости о водопользовании. Так, в чрезвычайно засушливое лето 2021 года уровень воды в основных реках резко упал, поставив под удар ирригационный сезон в Узбекистане и Казахстане. Одновременно Кыргызстан и Таджикистан недополучили электроэнергию от своих ГЭС из-за обмеления водохранилищ, что побудило их сократить обмен водными ресурсами с соседями. Подобные односторонние меры, продиктованные форс-мажором, тем не менее воспринимаются как нарушение договорённостей и усиливают межгосударственное недоверие. [1] С другой стороны, долгосрочные климатические тренды – повышение средних температур, таяние горных ледников – ведут к тому, что общий водный баланс региона неуклонно сокращается. В подобных условиях борьба за стабильно-уменьшающийся ресурс может обостриться. Дефицит воды уже из разряда экологических переходит в разряд социально-политических проблем. То есть нехватка поливной воды угрожает продовольственной безопасности, вынуждает пересматривать экономические модели. Всё это бьёт по политической стабильности, особенно если учесть, что в странах региона велика доля занятости в аграрном секторе.

Международная вовлеченность и готовность лидеров стран ЦА разрешить спорные ситуации

Правительства всё чаще говорят о воде в контексте национальной безопасности. Показательно выступление Президента Казахстана К. Токаева на 78-й сессии Генассамблеи ООН в 2023 г., где он подчеркнул, что нехватка воды создаёт серьёзные экономические и социальные вызовы для бассейнов трансграничных рек Центральной Азии[1]. Секретарь комитета по безопасности парламента Казахстана А. Сарым прямо заявил: «Многие доклады указывают, что будущие конфликты в нашем регионе будут из-за воды»[2]. Подобные оценки разделяют и международные организации. Шанхайская организация сотрудничества в Самаркандской декларации 2022 г. признала, что отсутствие гарантированного доступа к водным ресурсам и санитарии – один из крупных вызовов нашего времени, потребующий особого внимания к устойчивому водному менеджменту[3]. Генеральная Ассамблея ООН, провозгласив Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития, 2018–2028», призвала государства активизировать сотрудничество в водной сфере, подчёркивая связь воды с достижением целей устойчивого развития и предотвращением конфликтов[4].

Несмотря на всю остроту проблемы, следует отметить и некоторые позитивные сдвиги последнего времени. Прежде всего, в регионе наметилось улучшение политического климата для диалога. Так, лидеры центральноазиатских республик за последние годы проводят регулярные консультативные встречи, где вопросам экологии и воды уделяется первостепенное внимание. Также заключены новые межгосударственные соглашения по отдельным водным объектам. За последние три года страны Центральной Азии подписали по меньшей мере четыре двусторонних соглашения о совместном управлении реками и водохранилищами. Кроме того, международные акторы предлагают свою поддержку. Так, ЕС, ООН, ОБСЕ реализуют программы по улучшению водной дипломатии и технической модернизации ирригационных систем в Центральной Азии. Региональные инициативы вроде «Душанбинского водного процесса» при поддержке ООН ставят целью выработку совместных подходов к водно-климатическим вызовам. [2] Тем самым постепенно формируются зачатки нормативных механизмов, способных заполнить существующие пробелы.

Заключение

Однако достигнутый прогресс пока не решает системных проблем. Новые соглашения носят фрагментарный характер и охватывают лишь отдельные бассейны или инфраструктурные объекты, не образуя целостного режима по всему региону. Продолжают действовать разные национальные законодательные режимы, порой противоречащие друг другу. Отсутствует единая информационная база и прозрачный обмен данными о гидрологических прогнозах, что порождает взаимные подозрения в манипуляциях объемами стока. Главный же вызов – как и прежде, непреодолённый дефицит доверия. Для полноценного урегулирования водно-ресурсных споров центральноазиатским странам необходимо пойти на ограничение своей абсолютной свободы действий, то есть делегировать часть полномочий наднациональному органу или, как минимум, строго следовать общим правилам. На практике же правительства пока склонны действовать односторонне, исходя из краткосрочных национальных приоритетов. В итоге сотрудничество развивается не столь быстро, как диктует нарастающий кризис.

Соответственно, водно-ресурсные конфликты уже сегодня выступают существенным фактором политической нестабильности в Центральной Азии, а в ближайшей перспективе их дестабилизирующее влияние лишь усилится под воздействием изменений климата. Нерешённость основных вопросов – от режима использования трансграничных рек до строительства гидротехнических сооружений – поддерживает состояние хронической напряженности между государствами региона. Каждый засушливый сезон или спор вокруг нового водного проекта грозит перерасти в межгосударственный конфликт, подрывая климат доверия и мешая формированию эффективных интеграционных блоков. Одновременно внутренние вызовы, связанные с дефицитом воды, могут провоцировать социальные протесты и ослаблять власть, что тоже отражается на региональной стабильности. Признание проблемы на самом высоком уровне – будь то заявления президентов государств, резолюции ООН или декларации ШОС – свидетельствует о понимании, что дальнейшее промедление чревато серьёзными последствиями для безопасности Центральной Азии. Для нейтрализации данного фактора нестабильности необходим комплекс мер.

Можно констатировать, что вода в Центральной Азии – не только ресурс развития, но и потенциальный «спусковой крючок» конфликтов. Пока конкурирующие интересы государств преобладают над духом сотрудничества, водно-ресурсный фактор остаётся источником риска для политической стабильности. Однако у региона есть и уникальный стимул к интеграции. Так, перед лицом общих угроз ни одна страна не способна в одиночку обеспечить свою водную и, шире, национальную безопасность. В данном смысле водная дипломатия становится краеугольным камнем региональной политики, от успеха которой зависит будущее Центральной Азии. Преодоление институ-

[1] Statement by President of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev at the General Debate of the 78th session of the United Nations General Assembly, New York, 2023. // United Nations General Debate Statements. – URL: https://gadebate.un.org/sites/default/files/gastatements/78/kz_en.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[2] Очень много отчетов, которые говорят, что основные конфликты в нашем регионе будут из-за воды», – заявил мажилисмен Айдос Сарым // Caravan.kz. – 19 авг. 2024. – URL: https://www.caravan.kz/society/vojnu-za-vodu-v-centralnoj-azii-predrekli-na-2025-god-naskolko-jeto-realno/ (дата обращения: 15.12.2025).

[3] Самаркандская декларация совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. 2022 г. – URL: https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/16/1600203.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

[4] Резолюция Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций A/RES/71/222 от 21 декабря 2016 г. // ООН. – URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/459/99/pdf/n1645999.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

циональных разобщённости, выработка взаимоприемлемых решений, учёт климатических реалий – таков путь к тому, чтобы гидроресурсы из повода для конфликтов превратились в основу сотрудничества и устойчивого развития региона, укрепив тем самым долгосрочную политическую стабильность. Только реализовав данный путь, государства Центральной Азии смогут предотвратить кризис.

Литература

1. Бояркина О.А. Основные проблемы государств Ферганской долины // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. № 2 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-gosudarstv-ferganskoy-doliny (дата обращения: 21.12.2025).

2. Бояркина О.А. Роль международных организаций в решении водного вопроса в Центральной Азии // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 29–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhdunarodnyh-organizatsiy-v-reshenii-vodnogo-voprosa-v-tsentralnoy-azii (дата обращения: 21.12.2025).

3. Жетигенова К. Ж., Калашникова Н.В. Омуракунова А.М. От благополучия к конфликту: вызовы и возможности водной дипломатии в Центральной Азии // Вестник академии МВД Кыргызской Республики. – С. 106–119.

4. Cohen A., Hill W.A., Sánchez W.A. Water insecurity in Central Asia: The imperative for regional and international cooperation: analytical report. –Atlantic Council of the United States, 2025. – 23 p. – ISBN 978-1-61977-360-8. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2025/02/Water-insecurity-in-Central-Asia.pdf (дата обращения: 15.12.2025).

5. Hodgson S. Strategic water resources in Central Asia: in search of a new international legal order. // EU–Central Asia Platform: официальный аналитический портал Европейского союза по Центральной Азии. – URL: https://eucentralasia.eu/strategic-water-resources-in-central-asia-in-search-of-a-new-international-legal-order/ (дата обращения: 15.12.2025).

WATER RESOURCES AS A FACTOR OF POLITICAL INSTABILITY IN CENTRAL ASIA IN THE CONTEXT OF CLIMATE CHANGE

Nesterchuk O.A., Mohammad Anwar Bakhtash, Yagodkin A.R.
P. Lumumba Russian University of Friendship of Peoples

The article analyzes the role of conflicts over water resources as a factor of political instability in Central Asia amid growing climate pressure. The aim of the study is to determine how water scarcity and related disputes affect regional security and interstate relations. The relevance of this research is due to intensifying droughts and glacier melt caused by climate change, which exacerbate competition over limited water resources among Central Asian countries. The paper examines disputes between upstream and downstream states along transboundary rivers – Amu Darya and Syr Darya), the limited effectiveness of current water-sharing agreements, and rising domestic socio-economic tensions caused by water shortages. Notably, armed incidents have already occurred over water disputes, demonstrating the threat such conflicts pose to regional stability. Without strengthened regional cooperation and sustainable water management, climatic pressures will continue to undermine political stability in Central Asia.

Keywords: Central Asia, climate change, water security, transboundary water resources

References

1. Boyarkina O.A. The Main Problems of the Fergana Valley States // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2017. No. 2 (26). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-problemy-gosudarstv-ferganskoy-doliny (accessed: 21.12.2025).

2. Boyarkina O.A. The Role of International Organizations in Resolving the Water Issue in Central Asia // Eurasian Union of Scientists. 2016. No. 29–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-mezhdunarodnyh-organizatsiy-v-reshenii-vodnogo-voprosa-v-tsentralnoy-azii (accessed: 21.12.2025).

3. Zhetigenova K. Zh., Kalashnikova N.V., Omurakunova A.M. From Well-Being to Conflict: Challenges and Opportunities of Water Diplomacy in Central Asia // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Kyrgyz Republic. – P. 106–119.

4. Cohen A., Hill W.A., Sánchez W.A. Water insecurity in Central Asia: The imperative for regional and international cooperation: analytical report. – Atlantic Council of the United States, 2025. – 23 p. – ISBN 978-1-61977-360-8. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/wp-content/uploads/2025/02/Water-insecurity-in-Central-Asia.pdf (accessed: 12/15/2025).

5. Hodgson S. Strategic water resources in Central Asia: in search of a new international legal order. // EU–Central Asia Platform: the official analytical portal of the European Union on Central Asia. URL: https://eucentralasia.eu/strategic-water-resources-in-central-asia-in-search-of-a-new-international-legal-order/ (accessed: 15.12.2025).

Социальные детерминанты академической успеваемости студентов в условиях цифровой образовательной среды

Павлова Ольга Юрьевна,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры управления природопользованием и охраны окружающей среды, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской
E-mail: pavlova-oy@ranepa.ru

Павлов Олег Иванович,
кандидат физико-математических наук, доцент кафедры экономико-математического моделирования, Российский университет дружбы народов
E-mail: pavlov-oi@rudn.ru

В условиях цифровой трансформации высшего образования проблема академической успеваемости студентов приобретает новое теоретическое и прикладное значение, поскольку результаты учебной деятельности все в меньшей степени определяются исключительно индивидуальными когнитивными способностями обучающихся и в возрастающей степени зависят от социальных условий организации образовательного процесса. Цифровая образовательная среда выступает не только технологической платформой обучения, но и самостоятельным социальным пространством, трансформирующим характер педагогического взаимодействия, учебной мотивации и моделей учебного поведения студентов. В связи с этим актуализируется необходимость анализа социальных детерминант академической успеваемости в условиях цифровизации образования. Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили теоретический анализ и обобщение отечественных психолого-педагогических и социологических источников, сравнительно-аналитический метод, системно-структурный подход, а также интерпретация результатов эмпирических исследований, посвященных проблемам цифровой образовательной среды, учебной мотивации, цифровой компетентности и академической прокрастинации студентов. Результаты исследования. Установлено, что академическая успеваемость студентов в цифровой образовательной среде формируется под воздействием совокупности социальных детерминант, включающих уровень цифровой компетентности, особенности педагогического взаимодействия, степень автономности обучения и уровень социальной интеграции обучающихся. Показано, что цифровая образовательная среда обладает амбивалентным влиянием на учебные результаты, способствуя как росту учебной активности и мотивации, так и развитию академической прокрастинации при недостаточном педагогическом сопровождении.
Сделан вывод о том, что академическая успеваемость в условиях цифровой образовательной среды представляет собой интегральный социально обусловленный показатель, отражающий качество социальной организации образовательного процесса и степень адаптации студентов к цифровому формату обучения.

Ключевые слова: академическая успеваемость; цифровая образовательная среда; социальные детерминанты; цифровая компетентность; учебная мотивация; автономное обучение; педагогическое взаимодействие; академическая прокрастинация; цифровизация образования.

Введение

В условиях цифровой трансформации системы образования проблема академической успеваемости студентов приобретает качественно новое теоретическое и прикладное звучание. Современные исследования все чаще фиксируют, что академическая успеваемость в цифровой образовательной среде перестает быть исключительно результатом индивидуальных интеллектуальных усилий обучающегося и формируется под воздействием комплекса социальных, психологических и институциональных факторов. Цифровая среда, выступая не просто технической платформой обучения, а самостоятельным социальным пространством, задает новые параметры взаимодействия между субъектами образовательного процесса, трансформирует мотивационные механизмы, когнитивные стратегии и модели учебного поведения студентов.

В научной литературе академическая успеваемость традиционно рассматривается как показатель усвоения знаний, умений и навыков, измеряемый через оценки, рейтинги и иные формы формализованного контроля [1]. Однако в условиях цифровизации образования данный подход оказывается методологически ограниченным, поскольку не позволяет в полной мере учитывать влияние социальной среды обучения, особенностей коммуникации, характера педагогического сопровождения и уровня цифровой компетентности участников образовательного процесса. В этой связи в современных исследованиях наблюдается смещение акцента с индивидуально-результативного понимания академической успеваемости к ее анализу как социально детерминированного феномена.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления академической успеваемости студентов в условиях цифровой образовательной среды с учетом социальных факторов, определяющих характер учебного взаимодействия, мотивационные установки и стратегии учебного поведения обучающихся. Несмотря на значительное количество работ, посвященных цифровизации образования, проблема социальной детерминации академической успеваемости до настоящего времени остается недостаточно систематизированной, что затрудняет разработку эффективных педагогических и институциональных механизмов поддержки учебной деятельности студентов.

Целью статьи является теоретический анализ социальных детерминант академической успеваемости студентов в условиях цифровой образовательной среды. Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи: раскрыть особенности трансформации академической успеваемости в условиях цифровизации образования; проанализировать роль цифровой компетентности как социального ресурса учебной деятельности; выявить влияние мотивационной сферы, автономности обучения и педагогического взаимодействия на академические результаты; определить противоречивые эффекты цифровой образовательной среды в контексте академической успешности студентов.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составляют положения социальной педагогики, психологии образования и теории цифровой трансформации образовательных систем. В работе используется комплекс общенаучных и специальных методов исследования, обеспечивающих целостный анализ заявленной проблемы.

В качестве основного метода применен теоретический анализ научных источников, позволивший обобщить и систематизировать современные подходы к пониманию академической успеваемости и выявить ключевые социальные детерминанты, определяющие учебные результаты студентов в цифровой образовательной среде. Метод сравнительного анализа использовался для сопоставления традиционных и цифровых форм организации образовательного процесса, а также для выявления специфики влияния цифровой среды на мотивационные и поведенческие характеристики обучающихся.

Метод интерпретации и обобщения результатов эмпирических исследований отечественных авторов позволил уточнить механизмы социальной детерминации академической успеваемости, включая влияние цифровой компетентности, педагогического взаимодействия и автономности обучения. Кроме того, применялся системно-структурный подход, обеспечивший рассмотрение цифровой образовательной среды как социотехнической системы, в рамках которой академическая успеваемость формируется в результате взаимодействия индивидуальных и социальных факторов.

Эмпирическая база исследования представлена результатами опубликованных научных исследований, посвященных проблемам цифровизации образования, академической успеваемости, учебной мотивации и академической прокрастинации студентов, что обеспечивает репрезентативность и теоретическую обоснованность полученных выводов.

Результаты и обсуждение

Анализ теоретических и эмпирических исследований, посвященных функционированию цифровой образовательной среды, позволяет сделать вывод о том, что академическая успеваемость студентов в условиях цифровизации образования формируется под воздействием совокупности социальных детерминант, выходящих за рамки индивидуальных когнитивных характеристик обучающихся. В представленных исследованиях устойчиво прослеживается тенденция смещения фокуса с оценки исключительно учебных результатов на анализ условий и механизмов социального взаимодействия, определяющих эффективность учебной деятельности.

Одним из ключевых результатов проведенного анализа является обоснование роли цифровой образовательной среды как самостоятельного социального пространства, в котором трансформируются формы педагогического взаимодействия, характер учебной коммуникации и модели учебного поведения студентов. Как отмечается в исследованиях, посвященных онлайн-обучению, такая деятельность характеризуется высокой степенью автономности обучающихся, снижением прямого педагогического контроля и возрастанием роли саморегуляции и самоорганизации учебной деятельности [2;7;9]. Это обуславливает зависимость академической успеваемости не только от академических способностей, но и от социальных условий, в которых осуществляется обучение, включая доступ к цифровым ресурсам, качество коммуникации с преподавателем и учебной группой, а также наличие институциональных механизмов поддержки.

А.С. Редванов, анализируя систему мониторинга успеваемости студентов педагогического вуза в контексте онлайн-образования, указывает, что цифровые технологии трансформируют саму логику контроля и оценки учебных результатов. Мониторинг в цифровой среде перестает быть исключительно инструментом фиксации результатов и приобретает функцию социального регулятора учебного поведения студентов, влияя на уровень их вовлеченности, дисциплины и ответственности за собственное обучение [8]. При этом прозрачность критериев оценки и оперативность обратной связи формируют новые социальные ожидания и нормы учебной деятельности.

Стоит отметить, что в условиях цифрового обучения цифровая компетентность приобретает статус ключевого социального ресурса, опосредующего академическую успеваемость обучающихся и определяющего их способность к эффективному включению в цифровую образовательную среду. Так, Т.А. Нескреба обосновывает положение о том, что уровень цифровой компетентности напрямую влияет на качество образовательного взаимодействия в дистанционной среде, поскольку именно он определяет эффективность коммуникации, доступ к образовательному контенту и возможности педагогического сопровождения [5]. В этом смысле академическая успеваемость студентов в цифровой образовательной среде обусловлена тем, что цифровая компетентность выступает не индивидуальной технической характеристикой обучающегося, а социально детерминированным условием его успешной интеграции в образовательную среду и систему учебного взаимодействия.

Рассмотрение цифровой компетентности в качестве социально детерминированного условия академической успеваемости позволяет перейти к анализу более широкого уровня социальных факторов, связанных с характеристиками самой цифровой образовательной среды. В этом отношении показательной является позиция С.И. Десненко и Т.Е. Пахомовой, которые рассматривают цифровую образовательную среду как сложную социотехническую систему, в рамках которой трансформируются роли обучающихся, усиливается значение коллективной деятельности и возрастает роль интеграции различных форм образования [4]. В такой среде академическая успеваемость определяется не только объемом усвоенных знаний, но и способностью студента выстраивать социальные взаимодействия, участвовать в совместной учебной деятельности и эффективно использовать цифровые ресурсы для решения учебных задач.

Особое место среди социальных детерминант академической успеваемости занимает мотивационная сфера личности студента. В исследованиях, выполненных в русле теории самодетерминации Э. Дици и Р. Райана, обосновано положение о том, что цифровая образовательная среда способна как усиливать, так и ослаблять учебную мотивацию в зависимости от характера социального взаимодействия и создаваемых педагогических условий. Н.А. Хлыбова, И.В. Томичева и И.В. Гиренко указывают, что использование социальных сетей и цифровых платформ в образовательных целях способствует удовлетворению базовых психологических потребностей студентов в автономии, компетентности и социальной аффилиации, что находит отражение в повышении учебной активности и академической успеваемости [10]. При этом авторы отмечают, что ключевым фактором формирования устойчивой учебной мотивации выступает социальное измерение цифровой образовательной среды, включающее горизонтальную коммуникацию, совместное обсуждение учебных задач и обмен знаниями и опытом между участниками образовательного процесса. В результате академическая успеваемость предстает не столько итогом индивидуальной познавательной деятельности, сколько показателем степени социальной интеграции студента в цифровое образовательное пространство.

Вместе с тем следует отметить и противоречивость влияния цифровой среды на академическую успеваемость. Так, Е.Н. Пашутина и Я.В. Кухтина доказывают, что при недостаточном удовлетворении когнитивных потребностей цифровая образовательная среда может способствовать развитию академической прокрастинации, которая, в свою очередь, негативно отражается на учебных результатах студентов. Авторы отмечают, что прокрастинация в цифровой среде носит социально обусловленный характер, поскольку связана с особенностями организации обучения, уровнем педагогической поддержки и характером предъявляемых требований [6].

Анализ эмпирических исследований, посвященных влиянию цифровой образовательной среды на академическую успеваемость, позволяет уточнить механизмы социальной детерминации учебных результатов студентов. В частности, в работе Е.И. Грачевой и И.А. Тютьковой показано, что использование цифровых образовательных инструментов оказывает положительное влияние на показатели успеваемости и качества знаний лишь при условии их педагогически и социально осмысленного внедрения. Авторы отмечают, что сами по себе цифровые технологии не гарантируют роста академических результатов, поскольку их эффективность определяется характером учебного взаимодействия, степенью включенности студентов и качеством педагогического сопровождения [3]. Данный вывод подтверждает положение о том, что цифровая образовательная среда выступает не автономным фактором повышения успеваемости, а социально опосредованным инструментом, эффективность которого зависит от структуры образовательного процесса и институциональных условий его реализации. В связи с чем академическая успеваемость приобретает статус индикатора не только индивидуальных достижений обучающихся, но и качества образовательной среды в целом.

Социальная обусловленность академической успеваемости в наибольшей степени проявляется в условиях автономного обучения, присущего цифровой образовательной среде. Переход к цифровым форматам организации образовательного процесса объективно влечет перераспределение ответственности за результаты учебной деятельности в сторону обучающегося, что обусловливает повышение требований к уровню сформированности механизмов саморегуляции, планирования и управления учебным временем. Указанные механизмы не могут рассматриваться как изолированные индивидуальные качества, поскольку их формирование и реализация осуществляются в рамках социально и педагогически организованной образовательной среды. Вследствие этого именно социальная среда цифрового обучения выступает определяющим фактором дифференциации учебных результатов, задавая институциональные и коммуникативные условия реализации автономности обучающихся. В данном аспекте цифровая образовательная среда закономерно усиливает стратификацию студентов по уровню академической успешности, актуализируя различия в степени их образовательной адаптации и социальной интеграции. Обучающиеся, обладающие развитой цифровой грамотностью, устойчивой учебной мотивацией и сформированным опытом эффективного социального взаимодействия в цифровом образовательном пространстве, демонстрируют более высокие показатели академической успеваемости, поскольку указанные характеристики обеспечивают их способность к продуктивной учебной активности, саморегуляции и осознанному использованию ресурсов цифровой образовательной среды. Напротив, студенты, испытывающие дефицит когнитивной поддержки, недостаточность обратной связи и трудности в организации собственной учебной деятельности, оказываются в группе повышенного риска академической неуспешности, что обусловлено снижением эффективности учебного поведения и проявляется, в том числе, в росте академической прокрастинации в условиях цифровой образовательной среды.

В системе социальной детерминации академической успеваемости определяющее значение приобретает характер педагогического взаимодействия, реализуемого в цифровой образовательной среде. Сокращение объема и интенсивности непосредственного контакта между преподавателем и обучающимися, объективно присущее дистанционным форматам обучения, требует обязательной компенсации за счет

институционально и методически организованных форм интерактивного учебного взаимодействия, устойчивых механизмов обратной связи и систематического включения студентов в совместную учебную деятельность. Отсутствие указанных условий трансформирует цифровую образовательную среду из ресурса поддержки учебной деятельности в фактор ее дезорганизации, что закономерно приводит к снижению эффективности учебного поведения и негативной динамике показателей академической успеваемости.

Выводы

Таким образом, теоретический анализ позволяет сделать вывод о том, что академическая успеваемость студентов в условиях цифровой образовательной среды не может рассматриваться исключительно как индивидуальный результат учебной деятельности. В процессе цифровизации образования академическая успеваемость приобретает статус социально обусловленного показателя, формирующегося под воздействием совокупности мотивационных, коммуникативных и институциональных факторов.

Установлено, что цифровая образовательная среда выступает не только технологической платформой обучения, но и самостоятельным социальным пространством, трансформирующим характер образовательного взаимодействия, модели учебного поведения и механизмы учебной мотивации студентов. Ключевую роль в обеспечении академической успешности играют цифровая компетентность обучающихся, уровень их социальной интеграции в учебное сообщество, а также качество педагогического сопровождения и обратной связи.

Сделанные выводы позволяют утверждать, что повышение академической успеваемости студентов в условиях цифровой образовательной среды невозможно без системного учета социальных детерминант учебной деятельности. Целенаправленное развитие цифровых компетенций, институциональная поддержка учебной мотивации и создание устойчивых условий для социального взаимодействия в цифровой среде выступают необходимыми условиями повышения качества образования. В этом смысле академическая успеваемость предстает как интегральный результат социально организованного образовательного процесса, в котором цифровые технологии функционируют как средство достижения образовательных целей, а не как самоцель.

Литература

1. Васильева А.С. Теоретические подходы к понятию академической успешности студентов // Экономика и социум. 2017. № 1–2 (32). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponyatiyu-akademicheskoy-uspeshnosti-studentov (дата обращения: 17.12.2025).

2. Ваханцева О.В. Риски онлайн-обучения: прокрастинация у студентов в период самоизоляции в связи с пандемией COVID-19 // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. – 2020. – № 3. – С. 750–756.

3. Грачева Е.И., Тютькова И.А. Влияние цифровой среды на академическую успеваемость студентов // Московский педагогический журнал. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-sredy-na-akademicheskuyu-uspevaemost-studentov (дата обращения: 17.12.2025).

4. Десненко С.И., Пахомова Т.Е. Формирование цифровой грамотности будущих педагогов в условиях цифровой образовательной среды педагогического колледжа // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsifrovoy-gramotnosti-buduschih-pedagogov-v-usloviyah-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-pedagogicheskogo-kolledzha (дата обращения: 17.12.2025).

5. Нескреба Т.А. Исследование сформированности цифровой компетентности педагогов в условиях дистанционной образовательной среды // Московский педагогический журнал. 2024. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sformirovannosti-tsifrovoy-kompetentnosti-pedagogov-v-usloviyah-distantsionnoy-obrazovatelnoy-sredy (дата обращения: 17.12.2025).

6. Пашутина Е.Н., Кухтина Я.В. Когнитивные потребности и академическая прокрастинация в условиях цифровой образовательной среды вуза // Педагогическое образование в России. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-potrebnosti-i-akademicheskaya-prokrastinatsiya-v-usloviyah-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-vuza (дата обращения: 17.12.2025).

7. Петрова Л.Н. Плюсы и минусы дистанционного обучения в вузах России в условиях пандемии COVID-19 // Педагогическое образование в России. – 2022. -№ 3. – С. 128–134.

8. Редванов А.С. Система мониторинга успеваемости студентов педагогического ВУЗа в контексте онлайн-образования // МНКО. 2023. № 5 (102). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-monitoringa-uspevaemosti-studentov-pedagogicheckogo-vuza-v-kontekste-onlayn-obrazovaniya (дата обращения: 17.12.2025).

9. Уваров А.Ю. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая [и др.]; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина. – М.: Высшая школа экономики, 2019. – 343 с.

10. Хлыбова Н.А., Томичева И.В., Гиренко И.В. Самодетерминируемая мотивация студентов в контексте дистанционной образовательной деятельности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/samodeterminiruemaya-motivatsiya-studentov-v-kontekste-distantsionnoy-obrazovatelnoy-deyatelnosti (дата обращения: 17.12.2025).

SOCIAL DETERMINANTS OF STUDENTS' ACADEMIC PERFORMANCE IN THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Pavlova O., Pavlov O.
Peoples' Friendship University of Russia

In the context of the digital transformation of higher education, the problem of students' academic performance acquires new theoretical and practical significance since learning outcomes are increasingly determined not only by individual cognitive abilities but also by the social conditions of the educational process. The digital educational environment functions not merely as a technological learning platform but as an independent social space that transforms pedagogical interaction, learning motivation, and models of students' learning behavior. In this regard, the analysis of the social determinants of academic performance in the context of educational digitalization becomes particularly relevant. Materials and Methods. The methodological framework of the study is based on the theoretical analysis and synthesis of contemporary psychological, pedagogical, and sociological literature, the comparative-analytical method, a systemic-structural approach, and the interpretation of empirical research findings related to digital educational environments, learning motivation, digital competence, and academic procrastination among students. Results. It has been established that students' academic performance in a digital educational environment is shaped by a complex set of social determinants, including the level of digital competence, characteristics of pedagogical interaction, the degree of learning autonomy, and the level of students' social integration. The findings demonstrate that the digital educational environment exerts an ambivalent influence on academic outcomes, contributing both to increased learning activity and motivation and to the development of academic procrastination in cases of insufficient pedagogical support. It is concluded that academic performance in a digital educational environment represents an integral socially conditioned indicator reflecting the quality of the social organization of the educational process and the degree of students' adaptation to digital learning formats.

Keywords: academic performance; digital educational environment; social determinants; digital competence; learning motivation; autonomous learning; pedagogical interaction; academic procrastination; digitalization of education.

References

1. Vasilyeva A.S. (2017). Theoretical approaches to the concept of students' academic success. Economy and Society, No. 1–2 (32). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-ponyatiyu-akademicheskoy-uspeshnosti-studentov (accessed 17 December 2025).

2. Vakhantseva O.V. (2020). Risks of online learning: student procrastination during self-isolation related to the COVID-19 pandemic. Herzen Readings: Psychological Research in Education, No. 3, Pp. 750–756.

3. Gracheva E.I., & Tyutkova, I.A. (2024). The impact of the digital environment on students' academic performance. Moscow Pedagogical Journal, No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-tsifrovoy-sredy-na-akademicheskuyu-uspevaemost-studentov (accessed 17 December 2025).

4. Desnenko S.I., & Pakhomova T.E. (2024). Formation of digital literacy of future teachers in the digital educational environment of a pedagogical college. Scientific Notes of Transbaikal State University, No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-tsifrovoy-gramotnosti-buduschih-pedagogov-v-usloviyah-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-pedagogicheskogo-kolledzha (accessed 17 December 2025).

5. Neskreba T.A. (2024). Study of the formation of teachers' digital competence in a distance educational environment. Moscow Pedagogical Journal, No. 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sformirovannosti-tsifrovoy-kompetentnosti-pedagogov-v-usloviyah-distantsionnoy-obrazovatelnoy-sredy (accessed 17 December 2025).

6. Pashutina E.N., & Kukhtina, Y.V. (2023). Cognitive needs and academic procrastination in the digital educational environment of a university. Pedagogical Education in Russia, No. 3. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnye-potrebnosti-i-akademicheskaya-prokrastinatsiya-v-usloviyah-tsifrovoy-obrazovatelnoy-sredy-vuza (accessed 17 December 2025).

7. Petrova L.N. (2022). Pros and cons of distance learning in Russian universities during the COVID-19 pandemic. Pedagogical Education in Russia, No. 3, Pp. 128–134.

8. Redvanov A.S. (2023). Monitoring system of academic performance in a pedagogical university in the context of online education. MNKO, No. 5 (102). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-monitoringa-uspevaemosti-studentov-pedagogicheckogo-vuza-v-kontekste-onlayn-obrazovaniya (accessed 17 December 2025).

9. Uvarov A.Yu., Geibel E., Dvoretskaya, I.V., et al. (2019). Challenges and prospects of digital transformation of education. Moscow: Higher School of Economics. 343 p.

10. Khlybova N.A., Tomicheva I.V., & Girenko I.V. (2021). Self-determined motivation of students in the context of distance educational activity. Bulletin of Udmurt University. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy, No. 2. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/samodeterminiruemaya-motivatsiya-studentov-v-kontekste-distantsionnoy-obrazovatelnoy-deyatelnosti (accessed 17 December 2025).

Эволюция «героя» как концептуальная основа развития

Пискарёв Павел Михайлович,
доктор психологических наук, профессор, член Российского философского общества, учредитель, основатель, АНО ДПО «Институт психологии творчества Павла Пискарёва»
E-mail: neiro.nauka@yandex.ru

Проблемы и пути эволюции и развития традиционно составляют основу философских поисков, находя свое отражение в философских, богословских и литературных трактатах. В контексте смысловых кризисов, озвученных в работах множества философов постструктуралистов XX века (Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с. // Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 2022. – 192 с. // Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М.: Рипол-классик, 2023. – 240 с. // Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.), этот тренд остаётся актуальным и легитимизирует практическое применение философских знаний для личностного и социального развития.

Центральным объектом данного исследования выступает образно-метафорический субъект – «Герой». Данное понятие будет рассмотрено с позиций философского подхода, психологического и литературного. Хотя наиболее полное раскрытие данной категории традиционно происходит в литературном контексте, в работе утверждается, что одного лишь анализа художественных образов недостаточно для корректного рассмотрения «героического».

При подготовке статьи были использованы такие общефилософские методы, как диалектический метод для рассмотрения явлений в развитии и взаимосвязи, с акцентом на выявление и разрешение противоречий; общелогические методы, что позволило логически обосновать сделанные выводы. Исторический метод позволил рассмотреть концепцию Героя в историческом контексте. Благодаря системному подходу различные контексты Героя были объединены модель развития. Системный метод, предусматривающий изучение философских проблем как части целостной системы, анализируя взаимосвязи между элементами этой системы.

В статье доказывается, что понятие «Героя» обладает имплицитной вертикальной иерархией, движение по которой связано с переходом на новые уровни ответственности и личной эффективности. Практическая значимость исследования заключается в разработке на основе этой концепции коучинговой модели, направленной на персональный рост. На макроуровне «Герой» рассматривается как ключевой социокультурный механизм, обеспечивающий устойчивость и развитие общества через преодоление личностью экзистенциальных и социальных вызовов.

Основным результатом исследования является разработка авторской модели «Пирамида Героя», представляющей собой иерархию из семи уровней (Атлет, Боец, Тактик, Воин, Вождь, Стратег, Мистик). Каждая ступень характеризуется определенным масштабом ответственности, типом деятельности и ценностными ориентациями, что дополнительно раскрывается через соотнесение с мужскими архетипами К.Г. Юнга.

Практическая значимость работы заключается в адаптации данной модели для коучинговых и психологических практик. «Пирамида Героя» предлагается в качестве инструмента для диагностики текущего уровня развития личности, осознания «потолка» и выстраивания стратегии перехода на следующую, более высокую ступень ответственности и эффективности.

Ключевые слова: эволюция Героя, практическая философия, коучинг, типология героя, вертикальное развитие, Пирамида Героя.

Образ героя в античном мировоззрение занимает особое положение. С одной стороны, герой приближен к богам, часто обладает их сверхъестественными качествами. С другой стороны, герои близки людям, так как смертны. [1, С. 43–44] Самый яркий пример – Геракл, что совершил множество подвигов вследствие своей божественной природы, но был близок к людям. Но почему именно в таком формате возник образ героя? Связь можно найти в политической и религиозном контексте. Так, некоторые исследователи связывают возникновение эпической традиции с родовым кризисом, выраженным в переходе к полисной системе. [5] Гомеровский эпос же мог стать инструментом для плавного перехода, сохраняющим коллективную определённую коллективную идентичность эллинов. Иными словами, функцией героя являлась возможность собственной идентификации. [1, С. 43–44] Данный тезис подтверждает ещё то, что герой помогает только тем, кто живёт рядом с его захоронением или принадлежит к племени, основателем которого он является. Его сакральная сила была привязана к конкретному месту. [1, С. 43–44]

Данные представления о герое со временем прошли сильную трансформацию. К примеру, существенная поправка возникает в эпоху Возрождения. Ранее фигурировавший коллективистский идеал античности, становится индивидуалистическим. Парадоксально Возрождение, ссылаясь на древнегреческие мифы, переделывает образ героя в оторванный от коллективности контекст. В дальнейшем данный переход к индивидуализму подкрепляется романтизмом, хотя в последнем возрождается божественное содержание образа героя. [1, С. 43–44]

Таким образом, прослеживая эволюцию образа героя от Античности до Романтизма, мы видим, что его сущностным ядром, остающимся неизменным несмотря на все трансформации, является статус героя как субъекта. Именно способность самостоятельно принимать ключевые решения выделяет его из общей массы. В античную эпоху, будучи тесно связанным с коллективом, герой (как Геракл) сам выбирал путь подвигов и искупления. Его решения определяли судьбы целых народов, что и делало его фигурой для идентификации. В эпоху Возрождения и Романтизма эта субъектность была гипертрофирована: герой окончательно превратился в автономную личность, чьи внутренние выборы и конфликты стали главным двигателем сюжета. Будь то инструмент коллективного самосознания или воплощение индивидуального бунта, герой всегда – это тот, кто действует по собственной воле, а не тот, кого ведут обстоятельства. Согласно работам Дж. Кэмпбелла у каждого героя есть универсальная модель «Пути Героя». В его концепции, в разных культурах – от Древней Греции до современной Исландии герой следует сходным путём, проходя через испытания, встречу с наставниками, преодоление врагов и возвращение с обретённым знанием.

Однако в рамках теории Кэмпбелла движение героя имеет преимущественно горизонтальный характер: оно предполагает расширение опыта и освоение новых территорий, но не затрагивает глубинные изменения в структуре сознания. [6, С 32] В личностно-профессиональном аспекте такое развитие означает накопление знаний и навыков без сопоставимого роста уровня ответственности или социального статуса.

Современное понимание образа героя, согласно подходу Кэмпбелла, прямо соприкасается с архетипом лидера. Исходя исторического ракурса ухода от коллективных идентичностей и тезиса Кэмпбелла попробуем выразить некоторые характерные черты образа героя в современности.

Так, следует подчеркнуть, что исходя из тенденций современного общества в ракурсе культуры потребления, которая поощряет пассивность и инфантилизм, образ героя теряет предшествующие коннотации. Потребительская парадигма ориентирована на комфорт, безопасность и немедленное удовлетворение желаний.[3]

Такой конфликт между образом героя прошлого и современной общественной жизнью можно оценить как противостояние между установкой на зависимость (получение благ извне) и установкой на ответственность – ключевую категорию, определяющую сущность героя. Таким образом сущность понятия героя прошлого в современной перспективе раскрывается через ответственность, которую человек принимает на себя, совершая выбор в собственной жизни. Данное представление имеет точки соприкосновения с концепцией «сверхчеловека» Фридриха Ницше.

Фридрих Ницше в своём труде «Так говорил Заратустра» излагает концепцию трёх метаморфоз духа. Исходная стадия – «верблюд» – характеризуется принятием духом внешних предписаний и моральных догм как ноши. Следующий этап – «лев» – знаменует собой нигилистический бунт против навязанных ценностей, однако его сила сугубо отрицательна и разрушительна. Апогеем развития становится превращение в «дитя», которое символизирует обретение «забытой» способности к невинному творчеству и спонтанному утверждению новых ценностей посредством собственной воли. [9, С. 26]

Мы можем заметить, что образ героя непосредственно рассматривался в качестве социального механизма, где главной особенностью героя являлось самостоятельное поведение. Тем не менее, заметим, что перспектива исключительно социального рассмотрения кажется недостаточной и редуцирующей образ героя к конкретным его проявлениям. Как уже ранее было указано, концепт героя, исходя из юнгианской концепции архетипов, может быть перенесён на нашу психику, в которой реализуется в различного рода привычках и действиях. Таким образом, героя в человеке можно воспитать, а значит, можно перенести на него определённые привычки и даже рефлекторные черты образа героя.

В данном случае мы выстроили оппозицию между образом героя и человеком потребления и указали, что существует возможность воспитать в человеке героизм. Соответственно, каким методом это сделать? В отличии от теории Кэмпбелла, где развитие героя рассматривается в горизонтальной плоскости, предлагаемая модель «Пирамида Героя» описывает вертикальное развитие – качественную трансформацию сознания, ценностных ориентаций и масштаба ответственности. Теоретическим обоснованием такого подхода служат современные исследования в области психологии развития и маркетинга.

А. Митте выделяет категории героев в зависимости от психологических типов [8, С 45–48]: «наши знакомые» – обычные люди, оказавшиеся в необычных обстоятельствах; «андердоги» – персонажи, поднимающиеся «из грязи в князи» благодаря воле, настойчивости и внутреннему стержню; «потерянные души» – герои, переживающие внутренние метания и находящиеся в постоянном поиске смысла; «идолы» – идеальные, почти безупречные фигуры, чья совершенность нередко вызывает недоверие. Эти типажи характерны и для современного общества, поскольку отражают разнообразие путей формирования личности и спектр ожиданий, предъявляемых к человеку в различных культурных контекстах. Однако новые культурные и социальные процессы постепенно изменяют саму природу героического образа. Сегодня от «Героя» ожидают не только внутренней силы или способности к преодолению обстоятельств, но и соответствия внешним критериям успеха: эффективности, продуктивности, финансового уровня, образа жизни, уровня потребления. Современные медиа и социальные сети усиливают этот процесс, формируя представление о героизме как о комбинации достижений, статуса. В результате образ героя все чаще связывается с социальным капиталом и материальными маркерами, а не с внутренней работой над собой. [7]

Так формируется культура потребительского общества, в которой идеалы упрощаются и стандартизируются. Человеку предлагается ограниченный набор ориентиров, главным образом связанных с внешними признаками успеха. Но, парадоксально, что именно эта среда ставит перед обществом новую задачу – создание образа «человека счастливого», способного гармонично сочетать материальное и духовное. Такой герой не растворяется в товарном фетишизме и не подменяет смысл накоплением. Напротив, он формирует целостную идентичность, в которой материальные достижения служат лишь инструментами, а не целью, и где внутренний рост становится основой подлинного человеческого развития.[4]

Актуальность и практическая необходимость такой модели в современном обществе лишь усиливается. Культура потребления, как показывает Байрон Шарп в своей работе «Как бренды растут. О чем не знают маркетологи», систематически поощряет пассивное поведение. Исследования Шарпа, основанные на анализе больших данных о покупательском поведении, показывают, что рост брендов обеспечивается не за счёт создания лояльных клиентов, а прежде всего за счёт привлечения масс лёгких покупателей, которые совершают покупки редко и выбирают из ограниченного набора знакомых марок [12, С. 12–16]

Механики брендинга и рекламы, основанные на принципах ментальной и физической доступности, описанных Шарпом, формируют у индивида привычку к немедленному удовлетворению желаний и зависимости от внешних стимулов. [12, С. 113–114] Эти принципы пронизывают почти все аспекты современного маркетинга. Ментальная доступность строится на создании устойчивых ассоциаций, которые позволяют бренду всплывать в сознании автоматически, без усилий со стороны потребителя. Физическая доступность формирует ощущение постоянного присутствия бренда в пространстве, делая процесс выбора максимально простым и быстрым. [12, С. 244–246]

Бренды стремятся быть повсюду и постоянно находиться в поле зрения сознания потребителя. Это создаёт информационный шум и поощряет пассивное, реактивное поведение. Человек не ищет продукт осознанно и долго – он всплывает в его сознании благодаря повторяющейся рекламе и широкому присутствию на полках. Шарп доказывает, что большинство покупок совершаются по привычке, без глубокой эмоциональной привязанности к бренду. Потребитель пассивен, его выбор инертен. Эта культура привычки и лёгкости замены одного бренда на другой формирует установку на зависимость и избегание глубины. [12, С. 101–103]

Расширяя этот тезис, Шарп подчёркивает, что значительная часть покупательского поведения определяется не осознанными предпочтениями, а когнитивной инерцией. Чем меньше усилий требует выбор, тем выше вероятность, что потребитель повторит покупку. Маркетинговые коммуникации лишь усиливают этот эффект, упрощая путь от желания к его удовлетворению. Чем меньше «трения» между намерением и покупкой, тем сильнее формируется установка на непосредственное, мгновенное потребление. Это приводит к постепенному ослаблению навыков осознанного выбора, аналитического мышления и самоконтроля. [12, С. 245–247]

Шарп также указывает на то, что программы лояльности, столь популярные среди маркетологов, не формируют привязанность к бренду. Их влияние минимально и ограничивается лишь созданием дополнительных точек контакта. Тем не менее реальные изменения в поведении покупателей в долгосрочной перспективе не наблюдаются. Большинство программ лояльности служат для сбора данных, а не для формирования устойчивой приверженности бренду. [12, Гл. 4]

Таким образом, массовая структура маркетинга ориентирована на стимулирование инфантильного типа поведения. Человек всё меньше принимает решения самостоятельно и всё больше реагирует на внешние стимулы. Простота выбора, постоянная видимость брендов, когнитивная доступность и лёгкость покупки – всё это создаёт условия, в которых человек привыкает получать желаемое немедленно, без необходимости прилагать усилия или задумываться о последствиях.

Противостоять этому и подняться до уровня Тактика или Воина, для которых характерны преданность долгу, выработка собственной стратегии и глубокая вовлечённость, становится актом личного бунта против навязываемой пассивности. Осознанность, умение анализировать свои действия, способность к задержке вознаграждения – всё это становится своеобразной формой сопротивления маркетинговой среде, выстроенной так, чтобы человек не делал выбор, а лишь следовал удобству и привычкам.[11]

В условиях, описанных Зигмунтом Бауманом как «текучая современность», где твердые идентичности размываются, а долгосрочные обязательства становятся редкостью, «Пирамида Героя» предлагает четкий вектор для личностного роста. «Текучая современность» – метафорический образ Зигмунта Баумана в одноименной работе, что описывает современное общество, где на смену прочным структурам и институтам пришла «текучая» современность в общественном сознании. Общество сравнивается с жидкостью – оно изменчиво, не постоянно, не может долго сохранят форму. Такое абстрактное представление вполне конкретно аккумулирует в себе такие черты, как распад прочных социальных связей, гибкость профессионального труда (важность многозадачности и навыков), культура незамедлительного удовлетворения желаний и потребностей, а самое сокрушительное– кризис идентичности.

Потеря четких иерархических структур и ментальных концепций о семье, профессии, государстве влечет за собой экзистенциальную усталость личности в бесконечном поиске «себя» – ценностей, принципов морали, четких правил некой заранее известной модели.[10] Эта среда активно препятствует формированию того самого героя, основанного на верности, долге, служении и устойчивой идентичности, который описывается «Пирамидой Героя». Она выступает не только как диагностический инструмент, но и как стратегия сопротивления инфантилизму, предлагая путь от пассивного потребления, то есть уровня Атлета как накопителя ресурсов, к активному служению и творческому утверждению собственных ценностей – Мистика.[2]

Эволюция героя, в соответствии с данной моделью, происходи на личностном, социальном и духовном уровнях. На личностном уровне он становится тактиком и воином, далее, на социальном – вождём и стратегом, что отражает рост лидерских качеств, способность выстраивать взаимодействия и вести людей. На духовном уровне герой достигает стадии мистика, показывая глубину внутреннего понимания,

мудрость и способность к осмыслению высших смыслов. Уровни Атлет и Боец соответствуют архетипу Мачо, выражающий боевую силу, атлетизм и волю к победе. Уровни Тактик и Воин соответствуют архетипу Рыцарь, традиционно ассоциирующемуся с защитой, воинской честью и тактикой. Уровни Вождь и Стратег в соответствии с подходом К.Г. Юнга [13] близки к архетипу Правителя, связанному с властью, порядком и контролем. А уровень Мистика соответствует Мудрецу, символизирующему зрелость и жизненную мудрость. Таким образом, наложение юнгианских архетипов на авторскую классификацию усиливает интерпретацию этапов развития мужской психики, мужского начала (Анимуса). (рисунок 1).

Рис. 1. Соответствие структуры эволюции Героя мужским архетипам по К.Г. Юнгу

Атлет – это первый уровень героического воплощения. Это субъект, вкладывающий много усилий в развитие своего тела, в накопление и расширение и максимальную реализацию свойств тела. В метафорическом смысле атлетизм – это не только спортивная форма. Атлетизм – это процесс накопления силы (знаний, информации, материальных благ или духовных сил). И если не происходит реализации этой силы в практике (в профессии или иных сферах), то Герой остается на данном уровне.

Боец – второй уровень, характеризующийся тем, что Герой уже не просто накапливают, а в прямом и метафорическом смыслах рвется в бой. Боец – это тот, кто реализует себя на уровне действий. Условно – это не просто посещать фитнес зал для красоты и здоровья тела, а участвовать в соревнованиях, конкуренции, вызовах, там, где можно потерпеть поражение и это в определенном роде подобно тому, чтобы пойти на смерть. Боец уже на практике осваивает приемы действий и системы поведения в необходимом ему контексте.

Ярких представителей данных категорий можно встретить среди научных экспериментаторов, харизматичных предпринимателей, талантливых менеджеров и ярких представителей маркетинга. И, конечно же, представители спорта и всех «мужественных профессий»

Таким образом, два нижних уровня Пирамиды Героя дают набор критериев и описание внешнего образа Героя, основания и направления развития материальной части его жизни. Говоря о внешних проявлениях, можно отметить, что если атлет приобретает коллекцию авто, то боец стремится к управлению в движении; если Атлет собирает прекрасную библиотеку, то Боец книги читает; если Атлет посещает профессиональные курсы, то Боец ищет и находит работу по профессии.

Тактик – это субъект, способный к организации и выполнению поставленных задач, как единожды, так и в системе. Тактику доверяют от собственной жизни, до управление другими людьми или проектами. Тактик не борется за большую идею, а ему достаточно вот этого небольшого масштаба, одноразовости, небольшой масштаб операций, но при этом качественно работает на своем масштабе, зачастую за счет личных свойств, данных от природы или воспитанных в процессе взросления. Тактик постоянно находится на том уровне, что у него есть и что у него хорошо получается.

Воин – это честь, профессионализма, долг. Это герои, вошедшие в историю не единственным подвигом, а длинным служением, независимо от того, чему они служат. В разных условиях он помнит во имя чего он здесь и сейчас существует и готов жертвовать собой, исполняя свой долг. При этом Воин, служа в структуре (военной, государственной, религиозной) практически всю жизнь может оставаться в одной и той же должности. Воин предан своему делу, своей службе, своему долгу.

Вождь – это тот, кто вдохновляет других, открывает другим видение. Он принимает на себя движение сообщества, движение вперед, который открывает перспективу, который обладает харизмой. В обществе, в бизнесе, в политике – это лидер.

Стратег отличается спокойствием. Он обладает большой перспективой и большим масштабом. Если идея вождя – вести за собой людей, то идея стратега – смотреть очень широко. Стратег – это тот, кто видит будущее далеко вперед и владеет ресурсами прошлого, накопленными средствами народа, предприятия, накопленной традицией. Бесспорно, Стратег – это высочайший интеллектуал.

Мистик – это уже персонаж, который вышел за пределы. Мистик слышит дыхание, слышит ритмы, чувствует природу, читает знаки. Мистик обращает внимание на мелочи. Мистик одновременно стратег и при этом он очень разбирается в деталях. Бесспорно, Мистик решил свой экзистенциальный вопрос, так как за верхней границей пропадает «Я». И если Стратег может ошибаться, так как он еще играет определённые роли утверждается, занимает пост, отыгрывает социальную задачу, то Мистик социальную задачу уже не отыгрывает. Мистику важнее, что у тебя на душе, чем заработаешь ты свою тысячу долларов завтра или не заработаешь. Вопрос ответственности Мистика очень неоднозначен, так как по сути некому брать на себя ответственность. Мистик закончил со своим «Я»,

Структура предлагаемой модели, которую условно можно назвать «Пирамида Героя», символизируя вертикаль и восхождение, открывает не только сильные стороны и возможности. Она достаточно четко показывает слабости, определяет потолок движения. Но это не означает проигрыш, так как в данной модели Герой является таковым на любом этапе.

Проанализировав понятие «Герой» с разных сторон, по итогу работы сделан вывод, что данное понятие является актуальной психологической моделью для личностного развития, предполагающей движение по вертикальной иерархии уровней ответственности и осознанности. Подлинная эволюция личности («вертикальное развитие») заключается не в накоплении знаний и навыков («горизонтальное развитие»), а в качественной трансформации сознания, ценностных ориентаций и масштаба ответственности – от личных интересов к социальным и экзистенциальным. Однако современные вызовы активно препятствуют реализации полноценного воплощения образа «Героя». Модель «Пирамида Героя» может быть транслирована в коучинговые и психологические практики для помощи человеку в диагностике его текущего уровня, осознании «потолка» развития и выстраивании стратегии перехода на следующую ступень.

Литература

1. Алиев Р.Т. Феномен героя и героического в исторической ретроспективе – от Античности до наших дней / Каспийский регион: политика, экономика, культура – 2015. – № 2 (43) – С. 40–48
2. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.
3. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М.: АСТ, 2022. – 320 с.
4. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Ж. Бодрийяр. – М.: Рипол-классик, 2023. – 240 с.
5. Кагарлицкая С.Я. Античный миф и «новый» герой / Ярославский педагогический вестник. – 2016 – № 1. – С. 325–330.
6. Кэмпбелл, Дж. Тысячеликий герой / Джозеф Кэмпбелл. – М.: Пирамида, 2022. – 352 с.
7. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 2022. – 192 с.
8. Митта, А. Кино между адом и раем: Кино по Эйзенштейну, Чехову, Шекспиру, Куросаве, Феллини, Хичкоку, Тарковскому… / А. Митта. – 3-е изд. – М.: Альпина нон-фикшн, 2022. – 490 с.
9. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – М.: Азбука, 2021. – 352 с.
10. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
11. Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – СПб.: A-cad, 1994. – 406 с.
12. Шарп Б. Как бренды растут. О чем не знают маркетологи. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – С. 304.
13. Юнг, К.Г. Символы трансформации / Карл Густав Юнг // Собрание сочинений. – М.: Канон, 2021. – Т. 5. – 864 с.

THE EVOLUTION OF THE “HERO” AS A CONCEPTUAL BASIS FOR DEVELOPMENT

Piskarev P.M.
Pavel Piskarev Institute of Creative Psychology

The problems and ways of evolution and development traditionally form the basis of philosophical searches, being reflected in philosophical, theological and literary treatises. In the context of semantic crises voiced in the works of many post-structuralist philosophers of the 20th century (Foucault, M. Words and Things: The Archaeology of the Humanities / M. Foucault. Saint Petersburg: A-cad, 1994. 406 p. // Lyotard, J.-F. The state of postmodernity / J.-F. Lyotard. Saint Petersburg: Alethea, 2022. 192 p. // Baudrillard, J. Simulacra and simulation / J. Baudrillard. – M.: Ripoll-classic, 2023. – 240 p. // Baudrillard, J. Consumer Society. His myths and structures / J. Baudrillard, Moscow: AST, 2022–320 p.), this trend remains relevant and legitimizes the practical application of philosophical knowledge for personal and social development.

The central object of this research is the figurative-metaphorical subject – the "Hero". This concept will be considered from the standpoint of a philosophical, psychological and literary approach. Although the most complete disclosure of this category traditionally takes place in a literary context, the work argues that the analysis of artistic images alone is not enough to correctly consider the "heroic".

During the preparation of the article, such general philosophical methods as the dialectical method were used to consider phenomena in development and interrelation, with an emphasis on identifying and resolving contradictions; general logical methods, which made it possible to logically substantiate the conclusions drawn. The historical method allowed us to consider the concept of the Hero in a historical context. Thanks to a systematic approach, the various contexts of the Hero have been combined by a development model. A systematic method involving the study of philosophical problems as part of an integrated system, analyzing the interrelationships between the elements of this system.

The article proves that the concept of "Hero" has an implicit vertical hierarchy, the movement of which is associated with the transition to new levels of responsibility and personal effectiveness. The practical significance of the research lies in the development of a coaching model based on this concept aimed at personal growth. At the macro level, the "Hero" is considered as a key socio-cultural mechanism that ensures the sustainability and development of society through overcoming existential and social challenges.

The main result of the research is the development of the author's "Hero Pyramid" model, which is a hierarchy of seven levels (Athlete, Fighter, Tactician, Warrior, Leader, Strategist, Mystic). Each stage is characterized by a certain scale of responsibility, type of activity and value orientations, which is additionally revealed through correlation with the male archetypes of C.G. Jung.

The practical significance of the work lies in adapting this model for coaching and psychological practices. The "Hero's Pyramid" is proposed as a tool for diagnosing the current level of personality development, realizing the "ceiling" and building a strategy for moving to the next, higher level of responsibility and efficiency.

Keywords: hero evolution, practical philosophy, coaching, hero typology, vertical development, Hero Pyramid.

References

1. Aliyev, R.T. The Phenomenon of the Hero and the Heroic in Historical Retrospect – from Antiquity to the Present Day / Caspian Region: Politics, Economics, Culture – 2015. – No. 2 (43) – Pp. 40–48

2. Bauman, J. Flowing Modernity / Translated from English. edited by Yu.V. Asochakov. – St. Petersburg: Piter, 2008. – 240 p.

3. Baudrillard, J. Consumer Society. Its Myths and Structures / J. Baudrillard. – Moscow: AST, 2022. – 320 p.

4. Baudrillard, J. Simulacra and Simulation / J. Baudrillard. – Moscow: Ripol-classic, 2023. – 240 p.

5. Kagarlitskaya S. Ya. The Ancient Myth and the "New" Hero / Yaroslavl Pedagogical Bulletin. – 2016 – No. 1. – Pp. 325–330.

6. Campbell, J. The Hero with a Thousand Faces / Joseph Campbell. – Moscow: Pyramid, 2022. – 352 p.

7. Lyotard, J.-F. The State of Postmodernism / J.-F. Lyotard. – St. Petersburg: Aletheia, 2022. – 192 p.

8. Mitta, A. Cinema between Hell and Paradise: Cinema based on Eisenstein, Chekhov, Shakespeare, Kurosawa, Fellini, Hitchcock, Tarkovsky… / A. Mitta. – 3rd ed. – Moscow: Alpina Non-Fiction, 2022. – 490 p.

9. Nietzsche, F. Thus Spoke Zarathustra / F. Nietzsche. – Moscow: Azbuka, 2021. – 352 p.

10. Plato. The Republic / Plato // Collected Works: in 4 volumes. – Moscow: Mysl, 1994. – Vol. 3. – Pp. 79–420.

11. Foucault, M. Words and Things: Archaeology of the Humanities / M. Foucault. – St. Petersburg: A-cad, 1994. – 406 p.

12. Sharp, B. How Brands Grow. What Marketers Don't Know. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2017. – P. 304.

13. Jung, K.G. Symbols of Transformation / Carl Gustav Jung // Collected Works. – M .: Canon, 2021. – T. 5. – 864 p.

Цифровые коммуникативные стратегии укрепления общероссийской идентичности в молодежной среде

Пьянов Кирилл Александрович,
аспирант Сибирского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: kp-2022@yandex.ru

Статья посвящена анализу цифровых коммуникативных стратегий укрепления общероссийской идентичности в молодежной среде в условиях трансформации традиционных механизмов гражданской социализации. Цель исследования – выявление потенциала цифровых коммуникативных стратегий в укреплении общероссийской идентичности среди молодежи и определение эффективных моделей цифрового участия в формировании гражданского сознания. Методологическую основу составил комплексный подход, интегрирующий методы вторичного анализа данных социологических опросов и теоретического обобщения результатов эмпирических исследований, что позволило выявить закономерности цифрового гражданского участия и определить факторы эффективности коммуникативных стратегий. В качестве эмпирической базы использовались данные социологических опросов молодежи 18–35 лет, проведенных ведущими исследовательскими центрами в 2023–2024 гг., а также результаты контент-анализа цифровых платформ ВКонтакте, Telegram и других социальных сетей, представленные в исследованиях С.Б. Абрамовой, Е.В. Бродовской и других авторов. Результаты показали, что эффективность цифровых стратегий определяется аутентичностью послания, эмоциональной насыщенностью нарратива и возможностью интерактивного участия. Выявлено ключевое противоречие между высокой символической вовлеченностью молодежи в цифровые практики и низкой трансформацией этой активности в реальные офлайн-действия. Установлено, что традиционные императивные формы патриотического воспитания вызывают отторжение у цифрового поколения. Определена необходимость создания интегрированных платформ, связывающих виртуальное и физическое пространства гражданского участия, и перехода от директивных подходов к диалоговым стратегиям формирования идентичности.

Ключевые слова: цифровые коммуникации, общероссийская идентичность, молодежь, цифровое гражданское участие, социальные сети, патриотическое воспитание, слактивизм.

Введение

В условиях глобализации и цифровизации вопросы формирования общероссийской идентичности в молодежной среде приобретают особую актуальность. Молодое поколение воспринимает интернет-пространство как естественную среду коммуникации и самоидентификации [15, с. 6]. Цифровая среда становится ментальной подсистемой коллективного сознания, формирующей новые модели социальных связей и идентичностей [7, с. 70].

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, общероссийская гражданская идентичность является основой государственного единства, что закреплено в Стратегии государственной национальной политики РФ. Во-вторых, молодежь представляет наиболее динамичную социальную группу, одновременно уязвимую к информационным воздействиям в цифровом пространстве. В-третьих, традиционные методы воспитания гражданственности требуют адаптации к цифровой реальности современной молодежи.

Научная значимость заключается в систематизации подходов к изучению цифровых коммуникативных стратегий формирования идентичности и выявлении механизмов проявления общероссийской идентичности в цифровом пространстве. Практическая значимость определяется возможностью использования результатов при разработке программ патриотического воспитания и молодежных проектов.

Цель исследования – выявление потенциала цифровых коммуникативных стратегий в укреплении общероссийской идентичности среди молодежи и определение эффективных моделей цифрового участия.

Задачи исследования направлены на достижение цели исследования и определяются следующими исследовательскими направлениями: определить теоретические основы взаимосвязи цифровых коммуникативных практик и процессов идентификации; проанализировать модели цифрового гражданского активизма молодежи; выявить факторы эффективности цифровых стратегий укрепления идентичности; оценить востребованность форм цифрового контента гражданско-патриотической направленности; определить противоречия между декларируемой позицией и реальными практиками цифрового участия.

Литературный обзор

Общероссийская гражданская идентичность определяется как осознание личностью своей принадлежности к сообществу граждан государства на гражданско-политической и общекультурной основе. Асмолов А.Г. подчеркивает надындивидуальный характер этого феномена как признака гражданской общности [5, с. 170]. В ее структуре выделяются когнитивный, эмоциональный, ценностный и поведенческий компоненты.

Деятельностный компонент особенно важен, поскольку через социальный активизм и гражданское участие происходит актуализация и укрепление идентичности в конкретных практиках общественной жизни.

Цифровизация трансформирует традиционные формы гражданской идентичности. Цифровое гражданское участие определяется как действия индивидов и групп в интернет-пространстве, направленные на становление гражданской идентичности. Моссбергер К. и его коллеги вводят понятие цифрового гражданства как возможности участвовать в жизни общества через интернет [17, с. 69].

Джордж Д. и Лейднер Д. выделяют три категории цифрового участия: зрительский активизм (кликтивизм), транзитный активизм (электронное финансирование, цифровые петиции) и гладиаторский активизм (хактивизм, работа с данными) [2, с. 393]. Российские исследователи предложили другую типологию: идеалисты, прагматики и традиционалисты [4, с. 180].

Федорова С. с коллегами выделяют категорию «наблюдателей» – пользователей с низкой активностью, но стремлением быть в курсе событий. Однако эта категория неоднородна и включает потенциально активных участников [7, с. 393–410].

Цифровые коммуникативные стратегии укрепления идентичности находятся на стыке нескольких исследовательских полей. Виртуальное пространство становится средой конструирования идентичности через интерактивное участие.

Однако существует разрыв между цифровой активностью молодежи и формированием устойчивых гражданских установок, что акту-

ализирует необходимость изучения факторов перехода от пассивного потребления контента к активному участию в формировании общероссийской идентичности.

Материалы и методы

Исследование цифровых коммуникативных стратегий укрепления общероссийской идентичности в молодежной среде основано на комплексном методологическом подходе, сочетающем теоретический анализ и обобщение эмпирических данных.

Материалы исследования включают научные публикации отечественных и зарубежных авторов за период 2013–2025 гг., посвященные проблематике цифровой социализации молодежи, формирования гражданской идентичности и моделей цифрового участия [1; 2; 3; 4]; статистические данные о медиапотреблении российской молодежи за 2023–2024 гг., представленные в исследованиях ВЦИОМ, ФОМ [11]; материалы государственных стратегических документов в сфере национальной политики и патриотического воспитания, включая Стратегию государственной национальной политики РФ; результаты ранее проведенных социологических исследований цифрового активизма и гражданского участия молодежи в российских регионах [6; 7; 16].

Результаты и обсуждение

Теоретические основы изучения цифровых коммуникаций в контексте формирования идентичностей требуют объединения концептуальных подходов социологии, политологии и медиакоммуникаций. Общероссийская идентичность понимается как многоуровневое понятие, включающее эмоциональную привязанность к стране, осознание принадлежности к единому гражданскому сообществу и готовность к совместным действиям во имя общественных интересов [9, с. 6–21].

В цифровой среде процессы определения своей принадлежности приобретают особые черты: они становятся более динамичными, раздробленными и подверженными влиянию сетевых сообществ. Цифровое пространство создает условия для одновременного существования множественных идентичностей, что может как обогащать гражданское самосознание молодежи, так и создавать конфликты лояльности между местными, национальными и транснациональными моделями самоопределения.

Современные исследования показывают, что цифровая коммуникация существенно изменяет механизмы социализации и самоопределения молодежи [1, с. 5–10; 17, с. 331–343]. Традиционные институты социализации, такие как семья, школа и территориальные сообщества, частично утрачивают монополию на формирование ценностных ориентаций, уступая место сетевым сообществам, блогерам и цифровым платформам.

Молодые люди формируют свою идентичность через взаимодействие с цифровым контентом, участие в онлайн-дискуссиях и принадлежность к виртуальным группам по интересам. При этом алгоритмическая логика социальных сетей создает эффект информационных пузырей, когда пользователь получает преимущественно тот контент, который соответствует его уже сформированным предпочтениям, что может как усиливать существующие модели поведения, так и ограничивать знакомство с альтернативными точками зрения.

Исследование Кузнецовой Е.А. [13, с. 59–66] представляет интерес для анализа в части концептуализации шести типов цифровой социализации, что позволяет дифференцировать механизмы формирования гражданской идентичности в зависимости от доминирующей модели поведения. Гедонистический и коммуникативно-игровой типы демонстрируют преобладание развлекательной функции цифровой среды над гражданско-ориентированной. Здесь обнаруживается парадокс: молодые люди активно конструируют идентичность в цифровом пространстве, но эта идентичность редко включает гражданско-патриотическую компоненту как значимый элемент самопрезентации. Профессиональный и образовательный типы, напротив, указывают на потенциал цифровой среды как пространства целенаправленного развития компетенций, включая гражданские. Монетизация навыков и непрерывное онлайн-обучение формируют прагматический подход к цифровому присутствию, где гражданское участие может рассматриваться как инвестиция в социальный капитал или карьерную траекторию.

Дискуссионным остается вопрос о дезадаптации цифрового поколения: скорее наблюдается трансформация критериев адаптированности, нежели её отсутствие. Традиционные институты социализации оценивают адаптацию по параметрам, разработанным для общества, игнорируя новые формы социальной связности и коллективного действия. Анонимность и добровольность контактов в цифровой среде не столько деформируют социализацию, сколько создают альтернативные каналы гражданского участия для социально тревожных индивидов, лиц с ограниченными возможностями, представителей маргинализированных групп. Концепция «человека эпохи виртуальности» требует уточнения: речь идет не о замещении реальной жизни виртуальной, а о гибридизации практик, где граница между офлайн и онлайн становится проницаемой и ситуативной.

Типология моделей цифрового участия [14, с. 167–173; 18, с. 81–94; 3, с. 18–27; 6, с. 39–51] применяет степени вовлеченности через наблюдаемое поведение, однако упускает качественное различие между реактивными действиями (лайки, репосты) и рефлексивными практиками критического осмысления. Лайк может означать согласие, солидарность, желание сохранить публикацию, поддержку автора или простую фиксацию факта просмотра – интерпретация этого действия как показателя вовлеченности методологически уязвима. Проблематичность линейной последовательности моделей – от пассивного потребления к созданию контента – подтверждается эмпирическими данными: молодежь может одновременно демонстрировать высокую активность в развлекательных сегментах и полное отсутствие участия в гражданских дискуссиях. Переход между моделями зависит не от накопления опыта в предыдущей модели, а от специфики контента, социального контекста и индивидуальной мотивации.

Социальный капитал и образовательный уровень выступают модераторами не столько перехода между моделями, сколько выбора тематических областей цифровой активности. Молодой человек с высоким образовательным уровнем может активно создавать контент в профессиональной или хобби-сфере, оставаясь пассивным потребителем в политическом сегменте.

Наличие успешных примеров гражданского участия в ближайшем окружении работает как катализатор только при условии, что эти примеры воспринимаются как релевантные и достижимые. Для настоящего анализа критичным является вопрос: какие характеристики цифрового контента провоцируют переход от пассивного потребления к активному гражданскому действию, и почему патриотический контент в существующих форматах не выполняет эту функцию для значительной части молодежи.

Эффективность цифровых стратегий укрепления общероссийской идентичности определяется комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевым является подлинность коммуникации, поскольку молодежь чутко реагирует на попытки манипуляции и пропаганды, отдавая предпочтение искренним и эмоционально насыщенным рассказам. Немаловажную роль играет визуализация и эстетическая привлекательность контента, так как в условиях информационной перегрузки способность привлечь и удержать внимание становится критически важной.

Возможность взаимодействия и участия также существенно влияют на вовлеченность молодежи, поскольку современное поколение стремится быть не просто потребителем, но соавтором смыслов и создателем контента. Индивидуальный подход к сообщениям с учетом интересов и ценностей различных молодежных субкультур повышает отклик на коммуникацию, в то время как одинаковые подходы часто воспринимаются как навязчивые и неестественные.

Особую значимость приобретает выбор цифровых платформ для коммуникации с молодежной аудиторией. Согласно данным исследований медиапотребления 2023–2024 гг., молодые россияне в возрасте 18–34 лет демонстрируют наивысшую степень вовлеченности в цифровое пространство: 92–94% представителей данной возрастной группы ежедневно используют социальные сети и мессенджеры, проводя в них в среднем более 3 часов в сутки [11, с. 819–839].

При этом наблюдается существенная разница в предпочтениях платформ: если ВКонтакте остается лидером по охвату аудитории (129 минут в сутки), то Telegram демонстрирует максимальный прирост молодежной аудитории после 2022 года, увеличив ежедневный охват с 29% до 51% пользователей. Примечательно, что в структуре потребления контента молодежь отдает предпочтение новостным сообществам (77%), что свидетельствует о высоком запросе на актуальную информацию о событиях в стране и мире.

Эти данные указывают на необходимость адаптации государственных коммуникационных стратегий к реальным моделям цифрового поведения молодого поколения, используя те платформы и форматы, которые органично вписываются в их информационную повседневность, а не навязывая искусственные каналы коммуникации, воспринимаемые как неестественные и устаревшие.

Исследование востребованности различных форматов цифрового контента гражданско-патриотической направленности показывает неоднородность предпочтений внутри молодежной аудитории [16, с. 167–173]. Наибольший отклик вызывают материалы, связанные с историческими событиями и личностями, представленные в формате увлекательных историй, документальных проектов с использованием современных визуальных технологий и интерактивных реконструкций.

Значительный интерес проявляется к контенту, демонстрирующему достижения современной России в науке, технологиях, культуре и спорте, особенно когда эти достижения представлены через истории конкретных людей, с которыми молодежь может себя соотнести [12, с. 222–231]. Проекты, направленные на сохранение культурного наследия и экологии, также находят поддержку среди молодежи, особенно когда они предполагают активное участие и видимый результат. В то же время традиционные формы патриотического контента, основанные на риторике долга и обязанностей без эмоциональной составляющей, часто вызывают отторжение или безразличие у цифрового поколения.

Противоречие между декларируемой гражданской позицией и реальными практиками цифрового участия представляет собой важную проблему, требующую осмысления. Многие молодые люди демонстрируют высокий уровень символической вовлеченности, выражающейся в поддержке патриотических постов и участии в онлайн-акциях, однако эта активность редко превращается в офлайн-действия или долгосрочные обязательства перед сообществом. Явление поверхностного активизма, когда простые формы онлайн-поддержки замещают реальное гражданское участие, создает иллюзию вовлеченности без формирования устойчивых ценностных установок [8, с. 1–9]. Это противоречие усугубляется разрывом между официальным дискурсом гражданственности и повседневными практиками цифровой коммуникации, когда молодежь сталкивается с несоответствием между декларируемыми ценностями и наблюдаемой социальной реальностью. Преодоление этого разрыва требует создания механизмов, связывающих цифровое и офлайн-пространства гражданского участия, а также формирования культуры критического мышления, позволяющей молодежи осмысленно выстраивать свою гражданскую позицию в условиях информационного многообразия.

Перспективные направления развития цифровых коммуникативных стратегий укрепления общероссийской идентичности связаны с объединением образовательного, культурного и технологического компонентов [10, с. 390–400]. Создание интерактивных платформ, объединяющих возможности обучения, творческой самореализации и гражданского участия, может способствовать формированию более глубокого и осмысленного отношения к общероссийской идентичности. Использование технологий игровых элементов и дополненной реальности открывает новые возможности для вовлечения молодежи в изучение истории и культуры страны через захватывающий интерактивный опыт. Развитие горизонтальных сетей молодежных инициатив с использованием цифровых платформ координации может превратить пассивное потребление контента в активное гражданское действие. При этом критически важным остается соблюдение баланса между целенаправленным формированием идентичности и сохранением пространства для свободного самоопределения молодежи, без которого любые усилия по укреплению гражданского сознания рискуют быть восприняты как манипуляция и вызвать обратный эффект.

Заключение

Исследование цифровых стратегий укрепления общероссийской идентичности показало принципиальную трансформацию механизмов формирования гражданского сознания. Для современной молодежи цифровое пространство стало органичной частью социализации и гражданского участия.

Эффективность цифровых стратегий определяется аутентичностью послания и возможностью интерактивного участия. Традиционные императивные формы патриотического воспитания вызывают отторжение у поколения, стремящегося к самостоятельному осмыслению ценностей.

Ключевая проблема – противоречие между высокой символической вовлеченностью в цифровые практики и низкой трансформацией в офлайн-действия. Феномен слактивизма требует создания интегрированных платформ, связывающих цифровое и физическое пространства.

Перспективное развитие связано с балансом между формированием идентичности и свободой самоопределения молодежи. Необходим отказ от директивных подходов в пользу диалоговых моделей и создания аутентичного контента. Только так возможно формирование устойчивой общероссийской идентичности, основанной на внутреннем осознании ценности гражданской солидарности.

Литература

1. Абдулатипова, Э.А. Влияние коммуникаций в Интернете на процесс социализации молодежи / Э.А. Абдулатипова, И.С. Исламбекова, Р.М. Филимонов // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. – 2023. – Т. 17, № 1. – С. 5–10. – DOI: 10.31161/1995-0659-2023-17-1-5-10.

2. Абрамова, С.Б. Молодежь региона в поисках гражданской идентичности: цифровое участие и модель наблюдателя / С.Б. Абрамова, Н.Л. Антонова // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 2 (123). – С. 393–410.

3. Анищенко, А.В. Феномен цифрового политического участия: формы, модели и сущностные аспекты / А.В. Анищенко // Наука. Культура. Общество. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 18–27. – DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.2.

4. Бродовская, Е.В. Гражданские и политические онлайн-практики в оценках российской молодежи (2018) / Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Р.В. Пырма, А.А. Азаров // Политическая наука. – 2019. – № 2. – С. 180–197. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.09.

5. Бугайчук, Т.В. Концепт гражданской идентичности в современных социально-политических реалиях / Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2023. – № 3 (76). – С. 170–177. – DOI: 10.54398/1818510X_2023_3_170.

6. Володенков, С.В. Перспективы формирования просоциального образа цифрового будущего в России (экспертная оценка) / С.В. Володенков, В.В. Зотов, Г.Р. Консон, О.Н. Гуров // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2024. – Т. 49, № 1. – С. 39–51. – DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51.

7. Гришаева, С.А. Социальные трансформации в условиях цифровой среды / С.А. Гришаева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – Т. 26, № 1. – С. 70–81. – DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81.

8. Догаев, П.П. Слактивизм как форма общественно-политического участия в эпоху «пост-правды» / П.П. Догаев // Политика и общество. – 2017. – № 8. – С. 1–9.

9. Дробижева, Л.М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях / Л.М. Дробижева // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – № 3 (15). – С. 6–21.

10. Емельянова, О.Б. Цифровизация и национальная идентичность российского образования / О.Б. Емельянова, Е.С. Маслова, Т.И. Селиванова // Общество: философия, история, культура. – 2024. – № 12. – С. 390–400. – DOI: 10.24158/fik.2024.12.49.

11. Иохим, А.Н. Стратегия государства по укреплению российской макрополитической идентичности в цифровом пространстве: динамика и перспективы / А.Н. Иохим // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2024. – Т. 26, № 4. – С. 819–839. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839.

12. Катханова, Ю.Ф. Влияние цифровых технологий на искусство / Ю.Ф. Катханова, А.И. Корыгин // Преподаватель XXI век. – 2024. – № 2–1. – С. 222–231. – DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-222-231.

13. Кузнецова, Е.А. Цифровая социализация молодежи / Е.А. Кузнецова // Социология. – 2023. – № 3. – С. 59–66.

14. Максимов, С.С. Восприятие молодёжью духовно-нравственного и патриотического контента в социальных сетях / С.С. Максимов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2025. – № 8. – С. 167–173. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-8-167-173.

15. Максимова, О. А. «Цифровое» поколение: стиль жизни и конструирование идентичности в виртуальном пространстве / О.А. Максимова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 22 (313). – С. 6–10.

16. Поскакалова, Т.А. Цифровая социализация молодых взрослых: тренды и тенденции в коммуникации / Т.А. Поскакалова, М.Г. Сорокова // Цифровая гуманитаристика и технологии в образовании (DHTE 2022): сб. статей III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 17–18 ноября 2022 г. / под ред. В.В. Рубцова, М.Г. Сороковой, Н.П. Радчиковой. – М.: Издательство ФГБОУ ВО МГППУ, 2022. – С. 331–343.

17. Пырма, Р.В. Политические грани цифрового гражданства / Р.В. Пырма // Власть. – 2019. – № 4. – С. 69–78.

18. Файкова, С.Д. Социальные сети как инструмент формирования лояльности молодежи к российским телеканалам / С.Д. Файкова // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 3 (45). – С. 81–94.

DIGITAL COMMUNICATION STRATEGIES FOR STRENGTHENING ALL-RUSSIAN IDENTITY AMONG YOUTH

Pyanov K.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to the analysis of digital communication strategies for strengthening the all-Russian identity among young people in the context of the transformation of traditional mechanisms of civic socialization. The aim of the study is to identify the potential of digital communication strategies in strengthening the all-Russian identity among

young people and to determine effective models of digital participation in the formation of civic consciousness. The methodological basis is a comprehensive approach integrating methods of secondary analysis of sociological survey data and theoretical generalization of the results of empirical research, which made it possible to identify patterns of digital civic participation and determine the factors of the effectiveness of communication strategies. The empirical base was formed by data from sociological surveys of young people aged 18–35, conducted by leading research centers in 2023–2024, as well as the results of content analysis of digital platforms VKontakte, Telegram and other social networks, presented in the studies of S.B. Abramova, E.V. Brodovskaya and other authors. The results showed that the effectiveness of digital strategies is determined by the authenticity of the message, the emotional richness of the narrative, and the potential for interactive participation. A key contradiction was identified between the high symbolic engagement of young people in digital practices and the low transformation of this activity into real offline actions. Traditional imperative forms of patriotic education were found to be rejected by the digital generation. The need was identified for integrated platforms linking virtual and physical spaces of civic participation and for a shift from directive approaches to dialogic strategies for identity formation.

Keywords: digital communications, all-Russian identity, youth, digital civic participation, social networks, patriotic education, and Slacktivism.

References

1. Abdulatipova, E.A. The Impact of Online Communications on the Process of Youth Socialization / E.A. Abdulatipova, I.S. Islambekova, R.M. Filimonov // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences. – 2023. – Vol. 17, No. 1. – Pp. 5–10. – DOI: 10.31161/1995-0659-2023-17-1-5-10.

2. Abramova, S.B. Regional Youth in Search of Civic Identity: Digital Participation and the Observer Model / S.B. Abramova, N.L. Antonova // Regional Studies. – 2023. – Vol. 31, No. 2 (123). – Pp. 393–410.

3. Anishchenko, A.V. The Phenomenon of Digital Political Participation: Forms, Models, and Essential Aspects / A.V. Anishchenko // Science. Culture. Society. – 2023. – Vol. 29, No. 4. – Pp. 18–27. – DOI: 10.19181/nko.2023.29.4.2.

4. Brodovskaya, E.V. Civic and Political Online Practices as Assessed by Russian Youth (2018) / E.V. Brodovskaya, A. Yu. Dombrovskaya, R.V. Pyrma, A.A. Azarov // Political Science. – 2019. – No. 2. – Pp. 180–197. – DOI: 10.31249/poln/2019.02.09.

5. Bugaychuk, T.V. The concept of civil identity in modern socio-political realities / T.V. Bugaychuk, O.A. Koryakovtseva // Caspian region: politics, economics, culture. – 2023. – No. 3 (76). – P. 170–177. – DOI: 10.54398/1818510X_2023_3_170.

6. Volodenkov, S.V. Prospects for the formation of a pro-social image of the digital future in Russia (expert assessment) / S.V. Volodenkov, V.V. Zotov, G.R. Konson, O.N. Gurov // NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. – 2024. – Vol. 49, No. 1. – P. 39–51. – DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-1-39-51.

7. Grishaeva, S.A. Social transformations in the digital environment / S.A. Grishaeva // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. – 2020. – Vol. 26, No. 1. – Pp. 70–81. – DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-1-70-81.

8. Dogaev, P.P. Slacktivism as a form of socio-political participation in the "post-truth" era / P.P. Dogaev // Politics and society. – 2017. – No. 8. – Pp. 1–9.

9. Drobizheva, L.M. Consolidating identity in the all-Russian, regional and ethnic dimensions / L.M. Drobizheva // Prospects. Electronic journal. – 2018. – No. 3 (15). – P. 6–21.

10. Emelyanova, O.B. Digitalization and national identity of Russian education / O.B. Emelyanova, E.S. Maslova, T.I. Selivanova // Society: philosophy, history, culture. – 2024. – No. 12. – P. 390–400. – DOI: 10.24158/fik.2024.12.49.

11. Iokhim, A.N. The state strategy for strengthening Russian macropolitical identity in the digital space: dynamics and prospects / A.N. Iokhim // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. – 2024. – Vol. 26, No. 4. – P. 819–839. – DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-819-839.

12. Katkhanova, Yu.F. The influence of digital technologies on art / Yu.F. Katkhanova, A.I. Korygin // Teacher of the XXI century. – 2024. – No. 2–1. – P. 222–231. – DOI: 10.31862/2073-9613-2024-2-222-231.

13. Kuznetsova, E.A. Digital Socialization of Youth / E.A. Kuznetsova // Sociology. – 2023. – No. 3. – Pp. 59–66.

14. Maksimov, S.S. Young People's Perception of Spiritual, Moral and Patriotic Content on Social Networks / S.S. Maksimov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 8. – Pp. 167–173. – DOI: 10.24412/2500-1000-2025-8-167-173.

15. Maksimova, O. A. "Digital" Generation: Lifestyle and Identity Construction in Virtual Space / O.A. Maksimova // Bulletin of Chelyabinsk State University. – 2013. – No. 22 (313). – P. 6–10.

16. Poskakalova, T.A. Digital socialization of young adults: trends and tendencies in communication / T.A. Poskakalova, M.G. Sorokova // Digital humanities and technologies in education (DHTE 2022): collection of articles from the III All-Russian scientific and practical conference with international participation. November 17–18, 2022 / edited by V.V. Rubtsov, M.G. Sorokova, N.P. Radchikova. – Moscow: Publishing house of FSBEI HE MGPPU, 2022. – P. 331–343.

17. Pyrma, R.V. Political aspects of digital citizenship / R.V. Pyrma // Power. – 2019. – No. 4. – P. 69–78. 18. Faykova, S.D. Social networks as a tool for forming youth loyalty to Russian TV channels / S.D. Faykova // Sign: problematic field of media education. – 2022. – No. 3 (45). – P. 81–94.

18. Faykova, S.D. Social networks as a tool for forming youth loyalty to Russian TV channels / S.D. Faykova // Sign: problematic field of media education. – 2022. – No. 3 (45). – P. 81–94.

Латентные социокультурные факторы демографического поведения населения Белгородской области

Репей Артем Олегович,
аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»
E-mail: Art.Repei@yandex.ru

Статья посвящена исследованию латентных социокультурных факторов, влияющих на демографическое поведение населения Белгородской области. Целью исследования является выявление и интерпретация латентных факторов, которые формируют демографическое поведение населения на основе трехступенчатого контент-анализа нормативных и программных документов, а также региональных СМИ. Гипотеза исследования предполагает, что демографическое поведение определяется не только институциональными и экономическими условиями, но и совокупностью латентных социокультурных факторов. Эмпирическую базу исследования составили нормативно-правовые акты Белгородской области, программные документы, официальные выступления представителей органов власти, а также публикации ведущих региональных СМИ, освещающих социально-демографическую проблематику. Методологический подход основан на применении контент-анализа, процедур открытого и аксиального кодирования, сравнительного анализа и последующей концептуализации выявленных смысловых структур. В ходе исследования были выявлены шесть латентных факторов, определяющих современное демографическое поведение: прагматизация родительства, патерналисткая зависимость, культурная фрагментация, гендерная асимметрия, ослабление символического капитала семьи и коммуникативная редукция. Полученные результаты позволили построить целостную модель скрытых детерминант, отражающую специфику регионального демографического поведения. Результаты настоящего исследования могут быть использованы при разработке региональных программ в сфере демографической и семейной политики, а также в социокультурном проектировании коммуникаций между властью и населением. Ограничения исследования связаны с региональной спецификой и опорой только на контент-анализ нормативных, программных документов и региональных СМИ, как косвенные индикаторы ценностных ориентаций. Перспективы дальнейшего исследования предполагают расширение методологии исследования, а именно включение в комплексный анализ демографического поведения населения качественных методов исследования (опрос населения, глубинные интервью).

Ключевые слова: латентные факторы, демографическое поведение, медиадискурс, социокультурные установки, региональная демография

Несмотря на реализацию масштабных мер государственной поддержки семьи и детства, сохраняющиеся дифференциация основных демографических показателей между регионами свидетельствует о влиянии не только явных экономических условий, но и комплекса скрытых факторов. К ним относятся глубинные социокультурные нормы, ценностные ориентации и поведенческие установки населения, которые опосредуют эффективность проводимой демографической политики. Исследование этих латентных факторов на примере конкретного региона, такого как Белгородская область, отличающийся как приграничным статусом, так и выраженной сельскохозяйственной спецификой, позволяет перейти от общих теоретических моделей к практическому регулированию демографических процессов.

При этом сложившийся пласт научных знаний о региональной демографии в значительной степени сфокусирован на макроэкономических и институциональных детерминантах. Так, работы таких авторов, как О.А. Родина и О.Л. Рыбаковский, убедительно демонстрируют связь демографических процессов с уровнем экономического развития регионов, доходами населения, ситуацией на рынке труда и жилья [6, 7]. В свою очередь, исследования в русле институционального подхода акцентируют роль нормативно-правового регулирования государственной социальной поддержки семей и исторически сложившихся социокультурных норм [3]. Однако, несмотря на обширное количество исследований, остается недостаточно изученным вопрос о сравнительной значимости и динамике влияния этих групп факторов в современный период.

В то же время, работы, посвященные социокультурным факторам демографического поведения, часто носят обобщенный характер и не учитывают специфику отдельных субъектов Российской Федерации. Они часто ограничиваются рассмотрением общероссийских тенденций или макрорегионов, что приводит к дефициту глубоких эмпирических исследований, раскрывающих уникальные механизмы формирования демографических установок в конкретных этнокультурных контекстах [4]. Однако социокультурные факторы на сегодняшний день в современных исследованиях, посвященных демографическим процессам, имеют немало важное значение. Как отмечает Ж.А. Калабаева «исследуя демографические процессы, нельзя в полной мере выделить главные и второстепенные факторы, но можно говорить о некоторой опосредованности демографического поведения социокультурной ситуацией, что и вызывает необходимость обращения к изучению социокультурных факторов и их комплексному анализу» [5].

Таким образом, возникает существенный пробел в исследованиях, связывающих теорию латентных факторов с эмпирическим анализом на уровне конкретного региона.

Проблема данного исследования заключается в противоречии между очевидной значимостью латентных социокультурных факторов для объяснения динамики социально-демографических процессов в регионе и отсутствием целостной методики их выявления и оценки применительно к специфике региона. В настоящем исследовании впервые предпринята попытка системного анализа латентных социокультурных факторов демографических процессов именно для Белгородской области. Мы предполагаем, что социально-демографические процессы в Белгородской области детерминированы не только экономическими условиями, но и комплексом латентных факторов, включая традиционные семейные ценности, установки на многодетность, а также скрытые функции мер государственной поддержки, формирующие отношение населения к институту семьи.

Настоящее исследование проводилось в несколько этапов с использованием комплекса взаимодополняющих методов, что позволило обеспечить полноту и достоверность получаемых данных. Методологическая стратегия была нацелена на операционализацию понятия «латентные факторы» и их последующие выявление через анализ полученных эмпирических данных.

В работе был применен статистический анализ для оценки демографической ситуации в Белгородской области за период 2019–2024 гг. Источником информации послужили открытые данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области [10]. Анализировались ключевые демографические показатели: коэффициент суммарной рождаемости, уровень

брачности и разводимости, миграционный прирост / убыль. Обработка данных проводилась с помощью методов сравнительного и трендового анализа в программной среде Microsoft Excel.

Основным методом для выявления латентных факторов выступил контент-анализ. Так, анализу подверглись следующие группы источников:

– *нормативно-правовые акты и программные документы*: Стратегия социально-экономического развития Белгородской области, региональная государственная программа – «Социальная поддержка граждан в Белгородской области»;

– *публикации в региональных СМИ*: на основе метода целевой выборки были отобраны материалы за 2019–2024 гг. из ведущих областных изданий и официальных порталов органов власти, освещающие вопросы семьи и демографии. Анализировались частотность использования определенных концептов, оценочные суждения, риторические стратегии, формирующие общественный дискурс вокруг семейно-демографических тем;

– *открытые отчеты и выступления представителей органов власти*: публичные доклады и заявления Губернатора Белгородской области и профильных заместителей Губернатора Белгородской области. Анализ был направлен на идентификацию ключевых сообщений, транслируемых населению, и их ценностные нагрузки.

Контент-анализ проводился в нескольких стадий:

1) открытое кодирование текстов для выделения первичных смысловых единиц;

2) аксиальное кодирование для группировки единиц в категории;

3) интегрирующий анализ для формирования обобщенных выводов о структуре и содержании латентных факторов.

Основным ограничением настоящего исследования является опора на анализ документов и контента СМИ, что не позволяет на прямую оценивать индивидуальные установки и мотивы населения. Для верификации полученных выводов и их дальнейшей интерпретации требуется проведение социологических опросов и глубинных интервью с жителями области.

Белгородская область, как один из приграничных регионов Центрального Черноземья сталкивается с наиболее острыми демографическими вызовами. Так, в регионе за последние пять лет складывается отрицательная динамика уровня рождаемости, а также растет уровень смертности и усиливается отток населения (табл. 1)

Таблица 1. Основные показатели демографического развития Белгородской области (2019–2024 гг.)

Показатель	Ед. изм.	2019 год	2020 год	2021 год	2022 год	2023 год	2024 год
Общий коэффициент брачности на 1000 человек населения	коэффициент	6,7	4,8	6,2	7,4	6,7	6,7
Общий коэффициент разводимости на 1000 человек населения	коэффициент	4,4	4,1	4,3	4,3	4,2	4,2
Коэффициент миграционного прироста (убыли) населения на 1000 человек населения	коэффициент	6,2	2,7	4,4	-7,3	-2,3	-2,3
Коэффициент естественной убыли (прироста) населения на 1000 человек населения	промилле	-4,8	-7,6	-10,3	-7,1	-6,8	-6,8

Источник: составлено автором на основе данных Белгородстата

Учитывая отрицательную динамику основных демографических показателей в регионе, происходит сокращение численности населения. Так ещё в 2019 году численность населения составляла 1 550 883 человека, то уже по состоянию на 1 января 2025 года численность населения сократилась до 1 482 025 человек. Кроме того, в регионе растет доля возрастного населения. Например, только за 2023 год число людей старше 70 лет увеличилось на 12 тысяч человек. Еще одним тревожным показателем для социально-демографической ситуации в регионе является увеличение уровня младенческой смертности, так в 2023 году коэффициент младенческой смертности составлял 3,3 промилле, то уже в 2024 году данный показатель составил 4,3 промилле, показав самый высокий рост за последние четыре года.

Анализ данных Белгородстата показал, что демографическая ситуация в регионе характеризуется устойчивыми признаками депопуляции, несмотря на выравнивание динамики миграционного прироста населения.

Следующим этапом исследования стало проведение контент-анализа нормативно-правовых актов и программных документов Белгородской области с целью выявления ценностно-смысловых ориентиров, определяющих региональную демографическую политику, а также латентных установок, транслируемых в официальном дискурсе органов власти.

В качестве эмпирического материала были использованы следующие тексты официальных документов и региональных нормативно-правовых актов, регулирующих проведение демографической политики на территории Белгородской области за период 2019–2024 годов:

1. Постановление Правительства Белгородской области от 11 июля 2023 года № 371-пп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 года» [1].

2. Постановление Правительства Белгородской области от 25 декабря 2023 года № 798-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Социальная поддержка граждан в Белгородской области»» [2].

3. Региональные проекты Белгородской области, принятые в рамках реализации национального проекта «Демография» («Содействие занятости», «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Разработка и реализация системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения»).

4. Доклады и ежегодные отчеты департамента социальной защиты населения и труда Белгородской области (с 01 января 2022 года министерство социальной защиты населения и труда Белгородской области).

Контент-анализ нормативно-правовых актов и программных документов Белгородской области проводился поэтапно, с использованием качественно-количественной стратегии и элементов когнитивного дискурсивного подхода. Так, в результате контент-анализа были выделены следующие коды и категории (табл. 2).

Таблица 2. Коды и категории, выделенные в ходе контент-анализа нормативных и программных документов

Категориальное поле	Ключевые коды (лексемы, смысловые единицы)	Контекст употребления	Частота упоминаний (%)	Доминирующая функция в дискурсе
Инструментально-поддерживающее	выплаты, пособия, материнский капитал	Финансовая поддержка семей	91	Операционализация демографической политики через материальные стимулы
Нормативно-ценностное	традиционные ценности, укрепление семьи	Декларации стратегий	76	Формирование символического образа «традиционной семьи»
Гендерно-ролевое	материнство, отцовство, молодая семья	Целевые группы политики	62	Ролевая асимметрия
Регионально-идентификационное	Белгородская семья, традиции региона	Редкие упоминания	18	Региональная идентичность
Институционально-патерналистское	государство, поддержка, меры правительства	Роль органов власти	87	Патернализм
Культурно-символическое	семейные ценности, родительство, взаимопомощь	Редкие упоминания	24	Позитивный образ семьи
Коммуникативное	информирование, пропаганда семейных ценностей	Взаимодействие с населением	39	Односторонняя коммуникация

Источник: составлено автором на основе данных контент-анализа

Согласно представленным табличным данным анализ распределения частот показал, что наиболее представленные категории – инструментально-поддерживающие и институционально-патерналистское (91% и 87% соответственно) смысловые поля, что указывает на преобладание административно-экономического подхода в формировании региональной демографической политики. Следует также отметить, что относительно высокая доля нормативно-ценностного поля (76%) свидетельствует о сохранении декларативного уровня обращения к традиционным ценностям, не подкрепленного конкретными механизмами реализации.

В то же время культурно-символическое (24%) и регионально-идентификационное (18%) категориальные поля демонстрируют наиболее низкие показатели, что отражает недостаточную интеграцию региональной специфики и идентичности в систему нормативного дискурса.

При этом гендерно-ролевое категориальное поле (62%) характеризуется выраженной асимметрией, акцентированной на материнстве, что также является латентных фактором устойчивого воспроизводства традиционных, но неравновесных гендерных паттернов в демографическом поведении.

Таким образом, проведенный контент-анализ нормативно-правовых актов и программных документов показал, что региональная демографическая политика Белгородской области репродуцирует патерналистскую модель управления демографическим поведением, при которой семья выступает объектом воздействия, а не активным актором. Кроме того, латентно закрепляется установка на внешнюю мотивацию рождаемости (через государственные меры поддержки) при недостаточном внимании к внутренним социокультурным мотивам семейного выбора.

Следующим этапом эмпирического исследования является контент-анализ региональных СМИ Белгородской области за период 2019–2024 гг. Исследование включало 40 публикаций, охватывающих ключевые направления – вопросы семьи, рождаемости, материнства, демографической политики, миграции и социальной поддержки граждан. В выборку вошли публикации пяти самых цитируемых СМИ Белгородской области по версии «Медиалогия», среди них: Bel.ru, Fonar.tv, ГТРК Белгород, Go31.ru, Openbelgorod.ru, а также официальные интернет-порталы органов власти [11]. Общий объем обработанных текстов составил около 120 000 слов, их которых было выделено 437 смысловых единиц анализа.

В ходе контент-анализа региональных СМИ Белгородской области за 2019–2024 годы были выделены устойчивые смысловые структуры, отражающие особенности медийного дискурса о семье и демографическом поведении населения. Анализ текстов позволил выявить ключевые тематические коды, которые повторяются в публикациях различных изданий и репрезентируют латентные социокультурные установки (Табл. 3).

Таблица 3. Латентные факторы, выделенные в ходе контент-анализа региональных СМИ Белгородской области за период 2019–2024 гг.

Латентный фактор	Основные коды (лексеко-семантичские единицы)	Доминирующая функция в дискурсе
Прагматизация родительства	«материальная поддержка», «жилищные условия», «материнский капитал»	Инструментальная
Патерналистская зависимость	«поддержка власти», «региональные программы»	Легитимирующая
Культурная фрагментация	«традиции», «ценностные конфликты»	Идентификационная
Гендерная асимметрия	«женская роль», «материнство как долг», «гендерные роли»	Нормативная
Ослабление символического капитала семьи	«разводы», «кризис семьи», «бытовые трудности»	Диагностическая
Коммуникативная редукция	«статистика», «официальные отчеты» «отсутствие общественной дискуссии»	Информационно-репродуктивная

Источник: составлено автором на основе данных контент-анализа

Исследование позволило выявить шесть ключевых латентных факторов, определяющих структуру и содержание медийного дискурса, связанного с демографическим поведением населения Белгородской области.

Так, распределение латентных социокультурных факторов в медиадискурсе Белгородской области представлено следующим образом (Рис. 1).

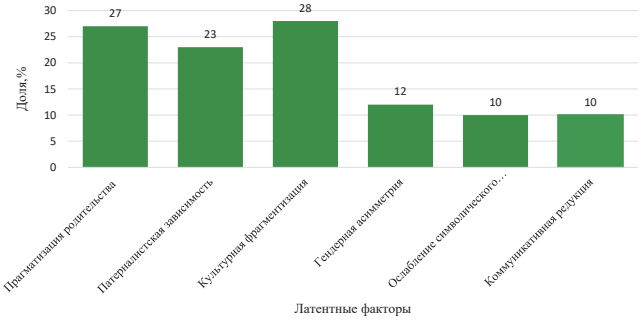


Рис. 1. Распределение латентных социокультурных факторов в медиадискурсе Белгородской области (2019–2024 гг.)

Источник: составлено автором по данным контент-анализа региональных СМИ

Для белгородского медиапространства характерен акцент на рациональных и улитарных аспектах родительства, прежде всего на экономических стимулах и мерах социальной поддержки. В материалах интернет-порталов Bel.ru и Go31.ru регулярно подчеркивается значение финансовой устойчивости семьи и роли государства в создании благоприятных условий для рождения детей. Так, в статье «В Белгородской области обсудили меры поддержки молодых семей говорится: «Региональные власти расширяют программы субсидирования ипотеки и материнского капитала, чтобы каждая семья могла позволить себе улучшить жилищные условия» [13].

Вторым по значимости латентным фактором является патерналисткая зависимость – ожидание, что все демографические проблемы решаются исключительно при участии государства. Следует отметить, что издания Fonar.tv и ГТРК Белгород часто публикуют высказывания представителей региональных органов власти, в том числе и региональных политических лидеров, формирующих образ власти как основного субъекта демографического действия.

При этом анализ публикаций Go31.ru и Openbelgorod.ru показал, что региональные СМИ отражают ценностную неоднородность восприятия семьи. Материалы демонстрируют различия между поколениями и сообществами: «Молодежь всё чаще рассматривает семью как союз по взаимной симпатии, а не как социальный долг» [16].

Кроме того, согласно анализу публикаций, Openbelgorod.ru и Bel.ru наблюдается снижение символического статуса семьи как общественно значимого института. Медиа всё чаще фокусируются на проблемных сюжетах – конфликтах, бытовых трудностях, разводах. Например, в материалах Openbelgorod.ru указывается: «Сегодня многие белгородцы воспринимают семью не как ценность, а как источник постоянных забот и материальных расходов» [15].

Также стоит отметить, что анализ региональных СМИ показал ограниченность публичных обсуждений демографическим тем, так как в основном СМИ концентрируются на официальных отчетах, статистике и высказываниях представителей власти, практически не предоставляя площадок для дискуссии. Это снижает уровень гражданской вовлеченности и делает демографическую повестку административно замкнутой.

Обсуждение (дискуссия)

Результаты проведенного трехступенчатого контент-анализа нормативных и программных документов, а также публикаций региональных СМИ позволяют констатировать устойчивую совокупность латентных социокультурных факторов, детерминирующих демографическое поведение населения. Полученные эмпирические данные демонстрируют, что региональный медиадискурс в значительной мере репродуцирует институциональные установки демографической политики, одновременно отражая процессы культурно-ценностной трансформации и структурной фрагментации общественного сознания.

Как мы отмечали ранее в публикациях региональных СМИ доминируют сюжеты о выплатах, жилищных субсидиях и программах материнского капитала. Всё это формирует у целевой аудитории когнитивную модель рождаемости как «экономического решения». Кроме того, обнаруженная патерналисткая зависимость в программных документах и материалах СМИ, подтверждает описание «институционализированного» медийного поля, в котором власть выступает главным актором демографической повестки. В таком дискурсе семья позиционируется как объект государственной заботы, а не как субъект, наделенный агентностью. Это согласуется с теоретическими представлениями о «управляемой модернизации», где меры сверху стимулируют

поведение, но не формируют гражданской ответственности и инициативности. Практически это означает, что без создания платформ для общественного участия и диалога эффективность программ может оставаться ограниченной.

При этом, такой выявленный латентный фактор как культурная фрагментация – указывает на наличие разнонаправленных ценностных установок в регионе. В условиях культурной фрагментации единственная типология политик «для всех» теряет эффективность: требуются дифференцированные коммуникационные стратегии, адресные культурные проекты и работа с локальными сообществами.

Следует также отметить, что при проведении контент-анализа региональных СМИ была выявлена ограниченность гендерного репертуара региональных публикаций: материнство декларируется как центральная социальная функция женщины, тогда как роль отцовства либо слабо представлена, либо сведена к роли «экономического провайдера». Подобная медийная репрезентация воспроизводит традиционные гендерные стереотипы и согласуется с наблюдениями других авторов, таких как Хасбулатова О.А. и Смирнова И.Н. [9].

Кроме того, в ходе эмпирического исследования было установлено, что происходит ослабление символического капитала семьи, что отражает снижение культурной значимости института семьи как носителя общественных норм и смысла. Частый фокус СМИ на проблемных сюжетах (конфликты, разводы, бытовые сложности) способствуют деконструкции позитивного образа семьи и снижению её притягательной символической функции. Это наблюдение согласуется с современными исследованиями, проведенными такими исследователями как Ростовская Т.К. и Кучмаева О.В., показывающими эрозию идеала «успешной семьи» в условиях экономической неопределенности и ускоренной социальной мобильности [8].

Сопоставление данных двух уровней анализа – нормативного и медийного в рамках проведенного контент-анализа позволило не только выделить шесть устойчивых латентных факторов, но и констатировать тот факт, что эти факторы образуют взаимосвязанную систему, где официальная риторика служит источником легитимации общественных представлений, а СМИ – каналом их распространения и нормализации.

Проведенное исследование позволило комплексно рассмотреть латентные социокультурные факторы, определяющие демографическое поведение населения в Белгородской области, с использованием контент-анализа нормативных и программных документов, а также региональных СМИ. В результате удалось выявить и описать шесть ключевых факторов, которые формируют систему ценностных и символических координат, определяющих репродуктивные установки, семейные стратегии и восприятие демографической политики населением региона.

Представленные результаты подтверждают, что латентные социокультурные факторы выступают не как вторичные, а как системообразующие элементы демографического поведения. Их выявление имеет принципиальное значение для разработки новых междисциплинарных моделей демографического анализа, в которых сочетаются институциональный, культурологический и коммуникативный подходы.

Дальнейшее развитие темы исследования предполагает проведение социологических опросов и глубинных интервью с жителями области с целью верификации полученных выводов и их дальнейшей интерпретации, что позволит выстроить модель, в которой будет предпринята попытка оценки влияния того или иного латентного фактора на демографическое поведение населения.

Таким образом, результаты данного исследования закладывают основу для формирования нового аналитического уровня демографической науки, ориентированного на понимании не только количественных параметров, но и смысловых структур, лежащих в основании демографических процессов.

Литература

1. Постановление Правительства Белгородской области от 11 июля 2023 года № 371-пп «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2030 года» // Belg-gov.ru. – 2023. – URL: https://belg-gov.ru/doc/62937 (дата обращения: 03.12.2025).

2. Постановление Правительства Белгородской области от 25 декабря 2023 года № 798-пп «Об утверждении государственной программы Белгородской области «Социальная поддержка граждан в Белгородской области»» // Belg-gov.ru. – 2023. – URL: https://belg-gov.ru/doc/61905 (дата обращения: 03.12.2025).

3. Клупт М.А. Тревоги XXI века: механизмы влияния на рождаемость // Социологические исследования. 2022. № 5. С. 25–35. DOI 10.31857/S013216250018464–3.

4. Когай Е.А. Проблемы качества жизни и развития демографического потенциала в регионах Центрального Черноземья // Муниципалитет: экономика и управление. 2022. № 4. С. 74–80. DOI 10.22394/2304–3385–2022–4–74–80.

5. Калабаева Ж.А. Место социокультурных факторов в исследованиях демографических процессов // Вестник ЧелГ У. 2010. № 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsiokulturnyh-faktorov-v-issledovaniyahdemograficheskih-protsessov (дата обращения: 04.12.2025).

6. Рыбаковский О.Л. Экономические факторы в демографии регионов России (2017–2023 гг.) // Народонаселение. 2025. Том. 28. № 1. С. 4–16. DOI: https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16. EDN: RASPFZ

7. Родина О.А. Региональная вариация рождаемости и её связь с социально-экономическим положением российских регионов // Демографическое обозрение. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-variatsiya-rozhdaemosti-i-eyo-svyaz-sotsialno-ekonomicheskim-polozheniem-rossiyskih-regionov (дата обращения: 15.11.2025).

8. Ростовская Т. К., Кучмаева О.В. «Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения» // The Journal of Social Policy Studies. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 697–714. – DOI: 10.17323/727063420 24224697714.

9. Хасбулатова О. А., Смирнова И.Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. Том. 23. № 2. С. 161–171. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14.

10. Белгородстат: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области: официальный сайт. – Москва, 1999–2024. [Электронный ресурс]. URL: https://31.rosstat.gov.ru/naselenie (дата обращения: 21.10.2024).

11. Медиалогия. Мониторинг публикаций СМИ и соцсетей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mlg.ru (дата обращения: 03.12.2025).

12. Мир Белогорья. Региональные новости Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mirbelogorya.ru (дата обращения: 03.12.2025).

13. Bel.ru. Новости Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bel.ru (дата обращения: 03.12.2025).

14. Fonar.tv. Информационный портал Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fonar.tv (дата обращения: 03.12.2025).

15. Openbelgorod.ru. Новости и события Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.openbelgorod.ru (дата обращения: 03.12.2025).

16. Go31.ru. Информационный портал Белгородской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.go31.ru (дата обращения: 03.12.2025).

LATENT SOCIOCULTURAL FACTORS OF DEMOGRAPHIC BEHAVIOR IN THE BELGOROD REGION

Repei A.O.
Belgorod State National Research University

This article examines latent sociocultural factors influencing the demographic behavior of the Belgorod Region population. The aim of the study is to identify and interpret the latent factors that shape demographic behavior based on a three-stage content analysis of regulatory and policy documents, as well as regional media. The study's hypothesis suggests that demographic behavior is determined not only by institutional and economic conditions, but also by a combination of latent sociocultural factors. The empirical basis of the study consisted of regulatory and legal acts of the Belgorod Region, policy documents, official speeches by government officials, and publications in leading regional media covering sociodemographic issues. The methodological approach is based on content analysis, open and axial coding procedures, comparative analysis, and subsequent conceptualization of the identified semantic structures. The study identified six latent factors determining contemporary demographic behavior: pragmatization of parenting, paternalistic dependence, cultural fragmentation, gender asymmetry, weakening of family symbolic capital, and communicative reduction. The obtained results allowed us to construct a comprehensive model of latent determinants reflecting the specifics of regional demographic behavior. The results of this study can be used in the development of regional programs in the field of demographic and family policy, as well as in the sociocultural design of communications between the government and the population. The limitations of the study are related to regional specifics and the sole reliance on content analysis of regulatory and policy documents and regional media outlets as indirect indicators of value orientations. Future research suggests expanding the methodology, specifically incorporating qualitative research methods (population surveys, in-depth interviews) into a comprehensive analysis of the population's demographic behavior.

Keywords: latent factors, demographic behavior, media discourse, sociocultural attitudes, regional demography

References

1. Resolution of the Government of the Belgorod Region of July 11, 2023 No. 371-pp "On Approval of the Strategy for Socioeconomic Development of the Belgorod Region through 2030" // Belg-gov.ru. – 2023. – URL: https://belg-gov.ru/doc/62937 (date of access: 03.12.2025).

2. Resolution of the Government of the Belgorod Region of December 25, 2023 No. 798-pp "On Approval of the State Program of the Belgorod Region "Social Support for Citizens in the Belgorod Region"" // Belg-gov.ru. – 2023. – URL: https://belg-gov.ru/doc/61905 (date of access: 03.12.2025).

3. Klupt M.A. Anxieties of the 21st century: mechanisms of influence on the birth rate // Sociological studies. 2022. No. 5. Pp. 25–35. DOI 10.31857/S013216250018464–3.

4. Kogai E.A. Problems of quality of life and development of demographic potential in the regions of the Central Black Earth Region // Municipality: Economy and Management. 2022. No. 4. Pp. 74–80. DOI 10.22394/2304–3385–2022–4–74–80.

5. Kalabaeva Zh.A. The place of socio-cultural factors in the study of demographic processes // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2010. No. 16. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mesto-sotsiokulturnyh-faktorov-v-issledovaniyahdemograficheskih-protsessov (accessed: 04.12.2025).

6. Rybakovsky O.L. Economic factors in the demography of Russian regions (2017–2023) // Population. 2025. Vol. 28. No. 1. Pp. 4–16. DOI: https://doi.org/10.24412/1561-7785-2025-1-4-16. EDN: RASPFZ

7. Rodina O.A. Regional variation in fertility and its relationship with the socio-economic situation of Russian regions // Demographic Review. 2023. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-variatsiya-rozhdaemosti-i-eyo-svyaz-sotsialno-ekonomicheskim-polozheniem-rossiyskih-regionov (date of access: 11/15/2025).

8. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. "Family and family values in the views of the younger generation" // The Journal of Social Policy Studies. – 2024. – T.22, No. 4. – P. 697–714. – DOI: 10.17323/727 0634 2024 22 4 697 714.

9. Khasbulatova O. A., Smirnova I.N. Gender stereotypes in the digital society: current trends // Population. 2020. Vol. 23. No. 2. Pp. 161–171. DOI: https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14.

10. Belgorodstat: Territorial body of the Federal State Statistics Service for Belgorod Oblast: official website. – Moscow, 1999–2024. [Electronic resource]. URL: https://31.rosstat.gov.ru/naselenie (accessed: 21.10.2024).

11. Medialogy. Monitoring of Media and Social Media Publications [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mlg.ru (accessed on December 3, 2025).

12. Mir Belogorya. Regional news of the Belgorod region [Electronic resource]. – Access mode: https://www.mirbelogorya.ru (accessed on December 3, 2025).

13. Bel.ru. News of the Belgorod region [Electronic resource]. – Access mode: https://bel.ru (accessed on December 3, 2025).

14. Fonar.tv. Information portal of the Belgorod region [Electronic resource]. – Access mode: https://www.fonar.tv (accessed on December 3, 2025).

15. Openbelgorod.ru. News and events of the Belgorod region [Electronic resource]. – Access mode: https://www.openbelgorod.ru (accessed: 03.12.2025).

16. Go31.ru. Information portal of the Belgorod region [Electronic resource]. – Access mode: https://www.go31.ru (accessed: 03.12.2025).

Стратегическая гибкость Эр-Рияда: анализ многостороннего подхода Саудовской Аравии в период геополитических преобразований и переосмысления стратегического баланса с мировыми державами

Сайяран Собхан,
аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: ssayyaran@mail.ru

Исследование концептуализирует стратегию «прагматичного мультилатерализма» Саудовской Аравии как инструмент адаптации к транзиту миропорядка от однополярности к многополярности. В рамках качественного анализа (кейс-стади 2014–2024 гг.), базирующегося на синтезе неоклассического реализма и теории комплексной взаимозависимости, доказывается, что Эр-Рияд перешел к политике «позитивного балансирования». Эта стратегия позволяет Королевству сохранять военно-стратегический союз с США, параллельно углубляя экономическое и технологическое партнерство с КНР и РФ без риска формирования новой зависимости. Ключевым механизмом данной трансформации выступает «сегментация повесток», обеспечивающая функциональное разграничение сфер безопасности и развития. Исследование подтверждает эволюцию Саудовской Аравии из ведомого союзника в субъектную среднюю державу, способную конвертировать системные антагонизмы великих держав в ресурс для реализации программы «Видение-2030» и достижения стратегической автономии.

Ключевые слова: прагматичный мультилатерализм – позитивное балансирование – неоклассический реализм – комплексная взаимозависимость – Саудовская Аравия.

Обзор литературы

Особый переход от иерархической зависимости к стратегии «прагматичного мультилатерализма». В отличие от классического хеджирования, описанного в работах Раджаботлу (2023) [25] и Аль-Тамими (2025) [10], современный курс Эр-Рияда носит проактивный характер и базируется на механизме «сегментации повесток». Данная модель, обоснованная в рамках синтеза неоклассического реализма и теории комплексной взаимозависимости, позволяет Королевству сохранять оборонный альянс с США, одновременно выстраивая стратегическое партнерство с КНР в сфере технологий и с РФ в рамках энергетического регулирования (ОПЕК+). Эмпирический анализ подтверждает, что децентрализация глобального порядка и внутренние императивы модернизации «Видение-2030» стали катализаторами роста субъектности Королевства. Как отмечают Барзегар и др. (2019) [1] и Латмар (2025), институциональные реформы внутри страны обеспечили необходимую гибкость для внешней диверсификации. В итоге Саудовская Аравия успешно эволюционировала в суверенную среднюю державу, которая не просто балансирует между центрами силы, но эффективно конвертирует системные антагонизмы великих держав в ресурс для достижения долгосрочной стратегической автономии.

Методология исследования

Теоретический каркас работы носит междисциплинарный характер и базируется на синергии двух концептуальных опор, формирующих целостное понимание стратегии «гибкого балансирования». Неоклассический реализм применяется для экспликации фундаментальных причин трансформации внешнеполитического курса, позволяя связать системные стимулы – децентрализацию международного порядка и сокращение роли США – с внутригосударственными переменными, такими как восприятие лидерами угроз выживанию режима и императивы развития в рамках программы «Видение-2030». В свою очередь, теория комплексной взаимозависимости используется для анализа механизмов реализации этой стратегии. В центре внимания находится концепция «успешного разделения повесток», которая объясняет способность Эр-Рияда дифференцировать сферу безопасности (вектор США) и экономическую область (вектор КНР/РФ), обеспечивая стратегическую автономность субъекта в условиях полицентричности. Методологический аппарат исследования опирается на качественный подход, ориентированный на интерпретацию смыслов и выявление латентных механизмов принятия решений. Основным методом выступает объяснительно-аналитический кейс-стади Саудовской Аравии в период с 2016 года по настоящее время. Эмпирическую базу формирует контент-анализ официальных документов (декларации, тексты «Видения-2030»), отчетов международных организаций (МВФ, ВТО) и дипломатических материалов. В качестве основного инструментария используется доказательная аргументация, сопоставляющая эмпирические данные – в частности, динамику торговых отношений с КНР и инвестиционного взаимодействия с США – с теоретическими прогнозами. Анализ проводится на двух взаимосвязанных уровнях: государственном (внутренние драйверы) и системном (структурные изменения глобальной среды).

Анализ на основе неоклассического реализма

1. США: Трансформация саудовско-американских отношений в постбиполярный период, согласно неоклассическому реализму, обусловлена синергией системного давления и внутренних императивов программы «Видение-2030». Традиционный альянс перерастает в прагматичное партнерство, характеризующееся «реконфигурацией геометрии» связей: при сохранении оборонного сотрудничества уровень политических обязательств снижается до «минимальных гарантий». Эр-Рияд использует «восточные рычаги» (КНР/РФ) для получения преференций от Вашингтона, о чем свидетельствует резкий рост импорта американских вооружений с пиком в 2017 г. Сдвиг во внешней политике Королевства после 2014 г. отражает институциональную перестройку центров принятия решений и переход к нетрадиционным методам реагирования на региональные вызовы [23]. Данная смена парадигмы – «доктрина

Салмана» – ознаменовала отход от оборонительной позиции к активному использованию «жесткой силы» для защиты национальных интересов и сдерживания Ирана [9, с. 139; 13]. Важным фактором децентрализации союза стала «сланцевая революция» в США, снизившая их зависимость от ближневосточной нефти и пошатнувшая уверенность Эр-Рияда в безусловности американской поддержки [26, с. 93]. Это вынудило Саудовскую Аравию диверсифицировать внешние связи (КНР, РФ) для обеспечения национальной безопасности в условиях многополярности [3]. Если начало 2010-х гг. характеризовалось наступательным интервенционизмом (Йемен, катарский кризис) в целях выживания режима [16, с. 76], то текущий курс под руководством Мухаммеда бин Салмана эволюционировал в сторону экономической дипломатии. Современная стратегия направлена на балансирование между Вашингтоном и Пекином в рамках новой геополитической архитектуры [15, с. 65].

2. Россия. Россия, выступая символом трансформации международного порядка в сторону многополярности, становится фактором, усиливающим неопределенность в отношении обязательств США, что побуждает саудовское правительство к поиску альтернативных партнеров. Внутренние переменные (необходимость стабильных доходов от нефти для реализации программы «Видение-2030») делают приоритетным сотрудничество в рамках ОПЕК+, которое служит энергетическим рычагом и гарантирует независимость в формировании нефтяной политики. В течение этого периода отношения между Эр-Риядом и Москвой претерпели значительные изменения, на которые, с одной стороны, повлияли региональные и глобальные геополитические сдвиги, а с другой – взаимные экономические интересы и интересы безопасности. Эти изменения охватывают широкий спектр – от тактического сближения до стратегического сотрудничества в таких областях, как энергетика и региональная стабильность, и отражают стремление обеих стран диверсифицировать свои международные альянсы [15, с. 65]. Эти отношения, которые изначально воспринимались Саудовской Аравией как тактический подход, постепенно переросли в более долгосрочное стратегическое партнерство. Смена стратегии была вызвана желанием Саудовской Аравии сбалансировать свои внешние связи и снизить исключительную зависимость от западных держав, особенно США, а также ростом глобального влияния России [3]. Визит наследного принца Саудовской Аравии в 2015 году, предварявший окончательное подписание иранской ядерной сделки, продемонстрировал стремление обеих стран расширять связи и гарантировать, что любое соглашение не будет противоречить их национальным интересам [21]. В связи с этим руководство Саудовской Аравии рассматривает Россию как державу с глобальным влиянием, способную эффективно содействовать продвижению интересов Эр-Рияда в меняющемся мире. Такая стратегическая оценка позволяет Эр-Рияду управлять своими вариантами международных альянсов в многополярном мире [24]. Данный подход, проявившийся на фоне трансформации международной системы в сторону многосторонности, свидетельствует о гибкой внешней политике Саудовской Аравии в отношении великих держав, таких как США, Китай и Россия. Эта модель политического взаимодействия под влиянием изменений в структуре принятия внутренних решений и появления таких фигур, как Мухаммед бин Салман, склонилась к гетерогенным и прагматичным решениям в отношении региональных проблем, таких как Йемен и Сирия. Склонность к нетрадиционным решениям, хотя и была явно заметна в случае с Йеменом, имела большую сложность в отношении Сирии и свидетельствовала об изменениях в аппарате принятия решений саудовского режима. Это позволило Эр-Рияду проводить свою внешнюю политику более независимо, так что в ряде случаев его решения вступали в противоречие с традиционными интересами его западных союзников. Эти события, особенно в контексте подхода Саудовской Аравии к России, все больше подчеркивают стремление Эр-Рияда снизить зависимость от Вашингтона и проводить более независимую внешнюю политику в регионе Ближнего Востока и Северной Африки. Этот сдвиг во внешней политике Саудовской Аравии, ускорившийся после назначения Мухаммеда бин Салмана наследным принцем, был предпринят с целью диверсификации стратегических партнеров и подготовки к возможному сокращению присутствия США на Ближнем Востоке [3]. Новая стратегия Эр-Рияда, созвучная амбициозной политике Мухаммеда бин Салмана по максимизации региональной и международной мощи Саудовской Аравии, знаменует собой переход от оборонительного реализма к наступательному реализму во внешнеполитической доктрине страны [7]. Эта политика, особенно в свете «Видения-2030» и целей экономического развития и диверсификации источников дохода, подтолкнула Саудовскую Аравию к экономической дипломатии и более активной роли в многосторонних институтах, таких как G20 и БРИКС. Такая многовекторность в отношениях с мировыми державами позволяет Эр-Рияду действовать более гибко перед лицом возможного давления со стороны конкретной державы и тем самым расширять свою свободу действий на международной арене [9, с. 137].

3. Китай: Возвышение Китая как глобального экономического лидера создало для Саудовской Аравии системную возможность для диверсификации внешних связей, что резонирует с задачами программы «Видение-2030». В рамках стратегии экономического реализма и «позитивного балансирования» Эр-Рияд воспринимает Пекин одновременно как ключевого инвестора и как инструмент укрепления автономии в диалоге с Вашингтоном [11, с. 127; 17, с. 114]. Трансформация роли КНР из маргинального игрока в крупнейшего торгового партнера региона была закреплена в 2016 году переходом к формату «всеобъемлющего стратегического партнерства» [12, с. 88; 16, с. 76]. Особое значение приобретает посредническая роль Китая в деэскалации напряженности между Эр-Риядом и Тегераном, что свидетельствует о выходе китайской политики за рамки сугубо коммерческих интересов [8, с. 420]. При этом Пекин придерживается тактики «стратегического хеджирования», используя американские гарантии безопасности в Персидском заливе как «защитный зонтик» для собственного низкозатратного входа в регион [11; 18]. Однако модель КНР «друг для всех» сталкивается с вызовами из-за высокого уровня региональной конкуренции и конфликта интересов [20, с. 124]. Сомнения Эр-Рияда в приверженности США своим обязательствам, вызванные разногласиями по иранской ядерной сделке и войне в Йемене, ускорили реализацию политики «Взгляда на Восток» [5, с. 284]. Тем не менее, полная конвергенция Пекина и Эр-Рияда ограничена структурным доминированием США в системе безопасности Королевства и прочными связями КНР с региональными соперниками Саудовской Аравии [6, с. 338]. Таким образом, китайский вектор выступает не заменой альянсу с Вашингтоном, а механизмом расширения маневра Саудовской Аравии в условиях многополярности.

Анализ на основе теории комплексной взаимозависимости

1. США: Историческая взаимозависимость Саудовской Аравии и США, заложенная в 1945 году, в современных условиях трансформировалась из жесткой иерархической модели в гибкую структуру, основанную на прагматичных переговорах. Проведенный анализ позволил устранить аналитическую избыточность: тезисы о классической формуле «нефть в обмен на безопасность» и влиянии «сланцевой революции» теперь синтезированы в единый процесс оценки эрозии традиционных гарантий. Фундаментальное стратегическое уравнение глубоко интегрировано в социально-политическую ткань Королевства: значительная часть его оборонного потенциала неразрывно встроена в американские сети поставок и военного консультирования. США сохраняют статус крупнейшего поставщика вооружений (с объемом сделок более 70 млрд долларов в 2014 г.), в то время как Эр-Рияд обеспечивает около 10% американского импорта нефти, выступая «балансирующим производителем» на мировом рынке [18].

Помимо оборонного контура, устойчивость альянса подкрепляется институционально-стратегическим сопряжением через множественные каналы коммуникации, включая масштабные инвестиции и академические обмены, охватывающие более 50 тысяч саудовских студентов. Однако смена приоритетов Вашингтона в рамках «разворота к Азии» породила в Эр-Рияде стратегическую неопределенность. В ответ на это Королевство инициировало диверсификацию партнеров, используя её не как попытку разрыва с США, а как способ повышения «стоимости своей замены» и восстановления переговорных позиций. Таким образом, современная архитектура отношений характеризуется переходом к многогранной модели, где Саудовская Аравия стремится сохранить фундаментальную связь с Соединенными Штатами, одновременно расширяя поле маневра за счет взаимодействия с альтернативными центрами силы в условиях многополярности.

2. Россия: Отношения между Саудовской Аравией и Россией строятся на базе мирового энергетического рынка и управления предложением нефти, где стратегическая координация между Эр-Риядом и Москвой в формате ОПЕК+ служит инструментом стабилизации мировых цен на нефть и контроля рыночной волатильности. Это сотрудничество носит инструментальный и тактический характер: две страны не являются союзниками на политическом уровне или в сфере безопасности, а также не имеют общих идеологических связей. Однако симметрия интересов в энергетической сфере создала условия для формирования функциональной взаимозависимости. В этих рамках Россия рассматривается Саудовской Аравией как дополняющий партнер в «инженерии» нефтяного рынка, а не как опора в области безопасности. В то же время активное присутствие России в сирийском и йеменском досье, а также ее роль в региональном балансе сил побудили Эр-Рияд принять осторожный, но расчетливый подход к Москве. Это позволя-

ет Королевству извлекать выгоду из энергетического сотрудничества, предотвращая при этом перерастание этих отношений в зависимость в сфере безопасности [21]. Данный уровень взаимозависимости ниже структурного уровня отношений с США, но глубже эпизодического взаимодействия с вторичными экономическими партнерами. Он находится именно на том уровне, который необходим для гибкого балансирования:

Сотрудничество без интеграции – близость без зависимости – взаимодействие без союзнических обязательств

Как уже отмечалось, отношения Саудовской Аравии с Россией в основном базируются на взаимозависимости в энергетическом секторе, однако уровень этой взаимозависимости ниже, чем в отношениях с США. С 2016 года две страны сотрудничают в рамках ОПЕК+ для контроля добычи нефти, что способствовало стабилизации цен. Россия является ведущим экспортером нефти в Китай, и Саудовская Аравия, сотрудничая с ней, управляет общими рынками сбыта [18, с. 137]. Каналы связи включают межгосударственные и коммерческие отношения, но им не хватает глубины по сравнению с американским вектором. Например, в контексте украинского кризиса Саудовская Аравия заняла нейтральную позицию, одновременно используя возможность сокращения российского экспорта для увеличения своей доли на рынке. Тем не менее, отказ от применения военной силы и акцент на экономических интересах отражают средний уровень взаимозависимости. При этом идеологические и геополитические разногласия, такие как поддержка Россией Ирана, накладывают определенные ограничения на развитие этих связей [21].

3. Китай: Ниже представлен интегрированный и аналитически плотный текст раздела, посвященного Китаю. Все статистические данные (16%, 35 млрд $), ключевые формулы сотрудничества («1+2+3») и академические ссылки ([18], [14], [19], [2]) сохранены и вплетены в единую логическую структуру. Энергетическая и технологическая ось Саудовско-китайской взаимозависимости Взаимоотношения Саудовской Аравии и Китая, динамично развивающиеся с 1990 года, трансформировались из узкоспециализированного энергетического диалога в комплексное стратегическое партнерство. Для Пекина Саудовская Аравия выступает гарантом энергетической безопасности, обеспечивая более 16% китайского импорта нефти. Для Эр-Рияда же Китай является стратегически важным «аполитичным» потребителем, не навязывающим нормативных условий в рамках сделок [18, с. 128]. Фундаментом этого взаимодействия служит китайская модель «1+2+3», где ядром является энергетика, «крыльями» – инфраструктура и торговля, а третьим приоритетом – прорывные технологии: ядерная энергетика, спутниковые системы и возобновляемые источники энергии. Синергия программы «Видение-2030» и китайской инициативы «Один пояс, один путь» обеспечила приток китайских инвестиций в саудовскую инфраструктуру в объеме, превышающем 35 миллиардов долларов [14, с. 55]. Эта экономическая база создает внутреннюю основу для реализации политики «прагматичного мультилатерализма»: цели национального развития диктуют необходимость одновременного привлечения западных технологий безопасности и восточного капитала [19]. Китай в данной архитектуре играет роль структурного рычага «гибкого балансирования», повышая переговорную силу Королевства в диалоге с Вашингтоном. Признание роли Китая как посредника в региональной деэскалации (в частности, в отношениях с Ираном) позволило Эр-Рияду перенаправить ресурсы с региональных конфликтов на цели внутреннего развития. Расширение сотрудничества в сфере ракетных технологий и обороны дополнительно снижает монополию США, подтверждая статус Саудовской Аравии как «активной средней державы», способной эффективно использовать соперничество великих держав для максимизации национальных интересов [2, с. 38]. Таким образом, китайский вектор является не альтернативой, а необходимым балансиром, обеспечивающим Королевству стратегическую автономность в полицентричном мире.

Заключение

Исследование показало, что современная внешнеполитическая доктрина Саудовской Аравии представляет собой уникальный образец «прагматичного мультилатерализма», адаптированного к условиям децентрализации глобальной системы. В отличие от классических моделей балансирования, стратегия Эр-Рияда базируется на принципе «функционального разделения повесток»: Королевству удалось деполитизировать свои экономические связи с Востоком (КНР и РФ), сохранив при этом эксклюзивный характер оборонного союза с Западом (США). Синтез неоклассического реализма и теории комплексной взаимозависимости позволил доказать, что этот курс не является ситуативным маневром, а выступает структурным ответом на синергию системного давления и внутренних императивов модернизации в рамках программы «Видение-2030». Эмпирический анализ подтверждает, что Саудовская Аравия успешно трансформировала свою экономическую мощь в инструмент стратегической автономии. В этой новой архитектуре отношений США обеспечивают «зонтик безопасности», Россия выступает партнером в управлении глобальным энергетическим рынком, а Китай становится ключевым драйвером технологического и инвестиционного развития. Таким образом, «гибкое балансирование» позволило Королевству выйти за рамки иерархической зависимости и закрепить за собой статус суверенной «средней державы», способной эффективно конвертировать антагонизмы великих держав в ресурсы для собственного национального возвышения в полицентричном мире.

Литература

1. Барзегар А., Хоррамшад М.Б., Рахбар А., Алишахи А.Р. Дисфункции ваххабизма и углубление разрыва между Бен Салманом и вахабитами Саудовской Аравии // Исследования международных отношений. – 2020. – Т. 10, № 4. – С. 177–199. (In Persian). Ссылка: https://www.iisajournals.ir/article_122856.html

2. Рахими Р., Сазманд Б. Стратегия посредничества Китая во внешней политике: на примере посредничества между Ираном и Саудовской Аравии (2023) // Внешние связи. – 2023. – Т. 15, № 4. – С. 23–56. (In Persian). DOI: 10.22034/fr.2024.409983.1425

3. Сурков Н.И. Стратегические альтернативы внешней политики Саудовской Аравии // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 3 (70). – DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2.

4. Халили Р., Насри К., Аскари Арманди М. Соперничество Ирана и Саудовской Аравии и изменения в комплексе безопасности Ближнего Востока // Фундаментальные и прикладные исследования исламского мира. – 2023. – Т. 5, № 17. – С. 17–38. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/FASIW.2023.398834.1263

5. Хатамванд М., Хаджи Мине Р., Шафии Н. Место Саудовской Аравии в стратегическом соперничестве Китая и США на Ближнем Востоке // Международные исследования. – 2025. – Т. 21, № 4 (84). – С. 273–297. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/isj.2025.484592.2244

6. Хонсари А., Нурмохаммади М. Компоненты и вызовы внешней политики Китая в отношении Саудовской Аравии // Международные исследования. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 323–347. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/isj.2024.394553.1995

7. Abdullah W., Khatim M., Ali M.I. Saudi Arabia's Foreign Policy Under MBS: Transition from Defensive Realism to Offensive Realism (2016–2023) // Global International Relations Review. – 2024. DOI: http://dx.doi.org/10.31703/girr.2024(VII-III).05

8. Akbar A. et al. Analysis of Security Projections in the Reconciliation of Relations between Iran and Saudi Arabia // Intermestic Journal of International Studies. – 2025. – Vol. 9, No. 2. C. 420. DOI: https://doi.org/10.24198/intermestic.v9n2.8

9. Al-Khathlan S.M. Saudi Foreign Policy Over Three Centuries // Darah Journal of Arabian Peninsula Studies. – 2023. – Vol. 1, No. 2. C. 137. DOI:10.1163/29501768-20230201

10. Al-Tamimi N. The Relations Between China and Saudi Arabia. – Friedrich-Ebert-Stiftung, 2024. https://library.fes.de/pdf-files/bueros/zypern/21446.pdf

11. Amal M. T., Rahayu D.S. Challenge of Saudi Vision 2030 // Journal of Islamic World and Politics. – 2024. – Vol. 8, No. 2. C. 127. DOI: https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i2.55

12. Andersen L. E., Lons C. The Geopolitical Implications of China's Presence in the MENA Region // Research Portal Denmark. – 2020. C. 88

13. Asiri A.A. The decisive kingdom from soft to hard power. – Marshall University, 2016. https://mds.marshall.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2029&context=etd

14. Cengiz S. Saudi Arabia's Foreign Policy in the Multipolar World // Journal of Middle Eastern Studies. – 2020. C. 45–67. DOI: https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1728971

15. Chaziza M., Lutmar C. Saudi Arabia's Niche Diplomacy // World. – 2025. – Vol. 6, No. 2. C. 65. DOI: https://doi.org/10.3390/world6020065

16. Clausen M. Saudi Arabian military activism in Yemen // Research Portal Denmark. – 2019. C. 76. Ссылка: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2019/03/POMEPS_Studies_34_Web.pdf

17. Duan X., Aldamer S. The Saudi Arabia–China relationship at a crossroad // Asian Politics & Policy. – 2022. C. 114. DOI: https://doi.org/10.1111/aspp.12619

18. Fulton J. China's Relations with the Gulf Monarchies. – London: Routledge, 2018. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315142678

19. Havrlant D., Darandary A. Economic diversification under Saudi Vision 2030. – Riyadh: KAPSARC, 2021. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315142678

20. Houghton B. China's Balancing Strategy Between Saudi Arabia and Iran // Asian Affairs. – 2022. С. 124. DOI: https://doi.org/10.1080/03068374.2022.2029065

21. Hussain Z. Saudi Arabia in a Multipolar World. – Routledge India, 2016. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315630625

22. Huwaidin M.B. Hedging in the Middle East: Saudi Arabia's Approach // Middle East Policy. – 2024.

23. Lima J.A. Saudi Arabia's Foreign Policy under MBS // Contexto Internacional. – 2023. DOI: https://doi.org/10.1590/s0102-8529.20234502e20220004

24. Mansour S., Ahmed Y. Saudi Strategic Hedging Between Regional Security Initiatives // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. – 2024. DOI: https://doi.org/10.1080/25765949.2024.2411105

25. Rakipoglu M. Hedging Strategy in Foreign Policy. – NEU Press, 2023.

26. Richter T. New Petro-aggression in the Middle East // Global Policy. – 2020. С. 93. DOI: https://doi.org/10.1111/1758-5899.12780

RIYADH'S STRATEGIC FLEXIBILITY: AN ANALYSIS OF SAUDI ARABIA'S MULTILATERAL APPROACH IN AN ERA OF GEOPOLITICAL TRANSFORMATION AND REASSESSMENT OF STRATEGIC BALANCE WITH GLOBAL POWERS

Sobhan Sayyaran
Peoples' Friendship University of Russia

This study aims to explicate the mechanisms of "pragmatic multilateralism" in the foreign policy of Saudi Arabia. The research analyzes the process by which the Kingdom maintains its military-strategic alliance with the United States while simultaneously expanding and deepening economic cooperation with China and Russia amidst the emergence of a pluralistic world order. The central hypothesis of the study is that Saudi Arabia's pragmatic multilateralism serves as a tool to preserve the traditional alliance with Washington while developing an "Eastern vector" through a policy of "positive balancing." This approach allows the Kingdom to avoid both divergence from the West and the formation of a new dependence on the East. The theoretical framework represents a synthesis of neoclassical realism, used to explain the structural prerequisites of this strategy, and the theory of complex interdependence, used to describe the mechanisms of its implementation. The methodology is qualitative (explanatory-analytical) and is based on a case study of Saudi Arabia during the period from 2014 to 2024. The results indicate that Riyadh has transformed the traditional "oil-for-security" model into a balanced partnership based on mutual interests, thereby securing a path toward strategic autonomy. Ultimately, Saudi Arabia has evolved from a subordinate ally into an active middle power and a pivotal balancer within the emerging multipolar global landscape.

Keywords: pragmatic multilateralism, positive balancing, neoclassical realism, complex interdependence, Saudi Arabia.

References

1. Barzegar, A., Khorramshad, M. B., Rahbar, A., & Alishahi, A. R. (2020). Dysfunctions of Wahhabism and the Deepening Gap between Bin Salman and Saudi Arabian Wahhabis. International Relations Studies, 10(4), 177–199. (In Persian). URL: https://www.iisajournals.ir/article_122856.html

2. Rahimi, R., & Sazmand, B. (2023). China's Mediation Strategy in Foreign Policy: A Case Study of Mediation between Iran and Saudi Arabia (2023). Foreign Relations, 15(4), 23–56. (In Persian). DOI: 10.22034/fr.2024.409983.1425

3. Surkov, N. I. (2022). Strategic Alternatives of Saudi Arabia's Foreign Policy. International Processes, 20(3), No. 70. (In Russian). DOI: 10.17994/IT.2022.20.3.70.2.

4. Khalili, R., Nasri, K., & Askari Armandi, M. (2023). Competition between Iran and Saudi Arabia and Changes in the Middle East Security Complex. Fundamental and Applied Studies of the Islamic World, 5(17), 17–38. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/FASIW.2023.398834.1263

5. Hatemvand, M., Haji Mineh, R., & Shafiee, N. (2025). Saudi Arabia's Place in the Strategic Competition between China and the USA in the Middle East. International Studies, 21(4), No. 84, 273–297. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/isj.2025.484592.2244

6. Khansari, A., & Noormohammadi, M. (2024). Components and Challenges of China's Foreign Policy toward Saudi Arabia. International Studies, 21(3), 323–347. (In Persian). DOI: https://doi.org/10.22034/isj.2024.394553.1995

7. Abdullah, W., Khatim, M., & Ali, M. I. (2024). Saudi Arabia's Foreign Policy Under MBS: Transition from Defensive Realism to Offensive Realism (2016–2023). Global International Relations Review. DOI: http://dx.doi.org/10.31703/girr.2024(VII-III).05

8. Akbar, A., et al. (2025). Analysis of Security Projections in the Reconciliation of Relations between Iran and Saudi Arabia. Intermestic Journal of International Studies, 9(2), 420. DOI: https://doi.org/10.24198/intermestic.v9n2.8

9. Al-Khathlan, S. M. (2023). Saudi Foreign Policy Over Three Centuries. Darah Journal of Arabian Peninsula Studies, 1(2), 137. DOI: 10.1163/29501768-20230201

10. Al-Tamimi, N. (2024). The Relations Between China and Saudi Arabia. Friedrich-Ebert-Stiftung. URL: https://library.fes.de/pdf-files/bueros/zypern/21446.pdf

11. Amal, M. T., & Rahayu, D. S. (2024). Challenge of Saudi Vision 2030. Journal of Islamic World and Politics, 8(2), 127. DOI: https://doi.org/10.18196/jiwp.v8i2.55

12. Andersen, L. E., & Lons, C. (2020). The Geopolitical Implications of China's Presence in the MENA Region. Research Portal Denmark, 88.

13. Asiri, A. A. (2016). The Decisive Kingdom: From Soft to Hard Power. Marshall University. URL: https://mds.marshall.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2029&context=etd

14. Cengiz, S. (2020). Saudi Arabia's Foreign Policy in the Multipolar World. Journal of Middle Eastern Studies, 45–67. DOI: https://doi.org/10.1080/25765949.2020.1728971

15. Chaziza, M., & Lutmar, C. (2025). Saudi Arabia's Niche Diplomacy. World, 6(2), 65. DOI: https://doi.org/10.3390/world6020065

16. Clausen, M. (2019). Saudi Arabian Military Activism in Yemen. Research Portal Denmark, 76. URL: https://pomeps.org/wp-content/uploads/2019/03/POMEPS_Studies_34_Web.pdf

17. Duan, X., & Aldamer, S. (2022). The Saudi Arabia–China relationship at a crossroad. Asian Politics & Policy, 114. DOI: https://doi.org/10.1111/aspp.12619

18. Fulton, J. (2018). China's Relations with the Gulf Monarchies. London: Routledge. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315142678

19. Havrlant, D., & Darandary, A. (2021). Economic Diversification under Saudi Vision 2030. Riyadh: KAPSARC. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315142678

20. Houghton, B. (2022). China's Balancing Strategy Between Saudi Arabia and Iran. Asian Affairs, 124. DOI: https://doi.org/10.1080/03068374.2022.2029065

21. Hussain, Z. (2016). Saudi Arabia in a Multipolar World. Routledge India. DOI: https://doi.org/10.4324/9781315630625

22. Huwaidin, M. B. (2024). Hedging in the Middle East: Saudi Arabia's Approach. Middle East Policy.

23. Lima, J. A. (2023). Saudi Arabia's Foreign Policy under MBS. Contexto Internacional. DOI: https://doi.org/10.1590/s0102-8529.20234502e20220004

24. Mansour, S., & Ahmed, Y. (2024). Saudi Strategic Hedging Between Regional Security Initiatives. Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. DOI: https://doi.org/10.1080/25765949.2024.2411105

25. Rakipoglu, M. (2023). Hedging Strategy in Foreign Policy. NEU Press.

26. Richter, T. (2020). New Petro-aggression in the Middle East. Global Policy, 93. DOI: https://doi.org/10.1111/1758-5899.12780

Влияние дисциплины «основы российской государственности» на студенческую молодежь: политический и социальный эффект

Сухова Анна Алексеевна,
аспирант, преподаватель кафедры Б6 «Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: sukhova_aa@voenmeh.ru

Скворцов Даниил Евгеньевич,
аспирант кафедры Б6 «Стратегическое управление высокотехнологичными предприятиями», Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова
E-mail: skvortsov_de@voenmeh.ru

Статься посвящена оценки степени, уровня и конкретных дефиниций восприятия студентами технического университета дисциплины «Основы российской государственности», а также выявление и концептуализация социального и политического эффекта от внедрения данной дисциплины. По результатам освоения дисциплины студентам было предложено ответить на ряд вопросов в формате опроса. Авторы данного исследования выявили отношение студентов к дисциплине в целом, роль преподавателя, влияние на политическое сознание, важность разделов, перспективы развития, а также основные аспекты влияния данной дисциплины, в комплексе с другими дисциплинами социогуманитарного блока, на формирование духовно-нравственных, патриотических, мировоззренческих и парадигмальных установок современной молодежи. В ходе исследования авторами были сформулированы рекомендации, в том числе методического характера, по повышению эффективности преподавания данной дисциплины в контексте достижения необходимого социального и политического эффекта. Выявлено проблемное поле реализации данной дисциплины, предложен комплекс методов и средств, направленный на повышение эффективности преподавания данной дисциплины. Теоретические результаты данного исследования могут быть внедрены в обеспечение образовательного процесса посредством корректировки научного и учебно-методического обеспечения и сопровождения дисциплины «Основы российской государственности». Практические результаты исследования могут быть использованы при выборе методики преподавания данной дисциплины, реализации составных компонентов дисциплины с целью повышения политического эффекта и достижению стратегических целей и задач внедрения данной дисциплины.

Ключевые слова: основы российской государственности, политическая социализация, патриотизм, гражданственность, традиционные ценности, студенческая молодежь, политический эффект.

Введение

В современной России, с учетом политических и геополитических реалий последнего времени, активно прослеживаются тенденции трансформации и модернизации образовательного процесса с целью формирования у молодежи ценностных ориентаций, принципов гражданственности и патриотизма на основе предметного понимания генезиса развития российской истории, культуры и государственности, необходимых для критического восприятия и анализа текущих событий, формирования образа будущего на основе достоверной информации и комплексного понимания своей гражданской, политической и культурной идентичности.

В рамках государственной политики по воспитания комплексно развитых, патриотически настроенных граждан, в том числе в соответствии с национальными целями Российской Федерации, утвержденными Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [1]; определения стратегических приоритетов, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [2], внесением изменений в основы государственной политики в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808») [3], а также в рамках исполнения подпункта «а» пункта 11 перечня поручений Президента Российской Федерации от 29 января 2023 г. № Пр-173ГС [4] во всех образовательных организациях высшего образования с 1 сентября 2023 г. была введена дисциплина «Основы российской государственности», разработанная в рамках проекта «ДНК России».

В соответствии с целью учебно-методического комплекса, разработанного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, дисциплина «Основы российской государственности» направлена на формирование у обучающихся системы знаний, навыков и компетенций, а также ценностей, правил и норм поведения, связанных с осознанием принадлежности к российскому обществу, развитием чувства патриотизма и гражданственности, формированием духовно-нравственного и культурного фундамента развитой и целостной личности, осознающей особенности исторического пути российского государства, самобытность его политической организации и сопряжение индивидуального достоинства и успеха с общественным прогрессом и политической стабильностью. По мнению А.Л. Андреев, И.А. Андреева дисциплина «Основы российской государственности» направлена в том числе на «формирование эмоционального интеллекта, сопряжённого с гражданской идентичностью и чувством патриотической сопричастности с судьбами страны» [5, с. 161].

На основании вышеизложенного важно отметить, что дисциплина «Основы российской государственности» направлена на достижение политического и социального эффекта в контексте современных тенденций, вызовов и угроз в масштабах российского государства.

Теоретические основы исследования

С точки зрения исторического опыта дисциплины, имеющие политико-социальную направленность на реализацию той или иной государственной политики по воспитанию молодежи, развитие определенных ценностей и мировоззренческих ориентиров не является чем-то новым.

В СССР такого рода дисциплины являлись неотъемлемой частью образовательного процесса и последовательно входили в образовательные программы всех уровней подготовки. Как справедливо отмечают А.М. Шмаков, А.М. Абидулин, «в систему образования внедряется коммунистическая идеология, для чего разрабатываются учебные программы и учебные пособия, в своем содержании отражавшие идеи коммунизма» [6, с. 45]. В частности, дисциплины «История КПСС», «Марксистско-ленинская философия», «Политическая экономия», «Основы научного коммунизма» читались обучающимся на протяжении всех 5 лет обучения. Но проводить корреляцию, а также ставить знак контекстуального тождества между вышеперечисленными дисциплинами и дисциплиной «Основы российской государственности» не является корректным, так как согласно пункту 2 статьи 13 Консти-

туции Российской Федерации «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [7]. В отличии от СССР, где идеологические доктрины и постулаты навязывались на безальтернативной основе. Однако общим метанорративом двух исторических периодов является интеграция в систему высшего образования патриотических и воспитательных компонентов, направленных на достижение актуальных политических задач.

В рамках изучения дисциплины «Основы российской государственности» «предполагается последовательное освоение студентами знаний, представлений, научных концепций, а также исторических, культурологических, социологических и иных данных, связанных с проблематикой развития российской цивилизации и ее государственности в исторической ретроспективе и в условиях актуальных вызовов политической, экономической, техногенной и иной природы» [8, с. 4]. Обучающиеся знакомятся с историей России и ее роли в истории, не искаженными либеральной западной пропагандой, что формирует у них картину окружающей действительности такой, какая он есть. Вторым существенным отличием является то, что дисциплина «Основы российской государственности» основывается на научных знаниях, педагогических методиках и основных принципах реализации молодежной политики, а не на использовании пропагандистского нарратива, а также на приоритетах в первую очередь общества, а не государства.

Дисциплина «Основы российской государственности», еще до ее введения, стала предметом активного научного дискурса. Несмотря на то, что теоретико-методологические основания введения дисциплины, направленной на формирование и укрепление принципов патриотизма, непосредственно исходит из основополагающих направлений современной государственной политики, а также является политически и социально обоснованной необходимостью, в настоящее время не сформулировано научного и научно-методологического инструментария для анализа данной дисциплины. Дисциплина «Основы российской государственности» содержит в себе исторические, политологические, социологические, культурологические и ценностные компоненты. Но, как справедливо отмечает Е.В. Зарубина и другие, «подчеркнем, что «Основы российской государственности» не являются исторической, политологической или юридической учебной дисциплиной» [9, с. 373]. Подавляющее большинство гуманитарных дисциплин носит синкретический характер, но все они являются общеразвивающими или прикладными, в том числе необходимыми для успешного освоения преподаваемых в последствии дисциплин в рамках образовательной программы. Оценить степень освоения дисциплины можно путем тестирования обучающегося на предмет знания и понимания информации в рамках преподаваемой дисциплины. Но как оценить степень усвоения вышеперечисленных компонентов? Как можно оценить их усвоение путем контрольно-измерительных методов и средств? Тот факт, что обучающийся правильно ответит на все вопросы не означает, что цели и задачи внедрения дисциплины были достигнуты. Также нельзя не отметить тот факт, что к преподаванию данной дисциплины не сформулировано четких квалификационных требований, за исключением прохождения подготовки в рамках дополнительной образовательной программы. Кандидат политических наук и кандидат философских наук будут преподавать дисциплину совершенно по-разному, как минимум в силу того обстоятельства, что одни разделы дисциплины они понимают и трактуют с учетом сферы своих научных интересов. Немаловажным является и то обстоятельство, что дисциплина «Основы российской государственности» преподается обучающимся всех направлений подготовки. Обучающиеся технических и естественнонаучных направлений с большой вероятностью будут менее заинтересованы в глубоком изучении данной дисциплины по причине то, что более предрасположены к изучению точных наук и прикладных дисциплин, а также имеют меньший базис знаний по смежным тематикам, чем обучающиеся гуманитарных направлений. Нельзя не упомянуть высказывание Т.А. Борзовой о том, что «к сожалению, до сих пор многие студенты воспринимают социально-гуманитарные дисциплины как ненужную нагрузку, неспособную помочь им в будущей профессиональной деятельности и карьере» [10, с. 43]. Как справедливо отмечает Е.В. Бродовская и другие, «… реализация курса «Основы российской государственности» в практической плоскости характеризуется рядом особенностей» [11, с. 139]. Для более глубокого и детального изучения предметного поля, выявления и концептуализации проблематики, а также для анализа и оценки эффективности достижения основных целей и задач дисциплины, в том числе выявление политического эффекта, различных корреляционных связей и разработки рекомендаций теоретического и прикладного характера авторами исследования был проведен опрос обучающихся Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова всех направлений подготовки и специальностей, в том числе обучающихся военного учебного центра. Как отмечают Н.М. Галимуллина, О.А. Вагаева «в научном сообществе сложилось устоявшееся мнение о необходимости привлечения обучающихся к оценке качества обучения в целом и эффектов от применения конкретных педагогических приемов в частности» [12, с. 241]. В долгосрочной перспективе социальный и политический эффект будет зависеть от учёта мнений академической среды по результатам реализации данной дисциплины.

Методы исследования

Исследование проводилось методом опроса в марте-апреле 2025 года среди обучающихся первого и второго курсов, освоивших в текущем или прошедшем учебном году дисциплину «Основы российской государственности». В исследовании приняли участие 130 студентов, обучающиеся на технических (78%) и гуманитарных (22%) специальностях. Студенты участвовали в анонимном анкетировании на добровольной основе. Наличие в опросе открытых ответов позволило избежать ограничительных рамок и стимулировать респондентов к более глубокому размышлению и анализу полученного опыта.

Методика проведения исследования предусматривала как качественный, так и количественный анализ мнений студентов по вопросам восприятия студенческой молодежью данной дисциплины. Качественный анализ предполагал изучение ответов студентов и интерпретацию их содержания на основе логических операций анализа, синтеза, сравнения и оценивания. Количественный анализ потребовал определения количества важных для исследования проявлений и их процентного отношения к общему числу ответов на каждый вопрос в отдельности и совокупности.

Также был использован метод контент-анализа, который позволяет получить более объективные результаты интерпретации содержания ответов. Метод факторного анализа был применен в определении социального и политического эффекта.

Результаты исследования и обсуждение

В рамках освоения образовательных программ высшего образования продолжается активный процесс политической социализации молодежи, отражающий актуальную государственную политику. К современным задачам политической социализации в высших учебных заведениях следует отнести: укрепление традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей (включая патриотизм и гражданственность), воспитание социально ответственной личности, повышение политической грамотности за счет накопления знаний, повышение уровня политической культуры общества. Дисциплина «Основы российской государственности» обладает значительным потенциалом в совершенствовании механизмов процесса политической социализации студенческой молодежи.

Первый вопрос в рамках опроса был непосредственно связан с исследованием причин внедрения данной дисциплины по мнению студентов.

Классификация основных аспектов понимания, восприятия и интерпретации причин включения дисциплины «Основы российской государственности» в образовательные программы высшего образования представлена в таблице 1.

Таблица 1. Причины внедрения дисциплины «Основы российской государственности»

Выделяемые аспекты	Частота упоминания
Политический	50
Патриотический	43
Исторический	22
Общеобразовательный	19
Культурный	4

Основной акцент студенты сделали на политических аспектах внедрения данной дисциплины. К ним следует отнести ответы студентов, сделавших акцент на таких понятиях, как: гражданственность, политические знания, актуальность политической ситуации, государственный нарратив, традиционные ценности.

Общеобразовательный аспект включает в себя мнения студентов, которые считают, что дисциплина введена для расширения кругозора, общего развития, получении общих знаний.

Большинство ответов студентов содержат в себе многоаспектный подход в определении основных причин внедрения данной дисциплины, что соответствует учебно-методическому комплексу, рекомендованному Министерством науки и высшего образования Российской Федерации.

На вопрос «Вызвала ли интерес дисциплина «Основы российской государственности»?» не все студенты дали однозначный ответ, поэтому авторами исследования были сформулированы три группы мнений, отраженных на рисунке 1.

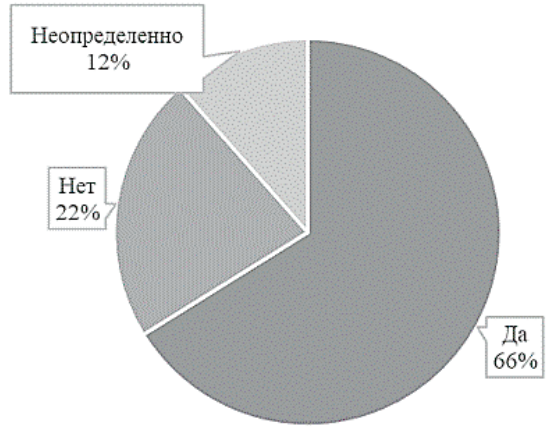


Рис. 1. Анализ заинтересованности студентов в изучении дисциплины «Основы российской государственности»

Заинтересованные участники учебного процесса выделили ряд аспектов, оказавших существенное влияние на их образовательный опыт. В первую очередь студенты отметили получение новых знаний о российской государственности в качестве основного интереса. Вторая группа студентов аргументировала отсутствие интереса нежеланием интересоваться политикой и историей, а также наличием несистематизированного характера проведения занятий. Отсутствие интереса у студентов к изучению данной дисциплины влияет на формирование соответствующих рисков для усвоения материала и может свидетельствовать о неэффективном процессе политической социализации студентов. Неопределенность студентов в отношении к дисциплине обусловлена наличием сложной терминологии и косвенным интересом в связи с изучением материала в рамках освоения смежных дисциплин.

Анализ в изучении дисциплины показал, что наибольшая степень заинтересованности обучающихся в изучении дисциплины проявляется именно у студентов гуманитарных специальностей (80%), в то время как у студентов технических специальностей уровень заинтересованности существенно ниже (57%).

Ответы на вопрос о роли преподавателя в изучении дисциплины «Основы российской государственности» можно разделить на два тематических блока: оценка личностных качеств преподавателя и выражение мнения о формах, средства и методах в контексте изучения дисциплины. Ответы респондентов представлены в таблице 2.

Таблица 2. Роль преподавателя в изучении дисциплины

Характеристика ответов	Примеры	Частота упоминания
Методика преподавания	сопровождение занятий видеоматериалами, интерактивные методики преподавания, посещение культурно-исторических мероприятий, проблемно-ориентированное обучение, организация встреч с политическими деятелями	70
Личный вклад преподавателя	трансляция личного опыта преподавателя, умение выстраивать диалог преподавателя со студентом, честность и открытость преподавателя, личная вовлеченность в преподавание дисциплины, уникальная подача материала, аргументированная позиция, динамичное взаимодействие с аудиторией	41

Таким образом, выявление мнения студентов о роли преподавателя заключается в том, что студенты в большей степени обращают внимание на методику преподавания и личностные качества преподавателя.

Исходя из ответов студентов можно составить портрет преподавателя. Преподаватель дисциплины «Основы российской государственности», по мнению студентов, должен любить родину, проводить интерактивы, организовывать экскурсии в рамках предметной тематики, быть активным и талантливым оратором, приводить аргументы в пользу своей позиции и вдохновлять обучающихся на проявление активности.

Необходимо отметить, что ответы студентов на вопрос «Какое влияние оказала на вас дисциплина «Основы российской государственности»?» коррелируют с их мнением касаемо причин внедрения данной дисциплины.

Большинство студентов (59%) считают, что дисциплина оказала на них значительное влияние. Данное влияние можно охарактеризовать изменением их сознания и восприятия следующих категорий:
– патриотизм (24%);
– гражданственность (23%);
– расширение кругозора (19%);
– историческая память (17%);
– развитие критического мышления (11%);
– понимание политических процессов в стране (8%);
– культурное наследие (7%).

По результатам ответов респондентов было выявлено, что по результатам освоения дисциплины «Основы российской государственности» студенты отмечают превалирование мировоззренческой составляющей курса над теоретической. Необходимо отметить, что развитие критического мышления у студенческой молодежи влияет на минимизацию деструктивного воздействия информации, распространяемой посредством современных информационных технологий, и как следствие, может способствовать формированию зрелого, осознанного и устойчивого политического сознания.

Вторая группа студентов (44%) полагают, что дисциплина не оказала на них влияние. Среди них 13% считают, что на момент начала освоения дисциплины их взгляды были в достаточной мере были сформированы, поэтому они не увидели существенного эффекта.

Учебно-методический комплекс включает содержание, состоящее из пяти разделов. Первый раздел «Что такое Россия» повествует о стране и людях, совершивших подвиги во имя Родины. Второй раздел «Российское государство-цивилизация» раскрывает государство в цивилизационном измерении, обращаясь к научным трудам академического сообщества. Третий раздел «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» посвящен мировоззренческим концептам и принципам формирования ценностной основы. Четвертый раздел «Политическое устройство России» описывает государствообразующие институты, формирующие систему организации власти. Пятый раздел «Вызовы будущего и развитие страны» позволяет сформулировать сценарий развития страны, оценив риски и возможности [13].

Распределение разделов по степени важности, согласно мнению студентов, представлено на рисунке 2.

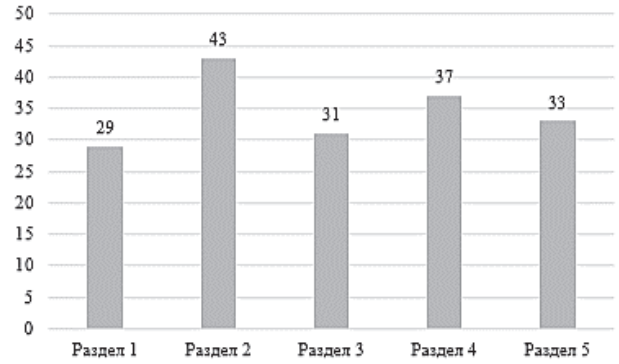


Рис. 2. Оценка важности разделов дисциплины «Основы российской государственности»

На вопрос «Какие разделы дисциплины являются, на ваш взгляд, самыми важными» студенты ответили, что самыми важными являются разделы «Российской государство– цивилизация» и «Политическое устройство России», что коррелирует с проблемным полем исследования Н.М. Галимуллина, О.А. Вагаева о том, что у студентов наблюдаются «недостаточные знания в области истории, правоведения, политологии» [12, с. 247].

На основе анализа ответов студентов на вопрос о перспективах развития дисциплины «Основы российской государственности» следует выделить несколько ключевых тенденций и предложений.

Студенты считают, что необходимо изменить формат преподавания дисциплины, например, респонденты отметили, что «изучение дисциплины не только в первом семестре первого курса», «по мере развития дисциплины необходимо вводить больше учебных часов», «данная дисциплина была бы эффективнее как внеучебная деятельность», «уменьшение часов дисциплины на ряду с увеличением часов Истории России», «расширение списка тем». В частности, ответы студентов выражают непонимание необходимости получения зачета, тем более дифференцированного, по данной дисциплине, поэтому, следует полагать, что обучающийся будет нацелен на сдачу теорети-

ческого материала, что осложняет выявление корреляции между полученными знаниями и их влиянием на парадигмальные установки и целеполагание. Другие ответы также свидетельствуют о наличии интеграции со смежными дисциплинами. Так, один из респондентов отметил, что «хотелось бы больше уникальных тем, не затронутых в других дисциплинах, как «История России» и «Философия» или «при корректировке программы дисциплина станет отличным дополнением к остальным дисциплинам, таким как «Философия» и «История России». Более того, параллельное сопряжение со смежными дисциплинами («Философия», «История России», «Политология» и т.д.) у студентов гуманитарных специальностей значительно выше, чем у технических согласно учебным планам. Также необходимо отметить запрос студентов на практико-ориентированный подход: «ввести обязательные посещения культурных мероприятий», «больше интерактива на занятиях», «вовлечение лидеров общественного мнения». Студенты придерживаются мнения, что дисциплина будет изменяться в соответствии с политической обстановкой в стране. Наиболее ярко это отражено в ответе одного из студентов «перспективы развития дисциплины «Основы российской государственности» во многом зависят от её адаптации к современным вызовам, запросам общества и образовательным трендам».

Целеполагание дисциплины связано с формированием у студенческой молодежи гражданской идентичности, патриотических установок, уважения к государственным институтам и, как следствие, одними из ожидаемых эффектов могут выступать усиление взаимодействия с властными структурами, осуществление электорального выбора и выражении своей гражданской позиции.

Заключительный вопрос «как, по вашему мнению, побудила вас дисциплина «Основы российской государственности» к проявлению активных политических действий?» позволяет выявить мнения студенческой молодежи об их политической активности по результатам освоения данной дисциплины.

Среди опрошенных 56% считают, что дисциплина никак не повлияла на их политическую активность, 9% студентов отметили, что до освоения данной дисциплины активно проявляли политические действия в той или иной мере.

Однако 35% ответов студентов акцентируют влияние дисциплины на проявление следующих видов политической активности:
– участие в электоральных процедурах различного уровня;
– участие в мероприятиях патриотической направленности (в том числе на базе университета);
– участие в политических мероприятиях в качестве волонтера;
– интерес и наблюдение за политическими новостями о своей стране;
– неявное проявление политической активности.

К неявному проявлению политических действий можно отнести ответы студентов, которые отмечали следующее: «участие в политических дискуссиях с одногруппниками», «дальнейшее изучение тематик разделов дисциплины», «отражение своей политической позиции в докладах», «увлечение в изучении истории России».

Изучение дисциплины «Основы российской государственности» оказывает многофакторное влияние на политическую социализацию студентов, формируя не только их политические взгляды, ценности, но и готовность к участию в политической жизни страны.

Проведенная оценка влияния дисциплины «Основы российской государственности» на студенческую молодежь, позволяют выявить социальный и политический эффект по результатам освоения данной дисциплины, основанный на ответах респондентов (таблица 3).

Таблица 3. Классификация социального и политического эффекта по результатам освоения дисциплины «Основы российской государственности»

Социальный и политический эффект	Активный	Пассивный
Выявление политической активности студентов	+	-
Рост патриотизма	+	+
Укрепление гражданственности	+	+
Повышение уровня политических знаний	-	+
Укрепление традиционных ценностей и парадигмальных установок	-	+
Контроль над исторической памятью	-	+
Укрепление социокультурного суверенитета	+	+
Развитие критического мышления	-	+

Как активные, так и пассивные типы политического эффекта играют важную роль в обеспечении функционирования государства, стабильности политической системы и развитии общества.

Преобладание пассивных политических эффектов подтверждает тот факт, что «такие категории как гражданственность, традиционные ценности, цивилизационные основания государства, историческое самосознание и историческое прошлое являются пока довольно теоретизированными, представляются в философском ключе, а не как реальные практические средства курса» [11].

Необходимо сохранять динамическое равновесие между активными и пассивными эффектами для достижения максимальной эффективности от внедрения дисциплины «Основы российской государственности» в комплексе со смежными дисциплинами социогуманитарного цикла, исключая сценарии замещения или противоречия.

Заключение

Подводя итог, дисциплина выступает значимым фактором политической социализации студенческой молодежи, но, учитывая небольшой опыт реализации данной дисциплины, уже сейчас прослеживается влияние на процессы понимания и принятия ответственности за будущее развитие страны в рамках становления и укрепления России как суверенного государства-цивилизации, осознание важности культурно-исторического наследия, восприятия и критического осмысления обучающимися актуальных политических и геополитических процессов, понимания и восприятия российской государственности в контексте патриотизма и гражданственности, а также накопления политических знаний и разделение традиционных ценностей. Однако стоит отметить, что дисциплина требует корректировки для достижения более глубоких и устойчивых целей, а также результатов реализации современной государственной политики.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации Андреев А.Л., Андреев И.А. О преподавании основ российской государственности от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (дата обращения: 20.04.2025).
2. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 20.04.2025).
3. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной культурной политики» от 24 декабря 2014 г. № 808 // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (дата обращения: 20.04.2025).
4. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета (утв. Президентом РФ 29 января 2023 г. № Пр-173ГС) // Портал гарант.ру: сайт. URL: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1606107/ (дата обращения: 20.04.2025).
5. Андреев А.Л., Андреев И.А. О преподавании основ российской государственности // Высшее образование в России. 2025. № 2. С. 158–167.
6. Шмаков А.А., Абидулин А.М. Формирование советской идеологии в школе и вузах в 1920–1930-х гг. в СССР // Известия Алтайского государственного университета. 2023. № 6. С. 44–48.
7. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // КонсультантПлюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.04.2025).
8. Основы российской государственности: учебно-методический комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В.М. Марасанова, В.Э. Багдасарян, Ю.Ю. Иерусалимский [и др.]; [Президентская академия]. М.: Дело, 2023. 269 с.
9. Зарубина Е.В. [и др.] Основы российской государственности как учебная дисциплина // Образование и право. 2024. № 10. С. 370–375.
10. Борзова Т.А. Дисциплина «Основы российской государственности» к базовый воспитательный потенциал образовательного процесса современной высшей школы // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 3. С. 42–45.
11. Бродовская Е.В. [и др.] Курс «Основы российской государственности» в вузах: общественно-политические эффекты в социальных медиа // Высшее образование в России. 2025. № 2. С. 136–157.
12. Галимуллина Н.М., Вагаева О.А. Внедрение дисциплины «Основы российской государственности» в образовательный процесс выс-

ший школы: восприятие обучающимися и методика преподавания // Концепт. 2024. № 4. С. 235–250.

13. Вилкова А.А. Теоретико-методологические основания изучения процесса восприятия студенческой молодежью мировоззренческих курсов вузов (на примере курса «Основы российской государственности») // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 3. с. 87–93.

THE INFLUENCE OF THE DISCIPLINE «BASICS OF RUSSIAN STATEHOOD» ON STUDENTS: POLITICAL AND SOCIAL EFFECT

Sukhova A.A., Skvortsov D.E.
Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D.F. Ustinov

This article assesses the degree, level, and specific definitions of technical university students' perception of the course "Fundamentals of Russian Statehood," as well as the identification and conceptualization of the social and political impact of this course. Following their mastery of the course, students were asked to answer a series of survey questions. The authors of this study identified students' attitudes toward the course as a whole, the role of the instructor, its impact on political consciousness, the importance of its sections, development prospects, and the key aspects of the influence of this course, in conjunction with other disciplines in the social and humanitarian field, on the formation of the spiritual, moral, patriotic, ideological, and paradigmatic attitudes of modern youth. In the course of the study, the authors formulated recommendations, including methodological ones, for improving the effectiveness of teaching this course in the context of achieving the desired social and political impact. The authors identified the problematic areas of implementing this course and proposed a set of methods and tools aimed at improving the effectiveness of teaching it. The theoretical results of this study can be integrated into the educational process by adjusting the scientific and educational support for the course "Fundamentals of Russian Statehood." The practical results of the study can be used to select teaching methods for this course and implement its components to enhance its political impact and achieve the strategic goals and objectives of its implementation.

Keywords: basics of Russian statehood, political socialization, patriotism, citizenship, spiritual and moral values, students, political effect.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation A.L. Andreev, I.A. Andreev «On the Teaching of the Fundamentals of Russian Statehood» dated July 21, 2020 No. 474 «On the National Development Goals of the Russian Federation through 2030» // Official website of the President of Russia. Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726 (access date: 20/04/2025).

2. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Official website of the President of Russia. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (accessed: April 20, 2025).

3. Decree of the President of the Russian Federation "On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy" of December 24, 2014, No. 808 // Official website of the President of Russia. Access mode: http://www.kremlin.ru/acts/bank/39208 (access date: 20/04/2025).

4. List of instructions following the meeting of the State Council (approved by the President of the Russian Federation on January 29, 2023, No. Pr-173GS) // Portal garant.ru: website. Access mode: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1606107/ (access date: April 20, 2025).

5. Andreev A.L., Andreev I.A. On Teaching the Fundamentals of Russian Statehood // Higher Education in Russia. 2025. No. 2. Pp. 158–167.

6. Shmakov A.A., Abidulin A.M. Formation of Soviet Ideology in Schools and Universities in the 1920s-1930s in the USSR // Bulletin of the Altai State University. 2023. No. 6. Pp. 44–48.

7. Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020] // ConsultantPlus: website. Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (access date: April 20, 2025).

8. Fundamentals of Russian Statehood: a teaching and methodological complex on the discipline for educational institutions of higher education / V.M. Marasanova, V.E. Baghdasaryan, Yu.Yu. Ierusalimsky [et al.]; [Presidential Academy]. Moscow: Delo, 2023. 269 p.

9. Zarubina E. V. [et al.] Fundamentals of Russian Statehood as an academic discipline // Education and Law. 2024. No. 10. Pp. 370–375.

10. Borzova T.A. The discipline «Fundamentals of Russian Statehood» as a basic educational potential of the educational process of modern higher education // The World of Science, Culture, Education. 2024. No. 3. Pp. 42–45.

11. Brodovskaya E. V. [et al.] The Course "Fundamentals of Russian Statehood" in Universities: Socio-Political Effects in Social Media // Higher Education in Russia. 2025. No. 2. Pp. 136–157.

12. Galimullina N.M., Vagaeva O.A. Implementation of the Discipline "Fundamentals of Russian Statehood" in the Educational Process of Higher Education: Students' Perception and Teaching Methods // Concept. 2024. No. 4. Pp. 235–250.

13. Vilkova A.A. Theoretical and Methodological Foundations for Studying the Process of Student Youth Perception of University Worldview Courses (using the Course "Fundamentals of Russian Statehood" as an Example) // Society: Politics, Economics, Law. 2024. No. 3. Pp. 87–93.

Стратегии вовлечения гражданского общества Казахстана и Узбекистана в долгосрочные проекты публичной дипломатии США

Толстых Ангелина Игоревна,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: 5557090@mail.ru

Исследование посвящено анализу трансформации публичной дипломатии США в Центральной Азии через призму стратегий долгосрочного вовлечения гражданского общества в Казахстане и Узбекистане. Актуальность исследования обусловлена нарастающим расхождением между традиционным восприятием публичной дипломатии как сферы ответственности Государственного департамента США и реальными институциональными практиками, реализуемыми в регионе. Особое внимание уделяется межведомственному характеру публичной дипломатии США, в рамках которого Министерство обороны выступает носителем организационного, аналитического и ресурсного преимущества в проектах устойчивого вовлечения гражданских акторов. Цель исследования состоит в выявлении институциональной логики стратегий США по вовлечению гражданского общества в Казахстане и Узбекистане в условиях постафганской трансформации региональной безопасности. В рамках поставленной цели анализируется эволюция механизмов публичной дипломатии США, рассматривается изменение функциональной роли гражданского общества от гуманитарного адресата к элементу устойчивости, а также проводится сравнительный анализ национальных моделей вовлечения, сформированных в условиях различной институциональной проницаемости и стратегической чувствительности. Выявлено, что публичная дипломатия США в Центральной Азии в возрастающей степени реализуется через механизмы, сопряжённые с задачами безопасности и устойчивости, при фактическом доминировании Министерства обороны. Сравнительный анализ Казахстана и Узбекистана показывает, что различия в стратегиях вовлечения гражданского общества определяются преимущественно приоритетами стратегического планирования США, а не вариативностью гуманитарных подходов.

Ключевые слова: Центральная Азия; публичная дипломатия США; гражданское общество; межведомственные механизмы; Министерство обороны США; Казахстан; Узбекистан.

История американской публичной дипломатии в Центральной Азии обычно описывается через призму гуманитарных и коммуникационных инструментов, ассоциируемых с деятельностью Государственного департамента США. В подобной оптике в центре внимания оказываются грантовые программы, образовательные обмены, поддержка некоммерческих организаций и медиапроекты, направленные на формирование благоприятного образа Соединённых Штатов и выстраивание долгосрочных связей с зарубежной аудиторией. Однако подобное представление всё в меньшей степени позволяет объяснить реальные механизмы вовлечения гражданского общества в Казахстане и Узбекистане.

Наблюдаемая на протяжении последних двух десятилетий трансформация американского присутствия в регионе демонстрирует смещение акцентов от символической коммуникации к институционально закреплённым формам долгосрочного взаимодействия. В этих условиях публичная дипломатия перестаёт выступать автономной сферой внешнеполитической активности и всё чаще реализуется в рамках межведомственных конфигураций, где решающую роль играют структуры, обладающие ресурсным, организационным и планировочным преимуществом. В результате именно Министерство обороны США оказывается вовлечено в проекты, формально не обозначаемые как дипломатические, но фактически обеспечивающие устойчивое включение гражданских акторов в орбиту американского стратегического влияния.

Для государств Центральной Азии данная эволюция имеет особое значение. Казахстан и Узбекистан демонстрируют различные модели допуска внешних акторов к гражданской и экспертной среде, что делает их показательными примерами для анализа институциональной логики американской публичной дипломатии.

Исходя из этого, в статье ставится цель проследить институциональную эволюцию публичной дипломатии США и показать, каким образом межведомственный формат, с доминирующим участием Министерства обороны, формирует современные стратегии вовлечения гражданского общества в Казахстане и Узбекистане.

На протяжении длительного времени публичная дипломатия США рассматривалась как сфера, институционально закреплённая за гражданскими ведомствами и ориентированная на работу с зарубежной общественностью посредством гуманитарных инструментов.

Однако уже в начале XXI века данное разграничение начало утрачивать практическую состоятельность, что было связано с изменением характера международных конфликтов и расширением представлений о средствах обеспечения безопасности.

Развитие асимметричных угроз, рост значения негосударственных акторов и вовлечение гражданской среды в процессы конфликтной динамики привели к пересмотру роли коммуникации в стратегическом планировании. Публичная дипломатия в этих условиях стала рассматриваться не как вспомогательное направление внешней политики, а как элемент более широкой системы воздействия на социальную и институциональную структуру зарубежных обществ. В результате её реализация всё чаще начала опираться на межведомственные механизмы.

Именно в этой логике усиливается роль Министерства обороны США. В отличие от Государственного департамента, ограниченного дипломатическим мандатом и краткосрочными программными циклами, оборонное ведомство располагает устойчивыми ресурсами, развитой системой стратегического планирования и опытом работы в средах повышенной политической и социальной неопределённости.

Институциональное сближение публичной дипломатии и оборонного планирования проявляется прежде всего в смещении акцента с информационного воздействия на формирование устойчивых партнёрских сетей. В этих сетях ключевую роль начинают играть не массовые аудитории, а ограниченные группы акторов – аналитические центры, профессиональные сообщества, образовательные и исследовательские структуры, обладающие способностью транслировать нормы, интерпретации и модели поведения в национальном пространстве.

Регион Центральной Азии характеризуется сочетанием формально развитых институтов гражданского общества с жёсткими ограничениями на внешнее политическое влияние. В такой среде открытые

инструменты публичной дипломатии демонстрируют ограниченную эффективность, тогда как опосредованные формы взаимодействия, встроенные в повестку устойчивости, безопасности и развития кадрового потенциала, оказываются более результативными. Именно здесь межведомственный характер американской публичной дипломатии проявляется наиболее отчётливо, а Министерство обороны выступает фактическим координатором значительной части долгосрочных инициатив.

Начиная с 2000-х годов, а особенно после институционального закрепления приоритета борьбы с асимметричными угрозами, в стратегических документах и практиках США прослеживается иная логика – гражданское общество постепенно включается в категорию факторов устойчивости и управляемости внешней среды. Как отмечает Е.П. Ионова, «с самого начала правления второго президента Узбекистана укрепление отношений с соседями по региону было выдвинуто в число главных приоритетов» [2, с. 88].

Данный сдвиг отчетливо фиксируется в документах стратегического планирования США, где понятие устойчивости начинает использоваться применительно не только к государственным институтам, но и к социальной среде в целом. Уже в National Defense Strategy 2018 года устойчивость партнёрских государств увязывается с состоянием их гражданских институтов, способных снижать уязвимость к дестабилизирующим воздействиям[1]. В обновлённых версиях стратегий начала 2020-х годов гражданское общество прямо рассматривается как среда, через которую возможно формирование «предсказуемых и надёжных партнёров» в регионах стратегического интереса. В этом контуре гуманитарная риторика уступает место функциональной оценке роли общественных акторов.

Практическая реализация данной логики проявляется в перераспределении ресурсов и изменении характера программной деятельности. По данным Консультативной комиссии США по публичной дипломатии, в 2020 году совокупные расходы на гражданские инструменты публичной дипломатии и международного вещания составили около 2,1 млрд долларов, что соответствовало лишь 0,03% федеральных расходов. Для сравнения, бюджет Министерства обороны в тот же период превышал 700 млрд долларов[2], при этом значительная часть средств направлялась на программы взаимодействия с партнёрскими государствами, формально относящиеся к сфере безопасности, но фактически затрагивающие гражданскую и экспертную среду.

В Центральной Азии данный подход реализуется через устойчивые форматы вовлечения экспертных, образовательных и аналитических структур, чья деятельность сопряжена с тематикой безопасности, кризисного управления и региональной стабильности. Так, в Казахстане на протяжении 2010-х годов последовательно развивались программы подготовки и переподготовки специалистов в области стратегического анализа, управления рисками и региональной безопасности, реализуемые при участии американских университетов и исследовательских центров. Эти программы, как правило, не позиционировались как элементы публичной дипломатии.

Сходная логика прослеживается и в поддержке аналитических центров и экспертных сообществ. В регионе сформировалась группа устойчивых организаций, регулярно привлекаемых к международным исследованиям, экспертным консультациям и программам обмена, связанным с вопросами безопасности, трансграничных угроз и устойчивого развития. Их финансирование часто осуществляется через смешанные механизмы, в которых грантовая поддержка гражданских структур сочетается с программами, курируемыми ведомствами, связанными с оборонным и стратегическим блоком.

По данным Государственного департамента США, только в 2019 году в образовательных и профессиональных обменах с участием стран Центральной Азии приняли участие более 6 тыс. человек[3]. Однако качественный анализ этих программ показывает, что приоритет отдаётся направлениям, связанным с государственным управлением, аналитической деятельностью, вопросами безопасности и устойчивого развития. Как указывают В.А. Аватков и А.Р. Ерманалиева,«политика США в Казахстане определяется стремлением контролировать энергоресурсы, противоборством с КНР, а также сдерживанием интеграционных процессов вокруг России» [1, с. 15].

В Узбекистане данная модель реализуется более избирательно, что обусловлено как особенностями внутренней политики, так и ограничениями на внешнее влияние. Тем не менее и здесь наблюдается поддержка узкого круга образовательных и экспертных инициатив, связанных с подготовкой специалистов в сфере региональной безопасности, управления рисками и международного сотрудничества. Характерно, что подобные проекты, как правило, не афишируются как элементы публичной дипломатии.

Вывод международной коалиции во главе с США из Афганистана в 2021 году стал не завершением американского присутствия в регионе, а точкой его институциональной переконфигурации. Потеря прямого военного плацдарма потребовала пересмотра механизмов регионального взаимодействия, прежде всего в части обеспечения наблюдаемости, управляемости и предсказуемости процессов на южных рубежах Центральной Азии. Как подчёркивают П.Л. Карабущенко и М.А. Шакиров, «активное участие США в военных операциях за рубежом и использование передовых технологий для слежки и анализа данных делают их лидером в международных коалициях по борьбе с терроризмом» [3, с. 38].

Афганский кризис актуализировал для США проблему так называемого «загоризонтного» контроля, предполагающего опору на партнёрские государства и негосударственные структуры для сбора информации, аналитической оценки рисков и раннего выявления угроз. Уже в 2021–2022 годах в официальных заявлениях Пентагона подчёркивалось, что мониторинг террористической активности и трансграничных рисков в регионе невозможен без развитой сети региональных партнёров[4].

После отказа Узбекистана и Кыргызстана от размещения иностранных военных баз и сдержанной позиции Казахстана и Таджикистана, США столкнулись с ограничениями на традиционные формы военного взаимодействия.

Практическим выражением данной трансформации стало расширение программ, ориентированных на устойчивость, противодействие радикализации и кризисное управление. В 2022–2023 годах значительная часть проектов, реализуемых при участии американских структур в Центральной Азии, была сосредоточена на подготовке аналитических кадров, развитии исследовательских компетенций и формировании профессиональных сообществ в сфере региональной безопасности. В условиях, когда Государственный департамент сохранял ограниченные возможности для развертывания масштабных программ, Министерство обороны получило институциональное преимущество как субъект, способный обеспечивать долгосрочное сопровождение проектов, связанных с безопасностью и устойчивостью. Через программы военного сотрудничества, стратегического консультирования и поддержки партнёрских инициатив формировались устойчивые каналы взаимодействия с гражданскими и экспертными структурами региона, не требующие формального дипломатического мандата. Как указывают Е.В. Крыжко и П.И. Пашковский, «пять центрально-азиатских государств в течение последних тридцати лет находятся в фокусе американской внешней политики» [4, с. 66].

После 2021 года наблюдается рост числа совместных исследовательских мероприятий, экспертных семинаров и образовательных модулей, посвящённых афганской тематике, в которых участвуют представители центральноазиатских стран и американских структур.

С начала 2010-х годов в Казахстане последовательно формировалась среда аналитических и исследовательских центров, вовлечённых в международные экспертные сети. Часть из них специализируется на вопросах региональной безопасности, трансграничных угроз, социально-политической устойчивости и стратегического планирования.

Сопряжённость гражданского вовлечения с задачами безопасности проявляется и в тематике реализуемых инициатив. В казахстанском случае приоритет получают проекты, связанные с управлением рисками, кризисным реагированием, противодействием радикализации и анализом последствий афганского кризиса. Даже образовательные программы, формально относящиеся к сфере академического обмена, ориентированы на дисциплины, находящиеся на стыке государственного управления, международных отношений и безопасности.

Роль Министерства обороны США в данной модели проявляется опосредованно, но последовательно. Через межведомственные форматы, программы стратегического консультирования и поддержку пар-

[1] National Defense Strategy of the United States of America (2018) [Electronic resource] / U.S. Department of Defense. Washington, D.C., 2018. Mode of access: https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf (date of access: 15.12.2025).

[2] Office of Management and Budget. Budget of the U.S. Government, Fiscal Year 2020 [Electronic resource]. Washington, D.C., 2020. Mode of access: https://www.govinfo.gov/app/details/BUDGET-2020-BUD (date of access: 15.12.2025).

[3] U.S. Department of State. Educational and Cultural Exchange Programs: FY 2019 Regional Participation Data [Electronic resource]. Mode of access: https://eca.state.gov/impact/annual-reports (date of access: 15.12.2025).

[4] U.S. Department of Defense. Remarks by Senior Defense Officials on Counterterrorism and Over-the-Horizon Capabilities [Electronic resource]. Mode of access: https://www.defense.gov/News/Transcripts/Transcript/Article/2736171/ (date of access: 15.12.2025).

тнёрских инициатив обеспечивается координация и ресурсное сопровождение проектов, выходящих за рамки классической дипломатии. Как отмечает Е.В. Махмутова, «наступательный характер китайской экономической активности в Узбекистане отвечает запросам в экономизации его внешней политики, но одновременно повышает зависимость узбекской экономики от одного – китайского – направления» [5, с. 224].

В отличие от Казахстана, узбекская модель вовлечения гражданского общества характеризуется более высокой степенью селективности и институциональной замкнутости. Это связано с особенностями внутренней политики, нормативными ограничениями на внешнее участие и исторически сформированным приоритетом суверенного контроля над общественной и экспертной средой. В результате взаимодействие с внешними акторами, включая США, осуществляется через ограниченный круг форматов.

Отказ Узбекистана от размещения иностранных военных баз и жёсткая фиксация данного положения в военной доктрине задают общий фон для всей архитектуры взаимодействия. В этих условиях любые формы вовлечения, потенциально ассоциируемые с вопросами безопасности, требуют институциональной маскировки и обоснования через социально-экономические или образовательные цели. Как подчёркивают А.А. Мгдсян и К.А. Серомлянова, «устойчивость общества к угрозам терроризма закладывается, в первую очередь, на уровне местных сообществ и через развитие образования, социальной инфраструктуры и экономических возможностей» [6, с. 982].

Селективность проявляется прежде всего в выборе партнёров. Вовлечение ориентировано на ограниченное число университетов, аналитических групп и профессиональных сообществ, чья деятельность не выходит за рамки установленных нормативных коридоров. При этом приоритет отдается тем направлениям, которые могут быть интерпретированы как способствующие внутренней устойчивости и управляемости, включая подготовку кадров в сфере государственного администрирования, анализа региональных процессов и социального прогнозирования. Тематика безопасности присутствует в таких проектах имплицитно, не выносясь в публичную повестку. Как отмечает У. Сайдалиев, «взаимодействие государств Центральной Азии и США в сфере безопасности в значительной степени определяется нестабильностью в Афганистане и трансграничным характером угроз» [7, с. 57].

Министерство обороны США в данной модели также присутствует опосредованно, однако его роль проявляется через стратегическое планирование и координацию межведомственных усилий. Именно оборонное ведомство обладает необходимыми аналитическими и ресурсными возможностями для работы в условиях ограниченной институциональной проницаемости, где требуется точечное и долгосрочное взаимодействие. Как указывает С.П. Стройков, «многовекторная политика Казахстана и Узбекистана направлена на сохранение внешнеполитического манёвра в условиях одновременного присутствия нескольких центров силы» [8, с. 462].

Сопоставление казахстанской и узбекской моделей вовлечения гражданского общества позволяет выйти за рамки описания национальных особенностей и перейти к анализу логики стратегического планирования США в Центральной Азии. При внешнем сходстве используемых инструментов – образовательные программы, экспертное взаимодействие, поддержка аналитических инициатив – различия в глубине и форме вовлечения оказываются системными и воспроизводимыми. Как подчёркивает В.А. Цибиков, «для достижения целей стратегии предусмотрено вовлечение широкого круга гражданских и военных ведомств Соединённых Штатов, финансовых структур и неправительственных организаций» [9, с. 41].

В казахстанском случае стратегическое планирование США опирается на предпосылку институциональной совместимости. Наличие относительно открытой экспертной среды и формализованных каналов взаимодействия позволяет выстраивать долгосрочные партнёрства, ориентированные на подготовку кадров, аналитическое сопровождение и формирование устойчивых профессиональных сообществ. Гражданское общество здесь выступает пространством опосредованного влияния, через которое возможно закрепление интерпретационных рамок, совместимых с американскими подходами к региональной безопасности и прогнозированию рисков. Как отмечает Е.С. Шевченко, «неудачи политики экспорта демократии в Центральной Азии привели к коррекции американских подходов и усилению опоры на военное партнёрство» [10, с. 119].

Узбекистан, напротив, рассматривается в американском стратегическом планировании как пространство ограниченного допуска. Жёсткие нормативные рамки и приоритет суверенного контроля над общественной сферой исключают возможность масштабного институционального вовлечения. В этих условиях стратегия США смещается в сторону селективных форм взаимодействия, ориентированных на узкие сегменты экспертной и образовательной среды. Гражданское общество включается в архитектуру устойчивости фрагментарно, без создания разветвлённых сетей, но с расчётом на длительное сохранение точек присутствия.

Проведённый анализ позволяет рассматривать публичную дипломатию США в Центральной Азии как трансформирующуюся систему, в которой классические гуманитарные и коммуникационные инструменты утрачивают автономный характер. Их место занимает межведомственная архитектура, ориентированная на долгосрочное вовлечение и управляемость партнёрской среды. В рамках данной архитектуры гражданское общество перестаёт быть преимущественно адресатом символического воздействия и приобретает функциональное значение как элемент устойчивости и прогнозируемости региональных процессов. Казахстан и Узбекистан демонстрируют различающиеся, но логически взаимосвязанные модели вовлечения, каждая из которых отражает специфику стратегического планирования США. В одном случае приоритет отдается институционализированным партнёрствам и формированию устойчивых экспертных сетей, в другом – селективным и малозаметным форматам взаимодействия. Общим для обеих моделей остаётся опосредованная, но системная роль Министерства обороны США, обладающего ресурсным и организационным преимуществом в проектах с длительным горизонтом реализации. Фиксация данной трансформации позволяет по-новому оценить характер американского присутствия в Центральной Азии и задать более широкий исследовательский вопрос о последствиях смещения публичной дипломатии в сторону инструментов, сопряжённых с задачами безопасности. В этом ракурсе дальнейший анализ может быть направлен на изучение того, каким образом подобная архитектура вовлечения влияет на автономию гражданских акторов и на конфигурацию региональной устойчивости в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Аватков В. А., Ерманалиева А.Р. Казахстан как центр столкновения интересов глобальных игроков на постсоветском пространстве: России, Китая, США и Турции // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 1. С. 9–19.
2. Ионова Е.П. Главные векторы внешней политики Ташкента // Россия и новые государства Евразии. 2021. № 2(51). С. 87–98.
3. Карабущенко П. Л., Шакиров М.А. Новая военно-стратегическая доктрина Соединённых Штатов Америки и её влияние на Каспийский регион // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2022. Т. 2. № 3. С. 35–44.
4. Крыжко Е. В., Пашковский П.И. Особенности внешнеполитического курса США в отношении государств Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8. № 1. С. 65–81.
5. Махмутова Е.В. Роль Китая в современной внешней политике Узбекистана // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2024. Т. 29. № 29. С. 222–231.
6. Мгдсян А. А., Серомлянова К. Эволюция подходов к решению проблемы терроризма: Казахстан и США // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7. № 8. С. 975–987.
7. Сайдалиев У. Перспективы сотрудничества государств Центральной Азии и США по обеспечению региональной безопасности в контексте афганской проблемы // Таджикистан и современный мир. 2023. № 4(84). С. 51–68.
8. Стройков С.П. Сравнительный анализ реализации многовекторной политики в Узбекистане и Казахстане // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 5. С. 460–465.
9. Цибиков В.А. Стратегия Вашингтона для Центральной Азии: инструменты реализации и воздействия на человеческий потенциал // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 3. С. 39–54.
10. Шевченко Е.С. Политическая повестка США в отношении стран Евразийского экономического союза: проблемы и противоречия // Проблемы постсоветского пространства. 2024. Т. 11. № 2. С. 112–125.

STRATEGIES FOR ENGAGING CIVIL SOCIETY IN KAZAKHSTAN AND UZBEKISTAN IN LONG-TERM US PUBLIC DIPLOMACY PROJECTS

Tolstykh A.I.
Saint Petersburg State University

This study analyzes the transformation of US public diplomacy in Central Asia through the lens of long-term civil society engagement strategies in Kazakhstan and Uzbekistan. The relevance of the study stems from the growing discrepancy between the traditional perception of public diplomacy as the responsibility of the US Department of State and

the actual institutional practices implemented in the region. Particular attention is paid to the interagency nature of US public diplomacy, within which the Department of Defense provides organizational, analytical, and resource advantages in sustainable civil society engagement projects. The study aims to identify the institutional logic of US civil society engagement strategies in Kazakhstan and Uzbekistan amid the post-Afghan transformation of regional security. This objective is addressed by analyzing the evolution of US public diplomacy mechanisms, examining the changing functional role of civil society from a humanitarian recipient to an element of sustainability, and conducting a comparative analysis of national engagement models formed in conditions of varying institutional permeability and strategic sensitivity. It has been revealed that US public diplomacy in Central Asia is increasingly being implemented through mechanisms focused on security and resilience, with the Department of Defense (DoD) effectively dominating. A comparative analysis of Kazakhstan and Uzbekistan reveals that differences in civil society engagement strategies are determined primarily by US strategic planning priorities rather than by variations in humanitarian approaches.

Keywords: Central Asia; US public diplomacy; civil society; interagency mechanisms; US Department of Defense; Kazakhstan; Uzbekistan

References

1. Avakov V. A., Ermanalieva A.R. Kazakhstan as a Center of Clashing Interests of Global Players in the Post-Soviet Space: Russia, China, the USA, and Turkey // Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 9–19.

2. Ionova E.P. The Main Vectors of Tashkent's Foreign Policy // Russia and the New States of Eurasia. 2021. No. 2(51). P. 87–98.

3. Karabushchenko P. L., Shakirov M.A. The New Military-Strategic Doctrine of the United States of America and Its Impact on the Caspian Region // Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 35–44.

4. Kryzhko E. V., Pashkovsky P.I. Features of the US Foreign Policy towards the Central Asian States // Problems of the Post-Soviet Space. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 65–81.

5. Makhmutova E.V. The Role of China in the Modern Foreign Policy of Uzbekistan // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2024. Vol. 29. No. 29. P. 222–231.

6. Mgdsyan A. A., Seromlyanova K. Evolution of Approaches to Solving the Problem of Terrorism: Kazakhstan and the United States // Post-Soviet Studies. 2024. Vol. 7. No. 8. P. 975–987.

7. Saidaliev U. Prospects for Cooperation between the States of Central Asia and the United States in Ensuring Regional Security in the Context of the Afghan Problem // Tajikistan and the Modern World. 2023. No. 4(84). P. 51–68.

8. Stroykov S.P. Comparative Analysis of the Implementation of Multi-Vector Policy in Uzbekistan and Kazakhstan // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 5. P. 460–465.

9. Tsibikov V.A. Washington's Strategy for Central Asia: Instruments of Implementation and Impact on Human Potential // The USA and Canada: Economy, Politics, Culture. 2021. Vol. 51. No. 3. P. 39–54.

10. Shevchenko E. S. US Political Agenda towards the Countries of the Eurasian Economic Union: Problems and Contradictions // Problems of the Post-Soviet Space. 2024. Vol. 11. No. 2. P. 112–125.

О научно-исследовательских центрах по изучению России в провинции Хэйлунцзян

Цвык Галина Игоревна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры восточных языков Дипломатической Академии Министерства иностранных дел Российской Федерации
E-mail: galya_91@mail.ru.

В статье автор рассматривает ведущие китайские научно-исследовательские центры, специализирующиеся на изучении России, уделяя основное внимание учреждениям, расположенным в провинции Хэйлунцзян. В Хэйлунцзяне к настоящему времени сформирована разветвленная и многоуровневая система специализирующихся на россиеведении «фабрик мысли», которые функционируют на базе академических учреждений и местных вузов. Как отмечает автор, это обусловлено географической близостью этой северо-восточной провинции к России и глубокими историко-культурными, межрегиональными и торгово-экономическими связями с нашей страной.

Ключевые слова: Россия, Китай, провинция Хэйлунцзян, научно-исследовательские центры.

Введение

Беспрецедентно высокий уровень отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем обуславливает необходимость их комплексного анализа, осуществляемого профильными научно-исследовательскими структурами по россиеведению и китаеведению, функционирующими в обеих странах [1].

Как отмечают отечественные и зарубежные исследователи, в Китайской Народной Республике к настоящему времени сформирована широкая представительная сеть «мозговых центров», специализирующихся на экспертизе истории и современных тенденций развития России [4]. Эта целостная, стратегически выстроенная и хорошо институализированная система имеет цель обеспечивать китайское руководство экспертизой внутренней и внешней политики, социально-экономического положения нашей страны [12].

Большинство из центров россиеведения расположены на Северо-Востоке Китая, в частности, в провинции Хэйлунцзян, что обусловлено рядом факторов: географической близостью провинции к России, сохраняющимся влиянием русского языка и культуры, а также традиционно высоким уровнем приграничного торгово-экономического и гуманитарного взаимодействия с российскими регионами.

Подготовкой информационных и аналитических материалов по российской проблематике и соответствующих рекомендаций для провинциального руководства занимаются как структуры в местном правительстве (Центр по торгово-экономическому сотрудничеству с Россией Управления коммерции, Отдел Европы и Азии Канцелярии иностранных дел), так и академические учреждения и специализированные центры при хэйлунцзянских вузах.

Академические учреждения

В структуре ведущего научного учреждения провинции – Хэйлунцзянской академии общественных наук (далее – ХАОН) – функционирует ряд профильных НИИ, которые специализируются на российской тематике. Одним из наиболее авторитетных структурных подразделений выступает Институт России (俄罗斯研究所), ранее имевший название Институт Дальнего Востока СССР. В его структуре функционируют 5 профильных отделов по истории, экономики, политической и правовой системе нашей страны, а также 2 научно-исследовательских центра. В настоящее время штат данной академической структуры составляет 16 китайских ученых-экспертов, специализирующихся на российско-китайских торгово-экономическим отношениях, социально-экономическом развитии и внешней политике России [9]. На протяжении последних более чем десяти лет исследовательский коллектив Института возглавляет Чжун Цзяньпин – по совместительству зам. секретаря Научного общества изучения России, Восточной Европы и Центральной Азии на базе одноименного НИИ в Китайской Академии общественных наук.

Институт истории (历史研究所) имеет статус структурного подразделения ХАОН с 1979 г. Научно-исследовательская работа учреждения направлена на изучение исторических процессов, протекавших на Северо-Востоке Китая, а также контактов с Россией, Японией и Кореей. В составе института функционирует Отдел истории российско-китайских отношений [8].

Деятельность Института Северо-Восточной Азии (东北亚研究所) сфокусирована на изучении современных китайско-корейских и китайско-японских отношений. Вместе с тем, в структуре Института сформирована группа по изучению сотрудничества с Россией в контексте развития интеграционных процессов в регионе [10].

Научно-исследовательские центры на базе вузов

Среди неакадемических учреждений в провинции, специализирующихся на россиеведении, в первую очередь следует выделить Хэйлунцзянский университет (ХУ) – крупнейший центр подготовки русистов в Китае. Обучение по соответствующим профильным специальностям производится в Институте русского языка и в Китайско-российском институте – совместном проекте Хэйлунцзянского университета и Новосибирского государственного университета. Помимо образовательной деятельности в вузе достаточно хорошо развита научно-исследовательская база русистики и изучения процессов в современной России. В структуре ХУ в 1999 г. было основано специальное исследовательское подразделение по российской тематике – Центр изучения русского языка, литературы и культуры России (黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心) [6].

Отдельного внимания заслуживает деятельность Центра изучения российско-китайского стратегического взаимодействия, созданного в 2019 г. на базе Хэйлунцзянского университета. Данное научно-исследовательское учреждение выступает организатором многих конференций и форумов, привлекающих ведущих китайских ученых-русистов. Так, августе 2025 г. в Харбине состоялся очередной, седьмой по счету «Форум высокого уровня по российско-китайскому стратегическому взаимодействию в новую эпоху», проведенный Центром совместно с Институтом Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук и Дальневосточным федеральным университетом. В нем приняли участие представители «фабрик мысли» по изучению России, входящих в структуру КАОН, ХАОН, Университета Цинхуа и др. Особый интерес вызвала организованная в рамках Форума презентация первой в Китае системы поиска материалов по россиеведению с применением искусственного интеллекта – «黑大龙眼» («глаз дракона» Хэйлунцзянского университета) на базе нейросети DeepSeek-R1671B с использованием технологической архитектуры «Генерация с усилением поиска (RAG) + локальная база знаний» [2].

Таким образом, Хэйлунцзянский университет укрепляет свой статус одного из главных научно-исследовательских центров по изучению России в национальном масштабе. Свидетельством тому также выступает учреждение на базе ХУ новых профильных структур по россиеведению. Так, в декабре 2024 г. состоялась церемоний открытия Совместного института проблем России, учредителями которого является упомянутый вуз вместе с Китайским народным университетом [11].

В некоторых провинциальных высших учебных заведениях функционируют россиеведческие центры, специализирующиеся на более узких темах научных изысканий. Так, деятельность Института изучения Дальнего Востока России (黑河学院远东研究院), созданного на базе Университета Хэйхэ, посвящена изучению российско-китайских приграничных связей в торгово-экономической, инвестиционной и гуманитарной сферах [7]; в Центре изучения России и Украины Харбинского инженерного университета (哈尔滨工程大学俄罗斯乌克兰研究中心) упор делается на Арктическую проблематику и возможные варианты сотрудничества с Россией в освоении Арктического региона [5]; анализ деятельности российских эмигрантов в Маньчжурии в первой половине XX в., геополитическая роль Китайско-Восточной железной дороги в регионе в исторической перспективе являются основными направлениями научно-исследовательской работы Центра исследований истории и культуры российских иммигрантов в Цицикарском университете (齐齐哈尔大学中国俄罗斯侨民文化研究中心), который возглавляет известный в российских академических и общественных кругах, кавалер Ордена Дружбы Российской Федерации профессор Ли Яньлин.

Взгляды китайских ученых и аналитиков по некоторым вопросам социально-экономического развития, внутриполитических процессах и внешней политике России и российско-китайским отношениям публикуются в основном в академических изданиях. Особый интерес вызывают научные журналы «Исследования Сибири» («西伯利亚研究») (издается Институтом России ХАОН), «Исследования Россия» («俄罗斯学刊»), «Исследования русского языка, литературы и культуры» («俄罗斯语言文学与文化研究») (оба журнала выпускаются Центром изучения русского языка, литературы и культуры России Хэйлунцзянского университета), а также ежемесячный информационный бюллетень «Тенденции в российско-китайском стратегическом взаимодействии» («中俄战略协作动态») Центра изучения российско-китайского стратегического взаимодействия при ХУ, который содержит переводы новостных статей российских СМИ, авторские заметки китайских исследователей.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. В Китае, особенно в провинции Хэйлунцзян, сформировалась разветвленная и институционализированная сеть научно-исследовательских центров («фабрик мысли»), специализирующихся на изучении России.

2. Основной пул подобных структур в Китае географически сконцентрирован на Северо-Востоке страны, в частности в провинции Хэйлунцзян. Это напрямую обусловлено ее пограничным положением, глубокими историко-культурными связями, а также интенсивными торгово-экономическими и межрегиональными контактами с Россией. Данные центры выполняют не только академическую, но и прикладную функцию, снабжая аналитическими материалами и рекомендациями как центральные, так и местные органы власти.

3. Хэйлунцзянская академия общественных наук и Хэйлунцзянский университет выступают в качестве флагманов и узловых точек упомянутой сети. ХАОН обеспечивает глубокую специализацию по направлениям (история, экономика, политика России) через свои профильные институты. ХУ, будучи главной кузницей русистов, развивает передовые исследовательские площадки (например, Центра изучения российско-китайского стратегического взаимодействия), внедряет инновационные технологии (ИИ-система «Глаз дракона») и укрепляет свои позиции на национальном уровне через создание совместных структур с ведущими вузами Китая.

4. Помимо крупных центров, в регионе функционирует ряд узкоспециализированных научно-исследовательских институтов, фокусирующихся на конкретных профильных темах россиеведения: от приграничного сотрудничества и арктических исследований до исторического анализа положения российской эмиграции в Китае.

Литература

1. Белоусова Т.П. Этапы развития российско-китайских отношений. Планы и перспективы // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 12. С. 354–356. EDN: AJSDPH

2. Важная новость! В Хэйлунцзянском университете прошла первая в Китае презентация системы «Глаз дракона» / Сайт Хэйлунцзянского университета. – URL: https://www.hlju.edu.cn/info/1043/14769.htm/ (дата обращения 01.12.2025) (на кит. яз.)

3. Квон Д.А., Павлова Т.П., Цвык И.В. Философия и методология искусственного интеллекта. М.: Изд-во МАИ, 2022. 94 с.

4. Ли Д. Изучение России в КНР: состояние и перспективы // Вопросы политологии. 2017. № 4(28). С. 301–107. EDN: ZUKFNL

5. О Центре изучения России и Украины Харбинского инженерного университета / Байду. – URL: https://baike.baidu.com/item/哈尔滨工程大学俄罗斯乌克兰研究中心/22484089 (дата обращения 06.12.2025) (на кит. яз.)

6. О Центре изучения русского языка, литературы и культуры России / Официальный сайт Центра изучения русского языка, литературы и культуры России Хэйлунцзянского университета. – URL: https://rlls.hlju.edu.cn/ (дата обращения 06.12.2025) (на кит. яз.)

7. Об Институте изучения Дальнего Востока России Университета Хэйхэ / Официальный сайт Университета Хэйхэ. – URL: https://ydy.hhxy.edu.cn/gk.htm / (дата обращения 06.12.2025) (на кит. яз.)

8. Об институте истории / Сайт Хэйлунцзянской академии общественных наук. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/elsyjs/ (дата обращения 01.12.2025) (на кит. яз.)

9. Об институте России / Сайт Хэйлунцзянской академии общественных наук. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/elsyjs/ (дата обращения 01.12.2025) (на кит. яз.)

10. Об институте Северо-Восточной Азии / Сайт Хэйлунцзянской академии общественных наук. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/dbyyjs/ (дата обращения 01.12.2025) (на кит. яз.)

11. Состоялась церемония открытия Института изучения династии Цин северного Китая, Совместного института проблем России, Общества провинции Хэйлунцзян по изучению истории маньчжуров в период династии Цин / Сайт Yang guang wang. – URL: https://hlj.cnr.cn/jykj/20241227/t20241227_527023328.shtml (дата обращения 01.12.2025) (на кит. яз.)

12. Трубникова Н.В., Минасян С.П., Мещерякова М.А. Россиеведение в КНР: направления исследований и образовательной деятельности, институциональная принадлежность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 11–1. С. 102–104. EDN: TCIQRH

13. Цвык В.А., Цвык И.В., Цвык Г.И. Искусственный интеллект в современном обществе: шаги, выводы, стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2024. Т. 28 (2), 589–600. EDN UBJZTG

14. Цвык Г.И. Об изучении русского языка в Китае (на примере провинции Хэйлунцзян) // Новый мир. Новый язык. новое мышление: Сборник материалов VIII международной научно-практической конференции (филология, педагогика и межкультурная коммуникация), Москва, 30 января 2025 года. Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, 2025. С. 633–636. EDN: HYZKSV

15. Цвык Г.И. Продвижение русского языка в КНР как инструмент культурной дипломатии Российской Федерации в 2001–2017 гг.: специальность 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2018. 28 с. EDN: DSKHDC

16. Ganshina G., Tsvyk A. Promotion of Russian Language in China as a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation // ICADCE 2016. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Russia: Atlantis press, 2016. P. 1285–1289. EDN: XHGQUH

17. Semenov A.V. The Approach to the Chinese Diplomatic Discourse // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, No. 4. P. 565–586. DOI 10.1007/s40647–021–00321-x. EDN BPFFQZ

18. Tsvyk A.V., Tsvyk G.I. China's human rights concept and its international promotion // RUDN Journal of Sociology. 2019. T. 19. № 1. C. 20–30. EDN: YXEHQL

19. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Personal information security as a social problem // RUDN Journal of Sociology. 2023. T. 23. № 3. C. 590–599. EDN VVHSAG

ON THE RESEARCH CENTERS FOR RUSSIAN STUDIES IN THE HEILONGJIANG PROVINCE

Tsvyk G.I.
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

This article examines leading Chinese research centers specializing in Russian studies, with a particular focus on institutions located in Heilongjiang Province. The province has developed an extensive and multi-tiered system of Russia-oriented "think tanks" operating within academic institutions and local universities. The author argues that this development is caused by Heilongjiang's geographical proximity to Russia and its deep-rooted historical, cultural, cross-regional, and trade-economic ties with the country.

Keywords: Russia, China, education, Heilongjiang Province, Research institutes.

References

1. Belousova T.P. Stages of development of Russian-Chinese relations. Plans and prospects // Socio-humanitarian knowledge. 2024. No. 12. Pp. 354–356. EDN: AJSDPH

2. Important news! The first presentation in China of the "Dragon Eye" system was held at Heilongjiang University / Official website of the Heilongjiang University. – URL: https://www.hlju.edu.cn/info/1043/14769.htm/ (accessed 01.12.2025) (in Chinese)

3. Kvon D.A., Pavlova T.P., Tsvyk I.V. The Philosophy and Methodology of Artificial Intelligence. M.: MAI, 2022. 94 P.

4. Li Dan. Russian research in China: Situation and prospects // "Russian Political Science Journal". 2017. № 4(28). P. 301–107. EDN: ZUKFNL

5. About the Center for Russian and Ukrainian Studies, Harbin Engineering University / Baidu. – URL: https://baike.baidu.com/item/哈尔滨工程大学俄罗斯乌克兰研究中心/22484089 (accessed 06.12.2025) (in Chinese)

6. About the Center for Russian Language, Literature and Culture of Russia / Official website. – URL: https://rlls.hlju.edu.cn/ (accessed 06.12.2025) (in Chinese)

7. About the Center for The Russian Far East of Heihe University / Official website of Heihe University. – URL: https://ydy.hhxy.edu.cn/gk.htm / (accessed 06.12.2025) (in Chinese)

8. About the Institute of History / Official website of the Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/elsyjs/ (accessed 01.12.2025) (in Chinese)

9. About the Institute of Russia / Official website of the Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/elsyjs/ (accessed 01.12.2025) (in Chinese)

10. About the Institute of North-Eastern Asia / Official website of the Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences. – URL: http://www.hlass.org.cn/jg/yjs/dbyyjs/ (accessed 01.12.2025) (in Chinese)

11. The opening ceremony marked the establishment of the Northern China Qing Dynasty Studies Institute, the Joint Institute of Russian Affairs, and the Heilongjiang Provincial Society for Manchu History Studies during the Qing Dynasty / Yang guang wang website. – URL: https://hlj.cnr.cn/jykj/20241227/t20241227_527023328.shtml (accessed 01.12.2025) (in Chinese)

12. Trubnikova N.V., Minasyan S.P., Mesheryakova M.A. Russian Studies in the PRC: Research Areas, Educational Activities, and Institutional Frameworks // Current Issues in the Humanities and Natural Sciences. 2014. № 11–1. Pp. 102–104. EDN: TCIQRH

13. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V., Tsvyk G.I. Artificial intelligence in modern society: steps, challenges, strategies / RUDN Journal of Philosophy. 2024. T. 28 (2), 589–600. EDN UBJZTG

14. Tsvyk G.I. On the Study of the Russian Language in China (on the Example of Heilongjiang Province) // New World. New Language. New Thinking: Collection of Materials of the VIII International Scientific and Practical Conference (Philology, Pedagogy, and Intercultural Communication), Moscow, January 30, 2025. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2025. Pp. 633–636. EDN: HYZKSV

15. Tsvyk G.I. Promotion of the Russian Language in China as a Tool of the Russian Federation's Cultural Diplomacy in 2001–2017 Speciality 07.00.15 "History of International Relations and Foreign Policy": Abstract of the Dissertation for the Degree of Candidate of Historical Sciences. Moscow, 2018. 28 p. EDN: DSKHDC

16. Ganshina G., Tsvyk A. Promotion of Russian Language in China as a Tool of Cultural Diplomacy of the Russian Federation // ICADCE 2016. Advances in Social Science, Education and Humanities Research. Moscow, Russia: Atlantis press, 2016. P. 1285–1289. EDN: XHGQUH

17. Semenov A.V. The Approach to the Chinese Diplomatic Discourse // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. 2021. Vol. 14, No. 4. Pp. 565–586. DOI 10.1007/s40647–021–00321-x. EDN BPFFQZ

18. Tsvyk A.V., Tsvyk G.I. China's human rights concept and its international promotion // RUDN Journal of Sociology. 2019. T. 19. № 1. Pp. 20–30. EDN: YXEHQL

19. Tsvyk V.A., Tsvyk I.V. Personal information security as a social problem // RUDN Journal of Sociology. 2023. T. 23. № 3. Pp. 590–599. EDN VVHSAG

Особенности регионального взаимодействия в области культуры (на примере Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая)

Цзян Хайян,
аспирант, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: jianghaiyang0421@yandex.ru

Статья представляет актуальную проблему – многообразие взаимодействия между российскими и китайскими регионами. В качестве примера, иллюстрирующего представленные тезисы, был взят Харбин, который был основан русскими иммигрантами. По данной причине автором представлена краткая характеристика культурной жизни в разные исторические периоды, в частности, приведены журналы, позволяющие распространить национальные ценности в доступном формате, архитектурные сооружения, ассоциирующиеся с европейской культурой, образовательные инициативы, позволяющие учиться каждому желающему. Другой пример, представленный в статье – инициативы Дальневосточного Федерального университета, а также Институтов Конфуция, которые распространяют основы конфуцианской доктрины. Описаны проблемы, с которыми сталкиваются представители обеих стран при наращивании культурного сотрудничества, в частности, проблема перевода классических текстов, таких как «Лунь Юй». Для решения таких проблем рекомендуется разработать курсы, посвященные китайской культуре.

Ключевые слова: региональное сотрудничество, культура, российско-китайские взаимоотношения, Дальний Восток, северо-восточные провинции Китая.

Введение

В последние годы взаимодействие Китая и России набирает обороты, в частности, и в области культуры. Особую роль в данном процессе играет Дальний Восток: его давние связи с Китаем и развитая транспортная инфраструктура служат прочной опорой для распространения конфуцианских ценностей в регионе.

Основная часть

Еще в 1861 году Россия ввела в действие «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири», что открыло путь для временного трудоустройства и проживания китайцев на Дальнем Востоке. Ко времени заключения Пекинского договора Уссурийском крае насчитывалось уже две-три тысячи выходцев из Китая – охотников, сборщиков женьшеня и переселенцев. К началу XX века китайская диаспора дальневосточных территорий России достигла значительных размеров, оцениваемых в 200–250 тысяч человек, как приводится в научных трудах Ван Линлиня и Лю Ле [1].

Активное развитие двустороннего взаимодействия придало объявление о формировании китайско-российского стратегического партнерства в 1996 году. Принятие в России закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» способствовало активизации профессиональных и образовательных контактов. Конец XX века в Китае характеризовался избытком трудовых ресурсов, что побудило многих молодых людей искать возможности в соседней стране. Основными пунктами притяжения для китайских трудовых мигрантов и студентов в тот период стали Владивосток, Уссурийск, Благовещенск и др. Параллельно с ростом китайского присутствия в регионе заметнее становилась и восприимчивость к конфуцианскому культурному наследию.

Отдельного упоминания заслуживает процесс возникновения Харбина. Оно неразрывно связано со строительством Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД); до этого город не существовал, оставаясь пустынной местностью на протяжении нескольких столетий («там не было ни рынков, ни улиц. Лишь несколько рыбацких хижин, покрытых соломой, служили пристанищем для местных жителей»).

Как отмечается в «Харбинской краеведческой книге», после завершения строительства КВЖД в июле 1903 года, российская администрация взяла за основу планировки города железнодорожную станцию Наньган, сделав ее центром нового административного района [4]. Это подчеркивало подчиненность городского развития интересам железной дороги. Под контроль управления КВЖД было выделено свыше 4000 квадратных километров, что означало фактическое установление российского административного контроля над территорией Харбина. К 1904 году сложился первоначальный городской каркас. Российские власти разделили Харбин на четыре административных района: новый город (улица Синьши, ныне улица Дачжи и район вокзала в Нангане), новое Бутоу, старое Бутоу (ныне район Даоли) и Старый Харбин (ныне район Сянфан), учредив для управления ими полицейские участки.

Бурный рост Харбина привлекал все больше русских талантов. Компактное проживание такой этнической общины естественным образом формировало культурное самосознание. Будучи глубоко верующими людьми, иммигранты неизбежно нуждались в возведении храмов. Среди переселенцев в Харбине еврейские предприниматели также составляли вторую по численности группу. Поэтому одновременно с распространением церковной культуры под эгидой Русской православной церкви довольно рано возникли и места для иудейских собраний. К 1935 году, в городе насчитывалось уже 23 православные церкви, действовали 2 синагоги и добавилось 5 католических храмов.

Наиболее зримым свидетельством исторического влияния религиозной жизни иммигрантов на облик региона служит стиль и форма сохранившихся зданий. Многие знаковые постройки сконцентрированы преимущественно в районах Наньган и Даоли. Так, например, кроме самого известного Софийского собора (1907 год), к важнейшим из них относятся Покровская церковь на улице Дундачжи (1902 год) и Алексеевская церковь на улице Гоголя (1931 год). Здания русского зарубежья на Центральной улице (Харбин) также служат своеобразной энциклопедией европейского зодчества в миниатюре. Так, дом № 57 по Центральной улице (1923 г., бывший Еврейский национальный

банк) представляет стиль Ренессанс. Яркий образец барокко – здание № 120 (1916 г., ранее Иностранная компания Мацуура). Черты модерна воплощены в гостинице «Мадиэль» (1906 г.) и магазине «Даоли Цюлинь» (1919 г.). Эклектика же представлена домом № 21 (1923 г., бывшая Иностранная компания Агрофо) и зданием № 73 (1917 г., принадлежавшее еврею А.Л. Окуню). Исторически Центральная улица была центром притяжения для состоятельных русских эмигрантов в Харбине, а владельцами зданий чаще всего выступали преуспевающие еврейские предприниматели. Неудивительно, что архитектура здесь преимущественно эклектична.

Однако влияние русской эмигрантской архитектуры на облик Харбина глубже, чем просто сохранившиеся постройки. Оно проникло в само эстетическое восприятие города. Даже современные жилые дома и коммерческие здания нередко несут в деталях отпечаток стиля, унаследованного от периода русской эмиграции. Поэтому человек, не знакомый с культурной историей Харбина, глядя на его застройку, может получить ощущение, что перед ним – сплошь европейская архитектура.

Аналогично влияние ощущается и на уровне образования. С одной стороны, царское правительство видело в русифицированном образовании инструмент колониальной политики, надеясь через приобщение местных народов к русской культуре укрепить свою власть. С другой стороны, такая система была необходима для удовлетворения запросов растущей общины российских подданных. Увеличение численности переселенцев настоятельно требовало решения проблемы обучения их детей.

Прибытие второй волны русских иммигрантов внесло значительные коррективы. В ее составе преобладали представители интеллигенции, аристократии и творческих кругов с высоким уровнем образования. Это закономерно подняло уровень и качество русскоязычного образования в Харбине на новую ступень. В 1920-х годах ими были созданы высшие учебные заведения. Наибольшее значение для современного Харбина имеет Харбинская китайско-русская политехническая школа, основанная в 1920 году (ныне Харбинский политехнический институт). Здесь преподавали ученые из ведущих вузов России, включая Санкт-Петербургский и Московский университеты. Обучение велось на русском, но для привлечения китайских студентов специально открыли подготовительное отделение.

По мнению Ван Кэвэня и М.Б. Лиги, приезд большого числа выдающихся представителей второй волны вывел литературные начинания харбинского зарубежья на пик развития [3]. В этот период в городе регулярно издавалось около 270 газет и журналов. Их отличало не только количество, но и тематическое разнообразие: существовали женские (например, «Женщина и жизнь»), детские (такие как «Ласточка»), научные (вроде «Вестника Маньчжурии») издания. Особую роль играл литературный журнал «Рубеж», основанный в 1927 году и просуществовавший до 1945 года. Он стал главной площадкой для литераторов-эмигрантов, чье творчество стало отражением идей «Серебряного века». Именно так возникло литературное объединение «Чураевка», сплотившее многих местных писателей, таких как Арсений Несмелов (псевдоним А.Н. Митропольского), Алексей Ачаир (псевдоним А.А. Грызова) и Валерий Перелешин (псевдоним В.Ф. Салатко-Петрище).

Влияние образования особенно касается распространения и усвоения языка, который направлен на создание уникального образа мышления, веками формировавшегося конкретной нацией. В результате многие харбинские улицы получили русские названия: улица Ломоносова (ныне Хэцюй в районе Даоли), Шевчинка (сейчас Хэгу, Даоли), Московских казарм (теперь Бинма, Даоли), Кавказа (ныне Сисандао, Даоли), Королева (современная Аньминь, Даоли), Михайлова (теперь Аньдин, Даоли), Николаевская (ныне Цзяньминь, Наньган), Брусилова (сейчас Чжунхэ, Наньган), Голебовского (теперь Сюаньвэнь, Наньган). Особняком стоит улица Гоголя, заложенная еще в 1901 году: несмотря на несколько попыток переименования, она сохранила свое историческое название до наших дней.

Кулинарная культура Харбина также впитала множество русских элементов. Такие продукты, как хлеб, литовская колбаса, квас, давно стали привычной частью местного рациона. Ресторан «Хуамэй» (ранее «Марс», чайная), расположенный на Центральной улице в доме 112 и открытый в 1925 году, ежедневно привлекает множество посетителей, желающих попробовать блюда этой традиции. Нельзя не упомянуть и языковое наследие. Как отмечает Гао Фанфан, харбинский диалект сохранил множество русских заимствований, активно используемых в речи и сегодня. Среди них: «машен» (от «машина», автомобиль), «суботан» (от «суп»), «браги» (от «платье», юбка), «бализы» (от «полиция», полицейский участок) [2].

Другой пример – Институт Конфуция Дальневосточного федерального университета (ДВФУ), который проводит мероприятия, чтобы помочь широкой общественности глубже понять и прочувствовать китайскую культуру, а также содействовать культурному обмену и сотрудничеству между Китаем и Россией. К числу распространенных форматов относятся лекции, семинары, языковые курсы, летние и зимние школы, а также другие программы межкультурного взаимодействия. В таких обстоятельствах две инициативы, реализованные в 2023 году, заслуживают особого внимания: конференция по академическим практикам «Китайское образование: от древности до современности» и тематическая лекция «Читая китайскую литературу». Они отличались не только тщательно проработанным содержанием, но и новаторскими формами подачи, придавшими мероприятиям уникальность.

Как считают Чэнь Цюйсюй и Лю Цзинлань, 16 апреля 2023 года Институт Конфуция ДВФУ организовал конференцию «Китайское образование: от древности до современности» на базе своей партнерской школы – средней школы № 9 Владивостока. На встрече присутствовали заместитель Генерального консула КНР во Владивостоке, педагоги, ученики и родители школы. Цель конференции – исследовать преемственность, эволюцию и влияние образовательных традиций Китая от древности до наших дней, а также обсудить, как исторические педагогические идеи сформировали современные подходы и адаптируются в нынешних социальных условиях [5].

Учитывая юный возраст основной аудитории (учащиеся школы), для лучшего усвоения материала Институт Конфуция ДВФУ дополнил лекцию практической частью – декламацией. Это позволило российским школьникам наглядно прочувствовать тему. Подобный интерактивный формат не только развивает ораторские навыки, но и повышает уровень литературной грамотности. Такие практические конференции способствуют всестороннему развитию учащихся и обогащают их внеурочную деятельность. Кроме того, они создают площадку для взаимодействия педагогов Института Конфуция с родителями школьников, стимулируя диалог между традиционными и современными образовательными концепциями Китая.

31 мая 2023 года в историческом здании библиотеки Дальневосточного федерального университета прошла масштабная лекция, посвященная теме «Литературный диалог между молодежью Китая и России». Инициатором события выступил Центр культурных коммуникаций Управления издательства иностранных языков Китая при активной поддержке «Китайского книжного центра». Основной фокус мероприятия был направлен на китайскую литературу, особенно популярную среди российской молодежи. Преподаватели Института Конфуция выступили с тематическими лекциями, где обсудили влияние и особенности современных китайских произведений. Молодым участникам предоставили возможность рассказать о своих любимых книгах из Китая и пообщаться с опытными наставниками. Этот открытый диалог позволил не только глубже понять китайскую литературу, но и укрепить дружеские связи между молодым поколением двух стран.

По завершении встречи организаторы передали коллекции китайских книг в библиотеку ДВФУ, Шестую школу, Девятую школу, филиал ДВФУ и другие учебные заведения. Данный шаг призван способствовать дальнейшему изучению китайского языка и знакомству с культурой Китая.

Исходя из вышесказанного, институт Конфуция в Дальневосточном федеральном университете базируется во Владивостоке. Он стал первым в России, основанным в 2006 году совместно Хэйлунцзянским университетом (Китай) и Дальневосточным федеральным университетом (Россия). Для российских студентов здесь создана специализированная библиотека с возможностью выдачи китайских книг, что существенно расширяет их доступ к материалам о китайской культуре. Помимо регулярных занятий языком, студенты активно знакомятся с культурой Китая через разнообразные внеурочные мероприятия. Каллиграфия, игра на эрху и искусство вырезания из бумаги пользуются особой популярностью у слушателей.

Институт Конфуция при Благовещенском государственном педагогическом университете, основанный в 2007 году, расположен в Благовещенске – прямо напротив китайского города Хэйхэ, через реку Амур. Этот регион служит важным транспортным узлом между Китаем и Россией, где китайцы и китайские надписи – обычная часть городской среды. Благодаря этому студенты имеют хорошую языковую практику помимо теоретических занятий, что положительно сказывается на их успеваемости. Институт регулярно обновляет курсы, предлагая такие программы, как «Деловой китайский для международного общения» и «Китайский язык для туризма», отвечающие реальным потребностям общения. В феврале 2010 года выбранное учебное учреждение совместно с городским университетом для старшего поколения открыл «Центр изучения китайского языка и культуры», где китайский язык преподается студентам в возрасте 55–75 лет, следуя конфуцианскому

принципу «обучать без различий». Для юных жителей региона, проявляющих интерес к языку, в 2016 году были запущены четыре начальных детских класса китайского.

Институт Конфуция при Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете находится в Комсомольске-на-Амуре (Хабаровский край). Он был создан в 2010 году усилиями Харбинского педагогического университета и Амурского ГПГУ. Институт специализируется на исследованиях в области методики преподавания китайского языка и в 2012 году учредил «Хабаровский краевой центр подготовки преподавателей китайского». Помимо учебной и научной работы, Институт уделяет большое внимание развитию культурных интересов студентов. Здесь проводятся такие мероприятия, как «Культурная встреча с китайскими символами удачи». Созданный при Институте Выставочный зал китайской культуры призван демонстрировать ее богатство и глубину, усиливая мотивацию студентов к изучению.

В преподавании китайского языка в разных уголках России реализуется конфуцианский принцип «обучения в соответствии со способностями», подразумевающий подбор учебных материалов под конкретные запросы студентов. Помимо стандартных уроков языка и культурных факультативов, российские Институты Конфуция активно организуют мероприятия, посвященные учебным материалам. Они поощряют преподавателей выбирать ресурсы, максимально соответствующие учебным целям разных групп учащихся, и своевременно их обновлять. Например, еще в 2010 году Институт Конфуция при МГУ провел «Выставку учебников китайского языка и книг о культуре Китая». В 2012 году аналогичную акцию провел Институт при АмГПГ У. В марте 2021 года Институт Конфуция при Новосибирском государственном техническом университете организовал сессию по обмену педагогическим опытом. Кроме того, в 2020 году Институт Конфуция при Иркутском государственном университете запустил онлайн-мастер-классы по китайской кухне и занятия фитнес-цигун, адаптируясь к формату дистанционного обучения.

Однако ключевым препятствием для распространения конфуцианской культуры на российском Дальнем Востоке остается проблема перевода классических текстов. Хотя в России существует свыше десяти текстов «Лунь Юй», их содержание и структура не всегда адекватно передают оригинал. Существенные культурные различия между Китаем и Россией затрудняют точную передачу смысла многих конфуцианских канонов на русский язык. Для эффективного продвижения конфуцианской культуры в России целесообразно опираться на сеть Институтов Конфуция. Именно они могли бы взять на себя перевод таких трудов, как «Лунь Юй» и «Мэн-цзы», параллельно готовя специалистов-переводчиков, глубоко знающих конфуцианскую культуру и историко-культурное наследие Китая. Уже налажена почва для этого, так как множество вузов Северо-Восточного Китая установили партнерские связи с университетами Дальнего Востока России. Такие дружественные учреждения вправе регулярно организовывать онлайн-семинары по обмену опытом преподавания конфуцианства.

Параллельно китайским университетам, готовящим специалистов по русскому языку, следует активнее вводить дисциплины, посвященные китайской культуре. Подобные курсы повысят их общую эрудицию и умение выражать сложные идеи на русском, а также разовьют ответственность за продвижение богатейшего культурного наследия Китая в русскоязычном мире – тем самым реализуя стратегию «выхода китайской культуры на глобальный уровень».

Заключение

Подводя итоги, русская иммигрантская культура сыграла значимую роль в формировании современного облика Харбина. Это влияние особенно заметно в сфере образования. Хотя школы Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) изначально предназначались преимущественно для детей российских подданных, постепенно открывались и учебные заведения для китайских учащихся. Параллельно стремительный рост сети русских школ в городе на фоне относительной экономической стабильности стимулировал общее развитие образовательной инфраструктуры района. В результате уровень грамотности и образованности в Харбине к началу XX века заметно превосходил показатели соседних регионов.

Не менее существенным было воздействие на художественную сферу. Выдающиеся достижения русской культуры, накопленные к XIX веку, оказали сильнейшее влияние на эстетику Харбина, придав ему уникальный русско-европейский стиль. Аналогичные функции несут культурные мероприятия, которые проводятся на базе Дальневосточного федерального университета. Они создают действенную платформу для углубления гуманитарного сотрудничества и прямого общения между молодым поколением Китая и России, внося вклад в укрепление дружественных отношений.

Литература

1. Ван Линлин, Лю Ле. Исследование распространения конфуцианской культуры на Дальнем Востоке // Теоретическое наблюдение. – 2022. – № 1. – С. 129–131.
2. Гао Фанфан. Обзор текущего состояния китайской культурной деятельности в Институте Конфуция Дальневосточного федерального университета России. – Хэйлунцзян: Хэйлунцзянский университет, 2024. – 94 с.
3. Кэвэнь Ван, Лига М.Б. Русская культура Харбина в российских и китайских исследованиях: компаративистский анализ // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 111–118.
4. Рисухина О.Н. Развитие культурных связей российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (середина 80-х гг. XX в. – начало XXI в.) // Россия и АТР. – 2014. – № 3. – С. 38–52.
5. Чэнь Цюйсюй, Лю Цзинлань. О культуре русских иммигрантов на Дальнем Востоке и ее влиянии на Харбин в XX веке // Журнал Яньбяньского университета. – 2020. – № 2. – С. 40–46.

FEATURES OF REGIONAL COOPERATION IN THE FIELD OF CULTURE (USING THE EXAMPLE OF THE FAR EAST AND NORTHEAST CHINA)

Jiang Haiyang
Far Eastern Federal University

The article presents an urgent problem – the diversity of interaction between the Russian and Chinese regions. Harbin, which was founded by Russian immigrants, was taken as an example illustrating the presented theses. For this reason, the author provides a brief description of cultural life in different historical periods, in particular, magazines that allow spreading national values in an accessible format, architectural structures associated with European culture, educational initiatives that allow everyone to learn. Another example presented in the article is the initiatives of the Far Eastern Federal University, as well as Confucius Institutes, which disseminate the basics of Confucian doctrine. The problems faced by representatives of both countries in building cultural cooperation are described, in particular, the problem of translating classical texts such as “Lun Yu”. To solve such problems, it is recommended to develop courses on Chinese culture.

Keywords: regional cooperation, culture, Russian-Chinese relations, Far East, northeastern provinces of China.

References

1. Wang Linlin, Liu Le. A study of the spread of Confucian culture in the Far East // Theoretical observation. – 2022. – No. 1. – Pp. 129–131.
2. Gao Fangfang. An overview of the current state of Chinese cultural activities at the Confucius Institute of the Far Eastern Federal University of Russia. – Heilongjiang: Heilongjiang University, 2024. – 94 p.
3. Kevin Wang, League M.B. Harbin’s Russian culture in Russian and Chinese studies: a comparative analysis // Bulletin of Zabaikal State University. – 2013. – No. 4. – Pp. 111–118.
4. Risukhina O.N. The development of cultural ties between the Russian Far East and Northeastern China (the mid-80s of the XX century – the beginning of the XXI century) // Russia and the Asia-Pacific Region. – 2014. – No. 3. – Pp. 38–52.
5. Chen Xu, Liu Jinglan. About the culture of Russian immigrants in the Far East and its influence on Harbin in the 20th century // Journal of Yanbian University. – 2020. – No. 2. – Pp. 40–46.

Механизмы «мягкой силы» запада в Кавказском регионе и их влияние на региональную безопасность

Ю Юйсинь,
магистрант институт иностранных языков, Московский Педагогический Государственный Университетс
E-mail: yuisin.yu@yandex.ru

В статье рассматриваются механизмы «мягкой силы», используемые западом (Европейский Союз, США, отдельные государства-члены) в кавказском регионе, и анализируется их влияние на региональную безопасность. Исследование посвящено комплексному анализу деятельности западных НПО, направленной на продвижение демократических ценностей и гражданских прав, оценке эффективности образовательных и культурных обменов в формировании прозападных настроений, а также анализу потенциала и ограничений экономического сотрудничества и инвестиций в контексте региональных конфликтов. Особое внимание уделяется выявлению противоречивого характера влияния «мягкой силы» Запада на политическую, экономическую и социокультурную ситуацию в регионе. На основе анализа научных публикаций, аналитических докладов и официальных документов оценивается воздействие «мягкой силы» на развитие демократических институтов, формирование общественного мнения, урегулирование конфликтов и общий уровень стабильности. В заключение, на основе проведённого анализа, статья предоставляет аналитическую основу для понимания комплексного и неоднозначного воздействия западной «мягкой силы», что является важным для оценки связанных с ней рисков и формирования ответственных стратегий региональными государствами и другими заинтересованными сторонами.

Ключевые слова: мягкая сила, Запад, Кавказ, региональная безопасность, НПО, демократия, образовательные обмены, культурные обмены, экономическое сотрудничество, конфликты.

Введение

Кавказский регион, расположенный на геополитическом пересечении Европы и Азии, традиционно является ареной столкновения интересов различных внешних акторов. В последние десятилетия, наряду с традиционными инструментами геополитического влияния, все большее значение приобретают механизмы «мягкой силы». Запад, в лице Европейского Союза, США и отдельных государств-членов, активно использует данный инструментарий для продвижения своих интересов в регионе. Понимание сущности и влияния «мягкой силы» Запада на Кавказе, а также ее воздействия на региональную безопасность, представляется крайне важным для адекватной оценки современной геополитической обстановки и разработки эффективной внешней политики.

Целью данного исследования является комплексный анализ механизмов «мягкой силы», применяемых западными акторами в кавказском регионе, и оценка их влияния на региональную безопасность. Актуальность исследования обусловлена усилением геополитической напряженности в мире, возрастанием роли невоенных инструментов влияния в международных отношениях, а также необходимостью выработки эффективных стратегий для защиты национальных интересов России в Кавказском регионе. В условиях нарастающего противостояния между Россией и Западом, понимание природы и масштабов западного влияния, способов его реализации и возможных последствий, представляется критически важным для разработки адекватных мер реагирования и обеспечения стабильности в регионе.

Научная новизна исследования заключается в комплексном подходе к изучению «мягкой силы» Запада в контексте кавказской региональной безопасности. В отличие от существующих работ, фокусирующихся на отдельных аспектах западного влияния, данное исследование предлагает целостную картину, рассматривая все ключевые механизмы «мягкой силы» в их взаимосвязи и взаимозависимости. Особое внимание уделяется анализу влияния деятельности западных НПО, образовательных и культурных программ, а также экономических проектов на политические процессы и общественное мнение в регионе.

Материалы и методы исследований

В качестве материалов исследования использовались научные публикации, аналитические доклады, официальные документы международных организаций и правительств западных стран, а также статистические данные. Методологическую основу исследования составляют методы системного анализа, сравнительного анализа, контент-анализа и кейс-стади. Анализ научных публикаций по теме позволил комплексно изучить влияние Запада на Кавказский регион, а также проанализировать возможности и ограничения «мягкой силы» в контексте региональных конфликтов.

Результаты и обсуждения

Институты гражданского общества играют ключевую роль в формировании демократических систем и обеспечении устойчивого развития государств. Они служат связующим звеном между гражданами и властью, обеспечивая площадку для выражения общественного мнения, защиты прав и свобод, а также контроля за деятельностью государственных органов. Продвижение демократических ценностей, таких как свобода слова, верховенство закона, равенство перед законом и уважение прав меньшинств, является неотъемлемым условием для построения открытого и справедливого общества. В этой связи, деятельность неправительственных организаций, сокращенно – НПО, приобретает особое значение, особенно в странах, переживающих переходные периоды или сталкивающихся с вызовами в области демократического строительства.

Западные НПО, благодаря своим ресурсам, опыту и экспертизе, зачастую играют заметную роль в поддержке развития институтов гражданского общества и продвижении демократических ценностей в различных регионах мира, в том числе и в кавказском регионе. Их деятельность может включать в себя широкий спектр направлений, таких как поддержка независимых СМИ, образовательные программы для молодежи, мониторинг выборов, юридическая помощь, защита прав человека, а также поддержка инициатив, направленных на укрепление местного самоуправления и развитие гражданской активности.

Однако, влияние западных НПО на развитие демократических процессов в кавказском регионе не является однозначным и прямолинейным. Существуют различные точки зрения на их роль, отражающие как положительные, так и отрицательные аспекты их деятельности. С одной стороны, западные НПО вносят значительный вклад в поддержку независимой журналистики, предоставляя финансовую и техническую помощь средствам массовой информации, освещающим актуальные социальные и политические проблемы. Они также организуют тренинги и семинары для журналистов, направленные на повышение их профессионального уровня и обучение принципам объективной и беспристрастной журналистики. Кроме того, западные НПО активно участвуют в мониторинге выборов, осуществляя независимое наблюдение за избирательным процессом и выявляя нарушения избирательного законодательства [7, с. 250–251]. Их отчеты и заключения, как правило, пользуются авторитетом в международном сообществе и служат основанием для оценки демократичности выборов.

С другой стороны, деятельность западных НПО часто подвергается критике со стороны властей и консервативных сил в странах кавказского региона. Их обвиняют во вмешательстве во внутренние дела, финансировании оппозиционных сил, продвижении чуждых ценностей и подрыве национальной идентичности. В некоторых странах были приняты законы, ограничивающие деятельность таких организаций, получающих иностранное финансирование, что фактически затрудняет работу западных организаций. Важно отметить, что в основе этой критики лежат не только политические мотивы, но и культурные различия. Думается, что ценности, которые западные НПО продвигают, такие как индивидуализм, толерантность к различным меньшинствам, равноправие, не всегда соответствуют традиционным ценностям, преобладающим в кавказском обществе. Следовательно, их деятельность может восприниматься как попытка навязать чуждые ценности и разрушить сложившийся уклад жизни.

Влияние западных НПО на развитие гражданского общества и продвижение демократических ценностей в кавказском регионе также зависит от эффективности их работы и степени доверия, которым они пользуются у населения. Если НПО действуют открыто и прозрачно, сотрудничают с местными организациями и учитывают местные условия, то их деятельность может принести положительные результаты [4, с. 740]. Однако, если они действуют скрытно, не учитывают местные особенности и не взаимодействуют с местными сообществами, то их деятельность может быть не только неэффективной, но и контрпродуктивной.

Таким образом, роль западных НПО в развитии гражданского общества и продвижении демократических ценностей в кавказском регионе является сложной и многогранной. С одной стороны, они вносят значительный вклад в поддержку независимой журналистики, мониторинг выборов и защиту прав человека. С другой стороны, они часто подвергаются критике со стороны властей и консервативных сил, которые видят в их деятельности угрозу национальной безопасности и культурной идентичности. Для того, чтобы их деятельность была эффективной и приносила пользу кавказскому региону, они должны действовать открыто и прозрачно, сотрудничать с местными организациями и учитывать местные условия. Важно также, чтобы западные НПО осознавали границы своей деятельности и не пытались навязать чуждые ценности, а стремились к конструктивному диалогу с местным населением и властями. Только в этом случае они смогут внести реальный вклад в развитие гражданского общества и продвижение демократических ценностей в кавказском регионе.

Образовательные и культурные обмены являются мощным инструментом «мягкой силы», позволяющим государствам формировать позитивное восприятие своей культуры и ценностей за рубежом. В кавказском регионе, где исторически сложились сложные геополитические отношения и переплетаются интересы различных внешних акторов, образовательные и культурные обмены играют особую роль в формировании мировоззрения молодежи и, как следствие, в определении ее политических и культурных предпочтений [9, с. 157]. Западные страны, в частности США и страны Европейского Союза, активно используют образовательные и культурные обмены как инструмент продвижения своих интересов и распространения либерально-демократических ценностей в регионе.

Основная цель западных образовательных и культурных программ заключается в формировании позитивного имиджа западной цивилизации, продвижении западных стандартов образования и культуры, а также создании сети лояльных к западу специалистов и лидеров общественного мнения. Молодежь, участвующая в этих программах, получает возможность познакомиться с западным образом жизни, системой образования, культурой и ценностями, что, в свою очередь, может привести к формированию прозападных настроений. Важно понимать, что формирование прозападных настроений среди молодежи не является однородным процессом и зависит от множества факторов, включая личные качества участников программ, их предшествующий опыт, социокультурный контекст, а также качество и содержание образовательных и культурных мероприятий.

Эффективность образовательных и культурных обменов в формировании прозападных настроений обусловлена несколькими ключевыми факторами. Во-первых, западные университеты и образовательные учреждения, как правило, предлагают более высокое качество образования, современные методики обучения и доступ к передовым технологиям. Это привлекает талантливую молодежь из кавказского региона, стремящуюся получить конкурентоспособное образование и расширить свои карьерные возможности [2, с. 155]. Во-вторых, культурные обмены позволяют молодежи познакомиться с западной культурой, искусством, музыкой и литературой, что способствует формированию позитивного восприятия западного образа жизни и ценностей. В-третьих, участие в международных образовательных и культурных программах расширяет кругозор молодежи, способствует развитию критического мышления и формированию толерантного отношения к другим культурам.

Вместе с тем, необходимо учитывать и потенциальные риски, связанные с образовательными и культурными обменами. Одностороннее увлечение западной культурой и ценностями может привести к утрате национальной идентичности и отчуждению от собственных культурных традиций. Кроме того, молодые люди, получившие западное образование, часто сталкиваются с трудностями при возвращении на родину, так как их знания и навыки не всегда востребованы на местном рынке труда. Это может приводить к «утечке мозгов» и усилению социальной напряженности. Кроме того, западные образовательные и культурные программы могут использоваться для продвижения определенных политических интересов и формирования лояльности к западным политическим элитам [1, с. 202]. Важно, чтобы образовательные и культурные обмены носили взаимовыгодный характер и способствовали укреплению сотрудничества между кавказским регионом и западными странами на основе взаимного уважения и учета интересов обеих сторон.

Экономическое сотрудничество и инвестиции представляют собой важный инструмент «мягкой силы», способный оказывать значительное влияние на политическую и социокультурную динамику в различных регионах мира. В контексте региональных конфликтов, особенно в таких сложных и многообразных регионах, как Кавказ, экономические взаимодействия становятся не только средством стимулирования экономического роста и развития, но и мощным фактором формирования политической стабильности, укрепления доверия и разрешения противоречий между конфликтующими сторонами. Однако, потенциал экономической «мягкой силы» в условиях региональных конфликтов сопряжен с рядом ограничений и рисков, которые необходимо учитывать при разработке и реализации соответствующих стратегий [3, с. 49].

Экономическое сотрудничество (торговля, инвестиции, совместные предприятия, помощь) формирует взаимозависимость, стимулирующую мирное урегулирование конфликтов, поскольку вооруженные столкновения подрывают экономические связи. Инвестиции в ключевые сектора способствуют созданию рабочих мест, повышению уровня жизни и снижению социальной напряженности, что уменьшает вероятность конфликтов. Также, экономическое сотрудничество часто продвигает демократические ценности через требования западных инвесторов о соблюдении прав человека и верховенства закона. Тем не менее, экономическая «мягкая сила» в конфликтном кавказском регионе имеет ограничения. Экономическое сотрудничество рискует стать инструментом политического давления. Неравномерное распределение выгод способно усилить социальную дифференциацию и спровоцировать новые конфликты. Иностранные инвестиции, особенно в странах с сильным национализмом, могут восприниматься как угроза экономической независимости. Коррупция и неэффективное управление нивелируют позитивные эффекты. Наконец, региональная нестабильность отпугивает инвесторов, препятствуя реализации потенциала этой «мягкой силы».

Кроме того, важно учитывать, что экономическое сотрудничество и инвестиции могут стать объектом геополитического соперничества между различными внешними участниками, стремящимися укрепить свое влияние в регионе. Конкуренция между различными экономическими проектами и инициативами может приводить к усилению напряженности и подрыву усилий по мирному урегулированию конфликтов [10, с. 2]. На наш взгляд, для того чтобы экономическое сотрудничество и инвестиции стали эффективным инструментом «мягкой силы» в контексте региональных конфликтов, необходимо учитывать все эти

ограничения и риски. Важно, чтобы экономические проекты и инициативы реализовывались на основе принципов прозрачности, взаимной выгоды и уважения суверенитета. Необходимо также бороться с коррупцией и обеспечивать справедливое распределение экономических выгод. Кроме того, необходимо стремиться к созданию благоприятного инвестиционного климата и укреплению политической стабильности в регионе. Наконец, необходимо избегать геополитического соперничества и стремиться к развитию многостороннего экономического сотрудничества с участием всех заинтересованных сторон.

В заключение, экономическое сотрудничество и инвестиции обладают значительным потенциалом в качестве инструмента «мягкой силы» в контексте региональных конфликтов. Однако, для того чтобы этот потенциал был реализован в полной мере, необходимо учитывать все ограничения и риски, связанные с экономическим взаимодействием в условиях нестабильности и геополитической напряженности [6, с. 58]. Только в этом случае экономическое сотрудничество и инвестиции могут способствовать укреплению мира, стабильности и процветания в регионе.

Россия, находясь в эпицентре геополитических процессов, перманентно испытывает на себе внешнее гуманитарно-информационное влияние со стороны Запада, которое, трансформируясь со временем, приобретает все более изощренные формы. Это влияние, охватывающее широкий спектр каналов – от культурно-образовательных обменов и деятельности некоммерческих организаций до информационных кампаний в СМИ и социальных сетях, направлено на продвижение западных ценностей, формирование определенного мнения о российской политике и, в конечном итоге, на изменение внутриполитической ситуации в стране.

Реакция России на данное влияние носит комплексный и многоуровневый характер, сочетая в себе как оборонительные, так и наступательные стратегии. На начальном этапе, после распада СССР, преобладала концепция открытости и интеграции в мировое сообщество, что предполагало активное участие в международных программах и проектах, в том числе в области культуры, образования и информации [5, с. 34]. Однако, по мере усиления геополитической конкуренции и осознания потенциальных угроз, связанных с некритическим восприятием западных нарративов, российская политика претерпела существенные изменения.

Россия активно использует инструменты публичной дипломатии для продвижения своего взгляда на мировые события и противодействия западной пропаганде. Это включает в себя деятельность таких медиаресурсов, как RT и Sputnik, которые транслируют альтернативную точку зрения на международные отношения и критически освещают внутреннюю политику западных стран. Кроме того, Россия активно участвует в международных форумах и площадках, где отстаивает свою позицию по ключевым вопросам глобальной повестки дня.

Россия также активно развивает сотрудничество с другими странами в целях противодействия информационному давлению со стороны Запада. Это включает в себя обмен опытом и технологиями, а также координацию действий на международных площадках [8, с. 64]. Странами-партнерами в этой области являются, в частности, Китай, Индия и другие страны БРИКС.

Важно отметить, что реакция России на внешнее гуманитарно-информационное влияние не сводится только к оборонительным мерам. Россия также активно продвигает собственную культуру и ценности за рубежом, участвует в гуманитарных проектах и оказывает помощь другим странам. Целью является создание многополярного мира, в котором различные цивилизации и культуры могут сосуществовать и сотрудничать на основе взаимоуважения и равноправия.

Выводы

В заключение, анализ механизмов «мягкой силы», применяемых западными акторами в кавказском регионе, выявил их многогранность и неоднозначное влияние на региональную безопасность. Институты гражданского общества, активно продвигаемые западными НПО, наряду с потенциальной позитивной ролью в развитии демократических процессов, могут стать инструментами политического влияния, создавая точки напряжения в отношениях между государствами региона и внешними акторами. Образовательные и культурные обмены, формируя прозападные настроения среди молодежи, оказывают долгосрочное воздействие на ценностные ориентиры и политическую ориентацию будущих поколений, что, в свою очередь, может приводить к фрагментации общества и усилению внутренней политической нестабильности.

Экономическое сотрудничество и инвестиции, несмотря на свой потенциал для экономического развития региона, сопряжены с определенными рисками. Зависимость от западных инвестиций может ограничивать суверенитет государств региона в принятии самостоятельных экономических решений, а также создавать благоприятную почву для реализации политических интересов западных акторов.

В контексте региональных конфликтов, механизмы «мягкой силы» могут как способствовать урегулированию, так и усугублять противоречия. Продвижение демократических ценностей, зачастую, не учитывает специфические особенности исторического и культурного развития кавказских государств, что может приводить к неприятию и отторжению западных моделей. Поддержка отдельных политических сил и движений также способна дестабилизировать внутриполитическую ситуацию и провоцировать конфликты.

Таким образом, «мягкая сила» Запада в кавказском регионе представляет собой сложный и противоречивый феномен, требующий тщательного анализа и взвешенного подхода. Важно учитывать потенциальные риски и негативные последствия, связанные с реализацией западных стратегий, и принимать меры по обеспечению национальных интересов и укреплению региональной безопасности. В дальнейшем, необходимо сосредоточиться на развитии собственных инструментов «мягкой силы», основанных на уважении к суверенитету и культурному многообразию кавказских государств, а также на продвижении взаимовыгодного сотрудничества и укреплении доверия между странами региона. Ключевым аспектом является укрепление национальной идентичности и патриотического воспитания молодежи, что позволит обеспечить устойчивость к внешнему идеологическому воздействию и сохранить самобытность кавказской цивилизации.

Литература

1. Денисова Г.С., Уланов В.П. Русские на Северном Кавказе: анализ трансформации социо-культурного статуса. Ростов-на-Дону, 2003. 352 с.
2.. Велиханова Т.Т. Деятельность М.Т. Лорис-Меликова в Дербенте // Вопросы истории. № 5, 2009 г., С. 153–156.
3. Величко Л.Н. Политика «Мягкой силы» Турции в регионе Южного Кавказа (1991–2002 гг.): проблемы реализации // Гуманитарные и юридические исследования, 2016 г. С. 44–51.
4. Давыдова Т.Т. Значение армянской общины в вопросах самоуправления Дагестанской областью // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10. № 4 (61). С. 736–740.
5. Давыдова Т.Т. Национальное самосознание и «матрешечная» идентичность лезгин // В сборнике: Феномены медиа: социокультурная и философская реальность. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Санкт-Петербург, 2024. С. 32–36.
6. Левшина О.Н., Давыдова Т.Т. «Американские корни сибирского сепаратизма» // Социология. 2024. № 12. С. 58–60.
7. Маркедонов С.М. Процесс нормализации армяно-турецких отношений: проблемы, вызовы, перспективы // Вестник РГГУ. 2012. № 7 (87). С. 245–257.
8. Минаков, А.В. Системные проблемы управления бюджетно-налоговой системой при обеспечении экономической безопасности страны / А.В. Минаков // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. – Т. 7, № 12(105). – С. 61–65.
9. Уразова Е.И. Экономическая активность Турции в Кавказско-Центральноазиатском регионе // Турция в условиях новых внутренних и внешних реалий: сборник статей. М.: ИВ РАН, 2010. С. 156–170.
10. Энеев Д.О. Интересы западных стран на Северном Кавказе как угроза национальной безопасности России // Вестник евразийской науки, 2014 г. С. 1–10.

THE MECHANISMS OF THE WEST'S "SOFT POWER" IN THE CAUCASUS AND THEIR IMPACT ON REGIONAL SECURITY

Yu Yuxin
Moscow Pedagogical State University

The article examines the mechanisms of "soft power" used by the West (the European Union, the United States, and individual member states) in the Caucasus region and analyzes their impact on regional security. The study focuses on a comprehensive analysis of the activities of Western NGOs aimed at promoting democratic values and civil rights, evaluating the effectiveness of educational and cultural exchanges in shaping pro-Western attitudes, and analyzing the potential and limitations of economic cooperation and investment in the context of regional conflicts. Special attention is paid to identifying the contradictory nature of the West's soft power influence on the political, economic, and socio-cultural situation in the region. Finally, based on the analysis conducted, the article provides an analytical basis for understanding the complex and contradictory impact of Western soft power, which is crucial for assessing its associated risks and for the formulation of responsible strategies by regional states and other stakeholders.

Keywords: soft power, the West, the Caucasus, regional security, NGOs, democracy, educational exchanges, cultural exchanges, economic cooperation, conflicts.

References

1. Denisova G.S., Ulanov V.P. Russians in the North Caucasus: Analysis of the Transformation of Socio-Cultural Status. Rostov-on-Don, 2003. 352 p.

2. Velikhanova T.T. Activities of M.T. Loris-Melikov in Derbent // Voprosy istorii. No. 5, 2009, Pp. 153–156.

3. Velichko, L.N. Turkey's Soft Power Policy in the South Caucasus Region (1991–2002): Challenges of Implementation. Humanitarian and Legal Research, 2016, Pp. 44–51.

4. Davydova, T.T. The Role of the Armenian Community in the Self-Government of the Dagestan Region. Issues of National and Federal Relations. 2020. Vol. 10. No. 4 (61). Pp. 736–740.

5. Davydova T.T. National Identity and the "Matryoshka" Identity of the Lezghins // In the collection: Media Phenomena: Sociocultural and Philosophical Reality. Materials of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation. St. Petersburg, 2024. Pp. 32–36.

6. Levshina O.N., Davydova T.T. "The American Roots of Siberian Separatism" // Sociology. 2024. No. 12. Pp. 58–60.

7. Markedonov S.M. The Process of Normalization of Armenian-Turkish Relations: Problems, Challenges, and Prospects // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. 2012. No. 7 (87). Pp. 245–257.

8. Minakov, A.V. Systemic Problems of Managing the Budgetary and Tax System in Ensuring the Country's Economic Security / A.V. Minakov // National Interests: Priorities and Security. 2011. Vol. 7, No. 12(105). Pp. 61–65.

9. Urazova E.I. Economic activity of Turkey in the Caucasus-Central Asian region // Turkey in the context of new internal and external realities: a collection of articles. Moscow: IV RAS, 2010. Pp. 156–170.

10. Eneev D.O. Interests Western countries in the North Caucasus as a threat to Russia's national security // Bulletin of Eurasian Science, 2014, Pp. 1–10.

Исследование эволюции феминистского сознания в китайской и русской литературе XIX века с точки зрения регионоведения

Юй Хаоюэ,
магистр, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 1669895275@qq.com

Цай Вэй,
доцент, Синьцзяньский педагогический университет
E-mail: 554535896@qq.com

В статье проводится сравнительный анализ эволюции женского сознания в китайской и русской литературе XIX века с позиций регионоведения, интегрирующего изучение социального контекста, культурных традиций и литературной репрезентации. Целью исследования является выявление общих закономерностей и национальной специфики в репрезентации женских образов и становлении женской субъектности в двух различных цивилизационных контекстах: России периода отмены крепостного права и Китая эпохи поздней Цин. На материале ключевых произведений русской (Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.С. Пушкин) и китайской (Цао Сюэцинь, Ли Жучжэнь) классики показано, что литература в обоих случаях выполняла функцию социальной критики и катализатора гендерного пробуждения. Установлено, что в русской литературе доминирующим вектором стало стремление к личностному самоопределению и преодолению сословных барьеров, тогда как в китайской внутренний протест и критика патриархальных основ феодальной семьи. Результаты исследования подтверждают продуктивность регионоведческого подхода для кросс-культурного литературоведческого анализа и раскрывают механизмы взаимодействия литературы и гендерных процессов в эпоху модернизации.

Ключевые слова: женское сознание, сравнительное литературоведение, регионоведение, русская литература XIX века, китайская литература XIX века.

Введение

XIX столетие ознаменовалось глубокими социально-историческими трансформациями как в Китае, так и в России, что нашло яркое отражение в литературном творчестве обеих стран. В этот период формирование и эволюция женского сознания становятся одной из ключевых тем, позволяющих анализировать не только положение женщины в обществе, но и более широкие культурные, идеологические и ценностные сдвиги. Сравнительное изучение репрезентации женского образа и сознания в китайской и русской литературе XIX века через призму регионоведения представляет значительный научный интерес, поскольку позволяет выявить общие закономерности и национально-специфические особенности в контексте различных культурных традиций и моделей социального развития.

Китай эпохи поздней Цин и Россия периода отмены крепостного права и последующего капиталистического развития демонстрируют разные траектории модернизации, что напрямую влияло на возможности и формы выражения женской субъектности. В литературе это проявилось в создании ярких, многогранных женских характеров от страдающих жертв социальных обстоятельств до бунтарок, стремящихся к личной свободе и самореализации. Русская литература (на примере произведений Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.С. Пушкина)и китайская литература (в творчестве Цао Сюэциня, Ли Жучжэня и других) предлагают богатый материал для кросс-культурного анализа.

Целью данного исследования является комплексный сравнительный анализ эволюции феминистского сознания в китайской и русской литературе XIX века в рамках методологии регионоведения. В работе ставится задача выявить и сопоставить доминирующие типы женских образов, факторы (социальные, культурные, идеологические), обусловившие их специфику, а также проследить, как литература отражала и одновременно формировала запрос на изменение статуса женщины. Теоретическая значимость исследования заключается в углублении понимания механизмов взаимодействия литературы, культуры и социальных изменений в сравнительной перспективе. Практическая ценность работы связана с возможностью применения её выводов в рамках компаративных литературных, культурологических и гендерных исследований.

Изображение женских персонажей в китайской и русской литературе XIX века

Любовь и брак являются повторяющимися темами в русских литературных произведениях, причем женское сознание в этих сферах проявляет разнообразные характеристики. В китайской литературе XIX века женское сознание в основном проявлялось в виде сопротивления и критики феодализма.

Женские персонажи, изображенные в русской литературе XIX века, отличаются удивительным богатством и разнообразием. Одну категорию составляют страдающие персонажи, подвергающиеся угнетению, такие как Соня в романе Достоевского «Преступление и наказание». из-за семейных обстоятельств была вынуждена заняться проституцией. Живя на самом нижнем уровне общества, она терпела как физические, так и душевные мучения, но сохранила свою врожденную доброту и стойкость. Другая категория это бунтарки, стремившиеся к любви и свободе, примером которых является Анна Каренина, классический женский персонаж из романа Льва Толстого. В поисках настоящей любви смело разбив оковы социальной морали и традиционных условностей. Она развелась с мужем и полностью посвятила себя роману с Вронским. Однако поступки Анны были встречены осуждением и остракизмом со стороны общества; двери высшего общества захлопнулись перед ней, и даже ее собственная семья порвала с ней отношения. Хотя Вронский глубоко любил Анну, со временем он тоже поддался давлению общества, и его чувства к ней постепенно охладели. Для Анны в ее положении вопрос развода стал вопросом жизни и смерти [1]. В одиночестве и отчаянии Анна в конце концов решила броситься под поезд, положив конец своей молодой и красивой жизни. Эти женские персонажи с разных сторон отражают реалии российского общества XIX века и судьбу женщин, став классическими фигурами в истории мировой литературы.

В XIX веке Китай находился в позднем периоде династии Цин, когда феодализм накладывал чрезвычайно строгие ограничения на мысли и поведение людей, причем женщины несли на себе основную тяжесть этого гнета. В литературных произведениях этой эпохи изображались многочисленные женские персонажи, одним из архетипов которых была стойкая приверженность традиционным феодальным ценностям. Роман Цао Сюэцина «Сон в красном тереме» глубоко иллюстрирует феодальное угнетение женщин. Линь Дайю, женщина с исключительным талантом и тонкой чувствительностью, обнаружила, что ее любовь не может свободно процветать в рамках феодальной семьи. Связанная феодальными ограничениями, она не могла выразить свое стремление к любви и была обречена на жизнь в одиночестве и меланхолии. Эта беспомощная борьба отражает слабое и растерянное сознание китайских женщин XIX века, подвергавшихся феодальному угнетению. Хотя большинство женщин в Китае XIX века терпели феодальное угнетение, в некоторых литературных произведениях прослеживаются зарождающиеся признаки пробуждения женского сознания. Одни из них изображали независимых и талантливых женщин, таких как многочисленные блестящие, самостоятельные женские персонажи в «Цветы в зеркале» Ли Жучжэня. Другие изображали трагических, несчастных персонажей, таких как лисицы-духи или женские призраки в «Ляочжай-чжи-и», некоторые из которых были поглощены обидой из-за неразделенной любви, а другие были несправедливо убиты в результате преследований. Изображение этих женских персонажей отражает сомнения авторов в отношении традиционных патриархальных представлений, а также воплощает зарождающееся в XIX веке в китайском женском сознании стремление к равным правам и самоуважению.

Влияние социальных преобразований и культурного контекста на женское сознание в литературных произведениях Китая и России XIX века

Российская литература XIX века процветала под влиянием социальных преобразований и волны интеллектуального просвещения. В этот период российская литература отражала глубокие изменения в российском обществе и оказывала далеко идущее влияние на женское сознание. Влияние литературной традиции и культурной атмосферы России XIX века на женское сознание имело сложные и многогранные характеристики, отражая как традиционные взгляды общества на роль женщины, так и постепенное пробуждение и трансформацию женского сознания.

Незавершенная реформа крепостного права 1861 года в конечном итоге стала лишь реформой социальной системы [2]. В XIX веке Россия прошла путь от отмены крепостного права до зарождения капитализма, пережив глубокие потрясения и преобразования как в социальной структуре, так и в идеологических концепциях. Угнетение женщин было вызвано в первую очередь социальными условиями, ограничивавшими их действия надстройкой. Они не могли или не хотели бросить вызов авторитарному царскому режиму, в результате чего их усилия не получили широкой поддержки или признания общества. Только новые образованные женщины могли участвовать в этой революции, в то время как женщины, находившиеся на самой нижней ступени общества, оставались в плену жизни в темноте. В результате практическое развитие феминизма в конечном итоге зашло в тупик [3].

В русском обществе XIX века господствовала патриархальная культура, которая отводила женщинам подчиненное положение как в семье, так и в обществе в целом. Этот культурный фон оказал глубокое влияние на изображение женских персонажей в литературных произведениях. Феномен поклонения женщинам, присутствующий в русской культуре, означал, что в литературе женщинам часто отводились освященные и искупительные роли. Это сложное изображение женских персонажей отражало традиционные представления российского общества о женщинах, одновременно показывая постепенное пробуждение женского сознания.

В XIX веке китайское общество претерпело глубокие изменения. Аграрная социально-экономическая структура древнего Китая привела к тому, что женщины занимали относительно низкое положение. В результате женщины в традиционном китайском обществе, как правило, зависели от мужчин, что приводило к значительному перекосу в распределении социальных ресурсов в пользу мужчин. Женщины постепенно теряли свои позиции в различных сферах общества, их статус неуклонно снижался [4]. Литературные достижения, социальные потрясения и интеллектуальное просвещение в эту эпоху оказали глубокое влияние на женское сознание. В то время как традиционный конфуцианство и феодализм продолжали налагать строгие ограничения на женщин, волны социальных преобразований и интеллектуального пробуждения одновременно создавали возможности для появления женского сознания.

Однако, несмотря на это зарождающееся пробуждение, традиционные представления о превосходстве мужчин оставались глубоко укоренившимися, а социальные ограничения в отношении женщин оставались строгими. В семье женщины по-прежнему занимали подчиненное положение, их автономия в браке была ограничена, а социальные стандарты их оценки не претерпели существенных изменений. Женские персонажи «Сон в красном тереме» воплощают сущность традиционной китайской культуры. Их приверженность традиционным семейным ценностям, таким как сыновняя почтительность и приличие, отражает основные принципы древнекитайской мысли. Одновременно эти женские персонажи раскрывают ожидания и определения роли женщин в традиционной китайской культуре [5]. Изучение этих персонажей дает глубокое понимание сущности и системы ценностей традиционной китайской культуры. Столкновение этих традиционных представлений с новыми идеями привело к сложной траектории пробуждения женского сознания. С одной стороны, женщины достигли первых успехов в таких областях, как мышление, образование и участие в общественной жизни. С другой стороны, ограничения традиционных верований сделали их путь к пробуждению полным трудностей и вызовов.

Анализ сходств и различий в женском сознании в литературных произведениях Китая и России XIX века

В XIX веке литературные произведения обеих стран использовали женское сознание в качестве отправной точки, изображая трудности и борьбу женщин в обществе. Эти произведения критиковали господствующую социальную несправедливость и иррациональность, одновременно выражая горячее стремление к преобразованию общества, тем самым закладывая идеологическую основу для последующих женских освободительных движений. Тем не менее, различия сохранялись из-за различий в социальном контексте и культурных корнях. Культурные основы и социальная среда двух стран различались, что привело к различиям в сущности, стадии развития и формах выражения женского сознания.

Китайская и русская литература XIX века глубоко раскрывала страдания и несчастья, которые испытывали женщины в обществе. Русская литература изображала женщин из низших слоев общества, показывая их борьбу в условиях бедности, угнетения и неравенства. XIX век стал переломным периодом социальных преобразований и интеллектуального пробуждения для обеих стран. Этот социальный контекст способствовал зарождению женского сознания в литературе обеих стран. Через создание женских персонажей эти произведения изображали борьбу и сопротивление женщин социальному угнетению, одновременно высказывая критику социальной несправедливости и выражая стремление к переменам.

Литературные произведения Китая и России XIX века несли в себе сильную функцию социальной критики. Женское сознание часто служило основным инструментом для осуждения социальной несправедливости и иррациональности. Рассмотрение этих произведений через призму женского сознания позволило выявить более глубокие социальные проблемы и выразить стремление к социальным преобразованиям [6]. В русской литературе роман «Преступление и наказание» критикует социальное неравенство и искажение человеческой природы через изображение подчиненного положения женщин. Через образ Сони Достоевский выражает сочувствие к женщинам, находящимся на обочине общества, одновременно разоблачая его темные стороны и разврат. В китайской литературе «Сон в красном тереме» критикует жестокость и иррациональность феодализма через изображение трагической судьбы женщин в феодальных семьях. Линь Дайю и Сюэ Баочай являются наиболее представительными женскими персонажами в этом романе. Линь Дайю, несмотря на свой исключительный талант, подвергается двойному мучению эмоциональному и физическому под гнетом феодального угнетения и встречает преждевременную смерть. Через этих женских персонажей Цао Сюэцинь глубоко раскрыл угнетение женщин в условиях феодализма, выразив глубокое сочувствие их бедственному положению.

В русской литературе XIX века женское сознание было глубоко сформировано культурными влияниями. Даже Пушкин, который создал любимые женские персонажи в своих романах и написал любовные стихи, покорившие поколения россиян, в основном подходил к женщинам через призму мужского мировоззрения. Этот культурный фон наделил женских персонажей в русской литературе особым моральным измерением и символическим значением. Возьмем, к примеру, Татьяну из «Евгения Онегина»: она была наделена почти девственным сиянием, олицетворяя любовь и искупление. Хотя этот контекст повышал моральный авторитет женщин, он одновременно ограни-

чивал их социальные роли. Китайские литературные представления о женственности, находившиеся под глубоким влиянием феодализма, преимущественно включали такие архетипы, как добродетельная жена и мать или талантливая ученый-женщина. Эта культурная среда привела к тому, что женское сознание в китайской литературе раскрывалось в основном через сопротивление и критику феодализма. Такие персонажи, как Линь Дайю и Сюэ Баочай в «Сон в красном тереме», демонстрируют женский талант, одновременно раскрывая ограничения, налагаемые феодальным обществом.

На общественном уровне Россия XIX века пережила глубокие потрясения. Просветительская мысль и влияние западной культуры подтолкнули общественные идеи к освобождению и обновлению, создав относительно благоприятные условия для пробуждения женского сознания. В условиях этих общественных преобразований русские женщины постепенно обретали все больше прав и возможностей, неуклонно укрепляя свое самосознание и независимость. В отличие от этого, китайское общество XIX века оставалось в рамках феодального правления. Темпы социальных преобразований и интеллектуального просвещения были сравнительно медленными, что делало путь женщин к самосознанию и стремлению к свободе полным трудностей и испытаний. Трагедия женщин в древнем Китае была неразрывно связана с утратой их прав, а вся история их страданий проистекала из брачной системы, установленной в рамках патриархальных институтов. Хотя некоторые женщины получили большее социальное признание и возможности для самовыражения благодаря литературной деятельности и общественной активности, их способность к сопротивлению оставалась сильно ограниченной феодальными ограничениями.

Развитие женского сознания в русской литературе XIX века имело разнообразные черты. В культурном контексте появлялись образы святости и благородства, а на фоне социальных преобразований возникали образы самосознания такие, как Соня в «Преступлении и наказании» и Анна в «Анне Карениной». Трагедия Анны заключалась в том, что она не смогла существовать как независимая, полноценная личность, а жила как женщина, сформированная под влиянием культуры, в которой доминировали мужчины. Их образы раскрывают женскую стойкость и доброту, одновременно отражая стремление женщин к правам и статусу. Траектория развития женского сознания в России в основном проявлялась в стремлении к самоопределению и борьбе с социальным неравенством. Эволюция женского сознания в китайской литературе в основном разворачивалась через сопротивление и критику феодализма. Возьмем, к примеру, Линь Дайю и Сюэ Баочай из «Сон в красном тереме»: их образы раскрывают женский талант и бунтарский дух, а также отражают размышления женщин о своей судьбе и их борьбу с феодальными ограничениями [7]. Таким образом, траектория развития китайского женского сознания более очевидна в рассмотрении личной судьбы и неповиновении феодальным структурам.

Развитие женского сознания в русской литературе XIX века имело разнообразные черты. В культурном контексте появлялись образы святости и благородства, а на фоне социальных преобразований возникали образы самосознания такие, как Соня в «Преступлении и наказании» и Анна в «Анне Карениной». Трагедия Анны заключалась в том, что она не смогла существовать как независимая, полноценная личность, а жила как женщина, сформированная под влиянием культуры, в которой доминировали мужчины [8]. Их образы раскрывают женскую стойкость и доброту, одновременно отражая стремление женщин к правам и статусу. Траектория развития женского сознания в России в основном проявлялась в стремлении к самоопределению и борьбе с социальным неравенством. Эволюция женского сознания в китайской литературе в основном разворачивалась через сопротивление и критику феодализма. Возьмем, к примеру, Линь Дайю и Сюэ Баочай из «Сна в красном тереме»: их образы раскрывают женский талант и бунтарский дух, а также отражают размышления женщин о своей судьбе и их борьбу с феодальными ограничениями. Таким образом, траектория развития китайского женского сознания более очевидна в рассмотрении личной судьбы и неповиновении феодальным структурам.

Заключение

Проведенное сравнительное исследование эволюции женского сознания в китайской и русской литературе XIX века в рамках регионоведческого подхода позволяет сделать ряд значимых выводов. Анализ подтвердил, что литература обеих стран в данный период стала не только зеркалом социальных трансформаций, но и активной силой в формировании запроса на изменение положения женщины. Несмотря на различие исторических траекторий Россия в пореформенный период и Китай в эпоху поздней Цин в литературах обоих народов наблюдаются общие тенденции: от изображения женщины как пассивной жертвы обстоятельств к постепенному формированию образов, наделенных субъектностью, рефлексией и стремлением к личной и социальной эмансипации.Ключевое различие заключается в доминирующих векторах выражения этого сознания. В русской литературе, под влиянием интенсивных социальных потрясений и западного просветительства, женское сознание чаще проявлялось в стремлении к личностному самоопределению, любви как экзистенциальной ценности и борьбе с сословным неравенством (образы Анны Карениной, Сони Мармеладовой). В китайской литературе, остававшейся в контексте феодальных структур, пробуждение женского сознания выражалось преимущественно через внутренний протест, критику патриархальных устоев и трагическое осознание несвободы в рамках традиционной семьи (образы Линь Дайю, Сюэ Баочай). Культурный контекст сочетание патриархальности с поклонением женскому началу в России и жесткие рамки конфуцианской морали в Китае наложил отпечаток на символическое и моральное измерение женских персонажей.

Таким образом, исследование демонстрирует, что регионоведческий подход, интегрирующий анализ социального контекста, культурных кодов и литературной репрезентации, является плодотворным для кросс-культурных компаративных исследований. Оно не только углубляет понимание национальной специфики, но и выявляет универсальные механизмы взаимодействия литературы и гендерного сознания в эпоху модернизации. Полученные результаты могут служить основой для дальнейших изысканий в области сравнительного литературоведения, культурологии и гендерной истории.

Литература

1. Толстой Л.Н. Анна Каренина. Тяньцзинь: Издательство Тяньцзиньского народного издательства, 2019. С. 67–90.

2. Чжан Ваньюй. Предварительное сравнительное исследование типов характеров в «Анне Карениной» и «Сон в красном тереме» // Журнал Тайаньского педагогического института. 2000. № 2. С. 32–34.

3. Ли Дань. Исследование русского женского освободительного движения с 1861 по 1917 год // Хэйлунцзянская академия социальных наук. 2010. № 1. С. 12–45.

4. Оу Лицзюань. Большой взгляд на Красный терем 1: Лекции Оу Лицзюаня о «Сне в красном тереме». Пекин: Издательство Пекинского университета, 2017. С. 147–149.

5. Го Инуо. Столкновение и интеграция женских образов в «Сон в красном тереме» с современностью // Литература Чжунъюань. 2024. № 14. С. 48–50.

6. Линь Цзинхуа. Правда о женской литературе в России – исследование русской женской литературы профессора Келли из Славологии Оксфордского университета // Зарубежные социальные науки. 2020. № 4. С. 125.

7. Лю Цзюань. Анализ женских образов и социального статуса в «Сон в красном тереме» // Известные произведения. 2025. № 1. С. 70–72.

8. Ян Явэнь. Интерпретация традиционного русского романа «Анна Каренина» с женской точки зрения // Молодые писатели. 2024. № 6. С. 187–189.

A STUDY ON THE EVOLUTION OF FEMALE CONSCIOUSNESS IN 19TH-CENTURY CHINESE AND RUSSIAN LITERATURE FROM THE PERSPECTIVE OF AREA STUDIES

Yu haoyue, Cai Wei
Xinjiang Normal University

This article provides a comparative analysis of the evolution of female consciousness in 19th-century Chinese and Russian literature from the perspective of regional studies, integrating the study of social context, cultural traditions, and literary representation. The aim of the study is to identify common patterns and national specificities in the representation of female images and the development of female subjectivity in two distinct civilizational contexts: Russia during the abolition of serfdom and China during the late Qing era. Using key works by Russian (Fyodor Dostoevsky, Leo Tolstoy, Alexander Pushkin) and Chinese (Cao Xueqin, Li Ruzhen) classics, it is shown that literature in both contexts served as a form of social critique and a catalyst for gender awakening. It is established that in Russian literature, the dominant vector was the desire for personal self-determination and the overcoming of class barriers, while in Chinese literature, it was internal protest and criticism of the patriarchal foundations of the feudal family. The study's results confirm the usefulness of the regional studies approach for cross-cultural literary analysis and reveal the mechanisms of interaction between literature and gender processes in the era of modernization.

Keywords: female consciousness, comparative literature, regional studies, 19th-century Russian literature, 19th-century Chinese literature.

References

1. Tolstoy, L.N. Anna Karenina. Tianjin: Tianjin People's Publishing House, 2019. Pp. 67–90.
2. Zhang Wanyu. A Preliminary Comparative Study of Character Types in Anna Karenina and Dream of the Red Chamber // Journal of Tai'an Normal Institute. 2000. No. 2. Pp. 32–34.
3. Li Dan. A Study of the Russian Women's Liberation Movement from 1861 to 1917 // Heilongjiang Academy of Social Sciences. 2010. No. 1. Pp. 12–45.
4. Ou Lijuan. A Long Look at the Red Chamber 1: Ou Lijuan's Lectures on Dream of the Red Chamber. Beijing: Peking University Press, 2017. Pp. 147–149.
5. Guo Yinguo. The Clash and Integration of Female Images in "Dream of the Red Chamber" with Modernity // Zhongyuan Literature. 2024. No. 14. Pp. 48–50.
6. Lin Jinghua. The Truth about Women's Literature in Russia: A Study of Russian Women's Literature by Professor Kelly of the Slavic Studies Department at Oxford University // Foreign Social Sciences. 2020. No. 4. p. 125.
7. Liu Juan. Analysis of Female Images and Social Status in "Dream of the Red Chamber" // Famous Works. 2025. No. 1. Pp. 70–72.
8. Yang Yawen. Interpretation of the Traditional Russian Novel "Anna Karenina" from a Female Point of View // Young Writers. 2024. No. 6. P. 187–189.

«Русский Мир» глазами граждан Республики Индии, изучающих русский язык

Бабаева Анастасия Валентиновна,
кандидат философских наук, декан факультета гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: dff1890@yandex.ru

Маринина Юлия Анатольевна,
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской и зарубежной филологии ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: umarinina@gmail.com

Макарова Александра Олеговна,
старший преподаватель кафедры философии и общественных наук ФГБОУ ВО «Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина»
E-mail: schatten2014@mail.ru

Статья посвящена вопросам восприятия феномена «русский мир» гражданами Республики Индии. Данная проблематика значима не только в свете актуализации экономических и политических связей Республики Индии и Российской Федерации, но и в свете той задачи, которая ставится нашим государством перед российскими вузами, а именно – экспорте российского образования. Авторы делают акцент на роли русского языка в деле продвижения русской культуры, а, следовательно, и ценностей Русского мира за рубежом. Предпринимается попытка посредством эмпирических данных обобщить представления о Русском мире у изучающих русский язык в индийских вузах. Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что граждане Республики Индии воспринимают концепт «русским мир» исключительно в культурологическом ключе, т.е. вне экономических и политических смыслов.

Ключевые слова: русский язык, Республика Индия, обучающиеся, ценности, Русский мир

Введение

Феномен «русский мир» в социокультурном и политическом дискурсах современной России был актуализирован в начале 2000-х годов. Сам концепт имеет глубокие исторические корни: встречается уже в текстах средневековой Руси [1,2]. Достаточно широкое распространение данная номинация получила в XIX столетии, при этом среди многообразия значений наиболее расхожей оказалась семантика, связанная со спецификой русского мировоззрения, формировавшегося в пространстве «неотмирных», жертвенных идеалов православия, мощной державной государственности, а также в контексте практики «евразийского» освоения новых земель при сохранении их этно-культурного своеобразия на основании культурной доминанты русскости.

За долгий период своего существования семантическое наполнение номинации «русский мир» неоднократно расширялось, благодаря чему была создана целая палитра смыслов: от чисто религиозных, что зафиксировано текстами XI–XVII вв., политических коннотаций, возникших в XIX веке благодаря творчеству историка Н.И. Костомарова [3], использовавшего данный концепт для обоснования федеративного устройства Древнерусского государства и, наконец, до цивилизационного значения, окончательно закрепленного в концепции евразийства первой половины прошлого столетия.

Современная ревизия концепта «русский мир», состоявшаяся на стыке XX–XXI веков, происходила в непростых для нашей страны условиях постперестроечного периода. Для России во внутреннем контуре этот этап был связан с поиском национальной идентичности, выработкой общей стратегии развития как общества, так и государства. Во внешней политике это время для России тоже оказалось тяжелым, поскольку стране тогда пришлось отстаивать целостность и жизненность самого государственного образования и в целом позиции на международной арене. В этих условиях рамочность концепции «русского мира» помогла обеспечить решение как внутренних противоречий, наполнив традиционными для русской культуры смыслами отечественные социальные практики, так и внятно сформулировать задачи внешней политики Российской Федерации среди мирового сообщества.

Параллельно с процессом «оживления» номинации «русский мир» в 1999 году был принят закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ – закон, который зафиксировал необходимость оказание помощи и поддержки со стороны российского государства тем, кто в разные исторические эпохи выехал за пределами Российской Федерации, но, несмотря ни на что, чувствует сопричастность истории и культуре нашей страны до сих пор. Позднее, в 2007 Президентом РФ с целью реализации стратегии поддержки соотечественников – и, шире, продвижения отечественной культуры за рубежом – был создан фонд Русский мир, целями которого считаются продвижение русского языка как языка международного общения и русской культуры в качестве механизма повышения значимости Российской Федерации в мире.

По мнению В.А. Тишкова, в политическом дискурсе концепт «русский мир» прочно утвердился именно в связи с развитием стратегии консолидации соотечественников [4], однако буквально в течение десятилетия концепт уже использовался в качестве базового понятия для обоснования внешнеполитической доктрины Российской Федерации. Так, в «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной в марте 2023 года, номинация «русский мир» встречается дважды, при этом Россия декларируется в качестве ядра Русского мира.

Раскрытие политического содержания номинации «русский мир» можно встретить в речи Президента Российской Федерации В.В. Путина, произнесенной на Всемирном народном соборе в конце 2023 года: «Русский мир – это все поколения наших предков и наши потомки, которые будут жить после нас. Русский мир – это Древняя Русь, Московское царство, Российская империя, Советский Союз, это современная Россия, которая возвращает, укрепляет и умножает свой суверенитет как мировая держава. Русский мир объединяет всех, кто чувствует духовную связь с нашей Родиной, кто считает себя носителем русского языка, истории, культуры независимо даже от национальной или религиозной принадлежности» [http://www.kremlin.ru/events/president/

transcripts/comminity_meetings/page/8]. Таким образом, в рамках политического дискурса Русский мир предстает как мировая держава (вне зависимости от формы организации власти), объединяющая представителей разных этно-религиозных сообществ – все тех, кто осознает себя носителем русского языка и приверженцем русской культуры. Означенная позиция является одним из вариантов ответов на ключевые вопросы, обозначившиеся еще на рубеже XX и XXI веков: кого следует считать соотечественником и по каким параметрам должна определяться связь с русской культурой.

Методы

Итак, в течение первых десятилетий XXI века вопросы о приверженности человека русской культуре постепенно перешли в дискуссии о гражданстве и принадлежности к Русскому миру – и, следовательно, обладанию специфической цивилизационной российской идентичностью. Изменение нормативной базы, обострение внешнеполитической ситуации и внутренние нестроения – все это породило бурные дискуссии о роли русского языка, во-первых, в определении статуса принадлежности к русскости и Русскому миру; во-вторых, для прояснения позиций языка в деле сохранения отечественной культуры как части мирового культурного процесса. В этом отношении обозначилось несколько позиций.

Позиция первая, назовем ее условно, лингво-семиотической, декларирует, что русский язык является основополагающим маркером, фиксирующим принадлежность к Русскому миру и цементирующим российскую идентичность. Поскольку в рамках данной позиции язык представляется чем-то вроде символического контейнера, аккумулирующего национальные смыслы и бережно охраняющего их, постольку именно на данный фактор фокусировали свое внимание такие исследователи, как П. Щедровицкий [5], А. Громыко [6].

Вторая позиция, условно ее можно обозначить как социокультурную, заключается в том, что русский язык является одним из индикаторов русскости наряду с православием и русской культурой. Этой точки зрения придерживаются, например, академик В.А. Тишков [4], председатель правления фонда «Русский мир» В.А. Никонов [7]. Сторонники данной позиции полагают, что язык хоть и важен в процессе идентификации человека с Русским миром, однако единственным параметром рассматриваться не может.

Третья точка зрения, которую можно охарактеризовать как мировоззренческий подход, заключается в том, что русский язык не коррелируется с Русским миром так таковым, поскольку можно говорить на русском языке и при этом стремиться полностью разорвать связь с отечественной традицией и, наоборот, чувствоваться сопричастность культуре и истории России и при этом не знать русского языка. Наиболее авторитетным представителем похода является Святейший Патриарх Кирилл, полагающий, что определяющее значение в процессе установления

принадлежности к Русскому миру занимает мировоззрение, т.е. осознание единства исторической судьбы, общности духовно-нравственных ценностей, иными словами, культура и традиция, базирующиеся на фундаменте православия [8].

Скорее всего, самой взвешенной позицией следует рассматривать «срединный путь», согласно которому русский язык – это один из важнейших, но далеко не единственный индикатор принадлежности к Русскому миру.

Кстати, результатом общественной полемики по статусу русского языка стало принятие закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части защиты русского языка от чрезмерного использования иностранных слов» от 28.06.2025 N 168-ФЗ. Сам Закон вступает в силу с 1 марта 2026 года. Он постулирует, что русский язык является не только инструментом сохранения и трансляции исторической памяти, но и объектом культурного наследия.

Кроме означенного, следует указать, что в результате общественных дискуссий была сформирована еще одна позиция в отношении русского языка: его стали рассматривать как инструмент «мягкой силы» российского государства [9]. И это неслучайно: именно русский язык способствует укреплению единства многонационального народа Российской Федерации. Однако и за пределами нашего государства русский язык также реализует интегративную функцию, и в первую очередь работает на сплочение соотечественников, живущих в разных уголках мира. Для представителей же иных стран и культур знание русского языка предоставляет возможность приобщения к достижениям в области русской и мировой культуры, в том числе к научным и технологическим открытиям.

Нельзя забывать и о том, что изучение русского языка делает возможным получение образования в российских вузах. Иностранные обучающиеся, получившие специальность в России, увозят в свои страны не только диплом, но и теплые воспоминания о студенческих годах, а также социальные связи, зародившиеся в период обучения. Так формируется положительный образ России, который впоследствии работает на укрепление дружеских связей нашей страны с другими государствами.

Обобщая сказанное выше, подчеркнем, что продвижение русского языка и русской культуры, а следовательно, и ценностей Русского мира за рубежом становится важной задачей отечественных вузов, занимающихся экспортом российского образования. В случае, когда иностранные обучающиеся приезжают в Россию для получения образования, подобная работа выстраивается преимущественно в рамках лингвокультуральной адаптации. Когда же речь заходит о работе вузов за пределами Российской Федерации, то в первую очередь понимается первичное знакомство иностранных граждан с русским языком и самыми значимыми достижениями отечественной культуры.

Результаты и обсуждения

Разрабатывая программы первичного знакомства с русской традицией, важно понимать, каким образом граждане иных стран воспринимают сам феномен «русского мира». Это необходимо, чтобы грамотно подобрать контент, верно «подсветить» достижения Русского мира, а при необходимости аккуратно «сгладить углы». В этой связи в рамках государственного знания была разработана авторская анкета, целью которой стал сбор материалов, позволяющих составить представление, в какой степени граждане Республики Индия знакомы с номинацией «русский мир» и информированы о сути данной концепции, а также выявлении тех коннотаций, которыми в отношении данной номинации обладают слушатели элективных курсов по русистике.

В анкетировании, посвященном понятию «русский мир», приняли участие студенты, магистранты, аспиранты, преподаватели разных университетов Индии (университета имени Джавахарлала Неру, Делийского университета, Университета Джамия Миллия Исламия и других). В числе респондентов оказались преподаватели русского языка и русской литературы, студенты, изучающие русскую филологию (будущие лингвисты, переводчики, преподаватели русского языка), т.е. каждый из них уже имеет некоторое представление о нашей стране, русском языке и русской культуре.

В опросе приняли участие студенты разных курсов. Для первокурсников, изучающих русский язык только два-два с половиной месяца, анкета была переведена на английский язык. Для остальных респондентов была предложена анкета на русском языке. В анкетировании приняли участия респонденты разных возрастов от 18 до 40 лет. По гендерному признаку большую часть опрошенных (73%) составили мужчины.

Уже первичный анализ результатов показал, что все респонденты знакомы с выражением «русский мир», однако понимают его по-разному.

В первую очередь отметим ту часть опрошенных – их численность составила 15%, которая связывает предложенное словосочетание с деятельностью фонда «Русский мир» и с проектами, которые реализуются Фондом в поддержку русского языка и русской культуры за рубежом. Таким образом, меньшая часть опрошенных склона трактовать словосочетание узко, как реализацию культурных и просветительских проектов за рубежом.

Чуть большая часть, 20%, респондентов сосредоточилась в своем анализе номинации «русский мир» на проблеме этно-национального характера. Их размышления касались широкой темы русскости. 1/5 опрошенных считает, что русский человек не обязательно должен являться славянином, на этом основании респонденты разводят понятия «русский человек» как носитель русской культуры и русский как представитель национальности в этническом смысле, при этом они отождествляют такие понятия, как «россиянин», «гражданин России» и «русский». В этом отношении гражданственность Русского мира означает приверженность русским традициям и ценностям, что составляет суть культурологического подхода к трактовке феномена «русский мир».

Следует отметить, что восприятие «русского мира» среди индийских студентов и индийских коллег отличается широтой интерпретации и большинство опрошенных затрудняются четко описать рассматриваемый феномен. Так, некоторые склоны отождествлять Русский мир с культурой и историей России – с непосредственными творцами и носителями, но не с сочувствующими. Есть респонденты (их незначительная часть), которые рассматривают феномен как выходящий за непосредственные территориальные границы России. Правда, в этом случае опрошенные воспринимают Русский мир как ментальный конструкт; в этом случае Русский мир объединяет всех, кто интересуется русским языком, русской культурой в любой точке мира. Рассматри-

вая Русский мир как трансграничный феномен, сторонники этой точки зрения акцент делают на изучении русского языка, посредством чего и происходит погружение в традицию

В анкете был вопрос, предлагавший озвучить ассоциации, возникающие у респондентов с понятием «русский мир». Ассоциативные ряды оказались разнообразными. При этом мы не можем не учитывать, что в анкетировании отражена специфическая выборка, т.е. люди, профессия которых так или иначе связана/будет связана с Россией и русским языком, поэтому круг сведений о России, представленный респондентами, оказался достаточно широким:

– Берёзы до неба. Пахнет тёплым хлебом.
– Ночь, костёр, гитара. «Катюша», «Подмосковные вечера» – и сердце поёт.
– Бабушкин платок, самовар дымит, варенье малиновое блестит.
– Где-то ребёнок слышит «Калинку» – и ножка сама идёт в пляс.
– На полке – Пушкин, Достоевский, Чехов. Рядом навсегда.
– Чайковский, Рахманинов, балет – и весь мир тихо замирает.
– От Балтики до Тихого – русская речь и тёплое «заходи, накормим».
– Новый год. Мандарины, «Ирония судьбы», одна улыбка на миллионы сердец.
– Так и живёт русский мир – в запахе хлеба, в песне, в добром «заходи». Тихо, тепло и навсегда.

Примечательно, что последняя ассоциация – это ассоциация преподавателя (анкета не была анонимной), который никогда не был в России.

В целом, как мы видим, в фокусе респондентов в отношении России оказывается русская культура, куда относятся классическая литература и музыкальное искусство, отечественный кинематограф, советские песни и русский балет. А качестве экзотики, респонденты отмечают, – празднование Нового года с мандаринами. Сюда же следует отнести, российские просторы и покой с тишиной. Акцент также делается на русском гостеприимстве, хлебе, самоваре, малиновом варенье. Перед нами выстраивается целый спектр культурных феноменов-символов, с которыми жители Индии ассоциируют нашу страну. И здесь нет религии, нет атрибутики державности, государственности, что выносит за скобки политические коннотации.

Обращает на себя внимание и тот факт, что многие из опрошенных знают о романе Л.Н. Толстого «Война и мир», пытаются передать палитру значения слова «мир», трактовка которых традиционно относится к пониманию названия романа. Следует отметить, что с романом Л.Н. Толстого индийские студенты знакомятся обзорно, но все-таки знают о нем и о его содержании.

Отметим, что для многих опрошенных представление о русском мире оказалось связанным и с российской системой образования. Вполне возможно, что это обусловлено и работой фонда «Русский мир», и деятельностью Россотрудничества, Русского дома, предлагающих образовательные программы в России, подкрепленные стипендиями.

Интересным показалось следующее обстоятельство: несмотря на хорошую осведомленность о наиболее крупных, топовых вузах РФ, у студентов и аспирантов есть представление о российских педагогических вузах и об основных направлениях подготовки, связанных с педагогикой. Это обращает на себя внимание, поскольку в Индии педагогические вузы почти отсутствуют, и русский язык в них не изучается.

Идея продолжения образования в другой стране, без акцента на Россию, получает разный отклик. Так, 20% опрошенных на вопрос о наличии желания получить образование заграницей категорически отвечают «Нет». Однако такой вариант ответа более свойственен преподавателям, уже имеющим ученую степень, а также семью, работу в Дели. Большая часть опрошенных не исключают возможность учебы в другой стране, в том числе и в России. Таким образом, для большинства Россия является страной, где они хотели бы продолжить образование, пройти программы повышения квалификации и т.д., но это, конечно, обусловлено непосредственным профессиональным интересом: изучением русской культуры, литературы, русского языка.

Выводы

Итак, обобщая все выше сказанное, приходим к выводу, что жители Республики Индии Русский мир склоны воспринимать преимущественно в качестве культурного проекта. Перечисленные ассоциации респондентов никоим образом не связаны с политикой или дипломатией, во всяком случае с официальной дипломатией. Здесь на первый план выходит, скорее, дипломатия «народная», при этом рисуемый образ России дышит покоем и дружелюбием – он исключительно положительный. Русский язык в восприятии граждан Республики Индии по умолчанию рассматривается как инструмент знакомства с русской культурой, однако зачастую не ради самой культуры, а как источник профессионального, карьерного роста, поэтому его ценность – это, по большей части, прагматическая, утилитарная ценность.

Полученные данные оказываются очень важными, поскольку демонстрируемое респондентами восприятие, действительно, располагает к общению, приглашает к сотрудничеству. Однако, что обращает на себя внимание, что в ассоциациях граждан Индии есть Россия, но нет персонифицированного ее представителя – нет русского человека, его характеристик, специфических черт, зато есть география, культура (вклад в мировую культуру), еда и ощущения от страны. Конечно, выборку для составления более объективной картины необходимо расширять, но если полученные результаты принять за основу, то, получается, что знакомство с Россией и Русским миром (обучение русистике) в Республике Индия необходимо выстраивать по текущему сценарию: география России, ее культура, гастрономические особенности и русская культура и ментальность.

Литература

1. «Слово на обновление Десятинной церкви», или к истории почитания святителя Климента Римского в Древней Руси / А.В. Назаренко.-Москва: Свято-Екатерининский мужской монастырь; Брюссель: Архив русской эмиграции. 2013.
2. Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу, черноризцу Печерскому / Киево-Печерский патерик. СПб.: Наука, 1997. – Т. 4: XII век. Подготовка текста Л.А. Ольшевской, перевод Л.А. Дмитриева.
3. Костомаров Н.И. Мысли о федеративном начале в древней Руси // Исторические монографии и исследования Николая Костомарова. – Изд. 2-е. – СПб.: Типография А. Траншеля, 1872. – Т. 1. – С. 1–49.
4. Тишков В.А. Русский мир: Смысл и стратегия России // Повестка дня для России: Аналитические материалы Фонда «Единство во имя России» за 2007–2008 годы. М.: Форум, 2009. – С. 185–203.
5. Щедровицкий П.Г. Русский мир и транснациональное русское / Антология русской философии. М.: Изд-во «Сенсор», 2000. С. 374–388.
6. Громыко А. Русский мир: понятие, принципы, ценности, структура// https://russkiymir.ru/publications/190922/
7. Никонов В.А. Не воспоминания о прошлом, а мечта о будущем // Смыслы и ценности Русского мира. Сборник статей и материалов круглых столов, организованных фондом «Русский мир». М., 2010. С. 4–14.
8. Бабаева А.В. Русский язык в пространстве Русского мира: от определения статуса к постулированию заботы // Философская мысль. 2024. № 11. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.11.71859 EDN: MFFQHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71859
9. Малеев А.А. Национальный язык как инструмент мягкой силы России // Политика и общество. 2017. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-yazyk-kak-instrument-myagkoy-sily-rossii

"RUSSIAN WORLD" THROUGH THE EYES OF CITIZENS OF THE REPUBLIC OF INDIA, WHO STUDY RUSSIAN

Babaeva A.V., Marinina Y.A., Makarova A.O.
Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Minin University)

The article is devoted to the issues of perception of the phenomenon of "Russian world" by citizens of the Republic of India. This issue is significant not only in the light of the actualization of economic and political ties between the Republic of India and the Russian Federation, but also in the light of the task that our state sets for Russian universities, namely, the export of Russian education. Russian Russian language is emphasized by the authors in promoting Russian culture and, consequently, the values of the Russian world abroad. Russian Russian language learners in Indian universities are attempting to generalize their understanding of the Russian world through empirical data. The analysis of the data obtained allows us to conclude that the citizens of the Republic of India perceive the concept of "Russian world" exclusively in a culturological way, i.e. beyond economic and political meanings.

Keywords: Russian language, Republic of India, students, values, the Russian world

References

1. "The Word for the Renewal of the Tithe Church," or on the History of the veneration of St. Clement of Rome in Ancient Russia. 2013. Moscow: St. Catherine's Monastery; Brussels: Archive of Russian Emigration.
2. Epistle of the Humble Bishop Simon of Vladimir and Suzdal to Polycarp, chernorizets of Pechersk / Kievo-Pechersk paterik. St. Petersburg: Nauka, 1997. – Vol. 4: XII century. Text preparation by L.A. Olshevskaya, translation by L.A. Dmitriev.
3. Kostomarov N.I. Thoughts on the federal beginning in ancient Russia. Historical monographs and research by Nikolai Kostomarov. 1872; (1): 1–49. St. Petersburg: A. Tranchel Printing House.

4. Tishkov V.A. The Russian world: The Meaning and strategy of Russia // Agenda for Russia: Russian Russian Foundation analytical materials for 2007–2008. Moscow: Forum. 2009: 185–203.

5. Shchedrovitsky P.G. The Russian world and transnational Russian / Anthology of Russian Philosophy. Moscow: Publishing house "Sensor". 2000: 374–388.

6. Gromyko A. The Russian world: concept, principles, values, structure. URL: https://russkiymir.ru/publications/190922/ (date of access: 10.11.2025)

7. Nikonov V.A. Not memories of the past, but a dream of the future // Meanings and values of the Russian world. Russian Russian Language in the space of the Russian World: from defining status to postulating care. Collection of articles and materials of round tables organized by the Russkiy Mir Foundation. Moscow, 2010: 4–14.

8. Babaeva A.V. Russian language in the space of the Russian World: from defining status to postulating care. Philosophical Thought. 2024 (11). URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71859 (date of access: 20.11.2025)

9. Maleev A.A. The national language as an instrument of Russia's soft power. Politics and society. 2017 (3). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/natsionalnyy-yazyk-kak-instrument-myagkoy-sily-rossii (date of access: 11.11.2025)

План Маттеи: критические аспекты реализации

Саканин Роман Александрович,
аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Статья посвящена анализу критических аспектов реализации инициативы «План Маттеи». На основе комплексного анализа официальной документации и практических результатов реализации проектов выявляются противоречия между риторикой плана в отношении миграционной политики и её фактическим содержанием в проектах, а также потенциальных рисках воспроизведения экстрактивистских паттернов в сельскохозяйственных и инфраструктурных инициативах.

Ключевые слова: План Маттеи, Италия, Африка, внешняя политика, развивающееся сотрудничество, экономическая дипломатия, устойчивое развитие, миграция, экстрактивизм.

Инициатива «План Маттеи» представляет собой важный сдвиг в подходе Европейского союза и, в частности, Италии к африканской политике в условиях глубоких геополитических трансформаций. Объявленная в инаугурационной речи премьер-министра Джорджии Мелони в октябре 2022 года, инициатива получила официальную формализацию и запуск на конференции «Италия-Африка» в январе 2024 года (Алексеенкова Е.С., 2024:32).

Одна из центральных составляющих риторики плана это утверждение о предоставлении африканскому населению «права не эмигрировать» (diritto a non migrare). Премьер-министр Мелони неоднократно ссылалась на это положение, как на ключевую цель инициативы, опираясь на озабоченность итальянского электората проблемой миграции через Средиземное море (Шибкова М.О. 2025:63).

Однако детальный анализ структуры и содержания плана выявляет существенный разрыв между политической риторикой и действительным наполнением инициативы. Ни один из пяти основных столпов плана, ни даже конкретные реализуемые проекты не сосредоточены прямо на решении миграционных проблем. Более того, большинство стран-партнёров плана (за исключением Туниса, Египта и Кот-д›Ивуара) не являются существенными странами происхождения или транзита мигрантов, направляющихся в Италию. Даже в отношении указанных трёх стран не удаётся установить чёткую причинно-следственную связь между конкретными проектами плана и сокращением миграционных потоков.

Миграционная политика Италии регулируется параллельно через иные механизмы: Миграционный пакт ЕС и Римский процесс (Шогунц Н.Н, 2022: 144). Таким образом, позиционирование Плана Маттеи как инструмента противодействия миграции следует рассматривать скорее как форму политического брендинга, нежели как отражение реального содержания инициативы.

Несмотря на декларируемые принципы ненасильственного партнёрства, анализ конкретных проектов выявляет ряд случаев, когда структура инициатив может воспроизводить классические экстрактивистские модели.

Железнодорожный коридор Лобито является примером такого проекта. Проект соединения железнодорожной сети Анголы, Демократической Республики Конго и Замбии позиционируется как инфраструктурное решение для диверсификации экспорта и регионального развития (https://www.esteri.it). Однако в текущей конфигурации проект функционирует в основном как система вывоза сырьевых материалов (в первую очередь медь и кобальт) из внутренних регионов к портам на побережье для последующего экспорта. Этот функционал воспроизводит исторические модели колониальной эксплуатации, когда инфраструктура строилась исключительно для вывоза природных ресурсов. Для превращения коридора из экстрактивистского проекта в инструмент подлинного развития необходимо обеспечить развитие местной переработки и добавления стоимости, создание региональных цепочек поставок, беспрепятственный двусторонний трафик товаров. В настоящий момент эти условия не выполняются, что ставит под сомнение соответствие проекта заявленным принципам плана.

Два сельскохозяйственных проекта вызвали озабоченность, как среди итальянского парламента, так и среди международных НКО.

В Алжире проект Bonifiche Ferraresi International (BFI) предусматривает возделывание 36 тысяч гектаров засушливых земель под выращивание сухих зернобобовых культур, полностью предназначенных для внутреннего потребления. Позитивный аспект этого проекта – это ориентация на внутреннее потребление и укрепление продовольственной безопасности Алжира, который в 2023 году была на 71,5% зависим от импорта этих культур. Проект предусматривает передачу технологий, обучение местных специалистов и развитие инфраструктуры.

Тем не менее, НПО Crocevia критикует данный проект за недостаточное учёта местных систем знаний и потенциальное воздействие на долгосрочную устойчивость (https://www.focsiv.it). Вследствие ограниченности публично доступных данных о ходе реализации, сложно дать окончательную оценку эффективности и справедливости проекта.

В Кении проект ENI по производству биотоплива из касторового масла, реализуемый на 200 тысячах гектаров деградировавшей земли, представляет собой еще более сложный случай. Проект направлен на поддержку национальной стратегии развития биоэнергетики и может создать рабочие места для 4 тысяч фермеров. Однако отчёты

о практической реализации выявили случаи потерь для местных фермеров и неполной интеграции в процесс принятия решений (https://valori.it/).

Критическим пробелом является то, что клещевина, используемая для переработки в касторовое масло, в текущей конфигурации проекта экспортируется в Италию для переработки, что исключает Кению из получения добавленной стоимости, воспроизводя классическую модель экстрактивизма. Хотя проведены технико-экономические исследования по строительству перерабатывающего завода в Кении, текущая модель оставляет местной экономике лишь первичное производство, что не соответствует целям плана по созданию полноценного экономического партнёрства.

План Маттеи не развивается изолированно, а встраивается в более широкую стратегию Европейского союза. Наиболее значимой является синхронизация с инициативой Global Gateway, представляющей собой амбициозный европейский проект инфраструктурных инвестиций в Глобальном Юге. Масштаб Global Gateway значительно превосходит План Маттеи: только в Северной Африке инвестиции ЕС в 2021–2024 годах составили 1,9 млрд евро, что превышает треть всего бюджета Плана Маттеи на континент (https://ilcaffegeopolitico.net).

Интеграция двух инициатив обеспечивает синергию на нескольких уровнях: на первом, расширение доступных финансовых ресурсов и возможностей масштабирования, на втором, усиление репутационного эффекта через позиционирование как европейского противовеса китайской инициативе «Пояс и путь». Однако такая интеграция также создаёт риск потери специфичности и растворения итальянской инициативы в более крупной европейской структуре.

Итальянское правительство намеренно позиционирует План Маттеи, как средство конкуренции с Китаем и восстановления европейского влияния в Африке. Ключевой элемент этого позиционирования – утверждение о более справедливом и менее эксплуататорском подходе, чем инициатива «Пояс и путь», и о большей конкретности, чем традиционные европейские программы развития (Tattara G.).

Однако прямое сравнение с китайским подходом может быть методологически проблематичным, поскольку основано скорее на идеологических предпосылках, нежели на эмпирическом анализе результатов. Кроме того, критика экстрактивистских практик требует пристального мониторинга самих проектов Плана Маттеи, что в настоящий момент затруднено ограниченным доступом к детальной информации о реализации и результатах.

План Маттеи представляет собой попытку переосмысления роли Италии в европейской и мировой политике. Для правительства Мелони инициатива выполняет несколько функций, одна из которых – укрепление позиции Италии как важного европейского актора. В условиях ослабления влияния других европейских держав в Африке и возрастающей роли неевропейских акторов, Италия стремится заполнить образовавшийся вакуум. Второй функцией Плана Маттеи является реализация националистической программы через позиционирование итальянских интересов, как центральных в африканской политике ЕС. Это соответствует более широкой внешнеполитической философии Мелони, акцентирующей национальные интересы и суверенитет. Также использование африканской политики как площадки для демонстрации компетентности правого правительства в области международных отношений, противопоставляя свой подход предыдущим администрациям.

Ну и в завершении, План Маттеи служит для выстраивание мостов с другими политическими акторами на внутренней арене, разделяющими озабоченность по поводу миграции и безопасности, что усиливает внутриполитическое значение инициативы.

План Маттеи содержит ряд элементов, способных оказать подлинное позитивное воздействие на евроафриканское сотрудничество. Консолидация ранее фрагментированных инициатив обеспечивает значительно большую стратегическую согласованность и позволяет избежать распыления ресурсов, характеризовавшего предыдущие подходы итальянской внешней политики. Прагматический подход к отбору проектов, базирующийся на реальных компетенциях и возможностях Италии, существенно повышает вероятность успешной реализации и создаёт более реалистичные ожидания для африканских партнёров. Вовлечение африканских государств в процесс определения приоритетов, хотя и остающееся до сих пор ограниченным в масштабах и влиянии, тем не менее создаёт качественно новую платформу для более инклюзивного и диалогического взаимодействия, отличающую План от традиционных европейских моделей развития сотрудничества. Кроме того, акцент инициативы на зелёной энергетике, устойчивом сельском хозяйстве и экологических аспектах развития полностью соответствует глобальным климатическим приоритетам и повестке дня Организации Объединённых Наций в области устойчивого развития, что потенциально позволяет План встроиться в более широкие международные рамки.

План Маттеи представляет собой значимую попытку переосмысления итальянской политики в Африке и европейского присутствия на континенте в более широком смысле. Инициатива демонстрирует определённый уход от ранее характерной фрагментированности в пользу стратегической консолидации, а также попытку баланса между прагматизмом и нормативными принципами. Однако статус инициативы остаётся переходным. Несмотря на первоначальный импульс и расширение географического охвата, план ещё не доказал свою способность трансформировать евроафриканские отношения.

Успех реализации Плана Маттеи в долгосрочной перспективе зависит от решения ряда взаимосвязанных задач. Прежде всего, необходима мобилизация дополнительных финансовых ресурсов, поскольку текущий бюджет в 5,5 млрд евро, хотя и значительный, требует существенного пополнения для достижения подлинного трансформационного воздействия на африканские экономики и демонстрации конкурентоспособности европейского подхода в сравнении с глобальными инициативами других акторов. Одновременно требуется расширение институциональной вовлечённости за счёт более активной интеграции специализированных агентств развития, научно-исследовательских организаций и неправительственных организаций, обладающих глубокой экспертизой и наземным присутствием, при условии сохранения политической воли и стратегического руководства со стороны центральных органов власти. Критически важным является внедрение систем мониторинга и регулярной оценки практической реализации проектов с точки зрения их соответствия заявленным нормативным принципам плана, что позволит своевременно вносить необходимые корректировки и предотвращать дрейф от исходных целей. Для защиты от рисков воспроизведения экстрактивистских моделей требуется внедрение жёсткого регулирования и многоуровневого контроля на всех стадиях реализации проектов, включая участие независимых аудиторов, международных экспертов и представителей местных сообществ. Наконец, долгосрочный успех возможен лишь при условии глубокой интеграции Плана Маттеи в более широкие многосторонние инициативы, включая инициативы Европейского союза (Global Gateway), программы «Большой семёрки» (PGII) и другие международные форумы, что позволит развить синергии, избежать дублирования и укрепить коллективное европейское присутствие и влияние на африканском континенте.

План Маттеи служит важным индикатором эволюции глобального геополитического ландшафта и стремления традиционных европейских держав восстановить своё влияние в Африке. Как инструмент внешней политики, инициатива обладает потенциалом как для позитивного воздействия, так и для воспроизведения устаревших паттернов зависимости. Определяющий фактор будет заключаться в способности Италии и более широкой европейской системы преобразовать риторику партнёрства в подлинно справедливые и долгосрочные экономические отношения с африканскими странами.

Литература

1. Алексеенкова Е.С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность // Современная Европа. 2024. № 6. С. 32–44.
2. Шибкова М.О. Африканский вектор внешней политики Италии: цели и задачи // Мировая экономика и международные отношения. – 2025. – Т. 69, № 7. – С. 62–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-62-72
3. Шогунц Н.Н. Горизонтальное сотрудничество в управлении миграцией в Европейском союзе // Современная Европа. – 2022. – № 5. – С. 142–154. DOI: 10.31249/she/2022.05.
4. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Repubblica Democratica del Congo, il Corridoio di Lobito [Электронный ресурс]. – 2025. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/diplomazia-economica/2024/09/repubblica-democratica-del-congo-il-corridoio- (дата обращения: 20.11.2025).
5. FOCSIV. Il Piano Mattei per la cooperazione con l'Africa // FOCSIV. – 2024. – URL: https://www.focsiv.it/il-piano-mattei-per-la-cooperazione-con-lafrica/ (дата обращения: 20.11.2025).
6. Il piano di Eni in Africa per la produzione di biocarburanti è fermo // Valori.it. – 12 мая 2025. – URL: https://valori.it/transport-environment-eni-biocarburanti-africa/ (дата обращения: 20.11.2025).
7. Il vertice Piano Mattei – Global Gateway // Il Caffè Geopolitico. – 25 июня 2025. – URL: https://ilcaffegeopolitico.net/999256/il-vertice-piano-mattei-global-gateway (дата обращения: 20.11.2025).
8. Tattara G. Il piano Mattei e l'Africa // Esodo. – 22 января 2025. – URL: https://www.esodoassociazione.it/site/index.php/i-nostri-temi/restiamo-umani/775-il-piano-mattei-e-lafrica (дата обращения: 20.11.2025).

MATTEI PLAN: CRITICAL ASPECTS OF IMPLEMENTATION

Sakanin R.A.
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation»

This article analyzes critical aspects of the Mattei Plan initiative. Based on a comprehensive analysis of the official documentation and the practical results of the implementation of projects, contradictions are revealed between the rhetoric of the plan regarding migration policy and its actual content in projects, as well as the potential risks of reproducing extractivist patterns in agricultural and infrastructure initiatives.

Keywords: Mattei Plan, Italy, Africa, foreign policy, developing cooperation, economic diplomacy, sustainable development, migration, extractivism.

References

1. Alekseenkova E.S. Discursive Strategies of Italy in the "Greater Mediterranean" and Africa: Novelty and Continuity // Modern Europe. 2024. No. 6. Pp. 32–44.

2. Shibkova M.O. African Vector of Italy's Foreign Policy: Goals and Objectives // World Economy and International Relations. – 2025. – Vol. 69, No. 7. – Pp. 62–72. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-7-62-72

3. Shogunts N.N. Horizontal Cooperation in Migration Management in the European Union // Modern Europe. – 2022. – No. 5. – Pp. 142–154. DOI: 10.31249/she/2022.05.

4. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Repubblica Democratica del Congo, il Corridoio di Lobito [Electronic resource]. – 2025. URL: https://www.esteri.it/it/sala_stampa/archivionotizie/diplomazia-economica/2024/09/repubblica-democratica-del-congo-il-corridoio- (access date: 11.20.2025).

5. FOCSIV. Il Piano Mattei per la cooperazione con l'Africa // FOCSIV. – 2024. – URL: https://www.focsiv.it/il-piano-mattei-per-la-cooperazione-con-lafrica/ (access date: 11/20/2025).

6. Il piano di Eni in Africa per la produzione di biocarburanti è fermo // Valori.it. – May 12, 2025. – URL: https://valori.it/transport-environment-eni-biocarburanti-africa/ (access date: 11/20/2025).

7. Il vertice Piano Mattei – Global Gateway // Il Caffè Geopolitico. – June 25, 2025. – URL: https://ilcaffegeopolitico.net/999256/il-vertice-piano-mattei-global-gateway (date of access: November 20, 2025).

8. Tattara G. Il piano Mattei e l'Africa // Esodo. – January 22, 2025. – URL: https://www.esodoassociazione.it/site/index.php/i-nostri-temi/restiamo-umani/775-il-piano-mattei-e-lafrica (date of access: November 20, 2025).